
Николай
Петрович
ДУБИНИН

и
XX
век

Николай Петрович ДУБИНИН

и XX
век

*«Отстоять право науки на ее
существование наперекор всему и всем,
в том числе и сильным мира сего –
это подвиг, который потомство
Вам не забудет...»*

В.Д. Захарченко, писатель. Москва

НАУКА

НАУКА

Николай
Петрович
ДУБИНИН

И
XX
век

НАУКА

Николай Петрович
ДУБИНИН

И XX
век

НАУКА

Дубинин

*«На долю нашего поколения выпала жестокая битва за науку,
и мы боролись не зря».*

Из книги академика Н.П. Дубинина
“Вечное движение”. Изд. 2-е. М., 1975 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ
им. Н.И. ВАВИЛОВА
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-КАБИНЕТ
АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VAVILOV INSTITUTE OF GENERAL GENETICS
ACADEMICIAN DUBININ'S MUSEUM

Nikolai Petrovich
DUBININ
and the **20th** century

**Contemporaries about
the life and activities
Letters. Materials. Memoirs**

In commemoration of the 100th birthday

MOSCOW NAUKA 2006

Николай Петрович
ДУБИНИН
и XX век

**Современники о жизни
и деятельности**
Письма. Материалы. Воспоминания

К 100-летию со дня рождения

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 575
ББК 28.04
Д79

Составители:

кандидат биологических наук Л.Г. ДУБИНИНА,
И.Н. ОВЧИННИКОВА

Ответственные редакторы:

член-корреспондент РАН А.А. ЖУЧЕНКО,
академик РАСХН Л.К. ЭРНСТ

Рецензенты:

академик РАСХН Л.К. ЭРНСТ,
доктор биологических наук, профессор Н.П. ЛУКАШЕНКО

Николай Петрович Дубинин и XX век : современники о жизни и деятельности : письма, материалы, воспоминания : к 100-летию со дня рождения / сост. Л.Г. Дубинина, И.Н. Овчинникова ; [отв. ред. А.А. Жученко, Л.К. Эрнст] ; Ин-т общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. – М. : Наука, 2006. – 746 с. – ISBN 5-02-033701-3 (в пер.).

Книга посвящена выдающемуся ученому-биологу, генетику, академику, Герою Социалистического Труда Николаю Петровичу Дубинину и приурочена к 100-летию со дня его рождения. Н.П. Дубинин – крупный организатор науки, основоположник многих направлений. С его именем и организуемыми и возглавляемыми им коллективами связаны взлет и расцвет генетики в 30–40-е годы, ее возрождение и развитие в нашей стране во второй половине XX века. Книга лишена авторского вымысла и максимально документирована – содержит ссылки на более чем 500 документов, представляя собой источник исторической информации. В ней представлены воспоминания соратников, учеников, близких и друзей, людей самых разных специальностей и социального положения, которые отражают многогранную жизнь и деятельность этого замечательного и удивительного человека. Книга включает поэтические произведения самого Н.П. Дубинина и посвящения ему.

Для широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-107

Nikolai Petrovich Dubinin and the 20th century: Contemporaries about his life and activity : letters, materials and recollections. To his birthday centenary / Comp. by L.G. Dubinina, I.N. Ovchinnikova ; [Ed. by A.A. Zhuchenko, L.K. Ernst] ; Vavilov Institute of General Genetics. – Moscow : Nauka, 2006. – 746 p. – ISBN 5-02-033701-3 (in cloth).

The book is dedicated to an outstanding scientist, biologist, geneticist, academician, Hero of Socialist Labour N.P. Dubinin in connection with the commemoration of his 100th birthday. Dubinin was a prominent organizer of science and the founder of many scientific disciplines. His name and the collectives organized and headed by him are associated with the rapid advance and flourishing of genetics in the 30–40s, its revival and development in our country in the second half of the 20th century. The book is maximally documented and contains more than 500 references, thus being a source of historical information. The book includes memoirs of his colleagues in science, disciples, relatives and friends, people of different specialities and social status illustrating the many-sided life and activities of this remarkable and outstanding person. The book also includes poetic works of Dubinin himself and dedications to him.

For the broad reading public.

ISBN 5-02-033701-3

© Дубинина Л.Г., Овчинникова И.Н.,
составление, 2006

© Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова, 2006

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

История все расставит по своим
местам и Вам на ее скрижалях
отведена золотая страница

Г. Бердышев

Какие славные итоги!
Вы стали знаменем эпохи.
И как великий человек
собой заполнили весь век.

А. Жакотэ

Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте родину мою”.

С. Есенин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человечество, войдя в XXI столетие, пристально анализирует век прошедший с тем, чтобы не повторить ошибок, найти верные ориентиры в будущем. И в этом сложном процессе исключительно важна объективная оценка тех, кто положил на алтарь прогресса человечества свой труд, талант, жизнь. Среди таких деятелей планетарного масштаба имя Николая Петровича Дубинина, деятельность которого знаменует целую эпоху в развитии мировой и отечественной генетики.

Н.П. Дубинин – ученый-энциклопедист с громадной силой синтезирующей мысли. Его отличали широта интересов, глубокие познания и огромная работоспособность. Он прекрасно знал и любил искусство и поэзию, был увлеченным театралом. Для него характерно полное “погружение” в интересующую его тему, неповторимый “дубининский” стиль устных и печатных выступлений. Он мечтал о России процветающей и для него было характерно патриотическое мышление.

Могучая индивидуальность Н.П. Дубинина проявлялась во всем. Но главное он обладал личной и научной смелостью. Ведь не случайно Лысенко считал его своим основным оппонентом, а в качестве главных преследователей, обладавших высшей властью, выступали Н.С. Хрущев, М.А. Суллов, А.П. Александров и др. Вот почему судьба творческого наследия Н.П. Дубинина оказалась непростой. Главные его открытия умышленно замалчивались или приписывались другим. Речь идет о приоритетной роли Н.П. Дубинина в понимании природы и строения гена, его дробимости и эффекта положения (1929), ступенчатого аллеломорфизма (1930), генетики автоматических процессов (1931), дискретности и непрерывности в строении наследственного вещества (1935), генетических основ селекции (1937) и адаптивного полиморфизма (1947), интеграции наследственных систем в процессах эволюции популяций (1948), основ радиационной генетики и природы действия радиации на наследственность (1956, 1957), опасности ионизирующих излучений для наследственности человека (1958), проблем космической генетики (1967), философских и социологических аспектов генетики человека (1971), генетических последствий загрязнения окружающей среды (1975), генетической инженерии (1978), взаимодействия между преобразованиями окружающей среды и адаптивной демографической и генетической структурой народонаселения (1984) и т.д. Даже этот далеко не полный хронологический перечень публикаций свидетельствует о том, что большинств-

во важнейших открытиях и начинаний в генетике XX столетия связаны с именем академика Н.П. Дубинина, которое стало легендарным еще при его жизни.

Способность предвидеть магистральные направления развития генетики – характерная черта Н.П. Дубинина как организатора науки. В нем органично сочетались такие стороны деятельности, как талант научного стратега, выдающегося естествоиспытателя XX столетия и активного, бескомпромиссного участника буреломного периода жизни Страны Советов. В самые трудные годы развития отечественной генетики он создал два ведущих научных центра: Институт цитологии и генетики (ИЦиГ) Сибирского отделения (СО) АН СССР в Новосибирске (1957–1960 гг.) и Институт общей генетики (ИОГен) АН СССР (1966–1981 гг.) в Москве. При выборе главных направлений исследований были реализованы энциклопедические знания Н.П. Дубинина, благодаря чему эти институты стали привлекательными для наиболее талантливых российских генетиков, создавших свои научные школы. Верное определение долговременных научных перспектив указанных институтов позволяет им до настоящего времени занимать ведущие позиции в мировой генетике.

Н.П. Дубинин был цельным человеком, способным с максимальным напряжением физических и духовных сил отстаивать определенные научные и гражданские позиции и в то же время оставаться доступным, искренним и непосредственно заинтересованным при встречах с коллегами и учениками. Он был снисходительным к человеческим недостаткам, но не прощал обмана и двурушничества. Н.П. Дубинин как педагог придавал большое значение широкому распространению генетических знаний и воспитанию молодежи.

Важное место в творчестве Н.П. Дубинина занимают социально-философские и литературные публикации, что, как известно, является одной из интеллектуальных традиций в отечественной науке. Тема ученый и власть вечная, но особенно актуальной она стала сегодня. Появилось немало людей ряженных в одежды якобы искренней озабоченности судьбами “демократии”, “отчизны”, “свободы” и т.д. Именно это стало причиной того, что вместо “Ното советикус” введено понятие “человек лживый”, “неискренний” для тех, кто по фарисейски превозносит Родину, защищая свои корыстные интересы. Не случайно наше поколение является свидетелем того, как люди малограмотные и в обычных условиях даже никчемные брали на себя функции врачей-государства, не неся никакой ответственности за последствия.

Н.П. Дубинин был баловнем и одновременно наковальной собственной судьбы. С одной стороны, мировое признание заслуг в науке молодого ученого, лидерство в отечественной генетике, избрание действительным членом АН СССР и присуждение Ленинской премии в 1966 г., участие в крупнейших международных форумах генетиков и т.д., а с другой – постоянное преследование со стороны власть имущих. Антидубининские выступления, большей частью кулуарные, в 1970–1980 гг. были пронизаны завистью и неприязнью к ученому, обладавшему всемирной известностью и непререкаемым авторитетом благодаря своей гражданской позиции. Далек небеспри-

страстные оценки роли Н.П. Дубинина (сменив откровенную клевету) нередки и в настоящее время. Многочисленные доказательства этих утверждений читатель найдет в представленной книге.

Н.П. Дубинин – пример выдающегося ученого, борца и гражданина, настоящего российского патриота, понимавшего изъяны системы и тем не менее стремившегося использовать ее положительные стороны для развития науки. Сегодня, когда молодежь ищет прототип настоящего ученого, правдивая книга о Николае Петровиче Дубинине, подготовленная его женой, другом, помощником, а главное соратником Л.Г. Дубининой, станет важной вехой в отечественной мемориальной публицистике.

Член-корр. РАН

А.А. Жученко

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Эта книга посвящена памяти выдающегося ученого-биолога, генетика, человека-мыслителя с широчайшим кругозором, популяризатора отечественной генетики, скромному и духовно богатому человеку – Николаю Петровичу Дубинину.

Н.П. Дубинин – академик, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, член многих зарубежных академий. Книга приурочена к 100-летию со дня рождения ученого и юбилеям созданных им институтов. Его судьба тесно переплелась с судьбой страны и судьбами многих и многих людей.

Мы назвали книгу “Николай Петрович Дубинин и XX век”. Николай Петрович прожил долгую, интересную и сложную жизнь, которая охватила 10-летний период до революции 1917 г., 74 года при социализме и 7 лет демократических преобразований. Роковые отметины в его жизни оставили два руководителя нашей страны – И.В. Сталин и Н.С. Хрущев, два президента ВАСХНИЛ – Т.Д. Лысенко и П.П. Лобанов и президент АН СССР А.П. Александров. Николай Петрович Дубинин – это целая эпоха. Он служил своему Отечеству и всю свою жизнь положил на алтарь науки.

Эта юбилейная книга рассчитана на широкий круг читателей. Наша цель – рассказать о Н.П. Дубинине в разных аспектах, и надеемся, книга будет интересна всем, кто имел счастье соприкоснуться с этим уникальным человеком. Мы представили много фактов ранее малоизвестных или совсем неизвестных сегодняшнему поколению читателей. Нам хотелось бы, чтобы о нем “говорили” документы, письма, современники, хотя мы понимаем, что полностью раскрыть сложную, многогранную личность Николая Петровича едва ли возможно. Максимально документировав книгу, не допуская авторского вымысла, мы стремились через призму жизни Н.П. Дубинина дать читателям возможность глубоко и правдиво познать историю генетики в России.

В книге показана деятельность ученого в разные периоды жизни, история развития генетики в России на протяжении 70 лет, приведены интересные материалы и статьи, избранные письма, представлена организаторская деятельность Н.П. Дубинина, воспоминания современников о его книгах, выступлениях, деятельности, о его жизни. Они знали Николая Петровича не только как ученого, но и в повседневной жизни. Мы постарались воссоздать атмосферу, в которой жил и работал Николай Петрович, чтобы он остался в памяти всех, кто прочтет эту книгу.

Настоящая книга состоит из шести глав. В первой главе материалы “О жизни и деятельности академика Николая Петровича Дубинина” представлены 12 разделами.

Первый раздел – “В Институте экспериментальной биологии до сессии ВАСХНИЛ 1948 г.” охватывает 21 год научной деятельности Н.П. Дубинина. Это был период яркого расцвета советской генетики. Мы приводим уникальные материалы по работе генетического коллоквиума. Они обнаружены в архиве Н.П. Дубинина, где пролежали 73 года, и представляют собой интересный исторический материал. Кроме того, читатель познакомится с отзывами одного из учителей Николая Петровича – заслуженного деятеля науки Николая Константиновича Кольцова, крупного генетика и селекционера академика АН УССР Андрея Афанасьевича Сапегина, найдет материалы Воронежского университета, с которым Н.П. Дубинин длительное время сотрудничал. Этот раздел документально проиллюстрирует события, связанные с выдвиганием 39-летнего профессора Дубинина в члены-корреспонденты АН СССР и грозившим ему судом чести. Большой интерес для понимания истории генетики представляют материалы дискуссий 1936 и 1939 гг., активным участником которых был Николай Петрович.

Второй – “1948 год. Диктат” и третий – “Мрачные годы советской биологии. 1948–1953 гг.” разделы содержат материалы, написанные самим Н.П. Дубининым и ранее опубликованные в книге “Генетика – страницы истории”¹. В них входят материалы сессии ВАСХНИЛ 31 июля – 7 августа 1948 г. и журнала “Вестник Академии наук” (1948 г., № 9), без которых невозможно в полном объеме оценить позицию и деятельность Н.П. Дубинина в тот период. Эти материалы иллюстрируют самый высокий индекс цитирования Н.П. Дубинина.

Четвертый раздел – “Организация Лаборатории радиационной генетики – начало возрождения генетики” сначала переносит читателя на Урал, где после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. оказался Николай Петрович в качестве орнитолога. Здесь же в хронологическом порядке представлены события, связанные с периодом возрождения генетики и организацией Лаборатории.

Пятый и шестой разделы посвящены созданию Н.П. Дубининым двух институтов – Института цитологии и генетики СО АН СССР и Института общей генетики АН СССР – самых крупных центров генетики в нашей стране. Сибирский период отражает деятельность Н.П. Дубинина на посту члена Президиума СО АН СССР по биологическим наукам в 1957–1960 гг. Эти разделы в своей основе имеют документальные материалы, что особенно важно в настоящее время. Несмотря на то, казалось бы общеизвестные факты, сегодня мы нередко сталкиваемся с попытками некоторых лиц исказить историю создания указанных институтов, умаляя или вовсе замалчивая роль академика Дубинина. Представленные материалы раскрывают титаническую деятельность Николая Петровича Дубинина, связанную с организацией, подбором кадров, размещением, строительством корпусов, обеспечени-

¹ Кишинев, Штиинца. 1988. 399 с. Материалы книги оказались столь остры, что практически весь тираж исчез до распространения (*Примечание составителя*).

ем оборудованием и многими другими проблемами создания институтов. Завершается шестой раздел оценкой современниками этой деятельности.

Большим событием в жизни Н.П. Дубинина стало присуждение ему Ленинской премии, которую он воспринял не только как признание личных заслуг, но и как победу всей отечественной биологической науки, поднявшейся после 1948 г. Это событие мы выделили в отдельный седьмой раздел.

Восьмой раздел дает общую характеристику научных направлений исследований многогранной и многонациональной школы Н.П. Дубинина. Читателю предоставляется возможность оценить масштабность и многогранность оставленного Николаем Петровичем научного наследия, выраженного в книгах, монографиях, брошюрах, статьях, а также мнениях современников о его работах.

Международная деятельность, которую вел Н.П. Дубинин на протяжении последних 30 лет своей жизни, отражает еще один аспект его титанического труда. Ей посвящен девятый раздел. Активно участвуя в общенаучных международных исследованиях и обмене опытом, он внес огромный вклад в сохранение мира на Земле и генофонда человечества (осознание опасностей, угрожающих человечеству).

Десятый раздел рассказывает о трудном (1979–1981 гг.) этапе жизни Николая Петровича, когда, вследствие нечистоплотных закулисных интриг, он был снят с поста директора Института общей генетики. Ввиду важности этого вопроса мы выделили его в отдельный раздел. В основу этого раздела положены документы того периода, материал “Стратегия, тактика и методы борьбы против советской генетики” (М., 1981) – анализ материалов Института общей генетики АН СССР с 1975 по 1981 г., в котором было использовано 132 документа на 938 страницах.

Одиннадцатый раздел – “Присуждение звания Героя Социалистического Труда”.

Еще один принципиальный, с нашей точки зрения, раздел – “О некоторых фактах, искажающих историю отечественной генетики”. И сегодня находятся люди, желающие умалить заслуги Николая Петровича перед отечественной и мировой наукой. К сожалению, свою личную неприязнь они переносят в широкие аудитории, на страницы публикаций и даже в архивы Академии наук.

Во второй главе книги мы публикуем некоторые важные письма и материалы. В своей жизни Николаю Петровичу не раз приходилось сталкиваться с откровенной клеветой, когда в руководящие органы направлялись порочащие его письма. Много времени и душевных сил приходилось затрачивать, давая на них ответы. Одним из примеров тому служит письмо сотрудницы ИЦиГ СО АН СССР З. Никоро, направленное ею Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. Сюда включены документы, связанные с демонстративным выходом из состава редколлегии ежегодника “Успехи современной генетики” ряда ее членов, ставшим одним из звеньев спланированной акции по дискредитации Н.П. Дубинина. Материалы главы интересны с точки зрения истории генетики и помогут читателю разобраться в причинах разногласий среди генетиков того периода.

Третья глава – “Материалы. Статьи” – представлена тремя статьями Н.П. Дубинина: “Проблемы истории генетики в СССР” (публикуется впервые), “Генетика и будущее человечества” и “Задачи для XXI века”, также включает материал по Четвериковским чтениям в Горьковском университете, которые, по просьбе ректората, первой лекцией в 1969 г. открыл Николай Петрович. Он получал огромное количество писем с разных концов страны от ученых, известных и простых людей. С некоторыми из них вел переписку. Несколько таких писем читатели найдут в этой главе.

Четвертая глава посвящена одной из книг Н.П. Дубинина, которая занимает особое место в его творчестве. Это книга “Вечное движение”, опубликованная в мемуарной серии “О жизни и о себе”, была встречена с огромным интересом и стала бестселлером. В ней Николай Петрович рассказывает о своей жизни, путях развития генетики, одним из творцов которой он являлся. О популярности книги среди генетиков, селекционеров, агрономов и просто читателей свидетельствует тот факт, что она выдержала три издания (М., 1973, 1975, 1989). Первые два – по 100 тыс. экземпляров, третье – тиражом в 200 тыс. Появление ее вызвало бурю откликов. Только в личном архиве их более пятисот. Читатели, некоторые из них сами были творцами этой истории, думали, размышляли, оценивали книгу. Часть из них мы публикуем в этой главе. Предлагаем мы и один из ранее опубликованных отзывов академика АМН О. Барояна.

Сегодня, в годовщину столетия Николая Петровича, вновь возвращаясь к этой книге, мы надеемся пробудить к ней интерес у молодого поколения и тех людей, кто не прочитал ее ранее. Она, несомненно, повествует о жизненном примере трудолюбия, посвящения себя служению науке, любви к Родине.

Наиболее лирической стала пятая глава книги, которую мы назвали “О Н.П. Дубинине – устами современников”. Это воспоминания воспитателей, школьных друзей, учителей, его учеников, ставших преподавателями, профессорами, академиками, простых людей, тех, кто знал его лично или был с ним знаком по выступлениям, статьям, фильмам; стихи, посвящения друзей, коллег. Вспоминают люди, которые окружали Николая Петровича в лабораториях, институтах, университетах, дома, на отдыхе, вспоминают журналисты и писатели, которые длительное время сотрудничали с ним, брали интервью, писали очерки. Это А. Костерин, Г. Алова, Л. Кокин, В. Губарев, Е. Леонтьева и др. В главу вошли “живые” письма-воспоминания людей, когда-то написавших ему и не предполагавших, что их строки появятся на страницах книги. Это он – Николай Петрович своей многогранной, кипучей и неутомимой деятельностью, публикациями и выступлениями подтолкнул их к написанию этих писем, которые сегодня стали документами истории, воскрешающими образ замечательного ученого.

Многих из тех, кто писал Н.П. Дубинину, уже нет в живых, но остались их семьи, ученики, друзья. Вместе с вами, уважаемые читатели, мы вспомним в юбилейную годовщину Николая Петровича и о них, прошедших рядом с ним по волне жизни, много повидавших и перенесших.

Шестая глава – “В память об Ученом”. В этой главе мы рассказываем о том, что сделано и делается, чтобы память о великом биологе-генетике

Н.П. Дубинине не угасала в сердцах знавших его людей, чтобы его жизнь по-прежнему оставалась ярким примером доброты, человечности, служения Науке и Родине.

Завершается книга разделом “Приложения”, в которых представлены документальные материалы, иллюстрирующие некоторые главы.

Идя рядом с Николаем Петровичем по жизненному пути, постоянно ощущались его масштабность и значительность. Но только теперь, разобрав архив Н.П. Дубинина, в полной мере становится ясно, сколь многогранна была его жизнь, сколь велико уважение, с которым относились к нему генетики, агрономы, селекционеры, люди разных специальностей, далекие и близкие. Мы сожалеем, что нет возможности опубликовать в полном объеме все имеющиеся материалы. Во избежание повторов некоторые тексты печатаются с сокращениями. Все данные о лицах, упоминаемых в материалах книги, их постах, должностях, званиях и т.д., названия организаций соответствуют времени их написания. В книге использованы материалы архивов ИОГен, Президиума РАН, Президиума СО РАН и др. Однако основой стали документы из богатого личного архива Николая Петровича Дубинина. Особо обращаем ваше внимание на то, что все цитаты и документы, приведенные в книге без ссылок, взяты из материалов этого архива.

Мы глубоко благодарны всем, кто откликнулся на нашу просьбу и прислал свои воспоминания о Николае Петровиче, и тем, кто теплом своих слов согрел его будни, делил радость праздников и горечь невзгод, следил за его работами и откликался на публикации, всем, кто когда-либо писал ему.

Надеемся, что люди, знавшие Н.П. Дубинина, прочитав эту книгу, узнают много новых интересных фактов, а читатели, впервые открывшие для себя его имя, захотят более обстоятельно познакомиться с его жизнью и творческим наследием. Эта книга языком документов, писем и воспоминаний огромного круга людей, как независимый арбитр, дополняет жизнеописание, данное Николаем Петровичем в его книге “Вечное движение”.

Разделы второй и третий первой главы написаны Н.П. Дубининым и ранее были опубликованы. Остальные главы и разделы составлены, написаны и подготовлены для печати кандидатом биологических наук Лидией Георгиевной Дубининой и Ириной Николаевной Овчинниковой. Фотографические материалы подобраны из личного архива Н.П. Дубинина. Техническую помощь в подготовке книги оказывала Тамара Георгиевна Венкина.

Мы благодарим члена-корреспондента РАН Александра Александровича Жученко и академика РАСХН Льва Константиновича Эрнста за активное участие в публикации книги. Также выражаем искреннюю благодарность за помощь при подготовке книги, советы и критические замечания по рукописи рецензенту, доктору биологических наук, профессору Николаю Павловичу Лукашенко; мы признательны переводчице Надежде Викторовне Седовой и редактору издания Наталье Михайловне Александровой, бывшей сотруднице ИОГен АН СССР, защищавшей кандидатскую диссертацию в 1971 г. на Ученом совете Института под председательством Н.П. Дубинина.

Трудные дороги большой борьбы,
ослепительных радостей и тяжелых
дней пересекали мою жизнь.
Ничто не дается даром.

Н.П. Дубинин

ГЛАВА I

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДУБИНИНА

1. В ИНСТИТУТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ ДО СЕССИИ ВАСХНИЛ 1948 г.

Первая запись в трудовой книжке Николая Петровича Дубинина относится к 1927 г., когда началась его научная деятельность в должности ассистента в Московском зоотехническом институте. В то время он учился в Московском государственном университете на предпоследнем курсе.

Затем Николай Петрович организует кафедру генетики и разведения в Московском институте свиноводства и становится ее заведующим в должности доцента. В дальнейшем Н.П. работает старшим научным сотрудником Биологического института им. К.А. Тимирязева при Коммунистической академии в лаборатории А.С. Серебровского, зав. отделом генетики и селекции Московской центральной шелководной станции (в поселке Иноземцево) и Пятигорской научно-исследовательской станции шелководства РСФСР, зав. лабораторией генетики и селекции кролиководческой станции, зав. кафедрой разведения и генетики Московского пушно-мехового института в Балашихе, под Москвой.

В период с 1927 г. до перехода в Институт экспериментальной биологии в 1932 г. Николай Петрович занимался вопросами селекции и частной генетики (тутовый шелкопряд, кролик), проблемой гена.

Кролиководство тогда играло заметную роль в общем животноводстве страны. Это и замечательные свойства шкурки, имитирующие меха дорогих животных, и превосходные мясные качества тушки. В стране создавалось большое количество кролиководческих совхозов и колхозов. Генетика была призвана сыграть важную роль в разведении животных: необходимо было улучшить наследственные качества кролика. В 1932 г. Н.П. Дубинин совместно с М.А. Гептнер написали руководство по генетике и селекции кроликов и курс лекций по генетике и биометрии для студентов-заочников зоотехнических вузов, кроме того, он опубликовал несколько статей. Среди них: “Племенное дело в шелководстве СССР, его состояние и задачи” (Сов. шелководство. 1931. № 5/6) и “Пути и методы селекционной работы по тутовому шелкопряду в связи с проблемой диаллельного скрещивания” (Там же. 1932. № 4).

После открытия в 1925–1927 гг. мутагенного эффекта рентгеновских лучей на дрожжах и дрозофиле, которые повышали наследственную изменчи-

вость, были проведены широкие эксперименты по получению мутаций с помощью облучения сначала в МЗИ, затем в лаборатории А.С. Серебровского. Тогда общепризнанным было мнение о неделимости гена. Используя рентгеновские лучи, Н.П. Дубинин на примере гена *scute* (у дрозофилы) показал, что ген дробим. С результатами этих работ в 1929 г. он выступил на Всесоюзном съезде по генетике, семеноводству и племенному животноводству, который проходил в Ленинграде. Им была опубликована первая работа по ступенчатому аллеломорфизму, показавшая делимость гена: “Исследование явления ступенчатого аллеломорфизма у *Drosophila melanogaster*: I. Аллеломорфы *scute*¹, *scute*², *scute*³” (1929). Н.П. Дубинин сформулировал теорию сложного строения гена (центровая теория). Таким образом, в лаборатории у Серебровского было положено начало развитию идей и методов нового направления в генетике.

Работы, выполненные Н.П. Дубининым в этот период по проблеме гена и опубликованные в международных журналах, выступления по этой проблеме вскоре принесли ему известность и мировое признание. Вот как об этом вспоминает профессор В.Е. Альтшулер:

Москва

13 января 1970 г.

Дорогой Николай Петрович!

В юбилейном сборнике научных трудов Ветеринарной академии намечается поместить фотографии выдающихся ученых, работавших в ней.

Вы начинали свою научную деятельность на кафедре генетики Зоотехнического института на Смоленском бульваре. Именно там Вы выполнили работы, легшие в основу центральной теории гена – блестящего и глубочайшего достижения теоретической генетики. Я прекрасно помню это время яркого взлета Вашего и полагаю, что Ваш портрет должен фигурировать в этом сборнике наряду с портретами академиков К.И. Скрябина, С.И. Вавилова и других. В нем также должен быть и портрет, конечно, Александра Сергеевича Серебровского – основателя первой кафедры генетики в зоотехнических вузах, кафедры Зоотехнического института на Смоленском бульваре. (...)

Ваш

В. Альтшулер

Начало научного пути Н.П. Дубинина было очень продуктивным, что послужило основанием проф. Николаю Константиновичу Кольцову пригласить Николая Петровича в свой Институт экспериментальной биологии Наркомздрава в качестве заведующего генетическим отделом. После этого научная деятельность Н.П. была связана с организуемыми им большими коллективами ученых. Это – генетический отдел ИЭБ, лаборатория радиационной генетики (ЛаРГ) ИБФ АН СССР, ИЦиГ СО АН СССР, ИОГен АН СССР.

В 1929 г. директор ИЭБ¹ Н.К. Кольцов направляет письмо в Правление ГИНЗа об открытии конкурса на должность зав. генетическим отделением в связи с арестом и ссылкой С.С. Четверикова, в котором пишет:

(...) За последнее время освободились обе штатные должности по генетическому отделу² ИЭБ: заведующего отделом (был С.С. Четвериков) и лаборанта (...)

¹ С 1939 г. ИЭБ Наркомздрава переименован в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии (ИЦГЭ), существовал до августа 1948 г.

² До 1939 г. в печати, отчетах иногда писали “отдел генетики”, “генетический отдел”, “лаборатория генетики” или “генетическая лаборатория”. Это будет наблюдаться и в данном материале. После 1939 г. генетический отдел был переименован в лабораторию цитогенетики.

Подыскание заместителя заведующего Генетическим отделом представляет очень большие трудности ввиду отсутствия не только в Москве, но и в Союзе научных работников с квалификацией С.С. Четверикова. Поэтому я принял на себя временное заведование Генетическим отделом...³

До этого времени работами по генетике руководили Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский и С.С. Четвериков, которых Николай Петрович считал своими учителями. После ареста С.С. Четвериков был выслан из Москвы и Н.К. Кольцов решает заново создать генетический отдел и сделать его ведущим в ИЭБ. В 1932 г. он приглашает Николая Петровича в институт на Воронцово поле, д. 6, где предлагает ему занять пост заведующего генетическим отделом. На эту должность он был зачислен 1 июня 1932 г. В то время Николаю Петровичу было 25 лет.

В мае 1932 г. Андрей Афанасьевич Сапегин пригласил Николая Петровича в Одессу на Республиканскую методологическую конференцию по генетике с докладом “Основные проблемы генетики”. (С этим же докладом он выступил в июне на заседании генетического коллоквиума⁴ отдела генетики ИЭБ. По существу данный доклад представлял собой программу будущих работ генетического отдела как в экспериментальной генетике, так и в теории.) Все обозначенные в докладе направления, которые будут представлены ниже, были поддержаны Н.К. Кольцовым. На конференции в Одессе Н.П. Дубинин впервые встретился с Т.Д. Лысенко.

21 декабря 1933 г., через полтора года после организации отдела генетики, состоялось выступление Н.П. Дубинина на юбилейном 100-м заседании генетического коллоквиума ИЭБ, проводимого совместно с коллоквиумом отдела механики развития. На повестке дня стояли два вопроса:

Доклад *Н.П. Дубинина* – “Итоги и перспективы работ генетической лаборатории Института в свете современных проблем генетики”.

Речь *Н.К. Кольцова* – “Генетика и механика развития”.

В составе президиума были: Н.К. Кольцов, А.Н. Промптов, Г.Г. Фризен, В.В. Сахаров, Д.Д. Ромашов и еще шесть человек, чьи подписи в протоколе заседания неразборчивы. Всего на заседании присутствовало около 200 человек.

В своем выступлении Н.П. Дубинин сказал:

Генетический отдел является частью Института экспериментальной биологии, решающего основную проблему – наследственности и среды. (...) Наша лаборатория генетики основана с момента возникновения института. Она является старейшей лабораторией экспериментальной генетики в Союзе и явилась одним из важнейших очагов, из которых выросла советская генетика. Вместе с тем сейчас она одна из самых молодых лабораторий. Этой осенью истек только год, положивший начало ее современному состоянию, когда из трех сотрудников отдел постепенно вырос до 19 человек и привлек к работе еще 5 сверхштатных сотрудников. Осенью прошлого года началась экспериментальная и теоретическая работа отдела, итоги которой мы хотим рассмотреть сегодня⁵.

³ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 25. Л. 88. Отпуск рукописный.

⁴ До 1939 г. генетический коллоквиум (ГК), после 1939 г. – цитогенетический коллоквиум (ЦГК).

⁵ Материалы коллоквиумов ИЭБ. Личный архив Н.П. Дубинина.

На это юбилейное заседание Н.К. Кольцов пригласил Г.Г. Меллера. 13 декабря 1933 г. он получил от него письмо⁶:

Дорогой доктор Кольцов!

Весьма благодарен за Ваше любезное приглашение посетить сотое заседание Вашего семинара по генетике. (...) Я особенно сожалею, что не смогу посетить Ваше юбилейное заседание, потому что мне очень хотелось выразить каким-либо образом мою высокую оценку Вашей группы генетиков и их научных достижений. Они блеснули целым рядом исследований, которые постепенно проложили широкую дорогу с различными ответвлениями по важнейшим направлениям науки. По моему мнению, ничего равного этой группе, конечно же, нет нигде за пределами Вашей страны, в Европе. (...)

20 января 1934 г. в ИЭБ состоялось объединенное заседание шести лабораторных коллоквиумов института. Председатель заседания – директор института Н.К. Кольцов сказал:

(...) Мы развили значительно наше генетическое отделение, которое стало ведущим в нашей научно-исследовательской работе. Год назад мы устроили в этом отделении наряду с отделом общей генетики новый отдел (лабораторию) по изменчивости и наследственности протистов. Это смелое начинание, так как такого учреждения не существует нигде во всем мире⁷. (...) В настоящее время заведующим отделом состоит выдающийся молодой ученый Н.П. Дубинин, а всего в отделе свыше 20 научных работников⁸.

Таким образом, Н.К. Кольцов особо отметил важность работ Н.П. Дубинина в деятельности генетического отдела.

В 1935 г. правительство СССР учредило ученые степени докторов и кандидатов наук. Н.К. Кольцов поставил вопрос о присуждении Н.П. Дубинину степени доктора биологических наук без защиты диссертации, так как Николай Петрович был уже широко известен своими научными работами по отечественной и зарубежной литературе. Его научная деятельность была высоко оценена в отзывах Н.К. Кольцова и А.А. Сапегина, в то время одних из ведущих генетиков и селекционеров нашей страны, которые мы считаем уместным привести.

ОТЗЫВ⁹

о работах Н.П. Дубинина

Николай Петрович Дубинин является выдающимся молодым специалистом в области биологии (генетики). Он окончил биологическое отделение I М.Г. У-та в 1928 г., представив в качестве зачетной работы очень интересное экспериментальное исследование: "Влияние последовательных оплодотворений на признаки потомства у дрозофилы", напечатанное в Журнале Эксперим. Биолог. С тех пор в течение шести лет им опубликовано около пятидесяти работ, в том числе много очень интересных экспериментальных исследований.

⁶ ААН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 172. Л. 64.

⁷ Кольцов Н.К. Работы Института экспериментальной биологии Наркомздрава // Биол. ж. 1934. Т. 3. № 1. С. 217.

⁸ Кольцов Н.К. 15 лет работы Института экспериментальной биологии Наркомздрава // Наука и жизнь. 1934. № 1. С. 21–22.

⁹ Личный архив Н.П. Дубинина.

Ряд исследований был опубликован за период 1929–1931 гг. под общим заглавием: Ступенчатый аллеломорфизм у *Drosophila melanogaster*. Н.П. Дубинин одним из первых в Союзе применил открытый Меллером способ вызывания мутаций путем облучения рентгеновскими лучами (1928) и по этому методу получил у дрозофилы экспериментально большое количество мутаций, выражающихся фенотипически изменением числа щетинок. В настоящее время число таких мутаций гена “*scute*” превышает 50; некоторые из них стали обычными мутациями у генетиков всего мира. Все эти многочисленные мутации вызываются, по мнению автора, своеобразными видоизменениями одного гена и на их изучении Н.П. Дубинин построил свою “теорию ступенчатого аллеломорфизма”. Эта теория, опубликованная также по-английски и по-немецки в зарубежных журналах, создала определенное имя Д-ну и проверялась крупнейшими современными генетиками, некоторые из которых посвятили ей специальные критические статьи. Во всяком случае, можно определенно сказать, что в настоящее время нет в мире генетической лаборатории, где велись бы исследования по дрозофилам и где не пользовались бы широко мутациями, полученными Дубининым.

Уже в самом начале своей научной деятельности Н.П. охотно руководил работой других генетиков, нередко старше его возрастом, но менее опытных в сложной методике генетических экспериментов; некоторые из работ указанной серии появляются от общего имени его и его сотрудников. Эту привычку к коллективной работе, очень полезную для руководителя работ, Н.П.Д. развивает, и позднее им опубликованы и такие работы, в которых принимало участие свыше десяти научных работников, что, конечно, указывает на сложную организацию научного исследования.

Занимаясь чисто теоретическими проблемами, Н.П.Д. не отрывался в это время и от вопросов прикладной генетики. Он разрабатывал геногеографию кур на основании данных по распределению генотипов кур в Кабарде и потом в Башкирии и принимал близкое участие в постановке генетических исследований в области шелководства и кролиководства, отмечая это участие специальными исследованиями.

С 1932 г. Н.П.Д. работает в качестве заведующего генетическим отделом Института экспериментальной биологии, руководя научно-исследовательской работой 20 сотрудников.

За этот период он продолжает исследования по генетике дрозофилы, все более и более углубляя проблематику. Он обнаруживает весьма своеобразный фенотипический эффект Y-хромосомы, до сего времени считавшийся лишней наследственного значения; устанавливает яркий пример зависимости проявления гена от его положения в хромосоме: задается определенной целью искусственно создать дрозофилу с тремя вместо четырех обычных парами хромосом и при помощи остроумной методики блестяще выполняет поставленную задачу. За последний год быстро использует интересное открытие Пайнтера, показавшего, что в хромосомах слюнной железы дрозофилы можно видеть под микроскопом сегменты, соответствующие генам, усваивает технику исследований и применяет ее к разрешению совершенно новой для Пайнтера проблемы сил, действующих в процессе конъюгации хромосом. Некоторые из этих работ, как и ранее, публикуются коллективно от имени ряда авторов, но при руководящей роли Н.П.Д.

Изучение теоретической генетики позволяет Н.П. Д-ну перейти к более широкой проблеме – к изучению генетических основ эволюционной теории. Совместно с Д.Д. Ромашовым он развивает оригинальную теорию генетико-автоматических процессов, регулирующих мутационную изменчивость видовых популяций. Для обоснования этой теории им собирается обширный материал по экологии разнообразных видов животных и организуется широкая работа по изменчивости в популяциях дрозофил в различных областях Кавказа и Крыма. Ряд работ, опубликованных Н.П. за последние годы касается развития этих проблем.

Н.П.Д. прекрасный лектор и неоднократно выступал с докладами на съездах, конференциях и по приглашению различных институтов в Москве, Ленинграде, Харькове. Многие из этих докладов теоретического характера печатались в различных журналах.

Н.П.Д. вел последние годы педагогическую работу в различных специальных ВУЗах, сначала в качестве доцента, а затем профессора, заведующего кафедрой. Результатом его педагогической деятельности явилось его руководство: Генетика и селекция кролика (250 стр. изд. Селекция, 1932, совместно с М.А. Гептнер).

Научно-исследовательская деятельность Н.П.Д. из года в год расширяется и углубляется, но уже сейчас его следует признать одним из наиболее талантливых и плодovitых генетиков в СССР.

Умение руководить исследовательской работой сотрудников, проявленное им в ряде опубликованных им коллективных работ, дает ему все права на звание руководителя-профессора, заведующего кафедрой и действительного члена научно-исследовательского института.

Заслуженный деятель науки
3.XII.–34 г.

Н.К. Кольцов

ОТЗЫВ¹⁰

о научных работах Н.П. Дубинина

Н.П. Дубинин быстро выдвинулся и стал широко известен в мировой генетике своими глубокими исследованиями проблемы гена, приведшими его к построению центральной теории строения гена. Дальнейшее развитие работ в том же направлении (по той же проблеме), проводимое Дубининым в широком размахе, обогатило мировую генетику целым рядом важнейших исследований механизма конъюгации хромосом и их реорганизации по анализу эффекта положения гена и т.п. Замечательны работы Дубинина по генетико-автоматическим процессам и другим вопросам эволюции вида.

Широко биологически и философски образованный, ставящий свои исследования с широким размахом и максимальной глубиной, создавший целую школу из льнувшей к нему молодежи, Дубинин стоит в первом ряду среди мировых генетиков и безусловно заслуживает степени доктора биологии *HONORIS CAUSA*

Академик
12.X.–35 г.

Сапегин

В 1936 г. Коллегия Народного Комиссариата здравоохранения РСФСР присвоила Н.П. Дубинину ученое звание действительного члена Института. В то время лишь отдельные ведущие ученые в области генетики, такие как Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский, Н.И. Вавилов получили это звание.

Уже в 1927–1939 гг., благодаря своей исследовательской, научно-организационной деятельности, Н.П. Дубинин являлся одним из научных авторитетов в отечественной генетике. В 1939 г. Ученый совет ИЭБ АН СССР рекомендовал Н.П. Дубинина к избранию его в члены-корреспонденты, что было поддержано многими учеными. Однако именно в 30-е годы началась эпоха дискуссий в генетике. Противоречия, вскрывавшиеся на этих дискуссиях, приводили к столкновениям, которые потрясали генетику. Н.П. Дубинин никогда не стоял в стороне от них, а был самым активным участником. Осо-

¹⁰ Личный архив Н.П. Дубинина.

бенно отчетливо разногласия проявились на Республиканской методологической конференции по генетике в 1932 г. в Одессе. Острые теоретические дискуссии, получившие широкий резонанс, прошли в 1936–1939 гг. Н.П. Дубинин наряду с Н.И. Вавиловым был одним из основных защитников позиций классической генетики.

ИЗ ДИСКУССИИ 1936 ГОДА¹¹, ВЫСТУПЛЕНИЕ Н.П. ДУБИНИНА

К осени 1936 г., опираясь на теорию мичуринской биологии, широко рекламируя свою связь с колхозами и совхозами, используя методологическую помощь И.И. Презента, Т.Д. Лысенко подготовился к решительной атаке против Н.И. Вавилова и генетиков в целом. Дискуссия состоялась на IV сессии ВАСХНИЛ, проходившей с 19 по 27 декабря 1936 г. Для выступления в прениях записался 101 человек, выступило 42. Председательствовал на сессии президент ВАСХНИЛ А.И. Муралов, сменивший на этом посту в 1935 г. Н.И. Вавилова.

Дискуссия началась вечером 22 декабря с доклада Н.И. Вавилова.

На утреннем заседании следующего дня с докладами выступили Т.Д. Лысенко, А.С. Серебровский и Г.Г. Меллер.

В своем выступлении Н.И. Вавилов подчеркнул, что развитие селекции на научной основе в основном падает на советский период. Государственные мероприятия по увеличению зерновой продукции, созданию устойчивого земледелия и развитию технических, плодовых, овощных и субтропических культур ставят перед советской селекцией крупные задачи, решение которых в кратчайшее время требует правильного подбора исходного материала, глубокой теории селекции, плановости в селекционной работе и согласованного ее распределения, целеустремленности и единого фронта исследовательской работы. Вавилов указал на огромное значение сортового разнообразия мировой коллекции ВИРа для решения задач, поставленных перед советской селекцией. Мировой масштаб, планомерный подбор исходного материала, разработка учения о подборе пар – все это, сказал Вавилов, дает возможность рационализации работ в области селекции, открывает перед ней беспредельный простор для практических достижений¹².

В выступлениях, предшествовавших дискуссии 1936 г., Лысенко и Презент сформулировали главные обвинения в адрес генетики: отрыв от колхозного строительства; идеализм и метафизика в автогенетическом учении о природе наследственной изменчивости; отрицание адекватности между наследственной изменчивостью и признаками организма, вызываемыми различиями во внешних условиях; следование за выдумками буржуазной науки, такими, как теория гена и хромосомная теория наследственности.

В своем докладе Н.И. Вавилов не ответил на эти обвинения, уклонился от прямой атаки неверных утверждений Лысенко.

Лысенко, напротив, атаковал своих противников и при этом в центр выступления поставил новые принципиальные идеи мичуринской биологии, которые прямо связал с практикой колхозов и совхозов. Лысенко изложил свои представления о роли внешних факторов в появлении наследственных различий у растений в популяциях самоопылителей. Перекрестное опыление таких инцухтированных растений приведет к тому, что семена внутрисортных гибридов будут обладать большими возможностями приспособления к варьирующим условиям полевой среды. Лысенко при этом сообщил, что в 1936 г. уже около двух тысяч колхозов различных краев и областей СССР провели внутрисортное скрещивание полевых культур самоопылителей.

¹¹ Дубинин Н.П. История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992. С. 53–74.

¹² Бюл. IV Сессии ВАСХНИЛ. 1936. Т 5. С. 1–5.

В виде принципиальных положений Лысенко изложил свои приемы воспитания растений с позиций теории стадийного развития. Он заявил, что растения, полученные из одинаковых семян, но выращенные в разных условиях, будут наследственно разными. На этой основе им были развернуты опыты по наследственной переделке природы растений путем воспитания. По его мнению, проведение яровизации озимых пшениц при 0° должно сдвинуть в потомстве признаки растений в сторону большей озимости. “На этой основе, – заявил Лысенко, – мы сейчас уже развертываем опытную работу по повышению зимостойкости наших пшениц”.

Лысенко патетически закончил свое выступление: “В природе... создаются прекраснейшие формы животных и растений. Человек... сможет творить такие же прекрасные формы в неизмеримо более короткие сроки... сможет создавать и такие формы, каких не было и какие не могли появиться в природе и за миллионы лет”¹³.

А.С. Серебровский в своей речи доказывал важность генетики сельскохозяйственных животных для развития животноводства. “То обстоятельство, – подчеркивалось в его докладе, – что для этого необходимо время, требует стимулирования генетических исследований... Необходимо бороться с недооценкой некоторых работ только потому, что они требуют длительного времени”¹⁴.

Говоря о позиции Лысенко и Презента, А.С. Серебровский заявил: “Мы имеем яростную атаку на крупнейшие достижения науки XX в. Мы имеем попытку отбросить нас назад на полвека. Какими бы хорошими и благородными чувствами ни руководствовалось большинство наших противников, объективно их поход, направленный по совершенно ложному пути, является во многих отношениях просто скандальным и уже сейчас наносит вред нашему обществу хотя бы тем, что сбрасывает с толку недостаточно устойчивую часть нашей научной молодежи и работников племенного дела. Истина неделима и не допускает прорыва фронта даже на маленьком участке... Истина не может не победить, особенно в нашей стране – самой передовой стране мира, живущей и строящейся под знаменем научного социализма. Истина не может не победить в стране, руководимой Коммунистической партией во главе с тов. Сталиным”¹⁵.

Доклад Г. Меллера, крупнейшего американского генетика, по приглашению Н.И. Вавилова работавшего в Институте генетики с 1929 г., содержал учебный материал по генетике, чуждый пониманию Лысенко. Он был специалистом по дрозозифле – объекту, который у Лысенко ничего, кроме насмешек, не вызывал.

«“Формальной” генетики, отличной от истинной генетики, – подчеркнул в своем выступлении Меллер, – не существует, ибо современная генетика включает в себя ряд связанных между собой положений, с которыми согласны в сущности все генетики. Основным из этих положений является положение о материальном существовании гена как особого образования, резко отличающегося от других составных частей организма. Реальное, материальное существование гена является столь же бесспорно доказанным фактом, как и существование атома. Доктрина Лысенко, Презента и других, сводящая на нет резкое различие между наследственным веществом и прочими частями организма, между генотипом и фенотипом, утверждающая, что отношения между ними полностью взаимны, что генотип несет в себе отпечаток развития фенотипа – несовместима с основами генетики, ибо она сводит на нет наиболее отличительные свойства гена как такового».

Обсуждая вопрос об устойчивости генов, а также о неадекватности их изменений влиянию факторов среды, Меллер сказал: “Гены, лежащие в хромосомах, явля-

¹³ Бюл. IV сессии ВАСХНИЛ. 1936. Т. 5. С. 6–10.

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ *Серебровский А.С.* Генетика и животноводство // Спорные вопросы генетики и селекции. Работы IV сессии Академии 19–24 декабря 1936 г. М., Л.: Сельхозгиз, 1937. С. 113.

ются наследственной основой не только лишь некоторых второстепенных признаков организма, но их признаков вообще, в том числе и признаков, различающих одни виды от других. Это дает нам право говорить, что ген является основой биологической эволюции.

Ввиду громадного числа генов, имеющих в организме, для успеха естественного отбора необходимо, чтобы ген был в высшей степени устойчивым, в противном случае виды распались бы. Количественные исследования показали, что данный ген изменяется (мутирует) лишь один раз в течение многих тысяч лет. И все же ввиду громадного числа наличных генов этой частоты достаточно для эволюции”¹⁶.

Свое выступление Меллер закончил следующими словами: “В Советском Союзе генетическая наука стоит особенно высоко. Это признается во всем мире, и дружба Советского Союза – а среди них есть много генетиков – чрезвычайно удовлетворены тем огромным стремлением поставить теоретическую науку, в том числе и генетику, на службу практики, какое у нас наблюдается. Мы имеем полное право ожидать, что мы будем служить примером в этом отношении. Тем более необходимо нам показать, что мы делаем это разумно и что наши практические деятели ясно понимают принципы теоретической науки”¹⁷.

Устойчивость генов, консервативность наследственности, о которых говорилось в докладах Меллера и Серебровского, послужили поводом для яростных нападок лысенковцев. Защита такой устойчивости наследственного материала истолковывалась ими как обезоруженность перед задачами активной переделки животных и растений для практики.

Н.В. Цицин, критикуя А.С. Серебровского, заявил, что все “слышали сказанные с пафосом акад. А.С. Серебровским слова, что недалеко то время, когда все величайшие открытия генетиков дадут возможность разрешить много вопросов, поставленных социалистической практикой.

Правда, это “недалеко” определяется по Серебровскому промежутком времени всего лишь в 50 лет. А ведь в этом гвоздь спора, так как Т.Д. Лысенко доказывает, что генетика в современном состоянии своего развития отстает на несколько лет от быстро растущей социалистической действительности. И глубоко прав Т.Д. Лысенко...”¹⁸.

Б.М. Завадовский в своем выступлении сказал: “В положениях, которые выдвигаются против акад. Лысенко, мы видим яркий пример научной неподвижности и застойности. Работы акад. Лысенко дали результаты, которые не подлежат сомнению, но генетике их “некуда втиснуть”¹⁹. Что же касается доклада Г.Г. Меллера, то Завадовский подчеркнул, что проф. Меллер, “...по-видимому, недостаточно полно информирован о характере, о содержании той дискуссии, которую мы ведем”.

С критикой рекомендаций Лысенко выступили селекционеры А.П. Шехурдин, П.И. Лисицын, П.Н. Константинов. Критические замечания касались вопроса вырождения сортов самоопылителей и его преодоления с помощью внутривидовых скрещиваний, а также практической значимости яровизации.

Животновод Д.А. Кисловский, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, заявил: “мы должны всеми силами поддерживать тот образ мышления и те опыты, которые ставит акад. Т.Д. Лысенко. Он открывает перед биологами широкие ворота к могучей творческой работе”²⁰.

¹⁶ Меллер Г.Г. Современное состояние экспериментальных данных о природе гена // Там же. С. 147.

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ Цицин Н.В. [Выступление] // Там же. С. 297.

¹⁹ Завадовский Б.М. За перестройку генетической науки // Там же. С. 183.

²⁰ Кисловский Д.А. [Выступление] // Там же. С. 209.

М.А. Ольшанский, будущий министр сельского хозяйства СССР, говорил о беспомощности генетики следующее: “Я имею в виду выполнение решений Всесоюзной конференции по планированию генетики селекционных исследований, состоявшейся в 1932 г. [...] Конференция составила пятилетний план генетических исследований, срок выполнения уже наступил, и мы вынуждены констатировать, что этот план не выполнен и на долю процента [...] в теории вашей, товарищи генетики, что-то неладно, и здорово неладно, причем неладно не в деталях, а в основе. Основу надо перетряхнуть”²¹.

В 1932 г. и в момент дискуссии 1936 г. Н.И. Вавилов стоял у руля генетики растений, а А.С. Серебровский был признанным лидером генетики животных. Кроме того, в 1935 г. в состав ВАСХНИЛ наряду с Т.Д. Лысенко были избраны Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский, М.М. Завадовский, П.И. Лисицын, П.Н. Константинов. Следовательно, в период, когда в руках генетиков находилось руководство сельскохозяйственной наукой, Н.И. Вавилов и А.С. Серебровский по существу уклонились от основных вопросов спора. Они защищали генетику, но не анализировали ошибки Лысенко, не прогнозировали последствия дискуссии для развития сельского хозяйства.

В речах Г.Е. Ермакова, И.И. Презента, Г.К. Мейстера и других резкой критике были подвергнуты евгенические взгляды А.С. Серебровского и Н.К. Кольцова.

Работа ВИРа под руководством Н.И. Вавилова также вызвала ряд недоброжелательных отзывов. Враждебными по отношению к Н.И. Вавилову были выпады бывшего аспиранта ВИРа (в 1936 г. – научный сотрудник) Г.Н. Шлыкова. Выступление Шлыкова на дискуссии 1936 г. предвосхитило его донос 1938 г., сыгравший роковую роль в судьбе Н.И. Вавилова. Г.Н. Шлыков в крайне резких выражениях, недобросовестно “разгромил” закон гомологических рядов наследственной изменчивости и концепцию Вавилова о центрах происхождения культурных растений. В заключение своего выступления Шлыков заявил, что идея Вавилова о центрах происхождения растений “может дать повод фашистским генетикам рассматривать концепцию “центров” как обоснование расистских законов”²².

Автор этих строк посвятил свое выступление защите основных принципов генетики. Так как это выступление очень наглядно, на мой взгляд, отражает ситуацию, сложившуюся в советской генетике в конце 1930-х годов, позволю себе привести его наиболее полно.

Обращаясь к присутствующим, я сказал:

“Дорогие товарищи, я думаю, что каждый из нас сознает, что настоящая дискуссия, свидетелями и творцами которой мы являемся, знаменует определенную дату в развитии генетики в СССР. И я думаю, что сейчас, когда перед нами стоят самые основные вопросы генетики (а нужно прямо сказать, что в настоящее время вопросы генетики есть вопросы мировоззрения в области органического мира, мировоззрения как специфической части, как конкретного преломления нашего диалектико-материалистического мировоззрения), в этот момент каждому из нас нужно занимать только одну позицию.

Нужно помнить великие слова, что единственной правильной политикой является политика принципиальная. И напрасно т. Гребень с этой высокой трибуны позволил себе недвусмысленное указание на то, что мы не можем высказать свою точку зрения по поводу воззрений акад. Лысенко (ибо только так нужно было понять это), что несогласия с воззрениями Лысенко есть дискредитация Лысенко (голоса: он не так говорил).

Мы присутствуем при очень тяжелом положении, когда целый ряд товарищей, дискусирующий по вопросам генетики, в первую очередь тов. Презент, и выступив-

²¹ *Ольшанский М.А. [Выступление] // Там же. С. 343–344.*

²² Бюл. IV Сессии ВАСХНИЛ. 1936. Т. 6. С. 11.

ший сейчас акад. Перов, и им подобные, хотят великой науке надеть дурацкий колпак. (Аплодисменты).

Ведь писал же Презент, что исследования того, “как устроено и как ведет себя некое специфическое “вещество наследственности” немногим более плодотворны, нежели, скажем, сложнейшие рассуждения на тему о том, как был устроен Адам, был ли у него пуп, если его не родила женщина и т.п.”. С другой стороны, нам ясно, что у ряда генетиков есть ошибки, подчас очень грубые и дискредитирующие науку. Например, у Серебровского были грубейшие, реакционные ошибки в вопросах антропогенетики, у него не было достаточного понимания того, что генетика представляет собою только элемент зоотехнической науки. В руководстве животноводческим фронтом у генетиков нет той неумемной страсти социалистической практики, пример которой показал тов. Лысенко.

Укажу, что, например, в высказываниях некоторых генетиков по вопросу о внутрисортном скрещивании кроется в дальнейшем возможность дискредитации генетики. Неверно, что внутрисортное скрещивание ничего не может дать. Мы знаем, что во многих случаях сорт не является практически чистолинейным, т.е. изогенным. Внутри этого сорта самоопыление будет приводить к выщеплению многих генотипов, что может послужить причиной его “вырождения”. Лысенко прав, когда он говорит, что скрещивание уменьшает разнообразие. Поэтому скрещивание может восстановить исходное состояние сорта.

Вопрос об успехе внутрисортного скрещивания – вопрос конкретный. Если сорт достаточно чист, Лысенко не получит то, что он обещает. Если самоопыление привело к расщеплению на генотипы, – Лысенко получит восстановление сорта при внутрисортном скрещивании. В данном случае только конкретная постановка может решить вопрос. Вместе с тем, очевидно, что значение внутрисортного скрещивания для практики может разбираться только в связи с задачами семеноводства и учитывать роль отбора, который может поддерживать любой сорт на нужном уровне.

В теоретической генетике, главным образом у генетиков-ботаников, еще прощаются элементы лотсианства, приводящие к практическому неиспользованию в своих работах мутационной теории и к представлению о “данных” запасах генов в виде. Элементы лотсианства имеются в законе гомологических рядов наследственной изменчивости Вавилова.

Товарищи, наука, конечно, делается людьми, но она с людьми не отождествляется. Наличие отдельных ошибок у некоторых руководящих генетиков совсем не означает, что основы генетической науки в какой-то мере порочны.

О порочности основ современной генетики совершенно также не свидетельствует тот факт, что ряд важнейших вопросов еще не разработан. Не разработан вопрос о конкретных формах действия гена в развитии, не изучена структура и природа самого гена и т.д. Не можем же мы серьезно считать неверным основы физической науки на основании того, что физика еще не смогла изучить природу и структуру атома, не дала рецептов к использованию внутриатомной энергии и т.п.

Однако в отношении генетики сделана попытка самые ее основы, кардинальные представления, на которых зиждется все здание генетической науки, объявить порочными, и я должен сказать, что на настоящем совещании действительно стоит вопрос о судьбах генетики в Советском Союзе. Не нужно играть в прятки, нужно прямо сказать, что если в области теоретической генетики восторжествует та теория, душой которой, по заявлению акад. Лысенко, является тов. Презент, то в этом случае современная генетика будет уничтожена полностью. (Аплодисменты).

С места. Что за пессимизм!

Дубинин. Нет, это не пессимизм. Острой постановкой вопроса я хочу сказать только то, что темой дискуссии являются самые кардинальные вопросы нашей науки.

Для того чтобы доказать это положение, я остановлюсь на трех главных теоретических посылах, которые высказал Презент.

Первое: по Презенту, клетка является неделимой в отношении наследственности. Он пишет, что “зигота в целом со всеми ее органеллами ... есть наследственность”. Это, конечно, верно, что клетка в целом и широком смысле этого слова есть наследственность. Однако совершенно неверно, что в клетке все структуры равноценны и равнозначны в отношении наследственности, т.е. в своем значении для развития особи.

Акад. Лысенко – Вы прочтите.

Дубинин – Я могу еще прочесть. Презент пишет, что в клетке “нельзя выделять ... вещество наследственности”. Это на простом человеческом языке и значит, что клетку нельзя дифференцировать в отношении различного значения ее структур для наследственности. Акад. Лысенко в своем докладе указал же, что, например, хромосомы и оболочка клетки равнозначны в наследственности.

Однако, если клетка целиком определяет собой наследственность, то мы могли бы спросить тов. Презента: какими же элементами определяется ее развитие?

Если вспомнить утверждение Ленина о том, что развитие всякой системы определяется раздвоением единого, то, очевидно, что клетка не может быть целиком предназначена для развития как совершенно равнозначная система; в клетке мы должны найти элементы противоречий. Эти элементы найдены. В основном они лежат в различии между протоплазмой и ядром. Существование этих различий является тем железным фактом науки, против которого невозможно спорить. Здесь дифференциация, являющаяся, по Энгельсу, основой всей жизни, совершенно обязательна.

В отношении равнозначности всей клетки для развития Презент развивает мысли двухсотлетней давности. Эта точка зрения развивалась гибризаторами в доменделевский период. Однако можно вспомнить слова Энгельса, что “первая наивная концепция обыкновенно правильнее, чем позднейшая метафизическая”. Но Презент проглядел, что этап метафизической концепции в отношении наследственного вещества уже пройден, что современная генетика строится на новых принципах, что она, в частности, показала дискретность и одновременно непрерывность наследственного вещества. Генетические эксперименты для наследственного вещества вскрыли основную характеристику всякой материи.

Далее нужно указать, что правильные элементы первой наивной концепции включены в теорию современной генетики. Клетка при ее дифференциации на ядро и плазму (главные элементы) и при дифференциации наследственного вещества на гены вместе с тем есть целостная система. Развитие организма также целостный процесс. Когда оплодотворенное яйцо развивается в организм, то гены, лежащие в основе развития, не представляют собой отдельных кусочков признаков, о чем здесь говорил Перов. Нелепые взгляды приписывает генетике и акад. Лысенко, когда он, излагая якобы генетические воззрения, пишет, что “в определенной хромосоме лежат крупинки вещества озимости”, или что “свойство озимости в виде крупинки здесь в гетерозиготе. – Н.Д.) есть, только оно не проявляется внешне”.

Все это полнейшая чепуха.

Развитие организма является целостным процессом и признаки в этом развитии не вырастают из отдельных кусочков, лежащих в хромосоме, а возникают как качественные новообразования. Опосредствованно пройдя через цепь качественных преобразований развития, любой признак возникает на основе всех генов данного организма и обратно, каждый ген влияет на развитие всех признаков. Эта целостность в действии генотипа, однако, не уничтожает возможности условно отдельные гены называть именем свойств организма, ибо в целостном развитии данный ген необходим для развития данного признака.

Таким образом, развитие организма и становление его признаков происходят на базе факториальной (генной) основы. Целостное развитие организма протекает во взаимообусловленности генов с плазмой со всеми элементами и органеллами клетки, в связи с новыми фенотипическими закономерностями, возникающими на основе развития как целого и на основе определенных факторов среды. И вот полностью материалистическая концепция о природе наследственного вещества, о целостности развития объявляется каким-то формализмом! Эта концепция объясняется почти равнозначней идеалистическим представлениям!

Акад. Лысенко, который своей теорией стадийного развития внес новую свежую струю в современную генетику, работает с целостным организмом. На данном этапе его фенотипической теории, пока он изучает несколько качественных стадий, возникающих на основе целостного развития особи, необходимость факториальной теории наследственности перед ним не обнаруживается, и он по сути дела не подозревает (или во всяком случае отказывается), что в основе этого целостного развития, в основе качественных преобразований клеток лежит (факториально) дифференцированная наследственная основа. Акад. Лысенко делает жестокую ошибку, отказываясь от факториальной теории. Когда же акад. Лысенко перейдет к следующему этапу, когда он будет больше гибридизировать, он должен будет открыть и вновь открыть законы Менделя. (Аплодисменты).

Теория Презента–Лысенко в данном вопросе просто не продумана, ибо в основе факториальной гипотезы лежат самые простые факты. Мы можем даже отвлечься от хромосом и других страшных вещей. Однако, если у гибрида имеются противоречивые тенденции развития, то очевидно, что они основаны на разных материальных элементах, полученных гибридом от разных родителей. При этом, так как наследственные свойства данного организма расходятся в последующих поколениях по различным потомкам, где сочетаются с разными свойствами других родителей, то ясно, что наследование этих свойств основано на наследовании особых материальных элементов, которые обособлены от других в каждой данной исходной клетке.

Эти простые вещи имеют прямое отношение к Вам, акад. Лысенко, потому что, если Вы до конца продумаете это положение, перед Вами с необходимостью встанут основы факториальной теории наследственности.

С места – Где же единое развитие?

Дубинин – Теперь об отборе. Во-первых, действие отбора Презент–Лысенко понимают совсем не по Дарвину (об этом ниже), а, во-вторых, они полагают, что на основе отбора все признаки на всех этапах развития организма и все процессы, связанные с эволюцией вида, должны обязательно быть непосредственно приспособительными. Они по существу не понимают, что дарвинизм как теория эволюции не ограничен принципом селекционизма. Они думают, что развитие дарвинизма в современном состоянии, это значит найти новую сферу для приложения принципов селекционизма или вскрыть непосредственную приспособительность тех или других признаков. И Презент вводит понятие естественного отбора как руководящую идею в понимание процесса слияния половых клеток.

Презент – Вы меня с Вейсманом спутали.

Дубинин – Я не спутал, я просто узнал Вас! (Аплодисменты). Презент думает, что его вейсманистская концепция борьбы между собою половых клеток при оплодотворении, так называемый “брак по любви”, есть высшее выражение дарвинизма!

Он думает, что, вводя вейсманистское представление о действии естественного отбора внутри клетки и объясняя таким путем расщепление, совершает великое дело развития дарвинистской теории!

Я прочту вам, как объясняет Презент в статье “За дарвинизм в генетике” тот факт, что две наследственные основы (будем говорить на языке Презента) расхо-

дятся в разные половые клетки. Он говорит, что в данном случае редуccionное деление хромосом и прочее – все это чепуха, ибо, по Презенту, “параллелизм между расщеплением признаков и кусочков хромосом – генов – является чистой водой допущением лишь в голове”.

Лысенко – Вы не так зачитали.

Дубинин – Давайте говорить по существу! Вместо великолепно изученного, исчерпывающе доказанного факта, что расщепление основано на расхождении хромосом в разные половые клетки, Презент, называя эти факты формализмом, пишет, что все дело в “условиях благоприятствования” для той и другой наследственной основы. При этом разные наследственные основы, по Презенту, ведут между собою борьбу за условия благоприятствования. Презент сравнивает эту борьбу с борьбой двух футбольных команд, он пишет: “Представьте себе две состязающиеся футбольные команды. Одна из этих команд, команда “А”, имеет преимущества, лучше играет, нежели команда “В”, но лишь при определенных условиях освещения, температуры и т.д.”. Т.е., другими словами, Презент, механистически заменяя имеющиеся внутри клетки определенные биологические закономерности, вносит внутрь клетки принципы селекционизма.

Это совсем по Вейсману. Затем отказывается от своих “духовных” отцов! Вейсман писал в “теории зародышевой плазмы” о том, что надо внести внутрь клетки селекционный принцип и на основе его понять преобразования, идущие в наследственном материале. Вейсман писал, что между биофорами (основные носители наследственности) идет постоянное соревнование (за питание и т.п.), в результате которого более приспособленные биофоры могут даже совершенно уничтожить своих конкурентов. Все совсем как у Презента! (Аплодисменты.) Представления о борьбе носят резко выраженный механистический характер и не случайно поэтому, что Вейсман (это мало знают) дополнил этот принцип чисто телеологическим представлением о “саморегулировании” зародышевой плазмы.

Худшие идеалистические стороны вейсманизма взял Презент для своей теории! И вот на этих-то принципах строится “теория” об управлении расщеплением!

Товарищи, в данном случае у нас есть достаточный авторитет – это Энгельс, великое имя которого здесь позорил акад. Перов (аплодисменты), когда он позволил себе великого мыслителя Энгельса смешивать с ламаркистами.

Энгельс писал: “Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю борьбу. Но совершенное ребячество (ребячество тов. Презента!) подводит все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу борьбы за существование”.

Тов. Презенту даже невдомек, что то явление...

Председатель – Ваше время истекло. (В зале шум, оратору дается еще 5 минут.)

Дубинин – Товарищи, вы видите – я не могу развить концепции современной генетики о системе вида и эволюции. Но, в частности, Презент даже не подозревает, что, например, явление отсутствия подбора между половыми клетками (исключая ряд специальных случаев селективного оплодотворения) есть высокий приспособительный признак.

Современная генетика в развитии формулы Энгельса открыла целый ряд явлений в структуре вида и в его эволюции, которые не имеют непосредственно селекционного значения. Однако эти явления выработаны отбором и необходимы для успешного действия самого отбора.

В данном случае мне кажется просто удивительным, что современная генетика, преодолевшая основное затруднение дарвинизма, а именно разрешившая вопрос о нивелирующем скрещивании, которое, по Дарвину, являлось главным камнем преткновения его теории, и давшая в теории популяций железные основы дарвинизма, объявляется антидарвинистской наукой. Теория популяций основана на представле-

нии об относительной устойчивости генов и на знании мутационного процесса, который течет все время.

Причиной мутаций служат внутриклеточные процессы, которые преломляют общую жизнедеятельность организма и действие факторов внешней среды. Однако при этом мутационный процесс имеет свои особые закономерности, которые исключают ламаркистское утверждение об унаследовании благоприобретенных признаков. Мутации генов по отношению к действию среды не имеют адекватно направленного характера. Этим конкретно доказано основное дарвинистическое представление о том, что отбор действует на случайные наследственные изменения и что на этой основе приспособление возникает с необходимостью. Именно генетика в теории структуры и эволюции вида конкретно показывает, что “дарвинова теория является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью” (Энгельс).

Товарищи, известно, что извращенный дарвинизм и извращенная генетика приспособлены в качестве основы для фашистско-расовой теории. Однако аргументами из области генетической теории популяций биологические квазинаучные основы фашизма вдребезги разбиваются.

Теперь последнее. Трофим Денисович всячески отказывается от жупела ламаркизма, я этому рад и все генетики этому рады.

Лысенко – Мне все время приклеивают это.

Дубинин – Однако вместе с Презентом творческую роль отбора Вы видите в закреплении направленно вызванных наследственных изменений. “Требования” растения во время их развития на той или иной стадии Вы механистически переносите на наследственную основу. Объяснения Ваших экспериментов по “перевоспитанию растений” имеют поэтому, безусловно, механико-ламаркистский характер, хотя Вы сами этого не осознаете. И то, что здесь не все благополучно, показывает выступление Перова, который раскрыл Вам объятия и говорит: “Трофим Денисович, мы с Вами ламаркисты, пожалуйте сюда”. (Аплодисменты.)

Перов, который выступил здесь на основе соображения, что “академик должен смочь свое суждение иметь”, и стал на такой уровень, что просто ему неудобно отвечать по существу. (Аплодисменты.)

Известно, что Перов старый враг генетики еще с тех времен, когда он был одним из лидеров механистов. Отказался ли он от механистических позиций, я не знаю. Перов давно вел борьбу с генетикой на фундаменте ламаркизма. Выступление Перова – яркое показание того, что ламаркизм поднимает голову. (Аплодисменты). А у нас с Вами, тов. Лысенко, нет большего врага, чем ламаркизм. Ламаркизм есть антиматериалистическая концепция. Ламаркизм есть теория вредная для народного хозяйства! (Аплодисменты.)

Лысенко – Правильно.

Дубинин – Я рад, что Трофим Денисович говорит “правильно”. Должен сказать два слова относительно дрозофилы. Здесь и в печатной дискуссии относительно работы с дрозофилой была высказываема неправильная и нелепая точка зрения. Дрозофила разводится не для самой дрозофилы. Дрозофила занимает весьма своеобразное положение в развитии современной генетики. Она является как бы тем маяком, тем источником, из которого исходит ряд основных закономерностей современной теоретической генетики. [...]

Мутационная теория и хромосомная теория наследственности в ее современном виде развиты на дрозофиле. Сам акад. Лысенко пишет, что он признает все значение искусственного получения мутаций. Но ведь метод искусственного получения мутации развит на дрозофиле. Дрозофила является в настоящий момент не просто мухой, а исходным сосредоточением ряда крупных генетических закономерностей. [...]

Кончая, товарищи, возвращаюсь к тому, что концепция Презента–Лысенко уничтожает современную генетику, и не прав тов. Б.М. Завадовский, который, по-видимому, просто не читал Презента, раз он утверждает здесь, что Презент принимает основы современной генетики. Генетика вошла в широчайшие умы народных масс. Несколько дней тому назад “Правда” (от 23.XII – 36 г.) в передовой “Центр советской науки” писала, что “такие недоступные старой деревне слова, как “гены” и “хромосомы”, “яйцеклетка”, “вид”, стали в колхозной лаборатории доступными и попятными. Вся масса селекционеров пользуется основными понятиями генетики и на них строит свою работу (ненаследование благоприобретенных признаков, факториальная природа наследственности, генетическое понимание роли отбора, расщепление и законы Менделя, соотношение генотипа и фенотипа, генетическое понимание природы и роли инцухта и т.д.).

Теоретическая генетика является одним из величайших успехов в развитии не только биологии, но и всей науки XX столетия.

И, несмотря на все это, Презент–Лысенко беспочвенно отбрасывают основы современной генетической науки, пытаясь заменить ее своей генетической теорией, которая основана на ряде неправильных толкований фактов, полученных Лысенко, на вопиющем недоучете имеющихся в мировом опыте данных по наследственности и изменчивости и на ряде методологически ложных посылок.

Кончая, хочу также сказать, что закономерности, открытые акад. Лысенко в отношении теории стадийного развития, закономерности апробации по некоторым признакам гибридов первого поколения и т.д. – все это является новой живительной струей в современной генетике, ибо они конкретно и действительно развивают важные вопросы феногенетики, имеющие для теории генетики и методики селекции большое значение.

Мы должны в современной генетике отбросить ряд плохих теорий. Целый ряд вопросов в теоретической генетике, еще не разработан. Необходима дальнейшая борьба за диалектико-материалистические позиции в теории и практике генетики. Нужна дальнейшая борьба за последовательный дарвинизм, для которого современная генетика является одной из неотъемлемых основ.

Основы современной генетики являются одним из решающих элементов в селекции и, конечно, акад. Лысенко, пройдя через известную стадию отрицания, неизбежно придет к утверждению основ современной генетики и вместе с ним мы будем строить и дальше действенную советскую генетику – острейшее орудие, направленное на нужды социалистического сельского хозяйства, острейшее орудие социалистической культуры и острое политическое орудие, направленное против расистского изуверства фашизма.

Но пока этого нет, до этого момента, пока этот этап не пройден, мы все будем говорить то, что мы думаем, и это будет залогом успеха и развития нашей науки”. (Аплодисменты)²³.

Тот факт, что Н.И. Вавилов и А.С. Серебровский уклонились от разоблачения ошибок Лысенко, а также отсутствие единства в выступлениях генетиков осложнило еще более их позиции.

Несколько позже, в 1938 г., для аспирантов ВИРа Н.И. Вавиловым была прочитана лекция по истории генетики. Он назвал ряд имен, с которыми он связывал основные этапы развития генетики в XX в. Этими учеными, по Вавилову, были Бэтсон, Де Фриз, Лотси, Коржинский, Морган, Фишер, Райт, Веттштейн, Иогансен, Уолдон, Дженнингс, Герст. Можно заметить определенную однобокость в подходе Вавилова к истории генетики, заключающуюся в том, что среди генетиков, назван-

²³ Дубинин Н.П. [Выступление] // Спорные вопросы генетики и селекции. М.; Л.: Сельхозгиз, 1937.

ных Вавиловым, не было имени ни одного отечественного ученого, хотя к тому времени Кольцов, Четвериков, Надсон, Карпеченко, Серебровский и другие уже создали целые направления в мировой генетике.

К сожалению, взаимной отчужденностью была проникнута и речь Н.К. Кольцова на сессии. В его призыве учиться крылось указание главным образом на малообразованность Лысенко и его сторонников. Вместе с тем Н.К. Кольцов бросил упрек и в адрес Н.И. Вавилова. “Я обращаюсь к Николаю Ивановичу Вавилову. Знаете ли Вы генетику как следует? Нет, не знаете [...] Но вот наш “Биологический журнал” Вы читаете, конечно, плохо. Вы мало занимались дрозофилой, и если Вам дать обычную студенческую задачу определить тот пункт хромосомы, где лежит определенная мутация, то этой задачи Вы, пожалуй, сразу не решите, так как студенческого курса генетики в свое время не проходили”²⁴.

Сбивало с толку и признание “заслуг” Лысенко со стороны генетиков, науку которых он уничтожал! Так, А.С. Серебровский сказал: “Социалистическое сельское хозяйство с его совершенно новыми формами и исключительными возможностями требует коренной перестройки науки, новых форм организации исследований, тесной связи с колхозным активом, образцы чего мы и имеем в ряде работ акад. Т.Д. Лысенко”²⁵. Н.К. Кольцов ни словом не обмолвился о своих взглядах на генетику человека, которые из-за его апологетики евгеники подвергались резкой критике. В прениях упоминалась статья А.С. Серебровского “Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе”, напечатанная в 1929 г. в трудах медико-биологического института, в которой, по словам выступавших, имелась совершенно дикая мысль о применении искусственного осеменения женщин в евгенических целях. В ответ на эту критику А.С. Серебровский заявил: “Эта статья представляет собой целый ряд грубейших политических и антинаучных, антимарксистских ошибок, о которых мне в настоящее время тяжело вспоминать”²⁶.

Председательствующий А.И. Муралов в заключительном слове, подводя итог дискуссии, прошедшей на IV сессии ВАСХНИЛ, сказал: “Платформа, которая может объединить всех участников дискуссии, указана в чрезвычайно ценном выступлении акад. Г.К. Мейстера”²⁷. Эти слова ставили преграду притязаниям Лысенко на переворот в сельскохозяйственной науке. А.И. Муралов был солидарен с Г.К. Мейстером, признававшим заслуги как генетиков, так и Лысенко.

Мейстер, основываясь на выступлении А.И. Муралова, занял эклектическую позицию. Он резко критиковал Серебровского, указывал на ошибки Вавилова, делал замечания в адрес Лысенко. Мейстер не понял истинной цели Лысенко и Презента, заложенной в дискуссии, – уничтожения генетики. О недооценке их намерений свидетельствуют следующие его слова: “В защиту генетики выступил здесь молодой наш советский ученый, успевший стяжать себе славу за границей, Н.П. Дубинин, но под влиянием охватившей его паники он совершенно неожиданно начал доказывать нам, что генетика свободна от формализма и строго материалистична. Я хотел бы указать Н.П. Дубинину, что паника его ни на чем не основана. На генетику как науку в Союзе ССР академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина отнюдь не покушается”²⁸.

Г.К. Мейстер, академик ВАСХНИЛ, генетик, был выдающимся селекционером, ему принадлежит честь создания ржанопшеничных гибридов. Он был руководителем саратовской селекционной станции. Сорты пшениц, выведенные им лично,

²⁴ Кольцов Н.К. [Выступление] // Там же. С. 243.

²⁵ Серебровский А.С. Генетика и животноводство // Там же. С. 72.

²⁶ Там же. С. 444.

²⁷ Муралов А.И. Заключительное слово // Там же. С. 476.

²⁸ Мейстер Г.К. [Выступление] // Там же. С. 416.

а также сорта станции в 1937 г. были высеяны на площади около 10 млн га. Саратовский сорт подсолнечника занимал около 70% всей площади этой культуры, сорта проса – 50% площади. В целом сорта саратовской селекционной станции занимали в стране 20 млн га. Г.К. Мейстер, этот авторитетнейший селекционер страны, в своих прогнозах будущего ошибся. Вскоре по окончании дискуссии Александр Иванович Муралов был арестован и погиб в 1937 г. Г.К. Мейстер был назначен президентом ВАСХНИЛ после ареста А.И. Муралова, но уже в 1937 г. он был также арестован и в том же году погиб. В 1938 г. после Г.К. Мейстера президентом ВАСХНИЛ был назначен Т.Д. Лысенко.

При всех перипетиях дискуссии 1936 г., при всех оскорблениях, лжи в свой адрес Н.И. Вавилов нашел в себе силы сказать в заключительном слове: “Первое, что необходимо, – побольше внимания к работе друг друга [...]

Мы будем работать, вероятно, разными методами в ближайшие годы, будем взаимодействовать лучше друг у друга, но основной цели во что бы то ни стало мы добьемся”²⁹.

Дискуссия 1936 г. укрепила позиции Т.Д. Лысенко и его сторонников, продвинула их к достижению своей цели – уничтожить современную генетику. Однако понадобились еще годы для того, чтобы осуществить задуманное...

ИЗ ДИСКУССИИ 1939 ГОДА, ВЫСТУПЛЕНИЕ Н.П. ДУБИНИНА³⁰

1937 и 1938 гг. были омрачены репрессиями, в которых по оговорам погибли тысячи невинных людей, преданных идеалам социализма. Погибли старые партийцы, пришедшие в генетику, – И.И. Агол, С.Г. Левит и молодой В.Н. Слепков, брат А.Н. Слепкова, помощника Н.И. Бухарина.

Все они работали в лаборатории А.С. Серебровского. Агол и Левит прошли длительную стажировку по генетике в США, Слепков – в Германии. С.Г. Левит организовал и был директором медико-генетического института, в работах которого принимали участие Г. Меллер и А.С. Серебровский.

Положение Н.И. Вавилова было очень сложным. В 1937 г. в Москве должен был состояться международный конгресс по генетике. Н.И. Вавилов потратил много сил на его организацию. Он возлагал на него большие надежды, ибо полагал, что работа конгресса во многом оздоровит обстановку, сложившуюся в связи с атаками на генетику со стороны Т.Д. Лысенко и И.И. Презента. Конгресс, безусловно, подтвердил бы огромные успехи советской генетики. На пленарных заседаниях предполагались выступления ведущих советских и зарубежных ученых. Программой, выработанной оргкомитетом конгресса, на первом пленарном заседании по проблеме “Эволюция в свете генетических исследований” намечались выступления Меллера (США), Холдейна (Великобритания), Харланда (Бразилия) и мое.

Н.И. Вавилов должен был произнести вступительную речь. Конгресс, несомненно, поддержал бы развитие научной генетики в СССР на базе хромосомной теории наследственности и серьезно укрепил бы положение Н.И. Вавилова как лидера советской и одного из лидеров мировой науки. К предполагаемому конгрессу в 1937 г. были изданы отдельным сборником классические работы основоположников хромосомной теории наследственности Т. Моргана и Г. Меллера. Однако все усилия Н.И. Вавилова оказались напрасными. В Москве конгресс не состоялся. Он состоялся в том же 1937 г. в Шотландии, в Эдинбурге. И хотя Н.И. Вавилов был избран председателем оргкомитета, в разрешении на выезд ему было отказано.

²⁹ Вавилов Н.И. [Выступление] // Там же. С. 473.

³⁰ Дубинин Н.П. История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992. С. 74–156. (С большими сокращениями).

Этим был нанесен большой удар по престижу Н.И. Вавилова внутри страны, одновременно осуждены его обширные связи с зарубежными учеными и учреждениями, столь характерные для его деятельности.

И еще одно событие взволновало вавиловский институт. Оно было связано с уходом из института группы зарубежных ученых, которых в свое время Н.И. Вавилов пригласил для усиления работ по теоретической генетике. Уже несколько лет в институте работали специалисты по дрозофиле Г.Г. Меллер и Д. Раффел из США, К. Офферман из Аргентины, а по генетике растений – Д. Костов из Болгарии. Покинув нашу страну, они тем самым дали возможность упрекать Вавилова в том, что он якобы ориентировался на буржуазных ученых.

Т.Д. Лысенко полагал, что, разбив законы Менделя, он подорвет основы всей классической генетики и достигнет наибольшего успеха в борьбе с этой “буржуазной” наукой.

О законе Менделя Т.Д. Лысенко в 1938 г. высказывался так: “Если я резко выступаю [...] против твердыни и основы генетической науки, против “закона” Менделя, [...] так это, прежде всего потому, что этот “закон” довольно сильно мешает мне в работе, в данном случае мешает улучшению семян хлебных злаков”³¹.

Таким образом, критика генетики переходила на новый уровень. Ранее теоретическая генетика критиковалась за отрыв от практики, теперь выдвигалось более опасное обвинение – генетика мешает практике.

Мнение о том, что кто-то мешает практической деятельности Лысенко, получило отклик и у руководителей государства. М.И. Калинин в письме к В.П. Разумовскому от 20 августа 1938 г. писал: “Прошу Вас обратить внимание на работы молодого ученого Трофима Лысенко, они могут весьма скоро стать новой страницей в агрономической науке. В отличие от чисто научных изысканий наших кабинетных биологов, работы Лысенко носят исключительно практическое значение. Их надо поддержать и оградить от нападков со стороны”.

Позднее, в 1939 г., на совещании работников сельского хозяйства М.И. Калинин говорил: “Прошу всех учесть, что особую заботу надо оказывать нашей молодой агрономической науке, прежде всего работам Т.Д. Лысенко и его учеников, ибо только такая наука, тесно связанная с практикой сельского хозяйства, позволяющая непосредственно и в короткие сроки внедрять в жизнь достижения великого Ивана Владимировича Мичурина, нужна нам”.

Развивая свои идеи, в 1938 г. Лысенко выдвинул новые обоснования мифа о том, что он создает особую мичуринскую биологию. Лысенко широко использовал авторитет И.В. Мичурина для достижения своих целей... Свои теоретические положения он называл мичуринскими и заявлял, что необходимо перестроить все обучение в высшей школе на “основе мичуринского учения, решительно выкорчевывая все лженаучные “теории”, глубоко проникшие в агрономические науки, в особенности в разделе учения о наследственности”. Особенно упорно Лысенко развивает мысль о том, что при помощи прививок у растений якобы можно получить гибриды, равноценные возникающим при скрещивании. Он заявляет: “Пора резко повернуть семеноводческую работу на рельсы мичуринской теории”³². При этом под флагом мичуринской теории он выдвигает свои необоснованные приемы направленного воспитания наследственности у сортов зерновых.

По инициативе Лысенко поднимается вопрос, над которым безуспешно бились целые поколения селекционеров, – вопрос о выведении зимостойких сортов озимых

³¹ Лысенко Т.Д. Внутрисортное скрещивание и менделистский “закон” расщепления // Яровизация. 1938. № 1/2. С. 126.

³² Лысенко Т.Д. Мичуринскую теорию – в основу семеноводства // Яровизация. 1938. № 4/5. С. 39.

на востоке. Здесь озимые не выдерживают суровых зим, они погибают. Вся гигантская территория Сибири засеивается яровыми. Лысенко дал обещание за 3–5 лет создать зимостойкие сорта. Это обещание, как и многие другие, не могло быть выполнено. Зимостойких озимых сортов пшеницы на востоке не существует и по сей день, т.е. более чем через 50 лет.

В 1939 г. И.И. Презент так писал о Н.И. Вавилове: “Целиком на основах метафизики морганизма, еще более углубляя его лженаучные положения, строит свою теорию гомологических рядов и центров генофонда академик Н.И. Вавилов”³³. Месяц спустя Т.Д. Лысенко писал: “Нередко можно слышать: но все-таки мировая менделевско-моргановская наука кое-что дала полезного, все-таки продвинула вперед теорию о жизни и развитии растений.

Приходится еще раз заявить, что буржуазная менделевско-моргановская генетика буквально ничего не дала и не может дать для жизни, для практики. Ее основы – неверные, ложные, надуманные. [...]

Можно указать на многочисленные случаи, когда ложное менделевско-моргановское учение мешает в работе тем ученым, которые искренне хотят делать полезное дело”³⁴.

Таким образом, в 1939 г. Т.Д. Лысенко сформулировал свой тезис. Он объявил классическую генетику лженаукой и предложил заменить ее своим направлением, которое назвал мичуринским учением. Наиболее полно свои взгляды он изложил на дискуссии 1939 г.

Осложнилась обстановка внутри коллектива Института генетики АН СССР и коллектива ВИРа, которыми руководил Н.И. Вавилов.

В 1924 г. был создан Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур. Н.И. Вавилов стал его директором. Председателем ученого совета института был избран Н.П. Горбунов, бывший секретарь Совнаркома при В.И. Ленине.

В 1927 г. Д.Д. Арцыбашев, заведующий отделом натурализации древесных культур, обратился к Горбунову с письмом, в котором жаловался, что Н.И. Вавилов нарушил свои полномочия, назначив и. о. заведующего отделом на время его (Арцыбашева) отсутствия без согласования с ним и ученым советом института. В отсутствие Вавилова (он был в Италии) прошло бурное заседание совета. Н.П. Горбунов поддержал критику в адрес Вавилова. Он даже написал по этому поводу открытое письмо, адресованное членам совета.

Вавилова укоряли в уклонении от решения практических задач и насущных потребностей страны, в чрезмерном академизме, проявленном в работе по сборам растений со всех пяти континентов, в игнорировании значения технических культур и т.д. Выступление Д.Д. Арцыбашева было подхвачено и развито И.Д. Шимановичем, А.К. Кодем и др.

Н.И. Вавилов подал в отставку. Однако Н.П. Горбунов уговорил его взять заявление обратно. Тем не менее, 29 января 1936 г. в газете “Экономическая жизнь” появилась статья А.К. Коля, в которой он, критикуя Н.И. Вавилова уже как директора ВИРа, писал: “Революционное задание В.И. Ленина обновить соцземлю новыми растениями оказалось сейчас подмененным реакционными работами по прикладной ботанике над центрами происхождения растений. Под прикрытием имени Ленина окрепло и завоевывает гегемонию в нашей сельскохозяйственной науке учреждение насковзь реакционное, не только не имеющее никакого отношения к намерениям Ленина, но и классово чуждое и враждебное. Речь идет об институте растениеводства Сельскохозяйственной академии им. Ленина”.

³³ Презент И.И. О лженаучных теориях в генетике // Там же. 1939. № 2. С. 99.

³⁴ Лысенко Т.Д. Творец советской агробиологии // Там же. № 3. С. 18.

К 1939 г. атаки на Вавилова продолжила группа молодых сотрудников, бывших аспирантов института, во главе которой были С.Н. Шунденко, Г.Н. Шлыков и другие.

Оппозиция Н.И. Вавилу утверждала, что в ВИРе имеет место полный зажим критики. Вместе с тем критике были подвергнуты все научные достижения Вавилова, его противники объявили его антидарвинистом. Уже была издана книжка Шлыкова “Интродукция растений”, в которой закон гомологических рядов наследственной изменчивости был объявлен “мертвой схематизацией жизни”, а работа по центрам происхождения растений – “копанием в дебрях”. Выступая на дискуссии 1939 г., Шлыков заявил, что учение о центрах происхождения растений дает аргументы для расистских, фашистских концепций. В 1939 г. вопреки мнению Вавилова приказом Лысенко – президента ВАСХНИЛ – С.Н. Шунденко был назначен заместителем директора ВИРа, а Г.Н. Шлыков – заведующим отделом интродукции.

На одном из профсоюзных собраний коллектива ВИРа агроном Куприянов кричал, что теория Вавилова – вредная теория, что она должна быть “каленным железом выжжена”, что Сталин сказал, “что нужно не так работать, как работает Вавилов, а так, как работает Лысенко”.

Крепла оппозиция Н.И. Вавилу и в Институте генетики. Ее возглавляли Н.И. Нуждин, Р.Л. Дозорцева и др. Н.И. Нуждин заявил, что Институт генетики оторван от идеологической работы, от работ Лысенко, ничего не дает для практики. Р.Л. Дозорцева, парторг института (жена Н.И. Нуждина) говорила, что в институте нет активной борьбы против фашистской расовой теории. Вавилова настойчиво предлагалась кандидатура Н.И. Нуждина в качестве заместителя директора. Вавилов категорически отказывался, и Н.И. Нуждин стал заместителем директора лишь в 1940 г., когда место директора Института генетики занял Лысенко.

Удар по Н.К. Кольцову был нанесен при очередных выборах в Академию наук СССР, которые намечались на 1939 г. Среди кандидатов в академики были выдвинуты зоолог Л.С. Берг, генетик Н.К. Кольцов и генетик-животновод, вице-президент ВАСХНИЛ М.М. Завадовский. Однако в 1939 г. в газете “Правда” появилась статья, в которой научная деятельность всех трех выдающихся ученых была подвергнута недобросовестной критике. В отношении Кольцова в статье говорилось: “Нетрудно убедиться в полном идейном родстве евгенических взглядов профессора Кольцова и современных фашистских ученых”³⁵.

Появление статьи послужило сигналом для создания комиссии президиума АН СССР, которой было поручено оценить работу института, руководимого Кольцовым. В состав комиссии входили академики А.Н. Бах (председатель), Н.Н. Бурденко, Т.Д. Лысенко, академик АН УССР А.А. Сапегин (зам. директора Института генетики АН СССР), члены-корреспонденты АН СССР Х.С. Коштойяц, Н.И. Гращенков и др. В документе от 28 апреля 1939 г. комиссия признала, что газета “Правда” правильно квалифицирует деятельность Н.К. Кольцова и приняла рекомендацию реорганизовать Институт экспериментальной биологии. На базе реорганизованного Института появился Институт цитологии, гистологии и эмбриологии во главе с профессором Г.К. Хрущовым. По докладу комиссии президиум АН СССР 16 апреля 1939 г. освободил Н.К. Кольцова от должности директора...

29 января 1939 г. в академики АН СССР были избраны Т.Д. Лысенко и Н.В. Цицин. Событие это получило большой резонанс в печати. Обоих называли “народными академиками”...

С 7 по 14 октября 1939 г. в Москве под руководством редколлегии журнала “Под знаменем марксизма” состоялось Совещание по генетике и селекции. Предпо-

³⁵ Бах А.Н., Келлер А.А., Коштойяц Х.С. и др. Лжеученым не место в Академии наук // Правда. 1939. 11 янв. № 7696.

лагалось, что в таких условиях можно будет объективно разобраться в спорных вопросах генетики, имевших первостепенное значение для биологии, для практики сельского хозяйства, а также для материалистической философии.

Председательствовал на заседаниях член редколлегии журнала, академик-философ Марк Борисович Митин...

Т.Д. Лысенко был академиком АН СССР, президентом ВАСХНИЛ, он ставил своей задачей возглавить руководство не только сельскохозяйственной, но и всей биологической наукой страны. Эти претензии выразил В.К. Милованов, в те годы крупный работник по вопросам искусственного осеменения животных: "С Лысенко весь советский народ, тысячи специалистов и колхозников, которые под его руководством творят замечательные дела [...] Именно нет группы Лысенко, а есть оторвавшаяся от практической жизни небольшая группа генетиков, которая совершенно себя дискредитировала в практике сельского хозяйства".

Однако претензиям Лысенко на дискуссии 1939 г. был дан должный отпор со стороны генетиков. Результатом дискуссии явилось установление определенного равновесия, которое продолжалось в течение последующих девяти лет.

После вступительного слова М.Б. Митина выступили М.М. Завадовский, Б.М. Завадовский, Б.А. Келлер, В.К. Милованов, Ю.Я. Керкис, С.И. Алиханян; Н.И. Вавилов выступил седьмым по счету.

Обзор совещания, принадлежащий редакции, так охарактеризовал выступление Н.И. Вавилова: "С большой речью выступает акад. Н.И. Вавилов. От крупного ученого, каким является акад. Н.И. Вавилов, совещание ожидало глубокого критического анализа существа спорных вопросов, характеристики создавшегося положения и, наконец, решительной самокритики. К сожалению, ни того, ни другого, ни третьего тов. Вавилов в своем выступлении не дал. Речь его была проникнута пиз-тэтом перед зарубежной наукой и нескрываемым высокомерием по адресу отечественных новаторов науки"...

Мое выступление было 31-м:

Товарищи, на настоящем обсуждении существенных вопросов нашей науки мы должны обратиться, конечно, к тому, что является основным в деле дальнейшего развития генетической и селекционной науки в нашей стране.

Самый факт организации настоящего обсуждения указывает, что генетическая наука имеет громадное значение для всей биологической науки нашей страны, для ряда вопросов нашего конкретного мировоззрения в области органической природы и для практической деятельности. И не кто иной, как акад. Лысенко, ставит этот вопрос с исключительной прямоотой и с исключительной принципиальностью. Он прямо говорит, что действительно основные, коренные разногласия имеются между представителями генетики и представителями того нового течения, которое возглавляет акад. Лысенко. Он говорит, что коренные разногласия определяют построение важнейших теоретических положений дарвинизма в его современном развитии и важнейших направлений всей селекционной работы в Советском Союзе. Мы можем здесь повторить великие слова о том, что единственно правильной политикой является политика принципиальная. Совершенно ясно, что настолько назрели вопросы, обсуждаемые на настоящем совещании, что их обсуждение совершенно необходимо. Необходимо иметь компетентное суждение по этим коренным разногласиям. Трофим Денисович Лысенко прямо говорит, что будет менделизм – одним образом будет строиться вся селекционная работа, не будет менделизма – по-другому она будет строиться.

Совершенно ясно, что если менделизм существует, то акад. Лысенко придется пересмотреть целый ряд своих теоретических построений о природе наследственности и изменчивости. И если акад. Лысенко убедится, что менделизм существует, то он со всей присущей ему прямоотой это признает.

Менделизм появился в развитии биологической науки как новая, прогрессивная биологическая теория. Совершенно неправильно излагать дело таким образом, что самое появление менделизма представляет собой продукт империалистического развития капиталистического общества. Конечно, менделизм после своего появления был извращен буржуазными классовыми учеными. Мы прекрасно знаем абсолютную истину, что всякая наука – классовая наука. Однако в смысле вскрытия новой биологической закономерности менделизм нес в себе новое содержание, и это, как никто, отметил великий дарвинист К.А. Тимирязев.

Ведь К.А. Тимирязев указал (и мы должны прислушиваться к его мнению с особым вниманием), что менделизм устраняет “самое опасное возражение, которое, по словам самого Дарвина, когда-либо было сделано его теории”. Известно – и это является также одним из существенных наших разногласий, – что Дарвин значительную часть своей эволюционной теории построил на представлении об огромном значении так называемой неопределенной изменчивости. Дарвин сумел объяснить возникновение целесообразности не как свойства изначально присущего живой материи, а как продукта исторического развития; это оказалось возможным только благодаря обоснованию величайшего дарвиновского учения о неопределенной наследственной изменчивости. Энгельс, указывая на эту сторону учения Дарвина, ведь говорил, что “дарвинова теория является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью”.

И вот эта огромная сторона дарвиновского учения – которая, забегая несколько вперед, позволю себе это сказать, совершенно не учитывается акад. Лысенко, – была поставлена под сомнение тем учением о наследственности, которое было основным во всем XIX веке. Было общепринятым, что при скрещивании всякое неопределенное отклонение растворяется, исчезает, потому что наследственность не дискретна, наследственность не связана с наследованием отдельных признаков, а представляет собой только общие свойства. Менделизм разрушил эту теорию. В этом отношении, в смысле преодоления этой старой точки зрения, в смысле показания того, что наследственность как объективная категория совершенно отвечает требованиям дарвинизма относительно понимания неопределенной изменчивости, – в этом отношении менделизм был новой, прогрессивной биологической теорией.

Для того чтобы не быть голословным, я начну со следующего. К.А. Тимирязев, указывая на это затруднение, возникшее перед дарвинизмом, которое было особенно подчеркнуто Дженкинсом, говорит о нем как о “кошмаре Дженкинса, испортившем столько крови Дарвину”. Этот кошмар и состоял в учении о поглощающем скрещивании, которое, казалось, разрушало основы теории Дарвина. Я считаю, что одна из крупнейших заслуг К.А. Тимирязева, до сих пор не оцененная по-настоящему генетиками, состоит в раскрытии значения менделизма для теории эволюции. Все современные учения об эволюции популяций (например, у Фишера, сошлюсь на его книгу “Генетическая теория естественного отбора” и другие), своими принципиальными корнями уходят в представления К.А. Тимирязева (1909 г.) о значении законов Менделя для понимания эволюции.

К.А. Тимирязев писал: “Закон Нодена–Менделя, по которому потомство помеси при ее самооплодотворении дает начало не только средним формам, но воспроизводит и чистые формы родителей, имеет, очевидно, громадное значение для эволюции организмов, так как показывает, что скрещивание вновь появившихся форм не грозит им уничтожением, а представляет для естественного отбора широкий выбор между чистыми и смешанными формами, чем устраняется то возражение против дарвинизма (в Англии высказанное Флеммингом, Дженкинсом, у нас повторенное Данилевским), которое и сам Дарвин признавал самым опасным для его теории”.

Дальше К.А. Тимирязев пишет: “Самым важным результатом в этом смысле является, конечно, тот факт, что признаки не сливаются, не складываются и не делаются, не стремятся стусшеваться, а сохраняются неизменными, распределяясь между различными потомками. Кошмар Дженкинса, испортивший столько крови Дарвину, рассеивается, без следа”.

Таким образом, К.А. Тимирязев совершенно ясно говорит об относительной изменности признаков и, следовательно, об относительной устойчивости той наследственной основы, которая определяет наследование этих признаков. Тов. Лысенко и товарищи, которые так часто выставляют К.А. Тимирязева в качестве абсолютного антименделиста, я считаю, что с вашей стороны нехорошо (в самом мягком значении этого слова) пройти мимо такого совершенно ясного указания Клементия Аркадьевича. Вам нужно совершенно прямо сказать, что К.А. Тимирязев ошибался в оценке закона Менделя в этой его части. Я уверен, что у Т.Д. Лысенко хватит смелости это сказать, если он считает, что К.А. Тимирязев действительно ошибался.

С места – А вы посмотрите, что сказано 5 страницами дальше.

Дубинин – Оценка К.А. Тимирязевым менделизма исключительно важна, ибо ему мы верим как никому из биологов в вопросах дарвинизма. Клементий Аркадьевич указал на огромное значение закона Менделя; его указание в этом отношении исключительно важно. Указание К.А. Тимирязева о том, что менделевская закономерность не может быть абсолютизирована как единственная закономерность наследственности, безусловно, верно. Мы прекрасно знаем, что существует целый раздел важнейших явлений, связанных с плазмой в наследственности. Совершенно ясно, что принципиально Тимирязев был абсолютно прав. Другое дело – оценивать конкретные высказывания Тимирязева по этому вопросу. В этом отношении я расхожусь с ним и полагаю, что менделевская наследственность имеет гораздо более широкое значение, чем это считал Тимирязев. Почему? Потому что менделевская наследственность связана с важнейшим явлением жизни клетки – с ядром, с хромосомами, о которых и тов. Лысенко сказал, что раз выработалось во всякой живой клетке такое существеннейшее явление, как существование ядерных структур, состоящих из хромосом, то очевидно, что они имеют серьезное значение. Так вот, я считаю, что генетика доказала, что менделевская наследственность с этими хромосомами связана. Совершенно ясна огромная значимость менделевской закономерности, ибо она связана с основными структурами клетки.

Тов. Лысенко, нельзя проходить мимо объективных явлений природы. Вы один из ученых, которые с необычайной силой хватаются за конкретные явления мира, – вот что определяет в вас эту необыкновенную связь с действительными, жизненными задачами науки и практики нашей страны. Но нельзя же при вашем таком свойстве проходить мимо огромных явлений мира, связанных с закономерностями расщепления. Ведь это же объективно существующий факт. Здесь выступали В.С. Кирпичников и Я.Л. Глембоцкий. Это прекрасные выступления, но и кроме их материалов есть огромное количество фактов о закономерностях расщепления. Вы строите новую биологическую теорию. Возьмите эти факты и попытайтесь их понять.

Я должен сказать вам, тов. Лысенко, что вы отмахивались от этих фактов, вы их отбрасывали, и такое заявление, которое вы сделали здесь вчера о том, что “я просил эти факты, а мне их не давали”, это несерьезно. Это попытка отмахнуться. Неужели тов. Лысенко за время его работы сам не мог десять тысяч раз проверить это дело своими руками? Он сам говорил, что менделизм является коренным вопросом и, если менделизм прав, он пересмотрит свое отношение к ряду важнейших вопросов теории и практики генетики. Так неужели нельзя было самому сделать проверку?

Что заставляет акад. Лысенко отрицать менделизм? Я должен сказать прямо. В данном случае я вас, Трофим Денисович, не узнаю.

Лысенко – Я есть такой.

Дубинин – Почему я не узнаю вас? Вы вчера говорили, что исходя из философии диалектического материализма, можно отрицать закономерность расщепления по типу 3 : 1, вы писали это и раньше. Но ведь получается же расщепление потомков гибридов по одной паре признаков в отношении 3 : 1, это объективно существующий факт.

Голос – Факт и закон – разные вещи.

Дубинин – Акад. Лысенко заявил вчера: “Я без единого эксперимента объявил, что этого не было, нет и не будет”.

Товарищи, видите, в чем дело. Вы нашим материалам о менделизме не верите.

Лысенко – Я вам верю, но фактов у вас нет.

Дубинин – Хорошо. Вы К.А. Тимирязеву верите? Что по этому вопросу писал Тимирязев? Вот что писал он, и к этим словам нужно было прислушаться: “Так как, повторяем, – писал Тимирязев, – нас здесь интересуют не законы наследственности, обнаруженные любопытными опытами Менделя, а лишь их отношение к дарвинизму, то мы можем ограничиться этими сведениями, сказав только, что они были подтверждены многими позднейшими опытами”.

Так вот, товарищи, явления менделевской наследственности являются совершенно объективно существующим фактом. Теория менделевского наследования связана с хромосомной теорией наследственности. То, что К.А. Тимирязев обрушился на буржуазных ученых, Бэтсона и др., которые попытались противопоставить менделизм дарвинизму, и сделал это со всей силой своего блестящего таланта, – в этом он был абсолютно прав. Однако К.А. Тимирязев неоднократно писал – и вы это прекрасно знаете, – что он обрушивается на мендельянцев, но не на менделизм. На мендельянство в том его извращении в приложении к теории эволюции, которое было проделано Бэтсоном.

Авякян – А Н.И. Вавилов?

Дубинин – Попытки Бэтсона – это действительно вреднейшие, антиэволюционные, антиисторические, идеалистические попытки. Как совершенно правильно указывал Тимирязев, это попытки классового извращения науки, направленные против новых побед материализма.

К сожалению, здесь нет тов. Кольмана. В общей части своей статьи о тов. Енине он с совершенно ненужной резкостью заострил вопрос о менделизме, сказав, что здесь, видите ли, полная математизация явлений. К сожалению, здесь не был оценен вопрос о тетрадном анализе. Ведь в случаях зиготической редукции расщепление можно обнаружить без всякой статистики; в этих случаях выступает чистая биология расщепления. И в данном случае, тов. Лысенко, конечно, пустяки – такая критика, которую дает Презент, когда говорит, что 3 : 1 “это – просто случайность”. Это ведь его слова о том, что выйдите на “улицу города Москвы и считайте число двух сортов автомобилей, например черных и серых, – будет 3 : 1, выйдите на берег моря, считайте цвет камушков – будет 3 : 1 и т.д.

Во-первых, это просто выдумка, будто бы отношение 3 : 1 является общим выражением случайности явлений, что и приводит к тому, будто бы и автомобили, и камни, и т.д. – все дадут “случайное” отношение в пропорции 3 : 1. Расщепление потомков гибридов по одной паре признаков в отношении 3 : 1 хотя и возникает на основе объективно случайных встреч отдельных представителей от двух равновероятных сортов гамет, которые образует каждый гибрид, тем не менее является расщеплением строго закономерным. База этой закономерности состоит в том, что появление двух равновероятных сортов гамет у гибрида покоится на строгой биологической закономерности, связанной с редукционным делением хромосом. Во-вторых, нет ничего страшного в том, что многие биологические явления можно иллюстрировать и изучать при помощи статистических опытов и математических формул.

Чтобы иллюстрировать бессмысленность основ критики типа Презента, обратимся к следующему примеру. Вот перед вами вариационная кривая. Что это такое? Это – распределение численных значений коэффициентов бинома Ньютона, это чистая математика. Но выйдите, сорвите с березы 100 листьев, измерьте их и распределите по классам... Что у вас получится? Получится вариационный ряд. Значит, биологические закономерности можно иллюстрировать математическим методом. Так что же это за критика менделизма, которая говорит, что если при бросании монеты можно получить 3 : 1, то, мол, расщепление гибридов по одной паре признаков, дающее в среднем трех доминантов (например, трех серых овец) на одного рецессива (черную овцу), не покоится на биологических закономерностях, а является чистой случайностью?

Это критика для маленьких детей. Что касается нас, то мы давно усвоили ту элементарную истину, что математика является лишь методом, который отнюдь не компетентен в деле обнаружения самой биологической сущности явления. Всем памятна ошибка науки о наследственности конца XIX и начала XX вв., связанные с именами Гальтона и Пирсона, которые формально-математическими методами описывали явления наследственности и пытались решать биологические проблемы как математические задачи. Необходимо также указать, что обсуждаемые нами закономерности расщепления в отношении 3 : 1 являются лишь самой элементарной формой расщепления у гибридов. Реальное богатство наследственности огромно: оно специфично у разных форм. В современной науке о наследственности конкретная форма расщепления в отношении 3 : 1 является лишь деталью. Важны те основные биологические закономерности, которые создают базу для менделевского расщепления как по типу 3 : 1, так и по другим, несравненно более сложным формам расщеплений. Современная генетическая теория скрещивания достаточно сложна, и даже менделизм, который, как мы указали, далеко не исчерпывается популярными формулами расщеплений, составляет лишь одну из частей общей генетической теории скрещивания.

Однако обратимся к мнению других уважаемых нами корифеев науки относительно реальности и значимости менделевских закономерностей расщепления. Обратимся к покойному корифею советской зоотехники акад. М.Ф. Иванову.

Тов. Гребень сделал попытку извратить взгляды М.Ф. Иванова. Я не понимаю, зачем нужно было тов. Гребню извращать своего учителя. Тов. Аляханян взял и прочитал из М.Ф. Иванова, где черным по белому написано, что менделизм имеет громадное значение для практики. Еще в 1914 г. вышла большая книга Ел. Анат. Богданова под названием “Менделизм или теория скрещивания”, где он показывает всю фактическую обоснованность и крупное значение менделизма для практики разведения животных.

Обратимся к И.В. Мичурину. Имя Мичурина как великого преобразователя природы, его жизнь, его труды для нас, товарищи, являются знаменем.

Мы знаем целый ряд высказываний против менделизма у Мичурина, но нужно сказать, что это высказывания более ранние. Однако позднее он признал существование менделевского расщепления и писал, в частности, что к ряду растительных форм законы Менделя применимы во многих их деталях. Обращаясь к более поздним трудам И.В. Мичурина, где он подводил итоги своей работы, прочту следующее. Трофим Денисович, вы первый мичуринец у нас, но я прочту для сравнения то, что вы пишете о менделизме, с тем, что писал о нем Мичурин в своей книге “Итоги шестидесятилетних работ”. Вы писали с излишней страстностью по этому вопросу. Это такой коренной вопрос, что его сначала нужно продумать, исследовать, а потом решать. Вы пишете в 1939 году: “На мой взгляд, из программ курсов вузов, а также из теоретических и практических руководств по семеноводству пора уже нацело изъять менделизм со всеми его разновидностями”.

Вам небезызвестно, что Мичурин писал следующее:

“При исследовании применения закона Менделя в деле гибридизации культурных сортов плодовых растений рекомендую для начала ограничиться наблюдением наследственной передачи одного из двух признаков, как это имело место у самого Менделя в его работах с горохом”.

А дальше Иван Владимирович как будто бы прямо отвечает вам, тов. Лысенко, на вопрос о том, нужно ли преподавать менделизм.

“Крайняя необходимость, – пишет Иван Владимирович, – таких показательных практических опытов в настоящее время вполне очевидна по своей пользе, особенно в деле подготовки новых молодых кадров для социалистического плодово-ягодного хозяйства, практически знакомых с вопросом выведения новых улучшенных сортов плодово-ягодных растений”.

Товарищи, не представляет никакого сомнения, что у акад. Лысенко с вопросом менделизма получился большой конфуз. Но я думаю, что в значительной степени этот конфуз нужно отнести за счет помощника вашего, акад. Лысенко, – тов. Презента.

Голоса – Правильно!

Дубинин – Вы нам так и сказали в вашем вчерашнем выступлении, что когда вы без единого эксперимента решили объявить менделизм неверным, то философски это дело решал тов. Презент. Вот ваши слова, сказанные вчера: “Презент накручивал в этом деле”. Это вы буквально сказали, я записал. Так вот, Трофим Денисович, вы за этот конфуз скажите И.И. Презенту большое спасибо.

О такой философии, которую вам подсунул Презент, при помощи которой он объявляет объективные закономерности несуществующими, – о такой философии Энгельс писал в 1890 г. в письме к одному историку культуры, что марксизм здесь превращается в прямую противоположность, т.е. в идеалистический метод.

Трофим Денисович, в результате нашего обсуждения, идущего на несравненно более высоком уровне, чем оно было до сих пор и чем мы обязаны товарищам, которые руководят этой дискуссией, вы должны со всем вниманием, со всей присущей нам научной страстностью решить для себя вопрос менделизма, решить не так легкомысленно, простите меня за выражение, как вы решали его до сих пор, а самым серьезным образом.

Если менделизм является объективно существующим фактом, то это первая существенная брешь в ваших теоретических построениях относительно природы наследственности и изменчивости организмов.

Лысенко – А если его нет?

Дубинин – Тогда вы правы в значительной степени.

Позвольте мне теперь сказать несколько слов о хромосомной теории наследственности, о тех важнейших расхождениях, которые существуют между нами и товарищами, идущими в этом вопросе за акад. Лысенко.

Тут уже признавалось, что хромосомы как обязательная структура клетки имеют величайшее значение в жизни организма. К глубокому сожалению, опять-таки тов. Презент занял совершенно реакционную позицию полного нигилистического отбрасывания целого ряда существенных объективных явлений мира. Например, он буквально издевается над пресловутым “веществом” наследственности. Но ведь в науке бывает целый ряд неудачных терминов, однако это не порочит их правильного содержания. Возьмите слово “клетка”. Неужели животная клетка – это ящик, в котором что-то лежит? Также и наследственное вещество. И когда в книжках употребляют слово “наследственное вещество”, то с ним, как говорил здесь проф. Г.А. Левитский, с этим неудачным термином связывается представление о “сложной биологической внутриклеточной структурной системе”.

Разве полезно для нашей дискуссии писать, например, так, что исследования генетиков о том, «как устроено и как ведет себя некое специфическое “вещество на-

следственности” – немногим более плодотворны, нежели, скажем, сложнейшие рассуждения на тему о том, как был устроен Адам, был ли у него пуп, если его не родила женщина и т.п., как это пишет тов. Презент.

Цитогенетику как науку можно упрекнуть в том или ином заблуждении. Но разве позволительно заявлять, что цитогенетику, открывшую целый ряд явлений, науку, имеющую огромные успехи в деле дифференциации внутриклеточных структур в смысле их разного значения для наследственности, – эту науку надо выбросить “в архив заблуждений”, как об этом писал тов. Презент.

Лысенко – Всю ли?

Дубинин – То, что вы оставляете от цитологии, нам слишком мало. Под все это нигилистическое отбрасывание объективных явлений мира опять подводится якобы философия диалектического материализма, подводится идея о том, что клетка представляет из себя целое и как целое не требует в этом смысле никакого специфического анализа в отношении значимости разных ее структур для наследственности и развития.

Презент пишет, что “зигота в целом *со всеми* ее органеллами есть единичное выражение общего”. Это – заумная философия, поскольку на базе ее Презент отказывается от необходимости дифференцировать значение разных структур клетки для наследственности. Она выхолащивает всю материальность, всю конкретность явлений наследственности.

Митин – Вот это и есть настоящая схоластика, когда начинают подменять настоящий материал “философской”, заумной терминологией.

Дубинин – Совершенно правильно, товарищи, это реакционная попытка подменить философию диалектического материализма. Это не марксизм. Разве может великая философия диалектического материализма отвечать за подобные попытки закрыть движение науки?

Нам заявляют, что не нужно анализировать клетку в смысле значения ее разных структур для наследственности и для развития. Однако что же является ведущим в наследственной передаче?

Энгельс нас учил, что если вы хотите понять общее, то вы должны знать, что без частного общего понять нельзя.

Значит, перед наукой стоит огромная задача. Открытие клетки – величайшее достижение XIX столетия. Необходимо вскрыть материальную систему клетки во всем ее конкретном содержании, показать, что является ведущим в наследственности. Мы не можем стоять на точке зрения подобного релятивизма, что все одинаково, что все тождественно, что все в клетке имеет равное значение. Мы должны вскрыть и показать, что является ведущим в наследственности. Я считаю это самым существенным в деле выяснения роли разных структур клетки для наследственности. И вот показано, что в клетке хромосомальная структура имеет огромное значение [как] для жизнедеятельности самой клетки, ибо клетка без ядра не живет, так и для наследственности. И несмотря на всю документальность экспериментов, опять отбрасываются твердо установленные факты. Эта попытка, отбросить факты опять обусловлена влиянием дурной философии, которая объективные явления мира, вскрытые в сущности самих вещей, целиком отбрасывает. Ведь даже не подумал человек о всей серьезности этих явлений, а в своих узких, групповых интересах (не к вам это относится, Трофим Денисович), я думаю, что Презент в своих узких интересах пытается отмахнуться от этих явлений, которые он не может уложить в имеющуюся у него схему. Не желая продумывать сущности предмета, Презент все открытые явления о связи между ядерными структурами и наследственностью объявляет формальными корреляциями.

Тов. Презент утверждает, что хромосомная теория установила только ряд “формальных корреляций между фигурой и числом хромосом в клетке и развиваю-

щимися впоследствии свойствами организма” и что “все эти корреляции не дают основания считать одно причиной другого, так как давно известно, что post hoc (после того) еще не есть propter hoc (по причине того)”.

Надо прямо сказать, что эти заявления тов. Презента очень напоминают писания махистов, отрицавших существование причинной зависимости, содержащейся в самих вещах.

Однако нас учили классики марксизма, как решать вопросы о причинности в науке. Энгельс в “Диалектике природы” пишет, что “Юм со своим скептицизмом был прав, когда говорил, что правильно повторяющееся post hoc никогда не может обосновать propter hoc. Но деятельность человека дает возможность доказательства причинности”.

В “Кратком курсе истории ВКП(б)” приведены слова Энгельса:

“Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности”.

И когда наука доходит до состояния уметь управлять объективными явлениями мира, тогда мы знаем, что вскрыта действительная внутренняя причинность внутри самих вещей. В доказательство того, что на базе хромосомной теории наследственности можно управлять наследственностью, имеется большое количество примеров, но я приведу только несколько.

Один из блестящих советских ученых, Б.Л. Астауров, изучал наследование пола у тутового шелкопряда. Теория позволила ему разработать путь для решения вопроса о получении потомства желательного пола. Важность этого вопроса вполне очевидна. Проблема пола являлась одной из самых трудных в истории биологии. Генетика разрешила важную сторону в проблеме пола, она вскрыла цитологическую основу наследования пола, обнаружив так называемые половые хромосомы. Самка и самец различаются этими хромосомами. Уменье управлять хромосомами с точки зрения теории может быть одним из главных элементов управления полом у тутового шелкопряда. Б.Л. Астауров при помощи определенного воздействия на яйцо убивал ядро яйцеклетки. Безъядерная яйцеклетка оплодотворялась двумя спермиями. На базе хромосомной теории Б.Л. Астауров предсказал, что в этом случае получатся только самцы. Тов. Астауров во всех случаях получает только самцов. Впервые в истории биологической науки он реально дал пример управления получением желательного пола и показал возможность его практического применения.

Лысенко – Скажите, сколько?

Дубинин – Согласно предсказанию теории, самцы получают во всех 100%. Что же касается практического применения, то, Трофим Денисович, ведь дело же только начинается. Раз можно приложить к практике, то у нас в Советской стране...

Лысенко – С этим делом, по-моему, кончают.

Дубинин – Предположим, что я ошибаюсь в том смысле, что это сейчас к практике трудно приложить. Однако даже и в этом случае совершенно очевидно, что принципиально на одном из важных хозяйственных объектов решена возможность управления полом. Трофим Денисович, вам как президенту Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина за это дело нужно ухватиться и сказать: “Ну, ошибся, к практике не приложил, давай решение дальше, двигай советскую практику!”

Теперь приведу пример из другой области. Мне пришлось в одном из своих опытов поставить вопрос о хромосомной эволюции. Мы знаем, что разные виды различаются разным набором, разной структурой, разным числом и разными формами хромосом. Это является эволюционным признаком. Так же, как эволюционно различается целый ряд морфологических и других признаков у разных видов, так и эти важнейшие структуры клетки различаются у разных видов.

Для того чтобы понять, как осуществляются некоторые стороны эволюционных превращений ядра, я поставил задачу: экспериментально воспроизвести некоторые, хотя и элементарные, но все же важные явления. Есть виды дрозофил, обла-

дающие 3, 4 и 5 парами хромосом. Зная причинные связи между хромосомами и развитием определенных признаков – связи, конечно, не прямые, а весьма опосредствованные в развитии, ибо развитие идет на базе качественных превращений, – я экспериментально изменял структуры хромосом воздействием лучистой энергии, не заглядывая в микроскоп, не залезая, так сказать, руками в клетку, а лишь следил за особенностями наследования внешних признаков, таких, как окраски глаза, строение крыла и т.д. За полтора года вперед я предсказал, что при помощи ряда определенных экспериментов я создам модель эволюционного процесса и превращу такой важнейший видовой признак, как строение хромосом, из четырехпарного в трехпарный и пятипарный. Прошло полтора года, и я это сделал. Это небольшая работа, с моей точки зрения. Сделать это сейчас просто. Но ведь это – свидетельство могущества метода. Это – доказательство того, что мы можем управлять явлениями наследственности и воспроизводить такие существенные явления, как эволюционные превращения ядра. Разве такие факты не должны заставить наших товарищей по науке, которые стоят на другой точке зрения, задуматься над этими вопросами? Ведь здесь же практика эксперимента воочию открывает нам причинные связи, содержащиеся в самих явлениях наследственности.

Возьмите работу А.Р. Жебрака – блестящее исследование. Почему? Когда теория является материальной силой и руководит практикой и наукой? Когда мы особенно ценим теорию? Тогда, когда она позволяет предугадывать, предсказывать и управлять. Тов. Жебрак, исходя из хромосомной теории наследственности, из точно известных фактов о поведении хромосом в гибриде, знал, что если скрестить два вида пшеницы – тритикум тимофееви и тритикум дурум – и удвоить число хромосом, то появится плодови́тый константный гибрид. Получение такого гибрида очень важно, ибо, как известно, тритикум тимофееви обладает комплексным иммунитетом, вовлечение которого через гибридизацию в дело селекции культурных форм пшеницы может дать исключительные практические результаты.

Сделал кто-нибудь до него это, исходя из других позиций? Нет, не сделал. А тов. Жебрак, исходя из положений хромосомной теории, создал совершенно новый вид пшеницы, который ранее не существовал в природе.

С места – А без позиций сделали. У Жебрака есть такой же естественный гибрид.

Дубинин – Это не так. У него нет естественного гибрида между тритикум тимофееви и тритикум дурум.

Лысенко – Есть у него такой естественный гибрид.

Дубинин – Трофим Денисович, вы ошибаетесь, вам не совсем ясны некоторые детали опытов тов. Жебрака. Однако это частность, из-за которой не стоит отвлекаться. Я думаю, что тов. Жебрак даст на это ответ.

Обратимся теперь к работам В.А. Хижняка, селекционера-генетика, который работает на Краснодарской селекционной станции. Я восхищаюсь работами этого молодого советского ученого. То, что Хижняк творит на полях Краснодарской станции, несколько лет тому назад любому из нас показалось бы фантастикой. Человек, исходя из ряда положений хромосомной теории наследственности, во многом заранее предсказав результаты, получает экспериментально новый род с пятью разными видами. Эта работа по скрещиванию пырея и пшеницы позволила тов. Хижняку создать ряд ценных практических культур. Так, экспериментально созданная им кормовая трава агротритика имеет выдающееся практическое значение.

В.А. Хижняк пишет, что современный селекционер, который хочет в некоторых разделах отдаленной гибридизации получить действительно важные практические результаты, должен быть сначала цитологом, умеющим управлять поведением хромосомной, он должен получить нужные хромосомные структуры и уже затем заниматься селекцией по нужным ему хозяйственным признакам.

Председатель – Тов. Хижняк присутствует на совещании?

Дубинин – К сожалению, нет. Он выступал на конференции по отдаленной гибридизации в Академии наук и написал в 1938 г. статью о первых результатах своей работы.

Таким образом, практика эксперимента и практика производства во многих случаях совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что вскрыта причинная зависимость между определенными структурами клетки и определенными явлениями наследственности. И здесь тов. Презент, объясняющий все эти явления формальными корреляциями, должен серьезно подумать над этой своей позицией, ибо это позиция махиста, разрушающего в области генетики материалистическое понимание причины и следствия. Я считаю, тов. Лысенко, что ваша ошибочная позиция в вопросе о роли клетки в наследственности, в которой вы отрицаете хромосомную теорию наследственности, является второй, исключительно серьезной брешью ваших теоретических построений относительно наследственности и изменчивости, которая пагубно, я прямо вас предупреждаю, по-товарищески, отразится на вашей дальнейшей теоретической и практической работе. Вы должны взять все факты хромосомной теории наследственности. Если вы их отбросите, то это приведет к тому, что в самых главных явлениях наследственности вы просмотрите самое существенное звено.

Если акад. Лысенко признает необходимость анализа роли разных элементов клетки в их значении для наследственности, то налицо первый крупный успех идущего обсуждения наших теоретических разногласий, ибо хотя наши разногласия в оценке хромосомной теории не сняты, конечно...

Лысенко – Абсолютно нет.

Дубинин – ...но путь к тому, чтобы вы, Трофим Денисович, вскрыли те же закономерности относительно роли хромосом в наследственности, которые мы знаем теперь, если вы встанете на путь действительного анализа клетки, – этот путь для вас открыт.

Товарищи, я мог бы привести вам целый ряд высказываний самых отъявленных врагов рабочего класса, которые с идеалистических позиций отрицают значение генетики в смысле вскрытия причинной связи между разными структурами клетки и процессами наследственности и развития. Такие люди, как виталист Гербст, виталист Дриш, обсуждая явления наследственности и развития, в вопросе о роли клетки как системы занимают позиции, практически очень близкие к взглядам тов. Презента.

Они говорят о клетке как о непознаваемом целом. К. Гербст в 1938 г. пишет, что причина развития лежит в “тотальной потенции, находящейся в яйце как в целом” и что “она возникает так же, как план действия в человеческом мозгу и поэтому не может быть познана”. Презент говорит, что “зигота в целом со всеми ее органеллами есть единичное выражение общего”, из чего, по его мнению, не вытекает необходимости анализа того, какую же роль в наследственности имеют разные структуры клетки. Увлечшись схоластикой, которая повторяет ошибки меньшевистствующего идеализма, тов. Презент практически в смысле понимания ряда вопросов – конкретных путей развития науки о клетке – смыкается с идеалистами.

Таким образом, конкретное решение вопроса о роли клетки в наследственности имеет огромное принципиальное значение для понимания наследственности, для понимания основных вопросов дарвинизма и для нашей практики. Я рассматриваю хромосомную теорию наследственности при всех ее недостатках как теорию, которая сейчас все же в основных элементах вскрыла причинные связи между рядом важнейших явлений наследственности и определенными структурами клетки. Не представляет сомнения, что хромосомная теория, сумевшая дифференцировать клетку в отношении ее роли в наследственности, является одной из величайших по-

бед материализма в биологии ХХ столетия. Если акад. Лысенко продумает основы хромосомной теории, если он по-товарищески рассмотрит все эти факты вместе с нами, то целый ряд крупных разногласий, которые имеются у нас с акад. Лысенко, будет снят. Может быть, по линии приближения друг к другу спорных точек зрения на роль хромосом в наследственности, но я думаю, главным образом это произойдет за счет приближения точки зрения Т.Д. Лысенко к нашей точке зрения.

Несколько слов о дарвинизме. Товарищи, я говорю сейчас о самых простых вещах, потому что сейчас перед нами стоит задача – в самом основном как-то сдвинуться, чтобы на базе этого идти к пересмотру целого ряда уже более узких теоретических и практических вопросов. Дело обстоит таким образом. Я полагаю, что все-таки сейчас происходит ревизия (простите за резкое слово) некоторых важнейших разделов дарвинизма, ревизия со стороны акад. Лысенко. Основой дарвинизма является учение о неопределенной изменчивости. Только слепой не может понять, что именно это основа дарвинизма. Решение проблемы об историческом возникновении целесообразности, уничтожение всякой мистики и телеологии в этом вопросе было связано с тем, что Дарвин показал, как целесообразность возникает через отбор неопределенных, т.е. нецелесообразных, индивидуальных наследственных уклонений. Здесь лежит граница между Ламарком и Дарвином. Ламарк не признавал в материи движения, он говорил – как типичный механист, – что приспособительные формы и структуры организмов определяются только извне. И одновременно, не имея возможности решить вопрос о причинах глубоких эволюционных превращений, Ламарк, как идеалист, признавал, кроме того, существование внутреннего стремления организмов к самосовершенствованию, которое якобы вложено в материю творцом.

Величайшая заслуга Дарвина, как материалиста, состоит в том, что он нашел в самой органической материи неотъемлемо ей присущее движение, которое в основном, в исходных своих формах выражается в неопределенной, т.е. нецелесообразной, наследственной изменчивости.

Лысенко – Что это такое?

Дубинин – Неопределенная изменчивость, как полагает Дарвин, есть не что иное, как возникновение самых разнообразных неопределенных наследственных уклонений, появляющихся в потомстве организмов даже при наличии одинаковых внешних условий.

Лысенко – У разных организмов?

Шум в зале, голоса – А что находит Тимирязев?

Лысенко – Вопрос уже экспериментально решен.

Дубинин – Итак, появляющиеся наследственные уклонения сами по себе нецелесообразны, они не отвечают адекватно воздействующим условиям среды. Целесообразность органических форм возникает лишь как результат исторического действия естественного отбора.

Дарвин пишет, что “изменения, явно полезные или приятные для человека, возникают только случайно...”. Дарвин, утверждая принцип творческой роли отбора в эволюции, тем не менее, говоря о каждом данном поколении, определенно заявляет, что “естественный отбор содержит в себе мысль только о сохранении, а не о возникновении свойств”.

Энгельс, возражая Дюрингу, пишет, что “Дарвин, наоборот, определенно заявляет, что выражение “естественный отбор” содержит в себе мысль только о *сохранении*, а не о возникновении свойств”.

Это показывает, что Дарвин различал действие естественного отбора от закономерностей и причин наследственности и изменчивости. Энгельс в “Диалектике природы” пишет:

“Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности, фактической основы. Именно незаметные случайные

различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии, усомниться в понятии вида, в его прежней физической “неизменности и постоянстве”.

К.А. Тимирязев пишет, что “изменчивость, вызываемая средой, сама по себе безразлична. Изменения могут быть полезны для организма, безразличны или прямо вредны. Печать приспособления, полезности налагается не физическим процессом изменчивости, а последующим историческим процессом устранения, или элиминации, бесполезного, т.е. отбором”.

Одной из очень крупных заслуг генетики является то, что она исследовала законы появления и природу неопределенной изменчивости и даже дала методы экспериментального вызывания этой изменчивости. Оказалось, что изменчивость генов, непрерывно идущая в популяциях видов, приводит к появлению всего спектра неопределенных изменений, давая вредные, относительно индифферентные и прогрессивные мутации. Экспериментальный анализ природы неопределенной изменчивости сыграл крупную роль для укрепления дарвинизма, для его развития и для решительной атаки ряда новых антидарвинистских теорий. Всякие же заявления, что вопрос о возможности получения адекватных изменений в наследственности уже экспериментально решен, не имеют под собой почвы в виде фактов, документированных со всей нужной научной строгостью и могущих быть повторенными объективными исследователями.

Таким образом, я считаю, что Дарвин абсолютно прав в части учения о неопределенной изменчивости. Я хочу, чтобы в результате нашего обсуждения акад. Лысенко и другие товарищи ясно нам сказали и объяснили, как они относятся и как понимают эту фундаментальную часть дарвиновского учения, как они понимают указания Энгельса о роли случайности в закономерных процессах эволюции, совершающихся под определяющим влиянием среды, т.е. отбора.

Я полагаю, что непонимание огромного значения роли закономерностей неопределенной изменчивости как для эволюции, так и для селекции является третьей важнейшей брешью в теоретических построениях акад. Лысенко.

Однако есть ли какая-нибудь связь между отбором и наследственной изменчивостью? Конечно, есть! Но эта связь идет не по той линии, что появляются целесообразно направленные изменения, прямо отвечающие требованиям отбора, не по той линии, что все изменения самих организмов оказываются наследственными...

Лысенко – Я сказал, “может быть, наследственные”...

Дубинин – ...передаваясь потомкам в адекватной форме.

Лысенко – Адекватный и соответственный – одно и то же?

Дубинин – Есть известное различие. Адекватный – это более прямолинейно; я бы сказал, более метафизично, в применении к пониманию возможности появления таких наследственных уклонений. Так вот, я думаю, что в данном случае совершенно верна точка зрения, распространенная среди генетиков, что таких адекватных изменений в силу исторических процессов, приведших к своеобразным формам изменчивости генов, – таких адекватных изменений, как закономерных изменений, не существует.

Однако, как показали соображения В.С. Кирпичникова, Е.И. Лукина и И.И. Шмальгаузена, исторически отбор может привести к тому, что ненаследственные изменения будут замещены наследственными факторами. Но все же и эта замена идет на базе неопределенных наследственных уклонений.

Закономерности неопределенной изменчивости, безусловно, сами являются важнейшим приспособительным свойством организмов, исторически созданным естественным отбором. Неопределенная изменчивость в величайшей степени обеспе-

чивает возможности самых разнообразных форм направлений эволюции и селекции. Однако, хотя закономерности неопределенной изменчивости и являются строгим приспособительным признаком видов, отсюда, конечно, не следует, что мы не можем направлять наследственную изменчивость в нужных для нас формах. Однако для этого нужно, я бы сказал, несколько фигурально выражаясь, преодолеть то приспособление, которое возникло в природе, навязать организмам некоторые закономерности, вызвать то, чего обычно в природе не существует.

Задача, акад. Лысенко, бесконечно сложнее, чем вы ставите. Адекватности изменений как закономерности, как правило, не существует.

Лысенко – А соответствующие?

Дубинин – Если вы понимаете соответствующие близко к адекватным, то таких не существует. Но управлять наследственностью, вызвать нужные изменения можно. И в этом отношении критика мутационной теории, ведущаяся сейчас, совершенно справедлива. То, что мы научились искусственно изменять гены, является одним из величайших достижений нашего века в области биологии. Но мы еще в этом отношении дети, мы не умеем направлять этот процесс. Мы вызываем тот же процесс неопределенной изменчивости, т.е. изменения вредные, случайные, безразличные; направлять процесс мы не умеем. Но нам кажется, что это не значит, что мы стоим на неверном пути. Это все-таки страшно важно, что мы научились экспериментально, в лаборатории, в поле и где угодно вызывать в огромном масштабе ту же изменчивость, которая происходит в природе. Нужно прямо сказать, что генетика, к сожалению, еще не знает реальных путей к решению задачи получения направленных наследственных изменений. Ставит ли она перед собой эту задачу? Ставит, конечно. Например, возьмите работу В.В. Сахарова, который, работая с вызыванием мутаций химическими факторами, теоретически ставит вопрос совершенно ясно.

С места – А полиплоидия?

Дубинин – Полиплоидия – верно, но это сравнительно элементарная закономерность в свете задач по направленному мутированию генов. Правильно, что в некоторых случаях мы уже можем получать желательные и направленные наследственные изменения через изменение числа хромосом, но все же это сравнительно элементарный пример. Я считаю необходимым здесь сказать, что тот путь, на который встал акад. Лысенко, – получение адекватно направленных изменений через перевоспитание растений – мы считаем неправильным, считаем ошибочным. Мысль о роли перевоспитания в получении адекватных наследственных изменений совершенно не считается с внутренними закономерностями, имеющимися в явлениях наследственности, и мы думаем, что вопрос будет решен иначе – на тех путях, приближаясь к которым идет генетика в овладении методами по искусственному получению мутаций.

Что касается так называемой вегетативной гибридизации в связи с разбираемым вопросом, то она должна сейчас, особенно после вчерашнего выступления акад. Лысенко и других товарищей, привлечь самое пристальное внимание. Теперь совершенно ясно, что отношение, подобное тому, что при так называемых прививочных гибридах вообще нет глубоких взаимовлияний компонентов прививки, как, скажем, например, если я не ошибаюсь, писал А.И. Лусс, это, конечно, совершенно неверная постановка вопроса. При прививках могут быть самые разнообразные, самые глубокие перестройки процессов развития. Нужно сказать, что эти же явления изучаются также и исследователями, стоящими на генетических позициях. Сейчас в генетике развивается имеющий важнейшее значение раздел, посвященный влиянию прививок, и больше того, даже доказан переход этого влияния на потомство. Вскрыта целая группа замечательных явлений, связанных с так называемыми геногормонами, специфическими формообразующими веществами, которые, переходя из одного компонента прививки в другой, вызывают соответствующее изменение признаков.

То, что в ряде случаев это влияние может сохраниться во многих последующих вегетативных поколениях, благодаря сохранению этих формативных веществ, это также очевидно. Больше того: в ряде случаев через плазму яйца эти формативные вещества могут оказать влияние и на последующие половые поколения. Например, имеется специальный анализ такого последствия на следующее половое поколение на примере амбарной огневки. Однако при всем этом надо заявить совершенно ясно, что никаких безупречных экспериментов, которые бы представили доказательство, что при прививке можно получать гибридные формы, равноценные половым гибридам, а также получать адекватные наследственные изменения, – таких экспериментов нет.

Я резюмирую этот раздел.

Голоса с мест – Насчет Мичурина ответьте, насчет воспитания.

Дубинин – Хорошо, я скажу о методе ментора. Тут Керкис говорил, что он не признает метода ментора. Но я думаю, что он его признает, а лишь выразился неудачно.

Митин – Вы за него не говорите. Он как сказал, пусть так и остается, пусть он сам скажет.

Голос с места – Передача на расстоянии мысли другого человека.

Дубинин – Просто я знаю немножко, что думает по этому поводу Керкис. Но, конечно, пусть он сам скажет. Не в этом дело, вообще говоря.

Метод ментора, конечно, позволяет управлять воспитанием гибридов. Развитием мы можем управлять многими путями. И.В. Мичурин обнаружил, что прививкой можно добиться специфически направленных путей развития гибрида. Однако, по моему, у И.В. Мичурина метод ментора все же занимает второстепенное место. Основа всех работ Ивана Владимировича – это гибридизация. В последней книге Ивана Владимировича подробно рассказано, что перелом всей его работы связан с обнаружением ошибки Греля и других, веривших в возможность простой акклиматизации сортов, т.е. простого переноса сортов и их воспитания в новых условиях. Убедившись в ошибке теории акклиматизации, Иван Владимирович перешел к широчайшей гибридизации разных форм, что и привело его к синтезу многих совершенных сортов. Воспитание же гибридов лишь дополняло главную работу Ивана Владимировича по акклиматизации.

Что же касается фактов получения адекватных наследственных изменений через метод ментора, или получения “вегетативных гибридов”, сравнимых с половыми гибридами, то таких фактов у И.В. Мичурина нет. Ссылка на 1–2 примера из работ Ивана Владимировича при колоссальном размахе его работ по воспитанию гибридов совершенно неубедительна. Совершенно ясно, что Иван Владимирович достиг всех своих практических результатов не через получение адекватных наследственных изменений, или получение “вегетативных гибридов”, а через половую гибридизацию и последующее воспитание самих гибридных форм, последствия которого в ряде случаев можно сохранить и на последующих поколениях, главным образом при вегетативном размножении.

Лысенко – Но ментор меняет породу или нет?

Дубинин – Как это совершенно ясно из сказанного мною, тут мы решительно расходимся. Порода – это же не просто отдельные наследственные изменения, которые могут получиться в случае прививки. Чтобы создать породу, нужно поработать отбором. Разве порода создается через прямое изменение наследственности, без соответствующего отбора? Для тех, кто хочет серьезно подумать над нашей точкой зрения, я бы ее сформулировал так. Метод ментора дает возможность управлять воспитанием гибридов, может быть причиной усиленного возникновения неопределенной наследственной изменчивости, однако и здесь не появляется адекватных наследственных изменений.

Теперь несколько слов о практике. Это очень существенный вопрос. Много пунтицы в вопросе о значении теории для практики. При этом я считаю совершенно ненужным такое обострение наших разногласий со стороны акад. Лысенко, когда он, например, на IV сессии Академии с.-х. наук имени В.И. Ленина говорил, что из генетической концепции, конечно, не вытекает возможность направленного изменения человеком природы растительных форм". Тихон Холодный повторил это в безобразнейшей форме в центральной печати. Он наговорил такого, что волосы дыбом становятся. Формулировка Трофима Денисовича дала повод для подобных недопустимых выступлений. Совершенно ясно, что при таком огромном значении, какое имеет наша печать, подобные выступления получают широкое и вредное влияние. Я могу привести десятки откликов на выступление Т. Холодного. Это – ненормальное явление. Формулировка Трофима Денисовича совершенно неверна. Мы беспрерывно говорим, что основная задача именно и состоит в направленном изменении растительных и животных форм. При этом мы говорим, что не адекватные изменения, а отбор на базе неопределенных отклонений и рациональное скрещивание – вот основной путь создания новых сортов и пород.

Лысенко – А если они не захотят отклоняться?

Дубинин – Во всяком сорте и породе можно найти нужные наследственные изменения. Энгельс писал, что Дарвин исходил из крайне широкой базы изменчивости. Вот этой широкой базой изменчивости мы и оперируем. И при этом полагаем, что творческая деятельность отбора на базе разнонаправленной наследственной изменчивости и разумно примененное скрещивание являются могучими орудиями созидательной, направленной усилиями селекционера целесообразной перделки наследственной природы сортов растений и пород животных.

Наконец, необходимо указать, что мы владем рядом методов по искусственному вызыванию мутаций. В отношении хромосомных мутаций мы можем получать направленные изменения, заранее зная эффект получаемых мутаций. Так, например, искусственно вызываемое удвоение числа хромосом у стерильных гибридов дает нам плодовые константные формы. В отношении мутаций генов мы умеем значительно расширять ту базу неопределенной изменчивости, которая в обычных условиях свойственна той или иной группе организмов. Все это показывает, что мы умеем заставлять организмы отклоняться, если нужных уклонений оказывается недостаточно.

Таким образом, наши разногласия совершенно не в том, можно или нельзя изменять наследственную природу организмов, а в том, каким путем добиваться этих изменений. Затем следующее. Акад. Лысенко очень хорошо, в смысле полемическом, прочитал выдержку из статьи 1932 г. акад. Вавилова. Акад. Вавилов и другие товарищи, с моей точки зрения, в течение предыдущих дискуссий давали неправильные формулировки по вопросу о теории и практике, результатом чего и является та цитата, которую зачитал акад. Лысенко. В этой цитате сказано, что генетическая теория оторвана от практики и что даже в Америке селекционеры совершенно не знают генетики и идут совершенно независимым от развития генетики, своим путем.

Митин – Между прочим, до сих пор от этих неправильных формулировок и положений никто не отказывался.

Дубинин – Я это говорю не первый раз. Я это говорил в 1936 году. Так вот конкретно, Николай Иванович, вы неправильно изложили положение дела. Я прочту, как американцы сами оценивают связь между генетикой и селекцией.

В одной из отчетных книг департамента земледелия США, которую здесь нам показывал акад. Вавилов, пишется следующее:

“Генетика (как пишут американские селекционеры, и я не отвечаю за эти слова) становится главной ветвью науки о жизни, занимая место рядом с химией и ме-

дициной, как мощное средство преодоления тех трудностей и опасностей, которые окружают человека, как средство достижения огромного изобилия”.

Дальше. Разбирая значение генетической теории для практики, американские селекционеры в этой книге пишут: “Налицо теснейшая взаимосвязь между практической работой по разведению и теоретической генетикой”. Я думаю, что это непохоже на то, что говорил Николай Иванович.

С места – Вы не знаете мнения Эмерсона.

Дубинин – Еще одна цитата из той же книги, посвященная успехам селекции кукурузы: “Нет другого организма за исключением дрозофилы, который был бы так богато разработан теоретической генетикой. Здесь исследовано около 350 генов, и для сотни из них точно изучена их локализация в хромосомах клеток. Успехи теоретических исследований резко повлияли на практическое разведение кукурузы, они открыли новые пути и дали селекционеру уверенность в тех методах, с которыми он работает”. После этого описывается, как генетические исследования по кукурузе привели к полной революции методов практического разведения этого ценнейшего растения.

В своей реплике тов. Ольшанский, по-видимому, имел в виду высказывания Эмерсона о том, что локализация генов по картам хромосом кукурузы, связанных с развитием многих морфологических особенностей, ничего не дала для практики. Эмерсон прав. Пока это не имеет практического значения.

С места – Значит, в настоящем это значения еще не имеет, а в будущем будет иметь.

Дубинин – В будущем это будет иметь крупное значение для практики, ибо позволит во многих случаях упростить селекцию через использование генетического сцепления хозяйственно ценных, сложных для анализа и морфологически простых признаков. Сейчас уже есть ряд таких примеров. Однако дело не в том. Важны для практики общие положения генетической теории, такие, как учение о неопределенной изменчивости, об отсутствии адекватных изменений, о значении метода индивидуального отбора, о процессах, идущих при кроссбридинге и инбридинге, и т.д. Знание этих положений накладывает руководящий отпечаток на всю работу селекционера. Акад. Лысенко сказал однажды, что менделизм имеет величайшее значение, только наоборот, потому что менделизм, мол, забил умы у всех селекционеров.

Очевидно, что генетическая теория теснейшим образом связана с практикой нашей селекции. Это и позволяет нам утверждать, что, например, все сорта, имеющиеся у нас по зерновым культурам, выведены на базе генетической теории. Только лишь в силу очевидной связи генетической теории и селекционной практики наша дискуссия и принимает столь существенное значение для всей практики советской селекции.

В заключение я хочу сказать несколько слов относительно положения внутри генетики. Тут было сказано, что в генетике нет никаких разногласий, что у нас царит групповщина и пр. Конечно, догматизма много, самокритики мало, новых течений недостаточно, нужна гораздо более совершенная разработка теории селекции, нужен несравненно больший охват практических вопросов, и пр. и пр.

Тем не менее я все-таки хочу указать, что внутри генетики давно вскрыты глубокие разногласия. Для иллюстрации этого положения я позволю себе сослаться на мою статью под названием “О некоторых основных проблемах генетики”, напечатанную в “Биологическом журнале” за 1932 г., где я пытался анализировать кризис буржуазной генетики.

Многие из положений этой статьи совершенно приложимы и к нашим сегодняшним дням. В этой статье я подверг критике лотсианство, бэтсонизм, механицизм морганизма, ограниченность менделизма и др. Указал на ошибки Н.И. Вавилова в связи с его законом гомологических рядов, подверг критике схоластическую постановку проблемы гена А.С. Серебровским и т.д.

Приведу лишь выдержку, характеризующую кризисное состояние проблемы гена: “Мы видим, что проблема гена является одной из центральных проблем современной генетики. Она вовлечена в острейший кризис, она в своих пределах, используя выражение Ленина, как и все современное естествознание, рождает диалектический материализм. Здесь, как и в кризисе физики, анализированном Лениным, эти роды происходят болезненно. “Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот”. Мы должны проявить максимальную бдительность в этой проблеме и должны суметь во всеоружии конкретной критики отправить в “помещение для нечистот” всю накипь идеализма и метафизики, которые расцветают на почве кризиса генетики и затащат науку в тупик, если мы не сумеем дать им отпор.

Еще сильна и недостаточно осознана механистическая и упрощенная концепция Моргана о гене. Идеалисты хватаются за ген, признавая в нем проявление идеалистической сущности, энтелехии и прочей “чертовщины”.

Совершенно очевидно, что генетика, как и всякая наука, отражает классовые противоречия и еще полна противоречий.

Я со своей стороны готов призвать товарищей, разделяющих в вопросах наследственности и изменчивости идеи акад. Лысенко, тоже к самокритике, ибо я не думаю, чтобы в их статьях, хотя бы в малой степени, можно было прочесть критику, подобную той, на которую я ссылаюсь в отношении ряда вопросов генетики.

Товарищи, несмотря на наши крупные, разногласия по принципиальным вопросам теории генетики и селекции, мы, однако, имеем совершенно ясную, единую платформу. Это создание советской науки, это служение нашей Родине, умение большевистски решать вопросы науки.

Я думаю, что эта платформа объединит нас и приведет после исправления всех ошибок как генетики, так и положений, развиваемых акад. Лысенко, к замечательной советской науке, которая будет передовой наукой и которая разрешит все основные вопросы теории и практики, поставленные перед нами нашей Родиной (...)

На совещании, организованном редакцией журнала “Под знаменем марксизма”, за теорию гена и хромосомную теорию наследственности выступили Н.И. Вавилов, А.С. Серебровский, Н.П. Дубинин, М.М. Завадовский, Ю.Я. Керкис, С.И. Алиханян, В.С. Кирпичников, А.Р. Жебрак, Ю.М. Оленов, Г.А. Левитский, Д.Н. Насонов, Ю.И. Полянский, Л.Н. Делоне, Я.Л. Глембоцкий, А.Н. Колмогоров, М.А. Розанова, С.Н. Давиденков, Г.Д. Карпеченко, С.М. Гершензон, П.К. Шкварников, Л.И. Говоров, Т.В. Асеева, А.А. Малиновский.

За “мичуринскую биологию” выступили Т.Д. Лысенко, В.К. Морозов, Б.И. Поташникова, Б.А. Келлер, В.К. Милованов, Г.Н. Шлыков, А.Ф. Юдин, М.В. Черноярков, Л.К. Гребень, П.Н. Яковлев, А.С. Филиппов, А.А. Авакян, И.И. Презент, Н.Г. Беленький, К.Ю. Кострюкова, П.И. Титов, С.П. Хачатуров, С.А. Бабаян, Д.И. Филиппов, В.М. Ширяев, С.А. Филипченко.

С эклектическими попытками объединить генетику и лысенкоизм выступили И.М. Поляков, Б.М. Завадовский, Н.Н. Гришко.

Философы П.Ф. Юдин, Б.П. Бархаш, Э. Кольман призывали генетиков к самокритике. Оценивая мичуринскую биологию как передовое прогрессивное направление, они в то же время призывали относиться с вниманием к научному наследию, без которого немислимо двигаться вперед.

Крайние позиции заняли лысенковцы И.И. Презент, Г.Н. Шлыков, В.К. Милованов, И.Е. Глущенко, В.Н. Столетов, Х.Ф. Кушнер и другие. Презент восклицал: “Что положить в основу генетико-селекционной работы? Существует два непримиримых течения: мичуринское и формально-генетическое”. Он был убежден, что современная генетика не имеет права на существование.

Многочисленные сторонники генетики, принимавшие участие в работе совещания, были в основном специалистами с богатым опытом в экспериментальной науке, крупными селекционерами. Их аргументы звучали убедительно, в качестве лидера выступал Н.И. Вавилов; такое сопротивление не создавало для лысенковцев обстановки общественной победы над генетикой. Понимая это и желая ослабить впечатление, произведенное выступлением Дубинина, Презент заявил: “Мы сейчас стоим на новой высоте, куда нас поставили работы Т.Д. Лысенко, опирающиеся на работы Мичурина, мы стоим на новом уровне развития дарвинизма, на новом уровне действия искусственного отбора. И с этой новой и более высокой ступени не Дубинину сбивать Лысенко, не Дубинину сбивать мичуринцев, не Дубинину и другим товарищам сбивать завоевания советской науки”³⁶.

Заключительную речь на совещании произнес М.Б. Митин. В чем-то он поддержал генетиков. Он говорил, что относится с уважением к авторитету Н.И. Вавилова и его достижениям, поддержал речь А.Р. Жебрака, Г.Д. Карпеченко, В.С. Кирпичникова и других, говорил о необходимости работ по цитогенетике, возразил против крайних требований разгрома генетики, которые прозвучали в речах Презента, Милованова, Шлыкова. Митин, в частности, сказал: “Мы будем бороться, как этому учит нас наша партия, и против всякого рода даже самых ничтожных проявлений махаевского отношения к кадрам нашей советской интеллигенции, работающим на благо социализма. От всех этих недостатков мы, товарищи, должны избавиться. И я думаю, что в этом отношении наше совещание является большой и серьезной школой”.

Эти слова выступления Митина были поддержкой для генетиков, они вселяли надежду на объективное отношение к вопросам науки в будущем. После оголтелых атак Презента, Милованова, Шлыкова, после категорических заявлений Лысенко они вызвали вздох облегчения.

Однако некоторые положения в речи М.Б. Митина внушали тревогу, беспокойство за дальнейшее развитие генетики. Митин выразил свое согласие с неоламаркистским тезисом Лысенко. По Митину, “внешние условия оказывают влияние на развитие наследственной основы организмов”, и при этом он сказал: “Я считаю вполне возможным говорить об адекватной реакции организма на воздействие внешней среды”. Именно на этом пути, по Митину, “перед человеком здесь открывается широкое поле деятельности”.

Тяжелое впечатление произвела оценка общественно-политического значения дискуссии 1939 г., данная Митиным. В этом вопросе он всецело поддержал позицию Лысенко. По его мнению, на дискуссии прошла борьба между передовым и консервативным направлениями в науке. Передовым было направление Лысенко, который, по заявлению Митина, пришел на дискуссию “с практическими достижениями, которые имеют крупное народнохозяйственное значение”. Митин обозначил многие разделы генетики “отсталым течением, придерживающимся устарелых догм в науке и мешающим двигаться нашей практике вперед”.

Прогноз дальнейшего развития генетики был мрачным, и лишь поддержка Митиным цитогенетики, ряда работ по генетике растений, животных и др. еще вселяла слабую надежду. Одобряюще прозвучали следующие слова из речи Митина, направленные против Лысенко, Презента, Шлыкова, Милованова: “Должен с самого начала предупредить и, может быть, разочаровать тех участников совещания, которые думают от нас получить конечные и окончательные ответы по целому ряду как теоретических, так и практических вопросов, которые здесь обсуждались. Таких окончательных, “последних истин в конечной инстанции” по детальным практическим и теоретическим вопросам, которые здесь были поставлены, мы давать, естественно, не собираемся”.

³⁶ Цитаты из выступлений И.И. Презента и М.Б. Митина приведены по тексту стенограммы совещания, опубликованной в журнале “Под знаменем марксизма”. 1939. № 11. С. 147–176.

В заключении “Общего обзора” дискуссии говорилось:

“На совещании были подвергнуты резкой критике идеалистические и метафизические концепции в формальной генетике и осужден недопустимый разрыв между теорией и практикой. Сторонники формальной генетики были призваны к решительному пересмотру и практической проверке своих взглядов.

В то же время было осуждено огульное охаивание, недифференцированный подход ко всему ценному, что было добыто генетикой. Исследование роли клетки и хромосомного аппарата наследственности, выяснение материальных основ наследственности и изменчивости содержат ценный материал, необходимый и для развития теории Дарвина, и для селекционной практики.

Совещание показало, что в советской генетике есть направление передовое, прогрессивное, новаторское, возглавляемое акад. Т.Д. Лысенко, находящее живой отклик в науке, в стране, у передовых колхозников и оправдывающее себя в сельскохозяйственной практике.

Одновременно совещание выявило необходимость дальнейшего, более углубленного изучения основных закономерностей наследственности и изменчивости, которые до настоящего времени еще не получили достаточно глубокого обоснования.

Совещание послужит толчком для дальнейшей, более плодотворной работы теоретической мысли в области генетики и селекции и к внедрению передовых новаторских идей и методов в социалистическое сельское хозяйство”³⁷.

Речь М.Б. Митина и обзор спорных вопросов в генетике и селекции, несмотря на общий горький осадок от его речи, показали, что, несмотря на заявления о прогрессивности и новаторстве направления, возглавляемого Лысенко, вопрос о том, кто прав – генетики или Лысенко, продолжает оставаться открытым...

Массированный отпор со стороны “формальных” генетиков нападкам лысенковцев, непоколебимость их в отстаивании научных основ генетики, несомненно, должны были убедить Лысенко и его сторонников в серьезности борьбы с такими противниками и заставить призадуматься о путях и средствах дальнейшей борьбы. Н.И. Вавилов и его ближайшие сотрудники по ВИРу, выдающийся генетик Г.Д. Карпеченко (выезжавший с Вавиловым в США) и крупнейший цитолог Г.А. Левитский проявили несгибаемость в дискуссии 1939 г. Нетрудно было в эпоху 1937–1939 гг. представить эту группу ученых как злонамеренных заговорщиков, “предавших” советскую науку. Однако возможность измены делу Родины и генетики с их стороны была исключена. Они в 1939 г. выступили с непримиримой критикой демагогии Лысенко. Девять месяцев спустя был арестован Н.И. Вавилов, затем последовали аресты Карпеченко и Левитского. Не в результате ли обсуждения итогов дискуссии по генетике осенью 1939 г. на Старой площади был выбран “проверенный” способ, который заставил замолчать их? Было заявлено о вредительстве и врагах народа, что означало одно – смертный приговор. Это был своего рода ответ на разглашательства Митина о том, что партия не допустит “махаевского” отношения к интеллигенции страны. И кто знает, может быть, именно итоги этой дискуссии, не оправдавшей надежд Лысенко, и то, что гибель Вавилова и его ближайших сотрудников не остановила развитие генетики в 1945–1948 гг., побудили его спустя 7 лет заручиться прямой поддержкой Сталина на разгром генетики. Если бы не Великая Отечественная война, разгром генетики в нашей стране, по-видимому, произошел бы раньше, до того как наступил 1948 г.

Прошедшие дискуссии получили широкий резонанс, но набирающая силу борьба против классической генетики в биологическом отделении АН помешала избранию Н.П. Дубинина в члены-корреспонденты.

³⁷ Колбановский В. Спорные вопросы генетики и селекции (Общий обзор совещания) // Под знаменем марксизма. 1939. № 11. С. 126.

В 1939 г. по итогам работы комиссии Президиума АН СССР во главе с А.Н. Бахом Н.К. Кольцов был снят с поста директора Института. Коллектив ИЭБ поддержал своего руководителя.

ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ

Резолюция общего собрания сотрудников ИЭБ от 15 января 1939 г. по вопросу о политической вредности евгенических высказываний заслуженного деятеля науки, академика ВАСХНИЛ Н.К. Кольцова

Принята единогласно 27-го января 1939 г.³⁸

Общее собрание считает, что статья акад. Баха, Келлера и др., помещенная в газете "Правда" от 11/1 – с.г., еще раз поднявшая вопрос о политической вредности евгенических высказываний заслуженного деятеля науки академика ВАСХНИЛ Н.К. Кольцова (1922 г.), по существу критики этих евгенических высказываний является правильной, однако статья не была объективной в своей критике, создавая о советском ученом Н.К. Кольцове неправильное представление. Общее собрание считает, что акад. Бах, Келлер и др. допустили грубую ошибку, давая характеристику Н.К. Кольцову как лжеученому, не учтя, что евгенические высказывания Н.К. Кольцова, сделанные им в прошлом, являются только небольшой частью его деятельности.

Поэтому собрание считает себя обязанным разъяснить советской общественности, что в лице Н.К. Кольцова мы имеем на самом деле выдающегося советского ученого, заслуженного деятеля науки, имя, которое ему присвоило наше правительство в 1934 г. При этом собрание считает необходимым указать, что повседневная плодотворная деятельность Н.К. Кольцова и его политические выступления в Институте экспериментальной биологии и другие общественные выступления характеризуют его как активного строителя социализма, как антифашиста, резко бичующего лженаучную евгенику, которая нашла себе почву в звериной расистской теории фашизма. Об этом же свидетельствуют его плодотворная научно-организационная деятельность, личная научная и педагогическая работа, а также многолетнее редактирование Биологического журнала.

Собрание с удовлетворением принимает заявление Н.К. Кольцова, сделанное им на данном собрании о том, что он полностью стоит на точке зрения первенствующего значения социальных факторов в прогрессе человечества и считает, что только социализм обеспечивает полное развитие способностей и талантов каждого члена общества.

Как указал Н.К. Кольцов, его евгенические высказывания, выраженные им в свое время, как утопия, возможности реакционного использования которых он не видел, сейчас являются для него только историческим прошлым. Это заявление Н.К. Кольцова подтверждается тем, что он с 1928 г. отошел от евгеники и что никакого влияния на руководство Институтом экспериментальной биологии и на воспитываемые кадры его прежние евгенические взгляды не оказали.

Общее собрание отмечает, что Н.К. Кольцов в своем выступлении на данном собрании подверг еще недостаточной критике свои евгенические высказывания.

Собрание приветствует предложение Н.К. Кольцова о написании им статьи, направленной против лженаучных расистских теорий фашизма.

Председатель собрания

Н.П. Дубинин

Члены Президиума

О результатах работы комиссии коллективу лаборатории никто не сообщил, но было ясно, что проблемы генетики будут теперь далеко от главных направлений деятельности Института.

³⁸ ААН. Ф. 450. Оп. 4. № 15. Ед. хр.

В 1940 г. было произведено значительное сокращение штата Института, а в июле 1941 г. директор Института и представитель Биологического отделения АН сообщил Н.П. Дубинину о закрытии его лаборатории. Тревога за будущее лаборатории, за то, как будет в дальнейшем организована и развиваться работа, благодаря которой именно в проблеме наследственности Институт завоевал себе имя в советской и мировой науке, заставили Н.П. Дубинина обратиться в Президиум АН со специальным письмом, которое он лично вручил президенту АН СССР В.Л. Комарову.

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

10.05.1939 г.

Президиум Академии наук СССР в постановлении об Ин-те экспериментальной биологии указал на необходимость его реорганизации на базе разработки вопросов физиологии и морфологии клетки, гистогенеза и органогенеза. В числе этих направлений не указаны работы цитогенетического отдела, который занимал одно из центральных мест в работе Ин-та. Не указана также и необходимость сохранения основного ядра его работников в случае перехода в другой институт Академии наук. Деятельность цитогенетического отдела совершенно не была освещена Комиссией Академии наук, обследовавшей институт, в ее докладе Президиуму. Все это заставляет меня тревожиться за судьбу Цитогенетической лаборатории, которая представляет собой сильнейший в СССР коллектив, разрабатывающий теоретические проблемы цитогенетики в разрезе дарвиновского учения об эволюции.

Экспериментальные исследования по эволюции природных популяций, а также ряд других оригинальных направлений, начатых нами в Советском Союзе, создали цитогенетической лаборатории почетную известность, как в Союзе, так и за границей.

Коллектив складывался в течение 8 лет, в процессе упорной работы над этими проблемами и выпустил за это время около 200 научных работ. В настоящее время коллектив состоит из 3 докторов наук, 15 кандидатов наук и 8 младших научных сотрудников. Все сотрудники лаборатории (за исключением двух докторов наук) окончили советские ВУЗы и большинство из них работают здесь не менее 5 лет.

Я считаю, что при реорганизации ИЭБ совершенно необходимо сохранить этот ценный, плодотворно работающий коллектив, созданный долгим трудом и заслуживший признание, как в советской, так и в международной науке.

Вопрос о судьбе Цитогенетической лаборатории ИЭБ ставится и воспринимается особенно остро в связи с проходящей в Союзе дискуссией по вопросам генетики и селекции.

Зав. Цитогенетической лабораторией
Д-р, проф.

Н.П. Дубинин

В результате этого письма Николаю Петровичу удалось сохранить лабораторию и продолжать плодотворно работать.

В 1946 г., по представлению С.С. Четверикова, Н.П. Дубинин был вторично рекомендован к избранию в члены-корреспонденты. Это было поддержано многими научными коллективами: Институтом цитологии АН СССР, ИЭМ АН СССР, МГУ, ЛГУ, ВГУ, СГУ, МПМИ, Институтом зоологии АН ГрузССР, Воронежским с.-х. институтом, ИЭБ АН КазССР, Лабораторией генетики Центрального рентгенологического, радиологического и ракового института МЗ СССР в Ленинграде, Воронежской областной плодово-ягодной станцией, Институтом зернового хозяйства Юго-Востока СССР, ИЭБ

АН СССР и другими учреждениями³⁹. Кандидатура Н.П. Дубинина была поддержана крупными учеными-академиками – Н.В. Цициным, Д.Н. Прянишниковым, А.Н. Колмогоровым, А.А. Рихтером, К.И. Скрябиным, И.И. Шмальгаузенем, Е.Н. Павловским.

Что писали современники о научной и педагогической деятельности Н.П. Дубинина 60 лет тому назад, выдвигая в 1946 г. 39-летнего ученого, заведующего лабораторией цитогенетики ИЦГЭ, в члены-корреспонденты?

ХАРАКТЕРИСТИКА Н.П. ДУБИНИНА,

поданная Ученым советом ИЦГиЭ в Президиум АН СССР
для избрания в члены-корреспонденты АН СССР.

Профессор Николай Петрович ДУБИНИН является одним из виднейших деятелей советской генетики. Исследования Н.П. Дубинина, уже начиная с первых его работ, получают широкую известность, как в нашей стране, так и в мировой литературе.

С 1932 г. и по настоящее время Н.П. Дубинин возглавляет самую крупную лабораторию цитогенетики нашей страны в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук СССР, где с большой группой ученых ведет исследовательскую работу по теоретической генетике. Работы лаборатории, опубликованные за последние 15 лет, поставили ее на одно из первых мест в мировой науке.

Одновременно проф. Дубинин развивает разностороннюю педагогическую и общественно-научную деятельность. Так, с 1927 по 1929 г. он состоит профессором-заведующим кафедрой генетики и разведения в Московском Зоотехническом институте. С 1937 г. и по настоящее время является профессором Воронежского университета, где помимо общего курса генетики он читает впервые в СССР новые курсы “Физиологической генетики” и по “Истории генетики”. В Московском университете впервые он читал курс по “Эволюционной генетике”. Его многочисленные выступления с докладами и лекциями на различных научных конференциях в гг. Москве, Ленинграде и других крупных университетских городах (Киев, Саратов, Воронеж, Тбилиси, Самарканд, Харьков и т.д.) оказали большое влияние на развитие биологической мысли в СССР.

За 15 лет своей профессорской деятельности и руководства лабораторией генетики Института цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук СССР Н.П. Дубинин воспитал целое поколение исследователей. В его лаборатории и на кафедрах, которые он занимал, получили научные степени кандидатов и докторов наук 27 советских исследователей, ныне работающих по генетике, что составляет около трети всех работников, имеющих степени в этой области науки.

Экспериментальные и теоретические работы Н.П. Дубинина очень разносторонни. Однако наибольшую известность в мировой науке он приобрел, как создатель и глава экспериментальной школы эволюционной генетики.

Уже в 1931 г. он выступает с принципиально важным открытием в области экспериментальной разработки эволюционных проблем. Он пишет работу: “Генетико-автоматические процессы и их значение для механизма органической эволюции” (1931), Журнал экспериментальной биологии, т. VII, вып. 5–6, 463–479.

Теория генетико-автоматических процессов открыла ряд кардинально важных областей генетики популяций. Эти работы дали возможность установить законы, определяющие судьбу отдельных мутаций (их размножение, распространение, унич-

³⁹ Представлены как личные отзывы ученых, направленные на выдвижение Н.П. Дубинина, так и выписки из заседаний ученых советов научных коллективов. Материалы взяты из личного архива Н.П. Дубинина, публикуются с сокращениями.

тожение и т.п.) до того момента, когда концентрации их достигнут такого уровня, при котором вступает в действие естественный отбор. Однако для неприспособительных признаков эти сдвиги могут в основном даже определить всю их судьбу. Эти процессы найдены в природе, они оказались доступными изучению методами теории вероятностей, которое и было проделано в тесном контакте с математическими специалистами.

Теория генетико-автоматических процессов явилась лишь одним из следствий всего фактического материала экспериментальных исследований Н.П. Дубинина по генетике популяций.

Из основных работ здесь следует упомянуть следующие: “Генетическое строение вида и его эволюция”; “Генетико-автоматические процессы и проблемы экогенотипов” (совместно в Д.Д. Ромашовым, 1932 г.); “Экспериментальный анализ экогенотипов”, 1934 г.; “Генетическая структура популяций и ее динамика в диких населенных *Drosophila melanogaster*”, 1936 г.; “Внутривидовая хромосомная изменчивость”, 1937 г. (совместно с Соколовым и Тиняковым); “Дарвинизм и генетика популяций”, 1940 г.; “Хромосомные мутации и система вида”, 1940 г. (совместно с Н.Н. Соколовым).

Вопросам эволюционной генетики Н.П. Дубинин посвятил свыше 40 работ, напечатанных в советских и иностранных журналах. Эти работы чрезвычайно углубили и расширили наши познания об естественном отборе, о процессах изменчивости и конкретном ходе эволюционных процессов в природе. Они вызвали широкий отклик и послужили толчком к созданию советского, американского, английского и других направлений по экспериментальной генетике популяций. Эти работы явились одной из главных причин разгрома антидарвинистических теорий в генетике, успешной борьбы за дарвинизм и основой для нового, экспериментального развития дарвинизма. Говоря о создании нового эволюционно-генетического направления Джулиан Гексли (член Английской Академии наук) в речи на VII Международном Генетическом конгрессе (1939) назвал имя Н.П. Дубинина среди первых имен известных деятелей мировой генетики.

В ряде исследований Н.П. Дубинин, в лабораторных экспериментах воспроизводит также эволюционные преобразования в организации ядра клетки, которые в природе связаны с процессами видообразования и совершаются тысячелетиями. По словам нашего крупнейшего цитолога: “Н.П. Дубинину принадлежат классические исследования по искусственному уменьшению и увеличению числа хромосом у дрозофилы” (член-корреспондент Академии наук СССР Г.А. Левитский, “Советская цитология за 20 лет”).

Помимо работ по эволюционной генетике, Н.П. Дубинин дал ряд работ по исследованию строения ядра клетки и действия гена. Следует отметить его работы по “Эффекту положения”, в которых была доказана зависимость действия гена от его положения в хромосоме. (Основные работы: “Дискретность и непрерывность в строении наследственного вещества”, 1935; “Зависимость действия гена от его положения в системе” (совместно с Б.Н. Сидоровым), 1934; “Эффект положения гена *Hairy*”, 1935 (совместно с Б.Н. Сидоровым). Н.П. Дубинин разрабатывал также и проблему гена. Его работы по природе гена в свое время широко обсуждались в мировой литературе. Новая область фактов, открытых этими исследованиями, является очень своеобразной.

Н.П. Дубинин является одним из основателей теории образования хромосомных перестроек по типу кроссинговера (“К природе образования делетированных X-хромосом”, 1930, “Механизм образования сложных хромосомных реорганизаций”, 1935 (совместно с В.В. Хвостовой). Ему принадлежит ряд работ по исследованию мутационного процесса в природе под влиянием рентгеновских лучей, а также и по другим вопросам экспериментальной генетики.

Наряду с проблемой общей генетики, Николаем Петровичем опубликован ряд исследований по проблемам селекции и частной генетики (кролик, тутовый шелкопряд),

из которых следует отметить книгу “Руководство по генетике и селекции кроликов”, 1932. В этом руководстве впервые систематически на русском языке были оригинально изложены принципы современных генетических методов селекции животных.

За годы Великой Отечественной войны, несмотря на все трудности, Н.П. Дубинин прodelывает большую работу по экспериментальному изучению факторов эволюции.

Около 20 исследований явились результатом его работы в 1942, 1943, 1944 и 1945 гг. Одна серия работ посвящена доказательству того, что естественный отбор опирается в своей эволюционной деятельности не только на отдельные признаки, но и на целую систему, приводя к определенной организации генов внутри хромосомы. Эти факты открывают новые пути перед генетикой популяций.

Вторая серия работ посвящена явлениям быстрых процессов эволюции ядра клетки при расо- и видообразовании. На городских и сельских расах дрозофилы было доказано, что деятельность человека создает особые условия для проявления естественного отбора. Особенно ярко этот факт был установлен при анализе популяций из города Воронежа, разрушенного в результате немецкого нашествия. Здесь хромосомная структура популяции оказалась резко измененной, а теперь, по мере восстановления города, быстро эволюционизирует к городскому типу.

Наряду с большими экспериментальными исследованиями, Н.П. Дубинин на всем протяжении своей деятельности разрабатывает общую теорию генетической науки. Этому помогает исключительная разносторонность Н.П. Дубинина, как ученого.

В противоположность широко распространенной научной специализации Н.П. Дубинин лично владеет всеми основными методами генетики: от полевых наблюдений в популяциях, методов частной генетики и селекции, до микроскопической техники изучения тончайших хромосомных структур и математического анализа эволюционного процесса.

В теоретических работах Н.П. Дубинин дал анализ основных направлений, ошибок и достижений генетики в свете диалектики – учения материализма. В ряде последних работ и выступлений (1943–1946) Н.П. Дубинин пришел к широкому синтезу генетических знаний в целом на общепроизводственных основах.

Мировая научная общественность высоко расценивает работы Н.П. Дубинина. Это, в частности, ярко проявилось на 220-летней юбилейной сессии Академии наук СССР, когда работы Н.П. Дубинина и его Лаборатории привлекли самое серьезное внимание, свидетельством чего являются отклики в английской печати. Французская делегация через академика Л.А. Орбели обратилась к Н.П. Дубинину с просьбой написать для Франции книгу “Эволюционная генетика”.

Английское научное издательство Кембридж Пресс также обратилось к Н.П. Дубинину с просьбой написать книгу на тему: “Проблемы генетики популяций”.

Новые идеи, новые методы работы и кипучая энергия Н.П. Дубинина объединили вокруг него большую группу молодых исследователей.

Лаборатория генетики Института цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук СССР выпустила под руководством Н.П. Дубинина несколько сот работ, напечатанных в советских, американских и английских журналах. Ученики и сотрудники Н.П. Дубинина сделали ряд крупнейших исследований и открытий по химическим методам получения мутаций, рентгеноморфозам и хемоморфозам, по изучению структуры хромосом и динамике ядра, по созданию новых сортов сельскохозяйственных растений, методам искусственной полиплоидии, по созданию кариотипических моделей нескрещивающихся видов, по выяснению роли ненаследственной закономерности в эволюции, по математической теории генетических процессов в эволюции и т.д., и т.д.

Об интенсивной работе Лаборатории говорит также тот факт, что за 15 лет под руководством Н.П. Дубинина было проведено 550 научных заседаний (400 за-

седаний цитогенетического коллоквиума и 150 заседаний эволюционного семинара).

Н.П. Дубинин прошел большой творческий путь и ныне в лице Н.П. Дубинина мы имеем выдающегося деятеля Советской Биологической науки, автора 109⁴⁰ научных трудов, широко известных как в нашей стране, так и за ее пределами, создателя нового передового направления в генетике. (...)

Председатель Ученого совета Института цитологии,
гистологии и эмбриологии АН СССР,
директор института,
профессор

Секретарь Ученого совета

19.06.1946 г.

Г.К. Хрущов

Л.В. Полежаев

ОТЗЫВ

на профессора Воронежского государственного университета
ДУБИНИНА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА

(...) Руководя с 1937 г. кафедрой генетики Воронежского Государственного Университета, он проявил себя не только прекрасным лектором и широко образованным ученым, но и прекрасным организатором. В годы его заведования кафедрой, она буквально явилась генетическим центром для ВУЗов города Воронежа, а ее систематические научные коллоквиумы привлекали массу научных работников и студентов.

Под его руководством получили квалификацию по генетике не один десяток студентов-специалистов, а аспиранты успешно прошли аспирантуру и защитили кандидатские диссертации.

Кроме большой научной и педагогической деятельности проф. Дубинин ведет и обширную общественную работу, главным образом, по естественно-научной пропаганде, выступая постоянно с докладами в различных научных ассоциациях и конференциях, и собраниях.

В годы Отечественной войны проф. Дубинин, несмотря на трудные условия, успешно продолжал свои исследования по экспериментальному изучению факторов эволюции и написал по этому вопросу свыше 20 работ. Наиболее интересными среди них являются работы по перестройке ядра клеток у *D. funebris* под влиянием естественного отбора и в связи с теми нарушениями, какие были вызваны в окружающей обстановке войной.

В частности Воронежская популяция *D. funebris*, резко изменившаяся в годы войны и разрушительных потерь, по мере восстановления города быстро эволюционизирует к типу хромосомно-экологической расы индустриального города.

Профессор Н.П. Дубинин молодой, но быстро растущий ученый с мировым именем. (...) Это один из наиболее деятельных и талантливых ученых советской генетической науки. (...)

Ректор Воронежского государственного университета

Председатель МК ВГУ

Латышев

Ковалев

28 мая 1946 г. состоялось заседание Ученого совета ВГУ под председательством Н.П. Латышева, на котором слушали выдвижение профессора Н.П. Дубинина в члены-корреспонденты. Приведем выписку из протокола заседания:

⁴⁰ К 1947 г. было опубликовано 127 научных трудов, см.: Николай Петрович Дубинин. Библиография ученых СССР. М.: Наука. 2004 (Примечание составителя).

*Выступление декана биологического факультета
доц. Руцкого И.А.*

В своем выступлении декан биофака доцент Руцкий И.А. отмечает, что проф. Н.П. Дубинин молодой, но быстро созревший ученый, он широко известен ученому миру, как в СССР, так и за границей, о чем свидетельствуют такие факты: а) в обзорной статье, опубликованной в “Британском союзнике”, посвященной 220-летию юбилею АН СССР, раздел генетики целиком посвящен его работам и его лаборатории, б) два крупнейших европейских органа – Англии и Франции обратились к проф. Дубинину Н.П. с предложением написать для них книги по эволюционной генетике и генетике популяций.

Окончив в 1928 г. Московский Государственный Университет, он быстро подвигается по лестнице ученых степеней и уже в 1931 г. получает звание профессора и заведование кафедрой в Московском Зооветеринарном Институте.

В 1932 г. он переходит в Институт Гистологии⁴¹ АН СССР, где интенсивно разворачивает работу по цитогенетике, приведшей к созданию им нового эволюционного направления в этой области биологической науки. Широкая эрудиция и педагогический талант позволили Н.П. Дубинину быстро объединить вокруг себя молодое поколение генетиков и оказывать большое влияние на их работу и направленность. Все эти качества выдающегося ученого и талантливого педагога хорошо известны нам воронежцам, где Н.П. Дубинин ведет систематическую работу с 1938 г. (...).

В своем выступлении доц. Руцкий И.А. ссылается на журнал “Британский союзник”⁴². Перед статьей Д.С. Гексли о теории эволюции напечатана врезка, в которой английские ученые, побывавшие в Москве на праздновании 220-летия АН СССР, делятся своими впечатлениями о пребывании в СССР и об успехах советских ученых:

(...) Поучительно было после пяти лет почти полной изоляции узнать, что изучение проблем эволюционной теории в Советском Союзе в основном развивалось параллельно с изучением тех же проблем в США и Великобритании.

В генетике с огромной сосредоточенностью проводится изучение мутаций, изменчивости и влияния отбора в природных популяциях. Укажу на работы профессора Дубинина и его учеников профессора Ромашова, Берг, Оленова и других.

По большей части работы в этой области основываются на строго выдержанной неодарвиновской теории естественного отбора. Профессор Дубинин и Тиняков, экспериментируя в годы войны, показали огромную роль естественного отбора в формировании хромосомных структур. Они обнаружили замечательный факт карิโอтипической дивергенции городских и сельских рас дрозофилы, экспериментально доказали влияние температуры на отбор инверсий и другое. (...)

Я был особенно заинтересован тем, что вопрос о ди- и полиморфизме в природе усиленно изучается в Советском Союзе профессором Дубининым. Я убедился, что в области математической генетики и эволюции такими исследователями, как Колмогоров, Малиновский, Дубинин, Ромашов и др. проделана большой важности работа, примерно в том же направлении, по которому идут независимо от них Фишер в Англии и Севел Райт в Америке.

Я узнал интересный факт: явление “дрейфа”, связанное с ролью случайностей в эволюции небольших колоний, сформулированное Севелом Райтом в 1931 г., было в том же 1931 г. независимо от него открыто профессором Дубининым и Ромашовым и названо Дубининым генетико-автоматическим процессом.

⁴¹ Имеется в виду ИЦГиЭ АН СССР.

⁴² Британский союзник. 1945. 15 июля.

*Выступление проректора ВГУ чл.-корр. АН СССР
проф. Козо-Полянского Б.М.*

⟨...⟩ в генетике работают многие выдающиеся люди. Но и среди этой пестрой массы проф. Дубинин Н.П. выделяется своей яркостью.

Его выделяют: 1) масштаб работы, 2) идейность ее, 3) модернизм-современность, 4) принципиальность – своя “линия”. Мы только что слушали его блестящий доклад, в котором он столь сильно и изящно мобилизовал факты для решения больших и злободневных вопросов. Это для него характерно.

На генетической дискуссии проф. Дубинин Н.П. смело защищал то мнение, которое было не в фаворе.

Можно не соглашаться с его концепциями, но нельзя не уважать их и не интересоваться ими.

Для Воронежского государственного университета проф. Дубинин Н.П. свой человек. Он работал у нас не только во времена нашего процветания. Он не покинул нас и в развалинах Воронежа. Характерный факт: он деятельный участник наших научных конференций.

В лице проф. Дубинина Н.П. АН СССР может приобрести яркого ученого с большим будущим и ВГУ – друга в Академии.

Выступление профессора Петрова Д.Ф.

⟨...⟩ Н.П. Дубинин принадлежит к числу молодого поколения ученых, у которых вся сознательная жизнь прошла при советской власти. Проф. Дубинин отличается исключительной работоспособностью и настойчивостью в проведении научно-исследовательской работы. Он аккуратно следит за всей мировой генетической литературой. Умеет быстро осваивать все новейшие методы и приемы исследований. Причем он не только лично осваивает прогрессивные методы, но умеет их быстро передать своим сотрудникам, что создало вокруг него школу молодых продуктивно работающих исследователей. Однако, проф. Дубинин не только осваивает чужие достижения, но часто сам вводит новые приемы и методы исследования. Большие творческие способности позволяют ему быстро осваивать мировой и свой опыт, оформляя все это в виде оригинальных гипотез и теорий, которые в большинстве случаев при дальнейшей проверке и разработке получают всеобщее признание. Особенно интересно его последнее исследование – городского и деревенского типа эволюции в популяциях.

В этом случае в большом и важном вопросе – экспериментальном изучении эволюции в природе, он дал первый широкий эволюционный синтез накопленного материала. Это открытие встретило широкий отклик в мировой науке.

Выступление доцента Постниковой Е.Д.

⟨...⟩ Экспериментальные и теоретические работы его очень разнообразны, но наибольшую известность приобрели его работы по эволюционной генетике. Н.П. Дубинин исследует и разрабатывает вопрос по фактической эволюции популяций в природе. Н.П. Дубинин является создателем и главой новой области биологической жизни в виде эволюционной генетики. Это направление является новым, советским, отечественным, которое прокладывает новые пути в мировой науке.

С 1937 года проф. Дубинин Н.П. заведует кафедрой генетики Воронежского государственного университета, которая за время его работы стала одной из сильных кафедр страны. Обладая исключительным педагогическим талантом, Н.П. Дубинин создал ряд оригинальных курсов, которые впервые прочел у нас, как например, курс “История генетики”, в котором был дан анализ основных направлений, ошибок и достижений науки в свете диалектического материализма, курс “Физиологи-

ческая генетика” и т.д. При кафедре постоянно работал научный коллектив, который привлекал биологов вузов города и оказывал большое влияние на развитие научной мысли. Н.П. Дубинин лично владеет сложнейшей современной методикой исследования от полевых наблюдений в популяциях, методов частной генетики и селекции, до микроскопической техники исследования тончайших хромосомных структур и математического анализа эволюционного процесса. Кипучая энергия, скромность и обаятельность Дубинина объединила вокруг него группу молодых исследователей, а его работы создали ему имя мирового ученого. (...)

2.VI.1946 г.

(...) Научные сотрудники кафедры экспериментальной зоологии и генетики и группа биологов Биологического факультета Ленинградского Ордена Ленина университета выдвигают в качестве кандидата на замещение вакансии члена-корреспондента – ДУБИНИНА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА. (...)

Исследования проф. Н.П. Дубинина по генетике и эволюции популяций на основе теории генетико-автоматических процессов явились обоснованием нового направления работ, за которыми последовали затем многочисленные исследования у нас, в Советском Союзе и за границей.

Его работы по экспериментальному изменению числа пар хромосом у дрозофилы открыли путь искусственного управления кариотипической изменчивости и дали возможность подойти к объяснению ее эволюции у животных.

Изучение им “эффекта положения” гена послужило к преодолению некоторых упрощенных представлений о самом гене и, благодаря этому, подняло учение о гене на новую ступень. (...)

Его многочисленные исследования отличаются разносторонностью, широтой и новизной поднимаемых проблем в области теоретической генетики, которые хорошо известны генетикам и биологам. Он по праву признан одним из ведущих генетиков как у нас, в Советском Союзе, так и за границей.

Проф. Н.П. Дубинин зарекомендовал себя как умелый организатор большой научной школы с определенными перспективными направлениями в области генетики. Из этой школы вышел ряд крупных исследователей-генетиков. (...)

Подписи: проф. Соколов, проф. Полянский, проф. Светлов, член-корресп. АН СССР проф. Насонов, доц. Жинкин, проф. Шбанвич, доц. Лобашев

13.V.1946 г.

(...) Исследования наследственной структуры природных популяций, ведущиеся Н.П. Дубининым с 1930 г., дали ему возможность выдвинуть важнейшие обобщения, связывающие воедино факты и выводы генетической науки с основной проблемой эволюционной биологии – проблемой видообразования. По этому пути, опираясь на результаты, полученные Н.П. Дубининым, сейчас идут многочисленные школы как наших советских, так и англо-американских ученых.

Ряд других работ Н.П. Дубинина, например, данный им анализ “эффекта положения”, его исследования способов возникновения хромосомных перестроек, также являются важным этапом в развитии генетики. Эти работы, добытые автором, данные и сформулированные им выводы представляют собой неотъемлемую и существенную часть материала любой сводки, любого большого руководства по генетике.

Н.П. Дубинин прошел большой творческий путь. Его многосторонняя научная, педагогическая и организаторская деятельность оказала большое положительное влияние, в значительной мере благодаря ему советская генетика занимает одно из первых мест в мировой науке, многие видные советские ученые работали и работа-

ют под его руководством. В лице Н.П. Дубинина мы имеем выдающегося деятеля советской биологии (...)

Зав. лабораторией генетики Центрального рентгенологического, радиологического и ракового института, д.б.н. *Ю.М. Оленов*

18 апреля 1946 г.

(...) Институт зоологии АН Грузинской ССР не может не отметить особо тот немалый труд, который вложил Н.П. Дубинин в дело воспитания кадров генетиков в Грузии. Н.П. Дубинин, неоднократно бывая в Грузии, лично помогал нашим молодым научным кадрам организовывать в Грузии научно-исследовательскую работу в области генетики. Он руководил ими путем многочисленных консультаций и чтения лекций, знакомил их с новейшими методами цитогенетического исследования и направлял всю их научную деятельность.

С другой стороны, наши научные работники во время командировки в Москву всегда получали в лаборатории Н.П. Дубинина полное и весьма ценное научное руководство. В частности, под руководством Н.П. Дубинина проделывались диссертации наших научных работников...

Директор Института зоологии, действ. член Акад. наук ГССР,
заслуж. деятель науки *Ф.А. Зайцев*
Ученый секретарь *А.И. Мачабели*

В Постановлении Ученого совета Воронежской областной плодово-ягодной опытной Станции от 10 июня 1946 г. читаем:

(...) Ряд статей профессора Дубинина посвящен работам Ивана Владимировича Мичурина и имеет большое значение для селекционеров, работающих с плодовыми растениями. Вообще работы профессора Дубинина, разрабатывающие целый ряд новых прогрессивных методов экспериментального анализа естественного и искусственного отбора, имеют большое значение для селекции, в частности для селекции плодовых, позволяют селекционеру более четко ставить свои селекционные задачи, яснее намечать пути к их решению, более сознательно в целом вести весь селекционный процесс.

Председатель *Леутин*
Секретарь *Шадрак*

18 мая 1946 г.

(...) Работы Н.П. Дубинина и его учеников, произведенные под его руководством, посвященные самым актуальным проблемам современной генетики: цитогенетическому изучению структуры и закономерностей изменчивости наследственных свойств, генетики и эволюции популяций, биохимического анализа клетки и ядра и их связи с важнейшими процессами развития растительного и животного организма в целом – представляют важный и значительный вклад в науку о наследственности и эволюции органических форм.

Эти достижения общепризнанны в мировой науке.

Общеэволюционная и общегенетическая концепция, развитая Н.П. Дубининым в его работах, в докладах, прочитанных им в Саратовском университете, и личных беседах, является, на наш взгляд, концепцией, правильно ориентирующей селекционную мысль, помогающей селекционеру в его работе выведения новых пород животных и новых форм растений.

Н.П. Дубинин пользуется заслуженным авторитетом среди широких кругов генетиков и селекционеров, обладает кипучей энергией и желанием помочь в строительстве нашей Родины.

В связи с этим, я заведующий лабораторией яровых пшениц Института зернового хозяйства Юго-Востока СССР, считаю своим долгом указать на кандидатуру Н.П. Дубинина, как на вполне достойную звания члена-корреспондента Академии наук СССР.

Лауреат Сталинской премии, д.б.н.

А.П. Шехурдин

На Отделении биологических наук АН СССР Н.П. Дубинин был избран членом-корреспондентом.

Пытаясь повлиять на Общее собрание АН СССР 4 декабря 1946 г., при утверждении результатов выборов Лысенко выступил со следующим заявлением⁴³:

4.XII.1946 г.

Считаю своим долгом как ученый, болеющий за судьбы нашей советской генетической науки и в известной мере отвечающий за ее развитие в Академии, довести до сведения Общего собрания академиков мое мнение по поводу избрания Николая Петровича Дубинина члена-корреспондентом.

Дубинин не имеет никаких реальных заслуг ни в области научной биологической теории, ни в области практики. В то же время Дубинин является вожаком антимичуринской группы генетиков, представляя в нашей генетической науке идеологию консервативных и даже реакционно-настроенных в идеологическом отношении зарубежных биологов.

Я считаю своим долгом выступить с настоящим заявлением как с мотивом моего голосования против утверждения кандидатуры Николая Петровича Дубинина член-корреспондентом Академии.

Академик

Т.Д. Лысенко

⟨...⟩ В связи с заявлением акад. Лысенко, что он будет голосовать за весь список в целом, за исключением кандидатуры Н.П. Дубинина, акад. С.И. Вавилов внес предложение голосовать кандидатуру Н.П. Дубинина отдельно. ⟨...⟩ Голосование дало следующие результаты: “за” – 70 голосов, “против” – 1, воздержавшихся – 4. Общее собрание Академии наук СССР постановило: утвердить произведенные Отделением биологических наук выборы члена-корреспондента Академии наук СССР Н.П. Дубинина⁴⁴.

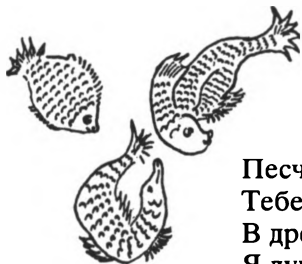
По случаю избрания членом-корреспондентом друга, коллеги по работе прислали Николаю Петровичу свои поздравления и посвящения.

Дорогой Николай Петрович!

Коллектив биологического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского сердечно поздравляет Вас с избранием в члены-корреспонденты академии наук СССР.

⁴³ Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1973. С. 265.

⁴⁴ Протокол Общего собрания Академии наук СССР 29 ноября – 4 декабря 1946. С. 32.

Песчаный, солнечный привет
Тебе шлет Яик, старый дед!
В дремоте сладкой подо льдом
Я думаю о том, о сем
И вспоминаю, сколько раз
Ко мне являлся Николас,
И, как приняв на грудь свою,
Я нес на юг его ладью.
Друзьями были мы, порой
Я фамильярничал с тобой:
Шалил с остатками волос,
Водою брызгал прямо в нос
И распускал шутя слушок,
Что ты уральский пузанок...
Но слух пришел к нам на Урал,
Что ты корреспондентом стал.
Теперь к приезду твоему
Из ям я рыбу подниму,
Рассыплю золотом песок,
Плескаться стану возле ног
За свой тысячетный стаж
Я изучил подхалимаж!

1946 г.

Яик⁴⁷

⁴⁷ В 1775 г. по указу Екатерины II река Яик была переименована в Урал (*Примеч. составителя*).

ЭПИГРАММЫ
ПО СЛУЧАЮ ИЗБРАНИЯ В ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Ты в жизни сделал важный шаг,
Тебе повысили зарплату,

Отдай обратно мне пиджак,
Верни ботинки мне обратно

Вор с парохода "Чичерин"

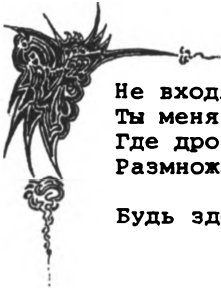
Глубокоуважаемый
Профессор Николас !
Сердечно поздравляем мы
С победой громкой Вас.
Писаки заграничные
Про Вас уж не соврут,
Что Вы с "побитой личностью"
Вернулись в Институт.

В.О.К.С.⁴⁸

Поздравить лично не могу -
Больна у нас сегодня Паша,-
В лимитный магазин бегу.

Сокандидат
Мишель Навашин

Не входя в работ детали,
Ты меня не опроверг.
Где дрозофилы летали
Размножались там летали.

Будь здоров.

Ганса Берг

Что мне не вставили Вы шила
Я Вам признателен

Камшилов

Теперь Вы, конечно, большая персона.
Я - тоже персона украинской нации.
Когда-то не мало наделали звона,
Мне грубо публично читая нотации.

Но строго у нас разграничена зона:
Дрозофила Вам создала репутацию.
Спасли хомяки у меня диссертацию.

Живите.

Примите ивет
Гершензона

Для Вас наука -
- тот же спорт

Орденосец
Рапопорт

⁴⁸ ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

Науки знамя нес ты в радости и горе,
 Не перекрашивался в модный колер.
 Привет тебе, коллега, из-за моря.
 Жму руку с радостью и поздравляю

Меллер

Несу Вам пару пистолетов
 К барьеру !

Всеволод Столетов

Когда прошел всех споров пыл,
 Я Вас поздравить не забыл

академик И.И.Шмальгаузен

Меня три раза потрошили,
 Потом катали на машине.
 Три дня страдала. Стало дурно.
 Уф !

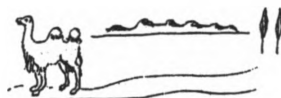
Избирательная урна

Р.С. Но все ж приятно тешит
 слух.
 Что обошлось без оплеух

Брось телеграммы принимать.
 Ведь все равно не одобровать.
 Всех расшибу я лбом о стенку.

Трофим Денисович ...

Ты с детства был велеречив.
 Я от природы молчалив.
 Наш путь извилист, тяжок, долог.
 Ботаник - я, а ты- зоолог.
 Я много претерпел обиды
 За мной взращенные гибриды.
 И если верен общий слух,
 Ты много вытерпел за мух.
 Но нас свела дороги лента
 у кресла член-корреспондента.

А.А.Авакян "Горки Ленинские"

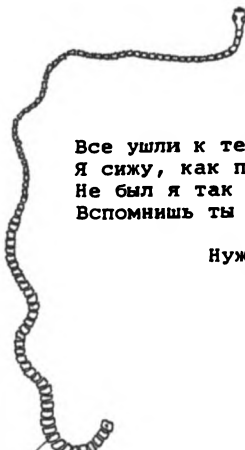
Все ушли к тебе на праздник.
 Я сижу, как перст, один.
 Не был я так зол ни разу
 Вспомнишь ты меня

Нуждин

К тебе на праздник
 я не зван.
 Будь проклят !

Глущенко Иван

К 30-й годовщине Октября 24 мая 1947 г. Н.П. Дубинин подает в Отделение биологических наук АН большой обобщающий материал “Характеристика деятельности Лаборатории цитогенетики Института цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук СССР”. Согласно этому документу основными проблемами, над которыми работала лаборатория, начиная с 1932 г., были следующие: 1) эволюционная генетика, 2) проблема мутаций, 3) проблема гена, 4) полиплоидия, 5) фенотипика, 6) цитогенетика. Их исполнение осуществляли следующие сотрудники лаборатории. *По первой проблеме*: Н.П. Дубинин, Д.Д. Ромашов, Г.Г. Тиняков, Н.Н. Соколов, А.А. Малиновский, В.С. Кирпичников, И.Е. Трофимов, Б.Ф. Кожевников и др.; *по второй проблеме* – Н.П. Дубинин, Г.Г. Тиняков, В.В. Хвостова, В.В. Мансурова, В.В. Сахаров, Б.Н. Сидоров, И.А. Рапопорт, А.Н. Промптов и др.; *по третьей проблеме* – Н.П. Дубинин, В.В. Хвостова, В.В. Сахаров, Б.Н. Сидоров, Е.Н. Волотов, М.А. Арсеньева, И.Б. Паншин и др.; *по четвертой проблеме* – Е.Н. Волотов, В.В. Хвостова, С.Ю. Гольдат, Б.Н. Сидоров, Н.Н. Соколов, В.В. Сахаров; *по пятой проблеме* – И.А. Рапопорт, В.Н. Беляева, В.В. Хвостова, Е.Н. Волотов и другие; *по шестой проблеме* – Н.П. Дубинин, И.Е. Трофимов, Г.Г. Тиняков, Б.Н. Сидоров, В.В. Сахаров, Г.Г. Фризен, И.А. Рапопорт, Б.Ф. Кожевников, И.Б. Паншин, В.В. Хвостова, Е.Н. Волотов, Н.Н. Соколов и другие.

В этом документе отмечается, что в развитии исследовательской мысли лаборатории и для воспитания новых кадров крупную роль сыграли заседания генетического коллоквиума и эволюционного семинара. На этих заседаниях сообщались и обсуждались результаты экспериментальных работ, делались проблемные доклады и излагались обзоры текущей литературы. Коллоквиумы лаборатории обычно проходили как широкие заседания, на которых присутствовали многие работники разных исследовательских и высших учебных учреждений Москвы, а часто и периферии.

В 1940-е гг. прошел ряд научных конференций, в которых принял участие Н.П. Дубинин. “Вечерняя Москва” от 13 декабря 1944 г. написала, что в МГУ прошла научная конференция “Современные проблемы науки”:

⟨...⟩ На заседаниях присутствуют не только научные работники и преподаватели университета, но и других ВУЗов и научных учреждений столицы, педагоги средней школы, студенты старших курсов. Аудитории, в которых проводятся заседания, бывают переполнены. Так было, например, вчера в секции биологии на докладах: академика Серебровского – о современном состоянии генетики и профессора Дубинина – об основных проблемах генетики. ⟨...⟩

15 мая (1945 г.) закончилась научная конференция Воронежского государственного университета⁴⁹, посвященная 220-летию Академии наук СССР. ⟨...⟩ Работали 4 секции: биологическая, геолого-географическая, историко-философская и физико-химическая. ⟨...⟩ Оживленный спор вызвал интересный доклад доктора биологических наук проф. Н.П. Дубинина “Новые направления в современной генетике”. ⟨...⟩ Прошедшая конференция свидетельствует о возрождении одного из крупнейших вузов нашей страны.

⁴⁹ Бенклиев С. Научная конференция ВГУ // В кн.: Рожденный революцией. Документы, воспоминания. (1918–1988). Воронеж. Изд-во Воронежского университета. 1988. С. 275–276.

Следующая научная конференция ВГУ состоялась в мае 1946 г., где Н.П. Дубинин выступил с докладом “Структурная эволюция ядра и естественный отбор”.

Воронежский период Н.П. Дубинина затрагивает значительный отрезок времени в его деятельности. 2 марта 1968 г. он получил письмо из ВГУ:

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

В мае месяце Воронежский университет празднует 50-летний юбилей, и к этому времени готовится том, посвященный истории Университета. По решению редколлегии, членом которой я являюсь, в нем должны быть помещены портреты ряда крупных деятелей науки, работавших в Университете, в том числе Ваш, как основателя кафедры генетики и ее руководителя на протяжении многих лет... Очень прошу Вас прислать нам Ваше фото. Ведь все мы – воронежцы с большой теплотой вспоминаем время, когда Вы часто навещали нас, и нам очень хочется, чтобы в праздничном томе Вы были с нами. Он нужен также и для музея истории университета. (...)

С глубоким к Вам уважением,
проф.

И. Руцкий

В марте 1947 г. прошла V конференция по высокомолекулярным соединениям (10–13 марта 1947. М.; Л., 1947. С. 20–23). Н.П. Дубинин сделал доклад “Биохимическая генетика”, в котором, в частности, сказал:

(...) Биохимический метод и раньше применялся в генетике и селекции по биохимическим и другим признакам. Однако ныне наступает время органического синтеза генетики и биохимии, и первые шаги этого синтеза сразу открывают новые области практики, что мы видим на примере использования биохимических мутантов нейроспоры в пищевой промышленности, в работах по гетерозису у дрожжей, в ультрафиолетовых мутантах пенициллиума и т.д. Будущее этой области практики, создающейся на базе синтеза обеих наук, исключительно велико.

Перед советской биологической наукой стоят настоятельные задачи по развитию биохимической генетики. Необходимо развить работы в области химии хромосомы гена, генетического контроля над обменом веществ между ядром и протоплазмой, генетического контроля над биохимическими факторами индивидуального развития, в области иммуногенетики, геногормонов, генетики микробов, пенициллиума, нейроспоры, дрожжей и в других областях.

Развитие биохимической генетики окажет серьезное влияние на разработку самых коренных вопросов теории и практики в проблеме наследственности.

Не только научной работой занималась лаборатория, жизнь была ключом, устраивали встречи, играли в волейбол, отмечали юбилеи. В 1947 г. Николай Петрович отмечал свое 40-летие. Друзья поздравляли его.

ТОСТ ЗА НИКОЛАСА

Так что же друзья! Бокалы полны,
Герой торжества среди нас,
Сегодня мы выпить должны
За то, что силен Николас!

За то, что сегодня он с нами
Делит радость успехов своих,
А не там, где-то за морями,
Среди янков и прочих чужих.

В январский мороз, на рассвете,
Лишь только настал Новый год,
Герой наш на ветхой планете
Завершил сороковой полет.

Сорок раз опоясав дневное светило,
Николаас возмужал, полысел, мудрым стал,
Слава его другую славу затмила,
Голос его на весь мир прозвучал.

Но и после отмеренных сорока весен,
После отсчитанных сорока зим
Он все так же для одних несносен
И все так же другими любим.

Теперь в сорок первый полет провожая,
Мы не станем кричать ура.
Другу нашему мы пожелаем –
Ни пуха тебе, ни пера.

Успеешь ли ты, мы не знаем,
Вечности Ген открыть
На всякий случай желаем
Еще сто и один год прожить.

Так выпьем друзья! Эль шаловливый
Восторг опьяненья сулит.
Будь счастлив мой Егерь любимый,
Не один еще Гусь будет нами убит!

Поднимаем же други бокалы!
И выпьем все разом.
Пусть день этот будет счастливым началом,
Пусть здравствует Русской генетики разум!

4 января 1947 г.

*А. Панпушкин*⁵⁰

В 1930–1940-е гг. Н.П. Дубинин опубликовал две обзорные статьи. Одна из них – к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции – под названием “Теоретическая генетика в СССР” (журнал “Фронт науки и техники”. 1937. № 8, 9. С. 63–85). Однако уже тогда, публикуя статью, редакция дала после нее примечание:

Помещая обзорную статью проф. Н.П. Дубинина, редакция отмечает, что автор очень мало говорит о крупнейших ошибках генетиков и их антинаучных установках по ряду вопросов (евгеника, природа гена и т.д.). Автор недостаточно освещает значение для дальнейшего развития генетики работ Мичурина и Лысенко.

⁵⁰ Псевдоним д. с.-х. наук, профессора Александра Ивановича Панина, большого друга Николая Петровича. Первая часть псевдонима “Пан” А.И. взял от своей фамилии, к которой присоединил “Пушкин”.

Позже, ответственный редактор этого журнала Яков Петрович Горелик, поздравляя Николая Петровича с 70-летием со дня рождения, написал:

⟨...⟩ Желая Вам доброго здоровья, счастья, новых творческих свершений в Вашей мужественной и плодотворной деятельности в науке и общественной жизни. Мне особенно приятно выражать эти пожелания, как бывшему ответственному редактору “Фронт науки и техники”, где была опубликована Ваша программная статья “Теоретическая генетика в СССР за 20 лет” в номере 8/9 за 1937 год. В те трудные времена статья могла увидеть свет только с нашим примечанием редакции, и мы уже в те времена гордились Вами, как активным бойцом на фронте передовой советской науки. 4.01.1977 г.

Вторая статья – к 30-летию Октябрьской революции, опубликованная в 1947 г. в “Science”, едва не привела ее автора на “суд чести”. Ранее, в 1946 г., в этом же журнале была опубликована статья А.Р. Жебрака, а в 1947 г. по заказу ВОКС еще одна статья Н.П. Дубинина “Работа советских биологов: Теоретическая генетика”⁵¹. Эти две статьи Н.П., не говоря уже о статье Жебрака, вызвали острую реакцию в нашей стране и подверглись резкой критике.

В газете “Ленинградская правда” от 6 марта 1947 г. появилась статья И.И. Презента, в которой А.Р. Жебрак обвинялся в пресмыкательстве перед буржуазной наукой.

Кроме того, 30 августа 1947 г. “Литературная газета” опубликовала статью под названием “На суд общественности”, подписанную известными тогда поэтами А. Сурковым, А. Твардовским, Г. Фишем, в которой они обвиняли проф. А.Р. Жебрака в низкопоклонстве перед зарубежной наукой и фактическом объединении с американскими учеными для борьбы против советского ученого Т.Д. Лысенко. Тремя днями позже 2 сентября 1947 г. газета “Правда” поместила на своих страницах статью *проф. И. Лаптева* «Антипатриотические поступки под флагом “научной” критики», где автор резко осуждает статьи А.Р. Жебрака и Н.П. Дубинина. Он пишет:

⟨...⟩ Надо потерять чувство патриотизма и научной чести, чтобы заявить, что известный всему миру ученый-новатор в области генетики Лысенко не имеет отношения к советской биологии. ⟨...⟩ Никто иной как Роберт Симпсон в статье, направленной против Лысенко и озаглавленной “Наука по тоталитарному образцу”, прямо заявлял: “Двойная роль Лысенко в политике и в науке требует бесстрашного вмешательства людей науки, увидевших, как опасна та наука, которая становится подчиненной государству ⟨...⟩ Пришло время ломать копыта в бою. ⟨...⟩

Оказывается, для А. Жебрака существует так называемая “чистая наука”. ⟨...⟩

Оказывается, нет в природе передовой советской биологической науки, нет в природе реакционной идеалистической биологии. Оказывается, есть только единая “биология мирового масштаба”. Отсюда понятен союз Жебрака с Дарлингтоном, Саксом и другими мракобесами из реакционного капиталистического лагеря. ⟨...⟩

Выходит, по утверждению Жебрака, что Лысенко тормозит прогрессивное развитие генетики!? Далеко зашел А. Жебрак. ⟨...⟩

Только человек, потерявший всякое чувство гражданского долга, мог пойти на такой шаг. ⟨...⟩

⁵¹ Dubinin N.P. Work of Soviet biologists: Theor. Genet. // Science. 1947. Vol. 105, N 2718. P. 109–112.

Можно было бы закончить с этим антипатриотическим выпадом Жебрака. Но вот перед нами лежит другой номер американского журнала “Наука” Т. 105, № 2718 за 1947 г. В нем напечатана статья Н.П. Дубинина (Институт экспериментальной биологии Академии наук СССР) под названием “Работа советских биологов: Теоретическая генетика”.

Прежде всего вызывает настороженность: почему этот журнал, враждебно настроенный к советским биологам, помещает статью Дубинина на первом месте. Ответ приходит сам собой. В статье обойдены все основоположники советской биологии. Кого же считает Дубинин советскими биологами? Оказывается, здесь превозносятся такие “советские биологи”, как Добржанский, Тимофеев-Ресовский – открытые враги советского народа. {...}

Все мичуринское направление в биологии Дубининым замалчивается. Каждый советский биолог решительно восстанет против подобного, явно ложного, явно антипатриотического освещения советской биологии. {...}

К суду общественности тех {...}, кто своими антипатриотическими поступками порочит нашу передовую советскую науку!

10 сентября 1947 г. в газете “За научные кадры” (Воронежский университет) написано:

Передовой советской науке чужда идея так называемой “чистой” науки, за которой скрывается стремление отгородиться от запросов жизни, от великого дела социалистического строительства. Но именно такого рода “чистая” наука привлекает направление генетики, представителями которого являются А.Р. Жебрак и Н.П. Дубинин. Об их холопских выступлениях в зарубежной прессе с чувством глубокого негодования узнали из статьи профессора Лаптева в газете “Правда” от 2 сентября ученые Воронежского университета. Вместе с учеными нашей страны и со всей советской общественностью они клеймят позором всех тех, кто принижает великое звание советского ученого и готов пресмыкаться перед капиталистическим миром...

В этом же номере была напечатана подписанная инициалами И.Ф. статья “Общественный суд”:

В партийном бюро университета 5 сентября состоялось совещание научных работников биофака с участием заведующих кафедрами социально-экономических дисциплин. На совещании обсуждалась опубликованная в газете “Правда” от 2 сентября статья профессора И. Лаптева “Антипатриотические поступки под флагом “научной” критики”.

По поводу этой статьи горячо высказались доценты: К.В. Скуфьин, Н.А. Черемисинов, М.Г. Тягны-Рядно, В.Я. Рогов; профессора: Н.Х. Флеров, Б.М. Козо-Поланский, Б.М. Бернардинер; ст. преподаватель В.С. Гончаров и ректор университета Н.П. Латышев. Было выражено общее мнение о том, что антипатриотические поступки советских ученых А. Жебрака и Н. Дубинина, о которых идет речь в статье, вызвали среди научных работников университета чувство глубокого возмущения и негодования. Недостойно советских ученых охавать и отвергать перед лицом буржуазного запада большие достижения советской биологической науки.

А. Жебрак и Н. Дубинин, отбросив научную честь, национальное достоинство, заслуженную гордость советских ученых, стали на путь угодничества и пресмыкательства перед представителями буржуазной науки. Вместо достойного отпора реакционерам заграничного лагеря, которые специализируются в клевете на Советский Союз, Жебрак и Дубинин представили советскую биологию в извращенном виде. В статьях, помещенных в заграничных журналах, они умолчали о достижениях корифеев русской биологической науки – Тимирязева, Мичурина, Вильямса – совершенно отвергли новые научные пути, проложенные советским академиком

Т.Д. Лысенко – ученым-новатором, страстным экспериментатором, который разрешает вопросы науки с позиций диалектического материализма.

Это не только попытка отмежеваться от передовой школы Лысенко, это выступление против политического характера советской науки, голос за абстрактную “чистую” науку в “мировом масштабе”. Буржуазная наука, как и вся капиталистическая система, переживает период кризиса и разложения. Она пришла к тупику и служит идеям одурманивания народа. Грандиозные успехи строительства в Советском Союзе, укрепление нашей мощи вызывает бешеную ненависть и злопахательство в стане империализма. В этой борьбе 2-х систем, капиталистической и социалистической, вопросы науки являются вопросами огромной политической важности. Поэтому-то статьи Жебрака и Дубинина были так злорадно и широко рекламированы за границей.

Эти выступления не случайны. Несмотря на то, что за 30 лет советской власти и люди, и жизнь стали совсем другими, среди некоторых ученых еще живучи старые буржуазные предрассудки, старое, обветшалое мировоззрение.

Глубоко еще коренится привычка старого времени рассматривать русскую науку как следствие западной науки.

Этому пора положить конец. Советская наука достигла таких успехов, что может по праву гордиться ими и, в свою очередь, быть образцом для буржуазной науки. Раболепие перед иностранщиной – вредный консерватизм. Он противен советскому самосознанию и вреден делу построения коммунизма. При обсуждении этого вопроса в научной работе биологического факультета были вскрыты тенденции и направления, которые близко перекликаются с теориями Жебрака и Дубинина. Дубинин является научным сотрудником кафедры генетики в нашем университете и идейно возглавляет научно-исследовательскую работу кафедры. Заведующий кафедры генетики профессор Д. Петров в своей научной и учебной работе стоит на позициях той же формальной генетики. В антипатриотических поступках Жебрака и Дубинина Д. Петров увидел лишь “отдельные ошибки”, а не порочность и ложность их научного направления в целом...

Совещание научных работников биофака осудило антипатриотические поступки Жебрака и Дубинина и вынесло решение просить ректорат проверить научно-исследовательскую работу кафедры генетики и оказать ей помощь в перестройке работы. (...).

Но в защиту Н.П. Дубинина выступили сотрудники ИЦГЭ АН СССР, проведя Общее собрание коллектива.

ВЫПИСКА ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ

Общего собрания сотрудников

Института цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук СССР

24 ноября – 2 декабря 1947 г. по вопросу:

“О задачах идеологической работы среди интеллигенции”

В связи с тем, что статья Н.П. Дубинина “Работа советских биологов: теоретическая генетика”, написанная по заказу Антифашистского комитета советских ученых и напечатанная в американском журнале “Science” в январе 1947 г. была подвергнута критике в нашей печати, Общее собрание отмечает следующее. В этой статье Н.П. Дубинин сообщил о результатах работ 61 советского ученого и дал представление об успехах, в основном по проблемам хромосомной теории и эволюционной генетики, достигнутых в СССР в основном главным образом за годы войны. Значение статьи Н.П. Дубинина состоит в демонстрации приоритета советской науки в области ведущих идей эволюционной генетики и ряда разделов хромосом-

ной теории; статья показала, что советские ученые в этих вопросах идут впереди буржуазной науки и что эти работы создают самостоятельное оригинальное лицо советской генетики.

Статья Н.П. Дубинина сыграла положительную роль за рубежом, поскольку прогрессивные ученые используют ее в борьбе против клеветнических нападок на советскую науку. Однако, статья Н.П. Дубинина имеет ряд недостатков, главным из которых является тот, что в ней не показано значение И.В. Мичурина, работы которого по проблемам гибридизации сыграли выдающуюся роль в развитии русской генетики, тем более, что такие последователи И.В. Мичурина, как Н.В. Цицин упоминаются в статье. Не упомянут крупный советский ученый А.С. Серебровский и ряд других.

Общее собрание считает необходимым отметить, что в свете современных задач идеологической борьбы, Н.П. Дубинин мог бы в большей степени использовать свое выступление в американской печати и при этом не только для пропаганды успехов советской теоретической генетики, но и для наступательной борьбы с политическими выпадами, которые делаются мракобесами США и Англии против советской биологической науки.

Общее собрание решительно отвергает обвинение, выдвигаемое против Н.П. Дубинина в том, что он якобы охаивал и поносил в зарубежной печати советских ученых и, в частности, академика Лысенко. В своей статье Н.П. Дубинин не критикует ни одной из советских работ, он разбирает все работы только в положительном смысле.

По вопросу о том, что Н.П. Дубинин в своей статье не упомянул работы академика Т.Д. Лысенко и его школы, Общее собрание принимает во внимание соображения Н.П. Дубинина, что любое разногласие с научными воззрениями академика Т.Д. Лысенко, вынесенное на страницы зарубежной печати, могло бы быть демагогически использовано реакционными буржуазными учеными. Выступления только с положительной оценкой взглядов академика Т.Д. Лысенко нельзя требовать от Н.П. Дубинина, который не разделяет генетической концепции Т.Д. Лысенко. Простое же упоминание о существовании направления академика Лысенко в Советском Союзе, в статье Дубинина не вызывалось никакой необходимостью в связи с тем, что к этому времени в США уже была опубликована книга самого академика Лысенко "Наследственность и ее изменчивость", в которой дано исчерпывающее изложение работ и теории академика Лысенко по вопросам генетики. Критические, а в ряде случаев и клеветнические статьи, написанные в связи с книгой академика Лысенко появились в зарубежной печати после того, как статья Н.П. Дубинина была отослана.

Собрание считает, что обвинение Дубинина в том, что он якобы превозносил Добржанского и Тимофеева-Ресовского, выдавая их за советских ученых, является совершенно неверным. Такое обвинение никоим образом нельзя вывести из содержания статьи Н.П. Дубинина. Оно представляет собой грубое извращение текста статьи, так как на самом деле в статье эти авторы лишь упомянуты и при этом, как зарубежные ученые, повторившие исследования, которые уже проводились в СССР. Это упоминание было необходимо Дубинину, чтобы подчеркнуть приоритет советской науки. Однако, по мнению Собрания, учитывая политическую физиономию этих лиц, Н.П. Дубинин поступил бы правильнее, если бы он обошелся без упоминания их, ограничившись только ссылкой на те страны, где соответствующие исследования были развернуты вслед за работами советских ученых.

Отмечая все вышеизложенное, Собрание принимает к сведению критику указанных ошибок самим Дубининым, из которой явствует, что он сделал для себя из них правильные выводы.

Общее собрание отмечает важность пропаганды достижений советской науки за рубежом в борьбе за прогрессивных людей за границей и считает нужным еще

раз подчеркнуть, что при всех выступлениях в заграничной печати необходимо не только пропагандировать успехи советской науки, но использовать эти выступления для наступательной борьбы с буржуазными извращениями науки и с политическими выпадами против советской науки и советского государства.

После всестороннего обсуждения статьи Н.П. Дубинина Общее собрание считает, что нет никаких оснований для разбора материала о Н.П. Дубинине в суде чести.

Настоящее решение должно быть доведено до сведения Президиума Академии наук СССР, Бюро Биологического отделения Академии наук СССР и суда чести Академии наук СССР.

Секретарь Месткома

*В.В. Мансурова*⁵²

4.XII.-1947 г.

Однако вскоре требования Презента, Лаптева, Суркова, Твардовского, Фиша были удовлетворены. Над Президентом АН БССР А.Р. Жебраком состоялся суд чести в Министерстве высшего образования СССР. Ему было предъявлено обвинение в том, что публикация его статьи в журнале "Science" является антипатриотическим поступком. Единственным защитником А.Р. Жебрака выступил Н.П. Дубинин:

(...) Я говорил, что А.Р. Жебрак – это ученый-патриот, статья которого объективно принесла пользу, так как показала свободу мнений в нашей науке, что ожесточенно оспаривали зарубежные критики. Суд чести вынес А.Р. Жебраку общественное порицание.

Вопрос о статье Н.П. Дубинина был передан в суд чести Академии наук СССР. (...) Однако Президент АН СССР акад. С.И. Вавилов и председатель суда чести АН СССР акад. Н.В. Цицин не согласились с этим требованием. (...) Серьезную помощь в этом деле оказала позиция ученых Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР. Общее собрание института, проходившее 24 ноября 1947 г. вынесло решение, которое заканчивалось утверждением, что для разбора статьи Н.П. Дубинина в суде чести нет оснований.

Эпоха лысенкоизма совпала по времени и по духу с периодом борьбы с космополитизмом, которая принимала во многих случаях уродливые формы. Вот почему такие понятия, как "мировая наука", заносились в разряд космополитизма. Суд чести над А.Р. Жебраком и угроза суда чести над Н.П. Дубининым явились предвестниками той расправы с генетикой, которая была учинена Лысенко в августе 1948 г., однако истинного значения этих событий никто не разгадал. Их тяжело переживали, но, тем не менее, казалось, что они все же не помешают развитию советской генетики⁵³.

Несмотря на события, связанные с публикацией статьи Дубинина в "Science", жизнь в лаборатории цитогенетики продолжалась: регулярно работал научный семинар, обсуждали и печатали статьи, подготавливали диссертации, выступали с докладами.

Не поддается подсчету число отзывов Н.П. Дубинина в эти годы на кандидатские и докторские диссертации не только сотрудников, работающих в лаборатории у Николая Петровича, его аспирантов или обучающихся без отрыва от производства, но и работающих в других научных учреждениях.

⁵² Мансурова Валентина Владимировна – сотрудник генетического отдела ИЭБ, позднее ЛаРГ ИБФ АН СССР.

⁵³ Дубинин Н.П. Избранные труды. Т. 4. История и трагедия советской генетики. Философские проблемы генетики. М.: Наука, 2002. С. 122.

Среди них: Ферри Л.В., Стакан Г.А., Волотов Е.Н., Демидова З.А., Арсеньева-Гептнер М.А., Постникова Е.Д., Сахаров В.В., Погосян Э., Гохарь-Хармандян Г.И., Берг Р.Л., Эфроимсон В.П., Натали В.Ф., Альтшулер В.Е., Крушинский Л.В., Камшилов М.М., Прокофьева-Бельговская А.А., Шапиро Н.И., Тиняков Г.Г., Петров Д.Ф., Лобашев М.Е., Гольдат С.Ю., Дусеева Н.Д., Панина К.А., Федоров Н.Я., Пресс Е.С., Сидоров Б.Н., Жебрак А.Р., Соколов Н.Н., Фризен Г.Г., Хвостова-Янкелевич В.В., Трофимов И.Е., Беляева В.Н. и многие другие.

В 1947 г. в Институт на Воронцово поле, д. 6 на имя Н.П. Дубинина пришел конверт из Японии от ведущих генетиков этой страны. Они писали:

Dr. N.P. DUBININ
Voronzovo Pole 6,
Academy of Science
Institute of Cytology,
Histology and Embryology,
Moscow, U.S.S.R.

Matsumoto, October 19, 1947

Dear Dr. N.P. DUBININ,

In behalf of the Genetics Society of Japan and also of the Special Committee of the Fundamental Genetical Researches of N.G.S. (Nippon Gakuzitu Sinkokai – Japan Society for the Promotion of Scientific Researches), the undersigned give their best regards to you and your colleagues. They earnestly desire to resume as soon as possible their communications and cooperations with geneticists and cytologists abroad from whom they had been kept isolated all these terrible years. Exchange of reprints is especially desirable. Any help you might give them will be highly appreciated not only by them, but also by all their colleagues.

With best wishes,
Very sincerely yours,

Y. Tanaka
T. Komai
M. Chino

K. Masui *H. Kihara*
Kan Ogura
T. Harahata *Sajiro Makino*
J. Saito
Y. Umezu *E. Matsumoto*
B. Wada *K. Matsumoto*
Y. Takemata *Y. Yamagata*
T. Shimamura *T. Ono*
A. Yasuo
N. Kikkawa *Y. Saito*

Доктор Н.П. Дубинин
Воронцово поле 6,
Академия наук
Институт цитологии,
гистологии и эмбриологии,
Москва, СССР

Матсумото, 19 октября 1947

Дорогой доктор Н.П. ДУБИНИН,

От имени Общества генетики Японии, а также Специального комитета по фундаментальным генетическим исследованиям N.G.S. (Японское общество по поддержке научных исследований), все нижеподписавшиеся передают Вам и Вашим коллегам наилучшие пожелания и выражают свое искреннее стремление восстановить в самое ближайшее время связь и сотрудничество с генетиками и цитологами за рубежом, от которых они были изолированы в течение всех этих трудных лет. Особенно желателен обмен репринтами. Любая Ваша помощь будет высоко оценена не только ими, но и всеми их коллегами.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваши

Подписи

В этот период важным событием была работа Комиссии экспертов в составе действительного члена ВАСХНИЛ П.М. Жуковского, чл.-корр. АН СССР П.А. Баранова под председательством чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинина по рассмотрению плана строительства биологического факультета МГУ. 17 мая 1948 г. план был одобрен и в заключении Комиссии записано:

Выполнение плана по строительству отдельного здания биологического факультета и всех его подсобных баз в комплексе общего нового строительства Московского университета безусловно создаст коренной перелом в деле материального оснащения факультета и приведет к созданию Биологического факультета нового советского типа, который будет вполне достоин быть одной из замечательных строек грандиозного общего строительства.

О ГЕНЕТИЧЕСКОМ КОЛЛОКВИУМЕ ОТДЕЛА ГЕНЕТИКИ ИЭБ

На протяжении 18 лет в отделе генетики работал генетический коллоквиум (ГК, он же ЦГК), который пользовался огромной популярностью среди всей биологической общественности и собирал большие аудитории. Материалы этого коллоквиума сохранены в архиве Николая Петровича, но никогда не публиковались, хотя заслуживают обстоятельного анализа. Они раскрывают, какими проблемами жил коллектив, с которым в 1930–1940-е гг. связан расцвет генетики в нашей стране, какие заслушивали и обсуждали доклады, кто выступал, какие гости посещали заседания, роль каждого сотрудника в работе семинара.

“Генетический коллоквиум был организован товарищами А.Н. Промптовым, Г.Г. Фризенем и В.В. Сахаровым осенью 1930 г. Первое заседание состоялось 17 ноября 1930 г.” – писал Вл. Сахаров⁵⁴ в 1938 г.

⁵⁴ Личный архив Н.П. Дубинина.

О первых его шагах читаем в письме к С.С. Четверикову его жены от 11 февраля 1931 г.:

Дорогой мой. <...>

Сегодня был в институте генетический коллоквиум. Докладывал Косминский об интерсексуальности у шелкопряда, о своих несогласиях с Гольдшмидтом. Народу бывает порядочно, человек до 15, главным образом аспиранты. Из научных сотрудников бывают все евгеники, все цитологи, зоопсихологичка и я (не всегда). Директор тоже бывает, но не каждый раз; сегодня не был, может, потому, что болен гриппом. Руководителя настоящего нет, нет человека с большим знанием генетики и это сильно чувствуется. Разговоров бывает очень мало. <...>

Твоя ...⁵⁵

За 1930–1931 гг. было проведено 20 заседаний. С приходом Н.П. Дубинина на должность заведующего генетическим отделом ИЭБ в 1932 г. ситуация в корне изменилась: возросло число заседаний, увеличилась посещаемость коллоквиума.

Уже 21 декабря 1933 г. Н.П. Дубинин выступал с программной речью на юбилейном 100-м заседании генетического коллоквиума:

<...> В работе отдела большую роль играл научный семинар. Все экспериментальные и теоретические проблемы отдела проходили через обсуждение, здесь они получали оценку, критику, идейное завершение. Работа семинара – это метод освоения огромной современной генетической литературы, наконец, это творческая лаборатория, где возникает, создается и развивается свой подход, самостоятельное восприятие задач, проблем и путей генетики, определяющих экспериментальную работу. Работой семинара по праву можно гордиться. Он регулярно собирается раз в шестидневку. За три года прошло 100 заседаний, причем <...> в течение последнего 1933 г., когда начал работать новый отдел, прошло 48 заседаний, которые посетили 1495 человек. В работе коллоквиума принимали участие 14 исследовательских учреждений и представители других городов. Наш молодой коллектив ставит перед собой ясные задачи, он не боится головокружения при восхождении на любые доступные ему высоты. За истекший год проделана хорошая работа. Мы готовы к медленному и упорному восхождению, готовы к ошибкам и неудачам, но при этом каждую минуту готовы к атаке и штурму⁵⁶.

Заседания ГК по годам распределились в следующем порядке:

1932 г. – 36 заседаний; 1933 г. – 45; 1934 г. – 43; 1935 г. – 22; 1936 г. – 39; 1937 г. – 43; 1938 г. – 35; 1939 г. – 28; 1940 г. – 27; 1941 г. – 24; 1943 г. – 5; 1944 г. – 14; 1945 г. – 16; 1946 г. – 33; 1947 г. – 23; 1948 г. – 29.

На некоторых заседаниях число участников достигало 200 человек, выступали как сотрудники лаборатории, так и многие другие ученые, например, акад. Л.А. Орбели, член английской королевской Академии наук Дж. Гексли, проф. А.Д. Некрасов и др. С докладами на ГК приезжали в Москву из Саратова, Харькова, Сухуми, Горького, Еревана, Киева и др. городов. До 19 июня 1941 г. заседания проводились регулярно. Затем наступила Великая Отечественная война. В 1942 г. не было проведено ни одного заседания. Однако традиция не была нарушена и 24 ноября 1943 г. коллокви-

⁵⁵ АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 185. Л.162, 163. Автограф. Письмо опубликовано в книге “Сергей Сергеевич Четвериков. Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания”. Сер. Научное наследство. М.: Наука, 2002.

⁵⁶ Дубинин Н.П. Вечное движение. 3-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат. 1989. С. 131.

ум возобновил свою работу. Н.П. Дубинин выступил с реферированием книги Дарлингтона “Эволюция генетических систем”. 28 декабря 1945 г. состоялось юбилейное 400-е заседание ГК.

За период работы коллоквиума на его заседаниях были представлены и обсуждены 232 оригинальные работы, сделано 40 обзоров, 465 рефератов. На нем выступили 737 докладчиков.

На ГК выступали:

Малиновский А.А. и Шаскольский Д.В. на тему: “Реферирование, разбор и критика статьи С.С. Четверикова “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики” (22-е и 27-е заседания ГК. 1932 г., 10 января и 3 марта); *Карпеченко Г.Д.* – “Отдаленная гибридизация, как формообразовательный процесс” (86-е заседание ГК. 1933 г., 9 июля); *Д-р Харланд* – “Генетическая концепция видов на основании изучения хлопка” (91-е заседание ГК. 1933 г., 18 марта); *Д-р Офферман (США)* – “О некоторых закономерностях кроссинговера” (116-е заседание ГК. 1934 г., 2 апреля); *Астауров Б.Л.* – “Экспериментальное получение мутаций у тутового шелкопряда” (147-е заседание ГК. 1935 г., 14 января); *Свешникова И.Н.* – “Эволюция кариотипа у *Vicia*” (155-е заседание ГК. 1935 г., 8 марта); выступление *Лобашева М.Е.* – “Влияние температуры и X-лучей на зачатковый отбор у *Drosophila melanogaster*” (269-е заседание ГК. 1938 г., 26 мая) и др.

На двух заседаниях ЦГК (312-е и 313-е, 20 и 21 декабря 1939 г.) состоялось обсуждение программы по генетике для педвузов; доклад члена Английской Королевской АН *Дж. Гексли* “Систематика, генетика и эволюция” (391-е заседание. 1945 г., 20 июня); выступление акад. *А.Р. Жебрака* “Впечатление о поездке в США” (394-е заседание. 1945 г., 30 июля); доклад *Васильева И.М.* “Об организации научной работы в Японии” (411-е заседание. 1946 г., 10 апреля); выступление *Навашина М.С.* “Значение школы С.Г. Навашина для развития цитологии” (совместное заседание коллоквиума Лаборатории ботанической цитологии и 456-е заседание ЦГК. 1947 г., 23 декабря) и др. Дважды на заседаниях ГК с докладами выступал директор Института *Н.К. Кольцов*: “Образование пигмента и его наследование в связи с вопросом о длительных модификациях” (43-е заседание. 1932 г., 8 октября) и “Структура хромосом в слюнных железах *Drosophila*” (118-е заседание. 1934 г., 20 апреля). Кроме того, Н.К. Кольцов выступил с речью, посвященной памяти В.В. Костылева (73-е заседание. 1933 г., 14 апреля) и с рефератом работы Пайнтера “Новый метод улучшения хромосомных aberrаций и построения карты хромосом” (121-е заседание. 1934 г., 14 мая). Н.К. Кольцов интересовался работой семинара, поддерживал его, часто лично присутствовал на заседаниях.

По результатам работы коллоквиума, опираясь на архив заседаний, выделена следующая статистика выступлений сотрудников Отдела генетики на ГК с 1932 по 1948 г.

Дубинин Н.П. – 92 выступления	(в том числе 63 реферата работ)
Фризен Г.Г. – 60 выступлений	(в том числе 50 – рефераты работ)
Соколов Н.Н. – 53 (44)	Волотов Е.Н. – 13
Хвостова В.В. – 46 (39)	Промптов А.Н. – 9
Сахаров В.В. – 41 (30)	Шаскольский Д.В. – 10 (8)
Рапопорт И.А. – 37 (33)	Ромашов Д.Д. – 7
Тиняков Г.Г. – 32	Кирсанов Б.А. – 3

Сидоров Б.Н. – 37 (30)

Паншин И.Б. – 25

Кожевников Б.Ф. – 21 (18)

Кирпичников В.С. – 14 (8)

Трофимов И.Е. – 9

Малиновский А.А. – 9

Гольдат С.Ю. – 2

Балкашина Е.И. – 3

Беляева В.Н. – 1

Ферри Л.В. – 1

Гептнер М.А. – 3

Несколько заседаний ГК было посвящено обсуждению работ Т.Д. Лысенко и его сторонников, доклады делали Н.П. Дубинин, Г.Г. Фризен, И.А. Рапопорт, И.Б. Паншин, М.А. Бельговский, В.В. Хвостова. В частности Н.П. Дубинин критически рассматривал обзор работы Т.Д. Лысенко “Селекция и теория стадийного развития растений”, “Яровизация растений”, “Переделка природы растений” и др.

Перечень докладов и выступлений Н.П. Дубинина на заседаниях генетического коллоквиума в период с 1932 по 1948 г. см. в “Приложениях”.

По случаю проведения 400-го заседания сотрудники получили поздравления и приветствия от друзей и коллег.

ДОРОГИЕ ЮБИЛЯРЫ!

28. XII. 1945 г.

Группа ваших друзей и сотрудников, ведущих свою работу в ВУЗах и других учреждениях, приветствуют в эту знаменательную дату дорогую нам лабораторию генетики.

Многие из нас не были штатными работниками лаборатории, но в течение долгих лет мы работали под вашим талантливым руководством, дорогие Николай Петрович и Владимир Владимирович, согретые Вашим дружеским участием, при поддержке всего коллектива лаборатории.

Наша идейная связь с лабораторией помогала нам преодолевать трудности, которые мы часто испытывали в работе, коллоквиумы лаборатории расширяли наш кругозор, они имели огромное значение для нашего роста и специализации. Вы были нашей идейной опорой, нашим маяком, вокруг которого мы объединялись, где мы чувствовали биение пульса мировой генетики, где мы черпали силы для нашей научной работы. Этой связью мы все чрезвычайно дорожим и надеемся, что и впредь она сохранится.

В день 400-го коллоквиума мы поздравляем Вас от всего сердца, мы желаем Вам дальнейшего творческого расцвета, дальнейшей плодотворной работы.

Мы твердо убеждены в том, что в ближайшие годы силами вашей лаборатории советская генетическая наука выйдет на широкую дорогу и займет подобающее ей место в развитии мировой науки.

*С.Я. Бессмертная, В. Хвостова,
Э. Маневич, Л. Бреславец, Е. Мойсеенко*

ТЕЛЕГРАММА

Москва
улица Обуха, 6
29.12.1945

Николаю Петровичу Дубинину

Поздравляю с 400-м коллоквиумом. Желаю дальнейшего успеха генетическим работам.

Розанова⁵⁷

Москва

декабрь, 1945 г.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В день четырехсотого генетического коллоквиума примите привет от коллектива кафедры генетики старейшего русского Университета, в котором многие из вас провели счастливые годы молодости и добились первых успехов на научном поприще.

Четыреста заседаний коллоквиума, являющиеся прекрасным отображением работ вашего коллектива, сыграли большую роль в жизни студентов и сотрудников кафедры генетики, освещая современные пути научных исследований и вдохновляя на новые работы.

Желаем вам многие годы продолжать вашу интересную и плодотворную деятельность.

Коллектив кафедры генетики МГУ

11 мая 1948 г. состоялось 485-е заседание. Оно стало последним перед летними каникулами и беспощадной сессией ВАСХНИЛ 1948 г.

С 1932 по 1948 г. Николай Петрович оставался руководителем лаборатории цитогенетики в “кольцовском” институте. Эта лаборатория заняла центральное место и стала, по сути, ядром, вокруг которого развивалась генетика в 1930–1940-е гг. в нашей стране. По этому поводу Н.П. Дубинин писал:

⟨...⟩ Здесь были проведены исследования по сложному строению гена, которые обосновывали и доказывали, что ген не является неделимой структурой (Н.П. Дубинин); по явлению эффекта положения гена, т.к. перенос гена из одной хромосомы в другую резко менял его активность (Н.П. Дубинин, Б.Н. Сидоров, В.В. Хвостова); разработаны новые принципы в теории и экспериментах с популяциями (Н.П. Дубинин, Д.Д. Ромашов и др.); открыто явление воздействия химических веществ на наследственность, разработаны важнейшие принципы химического мутагенеза (В.В. Сахаров, И.А. Рапопорт); принципы направленного преобразования структуры числа хромосом (Н.П. Дубинин, Б.Н. Сидоров, Н.Н. Соколов, И.Е. Трофимов, Б.Ф. Кожевников), в частности, удалось превратить четыреххромосомный вид дрозофил в трех- и пятихромосомный; впервые в целях изучения генетических эффектов, способных возникнуть при полетах вдаль от Земли, живые организмы (дрозофилы) были посланы в стратосферу на первых советских стратостатах (Г.Г. Фризен); были обоснованы принципы хромосомной изменчивости в популяциях (Н.П. Дубинин, Н.Н. Соколов, Г.Г. Тиняков); разработаны принципы косвенного отбора и начата разработка генетических основ

⁵⁷ Розанова М.А. – цитолог.

селекции прудовых рыб (В.С. Кирпичников); разработан ряд основных методологических принципов генетики и селекции (Н.П. Дубинин); кроме того, были выполнены многочисленные исследования по разнообразным направлениям теоретической и экспериментальной генетики.

К работе этой лаборатории тесно примыкала деятельность кафедры генетики и разведения МЗИ (1932–1938 гг.) и кафедры генетики ВГУ (1938–1949 гг.). Здесь был выполнен ряд важных исследований по общей и радиационной генетике Д.Ф. Петровым, Я.Л. Глембоцким, М.А. Арсеньевой и др.⁵⁸

Лаборатория цитогенетики благодаря работе созданного молодежного творческого коллектива, талантливой постановке проблем стала одной из ведущих лабораторий мира, разрабатывающей такие узловые направления, как эволюция популяций, проблема мутаций, проблема гена, полиплоидия, фенотипика, цитогенетика.

Большую роль в превращении лаборатории в ведущий центр генетической мысли страны сыграли тесные научные связи с другими генетическими учреждениями, непрерывная новаторская кипучая деятельность его руководителя – Николая Петровича Дубинина – талантливого организатора и блестящего генератора идей.

За время руководства лабораторией Н.П. Дубининым было опубликовано 148 работ, которые печатались как в отечественных, так и в зарубежных журналах (Amer. Nat.; Science; J. Genetics; J. Hered.; Nature; Drosophila Int. Ser.; Biol. Zbl.). Это позволяло быстро знакомить с результатами своих исследований самый широкий круг специалистов. Много статей было опубликовано и сотрудниками лаборатории.

В начале августа 1948 г. Николай Петрович вместе с Александром Ивановичем Паниным отправились в отпуск на рыбалку ... и уже 27 августа 1948 г. появился следующий документ по ИЦГЭ АН СССР:

ПРИКАЗ⁵⁹

от 27 августа 1948 г.

На основании Постановления Президиума Академии Наук СССР от 26 августа 1948 г. приказываю:

1. Упразднить лабораторию цитогенетики и освободить от работы в Институте заведующего этой лабораторией чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинина с 1-го сентября.

2. Освободить с того же числа от работы следующих сотрудников Института в связи с упразднением лаборатории цитогенетики:

ст. научн. сотрудников Тиякова Г.Г., Рапопорта И.А., Бельговского М.Л., Волотова Е.И., Малиновского А.А., Сахарова В.В., Сидорова Б.Н., Соколова Н.Н., Хвостову-Янкевич В.В.

мл. научн. сотрудников Беляеву В.Н., Дусеву Н.Д.

старшего лаборанта Тиякову А.П., лаборанта Курдюмову А.Г. (...)

6. Отчислить из состава кандидатской аспирантуры при Институте: Кершне-ра Д.М., Торопанову Т.А. в связи с упразднением лаборатории цитогенетики...

Директор Ин-та, засл. деят. науки, проф.

Хрущов

⁵⁸ Дубинин Н.П. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс генетики в СССР // Генетика. 1967. № 10. С. 3–14.

⁵⁹ АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 547. Л. 177. Машинопись.

Лаборатория цитогенетики, возглавляемая Н.П. Дубининым, активно и продуктивно работавшая на протяжении 16 лет, была закрыта, сотрудники уволены.

Н.П. Дубинин также был освобожден и от работы в ВГУ.

ИЗ ПРИКАЗА⁶⁰

ректора Воронежского государственного университета

23 августа 1948 г.

1. Кафедра генетики Воронежского государственного университета, руководимая проф. Петровым Д.Ф., по существу является гнездом антимичуринского направления в биологии. Большинство из ее состава: проф. Петров Д.Ф., проф. Дубинин Н.П. и доцент Постникова Е.Д. – вели борьбу за реакционное антимичурическое направление в биологии.

Как сторонников реакционного буржуазного направления в биологии, проводивших активную борьбу против мичуринского учения, ориентирующих вузовскую молодежь на неправильные, буржуазные позиции в науке, освободить от работы в университете с 28.8.1948 г. проф. Петрова Д.Ф., доцента Постникову Е.Д. и от работы по совместительству профессора Дубинина Н.П.

ГАВО. Ф. 33. Оп. 4. Ед. хр. 5. Л. 86.

«Питая жгучую ненависть к академику Лысенко и другим проводникам мичуринского направления в биологии, кафедра генетики нашего университета воспитывала в этом духе студентов и аспирантов.

Теперь, когда академик Лысенко и вся сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук раскрыли нам глаза на подлинное лицо этих людей и реакционный характер их работы, очевиден стал и тот вред, который нанесли передовой советской науке и делу подготовки молодых специалистов наши вейсманисты-морганисты.

За научные кадры. 1948. 18 сент.»⁶¹

Спустя два года после избрания Н.П. Дубинина членом-корреспондентом АН СССР 6 сентября 1948 г. последовал приказ № 204 ректора Горьковского университета А. Мельниченко, в котором написано:

(...) Совет университета со своей стороны допустил грубейшую ошибку, поддержав выдвижение заядлого вейсманиста-морганиста Дубинина в чл.-кор. АН СССР...⁶² (...)

После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. классическая генетика была объявлена лженаукой, все генетические исследования были прекращены. Николай Петрович остался безработным.

⁶⁰ В кн.: Рожденный революцией. Документы, воспоминания. (1918–1988) Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1988. С. 290.

⁶¹ За расцвет мичуринской биологии // Там же. С. 291.

⁶² ГАНУ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 473. Л. 103, 104. Машинопись. Подлинник.

Желаем Вам за этот год
Забывать о том, что было;
И талисманом от невзгод
Пусть служит дрозофила.

Эпиграмма Н.П. Дубинину

2. 1948 ГОД. ДИКТАТ¹

Положение Т.Д. Лысенко и его группы в 1945–1948 гг. пошатнулось. В журнале “Агробиология”, который в 1946 г. стал издаваться вместо журнала “Яровизация”, продолжилось восхваление заслуг Лысенко. Редактором “Агробиологии” стал один Лысенко. Главные темы журнала “Агробиологии”, хотя и продолжили позиции “Яровизации”, однако отчетливо изменились. Вопросы яровизации, внутрисортových скрещиваний, создания сортов в 1 год или в 2–3 года, чеканка хлопчатника, летние посадки картофеля и другие уступили место новым темам – перевоспитанию растений, скачкообразному превращению одних видов в другие существующие виды, гнездовому посеву деревьев на почве теории об отсутствии в природе внутривидовой борьбы, появились первые заметки о находках ветвистой пшеницы и других злаков, исчезли обещания создать для Сибири сорта озимых пшениц. На страницах журнала пышным цветом расцвели утверждения об успехах вегетативной гибридизации, метода ментора и т.д. Однако попытки Лысенко убедить в своей правоте ученых, генетиков и селекционеров терпели крах. Заверения Лысенко не могли затмить больших успехов, которых достигли генетики и селекционеры, продолжавшие развивать науку на той основе, на которой стоял Вавилов.

Несмотря на мажорный тон статей авторов “Агробиологии”, тревога посетила группу Лысенко. После дискуссии по дарвинизму, прошедшей в 1947 г., на которой выступали И.И. Шмальгаузен, А.Н. Формозов, Д.А. Сабинин и другие ученые, с 3 по 8 февраля 1948 года прошла новая конференция по дарвинизму, в которой участвовали многие ученые. Не называя имени Лысенко, И.И. Шмальгаузен атаковал его идеи, говорил, что они являются антидарвинистическими. И.М. Поляков также подверг взгляды Т.Д. Лысенко жесткой критике. С резкой речью выступил Б.М. Завадовский, который сказал, что взгляды Т.Д. Лысенко находятся в коренном противоречии с принципами Ч. Дарвина, К.А. Тимирязева, И.В. Мичурина. Взгляды Лысенко, заявил Завадовский, ревизуют основные положения дарвиновского учения.

Новым весьма опасным элементом для Лысенко было выступление заведующего отделом науки ЦК ВКП(б), сына члена политбюро А.А. Жданова, зятя И.В. Сталина, – Ю.А. Жданова. Жданов провел встречу с генетиками, которые возражали против домыслов Лысенко. 10 апреля 1948 г. Ю.А. Жданов выступил в Московском политехническом музее на совещании

¹ Дубинин Н.П. Генетика – страницы истории. Кишинев, Штиинца, 1988. С. 191–250. Печатается с сокращениями.

ответственных работников отделов науки и сельского хозяйства обкомов партии. В своем докладе Жданов резко критиковал псевдонаучные взгляды Лысенко и его предложения для сельского хозяйства.

В этой трудной для него обстановке Т.Д. Лысенко донес до Сталина демагогическую мысль, что агробιοлогическое учение Мичурина находится в смертельной опасности. Чтобы его спасти, надо нанести окончательный удар по врагам этого учения, проповедующим теорию гена и хромосомную теорию наследственности. Лысенко был уверен, что защищать теорию гена и хромосомную теорию наследственности могут только классовые враги, проповедники буржуазной идеологии.

17 апреля 1948 г. Лысенко написал письмо И.В. Сталину и А.А. Жданову с жалобой на Ю.А. Жданова, который, встав на позиции врагов Лысенко, мешает развитию мичуринского учения.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
товарищу СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ**

**СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
товарищу ЖДАНОВУ АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
от академика Т.Д. Лысенко**

Мне, как Президенту Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина и даже как научному работнику стало очень тяжело работать. Поэтому я и решил обратиться к Вам за помощью. Создалось крайне ненормальное положение в агробιοлогической науке.

То, что в этой науке шла и идет борьба между старым метафизическим направлением и новым мичуринским – это общеизвестно, и это я считаю нормальным.

В настоящее время по понятным причинам вейсманисты, неodarвинисты применили новый маневр. Они, буквально ничего не меняя в основах своей науки, объявили себя сторонниками Мичурина, а нам, разделяющим и развивающим мичуринское учение, приписывают, что мы якобы сужаем и извращаем мичуринское учение. Понятно также, почему весь натиск вейсманистов, неodarвинистов в основном направлен персонально против меня.

В этих условиях мне, как руководителю Академии, работать крайне трудно.

Но все это было в известной мере нормальным и для меня понятным. Критерием истинности направлений и методов научной работы у нас является степень их помощи социалистической сельскохозяйственной практике. Это была основа, из которой я, как руководитель, черпал научные силы для развития мичуринского учения и для все большей помощи практике. Это также являлось наилучшим способом борьбы с метафизическими установками в биологии.

Несмотря на отсутствие научной объективности и нередко прямую клевету, к которой прибегали противники мичуринского направления, мне, хотя и было трудно, но, опираясь на колхозно-совхозную практику, я находил

в себе силы выдерживать их натиск и продолжать развивать работу в теории и практике.

Теперь же случилось то, в результате чего у меня действительно руки опустились.

Десятого апреля с.г. начальник Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Юрий Андреевич Жданов сделал доклад на семинаре лекторов обкомов ВКП(б) на тему “Спорные вопросы современного дарвинизма”.

На этом докладе докладчик лично от своего имени изложил наговоры на меня противников антимичуриновцев.

Мне понятно, что эти наговоры антимичуриновцев, исходя от докладчика – начальника Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б), восприняты большой аудиторией лекторов обкомов ВКП(б) как истина. Отсюда неправда, исходящая от антимичуриновцев неodarвинистов, приобретает в областях значительно большую действенность как среди научных работников, так и среди агрономов и руководителей сельскохозяйственной практики. Этим самым руководимым мною научным работникам будет сильно затруднена дорога в практику. Это и является для меня большим ударом, выдерживать который трудно.

Поэтому я и обращаюсь к Вам с очень большой для меня просьбой: если найдете нужным, оказать помощь в этом, как мне кажется, немалозначащем для нашей сельскохозяйственной и биологической науки деле.

Неправильным является утверждение, что я не выношу критики. Это настолько неправдоподобно, что я не буду на этом вопросе в данном случае подробно останавливаться. Любую свою работу в теории и практике я всегда сам подставлял под критику, из нее я научился извлекать пользу для дела, для науки. Вся моя научная жизнь проходила под контролем критики, и это хорошо.

Докладчик меня ни разу не вызывал и лично со мной никогда не разговаривал, хотя в своем докладе всю критику в основном направил против меня. Мне было отказано в билете на доклад, и я внимательно его прослушал не в аудитории, а в другой комнате, у репродуктора, в кабинете т. Митина, заместителя председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

В чем сущность доклада в моем понимании, можно судить хотя бы по моим, весьма отрывочным, записям из заключительной части доклада. Часть записей отдельно прилагаю.

Меня неоднократно обвиняли в том, что я в интересах разделяемого мною мичуринского направления в науке административно зажимаю другое, противоположное направление. На самом же деле это по не зависящим от меня причинам, к сожалению, далеко не так. Зажатым оказывается то направление, которое я разделяю, то есть мичуринское.

Думаю, что не будет преувеличением, если скажу, что лично я, как научный работник, но не как президент Академии сельскохозяйственных наук, своей научной и практической работой немало способствовал росту и развитию мичуринского учения.

Основная беда и трудность моей работы как президента заключалась в том, что мне предъявляли, по моему глубокому убеждению, неправильные требования – обеспечить развитие разных направлений в науке (речь идет не о разных разделах в науке, а именно о разных направлениях).

Для меня это требование невыполнимо. Но и зажимать противоположное направление я не мог, во-первых, потому, что административными мерами эти вопросы в науке не решаются, и, во вторых, защита неodarвинизма настолько большая, что я и не мог этого делать.

Фактически я был не президентом Академии сельскохозяйственных наук, а защитником и руководителем только мичуринского направления, которое в высших научных кругах пока что в полном меньшинстве.

Трудность была и в том, что мне, как президенту Академии, приходилось научную и практическую работу представителей мичуринского направления (явного меньшинства в Академии) выдавать за работу всей Академии. Антимичуринцы же не столько занимались творческой работой, сколько схоластической критикой и наговорами.

Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления, направления, которое признает наследование приобретенных признаков.

Я давно воспринял, разделяю и развиваю учение Вильямса о земледелии, о развитии почвы и учение Мичурина о развитии организмов. Оба эти учения одного направления.

Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным предоставить мне возможность работать только на этом поприще. Здесь я чувствую свою силу и смог бы принести пользу нашей советской науке, Министерству сельского хозяйства, нашей колхозно-совхозной практике в разных разделах ее деятельности.

Простите за нескладность письма. Это во многом объясняется моим теперешним состоянием.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое

Президент Всесоюзной академии с.-х. наук
имени В.И. Ленина

академик Т.Д. Лысенко

17/IV.1948 г.

На это письмо Лысенко Сталин быстро не ответил. Министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов направил Лысенко стенограмму доклада Ю. Жданова “Спорные вопросы дарвинизма”. В ответ Лысенко послал Бенедиктову просьбу об освобождении его от поста Президента ВАСХНИЛ. Лысенко писал:

**МИНИСТРУ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
товарищу БЕНЕДИКТОВУ ИВАНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ**

Возвращаю стенограмму “Спорные вопросы дарвинизма”. Считаю своим долгом заявить, что как в докладе, так и в исправленной стенограмме (где ряд мест немного сглажен против того, что, на слух мне казалось, было в докладе) докладчиком излагаются от себя давнишние наговоры на меня антимичуринцев – органистов-менделистов.

Такая критика делается в секрете от меня, с тем, чтобы я не смог ни устно, ни в печати возразить и опровергнуть. В исправленной стенограмме не указываются ни названия моих работ, ни страницы, из которых берутся ци-

таты. Поэтому читатели не имеют возможности сопоставить высказывания докладчика по тому или иному вопросу с моими высказываниями. Для пользы сельскохозяйственной науки и практики прошу поставить вопрос об освобождении меня от должности президента и дать мне возможность проводить научную работу. Этим самым я смог бы принести значительно больше пользы как нашей сельскохозяйственной практике, так и развитию биологической науки мичуринского направления в различных ее разделах, в том числе и для воспитания кадров научных работников.

Академик

Т.Д. Лысенко

11/V.1948 г.

Спустя некоторое время состоялась встреча Сталина с Лысенко. Сталин поручил Лысенко составить доклад и созвать сессию Академии для обсуждения состояния биологической науки, представить доклад Сталину для личного прочтения. Сталин прочел доклад и сделал ряд замечаний. Он лично вмешался в комплектование состава академиков ВАСХНИЛ и дал согласие на диктат Лысенко в развитии советской биологии.

15 июля 1948 г. Совет Министров СССР в решении за № 2603 без всяких выборов назначил 35 дополнительных действительных членов (академиков) ВАСХНИЛ. В их составе были многие прямые помощники и единомышленники Лысенко – Презент, Авакян, Ольшанский, Варунцян, Долгушин, Ушакова, Беленький, Гребень, Муромцев, Власюк, Лобанов, Демидов, Лаптев, Колесник и другие.

Благодаря этому и последующим выборам, в которых уже лысенковцы диктовали свою волю, ВАСХНИЛ оказалась заполненной лысенковскими кадрами. В последующие десятилетия это отразилось на работе этой академии.

Получив крупное подкрепление в виде академиков ВАСХНИЛ, Лысенко–Презент в строжайшей тайне начали подготовку сессии ВАСХНИЛ 1948 г. О готовящихся событиях ничего не знали ни президент Академии наук СССР С.И. Вавилов, ни академик-секретарь биологического отделения Л.А. Орбели, не знали об этом ни генетики, ни селекционеры.

Дорога к заветной цели Лысенко – уничтожению генетики – была во многом расчищена. Были репрессированы и погибли Вавилов, Карпеченко, Левитский, Мейстер, Говоров, Агол, Левит, Слепков. Умерли Кольцов, Серебровский, Филипченко, Константинов, Лисицын, Шехурдин и другие видные генетики и селекционеры. В тот момент, как это показали выступления лысенковцев на августовской сессии 1948 г., главными врагами мичуринского учения были признаны И.И. Шмальгаузен и Н.П. Дубинин.

Сессия ВАСХНИЛ 1948 г., посвященная теме “О положении в биологической науке”, проходила под председательством академика П.П. Лобанова. На этой сессии путем диктата единственно верным биологическим учением были утверждены взгляды Лысенко, именовавшиеся “мичуринским учением”.

Первое заседание, вечером 31 июля, началось с доклада Лысенко “О положении в биологической науке” (см. Стенографический отчет Сессии ВАСХНИЛ им. В.И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 г.). Перечисление глав этого доклада уже достаточно для суждения о его цели. Этот перечень

таков: 1) биологическая наука – основа агрономии; 2) история биологии – арена идеологической борьбы; 3) два мира – две идеологии в биологии; 4) схоластика менделизма-морганизма; 5) идея непознаваемости в учении о “наследственном веществе”; 6) бесплодность морганизма-менделизма; 7) мичуринское учение – основа научной биологии; 8) мичуринское учение – кадров молодых советских биологов; 9) за творческую научную биологию.

В заключение Лысенко сказал:

“Я заканчиваю доклад. Итак, товарищи, что касается теоретических установок в биологии, то советские биологи считают, что мичуринские установки являются единственно научными установками. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину. (Аплодисменты.)

В.И. Ленин и И.В. Сталин открыли И.В. Мичурину и сделали его учение достоянием советского народа. Всем своим большим отеческим вниманием к его работе они спасли для биологии замечательное мичуринское учение. Партия и Правительство и лично И.В. Сталин постоянно заботятся о дальнейшем развитии мичуринского учения. Для нас, советских биологов, нет более почетной задачи, чем творческое развитие учения Мичурину и внедрение во всю нашу деятельность мичуринского стиля исследований природы развития живого.

О развитии мичуринского учения наша Академия должна заботиться так, как тому учит личный пример заботливого отношения к деятельности И.В. Мичурину со стороны наших великих учителей – В.И. Ленина и И.В. Сталина”. (Бурные аплодисменты.)

Доклад Лысенко был напечатан в 5-м номере журнала “Агробиология” за 1948 г. Этот номер журнала открывался портретом И.В. Сталина.

Почему Лысенко смог убедить Сталина в своей правоте и доклад его был принят многими? По-видимому, это было связано тому, что в докладе имелся ряд общих правильных положений. Приведу несколько примеров. Лысенко говорил: “Воспроизводство себе подобного есть общая характерная черта любого живого тела”; “Практическое управление развитием возделываемых растений и домашних животных предполагает знание причинных связей. Чтобы биологическая наука была в силах все больше и больше помогать колхозам и совхозам получать высокие урожаи, высокие удои и т.д., она обязана постигать сложные биологические взаимосвязи, закономерности жизни и развития растений и животных”; “В науке, преимущественно объясняющей прошлую историю органического мира, дарвинизм становится творческим действенным средством по планомерному овладению, под углом зрения практики, живой природы”; “Виды – не абстракция, а реально существующие узлы (звенья) общей биологической цепи”; “По своей сущности агрономическая наука неотделима от биологической. Говорить о теории агрономии – это значит говорить о вскрытых и понятных закономерностях жизни”; “Такие выдающиеся биологи-дарвинисты, как В.О. Ковалевский, И.И. Мечников, И.М. Сеченов и в особенности К.А. Тимирязев со всей присущей истинным ученым страстью отстаивали и развивали дарвинизм”; “Единство теории и практики – столбовая дорога советской науки”.

Два постулата Лысенко звучали особенно убедительно: 1) наука должна быть непосредственно связана с решением задач сельского хозяйства, не только в будущем, но сейчас, в текущее время строительства социализма; 2) методологической основой биологии должна быть философия диалектического материализма.

Вполне понятно, что эти положения в общем воспринимались одобрительно. Что касается того содержания, которое Лысенко вкладывал в эти в целом правильные положения, то его по-настоящему могли понять только генетики. Этим объясняется тот факт, что основная масса биологов и селекционеров не протестовала против взглядов Лысенко.

Явление наследственности Лысенко оторвал от его материальных основ. Вместо обоснованного учения о генетических принципах воспроизведения организмов Лысенко развивал фантастические воззрения об организме. Вопреки фактам науки Лысенко утверждал, что имеет место адекватное наследование приобретенных признаков.

Повторяя тезис Сталина об отступлении неodarвинизма перед неолармаркизмом, Лысенко говорил: “Представители неodarвинизма – менделисты-морганисты – считают совершенно ненаучным стремление исследователей управлять наследственностью организмов путем соответствующего изменения условий жизни этих организмов. Поэтому менделисты-морганисты и называют мичуринское направление в агробиологии неолармаркистским, на их взгляд совершенно порочным, ненаучным”.

Такая прямая поддержка со стороны “науки” биологических воззрений Сталина, конечно, не могла не вызвать его благоприятной реакции. Вместо решения реальных практических задач Лысенко заставлял колхозы и совхозы в огромных масштабах внедрять в практику негодные псевдонаучные приемы. Вместо развития учения Дарвина, Лысенко выдвинул нелепую концепцию о скачкообразном превращении одних существующих видов в другие, тоже существующие. Все это излагалось при лжефилософском использовании терминов материалистической диалектики.

В отношении И.И. Шмальгаузена, книги которого были крупной вехой в развитии дарвинизма, Лысенко заявил, что Шмальгаузен недопустимо выдает “ошибочные стороны учения Дарвина за краеугольный камень дарвинизма”.

В разделе доклада “Бесплодность морганизма-менделизма” Лысенко сказал: “Один, на взгляд наших морганистов, якобы наиболее выдающийся среди них, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор-генетик Н.П. Дубинин много лет работает над выяснением различий клеточных ядер плодовых мушек в городе и в сельской местности.

В целях полной ясности укажем на следующее. Дубинин исследует не качественные изменения, в данном случае клеточного ядра, в зависимости от воздействия различных по качеству условий жизни. Он исследует не наследование приобретаемых под влиянием определенных условий жизни отличий у плодовых мушек, а изменения, опознаваемые по хромосомам, в составе популяции этих мух, вследствие простого уничтожения части из них, и в частности, во время войны. Такое уничтожение называется Дубининым, как и другими морганистами, “отбор”. (Смех.) Такого рода “отбор”, идентичный с простым ситом и ничего общего не имеющий с его действительной творческой ролью, и является предметом изучения Дубинина.

Эта работа называется “Структурная изменчивость хромосом в популяциях города и сельской местности”.

...Таков типичный для морганистов “вклад” в науку и практику до войны, в период войны и таковы перспективы морганистской “науки” на восстановительный период!” (Аплодисменты.)

В том же разделе доклада Лысенко сказал: “Неоднократно, причем голословно, а часто даже клеветнически, морганисты-вейсманисты, т.е. сторонники хромосомной теории наследственности, утверждали, что я, как Президент Сельскохозяйственной академии, в интересах разделяемого мною мичуринского направления в науке, административно зажал другое, противоположное мичуринскому направление”.

Эти слова Лысенко особенно кощунственны и лицемерны в свете событий, как предшествовавших, так и последовавших вскоре за августовской сессией 1948 г., – закрытием институтов, лабораторий, увольнением тысяч ученых, работавших в области генетики.

В прениях, из числа сторонников Лысенко, с критикой генетики выступили М.А. Ольшанский, С.Г. Петров, И.Г. Эйхфельд, И.В. Якушкин, С.И. Исаев, Н.Г. Беленький, П.Н. Яковлев, П.Ф. Плесецкий, И.А. Минкевич, Н.И. Нуждин, Н.М. Сисакян, С.С. Перов, В.П. Бушинский, Г.А. Бабаджанян, А.А. Авакян, А.П. Водков, З.Я. Белецкий, Е.И. Ушакова, Г.П. Высокос, И.Е. Глущенко, И.И. Хорошилов, Д.А. Долгушин, В.А. Шаумян, М.Б. Митин, Е.М. Чекменев, А.В. Пухальский, Ф.М. Зорин, Л.К. Гребень, В.С. Дмитриев, К.Ю. Кострюкова, С.Н. Муромцев, Ф.А. Дворянкин, Н.И. Фейгинсон, А.В. Крылов, Б.А. Рубин, Ф.К. Тетерев, В.М. Юдин, П.П. Лукьяненко, А.В. Михалевич, Н.В. Турбин, И.Н. Симонов, С.Ф. Демидов, Д.А. Кисловский, И.Ф. Василенко, А.Н. Костяков, П.П. Лобанов, В.Н. Столетов, И.И. Презент.

Характерной была захлебывающаяся демагогическая речь **А.В. Михалевича**, заместителя главного редактора газеты “Правда Украины”, который говорил:

“...Генетика, формальная генетика, менделизм-морганизм, бесплодие которого можно считать доказанным, действительно, никакого отношения к факту досрочного выполнения плана хлебозаготовок не имеет. (Бурные аплодисменты.)

Но есть наука – мичуринская, передовая, с охотой и добровольно несущая все свои завоевания народу, наука, развивающаяся под светлым, ободряющим взором товарища Сталина, наука, связанная с именами Мичурина, Вильямса, Лысенко. Эта наука, несомненно, внесла и вносит свой все увеличивающийся вклад в борьбу за хлеб, за досрочное выполнение плана хлебозаготовок...

Более десяти лет назад в Кремле собрались ударники колхозов обменяться опытом и поделиться планами дальнейшей борьбы за колхозное изобилие. На этом знаменательном собрании Т.Д. Лысенко доложил нашему вождю и лучшим людям колхозов о первых успехах в смелых планах развития принципиально новой советской агробиологии. Тысячи колхозников запомнили реплику И.В. Сталина во время этой речи: “Браво, товарищ Лысенко, браво!” И с тех пор стахановская практика многочисленных колхозных

мастеров урожая еще теснее переплелась с научным творчеством, открытиями ученых мичуринского направления, с их работой по улучшению и переделке природы растения.

“Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела”, – говорил товарищ Сталин 17 мая 1938 г. в своей речи на приеме работников высшей школы в Кремле. Эта речь осталась “книгой за семью печатями” для наших менделистов-морганистов и для тех, кто, подобно академику Завадовскому, желает в развернувшейся дискуссии сидеть между двух стульев. (...)

Д.А. Кисловский, профессор генетики и разведения животных Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, говорил:

“Более 10 лет тому назад, если не ошибаюсь, в 1936 г., на IV сессии Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина мне пришлось выступать с развернутой критикой установок формальной генетики и указывать на тот вред, который она принесла и приносит практике. Тогда мы шли смертным боем на, казалось, жизнеспособного и сильного противника. В числе наших противников активно, с длинным докладом, а не в порядке прений, выступал один из столпов американской генетики профессор Меллер. В то время многим слушателям казалось, что мы взялись чуть ли не за безнадежное дело. Тем не менее, мы тогда победили, и формальная генетика была выбита из седла. Но многих своих позиций формальная генетика еще не сдала. Она окопалась в ожидании лучших дней...

В чем сила Т.Д. Лысенко? Сила Т.Д. Лысенко в том, что он сделался идейным руководителем работников социалистического сельского хозяйства в его действительной борьбе против действительных, настоящих врагов, стоящих на “действительном пути данного общественно-экономического развития”, кто бы эти враги ни были и в какие бы они тоги “ортодоксальных дарвинистов” ни наряжались. Т.Д. Лысенко возглавил поход деятелей социалистического хозяйства и на борьбу со стихийными силами нашей, подчас скупой на готовые дары, природы, за переделку этой природы в нужном нам направлении.

Т.Д. Лысенко сумел вдохновить массы своими идеями о претворении разводимых растений в нужные социалистическому хозяйству новые, более продуктивные формы, путем создания таких условий, которые ведут к подъему урожайности и к переделке наследственности растений.

Поэтому мы должны всемерно поддерживать и развивать учение Мичурина–Лысенко.

Противники старались нас убедить, что Т.Д. Лысенко нетерпим к критике. А я желаю его покритиковать, потому что глубоко убежден, что к критике настоящей, деловой он терпим. Он не терпит критики там, где идет борьба с метафизикой. Там действительно не может быть компромисса, и его не должно быть”.

Академик ВАСХНИЛ **С.Ф. Демидов** сказал:

“...Я думаю, что никак нельзя согласиться с некоторыми выступавшими с этой трибуны учеными, пытавшимися примирить два ясно определившихся

направления в биологической науке, противоположных по своим идейным истокам...

В докладе академика Т.Д. Лысенко ясно поставлены вопросы на сей счет, а именно, что сформировавшиеся в биологической науке два направления в корне отличны, диаметрально противоположны. Одно направление подлинно научное, прогрессивное, мичуринское, и другое, наоборот, антинаучное, реакционно-идеалистическое, вейсманистское (менделеевско-моргановское).

Первое направление, именно диалектико-материалистическое, творческое, идет в ногу с требованиями жизни, целиком соответствует нашему марксистско-ленинскому мировоззрению, развивается на основе всепобеждающей теории Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. Второе направление, наоборот, тянет нас к мистицизму, является прямой дорогой к поповщине, пытается дезориентировать практику социалистического сельскохозяйственного производства, вносит путаницу в идеологическое воспитание наших кадров...

Академиком Т.Д. Лысенко лично и под его руководством выполнены важные работы, имеющие крупнейшее значение в борьбе за повышение урожайности и ставшие достоянием широкой практики колхозов и совхозов. В ежегодно утверждаемых правительством государственных планах развития сельского хозяйства труды академика Лысенко занимают целый раздел, то же можно сказать и о перспективных планах. Эти планы составляются для областей и республик, доводятся до колхозов и совхозов. Таким образом, с работами академика Лысенко и его сотрудников знакомы миллионы колхозников и работников совхозов. Масштабы внедрения в производство предложений академика Лысенко весьма значительны...

В то же время со всей определенностью необходимо на сессии Академии заявить, что противники прогрессивного, подлинно научного, мичуринского направления в биологии – представители реакционно-идеалистического направления, вейсманисты (менделисты-морганисты) не дали ничего ценного для развития социалистического сельского хозяйства.

Представители формальной генетики – профессор А.Р. Жебрак, профессор М.С. Навашин, профессор Н.П. Дубинин, академик Б.М. Завадовский, доцент С.И. Алиханян, доцент С.Д. Юдинцев и другие – ограничиваются бесплодными кабинетными опытами с плодовой мушкой и выращиванием тетраплоидов и полиплоидов. Что могли нам показать и о чем могли нам рассказать с трибуны настоящей сессии вейсманисты (менделисты-морганисты)? Решительно ничего! Разве только тетраплоидные зернышки гречихи в пробирках да ту самую, изученную профессором Н.П. Дубининым, муху из Воронежа, у которой в результате войны трансформировался хромосомный аппарат. (Смех в зале.)...

Здесь уже отмечалось, до какого политического ослепления можно докатиться, находясь на ложных исходных теоретических позициях. В книге академика Шмальгаузена “Факторы эволюции”, которую профессор Поляков и профессор Парамонов в рецензиях превознесли как “новый этап в развитии дарвинизма”, всячески рекламируется реакционно-идеалистическое учение Менделя–Моргана, делаются хвалебные ссылки и рекомендуются труды таких реакционеров, как Добржанский, Тимофеев-Ресовский, пере-

числяется длинный список малоизвестных других авторов, но ни единым словом не упоминается имя И.В. Мичурина, полностью игнорируется Тимирязев; Мичурин и Тимирязев отсутствуют в списке рекомендованной литературы...”

Профессор **Н.И. Нужи́н** (Институт генетики Академии наук СССР): “Около 20 лет длится дискуссия в области биологической науки, причем основное внимание сосредоточено на проблемах наследственности, изменчивости, а также на проблемах эволюции.

В начале 30-х годов в области философии развернулась борьба с меньшевистствующим идеализмом. Эта борьба не ограничилась только вопросами философии, она затронула и другие отрасли науки, и в частности биологию. В последней борьба коснулась главным образом генетики, так как здесь меньшевистствующий идеализм нашел более яркое проявление.

Если вспомнить те вопросы, по которым шла борьба, то легко заметить, что между борьбой с меньшевистствующим идеализмом и дискуссией, развернувшейся в связи с работами академика Т.Д. Лысенко, имеется прямая связь и последующая фаза является логическим продолжением той борьбы, которая была начата с меньшевистствующим идеализмом.

Следует подчеркнуть, что в этот период был отмечен ряд основных ошибок в области генетики, среди них вейсманизм, автогенез, недооценка роли условий среды. Генетики в тот период не отрицали правильности критики и обещали в дальнейшей работе исправить свои ошибки.

В 1932 г. на конференции по планированию генетической науки А.С. Серебровский, выступая с программным докладом, отмечал: “Надо сказать, что до сих пор мы, советские генетики и селекционеры, являемся в значительной еще мере носителями науки буржуазной... Наша наука должна быть глубочайшим образом реконструирована, чтобы заслуживать название науки советской, науки социалистического общества”.

Из этого совершенно ясного, хотя и не лестного признания неизбежно должны были следовать и соответствующие выводы о необходимости коренным образом перестроить всю генетическую работу, пересмотреть целый ряд теоретических положений генетической науки.

К сожалению, выводы были сделаны, но никакой перестройки, никакого критического пересмотра той буржуазной науки, о которой говорил профессор Серебровский, не произошло. Поэтому, естественно, что дискуссия в области генетики развернулась с новой силой.

Наряду со старыми ошибками были вскрыты новые, были выдвинуты новые проблемы и задачи, стоящие перед селекцией и генетикой нашей страны; указаны новые пути, по которым должна идти наша генетика.

Последние 15 лет показали одно весьма существенное обстоятельство. Представители формальной генетики не сделали ни одной серьезной попытки перестроить свою работу, дать критику ошибочных положений формальной генетики в области теории наследственности, на которые им указывали.

Встает вопрос, что они или не захотели, несмотря на целый ряд предупреждений, сделать эту критическую перестройку, или они оказались неспособными это выполнить. Мне кажется, что причиной является первое – нежелание перестроиться. Это можно иллюстрировать целым рядом приме-

ров. Достаточно указать на статью профессора Жебрака, опубликованную в журнале “Science”, из которой видно, что они, формальные генетики, готовы работать вместе единым фронтом с самой реакционной буржуазной генетической наукой.

Н.П. Дубинин в том же журнале “Science”, говоря об успехах советской генетики, не сказал ни одного слова о целом направлении в нашей науке – о мичуринской генетике. Это было стремление подчеркнуть перед всеми буржуазными генетиками, что у нас в Советском Союзе имеется определенная группа, которая не считается с мичуринской генетикой как с научным направлением.

Возьмем для примера попытку организации в системе Академии наук СССР второго генетического института, который представлял бы направление, противоположное тому, которое сейчас развивает руководимый Т.Д. Лысенко Институт генетики Академии наук СССР.

Все это показывает, что здесь дело заключается не в непонимании, а в нежелании перестроиться, здесь имеется надежда на то, что все пройдет, как проходило раньше. Более того, есть стремление к тому, чтобы выйти на передовые позиции биологической науки.

Мы привыкли говорить, что в области генетики идет дискуссия. По существу, дискуссии нет, дискуссия закончилась после совещания в редакции журнала “Под знаменем марксизма”...

Вот где кроются причины, почему вместо научной дискуссии формальные генетики перешли на позиции групповщины, на позиции открытой борьбы. Чем скорее с этим будет покончено, чем скорее генетики перейдут на мичуринские позиции, тем успешнее будет развиваться подлинная научная генетика, и тем быстрее мы, ученые, выполним те задачи, которые поставлены перед нами партией, правительством и лично товарищем Сталиным”. (Аплодисменты).

М.Б. Митин, академик, философ, забыв о своих попытках в чем-то поддержать генетику, которые он сделал в 1939 г. на совещании в редакции “Под знаменем марксизма”, встал на позиции крайнего лысенкоизма и сказал:

“Представители менделевско-моргановского направления оперируют на протяжении многих лет бесплодными кабинетными опытами, оторванными от жизни, от потребностей народа и социалистического строительства. Это – антинародное направление в науке.

К каким отвратительным уродствам приводит это направление, здесь проиллюстрировал в своем докладе Т.Д. Лысенко, приведя в качестве примера исследования Дубинина относительно влияния Великой Отечественной войны на хромосомный аппарат плодовых мушек.

Дубинин достоин того, чтобы стать нарицательным именем для характеристики отрыва науки от жизни, для характеристики антинаучных теоретических исследований, лженаучности менделевско-моргановской формальной генетики, которая толкает на подобного рода “исследования”...

На данной сессии необходимо отметить роль академика Т.Д. Лысенко в борьбе передового направления в биологии против реакционного. Нет возможности сейчас касаться плодотворнейших теоретических и практических

результатов в деле развития мичуринского направления, которые связаны с именем академика Т.Д. Лысенко. Нет возможности говорить о его теории стадийного развития растений, представляющей собой крупнейшее завоевание биологии, о его взглядах по вопросам наследственности и по другим важнейшим проблемам биологии. Это потребовало бы специального выступления. Я хотел бы сейчас отметить только следующее. Смело и решительно, с присущей ему непоколебимостью и страстностью, Т.Д. Лысенко разоблачал и разоблачает менделизм-морганизм. Ему приходилось преодолевать огромные трудности, на него клеветали, ему отказывали в “научности”, ставили на его пути массу препятствий, но он смело шел вперед, как подлинный новатор в науке, не считался ни с чем и отстаивал по-боевому свои принципиальные позиции, отстаивал знамя мичуринского направления. Академик Т.Д. Лысенко – Мичурин нашего времени – внес огромный вклад в развитие биологической науки и в практику социалистического сельского хозяйства. Думаю, что выражу мнение подавляющего большинства присутствующих, если скажу, что, благодаря смелой и бесстрашной борьбе академика Т.Д. Лысенко с консерваторами от науки, достигнуто дальнейшее развитие мичуринского направления в биологии, достигнуты такие серьезные успехи в нашей агробιοлогической науке. (Продолжительные аплодисменты)...

Академик ВАСХНИЛ А.А. Авакян: – “Товарищи! Одним из основных вопросов в биологии, как в прошлом, так и в настоящее время, является вопрос о возможности направленного изменения организма в соответствии с воздействием изменившихся материальных условий внешней среды и наследования приобретенных таким образом свойств. Вопрос заключается в том, изменяется ли наследственность живых организмов соответственно изменившемуся телу организма или изменения тела не влияют на наследственные свойства.

Реакционное течение в биологической науке – менделизм-морганизм – с самого своего зарождения (Вейсман, Бэтсон, Иоганнсен, Морган и др.) было направлено против дарвинизма. Это лженаучное направление и ныне продолжает выступать против творческого дарвинизма – мичуринского учения.

Таковы, например, зарубежные морганисты Сакс и Дарлингтон, а также и отечественные вейсманисты – академик Шмальгаузен, профессор Жебрак, профессор Дубинин и др...

Академик Т.Д. Лысенко на основе теории стадийного развития создал теорию направленного изменения природы организмов, которая позволяет овладеть формообразовательным процессом в природе.

Направленное изменение природы организмов и унаследование благоприятных свойств делаются возможными благодаря тому, что в процессе эволюции, как правило, раньше изменяются, соответственно изменившимся условиям, организм, процесс, функция, структура, а затем измененный организм воспроизводит соответственно измененную половую клетку или вегетативное потомство”.

В.Н. Столетов, заместитель директора Института генетики АН СССР, вновь подтвердил утверждения Лысенко, что лысенковцы не собираются

никого преследовать, что они за свободную научную дискуссию. Столетов, в частности, сказал:

“Будучи не в силах возражать против мичуринской критики по существу, защитники менделизма-морганизма в последние годы часто говорят о том, что их зажимает Лысенко, что с Лысенко нельзя дискуссировать. В докладе Президента по этому поводу дан исчерпывающий ответ. Морганисты всеми силами старались задержать развитие мичуринского учения. Они не давали хода молодым научным работникам, в прошлом стоявшим на позициях хромосомной теории наследственности, но, под давлением полученных в экспериментах фактов, приходившим к согласию с тем или иным принципом мичуринского учения. Особенно отличился в этом отношении профессор Н.П. Дубинин.

Так, например, он не жалел сил для того, чтобы опорочить докторскую диссертацию Н.И. Нуждина (1944 г.). Почему это было ему нужно? Да потому, что некоторые опыты Н.И. Нуждина, поставленные с дрозофилой (с любимым морганистами объектом), опровергали менделизм-морганизм и говорили в пользу принципов мичуринского учения. С этим Дубинин никак уже не мог примириться...

Живое дело – враг формализма. В свете живого мичуринского дела, крепнущего в нашей стране, особо стала очевидной схоластика, метафизика, бесплодность организма. Это и оказалось зажимом для органистов. Они не хотят заняться живым делом, которое быстро бы излечило их от формализма. Исследование же никчемных вопросов, вроде тех, что интересуют Дубинина и, о чем шла речь в докладе Президента, только усугубляют формализм.”

Академик **И.И. Шмальгаузен**, директор Института эволюционной морфологии животных АН СССР, в своих замечательных работах 1945, 1946 гг. синтезировал генетику, учение об индивидуальном развитии и законы морфологической эволюции. Шмальгаузен – автор учения о стабилизирующем отборе, который имеет чисто генетическую основу. Он широко включил в свои построения достижения советских и зарубежных генетиков и часто ссылался на них в своих книгах. Однако на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. И.И. Шмальгаузен посчитал возможным откеститься от генетики в своем выступлении:

“В действительности я все время пытался стоять на позициях материалистического объяснения эволюции, и с идеализмом, каких бы то ни было вариаций, я последовательно боролся. Меня здесь пытались причислить к лагерю генетиков и притом формальных генетиков. Для тех, кто не в курсе дела, я должен сказать, что я вообще не генетик, а морфолог, эмбриолог, филогенетик. Самое большее, что у меня некоторое отношение может иметь к генетике, – это работа по фенотипике расовых признаков у кур. Никакого иного отношения мои работы к генетике не имели и не имеют, тем более мои работы не имеют отношения к формальной генетике...

Презент приписал мне резервную адаптацию.

Никогда и нигде я не говорил и не мог говорить об этом, так как я постоянно полемизировал с генетиками именно потому, что я считаю все мутации вредными и, значит, не мог говорить об адаптивных мутациях и их накоплении в резерве.

Я ввел понятие резерва наследственных изменений именно в противовес представлению о генофонде”.

И.М. Поляков, член-корреспондент АН УССР, сказал:

«В современной биологической науке идет напряженная борьба прогрессивного и реакционного, старого и нового, материализма и идеализма. И в этой борьбе передовая научная идеология Советского Союза противостоит гнилой идеологии капиталистического мира. Та борьба, которая происходит в биологической науке, является отражением острой, напряженной классовой борьбы...

Неодарвинизм оказался не в состоянии разрешить такие основные вопросы эволюционной теории, как соотношение внешних и внутренних факторов в изменчивости и эволюции, соотношение части и целого в эволюции организмов и т.д. Вейсманизм-неодарвинизм построил метафизическую теорию эволюции, отрицающую творческую роль естественного отбора, неверно трактующую роль наследственной изменчивости, значение мутаций в эволюции и ряд других вопросов... Наследственная изменчивость организма по природе своей физиологична. Это утверждение Тимирязева, Мичурина, утверждение, на котором так настаивает сейчас Т.Д. Лысенко, является совершенно правильным... Когда мы говорим о неопределенной изменчивости, то под этой неопределенной изменчивостью понимается прежде всего вопрос о целесообразности и о приспособительном эффекте. Отсюда вытекает, – и это чрезвычайно важно подчеркнуть, – что поскольку изменения организмов разнонаправленны (я говорю о природной эволюции), то отсюда вытекает биологическая неоднородность особей в пределах вида и возникает мое расхождение с вами, Трофим Денисович...

Я хочу сказать, что в нашей науке имеется, несомненно, целый ряд спорных вопросов и мы должны совместной, товарищеской, творческой критикой в этом разобраться. Мы должны в этом отношении, не взирая на лица, строго подходить к ошибкам, отклонениям от основной линии, и эта творческая дискуссия поможет сформулировать правильную точку зрения.

Я считаю неверным и не приносящим пользы делу, когда подчас эту критику мы подменяем наклеиванием ярлыков. Человек может бороться 15 лет с вейсманизмом, но если он не согласился с академиком Т.Д. Лысенко по вопросу о борьбе за существование, он значится вейсманистом. Я не сторонник “вегетарианских взаимоотношений” и не боюсь острых разговоров и критики, но мне кажется, что задача нашей науки в том, чтобы вокруг основного ведущего направления объединялось все здоровое, что есть в науке, и думаю, что для этого полезнее спокойная товарищеская критика, а не зашатательство и наклеивание ярлыков.

Я уверен, что в результате этой дискуссии наша советская наука, все наши ученые тщательно продумают все, что здесь происходит, будут бороться за дальнейший прогресс нашей науки, за ход ее вперед, за смелую критику и самокритику. Несомненно, что наша наука, объединенная вокруг передовых идей, которые в этой области знаменуются именем Т.Д. Лысенко, сделает еще более крупные успехи...

И.И. Презент – У меня следующий вопрос: Илья Михайлович здесь призывает к тому, чтобы в дискуссиях не было зашательской критики. Меня в связи с этим интересует совершенно конкретный вопрос. На конференции по дарвинизму и на предшествующей конференции по генетике в Московском университете была вынесена резолюция, которая обозвала академика Т.Д. Лысенко ламаркистом. Вы голосовали за эту резолюцию?

И.М. Поляков – Вопрос следующий: изменил ли я свои взгляды на вопросы эволюционной теории со времени конференции по дарвинизму? Я выступал там по двум вопросам: по вопросу о внутривидовой борьбе за существование, и по этому вопросу я своего взгляда не изменил, о чем я здесь и сказал; второй доклад я делал по экспериментальным работам, но об этом речь здесь не идет.

Затем вопрос: считаю ли я, что гипотеза Дубинина о генетико-автоматических процессах является идеалистической? Эта гипотеза является одной из разновидностей квалифицированного мною здесь мутационизма или неodarвинизма, так что об этом я говорил. Нельзя же вспоминать всех авторов.

И.И. Презент – Илья Михайлович неожиданно забыл интереснейшую резолюцию, где сказано, что Т.Д. Лысенко скатился на ненаучные, антинаучные позиции ламаркизма. Там было сказано, что резолюция “принята единогласно”, а среди участников совещания значится ваша фамилия. Меня интересует, в связи с этим, ваша действительная позиция во время голосования.

И.М. Поляков – Я своей действительной позиции скрывать не буду. Я считал, и говорил об этом в своем докладе, что в отношении ламаркизма и дарвинизма Т.Д. Лысенко, когда выступал по вопросу о внутривидовой борьбе за существование и естественном отборе, пытался сочетать ту и другую позиции. Вот то, что я говорил на конференции. А формулировку о том, что мичуринскому направлению не по пути ни с неodarвинизмом, ни с неоламаркизмом, такую формулировку могу только приветствовать».

В конце второго заседания председательствующий академик ВАСХНИЛ П.П. Лобанов выступил с заявлением: «В президиум поступил вопрос, который я считаю нужным огласить: “Почему не выступают сторонники формальной генетики? Или они сами не хотят, или им не дают такой возможности?” Отвечаю. Среди записавшихся их нет, но нужно полагать, что товарищи используют предоставленную им возможность выступить на сессии. Было бы непонятно и недостойно положения ученого отмалчиваться, когда речь идет о принципиальных вопросах науки».

На самом деле Лобанов прекрасно знал, что генетики не допущены на сессию ВАСХНИЛ. И.А. Рапопорт, бывший в Москве, с великим трудом прорвался на заседания сессии и выступил на третьем заседании.

На протяжении сессии генетику защищали И.А. Рапопорт, С.И. Алиханян, П.М. Жуковский, А.Р. Жебрак.

И.А. Рапопорт, доктор биологических наук (Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР) сказал:

“Происходящая сейчас сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина ставит перед советскими учеными очень ответ-

ственные требования. Мы являемся представителями науки советского государства. Мы несем теорию в практику, построенную на новых невиданных доселе формах общественной жизни.

Естественно, что наша теория, идущая в советскую действительность, в деревню, должна стоять на большой высоте. Наша наука и практика должны быть выше науки и практики капиталистических государств. Мы должны отдавать со всей ясностью отчет в правильности тех принципов, которые мы избираем для нашей практической деятельности, и не бояться критики, не бояться признания ошибок, не становиться на путь огульного прославления своих достижений или переоценки того, что имеется.

Президент Академии здесь сделал доклад на очень широкую тему, являющуюся программой для большого периода нашей деятельности в будущем. Это доклад о положении советской биологической науки и о тех перспективах, которые открываются на очень большой промежуток времени. Мы должны поэтому очень внимательно отнестись к той критике, которой подверг тов. Лысенко отдельные отрасли советской биологической науки, в частности общую теорию эволюции и теорию наследственности, т. е. современную генетику...

Основой генетики, как показывает самое название, является ген, материальный носитель наследственности. В основном спор, который в теории идет по этому вопросу, конечно, касается гена...

Ген – это единица еще более таинственная, еще более далекая от возможности наглядного показа, но во всяком случае это – единица материальная, в отношении которой имеется возможность прийти к большим практическим успехам. И мне кажется большой практической ошибкой стремление нацело и огульно отказывать советской генетике в огромных успехах. Советскую генетику мы обязаны отличать от буржуазной генетики. Советские генетики никогда не стояли на неправильных антидарвинистских позициях. Они связали в единый величайший принцип естественный отбор, который объяснил разумно и рационально явление развития органической жизни”.

В своей речи **С.И. Алиханян**, доцент кафедры генетики МГУ, говорил: “Т.Д. Лысенко в своем обширном докладе поднял чрезвычайно актуальные и важные вопросы современной биологической науки...”

Вместе с тем я должен отметить некоторые ложные положения, ошибочные концепции Серебровского, Филипченко, Кольцова и других. Возьмем положение Серебровского, что ген является основой жизни. Это утверждение он противопоставлял механистическому утверждению, что жизнь – это сумма физико-химических элементов. Такие крайние мысли, ничем не доказанные, вызвали справедливую критику. Я считаю такое представление о гене крайним и неверным. С такими и подобными положениями нельзя согласиться, они неверны, ошибочны, методологически неправильны.

Как же методологически можно подойти к проблеме гена с позиций экспериментальной генетики? Ген – объективно существующая материальная частица живой клетки. Поэтому наша задача – правильно определить место и роль гена в жизнедеятельности клетки, правильно материалистически объяснить все добытые наукой факты. Нельзя, исходя из реакционных вы-

сказываний отдельных ученых, отвергать здоровое, полезное ядро генетики, выбросить все факты, добытые наукой...

И вот почему, исходя из этих фактов, я не могу согласиться с концепциями Кольцова о неизменности гена, которую вполне справедливо критиковал Трофим Денисович.

Я спрашиваю, прав ли Кольцов? Нет, не прав! Генетики, которые доказали картину химического построения ядерного материала, его хромосомы, стоят ли на позициях Кольцова? Нет, не стоят и не разделяют его взглядов...

Очистив нашу науку от идеалистической шелухи, от неверных идеалистических концепций буржуазных генетиков и некоторых наших собственных генетиков, мы, советские ученые, должны в здоровой атмосфере творческих споров и содружества смелее двигать развитие советской пауки и использовать все творческие работы в нашей науке на благо нашей Родины”.

Академик ВАСХНИЛ **П.М. Жуковский** сказал: «Наши расхождения заключаются в основном в двух вопросах: это, во-первых, хромосомная теория наследственности и, во-вторых, – влияние внешних условий. Трофим Денисович настаивает именно на прямом ответе на данные вопросы.

Относительно хромосомной теории наследственности. Было бы печально, если бы вся группа генетиков, которую зачислили в менделисты-морганисты, стала бы тут на трибуне отрекаться от хромосомной теории наследственности. Я этого делать не собираюсь...

Несколько слов относительно Менделя. Почему так часто склоняют фамилию этого выдающегося биолога, перед могилой которого следует преклоняться? Известно, что наш великий физиолог И.П. Павлов в Колтушах перед своим Институтом поставил памятник Менделю...

Трофим Денисович! Вы никогда не употребляете термин “мутация”, вы его не признаете. А мы это признаем. И природа снабжает мутациями органический мир почти безгранично. Что вызывает мутации? Тут я полностью на ваших позициях, академик Лысенко: среда, внешние условия, вызывает мутации.

Вы это называете воспитанием. Но ведь дело не в этом. Вы не хотите признать, что эти мутации вызваны изменением хромосом. В этом наше расхождение. Дошло до того, что как только произносят слово “мутация” или “хромосома”, то это пугает очень многих. Не помню, у кого-то была изображена девица, которая краснела при виде жареного каплуна. (Смех.)

Как скажут слово “хромосомы”, то также некоторые краснеют. (Смех, в зале оживление.)

Голос с места – Мужчины!

П.М. Жуковский – Никогда не употребляются нашими оппонентами такие понятия, как витамины, гормоны, вирусы. Я мог бы посоветовать не вам, Трофим Денисович, ваш авторитет достаточно высок, а вашим последователям учиться, ибо учение свет, а неучение – тьма». (Смех, аплодисменты.)

А.Р. Жебрак, генетик, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в своем выступлении разъяснил свои работы по аллоплоидам пшениц, исходя из хромосомной теории наследственности.

Большое впечатление произвела мужественная речь академика **В.С. Немчинова**. Когда ведущие биологи своим молчанием, по существу, поддержали Лысенко, а некоторые даже выступили в его пользу, Немчинов – ректор Тимирязевской академии, статистик по специальности – возвысил свой голос в защиту генетики. В.С. Немчинов сказал: “...Да, я могу повторить, да, я считал, что хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества и продолжаю держаться такой точки зрения”.

И.Е. Глущенко, доктор биологических наук (Институт генетики АН СССР) сказал: “Морганист Рапопорт пытался доказать, что, во-первых, морганизм – материалистическая наука и, во-вторых, отечественные морганисты в своих взглядах далеки от зарубежных морганистов.

На этих двух вопросах я и хочу остановиться. Так ли на самом деле? Правду ли говорил здесь Рапопорт?

Как хорошо показал в своем докладе Президент Академии академик Т.Д. Лысенко, биологическая наука развивалась в борьбе двух различных направлений, двух противоположных систем взглядов на сущность жизненных явлений. Это расхождение во взглядах отображает противоположность философских систем: идеализма и материализма...

Обоснование расизма, евгеника – вот что приковывает внимание современной моргановской генетики.

Это стремления, чаяния не отдельных буржуазных биологов. Этими идеями пронизана вся так называемая “международная ассоциация генетиков”...

Таков характер логического развития и сегодняшнего состояния “мировой генетики”, перед которой преклоняются наши отечественные морганисты. А ведь не дальше как два года тому назад наш морганист профессор Жебрак в журнале “Science”, обращаясь к реакционеру Саксу и им подобным, писал: “Вместе с американскими учеными, мы, работающие в этой же научной области в России, строим общую биологию мирового масштаба”.

Только в прошлом году член-корреспондент Академии наук СССР Дубинин в том же журнале “Science” осветил нам, кто эти генетики и чем они занимаются.

Воспевая достижения “мировой генетики”, в частности работы наших заклятых врагов (Добржанского, Тимофеева-Ресовского, а также морганистов Стертеванта, Гордона и других), Дубинин считает, что наши отечественные морганисты не отстают от зарубежных, а во многом идут впереди.

Воспевая работы наших и зарубежных морганистов, Дубинин вычеркнул из истории генетики Мичурина и мичуринцев. Для него таковые не существуют.

Мичуринцы гордятся тем, что им не по пути с Дубининым, Жебраком, Шмальгаузенем. Но мичуринцы ставят вопрос:

Доколе же вы, исповедующие лженауку, вы, популяризаторы и оруженосцы ее, не поймете, что пути советского ученого и зарубежных проповедников идеализма в биологии совершенно противоположны и никогда неприимы?

Последним оратором на сессии, который подвел итоги прошедшей дискуссии, был **И.И. Презент**, академик ВАСХНИЛ. Он заявил: “На настоящей

сессии подводятся итоги тому, к чему пришла, куда идет и по каким путям пойдет дальше биологическая наука. Подводимые на сессии итоги путей биологической науки отнюдь не исчерпываются лишь небольшим отрезком времени. По существу, здесь поставлен и, я смею быть уверен, нашел свое разрешение вопрос о больших путях биологической науки на протяжении многих и многих десятилетий...

В настоящее время окончательно определился водораздел между менделевско-моргановским (вейсманистским) направлением и противоположным ему мичуринским направлением. В этой связи чрезвычайно важно рассмотреть имевшие место здесь на сессии и за ее пределами попытки найти русло примирения этих двух направлений. Возможно ли это?

Нужно сказать, что линия “примирения”, пожалуй, возможна... Для того, чтобы морганисты могли быть “примирены” с мичуринским учением, морганистам надо отказаться от всех до одного теоретических положений этого ложного учения. Ни в какое другое русло примирения мичуринская наука, мичуринская биология не даст себя вовлечь. Это не удастся тем, кто пытается фальсифицировать самое мичуринское учение, чтобы переписать, подтасовать это прогрессивное учение под реакционный морганизм и затем провозглашать себя принадлежащими к мичуринскому направлению.

Сейчас у нас в стране открытых и откровенных морганистов остается уже немного. Для этого действительно, может быть, надо быть Дубиниными (аплодисменты), и если меня спросят, кто представляет в настоящее время наибольшую опасность для расцвета мичуринского учения, – Дубинин ли, Жебрак и иже с ними, – я отвечу: нет, наиболее вредоносными для мичуринского дела в данное время являются протаскивающие антимиучуринские, вейсманистско-морганистские взгляды под видом симпатий к Мичурину, люди типа Завадовского и Алиханяна.

Голоса – Правильно!...

И.И. Презент – Менделизм-морганизм уже полностью обнаружил свою зияющую пустоту, он гниет также и изнутри, и ничто его спасти уже не может.

К сожалению, тлетворное влияние морганизма проникло и в среду небиологов. Морганизм проявляет свое вредное влияние и на некоторых философов, которые обязаны иметь правильную точку зрения на имеющие идеологическое значение вопросы биологии (аплодисменты), если даже академик Немчинов, не генетик, а статистик, если даже он имеет свою точку зрения по вопросам морганизма. (Смех, аплодисменты.)

В.С. Немчинов – А почему я не должен ее иметь?

И.И. Презент – Я говорю не в упрек, а в похвалу тому, что вы имеете свою точку зрения, хотя в упрек тому, что вы имеете именно такую точку зрения. (Смех.) Итак, с тлетворным влиянием морганистов на работников других специальностей, в частности на философов, пора покончить. Философы обязаны иметь свою, и притом правильную, точку зрения на вопрос о том, кто же решил проблему управления наследственной изменчивостью: Морган и Меллер или же Мичурин и Лысенко. Многие философы все вре-

мя колебались в этих вопросах, но ведь колебания должны иметь известный предел. Нельзя же быть маятниками в вопросах науки! (Смех.) Давно уже пришло время философам нашей страны раскрыть философские глубины мичуринского учения (аплодисменты), и я верю в наших философов – они это сделают”.

К сожалению, на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. никто из присутствующих генетиков не противопоставил докладу Лысенко аргументированную систему генетических возражений, не показал, что именно лысенковщина противостоит науке, обоснованной практике сельского хозяйства и диалектико-материалистическому познанию природы жизни. Вместо решительного отпора ученые-генетики заняли оборонительную позицию по частным вопросам, что было равносильно поражению.

Выступления на сессии закончились вечером 6-го августа. Перед своим заключительным словом Лысенко был приглашен к Сталину. Сталин одобрил ход сессии ВАСХНИЛ.

В последний день августовской сессии ВАСХНИЛ 7 августа утром участники сессии прочитали опубликованное в газете “Правда” открытое письмо **Ю.А. Жданова**, адресованное И.В. Сталину.

Жданов писал: “Выступив на семинаре лекторов с докладом в спорных вопросах современного дарвинизма, я, безусловно, совершил целый ряд серьезных ошибок.

1. Ошибочной была сама постановка этого доклада. Я явно недооценил свое новое положение работника аппарата ЦК, недооценил свою ответственность, не сообразил, что мое выступление будет расценено как официальная точка зрения ЦК. Здесь сказалась “университетская привычка”, когда я в том или ином споре, не задумываясь, высказывал свою точку зрения. Поэтому, когда мне предложили сделать доклад на семинаре лекторов, я и тут решил высказать свои соображения, оговорив при этом, что это “личная точка зрения”, для того чтобы мое выступление никого ни к чему не обязывало. Несомненно, что это “профессорская”, в дурном смысле, а не партийная позиция” ... И далее:

“Считаю своим долгом заверить Вас, товарищ Сталин, и в Вашем лице ЦК ВКП(б), что я был и остаюсь страстным мичуринцем. Ошибки мои проистекают из того, что я недостаточно разобрался в истории вопроса, неправильно построил фронт борьбы за мичуринское учение. Все это из-за неопытности и незрелости. Делом исправлю ошибки”.

7 августа 1948 г. **Лысенко** в начале своей заключительной речи заявил: “Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его”. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)

Заканчивая свою речь, Лысенко сказал:

“Сила мичуринского учения заключается в его тесной связи с колхозами и совхозами, в разработке глубоких теоретических вопросов путем решения практически важных задач социалистического сельского хозяйства.

Товарищи, работа нашей сессии заканчивается. Эта сессия – яркое свидетельство силы и мощи мичуринского учения. В работе сессии принимали

участие многие сотни представителей биологической и сельскохозяйственной науки...

Апофеозом августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. были заявления П.М. Жуковского, С.И. Алиханяна и И.М. Полякова, с которыми они выступили после заключительного слова Лысенко.

Заявление П.М. Жуковского:

«Товарищи, вчера поздно вечером я решил выступить с настоящим заявлением. Говорю вчера поздно вечером намеренно, потому что я не знал о том, что сегодня в “Правде” появится письмо тов. Ю. Жданова и никакой связи, поэтому, между настоящим моим заявлением и письмом товарища Ю. Жданова нет. Думаю, что заместитель министра сельского хозяйства Лобанов может это подтвердить, так как вечером я по телефону просил его разрешить мне сделать сегодня на сессии заявление.

В жизни человека, особенно в наши исторические дни, бывают моменты огромного морального, принципиального и политического значения. Такие моменты я пережил вчера и сегодня. Мое выступление, два дня тому назад, было неудачным, было последним моим выступлением, как здесь говорят, против Мичурина, хотя я никогда прежде лично против учения Мичурина не выступал. Вместе с тем оно было последним выступлением с неправильных биологических и идеологических позиций. (Аплодисменты).

Злосчастная история с моей статьей “Дарвинизм в кривом зеркале”, ответ нашего Президента на эту статью перенесли меня в последующем из области идейной борьбы в область личной обиды. Правда, я по-прежнему стою на позиции наличия внутривидовой конкуренции. Но я хочу сказать, что именно в этот период мои отношения к Президенту в значительной степени обострились.

Мое выступление два дня назад, когда Центральный Комитет партии намечал водораздел, который разделяет два течения в биологической науке, было недостойно члена Коммунистической партии и советского ученого.

Я признаю, что занимал неправильную позицию. Вчерашняя замечательная речь академика Лобанова, его фраза, прямо адресованная мне: “Нам с Вами не по пути”, – а я считаю П.П. Лобанова крупным государственным деятелем, – эти слова сильно меня взволновали. Его речь повергла меня в смятение. Бессонная ночь помогла мне обдумать мое поведение.

Выступление академика Василенко произвело на меня также большое впечатление, потому что он показал, как тесно связаны мичуринцы с народом, как важно в этот период оберегать авторитет Президента.

Исключительное единство членов и гостей на этой сессии, демонстрация силы этого единства и связи с народом и, наоборот, демонстрация слабости противника для меня столь очевидны, что я заявляю: я буду бороться, – а иногда я это умею, – за мичуринскую биологическую науку. (Продолжительные аплодисменты).

Я человек ответственный, ибо работаю в Комитете по Сталинским премиям при Совете Министров, в экспертной комиссии по присуждению высших ученых степеней. Поэтому я полагаю, что на мне лежит моральный долг – быть честным мичуринцем, быть честным советским биологом.

Товарищи мичуринцы! Если я заявил, что я перехожу в ряды мичуринцев и буду их защищать, то я делаю это честно. Я обращаюсь ко всем мичуринцам, в числе которых есть и мои друзья и мои враги, и заявляю, что я буду честно выполнять то, что здесь заявил сегодня. (Аплодисменты).

Уверен в том, что, зная меня, мне в данном случае поверят и в том, что свое заявление я сделал не из трусости. Важной чертой моего характера в жизни всегда была огромная впечатлительность. Все знают, что я очень нервно воспринимаю все. Поэтому вы поверите мне, что данная сессия действительно произвела на меня огромное впечатление.

Здесь говорят о том (и это справедливый упрек), что мы на страницах печати не ведем борьбы с зарубежными реакционерами в области биологической науки. Заявляю здесь, что я буду вести эту борьбу и придаю ей политическое значение. Я считаю, что должен, наконец, раздавать голос советских биологов на страницах нашей научной печати о том, что нас разделяет огромная идейная пропасть. И только тот зарубежный ученый, который поймет, что мост должен быть переброшен к нам, а не к ним, может рассчитывать на наше к нему внимание.

Пусть прошлое, которое разделяло нас с Т.Д. Лысенко (правда, не всегда), уйдет в забвение. Поверьте тому, что я сегодня делаю партийный шаг и выступаю как истинный член партии, т. е. честно». (Аплодисменты).

Вместе с тем, я заявляю, что призыв академика Василенко охранять престиж Президента будет мною выполнен. (Аплодисменты).

Заявление С.И. Алиханяна:

«Товарищи, я попросил слово у председателя не потому, что сегодня прочел в “Правде” заявление Юрия Андреевича Жданова. Я решил сделать заявление еще вчера, и заместитель министра сельского хозяйства П.П. Лобанов может подтвердить, что об этом у меня был с ним разговор еще вчера, 6 августа.

Я очень внимательно следил за этой сессией и много пережил за эти дни. Мне, как молодому советскому ученому, следует из всего того, что происходило здесь, на этой сессии, из всего того, что мною, как ученым, продумано, сделать основной вывод. Речь идет, товарищи, я обращаюсь здесь к своим единомышленникам...

Н.Г. Беленький – Бывшим или настоящим?

С.И. Алиханян – И к бывшим и к настоящим. Речь идет о борьбе двух миров, борьбе двух мировоззрений, и нам нечего цепляться за старые положения, которые преподносились нам нашими учителями.

Мы сильно поддались полемическим страстям, которые разжигались в этой дискуссии нашими учителями. Из-за этой полемики мы не смогли увидеть новое, растущее направление в генетической науке. Это новое – учение Мичурина. И, как я уже говорил, нам важно понять, что мы должны быть по эту сторону научных баррикад, с нашей партией, с нашей советской наукой.

Было бы наивно думать, что от нас требуется отказ от всего того положительного и полезного, что накоплено всем ходом развития науки. От нас требуется отказ от всего реакционного, неверного, бесполезного. И мы это должны сделать искренно и честно, как подобает настоящим ученым.

Я призываю своих товарищей сделать очень серьезные выводы из этих моих слов. Я, как коммунист, не могу и не должен противопоставлять упрямо, в пылу полемики, свои личные взгляды и понятия всему поступательному ходу развития биологической науки.

Уходя с этой сессии, первое, что я должен сделать, – это пересмотреть не только свое отношение к новой, мичуринской науке, но и всю свою предыдущую научную деятельность. Я призываю то же самое сделать своих товарищей.

Я не мыслю своего существования без активной и полезной деятельности на благо советского общества, советской науки. Я верил нашей партии, нашей идеологии, когда шел в бой со своими солдатами. И сегодня я искренно верю, что, как ученый, я поступаю честно и правдиво и иду с партией, со своей страной, и если, вы, товарищи, того же не сделаете, то окажетесь в хвосте, отстанете от прогрессивного развития науки. Наука не терпит нерешительности и беспринципности.

С завтрашнего дня я не только сам стану всю свою научную деятельность освобождать от старых реакционных вейсманистско-морганистских взглядов, но и всех своих учеников и товарищей стану переделывать, переламявать.

Нельзя скрывать, что это будет чрезвычайно трудным и мучительным процессом. Может быть, многие этого не поймут; ну что ж, ничего не поделаешь, тогда они не с нами. Они, значит, не сумеют правильно оценить ту помощь, которую оказала нам партия в коренном переломе, который произошел в науке, и не сумеют понять, что дело не в разногласиях по отдельным, не принципиальным вопросам.

Я буду добиваться, чтобы мои товарищи весь свой опыт и знания не расходовали вхолостую и не оставляли их в лабораториях, а выносили бы широко в народное хозяйство. Это сделать нетрудно, если освободиться от груза ненужных, метафизических концепций и пойти честно и до конца в тесном содружестве со всеми учеными нашей страны.

И только в нашей стране, стране самого передового, прогрессивного мировоззрения, могут развиваться ростки нового научного направления, и наше место с этим новым, передовым. И я, со своей стороны, категорически заявляю своим товарищам, что впредь буду бороться с теми своими вчерашними единомышленниками, которые этого не поймут и не пойдут за мичуринским направлением. Я буду не только критиковать то порочное, вейсманистско-морганистское, что было в моих работах, но и принимать активное участие в этом поступательном ходе вперед мичуринской науки.

Я уверен, что коллектив биологов Московского государственного университета правильно поймет меня, и мы превратим передовой университет нашей страны – Московский государственный университет – в центр пропаганды мичуринского учения, в центр разработки мичуринской биологии». (Аплодисменты).

Заявление И.М. Полякова:

«Товарищи! Вчера вечером в разговоре с друзьями, присутствующими сегодня на сессии, я сказал, что эта сессия в моей жизни была очень большим и взволновавшим меня событием, заставившим многое переоценить.

Нужно четко и ясно сформулировать свою позицию. Нужно прямо сказать, что мичуринское направление – это генеральный путь развития нашей биологической науки, и надо идти по этому пути. Это единственно возможный путь для партийных и непартийных большевиков, которые хотят работать в области нашей биологической науки, принося пользу нашему советскому народу, нашей Родине. “...”

Перестраиваться в “экстренном порядке” – это дело несерьезное для ученого, который серьезно занимается своей наукой, любит свою науку. По многим вопросам мне надо еще много и серьезно подумать. По ряду вопросов нашей науки мы можем и должны плодотворно, творчески спорить. Если мы, например, спорим о борьбе за существование и отборе, то в этом ничего нехорошего нет, так как товарищеские споры в среде советских ученых по тем или иным конкретным вопросам науки могут быть только полезными. Но нужно понять главное и основное – что наша партия помогла нам произвести глубокий, коренной перелом в области нашей науки, показала нам, что мичуринское учение определяет основную линию развития советской биологической науки, и отсюда необходимо сделать вывод и работать, развивая мичуринское направление. И надо это своей работой доказать, а не просто декларировать. Это должно быть программой моей работы, как ученого-коммуниста. И если на этот путь не стать, то хочешь или не хочешь, но будешь притягивать к себе людей, склонных к беспринципной групповщине, людей, которые за частными научными спорами не видят основного большого, что делается в нашей стране. Я призываю всех наших советских биологов решительно прийти к тем же выводам, к которым пришел я. Многим это будет сделать не просто и не легко, нужно все очень глубоко продумать, но, повторяю, надо решительно до конца разорвать с неверными взглядами, решительно критиковать метафизические, идеалистические, вейсманистские взгляды зарубежных реакционеров от науки и отголоски этих взглядов в трудах некоторых советских ученых. Мы должны помочь нашей партии разоблачать ту реакционную лженаучную гниль, которая распространяется за рубежом нашими врагами. Мы должны понять, что эта гниль повлияла на некоторых советских ученых и ее нужно выкорчевать до конца. Мичуринское направление в науке, возглавляемое Т.Д. Лысенко, – это широкое, глубоко научное народное движение, движение, которое способствует быстрее идти по великому пути победоносного строительства коммунистического общества. В этом направлении должны работать деятели советской биологической и сельскохозяйственной науки. В этом направлении буду работать и я, прилагая все силы для разработки великого мичуринского учения”.

В постановлении сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина по докладу академика Т.Д. Лысенко “О положении в биологической науке” было записано:

“Заслушав и обсудив доклад Президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина академика Т.Д. Лысенко “О положении в биологической науке”, сессия Академии полностью одобряет док-

лад, в котором дан правильный анализ современного положения в биологической науке.

В биологической науке определились два диаметрально противоположных направления: одно направление прогрессивное, материалистическое, мичуринское, названное по имени его основателя, выдающегося советского естествоиспытателя, великого преобразователя природы И.В. Мичурина; другое направление – реакционно-идеалистическое, вейсманистское (менделевско-моргановское), основателями которого являются реакционные биологи – Вейсман, Мендель, Морган.

Мичуринское направление исходит из того, что новые свойства растений и животных, приобретенные ими под влиянием условий жизни, могут передаваться по наследству. Мичуринское учение вооружает практиков научно обоснованными методами планомерного изменения природы растений и животных, улучшения существующих и выведения новых сортов сельскохозяйственных культур и пород животных.

Мичуринское направление в биологии является творческим развитием дарвиновского учения, новым высшим этапом материалистической биологии. Советская агробιοлогическая наука, опирающаяся в своих исследованиях на выдающееся учение И.В. Мичурина о развитии растений, В.Р. Вильямса о почвообразовании и приемах обеспечения условий высокого плодородия почвы и получившая дальнейшее продолжение в исследованиях Т.Д. Лысенко и всего коллектива передовых советских биологов, стала мощным орудием активного планомерного преобразования живой природы. Мичуринское направление в биологии оказывает повседневную помощь практике социалистического сельского хозяйства. Оно развивает новую прогрессивную агробιοлогическую науку, все больше и больше расширяющую свою помощь колхозам и совхозам, борющимся за высокую продуктивность социалистического сельскохозяйственного производства. Единство теории и практики, как необходимейшее условие успешного познания закономерностей развития живой природы, в мичуринской агробιοлогической науке находит полное и ясное воплощение. Благодаря этому единству современная агробιοлогическая наука сделала уже значительные успехи в научном познании и управлении живой природой. Нет сомнений в том, что дальнейшее развитие учения И.В. Мичурина будет прогрессивно умножать успехи в подчинении природы воле человека. Подавляющее большинство научных работников сельскохозяйственных наук идет по мичуринскому пути. Этим работникам должна быть оказана всемерная помощь и поддержка.

Менделевско-моргановское направление в биологии продолжает идеалистическое и метафизическое учение Вейсмана о независимости природы организма от внешней среды, о так называемом бессмертном “веществе наследственности”. Менделевско-моргановское направление оторвано от жизни и в своих исследованиях практически бесплодно.

Сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина считает, что мичуринское направление, возглавляемое академиком Т.Д. Лысенко, проделало большую, плодотворную работу в разоблачении и разгроме теоретических позиций менделизма-морганизма. Эта работа имеет большое положительное значение для развития передовой биологической науки и практики сельского хозяйства.

Сессия отмечает, что до сих пор научно-исследовательская работа в ряде биологических институтов и преподавание генетики, селекции, семеноводства, общей биологии и дарвинизма в вузах основываются на программах и планах, пропитанных идеями менделизма-морганизма, чем наносится существенный ущерб делу идеологического воспитания наших кадров. В связи с этим общее собрание считает необходимыми коренную перестройку научно-исследовательской работы в области биологии и пересмотр программ учебных заведений по разделам биологических наук.

Эта перестройка должна способствовать вооружению научных работников и учащихся мичуринским учением. Это – необходимое условие успеха работы специалистов в производстве и в исследовании актуальных проблем биологической науки. Одновременно с пересмотром программ должна быть организована работа по созданию новых высококачественных учебников, по выпуску книг, брошюр, посвященных популяризации мичуринского учения.

Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина должна стать подлинно научным центром всесторонней и углубленной разработки мичуринского учения.

Сессия Академии считает необходимым подчинить исследования, ведущиеся в институтах Академии, задачам помощи колхозам, машинно-тракторным станциям и совхозам, ведущим борьбу за дальнейшее повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства.

Сессия Академии призывает коллектив научных работников сельскохозяйственной науки, всех агрономов, зоотехников, передовых людей колхозной деревни теснее объединиться вокруг Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина и под руководством партии Ленина – Сталина, Великого вождя трудящихся, учителя и друга советских ученых Иосифа Виссарионовича Сталина, единым фронтом развивать мичуринское учение, передовую агробиологическую науку, способную успешно решать задачи, поставленные нашей партией и правительством перед работниками сельского хозяйства».

Стенографический отчет сессии был срочно переведен и издан на английском, французском, немецком и испанском языках. Так началось наступление мичуринской биологии на мировую “буржуазную” биологию и генетику. Лысенко казалось, что следующим этапом будет распространение мичуринского учения на весь мир.

Быстрее всех на итоги августовской сессии ВАСХНИЛ откликнулись философы. Уже 13 августа 1948 г. в Институте философии АН СССР состоялось совещание работников философии, посвященное изучению итогов августовской сессии ВАСХНИЛ. На заседание были приглашены представители мичуринской биологии.

Газета “Правда” от 15 августа 1948 г. в сообщении об этом совещании под заголовком “За дальнейшую теоретическую разработку и пропаганду мичуринского направления в биологии” писала: “Выступившие академики Г.Ф. Александров, М.Б. Митин, И.И. Презент, заместитель директора Института философии т. Д.И. Чесноков, доктор биологических наук И.Е. Глу-

щенко, редактор журнала “Вопросы философии” Б.М. Кедров, сотрудники Института философии проф. Ф.В. Константинов, тт. П.Е. Вышинский, Н.И. Новинский, С.М. Симкин, преподаватель т. Карпов и другие подчеркнули огромное идейное, теоретическое и практическое значение одобренного ЦК ВКП(б) доклада акад. Т.Д. Лысенко о положении в биологической науке и развернувшегося на сессии обсуждения этого доклада.

Участники совещания отмечали недостатки работы Института философии и редакции журнала “Вопросы философии” в области теоретического обобщения успехов советского естествознания.

Совещание наметило меры по теоретическому обобщению достижений мичуринского направления в биологии. Решено создать монографии о мировоззрении выдающихся ученых нашей страны – Тимирязева, Павлова, Вильямса, Мичурина, Лысенко; разработать проблемы марксистско-ленинской диалектики, связанные с достижениями советского естествознания; еще шире развернуть острую большевистскую критику и разоблачения современных буржуазных идеалистических направлений в области естествознания; укрепить сектор философии естествознания Института философии биологами-мичуринцами; организовать подготовку кадров по философии естествознания через аспирантуру и докторантуру института; провести цикл научно-популярных лекций по философским вопросам современной биологии и другие мероприятия”.

Учение Лысенко было объявлено естественно-научной базой диалектического материализма. Академик АН ЭССР И.Г. Эйхфельд писал: “Теоретическое значение мичуринского учения распространяется за пределы земледелия и животноводства. Оно обобщает достижения всей биологической науки нашего времени и, таким образом, становится естественно-научной основой диалектического материализма в эпоху Ленина – Сталина”².

Через 17 дней после сессии ВАСХНИЛ, 24–26 августа 1948 г., прошло расширенное заседание президиума Академии наук СССР по вопросу “О состоянии и задачах биологической науки в учреждениях Академии наук СССР”.

В журнале “Вестник Академии наук СССР” № 9 за 1948 год был напечатан стенографический отчет о заседании Президиума. Передовая статья журнала начиналась такими словами: “Последние события в жизни советской науки – доклад академика Т.Д. Лысенко “О положении в биологической науке”, одобренный ЦК ВКП(б), и обсуждение этого доклада на специальной сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина – войдут важнейшей вехой в историю нашей науки.

Многолетняя, непомерно затянувшаяся дискуссия между представителями передовой, базирующейся на философии диалектического материализма и практике социалистического строительства советской мичуринской науки, с одной стороны, и оруженосцами реакционной, идеалистической, оторванной от жизни, вейсманистской (моргановско-менделевской) лженауки – с другой, закончилась сокрушительным разгромом формально-генетичес-

² Эйхфельд И.Г. Итоги августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина и задачи работников сельского хозяйства Ленинградской области // Мичуринское учение в практику сельскохозяйственного производства. 1948. С. 28.

ких позиций и полным торжеством истинно научного, прогрессивного направления”.

Далее в передовой статье говорилось: «В докладе академика Т.Д. Лысенко, в многочисленных выступлениях ученых и практиков социалистического сельского хозяйства была убедительно доказана рабская идейная зависимость представителей так называемой формально-генетической школы в биологии от реакционных теорий и положений зарубежного вейсманизма (менделизма-морганизма). Анализ работ академика И.И. Шмальгаузена, члена-корр. АН СССР Н.П. Дубинина, А.Р. Жебрака и других показал, что проповедники формальной генетики плетутся в хвосте буржуазной псевдонауки, повторяя зады ее реакционных концепций, отравляя умы рвущейся к действительному знанию вузовской молодежи, дезориентируя практических работников сельской хозяйства и тем самым нанося огромный ущерб и советской науке и народному хозяйству нашей Родины.

Эта формалистическая, насквозь идеалистическая концепция, настойчиво развиваемая членом-корр. АН СССР Н.П. Дубининым, находит детальное “обоснование” и в получившей печальную известность книге И.И. Шмальгаузена “Факторы эволюции...”

Академики, члены-корреспонденты, научные работники Академии наук СССР, а также выступившие на заседании министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов, министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов, министр совхозов СССР Н.А. Скворцов выявили порочную атмосферу беспринципности, царившую в Отделении биологических наук и способствовавшую “деятельности” таких носителей реакционных моргановско-менделевских теорий, как Шмальгаузен, Дубинин, Навашин и другие.

Институт эволюционной морфологии имени А.Н. Северцова, руководимый И.И. Шмальгаузенем, и лаборатория цитогенетики Института цитологии, гистологии и эмбриологии под руководством Н.П. Дубинина стали в этой атмосфере подлинными штабами формально-генетического направления.

Отсюда велось организованное наступление на передовое, мичуринское направление в биологии, здесь пытались дискредитировать его представителей и в первую очередь возглавившего мичуринское направление академика Т.Д. Лысенко, здесь осуществлялись работы, стремившиеся доказать недоказуемое, ревизовать материалистические основы учения Дарвина, воззрения классиков русского естествознания И.М. Сеченова, И.И. Мечникова, К.А. Тимирязева, А.Н. Северцова, И.В. Мичурина.

Лаборатория Н.П. Дубинина сделалась центром притяжения воинствующих реакционеров в биологии, которые стремились превратить ее в самостоятельный Институт генетики и цитологии в противовес существующему Институту генетики, руководимому Т.Д. Лысенко...

В журналах “Успехи современной биологии”, “Журнал общей биологии”, “Известия Академии наук, серия биологическая” значительная часть публикуемых работ принадлежала сторонникам реакционного вейсманизма при полном отсутствии работ мичуринского направления. В журналах этих широко печатались работы Н.П. Дубинина, Н.И. Шапира, И.А. Рапопорта. В обзорной статье М.М. Камшилова “Исследования советских биологов в области эволюционной теории за 30 лет” вся советская генетика была по су-

шеству сведена к работам менделистов-морганистов – Н.П. Дубинина, А.С. Серебровского, С.С. Четверикова, Н.И. Шапиро и других. В статье этой содержалось прямое утверждение, что “современное учение об эволюционной значимости изменчивости в основном сводится к... изучению факторов и закономерностей изменчивости хромосом и их компонентов – генов”...

Безнаказанность общего наступления сторонников вейсманистской формальной генетики в Академии приводила зачастую к вызывающим выходкам с их стороны. Так, при обсуждении доклада академика Т.Д. Лысенко на сессии Отделения биологических наук в конце 1947 года докладчику и его сотрудникам была устроена форменная обструкция со стороны некоторых представителей этой “науки”...

Только игнорированием принципа партийности науки можно объяснить тот факт, что на протяжении многих лет Президиум Академии, Бюро Отделения биологических наук, руководители крупнейших учреждений Отделения поддерживали, стимулировали развитие реакционной воинствующей группы представителей вейсманистско-морганистско-менделевского формально-генетического направления, предоставляя им лаборатории, журналы, целые институты в ущерб сторонникам передового мичуринского направления, в ущерб интересам советской науки, советского социалистического строительства...»

Будущий академик-секретарь Отделения биологических наук Академии наук СССР **А.И. Опарин**, подобно другим лысенковцам поднятый волной успеха Лысенко на руководящий пост, в своем выступлении после доклада академика-секретаря Л.А. Орбели, несогласного с Лысенко, сказал: «(...) Идейно я всецело разделял и разделяю мичуринскую точку зрения, так блестяще сформулированную в докладе академика Лысенко. Являясь учеником и горячим последователем академика Баха, я в своей работе по руководству Институтом биохимии и на кафедре Московского университета всегда проводил ту мысль, что своеобразие живого мира в химическом отношении заключается не столько в особенности его состава, сколько в тех бесконечно разнообразных химических превращениях, которые, непрерывно совершаясь в живых организмах, в своей совокупности и составляют обмен веществ. Поэтому идеи вейсманизма о “веществе наследственности”, о постоянстве и неизменности гена и так далее были всегда мне чужды и враждебны. Многократно – и в своей книге и в ряде статей – я выступал с резкой критикой этих идей в работах Кольцова, Моргана, Меллера, Александра, Бриджеса и других.

Мне нередко приходилось вступать в идейный спор с представителями формальной генетики (с Рыжковым, Дубининым, Малиновским и другими) по таким вопросам, как, например, механизм действия фильтрующихся вирусов, природа наследственности, вегетативные гибриды и так далее. Эти столкновения имели место и на заседаниях Бюро Отделения, и при моих отчетных докладах, и, например, недавно, этой весной, на той дискуссии в Физическом институте Академии наук, где мне пришлось доказывать, что книга Шредингера является враждебной нашей идеологии, вредной книгой...

Перед Президиумом Академии наук СССР и, в особенности перед руководством Отделения биологических наук стоит сложная, но неотложная задача по ликвидации тех ошибок, которые были допущены Академией на биологическом участке ее работы. Конечно, в первую очередь должны быть пересмотрены планы и осуществлены организационные изменения в институтах Отделения. Но этим дело не может ограничиться. Нужно исключить из плана всю ту тематику, которая строилась под углом зрения Вейсмана и Моргана, ее место должны занять темы мичуринского направления – темы, ставящие своей задачей развитие этого учения, – и особенно там, где до сих пор царили идеалистические, реакционные тенденции...

Потребуется длительная и упорная работа всех биологов нашей Академии, чтобы полностью искоренить вредные идеалистические и реакционные учения и единым фронтом направить все усилия на дальнейшую разработку мичуринского направления и на использование этого учения в практике нашего социалистического строительства».

Зам. академика-секретаря **В.Н. Сукачев** часть вины принял на себя, он сказал: "...Передовая мичуринская биологическая наука не получила в институтах Отделения необходимого места и развития, в то время как реакционная формальная генетика, по крайней мере в некоторых институтах, беспрепятственно культивировалась. В этом большая вина всего Бюро Отделения биологических наук и каждого из его членов, в том числе и моя как члена Бюро, ведающего вопросами кадров.

Я должен признать свою вину и в том, что, в частности, при переаттестации сотрудников Отделения не обращал должного внимания на то, в какой мере научные работы сотрудников соответствуют передовой мичуринской науке, не противоречат ли ей, не носят ли реакционного характера.

При утверждении планов работ по Отделению, я, как и все Бюро Отделения в целом, придерживался неправильной тенденции допускать работы по обоим направлениям – как по линии мичуринско-лысенковского направления, так и по линии менделизма-морганизма. В этом отношении на мне лежит определенная вина, о которой я и счел необходимым здесь заявить...

Я не сомневаюсь, что коллектив нашего Отделения своей дружной работой при помощи товарищей-философов исправит свои ошибки и вооруженный идеями Мичурина и Лысенко примет еще более действенное участие в разрешении задач, поставленных партией Ленина – Сталина перед советскими учеными”.

Министр высшего образования СССР **С.В. Кафтанов** подверг жестокой критике доклад Л.А. Орбели. Он сказал: «Академик Л.А. Орбели должен был бы дать развернутую программу мероприятий, которые Академии следует провести, чтобы искоренить из практики многих ее биологических учреждений морганизм-менделизм и расчистить дорогу революционному, прогрессивному мичуринскому учению в биологии.

Докладчик должен был бы рассказать Президиуму и всем присутствующим, в каких институтах, лабораториях, музеях и других учреждениях Академии дело обстоит особенно неблагоприятно. Он должен был бы рассказать о тех людях, которые препятствовали многие годы развитию мичурин-

ской биологии в Академии наук, назвать имена этих людей, рассказать о том, что он думает дальше делать – терпеть этих антимичуринцев, вроде Шмальгаузена, Дубинина и других, или решить вопрос по-другому – укрепить все участки Отделения биологических наук научными работниками – биологами-мичуринцами. Как думает дальше работать Отделение, которое несет непосредственную ответственность за состояние этого важнейшего в науке участка работы, как думает перестроить свою работу сам академик Орбели и каково его отношение к носителям передовой мичуринской биологии, ибо, нам известно, что они в большом почете у него не были а, наоборот, большим покровительством его пользовались антимичуринцы – морганисты-менделисты? Наконец, он должен был рассказать, что имеет в виду предпринять Отделение, чтобы шире развернуть разработку мичуринской биологии, и что думает Отделение сделать для того, чтобы теснее связать свою деятельность с задачами социалистического строительства, с колхозами и различными научными учреждениями, чтобы дать широкую дорогу творческому, прогрессивному методу мичуринской биологии, внедрению его в практику сельского хозяйства и в практику работы научных учреждений страны.

Однако эти важнейшие вопросы, которые волнуют весь наш советский народ, всю нашу научную общественность и научную общественность Академии наук, в докладе академика Орбели совершенно не были затронуты...

Та борьба, которую вели мичуринцы во главе с академиком Лысенко в научных учреждениях Академии наук и во всей нашей стране, имела огромное научное, идейное и политическое значение, ибо они отстаивают марксистско-ленинское мировоззрение, материализм в биологии.

А как оценивает эту борьбу мичуринцев с антимичуринцами в Академии наук академик Орбели в своем докладе? Он по-обывательски оценил этот спор. В своем докладе он говорил, что сперва спор был научным, не касался идеологических вопросов, потом этот спор перешел в план личных отношений отдельных ученых, и борьба велась с карьеристской целью.

О каком карьеризме может идти речь, о какой борьбе личного характера может идти речь у академика Лысенко, допустим с академиком Шмальгаузенем, о каком карьеризме может идти речь со стороны академика Лысенко? Разве не понятно, что академик Лысенко, если он вел борьбу против Шмальгаузена, Дубинина и других, исходил в этой борьбе не из личных интересов, а из интересов науки. Он разоблачал их как менделистов-морганистов и тем самым отстаивал великое мичуринское учение в биологии...

Мне хотелось затронуть еще один вопрос – о профессоре Дубинине. Я должен сказать, что Дубинин выявил себя в полной мере как менделист-морганист, он по существу солидаризировался с ошибками Жебрака, ибо пытался его оправдать. Это не случайно. Он не только перед лицом советской научной общественности совершенно открыто солидаризировался с позициями Жебрака, но и выступил на страницах реакционного американского журнала “Наука”, в котором сознательно умалчивал об основоположниках передовой советской биологии. Наряду с этим он превозносил таких биологов, как отъявленные враги Советского Союза белогвардейцы Добржанский и Тимофеев-Ресовский. Дубинин, будучи активным привержен-

цем реакционного вейсманистского направления в биологии, широко пропагандировал свои взгляды и в нашей печати и за границей. Одна из статей Дубинина, в которой он писал о Добржанском и Тимофееве-Ресовском, была помещена американским журналом “Наука” на первом месте, ибо уж слишком по душе пришелся автор статьи американским реакционерам от науки.

Многочисленные факты говорят о том, что академик Орбели не только не сопротивляется деятельности морганиста Дубинина, а покровительствует ей...

Журналы и ряд важнейших научных учреждений, прежде всего Институт морфологии, ряд лабораторий, в том числе лаборатория Дубинина, целиком стояли на позициях вейсманизма-менделизма. Надо положить этому конец. Надо, чтобы все важнейшие участки биологической науки, и, прежде всего, научные учреждения Академии наук, возглавлялись настоящими учеными-мичуринцами, способными развивать мичуринскую науку.

Мичуринская биология должна занять господствующее положение в Академии наук. Она должна опираться на мощную поддержку Президиума Академии, и, прежде всего, руководителей ее биологического Отделения. Все то реакционное, враждебное, что имеется в деятельности Академии наук, надо пресечь. Должны быть сметены все препятствия, стоящие на пути развития мичуринской биологии в институтах и учреждениях Академии наук СССР...

Мичуринское учение является передовым, прогрессивным учением в биологии, материалистическим учением, вооружающим наш народ в борьбе за овладение силами природы, вооружающим его методами переделки растительного мира и мира животных в нужном для нас направлении. Мичуринская наука – оружие огромной силы в создании изобилия продуктов сельского хозяйства, продуктов питания, сырья для промышленности. Мичуринская биология – фундамент нашего мировоззрения в важнейшей области науки о жизни».

И.Е. Глущенко, доктор биологических наук, после критики Л.А. Орбели, Н.К. Кольцова, Ю.А. Филипченко, А.С. Серебровского, сказал:

«На очереди – такой духовный сын Кольцова, как нынешний член-корреспондент Академии наук СССР Дубинин – фигура, широко всем известная. В чем смысл работ Дубинина? Чем он обогатил нашу советскую науку? Этот человек, которого давно провозгласили “вундеркиндом” (и, кажется, первый это сделал Кольцов), на протяжении многих лет является импортером самого отсталого, самого реакционного, что есть в зарубежной морганистике.

Расшаркивающийся перед зарубежной реакционной генетикой Дубинин вдалбливает в головы молодежи, в головы своей “школки” идеалистическую систему воззрений, заполняет страницы наших журналов хотя бы такого рода писаниной: “Идея о самостоятельности наследственных задатков легла в основу бессмертной работы Г. Менделя. Эта же идея лежит в основе мутационной теории де-Фриза... Бессмертный анализ взаиморасположения генов внутри хромосомы, проделанный Т.Г. Морганом и его сотрудниками, с одной стороны, был основан на идее о корпускулярности наследст-

венного вещества, а с другой – привел новые блестящие доказательства в пользу этой идеи”³.

В своих псевдонаучных работах о гене, как о центральной проблеме морганистской генетики, Дубинин приходит к чудовищному положению, а именно: “ген является базисом жизни, ибо он лежит в основе и наследственной преемственности организмов и их эволюции”⁴. Дубинин выступает против попыток биологов “направлять эволюцию организмов при помощи унаследования приобретенных признаков”, ибо они, по Дубинину, “просто наивны”⁵. По Дубинину, “мутационный процесс не направлен в отношении закономерностей развития особи и создает огромное число вредных, разрушающих развитие особи наследственных изменений”⁶.

Дубинин борется против мичуринской науки, используя все – нашу академическую печать, зарубежную печать, инсинуации, клевету, организуя и командуя парадом отечественных морганистов. Ведь дошло же дело до того, что в ответ на выступление центрального органа нашей партии “Правды”, разоблачившей вред статей Жебрака и Дубинина, напечатанных в американском реакционном журнале “Science”, общее собрание сотрудников Института цитологии, гистологии и эмбриологии Академии 24 ноября 1947 г. постановило считать, что статья Дубинина “сыграла положительную роль за рубежом”.

В этом постановлении, в оправдание факта игнорирования Дубининым генетических работ академика Лысенко, говорится, что нельзя требовать от Дубинина положительной оценки научных взглядов академика Лысенко, ибо Дубинин их не разделяет, “простое же упоминание о существовании направления академика Лысенко в Советском Союзе в статье Дубинина не вызывалось никакой необходимостью...”

Х.С. Коштыяц, физиолог, член-корреспондент АН СССР, подтверждая свою приверженность Лысенко, заявил, это еще в 1926 г. он “...выступал защитником теории наследования благоприобретенных признаков и с критикой вейсманизма-морганизма...”

Министр сельского хозяйства СССР **И.А. Бенедиктов** сказал:

“...Доклад Президента Академии сельскохозяйственных наук товарища Лысенко был рассмотрен и одобрен Центральным Комитетом нашей партии. Работа сессии привлекла внимание всего советского народа, которому близки и дороги интересы передовой науки. Вот почему каждый научный работник, в первую очередь биолог, должен критически проанализировать участок своей работы и сделать конкретные, действенные выводы из решений сессии...”

Неправильно поступил товарищ Орбели и сегодня, проявив непопозволенный либерализм и не раскритиковав конкретных носителей реакционных идей – Шмальгаузена, Дубинина и других...

³ Дубинин Н.П. Дискретность и непрерывность в строении наследственного вещества // Труды по динамике развития. 1935. Т. 10. С. 345.

⁴ Дубинин Н.П. Там же.

⁵ Дубинин Н.П. Теоретическая генетика за 20 лет // Фронт науки и техники. 1937. № 8–9. С. 76.

⁶ Там же. С. 75.

Отделение биологических наук Академии не стало подлинным центром творческого развития мичуринских идей в агрономии. Многие его работы не только не способствовали развитию мичуринского учения в нашей стране, но явились тормозом в его развитии. Многие ученые Академии наук – академик Шмальгаузен, член-корреспондент Дубинин и другие – в своих работах рекламировали идеалистическую концепцию Вейсмана – Менделя – Моргана, игнорируя учения наших выдающихся русских ученых – Тимирязева, Мичурина, Докучаева, Вильямса, Лысенко...

...В Институте цитологии, гистологии и эмбриологии действует основной центр менделизма-морганизма – лаборатория профессора Дубинина”.

Х.Ф. Кушнер, доктор биологических наук Института генетики АН СССР, бывший сотрудник Н.И. Вавилова, сказал:

«...В докладе академика Лысенко и в прениях по его докладу приводилось много примеров из “трудов” зарубежных и отечественных морганистов – Моргана, Кэстля, Завадовского, Шмальгаузена, Дубинина, Жебрака и других, которые воочию убеждают, что основные положения вейсманизма-морганизма имеют еще широкое распространение среди биологов и по настоящее время...

В ходе обсуждения доклада академика Лысенко на сессии ВАСХНИЛ немало внимания было уделено разбору и разоблачению автогенетических, морганистских взглядов члена-корреспондента Дубинина. Нет надобности повторять известные материалы, опубликованные по этому поводу на страницах “Правды”. Я хотел бы в связи с этим поднять перед Президиумом Академии наук СССР вот какой вопрос. Об антинародном, антипатриотическом поведении Дубинина наша научная общественность узнает не впервые. Всем известно, как в прошлом году нашу биологическую общественность всколыхнуло сообщение о том, что Дубинин опять выступил в зарубежной печати с обзорной статьей о достижениях советской генетики за 30 лет, в которой ни словом не обмолвился о замечательных работах Мичурина, Лысенко и всей плеяды советских мичуринцев в области растениеводства и животноводства...»

Президент Академии наук СССР С.И. Вавилов, который проводил расширенное заседание Президиума, зачитал письмо академика Н.В. Цицина, в котором Цицин писал: “Я считаю своим долгом сообщить о том, что я целиком и полностью разделяю изложенные академиком Т.Д. Лысенко критику и разоблачение реакционного вейсманистского (менделевско-моргановского) направления в биологической науке и выражаю свое полное согласие с решениями сессии ВАСХНИЛ”.

Г.К. Хрущов, член-корреспондент АН СССР, директор Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, заявил:

«...Доклад академика Лысенко, одобренный ЦК ВКП(б), выражающий линию большевистской партии, с полной очевидностью показал, что в биологической науке происходит острая борьба двух направлений – передового, творческого, советского, мичуринского дарвинизма и реакционного, лженаучного вейсманизма, получившего свое крайнее развитие в современной менделевско-моргановской генетике...

...Наш институт, бывший Институт экспериментальной биологии, был реорганизован после того, как были вскрыты грубейшие ошибки в его работах и общем направлении его деятельности. Он был и, к сожалению, еще остался, как известно, крупнейшим центром формальной генетики, задававшим тон всему этому направлению в Союзе. Отличительной чертой деятельности Института экспериментальной биологии было слепое следование зарубежной науке; тематика в нем строилась не на основе вопросов социалистического строительства, а на основе “модных” течений, всяческих “новинок”, “последних слов” зарубежной науки. Это создало полную изоляцию Института от советской действительности, вырастило в коллективе Института элементы зазнайства и нетерпимости к критике, при полном отсутствии самокритики.

Известно также – и давно было известно, – что с самого начала дискуссии по вопросам генетики руководство Института и большая часть коллектива заняли прямо враждебную позицию по отношению к мичуринскому направлению и его последователям. Институт становился все более и более центром, своего рода штабом, в борьбе с прогрессивными направлениями в советской биологии, в отстаивании, распространении и популяризации вейсманистского, менделеевско-моргановского направления. Такова была основа грубейших ошибок в деятельности Института, вскрытых в свое время – в 1939 году – советской научной общественностью.

Отделение биологических наук, а затем и Президиум Академии вынесли решение о реорганизации Института, которая и была проведена в 1940 году. Институт получил новое наименование – Института цитологии, гистологии и эмбриологии... Однако в Институте сохранилась и в скором времени подняла голову довольно большая группа формальных генетиков во главе с Дубининым...

Партия и правительство, лично товарищ Сталин уделяют огромное внимание нашей науке. Мы должны особо пристально присмотреться к тем ошибкам, которые сегодня были вскрыты, и перейти, засучив рукава, к их исправлению. Только коренная перестройка всей нашей работы может обеспечить выполнение тех задач, которые перед нами поставила наша большевистская партия».

Министр совхозов СССР Н.А. Скворцов говорил:

⟨...⟩ «Каждый из нас предполагал, что руководитель биологического Отделения Академии наук академик Орбели со свойственной советскому ученому большевистской прямоотой и искренностью полностью вскроет истинное положение дел в институтах Отделения, подвергнет глубокому критическому анализу их работу, укажет на действительные причины, приведшие к процветанию насквозь враждебного, реакционного, идеалистического в своей основе учения вейсманизма-морганизма, назовет и разоблачит конкретных носителей этого чуждого нам направления в биологической науке. Все мы ожидали, наконец, что академик Орбели вполне самокритично и мужественно вскроет и свои собственные ошибки как руководителя Отделения биологических наук и выскажет четко и ясно свое личное отношение как ученого к борьбе между материалистическим и идеалистическим направлениями в биологической науке.

К великому огорчению, доклад наших ожиданий не оправдал... самым главным недостатком доклада академика Орбели является недостаточно глубокий подход к оценке существа острой борьбы, развернувшейся между двумя диаметрально противоположными течениями в биологической науке... свести принципиальную борьбу между материалистическим направлением в биологии, возглавляемым академиком Лысенко, и идеалистическим направлением к личной борьбе за какие-то карьеристские интересы, за портфели, кабинеты и так далее... С упорством, достойным удивления, академик Шмальгаузен, член-корреспондент Академии наук Дубинин и многие другие, так называемые сторонники формальной генетики не желают считаться с фактами, добытыми передовыми советскими учеными, творчески развивающими мичуринское направление в биологической науке...

Мичуринское направление в биологической науке, возглавляемое академиком Лысенко, именно тем и дорого советскому народу, каждому колхознику, каждому рабочему совхозов, специалистам и всем работникам сельского хозяйства, что оно дает нам в руки могучее орудие для переделки органических форм, для создания новых высокоурожайных сортов растений и высокопродуктивных пород животных...

Мы уверены в том, что допущенные крупнейшие ошибки в работе биологического Отделения Академии наук СССР будут ликвидированы в кратчайший срок, и, перестроившись на путях творческого мичуринского учения, Отделение биологических наук займет подобающее ему место в авангарде научных учреждений страны, помогающих своими открытиями и исследованиями советским людям строить коммунистическое общество в нашей стране.

Мы уверены в том, что ученые Отделения биологических наук Академии наук СССР вместе со всеми учеными страны разрешат великие задачи, поставленные перед советской наукой нашим вождем и учителем товарищем Сталиным". (Аплодисменты).

Член-корреспондент АН СССР **Н.И. Гращенков** сказал:

«Товарищи! Мы должны быть благодарны ЦК ВКП(б) и лично товарищу Сталину за то, что они вмешались в положение дел на биологическом фронте, определили правильную принципиальную линию в оценке современной советской мичуринской биологии и указали на реакционную роль, которую играют отдельные биологи, занимающие идеалистические позиции Менделя – Вейсмана.

Мы, биологи, впервые имеем документы такого большого принципиального значения, какое представляют доклад академика Лысенко "О положении в биологической науке" и решение сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина по этому докладу.

Основные положения доклада, поддержанные и одобренные ЦК ВКП(б), со всей четкостью определили разграничительную линию между советской мичуринской биологической наукой, возглавляемой академиком Лысенко, и той небольшой группой биологов, которые, каждый по-своему, защищали, а некоторые еще и продолжают защищать, идеалистические позиции по важнейшему разделу биологии – учению о наследственности.

Следует со всей откровенностью признать, что в конце 1947 г. и начале текущего года сторонники менделевско-моргановского направления, представленные такими колоритными фигурами, как академик Шмальгаузен, профессор Дубинин, профессор Жебрак и другие, повели активное наступление против советского, мичуринского направления в биологии, организовав целую серию открытых дискуссий, на которых стремились подвергнуть уничтожающей критике советское, мичуринское направление в биологии, особенно активного руководителя и защитника этого направления академика Лысенко.

Может быть, это и неприятно для чести нашего академического мундира, но придется признать со всей прямотой, что основными руководителями антимичуринского, менделевско-моргановского наступления были деятели биологического Отделения Академии наук СССР в лице академика Шмальгаузена и члена-корреспондента Дубинина. В этом наступлении на мичуринское направление Академии наук Белорусской республики была “представлена” ее действительным членом Жебраком, неожиданно поддержанным на последнем этапе борьбы академиком Немчиновым. Печальным фактом для всех биологов Академии наук СССР, особенно для руководства ее Отделения биологических наук, является то обстоятельство, что ни один из нас не сумел разобраться в истинном характере этого наступления на советскую идеологию, а многие оказали ему или пассивную или даже активную поддержку. Некоторые из руководящих деятелей Академии наук СССР и Отделения биологических наук поддержали стремление менделистов-морганистов к разгрому мичуринского направления. Это – печальный факт, говорящий о наличии и скрытых и даже открытых союзников морганистов в нашей среде, о снижении нашей политической и методологической бдительности, о притуплении у нас чувства ответственности перед советской научной общественностью, перед большевистской партией...

После подробной критики произведений академика Шмальгаузена и работ профессора Дубинина на сессии Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина вряд ли стоит останавливаться на этих работах, тем более, что со всеми основными положениями и доклада и критики, развернутой в прениях сторонниками мичуринского направления, я полностью согласен. Мне хотелось бы здесь подчеркнуть, что пагубное методологическое влияние наших отечественных автогенетиков – менделистов-морганистов – распространилось не только на область сельскохозяйственных наук, в частности на область растениеводства и животноводства, но и на другие разделы науки, в том числе на медицину как составную часть биологии.

Всем известно, какое огромное влияние имеют общебиологические концепции в формировании правильного мировоззрения наших студентов-медиков и врачей. Между тем преподавание биологии во многих медицинских институтах проходило неправильно, ибо пропагандировались идеи менделизма-морганизма и замалчивались идеи советской мичуринской биологии.

Мы должны еще теснее связать биологическую науку с широкой социалистической практикой сельского хозяйства, медицины, пропагандой естественно-научных знаний среди советского народа. Этой работой мы оправдаем высокое доверие, оказываемое работникам науки, научным учреждениям, и в первую очередь Академии наук СССР и академиям наук союзных

республик, со стороны нашего советского правительства, ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина».

Доктор биологических наук **Н.М. Сисакян** в своем выступлении сказал:

«Доклад академика Т.Д. Лысенко на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина “О положении в биологической науке” имеет громадное значение не только для биологии, но и для других отраслей естествознания. Глубокий анализ состояния биологической науки, данный Т.Д. Лысенко, не только разоблачил реакционную сущность вейсманнизма-менделизма-морганизма, но и вскрыл корни идеализма, поповщины в современном естествознании.

Морганизм-менделизм стал центром притяжения реакционных, идеалистически настроенных представителей и других областей естествознания. Не случайно физик Шредингер, биохимик Бидл и формальный генетик Дарлингтон оказались в одном лагере. Все разновидности идеализма в современном естествознании находят “душеспасение” в морганизме-менделизме. В поисках “жизненной единицы” в трактовке гена как базиса жизни, в попытках обосновать менделизм-морганизм со всей его реакционной сущностью мобилизуются самые разнообразные средства из арсенала современной биологии, химии, физики...

Наши менделисты-морганисты стараются по мере сил не отставать от своих зарубежных единомышленников. Едва только появилась в печати статья Бидла, как научный мир был “осчастливлен” новыми откровениями в биохимии, идущими на этот раз от представителей формальной генетики.

Если Бидл занят поисками генной природы у энзимов, то член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин ставит перед собой не менее “актуальную” задачу – отыскать энзимные функции у генов.

В своей статье “Наследование биохимических свойств, определяющих окраску цветка”, опубликованной в журнале “Успехи современной биологии” в 1946 г., Н.П. Дубинин приходит к заключениям, которые не только противоречат фактам, но и лишены всякого здравого смысла.

Н.П. Дубинин утверждает: “Суммируя данные по действию” генов на биохимию окраски цвета, получаем следующие генные эффекты:

- 1) гены, контролирующие метаболизм веществ, общего источника антоцианов и антоксантинов;
- 2) гены, контролирующие синтез антоцианинов, и гены – подавители этого синтеза;
- 3) гены, контролирующие синтез антоксантинов, и гены – подавители этого процесса;
- 4) гены, контролирующие структурные модификации молекулы антоцианинов».

При этом, по утверждению Н.П. Дубинина, в состав последнего гена входят еще четыре различных подгена.

Продолжая список генов, Н.П. Дубинин указывает, что существуют и такие гены, которые контролируют степень кислотности клеточного сока. По Дубинину выходит, что для образования одних только пигментов требуется столько генов, сколько считалось богов на Олимпе...

К счастью, наши биохимики, продолжатели славных традиций плеяды русских биохимиков, твердо стоят на позициях материалистической биохимии.

мии, и это дает уверенность, что они будут активно бороться не только с идеализмом американского происхождения, но и со всякими его отголосками в нашей собственной среде.

Никогда еще в истории нашей науки задачи биохимии не были подняты на такой уровень, как теперь. Материалистическая биология – учение Мичурина – Вильямса – Лысенко – открывает новые, широкие перспективы и для биохимии. Многообразны и весьма важны задачи биохимии в разработке проблем мичуринской биологии – в осуществлении направленной перестройки природы растительных и животных организмов.

Если биохимия в пределах старых концепций в биологии стремилась лишь объяснять химические процессы, протекающие в организмах, то теперь, в эпоху торжества мичуринского учения, биохимия в качестве одного из передовых отрядов биологии будет вместе с теми, у которых девизом служат слова: “Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача”.

Кроме перечисленных выше, на расширенном заседании Президиума АН СССР за мичуринскую биологию высказались следующие ученые: академики Н.А. Максимов (физиология растений), Е.Н. Павловский (зоология), Б.Б. Польшин (почвоведение), Г.Ф. Александров (философия), Н.Г. Бруевич (механика), Л.Д. Шевяков (горное дело), Б.Л. Исаченко (микробиология), С.И. Вавилов (физика), члены-корреспонденты АН СССР А.А. Авакян (генетика) и В.П. Бушинский (почвоведение), академик ВАСХНИЛ философ И.И. Презент, доктора наук Н.И. Нуждин, А.А. Ничипорович, А.Н. Студитский, Р.Л. Дозорцева, И.М. Васильев.

Расширенное заседание Президиума Академии наук приняло постановление, вводная часть которого гласит:

“Сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) поставила перед советской биологической наукой ряд важнейших задач, решение которых должно содействовать великому делу социалистического строительства. Сессия ВАСХНИЛ вскрыла реакционную, антинародную сущностьвейсманистско-морганистско-менделеевского направления в биологической науке, разоблачила его конкретных носителей. Разгром антимиичуринского направления открыл новые возможности для творческого развития всех отраслей передовой биологической науки”.

Само постановление Президиума АН СССР содержало 12 пунктов:

1. Освободить академика Л.А. Орбели от обязанностей академика-секретаря Отделения биологических наук. Временно (до избрания Общим собранием) обязанности академика-секретаря возложить на академика А.И. Опарина. Ввести в состав Бюро Отделения биологических наук академика Т.Д. Лысенко.

2. Освободить академика Шмальгаузена И.И. от обязанностей директора Института эволюционной морфологии имени А.Н. Северцова.

3. Упразднить в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии лабораторию цитогенетики, возглавляемую членом-корреспондентом Дубининым Н.П., как стоящую на антинаучных позициях и доказавшую в течение ряда лет свою бесплодность. Закрыть в том же институте лабораторию ботанической цитологии, как имеющую такое же неправильное и антинаучное

направление. Ликвидировать в Институте эволюционной морфологии имени А.Н. Северцова лабораторию феногенеза.

4. Обязать Бюро Отделения биологических наук пересмотреть планы научно-исследовательских работ на 1948–1950 гг., имея в виду разработку и развитие мичуринского учения и подчинение научно-исследовательской работы учреждений Отделения нуждам народного хозяйства страны.

5. Обязать Редакционно-издательский совет и Отделение биологических наук в течение 1948–1949 годов подготовить издание научной биографии Мичурина в серии “классики науки”.

6. Пересмотреть составы ученых советов биологических институтов, редколлегий биологических журналов, вывести из них сторонников вейсманистско-морганистской генетики и пополнить их представителями передовой, мичуринской биологической науки.

7. Поручить Отделению истории и философии предусмотреть в плане работ Отделения работы по теоретическому обобщению достижений мичуринского направления в биологии и критике лженаучного вейсманистско-морганистского направления.

8. Поручить Бюро Отделения биологических наук пересмотреть структуру, направление работ и состав кадров научных учреждений Отделения. Представить в месячный срок проект реорганизации Института эволюционной морфологии имени А.Н. Северцова и Института цитологии, гистологии и эмбриологии.

9. Редакционно-издательскому совету в месячный срок пересмотреть издательские планы с целью обеспечения издания научных трудов в области мичуринской биологии.

10. Отделению биологических наук провести в октябре 1948 года широкую сессию, посвященную проблемам развития мичуринской биологической науки. Сессию провести с участием ВАСХНИЛ, биологических учреждений республиканских академий, филиалов и баз Академии наук СССР.

11. Поручить Бюро Отделения биологических наук пересмотреть план подготовки аспирантов при институтах Отделения, руководствуясь в деле подготовки научных кадров интересами мичуринской биологической науки.

12. Опубликовать материалы расширенного заседания Президиума АН СССР в очередном номере “Вестника Академии наук СССР”.

После августовской сессии ВАСХНИЛ и расширенного заседания Президиума Академии наук СССР лысенкоизм становится монополией идеологии всей советской биологической науки. На переднем плане следующего этапа стояла медицина. Главным агентом лысенкоизма, представившим “новую” научную платформу для исследований по медицине, стала О.Б. Лепешинская. Еще в 1934 г. она высказала мысль о наличии бесструктурного живого вещества, которое постоянно переходит в живое, образуя клетки с их ядрами. Эти взгляды опровергались. Еще в середине XIX века Л. Пастер доказал, что самозарождения живого в наше время не происходит. Основным в биологии и медицине XX века было признание, что живые клетки возникают только из родительских живых клеток. О.Б. Лепешинская, пред-

ставив невежественные аргументы и грязно выполненные опыты, настаивала на самозарождении клеток. В 1945 г. выходит ее книга “Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества”. Хвалебное предисловие к этой книге написал Т.Д. Лысенко.

Причиной успеха О.Б. Лепешинской было положительное мнение И.В. Сталина. Лепешинская писала: “Весной 1943 г., в самый разгар войны, поглощенный решением важнейших государственных вопросов Иосиф Виссарионович Сталин нашел время познакомиться с моими работами еще в рукописи и поговорить со мной о них. Внимание товарища Сталина к моей научной деятельности и его положительный отзыв о ней вселили в меня неиссякаемую энергию и бесстрашие в борьбе с трудностями и препятствиями, которые ставились учеными-идеалистами на пути моей научной деятельности”. Взгляды Лепешинской пришлись по душе Лысенко еще и потому, что они согласовывались с его идеями о самозарождении клеток другого чуждого вида в теле исходного. На этой основе, по Лысенко, существующие виды скачком превращаются друг в друга, например, подсолнух дает паразита-заразиху, пеночка превращается в кукушку, пшеница – в рожь, овес – в овсюг. Утверждая свои взгляды, Лысенко ссылался на диалектику в изложении Сталина о переходе количественных изменений в качественные. О.Б. Лепешинская писала: “Лысенко подходит к вопросу видообразования как материалист-диалектик в полном согласии с И.В. Сталиным”.

О.Б. Лепешинская на встречах, на работе афишировала свои контакты с И.В. Сталиным. Однако 7 июля 1948 г. в газете “Медицинский работник” появляется статья “Об одной ненаучной концепции”, подписанная академиком Н. Хлопиным, членом-корреспондентом АН СССР Д. Насоновым, докторами наук Ю. Полянским, П. Светловым, П. Макаровым, Н. Гербильским, З. Канцелесоном, А. Кнорре, В. Михайловым и В. Догелем. В заключение этой статьи было написано: “Выдавая совершенно изжитые и поэтому в научном отношении реакционные взгляды за передовые, революционные, Лепешинская вводит в заблуждение широкий круг читателей и дезориентирует учащуюся молодежь... Книга ее объективно могла бы дискредитировать советскую науку, если бы авторитет последней не стоял бы так высоко. Ненаучная книга Лепешинской – досадное пятно в советской биологической литературе”.

После августовской сессии ВАСХНИЛ и расширенного заседания Президиума Академии наук СССР 9–10 сентября прошло заседание Президиума Академии медицинских наук СССР под председательством президента Н.Н. Аничкова на тему: “Проблемы медицины в свете решений сессии ВАСХНИЛ”.

Взгляды Лепешинской, несмотря на их несуразность, на сессии Президиума АМН СССР и на других совещаниях были поддержаны рядом биологов и медиков, которые по своей квалификации не могли не знать, что ее утверждения антинаучны. Такими учеными были: А.И. Опарин, А.Д. Сперанский, М.А. Барон, Н.И. Нуждин, Г.К. Хрущов, Н.М. Сисакян, Н.Н. Аничков, И.В. Давыдовский, М.М. Невядомский, А.А. Имшенецкий, А.Н. Студитский, В.Д. Тимаков, Л.М. Шабад, Н.Н. Жуков-Вережников, Е.Н. Павловский, С.Е. Северин, П.В. Макаров, А.С. Кривиский, Ж.А. Медведев, Л.А. Зильбер, С.Н. Муромцев, Ю.И. Полянский, А.Л. Курсанов, М.С. Навашин.

Эти и многие другие ученые, которые приспособлялись или отмалчивались, вместе с лысенковцами, выступавшими на сессиях ВАСХНИЛ, в Институте философии, в АН СССР и АМН СССР, помогли разгрому научных основ биологии, медицины и селекции. В дальнейшем многие из них “забыли” об этом и стали нормально работать. Но многие затаились и до сих пор стоят на позициях лысенкоизма. Разгром биологической науки в 1948 г. и в последующие годы, проведенный на сессиях трех Академий наук, в Институте философии АН СССР, в общей и политической печати, казалось, навсегда похоронил генетику и научную цитологию.

По докладу академика-секретаря Отделения медико-биологических наук И.П. Разенкова пятая сессия Академии медицинских наук СССР приняла постановление, в котором говорилось следующее: «В докладе академика Т.Д. Лысенко, одобренном ЦК ВКП(б), было показано, что пришедшая к нам с Запада биологическая теория вейсманизма-морганизма является чисто идеалистической теорией, наносящей огромный вред советской науке и практике.

Только низкопоклонством перед зарубежной наукой можно объяснить то, что некоторые наши ученые пропагандировали и “развивали” вейсманистско-морганистские извращения в биологии (Шмальгаузен, Дубинин, Жебрак и др.) и боролись против единственно правильного мичуринского направления в биологии.

Расширенный Президиум Академии медицинских наук СССР констатирует, что вейсманистско-морганистские извращения имели место и в медицинской науке...

Учение Мичурина – Лысенко открывает широкие перспективы для постановки медицинских проблем и их успешной разработки на новых принципах».

Президиум Академии медицинских наук СССР обратился с письмом к Сталину, которое было напечатано в журнале “Вестник АМН СССР”, 1948, № 5: «Вы оказали могучую поддержку передовым советским ученым и новаторам, возглавляемым академиком Т.Д. Лысенко в их длительной борьбе с враждебными идеалистическими направлениями типа Вейсмана – Моргана за передовое мичуринское учение в биологии.

Доклад академика Т.Д. Лысенко “О положении в биологической науке”, одобренный Центральным Комитетом ВКП(б), имеет историческое значение для развития всей биологической науки...

Только идейный разгром буржуазно-идеалистических направлений вейсманизма-морганизма, нашедших своих сторонников в среде некоторых советских ученых, рабски преклоняющихся перед буржуазной наукой, обеспечил успех нашей передовой мичуринской науки...

Однако вейсманизм-морганизм, представляющий буржуазную лженауку, оказывал свое тлетворное влияние и на развитие медицинской науки. Среди наших ученых имеется некоторое число поклонников этого реакционного течения, насаждавших идеалистические учения Менделя–Вейсмана–Моргана в области медицины.

В трудах сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина советская медицинская наука получила новую могучую опору для своего дальнейшего развития.

Перед Академией медицинских наук СССР и всем ее научным коллективом стоит неотложная задача изгнать реакционный вейсманизм-морганизм из медицинской науки.

Обещаем Вам полностью освоить и использовать для дальнейшего развития советской медицины великое мичуринское учение».

Ученые, вначале критиковавшие “открытия” О.Б. Лепешинской – Н.Г. Хлопин, Б.П. Токин, Д.Н. Насонов, П.Г. Светлов, признали затем эту критику неверной. В 1950 г. отдельным решением за подписью И.В. Сталина О.Б. Лепешинская была удостоена Сталинской премии первой степени.

После шумной победы мичуринского учения, 29 сентября 1948 года постановлением Совета Министров СССР Всесоюзному ордену Трудового Красного Знамени селекционно-генетическому институту в Одессе было присвоено имя Т.Д. Лысенко.

Отмечая 10-летний юбилей присуждения институту имени Т.Д. Лысенко, научные сотрудники Одесского селекционно-генетического института им. Т.Д. Лысенко Б.Э. Берченко и А.А. Созинов в 1958 г. писали, что в конце 20-х годов «...формальная генетика была безраздельно господствующим направлением в биологии (хромосомная теория наследственности, в которой воплощались реакционные учения Вейсмана, Бэтсона, Моргана) ... Генетические исследования сторонников хромосомной теории наследственности сосредоточивались на изучении генной комбинаторики признаков, ничего не давших и не могущих дать практике.

Труды менделевско-моргановского учения в приложении к практике были бесплодными...

На основе работ И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко твердо начинает утверждаться мичуринское направление в острой борьбе с реакционным менделизмом-морганизмом...

В 1938 г. на совещании селекционеров, несмотря на сильное противодействие формальных генетиков, была принята новая система семеноводства, направленная на улучшение урожайных качеств элиты, выпускаемой селекционными станциями...

Была выдвинута практическая задача – разработать на этой основе новые методы селекции и семеноводства. Вместе с тем положительное решение этой задачи должно было дать новый, исключительно убедительный, экспериментальный материал, показывающий неправильность и лженаучность менделевско-моргановской генетики...

Возможность получения вегетативных гибридов однолетних растений была полностью доказана, что особенно убедительно показало несостоятельность хромосомной теории наследственности...

Основные вехи советской генетики:

- Украинская генетическая конференция в Одессе в 1932 г.
- Выездная сессия ВАСХНИЛ в Одессе в 1935 г.
- Дискуссия на сессии ВАСХНИЛ в 1936 г. (доклад Лысенко “О двух направлениях в генетике”).
- Дискуссия в журнале “Под знаменем марксизма”, 1939 г.

Несмотря на то, что до конца 1936 г. руководство ВАСХНИЛ принадлежало антимиичуринцам, в ходе дискуссий, оперируя неопровержимыми фак-

тами, мичуринцы под руководством академика Т.Д. Лысенко завоевывали позицию за позицией»⁷.

Победа Лысенко была закреплена центральной печатью и выступлениями руководителей государства. Так, В.М. Молотов, один из ведущих членов Политбюро того времени, в октябре 1948 года, выступая на юбилейном заседании Моссовета, посвященном 31-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, в присутствии Сталина сказал: “Для подъема научно-теоретической работы имеет большое принципиальное и практическое значение последняя дискуссия в научных кругах по вопросам биологии.

Дискуссия по вопросам теории наследственности поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма с реакционно-идеалистическими пережитками в научной работе, вроде учения вейсманизма о неизменной наследственности, исключающей передачу приобретенных свойств последующим поколениям. Она подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки, что должно содействовать ускоренному движению вперед научно-технической работы в нашей стране.

Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе”.

Главный лысенковец среди биологов Академии наук СССР академик А.И. Опарин писал: “Центральный Комитет Коммунистической партии рассмотрел и одобрил доклад Т.Д. Лысенко. Для всех советских биологов этот документ, лично просмотренный И.В. Сталиным, является драгоценной программой творческого развития биологической науки, определившей ее пути и задачи. Советский творческий дарвинизм составляет гранитный фундамент, незыблемую основу, на которой бурно развиваются все отрасли биологической науки”.

Разгром генетики привел к тому, что в Академии наук СССР, в системе ВАСХНИЛ, Министерстве сельского хозяйства, Академии медицинских наук и системе Министерства здравоохранения, университетах, во всех других вузах была произведена беспощадная административная чистка сторонников хромосомной теории и теории гена. Эта чистка вмешалась в судьбы тысяч людей. Эпоха репрессий 1937–1938 гг. прошла десять лет тому назад, однако советская биология новыми методами была разгромлена. На государственные и научные посты вышли малограмотные лысенковцы или приспособленцы – Опарин, Презент, Столетов, Лобанов, Ольшанский, Глущенко, Сисакян, Дмитриев, Студитский, Нуждин, Авакян, Хрущов и другие. Своими действиями они пытались увековечить победу Лысенко.

⁷ Берченко Б.Э., Созинов А.А. Страницы из истории института // Науч. тр. Всес. селек.-генет. ин-та им. Т.Д. Лысенко. Вып. 3. 1958. С. 352–371.

Писать начальству – все равно
Промучишься напрасно.
А как писать? Всерьез? – Смешно!
А пошутить – опасно!

Эпиграмма Н.П. Дубинину

3. МРАЧНЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ БИОЛОГИИ. 1948–1953 годы¹

Основные центры развития генетики и цитологии в академиях наук, в селекционных, медицинских учреждениях по всей стране были разгромлены. Казалось, что для советской биологии, селекции и медицины надолго готовили лысенковское будущее. Содержание вузовских и школьных программ генетики и биологии было извращено. В течение 1948–1964 гг. в университетах, сельскохозяйственных, педагогических и медицинских вузах настойчиво преподавалась лысенковская лженаука. За преподавательские кадры в вузах, немедленно после сессии ВАСХНИЛ, взялся министр высшего образования С.В. Кафтанов. Уже 23 августа 1948 г. он издал пространный приказ, в котором требовал искоренения “реакционного идеалистического вейсманистского (менделевско-моргановского) направления”. В приказе говорилось: “Необходимость всемерно разъяснить студентам, что борьба мичуринской биологической науки против вейсманистского направления есть борьба двух прямо противоположных и непримиримых мировоззрений, борьба диалектического материализма против идеализма”. В приказе были перечислены фамилии деканов, заведующих кафедрами, профессоров, доцентов Московского, Ленинградского, Харьковского, Горьковского, Воронежского, Киевского, Саратовского, Тбилисского университетов, подлежащих увольнению. Среди уволенных были И.И. Шмальгаузен, С.С. Четвериков, Н.П. Дубинин, Д.А. Сабинин, Ю.И. Полянский, П.Г. Светлов, Г.М. Папалашвили, Д.Д. (М.) Меладзе и другие ученые.

Деканом биолого-почвенного факультета и заведующим кафедрой дарвинизма был назначен И.И. Презент. Приказом министра Кафтanova предусматривалось “в двухмесячный срок пересмотреть состав кафедр биологических факультетов, очистить их от людей, враждебно относящихся к мичуринской науке, и укрепить эти кафедры квалифицированными биологами-мичуринцами”. Вполне понятно, что этот пункт приказа развязал окончательно руки лысенковцам на местах. Прийдя к власти, они разрушили преподавание генетики и всей биологии в стране.

В тот же день, 23 августа, за подписью Кафтanova был издан приказ, в котором было написано: “В целях коренной перестройки преподавания биологических дисциплин в сельскохозяйственных вузах и обеспечения безраздельного господства мичуринского учения как в учебной, так и в научно-ис-

¹ Дубинин Н.П. Генетика – страницы истории. Кишинев, Штиинца. 1988. С. 253–276. Печатается с сокращениями.

следовательской работе, приказываю...” Отдельным параграфом были перечислены фамилии тех профессоров, которые увольнялись из Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева. Это были А.Р. Жембрик, П.Н. Константинов и другие. В.С. Немчинов был снят с поста ректора Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Монографии, учебники, популярные книги по генетике и биологии, написанные не с лысенковских позиций, прекратили издавать. Все ранее изданное изымалось из библиотек. Верстки книг уничтожались. Типографские наборы текстов рассыпали, такая судьба постигла книгу Ф.Г. Добржанского “Генетика и происхождение видов” (673 с.) с большой вступительной статьей Н.П. Дубинина “История эволюционных идей в генетике”, книгу Марселя Пренана, члена ЦК Французской коммунистической партии, “Биология и марксизм” (237 с.) с предисловием К.А. Парамонова, книгу Н.П. Дубинина “Генетика и эволюция популяций” (412 с.), написанную по просьбе президента Академии наук СССР С.И. Вавилова, и ряд других изданий.

В массе появились лжеучебники по генетике, такие, как Н.И. Фейгинсона, Н.В. Турбина и другие. Лысенковцы охватили все средства массовой информации: преподавание в вузах и школах, печать, радио, телевидение, лекции в обществе “Знание” и другие.

Несмотря на все старания Кафтанова приспособиться к эпохе Лысенко, его вскоре освободили с поста министра высшего образования, а на его место был назначен доверенный человек Лысенко – В.Н. Столетов.

Вскоре после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. на взрыхленной почве мичуринского учения появился новый крупный сорняк в лице ветеринара *Г.М. Бошняна*, который в лысенковщину вовлек мир вирусов и бактерий. В 1949 г. вышла его книга “О природе вирусов и бактерий”, в 1950 г. книга была переиздана. Исследуя инфекционную анемию лошади, Бошнян заявил: “Можно считать установленным, что фильтрующиеся вирусы могут превращаться в бактериальную форму, а микробы, в свою очередь, – в форму фильтрующихся вирусов. Вирусы и микробы при известных условиях могут превращаться в кристаллы, и, наоборот, кристаллы – в бактерии и фильтрующиеся вирусы”. Эта абракадабра, торжественно введенная в арсенал мичуринской биологии, была подлинным издевательством над наукой. 1950-е гг. в развитии мировой генетики ознаменовались величайшим событием – генетические исследования распространились на мир вирусов и бактерий. С этим была связана одна из великих эпох в развитии генетики. В 1953 г. была открыта генетическая роль молекулы ДНК.

Однако Лысенко диктовал свои взгляды. Созывались конференции и совещания по “открытиям” Бошняна. Н.И. Гращенков, академик АМН СССР, подводя итоги одной из конференций (Известия АН СССР 1950 № 10) сказал: “Советской микробиологии следует развернуть широкий фронт экспериментальных исследований с тем, чтобы укрепить эти принципиальные правильные позиции, занятые Г. Бошняном, раз и навсегда покончить с метафизическим прошлым в области микробиологии”.

Это была диверсия против развития нашей микробиологии, которая в течение последующих 20 лет так и не приступила к генетике вирусов и бактерий, что составляло в эти годы важнейшее русло мировой науки.

1948–1953 годы были мрачной эпохой в истории советской генетики и биологии. В 1949 г. праздновался 20-летний юбилей ВАСХНИЛ. В честь этой даты за достижения в области мичуринской науки академия была награждена орденом Ленина. В обращении к Сталину от имени ее участников, в частности, говорилось: “Мы глубоко благодарны Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, за то, что Вы вдохновили и вооружили нас в борьбе с реакционным, лженаучным вейсманизмом-морганизмом, в результате чего было достигнуто полное торжество передовой мичуринской науки.

Основное положение мичуринской биологии о наследовании приобретаемых свойств стало общепризнанным среди советских биологов. Это положение является важнейшей основой для развертывания самых разносторонних и разнообразных научных исследований по перестройке природы полезных человеку растений, животных и почв”²...

Таким образом, ламаркистскую и неоламаркистскую теорию наследования приобретенных свойств предлагалось положить в основу всей биологии, сельскохозяйственной науки и практики. Это обрекало науку в ее влиянии на сельское хозяйство на полную беспомощность. Факты науки отвергли учение о наследовании благоприобретенных свойств. Советская и мировая наука идет по путям, противоположным этому учению. Современная генетика и биотехнология создают свойства животных, растений, простейших, бактерий и вирусов, изменяя их генетическую основу.

В этом же номере журнала “Агробиология” (1949. № 6. С. 15–22) *Лысенко* в статье “И.В. Сталин и мичуринская агробиология” писал:

“...Наше социалистическое сельское хозяйство, не знающее кризисов и застоя, с необходимостью требовало развития передовой прогрессивной материалистической биологии как теоретической основы агрономической науки.

Старая, реакционная идеалистическая биология – вейсманизм (неодарвинизм) – не соответствовала, противоречила реальным биологическим закономерностям...

Великий Сталин не только спас мичуринское учение от попыток ликвидации его реакционерами от науки, но и взрастил кадры ученых и практиков-мичуринцев”.

Излагая свою лженаучную концепцию о жизненности, Лысенко пишет: «Зная, что жизненность создается путем оплодотворения, в результате объединения двух слегка разнящихся половых клеток в одну, можно в растениеводстве при выведении новых сортов растений – перекрестноопылителей, а также в животноводстве при создании новых пород животных значительно лучше использовать узкородственное размножение. Это даст возможность не только сохранять, но и усиливать нужные наследственные свойства и качества исходных родительских форм.

Чтобы не ослаблять жизненность при узкородственном разведении, родственные организмы, предназначенные для размножения, следует воспитывать в разных условиях.

² Письмо товарищу И.В. Сталину от участников юбилейной сессии Всесоюзной ордена Ленина академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина // Агробиология. 1949. № 6. С. 3–5.

Непостижимая для идеалистов “жизненная сила” стала для мичуринской биологии познаваемой, а, следовательно, и управляемой...»

Относительно видообразования Лысенко пишет: “...в районах с неблагоприятными условиями зимовки, и особенно на участках с неблагоприятными условиями развития, озимая пшеница может превращаться в рожь...”

Сталинское учение о постепенных, скрытых, незаметных количественных изменениях, приводящих к быстрым качественным коренным изменениям, помогло советским биологам обнаружить у растений факты осуществления качественных переходов, превращения одного вида в другой”.

Несмотря на казалось бы полную победу, полное единовластие Лысенко в биологии и селекции, его беспокоит тот факт, что ранее предложенные им рекомендации и научные сенсации начинают тускнеть. Наступило время новых сенсаций, и Лысенко использовал постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о полезащитных лесонасаждениях. Отвергая установленное в науке положение о наличии внутривидовой борьбы, Лысенко на основе своей теории самоизреживания растений при густых посевах предложил посевы лесных полос гнездовым способом. Он писал: “...присущее дикой растительности, особенно лесным породам, свойство самоизреживания заключается в том, что густые всходы данного вида... так регулируют свою численность, что не мешают друг другу, не конкурируют друг с другом”³.

В.Н. Сукачев в журнале “Лесное хозяйство” (1952. № 6) подверг критике теорию самоизреживания, доказывая, что данные явления надо понимать как вырождение угнетенных растений, т.е. в результате внутривидовой борьбы. Это вызвало гнев лысенковцев, они посчитали нужным разрушить одно из крупнейших достижений советской биологии, а именно созданное *В.Н. Сукачевым* учение о биогеоценологии. С ответом Сукачеву выступил *Н.П. Анучин* со статьей “Советская наука не нуждается в оторванном от жизни наукообразном учении о биогеоценозе”⁴. Тому же вопросу была посвящена статья *О.Н. Чижикова* “Против реакционных теорий в геоботанике”. Имея в виду биогеоценологию Сукачева, автор писал: “Пора, давно пора очистить геоботанику от реакционно-идеалистических теорий и пересмотреть ее с позиции мичуринской биологии”⁵.

Выступая с несуразной теорией скачкообразного порождения существующих видов из других видов, Лысенко считал, что эта теория, кроме ее общебиологического значения, важна для практики борьбы с сорняками. Он утверждал, что плохая агротехника ведет к тому, что виды культурных растений порождают виды сорняков. В журнале “Агробиология” печатается серия статей разных авторов о порождениях видов. *В.С. Дмитриев* в 1951 г. в обзоре этих данных, которые, по его мнению, доказывали, что культурные растения порождают сорные растения, писал, что осуществление сталинского плана преобразования природы ведет к таким положительным изменениям в природе, при которых сорные растения будут порождать полезные

³ *Лысенко Т.Д.* Результаты опытных и производственных посевов лесных полос гнездовым способом // Агробиология. 1952. № 2. С. 3–7.

⁴ *Анучин Н.П.* // Агробиология. 1952. № 5. С. 150–156.

⁵ *Чижигов О.Н.* // Агробиология. 1953. № 5. С. 140–151.

виды. Преобразования условий среды, направляя процесс видообразования, якобы обеспечат ликвидацию сорняков⁶.

С.Н. Муромцев напечатал статью “К проблеме видообразования у микроорганизмов”, в которой излагались опыты *И.Н. Блохиной* по порождению возбудителя брюшного тифа, *Г.Н. Ленской* и *А.А. Бессоновой* – возбудителя чумы, *Г.П. Калина* – паратифа А и другие случаи, которые якобы показали порождение одних видов микробов из видов других микробов. В заключение Муромцев писал: “Вскрытые мичуринской биологией закономерности видообразования, внутривидовых и межвидовых взаимоотношений дают микробиологам возможность теоретически правильно осмыслить весь накопленный экспериментальный материал... Исходя из новой общепатологической теории видообразования, разработанной *Т.Д. Лысенко*, крайне важно пересмотреть проблемы не только в микробиологии, но и в эпидемиологии, клинике, диагностике, профилактике инфекционных заболеваний”⁷.

Так, угроза лысенковской лженауки нависла над всеми перечисленными разделами микробиологии и медицины.

В 1949 г. Лысенко начинает рассматривать племенное дело в животноводстве в свете мичуринской биологии (*Агробиология*. 1949. № 3). В 1953 г. появляется статья *И.Ф. Стрелюченко* “Влияние выпойки телок жирным молоком на жирномолочность”. Эта статья оповестила этап работ Лысенко по изменению наследственности животных путем воспитания. Автор приходит к выводу, что “наряду с основными факторами разведения (наследственные свойства, направленный отбор и подбор, метод разведения)... большую роль в повышении жирности молока имеет выпойка телят молоком повышенной жирности”⁸.

В 1953 г. в статье “К вопросу о подъеме урожайности в нечерноземной полосе” Лысенко выступает с новым сенсационным сообщением об эффективности удобрения малыми дозами извести, перемешанной с перегноем. Обязательность смеси с перегноем, по Лысенко, нужна для развития бактерий⁹. Последней сенсацией Лысенко было обещание резко и быстро поднять жирномолочность совхозно-колхозных стад по всей стране.

Диктат обеспечивал повсеместное внедрение идей Лысенко как в области науки, так и практики. 28 июня 1950 г. на совместной сессии АН СССР и АМН СССР под названием “Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика *И.П. Павлова*” были обсуждены вопросы физиологии. Заслушивались доклады *К.М. Быкова* “Развитие идей *И.П. Павлова* (задачи и перспективы)” и *А.Г. Иванова-Смоленского* “Пути развития идей *И.П. Павлова* в области патофизиологии высшей нервной деятельности”. В дискуссии выступил 81 оратор из 209 записавшихся. Резким нападкам подверглись академик *Л.А. Орбели* и профессор *П.К. Анохин* – будущий академик, прославленный создатель учения о морфофизиологической сис-

⁶ *Дмитриев В.С.* Об изменениях и смене растительных видов на черноземах // *Агробиология*. 1951. № 3. С. 3–18.

⁷ *Муромцев С.Н.* // *Агробиология*. 1952. № 2. С. 88–107.

⁸ *Стрелюченко И.Ф.* // *Агробиология*. 1952. № 4. С. 94–97.

⁹ *Лысенко Т.Д.* // *Агробиология*. 1953. № 3. С. 3–8.

теме мозга, – которые после сессии были освобождены от всех ранее занимаемых ими руководящих постов.

Профессор А.В. Лебединский, сотрудник Л.А. Орбели, сказал, что в результате этой сессии появится возможность “провести полную ликвидацию отступлений от генеральной единственно правильной и плодотворной научной линии исследований физиологии”¹⁰.

Критикуемые покаяться в своих ошибках. В 1949 г. ВАСХНИЛ праздновала свое двадцатилетие. Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил: “За выдающиеся заслуги в области развития мичуринской биологии... наградить... орденом Ленина”.

Среди многих приветствий, произнесенных на юбилейной сессии ВАСХНИЛ, от имени Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова выступил Л.А. Орбели. Он сказал: “Историческая августовская сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук освободила биологическую науку в нашей стране от идеологических пут, тормозивших развитие этой науки... Академия, возглавляемая Т.Д. Лысенко, и впредь будет служить примером неустанного труда на пользу народа”¹¹.

К.М. Быков, А.Г. Иванов-Смоленский, А.В. Лебединский и ряд других ораторов, выступавших на павловской сессии, требовали трактовки проблем физиологии в свете учения мичуринской биологии. Появилась и соответствующая терминология – “передовая мичуринско-павловская биология”, “советский мичуринско-павловский дарвинизм”.

В результате павловско-мичуринской сессии развитие физиологии в нашей стране было поставлено под удар. Это развитие приобрело узкий, односторонний характер, целые прогрессивные области были признаны ошибочными. Кадры были разогнаны. Началась монополия Быкова, Иванова-Смоленского на базе мичуринского учения.

5–7 мая 1953 г. прошла совместная конференция по итогам и перспективам работ по изучению неклеточных форм живого вещества Отделения биологических наук АН СССР и Академии медицинских наук СССР. Резолюция, принятая на этой конференции, гласила:

«Совещание Отделения биологических наук АН СССР в 1950 г. по проблеме неклеточных форм жизни явилось знаменательной датой в развитии этого прогрессивного учения и в борьбе с пережитками вирховианства и другими реакционными теориями в биологии.

На конференции АМН СССР и Отделения биологических наук АН СССР с участием учебных заведений и научно-исследовательских учреждений Министерства здравоохранения СССР по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества, организованной в 1952 г., были подведены первые итоги по изучению развития живого вещества.

Метафизические вирховианские представления о том, что единственным носителем жизни является дифференцированная клетка, широко распространенные в капиталистических странах, в прошлом находили себе сторонников и среди советских биологов. Проникновение этих представлений в

¹⁰ Александров В.Я. Трудные годы советской биологии // Знание – сила. 1987. № 10.

¹¹ Орбели Л.А. Выступление на юбилейной сессии академии // Агробиология. 1950. № 1. С. 30.

микробиологию и вирусологию выразилось, с одной стороны, в необоснованных попытках приписывать всем без исключения микробным клеткам признаки высокодифференцированных клеток (оформленное ядро, хромосомный аппарат, связываемый с наличием мифических “генов”, редукционное деление), с другой стороны, в отказе признавать живыми все те простейшие существа, которые в силу их примитивной, доклеточной организации не удавалось приравнять к оформленным клеткам.

В противоположность этому материалистическая теория развития признает существование различных ступеней усложнения живой природы, начиная от неформленного в клетку живого (наделенного обменом) белкового вещества до высших животных и растений. В развитии организмов существенную роль играет неклеточное живое вещество. Материалистическая теория не абсолютизирует понятие клетки, видя в ней исторически развивающуюся категорию. Несомненно, что существуют и примитивные организмы, стоящие на грани между доклеточными и клеточными формами жизни, и дифференцированные, но не имеющие еще структурно-оформленного ядра бактериальной клетки, и обладающие ядром клетки миксобактерий, и еще более развитые клетки грибов, водорослей и протистов, и сложные высокодифференцированные клетки инфузорий и других простейших.

Настоящая конференция, проведенная Отделением биологических наук АН СССР совместно с АМН СССР при участии советских биологов различных специальностей, явилась новой ступенью в развитии передовой советской науки в области изучения неклеточных форм жизни.

На конференции были заслушаны доклады О.Б. Лепешинской, В.Г. Крюкова, Г.К. Хрущева, А.Н. Студитского, Ф.И. Халецкой, А.А. Имшенецкого, И.Н. Майского, В.Д. Тимакова, В.Л. Рыжкова, Н.М. Сисакяна, А.Л. Курсанова, В.Н. Ореховича, а также многочисленные выступления в прениях, на которых в порядке живой дискуссии были обсуждены актуальные вопросы в области изучения неклеточных форм жизни.

Конференция отмечает дальнейшие успехи исследований в этой области, проводимых в Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР и в ряде других научных учреждений.

Конференция подчеркивает существование внутренней связи между учениями Павлова, Мичурина и открытиями проф. О.Б. Лепешинской»¹².

Научные, научно-популярные журналы, газеты, все органы пропаганды были поставлены на службу возвеличивания мичуринского учения, что сопровождалось проклятиями в адрес менделизма-морганизма. Будущий главный ученый секретарь Академии наук СССР (1950–1959) и вице-президент АН СССР (1960–1963) А.В. Топчиев, специалист по органической химии, в 1948 г. писал: «Современная буржуазная реакция охотно пользуется прогнившими лохмотьями вейсманизма, “научные принципы” которого направлены против марксизма – знамени прогрессивных сил современного общества...

Разгром реакционных теорий в биологии является новым важным этапом в борьбе с идеализмом, с чуждой нам буржуазной идеологией...

¹² Микробиология. 1953. Т. 22. Вып. 5. С. 626–630.

Расизм вейсманистской реакции, связанный с распространением морганизма-менделизма, объясняется особенностями империализма как последней стадии капитализма...

В биологической науке широкое распространение получило учение так называемого неodarвинизма, начало которого было заложено немецким биологом Вейсманом, а затем в развернутом и еще более реакционном виде представлено современным менделизмом-морганизмом...

Нетрудно увидеть, что менделизм-морганизм прикрывал и прикрывает псевдонаучными словами и видимостью типичное “учение” о духовной силе, формирующей тело и управляющей им; сама она остается при этом якобы независимой, неизменной, нетленной и в таком неизменном виде переходит из одного тела в другие тела последующих поколений...

Будучи от начала до конца лишь системой лженаучных положений, учение менделизма-морганизма направлено лишь к тому, чтобы облечь в наукообразную форму положение о наследственной обреченности организма, о независимости породных и сортовых свойств животных и растений от условий жизни.

Все так называемые правила и законы менделизма-морганизма построены на идее случайности, на мистических позициях непознаваемости...

Итак, реакционный характер вейсманистского направления в биологии очевиден. Теоретически учение менделизма-морганизма ведет к протаскиванию в биологию некоего мистического начала, практически оно ведет к отрицанию планомерной селекции, а идеологически оно является основой человеконенавистнического расизма...

Участники сессии Академии сельскохозяйственных наук нанесли решающий удар менделизму-морганизму и их последователям в нашей стране»¹³.

Многие философы прославляли Лысенко и мичуринскую биологию за “передовую идеологию”. *Б.М. Кедров* – главный редактор журнала “Вопросы философии”, говоря о диалектике, писал: «В заключение приведем еще один пример из области биологии; он связан с борьбой мичуринского, советского направления в биологии против вейсманизма... Мистика и схоластика вейсманистов-морганистов проявляется особенно резко в том, что они идеалистически и метафизически отрывают факторы наследственности, зависящие якобы только от внутренней природы “наследственного вещества”, от факторов изменчивости, приспособления, выживаемости, которые прямо зависят от условий жизни организма, от воздействия внешней среды на организм.

Вейсманисты разрывают и уничтожают живое противоречие, лежащее в основе развития органической природы, а тем самым они уничтожают и самый источник развития, его импульс. На его место они ставят некое непознаваемое, божественное начало, абсолютную случайность пресловутых “мутационных” изменений. Как и всегда, метафизика и здесь служит гносеологическим корнем идеализма и открытой поповщины.

Великая заслуга советских биологов Мичурина и Лысенко заключается именно в том, что они отстаивали и двинули вперед диалектический взгляд на

¹³ *Топчиев А.В.* Вейсманистская реакция на службе расизма // Бюллетень МОИП. Новая серия. Отдел. биол. 1948. Т. 53. Вып. 6. С. 3–11.

процесс развития живых организмов, на источник их развития, на лежащие в основе этого развития диалектические противоречия внешнего и внутреннего, среды и организма, изменчивости и наследственности»¹⁴.

Это было время, когда зарубежные издательства напечатали без комментариев некоторые книги и статьи лысенковцев. Комментарии к этим материалам действительно были бы излишними. В США издали книгу Лысенко “Наследственность и ее изменчивость”. Книга в такой мере была сумбурна и при этом в такой мере далека от современной науки и безапелляционна, что перевод ее за рубежом позволил совершенно ясно понять, что же такое лысенковщина. Большую известность получила статья доктора биологических наук А.Н. Студитского “Мухолобы – человеконенавистники”, которая была напечатана в 1949 г. в широко распространяемом популярном журнале “Огонек”. Автор злонамеренно бросал зловещую тень на генетиков, изобразив их в виде куклусклановцев, исповедующих фашизм. Художник Борис Ефимов обыграл эту тему, снабдив статью Студитского броскими издевательскими рисунками. Он изобразил генетиков отмеченными знаками фашистской свастики, с автоматами и на фоне виселиц, помощниками куклусклановцев и сотрудников ФБР.

Один из основных мировых научных генетических журналов “Journal of Heredity” воспроизвел без комментариев на своих страницах статью Студитского со всеми рисунками Ефимова. Подобные “научные материалы” дискредитировали советскую науку.

И.Е. Глущенко, академик ВАСХНИЛ, один из ближайших адептов Лысенко, в эти годы неоднократно выезжал за рубеж. Возвращаясь домой он писал статьи и книги, выступал с лекциями о своих встречах за рубежом; везде он говорил о большом влиянии мичуринской биологии на мировую науку. Действительно, на его лекции вначале собиралось довольно много народа, но это был скандальный успех. Люди приходили на выступления “специалиста”, в которых отвергались элементарные факты и законы генетики. Точно так же собирались бы люди слушать оратора, который, исходя из данных “своей” науки, заявлял бы, что учение об атоме и молекулах, принятое в химии и физике, якобы, на самом деле ошибочно.

Из программ вузов изъяли ссылки на зарубежных ученых. Для всех мировых открытий искались их русские предшественники. Конечно, из-за языковых различий и по другим причинам многие открытия русских ученых за рубежом, в том числе и предвзято, не признавались приоритетными. Однако в открытой борьбе с космополитизмом это положение утрировалось. Ссылки на иностранных ученых в советских научных журналах убирались из публикуемых работ. Советская биология насыщалась ненаучными положениями, она превратилась в плацдарм, противостоящий зарубежной науке.

Широко проводилась борьба с попытками опираться на методы и успехи мировой науки, это изображалось как преклонение перед иностранщиной. *М.Б. Митин*, борец против космополитизма философский трубач мичуринской биологии, разгромил философа Б.М. Кедрова в статье, опубликованной в “Литературной газете” (9 марта 1949 г.). Кедров сочувственно на-

¹⁴ Кедров Б.М. О характеристике И.В. Сталиным марксистского диалектического метода // Вестник АН СССР. 1948. № 11. С. 17–36.

писал, что великий русский ученый Д.И. Менделеев боролся за интернациональность в науке. Митин обрушился за это на Кедрова следующими словами: «Эти рассуждения Б. Кедрова чудовищны и ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют. Марксизм-ленинизм учит, что в классовом обществе нет и не может быть “единой мировой науки” нет и не может быть “единого мирового естествознания”».

Мичуринская биология противопоставила себя мировой науке. Победа и пропаганда лженаучной мичуринской биологии нанесла огромный урон престижу советской науки и государству. Философы во множестве статей и книг доказывали, что учение Тимирязева–Вильямса–Мичурина–Лысенко – это творческое развитие в учении о живой природе идеи Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. Всех несогласных с этим стали клеймить как ввавших в идеализм, метафизику, поповщину. Заявляли, что противники мичуринского учения – это классовые враги, занятые своим черным антинародным делом.

Все республиканские Академии наук последовали за ВАСХНИЛ, Институтом философии АН СССР, Академией наук СССР, Академией медицинских наук СССР в деле разгрома генетики. Так, 4–6 октября 1948 г. в Киеве под председательством Президента АН УССР Н.Н. Аничкова прошло заседание Президиума академии. В принятом решении, опубликованном в журнале “Природа” № 12 за 1948 г., записано: “Расширенное заседание Президиума констатировало, что сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, заслушавшая и обсудившая доклад акад. Т.Д. Лысенко о положении в биологической науке, с полной ясностью и четкостью вскрыла идеалистичность и реакционность формальной генетики, которая базируется на псевдонаучном вейсманистском (моргановско-менделевском) направлении...”

Президиум АН УССР признал свою работу по руководству биологическими и сельскохозяйственными институтами неудовлетворительной и принял решение с рядом конкретных пунктов по улучшению работы биологического и сельскохозяйственного Отделений, в частности, были освобождены от руководства этими Отделениями действительные члены АН УССР Н.Н. Гришко и Д.К. Третьяков и на их место утверждены председателями Отделений действительные члены АН УССР П.А. Свириденко и П.А. Власюк”.

В этой удушающей обстановке не только П.М. Жуковский, С.И. Алиханян и И.М. Поляков отказались от генетики и перешли на позиции Лысенко. Это сделали и многие другие. 30 августа – 2 сентября 1948 г. в Киеве прошло республиканское совещание¹⁵. На нем от генетики отказался будущий академик АН УССР, профессор С.М. Гершензон. Он сказал: “Доклад академика Т.Д. Лысенко на сессии Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина является крупнейшим вкладом в дело развития советской биологической науки и могучим ударом по враждебным буржуазным теориям в биологии.

В этом докладе акад. Лысенко глубоко проанализировал состояние биологии, показал, что в ней борются два направления: передовое мичуринское,

¹⁵ Стенографический отчет республиканского совещания 30 августа – 2 сентября 1948 г. Госиздат сельскохозяйственной литературы УССР. Киев, 1948.

основывающееся на философии диалектического материализма, и реакционное, вытекающее из идеалистического, метафизического мировоззрения.

Участники совещания знают, что я в своих работах стоял на неверных, антинаучных, формально-генетических позициях, справедливо осужденных в докладе акад. Лысенко. Чтобы выйти на действительно правильный путь мичуринского учения, мне нужно коренным образом перестроить свою научную деятельность, а чтобы сделать это, я должен, прежде всего, до конца вскрыть свои предшествовавшие ошибки и освободиться от них.

Менделистско-морганистские ошибки, которые есть в моей работе, объясняются тем, что я недостаточно глубоко овладел марксистской методологией, недостаточно изучил труды классиков марксизма – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, недостаточно изучил работы Мичурина и Лысенко, и именно поэтому в моих работах была выявлена одна из худших форм преклонения перед буржуазной культурой, что заключалось в принятии и поддержке реакционных идей, импортированных к нам с Запада в виде менделизма-морганизма...

На протяжении сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина я с неослабленным вниманием изучал доклад акад. Лысенко и выступления других участников сессии. За время, прошедшее после сессии, я еще раз перечитал ряд работ Мичурина и Лысенко. В результате этого я глубоко уяснил всю реакционность морганизма-менделизма. Я заявляю о своем полном отречении от формальной генетики, от менделистско-морганистского мировоззрения и безраздельно перехожу на позиции мичуринской науки. Я осознаю, что одной словесной декларации недостаточно. Все свои силы и знания в процессе дальнейшей работы я посвящу разоблачению лженаучности и реакционности морганизма-менделизма, беззаветному служению советской агробиологической науке. Учение И.В. Мичурина – настоящее народное учение, и для советского ученого дело чести идти всегда со своим народом и отдавать все свои знания делу построения коммунизма”.

Акад. *Ольшанский* – но как могло случиться, что Вы, убедившись в бесплодности и непригодности морганистско-менделистской теории, нашли возможным читать генетику в университете, введя в ее круг курс цитологии наследственности, т.е. Вы студентов вооружали цитологическим методом изучения вещества наследственности. Как это могло быть?

Другой вопрос: Вы говорите, что последние 10 лет занимали эклектические позиции в вопросах генетики. В чем они выявились?.. Была ли эта эклектика эклектикой по существу?

Гершензон – Я считаю, что в моей работе была проявлена эклектика по существу, хотя я не вижу в этом для себя какого-либо оправдания. Эта гнилая позиция пробовать примирить непримиримое.

Акад. *Ольшанский* – Я не вижу у Вас эклектики, я вижу в Вашей деятельности последовательный вейсманизм.

Гершензон – Я не считаю, что я читал курс генетики с наиреакционнейших позиций, так же, как читали Серебровский, Дубинин и другие. Я скажу, в чем разница между курсом генетики, какой читал я, и курсом, какой

читали вышеназванные морганисты. В процессе преподавания у меня были большие ошибки; в основном я защищал положения хромосомной теории, но наряду с этим я резко критиковал ряд наиболее для меня очевидных идеалистических выводов хромосомной теории”.

А.А. Созинов, будущий директор Института общей генетики АН СССР (1981–1987 г.), в дальнейшем ратовавший за хромосомную теорию и теорию гена, в 1956–1964 г. стоял на позициях лысенкоизма, писал о лженаучности менделизма-морганизма, клялся именем Лысенко, признавал основу мичуринского учения – адекватную наследственную изменчивость, т.е. наследование приобретенных признаков.

М.Е. Лобашев в книге “Очерки по истории русского животноводства” (М.-Л.: Наука, 1954. 342 с.) утверждал принципы Лысенко. “Формально-генетическая теория, – писал он, – являющаяся логическим продолжением преформизма XVIII в., задолго до Вейсмана и Менделя, в середине XIX в., сделалась неприемлемой и даже вредной для практики... И в наше время вейсмановско-моргановская теория оказалась бессильной в создании методов селекции животных и растений”.

А.Е. Гайсинович во вступительной статье к книге И.И. Мечникова¹⁶ вопреки фактам генетики становится на лысенковские позиции признания в качестве основного принципа биологии – наследование приобретенных признаков. Гайсинович пишет:

“Таким образом, в то время, когда писал Мечников, т.е. в 1870-х гг., никто не сомневался в принципе наследования приобретенных признаков, столь настойчиво выдвинутом Ламарком. Лишь последующее отрицательное влияние идей Вейсмана (1880–1890-е гг.) и его последователей – вейсманистов – привело к отказу буржуазной биологии от принципа наследования приобретенных признаков. Ныне у нас в стране мичуринское направление в биологии полностью восстановило в правах этот принцип”. В вопросе о роли естественного отбора Гайсинович подчеркивает свое согласие с Лысенко: “Как известно, в самое последнее время (1945–1946) академик Т.Д. Лысенко выступил с отрицанием существования внутривидовой борьбы и, следовательно, ее роли в видообразовании” (газета “Соц. земледелие”. 1945. № 3–6, а также “Агробиология”. 1946. № 2).

Лысенко разработал представление о жизненности организмов – этом особом свойстве, отличающемся от наследственности. С этой позиции Лысенко оценил и последствия, наступающие при близкородственном разведении. Лысенко отрицал генетическую теорию инбридинга. “Вопреки вейсманизму-морганизму, – писал он, – мичуринское учение показывает, что падение плодovitости и жизненности животных и растений при узкородственном разведении... нельзя объяснить наследственностью¹⁷. При этом “сама наследственность, сама породность создается, возникает и развивается под

¹⁶ *Мечников И.И.* Избранные биологические произведения. АН СССР. М., 1950. 797 с. Редакция, статья и примечания чл.-корр. АН СССР В.А. Догеля и А.Е. Гайсиновича.

¹⁷ *Лысенко Т.Д.* Трехлетний план развития животноводства и задачи науки // *Агробиология*. 1949. № 3. С. 26–45.

воздействием условий существования, требуемые условия создаются для животных соответствующим кормлением и содержанием”¹⁸.

Д.К. Беляев, будущий директор Института цитологии и генетики СО АН СССР (1960*–1985), в согласии с мичуринским учением писал: “Академик Т.Д. Лысенко, разработавший учение о жизненности, указывает, что отрицательные последствия родственного разведения могут быть значительно снижены при воспитании спариваемых особей в разных условиях. Это указание имеет большое значение и должно получить практическое использование в работе звероводческих хозяйств”¹⁹.

Д.К. Беляев признавал правильным принцип об адекватном (направленном) наследовании приобретенных признаков, считая, что для управления наследственностью организмов большое значение имеет теория стадийного развития Лысенко. Д.К. Беляев писал: “Предыдущим изложением было показано, что свет (точнее световой режим) является одним из важных факторов внешней среды, определяющем разнообразие наследственно закрепленных физиологических особенностей указанных видов млекопитающих...

Развитая в классических работах академика Т.Д. Лысенко теория стадийного развития растений является общебиологической теорией. Она служит основой для направленного изменения природы растительных организмов”²⁰.

А.А. Машковцев следующим образом старался утвердить наследование приобретенных признаков: “Необходимо отметить, что мы пришли к необходимости совершенно заново пересмотреть вопрос о роли внешних факторов в индивидуальном развитии, исходя, с одной стороны, из положения Ж. Ламарка о прямом приспособлении животных к внешним условиям существования и его закона наследования благоприобретенных признаков, а с другой стороны – из учения Ивана Петровича Павлова о “высшей нервной деятельности” животных... В настоящее время перед советскими биологами всех специальностей стоит задача... приступить к дальнейшему углублению и развитию основных общебиологических положений Ивана Петровича, которые помогут советским биологам синтезировать основные положения И.П. Павлова, И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко, построить совершенно новое и самое прогрессивное учение о развитии организмов, опираясь на которое можно будет управлять развитием растений и животных”²¹.

М.С. Гиляров, будущий академик-секретарь Отделения общей биологии Академии наук СССР, член президиума АН СССР (1976–1985) в книге 1949 г., посвященной эволюции насекомых, обитающих в почвах, писал:

¹⁸ *Лысенко Т.Д.* О задачах ВАСХНИЛ по выполнению решений XIX съезда партии // *Агробиология*. 1952. № 6. С. 17–56.

¹⁹ *Беляев Д.К., Перельдин Н.Ш., Новиков В.К.* Основы разведения, кормления и профилактики болезней пушных зверей. М., 1952. 55 с.

²⁰ *Беляев Д.К.* Роль света в управлении биологическими ритмами млекопитающих // *Ж. общей биол.* 1950. Т. 11. № 1. С. 39–51.

²¹ *Машковцев А.А.* Значение для биологии учения И.П. Павлова // *Усп. совр. биол.* 1949. Т. 28. № 4. С. 47–87.

* С 1960 по 1964 г. Д.К. Беляев исполняющий обязанности директора ИЦиГ, с 1964 г. – директор Института (*Примечание составителя*).

«На исторической августовской сессии ВАСХНИЛ академик В.П. Бушинский подчеркнул, что “биологическое направление в почвоведении нашло блестящее развитие... Это направление основано на представлении о почве как особом теле природы, являющемся промежуточным образованием между живой и мертвой природой».

Гиляров считал, что эволюция идет, по Лысенко, через наследование приобретенных признаков. Изменения организмов, по его мнению, “отражают изменения жизненно необходимых условий существования”, так как “животные, как и растительные формы, формировались и формируются в тесной связи с условиями внешней среды (Лысенко)”.

Привлечение взглядов Лысенко как основополагающих для теории эволюции М.С. Гиляров выразил в следующих словах:

“Полная несостоятельность всяких разновидностей теорий преадаптации, автогенеза и онтогенеза неоднократно разоблачалась в нашей литературе и окончательно раскрыта в докладе академика Т.Д. Лысенко (1948 г.) и в выступлениях биологов мичуринцев на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г.”²².

Редакции всех журналов, в составе которых были ведущие ученые, заверили Лысенко в верности его мичуринскому учению:

– “Природа” (председатель редколлегии С.И. Вавилов; редактор В.П. Савич).

⟨...⟩ “Сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина 31.VII–7.VIII 1948 г. справедливо вызвала огромный к себе интерес всего советского народа. Она явилась вехой первостепенного значения, подытожив достижения передовой мичуринской биологической науки, вскрыв всю реакционность противостоящего последней вейсманистского направления в биологии... Теория вейсманистов является идеалистической, антинаучной, разоружающей агробиологию, тормозящей развитие социалистического земледелия и животноводства, поэтому на практике оказалась достаточно бесплодной...”²³.

– “Зоологический журнал” (главный редактор Е.Н. Павловский):

⟨...⟩ “В советской биологии окончательно победило прогрессивное материалистическое учение И.В. Мичурина о наследственной преобразуемости организма под влиянием условий существования... Окончательно разгромлено реакционное идеалистическое учение вейсманизма, менделизма и морганизма, являвшееся опорой формальной генетики с ее генной “теорией” и евгеникой, имевшее, к сожалению, своих представителей и среди части советских ученых (Кольцов, Серебровский, Дубинин и др.). Их работы ничего не дали ни практике, ни теории”²⁴.

– “Биохимия” (главный редактор В.А. Энгельгардт, заместитель главного редактора Н.М. Сисакян; члены – А.Л. Курсанов, А.И. Опарин, А.В. Паладин):

²² Гиляров М.С. Особенности почвы как среды обитания и ее значение в эволюции насекомых. М.-Л., Изд-во АН СССР: 1949. 279 с.

²³ Передовая: Историческая веха развития биологической науки // Природа. 1948. № 9. С. 3–4.

²⁴ Передовая // Зоол. ж., 1948. Т. 27. Вып. 4. С. 465–466.

⟨...⟩ «...Академик Т.Д. Лысенко в своем докладе “О положении в биологической науке”, одобренном Центральным Комитетом ВКП(б), глубоко раскрыл картину идеологической борьбы в области биологии, показал всю бесплодность реакционного, идеалистического учения Вейсмана – Менделя – Моргана, представленного в нашей стране И.И. Шмальгаузенем, Н.П. Дубининым, А.Р. Жебраком и их последователями... ⟨...⟩

⟨...⟩ В итоге Дубинин даже говорит о некоей “химико-генетике”, обладающей собственными методами, и которая, очевидно, мыслится им как новая наука, призванная укрепить шаткие основы формальной генетики. Такие же надежды на химию, в качестве союзницы генетики, возлагает С.И. Алиханян, говоря, что для проникновения в “тайны гена” решающую роль должна сыграть химия и, в частности, современная биохимия.

Этим попыткам морганистов-менделистов присвоить достижения биохимии для маскировки своих идеалистических взглядов псевдоматериалистическими формулировками со стороны представителей биохимической науки не было дано должного отпора. Более того, мы встречаем прямое признание этих псевдонаучных постулатов, легкомысленное, не критическое оперирование понятиями и представлениями, лежащими в основе хромосомной теории наследственности»²⁵.

– “*Физиологический журнал СССР*” (главный редактор Л.А. Орбели):

⟨...⟩ “...На примере генетики продемонстрировано, что логика развития идеалистических вейсманистско-морганистских взглядов неизбежно приводит к расизму и прочим проявлениям враждебной нам идеологии...”

...Только незначительная часть биологов нашей страны – хотели ли они этого или не хотели – придерживались в своей работе вейсманистско-морганистских взглядов, и все же каждый из нас, обсуждая итоги сессии ВАСХНИЛ, приходит к заключению, что все мы недооценивали реакционной сущности идеалистических тенденций в теории наследственности, широко распространенных за рубежом и проникших, к сожалению, и в нашу науку”²⁶.

– “*Ботанический журнал*” (главный редактор В.Н. Сукачев):

⟨...⟩ “...Очередные задачи, стоящие в настоящий момент перед советскими ботаниками и их научным журналом, – это до конца выкорчевать морганистско-вейсманистские тенденции в науке...”²⁷

– “*Журнал общей биологии*” (главный редактор Л.А. Орбели):

⟨...⟩ “...Созданы условия для широкого развития мичуринского учения во всех отраслях биологии и для освобождения его от тормозящего влияния реакционного вейсманизма...”

Редактор журнала акад. Л.А. Орбели на заседании президиума Академии наук СССР открыто признал, что его либеральное объективистское от-

²⁵ Передовая: Советская биологическая наука на новом этапе // Биохимия. 1948. Т. 13. Вып. 5. С. 353–396.

²⁶ Передовая // Физиологический журнал СССР им. И.М. Сеченова. 1948. С. 661–664.

²⁷ Передовая // Ботан. ж., 1948. Т. 33. Вып. 5. С. 145.

ношение к борьбе мичуринского прогрессивного и вейсманистско-морганистского реакционного течений в биологии, проявленное им в руководстве биологическими институтами Академии наук СССР на посту академика-секретаря Отделения биологических наук, было ошибкой...

Президиум Академии наук 26 августа с. г. принял решение о пересмотре состава редакционных коллегий биологических журналов Академии наук, с целью выведения из них сторонников вейсманистско-морганистской генетики и пополнения их представителями передовой биологической науки.

В соответствии с указанными решениями редакция “Журнала общей биологии” прежде всего пересмотрела свой портфель. Само собой разумеется, что статьям вейсманистского направления не будет больше места на страницах этого журнала, как, разумеется, и на страницах других советских журналов”²⁸.

– *“Успехи современной биологии” (главный редактор Г.К. Хрущов; члены: А.Н. Студитский, Е.Н. Павловский, А.А. Авакян, А.Г. Гинецинский, В.Н. Столетов):*

⟨...⟩ “Огромный вред биологической науке принес Вейсман своей попыткой ревизовать дарвинизм под флагом неodarвинизма, метафизически разделяя организмы на две независимые друг от друга части – сом и зародышевые клетки, утверждая, что одни зародышевые клетки сохраняют вид, а тело опускается до уровня простого питомника зародышевых клеток. Вейсманисты и по существу и по форме отрицают эволюцию, и, тем не менее, на сторону вейсманизма стали Шмальгаузен, Филипченко, Кольцов, М. Завадовский, Поляков, Дубинин и другие...”

Несмотря на сугубо частный характер работ Менделя и на крайнюю метафизичность работ Моргана, их сделали своим знаменем не только зарубежные антидарвинисты, но и Серебровский и Дубинин, Б. Завадовский и Жуковский, Алиханян и Жебрак, Шапиро и Рапорт и другие...

Наши вейсманисты не понимают и не хотят понимать основ диалектического материализма, не хотят и не умеют применять последовательный материализм в своей деятельности...

Только Мичурин и мичуринцы, только Лысенко и многочисленные его последователи и ученики по-ленински, по-сталински ставят назревшие задачи теории и практики и надлежащим образом решают их в полном соответствии с требованиями настоящей науки, с требованиями народнохозяйственной практики...

Наши вейсманисты Дубинин, Жебрак, Алиханян, Навашин, М. и Б. Завадовские и другие пошли на поводу буржуазных генетиков, и потому они обречены на научное бесплодие”²⁹.

– *“Микробиология” (главный редактор Б.Л. Исаченко: заместитель главного редактора А.А. Имшенецкий).*

⟨...⟩ “Т.Д. Лысенко в своем докладе, одобренном Центральным Комитетом ВКП(б), глубоко вскрыл и наглядно показал, что в биологической нау-

²⁸ Передовая // Ж. общ. биол. 1948. Т. 9. Вып. 5. С. 337–338.

²⁹ Передовая: За дальнейший расцвет советской мичуринской биологии // Успехи совр. биол. 1948. Т. 26. Вып. 5. С. 625–634.

ке существуют два диаметрально противоположных направления: прогрессивное, материалистическое – мичуринское и реакционное, идеалистическое – вейсманистское (менделевско-моргановское).

Сессия ВАСХНИЛ со всей неопровержимостью показала, что менделевско-моргановское направление в биологии является антинаучным, антинародным, и что оно тормозило дальнейшее развитие биологической науки и наносило большой вред практике социалистического хозяйства...

Реакционная теория Вейсмана – Моргана стала господствующей среди буржуазных ученых и нашла, к сожалению, сторонников среди части советских биологов (Шмальгаузен, Дубинин, Жебрак, Завадовский и др.), которые, раболепствуя перед реакционными биологами, пропагандировали их учения и руководствовались ими в своей работе...

Вредоносное, тлетворное влияние вейсманизма-морганизма все более и более проникало в микробиологию...

Сессия ВАСХНИЛ показала полное торжество передового мичуринского направления над реакционным менделизмом-морганизмом. В трудах сессии наша наука получила новую могучую опору для своего развития”³⁰.

– “Бюллетень МОИП. Новая серия. Отдел биол.” (редактор В.Н. Сукачев):

⟨...⟩ «На сессии был положен конец долго длившимся спорам в биологии, была разоблачена реакционная, идеалистическая сущность бесплодного вейсманистского направления в науке, нашедшего свое пристанище в стенах Академии наук СССР, в их некоторых биологических институтах и в ряде высших учебных заведений (Московский, Ленинградский, Киевский, Харьковский государственные университеты, Сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева и др.)... С особой силой идеализм и метафизика проявились во взглядах Вейсмана, Менделя, Моргана и других представителей буржуазной биологии. Они провозгласили автономность явлений наследственности, независимость их от условий жизни... Никто иной как член-корреспондент АН СССР А.С. Серебровский в 1930-х гг. в научной литературе также широко пропагандировал “полноценность” и “неполноценность” человека, советуя наладить при социализме “плановое” разрушение семьи, отделение любви от деторождения и организованное искусственное осеменение женщин с целью создания новых “социалистических” форм человека... В настоящее же время за рубежом буржуазная генетика стала особенно модной “наукой”, пропагандирующей расизм, евгенику, мальтузианство. Вейсманизм-морганизм служит сегодня средством в арсенале современного империализма для подведения “научной” базы под его реакционную политику... Для идеалистов всех разновидностей характерна их мракобесная направленность, их антинародность, практическая бесплодность. Морганистская генетика никогда и нигде не служила народу, не помогала ему в улучшении его благосостояния. Она всегда была и остается оторванной от жизни, от запросов сельского хозяйства»³¹.

³⁰ Передовая: За передовую мичуринскую биологическую науку // Микробиология. 1948. Т. 17. Вып. 5. С. 329–333.

³¹ Передовая // Бюллетень МОИП. Новая серия. Отдел биол. 1948. Т. 53. Вып. 5. С. 5–8.

К 50-летию со дня рождения Лысенко в журнале “Природа” была опубликована статья А.И. Опарина, который, перечислив великих ученых-новаторов, писал: “К числу таких замечательных новаторов относится и наш славный юбиляр. Революционер в биологии, ученый, возвращенный Великим Октябрем, Т.Д. Лысенко родился в 1898 г...”

...С присущей ему непоколебимостью и страстностью, смело и решительно разоблачает Т.Д. Лысенко антинаучное идеалистическое направление в биологии, развивает и двигает вперед передовую мичуринскую биологию...

Именно это позволило Т.Д. Лысенко сделать огромный вклад в развитие биологической науки и в практику социалистического хозяйства, позволило Лысенко совершить подвиг в его жизни – окончательно развенчать антинаучность и практическую бесплодность реакционной вейсманистско-моргановской концепции”³².

Вот так, ни больше ни меньше, как подвигом называет Опарин разгром генетики в нашей стране.

В “Зоологическом журнале” В.И. Жадин писал: “Советская биология поднялась в настоящее время на небывало высокую ступень своего развития, справедливо называемую мичуринским этапом...”

Итак, путь советских гидробиологов – это путь направленного биологического продуцирования, причем направленность эта должна достигаться методами мичуринской биологии, методами смелых преобразователей природы – Докучаева, Вильямса, Мичурина и Лысенко...

Что касается методов выведения новых пород и сортов водных организмов, то в этом отношении гидробиологам следует воспринять и развить применительно к водной среде глубоко продуманный, теоретически обоснованный и блестяще оправдавший себя на практике сельского хозяйства классический метод И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко”³³.

“Ботанический журнал” поместил статью П.В. Макарова, которая уничтожала морганизм-менделизм, поскольку ее автор “доказал”, что хромосомы не ауторепродуцируются, а при каждом митозе они образуются заново. Макаров писал, что факты, полученные им, заставляют его признать, что “во время профазы происходит новообразование хромосом. В основе его лежит морфогенетический процесс, проявляющийся как разделение фаз, коагуляция или коацервация. Ядро при этом теряет свойство несмешиваемости с цитоплазмой и утрачивает свою индивидуальность. Фазовые свойства переходят к хромосомам, весь остальной материал вместе с цитоплазмой дает миксоплазму.

В телофазе процесс протекает в обратном направлении. Материал хромосом постепенно диспергируется, и за счет него происходит образование дочерних ядер.

(...) Представления о новообразовании хромосом, о динамичности ядерных структур вносят принцип развития в одну из наиболее метафи-

³² Опарин А.И. Академик Т.Д. Лысенко – ученый-новатор (к 50-летию со дня рождения и 25-летию научно-исследовательской деятельности) // Природа. 1949. № 12. С. 74–77.

³³ Жадин В.И. Современное состояние и задачи гидробиологии в свете учения Вильямса–Мичурина–Лысенко // Зоол. ж. 1949. Т. 28. Вып. 3. С. 197–212.

зических областей биологии. Они подрывают цитологические основы организма”³⁴.

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. сыграла роковую роль в развитии советской биологии, генетики, селекции, понимании биологических основ человека, генетических проблемах экологии и теории эволюции. Кажется все погибло и навсегда разгромлено. Однако спустя 8 лет, в 1956 г., началось возрождение генетики. Это возрождение было нелегким после эпохи лысенковщины, а некоторые ученые и практики до сих пор находятся под ее влиянием. 1953–1965 гг. были годами разоблачения Лысенко. Его падение произошло только в 1966 г.

* * *

Решил ты справить юбилей?
Так чашу зависти испей.
Я знаю, что завистлив ты,
Как я, как все. Без клеветы
Никто на свете не живет.
Спасая славу и живот
Я в каждом вижу грязь и ложь –
Ведь ближний на меня похож.

Я всемогущ, я все постиг.
И нити дьявольских интриг
Подвластны мне. Я Президент
Трех тайных адских Академий
И я источник разных там
Эпизоотий, эпидемий.
Я знаю, как из “ничего”
Добыть навозное зерно.

Скажу тебе не без зазнайства
Министр сельского хозяйства
Мой лучший друг и ученик.
К браздам правленья он проник.

Я прост, живого вещества
Полна с избытком голова,
В мозгу же лишних нет извилин.
А ты... а ты... а ты – Дубинин!

³⁴ Макаров П.В. О превращениях вещества хромосом в ранней профазе и поздней телофазе (к критике гипотезы непрерывности хромосом) // Ж. общей биол. 1948. Т. 9, № 5. С. 363–384.

Перед генетикой открылась замечательная дорога развития, по которой мы должны пойти с ясной головой, добрым сердцем и чистыми руками

Н.П. Дубинин

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАБОРАТОРИИ РАДИАЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ – НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ ГЕНЕТИКИ

После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в течение шести лет Николай Петрович вынужден был работать на Урале, возглавляя созданный им зоологический отряд Комплексной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения на трассе гора Вишневая – Каспийское море, занимаясь орнитологией. Здесь намечалась самая сложная из трасс государственных лесных полос. Область науки, которой предстояло заниматься Н.П. Дубинину, была для него совершенно новой. Наряду с исследовательской работой, решались вопросы оказания помощи производству на месте. Были изучены очаги массового размножения опасных вредителей, таких как златогузка, непарный шелкопряд и другие; изучались практика привлечения птиц лесхозами и состояние почв ряда участков гослесополосы по наличию почвенных вредителей лесопосадок и т.д. Все эти работы были завершены передачей производственным организациям соответствующих рекомендаций.

Не все орнитологи встретили нового коллегу с распростертыми объятиями, но настало время и они стали считать его своим, долго не забывали и приглашали на совещания, конференции. Не хотели верить, что так внезапно и навсегда Николай Петрович покинул орнитологию. В 1970 г. он получил из МГУ от проф. Н.П. Наумова¹ список орнитологов Советского Союза, в котором увидел и свою фамилию.

Председатель секции МОИП проф. Н.Н. Воронцов в 1987 г. писал Николаю Петровичу:

⟨...⟩ Переквалифицировавшись на время в орнитолога, вы смогли успешно исследовать птиц долины реки Урал. Ваша двухтомная монография “Птицы долины реки Урал” достойно развивает славные традиции отечественной зоологии по изучению фауны этой сложной области, заложенные трудами П.И. Рычкова, П.-С. Палласа, Э.А. Эверсмана. ⟨...⟩ Этой зоологической работе суждена долгая жизнь. В этой монографии в полной мере проявилась Ваша широкая общебиологическая культура².

В конце 1953 г. Николай Петрович возвратился с Урала в Москву. Он и сотрудники зоологического отряда, будучи сотрудниками Института леса, в течение двух лет изучали птиц в лесах Подмоскovie и Вологодской области. Позже, возвращаясь к этому периоду, Николай Петрович скажет:

Ежегодно на отчетном годовом Общем собрании Академии наук в 1949–1954 гг.

¹ Наумов Николай Петрович – зав. кафедрой зоологии МГУ.

² Личный архив Н.П. Дубинина.

главный ученый секретарь Академии наук Александр Васильевич Топчиев напомнил, что Академия наук ждет от академика И.И. Шмальгаузена и члена-корреспондента АН СССР Н.П. Дубинина самокритики. Они должны признать свои заблуждения, разоружиться и стать на рельсы “передовой” мичуринско-лысенковской биологии. Эти призывы не попадали в печатный текст докладов А.В. Топчиева. Я сидел в большом зале Дома ученых на улице Кропоткина, слушал эти слова и знал, что наступит время, эти слова исчезнут и из устного отчетного доклада³.

О своем вынужденном пребывании там, на Урале, в Комплексной экспедиции, Николай Петрович позднее напишет:

Шестой сентябрь сломал все прочь
И даже псу не сладко.
Пришли болезни, холод, дождь
И ветер рвет палатку.

Что за ветер в степи над Уралом
В несчастливом таком сентябре,
Иногда вот усесться бы рядом
Да завывать при смятенной луне!

Перед Н.П. Дубининым как никогда остро встал вопрос об организации лаборатории “на правах института” или института, в котором можно было бы заниматься теоретической и экспериментальной генетикой, продолжить работы, успешно начатые в ИЭБ, где он руководил лабораторией цитогенетики на протяжении 16 лет.

В 1953–1954 гг. начался новый этап в научной жизни Николая Петровича. Его активная деятельность была сосредоточена на развитии молекулярной и радиационной генетики. В нашей стране и мире произошли важные события: в марте 1953 г. умер И.В. Сталин. Положение Лысенко пошатнулось, в прессе стали появляться критические замечания в адрес учреждений, которыми он руководил. В этом же году Дж. Уотсон и Ф. Крик создали модель двойной спирали ДНК, и это событие стало точкой отсчета эпохи молекулярной биологии и генетики. Среди отечественных ученых Н.П. Дубинин одним из первых оценил эпохальное значение этого открытия, хотя далеко не все из его коллег тогда понимали, что именно ДНК, а не белки, является носителем наследственности.

Н.П. Дубинин посылает многочисленные письма и заявления в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, в которых он пишет о положении в биологической науке, о том, что возрождение генетики – задача государственной важности, ибо без этого вся биология, ее практика и проблемы обороны страны в части защиты от биологического оружия не поднимутся до нужного уровня.

В эти годы США и СССР проводили серию испытаний атомного оружия в атмосфере, происходило широкое внедрение атомной энергии в народное хозяйство и медицину. Вопросы радиационной генетики приобретали большое значение. Н.П. Дубинин представил руководителю ОБН А.И. Опарину документ, в котором пишет, что пора понять не на словах, а на деле, что наступает атомная эра, раскрытие энергии атома окажет огромное влияние не

³ Дубинин Н.П. Вечное движение. М. 1973. С. 299.

только на технику, но и на биологию, и в первую очередь надо иметь в виду влияние радиации на наследственные свойства организмов. В этом документе он подчеркивал, что у ОБН и Президиума АН СССР нет чувства нового, что огромная область работ по воздействию ионизирующих излучений на наследственность в основном выпала из поля зрения нашей науки.

Н.П. Дубинин в своем ежегодном отчете⁴, поданном в ОБН АН СССР за 1954 г. пишет:

⟨...⟩ Весною 1954 г. я выступил на Общем собрании Отделения биологических наук АН СССР, в связи с отчетами за 1953 г., по вопросу о положении в генетической науке.

28 декабря 1954 г. я выступил с докладом на эту тему на заседании Бюро Отделения биологических наук АН СССР. На этом заседании Бюро отделения, хотя и не поставило вопрос о положении в генетической науке во всем объеме, без чего нельзя добиться существенных сдвигов в ряде важнейших разделов нашей биологической науки, однако Бюро Отделения приняло решение о проведении ряда мер, направленных на развитие отстающих проблем. ⟨...⟩

10 января 1955 г.

После С.И. Вавилова Президентом АН СССР стал Александр Николаевич Несмеянов.

⟨...⟩ Именно ему, как руководителю Академии наук, в той мере, в какой он мог это сделать, наша наука обязана первыми самыми трудными шагами своего возрождения⁵.

Н.П. Дубинин подает заявление в Академию наук об организации лаборатории генетики. Академик-секретарь ОБН А.И. Опарин ответил, что дорога для организации лаборатории открыта, но советует назвать лабораторию не общей генетики, а радиационной генетики и организовать ее в составе Института биологической физики АН СССР. На словах это была поддержка, но дело сильно затягивалось. Оказалось, что документ Н.П. Дубинина о задачах лаборатории радиационной генетики (ЛаРГ) был разослан на отзыв многим специалистам. Абсолютное большинство заключений было положительным, но были и отрицательные отзывы. Среди них вызывал недоумение резко отрицательный отзыв М.Е. Лобашева⁶, в котором он, генетик, ученик Ю.А. Филипченко, требовал принять меры к тому, чтобы не допустить организацию лаборатории. В этом отзыве, датированном 2 декабря 1954 г., который был представлен Н.П. Дубинину для ознакомления, он писал:

⟨...⟩ У каждого советского биолога вызывает естественное чувство протеста против общего охаивания профессором Дубининым того мощного прогрессивного направления в биологии и генетике, которое развивается в нашей стране после сессии ВАСХНИЛ 1948 года... Создается впечатление, что профессор Н.П. Дубинин не понял всего того, что произошло в развитии науки после сессии ВАСХНИЛ... Автор записки не скупится на сильные "определения" деятельности Института генетики... Брать на себя смелость огульно охаивать большой коллектив способных экспериментаторов... недостойный прием аргументации в пользу затеваемого автором

⁴ Индивидуальный отчет Н.П. Дубинина за 1954 г., поданный в ОБН АН СССР. Личный архив.

⁵ Н.П. Дубинин. Вечное движение. М.: 1973. С. 354.

⁶ Еще ранее М.Е. Лобашев обратился к Н.П. Дубинину с просьбой дать отзыв на его докторскую диссертацию и 20.X.1947 г. положительный отзыв был написан Н.П. Дубининым (Примечание составителя).

предприятия. Я знаком лишь с частью работ института по литературе (проф. И.Е. Глушенко, К.В. Косиков, Х.Ф. Кушнер, Н.И. Нуждин и их сотрудников) и считаю эти исследования интересными и представляющими определенное положительное явление в науке... предпосылка и проблемы будущего института или лаборатории целиком построена на формально-генетических представлениях автора... нет необходимости создавать новый институт или отдельную лабораторию на правах института. В системе Академии наук уже имеется Институт генетики⁷.

Этот институт возглавлял Т.Д. Лысенко.

В это же время Н.П. Дубинин получил телеграмму:

Москва Академия наук
Большая Калужская, 33

Ленинград, 27 декабря 1954 г.

Григорию Константиновичу Хрущову⁸

Москва, 1-ая Брестская ...
профессору Дубинину

Полностью поддерживаю докладную записку Николая Петровича Дубинина, считаю оценку современного положения в генетике совершенно правильной. Организация нового Института генетики необходима для развития советской биологии

Профессор

Тахтаджян

Однако организация Лаборатории затягивалась. А.И. Опарин оттягивал время и Н.П. Дубинину было предложено вначале зачислиться в ИБФ АН СССР.

Н.П. Дубинин продолжал писать в ЦК КПСС о необходимости изменения положения в биологии. В ЦК КПСС в поддержку биологов пишут письма физики и математики.

В это время Н.П. Дубинин сблизился с директором Института ботаники Павлом Александровичем Барановым, организуется документ, известный под названием "Письмо трехсот"⁹. Это письмо было отправлено в ЦК КПСС с сопроводительной запиской, подписанной П.А. Барановым и Н.П. Дубининым. Само письмо с сокращениями было опубликовано в газете "Правда"¹⁰. Работая с архивом Н.П. Дубинина, мы обнаружили как само письмо с правкой Н.П., так и листы с подписями всех трехсот ученых-биологов¹¹.

Ситуация в науке требовала составления перспективных планов развития генетики, выделения ее главных, глобальных направлений.

10 января 1955 г. Н.П. Дубинин направляет письмо в ОБН АН СССР:

(...) В связи с поручением Бюро отделения относительно работы по проблемам, прошу Вас утвердить две бригады: 1) по проблеме наследственности и 2) по проблеме полиплоидии.

Прошу также утвердить следующий состав членов бригад (...)

Член-корр.

Н.П. Дубинин

⁷ Н.П. Дубинин. Вечное движение. М.: 1973. С. 355.

⁸ Хрущов Г.К. член-корр. АН СССР, зам. академика-секретаря ОБН АН СССР.

⁹ Письмо подписали 300 ученых биологов страны.

¹⁰ "Генетика – наша боль". В Президиум ЦК КПСС. Письмо 1955 года. "Правда" 13 января 1989 г.

¹¹ Жимулев И.Ф., Дубинина Л.Г. Новое о "Письме трехсот – массовом протесте советских ученых против лысенковщины в 1955 г. "Вестник ВОГиС, 2005. Т. 9, № 1. С. 13–33.

Бюро ОБН АН СССР от 18 января 1955 г. на своем заседании об “Утверждении состава бригад для разработки научных записок по проблеме цитологии и генетики” постановило утвердить следующий состав бригад:

По проблеме наследственности: Н.П. Дубинин (председатель), В.Л. Рыжков, А.Н. Белозерский, А.А. Прокофьева, В.В. Хвостова; по проблеме полиплоидии: П.А. Баранов (председатель), А.Р. Жебрак, В.В. Сахаров, В.Е. Писарев, Л.П. Бре-славец; по проблеме цитологии: Д.Н. Насонов (председатель), В.Я. Александров, М.С. Навашин, Б.Л. Астауров (...) Председатель – академик А.И. Опарин

Для работы над запиской по проблеме наследственности бригада привлекла широкий круг исследователей, так как необходимо было выяснить мнение ученых по отношению к самой идее возрождения генетики в СССР. Было разослано 223 письма генетикам, селекционерам, биологам и ученым других специальностей. Ответ прислали 168 человек.

Одно из таких писем было направлено С.С. Четверикову.

С.С. ЧЕТВЕРИКОВУ¹²

Москва

2 марта 1955 г.

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Бюро Отделения Биологических наук Академии наук СССР поручило комиссии под моим председательством составить объяснительную записку по проблеме “наследственность”.

В связи с этим комиссия решила обратиться ко всем наиболее видным исследователям в Советском Союзе, работающим в области наследственности, с просьбой ответить на следующие вопросы:

1) Какие наиболее важные научные и производственные проблемы генетики и селекции считаете Вы необходимым разрабатывать в Советском Союзе в ближайшем будущем.

2) Какие работы по генетике и селекции ведутся в настоящее время лично Вами или под Вашим руководством.

3) Какие мероприятия Вы нашли бы необходимыми для дальнейшего успешного развития генетики в Советском Союзе.

Я буду Вам очень признателен, если Вы найдете возможным прислать ответ на перечисленные выше вопросы поскорее, так как срок, поставленный Бюро Отделения для завершения работы комиссии, крайне ограничен.

Член-корреспондент АН СССР

Н.П. Дубинин

Адрес: Москва, Б. Калужская, 33. Бюро Отделения биологических наук.
Председатель бригады по наследственности
член-корреспондент АН СССР

Н.П. Дубинин.

Сергей Сергеевич Четвериков откликнулся очень оперативно и уже 5.03.1955 г. отправил из Горького ответ:

Глубокоуважаемый Николай Петрович,

Ваше письмо я получил и постараюсь ответить на все Ваши вопросы.

1 вопрос: Какая должна быть тематика?

¹² АРАН. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 134. Л. 2. Авторизованная машинопись.

К сожалению, я совершенно не знаю, что делается и что сделано по генетике за границей за последние 7 лет. Но считаю, что нам необходимо как можно скорее влиться с нашими работами в общее русло генетической тематики мировой науки. Всякая изоляция в этом отношении ничего не приносит кроме величайшего вреда, в чем мы убедились за минувшие 7 лет. Это ни в коем случае не означает, что мы слепо должны принимать все, чтобы нам не преподносили. Но все истинное, все правильное, что дает наука в других странах, должно быть нами принято и усвоено. Это первое.

Что же касается конкретных тем, которые я бы мог указать, как на желательные, то это будут следующие:

а) межвидовая гибридизация. До 1947 г. наш Союз занимал, бесспорно, первое место. Назову хотя бы работы Карпеченко, академика Цицина, работы Хижняка, Державина и др. Едва ли за границей за эти 7 лет сделано в этой области что-либо существенное...

б) работы по искусственному получению стойких полиплоидов. ...Эта тематика... имеет громадный практический интерес.

в) проблема эволюции. И в этой области советская генетика занимала одно из ведущих мест (Н.П. Дубинин и его помощники). Крайне желательно продолжение этих работ, уточняющих, углубляющих и изменяющих наши эволюционные представления.

г) факторы, вызывающие и усиливающие мутационные процессы (работы Рапопорта и др.) ...

2 вопрос: Над чем я сейчас работаю по генетике?

Мне (скоро) 75 лет. Я почти ослеп. Поэтому ни о какой генетической работе не приходится и думать. К тому же в 1947 г. меня “начисто изъяли” из всякой генетической работы (университет, шелководство), так что при всем моем желании я нигде не мог найти работу.

3 вопрос: Необходимые мероприятия?

Это самый трудный, самый больной вопрос. Прежде всего и после всего – нужны настоящие научные кадры!!! А их нет, и взять их неоткуда. Старые кадры порастрепаны, и многие генетики перешли на другую работу и назад не вернутся. А молодежь – “генетики”, развращены лысенковской фантастикой до мозга костей и с ней ничего сделать не удастся. И как выйти из этого положения – ума не приложу. Но все-таки что-то делать надо. Начать надо с того, что кликнуть клич всем настоящим, научным генетикам. Это первое. А затем надо самым решительным и серьезным образом заняться подготовкой молодых сил. Для этого надо прежде всего добиться полного пересмотра всех программ и учебников по генетике для университетов и всех вообще ВУЗов, включая и сл.-хозяйственные (по селекции). Из них должна быть изгнана вся ламарксистско-лысенковская фантастика, вся эта вера в чудеса, в превращения одного вида в другой, словом вся эта фантастика и чепуха. Надо спешно напечатать новый, строго научный учебник генетики. Но когда все это будет? А время не ждет. Как все это нехорошо! Но все-таки это делать надо, и чем скорее, тем лучше. Ведь кадры решают весь успех дела! И за их формирование надо приниматься немедленно!!

*С. Четвериков*¹³.

¹³ Автограф С.С. Четверикова. Личный архив Н.П. Дубинина.

Другой биолог – Александр Николаевич Лутков, ответив Николаю Петровичу на поставленные вопросы, завершил письмо такими словами:

⟨...⟩ Желаю Вам полного осуществления Вашей инициативы возрождения генетических работ в Союзе! Искренне Ваш *А.Н. Лутков*. 11.04.1955 г.

Абсолютное большинство приславших ответы четко формулировали свое осуждение существующего положения в генетике, диктат “лысенковщины”, и говорили о срочной необходимости начать работы по генетике, селекции и цитологии.

В январе 1955 г. Бюро ОБН АН СССР под председательством зам. академика-секретаря В.Н. Сукачева утвердило бригаду по гибридной кукурузе, руководить работой было поручено Н.П. Дубинину. Учитывая, что посевы кукурузы гибридными семенами являются мощным средством повышения урожайности, Пленум ЦК КПСС постановил организовать производство этих семян, чтобы в ближайшие два–три года перейти на посевы кукурузы только гибридными семенами. Н.П. Дубинин, П.А. Баранов и М.И. Хаджинов составили перспективный план исследований по проблеме кукурузы и документ о научных основах семеноводства гибридной кукурузы. Т.Д. Лысенко безуспешно пытался опорочить эту работу.

26 января 1955 г. секретарь партийной организации Института леса А.А. Молчанов передал Н.П. Дубинину, что специальная комиссия разобрала вопрос о положении в биологической науке в нашей стране, в частности, его заявление и представленные документы и считает их в основном правильными.

Позже 6 июня 1955 г. Николай Петрович посылает письмо Н.С. Хрущеву, в котором, в частности, пишет:

⟨...⟩ Однако с тех пор прошло 4 месяца и положение не улучшается. Более того, последнее время Т.Д. Лысенко и его сторонники пытаются создать впечатление, что все их дела были и продолжают оставаться правильными.

Вместе с тем благодаря воздействию Т.Д. Лысенко в нашей биологии и в сельскохозяйственной науке продолжают оставаться обстановка искусственного торможения ряда наиболее мощных методов современного исследования и их приложения на практике, что наносит ущерб науке, культуре, производству и престижу Советского государства.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, прочесть посланные мною Вам ранее письма, прошу прочесть прилагаемую к настоящему письму рукопись “О практических результатах предложений Т.Д. Лысенко за 1932–1955 гг.”. Поднятые в этой рукописи вопросы было бы исключительно важно обсудить в широкой печати, однако в настоящий момент ни один журнал не возьмет такой статьи, боясь репрессий со стороны Т.Д. Лысенко.

На общем собрании ОБН акад. А.И. Опарин в своем докладе о деятельности Бюро отделения сказал, что, несмотря на наметившиеся сдвиги в общем положении в биологии, по его мнению, будущее нашей биологии мыслится лишь в развитии идей сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Н.П. Дубинин был срочно вынужден решать: или выступать с решительным протестом, тогда можно потерять шанс организовать лабораторию, или промолчать. П.А. Баранов в перерыве настойчиво советовал ему выступать. И он выступил, сказав о многочисленных ошибках в деятельности Т.Д. Лысенко, резкой крити-

ке подверг Бюро ОБН, которое отрицало такие прогрессивные методы, как полиплоидия и радиационная селекция, говорил об отставании Института генетики, руководимого Т.Д. Лысенко от уровня современных методов и задач, вставших перед генетикой.

РЕЧЬ Н.П. ДУБИНИНА НА ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

от 31 января 1955 г.

Обсуждая вопрос о работе Бюро Отделения Биологических наук, я не буду касаться тех крупных фактических разделов, которые были представлены в докладе академика-секретаря. Сосредоточу свое выступление на спорных сторонах этого доклада.

Бросается в глаза тот факт, что Бюро отделения отгораживается от некоторых вопросов науки в нашей жизни, оно уклоняется от их разрешения, манкирует их, отказывается от противоречий. Это очень серьезный, коренной недостаток работы. Без противоречий нет жизни и действительно в работе Бюро отделения не чувствуется дыхания нашей жизни, ставящей на повестку дня самые трудные противоречия и с успехом их разрешающей.

Например, вся страна переживала неудачи степного лесоразведения, причиной которого были неверные, порочные рекомендации Т.Д. Лысенко по гнездовому посеву леса. Эти рекомендации были основаны на теоретических позициях Лысенко, развит им в приложении к проблеме вида. Дискуссия по виду, прошедшая в последние два года, полностью вскрыла ошибочность, порочность этих взглядов. Однако Бюро отделения делает вид, что ничего не произошло.

Возьмите пример с ветвистой пшеницей! Ведь дело дошло до того, что А.И. Опарин и другие наши советские представители в Нью-Йорке на конгрессе в защиту мира, выдвигали ветвистую пшеницу Лысенко, как символ мирного созидательного труда советских людей. Где ветвистая пшеница? Почему Бюро отделения не изучило вопрос о теоретических позициях, которые были положены в основу этих работ и которые привели к их провалу.

Обратимся к делу Дмитриева, к этому вопросу внимание всей страны было приковано выступлением Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС. В Ц.О. ЦК КПСС в газете "Правда" появилась статья С.С. Станкова, в которой был назван конкретный виновник этого вопиющего дела, порочащего нашу советскую науку, а именно Институт генетики АН СССР, также было указано, что два руководящих члена Бюро отделения – академики Т.Д. Лысенко и А.И. Опарин неверно и тенденциозно проводили это дело в ВАКе.

Разве допустимо, что Бюро отделения прошло мимо этого вопиющего дела и не сделало всех нужных выводов об улучшении дела подготовки кадров!

Известно какое вредное значение имела попытка внедрить на долгие годы яровую пшеницу в районы юга Украины. XII съезд КП УССР вскрыл конкретных виновников этого дела и, в первую очередь, Институт генетики и селекции им. Т.Д. Лысенко. А.Е. Корнейчук, выступая на съезде писателей, описал острый конфликт между работниками сельского хозяйства и людьми, боровшимися за проведение вредного дела с яровой пшеницей.

Ведь ясно, что в основе этой негодной попытки, лежала негодная биологическая теория.

Почему, в то время, как вся страна переживала дело с яровой пшеницей, на юге Украины, именно Бюро отделения не нашло возможным подумать о серьезных последствиях теоретических ошибок в биологии, которые были допущены некоторыми людьми.

Перехожу к вопросу о монополизме. Александр Иванович Опарин сказал, что он не употреблял такого выражения. Ну что же, очень жаль. Он еще раз уклоняется от ясной постановки вопроса. Если Вы отказываетесь назвать людей, которые пытались навсегда захватить монопольное положение в биологии и утвердить в ней аракчеевский режим, то я назову их.

Конечно, первым должен быть назван академик Т.Д. Лысенко, затем по ярости атак против свободной борьбы мнений в науке, впереди своих многочисленных сподвижников идут Н.И. Нуждин и И.Е. Глущенко, своими писаниями о живом и неживом веществе. Всячески пытался утвердить аракчеевщину – Г.К. Хрущов и, наконец, идет А.И. Опарин, который в частности показал это своими сегодняшними формулировками в отношении оценки сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Напрасно А.И. Опарин заявил здесь, что деятельность Бюро отделения целиком определялась, определяется, и будет определяться решениями сессии ВАСХНИЛ. Подобная общая формулировка, без вскрытия сущности дела, представляют собою канонизацию всей сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Однако жизнь давно опровергла попытки канонизировать сессию и надо только раскрыть глаза, чтобы увидеть как далеко мы двинулись вперед от многого, что произошло на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. Своим недифференцированным огульным утверждением результатов сессии А.И. Опарин поддерживает потуги монополистов удержаться на позициях аракчеевщины...

Однако, что же реально случилось после сессии? Произошло то, что люди, которые взялись руководящим образом осуществить эти принципы, скатились на позиции монополизма и аракчеевщины, сделали много конкретных ошибок в теории и в практике и этим нанесли серьезный вред нашей науке.

На самом деле кто дал право канонизировать сессию ВАСХНИЛ?

Известно, что основы “новой теории” вида были изложены в докладе Т.Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Однако разве кто-нибудь запрещает критиковать эти ошибочные взгляды? Напротив, мы знаем, что вот уже два года как идет оживленная дискуссия, которая вскрыла порочность этих взглядов.

Больше того, когда в начале дискуссии Н.И. Нуждин и А.Н. Студитский попытались заткнуть рот критикам взглядов Лысенко, партия поправила их, в передовой “Коммунист” были осуждены эти воинственные выступления, пытавшиеся заглушить развертывание критики и борьбы мнений в вопросе о виде.

Возьмем вопросы полиплоидии. Известно, что на сессии ВАСХНИЛ этот новый замечательный метод селекции, показавший принципиально новые пути в деле преобразования наследственности у растений, был полностью охаян. Однако ведь теперь сам А.И. Опарин признал, что это была ошибка. Бюро отделения учредило бригаду по полиплоидии под руководст-

вом П.А. Баранова, чем признало эту проблему как одну из центральных по биологии.

Обратимся к вопросу о воздействии ионизирующих излучений на наследственность. На сессии ВАСХНИЛ и после нее эта проблема была буквально изничтожена. Все работы в этом направлении были объявлены кладоискательством. Вместе с тем хорошо известно, что многие советские ученые и я в том числе, провели до 1948 г. десятки и сотни работ в этом направлении. Советская экспериментальная генетика была подготовлена к вступлению в ответственный период работы с атомным излучением. Однако наши работы были ликвидированы, и теперь нужно все нагонять.

Мы знаем, что проблема воздействия ионизирующих излучений стала одной из главных в науке всего человечества. Мы вступаем в эпоху атомной энергии. Советский Союз прокладывает дорогу мирному использованию атомной энергии. При этом воздействие ионизирующих излучений вырастет как грозная проблема, которую мы должны встретить во всеоружии. А.И. Опарин говорил, что этот вопрос разрабатывается у нас недостаточно. Однако дело не только в этом. Дело в том, что без использования методов и фактов научной генетики и научной цитологии, эти вопросы будут решаться неверно, однобоко. Ясно, что если будет организована лаборатория экспериментальной и теоретической генетики, то я чтобы правильно поставить проблему о генетическом воздействии ионизирующих излучений, буду изучать их воздействия на гены и хромосомы.

Что касается моих теоретических позиций, то следует сказать, что конечно, я обладаю определенным грузом знания фактов и методов. Я не новорожденный в генетике. Вместе с тем, я ставил своей главной задачей вскрыть реальные творчески развивающиеся проблемы науки и работать в них.

Скажу несколько слов о фактах безкультурного отношения к науке. А.И. Опарин сказал, что я неправильно понял соответствующее место его доклада. Хорошо, я выдвигал тогда этот вопрос от себя лично. Я уже говорил в своем докладе на Бюро отделения, что ярким примером некультурного отношения к науке, почти во всем объеме его работ, является Институт генетики АН СССР, который отстал и от фактов и от методов современного исследования. Ярким свидетельством безответственного отношения к науке, явилось единогласное присуждение на ученом совете Института генетики АН СССР степени доктора наук В.С. Дмитриеву в то время как антинаучность этой работы была совершенно очевидна.

Надеюсь, что Бюро отделения учтет мое заявление и сделает проверку реального существующего положения дел в этом институте.

Из всего сказанного ясно, что Бюро биологического отделения совершило в своей работе за отчетный период ряд серьезных ошибок. Главная из них та, что в деятельности Бюро нет дыхания жизни, оно ушло от всех крупных и острых вопросов, уклоняется от дискуссий, от борьбы с монополизмом и остатками аракеевского режима в биологии.

Ясно, что, только изменив свое отношение к этим вопросам, Бюро Отделения сможет успешно выполнять свои задачи по руководству, обеспечить такое положение, чтобы ученые, работающие на фронте биологии, смогли бы полностью отвечать задачам, которые ставит перед нами эпоха.

После этого выступления акад. А.И. Опарин уже не смог задерживать организацию Лаборатории радиационной генетики. Настало время перемен. Вскоре на пост академика-секретаря был избран В.А. Энгельгардт.

5 апреля 1955 г. состоялось заседание Бюро ОБН АН СССР, которое рассмотрело план научно-исследовательских работ, представленный и доложенный Н.П. Дубининым. В обсуждении участвовали академики В.А. Энгельгардт, А.Л. Курсанов, А.И. Опарин, В.Н. Сукачев; член-корр. Н.И. Нурджин, П.А. Баранов; доктора б.н. Х.Ф. Кушнер, К.В. Косиков, И.Е. Глущенко, Н.И. Шапиро; к.б.н. В.М. Зезюлинский. Бюро ОБН одобрило план работ, представленный Н.П. Дубининым.

Одним из пунктов Постановления было:

Поручить члену-корреспонденту АН СССР Н.П. Дубинину договориться с одним из директоров институтов ОБН о включении Лаборатории в структуру института и об обеспечении ее рабочей площадью и оборудованием.

Распоряжением Президиума АН СССР от 26 октября 1955 г. член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин и его сотрудники по Уральской экспедиции м.н.с. В.Н. Беляева и лаборант Т.Я. Гроздова были переведены из Института леса АН СССР в ИБФ АН СССР.

Согласно распоряжению № 5 ОБН АН СССР от 13 апреля 1956 г. академик-секретарь ОБН АН СССР В.А. Энгельгардт поручил подготовить проект плана мероприятий для развития работ по радиационной генетике комиссии в составе Н.П. Дубинина (председатель), Э.Я. Граевского, Н.И. Шапиро и В.М. Зезюлинского. Доклад комиссии должен быть представлен в Отделение к 5 мая 1956 г.

По инициативе Н.П. Дубинина в ИБФ АН СССР Президиум АН СССР учредил Лабораторию радиационной генетики, перед которой была поставлена задача исследования центральных проблем радиационной и общей генетики.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 22 июня 1956 г. № 278

“Об организации в Институте биологической физики АН СССР Лаборатории радиационной генетики (представление Бюро Отделения биологических наук)

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. В дополнение к п. 2 постановления Президиума Академии наук СССР за № 205 от 6 мая 1955 г. утвердить в структуре Института биологической физики АН СССР Лабораторию радиационной генетики.

2. Поручить штатно-бюджетной комиссии Президиума Академии наук СССР рассмотреть вопрос о выделении Институту биологической физики АН СССР дополнительных ассигнований в связи с организацией Лаборатории радиационной генетики¹⁴.

Президент Академии наук СССР
Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР

академик *А.Н. Несмеянов*
академик *А.В. Топчиев*

¹⁴ Далее ЛаРГ.

Н.П. Дубинин стал заведующим этой Лабораторией.

В этот период начались деловые контакты Н.П. Дубинина с президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым. Без его помощи дело организации первой лаборатории, возрождающей научную генетику, встретило бы большие трудности. А.Н. Несмеянов лично санкционировал организацию ЛаРГ для развития исследований по влиянию радиации на наследственность.

Решением Бюро ОБН АН СССР от 27 ноября 1956 г. в связи с ликвидацией Ученого совета при Президенте АН СССР при Бюро ОБН был учрежден специальный координационный центр, именуемый Комиссией по использованию изотопов и излучений в биологии. В состав Комиссии по мирному использованию атомной энергии в биологии под председательством ак. В.А. Энгельгардта вошли: А.М. Кузин, М.Н. Мейсель, Л.А. Орбели, Н.И. Нуждин, Н.П. Дубинин, Н.М. Сисакян и др.

Одной из главных проблем по ОБН была “Физические и химические основы наследственности”. Группой специалистов под руководством Н.П. Дубинина была проведена работа по ее написанию. Эта проблема была новой и утверждена в качестве одной из важнейших проблем биологии лишь в 1956 г. Более того, работы в этом направлении вообще не велись в течение последних лет в нашей стране. Поэтому развитие исследований требовало большой организационной работы по созданию соответствующих институтов и лабораторий и по подготовке кадров. Большая роль отводилась союзным Академиям наук и филиалам АН СССР. Для разработки проблемы было привлечено более 35 институтов, кафедр, лабораторий. 25 декабря 1956 г. состоялось обсуждение Научной записки на Бюро ОБН АН СССР. В обсуждении участвовали: академики И.В. Тюрин, В.А. Энгельгардт, Е.Н. Павловский; члены-корр. АН СССР В.Л. Рыжков, Е.Н. Мишустин, П.А. Баранов, Н.П. Дубинин; проф. П.А. Генкель, д.б.н. А.А. Спасский, к.б.н. Н.И. Шапиро, к.б.н. В.В. Сахаров.

Научная записка была утверждена на Бюро ОБН АН СССР и 30 мая 1958 г. была одобрена на заседании Президиума АН СССР, который включил проблему “Физические и химические основы наследственности” в число важных проблем пятилетнего плана (на 1956–1960 гг.) учреждений ОБН, принял план работ на пятилетку, утвердил руководителем проблемы члена-корр. АН СССР Н.П. Дубинина и ведущим учреждением – Лабораторию радиационной генетики.

Последний раздел “Записки” посвящен мероприятиям, которые необходимо провести в качестве основных для реализации работ по этой ведущей проблеме. Основными из них являются – создание Института экспериментальной и радиационной генетики в качестве ведущего учреждения, развертывание работ по проблемам радиационной, физической и химической генетики в республиканских АН, в филиалах и базах, издание с 1958 г. журнала “Генетика”, преподавание в университетах и других высших и средних учебных заведениях научных основ указанных дисциплин.

В 1960-е гг. проблема “Физические и химические основы наследственности” вошла в другие направления: “Основные закономерности и механизм действия ядерных излучений на биологические объекты” и “Проблемы космической биологии”.

В 1957 г. после полета первого советского искусственного спутника Земли началась космическая эра в истории человечества. В ЛаРГ зароди-

лось новое направление – космическая генетика, основанная на результатах, полученных при изучении наследственности у организмов, участвовавших в полетах на космических кораблях. Необходимо было получить данные, как влияют факторы космического полета на клетки в организме и их генетический аппарат. Последнее, в основном, изучалось на мышах и дрозофиле.

ЛаРГ возглавила работу по космической генетике. Исследования, выполненные в лаборатории сыграли важную роль в развитии космонавтики.

⟨...⟩ Обширные медико-биологические исследования, выполненные советскими учеными, показали, что человек может подняться в Космос. Н.П. Дубинин с большим волнением вместе с рядом медиков и физиологов подписывал документ, который с медико-биологической точки зрения открывал дорогу Ю.А. Гагарину, а затем и всем остальным космонавтам в Космос”¹⁵.

В 1987 г., поздравляя с 80-летием Н.П. Дубинина академик *О.Г. Газенко* от имени сотрудников Института медико-биологических проблем Минздрава СССР написал:

⟨...⟩ Нам особенно приятно подчеркнуть, что Вы заложили основы нового раздела биологии – космической генетики и во многом способствовали обеспечению безопасности первых полетов человека в космос ⟨...⟩

Позднее для координации работ по проблеме “Физические и химические основы наследственности” Постановлением Президиума АН СССР от 15 августа 1958 г. № 577 “О составе Научного совета по проблеме “Физические и химические основы наследственности” был утвержден Научный совет в следующем составе: Дубинин Н.П. (председатель), Кнунянц И.Л., Тамм И.Е., Энгельгардт В.А., Астауров Б.Л., Белозерский А.Н., Рыжков В.Л., Хвостова В.В., Сидоров Б.Н., Прокофьева-Бельговская А.А., Алиханян С.И., Мейсель М.Н., Пешков М.А., Полянский Ю.И., Кушнер Х.Ф., Косиков К.В., Тумерман Л.А.

В ЛаРГ были начаты важные исследования на восточно-уральском радиоактивном следе (ВУРС), возникшем в 1957 г. в результате аварии на предприятии “Маяк” в Челябинской области. В 1958 г. на Урале было создано уникальное радиологическое учреждение – Опытная научно-исследовательская станция (ОНИС) химкомбината “Маяк”. В общем научном руководстве ОНИС принимали участие академики А.П. Александров, А.П. Виноградов, Н.П. Дубинин, И.К. Кикоин, М.С. Гиляров, В.Е. Соколов, В.Н. Сукачев, И.В. Тюрин, чл.-корр. АН СССР А.А. Молчанов и др. В работах ОНИС активное участие принимала ЛаРГ. Для генетических исследований, которыми руководил Н.П. Дубинин, был создан кабинет спецработ, а позднее в работу включился ИОГен АН СССР. Исследования на ВУРС активно продолжают-ся и в настоящее время.

Следует сказать, что Н.П. Дубинин был одним из пионеров радиационной генетики в СССР. Самые первые его работы, показавшие сложное строение гена, были выполнены в конце 1920-х гг. методом получения радиационных мутантов у дрозофилы. До 1948 г. Н.П. Дубинин и его сотрудники широко применяли облучение ионизирующей радиацией для решения таких важных вопросов общей генетики как эффект положения, уникальных до сих пор работ по созданию хромосомных рас *D. melanogaster* и др. В этой

¹⁵ Дубинин Н.П. Вечное движение. М.: Политиздат, 1973. С. 379.

связи при формировании Лаборатории Н.П. Дубинин пригласил многих сотрудников, которые работали с ним еще в 1930–1940-х гг. в лаборатории цитогенетики ИЭБ. Это и позволило в 1956 г. после длительного перерыва подобных исследований быстро организовать единственную в СССР и исключительно активно работающую лабораторию радиационной генетики. Здесь были начаты работы в области радиационной генетики, цитогенетики, молекулярной генетики, по хромосомам человека, космической генетике, по изучению биохимических основ наследственности и другим направлениям.

Основной задачей новой лаборатории было изучение вопроса о влиянии радиоактивных излучений на наследственность организмов, чтобы дать качественный и количественный прогнозы о возможных поражениях наследственности человека. Начало производства и испытания ядерного оружия поставили перед учеными всего мира новые проблемы: каковы могут быть последствия облучения для популяций человека, животных и растений; какие радиационные эффекты нужно ожидать в отношении половых и соматических клеток человека и животных; что такое предельно допустимые дозы, разработка методов защиты от воздействия радиации, проблема малых доз.

Большое значение для успеха этих исследований имели работы по радиационной генетике обезьян. По этому поводу Н.П. Дубининым была подана специальная Записка в ОБН АН СССР о необходимости проведения этих работ в Китайской Народной Республике.

При формировании лаборатории по каждой кандидатуре Н.П. Дубинин обращался с письмами и просьбами к Президенту А.Н. Несмеянову, добиваясь зачисления в штат лаборатории – Г.Г. Тинякова, В.В. Сахарова, Д.Д. Ромашова, а также перевода из Якутского филиала и трудоустройства Н.Н. Соколова, Я.Л. Глембоцкого, Б.Н. Сидорова. На приглашение Н.П. Дубинина откликнулись В.В. Хвостова, М.А. Арсеньева. Н.П. получил разрешение на трудоустройство А.А. Прокофьевой-Бельговской, С.З. Миндлин, М.Л. Бельговского. Никто не брал на себя смелость самостоятельно зачислять сотрудников. В 1956 г., в год организации ЛаРГ пришли: Л.П. Бреславец, Ю.С. Бочаров, С.А. Валева, О.Н. Сорокина, В.Д. Латкин-Турков, Э.А. Абелева, Н.А. Потехина, И.Д. Аникеева, Л.Г. Дубинина, В.К. Щербаков, Э.Д. Бакулина, В.В. Мансурова, Г.Л. Покровская, Е.С. Мойсеенко, Н.Н. Орлова, Р.Н. Платонова, Ю.Л. Лапкин, Л. Невзгодина и др. Пришло много талантливой молодежи. Н.П. и его ближайшим сотрудникам удалось сохранить и высокий научный потенциал и дух подлинного творчества, который был так характерен для московской школы генетиков 1930–1948 гг., во главе которой он стоял. Вскоре лаборатория стала очагом возрождения и нового этапа развития генетики в нашей стране.

За две недели до организации лаборатории 7 июня 1956 г. был подписан акт согласно которому:

“В соответствии с распоряжением Президиума Академии наук СССР от 26 мая 1956 г. № 8-1062 Главный Ботанический сад АН СССР сдал, а Институт биофизики АН СССР принял территорию Карантинного питомника, расположенного по Первому Академическому проезду”¹⁶.

¹⁶ Сейчас это ул. Вавилова, а на месте барака, в котором располагалась ЛаРГ, находится автобаза РАН (*Примечание составителя*).

Это почти развалившийся барак, зато собственное помещение, которое получил для лаборатории и к своему 50-летию член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин. Достаточно сказать, что в этом бараке, снятой с баланса постройки, отсутствовал газ, канализация, водопровод. Воду привозили в бидонах с автобазы АН СССР. В таком виде лаборатория проработала несколько лет.

Кроме этого основного помещения, была еще одна комната в “школе” на Боровском шоссе (ныне Ломоносовский проспект). Многие сотрудники с разрешения Президента АН СССР работали и ютились по другим учреждениям: на кафедре гистологии Мясо-молочного института, в Институте антибиотиков, Зоологическом музее МГУ. Не было никаких экспериментальных баз для работы с животными и растениями.

При ЛаРГ работал постоянно действующий семинар под руководством Н.П. Дубинина, который привлекал множество участников из других исследовательских учреждений и вузов.

* * *

Мы от пингинов делегаты.
Слух пустил какой-то олух
Будто бы от нас пернатых
Уходит к мухам орнитолог?!

4 января 1954 г.¹⁷ Ксана¹ Мика²
Вера³ Нина⁴
А. Прокофьева (*Шура*)

4 января 1957 г. Николай Петрович получает поздравления и посвящения от коллег по случаю своего 50-летия. Приведем некоторые из них.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Москва
Первая Брестская улица...

Москва, 1957 г.

Члену-корреспонденту Николаю Петровичу Дубинину

Глубокоуважаемый Николай Петрович Президиум Академии наук СССР сердечно поздравляет Вас с днем Вашего пятидесятилетия, желает Вам здоровья, дальнейших успехов в работе на благо советского народа = Вице-президент Академии наук СССР академик Бардин, главный ученый секретарь президиума Академии наук СССР академик *Топчиев*

¹⁷Расшифровка фамилий сделана составителем: ¹ Панина Ксения Александровна; ² Арсеньева Милица Альфредовна; ³ Хвостова Вера Вениаминовна; ⁴ Мануйлова Нина А.

ХРАБРЫЙ НИКОЛАС

Героическая поэма в 9 частях.

Часть девятая (январь 1957 г.)¹⁸

БОЙ НА ОЛИМПЕ

Горит Восток зарею новой,
Уж на Олимпе по холмам
Грохочут пушки, дым багровый
Кругами всходит к небесам.

Полки генетиков готовы
Рвануться на последний бой,
И культа личности оковы
Разбить окрепшею рукой.

Повсюду вспыхивают стычки,
Лысенковцы сидят в кустах,
Оскалив зубы, по привычке
Мичуриным наводят страх.

Но баловни победы легкой,
Питомцы Трошкина двора
На шее чувствуя веревку
Дрожат, разбойники пера.

И битвы поле роковое
Сильней пылает и кипит,
Но явно, счастье боевое
К полкам генетиков летит.

Развенчанный Опарин сброшен,
Павловский задний ход включил,
Бошнян блеснул и сел в галошу,
Старушка¹ выбилась из сил.

Презент, Перов, Ольшанский, Юдин,
Глуценко, Кушнер и Нуждин
И много, много прочих блудней
Готовы сдать как один.

Тогда-то боем вдохновленный
Раздался Николая глас:
"За гены, братцы", и тот час
Толпой любимцев окруженный

Выходит он. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен,
Движенья быстры, он прекрасен!
Он весь как Божия гроза.

Полсотни лет имея за плечами,
Могущ и радостен как бой
Явился он перед полками,
За ним во след неслись толпой

Сии птенцы гнезда Кольцова
В пременах жребия земного
Огнем труда закалены
Монаха Менделя сыны.

Там осторожный Энгельгардт
Кружит, красуется, как бард,
Вот непреклонный Сукачев
Всегда везде на бой готов.

Упорный шествует Капица,
И Арцимович виден там,
Вот Ляпунов летит как птица,
Решительный шагает Тамм.

Гарцует Эмме разудалый,
Петров дотошный мельтешит,
Там Соколов, прекрасный малый,
Здесь Сидоров на бой спешит.

В. В.² эффектно благородный
На полиплоидной лошадке,
За ним Жебрак и Кот³ безродный
Знаток любой бумажной схватки.

И тут же Рыжков ядовитый,
И Таракан⁴ всегда сердитый,
И фрейлина двора Хвостова,
И Мика⁵ из гнезда Кольцова.

Все собрались...
И лишь крипторж – баран бедняж
Один без седока бежит
Заброшенный Глембоцким Яшкой
Уехавшим деньгу копить.

¹⁸ Расшифровка фамилий сделана составителем: ¹ Лепешинская Ольга Борисовна; ² Сахаров Владимир Владимирович; ³ Малиновский Александр Александрович; ⁴ Ромашов Дмитрий Дмитриевич; ⁵ Арсеньева Милица Альфредовна.

* * *

И пред унылыми рядами
Когда-то боевых дружин
Под зад толкаемый друзьями
Явился горестный Трофим.

Он в думу тихо погрузился,
Смущенный взор изобразил
Необъяснимое волнение
(Трофима явно приводил

Повсюду колют, рубят, режут,
Бой барабанный, крики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И ад и смрад со всех сторон.

Но близок, близок час победы.
Генетики ревут УРА!!
И... собираются к обеду
У Николасова двора.

* * *

Нежданный бой в недоуменье),
Но слабым манием руки
Он двинул в бой свои полки.
И грянул Олимпийский бой!

Друзья, возьмите чарки в руки,
Хлебнуть вина приспичил час.
Да здравствует Главарь науки
Любимый, храбрый Николас.

Сие насочинил и затем написал
первосортный поэт современности

А. Панпушкин

4 января 1957 г.

ДУБИНИНУ Н.П.

Вы и в тридцать были с плешинкой,
Но душой молоды в пятьдесят,
Вам желаем прожить еще столько,
Много чудных открытий создать
И порадовать нашу науку:
Свое новое слово сказать.
Даже тот, кто в науке Вам близкий,
Очень мало осмыслить сумел,
Понимает, что ценность большая
Вытекает из всех Ваших дел.
Так желаем творческого счастья,
Новых сил, ценных мыслей прилив,
И еще мы желаем скорее
Прочный свой вам создать коллектив.

* * *

* * *

Мы просим:
Нас не забывайте
Людей скромных и простых
И хоть редко навещайте
Если любите Вы их.

Не взывайте, не судите,
Как умела детвора,
Так и стих свой создала.

*Курдюмовы*¹⁹

¹⁹ Курдюмова Анна Григорьевна – лаборант Н.П. Дубинина в лаборатории генетики ИЭБ и ее семья.

В 1957 г. в лаборатории была разработана и передана в ВАСХНИЛ программа по курсу “Радиационная селекция с основами цитологии”; в деканат Биолого-почвенного факультета МГУ – программа по курсу “Радиационная генетика”. В Ученый совет Министерства Здравоохранения СССР представлена “Записка” о состоянии и задачах развития медицинской генетики. Совместно с Д.Ф. Петровым в Президиум ВАСХНИЛ подана “Записка”, посвященная плану проведения и научному обоснованию крупного цикла исследовательских работ в системе ВАСХНИЛ по проблеме использования апомиксиса для закрепления гетерозиса у гибридной кукурузы и у гибридных форм других перекрестников. В “Записке” даны научные обоснования для выдвигания этой проблемы как нового направления в науке, которое должно иметь громадное производственное значение для путей селекции всех перекрестноопыляющихся культур и для полного изменения методов использования гибридной кукурузы и получения новых гибридов.

В феврале 1957 г. в Москве прошло первое координационное совещание по проблеме “Биологическое действие ядерных излучений и радиационная генетика”.

“Совещание заслушало и обсудило на своих заседаниях доклад проф. А.М. Кузина о перспективном плане работ по биологическому действию ядерных излучений, доклад чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинина по перспективному плану работ по радиационной генетике; информационные сообщения: действит. члена АН УССР А.А. Городецкого о радиобиологической тематике в АН УССР, Н.В. Тимофеева-Ресовского о тематике в УФАН АН СССР, академика ВАСХНИЛ В.М. Клечковского о планах работ в ВАСХНИЛ, к.тех.н. А.В. Бибергалья об источниках излучения в радиобиологическом эксперименте, а также сводные планы работ по обеим проблемам. В работе совещания приняло участие 138 человек представителей 52 учреждений, в том числе представители институтов АН СССР, Украинской АН, Белорусской АН, Узбекской АН, Западно-Сибирского, Уральского, Якутского и Коми филиалов АН, представители ВАСХНИЛ, ЛГУ и многих других учреждений.

Совещание считает, что развитие мирного использования атомной энергии и все еще не устраненная опасность атомной войны делают проблемы радиобиологии и радиационной генетики исключительно важными для нашей страны”²⁰.

По секции “Радиационной генетики”, председателем которой был Н.П. Дубинин, в качестве главных задач исследований по радиационной генетике принимаются следующие направления:

1. Природа первичных радиогенетических эффектов и закономерности изменений клеточных структур и вирусов под влиянием излучений; роль первичных радиогенетических эффектов в лучевой реакции организмов.

2. Проблема опасности генетических повреждений для человека и вопросы защиты в свете продолжения испытаний атомного оружия и задач мирного использования атомной энергии: радиационная генетика млекопитающих.

3. Радиационная генетика популяций в связи с проблемами радиоэкологии и анализом влияния радиации на наследственность человека, животных, растений и микроорганизмов.

²⁰ Решение первого координационного совещания по проблеме “Биологическое действие ядерных излучений и радиационной генетики”, состоявшееся 12–15 февраля 1957 г. в Москве. Личный архив Н.П. Дубинина.

4. Разработка научных основ радиационной генетики и селекции микроорганизмов, растений и животных.

Совещание считает необходимым обратить внимание на неправильность противопоставления радиоселекции обычным селекционным приемам гибридизации и отбора. Радиационная генетика лишь вооружает селекцию новым приемом получения редких, но полезных наследственных изменений – радиомутаций, которые с успехом могут и должны быть использованы для улучшения существующих сортов и форм и выведения новых путем отбора и гибридизации.

Совещание считает целесообразным положить указанные выше главные направления работ в основу планирования исследований по радиационной генетике.

В 1950-е гг. большое значение придавалось пропаганде генетических знаний. В этом отношении большую роль сыграло Московское общество испытателей природы (МОИП), возглавляемое В.Н. Сукачевым. В его составе в 1957 г. Н.П. Дубинин организовал секцию “Генетика”, председателем которой он был избран. На заседаниях секции ставились привлекавшие широкую аудиторию доклады об экспериментальных работах, теоретических проблемах генетики, по теории эволюции. Организовывались лекции, семинары, которые посещали аспиранты, учителя средней школы, студенты, научные работники.

В письме Н.П. Дубинину от 25.11.1964 г. за подписью Б.Л. Астаурова написано:

“От души поздравляю Вас с присуждением первой МОИПовской премии за Вашу книгу”.

25 марта 1957 г. Н.П. Дубинин представил следующий документ:

В ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ЦК КПСС ОРГБЮРО ПО РСФСР

В связи с необходимостью широкой пропаганды знаний в области генетики, цитологии и радиобиологии, важность чего была подчеркнута на первом Всероссийском совещании по биологическому действию ядерных излучений и по радиационной генетике (12–15 февраля 1957 г.) и на XV-ой сессии Совета по координации научной деятельности Академии наук и филиалов АН СССР (25–26 февраля 1957 г.), прошу Вас рассмотреть следующий список возможных публичных лекций и массовых лекций и в случае согласия рекомендовать их.

1. Публичные лекции:

- С.И. Алиханян.* Радиационная селекция микроорганизмов
- Б.Л. Астауров.* Ядро и плазма в наследственности
- Н.П. Дубинин.* Современное состояние науки о наследственности
- А.Р. Жебрак.* Новые методы селекции в генетике растений
- А.А. Прокофьева.* Материальные основы наследственности
- В.В. Сахаров.* Полиплоидия и ее значение в эволюции и селекции растений
- В.В. Хвостова.* Радиационная селекция растений

2. Массовые лекции:

- 1) Межлинейная гибридизация – новый генетический метод селекции растений и животных
- 2) Экспериментальная полиплоидия и селекция растений
- 3) Радиационная селекция растений, микроорганизмов и животных

- 4) Новые методы генетики в селекции животных
- 5) Современное состояние науки о наследственности
- 6) Медицинская генетика
- 7) Ядро и плазма в наследственности
- 8) Наследование пола у животных и растений
- 9) Проблемы и задачи радиационной генетики
- 10) Материальные основы наследственности
- 11) Развитие половых клеток и оплодотворение у животных и растений
- 12) Механизм эволюции с точки зрения современной генетики
- 13) Физические и химические методы получения наследственных изменений (мутаций)
- 14) Генетика рака
- 15) Наследственность у человека и критика расовых теорий
- 16) Генетика бактерий и вирусов.

Член-корр. АН СССР

Н.П. Дубинин

21 марта 1957 г.

В период возрождения генетики Н.П. Дубинин очень активно выступал с докладами и лекциями по проблемам радиационной, физической, химической генетики и эволюции перед разными аудиториями: в ОБН АН СССР, на заседаниях МОИП, КГУ, ЛГУ, в Союзе советских писателей, Центральном Доме литераторов, на всевозможных Всесоюзных совещаниях и симпозиумах, в редакциях газет и журналов, Доме ученых, на курсах повышения квалификации преподавателей университетов и в других аудиториях.

Список и темы некоторых выступлений Н.П. Дубинина в период с 1954 по 1966 гг. см. в "Приложениях".

В 1957 г. при организации Сибирского отделения (СО) АН СССР акад. М.А. Лаврентьев пригласил Н.П. Дубинина для организации Института цитологии и генетики. Н.П. предусмотрительно оставил за собою заведование своей лабораторией по совместительству. Сибирскому периоду посвящен отдельный раздел данной книги.

Через полтора года после организации ЛаРГ Н.П. Дубинин выступал с отчетом о деятельности лаборатории, результатом было постановление Бюро ОБН АН СССР от 24 декабря 1957 г. Работа ЛаРГ была одобрена, и одним из пунктов постановления было считать целесообразным и просить академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР акад. В.А. Энгельгардта выяснить реальные возможности для выделения лаборатории в самостоятельное учреждение. Это было осуществлено только через 8,5 лет, когда был создан Институт общей генетики АН СССР.

В начале 1950-х гг. начались ответственные контакты сотрудников лаборатории с Научным комитетом по радиации при ООН, а также с международными организациями по космическим исследованиям. На Вторую Женевскую конференцию по мирному использованию атомной энергии в 1958 г. Н.П. Дубинин представил доклад "Механизм действия радиации на наследственность и проблема радиочувствительности". Этот доклад представлял результаты исследований ЛаРГ.

В своем кратком отзыве²¹, представленном на этот доклад, проф. Б.Л. Астауров написал:

²¹ Личный архив Н.П. Дубинина.

Изложенный на 19 страницах машинного текста доклад чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинина, представляет собой очень сжатое и, тем не менее, полное изложение исследований Лаборатории радиационной генетики Института биофизики АН СССР, выполненных за последние 2–3 года.

Результаты этих работ представляет новизну и несомненный интерес, а некоторые из них (например “влияние лучей видимого спектра на мутационный процесс”) выдающееся принципиальное значение.

Информация о Советских достижениях в этой области представляется чрезвычайно желательной, особенно, если учесть, что работы по радиационной генетике в СССР долгие годы почти не велись, и теперь интенсивно и с большим успехом раз-вертываются. На международной арене информация о подобных работах длительное время была совершенно недостаточной. Несомненно она будет воспринята международной научной общественностью с большим интересом и, надо полагать, весьма положительно.

Я полагаю, что доклад чл.-корр. Н.П. Дубинина полностью удовлетворяет всем необходимым требованиям и несомненно представляет собой лучшее из того, что может продемонстрировать сейчас Советская наука в области радиационной генетики на международной конференции.

Проф.

Б.Л. Астауров.

В 1958 г. Н.П. Дубинин был утвержден в составе Научного совета по проблеме “Основные закономерности биологического действия ядерных излучений”.

Несмотря на интересные работы, которые выполнялись в ЛаРГ, ее положение было тяжелым. Об этом в своих индивидуальных отчетах в ОБН в эти годы пишет Н.П. Дубинин:

Лаборатория не имеет никакой материальной базы, не было отпущено никаких средств на оборудование. Решения Президиума АН СССР и Бюро ОБН о материальном оснащении Лаборатории оборудованием и помещением не выполняются (...). Трудности связаны с тем, что издательства боятся печатать мои книги.

12 лет прошло после сессии ВАСХНИЛ.

Вскоре положение лаборатории еще более ухудшилось. Директор ИБФ АН СССР, в составе которого находилась лаборатория, был вынужден обратиться к акад.-секретарю ОБН АН СССР акад. В.А. Энгельгардту за помощью:

Настоящим сообщая, что на основании решения Исполкома Московского Совета за № 30/31 от 21.10.58 г. “Об отводе управлению Метростроя земельных участков под строительство Калужского радиуса метрополитена” и в соответствии со статьей 21 “Правил о порядке застройки г. Москвы” постановлено изъять земельный участок по 5-му кварталу 3-го Академического проезда площадью 2,2 га к 15.II.59 г.

На указанном участке расположена лаборатория радиационной генетики Института биологической физики АН СССР, руководимая членом-корреспондентом АН СССР Н.П. Дубининым.

Лаборатория радиационной генетики вынуждена будет прекратить основную часть работы, проводимую в помещении опытного участка. Ввиду сложившегося катастрофического положения прошу Вас оказать нам срочную помощь в подыскании необходимого помещения.

Директор Института биофизики
член-корр. АМН СССР

Г.М. Франк

Из барака, расположенного по ул. Вавилова, Лаборатория выехала, ее приютил акад. И.В. Цицин у себя в Ботаническом саду. Но “подарок” Н.В. Цицина оказался не лучше, чем то, что имел Н.П. Дубинин, лаборатория вынуждена была туда переехать. Затем последовал ее переезд на Бауманскую ул. 54.

Жизнь лаборатории в научном плане была на подъеме.

Постановлением Президиума АН СССР от 5 февраля 1965 г. № 50 был утвержден ежегодник “Успехи современной генетики” и редколлегия журнала в составе: Дубинин Н.П. (председатель), Алиханян С.И., Астауров Б.Л., Лобашев М.Е., Рапопорт И.А., Сидоров Б.Н., Хесин Р.Б.

Н.П. Дубинин выступил с ходатайством о присуждении докторских степеней своим старым сотрудникам. 15 февраля 1965 г. состоялось заседание Ученого совета ИБФ АН СССР, на котором одним из вопросов был: “Представление к ученой степени доктора наук без защиты диссертации – В.В. Хвостовой, Я.Л. Глембоцкому, М.А. Арсеньевой, Б.Н. Сидорову, Н.Н. Соколову, В.В. Сахарову”.

О деятельности Н.П. Дубинина в ИЭБ и период возрождения генетики в нашей стране известный советский генетик, радиобиолог, профессор Николай Викторович Лучник писал²²:

В тридцатых годах признанным главой советской популяционной генетики стал Николай Петрович Дубинин. Большой коллектив сотрудников, который он возглавлял, занимался не только чисто генетическим анализом. Николай Петрович использовал те исключительные преимущества, которые дают гигантские хромосомы слюнных желез дрозофилы. Исследования его лаборатории показали, что неоднородность природных популяций распространяется не только на отдельные гены, но и на строение хромосом. Почти в каждой природной популяции находили определенный процент особей с видоизмененными хромосомами. Такие измененные хромосомы препятствуют скрещиваниям с нормальными мухами – часть потомства оказывается нежизнеспособной. Это один из путей образования новых видов.

Работы Дубинина по популяционной генетике были исключительно широки. Экспедиции генетиков ездили по всему Советскому Союзу. Одни и те же популяции исследовались повторно в течение ряда лет. Это давало возможность делать самые широкие обобщения. Советские популяционные генетики шли далеко впереди своих зарубежных коллег.

Однако эти блестящие работы были в самом разгаре прекращены. Всем еще памятен период, когда группа людей пришла к монополизму в биологии и стала доказывать свою правоту не точным экспериментом, не тонким анализом, а грубыми административными мерами. Этот монополизм успел нанести нашей генетике, да и не только генетике, труднопоправимый вред. Он явился и причиной того, что у нас были прекращены работы по популяционной генетике и до сих пор еще не восстановлены в достаточной мере.

В течение нескольких лет Дубинин был лишен возможности заниматься генетикой, а когда вернулся к ней, то оказалось много неотложных дел – радиационная генетика, космическая генетика. Он оказался во главе самого крупного отряда генетиков нашей страны, и приходилось думать обо всем.

Недавно, незадолго до присуждения ему Ленинской премии, я был в лаборатории Николая Петровича. Один из аспирантов делал доклад о своей работе. Речь шла о популяционной генетике. И это направление возрождается!

²² Лучник Н.В. Почему я похож на папу. Изд-во ЦК ВЛКСМ “Молодая гвардия”. 1966. С. 135–136.

Нет возможности даже перечислить основные течения современной популяционной генетики. А работают многие во всех уголках Земного шара. Все это продолжение второй молодости дарвинизма, начавшейся с работы С.С. Четверикова.

В поздравлении с 60-летием Николая Петровича редакция журнала “Генетика”²³ пишет:

⟨...⟩ Имя Н.П. Дубинина связано с большим коллективом крупных отечественных генетиков, совместно с ним творчески разрабатывающих генетику. Одно перечисление имен сотрудников прославленной “лаборатории Дубинина” говорит за себя. Исследования всемирно известных И.А. Рапопорта, Д.Д. Ромашова, В.В. Сахарова, Б.Н. Сидорова, Н.Н. Соколова, Г.Г. Тинякова, Г.Г. Фризена, В.В. Хвостовой и др., в течение долгих лет работавших или поныне работающих рука об руку с Н.П. Дубининым под его непосредственным руководством и с его участием, вошли в золотой фонд нашей науки и составляют существенную главу в истории генетики.

Помимо создания большой многогранной школы генетиков, благодаря стойкости и мужеству некоторых генетиков, которых пытались сломить, уничтожить, оклеветать на сессии ВАСХНИЛ 1948 г., удалось возродить генетику в нашей стране во второй половине XX в., дав людям самую возможность заниматься этой наукой. В первом ряду этих борцов стоит имя Николая Петровича Дубинина.

⟨...⟩ Генетики и все биологи России и мира вечно будут Вам благодарны за мужество и подвижничество по спасению, возрождению и развитию классической генетики в России и странах СНГ, бывших союзных республиках.

Депутат ГД,
председатель подкомитета по науке
Российской Федерации
академик

В.С. Шевелуха

⟨...⟩ Отстоять право науки на ее существование наперекор всему и всем, в том числе и сильным мира сего – это подвиг, который потомство Вам не забудет.

Мы счастливы тем, что в эти трудные дни были где-то рядом с Вами, во всяком случае, понимали Вас.

Журнал “Техника-молодежи”

Василий Захарченко

Василий Максимович Шепелев, бывший сотрудник ИЦиГ СО АН СССР, написал Николаю Петровичу:

⟨...⟩ Истории было угодно уготовить нелегкий путь Вам в науку и жизнь. Теперь, когда все позади, все кажется просто и понятно и легко. И многие мыслят себя стратегами, забывая о том, что в 1948 г. забились под лавку, а в 1957 г. не желали воевать за правду в генетике.

²³ Генетика. 1967. № 1. С. 3.

Сегодня задача тоже важная: как можно больше отдачи от генетики (не забывая о фундаментальных ее задачах). Этим сейчас я вплотную занят и, кажется, небезуспешно.

*Иван Яковлевич Врачев*²⁴, который в тяжелые годы оказывал посильную помощь в работах Н.К. Кольцова, А.С. Серебровского, братьев Заводовских и других биологов, написал Н.П. Дубинину:

⟨...⟩ Мне памятно безвременье для генетики и я отчетливо представляю, сколько препятствий Вам удалось устранить для возрождения в нашей стране генетической науки.

⟨...⟩ Вы мужественно выстояли в борьбе за истину, спасли науку от окончательного разгрома и обеспечили переход к ее возрождению и дальнейшему развитию биологии, генетики и селекции.

Искренне Ваш

Воронцов

В одном из документов Николай Петрович написал: “В 1956 г. после ряда обращений в ЦК КПСС, в которых сообщалось о необходимости возобновления работ по генетике и в частности об опасности для наследственности человечества от взрывов ядерных устройств в атмосфере, мне поручили создать лабораторию радиационной генетики, которая явилась первым учреждением, от чего началось научно-организационное восстановление новой биологии. Из этой лаборатории выросли Институты генетики в Москве и Новосибирске”.

* * *

Генетика, как Феникс-птица
Из пепла скоро возродится,
И этот символ возрождения
Тебе мы дарим в День рождения

Нам клеветник сказал один,
Что это, будто бы, пингвин.
Но мы клянемся головой,
Что это – феникс молодой.

Он скоро крылья отрастит,
Вспорхнет и в небо улетит,
Потом спикирует на Трошку
И превратит его в окрошку

²⁴ В 1930-е гг. директор Всесоюзного института животноводства.

Там в заснеженной Сибири
Мешать не будет враг коварный,
И, скоро, во всем мире
Ты заблестишь звездой полярной!

А. Паннушкин

5. СИБИРСКИЙ ПЕРИОД.

Н.П. ДУБИНИН – ОСНОВАТЕЛЬ И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЦИТОЛОГИИ И ГЕНЕТИКИ СО АН СССР

В мае 1957 г. Совет Министров СССР принял Постановление “О создании Сибирского отделения Академии наук СССР”. После решения о создании СО главным вопросом стал подбор кадров. Председатель СО АН СССР акад. М.А. Лаврентьев пригласил ряд ученых в Новосибирск для организации новых научных учреждений, способных решать большие научные задачи государственной важности. Одним из них был генетик, в то время член-корр. АН СССР, заведующий ЛаРГ в ИБФ АН СССР Николай Петрович Дубинин.

Были определены первые 10 институтов (к концу года их число возросло до 14). Среди них был назван Институт цитологии и генетики (ИЦиГ), (...) который будет исследовать проблемы физических, химических и цитологических основ наследственности и изыскивать методы управления наследственностью животных, растений и микроорганизмов¹.

Это был первый генетический институт, созданный после сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Николай Петрович развернул активную деятельность по созданию Института в Новосибирске. Сначала он был назначен директором-организатором. В Постановлении Президиума АН СССР № 469 от 21 июня 1957 г. под п. 6 написано²:

Назначить члена-корреспондента АН СССР Дубинина Николая Петровича директором-организатором Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР.

Организация Сибирского отделения обсуждалась на специальном заседании Общего собрания АН СССР. В своем постановлении от 2 ноября 1957 г. п. 88 “Об избрании директоров институтов Сибирского отделения Академии наук СССР” Общее собрание постановило:

Избрать члена-корреспондента АН СССР Дубинина Николая Петровича директором Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР.

¹ *Лаврентьев М.А.* Новый научный центр в СССР // Правда. 1957. 29 ноября.

² Представленные в этом разделе документы, письма, телеграммы, высказывания, не имеющие специальной ссылки, взяты из личного архива Н.П. Дубинина. Чл.-корр., а затем акад. Н.П. Дубинину Академия наук и Отделение биологических наук присылали все постановления и решения, которые в настоящее время представляют большой свод документов.

18 февраля 1958 г. состоялось заседание Ученого совета СО АН СССР, в повестке дня которого одним из вопросов стояло “Рассмотрение проектного задания Института цитологии и генетики”, по которому делал доклад Н.П. Дубинин и содокладчиком выступал представитель ГИПРОНИИ.

На первом этапе перед Н.П. Дубининым стояли задачи сформировать коллектив и определить основные направления Института. Для их решения Н.П. пригласил в Институт известных представителей “формальных генетиков, вейсманистов-морганистов”, представителей генетических школ, созданных Н.К. Кольцовым, С.С. Четвериковым, Н.И. Вавиловым, разбросанных по разным учреждениям после сессии ВАСХНИЛ. Большинство из них после 1948 г. не работали в науке. Н.П. Дубинин обратился с письмами к П.К. Шкварникову, Ю.Я. Керкису, Ю.П. Мирюте, А.Н. Луткову, Н.А. Плохинскому и другим генетикам. По своей инициативе выразил желание работать в Институте Р.И. Салганик. Также к Николаю Петровичу пришел Д.К. Беляев – специалист по генетике пушных зверей, в то время кандидат биологических наук.

Петр Климентьевич Шкварников в июле 1957 г. был зачислен Н.П. в лабораторию радиационной генетики в Институте биофизики АН СССР, но уже через месяц распоряжением Президиума АН СССР за № 2-1830 от 14 августа 1957 г. Шкварников П.К. становится заместителем Дубинина по ИЦиГ СО. Их теплые добрые отношения мы проиллюстрируем письмом Н.П. П.К. Шкварникову (1959 г.):

(...) Всем сердцем я оценил, дорогой Петр Климентьевич, Ваше мужественное, исполненное глубокого чувства, поведение в течение последнего года. Сердце мое полно самой искренней любовью к Вам.

В далекую Сибирь за Н.П. Дубининым потянулись молодые и не очень молодые генетики из разных концов нашей большой страны. Люди загорелись надеждой на новый расцвет в генетике и приняли участие в организации Института. Вот как этот период описывает в своей статье “Заметки о генетике” А. Шаров³:

(...) Когда под Новосибирском создавался новый научный городок, руководить биологическим институтом пригласили Н.П. Дубинина.

Через год после открытия института мне посчастливилось несколько дней провести в новорожденном научном учреждении.

В ту пору институт на правах бедного родственника теснился на территории богатого и благополучного технического собрата. Запомнились перегороженные коридоры, микроскопы и микротомы на шатких столах, шумные споры и люди, ушедшие в себя, в мир опыта, не замечающие окружающей сутолоки. Все это воскрешало в памяти студенческие времена.

Но поражала в институте не студенческая неустроенность, а богатство, необычайно щедрое обилие талантливых людей, “одержимых”, и водоворот идей, не замедлявший до глубокой ночи, властно затягивающий даже посторонних.

Биологи съехались в Новосибирск со всех сторон страны, лишь только разнеслась весть, что во главе института встанет Дубинин и, что тут будут изучать настоящую биологию, испытывать природу, а не вдавливать ей, как туповатому и ко всему безразличному второгоднику, тощие схоластические “истины”. По первому

³ Ж-л “Знамя”. 1965. С. 171.

зову настоящей науки люди, не раздумывая, бросали все – квартиру, дачу с любовно выращенным садиком, кафедру, сложившийся быт, спокойную жизнь и мчались в Сибирь, где им ничего не было обещано. Некоторые приезжали, не дожидаясь ответа на письменный запрос.

И сразу по приезде принимались за темы, о которых мечтали долгие годы – с марша в бой.

ЛаРГ в Москве, оказывала научную и организационную помощь создаваемому ИЦиГ СО АН СССР, вела в тот период комплексные темы с академическими и неакадемическими учреждениями, работниками селекционных станций и других учреждений, которым она помогала организовывать работу по радиационной селекции, проводила большую популяризаторскую работу.

Приехавшие в Новосибирск специалисты согласились с научными и организационными принципами Н.П. Дубинина, на которых следовало создавать ИЦиГ. Определена была структура института. Заведующими отделами стали: Ю.Я. Керкис, И.Д. Романов, Д.Ф. Петров, П.К. Шкварников, Д.К. Беляев; заведующими лабораториями – Р.И. Салганик, Ю.П. Мирюта, Н.А. Плохинский, Ю.О. Раушенбах, позднее А.Н. Лутков, Р.П. Мартынова, И.И. Кикнадзе, Н.Б. Христоролюбова, Т.М. Морозова – научные сотрудники Института, кандидаты наук. Затем в институт пришли В.В. Хвостова, З.С. Никоро, Р.Л. Берг, В.Б. Енкен и другие. Когда организовался институт, наряду со специалистами было приглашено большое число молодых людей, делающих первые шаги в науке. Два года шла интенсивная подготовка и переподготовка научных кадров. Заместителями Н.П. Дубинина по научной работе были П.К. Шкварников, Ю.Я. Керкис и затем Д.К. Беляев. Вокруг Н.П. Дубинина сплотился большой коллектив ученых.

10 октября 1957 г. состоялось заседание Ученого совета СО АН СССР под председательством акад. М.А. Лаврентьева, в котором приняли участие академики С.А. Христианович, С.Л. Соболев, Н.Н. Боголюбов, чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинин, В.И. Попков; доктора хим. наук А.В. Николаев, А.А. Ковальский; доктора физ.-мат. наук А.М. Будкер, Д.Ю. Панов, проф. Т.Ф. Горбачев, Н.А. Дикарев (ЦК КПСС), Беляев (Восточно-Сибирский филиал), Шабанов (Министерство высшего образования). На повестке дня заседания стоял один вопрос: об организации Новосибирского государственного университета.

В Новосибирске в 1958 г. Николай Петрович получает письмо от Президента Германской академии естественных наук “Леопольдина” доктора К. Мотоса (K. Mothes)

ГЕРМАНСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ ЛЕОПОЛЬДИНА

Президент
ПРОФЕССОРУ Н.П. ДУБИНИНУ

Гаале/Заале, 4 марта 1958 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Целый ряд ведущих генетиков обоих германских государств ставил вопрос перед президентом нашей Академии об избрании Вас ее членом. В заседании от 3 марта 1958 года Президиум удовлетворил эту просьбу, и вы были избраны единогласно. Я очень доволен, что я могу сообщить Вам об этом и надеюсь, что вы можете принять этот выбор. Наша Академия не только

общая Академия всей Германии, но, согласно старой традиции, почти половина ее членов – иностранцы. Таким образом, она представляет собой существенный союз ученых разных национальностей. Это кажется нам очень важным, т.к. со времени ее основания более 300 лет тому назад эта Академия старается осуществить продвижение науки на благо всего человечества. Выполнение этой задачи связано с установлением личных связей между учеными разных стран. Мы были бы особенно счастливы, если бы мы могли приветствовать Вас в нашем кругу при таких условиях.

С дружескими пожеланиями
Преданный Вам Д-р

К. Мотос

15–19 мая 1958 г. в Новосибирске прошло Общее собрание СО АН СССР, где был избран его Президиум и утвержден план научных исследований. В своем докладе акад. М.А. Лаврентьев, председатель Сибирского отделения, говорил “О семилетнем плане развития новых научно-исследовательских учреждений Сибирского отделения АН СССР”. Он сказал, что (...) биологию и медицину представляют в Сибирском отделении: Институт цитологии и генетики, Институт экспериментальной биологии и медицины, Биологический институт и Ботанический сад в Новосибирске, Биологический институт в Иркутске, Биологический отдел Дальне-Восточного филиала, Лаборатория биологии на Сахалине, Институт леса в Красноярске. Тематика работ Института цитологии и генетики – физические и химические основы наследственности и методы управления наследственностью растений, животных и микроорганизмов. Этот Институт по своему профилю будет очень близок к проблемам сельского хозяйства.

Большие работы предстоят медикам: хирургическое лечение заболеваний сердечно-сосудистой системы, изучение особенностей и патогенеза наиболее распространенных в Сибири вирусных заболеваний и, в частности, влияние этих заболеваний на сердечно-сосудистую систему и другие⁴.

Президиум АН СССР утвердил руководящий орган – Президиум Сибирского отделения и в Постановлении от 16 мая 1958 г. № 318 “Об утверждении состава Президиума Сибирского отделения АН СССР, избранного Общим собранием Отделения”, постановил:

“утвердить Президиум Сибирского отделения Академии наук СССР, избранный общим собранием отделения 1 февраля 1958 г.”

Председателем СО стал акад. М.А. Лаврентьев. С этого времени (1958–1960 гг.) Н.П. Дубинин – член Президиума СО АН СССР, председатель объединенного Ученого совета по биологическим наукам СО АН СССР, член редколлегии журнала “Известия Сибирского отделения Академии наук СССР”; председатель Координационной комиссии по борьбе с гнусом на территории Сибири СО АН СССР (1957–1959 гг.).

Четвертым пунктом повестки дня Общего собрания СО АН СССР стоял вопрос “О формировании новых институтов в 1958–1959 гг.”. Докладчиками были директора новых институтов. 17 мая состоялось выступление Н.П. Дубинина с докладом “Задачи развития Института цитологии и генетики СО АН СССР на 1958–1965 гг.”.

⁴ “Вчера открылось Общее собрание Сибирского отделения Академии наук СССР” // “Сов. Сибирь”. 1958. 16 мая.

Большой интерес представляют материалы заседаний первого объединенного совета по биологическим наукам СО АН СССР, председателем которого был Н.П. Дубинин, с подписями всех присутствовавших.

**ПРОТОКОЛ
ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АН СССР ПО БИОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ**

г. Новосибирск

22 мая 1958 г.

Присутствуют 20 человек⁵.

Председательствует – член-корр. Дубинин Н.П.

Секретарь – канд. биол. наук Керкис Ю.Я.

Повестка дня:

1. Информация о статусе Ученого совета
2. Выборы Бюро Ученого совета
3. План развития сети биологических научно-исследовательских учреждений Сибири.
4. Об учреждении биологической серии Известий Сибирского отделения АН
5. Об учреждении журнала “Цитология и генетика”
6. Рассмотрение заявления т. Колосса

п. 1.

Слушали:

Информацию члена-корреспондента Академии наук Дубинина Н.П. об учреждении Ученого совета Сибирского отделения АН СССР по биологическим наукам и о его составе.

Н.П. Дубинин зачитывает следующий состав Ученого совета и предлагает присутствующим высказать свои соображения о необходимости пополнения состава Совета другими лицами.

Состав Ученого совета Сибирского отделения Академии наук СССР
по биологическим наукам.

Утвержден Президиумом СО АН СССР (Протокол № 1 от 17 мая 1958 г.)

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Должность и место работы
1.	ДУБИНИН Николай Петрович	д.б.н., член-корр. АН СССР	Директор Института цитологии и генетики СО АН СССР
2.	МЕШАЛКИН Евгений Николаевич	д.м.н., член-корр. АМН СССР	Директор Института экспериментальной биологии и медицины СО АН СССР

⁵ Среди присутствовавших были: Ю.П. Мирюта, П.К. Шкварников, Д.Ф. Петров, Н.А. Плохинский, А.И. Овсянников, И.В. Бородин, И.М. Леонов, Г.Д. Залесский, С.У. Строганов, А.И. Черепанов, Р.В. Ковалев, Д.К. Беляев, Н.М. Власенко, Т.Г. Попова, В.Б. Сочава, К.А. Соболевская, М.О. Симон и др.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Должность и место работы
3.	СОЧАВА Виктор Борисович	д.б.н., член-корр. АН СССР по СО	Зав. лаб. Института ботаники АН СССР
4.	СИМОН Модест Остапович	к.с.-х.н., член-корр. ВАСХНИЛ	Директор Сибирского НИИ животноводства
5.	ЛЕОНОВ Иван Матвеевич	д.с.-х.н.	Директор Новосибирского с/х института
6.	ЗАЛЕССКИЙ Григорий Денисович	д.м.н.	Директор Новосибирского медицинского института
7.	СОБОЛЕВСКАЯ Кира Аркадьевна	д.б.н.	Директор Центрального Сибирского Ботсада ЗСФАН СССР
8.	ПЕТРОВ Дмитрий Федорович	д.б.н.	Зав. отделом цитологии растений ИЦиГ СО АН СССР
9.	РОМАНОВ Иван Дмитриевич	д.б.н.	Зав. отделом материальных основ наследственности ИЦиГ СО АН СССР
10.	БЕЛЯЕВ Дмитрий Константинович	к.б.н.	Зав. отделом генетики животных ИЦиГ СО АН СССР
11.	ШКВАРНИКОВ Петр Климентьевич	к.б.н.	Зав. отделом генетики растений ИЦиГ СО АН СССР
12.	КЕРКИС Юлий Яковлевич	к.б.н.	Зам. директора ИЦиГ СО АН СССР по научной части
13.	МИРЮТА Юрий Петрович	к.б.н.	Зав. лаб. гетерозиса и гибридизации ИЦиГ СО АН СССР
14.	КАМШИЛОВ Михаил Михайлович	д.б.н.	Зав. отделом общей и радиационной генетики ИЦиГ СО АН СССР

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Должность и место работы
15.	ПЛОХИНСКИЙ Николай Александрович	к.б.н	Зав. лаб. генетических основ селекции ИЦиГ СО АН СССР
16.	САЛГАНИК Рудольф Иосифович	к.б.н.	Зав. лаб. нуклеиновых кислот ИЦиГ СО АН СССР
17.	ЛУТКОВ Александр Николаевич	к.б.н.	Зав. лаб. экспериментальной полиплоидии ИЦиГ СО АН СССР
18.	ЧЕРЕПАНОВ Алексей Игнатьевич	к.б.н.	Директор биологического института ЗСФАН СССР
19.	СТРОГАНОВ Сергей Ульянович	д.б.н.	Зав. зоологической лаб. Биологического института ЗСФ АН СССР
20.	ВЛАСЕНКО Николай Михайлович	д.б.н.	Зав. кафедрой общей биологии Новосибирского медицинского института
21.	ШУМИЛОВА Людмила Васильевна	к.б.н.	Зав. кафедрой ботаники Томского Госуниверситета
22.	ПОПОВА Татьяна Григорьевна	д.б.н.	Зав. кабинетом алькологии биологического института ЗСФАН СССР
23.	ОВСЯННИКОВ Александр Иванович	д.с.-х.н.	Зам. директора Новосибирского сельско-хозяйственного института по научной работе
24.	КРАСИКОВ Захар Дмитриевич	к.с.-х.н.	Зам. директора Новосибирского с/х института по учебной части
25.	БОРОДИН Иван Васильевич	д.с.-х.н.	Зав. кафедрой овощеводства Новосибирского с/х института

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Должность и место работы
26.	КУРЕНЦОВ А.И.	д.б.н.	Дальне-Восточный филиал АН СССР
27.	РЕЙМЕРС Ф.Э.	д.б.н.	Восточно-Сибирский филиал АН СССР
28.		д.б.н.	Якутский филиал АН СССР

В числе членов Совета имеется 16 докторов наук, поэтому вопрос о присвоении ученых степеней и званий решается просто.

Постановили:

Вопрос о необходимости введения в состав Ученого совета других членов рассмотреть на следующем заседании Совета. Поручить бюро Ученого совета рассмотреть имеющиеся предложения об увеличении состава и доложить о них Совету.

п. 2.

Слушали:

Предложение члена-корреспондента АН Дубинина Н.П. о составе Бюро Ученого совета Сибирского отделения АН СССР по биологическим наукам. Н.П. Дубинин предлагает утвердить следующий состав Бюро:

1. Дубинин Н.П. – председатель Ученого совета
2. Соболевская К.А. – зам. председателя
3. Черепанов А.И. – зам. председателя

Члены Бюро Ученого совета:

4. Беляев Д.К.
5. Керкис Ю.Я.
6. Куренцов А.И.
7. Леонов И.М.
8. Петров Д.Ф.
9. Романов И.Д.
10. Симон М.О.
11. Шкварников П.К.

Возражений против предложенного состава Бюро Ученого совета не последовало, голосовавших против и воздержавшихся не было.

Постановили:

Предложенный состав Бюро Ученого совета Сибирского отделения по биологическим наукам в количестве 11 человек утвердить.

п. 3.

Слушали:

О плане развития сети биологических учреждений в Сибири. Н.П. Дубинин сообщает, что Бюро биологического отделения АН передало ему для рассмотрения на настоящем Совете, а затем на Президиуме Сибирского отделения план развития сети биологических институтов Сибирского отделения АН СССР. Без детального обсуждения этого вопроса выносить его на рассмотрение Президиума отделения нельзя. Необходимо определить задачи организуемых институтов на несколько лет вперед. Все это должно быть тщательно обсуждено и рассмотрено.

Биологическим отделением Академии наук
рекомендуется создание следующих институтов:

№ п/п	Название Института	Год организ.	Место	Директор-организатор	На какой базе
1.	Институт флоры и растительности	1959	Иркутск или Новосибирск	д.б.н., Толмачев А.И.	Отделы и лаборатории ЗСФАН СССР
2.	Почвенный институт	1959	Новосибирск	д.б.н., Розанов А.Н.	Отделы и лаборатории ЗСФАН СССР
3.	Институт гидробиологии и охраны вод от загрязнения	1960	Новосибирск	д.б.н., Жадин В.И.	Отд. гидробиологии зоологического института АН СССР
4.	Институт леса	1959	Красноярск	д.б.н. Жуков А. Б.	Отделы и лаборатории ЗСФАН СССР
5.	Институт физиологии и биохимии растений	1958	Иркутск	д.б.н. Реймерс Ф.Э.	Лаборатории и отделы ЗСФАН СССР
6.	Институт зоологии	1959	Новосибирск	д.б.н. Черепанов А.И.	Лаборатории и отделы ЗСФАН СССР
7.	Байкальский лимнологический институт	1958	Оз. Байкал	к.б.н. Галазий Г.И.	Лимнологическая Байкальская станция
8.	Институт экспериментальной энтомологии	1959	Иркутск		Лаборатории Восточно-Сибирского филиала АН СССР
9.	Центральный Сибирский Ботсад	1958	Новосибирск	д.б.н. Соболевская К.А.	Выделяется в самостоятельное учреждение
10.	Институт технической микробиологии и активных биохимических веществ		Красноярск		

Таковы предложения Бюро биологического отделения.

Думается, что большинство институтов должны быть созданы в Новосибирске. Институт леса правильнее создать в Красноярске. Все намеченные институты очень важны и нужны, и организация их, по-видимому, не вызывает возражений.

В.Б. СОЧАВА

Вопрос об организации в Сибири Института флоры и растительности ставится своевременно. Этот институт должен будет решать эти проблемы на широком биологическом фоне. Сейчас наука подошла к этому. У нас существует Институт имени Комарова, где работает множество крупнейших ученых. Кроме своей работы, они решают вопросы обеспечения всего Союза высоко квалифицированными кадрами. Проблемами Сибири ленинградцы не могут заниматься с достаточной глубиной, т.к. у них своих дел хватает, поэтому организация такого института в Сибири исключительно актуальна.

А.И. ЧЕРЕПАНОВ

Мы обсуждали этот план на совещании в биологическом институте ЗСФАН. При Сибирском отделении нужно организовать институт зоологии и подчинить ему все зоологические ячейки в Якутском и Восточно-Сибирском филиалах. Организовать институт зоологии необходимо не позднее 1959 г. В составе этого института обязательно должен быть отдел экспериментальной биологии. Сейчас очень остро стоят вопросы биологической борьбы с вредителями. Эти вопросы решаются пока только на Украине, а на такой огромной территории, как Сибирь, ими достаточно широко никто не занимается.

К.А. СОБОЛЕВСКАЯ

Поставлен на обсуждение очень серьезный вопрос о профиле создаваемых учреждений. Нужно отходить от учреждений широкого профиля и создавать институты специализированные, которые охватили бы полностью соответствующие области науки. Именно такие институты и предусматриваются предложенным нам проектом. Необходимость создания института флоры и растительности Сибири вряд ли может вызвать у кого-либо сомнения.

Д.К. БЕЛЯЕВ

Потребности ботанической науки в проекте учтены, а зоологическая наука учтена далеко не полностью. В составе Сибирского отделения совершенно необходим институт морфологии и экспериментальной экологии животных, который занимался бы целым рядом теоретических и практических проблем животноводства, звероводства и охотоведения, имеющих очень большое значение в экономике Сибири.

Р.В. КОВАЛЕВ

Почвенный институт должен быть создан обязательно в 1959 г., т.к. в Сибири стоят на очереди ряд почвоведческих проблем первостепенной важности. Одна проблема засоления огромных территорий Барабинских степей требует немедленного вмешательства почвоведов. Академик Лаврентьев на общем собрании отделения 15 мая с.г. указал, что отделение призвано оказывать помощь ряду вопросов китайским ученым в разрешении стоящих перед ними проблем. Вопросы почвоведения были поставлены академиком Лаврентьевым в этом плане на одно из первых мест. Заниматься этими делами сейчас некогда, т.к. почвоведение в Сибири представлено отдельными изолированными группами ученых. Все это диктует необходимость срочного создания большого почвоведческого научно-исследовательского центра в Сибири.

Н.М. ВЛАСЕНКО

Перед институтом зоологии Сибирского отделения должны быть поставлены очень широкие задачи. Если еще не пришло время для организации специального

института медицинской зоологии, то такой отдел в составе организуемого института должен быть запланирован обязательно.

А.И. ЧЕРЕПАНОВ

Не следует предрешать сейчас вопрос о структуре института зоологии. Эта структура будет проработана. Сейчас необходимо принципиально одобрить идею создания этого института.

М.О. СИМОН

Подчеркивает в своем выступлении значение для экономики Сибири животноводства и в связи с этим поддерживает предложение Д.К. Беляева о создании в составе Сибирского отделения института морфологии и экспериментальной экологии животных.

Н.П. ДУБИНИН

Поддерживает предложение члена-корреспондента АН В.Б. Сочава и профессора К.А. Соболевской о создании в Новосибирске или Иркутске института флоры и растительности в Сибири. Н.П. Дубинин предлагает также поручить М.О. Симону и Д.К. Беляеву дать обоснование предложенного ими института морфологии и экспериментальной экологии животных для внесения вопроса о создании такого института на Президиум Сибирского отделения.

Постановили:

1. Предложенный Биологическим отделением АН СССР план развития сети биологических научно-исследовательских учреждений Сибири одобрить и просить Президиум Сибирского отделения утвердить.

2. Поручить членам Ученого совета М.О. Симону и Д.К. Беляеву к 10 июня 1958 г. представить обоснования для создания института морфологии и экспериментальной экологии животных.

п. 4.

Слушали:

Соображения Н.П. Дубинина о необходимости создания в Сибирском отделении специальных профилированных серий Известий Сибирского отделения АН СССР. В частности предлагается учредить биологическую серию этого журнала. Н.П. Дубинин просит Совет вынести специальное решение по этому вопросу.

Постановили:

Предложение члена-корр. АН Н.П. Дубинина о создании с 1959 г. биологической серии Известий Сибирского отделения АН СССР одобрить и просить Президиум отделения утвердить его.

п. 5.

Слушали:

1. Информацию члена-корр. АН Н.П. Дубинина о решении Президиума отделения организовать с 1959 г. журнал "Цитология и генетика" с грифом "Сибирское отделение Академии наук СССР".

2. Об объеме и периодичности журнала и о составе редакционной коллегии.

Постановили:

1. Объем журнала определить в 72 печатных листа в год, при периодичности в 6 номеров.

2. Утвердить следующий состав редакционной коллегии: член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин (главный редактор); доктора биологических наук: Астауров Б.Л., Же-

брак А.Р., Камшилов М.М. (зам. редактора), Петров Д.Ф., Пешков М.А., Романов И.Д., Соболевская К.А.; кандидаты биологических наук: Беляев Д.К., Мирюта Ю.П., Прокофьева-Бельговская А.А., Салганик Р.И. (ответственный секретарь редакции), Шкварников П.К., Черепанов А.И., Керкис Ю.Я., Лутков А.Н.

п. 6.

Слушали:

Заявление тов. Колосса на имя академика М.А. Лаврентьева с просьбой рассмотреть вопрос об организации в Красноярске специальной лаборатории морфогенеза (заявление это направлено Президиумом Сибирского отделения на заключение Ученого совета).

Постановили:

Ввиду того, что предлагаемый т. Колосс профиль лаборатории морфогенеза весьма близок к проблематике института экспериментальной биологии и медицины Сибирского отделения, просить директора этого института профессора Е.И. Мешалкина рассмотреть предложение т. Колосса и сообщить свои соображения Ученому совету.

Председатель Ученого совета
чл.-корр. АН СССР

Дубинин Н.П.

И.о. секретаря Ученого совета
кандидат биологических наук

Керкис Ю.Я.

С 13 по 17 октября 1958 г. в Новосибирске проходило второе Общее собрание⁶ СО АН СССР. Были рассмотрены вопросы о состоянии и перспективе строительства академического городка вблизи Новосибирска и проекты планов научно-исследовательских работ Сибирского отделения на 1959 г.

На Общем собрании СО АН СССР были обсуждены доклады председателей объединенных Ученых советов.

“В план научных исследований по биологическим наукам, о которых доложил чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинин, включено 20 проблем в составе 101 темы. В качестве важнейших будут разрабатываться проблемы цитологии и генетики, включающие установление физических и химических основ наследственности организмов, а также методы управления наследственностью, вопросы генетики и цитологии рака. В области экспериментальной биологии и медицины планируется изучение в широком биологическом аспекте регенерации сердечно-сосудистой системы человека. Будет продолжено изучение богатой флоры и фауны Сибири и Дальнего Востока”.

В журнале “Сибирские огни” за 1958 г. (№ 6. С. 156–166) помещена статья Н.П. Дубинина “О современных задачах генетики в теории и практике”; газета “Вечерний Новосибирск” (20.10.1958) публикует интервью директора ИЦиГ “Решая важнейшую проблему”, в которой Н.П. делится планами научно-исследовательской работы СО АН СССР по биологическим наукам,

⁶ Черненко А.К. Второе Общее собрание Сибирского отделения Академии наук СССР // Изв. СО АН СССР. 1958. № 12. С. 93–94.

рассказывает о том, над решением каких проблем в настоящее время занимаются цитология и генетика, какое значение они имеют для народного хозяйства.

Перед коллективом ИЦиГ СО АН СССР его директором была поставлена широкая программа фундаментальных исследований по молекулярной генетике, мутагенезу, экологической генетике, радиационной генетике, по проблемам рака, теоретическим вопросам структурно-функциональной организации хромосом, иммуногенетике животных. Наряду с этим работа ряда лабораторий была нацелена на решение задач сельского хозяйства и медицины, исследования генетики пушных зверей, что имело особое значение для развития народного хозяйства Сибири. В этом плане работали лаборатории генетики животных, растений, лаборатория гетерозиса, полиплоидии и др. Из цикла научно-производственных исследований среди главных и первоочередных задач института широкую известность получила начатая по инициативе и под руководством Н.П. Дубинина работа по созданию полиплоидных сортов гетерозисной сахарной свеклы, что привело к вытеснению диплоидных сортов вновь созданными более продуктивными и сахаристыми сортами триплоидной свеклы на миллионах гектаров нашей страны.

Испытания зарубежных полиплоидных сортов сахарной свеклы показали снижение сбора сахара, вероятно, в связи с удлинившимся в наших условиях вегетационным периодом, поскольку исходными компонентами их явились сорта с биологическими особенностями, отвечающими условиям их возделывания в западных странах. Н.П. Дубинин в 1958 г. выступил с инициативой по созданию высокопродуктивных полиплоидных гибридов сахарной свеклы при использовании лучших сортов отечественной селекции. Молодыми сотрудниками ИЦиГ (В.А. Панин и др.) к 1960 г. были получены тетраплоиды, а затем путем естественной гибридизации с районированными диплоидными сортами в условиях Харькова и Абхазии созданы внутрисортные и межсортные триплоидные гибриды.

Эта работа была начата группой В.А. Панина. Позднее в ней принял участие А.Н. Лутков и представители других учреждений (В.П. Зосимович на Украине и др.). Будучи директором ИЦиГ СО АН СССР Н.П. Дубинин возглавил это направление практической генетики, а сейчас метод экспериментальной полиплоидии стал ведущим в селекции этой культуры.

Испытанные в 1961 г. в 18 пунктах Советского Союза полиплоидные гибриды как по урожаю корнеплодов, так и по сбору сахара значительно превысили исходные диплоидные сорта в различных зонах от Прибалтики до Алтая.

В 1962 г. А.Н. Лутков подарил Н.П. Дубинину свою опубликованную работу “Семеноводство и повышение сахаристости сахарной свеклы” с такой дарственной надписью:

“Дорогому Николаю Петровичу, инициатору широкого развития работ по полиплоидной свекле в нашей стране. Искренне преданный Лутков”.

Владимир Павлович Зосимович, чл.-корр. АН УССР, писал о Николае Петровиче:

⟨...⟩ Эрудиция Н.П. Дубинина в самых различных областях генетики, селекции и цитологии является по существу уникальной, не только в масштабе СССР, но и Земного шара.

Эта эрудированность Н.П. Дубинина позволила ему организовать в Институте цитологии и генетики Сиб. Отд. АН СССР, начиная с 1957 г. интенсивные исследования по экспериментальному синтезу отечественных тетраплоидов сахарной свеклы для создания высоко продуктивных гетерозисных и триплоидных гибридов сахарной свеклы. Тетраплоиды являются основной материнской формой, которая опыляется обычной свеклой. Тетраплоиды были созданы в рекордно короткие сроки и уже в 1964 г. первый из полученных отечественных полиплоидов был районирован по Краснодарскому краю Государственной Комиссией по сортоиспытанию с.х. культур при МСХ СССР ⟨...⟩⁷

По инициативе и под руководством Н.П. Дубинина в нашей стране были широко развернуты работы по организации и внедрению нового метода в селекции сельскохозяйственных растений – радиационной селекции и использованию химических мутагенов. Это позволило ускоренным путем получить новые хозяйственные мутации, а, следовательно, и сорта культурных растений. 8 октября 1958 г. под председательством Н.П. Дубинина состоялось совещание руководящих работников ИЦиГ СО АН СССР. В своем выступлении⁸ Н.П. Дубинин, в частности, подвел некоторые итоги работы молодого коллектива Института. Он сказал:

⟨...⟩ В этом году мы широко открыли двери нашей замечательной молодежи. Молодежь из Московского университета и других вузов, одухотворенная идеями построения большой советской науки в Сибири, приехала к нам полная доверия и уважения к ученым. ... Все наши люди охвачены порывом научного труда. Прошел только год после рождения института, а мы уже имеем безусловные достижения. Укажу на работу по полиплоидии, на лабораторию нуклеиновых кислот, на работы по радиационной генетике, на исследования по гибридам кукурузы и на другие. Размах исследований взят такой, что организационные формы отстают, не выдерживают такого темпа науки.

Товарищи, наш институт переживает героическую эпоху своего становления. Давайте наберемся мужества и назовем вещи своими именами. Разве молодежь в группе полиплоидии, работающая под руководством А.Н. Луткова, не героически борется за те замечательные успехи, которые ими получены? Я был у них вчера в Ельцовке. Их быт – это быт настоящих пионеров-целинников. Пройдет немного времени, все у нас будет. Тем дороже нам этот первичный самоотверженный этап борьбы за большую советскую науку в Сибири. Тоже мы видим и в других группах института.

Мы видим, что в институте создан коллектив, способный решать серьезные научные задачи, мы видим коллектив, как серьезную общественную силу.

А.И. Панин написал и подарил Николаю Петровичу к 50-летию стихи, посвященные сибирскому периоду его деятельности.

⁷ Из документа, направленного в поддержку кандидатуры Н.П. Дубинина на выборах в действительные члены АН СССР.

⁸ Протокол совещания руководящих работников ИЦиГ СО АН СССР от 8.10.1958 г. Личный архив Н.П. Дубинина.

“СИБИРЬ”

Часть 10

Год назад вот также было:
Морозным зимним вечерком
Мы пировали дружно, мило!
За тем же праздничным столом.

Тогда на штурм лысенковского бреда
Генетиков полки вел грозный Николас.
Враг отступал, близка была победа,
Вокруг Трофима ореол погас.

Тогда Герой наш был в зените.
Его слова бодрили дух.
Он призывал – “ребята, жмите!
Мы разобьем их в прах и пух!”

Бой кипел. Дрожал Лысенко!
На помощь небо призывал
И лишь навозом (в малых дозах)
Кое-как атаки отражал.

Тогда мы воспевали битвы
И каждый уж казалось знал,
Чье поле слышало молитвы
И кто на нем бесславно пал.

Но вразумленный небесами,
Трофим опять перехитрил
И битвы пагубное пламя
Он жирным молоком залил.

И вот Сибирь. Простор без края!
Далек, далек твой скорбный путь.
Укрой его тайга глухая,
Бродяге нужно отдохнуть.

С собой возьмешь ты скарб дорожный:
Котел, стакан, иголку, ложку,
Компас, чтоб путь держать надежней,
На харч – пшено, пурген, рыбешку.

А там за темным, темным лесом,
Все также поднимая муть,
Трофим хлопочет мелким бесом
Юлит, себе прокладывая путь.

Ты ж в глубине сибирских руд
Гордое храни терпенье;
Не пропадет твой честный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра
Тебя надежда не оставит,
Придет желанная пора
Сибфилиал ты будешь славить.

Быть может там твоя рука,
Пустив могучий атом в ход,
Раскроет тайну ДНК,
Иль расшифрует хитрый код.

Там в заснеженной Сибири
Мешать не будет враг коварный,
И скоро, скоро во всем мире
Ты заблестишь звездой полярной!

А мы традиций не нарушим
За новорожденного, как всегда,
Бокалы полные осушим...
Не будем называть года.

Живи, мой друг, еще сто лет!
И верь, развеются потемки!
Тебя оценит мудрый свет
И даже Тр. Д.Л. бездарные потомки.

Сие насочинил все тот же

4 января 1958 г.

А. Панпушкин

Вопреки строкам из этих стихов “Там в заснеженной Сибири мешать не будет враг коварный”, вскоре “враг” вновь поднял голову. Тогдашний руководитель нашей страны Н.С. Хрущев, мнивший себя знатоком сельского хозяйства, попал под влияние Т.Д. Лысенко, вновь пытавшегося соблазнить советское руководство обещаниями быстрых успехов в сельском хозяйстве.

10 января 1959 г. открылась внеочередная X областная партийная конференция, на которой состоялось “Обсуждение тезисов доклада товарища Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС и задачи областной партийной конференции”. Секретарь обкома КПСС Т. Фуров посвятил свое выступление⁹ вопросам идеологической работы. В частности, он сказал:

⟨...⟩ Отражением идеологической борьбы являются события, происходящие в биологической науке. В последнее время сторонники так называемой чистой или формальной генетики, отъявленные реакционеры некоторых западных стран выступили со злобной клеветой на материалистическое мичуринское направление в

⁹ “Сов. Сибирь”. 1959. 13 января.

биологии. Эту клевету поддержал советский “Ботанический журнал”, выступивший с травлей известного ученого т. Лысенко. В то же время журнал превозносил т. Дубинина. На днях в научных учреждениях города прошли собрания, обсудившие редакционную статью “Правды” “Об агробιологической науке и ложных позициях “Ботанического журнала”. Коммунисты поддержали выступление “Правды”.

Обсуждение прошло и в коллективе преподавателей Новосибирского сельскохозяйственного института.

⟨...⟩ Вопрос, поставленный на повестку дня, взволновал многих. Редакционная статья “Правды” “Об агробιологической науке и ложных позициях “Ботанического журнала” с глубоким удовлетворением встречена новосибирскими учеными – специалистами сельского хозяйства, биологами. ⟨...⟩ Доклад И.М. Леонова вызвал оживленное обсуждение.

– За материализм в науке надо бороться, – сказал доцент А.И. Сакс.

– Реставраторы морганизма пытались сделать “Ботанический журнал” своим органом.

Тов. Сакс критиковал научное направление Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР, возглавляемого Н.П. Дубининым, чья научная деятельность подвергнута резкой критике в статье “Правды” ⟨...⟩ Выступили преподаватели института Г.П. Старповой, Г.В. Кобзарь. Общее мнение выразил директор института профессор А.И. Овсянников.

– Статью в “Правде”, – сказал он, – надо приветствовать как своевременную и совершенно необходимую. Позиции мичуринской биологии достаточно прочны, что подтверждается многими примерами из жизни. Ее, как все передовое, растущее, поддерживает Коммунистическая партия. В этом – наше счастье и залог наших успехов”¹⁰.

29 июня 1959 г. на Пленуме ЦК КПСС с докладом “За дальнейший подъем производительных сил страны, за технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства” выступил Н.С. Хрущев¹¹. Он сказал:

⟨...⟩ Замечательное дело делает академик Лаврентьев, который вместе с другими учеными выехал в Новосибирск, где сейчас создается новый научный центр. Академика Лаврентьева я много лет знаю, это хороший ученый.

Нам надо проявить заботу о том, чтобы в новые научные центры подбирались люди, способные двигать вперед науку, оказывать своим трудом необходимую помощь производству. Это не всегда учитывается. Известно, например, что в Новосибирске строится институт цитологии и генетики, директором которого назначен биолог Дубинин, являющийся противником мичуринской теории. Работы этого ученого принесли очень мало пользы науке и практике. Если Дубинин чем-либо и известен, так это своими статьями и выступлениями против теоретических положений и практических рекомендаций академика Лысенко.

Не хочу быть судьей между направлениями в работе ученых. Судьей, как известно, является практика, жизнь. А практика говорит в защиту биологической школы Мичурина и продолжателя его дела академика Лысенко. Возьмите, например, Ленинские премии. Кто получил Ленинские премии за селекцию: ученые материалистического направления в биологии, это школа Тимирязева, это школа Мичурина, это школа Лысенко. А где выдающиеся труды биолога Дубинина, который является одним из главных организаторов борьбы против мичуринских взглядов Лысенко? Если он, работая в Москве, не принес существенной пользы, то вряд ли он принесет ее в Новосибирске или во Владивостоке.

¹⁰ За материалистическую биологию. “Сов. Сибирь”. 11 января. 1959.

¹¹ “Правда”. 1959. 2 июля.

Советские ученые имеют большие заслуги перед народом. Жизнь ставит перед наукой новые задачи. Поэтому нужно и впредь уделять большое внимание развитию науки, управлению ее связи с жизнью. Мы просим, чтобы Академия наук СССР, ее президиум разработали предложения о дальнейшем улучшении деятельности академии, ее отделений, филиалов и институтов (...)

Позже в своей книге “История и трагедия советской генетики”¹² академик Н.П. Дубинин так описывает события тех дней:

Выступление Н.С. Хрущева в пользу Лысенко оказало глубокое эмоциональное влияние на генетиков и всех ученых, которые видели невежество его учения; казалось, что все возвращается на круги своя. Автор этой книги написал письмо в ответ на выступление Н.С. Хрущева. Это письмо было поддержано учеными Института цитологии и генетики СО АН СССР в Новосибирске и учеными лаборатории радиационной генетики в Москве. В начале августа 1959 г. это письмо было передано через приемную ЦК КПСС:

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!

Выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС и имея в виду разногласия в генетике, Вы сказали, что судьей научных направлений является практика, жизнь.

Подходя с этих позиций к экспериментальной генетике, разрабатываемой Институтом цитологии и генетики СО АН СССР, можно сказать, что эта наука базируется на комплексе современных дисциплин, изучающих материальные основы явлений наследственности. Исследования последних лет вскрыли физическую и химическую – молекулярную природу внутриклеточных структур, с которыми связана наследственность, чем материализовали одно из главных свойств жизни. Это явилось великой победой современного естествознания и марксистского философского материализма. Благодаря глубокому раскрытию сущности процессов наследственности, экспериментальная генетика разработала новые замечательные методы управления наследственностью при сорто- и пороодообразовании. Такие производственные достижения, как создание и использование в практике генетических основ селекции, получение межлинейных гибридов кукурузы, сорго и других растений, триплоидной сахарной свеклы, тетраплоидов зерновых, лекарственных и технических культур, радиационных промышленных штаммов, производителей антибиотиков, гибридных цыплят и свиней, индустриальных штаммов зеленых одноклеточных водорослей, разработка генетических основ испытания производителей по жирномолочности, мясности и по другим признакам, получение радиационных мутантов у бактерий, вирусов, растений и некоторых животных и другое, в течение последних 10–20 лет, во многом изменили лицо мирового сельского хозяйства и медицины. Наряду с ядерной физикой, кибернетикой, химией полимеров, электроникой и т.д. экспериментальная генетика является одним из главных звеньев в научной революции XX в.

Нет сомнений, что использование громадных резервов советского сельского хозяйства и разработка ряда жизненно важных отраслей медицины, в том числе и защита от бактериологического нападения, во многом тормозятся недостатками развития экспериментальной генетики в нашей стране.

В самое последнее время возникла особая дисциплина – радиационная генетика, без которой нельзя создать полноценные научные основы использования атомной энергии в технике, медицине и сельском хозяйстве. Без данных, полученных в исследованиях по радиационной генетике, мы были бы слепы в таком вопросе, как эффект радиации на наследственность человека. Теперь же именно радиационная

¹² Дубинин Н.П. История и трагедия современной генетики. М.: Наука, 1992. С. 303–309.

генетика дает главные биологические аргументы, показывающие недопустимость испытания атомных и водородных бомб.

С другой стороны, воздействие атомной энергии в сочетании с селекцией позволяет преобразовывать наследственность растений, микроорганизмов и животных. Эта работа является одной из существенных сторон в мирном использовании атомной энергии.

В контрольных цифрах по семилетнему плану, принятых на XXI съезде КПСС, указано, что развитие биологии во многом будет связано использованием достижений физики и химии. В этом отношении экспериментальная генетика опять занимает передовое место. Президиум АН СССР утвердил программу “Физические и химические основы наследственности”. Нет сомнений, что работа в этом направлении сыграет большую роль для советской биологии.

Однако вопреки значению экспериментальной и радиационной генетики это направление в нашей стране в свое время было административно подавлено.

Как могло случиться, что наука, разрабатывающая коренные вопросы в проблеме жизни, в практике сельского хозяйства и медицине, имеющая государственное значение, попала в такое тяжелое положение? Утверждали, что в данном случае никакой науки нет, что генетика является примером буржуазной лженауки.

Многие наши философы, вместо того чтобы отсечь идеалистический вздор от материалистического содержания науки, они по чужой подсказке саму эту науку объявили идеализмом. В кратком философском словаре во многих изданиях написано, что кибернетика – это буржуазная лженаука. Так же была объявлена лженаукой и экспериментальная генетика. Плоды этого заблуждения очень печальны.

В 1948 г. работы по экспериментальной генетике были полностью прекращены, кадры и учреждения были разгромлены. Я лично был вынужден с 1948 по 1956 г. заниматься изучением роли птиц в лесозащитных насаждениях гора Вишневая – Каспийское море.

В эти годы, столь тяжелые для советской биологии, на Украине, где руководителем были Вы, Никита Сергеевич, а президентом Академии наук покойный А.А. Богомолец, положение было другое. Н.Н. Гришко был оставлен на посту директора института, Б.П. Соколов продолжал работы по гибридной кукурузе и т.д. Резкий перелом положения в биологии наступил, когда Вы заняли пост первого секретаря ЦК КПСС. В результате Академия наук СССР организовала Институт цитологии и генетики Сибирского отделения, поручив ему разработку проблем наследственности с максимальным использованием достижений физики и химии.

При создании Института цитологии и генетики мы учли ошибки прошлого и постарались так построить работу, чтобы ответить самым насущным задачам науки, практики, жизни.

Отдел материальных основ наследственности исследует тончайшее строение, организацию и жизнедеятельность клетки. Путем особых методов разрушения нуклеиновых кислот в живом вирусе гриппа нам удалось нащупать новый подход в борьбе с этим заболеванием, возможно, это откроет путь к борьбе и с другими вирусами. Научное значение работ отдела очень велико, так как без серьезной теории о материальной (физической и химической) природе явлений наследственности мы не можем двигаться вперед.

В отделе общей и радиационной генетики изучается влияние атомной энергии на наследственность. Мы изучили воздействие малых доз радиации на ядра клеток человека в культурах тканей и в этих прямых опытах показали опасность для будущих поколений человечества испытаний ядерного оружия (печатается в ДАН СССР).

Используя химические влияния на клетку, мы развернули большую работу по созданию триплоидной сахарной свеклы, у которой выход сахара с площади посева

на 15–20% выше, чем у обычной. Внедрение триплоидной сахарной свеклы на наши поля – это получение десятков миллионов пудов добавочного сахара. В текущем году мы получим три поколения экспериментальных растений, для чего в обычных условиях нужны три года работы, и весной 1960 г. первые советские триплоиды сахарной свеклы будут расти и испытываться на наших полях.

В отделе генетики растений развернута широкая работа по созданию новых гибридов кукурузы. Кукуруза в Сибири – это мясо, масло, молоко и другие продукты животноводства. Испытания позволили выделить ряд перспективных форм. Ведутся обширные работы по радиационной селекции яровой и озимой пшеницы, картофеля и помидор, используя воздействие гамма-лучей и нейтронов. Перед отделом генетики животных главной задачей поставлена борьба за подъем жирномолочности и мясности. Изучена племенная ценность быков-производителей в крупных хозяйствах Новосибирской области и разработаны новые методы оценки быков по потомству, что частично в этом году будет внедряться в производство. Наши данные показали, что основным направлением племенного улучшения крупного рогатого скота Сибири по жирномолочности является использование генетически проверенных производителей. Важно было бы организовать племсовхоз, который бы стал резервом жирномолочности для улучшения широких массивов крупного рогатого скота. Перед отделом стоят задачи по улучшению пушного звероводства, имеющего большое экономическое значение для ряда областей Сибири и Дальнего Востока, способствующего накоплению валютных резервов страны.

Большие задачи стоят перед отделом генетики микроорганизмов и вирусов. Научиться управлять наследственностью бактерий, вирусов и других микроорганизмов – это получить ключ к решению ряда важных задач медицины и сельского хозяйства. Этот отдел начинает первые эксперименты.

Вся работа по темам практического значения ведется нами на основе разработки теории генетики и цитологии, причем в ряде случаев крупные проблемы разрабатываются комплексно рядом лабораторий. Это касается теории гетерозиса, генетических основ селекции, воздействия радиации на наследственность, значения условий внешней среды для развития и наследственности и другие.

Коллектив Института цитологии и генетики создается заново в Новосибирске, он не базируется на каком-либо уже сложившемся коллективе, имевшем за плечами много лет работы, которая на ходу была бы перебазирована в Сибирь. Институт широко открыл двери нашей замечательной молодежи, которая составляет главную часть нашего коллектива. Все руководящие работники института приехали в Сибирь из Москвы, Ленинграда и других городов с твердым намерением построить свою работу так, чтобы она в самое ближайшее время обеспечила результаты, помогающие улучшить сельскохозяйственное производство и помочь развитию медицины. Наша молодежь горит этим желанием.

Вместе с тем для нас исключительно ценно наше участие в работах Сибирского отделения, представляющего собою серьезное объединение физических, химических и математических наук. Мы уверены, что комплексный анализ проблем биологии с участием физиков, в том числе и ядерных, химиков, в том числе радиационных, математиков и других, принесет свои замечательные плоды.

Вы отрицательно высказались о моей работе против научных положений Т.Д. Лысенко. В свое время я писал Вам лично ряд писем и в четырех моих статьях за 1953–1955 гг. имеются критические замечания в адрес Т.Д. Лысенко. Однако за последние 4–5 лет я не писал и не выступал по вопросам этих разногласий. Я понял, что только реальной работой можно доказать научное и практическое значение экспериментальной генетики. Особенно ясны эти задачи стали для меня при организации Сибирского отделения АН СССР. Вместе с тем надо иметь в виду, что Институт цитологии и генетики еще находится в стадии организации, работает всего

лишь немногим больше года. Мы сделаем все возможное для ускорения работ, но все же для решения больших задач нужно время.

Моя личная исследовательская работа в последние два года связана с выявлением физической и химической природы первичного действия радиации на живую клетку. Печатаются семь экспериментальных исследований, из них главные – “Генетический эффект свободных радикалов” и “Радиогенетический эффект видимого света”. Более 10 статей напечатано по теоретическим проблемам. Среди них ряд работ по радиационной генетике в аспекте борьбы против испытаний атомных и водородных бомб. Сданы в печать три книги: “Принципы и методы работы И.В. Мичурина”, “Проблемы радиационной генетики”, “Генетика с основами селекции”. Сдан в печать с моим участием и под моей редакцией сборник “Ионизирующие излучения и наследственность”. Подготовлен к печати первый том трудов Института цитологии и генетики.

В течение последних двух лет по моей инициативе в целях большого приближения к оценке повреждающего эффекта радиации на наследственность человека стала изучаться радиационная генетика обезьян. Ныне эта тема является комплексной для АН СССР и АН Китайской Народной республики. Сейчас мы провели успешные работы по эффекту малых доз радиации на клетки человека в культурах тканей.

В 1958 г. советская делегация представила мой доклад в Научный комитет по радиации ООН. В нем вопреки господствовавшей среди генетиков США и других стран завышенной оценке количества энергии радиации, удваивающей частоту появления вредных наследственных уклонений у человека, я показал, что такой дозой, по-видимому, является всего лишь 10 рентген. Это было обсуждено комитетом и послужило серьезным толчком к принятию известной резолюции комитета, направленной против испытания водородных бомб. Безусловно, что в данном случае проявился наступательный дух советской науки, приведший к определенному политическому успеху.

В своей работе Институт цитологии и генетики СО АН СССР встречает много трудностей, связанных с организационным периодом в жизни Сибирского отделения.

Институт имеет всего лишь 300 м² рабочей площади, что связывает нас по рукам и по ногам. Нам как воздух нужно опытно-экспериментальное хозяйство для работы по генетике животных и растений, а Министерство сельского хозяйства РСФСР и Президиум Сибирского отделения вот уже более года не могут найти организационных форм, чтобы обеспечить эту работу на базе колхоза им. Свердлова, на что было дано согласие колхозниками, советскими и партийными организациями области. Плохо устроена с жильем молодежь, беззаветно работающая в лабораториях и на полях института.

Мы испытываем большие затруднения с печатаньем исследовательских работ, с пропагандой новых прогрессивных и производственных методов, так как до сих пор не утверждён журнал “Цитология и Генетика”, о котором давно ходатайствовало СО АН СССР.

Коллектив Института цитологии и генетики, с энтузиазмом приехавший в Сибирь строить большую советскую науку, горит желанием создавать новый замечательный центр советской науки.

В январе 1959 г. институт был обследован комиссией ЦК КПСС. В докладе комиссии об итогах работы на заседании бюро Президиума СО АН СССР все темы были признаны обоснованными и актуальными. Отмечалось наличие большого числа тем, связанных с практикой. В заключение заседания председатель комиссии П.А. Генкель заявил, что коллектив института работает не только хорошо, но более того, он работает с высоким напряжением, с высоким энтузиазмом.

Работа института направлена на решение крупных проблем науки, на борьбу за помощь нашему народу в решении важных задач семилетнего плана.

Коллектив Института понимает, что перед ним стоят исключительно важные задачи в области науки, практики и идеологии.

Я был бы очень рад, если бы Вы нашли возможным принять меня лично.

Вопросы, затронутые в настоящем письме, и ряд других имеют для нашей науки очень большое значение. Новосибирск. 8 июля 1959 г.

Однако ответа на это злободневное письмо не последовало, а начались интенсивные посещения Института цитологии и генетики комиссиями из Москвы. Особое усердие в доказательстве того, что работы Института и его директора направлены против мичуринской биологии, проявили такие деятели как работник сельхоз отдела ЦК КПСС А.Г. Утехин (председатель комиссии), а также приближенные Лысенко – М.А. Ольшанский и Н.И. Нуждин. На заседаниях президиума собрания отделения АН СССР, когда эти высокопоставленные лысенковцы докладывали свои разоблачительные материалы, председатель президиума М.А. Лаврентьев защищал позиции Института цитологии и генетики. Защищал нас и первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Ф.С. Горячев. Однако ничего не помогло.

Ф.С. Горячев позднее, поздравляя Николая Петровича с награждением орденом Ленина, напишет “Не забываю наших бесед с Вами в ОК КПСС”.

В 1959 г. весь мир отметил столетие книги Ч. Дарвина “Происхождение видов”. Немецкая Академия наук присудила Дарвиновские медали 18-ти ученым, наиболее способствовавшим развитию дарвинизма. Среди них был и Николай Петрович как ученый, имеющий особые заслуги в развитии эволюционного учения и генетики. Памятная плакетта (прямоугольная медаль) нашла его в Новосибирске. По этому случаю он получил поздравительную телеграмму.

ТЕЛЕГРАММА

Новосибирск
Советская 20 Сибирское отделение
Академии наук
Члену-корреспонденту Дубинину

Москва, 1959 г.

С большой радостью и от всего сердца поздравляю с получением Дарвиновской медали.

*Сукачев*¹³

Известно, какие трудности испытал Н.П. Дубинин, будучи директором института и весь коллектив института в 1957–1960 гг., когда целый ряд комиссий пытались представить работу ИЦиГ в кривом зеркале и вызвать психологический стресс у его директора. Вплоть до 1964 г. власти пытались закрыть институт, как избравший “неверное научное направление”.

В своих письмах в Москву в этот период Н.П. Дубинин пишет:

“Лаврентьев улетел в Улан-Удэ, я поймал его на аэродроме, самолет опаздывал, долго с ним говорили, он не отпускает, на мою просьбу о снятии машет руками. Более того, просит делом доказать нашу правоту” (3.06.1959). “Народ в институте хороший, все держатся замечательно” (4.06.1959). “Институт живет трудно – слишком велика возможность беды над наукой и личными судьбами, но все же в общем все молодцы” (6.06.1959).

¹³ Сукачев Владимир Николаевич, академик, зам. академика-секретаря ОБН АН СССР.

В ноябре 1959 г. Н.С. Хрущев, активно поддерживающий Т.Д. Лысенко, летел в одном самолете из Пекина в Новосибирск вместе с М.А. Лаврентьевым. Уже с борта самолета М.А. Лаврентьев дал телеграмму, что Н.С. Хрущев велел снять с поста директора Н.П. Дубинина как “вейсманиста-морганиста”. Власть Н.С. Хрущева в то время была такова, что М.А. Лаврентьев не смог переубедить его, несмотря на решительные и единодушные возражения всего Президиума СО АН СССР, партийной организации ИЦиГ, других ученых. В результате Н.П. Дубинину – организатору и первому директору пришлось покинуть ИЦиГ.

Из Постановления Президиума АН СССР от 16 октября 1959 г. № 773 “О директоре Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР” (представление Бюро Президиума Сибирского отделения):

Бюро Президиума Академии наук СССР постановляет: освободить члена-корреспондента АН СССР Н.П. Дубинина от обязанностей директора Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР.

Возложить временное исполнение обязанностей директора Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР на заместителя директора Института кандидата биологических наук Беляева Дмитрия Константиновича.

Именно по рекомендации Н.П. Дубинина исполняющим обязанности директора Института стал Д.К. Беляев. Сам Н.П. Дубинин вынужден был оставить Новосибирск и вернуться в Москву в ЛаРГ, которой он продолжал руководить все эти годы. Субъективизм и некомпетентность власти вновь сыграли свою отрицательную роль.

В этот период Н.П. Дубинин получает из Новосибирска письма от Д.К. Беляева, Ю.Д. Керкиса, Н.Д. Тарасенко (одного из сотрудников института) и других коллег, в которых переживания за судьбу института, сожаления об уходе Н.П. и надежды на будущее.

Октябрь 1959 г.

Дорогой Николай Петрович!

Вчера состоялся разговор заведующих лабораториями нашего института с С.А. Христиановичем. Он обещал, что плохих тенденций по отношению к институту не будет допущено. Все будто бы сохранится так, как есть: и финансирование и штаты и пр. Фундамент нашего института передали Институту органической химии, это, дескать, вопрос только технический, связанный с перепланировкой Академгородка в связи с указанием Н.С.¹⁴ Обещал, что наш институт будет построен в предусмотренные планом сроки, но в другом месте – рядом с Институтом экспериментальной биологии и медицины. Подписал письмо в Совмин относительно опытного хозяйства. Слова хороши, а сердце мое чувствует, что добром все это не кончится. Плохо, что Енкен отказался от директорства. В качестве возможного кандидата я назвал Патрушева, но согласится ли он? А если он откажется, а это вполне возможно, то что мы будем делать? Стараюсь, сколько могу, поддерживать людей, но сам чувствую, что, как сказал бы Мирюта, дело – табак. Очень беспокоит вопрос с директором. Напишите, пожалуйста, что Вы думаете по этому поводу. Без Вас очень тоскливо, вспоминаю Вас постоянно.

Ваш

Дм. Беляев

24 октября 1959 г.

¹⁴ Хрущев Никита Сергеевич (Примечание составителя).

Дорогой Николай Петрович!

Позавчера принимал нас Сергей Алексеевич. В присутствии Горбачева он заверял нас, что абсолютно ничего не изменится ни в каких отношениях, что надо только побыстрее найти подходящего директора. “Институт будет таким, каким он был задуман Дубининым” – сказал С.А. и тут же оговорился, что без Дубинина ему таким трудно будет быть.

Как-то невыразимо грустно стало мне, дорогой Николай Петрович, после этой беды. Не останется все так, как было и как должно было быть в будущем! Сейчас как-то особенно ясной стала Ваша роль во всех институтских делах. Не представляю себе как это будет дальше (...) Особенно тяжело общаться с молодежью, обнадеживать всех, держать “хвост трубой”. Если бы вы только знали, какая у нас хорошая молодежь, как все они любят наше дело! Просто диву даешься, откуда и когда успела у них эта любовь появиться. Это тоже Ваша заслуга.

Простите меня за, быть может, излишние сентиментальности, но мне хочется еще и еще раз поблагодарить Вас за огромное, сделанное Вами дело. Мне, может быть, стало кое-что яснее сейчас в этом отношении, чем Вам самому. После беседы с С.А. стало как-то особенно обидно и горько и я просто не в силах не поделиться с Вами моими мыслями (...) Очень тяжело мне будет без Вас во всех отношениях. Надо большое душевное равновесие иметь, чтобы справиться с большой ответственностью, которая легла сейчас на меня. А этого равновесия как раз и нет, слишком много горьких дум.

Желаю Вам, дорогой Николай Петрович, много, много доброты, выдержки и здоровья.

Всегда душой с Вами

Ваш

Керкис

1.11.1959 г.

Дорогой Николай Петрович!

Я очень благодарен Вам за письмо. Очень мы признательны за те пожелания молодежи института, которые Вы направили через письмо. И молодежь приложит всю свою энергию и силы, чтобы через учебу и работу оправдать Ваши надежды и чаяния, достичь и сделать то, что наметили Вы! (...)

Сергей Алексеевич Христианович принял всех заведующих лабораториями и отделов с Дмитрием Константиновичем, и заверил, что все остальное останется таким, каким было. Николай Петрович! Я все же не теряю надежды, как и вся наша молодежь, что вы еще будете работать в институте.

Ваш

Н. Тарасенко

Несмотря на все сложности, работы в Институте разворачивались широким фронтом. Остановить развитие советской генетики было уже невозможно.

3 июля 1964 г. в связи с избранием Д.К. Беляева директором ИЦиГ Н.П. Дубинин получает письмо от *В.В. Хвостовой*¹⁵ из Новосибирска, в котором она сообщает:

(...) С 24 июня Институт ликует! Об избрании ДК (Дмитрия Константиновича – *примеч. автора*) узнали из двух одновременно полученных утром телеграмм: Вашей и Астаурова. В начале были все просто ошеломлены, включая самого ДК! До пят-

¹⁵ Хвостова Вера Вениаминовна – сотрудник ЛаРГ.

ницы (Общего собрания) он не верил. Ведь он считал вообще свое выдвижение “хохмой” и лишь 22–23-го подумал: “А вдруг выберут; вот смеху-то будет!” Но сейчас все (за исключением м. б. Мирюты, м. пр. он Вам звонил? Он пытался) рады. Ведь это такое укрепление престижа института! И легче им будет жить. Мы (только не я) уже неоднократно пили шампанское и т.д., но официальное поздравление института состоялось во вторник 30-го. Даже Шкварников выступил с приветствием!! У ДКБ’шечки был очень смущенный вид от множества хороших слов. Правда, Керкис и Шкварников больше говорили о заслугах коллектива института и о роли этого события для генетики. А ДК в своем ответном слове в первую очередь сказал о Вас как основателе института, направлении работ которого, профиль и т.д. – был выдан Вами.

27 июня 1964 г. Д.К. Беляев написал Н.П. Дубинину:

Дорогой Николай Петрович!

Сердечно благодарю Вас за поздравления в связи с моим избранием. Я расцениваю это событие как признание института и научного направления, в организации которых решающая роль принадлежит Вам.

Огромное Вам спасибо за все. Будьте здоровы и счастливы и всегда помните, что здесь, в Новосибирске Ваши искренние и преданные друзья.

Крепко жму руку.

Ваш

Дм. Беляев

Среди других работников СО АН СССР в 1967 г. академик Николай Петрович Дубинин был награжден орденом Ленина “За создание Новосибирского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР и достигнутые успехи в развитии науки”. Работа по созданию ИЦиГ, деятельность Н.П. в первые три года, когда он являлся директором Института были высоко оценены. Разработка научных направлений и кадровая политика ИЦиГ СО АН СССР обеспечили успешное развитие института в последующие годы. Оценивая значение этой работы Н.П. Дубинина, Д. Беляев, И. Кнунянц, В. Зосимович и В. Алпатов отмечали:

(...) Дубинин воспитал большую научную школу, организовал ряд исследовательских учреждений и кафедр в высших учебных заведениях. В 1957–1960 гг. он организовал Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР и надолго определил основные научные и практические направления его работ¹⁶.

В 1967 г. по случаю 60-летия Николай Петрович получил из Новосибирска две телеграммы:

(...) Президиум Сибирского отделения АН СССР сердечно поздравляет Вас, глубокоуважаемый Николай Петрович с шестидесятилетием и отмечает Ваш большой вклад в организацию биологии на Востоке страны. Желаем крепкого здоровья и счастья.

Академик

Лаврентьев

¹⁶ “Правда”. 1966. 4 марта.

Дорогой Николай Петрович!

Объединенный ученый совет по биологическим наукам Сибирского отделения поздравляет Вас – основоположника сибирской генетики с шестидесятилетием, желает долгие лета, здоровья, дальнейших успехов.

Жуков А.Б., Воронцов Н.Н.

27 мая 1971 г. Николай Петрович получил приглашение посетить Академгородок. Письмо подписали *М.А. Лаврентьев* и *Д.К. Беляев*:

(...) Около 13 лет тому назад в Сибирском отделении АН СССР под Вашим руководством был создан Институт цитологии и генетики.

Мы все помним тяжелые годы становления Сибирского отделения и Института цитологии и генетики, мы хорошо сознаем Ваш большой вклад в становление Института, как по проблематике, так и подбору научных кадров.

В настоящее время Институт вырос, он работает по важным направлениям современной генетики.

Нам было бы приятно, и важно для общего дела, видеть и приветствовать вас в Академгородке в любое удобное для Вас время.

12 января 1987 г. Н.П. Дубинин получил такое письмо:

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Из публикации в “Правде” узнал о Вашем 80-летнем юбилее и награждении орденом Ленина. Примите мои сердечные поздравления. Сохраняю в памяти добрые воспоминания о Вас за кратковременное давнишнее время работы с Вами в 1957–1959 гг. в начале организации Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР первым директором которого были Вы, а я Вашим заместителем по административно-хозяйственной части.

Преклоняюсь и приветствую Вашу несгибаемую стойкость в преодолении долгих гонений и каверз.

Дальнейшего Вам долголетия и благополучия.

С искренним уважением

Ветеран партии, труда и войны, полковник в отставке,

награжденный орденом Ленина

и семью боевыми орденами Советского Союза

Гриднев Николай Акимович

В 1997 г. ИЦиГ СО АН СССР отмечал свое 40-летие. Николай Петрович отправил телеграмму:

Поздравляю Институт цитологии и генетики с 40-летием, который выстоял в трудные годы и приумножил славу Сибирского отделения.

Академик Дубинин.

Такова история, представленная в документах и фактах, но далеко не исчерпывающая всей своей полноты сибирского периода деятельности Николая Петровича Дубинина.

История создания Института цитологии и генетики СО АН СССР – это яркая страница в деятельности выдающегося ученого и признанного борца за истину в науке – Николая Петровича Дубинина.

6. Н.П. ДУБИНИН – ОСНОВАТЕЛЬ И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ АН СССР¹

Институт общей генетики АН СССР был учрежден в 1966 г., в апреле 2006 г. будет отмечаться его 40-летие. Создание Института проходило в особых условиях. После долгих лет борьбы, трудного положения в биологии наступил период активного развития генетики. Организация ИОГен явилась вехой, которая была с энтузиазмом воспринята в нашей стране и отмечена за рубежом как акт крупного научного, социального и политического значения.

С 1956 г. за 10 лет своей активной деятельности лаборатория радиационной генетики ИБФ выросла в крупное научное учреждение. Перед Николаем Петровичем встал вопрос об организации Института. В 1964 г. в СССР произошли политические изменения. Н.С. Хрущев был отстранен от руководства страной. Для развития биологии это имело положительное значение и вскоре вышло Постановление Президиума АН СССР “О развитии в Академии наук СССР научно-исследовательских работ в области генетики” от 25 декабря 1964 г., в котором говорится:

1. Считать целесообразным организовать на базе лаборатории радиационной генетики Института биологической физики АН СССР Институт общей генетики АН СССР.

Для разработки необходимых мероприятий по созданию Института утвердить оргкомитет в составе: Быховский Б.Е. – академик, председатель; Белозерский А.Н. – академик; Дубинин Н.П. – член-корр. АН СССР; Франк Г.М. – член-корр. АН СССР; Шемякин М.М. – академик.

2. Организовать² {...}

7. Для координации научных исследований в области генетики и селекции организовать Научный совет по проблемам генетики и селекции.

Постановление Президиума АН СССР от 5 марта 1965 г. (№ 103) “О Научном совете по проблемам генетики и селекции” конкретизирует и развивает данный вопрос:

1. Научный совет по проблемам генетики и селекции числить при Отделении общей биологии АН СССР. 2. Утвердить председателем Научного совета по проблемам генетики и селекции при Отделении общей биологии наук АН СССР члена-корреспондента АН СССР Н.П. Дубинина. 3. Поручить Отделению общей биологии (ак. Б.Е. Быховский) и председателю Научного совета по проблемам генетики и селекции члену-корреспонденту АН СССР Н.П. Дубинину в двухнедельный срок представить на утверждение Президиуму АН СССР состав Научного совета.

После этих постановлений у Н.П. Дубинина началась большая работа по формированию состава и структуры Совета. 28 мая 1965 г. Президиум АН СССР постановлением № 304 утвердил состав Научного совета по проблемам генетики и селекции в количестве 40 человек, председателем которого

¹ На основании Указа Президента РФ от 21.11.91 г. № 228 Академия наук СССР преобразована в Российскую академию наук (РАН).

² Речь идет об организации генетических и цитологических лабораторий в ряде институтов.

был избран Н.П. Дубинин. Материально-техническое обеспечение временно было возложено на ЛаРГ. Третьим пунктом этого постановления было

«согласиться с предложением академика Т.Д. Лысенко о ликвидации Научного совета по проблеме “Управления наследственностью и жизненностью растений, животных и микроорганизмов”.

24 июня 1965 г. на основании доклада, сделанного Н.П. Дубининым, Бюро ООБ АН СССР утвердило Бюро научного совета по генетике и селекции, была определена структура и сформированы следующие секции:

1. Общей генетики (руководитель – д.б.н. Ю.М. Оленов)
2. Молекулярных основ наследственности (руководитель – д.б.н. С.И. Алиханян)
3. Радиационной генетики (руководитель – член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин)
4. Химической генетики (руководитель – д.б.н. И.А. Рапопорт)
5. Космической генетики (руководитель – к.б.н. М.А. Арсеньева)
6. Генетики и селекции растений (руководитель д.б.н. М.И. Хаджинов)
7. Генетики и селекции животных (руководитель к.с.-х.н. Я.Л. Глембоцкий).

В состав Бюро вошли чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинин (председатель), ак. П.П. Лукьяненко (зам. председателя), чл.-корр. АН СССР Д.К. Беляев (зам. председателя), д.б.н. Ю.М. Оленов (зам. председателя), д.б.н. С.И. Алиханян, к.б.н. М.А. Арсеньева, чл.-корр. АН СССР Б.Л. Астауров, к.с.-х.н. Я.Л. Глембоцкий, д.б.н. М.Е. Лобашев, д.б.н. И.А. Рапопорт, действительный член АМН СССР В.Д. Тимаков, д.б.н. М.И. Хаджинов, к.б.н. В.К. Щербаков (ученый секретарь).

30 октября 1965 г. на Общем собрании ООБ Н.П. Дубининым был сделан доклад об основных направлениях деятельности Научного совета. Совет был призван в масштабах АН СССР и республиканских академий, а затем через связи с Министерством сельского хозяйства, ВАСХНИЛ, АМН, проводить координационную деятельность, связанную с организацией исследований по генетике и селекции в нашей стране.

Итогом огромной научной и организационной работы, проведенной Н.П. Дубининым и Научным советом, стало *Постановление Президиума АН СССР от 15 октября 1965 г. № 677 “Об организации Института общей генетики Академии наук СССР”*:

Президиум Академии наук СССР считает важнейшей задачей поднятие уровня исследований по генетике. Существующий Институт генетики АН СССР не обеспечивает должного уровня технических исследований и развития научных основ для решения практических задач сельского хозяйства и здравоохранения. При создавшемся положении и имеющихся кадрах Институт генетики АН СССР не в состоянии обеспечить необходимого уровня исследований по генетике.

В связи с этим Президиум АН СССР считает необходимым упразднить Институт генетики АН СССР, выделив из его состава экспериментальную научно-исследовательскую базу “Горки Ленинские” в самостоятельную лабораторию при Отделении общей биологии АН СССР, и создать Институт общей генетики АН СССР.

Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Для подготовки предложений по организации Института общей генетики АН СССР образовать комиссию в следующем составе: М.Д. Миллионщиков, Н.Н. Семенов, Б.Е. Быховский, А.Н. Белозерский, А.Л. Курсанов, П.П. Лукьяненко, Н.В. Ци-

цин, М.М. Шемякин, Н.П. Дубинин, К.В. Косиков, М.Е. Лобашев, Р.С. Степанов, С.И. Слесарев, Г.А. Цыпкин.

2. Комиссии разработать предложения о направлениях исследований Института общей генетики АН СССР, его структуре и экспериментальных базах, кадрах и финансировании до 20 ноября с.г.

При выборе директора Президиум АН СССР встал на путь максимального демократизма. В январе 1966 г. состоялся специально созданный Ученый совет, на который были приглашены 36 ведущих ученых страны. Заседание вел академик-секретарь ООБ Б.Е. Быховский. На повестке дня стоял один вопрос – выборы директора института. В результате голосования единогласно директором Института общей генетики АН СССР был избран Николай Петрович Дубинин. Он также был избран председателем Ученого совета Института.

4 февраля 1966 г. вышло Постановление Президиума АН СССР № 59 “О директоре Института общей генетики АН СССР”:

В соответствии с рекомендацией Ученого совета Института общей генетики АН СССР от 3 февраля 1966 г. и решением Бюро Отделения общей биологии от 4 февраля с.г. назначить члена-корреспондента АН СССР Дубинина Николая Петровича директором Института общей генетики АН СССР с последующим утверждением в соответствии с п. 69 Устава Академии наук СССР.

8 февраля 1966 г. Президиум АН СССР издал Постановление № 60 “Об упразднении Института генетики и организации Института общей генетики”:

1. Упразднить Институт генетики АН СССР с 15 апреля 1966 г.

2. Выделить из Института генетики Экспериментальную научно-исследовательскую базу “Горки Ленинские” на правах научно-исследовательского учреждения в составе Отделения общей биологии.

3. Организовать в составе Отделения общей биологии Институт общей генетики АН СССР с 15 апреля 1966 г.

4. Поручить Отделению общей биологии представить предложения о порядке упразднения Института генетики и организации Института общей генетики.

25 марта 1966 г. за № 285 Президиум АН принял Постановление “Об основных направлениях Института общей генетики и о мерах по обеспечению его работы”. В развитие п. 4 постановления № 60 от 8 февраля 1966 г.:

1. Считать основной задачей Института общей генетики АН СССР развитие теории современной генетики для обоснования методов управления наследственностью организмов, разработку путей использования достижений генетики в практике сельского хозяйства и медицины на основе изучения глубинных процессов жизненных явлений на молекулярном, клеточном, организменном и популяционном уровнях с использованием средств химии, физики, математики и электроники. В первую очередь обеспечить изучение молекулярных и клеточных основ наследственности; разработку генетических закономерностей селекции микроорганизмов, растений и животных в целях создания новых высокопродуктивных штаммов микроорганизмов, пород животных и высокоурожайных сортов растений; исследования по эволюционной, радиационной и космической генетике; исследования по биохимии вирусов; разработку общих проблем в генетике наследственных заболеваний.

2. Поручить Отделению общей биологии (акад. Б.Е. Быховский) и дирекции Института общей генетики АН СССР (член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин) представить в двухнедельный срок предложения о структуре Института и основных на-

правлениях научных исследований структурных подразделений, рассмотренные на Ученом совете Института общей генетики АН СССР.

31 марта 1966 г. Ученый совет ИОГен³ под председательством Н.П. Дубинина при участии П.М. Жуковского, А.А. Прокофьевой-Бельговской, А.А. Малиновского, В.Л. Рыжкова, Д.М. Гольдфарба, Н.Н. Жукова-Вережникова, С.И. Алиханяна, Б.Л. Астаурова, С.Е. Бреслера, С.Я. Краевого, Я.Л. Глембоцкого, М.Е. Лобашева, В.П. Эфроимсона рассмотрел и утвердил структуру Института общей генетики и названия лабораторий. ИОГен создавался как головное учреждение по проблемам генетики и селекции. В 1966–1967 гг. предполагалось организовать 18 лабораторий и 6 научно-вспомогательных подразделений.

29 апреля 1966 г. предложенные Ученым советом Института структура и основные направления развития ИОГен были утверждены постановлением (№ 314) Президиума АН СССР (см. Приложения).

Созданный Н.П. Дубининым Институт общей генетики АН СССР как самостоятельное учреждение в составе АН начал функционировать. Большую роль в организации ИОГен сыграл Научный совет по генетике и селекции.

Ликвидационной комиссии в составе 10 человек было поручено завершить все мероприятия по упразднению Института генетики, возглавляемому Т.Д. Лысенко до 15 апреля 1966 г. Сотрудники Института генетики были уволены. Академия наук занималась их трудоустройством в разные институты. Академик-секретарь ООБ Б.Е. Быховский обратился к Н.П. Дубинину с предложением взять к себе кого-либо из сотрудников упраздненного института. Это давало возможность ИОГен получить дополнительные ставки. В мае 1966 г. к Н.П. Дубинину (на Бауманскую, д. 54) пришли Х.Ф. Кушнер⁴, К.В. Косиков, К.С. Сухов с просьбой принять их на работу в ИОГен. После

³ Стенограмма протокол заседания Ученого совета ИОГен № 4 от 31 марта 1966 г. Личный архив Н.П. Дубинина.

⁴ Здесь уместно вспомнить выступление Х.Ф. Кушнера на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. при обсуждении доклада Т.Д. Лысенко:

“{...}” В докладе академика Лысенко и в прениях по его докладу приводилось много примеров из “трудов” зарубежных и отечественных морганистов – Моргана, Кэстля, Завадовского, Шмальгаузена, Дубинина, Жебрака и других, которые воочию убеждают, что основные положения вейсманизма-морганизма имеют еще широкое распространение среди биологов и по настоящее время. {...}”

В ходе обсуждения доклада академика Лысенко на сессии ВАСХНИЛ немало внимания было уделено разбору и разоблачению автогенетических, морганистских взглядов члена-корреспондента Дубинина. Нет надобности повторять известные материалы, опубликованные по этому поводу на страницах “Правды”. Я хотел бы в связи с этим поднять перед Президиумом Академии наук СССР вот какой вопрос. Об антинародном, антипатриотическом поведении Дубинина наша научная общественность узнает не впервые. Всем известно, как в прошлом году нашу биологическую общественность всколыхнуло сообщение о том, что Дубинин опять выступил в зарубежной печати с обзорной статьей о достижениях советской генетики за 30 лет, в которой ни словом ни обмолвился о замечательных работах Мичурина, Лысенко и всей плеяды советских мичуринцев в области растениеводства и животноводства. Статья эта была полна восхвалениями работ ближайших друзей автора, восхвалениями работ явных врагов советского народа, в том числе и “невозвращенцев”, восхвалениями таких работников, про которых в передовой статье “Правды” от 12 августа 1948 года сказано, что “их научная деятельность хуже всякой бездеятельности”.

Вестник АН СССР, № 9. 1948. С. 80–81.

длительного обсуждения возможной тематики их работ они были трудоустроены Николаем Петровичем.

Вот, как о том периоде пишет сам Н.П. Дубинин:

“Научно-организационная деятельность в 1966 г. была связана в первую очередь с организацией нового института – Института общей генетики.

Эта организация проходила с большими трудностями. Секция химико-биологических наук и Отделение общей биологии не оказывали институту нужной помощи. Это касается вопроса о помещениях института, так как решение президиума не выполняется, искусственно задерживался вопрос об ученом совете института и др...

Много усилий требовала также организация работ, связанных с деятельностью Научного совета по проблемам генетики и селекции, который провел в 1966 г. большую работу, в том числе и по организации работ в республиках и по проведению на местах широких совещаний и школ (Киев, Ереван, Тбилиси, Рига и др.)”³.

В 1966 г. Научный совет провел представительное совещание по теме “Практические задачи генетики в сельском хозяйстве”, на котором основной доклад сделал Н.П. Дубинин. С этим же докладом он выступил на секции химико-технологических и биологических наук. На основе его доклада в Постановлении секции было записано:

⟨...⟩ рассмотреть вопрос о более широком применении перспективных направлений в селекции – генетически регулируемого гетерозиса, экспериментальной полиплоидии и мутагенеза с тем, чтобы ускорить создание высокопродуктивных гибридов овощных культур, сорго, пшеницы и других культур, а также получение разнообразного исходного материала ⟨...⟩

Решение было утверждено Президиумом 5 мая 1966 г.

В это же время в ИОГен был объявлен конкурс на лучшую эмблему Института, в связи с чем работала конкурсная комиссия. В качестве лучшего эскиза была признана эмблема, изображающая двунитевую спираль молекулы ДНК, между нитями которой написано – Институт общей генетики АН СССР.

Организация в 1966 г. Института общей генетики стала большим событием в научном мире. Н.П. Дубинин получил по этому поводу много поздравлений. Среди них письмо из Ленинграда от *М.Е. Лобашева*:

Ленинград

11. 2. 1966 г.

Дорогой Николай Петрович!

Поздравляю с единогласным избранием на всех уровнях в директора первого научного института “Общей генетики”. Это большая победа генетики. Конечно, на Вашем пути будет стоять много трудностей и поэтому потребуется мобилизовать сознание всех генетиков, чтобы ликвидировать возможные мелкие недоразумения. Предстоит организовать большое дело, и оно потребует много энергии. Я и дальше буду способствовать возможными силами нашему общему делу.

Моя критика и предупреждения являются честными и доброжелательскими. Они могут быть неправильными, ошибочными, но они искренние.

³ Индивидуальный отчет Н.П. Дубинина за 1966 г., поданный в ООБ АН СССР 10.01.1967 г. Личный архив Н.П. Дубинина.

Не бойтесь собак лающих, бойтесь – кусающих.
⟨...⟩ с добрыми пожеланиями в тяжелый, но большой для нашей науки путь.

М.Ф. Терновский написал⁴:

Будьте всегда, как и были до сих пор, глашатаем, защитником истинной науки, настоящей генетики! Сейчас и особенно сейчас к Вашему слову прислушивается наша страна и весь мир!

Организация ИОГен стала событием не только для нашей страны, но нашла отклик за рубежом. Среди прочих Николай Петрович получил поздравление от чехословацких ученых:

Прага

14.02.1966 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Наше радиовещание в четверг, 9 февраля н.г., сообщило, что в Сов. Союзе основан Научно-исследовательский институт общей генетики и директором института назначен академик Николай Петрович Дубинин.

Разрешите мне от своего имени и многих наших научных работников, познакомившихся с Вами во время празднования 100-летия открытий Иоганна Грегора Менделя, поздравить Вас с новой обязанностью в области биологии и пожелать Вам новых успехов в научной работе, а главное, чтобы этот период в Вашей жизни прошел в спокойной обстановке. Я глубоко всегда верил и верю, что правда в научной работе только одна.

Искренне жму Вашу руку.

Уважающий Вас д-р

Николай Пуме.

Вообще 1966 г. был насыщен большими событиями для Николая Петровича: это организация ИОГен 15 апреля, присуждение Ленинской премии 22 апреля, избрание действительным членом Академии наук 1 июня.

⟨...⟩ Избрание Вас академиком явилось следствием Вашей огромной заслуги перед биологической наукой, которую Вы успешно развиваете.

Честь Вам и хвала!

С искренним уважением

П.А. Положенцев⁵

⟨...⟩ Безмерно рады, что Вас, выдающегося генетика, борца в науке, нашего давнего друга избрали академиком. Да здравствует справедливость, упорство, подвиг, честность, вера, правда. Желаем Вам здоровья, радостей, научных открытий. Обнимаем Вас, навсегда распахивая страницы журнала “Техника – молодежи”.

Захарченко, Пекелис

⁴ Даты некоторых писем, приведенных далее по тексту не установлены (*Примечание составителя*).

⁵ Профессор, доктор наук, почетный член Всесоюзного энтомологического общества при АН СССР (Воронежский лесотехнический институт).

ИЗ ВИРГИЛИЯ

Битвы и мужа пою, кто в Генетике первый из первых.
Роком ведомый борец к берегам приплыл ИОГена.
Долго его по морям и различным наукам бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
Долго и войны он вел, до того, как город построил.
Город генетиков и стены высоко воздвигнул.
Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине
Так царица богов, что муж благочестием славный
Столько по воле ее претерпел превратностей горьких.
Ненависть злая ее питалась давней обидой,
Скрытой глубоко в душе ее темной,
Слухам великую мощь придала и обрушила их на город.
И непроглядная ночь все покрыла и змеи шипели,
Близкая верная смерть окружавшим мужам угрожала.
Мудрый Генетик скорбящих сердца ободряет
– “О, друзья! Нам случилось с бедой и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади и нашим мученьям
Будет положен предел. Обманы и беды ведомы вам,
Так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть будет нам впредь об этом сладостно вспомнить.
Через превратности все, через все испытанья стремимся
В Науку, где мирные нам прибежища рок открывает.
Так предначертано вновь расцвести генетиков царству”.
Слава Генетике и первому в ней из первых,
Нас принимавшему всех в своих палатах обширных.
День пролетит, а за ним и другой и легкие ветры
В путь зовут Вас вперед во славу Науке.
В путь! Иди и возвьись до небес науку ее делами!

4.01.1982 г.

Э. Ваулина, И. Анисеева

Москва,

04.06.1966 г.

Дорогой Николай Петрович!

От всей души поздравляю Вас с избранием в действительные члены Академии наук СССР.

Этот успех не только Ваш лично, но и всей русской биологической науки. Это признание не только Ваших огромных научных заслуг, но и Вашего мужества и стойкости в борьбе за Ваши идеи, за идеи советской и мировой науки. Желаю Вам здоровья и многих лет плодотворной деятельности.

Ваш

М. Шехтман

НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ДУБИНИНУ

(Ода по случаю избрания академиком)

Облеченный Келдыша доверием,
Во главе ИОГа ты стоишь.
А вокруг мелькают подчиненные
Тихие, безмолвные, как мышь.

Ты отмечен государства премией.
Ты большие деньги получил.
И, конечно, знают все товарищи,
Что ты эти деньги не пропил.

Возведенный в сан академический,
Ты трудом бессмертье приобрел.
Многие премудрости генетики,
Скрытые в неведомом, нашел.

Показав, что ген есть суть делимая,
Всех на двадцать лет опередил.
И, наверно, именно поэтому
Академик Ты, а не Нуждин.

Объяснив эффекты положения,
Такового сам теперь достиг.
И Тебе свой звонкий и взволнованный
Посвящаю я сегодня стих.

Поздравляю и желаю многого
На охоте, в жизни и труде.
Будь всегда, как ныне, жизнерадостен
Улыбайся всюду и везде.

Если стих мой мало чего выразил,
Виноваты рифма и размер.
Я хотел сказать про очень многое,
Но сказать все в рифму не сумел.

1966 г.

*Е.И. Голуб*⁶

К 50-летию Октябрьской Революции Президиум АН СССР постановил издать юбилейный сборник “Октябрь и научный прогресс”, посвященный советской науке за 50 лет своего развития. Николай Петрович в этом сборнике опубликовал статью “Генетика”, в которой отразил развитие генетики в СССР, показал основные задачи и перспективы генетики: новое в явлениях наследственности, генетика и эволюция жизни на Земле и во Вселенной, проблемы генетики человека, единство теории и практики генетики, проблемы сельского хозяйства, медицины и космологии.

В 1967 г. Н.П. отмечал свое шестидесятилетие. Из огромного количества поздравлений приведем несколько.

⁶ Голуб Ефим Ильич – сотрудник ИОГен.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ!

Президиум Академии наук СССР, Отделение общей биологии и Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР сердечно поздравляют Вас, выдающегося ученого в области генетики и селекции, с шестидесятилетием со дня рождения и сорокалетием научной, педагогической и общественной деятельности.

Вы внесли большой вклад в развитие генетических исследований в СССР и положили начало ряду новых важных направлений генетики. Ваши многочисленные работы по вопросам общей генетики, генетическим основам эволюции, закономерностям возникновения мутаций, о структуре и функции гена, по генетическим основам селекции получили широкое признание ученых не только в нашей стране, но и за рубежом.

Ваши исследования по разработке хромосомной теории наследственности и теории мутаций отмечены Ленинской премией.

Развитая Вами еще в 1930-х годах центровая теория гена легла в основу развития современных представлений о кодировании наследственной информации и молекулярных закономерностях биосинтеза. Вы заложили основы учения о генетико-автоматических процессах в популяциях.

По Вашей инициативе в СССР начата разработка важных направлений современной биологии – молекулярной, радиационной и космической генетики.

Большое внимание Вы уделяете использованию достижений науки в народном хозяйстве. Под Вашим руководством в нашей стране начаты широкие работы по получению высокопродуктивных полиплоидных форм сельскохозяйственных культур.

Плодотворную научную деятельность Вы умело сочетаете с большой педагогической работой. Ваши ученики возглавляют генетические исследования во многих научных учреждениях страны и за рубежом.

Много сил Вы отдаете организации крупных научных центров по изучению коренных проблем генетики, особенно организации Института цитологии и генетики СО АН СССР и Института общей генетики АН СССР.

Вы внесли крупный вклад в разработку философских проблем современной биологии.

Ваши заслуги высоко оценены широкими кругами научной общественности. Вы избраны членом Германской Академии естествоиспытателей "Леопольдина", почетным членом Британского общества генетиков, общества генетиков США, почетным членом Хорватской Академии наук, почетным доктором университета в Брно, награждены медалью Академии "Леопольдина" и медалью Чехословацкой Академии наук – "За заслуги перед наукой и человечеством".

Желаем Вам, дорогой Николай Петрович, долгих лет жизни и плодотворного труда во имя торжества советской науки.

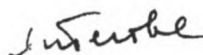
Президент
Академии наук СССР
академик

 (М.В. Келдыш)

Вице-президент
Академии наук СССР
академик

 (Н.Н. Семенов)

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик

 (Я.В. Пейве)

Академик-секретарь
Отделения общей биологии АН СССР
академик

 (Б.Е. Быховский)

Академик-секретарь
Отделения биохимии, биофизики
и химии физиологически активных
соединений АН СССР
академик

 (М.М. Шемякин)

4 января 1967 г.

Москва
Ленинский проспект

Минск
3 января 1967 г.

Академику Николаю Петровичу Дубинину

Дорогой Николай Петрович! С глубоким чувством поздравляю тебя с днем шестидесятилетия. Кажется, совсем недавно все мы были на большом практикуме и занимались в университете. И подумать, что с тех пор прошло 40 лет. Ты очень быстро поднялся на генетическом горизонте и по праву стал нашим выдающимся теоретиком-генетиком и биологом с большой буквы. Тебе пришлось больше, чем кому бы то ни было потратить силы и время на борьбу за подлинную науку. Плоды этой борьбы все еще впереди. Желаю тебе здоровья, бодрости, новых больших творческих успехов.

Крепко жму руку.

Рокицкий⁷.

ЮБИЛЯРУ Н.П.Д.

В юбилейный день рождения
Со всей планеты поздравления
К тебе рекою потекут
И мы с Глембоцким тут как тут.

Приятно нам поздравить друга
И милую твою супругу,
Особое почтение наше
Твоей любезнейшей мамаше.

Прожить сто лет тебе желаем,
Мы так примерно рассуждаем:
У всех недюжинных людей
Бывает в жизни юбилей.

Простой стандартный юбиляр
Дряхл и немощен и стар,
В шестьдесят прожитых лет
Это уж не дядя – дед.

Вино и женская любовь,
Ему уж не волнуют кровь,
Из него не выжмешь сок,
Чуть что “сыплется песок”.

Но Николас наш не таков!
Отмерив шестьдесят годов,
Ты, как и много лет назад,
Смотришь бодро... на девчат.

⁷ Рокицкий Петр Фомич, академик НАБ.

Любимец женщин и богов,
Как юноша всегда готов
На подвиг, пиршество, на бой
Нет, не обижен ты судьбой!

В прошлом ты слегка грешил,
Но немало совершил
Полезных, гениальных дел
И почти не облысел.

Лауреата тебе дали,
На Олимпе долго ждали,
Академиком избрали.

На Олимпе было скверно.
Да и до сих пор, наверно,
Там Трофимом сильно пахнет,
Хотя он не цветет, а чахнет.

Двадцать пять последних лет,
Олимпу древнему во вред,
Во вред науке и народу
Мичуринцы там лили воду.

Владыки сладкозвучных трелей
Куда вы двадцать лет смотрели!?
Жрецы порядка и покоя
Как вы могли терпеть такое?!

Академики вначале
Будто бы слегка ворчали,
Потом лишь головой качали
И презрительно молчали

Решили так: мол, дело ясно
Не будем пыжиться напрасно.
Трофима нам не одолеть,
Самим же можно заболеть.

А хворать нам не с руки
Мы ж не простые старики,
Мы на Олимпе под Луной
Храним порядок и покой.

Нам беречь науку нужно,
Будем жить с Трофимом дружно.
Мы такие, как и весь народ,
Молчим, воды набравши в рот.

А на Олимпе и поныне
Всюду грязь, везде вода,
Не проехать на машине
Ни туда и ни сюда.

Однако пусть никто не тужит,
Кто с зоотехниками дружит.
Коней мы вырастим прекрасных,
Им бездорожье не опасно.

Дорогой наш Николас!
Вот тебе лихой Пегас,
Смело на него садись,
За гриву, не за хвост держись.

Не знает он в пути помех,
Ты на нем обскачешь всех.
На Олимпе будешь жить
И дивные дела творить.

4 января 1967 г. *А. Панпушкин.*

О РАЗМЕЩЕНИИ ИНСТИТУТА ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ АН СССР И СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ЗДАНИЯ

В Приложении к постановлению Президиума АН СССР от 25 марта 1966 г. № 285 определены мероприятия по размещению ИОГен АН СССР (см. Приложения). Под вновь создаваемый институт были выделены следующие помещения: здание школьного типа ИБФ по Профсоюзной улице, д. 7 (рабочая площадь 2800 м²); комплекс из четырех небольших зданий по улице Губкина, д. 3 с рабочей площадью 1612 м² (в том числе 1332 м² – виварии, занятые под лаборатории с нарушением всех норм и стандартов и 110 м², арендованных площадей); 267 м², арендованных у ИМЖ на улице Вавилова, д. 12а и 320 м², временно арендованных на Бауманской улице, д. 54. Однако реально институт имел 1062 м² полезной лабораторной площади.

Разбросанность помещений института в четырех местах, острая недостаточность лабораторных помещений требовали принятия срочных мер, чем активно и занимался Николай Петрович. Он обратился к президенту АН СССР акад. М.В. Келдышу с письмом, в котором были поставлены два вопроса: “О размещении Института общей генетики АН СССР” и “О строительстве здания Института общей генетики”.

По первому вопросу Н.П. Дубинин писал:

⟨...⟩ Лабораторные помещения по ул. Губкина, 3, органически связанные с оранжереями, а также все остальные помещения и земельный участок по ул. Губкина, 3, числить полностью за Институтом общей генетики АН СССР ⟨...⟩.

Вопрос был решен положительно, оставалось только освободить выделенные помещения.

К 1 января 1967 г. необходимо было подготовить здание на Профсоюзной улице, которое с 15 апреля 1966 г. уже стояло на балансе ИОГен. Для этого следовало произвести переезд работавших там сотрудников ИБФ в подмосковное Пущино. Для сотрудников, остающихся в Москве, были отведены помещения ликвидированного Института генетики (Ленинский пр-т, д. 33).

Все мероприятия, связанные с освобождением площадей и переездом сотрудников проходили с очень большими трудностями.

В итоге ИОГен имел в своем распоряжении 3130 м² площади, на которой предполагалось разместить 18 лабораторий и 6 структурных единиц. Однако для ряда лабораторий (молекулярной генетики бактерий и фагов, биохимической генетики, физиологии и экологии вирусов) и кабинетов облучения, изотопов и др. требовались дополнительные площади. Кроме того, здание школьного типа на Профсоюзной улице, д. 7, как и приоранжерейный корпус на улице Губкина, д. 3, не отвечали необходимым на то время стандартам научного института, каким Николай Петрович видел ИОГен. К 1970 г. планировалось довести штатную численность научного и научно-технического персонала до 540 человек. Имеющиеся площади позволяли выделить лишь 4,0 м² на каждого сотрудника.

Н.П. Дубинин выступил с новой инициативой – о строительстве специального здания для Института общей генетики. В указанном выше письме к Президенту АН СССР М.В. Келдышу он просит

(...) включить в план строительства на 1968 г. здание Института общей генетики с полезной площадью в 5600 м². Такое здание может быть построено в общем строительном ансамбле на территории земельного участка по улице Губкина, д. 3 (...).

В 1968 г. Н.П. также подает письмо Председателю ГКНТ при СМ СССР акад. В.А. Кириллину, в котором, учитывая важность развития современной генетики в нашей стране, просит оказать помощь в осуществлении следующих мероприятий:

1. Строительство лабораторного комплекса для нашего Института в г. Москве полезной площадью 6 тыс. м². Место для строительства такого корпуса предусмотрено на территории нашего института по ул. Губкина, д. 3.
2. Обеспечить Институт кадрами, для чего выделить Институту дополнительно к плану на 1969 г. 40 единиц.
3. Приобрести для Института импортное оборудование и дорогостоящие импортные реактивы.
4. Разрешить Институту прописать в Москве 10 сотрудников с семьями.
5. Дополнительно к лимитам жилой площади, выделяемой Институту АН СССР, дать Институту 300 м² площади.

Н.П. Дубинин направляет письмо уполномоченному Президиума АН СССР по строительству тов. К.Н. Чернопятаву, в котором в частности пишет:

Прошу Вас о включении в план строительства на 1968 г. нового здания для Института общей генетики. Это здание желательно построить на территории Института общей генетики по ул. Губкина, д. 3 по типовому проекту площадью 5800 м². Строительство типового здания на ул. Губкина, д. 3 обеспечит размещение института в одном месте, создаст нормальные условия для использования земельного участка на территории ул. Губкина, 3 лабораториями, занимающимися генетикой растений. Здание же по ул. Профсоюзной, д. 7 с общей площадью 3500 м² после

окончания строительства нового здания, будет нами передано в распоряжение Президиума АН СССР.

Это не было осуществлено.

В 1969 г. прошло заседание Президиума АН СССР под председательством акад. М.В. Келдыша, на котором подробно обсуждали итоги трехлетней деятельности ИОГен. На этом заседании Н.П. Дубинин выступил с докладом “О научной деятельности Института общей генетики”. В результате Президиум АН СССР в своем постановлении от 25 апреля 1969 г. “О деятельности Института общей генетики АН СССР” в пункте 3 записал:

Учитывая острый недостаток рабочих площадей и предстоящий снос помещений по ул. Губкина, д. 3 и Баумана, д. 54, где расположены две лаборатории и один кабинет Института, рассмотреть вопрос о включении в пятилетний план капиталовложений по АН СССР строительство здания Института общей генетики АН СССР в Москве.

Н.П. Дубинин пишет письмо президенту АН СССР акад. Келдышу:

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МСТИСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ!

Согласно Вашего указания в 1967 г. была передана часть земельного участка, принадлежащего Институту по ул. Губкина, д. 3 для строительства лабораторного комплекса по теме “Омега” Физическому институту им. П.Н. Лебедева. При этом Вами было дано указание на оставшейся части участка построить лабораторный корпус для Института общей генетики площадью 4000 м². В соответствии в 1967 г. нами было составлено и передано в “ГИПРОНИИ” задание на проектирование лабораторного корпуса, а в 1968 г. получено проектное задание, которое значится в общем строительном комплексе “Омега” как блок “В”.

Однако в процессе строительства лабораторных корпусов “Омега”, в конце 1970 г. ФИАН выразил желание на занятие всей земельной площади по улице Губкина, д. 3 для строительства их лабораторных корпусов, а для Института общей генетики АН СССР академик Прохоров А.М. взял на себя обязательство перед Вами получить через Моссовет новый земельный участок для строительства лабораторного корпуса Института общей генетики. Однако взятые обязательства академиком Прохоровым А.М. в части подбора нового участка для Института общей генетики остались не выполненными. Со своей стороны Институт общей генетики обратился через Уполномоченного Президиума АН СССР по строительству тов. Чернопятава К.Н. о выделении земельного участка для строительства лабораторного корпуса в Москве. Однако архитектурно-планировочное управление отказало в этой просьбе, ссылаясь на отсутствие свободных площадей в Москве.

В связи с отказом Моссовета выделить землю в Москве под строительство лабораторного корпуса и невыполнение обязательства со стороны ФИАНа в части получения земельного участка, прошу Вашего разрешения на строительство лабораторного корпуса для Института общей генетики, как ранее и проектировалось, на земельном участке, принадлежащем Институту по ул. Губкина, д. 3 и готовить рабочую документацию на строительство согласно проектного задания блока “В”, с учетом начала строительства в 1972 г.

Директор Института
академик

Н.П. Дубинин

После длительных перипетий, обивания порогов и огромной работы, проделанной акад. Н.П. Дубининым, началось строительство, и в 1977 г. ИОГен получил новое здание по улице Губкина, д. 3, где и по сей день располагается.

Николаю Петровичу понадобилось ровно 50 лет с начала своей трудовой деятельности, чтобы добиться достойных условий для своей работы и работы всего коллектива. Теперь уже ИОГен расположился в двух местах: в новом корпусе по Губкина, д. 3 и на Профсоюзной, д. 7.

В январе 1978 г. состоялась встреча Н.П. Дубинина с вице-президентом АН СССР акад. Ю.А. Овчинниковым. Позже Николай Петрович вспоминал, что одно дельное дело было в этом разговоре: договорились строить нам второе здание, чтобы быть всем в одном месте на Губкина, д. 3, а здание на Профсоюзной улице отдать в Президиум. Принципиально вопросы размещения были решены, и далее Николай Петрович ими уже не занимался.

Институт остро нуждался в экспериментальной базе. Этим вопросом руководство Института занималось с 1966 г. 27 февраля 1979 г. состоялась личная встреча Н.П. Дубинина в ЦК КПСС с Ю.В. Седых, зам. зав. с.-х. отдела по науке ЦК КПСС. Из записи беседы:

⟨...⟩ “тов. Александров неверно решает вопрос об экспериментальном хозяйстве для Вашего Института. При таких разработках по с.-х. тематике оно Вам необходимо. Я постараюсь убедить А.П. Александрова и думаю, что Президиум положительно решит этот вопрос”. ⟨...⟩

Но эта проблема осталась нерешенной (см. Приложения).

ИОГен функционировал в полную силу, охватывая все самые передовые направления генетики на тот период. На протяжении 15 лет, в течение которых Николай Петрович руководил Институтом, вносились изменения в его структуру, открывались новые лаборатории, но основные приоритеты в исследованиях были расставлены. Институт вел работы по следующим проблемам:

- природа мутаций и контроль над мутационным процессом;
- генетическая инженерия высших организмов;
- молекулярные механизмы репликаций, репараций и рекомбинаций;
- генетическое действие космического полета;
- генетический контроль индивидуального развития;
- генетика совместимости тканей;
- генетический контроль гетерохронного роста систем в эмбриогенезе;
- генетические популяции в связи с проблемой рационального использования ресурсов биосферы;
- создание генетических методов селекции животных и растений;
- генетика вирусов;
- экологическая генетика и проблемы мутагенности загрязнителей биосферы и др.

Институт успешно выполнял постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О мерах по ускорению развития молекулярной биологии и молекулярной генетики и использованию их в народном хозяйстве”. Работы

по молекулярной биологии и генетике велись в семи лабораториях Института. Помимо фундаментальных исследований выполнялся ряд целевых программ.

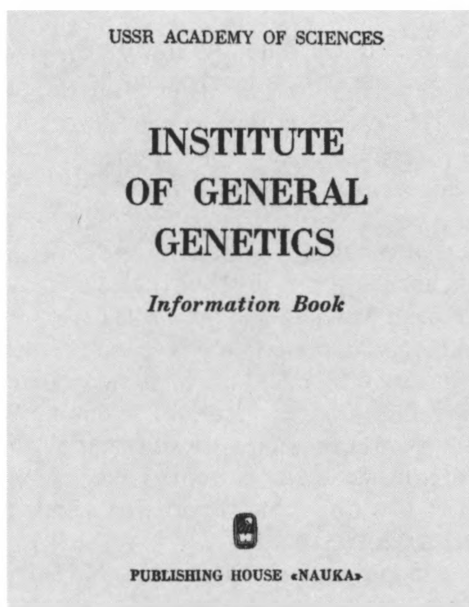
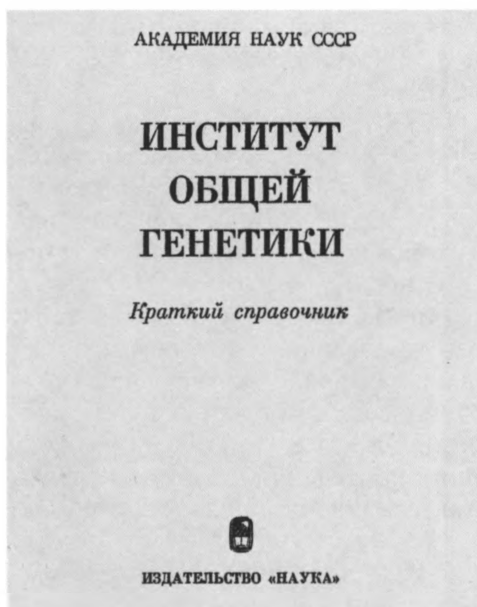
Несмотря на огромный фронт работ по возрождению в ИОГене основных направлений классической и молекулярной генетики, Н.П. Дубинину удалось в полном объеме сохранить, углубить и расширить исследования по действию ионизирующих излучений на наследственность. Это особенно отчетливо заявило о себе во время событий, последовавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Именно школа радиационной генетики Н.П. Дубинина внесла решающий вклад в эти исследования.

На представленной ниже схеме отражена структура генетического института, созданного акад. Н.П. Дубининым.

**СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
Института общей генетики АН СССР с момента его основания – 1966 по 1981 гт.
под руководством академика Н.П. Дубинина**

Деятельность Института за 15-летний период руководства Николая Петровича Дубинина отражена в двух первых справочниках “Институт общей генетики” (М., Наука, 1974, 1979). Справочники содержат краткие сведения об истории Института, основных научных подразделениях, главных направлениях научно-исследовательской работы Института и его лабораторий. В справочниках представлена информация о достижениях Института в области фундаментальных исследований и практическом применении, намечены перспективы развития ведущих направлений работы. Широко освещена научно-организационная и методическая работа, международное сотрудничество.

О научной и научно-организационной деятельности Института можно также прочитать в разделе “Снятие академика Н.П. Дубинина с поста директора Института общей генетики” в выступлении Н.П. 10.06.1981 г. на Отделении биологических наук.

Самое активное участие Н.П. Дубинин принимал на съездах ВОГИС в Москве, Ленинграде, Кишиневе, где выступал с блестящими пленарными докладами.

Свердловск

27.12.1972 г.

“{...} Я все еще нахожусь под впечатлением Вашего выступления на II генетическом съезде. Мне приходилось лишь читать, что раньше так выступали, например, Анатолий Васильевич Луначарский. Сейчас я увидел, что это возможно. Съезд много дал мне, а через меня и моим студентам, надеюсь, они донесут полученные знания по генетике до школы, как Вы донесли любовь к этой науке от Н.К. Кольцова до нас.

Ю.И. Новоженев⁸”.

⁸ Доктор биологических наук, профессор.

Все эти годы продолжалось издание ежегодников “Успехи современной генетики”, главным редактором которых был Н.П. Дубинин. Активно работала секция генетических аспектов проблемы “Человек и биосфера”. Институтом впервые был разработан “Прогноз по оценке генетических последствий загрязнений окружающей среды для человека, флоры и фауны”.

Бюро ООБ от 30 мая 1975 г. утвердило оргкомитет Всесоюзной конференции “Использование инбридинга в современных условиях организации животноводства в СССР” с председателем Н.П. Дубининым. В 1977 г. была проведена первая методологическая школа “Социальное и биологическое в развитии человека”. Бюро Отделения философии и права утвердило представительный оргкомитет под председательством Н.П. Дубинина. Заместителями были: В.Н. Кудрявцев, Л.П. Буева, Г.И. Царегородцев, А.Г. Хрипкова, В.А. Штейнберг, В.П. Чепурин, И.И. Сусков.

На сессии Общего собрания ООБ АН СССР “Общая биология – сельскому хозяйству”, состоявшемуся в декабре 1978 г. Н.П. Дубинин выступал с докладом “Генетика на службе селекции”. Бюро ООБ в своем постановлении от 27 марта 1979 г. утвердило оргкомитет для подготовки и проведения II Всесоюзной конференции “Влияние факторов космического полета на наследственность и развитие организмов” под председательством Н.П. Дубинина. В Москве в апреле 1981 г. состоялось третье Всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания, в котором приняли участие более 800 естествоиспытателей и философов из всех научных центров. Оно подвело итоги исследований по философским вопросам современного естествознания и определило новые проблемы в этой области. За активное участие в подготовке и успешном проведении этого совещания Н.П. Дубинину, некоторым членам оргкомитета и докладчикам была объявлена благодарность.

Под руководством акад. Н.П. Дубинина ИОГен в течение 15 лет осуществлял широкие научные связи с научно-исследовательскими учреждениями СССР и других стран, что нашло свое выражение в сотрудничестве по фундаментальным и прикладным проблемам мутагенеза, рекомбинаций и генетической инженерии, популяционной, экологической и космической генетики, генетики и селекции животных, растений и микроорганизмов, генетики философии человека; в координации исследований по генетическим аспектам проблемы “Человек и биосфера”, по космической генетике и биологии, по молекулярным основам мутагенеза и рекомбиногенеза; во внедрении достижений генетики в народное хозяйство и медицину; в подготовке научных кадров; в организации и проведении всесоюзных и международных научных конференций, симпозиумов, семинаров, школ, секций; в участии в оргкомитетах и с докладами на международных и всесоюзных научных конференциях, симпозиумах, съездах, конгрессах, школах; в консультациях и чтении лекций в союзных республиках и за рубежом; в личных контактах с советскими и иностранными учеными. Сотрудники Института принимали участие в работе ряда постоянных международных научных организаций и сообществ: пятой рабочей группы КОСПАР, Международной комиссии по изучению мутагенов и канцерогенов среды (СРЕМС), в конференциях ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Институт являлся коллективным членом Международного общества по изу-

чению групп крови животных и белкового полиморфизма у животных (МОИГКЖ).

За 15 лет научными сотрудниками ИОГен опубликовано 2054 работы, в том числе 75 монографий и сборников, 1476 статей в отечественных журналах, 195 – в зарубежных изданиях и около 500 тезисов докладов. Сотрудниками Института получено 18 авторских свидетельств на изобретения и зарегистрировано одно открытие. Институт завоевал признание в советской и мировой науке.

СОВРЕМЕННОКИ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.П. ДУБИНИНА И ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ

(...) С Вашим именем научная общественность нашей страны связывает важнейшие вехи в становлении и развитии отечественной генетики, ее успехи и мировую славу. Самые радикальные, затрагивающие существо генетической науки, проблемы ставились и решались Вами или с Вашим участием.

В трудные для отечественной генетики годы Вы проявили высокое гражданское мужество и принципиальность, отстаивая научную истину. Ваши усилия и неутомимость сыграли важную роль в возрождении этой науки, формировании новых научных школ в стране. Становление генетики в Молдавии и других союзных республиках тесно связано с Вашим именем.

Велико значение Ваших исследований в понимании биосоциальной природы человека, развитии представлений о социальном наследовании, критике современных вариантов социал-дарвинизма.

Вы постоянно и настойчиво способствуете внедрению достижений генетики в сельское хозяйство...

Огромная работоспособность и научная продуктивность, умение мгновенно разобраться в самых сложных проблемах, сделать запутанное простым и ясным вызывают неизменно удивление и восхищение Вами. На Ваших книгах учились и учатся советские и зарубежные генетики.

Вы являетесь создателем крупнейших научных центров генетической науки. Для многих людей в нашей стране слово “генетика” связано с Вашим именем. Это является ярким свидетельством плодотворности Вашей работы, ее необходимости для блага народа.

Президент АН МССР
академик АН МССР

А.А. Жученко

(...) Мы приветствуем Вас не только как выдающегося генетика, но и как организатора нашего Института.

За Вами в далекую Сибирь потянулись молодые и не очень молодые генетики из разных концов нашей большой страны; люди, рассеянные научными невзгодами, загорелись надеждой на новый расцвет любимой науки.

Мы помним еще, что Вы были зачинателем большой генетической науки на Востоке нашей страны, и мы сознаем, что в наших работах есть частица Вашего труда, энергии и вдохновения...

Ваш личный вклад в отечественную биологию трудно переоценить. Вряд ли кто-либо другой из Ваших коллег способен был бы в нелегкой обстановке создать столько капитальных трудов, являющихся сейчас у нас в стране основными при изучении важнейших глав современной генетики и эволюционного учения.

Вы руководите крупнейшим исследовательским институтом в области генетики и высшим координирующим органом, ведающим этой наукой в нашей стране.

Д. Беляев, Ю. Керкис, Г. Стакан, Г. Роничевская, И. Кикнадзе и др.

Дорогой Николай Петрович!

Шлю Вам самые наилучшие пожелания! Крепкого Вам здоровья и долгих лет жизни!

И чтобы процветали и развивались Ваши близнецы (так и хочется сказать “однойцовые”):

I – Институт общей генетики (в г. Москве) и

II – Институт цитологии и генетики СО АН (в деревне)

Чтобы эти Ваши институты жили в мире и согласии, чтобы они тянули одну и ту же “лямку”. И тогда советская наука – генетика – уйдет еще дальше вперед, еще шире и глубже “вглубь”.

В. Шенелев

⟨...⟩ Вы стоите у истоков развития радиационной генетики в нашей стране и, в частности, в Армении. Мы всегда с гордостью и восхищением вспоминаем посещение Вами нашей лаборатории радиационной генетики в Арзни, первая генетическая структура которой была организована в 60-е годы при Вашем содействии, и для развития которой под Вашим руководством были подготовлены специалисты-генетики.

В.А. Авакян, Р.А. Азатян, К.С. Гоусатян, И.Г. Авакян

⟨...⟩ Сегодня мы хотим особо отметить Вашу большую заслугу в развитии генетической науки в советском Туркменистане. Мы глубоко признательны Вам за подготовку высококвалифицированных специалистов генетиков, которые успешно трудятся в нашей солнечной республике.

Директор Института ботаники
член-корреспондент

К.М. Мурадов

⟨...⟩ Вы проводите большую работу по популяризации достижений генетики и биологии, постоянно выступаете на различных международных конгрессах, симпозиумах, обществах, совещаниях, утверждая высокий авторитет советской науки за рубежом.

Коллектив Всесоюзного научно-исследовательского института каракулеводства Вам премного благодарен, что на протяжении длительного времени Вы оказываете институту большую помощь в воспитании кадров генетики. В настоящее время Вы являетесь научным руководителем группы молодых ученых – целевых аспирантов Института каракулеводства.

Коллектив Института ВНИИ каракулеводства

⟨...⟩ Мы высоко ценим Вашу плодотворную работу по подготовке высококвалифицированных специалистов в области генетики и селекции. В Азербайджане успешно трудятся и принимают активное участие в развитии генетической и селекционной работе Ваши ученики.

Президент АзОГИС
академик АН АзербСССР

И.К. Абдуллаев

⟨...⟩ В тяжелые годы застоя отечественной генетики Вы мужественно боролись за ее возрождение, отстояв перед всем миром честь и славу советской генетики.

Велик Ваш вклад в подготовку кадров советских генетиков. Во многих городах плодотворно работают Ваши ученики. Несколько поколений школьников и студентов познают генетику по Вашим блестящим лекциям, учебникам и руководствам. Огромный вклад внесли Вы и в популяризацию генетики среди широких масс трудящихся Советского Союза.

Бердышев, Савченко, Бережко, Стрельчук, Шкварников и др.

Дорогой Николай Петрович!

С большим удовольствием и признательностью сообщаю, что Президиум АН УзССР в феврале этого года, обсуждая мой доклад о состоянии и перспективах развития генетики в Узбекистане, принял Постановление об организации ⟨...⟩ Института генетики. У истоков этого института стояли крупные ученые, которые оказали большую помощь в подготовке кадров генетики и в развитии научных исследований по проблеме генетики. Среди них мы, прежде всего, с благодарностью вспоминаем о Вас. Еще в 1976 г. при Вашей помощи и непосредственном активном участии при Институте экспериментальной биологии растений был организован Отдел генетики, который и послужил основой для организации Института. Кроме этого, в Ташкентском Государственном университете с благодарностью помнят Ваше посещение Университета, Ваш доклад, а также помощь в развитии генетики. В 1990 г. в Университете, наконец, организована самостоятельная кафедра генетики. Научно-исследовательская лаборатория “Частной генетики хлопчатника” при ТашГУ, которая была организована при Вашей большой помощи и поддержке еще в 1974 г., в настоящее время активно функционирует. На базе этой лаборатории в Университете организован ряд научно-исследовательских лабораторий...

Зав. каф. генетики биофака ТашГУ им. В.И. Ленина,
зав. лаб. частной генетики хлопчатника НПО “Биолог”

академик АН УзССР

Д.А. Мусаев

⟨...⟩ Ученые-биологи нашей страны в Вашем лице видят крупнейшего ученого в области генетики, заслужившего своими многочисленными трудами общепризнанный мировой авторитет. Ваша многосторонняя научная и организационная деятельность является блестящим примером плодотворного сочетания науки и практики.

В последние годы, Вы, дорогой Николай Петрович, уделяли много внимания на создание лаборатории генетики при Академии наук Монгольской Народной Республики и на подготовку ее кадров.

Президент Академии наук
Монгольской Народной Республики
академик

Б. Ширендыб

(...) Вы организовали Секцию генетических аспектов проблемы “Человек и биосфера”, которая в своей деятельности опирается на работу более сорока научных и учебных учреждений нашей страны, и являетесь ее бесшменным председателем. Благодаря Вашей энергии и большой научной эрудиции, Секция проводит важную и плодотворную работу по организации и координированию научных исследований по комплексной оценке генетических последствий загрязнения окружающей среды и разработке системы научно обоснованных мероприятий, направленных на защиту самого ценного продукта развития биосферы – генофонда биологических объектов от повреждающего воздействия загрязнителей среды.

Вы являетесь организатором и непосредственным участником мероприятий, проводимых Секцией в различных регионах нашей страны. Организация в этих регионах активно работающих групп исследователей в большой степени связана с Вашей инициативой и высоким научным авторитетом.

От коллектива Секции “Человек и биосфера»

(...) Мы хорошо помним, Николай Петрович, Ваш титанический труд по возрождению генетики в нашей стране в период с 1960 по 1980 гг., когда на базе созданного Вами Института общей генетики были развернуты широко-масштабные исследования по фундаментальным и прикладным направлениям генетики, осуществлялась фактически подготовка научных кадров для всех союзных республик, а также зарубежных стран. Мы знаем Вас, как человека высочайшей культуры и научной эрудиции, очень доступного ученого для всех коллег, будь он студент, аспирант, профессор и т.д.

Министр Науки
Президент АН Республики Казахстан

В.С. Школьник

По поводу организации Института друзья подарили Николаю Петровичу “Сказку–быль”.

СКАЗКА–БЫЛЬ

Расскажу вам сказку-быль,
Как в глаза пускают пыль,
Почему другим не гоже,
Делать также, делать то же.

Был у нас премьер когда-то,
Жил он сытно и богато,

Дел больших он не творил,
Зато лихо говорил.

То для дела, то для формы,
Проводил в стране реформы,
Управлял страной без зла,
И семья его цвела.

Чтоб богаче сделать нас
Дал совет (читай приказ):
“Сеять по всему Союзу
не овес, а кукурузу”.

Не хватало ржи, пшеницы,
И премьер наш, словно птица,
За моря, за океаны
Улетел в чужие страны
Посмотреть, как там живут,
Что там сеют, что жуют,
Как разводят скот рогатый,
Правда ль, что живут богато,
Что вывозят за границу:
Кукурузу иль пшеницу?

Много ль, мало ль он летал,
Возвратившись, приказал:
Время даром не терять,
Американцев обогнать.
Министерство земледельца,
В деревенские просторы
Выселить без разговору.

Приказал порядок в поле
Навести (по доброй воле):
Вильямса с полей убрать,
Луга и клевер распахать.
Скот спасти от худобы,
Сеять свеклу и бобы.

Если в поле уродится
Кукуруза иль пшеница,
Спелости зерна не ждать,
Быстрее раздельно убирать.

Дважды всех коров доить,
Всех их с привязи спустить,
У свиной станки сломать,
В одной куче содержать.

(И еще не мало дров наломал
премьер Хрущев)

* * *

Стали жить мы, поживать,
Изобилья ожидать,
Да премьера прославлять.

Проходил за годом год,
Кукуруза не растет,
Масла тоже нет и нет.
Где загвоздка, в чем секрет?

Тут призвал премьер Трофима:
“Мой мичуринец любимый,
Почему и отчего
Не выходит ничего?
Разгадай ты эту штуку,
В ход пусти свою науку”.

Говорит Трофим премьеру:
“Не теряй ты в меня веру,
Не толкуй ты о науке
И не связывай мне руки.
Тут быть надо ловкачем,
А наука не причем.

Надо митинги собирать,
Хлеборобам рассказать
Чего и сколько уродится
В год, в кормовых единицах,
А чтоб не спорили с тобой
Тимирязевку прикрой –
Хватит одного ВАСХНИЛ, а
Там моих ребяток сила.

И меня шпыняют ныне,
Уж особенно Дубинин.
Ты ученых поуйми,
Хвост Дубинину прижми.

Этот дошлый менделист
Ведь почти как ты, речист.
Всех он может с толку сбить,
Как же тут спокойно жить?

Знаю я давно секрет
Почему продуктов нет.
Дам тебе совет отменный
И все будет, непременно.

Рожь, пшеницу – верь ты мне –
Нужно сеять по стерне.
Кукуруза, точно знаю,
Уродится гнездовая.

Чтоб готовить удобрения,
Прикажи без промедленья,

Землю плугом всковырять,
Чуть навозцу подмешать,

Пошептать немного, чтобы
Завелись в земле микробы.
Подойдет земля, как тесто,
Перевозы с места на место!

Чтобы масла было много,
Прикажи министру строго:
Продавать по всей стране
По повышенной цене
Горок Ленинских быков
(там быки – то, будь здоров!).
Приплод от них, что уродится,
Будет сливками доиться”.

* * *

Вдруг премьер наш постарел
Отошел от всяких дел
И Трофим, само собой,
Оказался сиротой.

А сиротку (каждый знает)
“Злые дяди” обижают.
И обиженный Трофим
Мрачен, зол и нелюдим.
Верить ничему не хочет,
Сиплым голосом бормочет:
“Оно, конечно, я велик,
Но без защиты не привык
Агронаукой управлять
И менделистов побеждать.

Я привык, чтоб каждый раз
Сверху был совет (приказ):
Менделистам – замолчать,
Головы – не поднимать!
А теперь на что похоже?
Менделисты всюду вхожи!

Меня ж в верхах чуждаются,
Президиум ругается.

Бессовестно отняли институт.
В Горках, чем гордился я,
Разнюхала комиссия –
Теперь быкам моим капут.
Теперь я не любимый
И даже заменимый.

Раньше было думать так грешно.
Судачили, судачили,
Взамен меня назначили Дубинина!
Ну разве не смешно?!
Все мои сподвижники,
Дельцы и шаромыжники
Длинного любители рубля,
С совестью нечистою
Хотят быть менделистами –
Бегут, как крысы с корабля.

Дубинин за границую
Летает вольной птицею.
Вот до чего теперь дошли дела!
Все стало мне постыло,
Ах, где же то, что было? ...
Зачем меня мамаша родила?!

* * *

В знак любви и уваженья
Николасу в день рожденья
Эту сказку посвящаю.

Много лет прожить желаю,
Посоветовать могу,
Конечно, другу, не врагу:
Быть скромней, во всем знать меру
И не следовать примеру
Тех, о ком была тут речь.
Нужно честь свою беречь!

Чтоб тебе не докучали
Корреспонденты, подхалимы...
Пусть им пятки покусает
Твой презлющий пес любимый!

4 января 1966 г.

7. ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ

В 1961 и 1963 гг. вышли из печати две книги Николая Петровича: “Проблемы радиационной генетики” и “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”. И в том же 1963 г., т.е. через 15 лет после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в газете “Правда” от 21 августа появилась статья “Против фальсификаций в биологической науке”, в которой было написано:

Газета “Сельская жизнь” в номере от 18 августа опубликовала статью президента ВАСХНИЛ М.А. Ольшанского под заголовком “Против фальсификаций в биологической науке” (...)

В статье указывается, что мичуринская биология включает в себя все ценные, проверенные жизнью, практикой научные положения, содержащиеся в трудах выдающихся биологов прошлого. Вместе с тем в нее органически входят разработанные Т.Д. Лысенко генетические и общебиологические теоретические положения...

В центре внимания мичуринской биологии – проблема управления наследственностью и ее изменчивостью путем скрещивания, воспитания и отбора (...)

Руководствуясь мичуринским учением, наши биологи непрерывно обогащают колхозно-совхозную практику (...)

Между тем в последнее время в литературе появился ряд произведений, представляющих в извращенном виде положение дел в биологической науке. Вышли, например, две книги Н.П. Дубинина, изданные Атомиздатом, где незаслуженно расхваливается так называемая классическая генетика и совершенно игнорируется мичуринское направление в биологии (...)

Но, тем не менее, эти книги Н.П. Дубинина вместе с циклом экспериментальных работ в области хромосомной теории наследственности и теории мутаций были представлены на соискание Ленинской премии.

В газете “Известия” от 12 ноября 1965 г. появилось сообщение:

От комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР. Комитет сообщает, что на соискание Ленинских премий 1966 г. поступили следующие работы:

г) В области биологических и сельскохозяйственных наук.

2. Дубинин Н.П. “Проблемы радиационной генетики”, “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”.

Представлена Институтом цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР и Институтом ботаники Академии наук Украинской ССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ¹ академику М.В.КЕЛДЫШУ

Ученый совет Института ботаники АН УССР выдвигает на соискание Ленинской премии за 1966 г. две книги члена-корреспондента АН СССР Н.П. Дубинина: “Проблемы радиационной генетики”, Госатомиздат, 1961 г. и “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”, Госатомиздат, 1963 г.

Николай Петрович Дубинин является выдающимся генетиком нашей страны, основателем нового направления – радиационной генетики. Монография “Проблемы радиационной генетики” – теоретическое исследование, подытоживающее сов-

¹ Здесь и далее в разделе представлены материалы из личного архива Н.П. Дубинина.

ременные достижения в этом разделе генетики, с глубоким анализом существа вопроса, раскрытием значения радиационной генетики как самостоятельной дисциплины и перспектив ее дальнейшего развития. Большинство разделов данной монографии написано на основе многолетних исследований самого автора и его учеников. Николай Петрович Дубинин автор более 200 работ по вопросам радиационной и общей генетики, опубликованных в нашей стране и за рубежом. Нашей стране принадлежит первенство в основании радиационного направления современной биологии и немалая заслуга в этом члена-корреспондента АН СССР Н.П. Дубинина. Как признание этих заслуг книга “Проблемы радиационной генетики” была издана в 1964 г. в Англии и подготавливается к переизданию в ГДР, Польше и Чехословакии.

Лаборатория радиационной генетики, созданная по инициативе Николая Петровича Дубинина, является, по существу, основным генетическим центром нашей страны, где проходят специализацию и получают консультативную помощь ученые из всех республик Советского Союза.

Вторая монография “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность” посвящена теоретическим проблемам современной генетики. Книга во всей полноте раскрывает хромосомную теорию наследственности и является трудом, продолжающим работы Николая Петровича Дубинина в области общей генетики. В данной монографии нашла свое блестящее подтверждение выдвинутая Н.П. Дубининым “центровая теория гена”. В книге убедительно показано, как шаг за шагом генетика вторгается во все отрасли человеческой деятельности, становясь незаменимым помощником в селекции растений, животноводстве, медицине.

Наша страна первой запустила искусственные спутники земли и первые исследования генетических структур у биологических “объектов”, побывавших в околоземном пространстве, были поставлены под руководством Н.П. Дубинина.

По глубине поставленных задач и широте освещаемых вопросов обе представленные монографии Н.П. Дубинина являются уникальными изданиями не только в нашей стране, но и в мировой генетической литературе.

Исходя из этого, ученый совет Института ботаники АН УССР выдвигает на соискание Ленинской премии за 1966 г. указанные выше две книги члена-корреспондента АН СССР Н.П. Дубинина, т.к. они являются крупным вкладом в теорию и практику общей и радиационной генетики.

Директор Института ботаники АН УССР
доктор биол. наук

Г.И. Билык

Ученый секретарь
канд. биол. наук

Е.Г. Копачевская

По всей стране прошло обсуждение работ Н.П. научной общественностью. Приведем выдержку из решения собрания представителей научной общественности, организованного по поручению Комитета по Ленинским премиям МОИП, ИМБ АН СССР и секцией молекулярных основ наследственности Научного совета по молекулярной биологии АН СССР, подписанного В.А. Энгельгардтом и Б.Л. Астауровым 9 марта 1966 г.:

Теоретические исследования Н.П. Дубинина играют выдающуюся роль в развитии общей и радиационной генетики. В связи со все расширяющимся проникновением атомной энергии и ионизирующих излучений в разнообразные области человеческой деятельности в центре внимания многих институтов мира и Научного комитета ООН находится радиационная генетика. В этой области Н.П. Дубинин и сотрудники руководимой им лаборатории радиационной генетики добились крупнейших успехов. Открыты два новых явления: так называемого “задержанного” и “незадержанного естественного мутагенеза”. Выяснены важнейшие особенности меха-

низмов повреждения хромосом ионизирующей радиацией. В результате анализа процессов, протекающих в генетическом материале под влиянием радиации, расшифрованы механизмы последствий облучения, как вредных (лучевая болезнь, злокачественные новообразования), так и полезные (радиационная терапия, радиоселекция с/х растений и технических микробов).

Результаты этих исследований открыли возможность разработки методов защиты организмов (в том числе человека) от повреждающего действия ионизирующей радиации. Эти данные имеют важное значение для медицины и космической биологии. Результаты работ Н.П. Дубинина и его сотрудников, полученные при облучении обезьян и культуры клеток человека, позволили обосновать советской делегации в ООН требования о запрещении испытаний атомного оружия на Земле и в околоземном пространстве.

Работа лаборатории, руководимой Н.П. Дубининым, сыграла большую роль в использовании радиации для целей практической селекции сельскохозяйственных растений в нашей стране, что привело к созданию новых более ценных сортов ряда сельскохозяйственных культур. Приведенные здесь материалы, освещающие работы Н.П. Дубинина и его сотрудников в области радиационной генетики, широкие теоретические обобщения этих экспериментальных работ, а также анализ современных данных мировой литературы в этой области изложены Н.П. Дубининым в фундаментальном труде “Проблемы радиационной генетики” (Атомиздат. 1961), представленном на Ленинскую премию. Этот труд был первой книгой по радиационной генетике, опубликованной в СССР, которая в значительной степени стимулировала развитие этих работ в нашей стране.

Вторая книга Н.П. Дубинина, представленная на Ленинскую премию, – “Молекулярная генетика и действие ионизирующих излучений на наследственность” (Атомиздат. 1963). Книга посвящена синтезу новейших достижений генетической науки, связывающей явления наследственности и изменчивости организмов с процессами, протекающими на молекулярном уровне. В книге приведены важнейшие данные, полученные Н.П. Дубининым в его исследованиях по проблеме гена – элементарной единицы наследственности. Н.П. Дубинин доказал сложное центровое строение гена, предложил теорию, известную под названием теории ступенчатого аллеломорфизма, и установил зависимость наследственных свойств от положений гена в хромосоме, получившее в мировой науке название “эффект Дубинина”.

Эти замечательные открытия лежат в истоках развития современной молекулярной генетики.

Книга “Молекулярная генетика” является одной из первых в мире работ, в которой подведены итоги новейших исследований в области молекулярной генетики как основы раскрытия закономерностей наследственного характера биосинтеза белка. Книга сыграла важную роль в привлечении к генетическим исследованиям молодых ученых разных специальностей.

В.А. Энгельгардт
Б.Л. Астауров

Выдающийся немецкий генетик *проф. Штуббе* в предисловии к немецкому изданию книги “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”² пишет:

⟨...⟩ Когда в 1963 г. в Москве появилась книга проф. Дубинина “Молекулярная генетика”, на Западе не было такого обширного обзора новейших достижений в области генетических исследований, который предназначался бы для широкого круга

² *Stubbe H. Geleitwort // N.P. Dubinin. Molekulargenetik. Jena: Fischer, 1965.*

научных работников и в котором классические основы генетики трактовались бы на молекулярном уровне...

Находясь в течение десятилетий в ведущей группе генетиков Советского Союза и будучи более 30 лет пионером (новатором) новых воззрений на структуру генетического материала, он смог дать представления и взгляд на еще подлежащие решению проблемы. Эти представления выдают в нем очень опытного исследователя и педагога (...)

Кто следил в последние десятилетия за развитием генетики с ее взлетами и падениями, тот особенно рад приветствовать достижения Дубинина, о которых свидетельствует его труд (...). Он относится к тем, кому мешали в развитии, как ученого, когда псевдонаучные положения, возведенные в догму, препятствовали каждому истинному успеху в его области науки. Когда он сам в течение нескольких лет не мог работать в области генетики, он провел выдающиеся исследования в области орнитологии и затем постепенно собрал опять вокруг себя круг соратников, который скоро приобрел мировую известность. (...)

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ. ОТКРЫТИЯ СОВЕТСКИХ ГЕНЕТИКОВ³

На соискание Ленинской премии 1966 г. выдвинут комплекс работ в области общей и радиационной генетики, выполненных членом-корреспондентом Академии наук СССР Н.П. Дубининым. Современная генетика занимает одно из ведущих положений в биологии. Она изучает две такие сложнейшие проблемы, как наследственность и изменчивость организма, которые являются фундаментом в борьбе за здоровье человека. С генетическими исследованиями связаны селекция растений, производство антибиотиков, проникновение человека в космическое пространство.

Теоретические исследования Николая Петровича Дубинина играют ведущую роль в развитии общей генетики и теории эволюции. С 1928 по 1948 г. он сделал ряд крупнейших открытий. В частности, он доказал, что ген имеет сложное строение, открыл зависимость наследственных свойств от положения гена, которая в мировой литературе получила название “эффект Дубинина”. Это открытие во многом изменило теоретические основы учения о структуре генетического материала. Им разработаны также основные принципы эволюционной генетики.

Н.П. Дубинин вместе с другим известным советским генетиком А.С. Серебровским стал основателем в нашей стране современной радиационной генетики. Им проведен ряд важных исследований по воздействию радиации на наследственность человека. В 1932 г. вышла книга Н.П. Дубинина “Руководство по генетике и селекции кроликов”, в которой разработаны генетические принципы селекции, не утратившие своего значения и до сих пор.

В том же году Н.П. Дубинин становится во главе лаборатории генетики Института цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук СССР. Вскоре эта лаборатория превращается в ведущий центр по проблемам теоретической и экспериментальной генетики. Ее сотрудники И.А. Рапопорт и В.В. Сахаров открыли способность химических веществ вызывать изменения наследственного материала. В то же время В.В. Сахаров развил новые главы в учении о полиплоидии. В лаборатории были проведены первые опыты по космической генетике – Г.Г. Фризен послал дрозофил в первых советских стратостатах. С другой стороны – Д.Д. Ромашов разрабатывает новые принципы в эволюционной генетике. Сотрудники руководимой Н.П. Дубининым кафедры – М.А. Арсеньева и Я.Л. Глембоцкий выполнили важные работы по радиационной генетике. Все эти и многие другие исследования, проведен-

³ Правда. 1966. 4 марта.

ные научным коллективом Н.П. Дубинина, выдвинули советскую генетику того времени на одно из первых мест в мировой науке.

В 1956 г. в Институте биофизики Академии наук СССР была организована лаборатория радиационной генетики. Н.П. Дубинин стал руководителем ее коллектива. Исследователь разрабатывает здесь важнейшие вопросы общей и радиационной генетики. Он открыл два новых явления – так называемого “задержанного” и “незадержанного” естественного мутагенеза, изучает проблемы контроля над процессом мутаций при помощи антимутагенов и связывает их действие с задачами медицинской генетики. Ученый развивает также новые стороны в генетической теории рака.

В связи со все расширяющимся проникновением атомной энергии и ионизирующих излучений в разнообразные области человеческой деятельности масштабы радиобиологических исследований во всем мире непрерывно растут.

Познание процессов, совершающихся в генетическом материале под влиянием радиации, дает возможность расшифровать причинные механизмы последствий облучения, как вредных (лучевая болезнь, злокачественные новообразования, генетическая опасность), так и полезных (радиационная терапия, радиоселекция сельскохозяйственных растений и технических микробов). Книга Н.П. Дубинина “Проблемы радиационной генетики” представляет собой капитальный труд, подводящий итоги не только собственных исследований автора, но и всей современной литературы по этой проблеме. В ней освещаются общие вопросы цитогенетики, закономерности действия ионизирующей радиации, ультрафиолетовых лучей и видимого света на наследственность, радиационная генетика млекопитающих и человека, радиационная селекция высших растений и микробов.

Много нового внес ученый в научное обоснование вредоносного действия радиации на наследственность человека даже в малых дозах. Эти исследования тем более важны, что некоторые ученые зарубежных стран пытались доказать безвредность для людей испытаний атомного оружия.

Особого внимания заслуживают те разделы монографии, которые посвящены разработке научных принципов управления наследственной изменчивостью организмов. В лаборатории радиационной генетики под его руководством были начаты исследования по использованию радиации в селекции растений и разработке методов химической защиты наследственности от вредных эффектов радиации. Эти исследования заложили основы работ по созданию в нашей стране высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур на основе радиационных методов.

Вторая книга Н.П. Дубинина “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность” вышла в свет в 1963 г. Внимание автора устремлено в ней на синтез новейших достижений генетической науки, связывающей явления наследственной изменчивости организмов с процессами, протекающими на молекулярном уровне. Основными объектами здесь являются микробы, клетки в культуре ткани и биохимические процессы, протекающие в живых организмах. Этот труд сыграл важную роль в привлечении к генетическим исследованиям молодых ученых разных специальностей – биологов, медиков, селекционеров, физиков, химиков, математиков. Он стал одной из первых в мире работ, подытожившей новейшие исследования в области молекулярной генетики как основы раскрытия величайшей тайны жизни – закономерности биосинтеза белка.

Исследования Н.П. Дубинина по структуре гена – этой элементарной единицы наследственности, – которые он выполнил еще в 1930-х гг., привели сейчас к пониманию интимных процессов, протекающих в живой клетке. Эти исследования подводят науку к решению важнейших задач биологии – управлению жизненными процессами, установлению подлинного господства человека над живой природой.

В самые последние годы под руководством Н.П. Дубинина и с его личным участи-

ем в нашей стране быстро развивается новое важнейшее научное направление – космическая генетика. В этой области советская наука занимает передовые позиции в мире.

Н.П. Дубинин воспитал большую научную школу, организовал ряд исследовательских учреждений и кафедр в высших учебных заведениях. В 1957–1960 гг. он организовал Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР и надолго определил основные научные и практические направления его работ.

Лаборатория Н.П. Дубинина является сейчас консультативным центром, где готовится достойная научная смена. В настоящее время Н.П. Дубинин является председателем Научного совета по проблемам генетики и селекции Академии наук СССР, призванного координировать всю работу по этим вопросам, директором молодого Института общей генетики.

Присуждение премии имени В.И. Ленина одному из основателей советской генетики – Н.П. Дубинину, расцвет творческой деятельности которого достиг ныне своего зенита, ученому, которому принадлежат крупнейшие открытия в общей и радиационной генетике, в теории эволюции, несомненно, будет с удовлетворением воспринято всей научной общественностью нашей страны и явится заслуженным признанием достижений отечественной генетики.

Д.К. Беляев – член-корреспондент АН СССР; академик *И. Кнунянц*; *В. Зосимович* – член-корреспондент Украинской ССР; Лауреат Ленинской премии; *В. Алпатов* – профессор, доктор биологических наук.

ВАЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГЕНЕТИКЕ⁴

Среди работ ученых, выдвинутых на соискание Ленинских премий 1966 г., значатся и труды члена-корреспондента АН СССР Н.П. Дубинина “Проблемы радиационной генетики” и “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”. Эти книги привлекли внимание не только специалистов-биологов, но и широкого круга читателей, интересующихся последними открытиями в генетике – науке, исследующей законы передачи наследственности и изменчивости организмов.

Познание генетических закономерностей, вылившееся в особую, быстро развивающуюся и приобретающую все большее значение науку, оказывает плодотворное влияние на рационализацию и совершенствование методов селекции растений и животных. Такие новые и чрезвычайно эффективные способы повышения урожайности, как скрещивание инцухт-линий кукурузы, сорго и ряда других культур для получения высокопродуктивных гибридов, как создание полиплоидов в селекции сахарной свеклы и других растений, были разработаны на основе генетических принципов. Те же принципы лежат в основе современных методов отбора производителей по качеству их потомства, использования гетерозиса в пользовательном животноводстве. Новая отрасль животноводства – звероводство, которая сейчас быстро развивается и поставляет на мировой рынок больше мехов, чем дает их охотничий промысел, не только опирается на генетику, но в ряде случаев обязана ей своими основными достижениями.

Книга Н.П. Дубинина “Проблемы радиационной генетики” посвящена одному из кардинальных вопросов генетической науки – влиянию ионизирующей радиации на изменение наследственности. Этой проблемой Н.П. Дубинин занимается с 1928 г., то есть с того времени, когда ученые Г.А. Надсон, Г.С. Филиппов и Г.Г. Меллер открыли, что, воздействуя рентгеновскими лучами, можно вызывать различные наследственные изменения – мутации. В природных условиях они возникают редко.

⁴ Сельская жизнь. 1966. 12 марта.

Возможность искусственного получения многочисленных мутаций дала в руки ученых могучее оружие для изучения механизма их возникновения и исследования тех изменений, которые происходят в материальной основе наследственности – хромосомах. Н.П. Дубинин с увлечением занялся исследованиями в этой области и сделал ряд очень важных для теории открытий. Ему удалось доказать, что ген – это элементарная частица наследственности – является сложной делимой структурой. Время подтвердило правоту исследователя. Сейчас учение о сложной структуре гена – одна из основ современной молекулярной генетики.

Н.П. Дубинин доказал, что изменение того или иного признака или свойства организма может быть вызвано не только изменением строения (мутацией) гена – определенного участка хромосомы, обуславливающего данный признак, но также переменной местоположения этого гена в хромосоме. Следовательно, действие гена определяется не только его собственной структурой, но и особенностями генов, расположенных вблизи него. Это открытие оказало большое влияние на представление о существе воздействия генов на развитие признаков и свойств организмов. Обнаружено несколько типов “эффекта положения гена”, и один из главных получил название “эффект Дубинина”.

Исследования по радиационной генетике приобрели особое значение в связи со все расширяющимся проникновением атомной энергии и ионизирующих излучений во многие области человеческой деятельности.

В 1956 г. Н.П. Дубинин возглавил организованную в Институте биофизики АН СССР лабораторию радиационной генетики. Здесь изучается влияние разных видов ионизирующих излучений – рентгеновских и гамма-лучей, быстрых нейтронов, протонов разной энергии – на наследственность растений, дрозофилы, мышей, обезьян. Проводятся сложные эксперименты и по облучению клеток культур ткани человека.

Установлена чрезвычайная радиочувствительность хромосом человека. Доказано, что малые дозы ионизирующих излучений, не представляющие опасности для непосредственно облучаемых организмов, далеко не безопасны с точки зрения их воздействия на генетический материал (хромосомы и гены), зачатковых клеток, а отсюда и на здоровье будущих поколений. Эти исследования Н.П. Дубинина и его сотрудников явились важным научным аргументом против испытаний атомного оружия, они указали также и на необходимость применения должных мер против повышения естественного фона радиации при мирном использовании атомной энергии.

В лаборатории радиационной генетики изучались не только вопросы, связанные с защитой от вредных последствий ионизирующих излучений, но и проблема использования этого эффекта в селекции растений и одноклеточных водорослей. Ведь облучение семян растений ионизирующими излучениями необычайно усиливает мутационный процесс, вызывает появление многочисленных новых форм – богатейшего материала для селекции. Лаборатория становится центром по разработке методов радиационной селекции растений. Другой такой центр по инициативе Н.П. Дубинина создается в Новосибирском Институте цитологии и генетики АН СССР в бытность его директором этого института в 1957–1960 гг. В этих центрах радиоселекции растений уже получен ряд новых, высокопродуктивных форм пшеницы, картофеля, сои, томатов и других культур. Разработанные здесь методы применяются теперь многими опытными учреждениями.

“Проблемы радиационной генетики” Н.П. Дубинина – это капитальный труд. Он читается с одинаковым интересом как людьми, впервые знакомящимися с обсуждаемыми в нем вопросами, так и учеными, разрабатывающими эти проблемы.

Вторая из представленных на соискание Ленинской премии книга ученого “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность” подытоживает новейшие исследования в области структурной и биохимической организации на-

следственности в микромире клетки. В сокровенных глубинах жизни открыты удивительные явления.

В последние десятилетия установлено, что носителями наследственной информации, передающейся от одного поколения клеток к другому, являются нуклеиновые кислоты, составляющие основу структуры хромосом. Установлено кодирование наследственной информации в молекулах нуклеиновых кислот и выявлены пути программирования этими молекулами синтеза белков, участвующих в построении клетки и протекающих в ней биохимических процессах. Вскрыты также процессы, происходящие в молекулах нуклеиновых кислот под воздействием ионизирующей радиации и других мутагенов, приводящие к наследственным изменениям – мутациям.

Открытие указанных новых явлений и закономерностей подняло генетику на более высокий уровень. Книга Н.П. Дубинина и посвящена изложению современных данных о природе и функциях молекул материальной основы наследственности, то есть коренным вопросам современной биологии. Автор выступает в ней как самостоятельный исследователь, смелый экспериментатор, способный к глубокому и оригинальному обобщению результатов эксперимента.

Для читателей будет, вероятно, небезынтересно узнать, что Н.П. Дубинин, столь много сделавший в разработке фундаментальных проблем теоретической генетики, не менее успешно работает по применению генетики в селекции сельскохозяйственных культур и животных. Он является инициатором и организатором использования методов радиационной селекции растений, а также немало сделал для внедрения принципиально нового генетического приема получения полезных сортов культурных растений путем увеличения числа хромосом в клетке, то есть создания полиплоидных форм. В Институте цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР им были организованы работы по выделению триплоидной сахарной свеклы, которая в настоящее время уже вышла на просторы колхозных и совхозных полей.

Наконец, Н.П. Дубинина можно по праву отнести к числу ученых, положивших основание такому важному разделу науки, как генетика популяций, изучающая закономерности процессов наследственности и изменчивости в совокупностях особей одного вида, характеризующихся общностью местообитания, но различающихся по разным признакам и свойствам.

Думается, что Н.П. Дубинин вполне заслужил и такое высокое признание своих заслуг перед наукой, как присуждение премии имени Владимира Ильича Ленина за работы по общей и радиационной генетике.

Доктор биологических наук

Я.Л. Глембоцкий

В КОМИТЕТ ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Считаю своим моральным и гражданским долгом написать все нижеизложенное.

В 1930 г. я впервые сделала перевод на английский язык статьи тогда совсем юного, вступающего на широкий путь науки Николая Петровича Дубинина: “О центровом строении гена” для английского журнала “Генетика” (“Genetics”), редактировавшегося профессором Пэннет в Кэмбридже, Англия. В 1932 г. статья Н.П. Дубинина “О ступенчатом аллеломорфизме и центровом строении гена” была напечатана в журнале “Genetics”.

В 1962 г., т.е. более чем через 30 лет, треть века, по появлении из печати в США и Англии книги Н.П. Дубинина “Проблемы радиационной генетики” редакция американского журнала “American Naturalist” немедленно написала Н.П. Дубинину и просила его прислать статью “О центровом строении гена” в свете современных на-

учных данных по радиации и т.д., ввиду того исключительного интереса, который проявляют зарубежные и, в частности, американские ученые к его ранним работам 1930-х гг. в тесной связи с появлением его книги “Проблемы радиационной генетики”.

Две книги Н.П. Дубинина, написанные им за самое последнее время, переведены на английский и немецкий языки в США, Великобритании и Германии и имели за рубежом самый выдающийся успех – “Проблемы радиационной генетики” и “Молекулярная генетика”.

Весь мой трудовой путь прошел рядом с генетиками и биологами начиная с 1930 г. Я имею высшее образование по трем высшим учебным заведениям, я работала и одновременно училась, в частности на Естественном факультете, но никогда сознательно не хотела сама работать по научной части, хотя меня многие уговаривали на это. Я считала для себя счастьем, что могла быть полезной и нужной выдающимся ученым, для которых я работала с энтузиазмом всю жизнь: Академику М.М. Завадовскому, выдающемуся ученому и человеку Академику Н.К. Кольцову и блестящему ученому Н.П. Дубинину.

Н.П. Дубинин – выдающаяся личность и в науке и в жизни.

Н.П. Дубинин обладает теми тремя характерными свойствами высокой одаренности, объединение которых в одном лице определяет больших людей в широком и глубоком значении этого понятия, а именно:

1. Совершенным умом, остротой мышления и обобщения.
2. Горением чувств к своей науке и человеку.
3. Совершенным мастерством и знанием своей специальности.

Полное единение этих трех моментов и является типичным для выдающихся деятелей в любой области науки, техники, искусства. “Чувствовать, знать и уметь – полное искусство”, сказал П.П. Чистяков, великий русский художник и человек.

Знаю, что В.И. Ленин глубоко приветствовал бы вручение I премии его имени такому великолепному сыну русского народа, как Николай Петрович Дубинин, который мальчуганом в 1919 году был с ним на машине на Красной площади, а теперь достиг вершин в науке и стал достоин I премии имени Ленина.

Я являюсь живым, прямым свидетелем трудного, во многом глубоко трагичного и сложного творческого пути Н.П. Дубинина в течение 25 лет.

Близко знаю Н.П. Дубинина и как великолепного человека, знаю его глубокую человечность в отношениях с людьми и подчиненными и, будучи сама его близким сотрудником, я твердо убеждена, что за мной моральная и гражданская обязанность смело обратиться в Комитет по Ленинским премиям о присуждении за 1966 г. Ленинской премии I степени в области науки НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ДУБИНИНУ.

Лаборатория радиационной генетики АН СССР,
ул. Баумана, д. 54.

Екатерина Сергеевна Мойсеенко

Академик *М.В. Келдыш* в статье “Единство теории и практики” (Правда. 1966, 22 апреля) написал:

“Изучение процессов, протекающих в живой материи, генетических закономерностей селекции микроорганизмов, растений и животных приобретает все большее значение. Член-корреспондент АН СССР Н.П. Дубинин сделал ряд крупнейших открытий и обобщений в области изучения генов и хромосом, структуры живой клетки, управляющих наследственностью организмов. Он внес также большой вклад в изучение проблем радиационной генетики, имеющих большое практическое значение в связи с расширением области применения атомной энергии и ионизирующих

излучений в практике народного хозяйства и медицины. Автор много сделал для изучения влияния ионизирующих излучений на наследственность растений и животных. Н.П. Дубинин является автором широко известных книг в области генетики – “Проблемы радиационной генетики”, “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”.

ПРЕМИЯ НИКОЛАЯ ДУБИНИНА⁵

(...) Москва, 22 апреля 1966 г. Кабинет в одном из государственных учреждений на проспекте Калинина. Среди микрофонов и бокалов с фруктовыми соками, среди 25 лауреатов Ленинской премии перед группой журналистов спокойно сидит биолог Николай Дубинин, ожидая своей очереди отвечать на вопросы. Он как будто почувствовал формулировку вопроса: “Можете сказать что-либо о практическом значении Вашей научной работы?”

Задавший этот вопрос журналист, видимо, не мог бы точнее его сформулировать. Не специалисту трудно расшифровать суть работы, за которую, как сказано в официальном сообщении, Дубинин получил Ленинскую премию: за цикл работ в области хромосомной теории наследственности и теории мутаций.

Должно быть 60-летний Николай Дубинин это почувствовал. То, что он сказал, было рассчитано на то, чтобы журналисты поняли, что он делает и смогли объяснить читателям.

Когда было объявлено о присвоении ему звания лауреата Ленинской премии, многие в СССР вспомнили, что биология в течение ряда лет была научным полем политических столкновений. Теперь, правда, это уже имеет второстепенное значение, но люди вспоминают и рассказывают о том, что:

– в 1930-х и 1940-х гг. ряды способных советских биологов поредели из-за политических махинаций;

– один из вдохновителей этих политических махинаций времен Сталина сумел в течение целого десятилетия сохранить за собой звание авторитетного в правительстве ученого;

– и поныне (хотя дискуссии проходят достаточно открыто и решительно устранено монопольное положение одного ученого и его сторонников, то есть их право на последнее слово в биологии) все еще не проведена ясная черта между научными и политическими ошибками Лысенко и лысенковцев.

Биолог со спокойным выражением лица такими словами выразил смысл своего труда на протяжении 36 лет: “Самое главное для человека – это жизнь и управление жизнью, которая в своей элементарной форме связана с клеткой. Если мы хотим управлять жизнью, нам нужно овладеть материальным миром клетки”.

Полноватый и приветливый Дубинин на мгновение остановился, как бы желая спросить: ясно ли? – и затем продолжал: “Одно из основных явлений жизни – это наследственность, то есть реконструкция органических форм из поколения в поколение. В общем, эволюция человека на земле, вся селекция и создание разных видов и форм связаны с необходимостью управлять наследственностью. Вполне естественно, что в последние годы внимание генетики в науке о наследственности обращено на клетку. Детальное знакомство с материальной структурой клетки и научные исследования этой структуры открывают возможность управления жизнью”.

Дубинин объяснил и слова, и официальную формулировку названия своей работы “Хромосомная теория наследственности”. Это теория, которая открыла наследственность на уровне клетки. Материальные изменения, которыми определяется

⁵ Борба, 1966, 1–2 мая. Печ. с сокр.

наследственность и которые вызывают появление разнообразных форм организмов на земле, получили название мутации.

Именно в этой области Дубинин ведет экспериментальную работу, получает и объяснение и результаты научных исследований. 5 лет назад он определил дозу радиации, которая позволяет удвоить скорость изменения наследственности. Эта работа признана в Организации Объединенных Наций, и открытие Дубининым этой дозы радиации в какой-то мере способствовало подписанию договора о частичном запрещении ядерных испытаний.

Этот ученый, оптимист по природе, исследует методы защиты наследственности человека от действия радиации и, с другой стороны, стремится с помощью радиации найти новые формы выращивания микроорганизмов, устойчивых по отношению к радиации.

Он борется за здоровье тех 4% детей, которые появляются на свет с врожденными наследственными болезнями, против того явления, которое в свое время Кеннеди назвал перворазрядной национальной проблемой США. Дубинин озабочен и тем, как обеспечить космонавтам безопасность при пробивании радиационного пояса в космосе, и какие защитные микроорганизмы надо вводить в организм небольших животных, которыми в недалеком будущем будут населены ближайшие планеты.

Изучая структурные изменения в клетках, Дубинин ищет также источник появления рака. (...)

Эта Ленинская премия вручена одному из тех советских биологов, которые не отказались вести исследования в области генетики даже в то время, когда хромосомная теория наследственности была “не в моде”. В 1936–1953 гг. эту теорию считали “идеалистической, реакционной, враждебной”, а после смерти Сталина и до осени 1964 г. сторонники этой теории имели далеко не наилучшие условия для работы. Актуальное научное значение этой Ленинской премии состоит в том, что она дает импульс развитию современной генетики в Советском Союзе.

Политическое значение премии – в том, что она открывает путь к ликвидации старых догм и политических ошибок и к установлению грани между эмпиризмом политиков и научными истинами, которые могут открывать и доказывать только ученые.

Р. Бајалски

Сама формулировка: “Ленинская премия присуждается за цикл работ по развитию хромосомной теории наследственности и теории мутаций” говорила о многом. Еще на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. ректор Тимирязевской академии акад. В.С. Немчинов заявил, что, по его мнению, “хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества⁶. Именно за развитие этой теории, которая в течение длительного времени подвергалась атакам со стороны Т.Д. Лысенко, Н.П. Дубинину была присуждена высокая награда.

6 июля 1966 г. состоялось вручение Ленинских премий. Газета “Комсомольская правда” писала:

“Сегодня большой группе выдающихся ученых академик М.В. Келдыш вручил дипломы и почетные знаки лауреата Ленинской премии. Для некоторых из них, как, например, для главы советских генетиков Н.П. Дубинина, эти события совпали: он

⁶ Выступление В.С. Немчинова // В кн. О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ им. В.И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 г. С. 472.

избран академиком, а сегодня собравшиеся в Свердловском зале Кремлевского дворца поздравляли его с вручением Ленинской премии. Ученый сказал несколько слов о своей вере в великое будущее советской науки...”

Много поздравлений от учреждений, редакций, отдельных людей получил Николай Петрович по случаю присуждения ему Ленинской премии и выборов в академики. Поэт *Лавел Железнов* посвятил Н.П. такие строки:

Сынок матроса из Кронштадта,
Входивший в жизнь вперед плечом,
На майском празднике когда-то
Заснятый рядом с Ильичем.

Таких рисуют на полотнах,
Таких записывают в строй.
Не мореплаватель, не плотник,
Но – академик и герой!

1966 г.

Узнав об избрании Николая Петровича действительным членом академии наук СССР сотрудники Атомиздата написали:

“Все мы глубоко верили в это. Наш коллектив гордится Вами как автором лучших книг по радиационной генетике, изданных Атомиздатом”.

Директор издательства

В.В. Шинюв

А друзья прислали свое поздравление по случаю присуждения Ленинской премии.

ЛАУРЕАТ

Поэтического класса
у меня, конечно, нет,
потому лишь Николаса
воспеваю много лет.

Воспеваю, как умею,
Прославляю, как могу.
Ярких красок не жалею,
хороших слов не берегу.

Труд мой тяжкий не забавен,
дело сложное подчас,
потому что многогранен
лауреат наш – Николас.

На пути его тернистом
было много разных лиц:
вожди, друзья и аферисты
в его судьбе переплелись.

То он смиренно прозябает
в Ботаническом саду,
то как молния сверкает,
подошвы режет на ходу.

То он пыхтит в борьбе с Трофимом
Трофим любим, неодолим.
Но вот свершилось и любимый
самоизредился Трофим.

“В почете менделисты ныне,
а у мичуринцев развал.
Силен же бестия Дубинин”! –
сказал Трофим и зарыдал.

Силен, талантлив, без зазнайства
лауреат наш Николас.
Он хромосомное хозяйство
с друзьями от разгрома спас!

То он оборванный, голодный
на Красной площади торчит,
то в телевизор всенародно
могучий глас его гремит.

То он живет в лесу, в палатке,
птенцов беспомощных считает,
то за границую лопатой
медали и чины сгребает.

Теперь оно в руках надежных.
Его умножат, сберегут,
очистят от фантазий ложных.
На то и новый институт!

Что вам сказать еще? Не знаю!
Все! Я тост провозглашаю!
Выпьем за лауреата,
Бокалы поднимай, ребята!

Прошу я выпить и девчат.
Ох, любит вас лауреат!

Москва

25.04.1966 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

В газете “Правда” прочитал о присуждении Вам Ленинской премии за выдающиеся достижения в области биологической науки. Невольно вспомнились годы совместной работы в экспедиции по полезащитному лесоразведению, когда Лысенко со своими оруженосцами диктовал свою волю и пытался всячески оконфузить Вас и других видных представителей науки. Однако, паутина лжи и наскоков не сломили Вашу стойкость. Рад приветствовать и пожелать Вам дальнейших успехов по разработке передовой теории.

Еще раз приветствую и желаю творческих успехов.

В.Я. Векшегонов

Есильский р-н, Целиноградской обл. совхоз Московский

Очень символично, что среди лауреатов этого года вместе с Николаем Петровичем были Президент АН СССР Александр Николаевич Несмеянов и артист театра имени Вахтангова Михаил Александрович Ульянов.

Следует подчеркнуть, что именно А.Н. Несмеянову наша наука – генетика обязана первыми самыми трудными шагами своего возрождения. Он лично санкционировал организацию лаборатории радиационной генетики в 1956 г.

Спустя несколько месяцев после вручения Ленинской премии мы встретились с М.А. Ульяновым в театре Вахтангова, куда были приглашены. Шла пьеса Юлиана Семенова “Особо опасная...” В этом спектакле М.А. Ульянов по ходу пьесы, страдая за науку, говорил о догматиках: “Подумать только они объявили Дубинина лжеученым, а Вавилова – врагом народа”. Это было впервые сказано на театральной сцене, хотя вся наша жизнь – это большой театр.

Я сгибаюсь под тяжестью знания,
Все дано в этой жизни одной.
И опять я даю обещания,
Что пойду только горной тропой

Н.П. Дубинин

8. О ТРУДАХ Н.П. ДУБИНИНА, ЕГО МНОГОГРАННАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА

Николай Петрович оставил богатейшее научное наследие, посвятил себя изучению многих направлений и проблем, которые ставила перед ним жизнь на разных этапах.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТ Н.П. ДУБИНИНА В ПЕРИОД С 1927 ПО 1998 гг.

Проблемы гена	Эффект положения гена
Экспериментальные и теоретические исследования по генетике популяций	Целенаправленное изменение хромосомного комплекса – создание кариотипических рас (основы хромосомной инженерии)
Методы радиационной селекции	Космическая генетика
Методы полиплоидии	Радиационная генетика
Генные мутации	Антимутагенез
Механизм образования структурных мутаций хромосом	Орнитология и полезащитное лесоразведение
Значение новых фундаментальных достижений биохимической генетики, генетической инженерии для теории и практики селекции	Генетически управляемый апомиксис и его значение в селекции растений
Философские проблемы генетики	Геногеография кур
Биологическое и социальное в проблеме человека-	Частная генетика кролика
Проблемы цитогенетики	Проблема происхождения жизни на Земле
Мутагены среды и наследственность человека – заложены основы экологической генетики	Проблема нестабильности генома и теория потенциальных изменений хромосом
	Проблемы шелководства

Вот какую оценку дали современники Николая Петровича направлениям и проблемам, которыми он занимался.

(...) Академик Н.П. Дубинин навсегда останется в нашей памяти как крупнейший русский генетик, труды которого по популяционной и радиацион-

ной генетике, а также основополагающие исследования в области ступенчатого аллелизма и эффекта положения заложили основу современной генетики.

Директор Института молекулярной биологии
имени В.А. Энгельгардта РАН

А.Д. Мирзабеков

⟨...⟩ Ученые Казахстана хорошо помнят период Вашей деятельности на базах АН КазССР, где были начаты первые генетические эксперименты по созданию новых сортов сахарной свеклы, а также Ваши лекции для специалистов и студентов по актуальным вопросам классической генетики.

От коллектива профессорско-преподавательского состава
и студенчества Актюбинского медицинского института
ректор

А.С. Смагулов

⟨...⟩ Наш коллектив создан Вами еще в 1960 г. Тогда Вы указывали, что исследования в области радиационной генетики природных популяций очень актуальны и им принадлежит будущее. Сейчас всем ясно, насколько вы оказались прозорливы. Бурное развитие атомной промышленности, возрастание загрязнения окружающей среды делает работу генетиков все более и более необходимой.

Экологические генетики Института общей генетики АН СССР

⟨...⟩ Вы являетесь одним из основоположников современной радиационной генетики. Разработанные Вами теоретические положения широко используются селекционерами при создании высокопродуктивных сортов сельскохозяйственных растений и пород животных.

Ваше мужество и бескомпромиссная борьба за торжество научной истины вызывает всеобщее преклонение.

По поручению коллектива
Научно-исследовательского института сельского хозяйства
центральных районов Нечерноземной зоны

профессор Г.В. Гуляев

⟨...⟩ Вашему таланту и энергии селекционная наука обязана широким внедрением генетических методов, что привело к таким замечательным результатам, как создание триплоидной сахарной свеклы, внедрение гибридной кукурузы, создание ряда ценнейших форм пшеницы.

Вы стояли у истоков новых методов управления наследственностью – геномной инженерии и реконструкции геномов. Благодаря Вашим усилиям и прозорливости в нашей стране широким фронтом ведутся исследования по молекулярной генетике.

Невозможно переоценить значение проводимой Вами работы по генетическим аспектам охраны окружающей среды для сохранения генетического здоровья человечества. Поистине можно справедливо сказать, что нет ни

одной области современной генетики, в которую Вы не внесли бы свой вклад как исследователь или организатор науки.

Ваши советы и помощь явились основой при создании лаборатории частной генетики нашего института и выбора направлений исследований в этой лаборатории.

От коллектива Молдавского ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института орошаемого земледелия и овощеводства директор Института *В. Кивер*; сотрудники Лаборатории частной генетики овощных культур

⟨...⟩ Мы особо ценим Ваше сотрудничество с учеными-криминологами, ибо оно позволило на подлинно научную основу поставить все развитие криминологии, что является первым в мировой науке примером совместного изучения проблемы преступности представителями естественных и общественных наук.

Для нас, дорогой Николай Петрович, Вы являетесь образцом подлинного ученого-новатора, чьи труды принесли мировую славу советской науке.

Коллектив Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при прокуратуре СССР.

Директор, лауреат Государственной премии СССР,
заслуженный деятель науки РСФСР *профессор И. Карпец*

⟨...⟩ Своими трудами Вы заложили методологические и теоретические основы комплексного изучения человека. Проведенный Вами глубокий философский анализ проблемы социального и биологического в человеке служит фундаментом для конкретных научных исследований природных предпосылок индивидуальности человека. Ваши работы оказывают глубокое влияние на развитие многих важнейших направлений отечественной и мировой психологии. Свою плодотворную исследовательскую деятельность Вы успешно сочетаете с большой научно-организационной и общественной работой, широкой пропагандой последних достижений науки. Вся Ваша жизнь является ярким примером беззаветного служения делу развития советской науки.

Коллектив Института психологии АН СССР

⟨...⟩ Мы, Ваши ученики – археологи, палеонтологи и философы, – поздравляем Вас со славным юбилеем!

Ваши научные открытия сыграли большую роль не только в генетике, но и в других, казалось бы, далеких от биологии науках. Только благодаря Вашим идеям удалось впервые за последние сто лет создать новую концепцию происхождения человека и успешно разрешить ряд научных проблем, еще недавно считавшихся неразрешимыми.

По поручению Ваших благодарных учеников – археологов, палеонтологов, философов

*Г.Н. Матюшин, А.Л. Чепальга,
М.М. Гусев*

⟨...⟩ Мы высоко ценим также Ваш вклад в развитие частной генетики сельскохозяйственных животных. Широко известные в нашей стране Ваши разработки по вопросам общей, популяционной и эволюционной генетики легли в основу перспективной программы “Генофонд”, объединившей ныне усилия генетиков-животноводов нашей страны в их стремлении сохранить для грядущих поколений генетические ресурсы животных. Для нас Вы всегда были примером верного служения науке.

А.М. Машуров

Коллектив Лаборатории генетики животных ИОГен АН СССР

⟨...⟩ В 1976 г. исполнилось 15 лет с начала нашей совместной работы. Долголетняя дружба наших коллективов позволила успешно внедрить в народное хозяйство многие из тех идей, которые мы начали разрабатывать вместе с Вами.

Коллектив сотрудников Отдела промышленного фотосинтеза
ВНИИбиотехника

⟨...⟩ В своих работах Н.П. Дубинин обосновал и развил новое направление науки – космическую генетику. Им было показано, что одним из важнейших препятствий на пути человека в глубокий космос являются генетические препятствия и намечены пути их устранения. Ряд важных экспериментов в области космической генетики были выполнены лично Н.П. Дубининым.

Командир войсковой части
Зам. командира по науке

Ю. Волькин
О. Газенко

⟨...⟩ Для нас, юристов, очень важны Ваши работы, посвященные соотношению биологического и социального в человеке. Ваш вывод о том, что в развитии человека ведущими являются социальные условия жизни, что содержание сознания формируется в результате взаимодействия мозга с внешней средой, имеет огромное значение для решения проблемы детерминации поведения человека. Он помогает наиболее правильно подойти к раскрытию причин поведения, в том числе и антиобщественного, к исследованию личности преступника, к определению наиболее оптимальных средств борьбы с преступностью, предупреждения правонарушений.

Директор Института государства и права АН СССР

В.Н. Кудрявцев

⟨...⟩ Всем нам хорошо известен Ваш выдающийся вклад в науку. Вы из той плеяды советских биологов, работы которых вошли в золотой фонд классической генетики. Общеизвестны Ваши исследования по структуре и

функции гена, Ваши открытия в области популяционной генетики. Глубокое знание материалистической диалектики, идейная убежденность и оптимизм помогли Вам мужественно отстаивать научную истину в трудные для генетики годы. Вы стояли у истоков возрождения советской генетики, создали генетические лаборатории и институты, воспитали новые кадры ученых.

Вы вместе с Вашими учениками решаете вопросы генетической безопасности космических полетов, защиты человека от радиации и мутагенов окружающей среды, повышения продуктивности земледелия. Громко прозвучало Ваше, основанное на научных расчетах, предупреждение об опасности испытания атомного оружия и ядерной войны для наследственности человека.

Коллектив ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова

⟨...⟩ Вы всегда на переднем крае науки, всегда разрабатываете наиболее важные ключевые проблемы генетики.

Многие Ваши работы принадлежат к числу таких, которые с течением времени приобретают все большее значение, становятся классическими, без них нельзя представить себе науку генетику. Ваша постановка и решение таких проблем как строение гена, мутагенез, геноинженерия, генетика популяций, космическая генетика, методология генетики и многих других является примером выдающегося вклада в науку.

Коллектив Лаборатории генетики совместимости тканей

⟨...⟩ Украинские ученые знают Вас, как классика современной генетики, основоположника новых разделов генетики, теории гена, регуляции, генетики популяций. При Вашем участии заложены основы экологической, космической генетики, теории мутагенеза. Ваши монографии дали путевку в жизнь нескольким поколениям генетиков.

В.И. Глазко, В.В. Моргун, С.Н. Храпунов

⟨...⟩ Вы стояли у истоков активного движения философских идей в генетику. В Вашем лице мы видим одного из крупнейших специалистов по исследованию социально-биологических проблем генетики, определению ее места и роли в развитии человечества. Мы высоко ценим Вас, как блестящего пропагандиста передовых и гуманных научных идей. Ваши талантливые работы “Генетика и будущее человечества”, “Вечное движение”, “Генетика в свете диалектико-материалистического учения” и другие пользуются широкой и заслуженной известностью не только в научной среде, но и среди широких масс советской и мировой общественности.

Президиум Философского общества СССР

⟨...⟩ Проблемы мутагенеза и генетико-автоматических процессов вошли в сокровищницу мировой науки. Вашим энтузиазмом и любовью к генетике

заражались Ваши ученики, продолжающие разработки проблем генетики в разных странах.

Вице-президент, академик РАМН

Н.П. Бочков

⟨...⟩ Принципиально важное открытие и практические выводы сделаны в области генетических последствий загрязнения окружающей среды. Впервые в мире по заданию ГКНТ СМ СССР разработан прогноз¹ влияния развития народного хозяйства на наследственность человека. Прогноз сыграл важную роль в принятии на государственном уровне решений, направленных на охрану генофондов природных популяций и улучшение окружающей среды в СССР.

Алтухов, Шевченко, Сусков, Лаконова

⟨...⟩ Коллектив ГОСКОМГИДРОМЕТА СССР высоко ценит Ваш вклад в развитие советской биологической науки. Мы с глубоким удовлетворением отмечаем Вашу неутомимую деятельность в деле охраны природной среды и рационального использования природных ресурсов.

Израэль

⟨...⟩ Мы с глубоким уважением и признательностью относимся к Вашим усилиям, отданным развитию международного научного сотрудничества в области космической генетики, генетических аспектов загрязнения окружающей среды, теоретических и практических подходов к проблеме мутагенеза и канцерогенеза окружающей среды.

Зам. Секретаря Совета Экономической Взаимопомощи

Р. Гербинг

Н.П. Дубинин создал большую многогранную научную школу генетиков, давшую советской науке многочисленных учеников, крупных ученых, профессоров, академиков, занимающих в настоящее время руководящие посты.

⟨...⟩ Исследовательская школа Н.П. Дубинина характеризуется необычайной широтой охвата проблем. Научная школа Н.П. Дубинина одна из первых в мировой генетике проложила пути синтетическому этапу, объединив классическое, феноменологическое направления исследований генетических и биологических явлений с новейшими направлениями молекулярной генетики, раскрывающими сокровенную внутреннюю сущность гена и генетических процессов. Она отличается высоким уровнем экспериментальных работ, с оригинальными методическими подходами, что обуславливает их научный интерес, значимость и первооткрывательскую роль в современной генетике. Представители научной школы Н.П. Дубинина отличаются высокой квалификацией в области генетики, глубоким пониманием специфики генетических явлений, высокой принципиальностью, хорошей методической и методологической подготовкой. Это во многом определяется личностью Дубинина – ученого и человека – стилем его научной работы, его вы-

¹ Совместно с Ю.П. Алтуховым.

сокой общественной активностью, широким размахом его научно-педагогической работы. Его собственные экспериментальные и теоретические работы являются гордостью советской науки.

Ю.П. Алтухов, Ю.В. Пашин, И.И. Сусков²

Акад. П. Анохин в своей статье “Верю таланту”³ написал:

“Научная школа – это школа Павлова, Резерфорда, Дарвина, Королева, Дубинина (генетика), Семенова, Капицы, Курчатова (...) Это – традиция мышления, особая научная атмосфера (...) В науке должны быть свои генералы”.

Алексей Васильевич Кауров, участник Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы из г. Белгорода, в 1982 г. поздравляет Н.П. Дубинина с Днем Победы:

“Я поздравляю Вас как Солдата от науки, Генерала в генетике с праздником Победы

Ваш и искренне с Вами

Кауров”

Очень хорошо, красиво и главное правильно сказано – Солдат и Генерал. Да, именно и тем и другим был Николай Петрович в науке. Я бы только уточнила: он был активно действующим и Солдатом и Генералом в генетике.

Из письма академика Национальной АН Белоруссии Петра Фомича Рокицкого, который еще в 1946 г. впервые написал о создании научной генетической школы:

“Дорогой Николай Петрович!

Для всех нас, знающих тебя еще с университетских времен, было совершенно ясно, что с каждым годом ты начинаешь занимать все более значительное положение в научных кругах. И широта твоего научного кругозора и способность к глубоким теоретическим обобщениям, и, наконец, умение концентрировать вокруг себя усилия многих работников давно уже сделали из тебя создателя и руководителя научной генетической школы. Поэтому факт избрания тебя в члены-корреспонденты Академии наук СССР является для всех нас, твоих старых друзей, совершенно естественным и в то же время радостным, ибо твои успехи – это успехи всей нашей генетической науки.

Твой

Рокицкий”

Сколько людей прошли через руководимые Николаем Петровичем научные семинары, малые и большие практикумы, прослушали его лекции – не подсчитаешь. В статье “Великое призвание ученого”⁴ акад. И. Артоболовского, председателя правления Всесоюзного общества “Знание” читаем:

² Из ходатайства коллектива ИОГен, партийной и профсоюзной организации о присвоении звания Героя Социалистического Труда.

³ Комс. правда. 1966. 25 мая.

⁴ Известия. 1967. 4 февраля.

“Лекции и популярные статьи имеют не только познавательное, но и большое воспитательное значение. Выступления известных ученых – академиков В.М. Глушкова, Н.П. Дубинина, А.Н. Колмогорова, М.А. Лаврентьева не только собирают большие аудитории молодых слушателей, но и оказывают огромное воздействие на формирование их мировоззрения”.

О научной школе Н.П. Дубинина сказали современники в своих юбилейных поздравлениях:

⟨...⟩ Велика Ваша роль в создании советской школы генетиков. Среди Ваших учеников есть действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР и АН Союзных республик, доктора и кандидаты наук. Они возглавляют многие генетические исследования в научных учреждениях СССР и странах социализма.

Плодотворна Ваша научно-организационная деятельность. Вы организовали и руководили рядом лабораторий и кафедр, организовали и были директором Института цитологии и генетики СО АН СССР и Института общей генетики имени Н.И. Вавилова АН СССР. Вы член Бюро Отделения общей биологии АН СССР, член Правления Философского общества АН СССР, председатель секции “Генетические аспекты проблемы “Человек и биосфера” ГКНТ СССР.

Президент АН СССР академик

Г.И. Марчук,

Вице-президент АН СССР академик

Ю.А. Овчинников,

Ученый секретарь Президиума АН СССР академик

Г.К. Скрыбин

⟨...⟩ Мы высоко ценим Вас как выдающегося ученого, внесшего большой вклад в мировую науку, создавшего школу отечественных генетиков.

Члены Бюро Отделения: академик

Соколов,

академик

Татаринов,

член-корреспондент

Хрущов,

член-корреспондент

Горленко

⟨...⟩ Ваш коллектив – “школа Дубинина” включает в себя всемирно известных ученых, которые под вашим руководством и вместе с Вами творчески разрабатывают многие направления генетики.

Ваши труды – золотой фонд нашей науки, они являются основой для изучения генетики новым поколением.

Президент Молдавского Общества генетиков

и селекционеров им. Н.И. Вавилова,

доктор с.-х. наук, профессор

В.Д. Симинел

⟨...⟩ Высоко ценим ваш вклад в формирование Советской школы биологов и в сохранение природных богатств нашей страны.

Вице-президент АН СССР, академик

А. Яншин

⟨...⟩ В Вашем лице мы приветствуем крупнейшего ученого – генетика, организатора генетической науки, поддерживающего и развивающего новые перспективные направления.

Вы отдаете много сил и разносторонних знаний, чтобы превратить генетику в могучую действенную силу, помогающую развитию нашего сельского хозяйства.

Не называя длинного перечня Ваших заслуг как талантливого ученого, автора многочисленных трудов, основателя целых направлений в науке, мы хотим отметить Вашу заслугу в достижении значительно большего – в создании отечественной школы генетиков.

ВНИИ институт прикладной молекулярной биологии и генетики,
директор Института академик ВАСХНИЛ

Н.В. Турбин

Дорогой Николай Петрович, Вы признанный лидер отечественной генетики, Ваша научная молодость была связана с Московским университетом, профессорами Кольцовым, Серебровским, Четвериковым. Вы создали выдающуюся научную школу, внесли огромный вклад в воспитание генетиков. Мы восхищаемся Вами.

От коллектива кафедры генетики МГУ

Шестаков, Асланян

⟨...⟩ Яркий талант привлекал и привлекает к Вам многочисленных последователей и учеников. Школа Дубинина – крупнейшая генетическая школа в нашей стране. Сотрудники Отдела генетики растений Молдавской Академии наук считают для себя большой честью принадлежать к этой научной школе.

Коллектив Отдела генетики растений АН Молд. ССР,
профессор

В. Н. Лысиков

⟨...⟩ Блестящие открытия, теоретические обобщения, экспериментальные разработки, создание крупнейшей в стране генетической школы – огромный вклад академика Н.П. Дубинина в российскую и мировую науку.

Директор Института биологии
Уральское отделение Коми научный центр

А.М. Таскаев

Николаем Петровичем Дубининым опубликовано более тысячи научных, научно-популярных статей в периодических изданиях как у нас в стране, так и за рубежом, 48 книг, монографии, брошюры, пособия для учителей, учебники для средней и высшей школ, книги для селекционеров, мемуарная (историческая) литература и другие (с переводными – 66). Многие его работы переведены на иностранные языки. Книги, написанные энциклопедически образованным ученым, содержат богатейший материал по всем разделам генетики: общей и радиационной генетики, экологической и космической генетике, проблемам эволюции, истории развития генетики, философским аспектам, проблеме человека, происхождения жизни на Земле и

многим другим вопросам. По монографиям, учебникам и учебным пособиям Н.П. Дубинина по генетике и селекции училось и выросло не одно поколение генетиков и селекционеров нашей страны.

Владимир Николаевич Сукачев, который в 1948 г. пригласил Николая Петровича к себе в комплексную экспедицию, в письме от 28 апреля 1958 г. пишет:

⟨...⟩ Я удивляюсь, когда Вы успеваете так много и столь прекрасно работать и по руководству Вашей лабораторией и по чтению большой литературы, и по написанию столь содержательных статей, а также участвовать в разных заседаниях...”⁵.

А вот строки из письма *П.Ф. Рокицкого* от 1967 г.:

⟨...⟩ Чему я всегда удивлялся и удивляюсь – твоей совершенно поразительной работоспособности. За короткий срок ты написал несколько солидных монографий, а вот я начал писать “математическую (или правильное сказать статистическую) генетику” 4 года тому назад и до сих пор не могу ее закончить...

Ты для нас в отношении литературной продукции – совершенно непревзойденный пример и образец. ⟨...⟩

Из Рокфеллеровского университета в США пришло письмо:

6 июня 1971 г.

Дорогой Николай Петрович!

Вернулся из 2 1/2 месячного отсутствия в Калифорнию и застал три Ваших новых книги (или 2 и одна брошюра). Спасибо! Ваша продуктивность изумительна!

Ваш

Ф. Добржанский

КНИГИ, НАПИСАННЫЕ Н.П. ДУБИНИНЫМ^{6,7}

Альтишулер В., Дубинин Н. Как создаются новые сорта растений: Книга-альбом. М.: Безбожник, 1931. 63 с.

Дубинин Н.П., Попова Е.Т. Генетика и биометрия: Для вузов. М.: Гос. Изд-во колх. и совх. лит., 1931. 63 с. Ротапр.

Дубинин Н.П., Гептнер М.А. Руководство по генетике и селекции кроликов. М.; Л. Сельскохоз. и колхозно-коопер. лит-ры, 1932.

Дубинин Н.П., Попова Е.Т. Генетика и биометрия: Для вузов. М.: Сельхозгиз, 1933. 63 с.

Дубинин Н.П. Птицы лесов нижней части долины реки Урал. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. I. 127 с.

Дубинин Н.П., Торопанова Т.А. Птицы лесов долины реки Урал. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Ч. 2, 3. 308 с.

Дубинин Н.П. Проблемы радиационной генетики. М.: Госатомиздат, 1961. 468 с.

⁵ Письма, приводимые в данном разделе, взяты из личного архива Н.П. Дубинина.

⁶ В том числе переведенные на иностранные языки.

⁷ См. Справочник Материалы к библиографии ученых СССР “Николай Петрович Дубинин”. М.: Наука, 1989, 2004.

- Dubinín N.P.* Problems of radiation genetics. Edinburgh; L.: Oliver and Boyd, 1964, 445 p.
- Дубинин Н.П.* Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность. М.: Госатомиздат, 1963. 240 с.
- Dubinín N.P.* Molekulargenetik. Jena: Fischer, 1965. 168 s.
- Dubinín N.P.* Genetica moleculară și acțiunea radiățiilor asupra eredității. Buc.:Ed. Științ., 1966, 286 p.
- Дубинин Н.П., Хвостова В.В.* Использование радиационного мутагенеза при получении новых форм сельскохозяйственных растений. М.: Атомиздат, 1965. 14 с.
- Дубинин Н.П., Губарев В.С.* Нить жизни: Очерки о генетике. М.: Атомиздат, 1966. 168 с.
- Дубинин Н.П., Губарев В.С.* Нишката на живота: Очерци за генетиката. С.: Нар. Просвета, 1969. 237 с.
- Дубинин Н.П., Губарев В.С.* Нить жизни: Очерки о генетике. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Атомиздат, 1969. 167 с.
- Dubinín N.P., Gubarev V.* El hilo de la vida. М.: Mir, 1972. 263 p.
- Дубинин Н.П.* Два полюса жизни. М.: Знание, 1966. 48 с.
- Дубинин Н.П.* Теоретические основы и методы работ И.В. Мичурина. М.: Просвещение, 1966. 183 с.
- Дубинин Н.П.* Эволюция популяций и радиация. М.: Атомиздат, 1966, 743 с.
- Дубинин Н.П., Глембоцкий Я.Л.* Генетика популяций и селекция. М.: Наука. 1967. 591 с.
- Дубинин Н.П., Панин В.А.* Новые методы селекции растений. М.: Колос, 1967. 360 с.
- Дубинин Н.П.* Некоторые методологические проблемы генетики. М.: Знание, 1968. 62 с.
- Дубинин Н.П.* Генетика и сельское хозяйство. М.: Знание, 1969. 62 с.
- Дубинин Н.П.* Общая генетика. М.: Наука, 1970. 487 с. (кн. пер. на исп., венг., вьетн. яз.).
- Dubinyin N.P.* Áltálanos genetica. Вр.: Tankönyvkiadó, 1975. 550 l.
- Дубинин Н.П.* Общая генетика. М.: Мир, 1981. 511 с. На вьетн. яз.
- Дубинин Н.П.* Общая генетика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1976. 590 с.
- Dubinín N.P.* Genetica generale. М.: Mir, 1981. Т. 1, 2. Т. 1. 480 p. Т. 2. 342 p.
- Dubinín N.P.* Genetica generale. М.: Mir. 1976. 452 p.
- Дубинин Н.П.* Общая генетика. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 559 с.
- Дубинин Н.П.* Горизонты генетики: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1970. 560 с.
- Дубинин Н.П.* Генетика и будущее человечества. М.: Знание, 1971. 32 с.
- Дубинин Н.П.* Генетика и будущее человечества. Бейрут: Изд-во Аль-Фараби, 1979. 72 с. На арабск. яз.
- Дубинин Н.П.* Вечное движение. М.: Политиздат, 1973. 447 с. (О жизни и о себе).
- Дубинин Н.П.* Вечното движение. С.: Земиздат, 1974. 457 с.
- Дубинин Н.П.* Вечное движение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1975. 431 с. (О жизни и о себе).
- Dubinín N.P.* A genetica regénye: A szoviet genetica születése és fejlődése. Вр.: Kossuth Könyvkiadó, 1981. L. 287.
- Dubinín N.P.* Mișcarea eternă: Eroul cății mele: genetica. Buc.: Ed. polit. 1977. 466 p.
- Дубинин Н.П.* Вечное движение. 3-е изд. испр. и доп. М.: Политиздат, 1989. 448 с.
- Дубинин Н.П., Засухина Г.Д.* Репаративные механизмы клеток и вирусы. М.: Наука, 1975. 127 с.

- Дубинин Н.П.* Генетика в свете диалектико-материалистического учения. М.: Знание. 1975. 63 с.
- Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976. 235 с.
- Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. Б. м., 1979. 270 с. На яп. яз.
- Дубинин Н.П., Пашин Ю.В.* Мутагены окружающей среды. М.: Знание, 1977, 64 с.
- Дубинин Н.П.* Генетика и человек: Кн. для внекл. чтения IX–X кл. М.: Просвещение, 1978. 143 с.
- Дубинин Н.П., Пашин Ю.В.* Мутагенез и окружающая среда. М.: Наука, 1978. 128 с.
- Дубинин Н.П., Булаева К.Б.* Общая биология: Проб. учеб. Для IX–X кл. сред. шк. М.: Просвещение, 1978. 320 с.
- Дубинин Н.П.* Потенциальные изменения в ДНК и мутации. Молекулярная цитогенетика. М.: Наука, 1978. 246 с.
- Дубинин Н.П., Петров Д.Ф., Булаева К.Б., Мезина С.И., Терехов Б.А.* Общая биология: Пособие для учителя / Под ред. Н.П. Дубинина. М.: Просвещение, 1980. 336 с.
- Дубинин Н.П.* Генетика вчера, сегодня, завтра. М.: Сов. Россия, 1981. 220 с.
- Дубинин Н.П., Эргашев А.* Наследственность и мутагены среды. Ташкент: Узбекистан, 1982. 39 с. На узб. яз.
- Дубинин Н.П.* Генетика и человек: Кн. для внекл. чтения учащихся 9–11 кл. Каунас: Швиеса, 1982. 149 с. На лит. яз.
- Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М.: Политиздат, 1982. 304 с.
- Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, отговорность: За природата на антиобщественните постъпки и пътащата за предпазване от тях. София: Партиздат, 1984. 266 с.
- Dubinini N.P., Karpec I.I., Kudriavcev V.N.* Genetika, správanie, zodpovednosť. Br.: Pravda, 1985. 264 s.
- Doubinine N.P., Karpiets I.I., Koudriavtsev V.N.* Genetique, comportements, delinquance (De la nature des actes antisociaux et des moyens de les precennir) Editions du Progres Moscou. 1985.
- Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях из предупреждения. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Политиздат. 1989. 251 с.
- Дубинин Н.П.* Что такое человек. М.: Мысль, 1983. 334 с.
- Дубинин Н.П.* Какво е човекът. София: Наука и изкуство, 1985. 302 с.
- Дубинин Н.П.* Генетика. Кишинев: Штиинца, 1985. 534 с.
- Дубинин Н.П.* Очерки о генетике. М.: Россия, 1985. 254 с.
- Дубинин Н.П.* Новое в современной генетике. М.: Наука. 1986. 222 с.
- Дубинин Н.П.* Генетика: Страницы истории. Кишинев: Штиинца, 1988. 399 с.
- Дубинин Н.П.* История и трагедия современной генетики. М.: Наука, 1992. 383 с.
- Дубинин Н.П.* Некоторые проблемы современной генетики. М.: Наука. 1994.
- Дубинин Н.П.* Что такое человек. М.: Мысль. 2000. На кит. яз.

СОВРЕМЕННОКИ О ТРУДАХ Н.П. ДУБИНИНА
В ПИСЬМАХ И ПОЗДРАВЛЕНИЯХ

Москва

28 сентября 1970 г.

⟨...⟩ Глубокоуважаемый Николай Петрович, благодарю Вас за Вашу книгу “Общая генетика”. Я с большим интересом прочитал (и изучил) прекрасно написанный раздел о мутациях. Он лучше, чем в любой другой общей биологии и зовет к действию. ⟨...⟩

Ваш

И. Кнунянц

Дорогой Николай Петрович!

Большое спасибо за интересную книгу – “Генетика – страницы истории”, которую получил сегодня и только что кончил просматривать. Вы откопали и сделали всеобщим достоянием немало крайне интересных исторических фактов, связанных с развитием нашей генетики и борьбой с лысенкоизмом. Все очень злободневно и проливает немало нового света на современное состояние дел в генетике. В общем хорошо, что и приведены высказывания многих поддерживавших Лысенко, а потом постаравшихся умалчивать об этом. Очень хорошо дан период 1935–1939 гг., обстановка сессии ВАСХНИЛ и последующие события. Книга читается с интересом и принесет большую пользу отечественной биологии. Поздравляю Вас с ее выходом и желаю новых творческих успехов.

С лучшими новогодними пожеланиями
Вам и Лидии Георгиевне.

А. Яблоков

25.03.1971 г.

Уважаемый Николай Петрович!

Чтение Вашей статьи в двух номерах “Вопросов философии” за этот год, статьи, написанной живым, ясным, но вместе с тем научным языком, доставило мне не только большое удовлетворение, но и очень помогло разобраться в “биополитических писаниях” западно-германского неофашиста Артура Эрхарда, бывшего оберштурмбаннфюрера СС, ныне эксперта по генетике и евгенике у неофашистов. Критике идеологии неофашизма посвящена моя диссертация, поэтому столь важна для меня такая работа, как Ваша.

Разрешите еще раз поблагодарить Вас, дорогой Николай Петрович, и пожелать успешной работы.

К. Багдасаров

Новосибирск

1971 г.

Дорогой Николай Петрович!

Спасибо Вам за Вашу маленькую, но Большую книжку⁸ с очень глубокими и заставившими думать размышлениями о генетических проблемах че-

⁸ Речь идет о книге “Генетика и будущее человечества”. М.: Знание, 1971.

ловчества. Стороной я слышал, что книжка в основе была написана давно. Думать над этим надо всем. Думать и действовать. Еще раз – спасибо.

Ваш

Г. Поспелов⁹

Херсон

27.11.1982 г.

Здравствуйтесь, многоуважаемый Николай Петрович!

Как я обрадовался, прочитав в “Огоньке” статью “Великое звание – человек разумный”... Я писал Вам, Николай Петрович, прочитав “Вечное движение”, что жду от Вас новых книг, что Вы не имеете права не написать обо всем, что волнует Вас – ученого, гражданина, Человека. И вот наконец-то первая ласточка – беседа с Вами, которую опубликовал “Огонек”.

Конечно, сегодня нет более важной задачи, чем сохранение мира на “грешной”, как написали бы 100 лет назад, Земле. Война зачеркнет разумную жизнь на этой планете, иначе не может быть. Важно, что такие авторитетные, признанные ученые, как Вы, громогласно об этом говорят на страницах, читаемых миллионами. Хорошо, что о генетике говорят не стыдливо улыбаясь, боясь встретить былое непонимание или опасливый взгляд на большой настенный портрет, а во всеоружии научных концепций. Уверен, что наша советская генетика добьется космических успехов!

Мне, как читателю и врачу, импонирует ваше высказывание о социалдарвинистах, енгениках и расистах – одного поля ягоды, по-моему! – правильно Вы трактуете, можно плодить силачей, красавиц, великанов, но это не нужно человечеству... Конечно, перед человечеством стоят величайшие проблемы, но когда они не стояли перед ним! И люди, если не дадут сжечь себя в атомном пожаре, решат их. Вера в разум и его силу извечна!...

Я не сомневаюсь, что многое из задуманного людьми можно решить только с оружием передовой науки. Надо полагать, генетика займет первейшее место среди наук в решении загадки продления жизни человека до 100–150 лет, в ускорении срока вызревания злаков, в сохранении способности человека генерировать себе подобных в возрасте после 50 лет без опасности физических и душевных утрат со стороны потомства. Только подлинная наука может решить вопрос пополнения энергетических ресурсов на Земле. Двумя руками поддерживаю Вашу идею о программности болезни...

Хорошо, что Вы есть, Николай Петрович! Жду с нетерпением Вашей книги. Прошу простить меня за эмоциональность письма, но Вы сами ее генерировали полемическим задором своей беседы с С. Марковым.

С уважением

Гарри Иванович Зубрис

Минск

1986 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Рад предложить Вашему вниманию мою книгу “Структурная гармония систем”, которая, надеюсь, может принести пользу на почве разработки тех идей, которыми вы длительное время заняты...

⁹ Поспелов Геннадий Львович – профессор, геолог из Новосибирского академгородка.

Быть творчески плодотворным – вероятно, счастье. Желаю его Вам, Николай Петрович, и благодарю Вас за грозные цифры в ДАН, напоминающие об опасности вырождения людей. Это ответственная и мужественная линия, на которую в наше время способны лишь истинные борцы, самообреченные, не пугающиеся утраты собственных благ. “Я люблю его так, что не боюсь потерять” – сказала Аннета Ривьера в романе Р. Роллана в отношении своего сына. Это высокая любовь, свойственная истинным людям, и мужам науки в лучшем смысле этого слова. Она свойственна и Вам. Я не боюсь оказаться в числе тех лиц, кто льет лезть из личной выгоды. Сказанное мною необходимо для того, чтобы как-то обосновать для вас мотив, который руководил мною во время отправки Вам моей книги. Вы любите науку, научную истину ставите превыше всего и эта любовь есть решающий аргумент в моем решении (...)

Всего Вам доброго, Николай Петрович, творческих успехов и доброго здоровья.

Эдуард Сороко

Обнинск, Калужская обл.

13.12.1993 г.

Здравствуйте, глубокоуважаемый Николай Петрович!

С огромным интересом прочитал вашу книгу “История и трагедия советской генетики”. Большое спасибо Вам за интереснейшую книгу! Прекрасно, что она написана именно Вами, активным участником и свидетелем всех исторических событий, связанных с рождением и становлением генетики в нашей стране от Н.И. Вавилова до наших дней.

Особая ценность книги в ее объективности, предопределяемой документальностью фактов, что позволяет читателю составить собственное представление о происходивших событиях и дать собственную нравственную оценку поведению тех или иных ее участников. Это принципиально отличает Вашу книгу от литературно-художественной публицистики, которая, конечно, при всех ее достоинствах в способности обнажить проблемы общества и привлечь к ним внимание широких слоев общественности, тем не менее, является переплетением объективной истории и авторского вымысла, что обрекает ее героев на субъективный отпечаток авторских симпатий или антипатий.

Очень интересно читать стенограммы, так как по ним можно судить не только о личной позиции участников дискуссии в отношении генетики (“кто за кого”), но и составить представление о научном уровне мышления ее участников. Чрезвычайно интересны мысли защитников генетики о предмете, месте и роли этой науки в естествознании.

Многие факты оказались для меня новыми и неожиданными. Шокирует то, что ученые, о которых мы знали по школьным и институтским учебникам не только вели себя недостойно в те годы, но еще и преуспевали в 1970-х–1980-х гг.?!

То, что из себя представлял Лысенко Т.Д. и Президент И.И. я знал, но о ряде имен из их окружения я узнал впервые. Удивительно то, что вплоть до 1966 г. Лысенко Т.Д. занимал пост зам. председателя ВС СССР и вероятно

имел возможность влиять на научную политику и биологическое образование в СССР.

Мне, как молодому исследователю, было чрезвычайно интересно читать главу, посвященную задачам XXI века (...)

Глубокоуважаемый Николай Петрович, большое спасибо Вам за книгу, которая перекинула мостик между прошлым и будущим, между историей генетики и ее перспективами. (...)

С глубочайшим уважением

Игорь Нефедов

Киев

1994 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

От всей души поздравляю Вас с правительственной наградой – орденом Ленина и желаю Вам больших успехов в Вашей благородной работе.

Как экотоксиконы, мне Ваши работы особенно ценны для прогнозирования мутагенного действия пестицидов. Выход в свет Вашей последней книги¹⁰ о достижениях генетики явился важнейшим (биологическим) источником информации в условиях ЧП на Чернобыльской АЭС. Как пропагандист республиканского общества “Знание”, я и мы все в Киеве широко использовали эту книгу для объективной оценки обстановки и информации населения, рабочих, служащих и пр. Эта книга способствовала реальной оценке R-еноскопии.

С благодарностью за все, сделанное в генетике.

Побольше публикаций.

Доктор медицинских наук

К.К. Врочинский

(...) Ваша жизнь – подвиг ученого и гражданина, является для нас ярким примером беззаветного служения науке. Ваши труды в области экспериментальной генетики позволили Вам по праву занять роль лидера этого передового направления биологической науки.

Ваши исследования и труды по праву являются фундаментом всех наших исследований в области генетики и практической селекции. Вот почему мы считаем, что в созданных коллективом нашего института сортах и гибридах есть Ваш личный вклад.

Директор Украинского НИИ земледелия

В.Н. Евминов

Зав. лабораториями селекции
и генетики

*И.В. Яшовский, В.И. Головченко,
И.К. Котко, А.Ф. Бобер*

(...) Ваши фундаментальные труды, учебники, публицистические и научно-популярные книги являются крупным вкладом в науку, способствуют формированию научных поколений и школ, служат широкой пропаганде достижений науки и воспитанию молодежи. Благодаря Вашей многолетней и самоотверженной научно-организационной и педагогической деятельности

¹⁰ Дубинин Н.П. Некоторые проблемы современной генетики. М.: Наука, 1994. 224 с.

выросла целая плеяда ученых – генетиков, работающих ныне в разных регионах нашей великой родины.

Член-корреспондент АН АзербСССР

Алекперов

⟨...⟩ Советская наука по праву гордится Вашими замечательными трудами, которые навсегда вошли в сокровищницу мировой биологической науки. Советские ученые гордятся Вами как выдающимся представителем советской науки, который всегда с большой принципиальностью отстаивал передовые научные взгляды, заботливо и бережно воспитывал научные кадры.

Созданная Вами, Николай Петрович, научная школа заняла почетное место в ряду советских генетиков.

Директор ВНИИА
член-корреспондент

С.М. Навашин

⟨...⟩ Ваши достижения стали достоянием не только теоретических направлений, но и послужили основой к развитию ряда вопросов прикладной и частной генетики. На Ваших трудах, материалах и учебниках сформировалось молодое поколение последователей, которые будут продолжать развитие генетики и верно служить народу.

Ректор Кишиневского с.-х. института им. М.В. Фрунзе
член-корр. АН МССР

Г.Я. Рудь

⟨...⟩ Развитие генетики в нашей стране неотделимо от Вашего имени. Вы стояли у ее истоков, Вы оказали решающее влияние на ее успехи. Под Вашим руководством подготовлен большой отряд ученых-генетиков. Ваши книги стали настольными не только для биологов, но и для всех, кто интересуется проблемами биологии и генетики. Нам приятно отметить, что развиваются научные контакты между Университетом и Вами, что Ваши книги и статьи широко используются для обучения иностранных студентов в Университете и, что вы находите время выступать перед нашими студентами.

Коллектив Ордена Ленина УДН им. Патриса Лумумбы
Ректор

В. Станис

Зав. кафедрой биологии и общей генетики

А.Пехов

⟨...⟩ Ваши труды составляют золотой фонд советской генетики и являются источником, из которого мы черпаем силы и знания.

В период культа личности Сталина наша лаборатория, несмотря на крупные теоретические и практические достижения, переживала тяжелые дни. На некоторое время она была закрыта. Штаты и оборудование долгие годы оставались без изменений. Но мы всегда следили за Вашими работами, которые вдохновляли нас к новым исканиям!

Дорогой Николай Петрович! Вы являетесь для нас образцом высокопринципиального человека и активного борца за новое прогрессив-

ное в науке. Нас всегда восхищает Ваша неиссякаемая энергия, скромность!

Коллектив Лаборатории генетики
ВНИИТабака и махорки

*М.Ф. Терновский, И.В. Семенова,
А.И. Терентьева, А.П. Гребенкин и др.*

⟨...⟩ Ваши замечательные работы в области теории гена, общей генетики, популяционной генетики и радиационной генетики вошли в золотой фонд наших знаний в этих областях. ⟨...⟩

Коллектив Лаборатории кариологии Института молекулярной биологии
АН СССР и Лаборатории цитогенетики человека АМН СССР

⟨...⟩ Своими исследованиями, блестящими книгами и статьями Вы украсили советскую генетическую науку. ⟨...⟩

Академик

А.В. Фокин

⟨...⟩ Ваши классические труды являются золотым фондом генетики и служат для вступающей в науку молодежи примером беззаветного служения лучшим традициям отечественной биологии. ⟨...⟩

Директор Биологического института

Евсиков

⟨...⟩ Ваши книги по важнейшим проблемам генетики и в самые трудные времена для нашей науки и теперь служат нам ценными учебниками и учебными пособиями, многие вопросы, поставленные Вами в генетике, оживленно обсуждают на научных семинарах уже многие поколения студентов нашей кафедры. ⟨...⟩

Кафедра генетики и цитологии и Отдела генетики биофизики гетерозиса НИИ биологии Харьковского гос. университета им. А.М. Горького

⟨...⟩ Ваши фундаментальные труды являются настольным руководством каждого генетика, селекционера и биолога широкого профиля. Практический выход генетических положений, разработанных Вами, обогатил медицину и зоотехнию и стал основой для нового направления генной инженерии. ⟨...⟩

По поручению коллектива
профессорско-преподавательского состава
Таджикского с.-х. института
академик

Г.А. Алиев

⟨...⟩ Для нас молодых, Ваши работы – целая эпоха в развитии генетики. Наше становление на пути генетики тесно связано с Вашими научными трудами, Вашей горячей научной и педагогической и страстной пропагандистской деятельностью. Вы помогли нам не только разобраться во многих

сложных вещах, но и глубоко увлечься генетикой и навсегда связать с ней свою жизнь. <...>

Научный сотрудник ВНИИЛМ

В.К. Малкин

<...> Мы, просвещенцы, особенно благодарны Вам за то, что при всей занятости решением крупнейших научных проблем генетики, Вы, Николай Петрович, всегда считали своим долгом донести до каждого учителя достижения фундаментальных научных исследований в области биологии. Ваши книги “Горизонты генетики”, “Теоретические основы и методы работ И. В. Мичурина”, “Генетика человека”, “Общая биология” (для учителя) стали настольными для учителей биологии. Ваш пробный учебник “Общая биология” отличается от ныне действующего совершенно новой концепцией, современными подходами в изложении основ сложнейших биологических наук школьникам, а потому является учебником будущего.

Глубочайшая разработка проблемы “Человек как биологическое и социальное” открывает принципиально новые пути решения актуальных вопросов педагогики. <...>

* * *

<...> Библиотеки учителей биологии пополнились новыми хорошими пособиями по генетике, которые помогают повышению научно-теоретической подготовки учителей и способствуют ориентации старшеклассников.

Издательство “Просвещение” отмечает Ваши высококвалифицированные рецензии и консультации, направленные на улучшение нашей биологической литературы. <...>

Директор издательства “Просвещение”

Д.Д. Зув

<...> Мы знаем Вас как неутомимого исследователя-экспериментатора, общественного деятеля, одного из самых последовательных поборников и пропагандистов генетики в СССР и за рубежом, признанного мировой научной общественностью специалистом в области генетики и биологии, философских проблем человека, пламенного патриота советской науки, воспитавшего не одно поколение преданных науке людей.

Твердо верим, что все начатое Вами, будет достойно продолжено Вашими учениками и последователями.

Директор издательства “Мысль”

Водолагин В.М.

Люблю, люблю Россию,
Она как смерч вольна.
Плывут под небом синим
И Волга и тайга.

Н.П. Дубинин

9. МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА

Всемирную известность Николай Петрович Дубинин получил на заре своей научной деятельности, благодаря своим публикациям и открытиям. В 1930–1960-е гг. Н.П. Дубинин, как противник господствующей в нашей стране точки зрения в биологии, был “невъездным” и лишь в 1964 г. состоялась его первая поездка за границу. Н.П. было тогда 57 лет. С этого времени на протяжении 25 лет Николай Петрович Дубинин с честью представлял нашу генетическую науку на международной арене. С научными целями он посетил 20 стран, в некоторых из них был по несколько раз. Это – Швейцария, Нидерланды, Бельгия, США, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Япония, Куба, Индия, Канада, Италия, Монголия, Мексика, Франция, Англия, Болгария, ГДР, Испания, ФРГ.

Многократно Николай Петрович возглавлял делегации, выезжающие на международные конгрессы, симпозиумы, “школы”; входил в состав правительственных делегаций или выезжал по приглашению правительства принимающей стороны.

Н.П. принимал иностранные делегации ученых-биологов, приезжающих по советско-американскому сотрудничеству, в Москве, Таджикистане, Азербайджане.

Представленные в книге материалы раскрывают широту научных интересов и проблем, с которыми Н.П. выходил к международной аудитории.

Мы не ставили перед собой задачу дать анализ этим поездкам, а лишь кратко раскрываем их географию, научные цели, называем города, центры, которые Н.П. посещал, называем имена некоторых иностранных ученых, с которыми он лично встречался и поддерживал тесные контакты.

Материалы представлены в хронологическом порядке. Они показывают, какую большую деятельность вел Н.П. Дубинин за пределами нашей страны, но не исчерпывают всей ее полноты.

Еще в 1946 г. Н.П. получил приглашение принять участие в работе конференции в США. Понимая важность обмена новыми достижениями в столь бурно развивающейся отрасли биологии и желая показать коллегам из других стран достижения отечественной науки, он обращается к Президенту АН СССР с просьбой разрешить ему участвовать в конференции.

ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Академику ВАВИЛОВУ СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Я получил приглашение от Принстонского университета США участвовать в праздновании 200-летия университета и выступить с докладом на конференции по проблемам биологической эволюции.

Эволюционная генетика зародилась в СССР и теперь стала одним из важнейших направлений в мировой биологической науке. За последние годы моя Лаборатория достигла крупных успехов в дальнейшем развитии этого направления. Мое выступление в Принстоне имело бы определенное значение для показа успеха и объема работ, ведущихся по генетике в СССР.

Одновременно знакомство с работами в США, где имеется исключительно бурное развитие как теоретической, так и прикладной генетики, совершенно необходимо для планирования и развертывания работ по генетике в СССР.

Я прошу Вас и Президиум Академии наук СССР командировать меня в США к январю 1947 г. для участия в работах конференции по проблемам биологической эволюции и для участия в праздновании 200-летия Принстонского университета.

Прилагаю переводы писем, полученных мною от университета в Принстоне.

С искренним и глубоким уважением
заведующий лабораторией цитогенетики
Института цитологии Академии наук СССР,
профессор

Дубинин Н.П.

19.VII.1946 г.

В 1956 г. Н.П. Дубинин получил еще одно приглашение принять участие в работе симпозиума в США. Он вновь обращается в Президиум АН СССР.

ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Академику А.Н. НЕСМЕЯНОВУ

В связи с тем, что я получил приглашение председательствовать на сессии Симпозиума по Количественной Биологии при Биологической лаборатории Колд Спринг Харбор в Нью-Йорке, прошу Вас командировать меня в США с учетом, что работа сессии состоится 4–12 июня 1956 г.

Симпозиум по Количественной Биологии отмечает крупные сдвиги в центральных проблемах биологии, работа сессии издается в виде отдельного тома, который начинается с вводного слова председателя сессии.

В полученном мною приглашении отмечается важное значение тех работ советских ученых, которые послужили основой для разработки ряда проблем строения материальных основ наследственности (исследования по ступенчатому аллелизму), чем и вызвано приглашение меня в качестве председателя сессии.

Поездка может иметь большое значение для утверждения приоритета советской науки, а также для ознакомления с успехами биологии в США и для развития контакта между учеными СССР и США.

Прилагаю письмо директора Биологической лаборатории Колд Спринг Харбор М. Демерека.

Член-корреспондент АН СССР

Дубинин Н.П.

21 марта 1956 г.

Николай Петрович направляет ходатайство поддержать его просьбу в ООБ АН СССР и пишет письмо Н.С. Хрущеву с обоснованием необходимости поездки для участия в симпозиуме.

Однако на эти принципиально важные симпозиумы Н.П. Дубинину поехать не разрешили.

В 1956 г., после организации Лаборатории радиационной генетики, ее основной задачей было изучение влияния радиационных излучений на наследственность организмов. Необходимо было дать качественные и количественные прогнозы о возможных поражениях наследственности человека. Основными объектами, на которых проводили исследования генетики всего мира были, в первую очередь, дрозофила и мыши. Оценку повреждающего эффекта радиации на хромосомы и гены человека проводили с помощью экстраполяции, исходя из данных, полученных на этих объектах. Нужно было придумать что-то такое, чтобы обеспечило качественный скачок в самой постановке проблемы. В своей лаборатории Н.П. Дубинин поставил задачу изучения радиочувствительности у обезьян, объектов наиболее близких к человеку. Были начаты опыты по локальному облучению желез обезьян. Материал для опытов брали в Институте полиомиелита под Москвой; кроме того были посланы сотрудники в Южный Китай, где вместе с китайскими генетиками облучали обезьян, а позднее работа проводилась в Сухумском обезьяньем питомнике. В результате было показано, что обезьяны более радиочувствительны, чем мыши.

В 1958 г. Н.П. Дубинин с сотрудниками в опытах с культурой клеток человека в ИЦиГ получили большое количество данных о влиянии радиации на хромосомы человека, которые подтвердили представление о высокой радиочувствительности генетических структур человека.

Еще в 1955 г. X сессия Генеральной Ассамблеи ООН постановила создать Научный комитет по действию атомной радиации (НКДАР ООН). Начиная с 1958 г., Министерство иностранных дел СССР и Комитет по атомной энергии решили принять участие в работе этого комитета по действию радиации на живые организмы и по вопросам генетики. В том же 1958 г. советская делегация представила на Вторую международную конференцию по применению атомной энергии в Женеве доклад Н.П. Дубинина на тему: "Механизм действия радиации на наследственность и проблема радиочувствительности". Так как Николай Петрович в то время все еще оставался "не выездным", с докладом в Женеву поехали его сотрудники по ЛаРГ – А.А. Прокофьева-Бельговская и М.А. Арсеньева (1961). Вопреки господствовавшей среди генетиков США и других стран завышенной оценке количества энергии радиации, удваивающей частоту появления вредных наследственных отклонений у человека, Николай Петрович показал, что такой дозой является доза в 10 рад (до этого такой дозой считались 50 рад). Доклад вызвал огромный интерес, был детально обсужден Комитетом по атомной радиации и послужил основанием для принятия известной резолюции, направленной против испытания ядерного оружия в атмосфере. Генеральная Ассамблея ООН утвердила это решение Комитета.

А.А. Прокофьева-Бельговская прислала Николаю Петровичу приветствие от ведущих генетиков мира – участников этой конференции, написанное на бланке гостиницы (см. вклейку). Среди подписавшихся были А. Густафссон,

Дж. Тейлор, М. Сваминатан, А. Холлендер, Л. Эренберг и др. Известный американский генетик Г.Г. Меллер написал: “Мы очень рады, что Вы опять работаете по генетике, и мы пили до дна за Ваши успехи”¹. Это было написано спустя 10 лет после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и через два года после организации Н.П. Дубининым лаборатории радиационной генетики.

Позже с развернутым вариантом доклада Н.П. Дубинина в Нью-Йорк ездила М.А. Арсеньева. Новые оценки влияния радиации на наследственность человека получили широкий резонанс.

В 1964 г. Николай Петрович впервые выехал за рубеж. Это была поездка в Голландию и Бельгию с целью ознакомления с состоянием исследовательских работ по радиобиологии и радиационной генетике в университетах, крупных научных учреждениях и центрах этих стран. В Нидерландах он посетил отдел радиобиологии Реакторного центра Нидерландов (г. Петтен), Европейский центр по использованию атомной энергии в сельском хозяйстве в Вагенингене, Институт радиобиологии (г. Ресвик), лабораторию радиационной генетики Лейденского университета. В Бельгии – отдел радиобиологии Реакторного центра Бельгии (г. Мол), Лувенский университет и лаборатории Льежского университета. Проблемам радиобиологии и радиационной генетики в этих учреждениях придавали большое значение, коллективы возглавляли крупные ученые с мировыми именами, такими как З. Бак, Ф. Собелс, Д. Беккум и др. (Z.M. Bacq, F.H. Sobels, D.W. van Bekkum).

В 1965 г. Н.П. Дубинин был избран членом НКДАР ООН и от Государственного комитета по атомной энергии при СМ СССР в ноябре с новыми материалами по радиационной цитогенетике обезьян он выезжает на сессию Комитета в Швейцарию, где выступил с докладом “Влияние малых доз радиации на наследственный аппарат” и работал по составлению документа “Оценка существующей опасности” для Генеральной Ассамблеи ООН. С этого времени началась большая, плодотворная работа Николая Петровича на сессиях Комитета и в его подгруппах. Основными документами, над которыми работала биологическая подгруппа были: генетический риск ионизирующей радиации и генетические эффекты ионизирующего излучения и др. Кроме того, предварительному обсуждению и проработке были подвергнуты еще два документа: морфологическое воздействие ионизирующей радиации на периферические кровяные клетки и радиочувствительность зародыша и плода. В этих документах был поставлен ряд важных генетических вопросов.

В обсуждении документов по этим вопросам участвовала представительная группа генетиков из США, СССР, Англии, Франции, Бельгии, Бразилии, Канады, Индии и Японии. Отмечалось, что Научный комитет впервые собрал в таком составе ведущих генетиков мира, работающих по проблемам радиационной генетики. Это было вызвано тем, что прошедшая в ноябре 1965 г. сессия Научного комитета поставила своей и перспективной для июньской 1966 г. сессии целью разрешение основных проблем, связанных с оценкой риска ионизирующих излучений для наследственности человека. Июньская сессия должна была после окончательной доработки представить документы по генетическим эффектам радиации на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН.

¹ Личный архив Н.П. Дубинина.

Особый интерес на заседаниях подкомитета вызвали данные о влиянии факторов космического полета на наследственность. Н.П. Дубинину было поручено составить отдельный пункт по этим материалам для включения его в документ.

На специальном заседании экспертов генетиков НКДАР ООН Н.П. Дубинин выступил с докладом, в котором обосновал представление о существовании порога для проявления эффекта мощности дозы на относительный выход радиационных мутаций. Идея о существовании такого порога была обоснована Н.П. Дубининым на данных Рассела (США) на мышах, Меллера и др. (США) на дрозофиле и Н.П. Дубинина и Л.Г. Дубининой (СССР) на клетках человека в культуре ткани. Важность концепции о пороге в генетическом эффекте мощности дозы связана с тем, что она утверждает наличие нерепарируемой части в генетическом поражении при действии любой малой дозы радиации. Комитет поручил сформулировать пункт в документе о пороге в генетическом эффекте мощности дозы Н.П. Дубинину (СССР) и Расселу (США). Итогом всей работы для Генеральной Ассамблеи ООН по проблеме радиационной генетики в 1965 г. явился последний раздел документа “Оценка существующей опасности”.

Эта часть документа вызвала наибольшую критику, так как она не давала количественных оценок опасности действия радиации на наследственность человека. Была создана группа генетиков специалистов, входящих в Научный комитет по радиации в составе: Абрахамсон (США), Айнгор (Индия), Дубинин (СССР), Лежен (Франция), Люнинг (Швеция), Ньюкомб (Канада), Паван (Бразилия), Рассел (США), Собелс (Голландия), Стивенсен (Англия).

Совещание проходило под руководством председателя всей биологической подгруппы Комитета – Гарнера (Канада). Это совещание признало необходимость дать все возможные количественные оценки действия радиации на наследственность человека. Была отмечена очень большая ответственность всего Комитета при подготовке документа о генетических эффектах радиации.

В процессе заседаний и работы Научного комитета, как в Женеве, так и в США (1966) Николай Петрович познакомился и подружился со многими ведущими учеными мира, работающими по проблеме радиационной генетики. Среди них можно назвать В.Л. Рассела, А.С. Холендера, Ф.Х. Собелса, М.А. Бендера, Ж. Лежена, Х.Б. Ньюкомба, К.Г. Люнинга и других крупнейших ученых.

В 1958–1962 гг. состоялся ряд выступлений Н.П. Дубинина: “Генетические эффекты малых доз ионизирующих излучений” (этот доклад был представлен на III Международную конференцию по мирному использованию атомной энергии), “Эффект малых доз радиации и механизм репарации”, “Об удваивающей дозе радиации” и другие. В исследованиях по названным проблемам принимали участие Я.Л. Глембоцкий, М.А. Арсеньева, Л.Г. Дубинина, В. Козлов, В.А. Шевченко, Ю.Я. Керкис, Л.И. Лебедева.

После длительного периода господства Лысенко в советской биологии, огульно отбрасывавшего все истинные достижения науки, Бюро ООБ приняло решение о целесообразности участия наших ученых в работе Симпозиума, посвященного 100-летию юбилею открытий Г. Менделя. Был утвер-

жден Оргкомитет по подготовке празднования, председателем которого назначен чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинин. Впервые за многие годы, в 1965 г. советские генетики приняли широкое участие в работе представительного международного форума. В состав делегации вошли 85 человек, представляющих основные направления генетических исследований. Николай Петрович был лично приглашен принять участие в качестве почетного гостя в Менделевском мемориальном и научном симпозиумах, которые проходили в Чехословакии в г. Брно и Праге. Симпозиум был посвящен знаменательной дате в истории науки – столетию открытия Менделя и проводился Чехословацкой АН. В работе симпозиума приняли участие около тысячи научных работников из 38 стран мира. Как писали чешские газеты, среди первых ученых, которые выступили на заседании, были член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин и акад. АН СССР Н.В. Цицин. Руководитель советской делегации Н.П. Дубинин был избран в президиум заседания. Николай Петрович выступил с докладами “Общая теория мутаций” и “Цепной процесс в химическом и радиационном мутагенезе”.

За заслуги в развитии генетики Чехословацкая АН наградила Н.П. Дубинина серебряной медалью им. Менделя и ему был вручен бюст Г. Менделя.

Во время торжеств университет им. Я. Пуркине и Сельскохозяйственный институт присудили степень почетного доктора некоторым видным зарубежным генетикам. Среди них были член-корр. АН СССР Н.П. Дубинин, акад. АН СССР Н.В. Цицин, проф. Г. Штуббе (ГДР), проф. Ф. Гутт (США), проф. А. Горн (Венгрия).

Памяти Менделя, значению его трудов для мировой науки были посвящены торжественные заседания в Москве и Ленинграде, которые провела АН СССР совместно с Обществом дружбы СССР–Чехословакия. В Московском доме ученых выступили Б.Е. Быховский, Н.П. Дубинин, Н.Н. Семенов, Б.Л. Астауров и другие специалисты в области биологии и медицины. АН Чехословакии присудила Н.П. Дубинину медаль “За заслуги перед наукой и человечеством”, которая была вручена послом ЧССР в Москве.

В 1965–1966 гг. Н.П. Дубинин был членом Оргкомитета по подготовке к III Международному конгрессу по радиационным исследованиям, который в 1966 г. проводился в Италии. Представляя Академию наук СССР, Николай Петрович вместе с проф. В.В. Антиповым участвовал в работе конгресса и сделал доклад “О некоторых главных проблемах радиационной генетики”. В рамках этого конгресса в Кортин-Д’Ампеццо прошел симпозиум по теме “Радиационный мутагенез”, председателем которого был избран Н.П. Дубинин. Перед возвращением домой представилась возможность провести день в Венеции – этом изумительном городе памятников искусства, зодчества и красоты, который оставил глубокий след во впечатлительной душе ученого.

По приглашению Биологического отделения АН Венгрии в 1967 г. Николай Петрович был командирован в Венгрию для ознакомления с биологической и генетической работой, проводящейся в этой стране. В день приезда он был приглашен в советское посольство, где был дан прием в честь пребывания в стране делегации АН СССР во главе с академиком М.В. Келдышем.

В ходе визита Н.П. Дубинин посетил Национальный институт радиобиологии и радиогигиены АН ВНР, Институт генетики АН ВНР и кафедру ге-

нетики и эволюции в Будапештском университете. В Мартонвашаре, который находится в 35 км от Будапешта Н.П. познакомился с работой Института сельского хозяйства. Интересной и познавательной оказалась поездка в Институт биологии в пос. Тихани, расположенном на оз. Балатон в 150 км от Будапешта. Этот институт был построен и активно функционировал в качестве биологической станции для изучения жизни в оз. Балатон. Насыщенная программа командировки привела Николая Петровича еще в одно научное заведение – в Университет сельского хозяйства в Гёдёлло. Это научное и учебное заведение имеет традиционную тесную связь с Тимирязевской сельскохозяйственной академией в Москве.

В конце командировки Н.П. Дубинин был приглашен на заседание Общего собрания биологического отделения Венгерской АН. Академик-секретарь Отделения биологии произнес краткую речь в честь советского генетика. Затем Николай Петрович выступил с докладом “Алкилирующие соединения и структурная изменчивость хромосом в сухих семенах *Crepis capillaris*”. Доклад вызвал живое и бурное обсуждение, после чего вице-президент Венгерской АН от имени Президиума ВАН устроил прием, на котором выразил благодарность Н.П. Дубинину за приезд и большую проделанную работу.

В 1967 г. Н.П. Дубинин посетил Румынскую Народную Республику, где принял участие в работе II Национального съезда генетиков. Перед собравшейся научной аудиторией Николай Петрович выступил с докладом “Естественные мутации хромосом в диплоидных и тетраплоидных клетках”.

В том же году по приглашению американского Генетического общества впервые после длительного перерыва делегация из СССР была приглашена на симпозиум в Стэнфордский университет. Кроме Николая Петровича, в составе делегации были С.И. Алиханян, Б.Л. Астауров, Д.К. Беляев. Перед учеными стояла задача познакомиться с работой ведущих американских генетических центров, где проводятся наиболее фундаментальные теоретические исследования по общей и молекулярной генетике. С этой целью они посетили Стэнфордский и Висконсинский университеты, Калифорнийский Технологический институт, Рокфеллеровский институт, Гарвардский университет и другие учреждения. Н.П. Дубинин принял участие в работе годовичного съезда американского Генетического общества в Стэнфордском университете (Калифорния, Пало Альто). Поездка оказалась чрезвычайно плодотворной и познавательной.

В 1968 г. в Токио проходил XII Международный генетический конгресс. Н.П. Дубинин участвовал в нем в составе советской делегации.

УВАЖАЕМЫЙ Д-Р ДУБИНИН!

Благодарю Вас за письмо от 12 марта. Мы были очень рады узнать из этого письма, что Вы любезно приняли наше приглашение и решили прочитать на заключительном заседании лекцию на тему: “Классификация предмутационных повреждений хромосом”. Мы поняли также, что Вы прочтете эту лекцию на английском языке.

Мы все знаем Ваши выдающиеся труды по генетике и мужество, помогавшее Вам продолжать научные исследования, несмотря на многочисленные препятствия. Поэтому мы с нетерпением ожидаем Вашу лекцию на заключительном заседании, где также выступят с лекциями два выдающихся американских генетика.

Так как Вы являетесь одним из величайших генетиков, то на этом заключительном заседании будут, безусловно, присутствовать все участники Конгресса, поэтому просим Вас составить лекцию так, чтобы неспециалисты в области радиационной генетики могли понять ее {...}

Еще раз благодарю за любезное согласие прочитать лекцию на заключительном заседании.

С нетерпением ждем Вас в августе в Токио

Кимура

Время проведения конгресса совпало с тревожными событиями в Чехословакии. Антисоветская пропаганда достигла высот истерии. Это коснулось и некоторых участников конгресса, которые обращались к Николаю Петровичу за разъяснениями, и ему приходилось вступать в трудные дискуссии. Перед его выступлением возникла щекотливая ситуация. При полном молчании зала Н.П. Дубинин поднялся со своего места и энергично пошел к кафедре. И вдруг овация взорвалась лавиной в огромном зале. Председательствующий на этом заседании *проф. Ф.Г. Добржанский*, представляя Николая Петровича двухтысячной аудитории, сказал:

“Я имею честь представить вам доктора Николая Дубинина, члена Академии наук Советского Союза.

Дубинин – один из поистине всеобъемлющих генетиков. Он внес свой вклад в каждый из основных разделов нашей науки. В 1920-е гг. он работал над мутантами в скют-локусе у дрозофилы и открыл явление, которое значительно позднее получило название комплементации. Дубинин принадлежит к блестящей школе Четверикова. Впоследствии встав во главе самостоятельной группы исследователей, Дубинин первым начал экспериментальное изучение генетики природных популяций и открыл явление, позднее названное генетическим грузом.

Около двух десятилетий было вырвано из его научной работы, так как он являлся одним из мужественных и действенных противников того чудовищного извращения науки, которое на время сделало генетику запретным плодом в его стране. При первой же возможности он возобновил работу. Он не отказался от своих прежних направлений исследований, присовокупив изучение молекулярных основ наследственности и, в частности, мутагенеза. И, что еще важнее, он возглавил организацию преподавания генетики и научной работы в этой области в своей стране. Я не знаю, сколько часов в сутки он спит, но уверен, что очень немного. Иначе вряд ли он смог бы создать несколько весомых томов по различным разделам генетики, опубликованных в последние годы”.

Николай Петрович читал доклад на английском языке. После окончания раздалась аплодисменты, перешедшие в овацию. Президент конгресса генетик *проф. Кихара* встретил Николая Петровича, когда он сошел с трибуны, пожал ему руку, поздравил и поблагодарил за доклад.

На секции “Структура гена” Н.П. Дубинин выступил с докладом “Проблема потенциальных изменений в хромосомах”.

На этом конгрессе мировая генетика после 36-летнего перерыва встретила с представителями СССР и отдала должное их достижениям. Это был большой успех советской генетики.

В рамках вышеназванного Международного конгресса в Токио работал Симпозиум по космической генетике под председательством Н.П. Дуби-

нина и Р.Ф. Кимбалла. На нем Н.П. сделал обобщающий доклад на тему: “Задачи космической генетики”. Там же из состава советской делегации от ИОГен АН СССР выступили Э.Н. Ваулина и Л.Г. Дубинина. В состав американской делегации входили Борстел, Гласс, Бендер. Это была первая международная встреча по космической генетике, на которой встретились представители ИОГен (СССР) и Оакриджского центра (США). В итоге этой встречи возникли устойчивые международные связи между СССР и США по проблемам влияния факторов космического полета на наследственность.

На этом симпозиуме был признан приоритет работ Института общей генетики по созданию новой отрасли знания – космической генетики.

1969 г. оказался богат зарубежными поездками. Одна из них – на Кубу. Революционное правительство Кубы пригласило Н.П. Дубинина и директора Института животноводства Льва Константиновича Эрнста на I конгресс по животноводству. В нем приняли участие представители почти всех социалистических стран. Я была приглашена вместе с Николаем Петровичем.

В те годы на Кубе была организована и начала разворачиваться работа по созданию нового молочного скотоводства на основе гибридизации местных пород зебу с обильно молочной голландской породой. На Кубе возникли серьезные разногласия по вопросу о задачах селекции на молочность у крупного рогатого скота между экспертами-англичанами, с одной стороны, и между специалистами и руководством Кубы, с другой. Ф. Кастро критиковал английских экспертов за их методы, уводящие Кубу от решения этой проблемы.

Николай Петрович выступил на конгрессе с докладом “Проблемы генетики животных”.

После встречи с руководителями Гаванской провинции мы поехали на один из пунктов, находящихся в ведении Национального генетического центра Кубы, куда на джипе подъехал и Ф. Кастро. Он оказал подчеркнутое внимание советским ученым. Постоянно обращаясь к Н.П. Дубинину и Л.К. Эрнсту, Ф. Кастро сам лично показывал все данные из журналов по характеру удоев новых метисных животных. Следует отметить, что страна имела целую сеть генетических центров, планомерно осуществляющих работу на базе принципов современной теории селекции животных.

Гавана окружила нас потрясающей красотой города и бескрайними просторами Карибского моря. Здесь состоялось заседание научного генетического национального центра, где Н.П. Дубинин и Л.К. Эрнст изложили свою точку зрения и предложили рабочие контакты с советскими генетиками.

Состоялся прием у Президента Академии наук Кубы Нуньеса Хименеса, а на Общем собрании Национальной АН Кубы Николай Петрович выступил с докладом “Задачи и достижения генетики”, после которого ответил на множество вопросов.

Поездка на Кубу запомнилась как одна из самых увлекательных. После окончания научной, деловой части программы на большом катере Океанографического института нас пригласили на ловлю маранов в Карибском море. Это была дивная поездка под синим-синим небом, перед панорамой великолепной Гаваны. В заключение нам устроили поездку на знаменитый международный курорт “Varadero”.

Весной 1969 г. Н.П. Дубинина и зав. лабораторией молекулярной генетики ИОГен проф. Д.М. Гольдфарба пригласили посетить Индию в качестве

экспертов ЮНЕСКО – организации по науке и культуре при ООН. Это было еще одно серьезное признание успехов новой советской генетики.

В Дели состоялся ряд официальных встреч с представителями ЮНЕСКО по Индии, с работниками департаментов, руководством высшим образованием страны.

В рамках поездки советские ученые должны были прочитать курс лекций и изучить как поставлена работа по преподаванию генетики в Индии. По результатам поездки следовало выработать предложения по развитию научно-исследовательской работы в области генетики в университетах и исследовательских центрах этой страны. Я сопровождала Николая Петровича в той двухмесячной поездке. Мы объехали ряд центров – Дели, Тривандрум, Мадрас, Хайдарабад, Калькутту. Нас познакомили с работой в области генетики в Бомбейском атомном центре, в Тата Институте фундаментальных исследований в Бомбее и др.

Развитие генетических исследований во всех указанных центрах носило серьезный характер. Широко известны лаборатории атомного центра индийского генетика проф. А. Гопал-Энгара по радиационной генетике, с которым Н.П. Дубинин неоднократно встречался в Нью-Йорке в НКДАР ООН, представляя Индию.

Большое впечатление своей научной и практической направленностью произвела работа генетиков в Индийском исследовательском сельскохозяйственном институте. Здесь проф. М.С. Свамнатаном были проведены замечательные работы, которые привели к пшеничной революции в Индии.

Однако, несмотря на прекрасные очаги генетических исследований в Индии, объем работ был недостаточен для такой великой страны. Было отмечено, что крайне неудовлетворительно обстоят дела с преподаванием генетики в университетах и других учебных заведениях. В университетских колледжах генетика не преподавалась и масса учителей, которые заканчивали их со степенью бакалавров, не имели представления о генетике.

В Индии у нас была интереснейшая поездка на небольшом пароходике по реке. Мы были приглашены на природу, чтобы немного отдохнуть и посмотреть на дикую природу, познакомиться с фауной тех мест, понаблюдать, если посчастливится, за жизнью слонов. Мы плыли медленно и долго, абсолютно ничего интересного по берегам не наблюдалось – все выжжено солнцем, стояла страшная жара, лишь изредка появлялись деревья уродливой формы. Из-за такого изнуряющего однообразия мы уже пожалели, что согласились на эту поездку. Николай Петрович прохаживался по палубе, наблюдая за торчащими из воды деревьями. Иногда говорил: “Вот здесь хорошо было бы порыбачить, наверное, клевало бы”. Но неожиданно сопровождающий нас индус подал знак подойти – он увидел приближающееся большое стадо слонов. Наш кораблик стал бесшумно подплывать ближе к берегу. Николаю Петровичу не терпелось, как можно быстрее сойти на берег, поближе к слонам. Однако сопровождающий не дал нам этого сделать, сказав: “Вы – человек государственной важности, всякое может случиться, это небезопасно”. Нам оставалось наблюдать за стадом с борта кораблика.

Индия – удивительная и интереснейшая страна. Мы многое смогли увидеть, но главное – это трудолюбивый индийский народ и в то же самое время резкий контраст между богатством и страшной бедностью.

В завершение поездки мы побывали и в знаменитом заповеднике в Текеди (штат Керала) на юге Индии. По окончании работ я вернулась в Москву, а Н.П. Дубинин с Д.М. Гольдфарбом направились во Францию, в Париж, где в центральной квартире ЮНЕСКО предстояло выработать предложения по улучшению преподавания и исследовательской работы в области генетики.

В Париже Н.П. Дубинин и Д.М. Гольдфарб были приглашены в Институт Пастера. Их встречали известные ученые – специалисты в области молекулярной генетики – Жакоб, Моно, Вольман. Здесь они познакомились с исследованиями по молекулярной биологии и им были вручены памятные медали имени Пастера.

В июле 1969 г. Николай Петрович Дубинин в качестве почетного члена Генетического общества Великобритании был приглашен на 116-е заседание, посвященное его 50-летию. Надо отметить, что еще в 1965 г. он получил письмо из Генетического общества Великобритании, в котором сообщалось:

18 ноября 1965 г.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ПРОФЕССОР ДУБИНИН,

Я рад сообщить Вам, что на своем собрании в субботу 18 ноября 1965 г. Генетическое общество избрало Вас почетным членом. Для Генетического общества будет большой честью иметь Вас в ряду его почетных членов, и я надеюсь, что при случае вы сможете принять участие в одном из его собраний

Искренне Ваш
Почетный секретарь

Р. Рили

Генетическое общество Великобритании является старейшим. Оно было учреждено в Лондоне в 1919 г., получило признание и пользуется известностью среди генетиков всего мира. Я сопровождала Николая Петровича в этой поездке. В аэропорту нас встречал президент Генетического общества проф. Льюис.

Заседания Генетического общества проходили в Ридингском университете в г. Ридинге, в 35 км от Лондона, и носило отчасти характер торжеств. Основная работа включала доклады и дискуссии на симпозиумах “Радиация как орудие фундаментальных и прикладных исследований”, “Генетика на службе человека”. Материал симпозиумов представлял собой большой интерес, поскольку на них был дан обзор и анализ современного состояния по таким вопросам как проблема репараций и мутагенеза, структура хромосом и их репликация, радиационная генетика млекопитающих, радиационная селекция растений, генетика и животноводство, генетика и медицина.

Во время заседаний состоялись знакомства и встречи с профессорами – членами Королевского Общества. На съезде Генетического общества неоднократно подчеркивалось особое уважение к Н.П. Дубинину как представителю советской генетики, и желание развивать научные контакты между советскими и английскими учеными.

Во время этой поездки мы посетили Лондон, Ридинг, Оксфорд, Эдинбург, нас познакомили с работой различных научных и исследовательских центров.

В свободное время мы бродили по Лондону и исходили его от Тауэра по берегу Темзы к Вестминстерскому аббатству, Большому Бэну, мимо Тра-

фальгарской площади и Букингемского дворца к Гайд-парку. После столь длительного пешего путешествия мы увидели в Гайд-парке скамейку. Она казалась нам спасительницей. Но не успели мы опуститься на нее, как, словно из-под земли, вырос человек с сумкой в руке. Мы не сразу поняли, что ему нужно. Оказалось, он подошел, чтобы взять с нас плату за пользование скамейкой. Этот эпизод оставил в нашей памяти неприятный осадок. Тогда само понятие “частной собственности” нам вовсе не было знакомо, к тому же в парке!..

В течение 1970 г. проводилось совместное крупное международное исследование, в котором приняли участие 13 научно-исследовательских центров Канады, Англии, СССР, Дании и целого ряда других стран. В нашей стране этой работой руководил непосредственно акад. Н.П. Дубинин на базе ИОГен. Проводилась работа по изучению влияния разных доз радиации на клетки крови человека с целью получения сопоставимых результатов между исследователями разных стран. В институт по дипломатической почте присылали готовые препараты, которые исследовали, просматривали, анализировали и после заключения отправляли по определенной схеме в другую страну. Участие нашего института в этом грандиозном проекте свидетельствовало о его большом международном авторитете, о признании важности и значимости проводимых у нас исследований и о большом личном авторитете Н.П. Дубинина.

По инициативе Советского Союза 1971 г. был объявлен ООН годом борьбы с расизмом. В системе мероприятий этого года 22-26 марта в Париже в главной квартире ЮНЕСКО состоялась конференция, посвященная борьбе с расовой дискриминацией, под названием “Расовый вопрос и современная мысль”. По приглашению ЮНЕСКО акад. Н.П. Дубинин вместе с другими ведущими биологами мира участвовал в работе этой конференции.

В течение пяти дней было заслушано пять докладов представителей Франции, Дагомеи, Индии, США и Советского Союза. В работе конференции приняли участие также представители различных государств Африканского континента. Все докладчики руководствовались принципами ООН о равенстве рас, ранее уже декларированными этой организацией. Доклады вызывали живой интерес. Особенно многочисленные аудитории, не вмещавшие всех желающих в большой зал дворца ЮНЕСКО, собирались на доклады ученых Франции и СССР.

Н.П. Дубинин выступал с заключительной лекцией “Учение о расах и современная генетика”, в которой подверг острой критике ряд современных представлений о “неполноценности” некоторых рас. По сути дела, это явилось первым политическим выступлением советского генетика за послевоенные годы.

Доклад был сделан на английском языке. Ответы на вопросы и оживленная дискуссия проходили с помощью синхронного перевода.

Председателем на этом заседании был известный итальянский биолог А.А. Бузати-Траверсо, занимавший в то время пост заместителя генерального директора ЮНЕСКО по научным вопросам.

Первый же вопрос к Н.П. Дубинину носил антисоветский провокационный характер. Николай Петрович ответил, что спрашивающий питается из мутных источников дезинформации о положении дел в СССР. На примере

развития науки во всех 16 республиках СССР и других данных он показал, что в нашей стране нет расовой проблемы. Ответ был дан весьма обстоятельный, подтвержденный данными и потому оздоровил обстановку в зале. Дальнейшая дискуссия касалась научных основ, доказывающих биологическое равенство рас как разных ветвей единого человеческого общества. Целый ряд вопросов касался общей, молекулярной генетики, а также проблем генетики человека.

Вклад Н.П. Дубинина в работу конференции был высоко оценен Генеральным директором ЮНЕСКО. В письме от 28 апреля 1971 г. зам. директора ЮНЕСКО Д. Фобс² написал Николаю Петровичу:

(...) Генеральный директор ЮНЕСКО передает академику Н.П. Дубинину глубокую благодарность за участие в конференции и прочитанную лекцию “Расовый вопрос и современная мысль”. Эта творческая, плодотворная неделя явилась фундаментом для дальнейшей деятельности международного года борьбы с расизмом и расовой дискриминацией... Мы надеемся видеть Вас среди нас в будущем”.

После лекции нам показали ночную жизнь Парижа, кроме того, мы осмотрели парижские достопримечательности: Дом инвалидов с могилой Наполеона, Эйфелеву башню.

В сентябре 1971 г. во Франции в Париже проходил IV Международный конгресс по генетике человека, собравший представителей из 54 стран. Н.П. получил официальное приглашение принять участие в этом конгрессе. Советский Союз представляла делегация, возглавляемая Н.П. Дубининым, в составе 20 человек. На заключительном пленарном заседании “Генетика в прошлом, настоящем и будущем” он выступил с докладом “Генетика и будущее человечества”.

В своем выступлении Н.П. Дубинин сформулировал идею о соотношении социальной и генетической программ при развитии личности человека и обосновал идею о практической неисчерпаемости генетического потенциала человечества, на фоне которого в истории человека ведущую роль играют социальные факторы.

На обсуждение конгресса были поставлены важнейшие современные вопросы генетики человека, над исследованием которых работают многочисленные институты и лаборатории в различных частях мира. Работа IV Международного конгресса по генетике человека показала, что в наши дни изучение наследственной изменчивости человека становится в центр всех современных генетических исследований.

Делегация посетила ряд научных центров в Париже, Лионе и Шамбери. По приглашению принимающей стороны Н.П. Дубинин познакомился с работами, проводимыми в цитологической лаборатории Лежена в Институте педиатрии, посетил Пастеровский институт и Международный онкологический центр в Лионе, Госпитальный центр в Шамбери, где ему был оказан исключительно теплый прием президентом и директором госпиталя. Николая Петровича познакомили с работой по молекулярной генетике и генетике популяций в Национальном центре научных исследований Франции.

² Личный архив Н.П. Дубинина.

В период с 1972 по 1976 гг. Н.П. Дубинин принимал активное участие в работе сессий Международного комитета по исследованию космического пространства (КОСПАР), проходивших в ряде стран. В мае 1972 г. он вместе со своими сотрудниками Э.Н. Ваулиной и Л.Г. Дубининой принял участие в работе 15-й сессии КОСПАР в столице Испании Мадриде. На сессии он сделал два доклада: “Влияние факторов космического полета на наследственность высших растений и грибов” и “Влияние факторов космического полета на дрозофилу”. На этой же сессии Н.П. Дубинин был избран членом 5-ой рабочей группы по космической биологии и ее руководителем. На заседании КОСПАР в ФРГ в 1973 г. Н.П. сделал доклад по проблемам гравитационной биологии. На XVI Конференцию КОСПАР в 1974 г. Н.П. Дубининым совместно с Э.Н. Ваулиной был представлен доклад “Гравитация, невесомость и генетические структуры организмов”.

В 1975 г. Николай Петрович участвовал в работе XVIII сессии КОСПАР, которая проходила в болгарском г. Варне. Работы этой сессии были высоко оценены учеными и имели большое практическое значение. “Его членами являются академии наук и приравненные к ним учреждения около сорока стран, а также одиннадцать международных научных союзов. На сессиях КОСПАР подводятся итоги космического года и намечаются научные задачи для будущих исследований”³ – писал А. Покровский. Советская делегация представила участникам конференции национальный доклад, члены делегации приняли участие в работе всех групп и симпозиумов. Н.П. Дубинин выступил с докладами “Особенности цитогенетического эффекта космической радиации и невесомости” и “Роль гравитации в эволюции” на научном симпозиуме по гравитационной биологии.

На XIX сессию КОСПАР, которая проходила в США в 1976 г., Н.П. Дубинин представил доклады “Биологические исследования на орбитальной станции “Салют-4” и “Биологические исследования на “Союзе-19”, продолжал работать в качестве сопредседателя 5-ой рабочей группы по космическим исследованиям КОСПАР.

На свое 70-летие в 1977 г. Николай Петрович получил следующее поздравление:

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

Профсоюзная, 7

Институт общей генетики

Дубинину Николаю Петровичу

Интеркосмос сердечно поздравляет с юбилеем. Желаем здоровья, творческих успехов, многих лет совместной работы в КОСПАР.

Заместитель председателя Совета Интеркосмос

Новиков

По приглашению Болгарской АН и Союза научных работников Болгарии состоялась поездка Н.П. Дубинина в Болгарию (сентябрь – октябрь 1972 г.). Его познакомили с работой болгарских генетиков и селекционеров в Софии, Пловдиве, Генерал-Тошеве, Варне, Казанлыке, в Институте роз и

³ Покровский А. Космос – арена сотрудничества // Правда. 1975. 3 июня.

лекарственных растений. Николай Петрович познакомился и с работой производственного агробιологического комплекса, расположенного в районе г. Пловдива и представляющего собой совершенно новую систему организации сельскохозяйственного производства в Болгарии. Перед болгарскими учеными Н.П. Дубинин выступил с лекциями “Проблемы молекулярной генетики”, “Успехи генетики в СССР”, “Генетическая инженерия”, “Новые генетические принципы селекции растений” и другими, провел ряд научных консультаций. На пленарном заседании Первой Болгарской национальной конференции по медицинской генетике, которая в то же самое время проходила в Варне и в которой приняли участие иностранные ученые, Н.П. Дубинин сделал доклад на тему: “Общие вопросы современной медицинской генетики”. В конце сентября состоялась встреча Н.П. Дубинина с Президентом БАН акад. А. Балеvским и с кандидатом в члены Политбюро БКП И. Абоджиевым. Кроме рабочих встреч и консультаций состоялось выступление Н.П. по болгарскому радио.

Следующая встреча с Болгарией состоялась в июне 1978 г., когда Н.П. Дубинин в составе советской делегации участвовал в работе IX сессии Международной летней варненской школы (Варна, София, Бургас) философии. Основной темой проводимой сессии были “Место и роль философии и науки в современном мире”.

На пленарном заседании Николай Петрович выступил с основным докладом “Современная биология и философия”. Он также руководил работой секции “Научно-технический прогресс, будущее человечества и идеологическая борьба”. Работа секции была открыта докладом Н.П. “О задачах, стоящих при проведении XVI всемирного философского конгресса в Дюссельдорфе в августе-сентябре 1978 г.”

В биологическом отделении Академии наук Болгарии (София) Н.П. Дубинин сделал доклад перед сотрудниками биологического отделения БАН “Достижения генетики и научно-технический прогресс”, после чего в Бургасе выступил перед партийным активом БКП и Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) с докладом “Генетика и общество”. Болгарские ученые отмечали, что выступление академика Н.П. Дубинина явилось большим успехом и настоящим событием для болгарских философов. Н.В. Пилипенко, поздравляя Николая Петровича с заслуженным успехом, сказал:

“Вы – единственный, кто ответил своими выступлениями на задачи, которые были поставлены перед IX сессией Международной школой по марксистско-ленинской философии и Вы видите, что философы десяти стран сумели по настоящему оценить Вас”⁴.

Манфред Бур, председатель Ученого совета Международной варненской школы марксистско-ленинской философии АН ГДР, академик ГДР в заключительной речи на пленарном заседании сказал:

“Ученый совет Международной варненской школы марксистско-ленинской философии считает нужным заявить, что главным успехом IX сессии школы, проходившей на тему: “Место и роль философии и наук в современном мире” обязана участию в ее работе академика Николая Петровича Дубинина”⁵.

⁴ Личный архив Н.П. Дубинина. Из дневниковых записей.

⁵ Из дневниковых записей Н.П. Дубинина.

В декабре 1979 г. в Болгарии состоялась организованная Комитетом по культуре НРБ Международная встреча-беседа “Роль культуры в развитии человека и общества”, на которую был приглашен Николай Петрович. Он выступил с докладом “Культура и социальная сущность человека”. Эта встреча проходила в Софии. Тогда же Н.П. выступил по болгарскому радио, телевидению и в редакциях ряда болгарских газет.

Состоялась личная встреча Н.П. Дубинина с Генеральным секретарем ЦК БКП Т. Живковым, где были обсуждены задачи развития генетики в БНР. Николай Петрович совершил поездку в Пловдив и Благоевград.

Председатель Комитета по культуре Людмила Живкова вручила ему благодарственное письмо⁶.

София

декабрь 1980 г.

Акад. НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ДУБИНИНУ

Уважаемый товарищ ДУБИНИН,

Позвольте высказать свою самую искреннюю благодарность за Ваше участие в Международной встрече-беседе “Роль культуры в развитии человека и общества”, которая состоялась в Софии 2–6 декабря этого года. Надеюсь, что этот широкий форум, в котором приняли участие 180 представителей из 64 стран, создаст условия для решения одних из самых актуальных проблем современности, связанных с многогранной комплексностью жизни и развития, с высокой гуманностью и общей человеческой целью – человечество и общество должны формироваться и жить по законам красоты. Я верю, что нас собирает необходимость сохранить и защитить мир, благородное стремление к решению международных проблем, преодолению трудностей и противоречий, перед которыми сегодня поставлено человечество.

Во время встречи произошел обмен ценными мнениями и опытом, которые дают нам основание считать, что и в будущем нам необходимо объединять усилия, труд и творчество, чтобы создать на планете необходимые материальные, экономические, социальные и культурные предпосылки сознательному и свободному изъвлению и реализации человеком своей сущности.

Позвольте мне, уважаемый товарищ Дубинин, воспользоваться случаем и пожелать Вам успехов в Вашей высоко благородной деятельности и личного счастья в новом 1981 г.

Председатель Комитета по культуре НРБ

Людмила Живкова

По приглашению Германской АН в качестве гостя Общества физической и математической биологии Н.П. Дубинин посетил Германскую Демократическую Республику. Это было в начале октября 1972 г., когда там открылся очередной III Кюльнборнский симпозиум на тему “Философские и этические проблемы молекулярной биологии”.

На симпозиуме обсуждались две главные темы: “Закономерности молекулярно-биологических процессов” и “Этико-моральные проблемы генетических и эпигенетических вмешательств у людей”. В рамках второй темы была поставлена проблема “Биологическая и социальная наследственность”. Н.П. Дубинин выступил с докладом “Социальное и биологическое в проблеме человека”. Проф. доктор Шиллер, член Президиума АН ГДР от-

⁶ Личный архив Н.П. Дубинина. Перевод с болгарского И. Овчинниковой.

метил значение идей, выраженных в принципах социального наследования и социальной программы, обсуждение которых, по его словам, было столь активным и конструктивным на симпозиуме. Он указал на успех личных контактов ученых СССР и ГДР по этой проблеме, имеющей большой общественный отклик, важной для идеологии, генетики и общей биологии. Являясь руководителем Национального проекта по молекулярной биологии и медицине, проф. Шиллер высказал настойчивое желание, чтобы Николай Петрович выступил с изложением того же вопроса в Берлинском исследовательском центре молекулярной биологии и медицины, расположенном в Берлин-Бухе. Это выступление состоялось 6 октября 1972 г. В заключение проф. Шиллер еще раз дал высокую оценку нового подхода к проблеме человека и отметил его большое воспитательное значение. Он указал на необходимость его широкой популяризации в литературе, по радио и телевидению.

Н.П. Дубинин познакомился с работами Института молекулярной биологии АН ГДР, выступил по радио ГДР о практическом значении работ в области молекулярной и медицинской генетики в СССР.

В октябре 1972 г. в Ленинграде состоялась Общесоюзная интернациональная студенческая научная конференция для иностранных учащихся, обучающихся в Советском Союзе в связи с 50-летием образования СССР. В ней приняли участие 150 иностранных учащихся – победителей вузовского тура, а также советские студенты и аспиранты. По приглашению председателя Общесоюзного совета по делам иностранных учащихся, министра высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютина, Н.П. Дубинин был приглашен выступить на этой конференции с основным докладом на тему: “Философские проблемы естествознания”.

В ноябре 1972 г. делегация советских ученых во главе с Н.П. Дубининым в составе докторов Г.В. Гуляева, П.К. Шкварникова и ст.н.с. ИОГен С.А. Валевой, К.П. Гариной и Л.С. Немцевой была командирована на I индо-советский симпозиум по генетике “Генные пуллы, центры возникновения культурных растений и последние достижения в теории мутаций”. Координатором по проведению этого симпозиума с индийской стороны являлся директор Индийского сельскохозяйственного исследовательского центра проф. М.С. Свамнатан, с советской стороны – директор ИОГен акад. Н.П. Дубинин. Форум был торжественно открыт доктором Б.Р. Сешакхаром, Президентом индийской Национальной АН, который охарактеризовал проф. Дубинина как одного из самых выдающихся генетиков во всем мире. Позже состоялась их личная встреча. Н.П. Дубинин сделал на симпозиуме два доклада: “Новое направление в современной теории мутаций” и “Некоторые вопросы в проблеме современной генетики”.

В мае 1972 г. между правительствами СССР и США было подписано Соглашение об охране окружающей среды, а в сентябре впервые собралась смешанная советско-американская комиссия по этой проблематике. Председателем советской части комиссии в области охраны окружающей среды стал акад. Е.К. Федоров, а координатором доктор ф.-м. н. Ю.А. Израэль. Советско-американское соглашение наметило одиннадцать проблем по существу охватывающих все вопросы, связанные с окружающей средой. Одной из них была поставлена проблема биологических и генетических последст-

вий загрязнений, которую возглавил Н.П. Дубинин. С 1972 г. он являлся членом смешанной советско-американской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды.

В 1973 г. в США было проведено рабочее совещание советско-американской комиссии по проблеме “Биологические и генетические аспекты загрязнителей”. По этим вопросам Николай Петрович дважды выезжал в США. Первый раз – для участия в рабочей группе, второй – во главе советской делегации, в которую входила Е.И. Кореневская, зам. директора НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина и сотрудник ИОГен Л.Г. Дубинина. Цель поездки состояла в ознакомлении с научными исследованиями, проводимыми американскими учеными по одной из проблем Меморандума “Биологические и генетические эффекты загрязнителей”.

В Вашингтоне состоялась встреча с представителями правительственных учреждений по охране окружающей среды. Мы посетили в штате Северная Каролина Национальный центр по охране окружающей среды и Национальный институт гигиены окружающей среды; в штате Огайо (г. Цинцинати) – отдел окружающей среды Цинцинатского университета, в Риверсайде (штат Калифорния) – исследовательский Центр по изучению загрязнений воздуха и Рокфеллеровский научный центр аэрокосмических исследований (штат Калифорния, г. Тысяча Дубов), приняли участие в обсуждении вопросов и согласовании путей возможного сотрудничества.

За предыдущие два года в Америке, Японии, Европе и Южной Азии были созданы общества по мутагенным факторам среды. В 1973 г. было учреждено Международное общество по мутагенам среды. Встал вопрос о необходимости участия СССР в этой работе. В связи с этим была достигнута предварительная договоренность о сотрудничестве в форме ежегодных симпозиумов, обмена специалистами и национальными обзорами. ИОГен был утвержден в качестве головного учреждения по биологическим и генетическим аспектам загрязнителей. Начиная с 1973 г., Институт проводил интенсивную научную и координационную работу по проекту VII-1 советско-американского сотрудничества в области охраны окружающей среды по проблеме “Биологические и генетические эффекты загрязнителей”. Н.П. Дубинин был избран сопредседателем этого проекта с советской стороны, а также председателем секции генетических аспектов проблемы “Человек и биосфера”, учрежденной в 1974 г. Межведомственным научно-техническим советом по комплексным проблемам окружающей природной среды и рациональному использованию природных ресурсов при ГКНТ СМ СССР. Под его руководством впервые составлен план-прогноз генетических последствий загрязнения окружающей среды, который был принят в качестве рабочего документа Верховным Советом СССР.

В Москве в 1974 г. прошел I советско-американский симпозиум “Генетические влияния загрязнения окружающей среды на человека”. На этом симпозиуме, являясь его председателем, Николай Петрович выступил с докладом “Мутагены окружающей среды – новое положение теории мутаций в приложении к человеку и к органическому миру в целом”. В рамках симпозиума Н.П. руководил проектом по биологическим и генетическим эффектам загрязнения среды.

Являясь руководителем советско-американского проекта “Биологические и генетические эффекты загрязнителей среды”, Н.П. Дубинин во главе советской делегации в 1975 г. принял участие в работе 4-ой ежегодной сессии смешанной советско-американской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды по проблеме мониторинга за наследственностью человека. В августе 1976 г. в Душанбе прошел советско-американский симпозиум, посвященный этой проблематике. Участниками симпозиума были ученые генетики, химики, биологи двух стран. Газета “Правда” от 9 апреля 1976 г. писала:

“Обсуждение результатов новейших исследований по различным аспектам этой проблемы было плодотворным и очень полезным, – сказал руководитель проекта сотрудничества академик Н.П. Дубинин. В принятом на симпозиуме решении намечены пути дальнейшего углубления научных разработок, обсуждены методика оценок и меры борьбы с последствиями загрязнений окружающей среды”.

В качестве члена правительственной смешанной советско-американской комиссии Н.П. Дубинин участвовал в ее работе. Заседания проходили в ноябре 1977 г. в Вашингтоне. Были подведены итоги выполнения первого 5-летнего этапа сотрудничества между СССР и США в области охраны окружающей среды, и было подписано соглашение о совместных советско-американских работах по проблеме загрязнения среды на следующее пятилетие. Среди целого ряда был принят проект “Биологические и генетические последствия загрязнения”, руководителем которого был назначен с советской стороны Н.П. Дубинин.

В апреле 1977 г. Н.П. Дубинин возглавлял делегацию в США в связи с работой над проблемой мутагенов среды. Были проведены встречи в Сан-Франциско, Лос Анжелосе, Вашингтоне, Атланте.

В 1978 г. Н.П. принял участие в работе советско-американского симпозиума “Критерии необходимых и достаточных тест-систем для идентификации потенциальных мутагенных и канцерогенных факторов в окружающей среде”, который прошел в Баку. Там он прочитал доклад “Новые подходы к изучению генетических процессов в населении людей, индуцированных мутагенами среды” и “Мониторинг генетических процессов в природных популяциях, подвергшихся воздействию мутагенов”.

В 1979 г. Н.П. Дубинин был командирован в США во главе советской делегации, в которую вошли У.К. Алекперов, В.Д. Филиппов и И.И. Сусков. Работа проходила по проекту “Биологические и генетические эффекты загрязнителей”. Делегация посетила Вашингтон, Сан-Франциско, Детройт, Атланту. В Национальном институте здоровья (Триангл Парк) Николай Петрович выступил с докладом “Экспериментальное обоснование мониторинга по генным мутациям у человека”.

Будучи сопредседателем проекта по проблеме охраны среды, Николай Петрович с доктором В.Д. Филипповым был командирован ГКНТ в США в ноябре 1988 г. для выработки программы совместных исследований. Результатом работы стало соглашение о методах генетического мониторинга и местах его проведения. В этом соглашении был зафиксирован план проведения генетического мониторинга для двух особенно сильно загрязненных районов в США и СССР и для двух контрольных районов. Предполагалось изучить в

них мутагенность самой среды, окружающей человека и влияние мутаций на генофонд человека. Выработанное соглашение знаменовало собой крупный шаг в развитии генетических исследований, связанных с жизнью.

В поездках по советско-американскому соглашению в области охраны окружающей среды, кроме уже названных лиц, принимали участие Р.И. Хильчевская, Ю.В. Пашин, Ю.П. Алтухов, А.П. Пехов, Р.К. Лежачий и др.

В 1976 г. в Москве Н.П. Дубинин принял участие в работе советско-американского совещания по биосферным заповедникам и сделал доклад “Популяционно-генетические аспекты проблемы биосферных заповедников” (в соавторстве с Ю.П. Алтуховым).

В Мехико (октябрь 1976 г.) прошел IV Международный конгресс по генетике человека. Николай Петрович возглавлял на нем советскую делегацию. Как член Постоянного Комитета международных конференций по генетике человека, он участвовал в его работе и выступил с докладами “Генетический мониторинг популяций человека и среда” и “Соотношение наследственности и среды в опытах с близнецами”. Он являлся членом Оргкомитета конгресса по генетике человека.

В июле 1977 г. в Эдинбурге (Англия) прошла II Международная конференция по мутагенам окружающей среды. Она собрала более 500 ученых из многих стран мира. От АН СССР в ней приняли участие Н.П. Дубинин и С.В. Васильева, от АМН СССР – Н.П. Бочков и А.М. Малашенко.

Основными вопросами конференции были: разработка критериев для оценки мутагенного скрининга с помощью тест-систем, обоснование методов оценки степени поражения наследственности человека под влиянием мутагенов вводимых в биосферу; конкретный анализ индивидуального и комбинированного эффекта мутагенов, вводимых в среду, окружающую человека, молекулярные механизмы мутагенеза; связь мутагенеза с канцерогенезом и др. Н.П. Дубинин выступил с докладом: “Генетический мониторинг: общие подходы”.

Учитывая глобальность загрязнения среды мутагенами, одна из дискуссий на конференции была посвящена необходимости широкого распространения по всему миру знаний о проблеме и методах исследовательской работы. На этой конференции обсуждался вопрос о новых методах мониторинга за новыми мутациями в населении людей. Вместе с тем мониторинг за темпом мутаций в населении человека является главной проблемой во всем вопросе о мутациях, загрязняющих среду, окружающую человека.

Проблеме малых доз была посвящена особая сессия конференции, председателем которой были от СССР – Н.П. Дубинин, от ФРГ – У.-Х. Элинг (U.H. Ehling).

С 1977 г. Н.П. Дубинин – член Международной комиссии по защите наследственности человека от влияния мутагенов и канцерогенов окружающей среды (ICREM); председатель рабочей группы по проекту международной программы ЮНЕСКО “Человек и биосфера” (МАБ).

В апреле 1978 г. Н.П. Дубинин участвовал в заседании Международного комитета по защите среды от мутагенов, которое проходило в Швейцарии.

В 1978 г. в Москве был проведен XIV Международный генетический конгресс. В 1976–1978 гг. Н.П. Дубинин работал в оргкомитете по его

подготовке и проведению, являлся вице-президентом конгресса. На первом пленарном заседании он выступил с речью “Генетика и благосостояние человечества”.

В августе-сентябре того же 1978 г. Н.П. Дубинин выступил на пленарном заседании XVI Всемирного философского конгресса в Дюссельдорфе с докладом “Философские проблемы современной биологии”. Он так же являлся членом подготовительного комитета этого конгресса и председателем секции “Современная биология и философия”. Было вынесено специальное решение ЦК КПСС об участии Н.П. Дубинина в конгрессе.

В том же году он был командирован в Нидерланды в качестве эксперта ЮНЕСКО для участия в работе симпозиума “Генетика и этические ценности”, на котором был избран вице-президентом и выступил с докладом “Социальная сущность человека и генетика”.

Май 1979 г. Николай Петрович встретил в Монгольской Народной Республике, куда вылетел в составе делегации АН СССР совместно с представителем УВС АН СССР. Целью поездки была передача лаборатории генетики, созданной при помощи СССР и ВНР Институту общей и экспериментальной биологии Академии наук МНР (ИОиЭБ). Участники советской делегации и директор Биологического центра Венгерской АН Л. Алфелди были приняты президентом Академии наук МНР акад. Б. Ширендыбом, который познакомил гостей со структурой и деятельностью АН МНР. При открытии лаборатории генетики ИОиЭБ АН МНР присутствовали многие официальные лица. С речами выступили директор ИОиЭБ О. Шагдарсурен, Н.П. Дубинин, Л. Алфелди. Был подписан протокол о передачи лаборатории. Благодаря помощи Советского Союза и Венгерской Народной Республики, эта лаборатория по сравнению с другими лабораториями Института оказалась наиболее оснащенной современными приборами и реактивами. По монгольскому телевидению был показан репортаж об этом событии.

В связи с успешным окончанием работ по организации лаборатории генетики Президент АН МНР акад. Б. Ширендыб вручил почетные медали Монгольской академии наук Н.П. Дубинину, Л. Алфелди и Ю.В. Кириллову. Состоялся прием в ГКНТ Совета Министров МНР, где были также обсуждены проблемы генетики и селекции животных.

По случаю официального открытия лаборатории генетики советская делегация была приглашена на прием к президенту АН МНР. Н.П. Дубинин изложил результаты знакомства с кадрами, тематикой и планами работ лаборатории. Были подробно обсуждены все направления работ, а также намечены первоочередные задачи, требующие контактов и взаимодействия с советскими генетиками. Н.П. Дубинин и Ю.В. Кириллов были приняты первым секретарем ЦК Монгольской Революционной партии, председателем Великого Народного Хурала Монголии тов. Цеденбалом. Тов. Цеденбал открыл встречу словами⁷:

“Уважаемый Николай Петрович, в связи с Вашим приездом в МНР, я приветствую Вас, всемирно известного ученого от имени ЦК МНРП, Совета Министров МНР и от себя лично”.

⁷ Личный архив Н.П. Дубинина.

Тов. Цеденбал попросил рассказать о состоянии и задачах советской генетики, значении этой науки при решении проблем сельского хозяйства и медицины в СССР, проблемах генетики, разработка которых имеет наибольшее значение для МНР. Президент АН МНР выразил мнение, что встреча с тов. Цеденбалом благотворно отразится на ходе развития фундаментальных и прикладных проблем генетики в МНР. На Общем собрании научных работников АН МНР Н.П. Дубинин выступил с докладом “Современная генетика: успехи, задачи, перспективы”.

В том же 1979 г., по приглашению Национального совета по научным исследованиям, Н.П. Дубинин вновь посетил Италию совместно с А.М. Машуровым для участия в работе над совместным советско-итальянским проектом “Сохранение генетических ресурсов сельскохозяйственных животных”.

В Неапольском и Туринском университетах он выступил с докладами “Загрязнение среды и наследственность человека” и “Биосфера и генетические основы рационального использования животного и растительного мира”. Делегация посетила медицинский факультет Неапольского университета и расположенный там же Научный центр эндокринологии и экспериментальной онкологии. Возглавлял центр проф. Г. Сальваторе. Представляя Николая Петровича на конференции перед лекцией, он отметил, что акад. Н.П. Дубинин является не только ученым с мировым именем, но и страстным пропагандистом науки, придерживается хорошей традиции, характерной для всех великих ученых, которые используют любую возможность для встречи с молодежью.

Тогда же Н.П. Дубинин посетил Международный центр по генетике и биофизике в Неаполе, первым директором которого был А. Бузати-Траверсо. Коллектив этого центра собрал многих ученых из разных стран. В зале семинаров состоялась встреча ведущих ученых центра с профессором из России. Проф. Гуармини (Guarmini) работал в США. В начале своей речи он назвал Н.П. Дубинина одним из столпов мировой генетики.

В мае-июне 1980 г. состоялась поездка Н.П. Дубинина и зав. лабораторией генетического мониторинга и прогнозирования ИОГен Р.И. Хильчевской в Швейцарию для участия в совещании по генетическому мониторингу по программе Всемирной Организации Здравоохранения. Н.П. Дубинин входил в рабочую группу по выработке проекта по генетическому мониторингу. Он выступил с лекцией “Генетика и ее значение” для советских сотрудников ООН в Женеве и с лекцией “Генетика в современном обществе” для сотрудников ВОЗ.

В 1980 г. он был командирован в Канаду на симпозиум по мутагенам среды, где участвовал в дискуссии на тему “Генетический мониторинг”. Данный симпозиум проходил в рамках работы ВОЗ и ЮНЕП⁸, где выступил с лекцией. В Советском посольстве Н.П. прочитал лекцию “Современная генетика”.

Завершая раздел о международной деятельности, следует отметить, что все поездки, совершенные Николаем Петровичем, в какой бы стране он не был, проходили на высоком научном уровне, конструктивно, всегда было проявлено исключительное внимание и доброжелательное отношение к

⁸ ЮНЕП – программа ООН по окружающей среде.

отечественной науке в его лице. Многочисленные выступления за рубежом по наиболее важным и актуальным проблемам науки на международных конгрессах, “школах”, симпозиумах, комитетах ЮНЕСКО, ВОЗ и в других комитетах ООН, информировали мировую научную общественность о достижениях науки в СССР. Широта проблем, по которым работал Н.П. Дубинин за рубежом, видна из приведенного материала и высоко оценена зарубежными академиями и учеными. В частности, после избрания Н.П. Дубинина членом Национальной АН США крупнейшие американские генетики – Райт, Стертевант, Гласс, Ирвин, Добржанский, Оуэн, Нил – прислали общую, подписанную ими всеми телеграмму, содержащую горячие поздравления с этим событием.

Личное поздравление прислал и Ф. Добржанский⁹.

Нью-Йорк

30.04.1969 г.

Дорогой Николай Петрович!

Поздравляю Вас с выбором в иностранные члены Национальной Академии Наук! Иметь Вас там сочленом большая радость для меня лично. Вы там, конечно, первый русский генетик и один из немногих русских иностранных членов вообще. К моей грусти, однако, не смогу Вас с этим выбором поздравить лично в Москве, как хотелось и надеялся.

С искренним приветом,
Ваш

Ф. Добржанский

Посетив много стран и городов, Николай Петрович встречался с самыми разными аудиториями: от студентов – до глав государств; видел работу хорошо оснащенных лабораторий, научных центров и институтов, где ему неоднократно предлагали остаться работать, но сердце его всегда оставалось с Россией и лучшего дома для него не существовало. Это нашло отражение в его поэтическом наследии.

Осень кубок подняла в стране лесной,
Багрянцем вышила неслыханный узор,
Канада, как Россия подо мной, –
Зеленый, золотой, расцветенный ковер.

Грудь заполняет грусть!
Далекие мои леса, моря!
Когда ж вернусь,
Под милые, родные небеса?

Канада, 1980 г.

“Вернусь”

⁹ Личный архив Н.П. Дубинина.

Злой ветер сбросил все мантильи,
Душа людей обнажена,
Какие черные усилья!
Какой осадок вплоть до дна!
Я жив, бурун идет по морю,
Душа пылает на ветру,
Уходит в пену это горе,
Заря пылает по утру.

Н.П. Дубинин

Жизнь моя – поток кровавый
В черной буре, в круговертье.

Н.П. Дубинин

10. СНЯТИЕ АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА С ПОСТА ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ АН СССР

Н.П. Дубинин и руководимые им коллективы вели колоссальную работу по радиационной генетике, получены важнейшие результаты в исследованиях по эффектам разных доз радиации, разработке тест-систем, проблеме антимутагенов и другим. Был обоснован тезис, что любое повышение фона радиации или химических мутагенов ведет в соответствии с количеством полученной клеткой энергии к отрицательным последствиям для человека. МНТС по комплексным проблемам охраны окружающей природной среды и рациональному использованию природных ресурсов при ГКНТ организовал секцию “Генетические аспекты по проблеме “Человек и биосфера”, работу которой возглавил Николай Петрович. Эта секция координировала разработку вопросов мутагенов по всей стране, их генетические аспекты. Работа затрагивала и проблемы использования мирного атома. АЭС при всей их энергоемкости при эксплуатации загрязняют окружающую среду, а радионуклиды продолжают выбрасываться в среду на протяжении всего цикла распада. Требуется планомерная продуманная работа по выяснению отдаленных генетических последствий и развитию раковых заболеваний. Колоссальная опасность связана с вероятностью техногенных катастроф и терроризмом.

К сожалению, многие люди не понимали, да и сейчас еще не в полной мере понимают, а другие сознательно закрывали глаза на грозный характер последствий от повышения радиационного фона, тогда как они обрекают человека на нетрудоспособность, выбрасывают его из активной общественной жизни. Кроме того, на протяжении многих лет ряд физиков и медиков отстаивали мнение о практической безопасности реакторов при мирном использовании атомной энергии. Так, акад. А.П. Александров убеждал руководство СССР в полной безопасности реакторов черновильского типа, утверждая, что такой реактор можно поставить даже на Красной площади.

Н.П. Дубинин прекрасно понимал всю масштабность опасности этих, надо прямо сказать, авантюрных навязанных стране проектов А.П. Александров

рова и со свойственной ему прямоотой публично выступал и говорил об этой опасности. Активно протестуя и, что особенно важно, научно обосновывая свою позицию, Дубинин стал врагом для честолюбивого, рвущегося к власти Александра.

Неприятное отношение А.П. Александра к Н.П. Дубинину проявилось уже в 1958 г. Будучи зам. директора Института атомной энергии, на одном из ответственных совещаний по обсуждению плана работ радиобиологического отдела института Александров заявил, что лаборатория радиационной генетики при ИБФ АН СССР, возглавляемая Н.П. Дубининым, будет ликвидирована. К счастью и вопреки его желанию и предсказанию лаборатория не только продолжала работать, но и выросла в Институт общей генетики¹.

Н.П. Дубинин был несомненным общепризнанным лидером отечественной генетики и заслужил это право в борьбе за свою науку. Это вызывало зависть у одних и служило мотивацией грязной возни в стремлении к лидерству у других. К сожалению, прогнившая государственная машина, базировавшаяся на коррумпированной карьеристской системе, начиная с ЦК, не только не стремилась пресечь, а подчас поощряла методы очернения, интриги, предательство.

Ближайшему и дальнему окружению А.П. Александра – ставшего в 1975 г. Президентом АН СССР, было хорошо известно его крайне враждебное отношение к Николаю Петровичу. И это, в сугубо карьеристских целях, стремлении выслужиться не за “спасибо”, а за академические звания и должности, использовали господа Беляев, Гиляров, Г.К. Скрябин и другие.

На протяжении многих лет, начиная с момента организации ИОГен, как извне, так и с привлечением сотрудников института, велась длительная, планомерная кампания против Н.П. Дубинина. Одним из первых тому шагов стала замена Н.П. на посту председателя Научного совета по генетике и селекции Д.К. Беляевым. Мотивом послужила жалоба Б.Л. Астаурова в адрес В.А. Энгельгардта, И.Л. Кнунянца, А.А. Прокофьевой-Бельговской и письмо четырех бывших коллег, с которыми Н.П. Дубинин работал с 1930-х гг., поданное Президенту АН СССР акад. М.В. Келдышу (см. гл. 2). Делалось все, чтобы не допустить Н.П. Дубинина к руководству журналом “Генетика” и создавались такие условия, при которых он, являясь членом редколлегии, не имел возможности публиковать в журнале свои статьи. Ситуацию обострили жесткие разногласия по проблеме о роли биологических и социальных факторов в формировании личности, по которой оппонентами Н.П. Дубинина выступали Б.Л. Астауров, С.М. Гершензон, С.И. Алиханян, Д.К. Беляев, А.А. Нейфах, М.Д. Голубовский, В.П. Эфроимсон и ряд других лиц. Агрессивную реакцию вызвал выход в свет в 1973 г. книги Н.П. Дубинина “Вечное движение” (см. гл. 4). В том же 1973 г. была организована и проведена акция против Николая Петровича как редактора ежегодника “Успехи современной генетики”, когда демонстративно, одновременно коллективно, из

¹ Лишь в 1981 г. после отстранения Н.П. Дубинина от руководства ИОГен новый директор – ставленник А.П. Александра – А.А. Созинов ликвидировал лабораторию мутагенов среды (зав. лаб. Пашин Ю.В.) и лабораторию генетического мониторинга (зав. лаб. Хильчевская Р.И.), которые изучали влияние загрязнителей биосферы на наследственность. На протяжении пяти лет он создавал для лаборатории мутагенеза, возглавляемой Н.П. Дубининым, невыносимые условия существования. (*Примечание составителя*).

состава редакции вышли Б.Л. Астауров, Р.Б. Хесин-Лурье, С.И. Алиханян, Б.Н. Сидоров (см. гл. 2). Зависть к всеобщему признанию, таланту, стойкости, успехам директора ИОГен толкала недругов Н.П. Дубинина на скрытые и завуалированные действия. Особенно раздражали бескомпромиссность Н.П., способность смело и публично отстаивать свои позиции. Поэтому противники избегали открытых споров, а избрали тактику подковерной борьбы и развернули кампанию по формированию негативного общественного мнения – распространялись ложные слухи, писались клеветнические письма (одно из них – письмо З. Никоро, см. в гл. 2), использовались научные разногласия ученых с Н.П. Дубининым, а также человеческие слабости (обиды, зависть, тщеславие). К сожалению и сам А.П. Александров не гнушался пользоваться самыми примитивными способами и приемами.

Через год после образования ИОГен, его покинули несколько сотрудников – бывших друзей Н.П. Дубинина – В.В. Сахаров, М.А. Арсеньева, Н.Н. Соколов, Б.Н. Сидоров. Их уход был инспирирован Б.Л. Астауровым и в дальнейшем в 1981 г. был использован как веский аргумент критики и нападок. Перед переходом в ИБР В.В. Сахаров имел разговор с Николаем Петровичем, в котором откровенно признался, что уходить им не хочется, но сделать уже ничего нельзя, так как Б.Л. Астауров договорился обо всем в ЦК КПСС. Однако цель акции – развалить институт – достигнута не была.

По поводу “друзей” Николай Петрович позже написал стихотворение:

Мы все стареем понемногу,
Потом быстрее и быстрей,
Настало время и для многих
Меня покинувших друзей.

Что дружба? Сколько упоений,
Любви и нежности несет
И сколько яда, страсти, трений
Вдруг, повернувшись, отдает.

Кто крепко любит, ненавидит,
Затем с безумной наготой
Они прошедшего не видят
Пусть черт расправится с тобой.

Болгария, 1980 г. “Дружба”

В 1972 г. в США была разработана методика ферментативного синтеза гена глобина, а в октябре 1973 г. ИОГен совместно с украинским Институтом молекулярной биологии синтезировали ген глобина, о чем сообщалось на Всесоюзном симпозиуме на ВДНХ. В.А. Энгельгардт, возглавлявший профильный институт по данной проблеме, амбициозно и болезненно воспринял чужой успех. Специально по этому вопросу им была созвана пресс-конференция и в дальнейшем этот вопрос муссировался в кулуарах. Тем не менее, секция Президиума АН под председательством Ю.А. Овчинникова от 7 февраля 1974 г. признала факт синтеза гена.

Наиболее острый период оппозиционной борьбы с Н.П. Дубининым начался в 1975 г. со вступлением на пост Президента АН СССР

акад. А.П. Александрова. На ИОГен была направлена широкомасштабная массированная атака.

Здесь мы считаем уместным привести одно из писем, полученным Николаем Петровичем, которое может быть рассмотрено как предупреждение.

27.04.1977 г.

Николай Петрович!

Ходят слухи (а дыма без огня не бывает), что Президиумом АН назначена комиссия для проверки работы Института общей генетики. Предмет рассмотрения – жалобы, текучесть кадров и т.п. Отмечают, что в составе комиссии – товарищи, далекие от генетики, если не враждебные ей, и не скрывают, что острие кампании может быть направлено против Вас лично.

Учитывая не столь отдаленные прецеденты прошлого, а также общую картину положения в биологии у нас на сегодняшний день, все это весьма и весьма настораживает.

Я знаю, Вы закаленный боец, что Вы делали и делаете много для того, чтобы наша биология заняла подобающее ей место. И это является основным при оценке складывающейся ситуации.

Нам еще предстоит гигантская работа по расчистке торосов и нагромождений из идей в наши дни являющих собой пример чудовищного анахронизма. И, бесспорно, Ваши знания, Ваш авторитет, Ваше умение выдержать курс так необходимы сегодня...

Чернов

Резко негативной была реакция Президента АН СССР на статью Н.П. Дубинина “Плодоносное древо генетики”, которая была опубликована в газете “Правда” 8 января 1981 г. Беспочвенной и инспирированной была попытка опорочить научно-практические достижения ИОГен, предпринятая Министром сельского хозяйства СССР В.К. Месяцем.

Приведем для пояснения письмо Н.П. Дубинина председателю Комиссии акад. А.В. Фокину.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ,

В связи с замечаниями В.К. Месяца, отвечаю следующее:

1. Сорт озимой пшеницы – гибрид 1390 создан ИОГен АН СССР совместно с Научно-исследовательским институтом сельского хозяйства центральных районов нечерноземной зоны. В справке, подписанной директором Института профессором Г.В. Гуляевым, от 19.VI.1979 г. сообщалось: “Этот новый сорт прошел предварительное, а потом конкурсное сортоиспытание в течение трех лет, которое показало, что этот сорт по урожайности зерна идет впереди стандарта Мироновская 808 на 5–10 ц/га. В настоящее время этот сорт находится в Госсортоиспытании. Предварительные данные этого сортоиспытания показали, что он успешно борется за первое место”.

Такое свидетельство позволило мне использовать пример с сортом 1390.

2. Институт имеет все основания считать свою работу с культурой подсолнечника как достижение. Роль Института хорошо представлена в письмах из Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР.

Заместитель начальника Главного управления зерновых культур Министерства сельского хозяйства СССР в письме от 24.05.79 г. писал: “В течение последних лет подразделение Вашего Института, возглавляемое т. Гундаевым А.И., проводит большую работу по оказанию практической помощи сельскохозяйственным органам страны. Прежде всего, она выражается в определении основных направлений

селекции раннеспелых сортов подсолнечника, в организации первичного семеноводства сорта “Енисей улучшенный” на Кулундинской опытной станции и в снабжении научных учреждений маточным материалом.

При непосредственном участии т. Гундаева А.И. восстановлено семеноводство этого самого раннеспелого сорта подсолнечника, что позволяет довести посевы его в ближайшие годы до 80 тыс. гектаров в районах Сибири, Поволжья и Казахстана.

Главное управление зерновых культур и по общим вопросам земледелия заинтересовано в продолжении и расширении научно-исследовательской работы по созданию раннеспелых холодостойких гибридов подсолнечника для северных районов возделывания культуры. Полагаю, что Ваш Институт может внести соответствующий вклад в решение проблемы обеспечения потребности народного хозяйства в растительном масле”.

В письме от 6.11.1980 г. заместитель министра Б.П. Мартынов писал:

“Уважаемый Николай Петрович! За последние годы в ряде областей Российской Федерации ухудшилось состояние дел с производством подсолнечника. Районированные высокомасличные сорта этой культуры из-за позднего созревания, совпадающего с периодом ненастной погоды, стали в сильной степени поражаться возбудителями серой и белой гнилей, в результате чего хозяйства Центрально-Черноземного и Поволжского районов недобирают большое количество качественного масличного сырья. Чтобы поправить положение с производством подсолнечника, необходим переход на более скороспелые, выносливые сорта. Таким сортом, как показало широкое производственное испытание, является сорт Енисей, автор которого тов. Гундаев А.И. – сотрудник лаборатории генетических методов селекции растений вверенного Вам Института. Данный сорт, обладая скороспелостью, выравненностью по высоте и прохождением фаз развития, вызвал большой интерес у руководителей и специалистов хозяйств зоны товарного производства подсолнечника. В связи с этим потребуется увеличение производства семенного материала и дальнейшее углубление селекционных работ.

Учитывая спрос хозяйств на семена сорта Енисей, Министерство сельского хозяйства РСФСР, просит Вас, Николай Петрович, усилить селекционные и семеноводческие работы по подсолнечнику в институте, при этом для ведения этих работ будет выделен земельный участок, а также созданы необходимые условия научным работникам для плодотворной работы”.

Эти материалы позволили использовать пример с подсолнечником.

3. В работе по созданию сортов картофеля методом полиплоидии и гибридизации созданы сорта “Весна” и “Белая ночь”, которые районированы в ряде областей. Критические замечания в адрес нового сорта “Генетик” не могут быть приняты. Напротив, испытание этого сорта показало, что он обладает выдающимися качествами и высокой урожайностью. Он еще не проходил государственного сортоиспытания. Его сняла с испытания сама оригинатор сорта Лебедева по причинам, не имеющим отношения к достоинствам сорта. В предварительном испытании сорт “Генетик” занял первое место в Ленинградской области. По данным Сибирского НИИ растениеводства за 1980 г. сорт “Генетик” дал урожай в 4 раза выше стандарта.

4. Критика в адрес материала по микрохирургии зигот с.х. животных также не может быть принята. К сожалению, при трактовке этого вопроса был упущен смысл текста статьи, которая в этом месте гласит: “Цель ее состоит в том, чтобы научиться переносить измененные яйцеклетки”.

Действительно, в стране получено около сотни животных, полученных от трансплантата неизмененных яйцеклеток. Суть нашего подхода состоит в устранении одного из пронуклеусов и получении диплоидных животных гомозиготных по всем аллелям оставшегося пронуклеуса. Это позволит получать гомозиготных жи-

вотных в сжатые сроки и с неслыханными до этого методами качествами. Создание обычных гомозиготных линий в животноводстве имеющимися методами до сих пор занимает несколько десятилетий.

5. Имеется замечание – “кстати, этот институт не числится среди исполнителей комплексных программ по селекции масличных культур на 1981–1985 гг.”. Однако имеются материалы: “Академия наук СССР. Программы исследований по важнейшим фундаментальным проблемам на период 1978–1990 гг. – Генетические основы селекции и создания новых сортов растений и пород животных. Москва, 1979 г.” и в этих программах за ИОГен значатся определенные разделы комплексных программ по селекции подсолнечника.

Директор Института общей генетики АН СССР
академик

Н.П. Дубинин

8 февраля 1979 г. состоялось заседание Президиума АН СССР под руководством А.П. Александрова по вопросу о пропаганде достижений советской науки за рубежом. Это совещание нам особенно интересно в связи с выступлением на нем Н.П. Дубинина.

Во вступительном слове А.П. Александров отметил, что в текущее время, когда идеологическая борьба заметно ожесточилась, за рубежом всячески умаляется значимость советской науки, этой дезинформации необходимо противопоставить пропаганду достижений нашей науки и ее мировоззренческих позиций. А.П. Александров не называл имен, однако, в одном случае он заметил:

Пользуясь присутствием здесь Николая Петровича Дубинина, скажу, что разногласия среди наших генетиков получают нежелательный резонанс за рубежом, используются реакционной прессой Запада².

ВЫСТУПЛЕНИЯ:

В.С. Емельянов говорил о том, что мы не даем отпора дезинформации, печатаемой за рубежом. Так, Жорес Медведев напечатал ложные сведения о том, что на Урале, якобы, имел место непредусмотренный взрыв ядерного устройства, при котором погибли тысячи людей. Никто не опроверг этой клеветы.

Н.Н. Иноземцев говорил о широкой дезинформации за рубежом по вопросам советской экономики и советской внешней политики, о том, что необходимо повысить роль ученых Академии наук СССР, в деле защиты истинных позиций Советского Союза по этим вопросам и, особенно, по вопросам борьбы за мир.

Н.П. Дубинин – В замечании А.П. Александрова, адресованном ко мне, заключен упрек, критикующий разногласия в советской генетике, которые служат поводом для зарубежной реакционной пропаганды, направленной против советской науки. Надо сказать, что генетика в этом отношении находится в особом положении. Ошибки прошлого, ее история сами по себе содержат материал, к которому любят возвращаться реакционные круги на Западе. Однако эти мотивы теряют свою актуальность. Вместе с тем, я не знаю ни одной статьи какого-либо советского генетика, напечатанной за рубежом, которая могла бы быть истолкована реакционной пропагандой Запада во вред советскому государству. Имеются ли разногласия среди наших генетиков? Да. Разногласия есть. Однако, когда это необходимо, мы

² Здесь и далее в этом разделе приведены цитаты из документов, хранящихся в личном архиве Н.П. Дубинина.

все работаем коллегиально, согласованно, способны решать крупные задачи. В качестве примера укажу на проведение XIV Международного генетического конгресса. В этой работе объединились все генетики и все генетические коллективы. Институт общей генетики АН СССР внес большую лепту в эту работу, показал пример участия в коллективной деятельности советских генетиков. Известно, что реакционные круги Запада сделали все, чтобы в политических целях сорвать проведение конгресса, однако все эти попытки разбились перед возросшим авторитетом советской науки о единую позицию советских генетиков. На самом конгрессе не было никаких запланированных за рубежом политических инцидентов. Институт общей генетики АН СССР принимал и отвечал за 150 иностранных гостей Академии наук СССР. Эта работа была проведена без всяких замечаний.

А.П. Александров – Да, все это так. Но скажите Николай Петрович, сколько труда мы положили, чтобы заставить согласованно работать.

Н.П. Дубинин – Думаю, Анатолий Петрович, Вы преувеличиваете эффективность Вашего труда в этом вопросе. Советские генетики сплотились в первую очередь потому, что они хорошо осознавали ответственность перед своей страной в деле, которое имело крупнейшее научное и политическое значение. Другим примером хорошей, коллегиальной, плодотворной работы может послужить деятельность секции генетических аспектов в проблеме “Человек и биосфера” при Междудомственном научно-техническом совете по среде Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР. Эта секция, курируемая Институтом общей генетики АН СССР, координирует работу около 50 исследовательских учреждений. Она вошла с рядом практических предложений в Министерства Союза. При проведении выездных заседаний секции в Вильнюсе, Свердловске, Тбилиси, Киеве, Ташкенте, Алма-Ате, ее работа привлекла внимание научных советских и партийных инстанций. Председатель секции обсуждал проблемы мутагенов среды с товарищами Рашидовым, Э.А. Шеварнадзе и с руководителями ЦК КП других республик.

Нельзя не сказать о работе по советско-американскому сотрудничеству в области среды, которая курируется Государственным комитетом гидрометеослужбы и охраны природной среды Совета Министров СССР. Эта работа опирается на большой коллектив генетиков Москвы, Баку, Тбилиси, Ташкента, Вильнюса, Киева и других центров, она отличается исключительно хорошим психологическим климатом, достигла больших результатов. Участники этой работы, советские ученые, завоевали авторитет и уважение во многих научных центрах Соединенных Штатов Америки. В настоящее время поставлен вопрос о создании Всесоюзного общества мутагенов среды при Академии наук СССР.

Наконец, должен указать на ширящееся движение, устанавливающее связь фундаментальных разработок в генетике с практикой сельского хозяйства. Здесь заметные усилия принадлежат Главному ботаническому саду АН СССР, Институту химической физики АН СССР, Новосибирскому Институту цитологии и генетики АН СССР, Институту биологии развития АН СССР, ряду республиканских академий. Это движение стало набирать новую силу после июльского пленума ЦК КПСС 1978 г.

На общем собрании Отделения общей биологии в декабре 1978 г., посвященному связи фундаментальных исследований с практикой сельского хозяйства в свете решений июльского пленума ЦК КПСС 1978 г., мне пришлось выступать с докладом “Генетика и проблемы селекции”. В докладе сообщалось о крупных разработках, достигнутых в Институте общей генетики АН СССР. Надо сказать, что мы неоднократно поднимали вопрос о необходимости иметь экспериментальную базу, отсутствие которой недопустимо сдерживает разработку проблемы и ее внедрение. Вопрос о базе изучается в Президиуме АН СССР, и я надеюсь, что Анатолий Петрович решит его положительно, ибо только наличие базы обеспечит новое положение во всем вопросе о внедрении в практику ряда исключительно перспективных

методов, созданных при разработке фундаментальных проблем современной генетики.

Возвращаясь к вопросу о разногласиях среди советских генетиков, следует сказать, что по сути самой научной платформы никаких разногласий нет. Все мы развиваем современную общую, частную и молекулярную генетику. Разногласия в области науки касаются в основном двух вопросов:

- 1) проблемы социального и биологического в человеке,
- 2) понимания роли социально-исторических факторов и отдельных направлений исследований для истории генетики в нашей стране (...)

Однако имеет место не только это. Я должен сказать о том, что по вопросу разногласий между генетиками, имеет место безответственное поведение некоторых журналов и соответственно их редакторов, которые печатают статьи, не приносящие пользы нашей науке. В журнале "Природа" в № 6 за 1976 г. была напечатана безответственная статья, дискриминирующая советских ученых, занимающих правильную позицию в такой центральной мировоззренческой проблеме как роль биологического для социальной сущности человека. Эта статья принадлежит перу Д.К. Беляева, академика. В журнале "Генетика" № 2 за 1977 г. напечатана статья А.Е. Гайсиновича, агрессивная по отношению ряда советских ученых. В этой статье Гайсинович попытался важнейший приоритет советской науки в вопросе об открытии делимости гена, что лежит в основе современной молекулярной генетики, передать в руки ученых США.

Такого рода статьи – находка для любых выдумок со стороны реакционной, антисоветской пропаганды. Недаром Жорес Медведев трубит о новых разногласиях в советской генетике.

Небезызвестный американский журналист Тодд, за неблагоприятную деятельность выдворенный из СССР, напечатал в газете "Лос Анжелес Таймс" клевету, в которой уверял читателей, будто бы я оставил науку и стал заниматься только политикой. Тодд в этой статье выразил свое огорчение, так как, по его мнению, у "генетика из Сибири" мало шансов победить Дубинина.

Появление статей Беляева, Гайсиновича, раздувание лжефактов, инсинуации – все это говорит о действительности эмоциональных, психологических факторов. Однако, казалось бы, все это вполне преодолимо, если за этим не кроются мировоззренческие расхождения. Разногласия в области науки надо ввести в рамки деловых, конструктивных обсуждений. Но время идет, а обстановка не меняется. Это имеет место потому, что никто не работает над сложившейся ситуацией. Инерция в этих делах велика. Положение подогревается силами, находящимися за пределами генетики, так что изменить ситуацию изнутри, т.е. самим генетикам оказывается трудно. Должен сказать, что Президиум АН СССР не уделяет должного внимания этому, не такому уж маловажному вопросу. В некоторых случаях действия Президиума АН СССР являются неправильными.

Вместе с тем, рост генетики как науки в СССР в текущее время обозначился вполне отчетливо, и мы можем выступить новаторами по некоторым фундаментальным вопросам. Хорошо известно, каково положение проблемы о мутагенах среды. Научно-техническая революция вводит в среду, окружающую людей, мутагенные факторы, проникающие в клетки человека и поражающие в них молекулы ДНК. В США ежедневно в среду вводится 60–70 активных химических соединений. По данным Научного комитета по радиации при ООН 1977 г., в США, Канаде, и в других странах 10,8% детей рождаются дефективными в умственном или в физическом отношении. В США 3,0% детей рождается умственно отсталыми, миллионы школьников не в состоянии усвоить полную программу.

Встает величайшая задача защиты наследственности людей, задача прогнозировать те события, которые ожидают наследственность человечества в ближайшем

будущем. В этом случае недопустим дилетантский подход, некритическое использование для прогноза, научно недокументированных материалов. Чтобы решить эту задачу, надо дать метод количественного учета частоты появления генных мутаций в населении людей. Задача в научном плане оказалась исключительно трудной. Такие авторитеты среди американских генетиков, как Кроу, Шелл и другие заявили, что при современном состоянии науки решить эту задачу невозможно.

Крупнейший ученый США по проблемам генетики популяций человека – Дж. Нил, более 30 лет проводивший изучение генетических последствий в населении городов Хиросима и Нагасаки после атомной бомбардировки, предложил метод скрининга за биохимическими мутациями у человека. Эта работа, на которую уже затрачены миллионы долларов, пока не дала выходов в практику. Главное – это то, что даже при правильности метода, практически мониторинг этим методом неосуществим, поскольку он требует сложного индивидуально электрофоретического исследования сотен тысяч и миллионов людей. До сих пор группа Нила не опубликовала данных о регистрации этими методами новых мутаций по белкам у человека.

Не примите это как нескромность, но я должен сказать, что с новых принципиальных позиций эта крупнейшая проблема современности, которая по своей значимости, далеко выходит за пределы генетики, в исследованиях, проведенных в течение последних четырех лет, решена в Институте общей генетики АН СССР. Мы нашли метод мониторинга за генными мутациями в популяциях человека, впервые обнаружили появление мутаций заново в данном поколении людей в ДНК их зародышевых клеток, мутации, изменяющие кодирование ряда белков крови.

Две недели тому назад я был в Мичиганском университете, где на основании данных статьи, только что напечатанной в ДАН СССР № 5 1978 г. сделал доклад о наших работах. Предложенный метод был высоко оценен, признано, что он намечает путь для мониторинга за генетическими процессами, идущими в населении людей. Подобный мониторинг – это основа всей проблемы генетического груза, оценки качественного состава населения в настоящее время и прогноз будущего по основным биологическим параметрам.

На одном из ближайших заседаний Президиума АН СССР должен состояться мой доклад на эту тему. Я надеюсь, что мы сможем познать Анатолия Петровича и других членов Президиума АН СССР с достигнутым продвижением в этой проблеме. Выяснение последствий от действия мутагенов среды, по моему мнению, стоит в ряду самых крупных вопросов современного естествознания и социологии.

В борьбе за пропаганду достижений советской науки генетике принадлежит заметная роль, ее проблемы во многом имеют поистине глобальный характер. Успехи генетики входят важнейшим звеном в борьбу за обеспечение пищей людей на планете. В этом аспекте может быть оказано большое влияние на общественное мнение развивающихся стран. Нет более важной задачи в текущее время, чем борьба за мир. Следует напомнить, что данные, полученные в свое время в лаборатории радиационной генетики, позволившие оценить количественную сторону во влиянии малых доз радиации на молекулы ДНК, послужили на уровне Генеральной Ассамблеи ООН веским аргументом для запрета ядерных взрывов в атмосфере.

Велико мировоззренческое значение великих открытий в генетике последних 20–30 лет, их влиянии на научную картину мира. В августе 1978 г. на XVI Всемирном философском конгрессе в Дюссельдорфе советские генетики выступили с продуманными философскими, марксистско-ленинскими, мировоззренческими концепциями, осмысливающими гигантский материал современной генетики. Как и остальные направления философии и науки, представленные на конгрессе

советскими делегатами, выступления генетиков имели серьезный резонанс и признание.

А.П. Александров – Николай Петрович, Вы несколько...

Н.П. Дубинин – Анатолий Петрович, мне осталось сказать одну фразу: Советская генетика безусловно займет достойное место в ответственной пропаганде достижений советской науки, показывая нравственное величие советской науки, опирающееся на передовой характер ее мировоззренческих основ.

Н.Г. Басов говорил о крупных достижениях отечественной физики, что открывает большие возможности для пропаганды достижений советской науки.

А.А. Баев указал, что проведение XIV Международного генетического конгресса, это большая заслуга всего коллектива генетиков. В этом случае реакционные круги США и других западных стран делали все возможное, чтобы байкотировать конгресс, сорвать его прохождение в Москве. Однако все это разбилось о слаженный коллектив советских генетиков. Эту победу надо пропагандировать у нас и за рубежом, однако никаких статей по этому вопросу не публикуется.

А.А. Логунов говорил о роли общества “Знание”, университетов и других организаций помимо Академии наук СССР в пропаганде достижений и идеологии советской науки.

Г.А. Арбатов указал на необходимость использования таких мощных средств как телевидение внутри страны и за рубежом, на необходимость целенаправленной рекламы при издании книг за рубежом, следует расширить ассортимент книг и журналов для зарубежного читателя.

А.П. Александров в заключительной речи подчеркнул конструктивный характер обсуждения, сказал, что все речи были правильными. Что касается замечания, которое он сделал в адрес Николая Петровича, то он не хотел как-то особо его выделить. А разногласия имеются между учеными в целом ряде областей. Они есть в физике, математике, в порошковой металлургии и в других областях нашей науки”.

В 1979–1981 гг. оппозиция развернула настоящую травлю Николая Петровича и Института в подведомственных Президиуму АН СССР организациях при активном руководстве “сверху”. Президент А.П. Александров поощрял деятельность внутриинститутской оппозиции, направленную на раскол Института изнутри и дестабилизацию его работы. Кампания нашла поддержку со стороны зав. отделом науки РК КПСС А.И. Казакова и первого секретаря Черемушкинского РК КПСС И.А. Тихомолова. С их стороны оказывалось давление на партбюро ИОГен. Становилось ясно, что судьба Н.П. Дубинина как директора Института предрешена. Тем не менее, для решительных действий нужны были формальные зацепки. “Факты” лихорадочно добывались. Прежде всего формировалось негативное общественное мнение, муссировались слухи о “нездоровом морально-психологическом климате” в ИОГен, о его грядущем развале и о директоре как виновнике всех несчастий. Задерживались публикации работ сотрудников, подвергались сомнению результаты исследований. Волевым решением Президента АН СССР из ИОГена в ИХФ была переведена лаборатория, возглавляемая Д.М. Гольдфарбом. Для этого решения не было причин, и оно не принесло никакой пользы. Под руководством М.С. Гилярова и Д.К. Беляева было проведено заседание Бюро Научного совета по проблемам генетики и селекции, где обсуждалась работа ИОГен. Представителей ИОГен пригласить

не сочли нужным. Дирекция и ряд сотрудников ИОГен обратились к Президенту и вице-президенту АН СССР с просьбой принять их для обсуждения складывающейся ситуации.

ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
академику А.П. АЛЕКСАНДРОВУ

Москва. В-71 Ленинский пр-т, 14

Просьба сотрудников о приеме.

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович!

Убедительно просим Вас принять для обсуждения ряда принципиальных, безотлагательных вопросов, связанных с развитием работ Института общей генетики АН СССР и генетики в целом, следующих сотрудников:

- 1) Алтухова Юрия Петровича, зам. директора Института, зав. лаб. популяционной генетики, докт. биол. н., профессора
- 2) Краевого Семена Яковлевича, зам. директора Института, зав. лаб. генетических методов селекции растений, докт. биол. н., профессора
- 3) Хильчевскую Радугу Ивановну, секретаря партбюро Института, зав. лаб. генетического мониторинга и прогнозирования, канд. биол. н.
- 4) Чумак Марию Григорьевну, ученого секретаря Института, канд. биол. н.
- 5) Ата-Муратову Фатиму Атовну, председателя МК Института, зав. лаб. системогенеза, докт. биол. н.
- 6) Машурова Александра Михайловича, председателя группы народного контроля Института, зав. лаб. генетики животных, канд. биол. н.
- 7) Арзяеву Нину Анатольевну, секретаря комитета ВЛКСМ, научного сотрудника
- 8) Глембоцкого Якова Лазаревича, ст.н.с., докт. биол. н., профессора
- 9) Городецкого Станислава Ивановича, зав. лаб. генной инженерии, к.мед.н.
- 10) Косикова Константина Васильевича, руководителя группы, докт. биол. н., профессора
- 11) Лукашенко Николая Павловича, ст.н.с., докт.б.н., проф.
- 12) Пехова Александра Петровича, зав. лаб. генетики плазмид, докт. биол. н., профессора
- 13) Полежаева Льва Владимировича, руководителя группы, докт. биол. н., профессора
- 14) Рычкова Юрия Григорьевича, зав. лаб. генетики человека, докт. б. н., профессора
- 15) Сухова Константина Степановича, руководителя группы, докт. биол. н., профессора

Зам. директора ИОГен АН СССР
Секретарь партбюро Института
Председатель местного комитета Института

Ю.П. Алтухов
Р.И. Хильчевская
Ф.А. Ата-Муратова

5 февраля 1981 г.

Одновременно направляется письмо академику Ю.А. Овчинникову

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР
академику Ю.А. ОВЧИННИКОВУ

Москва, В-71. Ленинский просп. 14

Письмо сотрудников о беседе.

Глубокоуважаемый Юрий Анатольевич!

Письмом № 12504-633-12/2 от 5 февраля 1981 года (копия прилагается) мы обратились к Президенту Академии наук СССР академику А.П. АЛЕКСАНДРОВУ с просьбой принять нас для обсуждения ряда принципиальных, безотлагательных вопросов, связанных с развитием работ Института общей генетики АН СССР и генетики в целом.

В этой связи, если такая встреча состоится, убедительно просим Вас принять в ней участие.

Зам. директора Института общей генетики
АН СССР, доктор биол. наук, профессор
Секретарь партбюро Института,
ст. научный сотрудник, канд. биол. наук

Ю.П. Алтухов

Р.И. Хильчевская

9 февраля 1981 г.

В просьбе было отказано.

Зам. отдела науки РК КПСС Казаков также отказался обсудить проблемы ИОГен в широком кругу – в отделе науки РК КПСС вместе с сотрудниками Института.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Копия: ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
А.П. АЛЕКСАНДРОВУ

Копия: В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ “ПРАВДА”

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, нижеподписавшиеся ученые, просим пересмотреть решение Президиума Академии наук СССР от 15 февраля 1979 г., которое отклонило предложение Бюро отделения общей биологии о переизбрании академика Николая Петровича Дубинина на пост директора Института общей генетики АН СССР на новый срок. Считаем своим гражданским и партийным долгом довести до сведения ЦК КПСС, Президиума АН СССР и Президента АН СССР академика А.П. Александрова, что рассматриваем академика Н.П. Дубинина, лауреата Ленинской премии, ученого с мировым именем, академика АН СССР, иностранного члена Национальной Академии наук США, иностранного члена Академии наук и искусств США, иностранного члена Германской Академии естествоиспытателей “Леопольдина”, иностранного члена Академии наук и искусств Югославии, иностранного члена Польской Академии наук, почетного доктора Университета в Брно, почетного члена генетического общества Великобритании, лауреата медалей Дарвина, Менделя, Пастера, Пуркине, медали “За заслуги перед наукой и человечеством”, старейшего из советских генетиков и новатора в науке, своим учителем и наставником, и выражаем убеждение, что его неизбрание на пост директора Института общей ге-

нетики АН СССР нанесет непоправимый ущерб как работе Института, так и советской науке в целом.

Пройдут годы. История все расставит на свои места, и ИМЯ Дубинина потомки будут произносить с великой благодарностью и уважением наряду с именем его учителя Н.И. Вавилова, высоко поднявшего славу отечественной генетической науки и героически пронесшего ее через всю жизнь.

Заявляем, что мы и впредь с гордостью будем произносить имя Н.П. Дубинина, говорить, что мы учимся у него стойкости в борьбе за научную истину, партийности, принципиальности.

Заявляем, что академик Николай Петрович Дубинин – классик советской науки, “неистовый красный философ” – за титанический труд в становлении советской генетической науки и ее блестящие успехи, за утверждение марксистско-ленинских позиций в науке, за создание Института цитологии и генетики СО АН СССР и Института общей генетики АН СССР удостоен звания Героя Социалистического Труда. Н.П. Дубинин должен оставаться бессменным руководителем успешно и продуктивно работающего Института общей генетики АН СССР, и в дальнейшем Институт должен носить его имя. Признавая вышеуказанные заслуги директора Института академика Н.П. Дубинина и роль Института как головного генетического центра в стране, решающего не только задачи фундаментальной науки, но и эффективно внедряющего научные достижения в народное хозяйство, мы не видим оснований для замены руководства Института. Необходимо создать нормальные условия для работы Института и его директора.

Обращаем Ваше внимание на недопустимо нездоровую обстановку вокруг имени советского ученого академика Н.П. Дубинина и просим оградить его от дискредитации людьми, сознательно искажающими роль Н.П. Дубинина в развитии науки и его значение для утверждения марксистско-ленинских идей и методологии.

Под приведенным выше заявлением на 24 листах с полной расшифровкой поставлено 150 подписей из 60 учреждений бывшего СССР.

**АН УССР ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕЙ БИОЛОГИИ
УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЕНЕТИКОВ
И СЕЛЕКЦИОНЕРОВ ИМЕНИ Н.И. ВАВИЛОВА**

№ 981

от 11.03.1979 г.

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Президиум Украинского общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова считает необходимым довести до сведения Президиума АН СССР, что в кругах УОГиС, насчитывающего более 2000 членов, с сожалением воспринято известие о том, что, при рассмотрении в Президиуме АН СССР вопроса о переизбрании академика Н.П. Дубинина на должность директора Института общей генетики АН СССР, его кандидатура была забаллотирована.

Члены УОГиС не сомневаются в том, что Президиум АН СССР знает академика Н.П. Дубинина как выдающегося советского ученого, выросшего в период бурного развития генетики в нашей стране под влиянием идей Н.И. Вавилова и других выдающихся его современников. Молодой еще тогда ученый, академик Н.П. Дубинин сам внес крупный вклад в развитие не только советской, но и мировой науки – генетики, завоевав тем самым большой авторитет и широкую известность среди генетиков всех стран.

Акад. Н.П. Дубинин и в настоящее время своей организаторской и научно-исследовательской деятельностью вносит большой вклад в разработку и развитие передовых идей современной генетики. Он относится к числу наиболее прогрессивных ученых-генетиков и достойно представляет советскую генетическую науку на раз-

личных международных форумах, выступая на них с позиций марксизма-ленинизма и партийности в науке.

Н.П. Дубинин известен также как крупный организатор науки, ему принадлежит заслуга организации Института цитологии и генетики в Новосибирске в период становления СО АН СССР, Института общей генетики АН СССР в Москве, ряда генетических лабораторий и кафедр. Он руководит развитием важных в теоретическом и практическом отношении направлений в своем институте и за его пределами и, в частности, разработкой в нашей стране генетических аспектов проблемы "Человек и биосфера" в рамках Межведомственного научно-технического совета по комплексным проблемам охраны окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов при Госкомитете Совета Министров СССР по науке и технике.

Нам хорошо известна также проводимая некоторой частью наших генетиков, в течение ряда последних лет, кампания с целью опорочить акад. Н.П. Дубинина как ученого. Но эта нездоровая кампания, не имеет под собой принципиальной почвы. В ходе ее против акад. Н.П. Дубинина сплотились в основном разного рода недовольные чем-либо лица. Одним он не угодил своими выступлениями по поводу вредных евгенических концепций, другим своей многолетней борьбой за диалектико-материалистическое понимание и освещение проблем генетики, а некоторым и своим вступлением в ряды КПСС. Эта кампания порой перекликается со злопыхательскими выступлениями подвизающихся за рубежом отщепенцев типа Медведева Ж.А. и Берг Р.Л., клеветующих на нашу страну и на советскую науку и использующих в своих грязных целях также извращенно преподносимые зарубежному читателю методологические и научно-генетические позиции и взгляды акад. Н.П. Дубинина, пытаясь вдалбливать в головы людей, находящихся под прессом империалистической пропаганды, мысль о том, что в нашей стране даже в такой области как генетика нет науки, а есть одна лишь политика и "красная" пропаганда. К сожалению, в нашей стране объявляются еще друзья и единомышленники подобных выше названным отщепенцев, они есть и среди конфронтантов Н.П. Дубинина.

Немыслимо, конечно, чтобы указанная кампания против акад. Н.П. Дубинина могла как-либо повлиять на состоявшееся решение Президиума АН СССР о нем в качестве кандидата на пост директора Института общей генетики АН СССР. Но, к сожалению, у некоторых людей, как нам известно, складывается именно такое нежелательное впечатление.

Мы, члены Президиума УОГиС считаем необходимым и просим Президиум АН СССР, в интересах дела, сохранить академика Н.П. Дубинина на посту директора Института общей генетики. Это послужило бы также сведению на нет имеющихся среди некоторой части наших генетиков распрей и сплочению их для более плодотворной работы, так необходимой нашей науке и народному хозяйству.

Президент УОГиС
Академик АН УССР и ВАСХНИЛ

Савченко

Обращения, письма, телеграммы от директора, коллектива, профсоюзной и партийной организаций, Ученого совета ИОГен, адресованные в высшие партийные, советские и общественные органы, не достигали цели.

В период с 1977 по 1981 гг. деятельность института проверялась несколькими комиссиями, назначенными Президиумом АН СССР. Неоднократно предпринимались попытки вовлечь в борьбу против директора коллектив ИОГен. К сожалению, в ряде случаев именно жалобы отдельных заведующих лабораториями ИОГен становились причиной проверок. В работе комиссий принимали участие академики: Цицин Н.В., Гиляров М.С., Баев А.А., Соколов В.Е., Татаринов Л.П., Фокин А.В., Мишустин Е.Н.; члены-корреспонденты

ты АН СССР: Георгиев Г.П., Неунылов Б.А., Струнников В.А., Лапин П.И. и другие. Целью работы всех этих комиссий было отыскание фактов, которые могли бы послужить основой для снятия Дубинина с поста директора. Однако институт работал в полную силу, сколь либо серьезных нарушений выявить не удавалось. Подобно осажденной крепости коллектив, руководство, партийная, профсоюзная и общественные организации ИОГен сплотились вокруг директора, проявляя стойкость и монолитность. Изолировать институт не удавалось. Он приобретал все больший авторитет в нашей стране и за ее пределами, прославился фундаментальными исследованиями, развивал связи со многими научными и производственными коллективами в практических народно-хозяйственных разработках, оказывал помощь в подготовке специалистов как для республик нашей страны, так и для дружественных стран.

В 1979 г. Бюро ООБ по результатам работы института рекомендовало акад. Н.П. Дубинина переизбрать директором ИОГен на новый срок до 1984. Однако, Президиум АН СССР без веских обоснований, путем административного вмешательства отменил решение ООБ и назначил новое рассмотрение этого вопроса на общем собрании Отделения общей биологии.

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
тов. ЗИМЯНИНУ М.В.

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

15 февраля 1979 г. состоялось заседание Президиума Академии наук СССР, на котором директор нашего Института академик Н.П. Дубинин не был рекомендован к избранию на новый срок.

Не понимая мотивов этого решения, ибо академик Н.П. Дубинин является полным создателем нашего учреждения и осуществляет руководство им в соответствии с решениями XXV съезда КПСС по дальнейшему развитию советской науки, мы обратились в Президиум АН СССР и в Черемушкинский РК КПСС с просьбой поддержать академика Н.П. Дубинина в качестве нашего руководителя.

Этот вопрос представляется нам исключительно серьезным, так как академик Н.П. Дубинин является не только ученым с мировым именем, но и признанным авторитетом по проблемам методологии науки и критики буржуазных концепций в этой области.

Неизбрание Н.П. Дубинина директором ведущего генетического центра нашей страны будет иметь непоправимые последствия.

Направляя Вам копию нашего обращения в Президиум АН СССР и Черемушкинский РК КПСС, мы обращаемся к Вам с убедительной просьбой не оставить без внимания этот вопрос и оказать содействие в правильном его решении.

Зам. директора ИОГен АН СССР
доктор биол. наук, профессор

Ю.П. Алтухов

Секретарь партийного бюро ИОГен
АН СССР. канд.биол. наук

Л.В. Черезанова

Зам. председателя местного комитета
ИОГен АН СССР, к.б.н.

А.Г. Слюсаренко

20.II.1979 г.

В эти дни Николай Петрович сделал несколько записей телефонных разговоров, которые сохранились в его архиве, иллюстрируя создавшееся положение и показывая отношение к нему различных людей.

Меркурий Сергеевич Гиляров (*академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР*), 15 февраля 1979 г.

“Николай Петрович, дело очень, очень плохо. Я говорил Вам, надо слушаться президента. Если бы в свое время перевели бы Гольдфарба и его лабораторию к Эмануэлю, дело бы не зашло так далеко. Сегодня на Президиуме под председательством Котельникова, был рассмотрен вопрос о рекомендации Вас на новый срок на посту директора.

На заседании был В.Е. Соколов, председатель комиссии, который обследовал Ваш Институт. Однако он заявил, что документ о нормальном состоянии дел в Институте, который был утвержден на Бюро отделения общей биологии, писал сам Николай Петрович. Это произвело самое отрицательное впечатление. Из 18 голосов Вы получили “за” – 10 и “против” – 2. Поскольку надо две трети голосов, имеется недобор в 2 голоса.

Басов выступил и сказал, что, по-видимому, надо еще раз голосовать, так как информация об Институте недостаточная. Однако Баев очень резко потребовал завершить вопрос сегодняшним голосованием, которое, мол показало, что кандидатура Дубинина вызывает сомнение у целых 8 членов президиума.

Как это надо поправить, я не знаю. Дело, Николай Петрович плохо, очень плохо”.

Владимир Евгеньевич Соколов (*помощник вице-президента Ю.А. Овчинникова*), 15 февраля 1979 г.

“Николай Петрович, звоню Вам с плохими вестями. Сегодня на заседании Президиума было 18 человек. Поставили Ваш вопрос о переизбрании на новый срок на пост директора. Не было А.П. Александрова (президент), Ю.А. Овчинникова (вице-президент по биологии и химии), М.С. Гилярова (академик-секретарь Отделения общей биологии). За Вас голосовало 10, против 8, не хватило 2-х голосов. Наверно к Вам пошлют новую комиссию или будет работать наша старая комиссия.

Докладывал Ваше дело чл.-корр. Л.П. Татаринов. Докладывал плохо, что-то бормотал себе под нос, так что никто ничего не понял. Что касается Меркурия Сергеевича Гилярова, то он крутит и крутит не в Вашу пользу, вот и результат.

Мне очень неприятно сообщать Вам такие плохие вести, но что делать, я посчитал нужным сразу же уведомить Вас о них”.

Александр Петрович Пехов, 1 марта 1979 г. (*о беседе, состоявшейся с Б.В. Конюховым 19 февраля 1979 г.*)

“А.П. Пехов: Думаю, что Николай Петрович – это такая фигура в стране, что так просто снять его путем проведения некорумного Президиума невозможно, вопрос будет пересмотрен.

Б.В. Конюхов: Вы ошибаетесь, Александр Петрович, дело о снятии Николая Петровича с поста директора решено Президиумом необратимо”.

Юрий Анатольевич Овчинников (*вице-президент АН СССР*), 23 февраля 1979 г.

“Николай Петрович, все знаю. Заседание президиума, на котором Вас завалили, было организовано тремя людьми – Баевым, Эмануэлем и Г.К. Скрябиным.

– При чем тут Скрябин?

– Он очень хочет быть выбранным и потому полностью подключился в шайку, которую возглавляет Энгельгардт.

– Слишком похоронное настроение у Гилярова?

– Не обращайтесь внимание, он будет Вас поддерживать. Поскольку заседание было некоррумпированным, его можно оспаривать, так что дело не кончено. Думаю, что в конечном итоге все будет хорошо. Буду на встрече у А.П. Александрова в Президиуме, если получу новые данные, позвоню”.

Евгений Михайлович Тяжелников (зам. отделом пропаганды ЦК КПСС), личная встреча 27 февраля 1979 г.)

“Николай Петрович, Вы представили очень серьезные материалы. Сразу же после 4 марта, когда кончатся выборы, все это будет мною доложено М.В. Зимянину. Я лично не сомневаюсь в положительном решении. Прощаясь – Николай Петрович, желаю Вам новых, огромных замечательных успехов. Мы рады и горды, что в нашей партии есть такой борец за наше мировоззрение, как Вы”.

Юрий Валентинович Седых (зам. зав. с.-х. отдела по науке ЦК КПСС), личная встреча в ЦК, 27 февраля 1979 г.

“Тов. Александров неверно решает вопрос об экспериментальном хозяйстве для Вашего института. При таких разработках по сельскохозяйственной тематике, оно Вам необходимо. Я постараюсь убедить А.П. Александрова и думаю, что Президиум положительно решит это вопрос”.

Николай Петрович Руднев (зам. зав. с.-х. отделом ЦК КПСС), личная встреча в ЦК, 27 февраля 1979 г.

“Необходимость экспериментального хозяйства для Института общей генетики, в свете достижений и возможностей института в отношении связи фундаментальных разработок с практикой сельского хозяйства очевидна каждому здравомыслящему человеку. Президиум АН СССР занимает в этом деле неверную позицию. Вам, Николай Петрович, следует встретиться с секретарем ЦК тов. Михаилом Сергеевичем Горбачевым. В свое время Вы были у Федора Давыдовича Кулакова. Думаю, что Михаил Сергеевич, также поддержит Ваше дело, как и Федор Давыдович.

Мы знаем Николай Петрович о событиях на президиуме, в отношении Вашего переизбрания на новый срок на посту директора. Но ведь президиум был некоррумпированным, всего 18 человек. Думаю, придется А.П. Александрову созвать кворум и решить вопрос по-другому, т.е. правильно”.

Юрий Петрович Алтухов (о беседе, состоявшейся с Н.Н. Воронцовым), 1 марта 1979 г.

“Ю.П. Алтухов: У вас, Николай Николаевич, действительно такие мрачные мысли о деле Николая Петровича?”

Н.Н. Воронцов: Да, вопрос о снятии Николая Петровича с поста директора решен и никто его пересматривать не будет. Здесь возможно только вмешательство Политбюро. Но разве это может быть?”

Сергей Георгиевич Щербаков (зам. зав. отдела науки ЦК КПСС), 2 марта 1979 г.

“Звоню Вам, Николай Петрович, чтобы сообщить следующее. Центральный Комитет разделяет Ваши позиции. Вы создали крупный институт, который ставит перед нашей страной серьезные вопросы, так что не беспокойтесь, все будет в порядке. Конечно, эта история стоила Вам нервов, но я думаю, Вы все по прежнему замечательно работаете и не теряете рабочего темпа. Если у Вас есть вопросы ко мне для более полного обсуждения, прошу Вас придти ко мне в ЦК в следующий вторник 6 марта 1979 г.”.

Сергей Георгиевич Щербаков (зам. зав. отдела науки ЦК КПСС), 6 марта 1979 г.

“Что касается ошибки президиума АН СССР в отношении Вас, то должен сообщить, что я вызвал сюда, в этот кабинет Президента АН СССР А.П. Александрова и вице-президента Ю.А. Овчинникова. Они признали ошибку, допущенную в их отсутствие на Президиуме АН СССР от 15 февраля, на котором была утверждена рекомендация Бюро отделения общей биологии АН СССР о переизбрании Н.П. Дубинина на пост директора ИОГен. Было обещано все это исправить. Ю.А. Овчинникову поручено лично возглавить объективную комиссию, которая даст настоящий материал об Институте, который является крупным исследовательским учреждением, поставившим ряд больших проблем. Прошлая комиссия была явно подобрана из лиц отрицательно настроенных к Н.П. Дубинину. Надо бы объединить Ваши усилия с Новосибирским институтом, но сделать это трудно. Д.К. Беляев далеко зашел, очень далеко. Он эмоционален и самоуверен. Исправить его так, чтобы он понял, это сделать трудно.

Желаю Вам, Николай Петрович, самых больших успехов в Вашей деятельности. Материал по (...) с ссылкой на Вашу фамилию пошлю в руководство ЦК КПСС”.

Георгий Константинович Скрябин, 7 марта 1979 г.

“– Николай Петрович, как Вы себя чувствуете в Вашем трудном положении?

– Я чувствую себя совершенно нормально, поскольку в трудное положение попал не я, а Вы, члены президиума, заседавшие 15 февраля 1979 г.

– Не знаю, не знаю, тайное голосование есть тайное голосование, а 8 из 18 голосовали против.

– Георгий Константинович, не Вам говорить, что тайное голосование в подобных условиях есть глас народа. Сговорятся и, не обращая внимания на объективно хорошее положение дела, проголосуют против. Разве с Вами лично этого не было уже целых два раза, и что будет 15 марта?

– Да, действительно, я то уж знаю, как это можно сделать”.

Юрий Анатольевич Овчинников, 7 марта 1979 г.

“Николай Петрович, не волнуйтесь, все будет нормально, мы самортизируем решение президиума от 15 февраля и все встанет на свое место”.

Оппозиция использовала весь арсенал средств давления. Директору ИОГен даже предлагалось добровольно оставить свой пост.

*Встреча с 1-м секретарем Черемушкинского РК КПСС И.А. Тихомоловым
21 апреля 1981 года*

Присутствуют: И.А. Тихомолов,
зав. отделом науки и учебных заведений РК КПСС А.И. Казаков,
Н.П. Дубинин

И.А. Тихомолов говорит, что уход Н.П. Дубинина с поста директора ИОГен АН СССР возможно бы погасил те противоречия, которые у него имеются с группой сотрудников.

Н.П. Дубинин – Уйти с поста директора – дело не трудное. Должен сказать, что противоречия связаны не только с группой сотрудников института. Мое имя связано с определенным научным направлением, философской работой, принципиальными вопросами в проблеме человека, с ясно выраженной политической позицией. При таких условиях, уход Н.П. Дубинина с поста директора института будет воспринят, как поражение этих направлений. Думаю, что возникнет немалый резонанс в СССР и за рубежом.

И.А. Тихомолов – Пожалуй с этим можно согласиться, конечно налицо не только противоборствующие силы внутри института, они имеются и вне его. Говорят, однако, что Дубинин поощряет фаворитизм, не переносит критики, разошелся со многими генетиками.

Н.П. Дубинин – Я готов выслушать и учесть любые критические замечания, исправить ошибки. Однако я прошу не общих замечаний, существо которых трудно уловить, а конкретной критики. Такой критики я не получал. При разговорах с Засухиной, Прозоровым и др. недовольными, они мне ничего конкретно не предъявляют. Вместе с тем, в пределах института, сложилась отчетливая групповщина, опирающаяся на внешние силы. Несколько активно действующих товарищей, противопоставляют себя коллективу, Ученому совету, дирекции, партийному бюро, местному комитету профсоюзов. Должен сказать, что присутствующий здесь А.И. Казаков поддерживает групповщину в ИОГен АН СССР.

А.И. Казаков резко возражает против заявления Дубинина о поддержке им групповщины в институте.

Н.П. Дубинин повторяет, что А.И. Казаков своей поддержкой групповщины ответственен за создание напряженного положения в ИОГен.

Продолжение встречи

Приглашаются коммунисты, подписывавшиеся под письмами, адресованными в Президиум АН СССР и в другие организации – В.А. Шевченко, А.А. Прозоров, Б.В. Конюхов, Г.Д. Засухина, В.А. Тарасов. На рабочих местах оказываются только В.А. Шевченко и В.А. Тарасов.

Кроме того, приглашаются Ю.П. Алтухов (зам. директора), и А.М. Машуров (зам. секр. партбюро).

И.А. Тихомолов выражает сожаление, что только два коммуниста из тех, с кем бы он хотел поговорить, присутствуют при встрече: говорит о напряженности в коллективе Института, которая особенно возросла в последние дни в связи с посылкой в Президиум АН СССР массового заявления, подписанного более 80 сотрудниками института; просит высказаться по вопросу о положении в институте.

Ю.П. Алтухов считает, что ранее посланные письма имели отрицательное влияние, последнее уже массовое заявление, еще более ухудшило обстановку. Однако еще не все потеряно и при наличии доброй воли можно консолидировать коллектив. Это не касается уникального случая с Шуппе, который не может работать в научном коллективе и акта упразднения его лаборатории.

В.А. Шевченко считает, что массовое заявление правильно отражает положение в институте, для исправления дела нужны радикальные меры, условием должно быть восстановление лаборатории Шуппе и его работы в институте.

В.А. Тарасов согласен с В.А. Шевченко, кроме того, грубо критикует Н.П. Дубинина как ученого и руководителя.

А.М. Машуров говорит, что причиной напряженности в институте является групповщина, участники группы пользуются недозволенными методами борьбы, ставят своей задачей разгромить существующее руководство института, опираются на силы, находящиеся вне института.

И.А. Тихомолов – Положение в институте действительно напряженное. Нас формируют, что директор поощряет фаворитизм, нетерпим к критике. Я считаю, что с упразднением лаборатории Шуппе директор поторопился, это неправильно.

Н.П. Дубинин – Замечания в адрес упразднения лаборатории Шуппе могут коснуться того, что это сделано при напряженном положении в институте, однако, по

существо, имея в виду задачи науки, и необходимость консолидации сил по главным направлениям – этот акт я считаю правильным.

И.А. Тихомолов – Не знаю, может и так. Теперь о массовом заявлении сотрудников лабораторий, во главе которых стоят заведующие коммунисты.

Н.П. Дубинин – Судя по данным, полученным от сотрудников – это лаборатории В.А. Шевченко, Г.Д. Засухиной, А.А. Прозорова, Б.В. Конюхова и группа В.А. Тарасова.

И.А. Тихомолов – Товарищ Шевченко, как вы сами расцениваете свое поведение в связи с участием вас и ваших сотрудников в этом массовом заявлении?

В.А. Шевченко – Я считаю свое поведение совершенно правильным.

И.А. Тихомолов – С этим нельзя согласиться. Такое поведение коммуниста-руководителя, является непартийным. Я прошу учесть эту характеристику и передать ее остальным, отсутствующим на этой встрече коммунистам заведующим, сотрудники которых вместе с ними подписались под массовым заявлением.

Что касается товарища Тарасова, то, судя по его поведению, ему не надо работать в ИОГен, ему надо подать заявление об уходе из института по собственному желанию. РК КПСС не будет возражать против этого.

Что касается директора, то товарищ Дубинин был, есть и будет директором института. Задача состоит в том, чтобы снять напряженность и консолидировать коллектив института для решения стоящих перед ним задач.

Краткую запись встречи, на которой присутствовали: зам. секр. партбюро *А.М. Машуров*, зам. директора, член партбюро *Ю.П. Алтухов*, директор, член партбюро *Н.П. Дубинин*, сделал *Н.П. Дубинин*

*Запись телефонного разговора 1-ого секретаря
Черемушкинского РК КПСС И.А. Тихомолова с Н.П. Дубининым
29 апреля 1981 г.*

И.А. Тихомолов – Звоню Вам, будучи обеспокоен звонком Президента АН СССР товарища Александрова А.П. Президент был взбудоражен и сказал, что сегодня у Вас в институте будет общее собрание, на котором планируется расправа с негодными. В чем дело?

Н.П. Дубинин – Это ошибка, никакого общего собрания у нас не будет. Мы ничего не собираемся делать, чтобы вышло за рамки положений, обсужденных с Вами, на встрече 21 апреля 1981 г. Мы собираемся, как Вы и предлагали, только довести до сведения отсутствовавших на встрече 21 апреля коммунистов – заведующих лабораторий, сотрудники которых вместе с ними подписали массовое заявление, Вашу характеристику об их неправильном, непартийном поведении.

И.А. Тихомолов – А, это касается той шестерки, о которой вы говорили 21 апреля. Это правильно, но я прошу никаких серьезных мер не предпринимать без согласования с РК КПСС.

Н.П. Дубинин – Хорошо Игорь Андреевич, если нам понадобятся серьезные меры, мы их будем согласовывать с Вами.

Разговор записал *Дубинин Н.П.*

27 мая 1981 г. были разосланы телеграммы одинакового содержания в следующие инстанции: Генеральному секретарю ЦК КПСС *Л.И. Брежнев*,

Президенту Академии наук СССР акад. А.П. Александрову, вице-президенту АН СССР акад. Ю.А. Овчинникову.

“Обращаемся к Вам с большой просьбой помочь Институту общей генетики Академии наук СССР. Мы выражаем поддержку и доверие академику Дубинину, принимаем меры по консолидации коллектива института, не согласны с небольшой группой лиц, которые противопоставляют себя коллективу и директору Института. Просим учесть мнение коллектива.

Доктора наук и руководители подразделений: *Пехов, Лопашов, Полежаев, Ата-Мурадова, Машуров, Пашин, Алтухов, Краевой, Глембоцкий, Городецкий, Косиков, Сухов, Лукашенко, Ваулина, Калмыкова, Сусков, Никитин, Арутюнянц, Чумак, Мосин, Филиппов, Гарина*”.

Николай Петрович направляет письмо зам. председателя Научного совета по проблемам генетики и селекции Е.Т. Поповой-Васиной.

Глубокоуважаемая Екатерина Тимофеевна!

Я получил Ваше приглашение на заседание Бюро Научного Совета 9 июня по вопросу о научной деятельности Института общей генетики АН СССР.

Однако Вы знаете, что на заседании Бюро Научного совета этот вопрос уже обсуждался 20 апреля 1981 г. Бюро Научного совета не поставило ИОГен АН СССР в известность, что стоит вопрос о деятельности Института, чем обеспечило себе возможность обсудить этот вопрос без представителей Института. По тексту заключения Комиссии Президиума АН СССР, Бюро Научного совета по проблемам генетики и селекции на своем заседании приняло решение, в котором: “Негативно оценивает научную и научно-организационную деятельность ак. Н.П. Дубинина” (стр. 5). Это показывает, что существует негативный в отношении ИОГен АН СССР документ, подписанный руководством Научного совета. В этих условиях, не понимаю, о чем может идти речь на заседании 9 июня. Текст решения, принятого 20/IV, передан в бюро ООБ, однако с этим решением до сих пор не ознакомлен ИОГен АН СССР. Прошу Вас прислать решение и копию протокола этого заседания, а если это возможно, то и стенограмму. Мне кажется, что Бюро Научного совета встало на ложный путь, обсуждая вопрос о деятельности ИОГен АН СССР, вынося отрицательное решение, в условиях, когда Бюро специально не ознакомилось с работой ИОГен АН СССР, проводя заседание, на которое специально не было приглашено научно-административное руководство ИОГен АН СССР, представители партбюро и МК профсоюза.

Все это производит особо странное впечатление, если учесть, что по представлению Бюро Научного совета и Бюро Отделения общей биологии Президиум АН СССР в число важнейших достижений по проблемам генетики и селекции за 1980 г. включил 11 разработок ИОГен АН СССР, что составляет более четверти от всех тем, разрабатываемых по генетике и селекции в системе АН СССР.

Директор Института
общей генетики АН СССР
академик

Н.П. Дубинин

ВЫПИСКА

из протокола объединённого собрания Учёного совета, Партийного бюро,
МК профсоюза и других общественных организаций ИОГен АН СССР
от 9 июня 1981 г.

“Присутствовало всего: 58 (51 чел. от института и 7 приглашены)

в том числе – членов Ученого совета – 26

докторов наук – 18

кандидатов наук – 18

академиков – 1

чл.- корр. –

Членов Комиссии Президиума АН СССР – 6

От Черемушкинского РК КПСС – тов. Сибирёв А.А.

Повестка дня:

1. Информация председателя комиссии Президиума АН СССР акад. А.В. Фокина.

2. Обсуждение доклада.

По первому вопросу слушали информацию акад. А.В. Фокина.

По второму вопросу в прениях выступило 30 человек.

Принята резолюция объединенного собрания в следующей редакции: заслушав и обсудив информацию акад. А.В. Фокина – председателя комиссии Президиума АН СССР, назначенной по проверке материалов, поступивших в Президиум АН СССР о деятельности ИОГен АН СССР, собрание принимает к сведению ответ комиссии о том, что “научно-организационная работа в институте ведется на должном уровне. Планирование научных исследований осуществляется в соответствии с основными научными направлениями, утвержденными Президиумом АН СССР. Планы и отчеты представляются в установленные сроки. Финансовая и хозяйственная деятельность проводится в основном с соблюдением действующих нормативных положений”. Вместе с тем имеет место то обстоятельство, что со времени прошедшей последней комиссии морально-психологический климат в Институте не улучшился, а ухудшился.

Вопрос, которому комиссия придает особое значение, касается изменений в структуре Института. Однако эти вопросы освещены в заключении комиссии без учета факта сохранения и развития основных направлений в свете развития науки и практики за прошедшие 15 лет, не отметив, что многие руководящие кадры в институте работают с 1966 г. и что с 1967 г. налицо в основном стабильное положение заведующих с момента организации их лабораторий. Комиссия отмечает ряд недостатков, над устранением которых надо работать: напряженность во взаимоотношениях, письма из института в вышестоящие организации, текучесть кадров и другие.

Собрание отмечает также, что коллектив института на протяжении 4-х лет не был ознакомлен с итогами работы комиссий Президиума АН СССР, работавших в 1977 и 1979 гг., а третья комиссия познакомила коллектив со своим заключением только 9 июня сего года.

Собрание постановляет:

1. Собрание Учёного совета, партбюро, МК профсоюза выражает полное доверие академику Н.П. Дубинину как директору Института.

2. Собрание считает поведение зав. лабораториями Г.Д. Засухиной, Б.В. Конюхова, А.А. Прозорова, В.А. Шевченко неправильным. Они искусственно нагнетают напряженность, посылают письма в вышестоящие инстанции, не знакомят с их содержанием партийное бюро и Ученый совет.

3. Считать необходимым изучить и принять к сведению выводы комиссии, обсудив их на ряде заседаний Ученых советов и собраний партийной организации.

Председатель собрания
Секретарь – “ –

А.М. Машуров
З.И. Берендаева

10 июня 1981 г. по поручению руководства Академии было проведено внеочередное собрание ООБ, на котором обсуждались результаты работы комиссии по обследованию ИОГен для проверки ряда фактов, затронутых в письмах сотрудников института. Мы считаем необходимым привести выдержки из ряда выступлений. Одним из первых выступил **акад. А.В. Фокин**, возглавлявший комиссию по проверке:

⟨...⟩ “В июле 1980 г. группа зав. лабораториями Института д.б.н. Б.В.Конюхов, д.м.н. Г.Д. Засухина, д.б.н. Н.Г. Шуппе, д.б.н. Г.А. Дворкин, д.б.н. В.А. Тарасов, д.б.н. А.А. Прозоров, д.б.н. В.А. Шевченко обратились с письмом на имя Президента АН СССР **акад. А.П. Александрова** о нетерпимой обстановке в Институте, обвиняя директора **акад. Н.П. Дубинина** в планомерном и последовательном разрушении научного коллектива. Это письмо содержало очень много различных обвинений, было выдержано в очень резких тонах, и поэтому мы, исходя из отдельных пунктов письма, проверяли отдельные факты, изложенные в этом письме. ⟨...⟩

Мы пытались разобраться, что же является основанием для жалоб. ⟨...⟩

Факты, которые приводят заявители следующие: им не давали дополнительных единиц, не утверждали избранных ими кандидатов на свободные вакансии, не давали нужных реактивов и приборов, переводили из одной лаборатории в другую. Кроме того, еще жалобы на то, что уходит много сотрудников. Оказалось, что их не так уж много ушло.

Упомянутый в письме заявителей кабинет истории генетики создан для публикации (там написано, что он создан для прославления имени Н.П. Дубинина) материалов по истории советской генетики и сбора архивных материалов. В штате кабинета всего два сотрудника. Работа кабинета находится на начальной стадии и сейчас трудно судить, как будет освещаться этим кабинетом деятельность директора Института. Во всяком случае оснований для жалобы не было...

О научной изоляции Института, о которой пишут во всех заявлениях, можно говорить только с серьезными оговорками. Действительно **акад. Н.П. Дубинин** находится в научной конфронтации со многими ведущими генетиками в Москве и Новосибирске. Негативно оценивает научную и научно-организационную деятельность **акад. Н.П. Дубинина** и Бюро Научного совета АН СССР по проблемам генетики и селекции, хотя вместе с тем, отмечает много положительных фактов в его работе. Вместе с тем Институт ведет совместную работу с генетиками Украины, Белоруссии, Молдавии. В последнее время появились документы о том, что у него большие связи и большая творческая работа с Узбекистаном и Азербайджанскими учеными. Так же имеет научные связи со многими отраслевыми институтами и лабораториями, имея договора о научно-техническом сотрудничестве и другие документы по научным связям. Это подтверждается их поддержкой Института в коллективном заявлении от марта 1980 г. В этом коллективном заявлении положительно оценивается деятельность Института и деятельность его директора **акад. Н.П. Дубинина**. Его подписали около сотни различных ученых...

Что касается рекламной деятельности и пропаганды своих достижений, на что делается упор в письмах, то следует сказать, что Институт пропагандирует действительно весьма интересные направления исследований, представленных в нем: космическая генетика, мутагенные загрязнители окружающей среды, медицинская

генетика, мутагенез. Отдельные ошибки в этом направлении (публикация синтеза гена и др.) не могут служить основанием для оценки деятельности Института.

Имеются также мнения, что нестабильности Института содействовала слабая работа секретаря парторганизации Института д.б.н. В.А. Шевченко, который вместо работы по устранению противоречий пошел по пути жалоб в Президиум АН СССР вместе с группой заявителей...

Вчера по предложению президента я докладывал результаты работы комиссии на расширенном Ученом совете...

Особенно мне понравилось выступление д.б.н. Пехова, который сказал, что хватит болтать и тратить время на бесконечные споры, а надо выполнять решения XXVI съезда партии, где от каждого научного работника требуется, чтобы он мобилизовался и выполнил то, что ему положено. Он проанализировал деятельность академика Дубинина: политические ошибки есть? – Нет. Биологические ошибки есть? – Нет. Работы есть? – Есть. Он задал тон и отразил мнение многих участников собрания....

У меня лично (я абстрагируюсь от остальных членов комиссии) нет оснований для серьезных обвинений. Все это обвинения с привлечением исторических фактов 15-летней давности³.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Н.П. ДУБИНИНА

Заслушав доклад комиссии Президиума АН СССР (председатель ак. А.В. Фокин), позвольте сначала обратить Ваше внимание на следующие два места в заключении комиссии:

1-ое. “Научно-организационная работа в Институте ведется на должном уровне. Планирование научных исследований осуществляется в соответствии с основными научными направлениями, утвержденными Президиумом АН СССР. Планы и отчеты предоставляются в установленные сроки. Финансовая и хозяйственная деятельность проводится, в основном, с соблюдением действующих нормативных положений” (С. 1).

2-ое. “Со времени работы комиссии АН СССР 1979 г. (председатель ак. В.Е. Соколов) положение в ИОГен не стабилизировалось, а постепенно ухудшается” (С. 9).

Этими двумя пунктами охвачено основное, что ныне характеризует ИОГен АН СССР.

В чем выразилась научная деятельность Института? За 15 лет существования Института, его сотрудники опубликовали 2054 статьи, 75 монографий и сборников. Монографии переведены на английский, немецкий, итальянский, китайский, венгерский, японский, вьетнамский, испанский, болгарский и другие языки. За 1976–1980 гг. по Обществу “Знание” сотрудники Института прочитали 786 лекций (155 лекций в год). Институт признан базовым для пропаганды научных знаний в стране и за рубежом.

Трудно охарактеризовать весь объем научных достижений ИОГен АН СССР, приведу лишь несколько примеров, касающихся работ последних лет. Изучалась проблема фиксации потенциальных изменений ДНК в мутации. Достижения в этой области прокладывают дорожку к управлению процессом мутаций. В монографии “Потенциальные изменения ДНК и мутации. Молекулярная цитогенетика” подведены итоги большого этапа исследования проблемы (Н.П. Дубинин, Наука, 1978).

Загрязнение среды мутагенами ведет к повышению уровня генетического груза человека. В наши дни 10,5 % новорожденных появляются с умственными или физическими отклонениями. Встает вопрос: в какой связи такой уровень генетического груза стоит с нарастающим загрязнением мутагенами среды, окружающей челове-

³ АРАН. Ф. 1677. Оп. 1. д. 189. Лл. 8–28.

ка? Этот вопрос может быть решен лишь при наличии методов, которые позволяют проводить учет частоты генных мутаций, возникающих в населении людей. До сих пор в мировой науке нет метода, который бы позволил решить эту задачу. Однако ИОГен АН СССР с помощью электрофоретического анализа белков крови разработал новый подход к проблеме. С 27 мая по 7 июня с.г. Ю.П. Алтухов в США в лаборатории Мичиганского университета (зав. Дж. Нил), проводил работу в рамках советско-американского сотрудничества по среде. Он привез образцы крови от детей, отягощенных множественными дефектами, из клиник Москвы. Была показана значимость нового подхода для учета генных мутаций у человека. Приведенные доказательства были приняты американскими исследователями. Это крупный успех советской генетики.

В СССР на содержание одного ребенка с врожденными уродствами или аномалиями развития в условиях больницы в год затрачивается около 3600 руб. Учитывая, количество детей рождающихся с врожденными нарушениями, становится очевидным не только научное, но и огромное социальное значение исследований, раскрывающих условия и частоту появления генных мутаций в населении людей. С анализом динамики генетического груза у человека связана оценка отдаленных генетических последствий.

Одним из трудных звеньев при генетической инженерии является обеспечение клонирования генов человека, высших животных в клетках бактерии. Большого успеха добилась лаборатория генной инженерии, обеспечив клонирование в клетках *E. coli*, химически синтезированного в Институте биоорганической химии АН СССР, гена человека брадикинина.

В работах по космической генетике проведены десятки полетных экспериментов с участием космонавтов. Показано влияние факторов космического полета на наследственность дрозофил, мышей, семян растений и т.д. В последнем космическом полете 1981 г. космонавтов В. Коваленка и В. Савиных продолжался советско-французский эксперимент по нерасхождению у дрозофилы, в светоблоке растения арабидопсис дошли до стадии цветения, при развитии ксенопус из икры изучались особенности вестибулярного аппарата. Благодаря активным исследованиям в космосе, ИОГен АН СССР принят как ведущая организация по проблемам космической биологии в целом.

В Институте разработана эволюционная концепция системной подразделенности вида, что составляет тот главный элемент, который обеспечивает его эколого-географический гомеостаз. Разработаны принципы экологической генетики в применении к территориям, испытывающим экстремальные воздействия. Создан прогноз отдаленных генетических последствий в связи с проблемой биологического качества населения. Исследованы проблемы цитогенетики, генетики и развития, генетики микроорганизмов, генных основ системогенеза в приложении к мозгу, генетики популяций человека и другое. По всем этим направлениям получены интересные научные данные.

Продуманное многообразие направлений, представленных в ИОГен АН СССР, в объединении с методологическим анализом преследует цель разработать синтетический подход к проблемам генетики, охватывая молекулярный, клеточный, организменный и популяционный уровни. Другого такого генетического учреждения в стране нет. В наши дни при огромной специализации разных направлений генетики, сохранение и разработка синтетического подхода с позиций общей генетики, к явлениям наследственности и изменчивости представляет собой трудную и необходимую задачу. Молекулярные физико-химические подходы при всем их значении не могут претендовать на замену биологической теории генетики и эволюции. В какой-то мере такой синтетический подход получил свое выражение в книге "Общая генетика". Эта книга вышла двумя изданиями ("Наука", 1970, 1976), Сейчас мы готовим ее третье издание. Она переведена на итальянский, испанский, венгерский, вьетнамский, узбекский языки.

С момента своей организации Институт поставил задачу связать фундаментальные исследования с практикой. Эта работа увенчалась определенными успехами. Заметный выход получили работы по генетике растений. Созданы линии для межлинейной гибридизации подсолнечника. Сорт Енисей отличается высокими качествами, его внедрение поддержано МСХ СССР. На основе полиплоидии и отдаленной гибридизации получены высокоурожайные, устойчивые к болезням сорта картофеля Весна, Белая ночь, Генетик. Использование мутантов вируса табачной мозаики позволило разработать и внедрить вакцинную защиту овощных культур в закрытом грунте. Гибриды, полиплоиды и мутанты дали возможность получить хозяйственно-ценные расы дрожжей. Перестройка работы рыбоводных заводов по лососевым привела к заметному увеличению стад рыб. Разработан метод искусственного осеменения для птиц. По генетике животных проводятся обширные работы по генофонду с.х. животных, что дало уже первые практические результаты. В целом, по минимальным расчетам внедрение разработок Института ежегодно дает 7–10 млн рублей.

Научная работа Института идет в условиях обширных связей и совместных разработок с рядом исследовательских и практических учреждений. За 15 лет существования, у института сложились хорошие деловые связи со многими учреждениями. В 1976–1980 гг. имелись договоры по социалистическому соревнованию с 45 организациями и хоз. договора с 15 организациями. 60% договоров направлено на реализацию внедренческих тем и практических рекомендаций, 25% на совместные исследования, 15% на оказание научной помощи и подготовку кадров. Кроме того, координация и консультация проводятся с десятками учреждений.

Институт руководит работой секции ГКНТ “Генетические аспекты в проблеме “Человек и биосфера”. В этой работе участвует 18 ведомств, она базируется на координации 32 институтов-исполнителей. За 1974–1980 гг. состоялось 23 заседания секции, среди которых 10 выездных в городах: Вильнюс, Ташкент, Телави, Свердловск, Киев, Алма-Ата, Ереван, Магадан, Байкальск, Кишинев. Заслушан 391 доклад. Опубликовано 315 работ, в том числе 14 монографий.

По вопросам генетики растений и генетики животных, институт ведет совместные разработки с учреждениями ВАСХНИЛ и Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР, с Министерством рыбной промышленности и другими. На средства, выделяемые на космические исследования, за X пятилетку проведено работ на сумму 430 тыс. руб. По разработанному институтом техническим заданиям создан ряд уникальных приборов для проведения генетических исследований в космических летательных аппаратах и для обработки экспериментального материала. Созданы термостатирующие приборы “Термоконт”, “Биокат” и серия приборов типа “Биотерм”, терморегулируемый микроскопный столик “Термист”; контейнеры, обеспечивающие развитие организмов: “Светобъок”, “БК-1”, “БК-2”, “Биофиксатор”. Заканчивается разработка бортовой центрифуги многоцелевого использования. Эти приборы уже применяются для биологических экспериментов на околоземной станции “Салют” как нашим институтом, так и рядом других организаций. Приборы неоднократно экспонировались на Парижском авиакосмическом салоне во Франции 1977 и 1981 гг. и на ВДНХ, где награждались медалями.

По вопросам экологической генетики за пятилетку целевые средства составили около 200 тыс. руб. По отзыву опытной станции А-7566, институт был инициатором: “вновь возникшей проблемы на стыке генетики и экологии, результаты решения которой сыграли чрезвычайно важную роль в формировании теоретической платформы для обоснования комплекса мероприятий в организации охраны окружающей среды в местах расположения промышленных предприятий. Акад. Дубинин Н.П. и руководимые им научные коллективы были и являются в настоящее время единственными представителями экологической генетики, работающими над удовлетворением практических целей промышленной экологии”.

За 15 лет своего существования ИОГен АН СССР выполнил значительный объем работ по установлению и осуществлению международных связей, его деятельность получила признание на международном уровне. С 1972 г. началось двустороннее сотрудничество с Центральным институтом генетики и культурных растений ГАН в Гатерслебене (ГДР), по проблеме 2.7.1 “Молекулярная генетика и генетика соматических клеток”.

С 1974 г. Институт участвует в многостороннем научном сотрудничестве академий наук социалистических стран по проблемам молекулярной биологии (тема 16.2).

С 1973 г., в соответствии с Межправительственным соглашением, Институт общей генетики проводит активное сотрудничество с США по проблеме VII, руководя проектом 02.07-11 “Биологические и генетические эффекты загрязнителей”.

С 1975 г. начато сотрудничество в рамках СЭВ по проблеме III “Охрана экосистем (биогеоценозов) и ландшафта”, тема III.9 “Генетические последствия загрязнения окружающей среды”.

В рамках МАБ Институт сотрудничает по теме № 12 “Демографические и генетические изменения в населении в связи с проблемой урбанизации”.

По линии ИНТЕРКОСМОС проводится совместный эксперимент “Дрозофила” – с Францией.

С Италией начаты совместные исследования по теме: “Изучение и сохранение генофонда хозяйственно-ценных видов животных”.

С отделом физиологии животных Эссенского университета, ФРГ (в рамках Договора), проводится совместная работа по теме: “Направление и переопределение дифференцировки клеток и выделение факторов, направляющих их дифференцировку”.

С МНР начата совместная работа по теме 14.1 “Изучение генофонда с.-х. животных”.

Институт на протяжении всех лет своего существования проводит тесное и плодотворное сотрудничество с болгарскими учеными, оказывает им большую научную и методическую помощь. В декабре 1980 г. после выступления на конференции “Роль культуры в развитии человека и общества” состоялась встреча Генерального Секретаря БКП тов. Т. Живкова с Н.П. Дубининым. Были обсуждены вопросы состояния генетики в Болгарии, взаимодействия советских и болгарских ученых в этой области науки, подготовки кадров. В апреле 1981 г. Институт генетики БАН обратился с письмом в ИОГен АН СССР, в котором писал: “В связи с задачами, поставленными ЦК БКП, руководство Института генетики решило предпринять решительные меры для ускорения подготовки кадров в важных стратегических направлениях генетики”. Институт обратился в связи с этим с просьбой в ИОГен АН СССР.

В мае 1979 г. состоялась торжественная передача Институту биологии МНР лаборатории генетики, созданной при помощи ИОГен АН СССР. Институт вложил много сил и опыта его сотрудников в эту работу, которая началась в 1974 г. в соответствии с распоряжением Президиума АН от 18 апреля 1974 г. за № 10106-580. Был составлен техно-рабочий проект лаборатории. Проведены техническая и технологическая экспертиза. Составлена и согласована с валютным управлением Министерства финансов СССР смета на оплату оборудования, стажировку монгольских специалистов, командирование советских специалистов и пр. В Институте обучены 4 молодых ученых новой лаборатории. Сотрудники ИОГен выезжали в Улан-Батор для оборудования помещений, оказания методической помощи, чтения лекций, консультаций. Была разработана программа исследований до 1984 г. по разделу генетики животных. Первый секретарь Монгольской народной революционной партии Председатель Великого Народного Хурала тов. Ю. Цеденбал принимал Н.П. Дубинина для обсуждения задач развития генетики в МНР.

Аспирантуру нашего Института окончили 11 молодых ученых из социалистических и развивающихся стран (НРБ, ГДР, ВНР, МНР, СВР, АРЕ), в настоящее время

обучаются еще 4 чел. Кроме того, Институт принимает стажеров на сроки от 3 до 12 месяцев. Так, в настоящее время в штате Института работают два сотрудника из НРБ.

Институт общей генетики подготовил и провел 12 международных и всесоюзных (с приглашением зарубежных участников) конференций; принимал активное участие в проведении ряда крупных международных мероприятий, его сотрудники для участия в международных мероприятиях 142 раза выезжали за рубеж в годы 1971–1980. За эти же годы Институт принял 437 иностранных ученых, из них 200 приезжавших на XIV Международный конгресс в Москву.

В 1968 г. сотрудники Института участвовали в XII Международном генетическом конгрессе (Токио), директор института выступал с докладом на пленарных заседаниях XIII и XIV Международных конгрессах. В 1972 г. Институт по просьбе индийских ученых участвовал в подготовке и проведении в Дели Советско-индийского симпозиума “Генные пулы, центры возникновения культурных растений и последние достижения в теории мутаций”. Были проведены четыре Всесоюзных симпозиума (с приглашением иностранных ученых) под общим названием “Молекулярные механизмы генетических процессов” (1970, 1973, 1976 и 1979 гг., г. Москва). Труды симпозиумов оформлялись в виде книг. Симпозиумы явились хорошей школой для молодых ученых СССР и социалистических стран. Они способствовали укреплению авторитета советской биологической науки. Были проведены три Советско-американских симпозиума по охране окружающей среды (в рамках проекта 02.07-11), из них 1-й проходил в Москве, 1974 г.; III – г. Душанбе, 1976 г.; V – г. Баку, 1978 г. (II, IV и VI проходили в США). Проведены два советско-американских симпозиума по токсикологии продуктов переработки горючих сланцев в г. Таллине (1976 и 1978 г.), готовится третья советско-американская встреча в Таллине.

Сотрудники ИОГен принимали активное участие в подготовке и проведении 4-х научно-координационных совещаний в рамках СЭВ, по теме III.9, из них первое – во многом определившее дальнейшее сотрудничество, проходило в Москве в 1977 г. в Институте общей генетики АН СССР.

За время работы сотрудники Института награждены:

Лауреат Ленинской премии	– 1
Ордена СССР	– 10
Медали правительственные	– 27
Памятные медали	– 5

Награды ВДНХ:

Диплом Почета ВДНХ	– 3
Диплом ВДНХ	– 6
Золотая медаль ВДНХ	– 3
Серебряная медаль ВДНХ	– 8
Бронзовая медаль ВДНХ	– 27
Всего наград ВДНХ	– 47

Институт награжден почетными грамотами. Из них отмечу следующие: в 1972 г. Черемушкинский РК КПСС, Исполком районного совета депутатов трудящихся, Районный Комитет ВЛКСМ наградили коллектив Института общей генетики АН СССР Почетной грамотой за достижения высоких показателей в честь 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик; Черемушкинский РК КПСС наградила коллектив Института общей генетики Почетными грамотами за высокие производственные показатели, достигнутые в социалистическом соревновании научно-исследовательских учреждений района в 1977 г., и в 1980 г.; в честь 60-летия Великой Октябрьской Социалистической революции в 1977 г.

Президиум Академии наук СССР и Президиум Центрального Комитета Профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений наградили Почетной грамотой коллектив Института общей генетики АН СССР за успешное выполнение социалистических обязательств в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина и достигнутые результаты в развитии фундаментальных исследований, технического прогресса и подготовке научных кадров.

Определенное место в жизни Института в течение всех 15 лет занимала деятельность методологического семинара. За эти годы состоялось 124 заседания. В его работе было поднято несколько крупных вопросов марксистско-ленинской философии в генетике. Наибольшую известность получил анализ проблемы человека в аспекте диалектики социального и биологического. Одним из звеньев в этой работе было появление статьи “Наследование биологическое и социальное” в журнале “Коммунист” № 11 за 1980 г. Первый секретарь Черемушкинского РК КПСС И.А. Тихомолов писал в газете “Московская правда” (№ 49, 26 апреля 1978 г.) следующее: “У широкой научной общественности – биологов, генетиков, медиков, философов – большой авторитет завоевал методологический семинар, работающий в Институте общей генетики АН СССР (руководитель семинара – директор Института, акад. Н.П. Дубинин), который является опорным методологическим семинаром в районе. Главное его достижение – разработка крупнейших философских и социальных проблем современного естествознания. На занятиях рассматриваются закономерности индивидуального развития человека, становление личности под влиянием социальных и генетических факторов, их диалектическая взаимосвязь. Значение данной проблематики трудно переоценить, ибо от выработки правильных мировоззренческих позиций ученых во многом зависит судьба новых открытий биологов, использование их на благо человечества. Этот семинар вносит, по нашему мнению, ощутимый вклад в разоблачение евгенических и расистских теорий, а также попыток биологической интерпретации социальных явлений”.

Руководство ООБ никогда никаких замечаний Институту не делало, его планы и отчеты утверждались. Задержка в утверждении планов была лишь в 1979 г., в ответ на задержку в переводе из Института лаборатории Гольдфарба. В своих докладах на общих собраниях ООБ академик-секретарь М.С. Гиляров приводил факты о многих важнейших работах по фундаментальным и внедренческим темам, выполненным в ИОГен АН СССР. Деятельность директора как академика и руководителя института за все 15 лет признавалась удовлетворительной.

В этих условиях трудно понять решение Научного совета по генетике и селекции, принятое на заседании от 17 апреля 1981 г., проведенном совместно с руководством ООБ (М.С. Гиляров) под председательством Д.К. Беляева. Надо сказать, что функция советов, это координация исследований, планов и отчетов учреждений, им несвойственны задачи оценки деятельности учреждений. Это работа ООБ. Вопреки этому совет взялся за дело оценки и написал отрицательное решение. Институт общей генетики не оповещался о повестке заседания, на заседании не было руководства института, что создало дополнительные элементы свободы рук. Это был неправильный, некорректный акт, далекий от академических традиций и от понимания норм взаимоотношений между учеными. Более того, мои обращения в аппарат Научного совета и ООБ с просьбой ознакомить с решением и с протоколом заседания Научного совета от 17 апреля ничего не дали. Я получил отказ. Научный совет на 8 июня назначил повторное рассмотрение вопроса о деятельности ИОГен АН СССР. В такой обстановке я, не имея материалов заседания от 17 апреля, не мог участвовать в этом заседании. Должен сказать, что решение от 17 сентября принято 15 голосами. В научном совете состоит 56 человек.

Неправильно, что в комиссии ООБ по обследованию деятельности Института цитологии и генетики СО АН СССР включаются представители ИОГен АН СССР

без согласования с дирекцией. При этом посылаются д.б.н. Б.В. Конюхов в 1976 г., В.А. Шевченко в 1981 г., стоящие в оппозиции к руководству ИОГен АН СССР.

В течение 4 лет Институт общей генетики обследовался комиссиями Президиума АН СССР. Однако мнение комиссии, работавшей в 1980–1981 гг., предлагают оценить ООБ. При этом даже в повестке настоящего общего собрания Отделения указано, что вопрос ставится по указанию руководства. Момент для такой оценки явно неподходящий, так как обстановка накалена под действием организованных писем и жалоб. Получается так, что у самого руководства ООБ нет желания вскрыть истинные причины напряженности в институте. Руководство ООБ избегает обсуждения вопроса с коллективом института, с его общественными организациями.

Конечно, такое положение неслучайно. Оно связано с определенной слабостью руководства отделения. Перед комплексом наук, объединяемых в ООБ, стоят крупнейшие задачи, без решения которых мы не сможем оказать нужной помощи при интенсификации сельского хозяйства, помощи медицине и работам по охране среды окружающей людей. В этом плане немало делается по отдельным институтам. Однако ООБ выступает только как регистратор того, что делается. Имеется богатейший материал по теории эволюции, его творческое освоение – это важнейшая задача. За рубежом подымает голову воинствующий антиэволюционизм. Отделение не ставило проблем эволюции на должном уровне. Крупные достижения ИОГен по оценке темпа частоты генных мутаций у человека встречаются равнодушно. ИОГен АН СССР представлял заявку для доклада на эту тему на Президиуме АН СССР, это не состоялось. Руководство Отделения общей биологии не реагировало обоснованным документом на предложение Л.И. Брежнева о создании международного комитета ученых, которые должны оценить последствия ядерной войны. Институт общей генетики дал свой прогноз об объеме поражения наследственности в этих условиях. Однако нужен голос Отделения.

Продовольственная программа, ставшая одним из нервов в жизни нашей страны, не становится таковым для ООБ. Не создается комплексная целевая программа по этому актуальнейшему вопросу, охватывающая все институты Отделения. Равнодушие руководства Отделения отчетливо сказалось на вопросе об экспериментальной базе для ИОГен. 15 лет мы бьемся, пытаемся организовать такую базу, ее наличие во многом могло интенсифицировать помощь со стороны генетики сельскому хозяйству. В данный момент Ю.А. Овчинников сказал, что Президиум поддержит организацию такой базы. Е.Н. Мишустин при обсуждении на секции вопроса о продовольственной программе сказал, что надо такую базу организовать. Руководство Отделения молчит.

В 1979 г. Бюро Отделения общей биологии рекомендовало продлить срок моей работы директором Института на последующие пять лет. Эта рекомендация действует до 1984 г. Президиум не утвердил этой рекомендации, однако никаких оргвыводов не было сделано.

Непонятно, что же происходит на данном общем собрании. Как будто бы не было решения 1979 г., без всякого согласования с уставом АН СССР, М.С. Гиляров выступает докладчиком о директоре Института. В повестке дня общего собрания Отделения общей биологии нет вопроса о директоре Института. Стоит только вопрос о результатах работы комиссии Президиума АН СССР. М.С. Гиляров только на самом собрании внезапно объявил о включении в повестку дня вопроса о рекомендации директора на новый срок. Все это показывает, что вопрос о директоре ИОГен АН СССР ставится не в установленном порядке и в обычные сроки, а внезапно и с нарушением правил процедуры.

Руководство Отделения проходит мимо острых методологических проблем. Не ставится, как вопрос большой теории, методологическая проблема единства и раз-

личный биологических законов и молекулярных, физико-химических основ жизни, в свете чего оправдано само существование ООБ.

Идет дискуссия по проблеме человека, разбирается вопрос о наследовании биологическом и о наследовании социальном. В этом вопросе как в фокусе завязаны узлы современной биологии, диалектического материализма и практики формирования нового человека. Руководство ООБ избегает этих вопросов.

Все это привело к тому, что ООБ не заняло полагающееся ему по праву положение руководящего центра нашей биологии. Его характеризуют слабые позиции в АН СССР. Имеются крупные недостатки в материальном положении для всех институтов Отделения. В сравнении с другими Отделениями естественно-научного профиля, по строительству, оснащению приборами, по кадрам ООБ стоит на недопустимо низком уровне. Я уже не говорю о такой секции, как физико-технических и математических наук, хотя задачи биологии имеют не меньшее значение. Я только что был в Одессе и смотрел Генетико-селекционный институт, их положение гораздо лучше. У наших институтов экспериментальных баз, за отдельными исключениями, или нет, или они на низком уровне. Большие затруднения с печатью. Для ИОГен АН СССР на 1981 г. Бюро ООБ утвердило 53 листа, и это на целый институт! Так этого мало, сейчас, по заявлению Т.Н. Щербиновской, оставили всего 33 печ. листа. Мы боремся, чтобы было 40 печатных листов. Это смехотворно.

Посмотрите, в каком жалком помещении расположен Институт эволюционной морфологии, где работают академики М.С. Гиляров и В.Е. Соколов. До сих пор не решаются вопросы лаборатории лесоведения, несмотря на признание заслуг В.Н. Сукачева. Большие трудности стоят перед помещением Института ботаники в Ленинграде и другое.

Конечно, все это решить нелегко. Если бы Отделение смогло оформить, продумать и защитить конкретные целевые, крупные программы по развитию фундаментальных проблем общей биологии, если бы была показана реальная, экономически твердая связь с сельским хозяйством, медициной, микробиологической промышленностью, защитой среды обитания человека, наверно положение бы заметно изменилось к лучшему. Это оказало бы немалое влияние и на развитие биологии как науки в стране в целом.

Я говорю эти неприятные вещи сейчас, потому что их надо когда-то сказать. Конечно, я знал о них и раньше, сам состою в Бюро ООБ. Однако постоянные закулисные атаки, несправедливые обвинения, предъявляемые к ИОГен и ко мне лично, сдерживали, в таких условиях легко быть неправильно понятым. Сейчас считаю необходимым это сказать.

Что касается Института общей генетики АН СССР, то, несмотря на трудности, его научный и кадровый рост очевиден, в нем идут работы по крупным разделам науки и практики.

Многими узами институт связан с развитием генетики в стране в целом. Этому имеется достаточно доказательств. Приведу лишь один пример. В Одессе 19–22 мая 1981 г. проходил IV съезд генетиков и селекционеров. В связи с этим Президиум Украинского общества направил акад. Ю.А. Овчинникову письмо, в котором, в частности, было написано: “Под влиянием идей, выдвигаемых Н.П. Дубининым, находится вся генетическая школа Украины, как в научно-исследовательских учреждениях, так и в высших учебных заведениях республики. Многие ученые Украины были сотрудниками Института цитологии и генетики СО АН СССР (Новосибирск), созданного Н.П. Дубининым... аспирантами Института общей генетики АН СССР, также созданного Н.П. Дубининым... Ряд выдающихся ученых-генетиков и селекционеров Украины... работают в тесном контакте с Н.П. Дубининым”. Такие признания получены не только из Украины.

Должен сказать, что сам факт организации Института общей генетики АН СССР на переломном этапе нашей биологии, в 1966 г., и его деятельность в годы

1966–1981 уже заняли свое место в истории советской генетики, ему предстоит еще много сделать в будущем. В 1969 г. работала комиссия ОБН, в ней участвовали генетики П.Ф. Рокицкий, С.М. Гершензон, В.Л. Рыжков и др., председателем был К.М. Рыжиков. В выводах комиссии записано: “Институт общей генетики АН СССР является ведущим в нашей стране, разрабатывающим теоретические проблемы генетики. Работы Института имеют большое значение как научная основа селекции животных и растений”.

После работы аналогичной комиссии 1975 г. Бюро Отделения общей биологии под председательством Я.В. Пейве записало в своем постановлении: “Бюро Отделения общей биологии отмечает, что Институт общей генетики АН СССР как самостоятельное учреждение был создан в системе АН СССР в 1966 г. В настоящее время это один из крупнейших центров страны, в котором осуществляются исследования по фундаментальным проблемам генетики, и разрабатываются научные основы селекции микроорганизмов, растений и животных. Для работы Института характерно стремление связывать глубокие теоретические исследования с актуальными задачами практики сельского хозяйства и здравоохранения”.

В 1977 г. начала работать первая комиссия Президиума АН СССР в составе В.Е. Соколова, М.С. Гилярова, Т.М. Турпаева, Р.Б. Хесина-Лурье и др. В 1979 г. работала вторая комиссия, которая записала: “Исследования, проводимые в Институте общей генетики АН СССР (ИОГен АН СССР)... отвечают постановлению Президиума АН СССР № 285 от 25 марта 1966 г. ... В состав ИОГен на 1 декабря 1979 г. входят 19 лабораторий и групп (...) Ознакомление с деятельностью каждой лаборатории показало, что большинство из них ведет исследования на должном уровне”. Указано на успехи лабораторий, где заведующими являются Н.П. Дубинин, Ю.П. Алтухов, С.Я. Краевой, Б.В. Конюхов, Г.Д. Засухина, А.А. Прозоров, Р.И. Хильчевская, С.И. Городецкий.

В этой комиссии работали В.Е. Соколов, Н.В. Цицин, Г.П. Георгиев, В.А. Струнников, Б.А. Неунылов, П.И. Лапин и др.

В 1980–1981 гг. работала 3-я комиссия Президиума, которая также не предъявила претензий к научно-организационной работе, к планированию научных исследований, которые осуществляются в соответствии с основными направлениями, утвержденными Президиумом АН СССР, к срокам представления планов и отчетов. В комиссии работали В.А. Фокин, В.Е. Соколов, Е.Н. Мишустин, К.М. Рыжиков, Г.П. Георгиев, А.С. Хохлов, Л.П. Татаринов. Естественно, что у института есть недостатки, на что указала и работа комиссий.

Институт, его руководство, общественные организации со всем вниманием учтут замечания комиссий, особенно комиссии 1980–1981 гг.

Вчера акад. А.В. Фокин докладывал заключение комиссии 1980–1981 гг. на собрании Ученого совета, партийного бюро и местного комитета. Выводы комиссии высоко оценены сотрудниками Института, они будут внимательно изучены и приняты к исполнению. Позвольте, однако, сделать несколько замечаний по указанному тексту заключения. На первой странице перечисляются заведующие, которые обратились с письмами на имя Президента АН СССР. В число заведующих ошибочно включены Г.А. Дворкин и В.А. Тарасов. Лаборатория В.А. Шевченко организована не в 1972, а в 1978 г., лаборатория Ю.П. Алтухова создана не в 1972 г., а в 1978 г. Но это мелочи. Серьезные претензии выражены в отношении изменений структуры Института и кадровой политики. Указано, что из 13 лабораторий, учрежденных в 1966 г., к 1981 г. осталось только 4. Однако я должен отметить, что в 1966 г. было 12 лабораторий и что главным является учет основных направлений, которые были признаны за ИОГен АН СССР Постановлением Президиума АН СССР от 1966 г. Если иметь в виду направления, выраженные 12-ю лабораториями 1966 г., то получим следующее:

Лаборатории 1966 г., заведующие	Лаборатории 1981 г. по тем же направлениям, заведующий или руководитель группы
1. Лаборатория мутагенеза, Дубинин Н.П. 2. Лаборатория молекулярной генетики бактерий и фагов, Гольдфарб Д.М. 3. Лаборатория молекулярной генетики высших организмов, Сидоров Б.Н. 4. Лаборатория цитогенетики, Соколов Н.Н. 5. Лаборатория физиологии и экологии вирусов, Сухов К.С. 6. Лаборатория генетических методов селекции микроорганизмов, Косиков К.В. 7. Лаборатория генетических методов селекции растений, Краевой С.Я. 8. Лаборатория генетических методов селекции животных, Глембоцкий Я.Л. 9. Лаборатория иммуногенетики животных, Кушнер Х.Ф. 10. Лаборатория космической генетики, Ваулина Э.Н. 11. Лаборатория эволюционной генетики, Дубинин Н.П. 12. Лаборатория радиационной генетики млекопитающих, Арсеньева М.А.	1. Лаборатория мутагенеза, Дубинин Н.П. 2. Лаборатория генетики микроорганизмов, Прозоров А.А. Лаборатория плазмид, Пехов А.П. Нет 3. Лаборатория цитогенетики, Гарина К.П. 4. Группа в лаб. генетики растений, работающая с 1966 г., Сухов К.С. 5. Группа в лаб. мутагенеза, Косиков К.В. 6. Лаборатория генетических методов селекции растений, Краевой С.Я. 7.8. Лаборатория генетики животных, Машуров А.М., Х.Ф. Кушнер (умер) Я.Л. Глембоцкий – научный консультант 9. Лаборатория космической генетики, Ваулина Э.Н. 10. Лаборатория генетики популяций, Алтухов Ю.П. 11. Группа радиационной генетики млекопитающих в лаб. экологической генетики, работающая с 1966 г., Померанцева М.Д.

Таким образом, анализ содержания работ ИОГен АН СССР показывает, что из 12 направлений 1966 г. в 1981 г. разрабатывается 11 направлений. Нет только лаборатории молекулярной генетики высших организмов.

Что касается лабораторий, созданных после 1966 г., то, как правило, их заведующие стабильно работают с момента организации лабораторий: Б.В. Конюхов с 1969 г., В.А. Шевченко, с 1966 г., К.П. Гарина с 1966 г., А.А. Прозоров с 1974 г., Ю.В. Пашин с 1969 г., Г.Д. Засухина с 1974 г., Р.И. Хильчевская с 1973 г., Ю.П. Алтухов с 1972 г., Н.П. Дубинин с 1966 г., С.Я. Краевой с 1966 г., Э.Н. Ваулина с 1966 г., М.Д. Никитин с 1979 г., Ф.А. Ата-Мурадова с 1971 г., А.М. Машуров с 1977 г., Г.В. Лопашов с 1980 г., А.П. Пехов с 1979 г., С.И. Городецкий с 1971 г., Ю.Г. Рычков с 1977 г., А.А. Созинов с 1979 г.

Что касается организации новых лабораторий, то нельзя забывать, что за прошедшие 15 лет в науке и практике возникли новые направления. То, что Институт откликнулся на них – это его заслуга. Так, в 1970-х гг. во весь рост встала проблема охраны среды, окружающей человека. В Институте в 1974 г. были созданы лабора-

тории генетического мониторинга и мутагенов среды. Комплекс из этих лабораторий с лабораториями популяционной генетики и мутагенеза успешно стал решать вставшие проблемы. Настоятельно вставали проблемы экологической генетики, вначале был создан кабинет, а в 1978 г. лаборатория под таким названием. Все серьезнее вставали проблемы генетики человека, не в медицинском, а в общебиологическом аспекте, в 1977 г. была создана такая лаборатория.

Нельзя недооценивать роли гибкости структуры исследовательского учреждения, особенно в такой бурно развивающейся науке как генетика. В связи с этим, я должен сказать несколько слов об институте в Академии наук как об основной исследовательской единице. Организация науки в системе института имеет немало недостатков. Главный из них – это все упорчивающаяся закостенелость отдельных лабораторий. Люди десятки лет занимаются тематикой, интересующей зав. лабораторией. Это хорошо, когда работа ведется в плане крупных задач. Но Вы ничего не можете сделать, если это не так. Смелым человеком должен быть директор, когда он в институте реально требует гибкости в организации науки, трудно ему жить на этом свете. А ведь задачи науки растут, они требуют новых подходов, методов, более решительного введения целевых программ, обращения к самым главным проблемам науки и практики. Попробуйте полноценно это делать в рамках существующих структур и традиций институтов.

С этим же связан вопрос, что в ряде случаев развитие некоторых новых направлений приходится поручать кандидатам наук. В некоторых случаях кандидатов наук прямо избирают в академики. Это не значит, что критика идет в адрес докторов, конечно, нужен рост тех кандидатов, которым поручены лаборатории.

В замечании комиссии указано, что в ИОГен АН СССР из 19 лабораторий 7 возглавляются кандидатами наук. На это обращали внимание и предыдущие комиссии. Один из заведующих кандидатов (А.М. Машуров) в ближайшее время защищает диссертацию на степень доктора биологических наук. Должен отметить, как научно недостойный факт, что решение Научного совета по проблемам генетики и селекции от 17/IV-1981 г. безосновательно обрушилось на монографию А.М. Машурова. Эта книга на самом деле получила широкий положительный отклик.

Кандидаты наук успешно заведуют уникальными лабораториями, которые представлены только в ИОГен АН СССР, это касается лаборатории космической генетики, генетического мониторинга, мутагенов среды. Мы сопоставили продуктивность работы 4-х лабораторий, руководимых оппозиционно настроенными докторами наук, с работой 4-х лабораторий, заведующие которых кандидаты наук, резко критикуемые этими докторами.

Таким образом, по всем, без исключения, параметрам лаборатории, где заведующими являются кандидаты наук, имеют более высокие показатели при меньших затратах. Это показывает интенсивность работы и достаточно высокую квалификацию этих заведующих, мы предъявляем им требование о защите ими докторских диссертаций.

Комиссия делает замечание, что в 1979 г. два заведующих лабораториями в ИОГен не имели научной степени. Таких лабораторий и таких заведующих в ИОГен нет.

С некоторыми лабораториями действительно были трудности. Четыре лаборатории в сложных условиях первых двух лет создания ИОГен распоряжением Президиума АН СССР в 1967 г. были переведены в Институт биологии развития к акад. Б.Л. Астаурову. Мотивы этого перехода достаточно сложны. После этого борьба обострилась в связи с деятельностью Д.М. Гольдфарба. Как записано в заключении комиссии: “наибольшие потрясения и обвинения в адрес дирекции инсти-

**Сравнение эффективности работы 4-х лабораторий,
руководимых д.б.н., и 4-х лабораторий, где заведующие к.б.н.,
за пятилетку (1976–1980 гг.)**

	Зав. лабораториями		Продукция на одного научного сотрудника	
	д.б.н.	к.б.н.		
	Конюхов Засухина Шевченко Прозоров	Машуров Пашин Хильчевская Ваулина	I группа	2 группа
Опубликовано работ	208	187	6,6	7,42
Монографий	5	8	0,16	0,32
Статей в зарубежных изданиях	14	13	0,44	0,52
Авторские свиде- тельства	1	4	0,03	0,16
Хоз. договора	3 на 235 т.р.	8 на 410 т.р.	0,09	0,32
Договора о соц. содру- жестве	14	18	0,44	0,69
Международное сотрудничество	–	5		0,20
Орг. работа: советы, секции, проекты	1	3	0,03	0,12
Организовано конфе- ренций	4	24	0,13	0,95
ВДНХ, медали	1с 16	1 дип. поч. 13 дипломов 2 с 5 6		
Награды		Орден Знак Почета		
Количество научных сотрудников	31	25		
Всего работающих в лабораториях	65	53		
Зарплата научных сотрудников т.р.	7493,0	5578,0	241,7	223,1
Зарплата всех работающих в год	10895,6	8172,5	160,7	154,3

тута происходили при переходе лаборатории д.б.н. Д.М. Гольдфарба в Институт химической физики. Только после ухода выяснилось, что Д.М. Гольдфарб уезжает в Израиль” (стр. 5). Эта лаборатория в 1979 г. была переведена распоряжением Президиума АН СССР, несмотря на решительные возражения со стороны ИОГен АН СССР. Наконец, 14 апреля 1981 г. была упразднена лаборатория молекулярной генетики высших организмов. Недостатки ее тематики и факты недостойного поведения зав. лаб. д.б.н. Н.Г. Шуппе обсуждались на партбюро и на двух заседаниях

Ученого совета ИОГен АН СССР. 14 апреля 1981 г. Ученый совет Института 22 голосами против 5 высказался за упразднение лаборатории.

Отмечу еще одно место в заключении комиссии, где написано:

“ак. Н.П. Дубинин находится в научной конфронтации с многими ведущими генетиками в Москве и в Новосибирске”. Это неточная формулировка, которая может быть неверно понята. Никаких расхождений по основам генетики у нас нет. Все мы работаем в системе понятий и методов современной генетики. Расхождения имеют другой характер, они касаются оценки положения в нашей генетике, понимания философских основ проблемы человека, взглядов на прошлое и на будущее нашей науки.

Я должен обратить Ваше внимание также и на следующее место заключения комиссии: “Для исправления положения в Институте использованы не все меры: не состоялось обсуждения претензий авторов писем с дирекцией в присутствии представителей Райкома партии и других партийных организаций. Не было организовано обсуждения в Институте и выводов комиссий Президиума АН СССР на открытом партсобрании Института. Дирекция и руководители партийной организации не приглашались в Президиум АН для доклада о создании здоровой обстановки в Институте” (стр. 9).

Это важный пункт в выводах комиссии. Беда положения состояла в том, что весь ход разбирательства положения в Институте был лишен элементарной гласности. Все делалось за закрытыми дверями, ни партбюро, ни дирекция до сих пор не знают, что собственно писали критики, обращаясь в Президиум АН СССР и в директивные органы. О характере обвинений можно только догадываться из текстов заключения комиссий. Более того, многое делалось так, чтобы не допустить учета мнения коллектива Института. Вместо того, чтобы после первой же комиссии прийти в Институт и с его коллективом обсудить недостатки в работе, этого не делалось. Вновь посылались письма и в ответ учреждались новые комиссии. Такое положение вызвало в коллективе Института недоумение и тревогу, оно окрыляло, сплачивало жалобщиков.

В трех экстраординарных комиссиях Президиума АН СССР, работавших 4 последние года, принимали участие 7 академиков и 10 членов-корр. АН СССР. Сколько же сил, времени столь квалифицированных кадров потрачено на вопросы, которые давно можно было бы решить при правильном подходе к делу?

Затронула ли критика со стороны трех комиссий Президиума АН СССР научные основы работы ИОГен АН СССР, характер развиваемых в нем направлений генетики, связь его работ с практикой? Нет, такой критики в заключениях комиссий не представлено. Напротив, научные направления одобрены. Научные достижения ИОГен АН СССР признавались ООБ и Президиумом. За эти годы в сводках Президиума АН СССР десятки работ Института приводятся среди важнейших достижений по естествознанию. В 1980 г. по представлению Бюро Научного совета по проблемам генетики и селекции и Бюро Отделения общей биологии Президиум в числе важнейших достижений ввел 11 работ ИОГен АН СССР, что составляет более четверти среди всех разработок в системе АН СССР по проблемам генетики и селекции.

Подводя итоги оценки работы ИОГен АН СССР, можно сказать следующее:

- 1) Институт выполняет возложенные на него задачи по развитию фундаментальной генетики и это признано всеми комиссиями.
- 2) Институт ведет большую внедренческую работу. Об этом свидетельствуют имеющиеся документы. За успехи в соцсоревновании получены грамоты.
- 3) Институт ведет большую работу по развитию генетики в союзных республиках, в стране в целом, идут совместные работы, консультации, подготовка кадров.
- 4) Институт ведет большую научно-организационную работу, координируя десятки институтов по проблеме генетических аспектов

биосферы и в других областях. 5) Институт успешно ведет научное сотрудничество с другими странами. 6) Институт является центром методологической работы по философским вопросам современной генетики, общепризнанны его заслуги в развитии марксистско-ленинских мировоззренческих позиций. 7) Институт занимает правильные позиции в идеологической борьбе по стратегическим проблемам генетики и по проблемам человека.

В чем же дело, чем вызвана напряженность в Институте? Почему напряженность увеличивается? В заключении комиссии 1981 г. приводится высказывание ряда сотрудников, что: “конкретных причин для серьезных обвинений в адрес акад. Н.П. Дубинина, заявители не имеют. Они отмечают, по их мнению, недостойное поведение В.А. Тарасова и В.А. Шевченко, учеников Н.П. Дубинина, которых он воспитал и которые под его руководством из аспирантов выросли до докторов наук... что нестабильности Института содействовала слабая работа секретаря парт-организации д.б.н. В.А. Шевченко, который вместо устранения противоречий пошел по пути жалоб в Президиум АН СССР вместе с группой других заявителей.

Трудно вынести четкое заключение о причинах создавшегося положения в Институте. Ситуация в ИОГен не может рассматриваться в отрыве от положения в академической генетике в целом. Известную роль в имеющихся разногласиях сыграла и разная оценка значения генетических и социальных факторов в поведении и развитии человека и нюансы отношения к отдельным моментам истории генетики. Возможно также, что здесь нашло отражение соперничество лидирующих ученых в области генетики. Однако доля ответственности за конфликтную ситуацию в Институте лежит на ак. Н.П. Дубинине... Акад. Н.П. Дубинин не сумел сплотить Институт в единый творческий коллектив”.

За каждой фразой этого места заключения комиссии стоит очень много! Каждую из них можно развернуть в серьезную проблему. Во всяком случае, эти фразы показывают, что в Институте и вне его есть силы, заинтересованные в том, чтобы нанести урон Институту. Думаю, что то и другое связано между собой.

Какое реальное положение в коллективе Института? Среди 19 заведующих лабораториями 4 встали на путь ожесточенной борьбы против руководства Института, против партбюро, Ученого совета, МК профсоюза. Партийная организация сплочена вокруг партбюро. Основная масса сотрудников хотят нормально работать при существующем научном, партийном и профсоюзном руководстве. В единстве основных сил Института, которые осуждают неправильное поведение 4-х заведующих и то, что они неверно влияют на подчиненных им молодых сотрудников, можно убедиться по документам и вновь его подтвердить.

Ирония положения состоит в том, что лаборатории, возглавляемые 4-мя борющимися заведующими, имеют необходимые кадры, рабочие помещения, оборудование и другие условия. Эти условия лучше, чем у сотрудников других институтов ООБ. Стоит лишь указать, что за эти годы Институт удвоил свои рабочие площади, дополнительно получив современный экспериментальный корпус в 5747 м². Выдвигаемые конкретные требования ничтожны, а претензии на смену руководства Института имеют ожесточенный характер. Шевченко, Конюхов, Засухина, Прозоров отклоняют предложения о нормализации, которые предлагались партбюро, МК профсоюза и дирекцией ИОГен АН СССР. Что же двигает этой организованной группой людей? Вряд ли они не понимают, что их борьба наносит вред развитию генетики в стране. Разве разгром Института что-либо даст генетике? Разве враги нашей страны не получают хороший мотив для антисоветизма?

Директор мог допускать и допускал ошибки. Однако такая ожесточенная борьба против Института и его руководства не отвечает реальному положению дела. Ее накал вызван другими мотивами. Какими? Об этом можно только гадать. Во всяком случае, эта борьба возможна лишь при условии, когда внешние силы создают у бор-

цов впечатление об их полной свободе, о том, что участь директора Института predetermined. Если бы этой уверенности у них не было, они бы откликнулись на предложения о нормализации, неоднократно выдвигавшиеся партбюро и дирекцией. Небольшая группа людей, закусив удила, искусственно вызывают недовольство, напряженность в коллективе, неверно информируют подчиненных, возбуждают молодежь, добиваются расправы с руководством Института.

Дирекция ИОГен готова критически рассмотреть свою деятельность, учесть горький урок прошедшего периода, сделать все необходимые усилия для создания нормального положения в Институте. Такая работа предполагает встречные усилия со стороны указанных выше четырех заведующих лабораториями.

Крайние подходы, волевые решения нанесут раны нашей науке, которые долго будут напоминать о себе. Позвольте сделать последнее замечание. Удивляет то обстоятельство, что вопрос об ИОГен рассматривается как особо срочное дело. В период полевых работ собирают людей со всей страны. После XXVI съезда КПСС перед Отделением общей биологии стоят особо крупные задачи. Просто удивляет судорожное действие в отношении ИОГен. Комиссия Президиума АН СССР только сегодня ознакомила ООБ со своим заключением. Только вчера комиссия выступала перед коллективом ИОГен АН СССР. В спокойном заключении комиссии есть основа для внимательного анализа причин напряженности в ИОГен АН СССР. Казалось бы, задача общего собрания Отделения общей биологии состоит в том, чтобы указать, в каком направлении должна идти работа по улучшению работы в ИОГен АН СССР. Однако в повестку дня, с нарушением правил процедуры, внезапно вставлен вопрос о директоре института. Это меняет положение дела. Несмотря на работу комиссии, вопрос оказывается уже predetermined. Зачем вновь принимать решение, если оно уже принято в 1979 г.? Все его показывает отсутствие желания серьезно проанализировать работу ИОГен. Налицо стремление свести дело к фигуре директора института. При искусственном напряжении в ИОГен, при наличии противоречий по вопросам генетики и биологии, предугадать решение не трудно. Хочу сказать, что, говоря о решении в таких условиях, следует помнить, что в прошлом, в искусственно создаваемых условиях, было принято решение Президиума АН СССР об упразднении лаборатории Дубинина в 1948 г.; по личному указанию Н.С. Хрущева Дубинин был снят с поста директора Института цитологии и генетики в 1960 г. ИОГен занимает особое место в истории нашей науки, его работа связана с судьбами советской биологии. Неправильные волевые решения в условиях искусственно ужесточенной обстановки, как бы они внешне ни были обставлены, совершенные в адрес Института общей генетики и его директора, будут иметь четкие научные, социальные и идеологические последствия. Искусственно насаждаемый раскол, вызываемый группой людей в контакте с внешними силами, организация недовольства, брожения в ячейке советской науки, обман молодежи, и как апогей – попытка расправиться с коллективом ИОГен и его директором, – все это требует пристального внимания. Это нехорошее начало, оно может иметь дурные последствия.

Далее мы приводим некоторые выдержки из стенограммы этого заседания⁴.

Выступление члена-корреспондента А.А. Жученко:

Я думаю, Меркурий Сергеевич, что сегодня Общему собранию Отделения поставлено много сложных вопросов. Практически речь идет о том, чтобы мы отве-

⁴ Стенограмма Общего собрания Отделения общей биологии Президиума АН СССР 10 июня 1981 г. АРАН. Ф. 1677. Оп. 1. д. 189. Лл. 1–177.

тили на вопросы, которые были доложены комиссией относительно жалоб, относительно научного уровня Института общей генетики и о соответствии директора Института – то есть задано три крупных вопроса.

По первому вопросу. Каждый директор в соответствии с Уставом и принятыми в стране положениями, и только он утверждает структуру института в пределах выделенного фонда заработной платы. Это всем известно. Директор имеет право и должен структуру института рассматривать не как цель, а как средство решения задач, задач динамичных, особенно в области общей генетики. Здесь присутствует много руководителей научных учреждений, – я думаю, они понимают это, и председатель комиссии об этом говорил, что эти цифры, не выходящие за нормы.

Была ссылка на письмо товарища Месяца. Об этом много сегодня говорилось. Сейчас мы пытаемся дать оценку научной деятельности института. Я думаю, что мы нарушаем элементарный порядок, который принят в нашем государстве. 750-е постановление ЦК КПСС, как известно, предусматривает порядок оценки научной и научно-организационной деятельности каждого научного учреждения: раз в три года создается компетентная научная комиссия, которая проверяет работу данного института и на этот вопрос дается ответ. (...)

Возникает вопрос: если на Бюро Отделения возникает вопрос относительно Института общей генетики, почему не был осуществлен такой подход?

Мне думается, указание Ваше, Меркурий Сергеевич, Бюро Отделения дать такое скоротечное заключение научной деятельности института, было неправомерным.

Третий вопрос – относительно директора. Думаю, что вопрос выходит за рамки просто должности директора, потому что место Николая Петровича Дубинина в нашей биологии и генетике значительно шире Института общей генетики и затрагивает всех.

Последние 20 лет генетика развивается. Она развивается медленно. Здесь говорили, что два человека, воспитанники Николая Петровича ушли. Николай Петрович воспитал сотни генетиков и за последние годы написал груды книг. В этих книгах отражена деятельность института. Это большой барометр и показатель работы.

Думаю, что без всякой натяжки мы сегодня говорим о том, что Дубинин – генетик номер первый, Дубинин сегодня – лидер советской генетики. Дубинину сегодня трудно и не только сегодня. Почему? Потому что становление генетики идет сложно, и сегодня публикуются опусы лысенковцев (не буду называть имена), и борьбу приходится вести сегодня под флагом генетики. Какая-то часть людей делает карьеру. Вы можете назвать, можете видеть людей, которые называют себя генетиками, но не имеют ни одной приличной книги, ни одной приличной научной идеи. И с такими людьми Н.П. Дубинин тоже ведет борьбу.

Почему мы не должны говорить прямо, что мы живем в сложное время, живем в условиях идеологической борьбы? И здесь позиции Н.П. Дубинина совершенно ясны. И Дубинину приходится вести работу по всем трем направлениям, плюс удерживать главное.

Думаю, что больше, чем Николай Петрович для чистоты генетики, для развития ее не сделал никто. Дубинина знают в нашей стране, знают в советских, партийных органах, знают школьники.

Если сегодня стоит вопрос о том, чтобы освободить Дубинина от должности директора, что мы ответим этим людям? Повторяю, Дубинина знают ученики. Не знаю, кого из других генетиков так знают. Дубинина не любят за рубежом. Возьмите Гранта, Майера – где ссылки на Дубинина? Забыто все. Его позиция в области социальных проблем генетики, конечно, вызывает неприязнь.

Поэтому вопрос сегодня не только об Институте, не только о Дубинине, он касается положения в биологии в целом.

Думаю, что наше Отделение должно рекомендовать, если это входит в нашу компетенцию, – избрать Николая Петровича Дубинина на пост директора.

Если есть трудности, надо создать, как полагается, комиссию и поручить ей разобраться и высказать свои замечания. Если директора не поддерживают, то тогда начинаются все оппозиции.

И последний вопрос. XXVI съезд партии поставил очень большие задачи перед биологической наукой. Эти задачи касаются нас непосредственно. Я думаю, что мы сегодня с сожалением должны констатировать, что Отделение общей биологии, на мой взгляд, не выполняет роль штаба биологической науки ни в системе Академии наук, ни в системе биологии. Поэтому есть второе предложение: зная как чутко и как внимательно Президиум Академии наук относится и к проблемам сельского хозяйства, и к проблемам биологии, вопрос о задачах Отделения общей биологии, об его укреплении, об укреплении научных позиций и материальной базы Отделения общей биологии рассмотреть на Президиуме и для этого должна быть создана не одна комиссия, на это стоит тратить время, потому что вопрос об осуждении дел в Институте общей генетики во многом связан и является следствием того, что Отделение как следует этим институтом, что видно из всех выступлений, не занималось.
(...)

Г.П. Георгиев: (...) Но в целом развитие работ в области генетической инженерии в Институте общей генетики ни в коей мере не соответствует тому, что должно было быть, и на много уступает в этом отношении Институту биоорганической химии, Институту молекулярной биологии, Институту биологии и биохимии микроорганизмов ВНИИГенетики и целому ряду академических и внеакадемических институтов (...)

И.А. Рапопорт: (...) Это было 16 или 17 лет назад... Но очень скоро под давлением Николая Петровича из Института общей генетики, действительно центрального института по этой специальности в нашей стране, ушли Соколов, Сидоров, Арсеньева... Произошел раскол тогда, когда Николай Петрович выпихнул этих блестящих ученых. С этого все началось и до сегодня это нельзя склестить... Я думаю, что самым важным тезисом в оценке работы Института общей генетики должно быть то, что мы не дали ни одной новой школы... Здесь ничего не было сделано. Все работы, которые были названы, являются средними работами, не достойными Института общей генетики (...)

Ю.И. Полянский: (...) Начинается то, о чем тут сейчас говорили. Уходят Сидоров, Хвостова, Сахаров. ... У нас в цитологии было полное недоумение: что же это делается? ... В чем дело? Почему? Я думаю, что это особое психическое свойство – бонапартизм. Он хочет быть во всем первым и подминать под себя все, даже там, где может и не может.

Возьмите такой простой пример – среднюю школу. И вдруг – захотелось ему написать учебник. Зачем? Что бы быть первым. Но он же ничего в этом не понимает. Ведь средняя школа – это сложная вещь. Я десятки лет преподавал и знаю. И вот он пишет учебник, который совершенно не в его профиле. Министр просвещения говорит: учебник Дубинина нам не подходит. ... Зачем? Чтобы быть первым (...)

Д.К. Беляев: (...) Когда возникла дискуссия по поводу социального и биологического в человеке, требующая максимума осторожности, бдительности и товарищеского отношения, Н.П. Дубинин здесь стал пользоваться той же самой аргументацией, которой пользовались в свое время его и наши общие научные противники из лысенковского лагеря, приклеивая ярлыки инакомыслящих идеологических или политических (...), а Дубинин этим воспользовался. Он пишет на стр. 34 “Вечного движения”, что вот выступил Астауров, и дальше: “вновь чуждая идеология стала отравлять чистые истоки наши...” Что же Астауров – носитель чуждой идеологии?

И не проходит ни одной статьи, где бы на этого, уже покойного человека не навешивался бы этот ярлык идеологической несостоятельности или политической. Как же это можно делать? Ведь нам же с вами приклеивали эти ярлыки, когда мы все боролись за генетику! {...}

Ю.П. Алтухов: {...} В 1948 г. пытались решать недостойными методами и сегодня мы пытаемся решать крайне сложный процесс в науке методом администрирования, потому что-то, что сейчас происходит, заранее предопределено, хотя какая-то разница, может быть, и существует.

Я в институте девять лет, из них шесть с половиной лет – заместитель директора института. Значит я тоже несу ответственность за те события, которые имеют место в нашем институте. Возлагать ответственность только на одного Николая Петровича нельзя.

Есть ли в институте проблемы? Бесспорно они существуют. Я не идеализирую Николая Петровича и не считаю, что все его поступки безупречны и идеальны. Но я не могу согласиться с И.А. Рапопортом, когда он здесь употребил такой термин, что Николай Петрович ведет себя недостойно, а оппоненты Николая Петровича ведут себя в полной мере достойно.

Мне думается, что сегодня более или менее справедливо обрисована ситуация.

В 1966 г. произошел раскол по вопросу биологического и социального в развитии человека. С тех пор по ряду причин, связанных с личностными отношениями, ситуация накалялась.

{...} я могу сказать вам, не ссылаясь на персону, что по словам этого человека, Н.Н. Соколов перед смертью сказал: зря ушли из Института общей генетики, поступили неправильно. {...}

Теперь о положении в институте. В 1973 г. я присутствовал на заседании Совета по проблемам генетики и селекции, где эти вопросы обсуждались еще более остро {...} Один известный ученый после моего выступления в поддержку Николая Петровича спросил меня: не напоминает ли вам ваш институт осажденную крепость?

Это был 1967 г. Сейчас 1981 г. и я могу определенно заявить, что в определенных кругах не только Николай Петрович, но и наш институт – “персона нон грата”.

Нам бросили упрек в том, что мы никак не можем продвинуть в семеноводство картофель “Весна”. А причина важная – были огромные усилия потрачены на то, чтобы добиться экспериментальной базы. Я лично занимался этим вопросом. Несколько лет было согласование практически на всех уровнях, и в хозяйственных органах, и в партийных. Но как только речь зашла о решении этого вопроса в Академии, вопрос этот не решился. Все подготовленные документы лежат где-то под сукном и институт до сих пор не имеет экспериментального хозяйства {...}

Очень легко посоветовать уйти в отставку. Опираясь на опыт многолетних отношений, мы нередко берем на себя смелость решать чужую судьбу. Но я представляю себе, что этот вопрос не столь прост, как мы пытаемся его представить. Я думаю, что трудности института, трудности Николая Петровича и наши трудности связаны не с одними личностными качествами Николая Петровича, хотя возможно, в ряде случаев он дает повод к такого рода соображениям.

Я думаю, тут дело в другом. Это неправда, что в институте не создано никаких научных школ, что институт не имеет серьезных разработок. Я думаю, что трудности Дубинина еще и в том, что целый ряд вопросов, которые поднимаются им, исключительно важны и для науки и для общества. Это острые вопросы. Можно бросить упрек по форме ведения полемики со своими оппонентами, но, если говорить о неких принципиальных вещах, то мне они представляются весомыми.

Та же проблема биологического и социального, о которой здесь упоминалось неоднократно – это центральная проблема, важный мировоззренческий вопрос. И я, как генетик – популяционист, никогда не свел бы эту проблему к такого рода

выводам, которые нам приходилось читать в целом ряде публикаций, или слышать в соответствующих выступлениях.

Не сводится духовный мир человека к биологии размножения и к свободной комбинаторике (...)

Но когда Дубинину приписывается элементарная безграмотность – это неверно (...)

О группе наших товарищей, которые собственно, и создали такого рода обстановку в нашем институте. Что я могу сказать? Здесь говорилось о том, что в институте продвигаются люди по принципу слепой преданности Дубинину. Я не могу с этим согласиться. Я в целом ряде случаев был на стороне и В.А. Тарасова и В.А. Шевченко, но я могу со всей ответственностью заявить, что, когда они написали письмо на имя президента Академии наук с просьбой о снятии Николая Петровича, у них не было к этому решительно никаких оснований. Может быть у них были не очень теплые отношения с директором, но они имели и до сих пор имеют идеальные условия для работы в институте, особенно, если мы будем говорить о лаборатории Шевченко, Конюхова, Прозорова. Это прекрасно оснащенные лаборатории с хорошими площадями, с большим числом сотрудников. Я не могу понять, что побудило этих людей написать это письмо. Ясно, что здесь решающую роль сыграла общая обстановка в генетике и, в частности, вокруг нашего института и его директора Н.П. Дубинина.

Во всей этой ситуации выход может быть только один. Я не думаю, что снятие Николая Петровича с поста директора Института общей генетики разрешит все наши проблемы и внесет умиротворение в нашу науку. Одни люди уходили, другие приходили, а задачи остаются неизменными. Это задачи, которые стоят перед нашей страной и перед нашей наукой, огромны. И мне думается, Меркурий Сергеевич, если обсуждать такой вопрос, – это о морально-этических основаниях, потому что, к сожалению, приходится признать, что те методы, от которых биология страдала в свое время, и которые бесспорно не могут быть приняты между учеными, сегодня все еще бытуют в наших отношениях и это недопустимо. Эта дискуссия не приведет нас к установлению истины. Она носит сугубо личностный характер, и по поводу любых и многих исторических событий крайне нелегко прийти к общему знаменателю. Правда, есть один старый рецепт, забытый, вытекающий из истории народа: худой мир лучше доброй ссоры.

Мне думается, что... когда речь идет о критических замечаниях, о недостатках, то делать это надо, опираясь, прежде всего, на общественное мнение внутри института, чтобы люди, работающие в институте, питались не постоянными слухами о предстоящем снятии директора (слухи эти расползаются по ушам в течение девяти лет), а, опираясь на открытое справедливое обсуждение.

Р.И. Хильчевская: (...) В каждом институте бывают довольные и недовольные группы людей, обычно заведующие лабораториями. Эта группа не остается постоянной, она варьирует. Так было и в нашем институте, если бы он был обычным институтом, где развивается сначала одно направление, потом другое. У директора института очень маленькие материальные возможности, чтобы обеспечить одинаковое развитие всех направлений. Николай Петрович – человек яркий, очень активный. И поэтому может быть недостатки, которые всем свойственны, в нем наиболее ярко проявляются. Но никто не обратил бы на это внимания, решали бы мы спокойно наши проблемы. Если бы не та обстановка вокруг нас. Не буду говорить об этой обстановке, скажу только, что когда четыре заведующих лабораториями объединились и написали свое письмо, они перешли предел. Почему перешли предел? Потому что в этом письме в адрес Николая Петровича сказано много несправедливого, много лично оскорбляющего его. Эти люди не могли нам прочесть это письмо. Его не мог прочесть даже высокоуважаемый председатель нашей комис-

сии Александр Васильевич. Он начал читать письмо, но потом сказал: – Я не в состоянии продолжать его читать ... Они перешли этот предел и надо было решать этот конфликт...

Эта же группа, каждый из ее участников не сказал бы то, что было написано в письме. Но, когда уже началась обезличка, то они очутились в трудном положении. Я думаю, что они не разделяли поведения Шуппе, который грубил, оскорблял Николая Петровича в присутствии всех, – они вынуждены были это делать. И они стали терять даже свою партийную принципиальность, потому что, когда ставился какой-то вопрос, касающийся этой группы, они все голосовали за, хотя у них были расхождения. И так получилось, что они были связаны по рукам этой декларацией, этим письмом. Если бы это письмо, которое нестандартно написано, сразу бы вызвало реакцию президента, если бы не оставляли почву для дальнейшей эрозии личных отношений, то все было бы по-другому (...) Но они не хотели сесть за круглый стол. С другой стороны наши руководящие партийные органы нам не дали возможность ни на отчетно-выборном партийном собрании поставить вопрос, – мы были лишены возможности как-то поднять этот вопрос, были лишены этой возможности до вчерашнего вечера, когда Александров разрешил провести этот актив (...) И нужно просить Отделение – чтобы эти люди сделали выбор, могут ли они продолжать работу в институте.

Теперь о личности Николая Петровича Дубинина. Юрий Иванович сказал: бонапартизм. А я должна сказать о других чертах: Николай Петрович очень широкий человек, он очень доверяет людям. У него сотни учеников. Какая-то часть уходит, – это процесс обоюдный. Но, если Николай Петрович доверяет человеку, то он над ним мелочно не висит, он дает ему делать то, что тот хочет, – и надо сказать, что некоторые пользуются этим.

Как же Гольдфарб не будет в центре внимания? Я была тогда членом комиссии. Он ведь тогда решил уже уехать в Израиль. Во всяком случае это процесс обоюдный. Но Николай Петрович дает возможность всем работать. Правда за последний год, в силу обстоятельств, о которых я говорила, нам было очень сложно. И, несмотря на это, вы видите из докладов комиссии, что научная деятельность Института, его вес в стране и за рубежом вполне соответствует уровню, а Н.П. Дубинин тоже вполне соответствует уровню, как директор Института.

Мне трудно судить о тех событиях, которые были 15 лет назад. Выступления, которые были не в пользу Николая Петровича, как директора, в основном оттуда идут. (...)

М.С. Гиляров: Вероятно можно много говорить. (...)

Н.П. Дубинин: Два слова можно?

М.С. Гиляров: А нужно ли?

Н.П. Дубинин: Нужно.

Здесь, разрывая стенограмму, уместно одно отступление.

Много позже, в 1995 г. о том же “бонапартизме” можно было прочесть в статье “Последняя опала маршала Жукова” (“Веч. Москва”. 1995. 23 февр.). “Выступления военачальников потрясли Жукова. Он не верил собственным ушам... Жуков закрыл глаза, чтобы ничего не видеть, хотел зажать уши, чтобы ничего не слышать”. Жукова единогласно выводят из состава Президиума ЦК... “Такого позора он не мог перенести. Маршал встал и под молчаливыми взглядами предавших своего полководца маршалов и генералов покинул зал”.

Н.П. Дубинин ответил тем, кто в 1948 г. подстроился под конъюнктуру Т.Д. Лысенко, поправ принципы высокой научной истины, и по сей день занимающим руководящие посты, тем, кто сегодня клеветает на ученого и травит его. И он сказал следующее.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Н.П. ДУБИНИНА

Это, конечно, очень удобный метод: хвалить для того, чтобы повесить. Очень любим, очень ценим, но повесим (...)

Иосиф Абрамович Рапопорт говорил о достойном и недостойном поведении. По-моему, это недостойное поведение, когда руководящие генетики пишут клеветнические письма на меня в вышестоящие инстанции, – те генетики, которые говорят о достойном поведении.

Бочков что-то такое говорил насчет Общества. Институт общей генетики состоит коллективным членом общества, весь в целом. Я выступал на всех съездах генетиков. Он подсчитывал проценты, кто “за” и кто “против” меня, а я помню второй и особенно третий съезд генетиков в Ленинграде, который показал, как ко мне относятся генетики страны.

Юрий Иванович Полянский говорил о бонапартизме. Не знаю... По-моему, это просто наивный подход к делу.

Зачем и почему я написал учебник? Я могу вам сказать почему. Потому что ваш учебник плохой, его нужно менять (...). (Смех в зале).

Это так, – поймите, это не моя только точка зрения. Это обсуждалось в Министерстве и признано, что надо изменить. Так что “бонапартизм” и ссылка на министерства и Министерство здесь не очень хороши.

Вот и получается так, что все дело свели только к одному. Вот Г.П. Георгиев говорил, что у нас молекулярная генетика хуже развита и сравнивал с другими институтами – с Институтом молекулярной биологии и биоорганической химии, которые целиком посвящены проблемам молекулярной биологии, там гигантские штаты и т.д. Зачем это?. То, что делается в нашем институте, объем этих работ по молекулярной генетике достаточно хорош.

Дальше – Дмитрий Константинович говорил, что я навешиваю идеологические ярлыки. Видите, Дмитрий Константинович, вы просто не понимаете, на сколько серьезно это дело – когда я критикую Бориса Львовича и Вас, то при чем тут ярлыки! Ведь Борис Львович написал: – для того, чтобы создать нового человека, надо изменить его генетические предпосылки.

(Д.К. Беляев – не писал он этого).

Это недопустимо. Это серьезнейший вопрос. И как бы мы не уважали Бориса Львовича, но по этому вопросу он допустил серьезнейшие ошибки.

(Т.М. Турпаев – он не писал этого)

Я прочту вам это. И все сводится к тому, что Дубинин превратился в Бонапарта. Это смешно! Как вы не понимаете, что кроме Дубинина есть какие-то процессы и эти процессы получили отражение в институте. Так получается, что с первых дней создания института, он испытывает давление, которое вы не хотите признать, а сводите все к моей персоне.

Дмитрий Константинович ссылался на какие-то связи с границей. Зачем это? Вот был за границей Юрий Петрович. Еще ничего не произошло, а ему генетики за границей говорят: Дубинина снимают со своего поста. Так что есть эти связи. И, повторю, административные меры в этом случае ни к чему хорошему не приведут.

И нельзя в такой серьезный день заниматься воспоминаниями, ссылаясь на то, что сказал Келдыш (...). Я тоже могу сказать, что говорил Мстислав Всеволодович после заседания. Не буду говорить, а прочту то, что он подписал спустя три года после того совещания:

“Президиум Академии наук СССР и Президиум Центрального комитета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений наградили почетной грамотой коллектив Института за успешное выполнение социалистических обязательств, в том числе за достигнутые результаты в научных исследованиях, в подготовке научных кадров”. Подпись – Келдыш.

Разве Мстислав Всеволодович ставил вопрос о снятии меня с поста директора? Разве он не понимал значения развития всех этих работ?

И тот уход, который был совершен в 1967 г., который является одним из главных предметов обсуждения, не так он прост, что я будто бы поссорился со своими старыми генетиками. Придет время, мы обсудим все это. Они ушли не куда-нибудь, они ушли в институт Б.Л. Астаурова. И я должен сказать, что после ухода никто из ушедших товарищей серьезного вклада в науку не сделал, – это печально, но это так.

Надо понимать объективные причины, происходящие в генетике, в нашей стране, – дело серьезное. И, если случится так, что я не буду директором института, и, если к этому вопросу не будет привлечено серьезное внимание, то ничего не изменится. Вы все должны прекрасно понимать, что вы в моем лице имеете принципиального человека.

Символично, что судьбы маршала Г.К. Жукова и акад. Н.П. Дубинина – двух разных русских людей, так много сделавших для своей страны, своего народа, во многом перекликаются. Писатель В. Песков в своем письме от 22.03.1974 г. написал Николаю Петровичу:

“Вы и Жуков принадлежите к числу самородков, какими Россия всегда будет гордиться”.

Комментарий Л.Г. Дубининой: При подготовке этой книги я впервые познакомилась со стенограммой выступлений на ООБ 10 июня 1981 г. Прошло 24 года после этого заседания, но не могу удержаться от того впечатления, которое произвела на меня его стенограмма. Чувство стыда и брезгливости за М.С. Гилярова, И.А. Рапопорта, Ю.И. Полянского, Д.К. Беляева и некоторых других не покидало меня на протяжении нескольких дней, пока я ее изучала. Особенно стыдно мне стало за А.А. Прокофьеву-Бельговскую, которую я очень хорошо знала, так как именно под ее руководством я начинала свою трудовую деятельность в лаборатории Н.П. Дубинина. Я очень хорошо помню, как она уходила в институт к Энгельгардту на заведование лабораторией, т.е. на повышение, а вовсе не в изгнание и не от необходимости, как теперь она это представляла. Очень хорошо я знаю и то, как много ей лично помогал Николай Петрович, которому, в первую очередь, она обязана получением звания члена-корреспондента АМН. К сожалению, многие выступавшие на этом заседании люди показали себя в высшей мере непорядочными, променяв совесть на конъюнктуру.

Научная общественность страны пристально наблюдала за событиями, разворачивающимися вокруг ИОГен и не оставалась безучастной. В своих письмах ученые Москвы, Ленинграда, других городов РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Казахстана и т.д. писали в Президиум АН СССР, другие высшие органы страны, поддерживая ИОГен. От общественных организаций ИОГен АН СССР 11 июня 1981 г. были посланы телеграммы: вице-президенту Академии наук СССР академику Овчинникову, Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу Леониду Ильичу, ГКНТ академику Марчуку и академику Александрову следующего содержания:

Протестуем против решения собрания Отделения общей биологии АН СССР от 10 июня 1981 г., не рекомендовавшего академика Дубинина на пост директора Института общей генетики на очередной срок. Решение было принято, нарушая устав Академии наук. Данный вопрос не был включен в разосланную повестку дня. Объединенное собрание Ученого совета, партийного бюро, местного комитета и других общественных организаций ИОГен АН СССР 9 июня 1981 г. выразило полное доверие академику Дубинину как директору института. Очередная расправа с академиком Дубининым, ведущим биологом и философом не будет понята в стране и вызовет крайне отрицательные последствия для дальнейшего развития советской науки.

Представители Ученого совета, Партбюро, Местного комитета, Совета ветеранов.

15 июня 1981 г. письмо было направлено также Генеральному секретарю ЦК КПСС, председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу. Копии отосланы в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС А.Я. Пельше, Государственный комитет по науке и технике при Совете Министров СССР академику Г.И. Марчуку, Президиум АН СССР академику А.П. Александрову, ВЦСПС А.И. Шибяеву, редакцию газеты "Правда" В.Г. Афанасьеву. Письмо было подписано 220 сотрудниками ИОГен.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Научная общественность уже обращалась к Вам с просьбой помочь разобраться в ситуации с Институтом общей генетики АН СССР и защитить его директора академика Дубинина Николая Петровича.

Считаем своим партийным и гражданским долгом обратить Ваше внимание на критическую ситуацию в этом вопросе.

Н.П. Дубинин – выдающийся советский ученый и общественный деятель. Он внес огромный вклад в развитие генетики в СССР, в обоснование марксистско-ленинского подхода к проблемам естествознания, в том числе, к политическим и философским, исключительно острых проблем соотношения биологических и социальных факторов в развитии человека.

Созданный Н.П. Дубининым в 1966 г. Институт общей генетики АН СССР стал крупным исследовательским центром и сделал много полезного для теории и практики, подготовил десятки высококвалифицированных специалистов для нашей страны и стран социалистического содружества.

Однако, несмотря на все это, имя Н.П. Дубинина и его деятельность постоянно опорочиваются, и принижается значение его собственных работ и достижений Института общей генетики АН СССР. На протяжении последних лет особенно усилилась травля акад. Н.П. Дубинина.

В постоянном, организованном потоке клеветнических писем проводится мысль о неспособности Н.П. Дубинина руководить Институтом, о нежелании устранять недостатки и т.д.

В течение 1976–1980 гг. по письмам-жалобам работали две комиссии от Президиума АН СССР, заключения которых не были доведены до сведения коллектива и общественных организаций Института. В 1979 г. академик Н.П. Дубинин был единогласно рекомендован Бюро Отделения общей биологии АН СССР на пост директора Института, однако, Президиум АН СССР рекомендацию не утвердил, что создало благоприятную почву для разных слухов, сплетен и нового потока писем – кляуз с жалобами.

В последние 1,5 года ситуация особенно обострилась, так как группа сотрудников Института (в том числе бывший секретарь партбюро) написали письма в Президиум АН СССР, в которых дается искаженное необъективное освещение дел в Институте, и содержится требование о снятии академика Н.П. Дубинина с поста директора.

Долгое время коллектив Института и общественные организации считали и надеялись, что Президиум АН СССР и Черемушкинский РК КПСС разберутся в сложившейся обстановке и помогут Институту нормализовать ее.

В 1980 г. Президиумом АН СССР была создана новая комиссия для проверки жалоб группы сотрудников.

Дирекция, партийная организация и местный комитет пытались стабилизировать положение в Институте, однако сделать это было невозможно, так как содержание писем категорически отказывались довести до сведения общественности, было запрещено поднимать эти вопросы на каких бы то ни было собраниях. Отсут-

ствие гласности еще больше создавало благоприятную почву для деятельности клеветников и усугубляло ненормальную обстановку в коллективе. В последнее время было запрещено даже проведение единого политдня, партсобрания, заседаний партбюро, собрания группы народного контроля.

9 июня 1981 г. на объединенном собрании Ученого Совета, партбюро, месткома и других общественных организаций Института, созданного по указанию президента АН СССР академика А.П. Александрова, была заслушана и обсуждена информация академика А.В. Фокина как председателя комиссии (протокол не прилагается). Из решения можно заключить, что комиссия не нашла оснований для осуждения деятельности Н.П. Дубинина как директора. Общественность Института, присутствовавшая на собрании, в своем решении выразила полное доверие директору и осудила неправильное поведение жалобщиков. Решение было передано в Отделение общей биологии АН СССР (выписка из протокола собрания прилагается).

Однако, несмотря на многочисленные письма и телеграммы ученых разных учреждений страны в поддержку Н.П. Дубинина, 10 июня собрание Отделения общей биологии АН СССР большинством голосов не рекомендовало Президиуму АН СССР избирать академика Н.П. Дубинина на пост директора Института общей генетики АН СССР.

Весь ход обсуждения вопроса на Отделении общей биологии АН СССР находился в явном противоречии с заключением комиссии Президиума АН СССР (председатель академик А.В. Фокин), не носил конструктивного характера и преследовал лишь одну цель – отстранить акад. Н.П. Дубинина от руководства Институтотом. Активно выступали лишь те лица, которые имеют давние разногласия с акад. Н.П. Дубининым, по острым методологическим вопросам.

Мы протестуем против такого необоснованного решения, которое было принято вопреки мнению коллектива, партийной организации, общественности Института и страны. Следует также учесть, что решение принято в нарушение Устава АН СССР, так как вопрос о рекомендации кандидатуры Н.П. Дубинина на должность директора Института общей генетики АН СССР не стоял в ранее объявленной повестке дня и был включен в нее только перед заседанием.

Неадекватность решения истинному положению дел заставляет считать, что основная оппозиция находится за пределами Института. Драматизм сложившейся ситуации состоит в том, что ей до сих пор не была дана принципиальная партийная оценка с учетом истории генетики в СССР и разногласий по ее методологическим аспектам, в частности, по отношению к реакционному направлению (евгенике) между Н.П. Дубининым, с одной стороны, и его оппонентами – с другой.

Эти разногласия обозначились еще в 1966 г. и с тех пор оппоненты Н.П. Дубинина ведут с ним борьбу любыми методами, пытаются изолировать его от научной общественности, создать искаженное представление о нем в широких кругах как академических, так и среди молодежи и даже в директивных органах.

Мы, да и большинство честных биологов нашей страны, вправе рассматривать гонение на такого глубоко преданного партии ученого и организатора Советской науки, как начальное проявление действия сил, направленных на дезорганизацию наиболее существенных сторон в работе Советского общества после XXVI съезда КПСС. Отстранение академика Н.П. Дубинина от руководства Институтотом общей генетики АН СССР принесет непоправимый вред советской науке и не будет понято в нашей стране.

Мы убедительно просим Вас, дорогой Леонид Ильич, оградить академика Н.П. Дубинина от клеветников и дать ему возможность спокойно и плодотворно работать на занимаемом им посту; обсудить ненормальное положение, сложившееся в генетике, с принципиальных партийных позиций в ЦК КПСС.

Н.П. Дубинин направляет письмо акад. А.П. Александрову:

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович!

В ответ на мой протест о нарушении процедуры на Общем собрании Отделения общей биологии от 10 июня 1981 г. в вопросе о рекомендации директора ИОГен АН СССР, Вы пишете, что в разосланном приглашении не было повестки дня. Это неверно. В разосланном приглашении сообщалось, что будут обсуждаться результаты работы комиссии ак. А.В. Фокина и вопросы улучшения работы ИОГен АН СССР.

Что касается голосования, то это к делу о нарушении процедуры не относится. Вопрос о директоре неправильно поставлен на самом собрании.

Не понимаю распоряжения за подписью В.А. Котельникова от 11.06.1981 г. № 12500–976, ограничившего права директора, что нарушает устав АН СССР и по своему характеру не отвечает духу и традициям Академии наук.

Академик

Н.П. Дубинин

17 июня 1981 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Н.П. ДУБИНИНА НА ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР

18 июня 1981 года

Вклад института в развитие фундаментальных проблем генетики и в практику достаточно велик, он оценен 5-ю комиссиями с 1969 по 1981 г. в документах Отделения общей биологии и в данных Президиума АН СССР, представленных среди важнейших достижений по естественным наукам за все эти годы. Попытка Научного совета по проблемам генетики и селекции под руководством Д.К. Беляева навести тень на деятельность института некорректна, стоит лишь указать, что при принятии решения от 17.VI.1981 г. из 56 членов Совета присутствовали 25, за решение проголосовали 15. Решение нарочито принималось в отсутствие руководства ИОГен АН СССР.

В чем же тогда причины того, что сегодня на Президиуме разбирается вопрос о директоре института? Говорят о конфликтной ситуации в ИОГен АН СССР. Чем она вызвана? Последняя комиссия Президиума под председательством ак. А.В. Фокина записала следующее:

“Трудно вынести четкое заключение о причинах создавшегося положения в Институте. Ситуация в ИОГен не может рассматриваться в отрыве от положения в академической генетике в целом. Известную роль в имеющихся разногласиях сыграла и разная оценка значения генетических и социальных факторов в поведении и развитии человека и нюансы отношения к отдельным моментам истории генетики. Возможно также, что здесь нашло отражение соперничество лидирующих ученых в области генетики. Однако доля ответственности за конфликтную ситуацию в Институте лежит на ак. Н.П. Дубинине.

Да, раскол в нашей генетике и биологии есть, главные разногласия касаются проблемы человека, стратегических задач общей биологии и генетики. Это серьезно! В основе разногласий по проблеме человека лежит разное понимание данных генетики человека и борьба за и против учения о том, что сущность человека является социальной категорией. Без обоснования этого тезиса рушатся основы учения о формировании нового человека. Все это придает разногласиям идеологическое содержание.

Утверждают, что Дубинин и ИОГен АН СССР изолирован, их не признают генетики. В заключении комиссии читаем: “О научной изоляции Института можно говорить с большими оговорками... Институт ведет активную совместную работу с генетиками Украины, Белоруссии, Молдавии и т.д., а также имеет научные связи со многими отраслевыми институтами и лабораториями”.

В качестве иллюстрации этого места заключения комиссии приведу выдержку из письма Президиума Всеукраинского общества генетиков и селекционеров: “Под влиянием идей, выдвигаемых Н.П. Дубининым, находится вся генетическая школа Украины, как в научно-исследовательских учреждениях, так и в высших учебных заведениях республики.

Многие ученые Украины были сотрудниками Института цитологии и генетики СО АН СССР (Новосибирск), созданного Н.П. Дубининым (проф. П.К. Шкварников, проф. Ю.П. Мирюта, проф. Г.Д. Бердышев, доц. С.И. Стрельчук и др.), аспирантами Института общей генетики АН СССР, также созданного Н.П. Дубининым (Н.К. Навалихина, А.И. Корытова и др.). Ряд выдающихся ученых-генетиков (акад. П.Ф. Гаркавый, чл.-корр. АН УССР Ф.Л. Шепотьев, проф. Н.И. Колесник, д.б.н. А.Е. Мокеев, д.б.н. П.Я. Голодрыга и др.) работают в тесном контакте с Н.П. Дубининым”.

Полтора года тому назад Бюро Отделения общей биологии представило меня как директора на новый срок до 1984 г. Президиум в составе присутствовавших 18 человек не утвердил этой рекомендации. В результате, как записано в заключении последней комиссии Президиума АН СССР: “Неопределенность положения директора Института акад. Н.П. Дубинина после того как Президиум АН СССР не утвердил его директором Института на новый срок, создавала почву для неоправданных суждений о его будущем”.

Эта неопределенность быстро стала вполне определенной. Было заявлено, что участь Дубинина известна, он будет снят со своего поста. Это направило усилия группы людей внутри института, связанной с его противниками извне, на ожесточенную борьбу с директором. В этой группе были Засухина, Конюхов, Шевченко, Прозоров. Группу возглавил Шуппе, действовавший с потрясающим цинизмом. 3,5 года тому назад Шуппе был принят в институт по просьбе А.П. Александрова. Недавно эта группа была на приеме у А.П. Александрова. Он сделал этот прием для людей, разваливающих институт, и в то же время отказался принять представителей дирекции, партбюро и других общественных организаций института. Так же как все эти годы он отказывал мне в приеме. Почему-то А.П. Александров не желал знать мнение директора и коллектива института, он выслушивает именно эту группу людей.

Все годы институт боролся за организацию экспериментальной базы, столь нужной для связи генетики с сельским хозяйством, все было договорено во всех инстанциях, однако дело просто исчезало, как только оно попадало на рассмотрение Президиума. Возьмите также случай с моей статьей в газете “Правда” о практических достижениях ИОГен АН СССР. За эту статью при прохождении экспертизы ИОГен АН СССР через Бюро ООБ ни за что, ни про что от Анатолия Петровича попало члену-корр. Л.П. Татарину. По согласованию с А.П. Александровым, министр Месяц написал письмо, в котором факты, изложенные в статье, были поставлены под сомнение. Вместо того, чтобы вызвать меня и спросить, Анатолий Петрович немедленно создал еще одну комиссию. И что же? Ак. Фокин и ак. Мишустин на собрании ООБ 10 июня сообщили, что комиссия подтвердила факты, описанные в статье.

Указанная выше группа написала Анатолию Петровичу письмо, по которому он немедленно создал третью комиссию Президиума АН СССР. Что же это за письмо? 9 июня на собрании в ИОГен АН СССР ак. Фокина попросили зачитать это письмо. Он сначала отказывался, но просьбу повторили, он начал читать, бросил письмо с кафедры на стол и сказал: “Нет, я не могу читать, это недостойно!” 4 года Институт и его руководство не знают, в чем состоят обвинения. Итоги работы комиссий и причины, вызвавшие их появление, не обсуждались с коллективом института. Ак. Фокин выступил в институте 9-го, а 10-го июня состоялось Общее собра-

ние ООБ. В результате обсуждения сообщения ак. Фокина было принято решение коллектива ИОГен АН СССР, в котором записано:

“1. Собрание Ученого совета, партбюро, МК профсоюза выражает полное доверие академику Н.П. Дубинину как директору Института.

2. Собрание считает поведение зав. лабораториями Г.Д. Засухиной, Б.В. Конюхова, А.А. Прозорова, В.А. Шевченко неправильным. Они искусственно нагнетают напряженность, посылают письма в вышестоящие инстанции, не знакомя с их содержанием партийное бюро и Ученый совет”.

А.П. Александров лично поручил провести Общее собрание ООБ. При его проведении М.С. Гиляров допустил нарушение процедуры. Разосланная членам Отделения повестка имела такой текст: “Руководство АН СССР поручило Общему собранию Отделения общей биологии рассмотреть результаты работы комиссии Президиума АН СССР (председатель акад. А.В. Фокин) по ознакомлению с материалами, связанными с деятельностью ИОГен АН СССР, и дать предложения по улучшению работы Института. Ваше участие в работе Общего собрания обязательно”.

Однако на Общем собрании академик-секретарь М.С. Гиляров неожиданно объявил второй вопрос: “О рекомендации кандидатуры академика Н.П. Дубинина на должность директора на новый срок”.

Таким образом, собирая членов Отделения, от них скрыли вопрос о рекомендации директора.

Я заявил протест против такого нарушения процедуры. Анатолий Петрович ответил мне. В этом акте он неверно изложил факты, будто бы рассылали только приглашения, в которых якобы не было указано, что будет обсуждаться на Отделении. Текст повестки опровергает ответ Анатолия Петровича.

Внезапность созыва Отделения, процедурные нарушения, настойчивость указаний Анатолия Петровича, бесполезная робость руководства ООБ, судорожность действий, – все это было. Ведь прошло только полтора года после того, как Бюро Отделения вынесло положительное решение. Однако 10 июня Отделение общей биологии отрицательно высказалось о моей кандидатуре. Этому послужили две главные причины. Во-первых, была дана массированная информация о конфликтах в институте. Была скрыта разлагающая работа группы людей. Говорилось, что виноват директор. Это послужило тому, что обсуждение на собрании Отделения пошло совсем не в духе конструктивного заключения комиссии ак. А.В. Фокина, которое давало спокойные, уравновешенные оценки. Ведь заключая свое сообщение, ак. Фокин сказал, что когда спрашиваешь, в чем реально вина Н.П. Дубинина, в основном, все неясно, приводят какие-то призрачные, туманные доводы. На собрании Отделения вместо обсуждения деятельности ИОГен АН СССР все сосредоточилось на разногласиях с директором, вплоть до 15-летней и большей давности. Это было пристрастно сделано Беляевым, Крушинским, Рапопортом, Полянским, Прокофьевой-Бельговской.

Второй причиной такого голосования была моя критика в адрес руководства ООБ. Было сказано, что руководство ООБ не нацеливает Отделение на крупные встающие задачи. Оно уклонялось от самостоятельного анализа положения в ИОГен АН СССР. Мои замечания не понравились, так сказать, забрезжила неприятная возможность беспокойной жизни, необходимости отвечать на большие вопросы.

Нечего скрывать, что общая биология, в стране, не заняла места, которое ей положено. Президиум АН СССР не создает для институтов общей биологии нужной материальной базы. А ведь общая биология, если вспомнить проблемы пищи, окружающей среды, наследственного здоровья людей, она не менее важна, чем физика. Ее успехи нужны и для мира и для обороны.

Сейчас предлагают освободить меня от поста директора института. Что же это

даст нашей биологии и генетике? После событий прошлого будет дан еще один пример административного вмешательства в трудные вопросы, сложность которых от таких мер только возрастает. Надо внимательно рассмотреть трудности и задачи общей биологии, найти конструктивные пути, чтобы поднять ее на уровень, достойный великой страны. Без успехов общей биологии от нее не будет помощи продовольственной программе. Как бы ни были велики успехи молекулярной биологии, но они не дают стране хлеба и мяса. Генетика, как наука, помогает селекции в создании сортов растений, пород животных, рас микроорганизмов. Огромные задачи стоят по сохранению и упрочению биологических качеств населения, по борьбе за наследственное здоровье, что связано с развитием общегенетической генетики человека. Гигантское значение имеют задачи формирования нового человека, что требует четкого понимания этого вопроса.

Обсуждение, прошедшее 10 июня 1981 г. на Общем собрании ООБ, усугубило раскол в нашей биологии и генетике, обнажило идеологические противоречия. В случае неправильного решения Президиума, вопрос будет еще труднее. Что касается ИОГен АН СССР, то его коллектив, в основном, объединен вокруг партбюро и руководства. Напряженность снять можно, для этого надо устранить поощрение конфликта извне. Директор готов учесть свои ошибки и недоделки. Думаю, что процесс, прошедший за последние два года в ИОГен АН СССР, когда внутри его мобилизовались силы на борьбу с руководством, искусственно вызывая недовольство, шла дезинформация молодежи, имеет серьезное значение, которое выходит за пределы нашего учреждения. Не вникнуть, не попытаться понять, что происходит, встать на путь ошибочного административного решения вопроса – это значит усугубить трудности нашей биологии, это путь больших неудач.

Работа комиссии Президиума АН СССР под председательством ак. Фокина дала основы для серьезного анализа вопроса о положении в ИОГен АН СССР. Поспешность ничего хорошего не дает. В заключение комиссии читаем: “Для исправления положения в Институте использованы еще не все меры: не состоялось обсуждения претензий авторов писем с дирекцией в присутствии представителей Райкома партии и других партийных организаций. Не было организовано обсуждения в Институте и выводов комиссий Президиума АН СССР на открытом партсобрании Института. Дирекция и руководители партийной и профсоюзной организаций не пригласились в Президиум АН для дачи доклада о создании здоровой обстановки в Институте”.

То, что происходит сейчас с Институтом общей генетики АН СССР и его директором, глубоко волнует биологов страны, да и не только биологов. Ведь речь идет о крупных направлениях науки, методологии и стратегии биологии. Встает законный вопрос: почему небольшой группе активных людей, которые беспринципно вступили в борьбу с коллективом института, с научным руководством, партийной организацией, оказывают такую мощную поддержку, что она добивается своих целей?

За что борются эти люди, у них нет научных разногласий с руководством, они имеют все возможности для плодотворной работы! Какие силы создают групповщину, какие цели они ставят? Думаю, что ИОГен АН СССР – это только пробный камень, модель для будущих событий.

Тут нет науки, ни ее научно-организационных основ, ни принципиальности, ни идей, никто не выдвигает новых проблем биологии и ее практики, идет ожесточенная борьба за захват института, без ответственности за последствия таких процессов.

Появление таких событий, их разгул, односторонние, административные решения, делаемые вопреки мнению коллектива, партбюро Института, Ученого совета, без серьезного анализа причин, их породивших, без социальной, политической оценки их значимости и последствий, показывает, что в деле организации академической науки не все в порядке.

Ни обращения и поддержка научной общественности всей страны, ни доводы директора Института акад. Н.П. Дубинина, ни результаты проверок и комиссий, которые при всей тщательности не смогли найти отрицательных фактов в деятельности ИОГен и его директора, не были услышаны и приняты в расчет Президиумом АН СССР. Глухой стеной он отгородился от ученых страны. Опираясь лишь на клеветнические письма горстки завистников и келейно сфабрикованное решение Научного совета по генетике и селекции, возглавляемого Д.К. Беляевым, руководство Президиума АН СССР грубо, волюнтаристски расправилось с ученым.

Решением Президиума АН СССР 18 июня 1981 г. с поста директора ИОГен был снят его основатель Николай Петрович Дубинин. Суть снятия нам очевидна – это следствие борьбы Николая Петровича с беспринципностью, карьеризмом и атомным авантюризмом всемогущего тогда А.П. Александрова, а также той обстановки в ЦК КПСС и Президиуме АН СССР, которые в дальнейшем (в конце 1980 – начале 1990-х гг.) резко усугубили кризисную ситуацию в отечественной академической науке в целом.

ТЕЛЕГРАММА

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу ЛЕОНИДУ ИЛЬИЧУ БРЕЖНЕВУ

ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР
АНАТОЛИЮ ПЕТРОВИЧУ АЛЕКСАНДРОВУ

Возмущены утверждением Президиума АН СССР 18 июня 1981 г., опротестованного нами ранее решения ООБ АН СССР от 10 июня, не рекомендовавшего академика Дубинина на пост директора Института общей генетики.

Представители Ученого совета, Партбюро, МК профсоюза,
Совета ветеранов Великой Отечественной войны

Спустя 33 года после роковой сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Президент Академии наук СССР акад. А.П. Александров назначает новым директором ведущего генетического института бывшего сотрудника Т.Д. Лысенко по Одесскому селекционно-генетическому институту А.А. Созинова. Ограниченные познания в области общей биологии и, в частности, генетики ставили под большой вопрос соответствие новоиспеченного директора своей новой должности. Как отмечал в своей книге В.Н. Сойфер,

(...) со смертью Лысенко лысенкоизм не перестал процветать в СССР и постсоветском пространстве. Так, академик ВАСХНИЛ Алексей Алексеевич Созинов, выступая в 1986 году с речью на XXVII съезде КПСС в качестве директора Института общей генетики АН СССР, слово в слово повторил обещание Лысенко, сделанное им полувеком раньше, что, идя навстречу пожеланиям коммунистов, можно резко ускорить темпы выведения сортов, так нужных стране. Лысенко пообещал Сталину на совещании в Кремле в декабре 1935 года выводить сорта за 3–4 года вместо обычных 10–12 лет, и теперь то же повторил Созинов. Разумеется, ни тот, ни другой обещанного не выполнили⁵.

⁵ Сойфер В.Н. Власть и наука. Изд. четвертое, перераб. и доп. М. Изд-во "ЧеРо", 2002. С. 45.

Непомерная, всепоглощающая амбициозность и мелкая зависть так и не позволили некоторым ученым по достоинству оценить и понять человека, который не только не склонился под гнетом лысенковщины, но самым активным образом боролся за свою науку, выстоял и сумел добиться колоссальных успехов. Более того, им удалось, посредством грязных закулисных интриг, лишить Николая Петровича его детища – Института общей генетики. Но и этого показалось мало. Их новая цель – вычеркнуть имя Н.П. Дубинина из истории (см. разделы 10, 12 гл. I).

В конце апреля 1982 г. состоялось заседание Ученого совета Института общей генетики. При малом числе присутствовавших и гробовой тишине в зале одним из последних вопросов повестки прозвучала информация А.А. Созинова о том, что дирекция обратилась в Президиум с просьбой поддержать ходатайство о присвоении Институту имени Н.И. Вавилова и установлении перед зданием памятника этому ученому. Уже через два дня состоялось Бюро Отделения с выступлениями академика-секретаря М.С. Гилярова и И.А. Рапопорта. Последний выступил и предложил переименовать Институт общей генетики в Институт генетики; присвоить ему имя Н.И. Вавилова, установив ему памятник перед зданием. М.С. Гиляров в отношении переименования Института не поддержал И.А. Рапопорта. В 1983 г. ИОГен было присвоено имя Н.И. Вавилова – несомненно крупного ученого, но к данному институту не имевшего никакого отношения – ни к его организации, ни к созданию, ни к строительству. Данная акция была направлена на то, чтобы, прикрывшись именем одного выдающегося ученого, умалить достоинства другого.

Новый директор А.А. Созинов, руководствуясь прежде всего конъюнктурными соображениями, сразу же поддержал противников Н.П. Дубинина. Свою деятельность он начал с того, что вывел Н.П. Дубинина из состава членов Ученого совета. Следующим шагом стала попытка изгнать его вместе с лабораторией с институтских площадей. С целью сохранения кадрового состава и продолжения исследований по радиационной генетике, которые стали особенно актуальны после аварии на Чернобыльской атомной станции, Н.П. Дубинин предложил на базе своей лаборатории организовать самостоятельную Лабораторию генетики при ООБ АН СССР. Эту идею вначале поддержали акад. А.П. Александров и единогласно Бюро ООБ АН СССР на заседании 14 июня 1986 г. Однако уже 16 июня А.П. Александров изменил свою позицию. Распоряжением Президиума от 26 июня 1986 г. № 10105–1175 лаборатория мутагенеза, возглавляемая Н.П. Дубининым, была переведена в ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова. В постановлении было четко отмечено: “Перевод Лаборатории мутагенеза на несвязанную с ИОГен площадь является обязательной” (25.VI.1986).

Все эти неблагоприятные действия, которые нельзя трактовать иначе как – месть, проводились под покровительством А.П. Александрова.

А.А. Созинов требовал от Н.П. Дубинина срочного освобождения рабочих площадей, занимаемых его лабораторией. К институту неоднократно подгонялись грузовики для перевозки оборудования, сотрудников не пропускали на вахте, врезались новые замки в двери лабораторных комнат. 30 сентября 1986 г. Н.П. Дубинин направляет президенту А.П. Александрову письмо следующего содержания:

Глубокоуважаемый Анатолий Петрович, как я ранее сообщал Вам, выделяемая для Лаборатории мутагенеза ИЭМЭЖ⁶ площадь на Вавилова, 34, в основной своей части не отвечает элементарным требованиям для проведения экспериментальных работ. Из 260 м² только 100 м² могут быть использованы, 160 м² не имеет подводок кроме света. Потолки протекают, так что помещение требует капитального ремонта. В соответствии с Вашим распоряжением лаборатория мутагенеза должна получить 345 м², а не 260 м², как это предлагается.

А.А. Созинов категорически настаивает на переезде лаборатории, однако, я столь же категорически отказываюсь. Такой переезд приведет к гибели лаборатории мутагенеза, так как она не сможет проводить экспериментальные исследования.

Как может быть оценена такая ситуация!? Две трети своей 70-летней трудовой научной деятельности академик Н.П. Дубинин вынужден был работать, ютась в непригодных помещениях. Теперь ему вновь предлагалось начать все сначала...

Назначение А.А. Созинова директором ИОГен, на посту которого он долго не задержался, глубоко взволновало научную общественность. Это был финал длительной, упорной и планомерной кампании, которая велась как вне Института, так и внутри его, на протяжении многих лет против Н.И. Дубинина, начиная с момента организации Института.

После ухода с поста Президента АН СССР А.П. Александрова новый директор Института Сергей Васильевич Шестаков восстановил Н.П. Дубинина и его лабораторию в ИОГен. ООБ вынесло постановление о введении Н.П. Дубинина в состав Ученого совета ИОГен. Вскоре и вся кампания по преследованию и травле ученого сошла на нет. Но это был уже 1991 г. Институт отметил 25 лет со дня основания. По этому случаю С.В. Шестаков вручил Николаю Петровичу Диплом:

Дорогой Николай Петрович! Пусть этот Диплом напоминает Вам о 25-летнем пути, пройденном Вами вместе с Институтом общей генетики им. Н.И. Вавилова АН СССР и служит залогом дальнейших успехов, доброго здоровья и благополучия.

Директор Института,
член-корреспондент

С.В. Шестаков

Противником Николая Петровича не удалось ни изгнать его из любимой науки, ни сломить его морально. Он хорошо помнил слова Марии Склодовской-Кюри: «Основное правило – не давать сломить себя ни людям, ни обстоятельствам».

⁶ С 1986 по 1990 гг. лаборатория числилась в ИЭМЭЖ, а территориально продолжала оставаться в ИОГен. (Примечание составителя).

11. ПРИСУЖДЕНИЕ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Указом президента Союза Советских Социалистических Республик
от 16 октября 1990 года

За особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции,
подготовку высококвалифицированных научных кадров присвоено звание

ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

с вручением ордена ЛЕНИНА и золотой медали “СЕРП и МОЛОТ”
ДУБИНИНУ Николаю Петровичу – академику Академии наук СССР

Награждение проходило в Кремле в зале заседаний Президиума Верховного Совета СССР. С поздравлением от своего имени и от имени нашего народа и с пожеланием всего самого доброго выступил Президент страны Горбачев М.С.

Награды вручал Президент Академии наук СССР Марчук Г.И.

В ответном слове Дубинин Н.П. сказал:

“В 1948 г. генетика была объявлена лженаукой. 42 года спустя мы присутствуем при том, что безотлагательная черта отделяет нас от прошлого. Борьба с лысенкоизмом – это один из ярчайших эпизодов научно-общественной борьбы за правду. Она показала нашей молодежи, всем слоям нашего общества нравственную силу науки. Генетика необходима сельскому хозяйству, медицине, учению о человеке. В наши дни биосфера загрязняется источниками радиации и химическими веществами. Тревожно встал вопрос о генфонде человека. Спасибо за внимание”.

Николай Петрович получил более сотни поздравлений из разных городов нашей страны и из-за рубежа: Москвы, Кишинева, Свердловска, Днепропетровска, Новосибирска, Воронежа, Астрахани, Алма-Аты, Ленинграда, Пензы, Баку, Киева, Уральска, Саратова, Мичуринска, Еревана, Минска, Фрунзе, Самарканда, Одессы и многих, многих других городов. Приведем несколько поздравительных документов.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Москва

Ленинский проспект, 69

Академику Дубинину Николаю Петровичу

Москва

18.10.1990 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович, Президиум Академии наук СССР от всей души поздравляет Вас с присвоением звания Героя Социалистического Труда и вручением ордена Ленина и Золотой медали “Сerp и Молот” за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров. Желаем Вам доброго здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

Марчук, Петров, Макаров

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Губкина, 3, Институт общей генетики
Академику Дубинину

Москва
30.10.1990 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович, Президиум ВАСХНИЛ горячо и сердечно поздравляет Вас с присуждением Вам высокого звания Героя Социалистического Труда за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров. Желаю Вам, дорогой Николай Петрович, дальнейших творческих успехов на благо советского народа.

Президент ВАСХНИЛ

Никонов

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Москва
Ленинский проспект, 33
Институт общей генетики АН СССР Дубинину

Киев
24.10.1990 г.

Дорогой Николай Петрович, сердечно поздравляю Вас с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда. Это достойная оценка Родиной Вашего огромного личного вклада в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров. Желаю Вам, дорогой Николай Петрович, доброго здоровья, счастья, новых творческих успехов на благо нашей отчизны.

Патон

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Ленинский проспект, 33 Институт общей генетики
Академику Дубинину Николаю Петровичу

Ленинград
16.11.1990 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович, Президиум Ленинградского научного центра АН СССР сердечно поздравляет Вас с высокой правительственной наградой за мужество, проявленное в борьбе за сохранение и развитие генетики. Желаем Вам крепкого здоровья и успехов.

Вице-президент АН СССР, председатель Президиума ЛНЦ АН СССР академик *Ж.И. Алферов*, заместитель председателя Президиума ЛНЦ АН СССР вице-президент Всесоюзного генетического общества член-корреспондент АН СССР *С. Г. Инге-Веттомов*

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Москва
Ленинский проспект, 33, Институт общей генетики

Москва
22.10.1990 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович, сердечно поздравляю Вас с высокой оценкой Вашей научной и педагогической деятельности, получившей заслуженное признание, с присвоением звания Героя Социалистического Труда. Желаю Вам доброго здоровья и новых творческих успехов в развитии науки.

Заместитель председателя Совета Министров СССР, академик *Лаверов*

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Губкина, 3, Академия наук СССР
Академику Дубинину Николаю Петровичу

Жиздра
25.10.1990 г.

Уважаемый Николай Петрович, Жиздринский райком КПСС поздравляет Вас, нашего земляка, с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда. Желаем дальнейших творческих успехов, доброго здоровья, счастья в личной жизни.

Секретарь райкома КПСС

Н. Владимиров

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Губкина, 3, Институт общей генетики
Дубинину Николаю Петровичу

Москва
22.10.1990 г.

Руководство, общественность, биологи издательства “Просвещение” сердечно поздравляют Вас, нашего старейшего автора с высочайшей наградой Родины. Желаем вам на долго сохранить здоровье, принципиальность, творческую энергию. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

“Просвещение”.

Зуев

Воронеж

1990 г.

Коллектив кафедры генетики, селекции и теории эволюции ВГУ и я лично очень рад, что справедливость восторжествовала и Вам присвоено звание Героя Социалистического Труда за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров. Нам очень приятно сознавать, что на нашей кафедре одно время трудились Вы, оставили большое научное наследие, добрую память.

Профессор

С.И. Машкин

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Губкина, 3, Институт общей генетики
Академику Дубинину

Минск
24.10.1990 г.

Дорогой Николай Петрович, сердечно поздравляю с награждением. Многолетний упорный труд, который сделал Вас корифеем генетики, оценен сейчас достойно. Звезда Героя не компенсирует все преследования и гонения, которым Вы неоднократно подвергались, однако, подтверждает Вашу правоту и достижения. Радуюсь вместе с Вами и желаю всего наилучшего.

Ваша

Роза Гончарова

Днепропетровск, 1990

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

С большой радостью узнал о присвоении Вам звания Героя Социалистического Труда, в связи с чем решил подготовить поздравительный адрес, который и высылаю.

Только такие люди, как Вы, обладающие сочетанием таланта ученого с большой энергией борца за истину и прогресс науки, способны совершить невероятное, доступное только большим коллективам за длительное время.

Я всегда с удовольствием читаю ваши работы и восхищаюсь широтой и глубиной знания. Поздравляю Вас с высоким званием.

Владимир Яковлевич Савенков

Волгоград

1990 г.

Дорогой и многоуважаемый Николай Петрович!

От души поздравляю Вас с присвоением Вам звание Героя Социалистического Труда!

Я, Ваша бывшая ученица, всегда вспоминаю Вас с большой благодарностью. Ваш образ и вся Ваша жизнь всегда стоят передо мной как олицетворение мужества, силы воли, настойчивости и трудолюбия. Когда мне бывает трудно в работе, я всегда вспоминаю Вас. Я сейчас работаю в средней школе преподавателем биологии и у своих учащихся воспитываю любовь к наукам, настойчивость, правдивость, любовь к труду, любознательность. Примером нам служит Ваш образ, Ваш труд и вся Ваша жизнь. Мои ученики знают Ваше имя и Ваши достижения в науке.

Желаю Вам крепкого здоровья, великого счастья, щедрости и успехов в работе на благо нашей Родины и всего человечества.

С приветом и наилучшими пожеланиями к Вам

М.Н. Дуженко
(бывшая Бахмутская)

Дорогой Николай Петрович!

Был очень рад узнать о присвоении Вам высокого звания Героя Социалистического Труда. Как я Вам в свое время уже писал (после Ленинской премии), “жернова истории мелют медленно, но верно”.

В.И. Гольданский

ТЕЛЕГРАММА

Москва
ул. Губкина, 3, Институт общей генетики
Академику Дубинину

Свердловск

Глубокоуважаемый Николай Петрович, примите самые сердечные поздравления с присвоением звания Героя Социалистического Труда. Уральские биологи выражают свое восхищение Вами и желают крепчайшего здоровья, новых творческих успехов. Всегда вспоминаю Ваше посещение Свердловска и Ботанического сада.

(Профессор)

Мамаев

ТЕЛЕГРАММА

Москва
ул. Губкина, 3, ИОГен
Академику Дубинину

Ленинград

Дорогой Николай Петрович!

Сердечно поздравляю с присвоением звания Героя Социалистического Труда за спасение и развитие генетики. Горячо желаем крепкого здоровья, новых выдающихся творческих свершений.

(Ваш)

Кайданов

12. О НЕКОТОРЫХ ФАКТАХ, ИСКАЖАЮЩИХ ИСТОРИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕНЕТИКИ

В последнее десятилетие прошлого столетия и настоящее время в отечественной печати появились публикации, в которых предприняты попытки умалить, исказить, а порой и умолчать о научных заслугах академика Н.П. Дубинина и даже приписать их другим. Не оценена, а порой опровергается самоотверженная пионерская роль Н.П. в создании двух институтов генетического профиля в Москве и Новосибирске, основателем и первым директором которых он являлся. Некоторые факты, искажающие подвижническую деятельность Николая Петровича Дубинина, кратко представлены ниже.

ПО ИНСТИТУТУ ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ

Прослеживается вопиющая акция, направленная на то, чтобы представить Институт общей генетики как преемника упраздненного в 1966 г. Института генетики, созданного Н.И. Вавиловым, и превращенного Т.Д. Лысенко в оплот борьбы с классической генетикой. “Псевдоисторикам” хорошо известно, что, создавая в 1966 г. ИОГен, определяя его структуру, Ученый совет не только не видел преемственности, но это были “два антипода”, два “научных противника” – классическая генетика и “лысенковские фантазии”, тем парадоксальнее, что сегодня такая преемственность рождается в некоторых головах и они выступают с трибуны, пишут об этом в научных и газетных статьях, в отчетах, подаваемых в Академию наук. Сознательное искажение фактов в равной мере исходит как от нынешней дирекции ИОГен, так и от комиссий Президиума АН по комплексным проверкам института и непосредственно от ООБ АН. Начало этому было положено А.А. Созиновым сразу же после снятия в 1981 г. Н.П. Дубинина с поста директора ИОГен. Стремясь вычеркнуть имя Дубинина из истории института, тогдашнее руководство Академии наук в лице академика А.П. Александрова и ООБ АН, которое возглавлял академик-секретарь М.С. Гиляров, поторопились присвоить институту имя Н.И. Вавилова, а новоиспеченная дирекция ИОГен стала переписывать его историю. И только в 2002 г. к 95-летию со дня рождения академика в институте появилось первое упоминание о его основателе и директоре на протяжении 15 лет – Н.П. Дубинине. Был открыт мемориальный музей в его бывшем рабочем кабинете.

Институт общей генетики был создан акад. Н.П. Дубининым в 1966 г. (см. гл. 1, раздел 6). История организации института была описана Н.П. Дубининым на основе существующих реальных документов. Она опубликована во многих материалах, в том числе в двух справочниках, изданных еще при его жизни: “Институт общей генетики” Краткий справочник (М.: Наука, 1974, 1979 гг.).

Сегодня продолжается сознательное искажение истории организации ИОГен как представителями дирекции института – в документах, направляемых в ООБ, Президиум АН, так и в некоторых публикациях. Особенно усердствует в этом зам. директора института Илья Артемьевич Захаров-Гезехус, приглашенный на работу в институт А.А. Созиновым. Вот лишь некоторые его публикации по этому вопросу:

Захаров И.А. Вступительная статья // В кн.: Николай Иванович Вавилов (1887–1943). Изд. третье, доп. М.: Наука. 1987. С. 27.

Панфилова Н. Жизнь и подвиг Николая Вавилова // За Калужской заставой, № 2, 21–27 янв. 1999¹.

Захаров И.А. Николай Иванович Вавилов и страницы истории советской генетики. М.: ИОГен. 2000. С. 5–6.

Захаров И.А. Краткие очерки по истории генетики. М.: Биоинформсервис. 1999. С. 67.

В этих публикациях И.А. Захаров-Гезехус дезинформирует читателя и лживо пишет о том, что Институт общей генетики был создан Н.И. Вавиловым и история его организации начинается с 1930 г.

В интервью корреспонденту газеты “Московской правды” на вопрос “Отчего же наши российские генетики в хвосте плетутся?” зам. директора ИОГен И.А. Захаров-Гезехус ответил:

“В свое время на 25 лет Трофим Денисович, директор нашего института, затормозил развитие нашей науки².”

Такое и нарочно не придумаешь! И.А. Захаров прекрасно знает, что директорами ИОГен были: Н.П. Дубинин, А.А. Созинов, С.В. Шестаков и в настоящее время Ю.П. Алтухов, а Лысенко никакого отношения не имеет.

Помимо этих публикаций следует указать еще следующие:

Инге-Вечтомов С. Передний край биологии // “Ленинград. правда”. 1977, 15 мая.

Петров Р.В. Перспективы биологии – процветание или катастрофа // Коммунист. 1990. № 1. С. 86–93.

Музрукова Е.Б., Назаров В.И., Ченоснова Л.В. Из истории советской генетики (Интервью с академиком Н.П. Дубининым) // Репрессированная наука. Т. 2. С.-Пет., Наука. 1994. С. 243–251.

Соболев В.С. Академики отвечают на вопросы евгеников // Вестн. РАН. 1997. № 5. С. 453.

Шумный В.К., Жимулев И.Ф.³ Памяти Николая Петровича Дубинина (1907–1998) // Информац. Вестник ВОГиС. 1998. № 3. С. 3.

Документ⁴, направленный академику-секретарю ООБ АН СССР акад. В.Е. Соколову под названием “Основные направления работ Института общей генетики им. Н.И. Вавилова АН СССР (1988–2000 гг.) за подписью и.о. директора Института Ю.П. Алтухова. (10.12.1987).

Заключение Комиссии по комплексной проверке Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН за 1997–2001 г. Член-корр. РАН Инге-Вечтомов С.Г. (председатель комиссии), акад. РАМН Иванов В.И. (зам. председателя) и подписи 13 членов комиссии. Документ подан в Президиум РАН в 2002 г.

Сойфер В.Н. Власть и наука. Изд. 4-е, перераб. и доп. Изд-во “ЧеРо”, М. 2002. С. 924.

¹ В статье использована информация из музея Н.И. Вавилова, которым руководит И.А. Захаров-Гезехус. (Примечание составителя).

² Захаров-Гезехус И.А. Человеческое бессмертие спрятано на кончике ... червя // “Моск. правда”. 2002, 18 окт.

³ Позднее Игорь Федорович Жимулев (член-корр. РАН) в своей книге “Общая и молекулярная генетика” (Изд-во Новосибирского ун-та, Сибирское ун-кое изд-во. Новосибирск. 2002. С. 26) внес коррективу по этой проблеме. (Примечание составителя).

⁴ В этом документе искажена история создания ИОГен.

Во всех этих публикациях материалы, касающиеся истории организации ИОГен, не соответствуют реальным документам (см. документы в гл. 1, раздел 6).

Кто это делает? С какой целью? Как правило, это делают люди, прекрасно знающие историю создания института, но не способные объективно оценить заслуги Н.П. Дубинина, но иногда это допускают люди, считающие себя историками науки. Они пишут историю генетики, но, к сожалению, не утруждают себя изучением реальных исторических документов, а занимаются переписыванием и перетасовкой непроверенных, а зачастую и ложных фактов из одной публикации в другую.

Наконец, совсем недопустимы некоторые публичные выступления зам. директора ИОГен И.А. Захарова-Гезехуса и лекции, например, для аспирантов, когда молодежи преподносится искаженная история. И.А. Захаров-Гезехус всячески стремится преуменьшить роль академика Н.П. Дубинина в развитии генетики или вовсе умолчать о ней.

Одновременно постоянно проводится мысль о том, что ИОГен является правопреемником лысенковского института. В то время как, своими традициями и подходами к решению важнейших научных проблем ИОГен преемственно связан с лабораторией радиационной генетики. ЛаРГ явилась тем ядром, вокруг которого сформировался наш институт.

После публикации в журнале “Вестн. РАН (1997, № 5) статьи директора Санкт-Петербургского архива РАН В.С. Соболева, допустившего такую же ошибку, в редакцию журнала было направлено письмо⁵, в котором, в частности, написано:

⟨...⟩ Что касается Института общей генетики, то он организован академиком Н.П. Дубининым на базе лаборатории радиационной генетики Института биологической физики АН СССР. Почти все сотрудники этой лаборатории работали под руководством Н.П. Дубинина в 1932–1948 гг. (то есть до разгрома генетики лысенковцами) в Институте экспериментальной биологии, директором которого был Н.К. Кольцов. После войны руководство Академии наук, понимая, что институт во главе с Лысенко работает практически вхолостую, в стороне от магистральных направлений современной генетики и даже вопреки им, поручило Н.П. Дубинину как ведущему генетику страны подготовить проект нового генетического института в составе АН СССР. Осуществлению этого проекта тогда помешала сессия ВАСХНИЛ 1948 г., надолго затормозившая развитие генетики в стране.

Лишь в 1966 г. после падения Лысенко лаборатория Н.П. Дубинина получила новый статус: 15 апреля 1966 г. на базе этого коллектива был организован Институт общей генетики АН СССР ... Мы, тогда молодые сотрудники нового института, хорошо помним, что наши старые товарищи, работавшие с Н.П. Дубининым еще в 1930–1940-е гг., всегда считали и лабораторию радиационной генетики и Институт общей генетики правопреемниками лаборатории Н.П. Дубинина в кольцовском институте.

Н.И. Вавилов – выдающийся биолог XX столетия, тем более, он не нуждается в том, чтобы ему приписывали заслуги другого крупнейшего ученого. Совершенно непонятно, какими источниками пользовался доктор В.С. Соболев, столь произвольно излагая важную страницу истории отечественной генетики. Никаких ссылок по этому поводу в его статье нет.

⁵ Акифьев А.П., Дубинина Л.Г. Письмо в редакцию // Вестн. РАН, 2002, т. 70. № 9. С. 833.

В Новосибирске на здании ИЦиГ СО РАН установлена мемориальная доска памяти акад. Д.К. Беляева со следующей надписью:

“Здесь с 1958 по 1985 год работал выдающийся советский ученый-биолог организатор и директор Института цитологии и генетики СО АН СССР академик Дмитрий Константинович Беляев”.

Эта надпись, сделанная в 1987 г. людьми, преданными Д.К. Беляеву, а точнее акад. В.К. Шумным, искажает реальные исторические факты (см. гл. 1, раздел 5), не соответствуя ни Постановлению Президиума СО РАН от 12.02.1986 г. № 3, ни Постановлению Президиума РАН от 10.09.1986 г. № 1131, но, вот уже почти 20 лет висит на здании института.

Искажения, подобные этому, происходят не впервые. Случайно узнав об этом факте, Л.Г. Дубинина обратилась к Председателю СО РАН акад. Н.Л. Добрецову с просьбой снять приведенную выше надпись. Результатом обращения стало решение Президиума Сибирского отделения РАН об установлении на здании Института цитологии и генетики СО РАН мемориальной доски в целях увековечения памяти выдающегося российского генетика академика Николая Петровича Дубинина (Постановление № 199 от 10.05.2001 г. Новосибирск) с утверждением текста надписи следующего содержания:

“Здесь с 1957 по 1959 гг. работал выдающийся генетик директор-организатор Института цитологии и генетики СО АН СССР академик Николай Петрович Дубинин”.

Л.Г. Дубининой было передано это Постановление с полуфабрикатным текстом надписи. Но согласиться с этой надписью было невозможно, так как она сознательно умалчивает о принципиально важных фактах, о чем Лидия Георгиевна сообщила акад. Н.Л. Добрецову. Парадоксально, но ей ответили, что “ничего переделывать не будем, оставим так, как сделал институт” (пока все было только на бумаге). На протяжении 20 лет люди сознательно вводились в заблуждение надписью на мемориальной доске. Имеем ли мы право мириться с новым “переделыванием” истории?!

Сложившаяся ситуация поставила Лидию Георгиевну перед необходимостью обратиться к Президенту РАН, акад. Ю.С. Осипову, и просить его действовать в том, чтобы надпись на мемориальной доске акад. Д.К. Беляеву с лжеинформацией была исправлена, а надпись на доске акад. Н.П. Дубинину содержала главную о нем информацию: “Организатор, директор Института цитологии и генетики СО АН СССР в 1957–1959 годы, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии”. Это в полной мере соответствовало бы исторической правде.

О НЕКОТОРЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Хотим обратить внимание читателя на искажения фактов, допущенных в некоторых книгах и опубликованных историками генетики. К ним относят себя В.В. Бабков и Е.С. Саканян (к сожалению, ее уже нет в живых), рецензент книги Е.В. Раменский; эмигрант В.Н. Сойфер и проф. И.А. Захаров-Гезехус.

*Е.В. Раменский*⁶, рецензируя книгу В.В. Бабкова и Е.С. Саканян, пишет:

«... Доклад Игоря Борисовича Паншина в Москве “Гетерохроматиновая схема оперона и ее следствия”, по словам Е.С. Саканян, потряс ее и других присутствующих в зале. Авторы пишут, что академик Н.П. Дубинин, один из гонителей Н.В. Тимофеева-Ресовского, оценивший эту работу как “гениальную”, услышав резкое мнение Паншина о том, что надо наградить Тимофеева-Ресовского хотя бы посмертно Звездой Героя Социалистического Труда, обиделся и помешал публикации работы Паншина. Полностью разделяя авторскую оценку деятельности Дубинина, не могу не заметить, что статья Паншина все же увидела свет (...)

В этом абзаце можно выделить несколько важных моментов: Н.П. Дубинин – гонитель Н.В. Тимофеева-Ресовского; Н.П. Дубинин был против награждения Н.В. Тимофеева-Ресовского; Н.П. Дубинин помешал публикации работы Паншина.

Соответствует ли все это действительности? В отношении “гонителя”. Н.В. Тимофеев-Ресовский покинул нашу страну, уехав в Германию, когда Коля Дубинин еще учился в МГУ. Он спокойно жил и работал в Германии даже при фашизме. К награждению Звездами Героев в стране Н.П. Дубинин никогда не имел никакого отношения. В виду важности последнего заявления со стороны В.В. Бабкова, Е.С. Саканян и рецензента Е.В. Раменского мы публикуем переписку И.Б. Паншина с Н.П. Дубининым, чтобы показать, как вышеназванные историки генетики, не зная фактов, клеветают на человека, который им не может уже ответить. И.Б. Паншин в 1930-е гг. работал в лаборатории цитогенетики у Н.П. Дубинина в “Кольцовском институте”.

30.VII.1987 г.

Дорогой Николай Петрович!

Был очень обрадован, получив Ваше письмо от 17.07 и 23.07, узнать, что Вы прочитали мою работу и считаете возможным ее публикацию, стало быть, явного вздора Вы в ней не обнаружили, в чем я далеко уверен не был – за 40 лет без систематического занятия генетикой можно было не только отстать, но утратить чувство реальности.

Конечно, видимо особенно в связи с профилем “Успехов генетики”, “обзор современного состояния учения о регуляции у эукариот”, необходим. Ощущая его необходимость, я нашел выход, начав с эпиграфа из Вашей “Общей генетики”. Конечно, его можно, как Вы пишете мне, убрать или так или иначе перенести в обзор.

Самый же обзор мне написать без Вашей помощи будет трудно и не только потому, что я ее не знаю новейшей литературы и при разработке “Гетерохроматиновой схемы оперона” не касался мне мало доступного молекулярного уровня, ограничившись только генетическими схемами, хотя и так работа получилась слишком длинной, а сократить ее невозможно. В лучшем случае я смогу повторить “своими словами” то, что сказано по теме в Ваших книгах. Единственное, что я за три дня придумал разделить механизмы регуляции на первичные (классическая схема оперона) и вторичные (гормоны и т.д.), начать все с эффекта положения, последнее есть у Вас в “Генетике”, Кишинев, 1985. Относительно многих ссылок на Ваши работы: “из песни слова не выбросишь”, а регуляторная песня начинается с Вашей с Борисом Николаевичем Сидоровым работы “Зависимость действия гена от его положения в системе”, 1944 (...)

⁶ *Раменский Е.В.* Рец. на кн. *В.В. Бабков, Е.С. Саканян* “Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский”. М.: Памятники исторической мысли. 2002 // *Молек. биология*. 2003. Т. 37, № 2. С. 365–368.

Я считаю, что научный потенциал наших работ в Вашем отделе генетики на Воронцовом поле, 6, далеко не реализован и это одна из причин побудившая меня заняться в течение последних более чем двух лет разработкой темы, стало быть, без многих ссылок на Ваши работы тут не обойтись, не я же их делал, а Вы и Ваши сотрудники, стало быть, дело не в подхалимаже из тактических соображений, а в существе дела. Некоторые соображения для предлагаемого Вами “обзора принципиальных положений” у меня стали прорезываться, но окончательно это потребует раздумий...

Прежде всего, хотелось бы встретиться и поговорить с Вами и знать Ваше мнение подробнее, во всяком случае это целесообразнее чем тратить Вам время на правку работы – был искренне тронут этим Вашим вниманием!

Ваш

Панишин

27.VI.1989 г.

Дорогой Игорь Борисович, сегодня 26.VI.1989 г. на состоявшейся редколлегии журнала “Успехи генетики” принята для печатания в следующем 17 номере ежегодника Ваша рукопись “Гетерохроматиновая модель оперона”.

Я отредактировал Вашу рукопись, и она была перепечатана. Подлинник рукописи и внесенные поправки имеются, и Вы с ними можете ознакомиться.

Том ежегодника (20 печ. листов) был заполнен принятыми статьями, поэтому я обратился в РИСО с просьбой увеличить размер тома на три листа для напечатания Вашей работы. РИСО отказал в этой просьбе. Тогда из сверстанного тома были изъяты 2 статьи и вместо них приготовлена для печати Ваша рукопись.

Отзыв на Вашу работу дали В.А. Струнников и Л.И. Корочкин. Как будто долгая эпопея с Вашей работой разрешилась. Должен сказать, что в ее настоящем виде рукопись нигде, кроме “Успехов генетики” напечатана бы не была.

Ваш

Дубинин

Вскоре Н.П. Дубинин получает благодарственное письмо от И.Б. Паншина:

15 июля 1989 г.

Дорогой Николай Петрович!

Был очень обрадован Вашим письмом и сообщением о печатании моей работы и, как Вы знаете, на следующий день позвонил к Вам по телефону (...) Спасибо за предложенные отзывы. Особенно ценно для меня копии Вашего письма акад. В.Н. Кудрявцеву как Ваша оценка моей работы. Позавчера Александра Федоровна купила у нас в Норильске книгу Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев “Генетика, поведение, ответственность” – прочитать еще не успел, но был удивлен, где же у нашей славной Академии наук “ответственность”, если вице-президент не может для генетического журнала, по просьбе своего соавтора, а стало быть, ученый, понимающий в генетике, выделить три лишних печатных листа (...) Был польщен, узнав из Вашего письма, как много Вы потратили времени и энергии на проталкивание моей работы”.

Ваш

Панишин

Из этой переписки видно, какие усилия затратил Николай Петрович, чтобы статья И.Б. Паншина была опубликована. Кроме того, письма показывают, какие отношения были между ними.

Что касается Тимофеева-Ресовского, то свою позицию Николай Петрович раскрывает в письме, которое было направлено главному редактору журнала “Наш современник” и опубликовано там.

В Вашем журнале № 11, 1989 г. напечатана статья Д. Ильина и В. Проворова “Кто Вы, доктор Тимофеев-Ресовский?”. В этой статье приводятся имена авторов ходатайства в Верховный суд СССР с просьбой реабилитировать Тимофеева. В их числе упоминается и моя фамилия.

Должен заявить, что никаких ходатайств в Верховный суд СССР о реабилитации Тимофеева я не подписывал. В суматохе многолюдья, после моего доклада, перед интервью телевидению, которое находилось тут же в фойе зала, я подписывал текст из 6–8 строчек о согласии с тем, что Тимофеев не является невозвращенцем. Основанием для такого мнения было то, что Тимофеев, в Берлине, в 1945 г. добровольно сдался в плен советским войскам. Никаких других подписей под этим текстом не было. Я ничего не знал о ходатайстве и ни с кем их подписавшихся под ходатайством не говорил о деятельности Тимофеева.

Я всегда считал, что работа Тимофеева в пользу Германии, в 1941–1945 гг., когда Германия обрушила на СССР свою военную машину, является аморальной. Было бы нелепым, если бы я подписался под ходатайством в Верховный суд СССР. Я высказывал свою точку зрения Д. Гранину, который до опубликования своего романа “Зубр” пришел ко мне с вопросом почему я высказываю недоброжелательность к Тимофееву? Гранин в романе, приводит этот разговор, не упоминая моего имени. Однако из текста ясно с кем он говорил. Гранин беллетристически пересказывает нашу беседу, но в извращенном виде, он в частности не упомянул о моих словах, что Гранину, не удастся уверить читателя, что работа Тимофеева в Берлине все годы войны, вплоть до ее окончания, как-то может быть оправдана.

В начале 1989 г. в издательстве “Политическая литература” вышло 3-е издание книги Н.П. Дубинина “Вечное движение”. В этой книге сказано следующее о пребывании и работе Тимофеева в фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны.

В 1925 г. Тимофеев и его жена Елена Александровна Фидлер выехали из Москвы в командировку в Германию. Они не вернулись, остались работать в пригороде Берлина Бухе, в институте Кайзер-Вильгельма. В 1929 г. Тимофеев был назначен директором отдела генетики и биофизики этого института. Работая в Германии в течение 20 лет, он выполнил ряд крупных работ по радиационной генетике и по эволюции популяций.

В 1941 и 1942 гг. вместе с Х.Дж. Борном и К.Г. Циммером он изучал биологические эффекты, возникающие при действии нейтронов. Военное министерство фашистской Германии и имперский полномочный представитель ядерной физики заключили с отделом генетики и биофизики несколько контрактов по изучению биологического действия нейтронов.

В книге Д. Ирвинга сообщается, что среди захваченных немецких документов обнаружено письмо, написанное в 1944 г. Раевским, сотрудником института Кайзер-Вильгельма. В этом письме Раевский сообщает полномочному представителю по ядерной физике, что его группа, в числе прочих, выполняет работу по изучению “биологического воздействия корпускулярного излучения, включая нейтронное, с точки зрения его использования в качестве оружия”... Д. Гранин в романе “Зубр”, описывая жизнь Тимофеева в Германии, уверяет читателя, что у него вызывали тревогу вести из Советского Союза, что Н.К. Кольцов советовал Тимофееву оставаться в Германии и не возвращаться в СССР. Тимофеев свободно выезжал из Германии. По Гранину “до начала войны с Англией и Францией, да и позже ему выпало несколько случаев выезжать в Скандинавию, Соединенные Штаты, Италию”.

При таких возможностях Тимофеев упорно держался за свое место в Берлине. Гранин недоумевает, почему во время войны против СССР Тимофеев “отсиживался у фашистов за пазухой. Однажды я заупорствовал, выжимая из него что-то более определенное, но он отмахнулся”.

Трудно судить о мыслях Тимофеева. Он не посчитал нужным рассказать, почему остался в Германии после 1927 г., когда положение генетики в СССР было нормальным, а до 1937 г. было еще 10 лет. Почему он не покинул Германию в 1939–1940 гг.? Что было основой его работы в Берлине в 1941–1945 гг., когда фашистская Германия вела войну против СССР?

Если же мы обратимся к внешним обстоятельствам процветания Тимофеева в Германии в годы войны, то Гранин не сообщает читателю, что лаборатория Тимофеева входила в урановый проект, который курировали фашистские спецслужбы.

“Лаборатории уранового проекта пользовались привилегиями. Специальность Тимофеева была далека от ядерной физики. Однако у него был контакт с физической лабораторией института Кайзер-Вильгельма, которая имела источники ионизирующих излучений и работала по технологии плутония. Результаты лабораторных исследований Тимофеева должны были быть использованы для оценки биологического влияния радиации в случае практического применения атомного оружия” (стр. 353–355). Это написано в 1989 г.. В первом издании 1973 г. и во втором издании книги “Вечное движение” в 1975 г., дана характеристика невозвращения Тимофеева на Родину. В обоих изданиях книги написано: “Н.В. Тимофеев-Ресовский... покинул Россию в ее трудное время, в начале 1920-х гг. ... Страна напрягала все силы, чтобы создать кадры специалистов. Каждый ученый стоил России больших материальных средств и нравственных забот. Однако будущее России, предвиденное Лениным, оправдало жертвы народа. В этих условиях оставление отчизны, воспитавшей их, было ужасным” (Издание 1973 г. С. 351. в 1975. С. 372).

Тимофеев переступил и эту грань. Во время войны с Германией он работал на фашистское государство.

Академик

22.XI.1989 г.

Н.П. Дубинин

Как ученый и гуманист Н.П. Дубинин хорошо понимал всю гнусность и безнравственность работ Тимофеева-Ресовского, проводимых в годы войны. Это его точка зрения и позиция человека и ученого. Но конкретных фактов гонения Тимофеева-Ресовского со стороны Дубинина ни Бабков, ни Саканян, ни рецензент Раменский привести не могут, поскольку их просто нет.

Д. Гранин в своей повести “Зубр”, описывая встречу Н.В. Тимофеева-Ресовского в Москве в 1956 г., и застолий, которые по этому поводу были с “докладами, обсуждениями, бесконечными сладостными спорами, рассказами, расспросами”, указывает среди присутствующих важных лиц имя Н.П. Дубинина. Николай Петрович ни в одном из этих мероприятий не принимал участия. Это чистая фантазия автора повести (“Новый мир”, 1987, № 1). Увы, имя Н.П. Дубинина порой используют для повышения чье-либо статуса.

Уже в старости В.Н. Сойфер, бывший сотрудник ИОГен АН СССР, эмигрировавший на Запад, опубликовал немало материалов о Н.П. Дубинине не просто в неуважительном тоне, а зачастую лживых и надуманных⁷. Эпизоды были придуманы самим автором или приведены со слов С.М. Гершензона, примкнувшего после 1948 г. к лагерю Т.Д. Лысенко (см. С. 141–143). Фантазия автора даже произвела Н.П. Дубинина в дворянское звание, что сегодня весьма модно, но совершенно не соответствует действительности. Сой-

⁷ Сойфер В.Н. Власть и наука. Изд. 4-е, перераб. и доп. Изд-во “ЧеРо”. М., 2002.

фер, следуя примеру иных авторов, также грубо искажает историю организации ИОГен (С. 924) и пытается вбить клин во взаимоотношения Н.П. Дубинина со своим учителем Н.К. Кольцовым (С. 430, 495), изображая его неблагодарным учеником и предателем. Обвиняя Н.П. Дубинина в трусости, Сойфер, однако, не счел нужным написать, что Н.П. Дубинин, поставив свою подпись, наряду с другими учеными, под известным “Письмом трехсот”, что “по тем временам поставить свою подпись под коллективным обращением в высшие органы было небезопасно”, как он пишет (С. 802), подписал совместно с П.А. Барановым еще и сопроводительное письмо в высшие партийные органы. Об этом бы Сойферу как историку науки, каким он себя считает, тоже следовало бы написать, а не заниматься подтасовкой материала.

По всей вероятности, В.В. Бабков с Е.С. Саканян и В.Н. Сойфер и иже с ними, выдающие себя за “историков науки” используют имя академика Н.П. Дубинина для пиаровских акций своих книг.

Говоря об искажениях, касающихся жизни и деятельности Н.П. Дубинина, мы сочли нужным остановиться еще на одной книге⁸, посвященной “Сергею Сергеевичу Четверикову”, учителю Н.П. Дубинина, ответственным редактором которой является И.А. Захаров-Гезехус. В этой книге допущен ряд неточностей, на которые мы хотим обратить внимание.

1. “Профессор Четвериков С.С. является представителем современной школы советских генетиков. Среди его учеников имеется ряд выдающихся молодых советских генетиков, как, например, доктор биологических наук Н.П. Дубинин, Б.Л. Астауров и др., кончивших университетский курс и проходивших аспирантуру под его руководством” (С. 103).

Замечание⁹: Н.П. Дубинин не обучался в аспирантуре. Вот как этот факт описывает он сам:

“Увлечшись работой в лаборатории А.С. Серебровского, я совершенно позабыл о том, что в 1928 г., по окончании университета, по представлению С.С. Четверикова был оставлен в аспирантуре по специальности “Генетика” при Московском государственном университете. Я не оформил каких-то документов, не ходил за стипендией и в результате механически выбыл из аспирантуры” (Н.П. Дубинин. Вечное движение. М., 1973. С. 96).

2. “В эти годы (с 1921 г.) я стал работать по генетике в Институте экспериментальной биологии, где вместе со своими талантливыми учениками (Н.П. Дубинин, Б.Л. Астауровым, Н.К. Беляевым, С.М. Гершензоном и др.), из которых большинство является теперь докторами биологических наук” ... (С.106).

Замечание. Н.П. Дубинин стал работать в ИЭБ в должности зав. отделом генетики по приглашению Н.К. Кольцова с 1932 г., через три года после ссылки С.С. Четверикова в 1929 г.

3. В своих воспоминаниях о брате Н.С. Четвериков, перечисляя учеников С.С. Четверикова и называя Тимофеева-Ресовского, Астаурова, Дубинина, Ромашова, Балкашину, пишет:

⁸ Сергей Сергеевич Четвериков. Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания // Сост. Т.Е. Калинина. Отв. ред. И.А. Захаров. М.: Наука, 2002 (Научное наследие). Т. 28.

⁹ Замечания сделаны составителем.

“Все эти ученики образовывали тесный кружок, который именовался СООРом. СООР – “совместное оранье”. ... Вот этот самый СООР послужил причиной и первой репрессии против брата, когда его отправили в Свердловск” (С. 479).

Замечание. В воспоминаниях Н.С. Четверикова не все соответствует действительности. Вот что об этом эпизоде пишет Н.П. Дубинин:

“В 1928 г. я обратился к С.С. Четверикову с просьбой разрешить мне участвовать в работе СООРа. “Буду рад видеть вас на этих заседаниях, – сказал Сергей Сергеевич, – однако у нас имеется обязательное правило. Прием каждого нового члена СООРа требует голосования, и, если при этом предполагаемый кандидат получит хотя бы один черный шар, его не принимают в состав участников семинара”. Я такой шар, или шары, получил и не был допущен в состав СООРа” (Н.П. Дубинин “Вечное движение”. 3-е изд. испр. и доп. М. С. 73) .

И к репрессии С.С. Четверикова Н.П. Дубинин не имел никакого отношения.

4. “{...} у Дубинина заслуг очень много научных. И он, вероятно, станет сейчас заместителем Лысенки в качестве руководителя большого генетического института академии” (С. 480).

Замечание. Очевидно далеко от фактического положения дел находился Н.С. Четвериков, брат С.С. Четверикова, написав о возможном замещительстве Н.П. Дубинина у Лысенко. Такая очевидная фальсификация недопустима и со стороны ответственного редактора книги И.А. Захарова-Гезехуса.

5. “Дубинин Н.П. (1907–1998) – генетик; {...} Аспирант А.С. Серебровского” (С. 621).

Замечание. Н.П. Дубинин никогда не был аспирантом А.С. Серебровского.

6. “Никоро З.С. {...} в 1958 г. была приглашена Дубининым в ИЦиГ СО АН СССР” (С. 628).

Замечание. Что касается “приглашения” Никоро З.С. в ИЦиГ СО АН СССР, об этом Н.П. Дубинин написал в своем письме на имя Генерального секретаря (см. гл. 2 “Избранные письма”).

Публикуя данные материалы, мы преследуем единственную цель – не позволить клевете, лжи, фальсификациям и фальсификаторам очернить образ и имя академика Николая Петровича Дубинина, умалить его роль и заслуги в истории и развитии отечественной и мировой науки.

На фоне всего выше сказанного особое значение приобретают написанные Н.П. Дубининым три книги: “История и трагедия советской генетики”, “Генетика – страницы истории”, “Вечное движение”. В них, опираясь на обширнейший документальный материал, он написал о своей жизни и работе, о развитии генетики в нашей стране, одним из творцов которой он оставался на протяжении всего XX в., и историю которой под всякими предлогами в настоящее время пытаются исказить, переписать, переkreить люди, возмнившие себя историками науки.

Хотел бы я судьбы иной?
Одних побед без унижений?
Не знаю, говорю с собой:
Где ж высота без поражений?

Н.П. Дубинин

ГЛАВА 2

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА¹

В 1968 г. решением Президиума АН СССР Николай Петрович Дубинин был освобожден от обязанностей председателя Научного совета по генетике и селекции. Этому предшествовала его встреча с Президентом АН СССР акад. М.В. Келдышем и письмо Н.П. к нему.

ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР М.В. КЕЛДЫШУ

Многоуважаемый Мстислав Всеволодович!

В беседе 7 сентября Вы предложили мне подать заявление об уходе с поста председателя Научного совета по проблемам генетики и селекции. Продумав этот вопрос, я считаю, что это не будет полезным для дальнейшего общего развития генетики в стране и отзовется на Институте общей генетики АН СССР. Считаю уместным подчеркнуть, что в деловом отношении Научный совет не имел упреков, за прошедший короткий период своего существования он провел большую работу и осуществил ряд крупных мероприятий: последним из них была сессия “Задачи генетики в практике сельского хозяйства”. Мне кажется неправильно давать повод связывать оценку работы руководства Научного совета с фактом перехода Сидорова, Соколова, Сахарова и Арсеньевой из Института общей генетики в Институт биологии развития. Как я несколько раз уже говорил Вам, в основе этого перехода нет ни научных, ни производственных мотивов. Все это заставляет меня изменить мою точку зрения в отношении заявления и просить Вас решать вопрос о руководстве Научного совета без моего заявления об уходе.

Одновременно я должен еще раз обратить внимание, что переход Сидорова, Соколова, Сахарова и Арсеньевой в Институт биологии развития не оправдан задачами развития науки. В основе этого перехода лежат эмоциональные и персональные мотивы. Имея в виду, что Институт биологии развития исследует проблемы индивидуального развития животных, я озабочен тем фактом, что содержание работ переходящих лабораторий, связанное с цитогенетикой, не соответствует задачам Института биологии развития, что в дальнейшем для обоих институтов создаст серьезные трудности. В крайней форме противоречия в научной тематике касаются лаборатории полиплоидии растений, содержание работ которой совершенно никакого отношения к проблемам индивидуального развития животных не имеет. В этом случае особенно тревожна судьба тетраплоидной гречихи, на создание которой затрачены большие государственные средства и которая требует серьезной селекционной доработки до ее передачи в сельскохозяйственное производство. Мне кажется, что все эти моменты должны быть тщательно взвешены, и найти свое отражение в гото-

¹ Письма и цитаты, используемые в настоящей главе взяты из личного архива Н.П. Дубинина.

вящемся постановлении президиума. Институт общей генетики предпринимает меры для организации работ по проблемам, которые ранее разрабатывались в передаваемых лабораториях, в чем надеется получить помощь от президиума АН СССР.

8 сентября 1967 г.

Н.П. Дубинин

Еще ранее, в январе 1967 г., лица, указанные в письме к Келдышу, добились того, что с поста ученого секретаря был вынужден уйти Виталий Константинович Щербаков – талантливый молодой человек, кандидат биологических наук. Самую активную роль в его снятии сыграла Вера Вениаминовна Хвостова, которая с одной стороны, без конца говорила о своей любви к Виталию, а с другой – требовала от имени этой группы как можно скорее убрать его с поста ученого секретаря Совета. Обращаясь к председателю Совета, В.К. Щербаков был вынужден написать:

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Принимая во внимание, что в течение длительного времени, выполняя обязанности ученого секретаря Научного совета, я не получал причитающейся зарплаты, а также ненормальную обстановку, сложившуюся в Научном совете в результате беспрецедентных действий Б.Н. Сидорова, Н.Н. Соколова и их сотрудников, прошу освободить меня от обязанностей ученого секретаря Научного совета.

15 марта 1973 г. акад. Б.Л. Астауров направил письмо акад. Ю.А. Овчинникову и копии ответственному редактору ежегодника “Успехи современной генетики” акад. Н.П. Дубинину и председателю Научного совета по генетике и селекции акад. Д.К. Беляеву. На это письмо Н.П. Дубинин направляет ответ Ю.А. Овчинникову. Кроме того, мы приводим протокол заседания ежегодника “Успехи современной генетики”, где обсуждался вопрос о коллективном выходе нескольких членов из состава редколлегии.

В ПРЕЗИДИУМ АН СССР
СЕКЦИЯ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
И БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
академику Ю.А. ОВЧИННИКОВУ

Глубокоуважаемый Юрий Анатольевич!

В связи с письмом академика Б.Л. Астаурова, сообщаю следующее. По моему мнению, акад. Б.Л. Астауров занимает ошибочные позиции в вопросе о человеке, с которыми он выступил в печати. Я считаю нормальным и необходимым критику его взглядов. В прошлом, в 1920 и 1930-х гг., ошибки в вопросе о личности человека и роли социальной среды сыграли резко отрицательную роль для развития советской генетики. Любое повторение этих ошибок в наше время недопустимо.

В 1969 г. вышла книга В. Польниина, которая пропагандировала старые взгляды евгеников. К этой книге акад. Б.Л. Астауров написал предисловие с рядом ошибочных высказываний. В 1971 г. в журнале “Новый мир” № 10 была напечатана статья акад. Б.Л. Астаурова, в которой он написал, что необходима генетическая перестройка для создания человека гуманного.

После появления этой статьи в 1971 г. на заседании президиума ВОГИС, проходившим под председательством акад. Б.Л. Астаурова, я предложил на расширенном заседании президиума ВОГИС разобрать суть ошибочных взглядов Б.Л. Астаурова в вопросе о человеке. Однако такой разбор не состоялся.

В мае 1972 г. Научный совет по философским вопросам современного естествознания при Президиуме АН СССР и редакция журнала “Вопросы философии” провели “Круглый стол”, посвященный обсуждению взаимодействия социальных и биологических факторов развития человека. В журнале “Вопросы философии” № 9 за 1972 г. напечатано изложение моего выступления на этом обсуждении. В нем названа фамилия акад. Астаурова, как автора ошибочных взглядов. На С. 110 журнала напечатано: “...великим принципам ленинизма классовые противники тщетно пытаются противопоставить целый арсенал своих учений. Среди них расовые учения, евгеника, требующая переделки генов человека, создания высших рас... И в нашей стране некоторые ученые увлеклись биологизацией человека. Б.Л. Астауров полагает, что нужны не только изменения среды, но и генетическая переделка для создания человека гуманного, которого, по его мнению, еще нет на нашей планете. В.П. Эфроимсон... полагает, что этические основы человека навечно записаны в его генах. В.М. Польшин превозносит ошибочные высказывания наших евгеников 1920-х гг.: Н.К. Кольцова, А.С. Серебровского и Ю.А. Филипченко... Вопреки биологизаторскому подходу учение о социальной программе уничтожает основы расизма, евгеники и социал-дарвинизма”.

Это показывает, что вопреки заявлению Б.Л. Астаурова в письме к Вам, моя критика не анонимна, и он имеет все возможности печатного опровержения моей критики, и я не использую положение ответственного редактора “Успехов современной генетики”, чтобы впервые выступить с прямой критикой в его адрес.

Поскольку акад. Б.Л. Астауров настаивает на своих взглядах, я и в дальнейшем буду возвращаться к этому вопросу в печати.

Что касается пятого выпуска ежегодника “Успехи современной генетики” (1973 г.), то его содержание и в том числе моя статья “Проблемы генетики” было утверждено на последнем заседании редколлегии журнала от 19.V.1972 г., на котором были Б.Л. Астауров, Б.Н. Сидоров, Р.Б. Хесин, И.А. Рапопорт, В.А. Шевченко и я. С.И. Алиханян был, но ушел в начале заседания.

Учитывая несогласие акад. Б.Л. Астаурова, как члена редколлегии “Успехов современной генетики”, с критическими замечаниями в адрес его евгенических взглядов в ежегоднике я снимаю все эти замечания в этой статье. Акад. Б.Л. Астауров обратился прямо в Президиум АН СССР, об удовлетворении его желаний можно было бы легко договориться в редколлегии “Успехов генетики”. Что касается освобождения акад. Б.Л. Астаурова от обязанностей члена редколлегии ежегодника “Успехи современной генетики”, то я не считаю его просьбу мотивированной, поскольку наличие разногласий, хотя бы и по серьезным вопросам, не может служить предметом для нарушения работы.

Я не могу согласиться с мнением Б.Л. Астаурова о том, что редколлегия “давно уже не является коллегиальным органом – все номера ежегодника утверждались на заседаниях редколлегий. В случае отсутствия того или иного члена редколлегии, он персонально знакомился с делами. По пятому номеру ежегодника, в который входила и моя статья “Проблемы генетики”, все материалы в полном объеме в виде рукописей статей были представлены на заседании редколлегии (19.V.1972 г.), которая собралась в полном составе. Это содержание было утверждено и на титульном листе ежегодника имеются визы (подписи) всех членов редколлегии, (кроме С.И. Алиханяна), и в том числе акад. Б.Л. Астаурова, на передачу материалов в печать.

Ежегодник “Успехи генетики” имеет очень представительный авторский коллектив из всех центров отечественной генетики, в чем легко убедиться, просмотрев номера ежегодника 1, 2, 3, 4.

март 1973 г.

Н.П. Дубинин

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ ЕЖЕГОДНИКА “УСПЕХИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕНЕТИКИ”

17 июля 1973 г.

Присутствовали: академик Н.П. Дубинин,
докт. биол. наук И.А. Рапопорт,
канд. биол. наук В.А. Шевченко

Повестка дня:

1. Предварительное обсуждение содержания шестого выпуска “Успехов современной генетики”.

2. Обсуждение писем членов редколлегии акад. Б.Л. Астаурова, докт. биол. наук Б.Н. Сидорова, С.И. Алиханяна и Р.Б. Хесина о положении в редколлегии ежегодника, направленных ими и.о. вице-президента АН СССР акад. Ю.А. Овчинникову.

Слушали:

Редактор-составитель ежегодника В.А. Шевченко сообщил о предполагаемом содержании ежегодника “Успехи современной генетики” № 6 за 1974 г.

Акад. Н.П. Дубинин информировал о письмах Б.Л. Астаурова, Б.Н. Сидорова, Р.Б. Хесина, С.И. Алиханяна, в которых они критикуют его деятельность, как главного редактора ежегодника.

К сожалению, нам приходится обсуждать эти письма в отсутствие их авторов. Б.Л. Астуоров и Б.Н. Сидоров больны, С.И. Алиханян и Р.Б. Хесин отказались прийти на заседание, мотивируя отсутствием Б.Л. Астаурова и Б.Н. Сидорова. Сегодняшнее обсуждение не помешает вновь вернуться к этому вопросу на более расширенном заседании.

Следует отметить, что главный редактор трижды обращался к С.И. Алиханяну и Р.Б. Хесину с просьбой прибыть на сегодняшнее заседание двумя письмами и телефонограммой. После отказа в ответ на первое письмо им было послано второе письмо с приглашением прибыть на заседание, в котором указывалось, что, поскольку каждый из них написал индивидуальные письма, эти письма могли бы быть обсуждены и в отсутствие Б.Л. Астаурова и Б.Н. Сидорова. Обсуждение вопроса в целом затем могло бы иметь место после выздоровления Б.Л. Астаурова. Поскольку выздоровление Б.Л. Астаурова, по-видимому, дело времени, в этих условиях откладывание заседания редколлегии является мало перспективным.

В своем письме акад. Б.Л. Астауров выражает протест против того, что главный редактор Н.П. Дубинин в статье, подготовленной к печати ежегодника № 5 за 1973 г., подверг критике его взгляды о роли генетики в формировании нового человека. По заявлению Б.Л. Астаурова, Н.П. Дубинин использовал свое положение главного редактора, чтобы осуществить персональную критику Б.Л. Астаурова, чего ему, якобы, не удавалось сделать в других журналах, в частности, в журнале “Вопросы философии”, где фамилия Б.Л. Астаурова в подобных ситуациях, по заявлению Б.Л. Астаурова, не пропусклась редакцией.

Н.П. Дубинин разъяснил, что содержание ежегодника № 5 и в том числе его статья “Проблемы современной генетики”, было утверждено на заседании редколлегии. На титульном листе ежегодника имеются визы в виде подписей Б.Л. Астаурова, Б.Н. Сидорова, Р.Б. Хесина, И.А. Рапопорта. Редактором ежегодника от издательства “Наука” является личный сотрудник акад. Б.Л. Астаурова – Ю.С. Демин. В журнале “Вопросы философии” в № 9 за 1972 г. стр. 110 Н.П. Дубинин подверг критике евристические взгляды Б.Л. Астаурова с упоминанием его фамилии. Эта критика имела более серьезный характер, сравнительно с критикой в ежегоднике.

В статье для ежегодника фамилия Б.Л. Астаурова упоминалась один раз. Как сообщил Н.П. Дубинин, после протеста Б.Л. Астаурова это место изъято. Вполне понятно, что, если бы Б.Л. Астауров обратился не в Президиум АН СССР, а прямо в редколлегию, как ее член, результат был бы вполне положительный.

Письмо Б.Н. Сидорова направлено в поддержку протеста Б.Л. Астаурова.

Письмо Р.Б. Хесина не содержит фактического материала, он, как и все четыре члена редколлегии, написавшие письма ак. Ю.А. Овчинникову, просит освободить его от участия в работе редколлегии.

С.И. Алиханян пишет в своем письме, что в редколлегии сложилась ненормальная обстановка, так как главный редактор, по его мнению, не считается с членами редколлегии, что в частности, выразилось в ненапечатании состава редколлегии на одном из номеров ежегодника. С.И. Алиханян пишет, что Н.П. Дубинин печатает в ежегодниках в основном свои статьи и статьи своих сотрудников.

В.А. Шевченко, редактор-составитель ежегодника, в связи с письмом С.И. Алиханяна дал справку. Всего за пять лет в ежегоднике напечатано 57 статей. Из них 27 статей были представлены акад. Б.Л. Астауровым. 5 статей рекомендованы другими членами редколлегии, 25 статей присланы непосредственно их авторами. Из 57 статей, в 10 статьях авторами являются сотрудники Института общей генетики АН СССР. Авторами 47 статей являются представители всех ведущих центров по генетике СССР. До сих пор до внезапного появления сразу четырех заявлений о ненормальном положении в редакции этот вопрос никем не поднимался. Все сборники утверждались на заседании редколлегии. К сожалению, члены редколлегии не очень активны и в большинстве случаев на заседания редколлегии не приходят. Однако во всех случаях все члены редколлегии, не бывшие на заседании, персонально знакомились со статьями, идущими в номер. Ни в одном случае, ни одна статья не помещалась в ежегоднике без коллективного согласия всех членов редколлегии. В выступлении докт. биол. наук И.А. Рапопорта была высказана мысль о необходимости активной работы всех членов редколлегии, об их личном участии в написании статей для ежегодника. И.А. Рапопорт заявил, что он считает положение в ежегоднике нормальным, одобряет шаги, предпринятые главным редактором Н.П. Дубининым, которые должны снять недоразумение с Б.Л. Астауровым и Б.Н. Сидоровым. Он не считает мотивированными заявления со стороны С.И. Алиханяна и Р.Б. Хесина. И.А. Рапопорт считал отказ от участия в заседании С.И. Алиханяна и Р.Б. Хесина ничем не мотивированным и, отмечая малую активность членов редколлегии, высказал мысль о необходимости изменений в составе редколлегии, которая уже проработала 5 лет. И.А. Рапопорт высказал предварительное положительное мнение о содержании шестого номера ежегодника на 1974 г.

На заседании редколлегии было обсуждено заявление докт. биол. наук С.И. Алиханяна в его письме акад. Ю.А. Овчинникову о том, что на титульном листе одного из номеров "Успехов современной генетики" была дана фамилия только ответственного редактора акад. Н.П. Дубинина и не приведены фамилии других членов редколлегии. По этому вопросу В.А. Шевченко сообщил, что фамилии членов редколлегии были сняты с титульного листа № 1 ежегодника за 1967 г. редактором издательства "Наука", как непрактикующееся в таких ежегодниках. Это недоразумение было обсуждено в присутствии С.И. Алиханяна на заседании редколлегии в 1970 г., на котором рассматривались материалы третьего выпуска "Успехов". В выпусках 1968, 1969, 1970, 1971 и 1972 гг. приведены фамилии всех членов редколлегии. Вероятно, в настоящее время нецелесообразно еще раз возвращаться к обсуждению этого недоразумения.

Со своей стороны, как редактор-составитель сборников, В.А. Шевченко постоянно осуществлял связь со всеми членами редколлегии. Он заявил, что считает положение в редколлегии нормальным. Появление сразу писем от четырех членов

редколлегии о тяжелом положении в редколлегии является совершенно неожиданным.

Решено, что в ближайшее время на заседании редколлегии необходимо обсудить в более широком составе письма членов редколлегии и содержание шестого выпуска “Успехов” и наметить планы дальнейшей работы ежегодника, призвав членов редколлегии к более активной работе.

Ответственный редактор ежегодника
“Успехи современной генетики”
академик

Н.П. Дубинин

Редактор-составитель ежегодника
“Успехи современной генетики”
канд. биол. наук

В.А. Шевченко

Издание ежегодника было продолжено. 17 января 1975 г. Бюро ООБ АН СССР утвердило новый состав редколлегии с главным редактором Н.П. Дубининым.

Далее мы публикуем подборку материалов о некоторых приоритетах в науке и попытках их искажения.

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА “ГЕНЕТИКА”
академику П.М. ЖУКОВСКОМУ

Глубокоуважаемый Петр Михайлович!

В номере 11 журнала “Генетика” за 1974 г. напечатана редакционная статья, посвященная памяти Б.Л. Астаурова. Один из фрагментов статьи вызывает удивление. На стр. 7 в агрессивном тоне взяты под защиту ошибочные стороны во взглядах Б.Л. Астаурова по проблеме человека.

Не приводя из работ Б.Л. Астаурова те места, в которых он апологизирует египетиков начала текущего века, и его заявление, что создание “человека гуманного” требует переделки генетической программы человечества, авторы статьи привели обтекаемую цитату, которая никогда не подвергалась критике.

Считаю серьезной ошибкой попытку на страницах ведущего журнала по генетике реставрировать и защищать старые идеологически неверные подходы к человеку.

Я являюсь членом редколлегии журнала “Генетика” со дня его основания. В настоящее время С.И. Алиханян ввел в практику работы редакции, по-видимому, из-за отсутствия кворумов посылку материалов по очередным номерам на индивидуальное рассмотрение членам редколлегии. Отсутствие письменных возражений принимается за утверждение. Со статьей памяти Б.Л. Астаурова я не был ознакомлен.

Ответственность за указанный раздел в статье несут заместители главного редактора – С.И. Алиханян и Д.К. Беляев. Статья напечатана без подписи, что создает впечатление, будто бы редколлегия в целом разделяет подобные взгляды.

В номере 1 журнала “Генетика” за 1975 г. напечатана статья памяти Д.Д. Ромашова, подписанная безымянной группой друзей и учеников. В этой статье (стр. 164) в оскорбительной форме извращена история создания теории генетико-автоматических процессов. История этого вопроса фиксирована в нашей литературе датой печатания основных исследований, что безоговорочно принято в советской и мировой историографии генетики. Термин генетико-автоматические процессы введен в литературе мною в 1931 г. Непонятно, почему С.И. Алиханян и Д.К. Беляев допускают очернение событий, связанных с историей из приоритетных открытий советской генетики. Со статьей памяти Д.Д. Ромашова меня, как члена редколлегии, также не ознакомили.

Заявляю Вам протест против такого положения. Прошу Вас разобрать настоящее письмо на заседании редколлегии журнала “Генетика” и изменить обстановку в работе редколлегии.

Академик

Н.П. Дубинин

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “ГЕНЕТИКА”²

В пятом номере журнала “Генетика” за 1977 г. (С. 938) напечатано письмо Б.Н. Сидорова. Он написал:

“В номере первом журнала “Генетика” за 1977 г. (С. 170) в статье акад. Н.В. Цицина, посвященной 70-летию акад. Н.П. Дубинина, допущена серьезная ошибка”.

По мнению Б.Н. Сидорова, эта ошибка состоит в том, что доказательство и открытие эффекта положения гена якобы принадлежит не Н.П. Дубинину и Б.Н. Сидорову, а, как пишет Б.Н. Сидоров “замечательному американскому ученому А. Стертеванту”.

Таким образом, речь идет об одном из крупных приоритетов науки. Б.Н. Сидоров утверждает, что этот приоритет принадлежит не советским ученым, а науке США. Так ли это на самом деле? Открытие явления эффекта положения генов было сделано 40 лет тому назад. Если обратиться к литературе этого времени, то можно легко разобраться в сущности вопроса. Действительно первая работа в этом направлении принадлежит А. Стертеванту, который в 1925 г. предложил термин “эффект положения гена”. В этой работе Стертевант имел дело со специфическим изменением действия в разных наборах дубликанных гомологичных генов *Var* в одном локусе половой хромосомы дрозофилы. Эти наборы гомологичных локусов получались с помощью кроссинговера. Данные Стертеванта касались одного исключительного случая и потому не могли претендовать на обоснование нового воззрения на организацию генетического материала в целом.

Открытия Н.П. Дубинина и Б.Н. Сидорова (1934) поставили проблему положения генов в принципиально новое положение. Было показано, что при перемещении любых негомологичных блоков генов как между разными хромосомами (транслокации), так и внутри хромосомы (инверсии) в местах, где генетический материал соединялся в новом порядке, попадая в чуждое для них генное окружение, возникали изменения в действии генов. Более того, была доказана обратимость этих изменений. При введении измененно-действующего гена в исходное генное окружение явление эффекта положения исчезало.

Именно эти принципиально новые факты реально послужили открытию и доказательству существования феномена эффекта положения генов, не как случая взаимодействия гомологичных тандемных дубликаций (Стертевант, 1925), а как важнейшего, всеобщего генетического явления. Эти факты послужили Н.П. Дубинину (1935) для обоснования идеи, что хромосома представляет собой единство дискретности и непрерывности.

Факты и обобщения этих работ оказали заметное влияние на развитие теоретической генетики. В 1944 г. Штерн и Кодани ввели в науку новое понятие “эффект Дубинина”, которое вошло в учебники и мировые сводки по генетике. Р. Гольдшмидт в 1955 г. в книге “Теоретическая генетика” (стр. 136) писал: “Наиболее обсуждаемый случай эффекта положения представляет собою “эффект Дубинина” (Дубинин, Сидоров, 1934; Дубинин, 1936)”.

Можно привести немало свидетельств признания того факта, что явление эффекта положения как общегенетического феномена было открыто и доказано в ра-

² Ответ Н.П. Дубинина на письмо Б.Н. Сидорова редакция журнала “Генетика” не напечатала, хотя Н.П. Дубинин являлся членом редколлегии журнала (*Примечание составителя*).

ботах Н.П. Дубинина, Б.Н. Сидорова, Н.П. Дубинина и сотрудников и одного Н.П. Дубинина. Сошлюсь лишь на последнее свидетельство от 1977 г. В статье Д.К. Беляева и П.Ф. Рокитского (Вопросы философии. 1977. № 2. С. 134) читаем: “Другая новая идея получила название эффекта положения генов. Этот эффект был открыт в 1934–1935 гг. Б.Н. Сидоровым и Н.П. Дубининым. Было экспериментально доказано, что действие гена меняется при переносе его в другое место хромосомного набора”. В этой цитате обращает на себя внимание правильность формулировки, говорящей о том, что в работе Дубинина и Сидорова речь шла о переносе генов в другое место хромосомного набора. В работе Стертеванта этого не было. Он изучал тандемные дубликации в одном и том же локусе хромосомы. По поводу этого столь ясного высказывания Д.К. Беляева и П.Ф. Рокицкого и высказывания многих авторов как отечественных, так и зарубежных Б.Н. Сидоров хранит молчание, он отвечает выборочно, только Н.В. Цицину.

Удивительным обстоятельством служит тот факт, что Сидоров выступает против... Сидорова. Желая умалить роль Н.П. Дубинина в истории советской генетики, Б.Н. Сидоров готов отказаться от собственного приоритета. Однако он забывает, что это не только личный приоритет Дубинина и Сидорова, а приоритет советской науки. Подобный отказ от приоритета советской науки тем более странный, что он происходит в год 60-летия Великой Октябрьской Социалистической революции.

Следует отметить, что произвольное обращение с историческими фактами имеется у ряда авторов. Покажем это на примере открытия “эффекта положения” генов. В указанной статье Д.К. Беляев и П.Ф. Рокицкий вопреки общеизвестным фактам, что авторами открытия являются Дубинин и Сидоров, переставляют фамилии и пишут об открытии Б.Н. Сидорова и Н.П. Дубинина. М.Е. Лобашев в учебнике “Генетика” (Из-во Ленингр. Ун-та, 1967. С. 343) пошел еще дальше, он вообще не упоминает Н.П. Дубинина, приписывая эту работу целиком одному Б.Н. Сидорову. Сам Б.Н. Сидоров передал это открытие в пользу А. Стертеванта.

Приведенные материалы показывают, что письмо Б.Н. Сидорова в редакцию журнала “Генетика” является тенденциозным. Он не посчитал нужным в этом письме сопоставить, что же реально сделано, с одной стороны, Стертевантом в США и, с другой, что принадлежит советским исследователям. Приходится отметить, что редакция журнала “Генетика” напечатала письмо Б.Н. Сидорова при наличии очевидных фактов о приоритете советской науки в данном вопросе. Д.К. Беляев в феврале 1977 г. в своей статье выступает с признанием открытия Дубинина и Сидорова (журнал “Вопросы философии”. 1977. № 2), а в мае 1977 г. он же в качестве зам. редактора журнала “Генетика” помещает письмо, которое отрицает это открытие.

Все это показывает субъективизм ряда лиц при трактовке этого вопроса. Имеются все основания сказать, что вопреки заявлению Б.Н. Сидорова, не кто-то другой, а он сам в своем письме, опубликованном в № 5 журнала “Генетика” за 1977 г., допустил существенную ошибку. Нельзя не отметить антипатриотическую направленность этой ошибки Б.Н. Сидорова.

Н.П. Дубинин

P.S. Ранее в 1957 г. в день своего пятидесятилетия Николай Петрович получил стихотворное поздравление от друзей, среди которых был и Борис Николаевич Сидоров. В этом стихотворении упоминается и про “эффект Дубинина”. Тогда Б.Н. Сидоров не подвергал сомнению приоритет Дубинина и Сидорова (“Эффект Дубинина”) а вот спустя двадцать лет... он посылает в редакцию указанное выше письмо.

ДОРОГОМУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ
В ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Познав основы менделизма
И распахнув всем ветрам грудь,
Ты по ступенькам аллелизма
Свой начал к Славе яркий путь.

Но нет ступенек бесконечных
И после дюжины сьютотв
На них рукой махнув беспечно,
Ты к перемене был готов:

Тебя к эффекту положенья
Твоей судьбы привел каприз
И это было – без сомненья,
Движенье в гору, а не вниз!

Сказать мы смело можем право,
Что мухи крылышко и глаз
В венец твоей научной славы
Большой добавили алмаз:

На всем земном огромном шаре
На весь земной научный мир,
“Эффект Дубинина” не даром
С “Эффектом Ньютона” на-пару
Звучит, как гордый сувенир!

Но все течет, в том нет сомненья,
И вот ты с некоторых пор
Эффект оставив положенья
Свой обратил к природе взор.

Тебя структура популяций
К себе влекла теперь, мой друг,
Ты уезжал под сень акаций
На благодатный знойный юг.

Там, как и люди – дрозифила
Вино и фрукты возлюбила,
И ты ловил ее в садах,
На рынках, в винных погребах.

Открытий ты наделал бездну,
Никто работать не мешал
И ты – приятное с полезным
Не без успеха совмещал...

Ничто не вечно под Луною
И счастье – менее всего:
Ты был завистливой судьбою
В единый миг – лишен всего!

Трофим³ явился как Отелло
С кровавой бандою своей
И над Россией наступила
Пора, чернее всех ночей.

Ты был один из тех немногих,
Кто совесть чистой сохранил,
Кто не свернул с прямой дороги,
Душой ни разу не кривил

Тебя кляли газеты наши –
Их богом был тогда Трофим –
Детишек глупые мамыши
Пугали именем твоим!

И ты ушел в леса, к синицам,
Щеглам, и славкам, и дроздам:
Дрозofil заменил на птицы,
Но ты не изменился сам.

Ты вел борьбу все эти годы
И вот имеешь результат:
Лабораторию и смету
И с каждым днем растущий штат.

И ты опять в котле науки
Кипишь со страстностью своей
И чешутся к работе руки,
Все сделать хочется скорей.

Учтя мгновенно перемены,
Хотя и спорные пока,
Уж ты отдать готов все гены
За цепь двойную ДНК!

Завидна удаля нам такая
И остается пожелать
Тебе, на годы не взирая,
Еще полвека

“Так держать!”

*А. Прокофьева-Бельговская, Б. Сидоров, Н. Соколов, В. Хвостова,
Е. Мойсенко, Н. Мануйлова, Т. Детлаф, К. Панина, М. Бельговский*

³ Академик Трофим Денисович Лысенко.

В 1968 г. был опубликован сборник “Классики советской генетики. 1920–1940”⁴, который был составлен по поручению Президиума Академии наук СССР. Как написано в предисловии к этому сборнику, “цель его – восстановить авторитет отечественных ученых в развитии классической генетики и ознакомить советскую молодежь с их научными открытиями, блестящими экспериментами, созданием новых направлений в генетике, а также практическим применением их в селекции”. Ответственный редактор сборника П.М. Жуковский написал: “Первые крупные открытия в структуре гена, сделанные ныне здравствующим акад. Н.П. Дубининым, осуществлены были в лаборатории А.С. Серебровского”.

В сборник вошла статья А.С. Серебровского “Исследование ступенчатого аллеломорфизма. IV. Трансгенация *scute* и случай “неаллеломорфизма” членов общей лестницы аллеломорф” (Ж. Экспер. Биол. 1930. Т. 6. Вып. 2 С. 61), в которой он писал: “Предыдущие публикации о работах нашей лаборатории по изучению явления ступенчатого аллеломорфизма (Н.П. Дубинин, 1929, и И.И. Агол, 1929) уже излагали главнейшие черты этого явления”.

Однако после публикации сборника обнаружилось, что в приведенной выше цитате из статьи А.С. Серебровского изменена последовательность авторов. “Восстанавливая приоритет отечественных ученых” составители сборника сознательно навязывают читателям искаженную информацию.

16 октября 1974 г. Н.П. Дубинину передают для ознакомления письмо, направленное З. Никоро на имя Л.И. Брежнева. После прочтения этого письма Николай Петрович сказал, что “более подлого произведения и представить себе трудно”. Н.П. был вынужден дать на письмо исчерпывающий ответ, который мы здесь приводим.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
Л.И. БРЕЖНЕВУ

От ДУБИНИНА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА,
члена КПСС, партбилет № 06114398,
академика, лауреата Ленинской премии

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ!

Кандидат биологических наук, сотрудник Института цитологии и генетики СО АН СССР З.С. НИКОРО в письме⁵, посланном на Ваше имя от 6 сентября 1974 г., неправильно излагает историю ряда крупных научных завоеваний советской генетики. Никоро пытается дезинформировать руководящие органы о положении в генетике.

Прошу Вас дать указания разобраться в этом вопросе. Ниже привожу конкретные разъяснения:

1. Никоро пишет об истории центральной теории гена. Заявляя, что эта теория “вошла в золотой фонд мировой науки”, она отвергает роль Дубинина. По ее мне-

⁴ Изд-во Наука, Ленинградское отделение. Л., 1968.

⁵ Личный архив Н.П. Дубинина. Публикацию письма З.С. Никоро считаем не целесообразным. Ее письмо с резолюцией разобраться было направлено из ЦК КПСС академику Ю.А. Овчинникову (см. далее. С. 361).

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Отдел науки и учебных заведений

№ 148875

В-71, Ленинский пр. 14

22 сентября 1974 г.

УДЛЕ ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР

тов. ОВЧИННИКОВУ Д.А.

Согласно договоренности направляется на Ваше рассмотрение письмо г. Никоро Д.

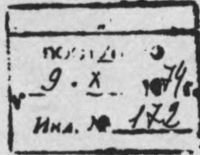
По результатам просим сообщить в ЦК КПСС и заявителю.
Приложение: на 5л

Зам. зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС

И.И. Макаров

8.10.74 СибЗ 894

Эпм

нию “творцом этой теории был академик А.С. Серебровский, а Дубинин Н.П., а да еще совсем юный, принимал участие в обработке экспериментов наряду с другими учениками Серебровского”.

В доказательство Никоро пишет “Подробный материал по этому вопросу должен храниться в Отделе науки ЦК Партии в виде письма доктора биологических наук Альтшулера В.Е.”. Я не читал аргументов В.Е. Альтшулера. Откуда содержится этого письма известно Никоро? Должен отметить, что в книге “Вечное движение” я писал о плохом поведении В.Е. Альтшулера после дискуссии 1948 г. (стр. 275).

И вот теперь, спустя 40 лет после появления центральной теории гена В.Е. Альтшулер дает свидетельские показания по истории вопроса.

Какое значение имеют такие показания от человека не бывшего участником моей работы? Никоро знает, что мы можем опереться не на показания “очевидца” а на документы. Среди этих документов имеются материалы, написанные участниками той работы 1928–1929 гг., которая привела к открытию делимости гена.

После появления в печати исследований Дубинина, обосновавших центральную теорию гена, первое продолжение этих работ принадлежало И.И. Аголу, в то время видному генетику и автору выдающихся работ по марксистскому анализу проблем биологии. В статье, опубликованной в 1929 г., И.И. Агол сообщает об успешном использовании рентгеновских лучей для получения мутаций в лаборатории А.С. Серебровского и пишет, что наиболее интересным во всей нашей работе, в которой принимало участие пять человек – были мутации *scute*. Анализ этих мутаций привел к обоснованию идеи делимости гена. И.И. Агол писал:

«Остановимся только на одном чрезвычайно важном явлении, обнаружившемся в нашей работе:

Среди множества мутаций, полученных нами у подвергнутых воздействию рентгеновских лучей плодовых мушек (*Drosophila melanogaster*), Н.П. Дубининым были открыты два гена типа *scute*.

Целый ряд теоретических соображений и экспериментальных данных привел Н.П. Дубинина к намечению следующего порядка “ступенчатых” аллеломорфов типа *scute* – *yellow*, *scute*³, *scute*¹, *scute*².

Данные, открытые Н.П. Дубининым, на которых мы здесь не можем подробнее останавливаться, вплотную подводят нас к одной из важнейших проблем генетики – к проблеме строения и природы гена»

(И.И. Агол. Ж. “Экспериментальная биология”. 1929. сер. А. Т. V. Вып. 2. С. 86, 87).

В статье 1932 г. И.И. Агол писал:

“Перейдем к аллеломорфу *scute*¹³. Этот аллеломорф есть один их наиболее замечательных аллеломорфов изучаемой серии. Как известно, Н.П. Дубинину, рентгенозовавшему аллеломорф *scute*¹, удалось получить новый ген *scute*¹³, который в плане базигена укладывался рядом со старым рентгенозованным геном *scute*, слева от него на расстоянии всего нескольких субгенов. Это было чрезвычайно эффективное, а может быть и самое важное доказательство делимости базигена *scute*”.

(И.И. Агол. Биологический журнал. 1932. Т. I. Вып. 3–4).

В 1931 г. со статьей “Цепные мутации” выступил Г.Г. Фризен, известный генетик того времени. Он начинает статью следующей фразой:

“Центровая теория гена, развитая Н.П. Дубининым на основе исследования открытого им явления ступенчатого аллеломорфизма, привела, как известно, к совершенно новым представлениям о природе гена. Эта теория учит, что ген не является элементарной единицей наследственности, что он делим”.

(Ж. “Экспериментальная биология”. 1931. Т. VII. Вып. 4. С. 329).

В 1929 г. появилась обзорная статья А.С. Серебровского и Н.П. Дубинина. В этой статье путем ссылок на первые работы Дубинина показан факт открытия Дубининым явления ступенчатого аллелизма. В 1968 г. статья А.С. Серебровского и Н.П. Дубинина “Искусственное получение мутаций и проблема гена” перепечатана в сборнике “Классики советской генетики”.

В целом, независимо от любых свидетельств история открытия ступенчатого аллелизма и создания центральной теории гена полностью документирована статьями, появившимися в печати 1929–1933 гг. Это позволяет всякому человеку, обратившись к научным источникам того времени, ознакомиться с истинным положением дел.

Документы показывают, что история вопроса началась выступлением Дубинина 11 января 1929 г. на Всесоюзном съезде по генетике и селекции в Ленинграде, которое напечатано в трудах этого съезда под названием “Лестничные аллеломорфы у *Dr. melanogaster*”. (Труды съезда по генетике и селекции, Ленинград, 1929 г.). Подробное изложение материалов появилось также в 1929 г. в двух статьях Дубинина (Н.П. Дубинин. “Исследование явления ступенчатого аллеломорфизма”, Ж. “Экспериментальная биология”, с. 5, 2, 1929; “Biologisches Zentralblatt”, Bd. 49, Heft-6, 1929).

В 1929 г. появилась четвертая статья Н.П. Дубинина по вопросу о делимости гена: “Природа и строение гена” (Ж. “Естествознание и марксизм”, 1, 1929), в которой были исследованы методологические аспекты проблемы делимости гена. В этой статье изложена история ряда умозрительных высказываний в пользу делимости гена и показано, что только материалы по анализу гена *scute* позволили догадкам в этой области принять форму научного открытия.

После открытия Дубининым мутации *scute*² и *scute*³, ряд авторов продолжили работу в этом направлении. Находки новых мутаций *scute* подтвердили принцип де-

лимости гена: *scute*⁵ – А.Е. Гайсинович; *scute*⁶ – А.С. Серебровский; *scute*⁸ – Б.Н. Сидоров; *scute*⁹ – С.Г. Левит; *scute*¹² – Н.И. Шапиро; мутации *scute*⁵, *scute*⁷, *scute*¹⁰, *scute*¹¹, *scute*¹³, *scute*¹⁴ были найдены Дубининым.

За 1929–1933 гг. Дубинин по вопросам центральной теории гена напечатал 14 статей в советских и 6 статей в английских и немецких журналах.

Серебровский выступил с одной экспериментальной статьей в 1930 г. по поводу открытия *scute*⁶ (Ж. “Экспериментальная биология”, 6, 2). Чтобы яснее понять положение дела, я должен отметить, что А.С. Серебровский в 1928–1929 гг. развивал идеи о хромосоме, как о “колбасе” и настойчиво защищал ошибочную теорию присутствия-отсутствия. В 1928 г. он написал статью “Проблемы гена” (“Под знаменем марксизма”, 9–10, 1928 г.). По данным Дубинина и Агола, Серебровский приводит схему ступенчатого аллелизма. Его собственные мысли изложены в разделе “Что же такой ген” А.С. Серебровский полагал, что понятие мутация лишено материального содержания, ибо она якобы есть “отсутствие”, т.е. потери кусочков хромосом. Сравнивая хромосому с колбасой А.С. Серебровский писал в отношении мутаций: “Не существует их в совершенно таком же смысле, как не существует никаких “ломтиков колбасы” в колбасе (...) очевидно мы не имеем права говорить, что хромосома состоит из генов”.

Полагая, что из колбасы могут выпасть крайние, средние и нижние кусочки Серебровский отказывался от линейного расположения мутаций в хромосоме. Он писал, что в отношении мутаций надо строить уже схему их расположения пространственно, как пространственно расположены кусочки (не ломтики) колбасы.

Эти и другие взгляды А.С. Серебровского в момент создания центральной теории гена находились в полном противоречии с материалом, который был получен при изучении ступенчатого аллелизма. Дубинин возражал против этих взглядов и в первых же работах обосновал принцип материальности мутаций, комплексности частей гена-центров, явления комплементации как выражение разной локализации материальных изменений в разных частях гена. Именно эти принципы обеспечили центральной теории гена ее историческое значение.

Приведенные материалы не оставляют сомнений в том, как произошло обоснование центральной теории гена. Тем не менее, изложение этого вопроса освещается по-разному.

Причиной этому служат с одной стороны, гипноз того, что А.С. Серебровский был заведующим лабораторией, в которой совершилось открытие центральной теории гена, а с другой, сознательная дезинформация типа Никоро. В результате одни авторы приписывают все Серебровскому, другие пишут Серебровский–Дубинин, третьи – Дубинин–Серебровский и четвертые, наконец, просто – Дубинин.

М.Е. Лобашев в учебнике пишет:

“В 1929–1930 гг. в нашей стране в работах А.С. Серебровского и его молодых сотрудников Н.П. Дубинина, Б.Н. Сидорова и других был впервые поставлен вопрос о функциональной сложности гена”.

(Генетика. Изд-во Лен. Ун-та. 1967. С. 455).

В.Ф. Натали ставит фамилию Дубинина первой. Он написал:

“Для объяснения явления множественного аллеломорфизма была выдвинута разработанная Дубининым, Серебровским и другими так называемая центровая теория гена”.

(Генетика. Учпедгиз. 1936. С. 237).

В некоторых источниках говорится об открытии Дубинина совместно с Серебровским.

В книге “Наука и человечество” (1974) указывается:

“За 250 лет в нашей стране сделано столько замечательных открытий, создано столько фундаментальных трудов, оставивших глубокий след в науке, что даже перечислить их всех невозможно. Ниже названы лишь некоторые из наиболее крупных достижений ученых Академии наук”. В этом списке указано: “Н.П. Дубинин в конце 20-х годов совместно с А.С. Серебровским открыл дробимость единицы наследственности – гена”.

(“Наука и человечество”. “Знание”. 1974. С. 13).

В Большой Советской Энциклопедии 1972 г. Т. 8. С. 1542 написано:

“Дубинин (совместно с А.С. Серебровским) открыл дробимость гена и явление комплементации”.

Наконец, имеются авторы, полностью признающие приоритет Дубинина, как создателя центральной теории гена. Приведу мнение С.И. Алиханяна, ученика и многолетнего сотрудника А.С. Серебровского. В 1965 г. С.И. Алиханян писал:

“Исторически исследование элементарной структуры гена началось давно, 35 лет назад, на основании исследований ступенчатого аллелизма гена *achaete-scute* у *Drosophila melanogaster*. Первые радиационные мутации *achaete-scute* были открыты Н.П. Дубининым. Анализ этих аллелей (*scute*¹, *scute*², *scute*³ привел к центральной теории гена, которая была развита Н.П. Дубининым в 1928 г. на съезде по генетике и селекции в Ленинграде. Затем целый ряд мутаций *achaete-scute* был открыт в лаборатории А.С. Серебровского [самим А.С. Серебровским (*scute*⁶), И.И. Аголом (*scute*⁴), А.Е. Гайсиновичем (*scute*⁵), С.Г. Левитом (*scute*⁷), Б.Н. Сидоровым (*scute*⁸), В.Н. Слепковым (*scute*⁹), Н.П. Дубининым (*scute*¹⁰, *scute*¹³), Н.И. Шапиро (*scute*¹²)].

Получая компаунды двух разных мутаций по гену *scute*, авторы обнаруживали в фенотипе мушек редукцию ряда щетинок, тех, на которые сообща влияли оба аллеля.

Была построена своеобразная карта в виде плана гена (Н.П. Дубинин, 1931; 1932, 1933), которая во многом напоминает нынешние карты генов. В этом плане части гена – центры оказались расположенными в линейном порядке. Мутации касались отдельных групп центров, расположенных рядом. Внутренний план гена был построен путем раскрытия закономерностей мутаций внутри гена.

Трудно найти что-либо новое в современной концепции тонкой генетической структуры гена, что-либо принципиально отличное от того, что было 35 лет назад сформулировано в центральной теории гена”.

(Ж. “Генетика”. I, 1965. С. 70).

А.П. Пехов в 1973 г. писал:

“Рассматривая развитие узловых проблем молекулярной генетики в историческом аспекте, нельзя не заметить, что начало экспериментального изучения некоторых из них положено в СССР. Еще в 1920–1930 гг. Н.П. Дубинин начал исследования по изучению строения генов у *Drosophila melanogaster*, показав дробимость гена *scute* на субъединицы”

(А.П. Пехов. Введение в молекулярную генетику. Медицина. 1973. С. 10).

В.А. Ратнер, излагая вопрос о ступенчатых аллелях, писал, что в этом случае были получены данные, которые

“в корне противоречили представлениям начала 30-х годов об аллелизме и неделимости генов (...) Для объяснения этих данных Дубинин и др. ввели гипотезу о протяженности гена *scute-achaete* и сложности его мутационной и функциональной структуры”.

В.А. Ратнер приводит схему линейного плана *scute* и подчеркивает, что ее принципы вытекают из “концепции Дубинина и сотрудников” (В.А. Ратнер “Генетические управляющие системы науки СО АН СССР. 1966. С. 102).

Приоритет в вопросе о делимости гена признан за рубежом. Например, в распространенном в США учебнике “Генетика” Э. Гарднера читаем:

“Русский генетик Н.П. Дубинин в 1929 г. установил явление ступенчатого аллелизма у дрозофилы. Это открытие предвосхитило идею о дробимости гена”

(E.J. Gardner “Principles of Genetics”. 1968. P. 203).

Никоро работает в генетике около 40 лет. Неужели она не знает фактов, изложенных выше? Открытие дробимости гена является крупной вехой в истории советской генетики. Какие основания имела Никоро, когда она заявляла, что центровая теория создана А.С. Серебровским, а роль Дубинина в этом вопросе якобы сводилась всего лишь к

“постановке и обработке экспериментов наряду с другими учениками Серебровского”.

Изложенные факты делают вопрос об истории центральной теории совершенно ясными. Они хорошо известны Никоро. Встает вопрос, что же в таком случае толкает Никоро на путь заведомого обмана, обращенного ею к директивным органам нашей страны?

2. Говоря о теории генетико-автоматических процессов Никоро пишет, что в этом деле важна роль А.А. Малиновского и, что:

“его идеи были украдены Н.П. Дубининым довольно примитивным образом”.

Если, в отношении центральной теории гена Никоро все же ссылается, хотя и на недоступное, письмо В.Е. Альтшулера, то в случае генетико-автоматических процессов утверждение делается совершенно голословно. В науке нет никаких материалов, которые бы свидетельствовали, что приоритет открытия или вообще какое-либо пионерское высказывание принадлежит А.А. Малиновскому. Общепринято, что эта теория в нашей стране создана Дубининым и Ромашовым в 1931, 1932 гг. Этот факт прочно зафиксирован в советской и мировой литературе. Наряду с Дубининым и Ромашовым в те же годы эта теория была разработана такими крупнейшими генетиками мира, как Р. Фишер и С. Райт. Можно привести сотни литературных ссылок по этому вопросу. Укажу лишь на следующие.

В учебнике “Генетика” В.Ф. Натали написано:

“За последние годы появился целый ряд работ (Фишер, Райт, Дубинин и др.), которые показывают, что в действительности в природных популяциях правило Гарди в системе закона равновесия не имеет того значения, которое придавали ему ряд генетиков (Серебровский, Четвериков и др.)”

(Генетика. Учпедгиз. 1936. С. 294).

В известной книге Ф. Добржанского “Генетика и происхождение видов” написано:

“Идеи генетического дрейфа (...) были развиты независимо Фишером (1928, 1930), Дубининым (1931), Дубининым и Ромашовым (1932) и особенно Райтом (1921, 1931, 1932)”.

(Dobzhansky Th. “Genetics and the origin of species”. Col. Univ. Press. IV. Printing. 1959. С. 156, 157).

Термин генетико-автоматические процессы введен в науку Дубининым (статья “Генетико-автоматические процессы и их значение для механизма генетической эволюции”, ж. Экспериментальная биология. 1931. Т. VII. В. 5–6). Райт предложил термин генетический дрейф.

Теория генетико-автоматических процессов представляет собою веху в развитии современного учения об эволюции. Вклад советских генетиков имеет фундаментальное значение, вопрос о приоритете предельно ясен. Что имеет в виду Никоро, говоря о Малиновском, остается неясным.

Для всякой крупной идеи в той или иной форме всегда можно указать ее предшественников. Они имеются и для теории генетико-автоматических процессов. Еще до появления менделизма в 1899 г. Брукс, разбирая вопрос о значении изоляции, высказал идеи, генетический смысл которых делает их существенными для истории этого вопроса. (*Brooks W.K. “The Foundation of Zoology”, Columbia University Press. 1899.*)

В 1921 г. Хагедорны (*Hagedorn A.L., Hagedorn A.C. The relative value of the processes causing evolution. The Hague, 1921*) высказали идеи, которые предвосхищали теорию генетико-автоматических процессов. Наконец, сам Райт высказал общую идею в 1921 г. (*Wright S. Systems of mating. Genetics, 6. 111–178. 1921*) и, несмотря на все это, рождение теории датируется 1930–1932 гг., когда Фишер, Райт, Дубинин, Ромашов, независимо пришли к общей идеи, которую они сумели обосновать генетическими и стохастическими законами. Остается только спросить Никоро, ну причем здесь А.А. Малиновский, которому в 1921 г., когда Хагедорны и Райт высказывали пророческую идею, было не более 10 лет. Ни в момент создания теории в 1930–1932 гг., ни в какое другое время вот уже на протяжении 33 лет, Малиновский не высказал в печати никаких претензий.

В этом случае Никоро встает на позиции невежественной и одновременно злонамеренной дезинформации.

Должен отметить еще одну деталь. Говоря о краже идей у А.А. Малиновского, Никоро втаптывает в грязь имя Д.Д. Ромашова – соавтора теории генетико-автоматических процессов. Покойный Дмитрий Дмитриевич Ромашов был выдающимся генетиком, учителем З.С. Никоро.

Статья Дубинина и Ромашова 1932 г. является главной при обосновании теории генетико-автоматических процессов. По заявлению Никоро, идеи этой статьи украдены у Малиновского. И, вместе с тем, я был свидетелем, как на протяжении десятков лет после статьи 1932 г., Никоро выражала любовь и почтение Д.Д. Ромашову.

3. З. Никоро заявляет, что Дубинин приписал себе получение триплоидной свеклы, что на самом деле, по ее заявлению, принадлежит покойному А.Н. Луткову. Нетрудно доказать ошибочность и этого заявления Никоро, Работы по полиплоидам сахарной свеклы начались в 1958 г. по инициативе и под прямым руководством Н.П. Дубинина.

Инициатива по этому вопросу в 1958 г. имела особое значение. Это было время, когда учреждения Министерства сельского хозяйства и ВАСХНИЛ возражали против новых генетических достижений, в том числе и против новых подходов по полиплоидам сахарной свеклы. Поэтому начало работ по полиплоидам сахарной свеклы приобрели принципиальное значение. Задача состояла в том, чтобы на примере сахарной свеклы показать значение новой генетики для селекции.

Сразу же после организации Института цитологии и генетики СО АН СССР его директор Дубинин организовал группу молодых ученых, до сих пор не имевших дело с сахарной свеклой и поставил перед ними задачу получения триплоидных товарных сортов, указав пути и методику работы. Весной 1958 г. эта группа молодежи, В.А. Панин, Е.Б. Панина, З.П. Карташева, Э.Н. Щипачева и др. в Новосибирске раз-

вернули эксперименты, которые завершились большим успехом. Осенью этого года были получены тетраплоиды. Вся эта работа была сделана без участия А.Н. Луткова, который был приглашен Дубининым в Институт в конце 1958 г. на должность заведующего лабораторией.

В 1959 г. зимой Дубинин пришел к заключению о необходимости резкого ускорения исследований, что по его мнению можно было сделать, перенося эксперименты в условия субтропиков. Переговоры Дубинина и передача им документов председателю СО АН СССР М.А. Лаврентьеву завершилась организацией опорного пункта в Абхазии. Группа В.А. Панина по указанию Дубинина выехала в субтропики и после этого все эксперименты были осуществлены вне Новосибирска. А.Н. Лутков во время посещения абхазской группы своим опытом и советами помогал молодым исследователям, участвовал в разработке проблемы. Вся эта работа шла под общим руководством Дубинина. В 1960 г. Дубинину пришлось оставить должность директора Института цитологии и генетики СО АН СССР. Однако научно-методическая связь с работой группы Панина в Абхазии сохранялась все годы. По окончании работы в Абхазии Панин и все участники его группы покинули Институт цитологии и генетики СО АН СССР. Основные положения сказанного выше легко подтвердить документами, имеющимися в Институте цитологии и генетики СО АН СССР и, получив свидетельства от исследователей, начавших эту работу еще до прихода А.Н. Луткова.

Трудно представить, что Никоро не знает всего этого, а также того, что писал сам А.Н. Лутков, который изложил именно ту историю создания триплоидов сахарной свеклы, которая описана выше, и которую Дубинин неоднократно излагал в печати. А.Н. Лутков всегда подчеркивал, что начало работ по получению сортов триплоидной сахарной свеклы принадлежит не ему, что оно связано с деятельностью Дубинина. Он писал:

“Исследования по экспериментальной полиплоидии у сахарной свеклы начались в 1958 г. по инициативе Н.П. Дубинина”.

(Сб. Экспериментальная полиплоидия и селекция растений. 1966. Академия наук СО АН СССР. С. 42, 1966).

Придя на работу в конце 1958 г. по окончании вегетации, А.Н. Лутков тем не менее всегда писал, что первые тетраплоиды были получены в 1958 г. В статье 1966 г. написано:

“Получение в 1958–1959 гг. и размножение тетраплоидных форм...”

(Там же. С. 51).

В другой статье 1966 г. А.Н. Лутков с предельной ясностью кратко описал историю исследований по полиплоидам сахарной свеклы:

“В Институте цитологии и генетики СО АН СССР исследования по экспериментальной полиплоидии у сахарной свеклы были начаты по инициативе Н.П. Дубинина в 1958 г. В результате воздействия водным раствором колицина на прорастающие семена и верхушечные точки роста цветonoсных побегов растений второго года развития, коллективом лаборатории полиплоидии (В.А. Панин, Е.Б. Панина, З.П. Карташева, Э.Н. Щипачева и др.) к 1960 г. были получены и ускорено размножены в условиях Абхазии до C_2 – C_3 тетраплоидные формы”

(Сб. Полиплоидия и селекция. 1966. Наука. С. 213–214).

Работа по триплоидным сортам сахарной свеклы приобрела комплексный характер. В ней приняла участие Первомайская селекционная опытная станция (М.И. Таранюк), работник АН УССР (В.П. Зосимович и др.)

Основные результаты работ по полиплоидам у сахарной свеклы были изложены в статьях А.Н. Луткова, В.А. Панина и книге Н.П. Дубинина и В.А. Панина "Новые методы селекции растений" (Колос, Москва, 1967).

Вопреки всем этим хорошо известным фактам, Никоро заявляет:

"отношение Дубинина к этому достижению советской генетики заключается в том, что он был короткое время директором нашего Института и в этот период времени были начаты Лутковым его первые опыты".

Как показано выше, оба эти утверждения являются ложными. На самом деле опыты были начаты до прихода Луткова в Институт, Дубинин являлся инициатором, участником и научным руководителем этой работы.

Никоро пишет, что по количеству лет пребывания на посту директора Д.К. Беляев имеет больше заслуг в работе по триплоидам сахарной свеклы, сравнительно с Дубининым, хотя:

"пребывание на посту директора не дает право на соавторство".

Последнее замечание Никоро справедливо, но оно не имеет отношения к Дубинину.

Никоро хорошо знает, что в Институте цитологии и генетики, организатором которого был Дубинин, десятки тем проводились под его общим руководством. Ни в одном случае нет соавторства Дубинина. Что же касается полиплоидов сахарной свеклы, то на это ответ, как мы видели, дал сам А.Н. Лутков. Людей типа Никоро приводит в бешенство тот факт, что работа, выполненная по инициативе и под руководством Дубинина, создала перелом в практической селекции важнейшей сельскохозяйственной культуры, той работы, которая стала одним из ярких примеров связи фундаментальных идей генетики с практикой. В настоящее время сорта триплоидной сахарной свеклы широко вошли в производство. По данным 1974 г. они занимают около 1,5 млн га. Дезинформация людей типа Никоро приводит к печальным последствиям, к дискредитации крупных достижений советской генетики.

В 1972 г. коллектив в составе Дубинина, Луткова, Панина, Таранюка и др. был выдвинут на соискание Государственной премии. Комитет по Ленинским и Государственным премиям в качестве ведущего предприятия для получения отзыва утвердил Институт биологии развития АН СССР.

Это имело странный характер, поскольку профиль Института биологии развития никакого отношения не имел ни к сахарной свекле, ни к проблеме селекции. Обсуждение на Ученом совете этого Института было беспрецедентно по его беспринципности и по клеветническому характеру. Чтобы представить характер этого обсуждения надо вообразить, чтобы сказали десять Никоро, если их собрать вместе. В качестве таких Никоро на заседании выступали люди, никакого отношения не имеющие к вопросу: А.А. Нейфах (эмбриология животных), В.Ф. Мирек (история биологии), А.А. Малиновский (медицинская генетика), В.В. Алпатов (зоология) и другие. Все они дискредитировали работу.

На заседании был зачитан отзыв крупнейшего генетика-селекционера М.Ф. Терновского, который высоко оценил работу. По его мнению, она заслуживает даже Ленинской премии. Труханов в своем выступлении сообщил, что Институт ботаники АН УССР и сектор молекулярной биологии высоко оценивает работу и поддерживает ее выдвижение на Государственную премию.

Однако компания лжи сыграла свое дело. Представление на Государственную премию одного из крупнейших достижений советской генетики было сорвано.

4. Никоро заявляет, что Дубинин приписал себе выведение многопочатковой кукурузы, в то время как пишет Никоро:

“Многопочатковая кукуруза выведена в Грузии ученым Папалашвили”. И в этом случае Никоро идет на грязную подтасовку.

Имеет ли Дубинин отношение к проблеме многопочатковой кукурузы? Да, имеет. Дубинин был генетиком, преградившим путь клеветы, которая опорочивала работу Папалашвили. Дубинин – единственный, кто пропагандировал это достижение по радио, телевидению и в печати. Он всегда подчеркивал приоритет Г.М. Папалашвили. В статье 1974 г. написано:

“Г.М. Папалашвили (Тбилисский Государственный университет, 1961–1974) осуществил создание многопочатковой кукурузы – это заря новой эры использования этого важного зернового и кормового растения”

(Н.П. Дубинин. Вестник с/х наук. 1974. С. 3).

Поддержка со стороны Дубинина помогла организации исследований в Грузии. Сейчас в Тбилисском государственном университете создается проблемная лаборатория по генетике и селекции многопочатковой кукурузы. Вместо клеветнических заявлений Никоро могла бы лично обратиться к Г.М. Папалашвили и спросить его мнение.

5. Никоро заявляет, что Дубинин приписал себе работу по синтезу гена. В качестве доказательства она ссылается на решение секции химико-технологических и биологических наук от 7 февраля 1974 г.

Никоро и в этом случае сознательно извращает факты.

Институт общей генетики АН СССР и его директор Дубинин представили на заседание секции доклад Г.А. Дворкина, группа которого совместно с сотрудниками Института молекулярной биологии и генетики АН УССР осуществила ферментативный синтез гена. Секция признала роль Института общей генетики в этой работе и приняла решение по этому докладу из трех пунктов.

1. Принять к сведению доклад доктора биологических наук Г.А. Дворкина “Ферментативный синтез структурной части гена глобина кролика”;

2. Рекомендовать дальнейшее развитие и материальное обеспечение исследований по молекулярной генетике высших организмов, проводимых в Институте общей генетики АН СССР.

Никоро радостно возбуждена третьим пунктом постановления, в котором некорректно излагается мнение секции о выступлении Дубинина в общей печати. При обсуждении этого вопроса с грубой речью выступил директор Института цитологии и генетики СО АН СССР Д.К. Беляев.

Как и в других случаях, напрасно Никоро выступает со лживыми утверждениями. Никаких доказательств, что Дубинин приписал лично себе работу по синтезу гена, не существует.

6. Никоро пишет:

Николай Петрович без зазрения совести присваивает себе чужие труды. В 1970 г. вышла в изд-ве “Просвещение” книга Н.П. Дубинина “Горизонты генетики”, одновременно в изд-ве “Наука” книга В.Н. Сойфера “Очерки истории молекулярной генетики” под ред. Дубинина. Из этой книги целые страницы включены в “Горизонты генетики” без кавычек и ссылок”.

После выхода книг прошло 4 года. До сих пор никто не обратил на факты, указанные Никоро, никакого внимания. Я лично не подозревал об их существовании.

Будучи ответственным редактором книги Сойфера, я прочитал ее в рукописи и не встретился с повторениями в тексте. С тех пор я не обращался к этой книге. По-

лучив письмо Никоро, пришлось просмотреть текст книги *Сойфера* “Очерки истории молекулярной генетики” и сразу по характеру изложения к своему удивлению, я обнаружил совпадение текстов не только с книгой “Горизонты генетики”, но и еще с двумя работами Дубинина.

Чтобы найти совпадение текстов, Никоро должна была тщательно изучить книги и конечно обнаружить сложность вопроса. Она скрыла два обстоятельства:

Первое: книги Дубинина и Сойфера вышли не одновременно как о том пишет Никоро. Книга “Горизонты генетики” сдана в набор 22.VII.1969 г., книга Сойфера сдана в набор на 7 месяцев позже 19.III.1970 г. Второе: в книге *Сойфера* “Очерки истории молекулярной генетики” на ряде страниц имеется текстуальное совпадение не только с книгой “Горизонты генетики”, но и еще с двумя работами Дубинина. Это касается книги “Общая генетика” (Наука, 1970) и журнальной статьи “Классификация потенциальных изменений” (Генетика. 1969. Т. 5, № 8. С. 18–19).

Страницы книги “Общая генетика” 222–226 большими буквами без кавычек и указания источников воспроизведены на страницах 461–463 в книге Сойфера. На стр. 223 книги Сойфера без кавычек и указания источника воспроизведена часть журнальной статьи Дубинина.

Книга Дубинина “Общая генетика”, тексты которой воспроизведены в книге Сойфера, подписаны в печать 22.II.1970 г. Ее рукопись была в распоряжении Сойфера, так как он являлся редактором книги “Общая генетика” по издательству “Наука”.

Казалось бы, что, выступая с обвинением в плагиате, Никоро следовало бы всесторонне разобраться в вопросе.

Никоро отлично знает, что Дубинин является автором более 400 научных работ, 14 книг и монографий. Книги: “Проблемы радиационной генетики”, “Молекулярная генетика”, “Генетика и будущее человечества”, “Нить жизни”, “Вечное движение”, “Общая генетика” порознь переведены за рубежом на английский, немецкий, итальянский, испанский, венгерский, румынский и болгарский языки. Работы Дубинина последних лет по философским вопросам науки по проблеме человека и по расовым вопросам, написанные с позиций марксизма-ленинизма, широко печатаются в советских и зарубежных философских и общих журналах. Несмотря на это, наспех извратив причины ненормального взаимоотношения текстов в книге Сойфера и трех работ Дубинина, Никоро спешит опорочить весь труд Дубинина, выдвинув обвинение в “низком плагиате”.

7. Никоро выдвигает обвинение:

“Поведение академика Николая Петровича Дубинина (...) оказывает растлевающее влияние на моральный облик советских ученых, а, кроме того, отрицательно сказывается на развитии советской науки”.

Аргументами для такого высказывания служат все ложно изложенные ранее утверждения, разобранные выше в пунктах 1–6 и осуждение книги Дубинина “Вечное движение”.

Никаких конкретных замечаний по книге “Вечное движение” Никоро не делает. Она не желает считаться и не объясняет, почему все представители советской общественности, выступавшие в печати по другому оценили книгу “Вечное движение” и имеют другое мнение о моральном облике Дубинина и о его влиянии на советскую науку.

В рецензии на книгу “Вечное движение” академик П.К. Анохин писал:

“Будучи ведущим биологом страны, Н.П. Дубинин давно зарекомендовал себя как общественный деятель и ученый настойчиво борющийся за союз биологии с диалектическим материализмом.

Патриотизм, любовь к стране социализма, высокая идейность звучат на каждой странице. Это партийная книга в лучшем смысле этого слова. Ее появление, безусловно, – событие в литературе о путях развития советской науки, и в особенности биологии” (газета “Правда”, 17 августа 1973 г. № 229-20-103).

Академик О.В. Бароян писал о книге “Вечное движение”:

“выход в свет этой замечательной книги поистине является событием ... через всю книгу нитью проходит жизнь одного нашего современника, современника эпохи войн и революции, выросшего от простого беспризорного парнишки до всемирно известного ученого, биолога, последовательного материалиста-философа”.

(Техника-молодежи. 1974 № 1. С. 53).

Писатель Евгений Павлихин в своей рецензии писал:

“Закрываешь книгу “Вечное движение” – и словно лично познакомился с большим и благородным человеком, крупным ученым и мыслителем, настоящим коммунистом”.

(Ж. Молодая гвардия. 1974. 8, С. 309).

Профессор И. Заянчковский пишет о книге “Вечное движение”:

“Написанная ярко, просто, общедоступно, книга академика Н.П. Дубинина читается, как увлекательный роман. Эта книга – своеобразный гимн торжеству генетики, познавательные и воспитательные достоинства книги невозможно переоценить”

(газета “Вечерняя Уфа”, 26 ноября 1973 г. № 276).

Дубинин наряду с научной работой ведет большую общественную и партийную работу. В аннотации Политиздата к книге “Вечное движение” написано:

“Что книга эта – рассказ о жизненном пути не только ученого, но и общественного деятеля”.

Дубинин – член партийного бюро Института общей генетики АН СССР и член Пленума РК КПСС Черемушкинского района г. Москвы.

Значение идеологической и политической работы Н.П. Дубинина в науке охарактеризовано в журнале “Коммунист” в статье первого секретаря Черемушкинского РК КПСС. *Б.Н. Чаплин* писал:

“У широкой научной общественности – генетиков, биологов, медиков, философов большой авторитет завоевал методологический семинар, работающий в Институте общей генетики АН СССР. Сегодня можно с уверенностью сказать, что этот методологический семинар, которым руководит директор Института академик Н.П. Дубинин, является своего рода центром философской мысли в генетике и оказывает серьезное воздействие на формирование политического и идейного сознания научных кадров”.

(Коммунист. 1974. № 7. С. 44–45).

После выхода в свет книги “Вечное движение” Дубинин получил сотни писем. Среди них основная часть от молодежи. Эти письма высоко оценивают в первую очередь общественное, идейное, партийное и воспитательное значение книги.

Что же возмущает Никоро в книге “Вечное движение”? Во всяком случае, она не замечает самого духа книги, на который так горячо отзывается массовый читатель.

Вопреки общему мнению, что книга “Вечное движение” имеет воспитательное значение в духе советской идеологии, Никоро заявляет, что книга растлевает молодежь. Почему? Никоро уходит от всяких объяснений. Что касается научного и исто-

рического содержания книги, Никоро не в состоянии ничего опровергнуть. Все дело с ее стороны ограничивается общими восклицаниями.

Письмо Никоро является классическим примером злобной клеветы. Однако в одном отношении появление этого письма полезно. В создании лживой информации Никоро не одинока. Она собрала аргументы всех этих людей воедино и без околичностей высказала их в своем письме. Это позволяет мне дать ответ на всю сумму клеветнических утверждений.

Никоро для придания объективности своему письму заверяет:

“Мои личные отношения с Николаем Петровичем хорошие”.

Заявление дикое. Как это могут быть хорошие отношения у столь “принципиального” человека, как Никоро, с таким человеком как Дубинин, который по ее словам “оказывает растлевающее влияние на моральный облик советского ученого”?

Надо сказать, что зная облик Никоро⁶ я возражал и это ей хорошо известно против ее приема на работу в Институт цитологии и генетики СО АН СССР. Она была принята в Институт только после настойчивых просьб со стороны зав. лабораторией Ю.П. Мирюта под его ответственность. Вскоре Мирюта раскаялся в содеянном. Вместе с тем я никогда не подозревал об истинном отношении ко мне Никоро. Несколько месяцев тому назад, позабыв на время, что “растлевающее влияние” Дубинина приняло угрожающие размеры, Никоро в весьма уважительном тоне обратилась к Дубинину помочь в деле получения докторской диссертации по совокупности работ⁷.

Содержание письма Никоро, на которое я отвечаю, показало, что Никоро, скрываясь под личиной хорошего отношения вот уже 40 лет носит груз ненависти. Случайно ли появление письма Никоро в данный момент? Конечно, нет. Именно сейчас, когда решается ряд крупных вопросов кто-то считает нужным нанести удар по Дубинину. Для этого выбрана “новая” фигура в виде Никоро.

Последнее. Никоро пишет:

“Вот передо мною молодые хорошие лица моих сотрудников (...) и они спрашивают: хорошо ли так делать, как делает Дубинин. Нет, говорю я. Это плохо”.

Так Никоро, не стесняясь показывает, что всю клевету против Дубинина она обрушивает на головы молодых сотрудников Института цитологии и генетики СО АН СССР, недавно пришедших и не знающих прошлого. Это ли не растлевающее влияние на молодежь, когда идеалы, выраженные в книге “Вечное движение” и во всей деятельности одного из ведущих представителей их науки бесстыдно втоптываются в грязь.

Я готов перед молодежью Института цитологии и генетики СО АН СССР, перед всем его коллективом, в любой другой аудитории дать ответ потоку клеветы со стороны Никоро и ей подобных.

Разбор обвинений, выдвинутых Никоро, показывает, что с помощью документов все они полностью разоблачаются. Почему же Никоро и ей подобные с такой легкостью позволяют себе выдвигать ложные обвинения? Причиной этого служит безнаказанность.

⁶ О “порядочности” З.С. Никоро можно прочитать и в книге о С.С. Четверикове (Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания // Сост. Т.Е. Калинина; Отв. редактор И.А. Захаров. М.: Наука, 2002 (Научн. наследство; Т. 28). (Примечание составителя).

⁷ В письме Н.П. Дубинину З.С. Никоро пишет: “Я мечтаю получить степень доктора биологических наук, в связи с чем прошу Вас подписать прилагаемую бумажку. Будьте здоровы, всего наилучшего”. (Архив Н.П. Дубинина). Н.П. Дубинин поддержал ее в ВАКе и одновременно она отправляет письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС (Примечание составителя).

Письмо Никоро безответственно и вместе с тем направлено по самому высокому адресу. Никоро делает попытку дезинформировать руководство страны. Деятельность такого рода противна духу советского общества, она наносит серьезный вред развитию нашей науки.

1974 г.

В письме Николая Петровича указана работа “Разработка методов использования экспериментальной полиплоидии в селекции свеклы, создание высокопродуктивных полиплоидных гибридов и внедрение их в производство”, представленная на соискание Государственной премии. Приводим полный авторский коллектив: Н.П. Дубинин, В.П. Зосимович, А.Н. Лутков, Н.В. Турбин, В.Е. Бормотов, В.А. Панин, С.Т. Бережко, Е.Б. Панина, М.И. Таранюк. Работа была отослана на отзыв в ИБР АН СССР, который был весьма далек от обсуждаемой проблематики. На заседании его Ученого совета 16 августа 1972 г. под председательством Б.Л. Астаурова, присутствовал заместитель Николая Петровича по научной работе в ИОГен профессор *Семен Яковлевич Краевой*. После заседания он пишет письмо Н.П. Дубинину, находящемуся в то время в Крыму:

⟨...⟩ Только возвратился из поля сражения, то бишь Ученого совета Института биологии развития, на котором обсуждался вопрос, или вернее работа, представленная на Государственную премию во главе с Вами. Но, если послушать это обсуждение со стороны, то это будет звучать иначе – это обсуждение того, как устранить из этого списка Дубинина, причем это шло под любым соусом. ⟨...⟩

Признать, что работа заслуживает Государственную премию, но без Дубинина.

Малиновский, Нейфах неистовствовали и добивались, в чем же в этой работе заслуга Дубинина? Панин сказал, что Дубинин принимал непосредственное участие в работе (разработка планов, обсуждение их и т.д.), тоже сказала и Панина, которая была очень возмущена такой постановкой (без Дубинина)...

Я никогда не видел в таком сконцентрированном виде зла человеческого, как на этом обсуждении. Приписывается все Луткову и Сахарову... ⟨...⟩

Здесь уместно привести одно письмо Александра Николаевича Луткова от 6 ноября 1967 г.:

Дорогой Николай Петрович!

Для участия в запланированной Вами и Научным советом по проблемам генетики и селекции АН СССР книге: “Полиплоидия и селекция сахарной свеклы” откликнулись и представили статьи ⟨...⟩

Ваше личное участие в книге, как первого директора Института цитологии и генетики СО АН СССР, задумавшего и осуществившего развертывание работ по полиплоидии сахарной свеклы в Институте для целей практической селекции, конечно, должно быть определено лично Вами, но хотелось бы, чтобы Вами была написана статья по теоретическим аспектам и практическим перспективам использования полиплоидии в селекции сахарной свеклы, а также Ваше предисловие – введение.

Искренне Ваш

А. Лутков

Тот же самый прием клеветы З. Никоро использует в вопросе о многопочатковой кукурузе, бездоказательно обвиняя Н.П. Дубинина в присвое-

нии им результатов работы Г.М. Папалашвили. В том же 1974 г. Николай Петрович получает письмо от Г.М. Папалашвили, которое иллюстрирует взаимоотношения двух ученых и их роль в указанной проблеме.

Дорогой Николай Петрович!

11 октября 1974 г.

Примите мой искренний сердечный привет. Спешу поделиться с Вами радостной вестью: дело работы по многопочатковой кукурузе продвигается успешно: на базе моих исследований – при моей кафедре организуется Проблемная лаборатория по изучению и внедрению многопочатковой кукурузы и другим проблемам генетики.

Ваши советы были и будут всегда направляющими и организующими для меня, а Ваши работы – служат примером и помогают мне всегда в работе. Ваши отзывы о моей работе по многопочатковой кукурузе имели колоссальное значение для положительного решения об открытии Проблемной лаборатории и вообще для дела развития многопочатковой кукурузы в СССР. ...

Желаю Вам всего самого хорошего,
искренне уважающий и любящий Вас

Г.М. Папалашвили

В ЦК КПСС

От: ДУБИНИНА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА

Считаю своим долгом обратиться в ЦК КПСС по поводу предстоящего в Москве в августе 1978 г. Международного конгресса по генетике.

Программная комиссия (председатель Д.К. Беляев) оргкомитета конгресса (председатель Н.П. Бочков) предложила провести пленарное заседание памяти Н.И. Вавилова и лекцию П.Ф. Рокицкого “История генетики в СССР”. В 1976 г. Н.В. Цицин и я возражали против обоих предложений. Указывалось, что привлечение внимания к заслугам Н.И. Вавилова не должно осложняться тем, что не связано с его научной деятельностью. Мемориал Н.И. Вавилова был снят.

История генетики СССР была противоречивой. Учитывая современную обстановку, нетрудно предсказать последствия от выступления П.Ф. Рокицкого. На конгрессе найдется немало людей, которые хотели бы разжечь истерию в духе “борьбы за права человека”, говоря о Н.И. Вавилове, С.Г. Левите, И.И. Аголе, Г.А. Левитском, Г.Д. Карпеченко и других. Бывшие противоречия между Т.Д. Лысенко и генетикой будут использованы в тех же целях. Лекция П.Ф. Рокицкого явится поводом, чтобы в Москве состоялись антисоветские выступления, которые за рубежом подогреваются книгами Ж. Медведева и статьями ряда авторов. На конгрессе будут делегаты из США, Израиля и других стран.

На XI Международном конгрессе по генетике в Гааге, на XII конгрессе в Токио, на XIII конгрессе в Беркли (США) устраивающие страны не выступали с лекциями по истории генетики в данной стране. Что вынуждает устраивать специальную лекцию на XIV конгрессе в Москве? При необходимости подчеркнуть приоритеты нашей науки, о них в своей речи может сказать президент конгресса, другие советские ученые в докладах и выступлениях.

Д.К. Беляев, Н.П. Бочков и другие не согласились с этими соображениями. Лекция П.Ф. Рокицкого была принята. Ее характер стал очевиден по двум статьям, напечатанным в феврале и марте 1977 г., посвященным истории советской генетики. Это касается статьи Д.К. Беляева и П.Ф. Рокицкого в журнале “Вопросы философии” (редактор И.Т. Фролов) и статьи А.Е. Гайсиновича в журнале “Генетика” (зам. редактора С.И. Алиханян и Д.К. Беляев). Для обеих статей характерно отсутствие марксистско-ленинского анализа исторических процессов.

Значение Н.И. Вавилова, как ведущего генетика своего времени, в этих статьях не показывается. Н.В. Цицин, президент XIV Международного конгресса по генетике, лишь упоминается по поводу скрещивания пшеницы и пшеницы при полном замалчивании результатов его работы. И.В. Мичурин представлен лишь как организатор станции по плодово-ягодным культурам. Значение деятельности Г.А. Левитского принижено. А.А. Сапегин, С.И. Жегалов и другие ученые, стоявшие у истоков советской генетики, не упоминаются или представлены не так, как они того заслуживают. Из обеих статей можно привести примеры, когда факты заменяются домыслами, смысл исторических событий в советской генетике искажается. История мировой и советской генетики изображается как явление бескризисное, лишенное внутренних противоречий, что является пародией на развитие любой науки. Д.К. Беляев и П.Ф. Рокицкий заявляют, что в истории генетики не было кризисов, подобных тому, что проходили в истории физики. Эти статьи нацелены на то, чтобы в канун третьего Всесоюзного съезда по генетике (май 1977 г.) и в год XIV Международного конгресса (август 1978 г.) вызвать новую волну разногласий в нашей науке. Очевидно, что выступление П.Ф. Рокицкого на Международном конгрессе и в политическом, и в научном плане принесет только вред. Чтобы поднять проблемы истории советской генетики, необходим другой уровень анализа и обобщений.

В марте 1977 г. Н.П. Бочков сообщил, что для XIV Международного конгресса срочно готовится публикация исторических материалов по советской генетике (редактор Д.К. Беляев). Этот вопрос имеет большое значение. Опыт статей Д.К. Беляева, П.Ф. Рокицкого, А.Е. Гайсиновича показывает, что при таком подходе история советской генетики будет написана без нужного социального и философского анализа, необъективными авторами, в спешке, вызванной желанием свои субъективные суждения, лишенные какого-либо партийного подхода, вынести на международный конгресс, где будет немало наших политических противников. В результате активная пропаганда советской идеологии, что является обязанностью наших ученых, благодаря лекции П.Ф. Рокицкого и материалам по истории генетики под редакцией Д.К. Беляева, понесет урон.

Прошу ЦК КПСС рассмотреть эти вопросы, имеющие значение для дальнейшего развития генетики в СССР и для укрепления авторитета отечественной науки на XIV Международном генетическом конгрессе в Москве.

Вице-президент XIV Международного конгресса
по генетике 1978 г. в Москве,
директор Института общей генетики АН СССР,
академик

Н.П. Дубинин

В ЦК КПСС
ГОРБАЧЕВУ М.С.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ,

Позвольте обратить Ваше внимание, на то, что в отношении замечательного ученого-генетика, члена-корреспондента АН СССР, академика ВАСХНИЛ, Президента Молдавской академии наук были выдвинуты обвинения, имеющие цель оскорбить А.А. Жученко как ученого.

В декабре 1987 г. в Литературной газете, в декабре 1987–январе 1988 г. в журнале “Огонек” были выдвинуты голословные обвинения: 1) Жученко разрушил природу Молдавии; 2) он неизвестен как генетик;

11–16 апреля 1988 г. в Кишиневе работала комиссия Президиума АН СССР под руководством вице-президента АН СССР, академика В.А. Котельникова. По биологии в составе комиссии были: академик Большаков В.Н. – директор Института

экологии Уральского отделения АН СССР, академик Н.П. Дубинин – генетик, Л.В. Хотылева – академик АН БССР, директор Института генетики и цитологии, В.К. Шумный – член-корр. АН СССР, директор Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР, В.В. Моргун – член-корр. АН УССР, директор Института генетики и физиологии растений, В.Л. Контримавичус – член-корр. АН СССР, академик АН Лит.ССР, директор Института экологии Литвы, В.Г. Митрофанов – доктор наук, генетик.

Эти специалисты, наиболее авторитетные в областях экологии и генетики, в своем заключении записали следующее. По экологии:

“Комиссия отмечает, что природоохранная экологическая тематика занимает видное место в деятельности институтов Академии наук МССР. Экологическая направленность научных исследований в деятельности институтов АН МССР в последние годы постоянно возрастает, а полученные результаты исследований находят отражение в планах пропаганды и внедрения достижений в области экологии в народное хозяйство. Научной базой в практической работе по вопросам охраны окружающей среды стал фундаментальный двухтомный труд “Прогноз возможных изменений в природной среде под влиянием хозяйственной деятельности на территории МССР”, разработанный при координирующей роли АН МССР. Заслугой ученых и руководства АН МССР следует отметить неоднократное и своевременное информирование директивных органов республики о напряженности и кризисной экологической ситуации в республике. Особенно важное значение в этом плане имеет для Молдавии разработанная в АН МССР стратегия адаптивной интенсификации АПК на экологической основе, изложенная в Долгосрочной комплексной программе охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Молдавской ССР на период до 2005 г., одобренная седьмой сессией Верховного Совета Молдавской ССР одиннадцатого созыва 31 июля 1987 г.” По генетике:

“Чл.-корр. АН СССР является одним из крупнейших ученых-генетиков. Он создал оригинальное научное направление по экологической генетике, разработка которого в созданном им Институте экологической генетики идет на передовом уровне мировой науки. Работы А.А. Жученко имеют большое значение для развития общей генетики, селекции, теории эволюции. Практическое значение работ А.А. Жученко связано с интенсификацией сельского хозяйства, природопользования и защиты окружающей среды от загрязнения.”

Мнение специалистов показывает, что обвинения выдвинутые против Жученко авторами в Литературной газете и “Огоньке”, не отвечают истине. Однако именно они послужили поводом для не утверждения Жученко академиком АН СССР, который был выбран Отделением общей биологии АН СССР.

До работы комиссии я написал статью о А.А. Жученко. 23 марта 1988 г. послал ее в редакцию журнала “Огонек” на имя главного редактора В.А. Коротича. Статья называлась “Технология непорядочности”. Однако редакция отказалась напечатать мою статью. Таким образом, правда о Жученко как ученом и руководителе науки одной из республиканских академий, не может пробиться в те издания, которые очернили Жученко. Такое отношение к ведущим кадрам нашей науки недопустимо. Оно делает их беззащитными против любой неправды. Я надеюсь, Михаил Сергеевич, что Вы обратите внимание на этот вопрос, который имеет общее отношение к ответственности нашей печати.

Академик

Н.П. Дубинин

1988 г.

Писатель И. Васильев пишет, что технология непопорядочности имеет качество оборотня – ложь рядится в одежды правды. Непорядочность с поразительным искусством использует в своих целях и гласность и демократию (“Советская Россия”, 7 февраля, 1988 г.).

Технология непопорядочности проявилась при выборах в Академию наук СССР в декабре 1987 г., в отношении А.А. Жученко. Перед выборами появились статьи в Литературной газете и затем в “Огоньке” (№ 4, 1988), в которой О. Мороз, повторя обвинения, попытался закрепить достижения технологии непопорядочности.

А.А. Жученко – Президент Академии наук Молдавской ССР. Что же ему вменяется в вину? Выдвинуты два обвинения.

Первое – Жученко разрушил природу Молдавии; второе – как генетик он неизвестен ни в Союзе, ни за рубежом.

Обратимся к первому обвинению. Является ли экологическая напряженность прерогативой Молдавии? Увы нет! Много регионов нашей страны в последние десятилетия испытывают нарушения в среде обитания человека. Это касается Ладоги, Байкала, Аральского моря, бассейна Волги, угроза нависла над жемчужиной страны – дельтой Волги в связи с развитием нефтегазодобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, бассейна реки Урал, на Украине в Чернобыле из-за осадков радионуклидов, Азовского моря, для великих сибирских рек из-за добычи газа и нефти и т.д. 22 февраля 1988 г. комиссия президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов отметила, что в Белорусской ССР полтора миллиона гектаров земли загрязнены выбросами вредных веществ и ядохимикатами. В воздушный бассейн выбрасывается ежегодно около 3 млн т вредных веществ. 500 предприятий превышают в этом отношении допустимые дозы. 102 предприятия продолжают загрязнять водоемы неочищенными сточными водами (“Соц. индустрия”, 23 февраля, 1988 г.).

Совсем недавно 500 000 м³ сточных вод попали в Ангару из-за прорыва дамбы гидрозолотоотвала в г. Усолье-Сибирском. Серьезно пострадал Днестр после прорыва отстойников Стебниковского калийного комбината. Произошли аварии на очистных сооружениях Алма-Аты, Одессы и в других местах (“Советская Россия”, 28 февраля, 1988 г.) Тяжелая экологическая обстановка сложилась в ряде городов – Ереване, Баку, Кемерово, Днепродзержинске и в других. 7 января 1988 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР выпустили постановление о коренной перестройке дела охраны природы в стране.

В Молдавии ряд ведомств контролирует загрязнение природной среды – Госкомитет МССР по охране природы, Молдавское управление по гидрометеорологии и контролю природной среды, Министерство здравоохранения МССР, Госагропром МССР, ПНО “Молдсельхозхимия”, Минводхоз МССР и другие.

Критики заявляют, что Президент АН МССР – А.А. Жученко ответственен за экологическую напряженность в Молдавии. Они пишут “и земля и вода наши пребывали у него в руках... после тридцатилетних трудов содержание рек и водоемов непригодно не то что для питья – но даже для полива не годятся”.

Жученко 30 лет тому назад было 22 года. В 1960 г. он начал работать агрономом. Документально известно, что экологическая напряженность в Молдавии сложилась давно. В качестве примера укажу, что по данным Молдавского н.и. полевых культур с 1956 г. проводилось широкое внедрение пестицидов. В 1970 г. 180 тыс. гектаров полевых культур было обработано гербицидами. В книге И.И. Либерштей-

⁸ Именно эту статью Н.П. Дубинин направил для публикации в журнал “Огонек”, но она не была принята для печати (*Примечание составителя*).

на (1973) сказано, что к 1975 г. планируется обработка полей гербицидами на площади 550 тыс. гектаров. Без всякого экологического обоснования, имелось ввиду интенсивное использование дихлоральмофенина, ленацина и бетанола.

Может быть, начиная с 1976 г., когда Жученко стал Президентом Академии Молдавской ССР, он пропагандировал меры, которые вели к нарастанию экологической напряженности в республике? Однако, если мы обратимся к документам, то увидим, что ничего подобного не было. Напротив, Жученко сделал все возможное, чтобы помешать загрязнению среды в Молдавии.

Начиная с 1966 г., А.А. Жученко выступает в печати против использования мер, увеличивающих экологическую напряженность. Он предложил ряд конкретных мероприятий в этом отношении. В 1985 г., выступая на Общем собрании Академии наук СССР, Жученко сказал “предельно напряжена и экологическая ситуация. В Молдавии, как известно, самая высокая плотность населения, велик уровень антропогенных нагрузок на природный комплекс, низкая водообеспеченность. Поэтому процессы интенсификации производства должны базироваться у нас только на ресурсосберегающих и природоохранных технологиях, обеспечивающих наиболее рациональное использование земли, воды, сырья, энергии” (Вестник АН СССР, 4, 1985). В 1986 г. он пишет: “Почвы и климат бесценные, – главные природные богатства нашей республики. Следует считать в корне неверным представление будто интенсификация экономики и охрана окружающей среды представляют собою различные независимые друг от друга процессы... Отсюда и необходимость в обязательной научной экологической экспертизе при планировании и проведении не только крупных природообразующих мероприятий, но и при внедрения новых технологий. По нашему мнению тщательной экологической экспертизе должен быть подвергнут весь пятилетний план развития народного хозяйства республики, с тем, чтобы в процессе его реализации требования природоохранности неукоснительно соблюдались” (журнал “Кодры”, II, 1986).

В 1986 г. Жученко, выступая на XVI съезде Коммунистической партии Молдавии говорил: “Усиливающаяся связь экономики, экологии и здоровья человека требуют пересмотра традиционных представлений о способах эксплуатации природной среды, размещения производительных сил... Особого внимания заслуживает... проблема, связанная с переброской вод реки Дунай в южные и центральные районы республики... Вместе с тем научно-техническая политика в области межбассейнового переброса речного стока, а также орошаемого земледелия проводимая Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР, по многим кардинальным вопросам расходится с предложениями и рекомендациями ученых, что чревато негативными последствиями. Нетрудно представить будущее экологической ситуации в республике, если при подаче на сотни тысяч гектаров воды не обеспечить предварительной очистки перебрасываемого стока... Кроме того, геоморфологические и гидрогеологические особенности территории Молдавии, резко увеличивающие опасность эрозии, заболачивания и засоления почв в условиях орошения, требуют комплексного подхода к мелиорации... Односторонний подход к мелиорации, основной смысл которого как раз и состоит в повышении плодородия почв, находится в явном противоречии с рекомендациями науки”.

А.А. Жученко более 20 лет активно выступает против нарушения среды в Молдавии. Можно сослаться на статьи в газетах: “Правда”, I, II, 1981 г.; 22, II, 1983 г.; “Комсомольская правда” 26, 8, 1966 г.; 16, 4, 1979 г.; 29, 6, 1979 г.; “Советская Молдавия” 22, 12, 1973 г.; 8, 6, 1979 г.; I, 8, 1985 г.; в “Вестнике АН СССР” № 5, 1980, № 4, 1985; в “Коммунисте Молдавии” 9, 1979; 12, 1979 г.

А.А. Жученко против загрязнения биосферы, за экологические основы технологии и энергетики, выступает на общих собраниях Академии наук СССР, на съездах Коммунистической партии Молдавии, на сессиях Верховного Совета СССР.

В четырех крупных монографиях, написанных в 1976–1986 гг., Жученко научно разрабатывает природоохранную стратегию адаптивной интенсификации агропромышленного комплекса.

Так обстоит дело с первым обвинением, оно ложно, его авторы не привели никаких конкретных доказательств в пользу своего обвинения.

Перейдем ко второму обвинению, что Жученко “как генетик неизвестен ни в Союзе, ни за рубежом”. Кто же такой А.А. Жученко как ученый? Он является автором более 300 статей и 12 монографий по частной и экологической генетике. Книги Жученко получили множество отзывов в научной прессе Советского Союза и за рубежом. В журнале “Генетика” (10, 1984) при обсуждении книги “Экологическая генетика культурных растений” – написано “Рецензируемая книга является серьезным вкладом в развитие генетики, селекционной теории и сельскохозяйственной биологии”. В “Вестнике с.х. науки” (4, 1984) «книга “Экологическая генетика культурных растений”, синтезирующая современные достижения генетики, селекции, экологии, ботаники, физиологии, биохимии, кибернетики и других отраслей знаний, сыграет важную роль в практической реализации этой проблемы». В “Бюллетене Главного ботанического сада АН СССР” (выпуск 123, 1982) читаем «Издание книги А.А. Жученко “Экологическая генетика культурных растений” – заметное событие в развитии мировой биологической науки». Монография 1986 г. – “Рекомбинация в эволюции и селекции растений” переведена и издана в ФРГ в 1987 г.

А.А. Жученко – доктор биологических наук. В 1974 г. вышла его монография по генетике томатов. В журнале “С.Х. биология” (5, 1974) читаем: «Книга А.А. Жученко “Генетика томатов” является одной из немногих в мировой литературе работ, посвященных частной генетике... Оценивая книгу “Генетика томатов” в целом, следует отметить, что отечественная литература обогатилась уникальным в своем роде монографическим изданием частной генетики сельскохозяйственных растений». За монографию “Генетика томатов” А.А. Жученко присуждена Золотая медаль Н.И. Вавилова.

В 1976 г. А.А. Жученко избирается академиком АН МССР, в 1979 г. – член-корреспондентом АН СССР. В 1981 г. “За исследования в области растениеводства, получившие международное признание” А.А. Жученко избирается иностранным членом Академии с.х. наук ГДР. В 1985 г. избирается академиком ВАСХНИЛ. В том же 1985 г. “За выдающиеся работы в области частной и экологической генетики растений” награждается Золотой медалью Словацкой Академии наук. В 1985 г. А.А. Жученко создает и становится директором Института экологической генетики АН МССР. Работы этого института высоко оцениваются, в нем в последние годы прошло несколько всесоюзных конференций по генетике.

Научный совет факультета естественных наук Вильнюсского университета им. В. Капсукаса написал “Всесоюзные конференции, симпозиумы по экологической генетике и рекомбиногенезу (организуемые Институтом экологической генетики) сыграли решающее значение в преодолении односторонности развития экологической генетики в СССР, послужили стимулом всерьез заняться проблемами индуцирования рекомбиногенеза другие учреждения и научные центры Советского Союза”.

Все это показывает, насколько необъяснимо заявление о неизвестности Жученко как генетика. На самом деле А.А. Жученко является одним из крупнейших генетиков нашей страны, активным исследователем, теоретиком, обладающим государственным мышлением.

На Отделении общей биологии АН СССР, академики А.С. Исаев (общая биология), Н.П. Дубинин (генетика), члены-корреспонденты – Б.А. Неуньолов (биология), А.В. Яблоков (биология), Л.Н. Андреев (иммунология) высоко оценили вклад Жу-

ченко в биологию и генетику. Поддержку оказали академики – В.Е. Соколов (зоология), Л.П. Татаринев (зоология). Критики: академики А.В. Иванов (зоология), А.М. Тахтаджян (ботаника), присутствовали на заседании, слушали выступления о достоинствах кандидатуры Жученко, но с критическими замечаниями в среде специалистов-биологов не выступили.

Оценивая выборы А.А. Жученко на отделении, О. Мороз написал: «ничего не могло помешать ему стать академиком, если бы не вмешательство “внешних сил”». На общем собрании АН СССР было зачитано отрицательное письмо Иванова и Тахтаджяна. Выступили против избрания академики – М.Х. Чайлахян (физиология растений) и И.М. Гельфанд (математика). Эти критики голословно повторяли, ссылаясь на статьи в Литературной газете; в журнале “Огонек”, что Жученко неизвестен в науке и что он разрушил природу Молдавии. За избрание Жученко на общем собрании выступили академики – А.А. Баев (молекулярная биология), Е.М. Мишустин (микробиология), А.С. Исаев (биология), Н.П. Дубинин (генетика), Г.И. Марчук (физика атмосферы), поддержку оказали академики – А.Л. Яншин (география, геология), П.Г. Костюк (физиология), О.Г. Газенко (физиология), Б.Е. Патон (металлургия), А.А. Никонов (экономика). Ряд институтов поддержали кандидатуру Жученко – Институт генетики и физиологии АН УССР, Институт генетики и цитологии АН БССР, Научный совет Никитского ботанического сада, Институт молекулярной биологии и генетики сельского хозяйства, Институт генетики и селекции АН АзССР и другие.

Однако яд сомнения был выпущен. В этих условиях за избрание А.А. Жученко проголосовало, хотя и больше половины членов академии, но не 2/3, что нужно для утверждения избрания.

О. Мороз высказывает сомнение о качестве членов Академии наук СССР. Он пишет: “но если говорить серьезно так ли уж много выдающихся? Ведь есть же общепринятые критерии – и международные премии, индекс цитирования и многое другое”. Если с таких позиций подходить к нашим великим ученым, то и они окажутся, по критериям О. Мороза, малыми. В.И. Вернадский, крупнейший естествоиспытатель XX в., основатель учения о биосфере, Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов – великие биологи, С.С. Четвериков – основатель мирового направления в генетике, И.В. Курчатов – первый автор мирного использования атомной энергии, С.П. Королев – открыл космическую эру, М.В. Келдыш, А.Н. Колмогоров – великие математики, и другие советские ученые проложившие новые пути в науке, не получили Нобелевские премии. Поэтому вопрос об исторической значимости работ советских ученых не всегда измеряется международными премиями. Индекс цитирования также неустойчив. Автор, написавший обзор по данным направлениям, затем цитируется всеми авторами, которых он упомянул. Оригинальная статья с новой проблемой может долго быть незамечена.

Критика Академии наук СССР конечно полезна, однако, нельзя забывать, что в Академии наук СССР собран цвет советской науки, ее самый могущественный отряд, идущий во главе научно-технического прогресса.

Демократизация и гласность – это основа нашей жизни, в том числе и в Академии наук СССР. Новое руководство в лице Г.И. Марчука много сделало в этом отношении. Этот путь будет углублен. Роль печати огромна, но нельзя допускать, чтобы печать использовалась в целях групповщины, для того чтобы без каких-либо доказательств охаивать ученых, как это было во времена лысенковщины, когда активные, преданные, талантливые ученые, объявлялись людьми мешающими развитию страны.

Возникает вопрос, а как же два казалось бы таких независимых органа печати как “Литературная газета” и “Огонек” поместили необоснованные статьи об А.А. Жученко? В “Огоньке” итоговую статью напечатал автор по фамилии

О. Мороз. Если поинтересоваться, кто в “Литературной газете” является заведующим отделом науки, то им оказывается также О. Мороз.

Ложь, пена от технологии непорядочности, наброшенная на имя А.А. Жученко – очевидны. Правда, ответственность – это залог влияния прессы на демократизацию науки, основа здоровых взаимоотношений среди ученых.

Академик АН СССР

Н.П. Дубинин

P.S. Академик А. Яншин, поздравляя Николая Петровича с Новым 1989 годом (26.XII.89), написал: “Спасибо за то, что Вы защитили А.А. Жученко”. (*Примечание составителя*).

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни.

Н.А. Некрасов

ГЛАВА 3

МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

А.Ф. Шереметьев, И.Н. Грязнов

ЧЕТВЕРИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ОТКРЫТЫ¹

6 мая 1969 г. актовый зал университета был переполнен. Сюда пришли на первую лекцию, посвященную памяти профессора Горьковского университета С.С. Четверикова, студенты, преподаватели и сотрудники научно-исследовательских институтов, университета, а также преподаватели педагогического, сельскохозяйственного и медицинского институтов г. Горького. Первую лекцию на тему “Генетические основы эволюции” прочитал один из учеников С.С. Четверикова – выдающийся советский генетик, лауреат Ленинской премии, действительный член АН СССР Н.П. Дубинин.

Н.П. Дубинин в своей лекции отметил, что в истории дарвинизма и генетики имели место антагонистические отношения. Первые генетики XX в., упоенные успехами в области изучения мутаций, явлений наследственности и изменчивости, объявили поход против дарвинизма, против его материалистического ядра – теории естественного отбора. Разработке многих проблем дарвинизма и генетики тормозило это взаимное непонимание.

Впервые в истории этих наук был сделан синтез дарвинизма и генетики С.С. Четвериковым в 1926 г. в его работе “О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики”. Эта теоретическая работа С.С. Четверикова создала ему всемирную известность и положила начало новому направлению – популяционной генетике.

Теоретические исследования С.С. Четверикова, как это было показано в лекции академика Н.П. Дубинина, явились основой экспериментальной разработки элементарных процессов видообразования и явились серьезным шагом на пути овладения эволюционным процессом.

В лекции было показано также, что знание генетических процессов в популяциях позволяет более эффективно использовать исходный материал в селекции животных и растений и глубже понять весьма важные проблемы генетики человека.

В заключение академик Н.П. Дубинин остановился на достижениях современной генетики, в частности, на значении экспериментов по расшифровке генетического кода, на успешных попытках искусственного синтеза гена

¹ “Горьковский университет”. 1969. 20 мая.

индийским ученым А. Хорана, на перспективах управления наследственностью и изменчивостью на основе глубокого познания сложнейших взаимодействий биологических систем клетки как единицы жизни.

После лекции присутствующими были заданы вопросы, на которые были даны исчерпывающие и очень интересные ответы. Хорошее начало следует продолжить.

P.S. О своем учителе Николай Петрович написал статью “Основатель учения о генетике: [С.С. Четвериков]” (Горьковская правда. 1968. 10 марта) и получил из редакции письмо:

“Уважаемый Николай Петрович! Огромное спасибо Вам от горьковчан за статью о Сергее Сергеевиче Четверикове. Воспринята она с большим интересом читателями нашей газеты. С уважением А. Лугинин, научный обозреватель “Горьковской правды”.

Н.П. Дубинин

ГЕНЕТИКА И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА²

Некоторые ученые настойчиво предсказывают, что в ближайшее время методы генетики будут использованы для “улучшения природы людей”. Организация человека несовершенна, считают они, и социальная среда исправить его не в состоянии. Будущее грозит человечеству вырождением, и только генетика сможет его спасти. Всякое же генетическое улучшение природы человека представляет собой якобы крупное ускорение научно-технического прогресса.

Что же это за методы “улучшения” природы человека? Конечно, здесь много туманных псевдолиберальных рассуждений о непримиримости принуждения и прочее. Однако суть их очевидна. Переделать генетическую информацию на современном уровне знаний можно, лишь используя методы животноводства, т.е. на основе жесткой селекции и регулирования скрещиваний. Эти принципы хорошо понимают лидеры евгеники.

В 1965 г. К. Девис бывший президент Американского социологического общества, подробно рассмотрел применимость евгенической практики с точки зрения христианской морали. После оговорок его вывод гласит: “Поскольку достигнут контроль над разведением животных, то следующим логическим шагом явится подобный же контроль над человеком”.

Всемирно известный генетик Г. Меллер в течение последних 30 лет настойчиво пропагандировал мысль о необходимости улучшить природу человека за счет использования спермы от выдающихся мужчин. Он предлагал, как это ныне делается в племенном животноводстве, создать банки консервированной спермы, так что даже и после смерти производителя их спермой еще можно искусственно оплодотворять женщин.

Попытка применить евгенику на практике порочна в своей основе. Даже используя приемы разведения животных, мы не достигнем постав-

² “За науку в Сибири”. 1970. 10 июня.

ленной цели, потому что совершенно не знаем генетических основ человеческой личности. Если дать волю евгеникам и они попытаются нарушить существующую драгоценную биологическую основу человека, то мы можем оказаться перед самыми серьезными последствиями.

Прогрессивные ученые во многих странах мира предостерегают против безответственного вмешательства в генетические основы человечества.

Брюс и Добржанский в книге “Радиационная генетика и человек” пишут: “... генетические последствия евгенической программы, основанной на ошибочном или несоответственном знании генетики, могут сами по себе оказаться настолько же опасными для генетического вклада, что и радиация. Представляется предельно ясным, что осуществление некоторых старых евгенических рекомендаций несколько десятков лет тому назад было бы наихудшим видом безумия”.

Дональд Мак Кей в книге “Человек и его будущее” писал: “Если бы кто-нибудь из нас изобрел механизм настолько же сложный, как ситуация человеческой расы, чтобы мы почувствовали, если бы кто-нибудь из наших коллег стал с ним дурачиться...”.

Человеконенавистническая практика гитлеровской расовой теории – одна из крайних форм такого безответственного использования евгеники. В наши дни национальная социалистическая партия белых людей США взяла на вооружение евгенистско-расистские идеи, требуя уничтожения американских негров и переделки наследственности белых в целях селекции высшей расы белых людей.

Массовое внесение генов от отобранных производителей в популяции людей должно нанести серьезный удар самой величайшей ценности, которой обладает человек – неповторимости его духовной личности. Можно уверенно сказать, что за всю историю человечества не появлялось двух генетически одинаковых людей. Сущность человека как социального существа основана на его духовной уникальности, и на этом же зиждятся истоки духовной мощи человечества, поставленной в зависимость от развития производительных сил общества.

Нет также сомнений в том, что контроль над генетикой человека, направляющий его биологическую эволюцию в заданном направлении, категорически требует разрушения семьи, гармонической основы современной жизни человека, всех эмоций любви и материнства.

Нужно ли нам ставить перед собой такие задачи? Так ли угрожающе обстоит дело с наследственностью человека? Прав ли Меллер, который буквально вопиет об апокалиптическом конце человечества за счет роста в недрах его наследственности разрушающего генетического груза?

Евгенистская идея, требующая создания новой породы человека через разрушение современных инстинктов его жизни, не учитывает тот очевидный факт, что человек как биологический вид отличается фантастической пластичностью. Объем его мозга за последние 40 тысяч лет не увеличился. С начала своей истории физически человек не изменился. В ближайшие несколько тысяч лет его генетическая информация сохранит всю свою мощь, если мы не найдем способов ее искусственно разрушить. В наши дни потоки обрушивающейся на нас информации и уровень решения задач по ее переработке несравнимы с недавним прошлым. Однако по мнению крупнейших

физиологов, лишь десятая часть возможностей мозга как аппарата мышления используется человеком при современных методах его воспитания. Перед человечеством открыты громадные перспективы роста в новых условиях при социалистическом переустройстве мира.

Опасность евгенической практики возрастает в силу разработки новых методов генетической инженерии. Сейчас уже созданы методы получения детей при искусственном осеменении. Скоро станет возможным выращивать сперматозоиды и яйцеклетки в лаборатории и делать любое избранное скрещивание, а затем имплантировать эмбрионы в утробу мачехи-воспитателя. Можно будет вводить ядра из соматических клеток данного человека в безъядерные яйцеклетки и таким путем воспроизвести в любом числе генотип данной личности.

Однако критика евгеники не умаляет, а, напротив, высоко поднимает роль медицинской генетики и генетики человека. В борьбе за здоровую наследственность нам придется в какой-то мере вмешиваться в частные генетические процессы в популяциях людей. При этом мы должны помнить, что в проблеме вмешательства в свою наследственность человечество стоит перед совершенно неизведанными дорогами и перед колоссальной ответственностью.

Разработка общих основ генетики поведения чревата важнейшими социальными последствиями для решения проблем воспитания личности человека. Медико-генетические исследования открывают пути лечения наследственных болезней. Идет наступление на главных врагов человека – сосудисто-сердечные заболевания и на злокачественные опухоли, на все наследственные болезни, разрушающие душу и тело человека. Во весь рост встает перед человечеством задача защиты своей наследственности от вредных эффектов радиации и химических соединений, уровень влияния которых с ростом цивилизации неуклонно растет.

Все изменяется во Вселенной, пройдут тысячелетия, и может наступить время, когда для человечества перед лицом новых, неведомых нам условий встанут задачи серьезного изменения своей генетической информации. Но сейчас этих задач нет.

Н.П. Дубинин

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГЕНЕТИКИ В СССР³

История советской генетики знает ряд фундаментальных открытий, которые послужили основой современного замечательного развития советской и мировой науки. В работах Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, А.С. Серебровского, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Надсона, Б.Л. Астаурова и других сделаны приоритетные открытия. В ряде случаев доказательство приоритетов советских ученых встречает немало трудностей. До сих пор за рубежом не признают того, что мутации с помощью ионизирующих излу-

³ Неопубликованная статья. Личный архив Н.П. Дубинина.

чений впервые были индуцированы Г.А. Надсоном и Г.С. Филипповым, ссылки идут только на американца Г.Г. Меллера. Принцип Н.К. Кольцова о матричной ауторепродукции хромосом все еще не получил нужного признания за рубежом и т.д.

Установление приоритетов советской науки имеет немалое значение. В этой обстановке производят странное впечатление заявления А.Е. Гайсиновича, сделанные им в журнале “Генетика” за 1977 г.⁴, в которых он решил перечеркнуть приоритет советской науки в вопросе о делимости гена.

Хорошо известно, что признание сложности строения гена, линейности расположения в нем его частей – сайтов, в настоящее время является основой молекулярной генетики. Совсем не безразлично, кто заложил основы этого учения, тем более, что оно явилось торжеством диалектики в генетике, обнаружив, что делимость материи при анализе гена не может быть ограничена.

Хорошо документированы факты, что в 1929–1934 гг. в лаборатории А.С. Серебровского Н.П. Дубининым были получены первые главные факты, которые послужили обоснованию учению о делимости гена. В этих работах были установлены новые подходы для анализа проблемы гена. Для аллелей *scute* у *Drosophila melanogaster* было установлено, что в компаундах, т.е. у особей, гетерозиготных по двум разным мутациям, имеет место явление комплементации, состоящее в том, что нормальные особенности каждого из аллелей доминировали друг над другом, в отдельных компаундах вплоть до полного возврата к норме. Это позволило проецировать различия аллелей на структуру гена. Закономерности комплементации обнаружили линейное расположение центров в гене *scute*. То же было подтверждено фактами, что внутригенное мутирование имело закономерный характер. Было обнаружено, что зоны мутантных участков в каждом из новых аллелей захватывали в сложном гене соседние участки.

Эти данные позволили научно обосновать, выдвинуть и развить гипотезу делимости гена.

Молекулярные доказательства сложного строения гена были даны американцем С. Бензером в 1955 г. в работах с фагом Т4 при использовании мутаций в области гII. Можно сказать, что в принципиальном плане все основные выводы и главные методы доказательств у Бензера были теми же, что было сформулировано Н.П. Дубининым, А.С. Серебровским и другими советскими исследователями при создании центральной теории гена.

Новизна идеи дробимости гена, тот факт, что она пересматривала принятые в то время концепции Т.Х. Моргана о гене как о неделимой корпускуле, все это в 1928–1935 гг. питало к ней недоверие. Немало ведущих генетиков того времени, такие как Р. Гольдшмидт, Г.Г. Меллер и другие выступили с ее опровержением. Однако время шло и сейчас учение о делимости гена, впервые научно обоснованное в работах Н.П. Дубинина, А.С. Серебровского и других, заняло подобающее ему место в истории генетики.

В.Ф. Натали⁵ в известном учебнике по генетике в 1936 г. писал:

⁴ Гайсинович А.Е. Проблемы истории генетики в советских публикациях последних лет (критический обзор) // Генетика. 1977. Т. XIII, № 2. С. 345–371.

⁵ Натали В.Ф. Генетика. Учпедгиз. 1936. С. 237.

“Для объяснения явления множественного аллеломорфизма была выдвинута разработанная Дубининым, Серебровским и другими так называемая центровая теория гена”.

В Большой Советской Энциклопедии (1972 г. Т. 8. С. 1542) написано:

“Дубинин (совместно с А.С. Серебровским) открыл дробимость гена и явление комплементации”.

В книге “Наука и человечество” (1974) указывается:

“За 250 лет в нашей стране сделано столько замечательных открытий, создано столько фундаментальных трудов, оставивших глубокий след в науке, что даже перечислить их все невозможно. Ниже названы лишь некоторые из наиболее крупных достижений ученых Академии наук”.

В этом списке указано:

“Н.П. Дубинин в конце 20-х годов совместно с А.С. Серебровским открыл дробимость единицы наследственности – гена”.

В.Л. Рыжков⁷ в 1976 г. писал:

“В 1929 г. появилось сообщение А.С. Серебровского, Н.П. Дубинина и других о явлениях, названных ими ступенчатым аллеломорфизмом. В основу этих работ было положено открытие Н.П. Дубининым взаимно дополняющих мутаций... Теория ступенчатого аллеломорфизма не была принята. Она резко противоречила господствовавшим в то время взглядам о неделимой целостности генов. С особой решительной критикой этой теории выступил один из крупнейших генетиков того времени Р. Гольдшмидт... Что произошло в дальнейшем, теперь хорошо известно. В основе современной генетики лежит представление о дробимости гена на субъединицы... Таким образом, представления, казавшиеся противоречащими основам генетической теории, в настоящее время сами стали основой этой теории”.

Признание советского приоритета в проблеме научного обоснования учения о делимости гена широко принято за рубежом.

А.Е. Гайсинович приводит только негативные старые отклики на центровую теорию гена. В частности, он указал на статью Р. Гольдшмидта 1929 г. Он умолчал, что сам *Гольдшмидт* 26 лет спустя давал очень высокую оценку значимости этой теории в истории генетики, он писал⁸, что

“после всех критических замечаний в адрес центровой теории остается фактом, что авторы высказали замечательную идею, что они имели дело с многими фактами, которые не укладывались в классическую теорию гена. Действительно, данные по аллелям *scute* были затем использованы для поддержки новейших теорий”.

Е. Карлсон⁹, автор книги “Ген (критическая история)”, на присланном им экземпляре книги написал:

“Д-ру Дубинину с самой высокой оценкой Вашего пионерского проникновения в структуру гена и явления комплементации”.

⁶ Наука и человечество. “Знание”, 1974. С. 13.

⁷ Рыжков В.Л. Что старого в новой генетике? // Вопросы философии, 1976, № 3. С. 89–90.

⁸ *Goldschmidt R.B.* Theoretical Genetics. Berkeley and Los Angeles. 1955. P. 112.

⁹ *Carlson E.A.* The Gene: A critical History. W. 13. W.B. Saunders company. Philadelphia and London. 1966.

Е. Гарднер¹⁰ в учебнике для американских студентов писал:

“Русский генетик Н.П. Дубинин в 1929 г. установил явление ступенчатого аллелизма у дрозофилы. Это открытие предвосхитило идею о дробимости гена”.

А.Е. Гайсинович в 1977 г. высказывает другое мнение. Он пытается убедить читателя, что работы Н.П. Дубинина, А.С. Серебровского и других не имели значения в решении проблемы делимости гена. По заявлению А.Е. Гайсиновича, претензии исследователей ступенчатого аллелизма на обоснование учения о делимости гена якобы оказались безуспешными. Центровая теория гена якобы была своевременно развенчана. А.Е. Гайсинович считает, что критика со стороны ряда зарубежных ученых имела сокрушительный характер. Он упрекает (С. 360) В.Л. Рыжкова, который в 1976 г. высоко оценил историческую роль центровой теории гена, в том, что В.Л. Рыжков не принял во внимание критику со стороны Р. Гольдшмидта и других. А.Е. Гайсинович пишет, что центровая теория гена потерпела крах благодаря

“той критике, которой подверглись работы по ступенчатому аллеломорфизму со стороны других исследователей (Р. Гольдшмидт, А. Стертевант и Дж. Шульц) и особенно в проверочных работах Г. Меллера с сотрудниками (1934, 1935) ... Именно в результате этой критики теория ступенчатого аллеломорфизма не была принята в качестве достоверного доказательства дробимости гена” (С. 360).

А.Е. Гайсинович пишет: “Доказательство тонкой структуры гена дал, как известно, лишь С. Бензер на микроорганизмах” (С. 360).

Таким образом, А.Е. Гайсинович передает приоритет советской науки в вопросе о делимости гена в руки американского исследователя С. Бензера. Заслуги С. Бензера общеизвестны. Однако его работа не уничтожила, а напротив высоко подняла приоритет советских исследователей, впервые в 1929–1934 гг. научно обосновавших учение о делимости гена.

Совсем нелогичным в статье А.Е. Гайсиновича является решительная борьба за выяснение того, кто обеспечил разработку центровой теории гена. Казалось бы не так уж важно, кто является автором теории, в свое время развенчанной зарубежными исследователями.

Повторяя заявление Р.Б. Хесина и ряда других авторов, А.Е. Гайсинович полагает, что основу учения о делимости гена заложил А.С. Серебровский в работах, предшествующих созданию центровой теории гена.

Вопрос этот имеет принципиальное значение, в данном случае речь идет о непонимании роли центровой теории гена, принижении этой роли путем ее растворения в ошибочных взглядах на природу мутаций, которой в то время придерживался А.С. Серебровский. Такой подход отражает непонимание того, что при создании центровой теории были использованы принципиально новые методы, оказавшие в дальнейшем глубокое влияние на успех всей проблемы гена.

Несмотря на то, что в 1920-х гг. была признана теория Т.Х. Моргана о неделимом гене, в это же время был высказан ряд гипотез, в которых обсу-

¹⁰ Gardner E.J. Principles of Genetics. Third edition, John Wiley and Sons, Inc. New-York – London – Sydney. 1968. P. 203.

ждалась возможность делимости гена. Обсуждение всех этих гипотез было дано Н.П. Дубининым¹¹ в 1929 г. Однако все эти взгляды и в том числе идеи А.С. Серебровского, высказанные в работах 1926 г., не давали научного обоснования для учения о делимости гена.

А.С. Серебровский развивал ошибочную гипотезу присутствия-отсутствия, он полагал, что разные аллели – это утери из хромосом разных участков из данного локуса. Теоретически он признавал разную протяженность таких нехваток. Это позволяло говорить о делимости гена, но ничего не давало для познания его внутреннего строения. Метод, предложенный А.С. Серебровским для изучения делимости гена, оказался неоправданным.

А.Е. Гайсинович пытается внушить читателю, что метод, предложенный А.С. Серебровским в 1926 г., обеспечил успех центральной теории гена. Он цитирует из работы А.С. Серебровского такое место:

“Вопрос о различной длине разных членов среди аллеломорфов, быть может, окажется доступным для опытной проверки

– и восклицает,

Это предсказание блестяще осуществилось уже в 1928 г.”

(С. 358), т.е. в работах по центральной теории гена.

Нетрудно доказать, что А.Е. Гайсинович пытается дезинформировать читателя в вопросе о методах анализа ступенчатого аллелизма. Для этого надо лишь продлить цитату из работы А.С. Серебровского, там написано:

“Вопрос о различной длине разных членов серии аллеломорфов, быть может, окажется доступным для опытной проверки при дальнейшем развитии метода, использованного в настоящем исследовании”

(С. 261).

Какой же метод был предложен А.С. Серебровским для анализа аллелей? Таким методом был кроссинговер. А.С. Серебровский полагал, что с помощью кроссинговера можно оценить, на сколько долей процента укорачивалась хромосома при выпадении из нее разных микрокусочков, ведущих к появлению разных аллелей. Оказалось, что метод этот совершенно не адекватен поставленной задаче.

Кроме неадекватности метода, сама идея, будто бы разные аллели – это выпадения участков разной длины, была неверной. Доказано, что, как правило, разные аллели – это не выпадения, а определенный не укорачивающийся и не удлиняющийся участок ДНК, занимающий один и тот же локус в хромосоме. Аллели – это разные локальные изменения внутри гена, сохраняющего свою длину. В случае точечных делеций и вставок дело касается отдельных нуклеотидов. Таким образом, и идея, и метод, предложенные А.С. Серебровским в работе 1926 г., не позволяли подойти к решению проблемы делимости гена.

Этот факт был признан самим А.С. Серебровским. В 1948 г. он подготовил рукопись книги “Генетический анализ”, которая под редакцией П.Ф. Рокицкого была напечатана¹² в 1970 г.

¹¹ Дубинин Н.П. Природа и строение гена // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 59–75.

¹² Серебровский А.С. Генетический анализ. М.: Наука. 1970.

В этой книге имеется глава “Анализ аллелизма” (с. 98–104), в которой нет никакого упоминания о разной длине аллелей, согласно гипотезе присутствия-отсутствия и о методе их измерения с помощью кроссинговера. Эта глава посвящена классическим методам установления аллелизма и ступенчатого аллелизма методами компаундов.

Метод компаундов, который был применен в 1928 г. в работе по центральной теории гена, ничего общего не имел с методами кроссинговера по работе А.С. Серебровского 1926 г. Анализ компаундов заложил основы метода комплементации, широко принятого в современной молекулярной генетике. То же касается установления мутантных областей в пределах гена. Была обоснована идея о возможности кроссинговера внутри гена, которая экспериментально проверялась. По А.С. Серебровскому (1926 г.), кроссинговер внутри аллелей невозможен, ибо они представляют собою потери участков хромосом. В 1948 г. А.С. Серебровский писал:

“На всем участке, захваченном нехваткой, перекрест осуществиться не может” (С. 164).

Все это показывает, что при рождении центральной теории в 1928 г. возникли принципиально иные идеи о сущности аллелизма и были применены принципиально новые методы анализа, в сравнении с тем, что имелось в работах А.С. Серебровского 1926 г.

А.Е. Гайсинович, Р.Б. Хесин пытаются внушить читателям мысль, что якобы в принципе ничего нового при обосновании центральной теории гена не было создано. Это есть сознательное искажение сущности одного из важнейших моментов в истории нашей науки, направленное на принижение того нового, что принесла разработка центральной теории гена как в идейном, так и в методологическом плане.

В этом же плане А.Е. Гайсинович делает критические замечания в адрес моих высказываний в книге “Вечное движение”¹³. Он пишет как о неправдоподобном, что

“сам А.С. Серебровский ни словом не обмолвился, по воспоминаниям Н.П. Дубинина, о своем предсказании, высказанном в 1926 г.”

(С. 359).

Однако мы видели, что сам А.С. Серебровский ни словом не обмолвился о связи работы 1926 г. со ступенчатым аллелизмом в работе 1948 г. В такой же мере А.С. Серебровский не обмолвился о навязываемой А.Е. Гайсиновичем связи и в своих работах по ступенчатому аллелизму. Перу А.С. Серебровского принадлежат две работы^{14,15} по центральной теории гена, написанные им в 1929 и 1930 гг. Они перепечатаны в книге “Классики советской генетики” в 1968 г. Легко убедиться, что ни в одной из них нет никаких указаний со стороны А.С. Серебровского, на связь центральной теории гена с его

¹³ Дубинин Н.П. Вечное движение. М.: Политиздат. 1973, 2-е изд. 1975.

¹⁴ А.С. Серебровский, Н.П. Дубинин. Искусственное получение мутаций и проблема гена, 1929. Перепечатано в книге “Классики советской генетики”. М.: Наука. 1968. С. 294–302.

¹⁵ Серебровский А.С. Исследование ступенчатого аллеломорфизма. 1930. Перепечатано в книге “Классики советской генетики”. М.: Наука. 1968. С. 303–312.

работой 1926 г. Эта работа не упоминается в тексте обеих статей, она не приводится в списках литературы.

Роль А.С. Серебровского как ученого, не разделявшего идеи Моргана о том, что ген – это неделимая единица как руководителя лаборатории, в которой его сотрудники и он сам создали центровую теорию гена, конечно очень велика.

Опираясь на работу, выполненную в его лаборатории, А.С. Серебровский в 1928 г. выступил в печати¹⁶ об ее основных результатах.

Роль А.С. Серебровского в создании центральной теории очевидна. Его статьи ясно показывают, что попытки связать эту теорию с его работами 1926 г. совершенно несостоятельны. Об этом же свидетельствуют его прямые высказывания и высказывания других участников этой работы.

И.И. Агол¹⁷, автор работы по *scute*, писал в 1929 г.:

“Остановимся только на одном чрезвычайно важном явлении, обнаружившемся в нашей работе.

Среди множества мутаций, полученных нами у подвергнутых воздействию рентгеновских лучей плодовых мушек (*Drosophila melanogaster*), Н.П. Дубининым были открыты два гена типа *scute*.

Целый ряд теоретических соображений и экспериментальных данных привел Н.П. Дубинина к намечению следующего порядка “ступенчатых” аллеломорфов типа *scute*: *yellow*, *scute*³, *scute*¹, *scute*².

Данные, открытые Н.П. Дубининым, на которых мы здесь не можем подробней останавливаться, вплотную подводят нас к одной из важнейших проблем генетики – к проблеме строения и природы гена”.

В статье 1932 г. И.И. Агол¹⁸ писал:

Перейдем к аллеломорфу *scute*¹³. Этот аллеломорф есть один из наиболее замечательных аллеломорфов изучаемой серии. Как известно, Н.П. Дубинину, рентгенозавшему аллеломорф *scute*¹, удалось получить новый ген *scute*¹³, который в плане базигена укладывался рядом со старым рентгенозованным геном *scute*, слева от него на расстоянии всего нескольких субгенов. Это было чрезвычайно эффективно, а может быть и самое важное доказательство делимости базигена *scute*”.

Сам А.С. Серебровский в статье 1929 г., написанной им совместно с Н.П. Дубининым, изложил положение дела. В этой статье¹⁹ он писал, что гипотеза Т.Х. Моргана состоит в признании неделимости гена, однако анализ первых же двух аллеломорфов гена *scute* – *scute*¹, найденный в США Пайном, и *scute*², открытый Н.П. Дубининым, дал факты, не согласующиеся с гипотезой Т.Х. Моргана. После открытия Н.П. Дубининым аллеля *scute*³ и анализа компаундов было сформулировано: “Весьма ответственное воззрение, утверждающее делимость гена” (с. 298). Данные по этим же трем аллелям позволили построить линейный план гена, состоящего из центров (Дубинин, 1929). Таким образом, сам А.С. Серебровский засвидетельствовал, что основы центральной теории гена были заложены при анализе *scute*¹, *scute*² и *scute*³,

¹⁶ *Серебровский А.С.* Проблема гена // “Под знаменем марксизма”. 1928. № 9–10. С. 215–228.

¹⁷ *Агол И.И.* Журнал “Экспериментальная биология”. 1929. Сер. А. Т. V, вып. 2. С. 86, 87.

¹⁸ *Агол И.И.* Биологический журнал. 1932. Т. I, В. 3–4.

¹⁹ *Серебровский А.С., Дубинин Н.П.* Искусственное получение мутаций и проблема гена. 1929. Перепечатано в книге “Классики советской генетики”. М.: Наука. 1968. С. 294–302.

результаты которого были опубликованы Н.П. Дубининым в трех экспериментальных статьях 1929 г.

В 1948 г. в книге “Генетический анализ” А.С. Серебровский писал (С. 102): “Частичный, или ступенчатый, аллелизм (Дубинин, 1929, 1930, 1931; Серебровский, Дубинин и др., 1929) устанавливается по признакам, совмещающим признаки сериального аллелизма и абсолютного сцепления”. В этом отрывке из работы А.С. Серебровского с предельной ясностью установлен генезис центральной теории гена.

После работы с мутациями *scute*² и *scute*³ дополнительное получение аллелей *scute* и *achaete* сыграло роль доказательств и развития центральной теории гена. Это касалось аллелей – *scute*⁴ – И.И. Агол, *scute*⁵ – А.Е. Гайсинович, *scute*⁶ – А.С. Серебровский, *scute*⁷ – Н.П. Дубинин, *scute*⁸ – Б.Н. Сидоров, *scute*⁹ – С.Г. Левит, *scute*¹⁰ – Н.П. Дубинин. После опубликования этой статьи были найдены и изучены – *scute*¹² – Н.И. Шапиро; *scute*¹¹, *scute*¹³, *scute*¹⁴, *scute*¹⁵ – Н.П. Дубинин.

После свидетельств, данных самим А.С. Серебровским, можно подвести некоторые итоги.

А.Е. Гайсинович, заявив в 1977 г., что учение о центровом строении гена якобы было опровергнуто зарубежными критиками, попытался зачеркнуть один из выдающихся приоритетов советской науки. С таким же успехом можно зачеркнуть приоритет Н.К. Кольцова о матричной ауторепродукции хромосом, заявив, что эта гипотеза опровергнута, ибо Н.К. Кольцов говорил об ауторепродукции белка, а на самом деле генетическая информация свойственна молекулам ДНК.

Конфуз, в который попал журнал “Генетика”, напечатав статью А.Е. Гайсиновича, можно было бы избежать при коллегиальности в работе редакции. Однако Д.К. Беляев и С.И. Алиханян – фактические редакторы журнала, скрыли от меня – члена редколлегии журнала, прохождение этой статьи, которое длилось с 18 июня 1976 г. по февраль 1977 г. Не могу не отметить разночтений во взглядах С.И. Алиханяна. В 1977 г. С.И. Алиханян пускает в печать статью, “разоблачающую” положение о приоритете советских исследователей в проблеме делимости гена, не показав ее всем членам редакции. Вместе с тем, в том же журнале в 1965 г. С.И. Алиханян писал²⁰:

“Исторически исследование элементарной структуры гена началось давно, 35 лет тому назад, на основании исследований ступенчатого аллелизма гена *achaete-scute* у *Drosophila melanogaster*.

Первые радиационные мутации *achaete-scute* были открыты Н.П. Дубининым. Анализ этих аллелей (*scute*¹, *scute*², *scute*³) привел к центральной теории гена, которая была развита Н.П. Дубининым в 1928 г. на съезде по генетике и селекции в Ленинграде. Затем целый ряд мутаций *achaete-scute* был открыт в лаборатории А.С. Серебровского (самим А.С. Серебровским (*scute*⁶), И.И. Аголом (*scute*⁴)...).

Была построена своеобразная карта в виде плана гена (Н.П. Дубинин, 1931, 1932, 1933 гг.), которая во многом напоминает нынешние карты генов. В этом плане части гена – центры оказались расположенными в линейном порядке. Мутации касались отдельных групп центров, расположенных рядом. Внутренний план гена был построен путем раскрытия закономерностей мутаций внутри гена.

²⁰ Алиханян С.И. Успехи и перспективы генетики микроорганизмов // Генетика. 1965. I. С. 67–77.

Трудно найти что-либо новое в современной концепции тонкой генетической структуры гена, что-либо принципиально отличное от того, что было 35 лет назад сформулировано в центральной теории гена” (С. 70).

Трудно лучше охарактеризовать приоритет советской науки в проблеме делимости гена, чем это сделал С.И. Алиханян. Почему же он, как редактор в 1977 г. выступает с другой ипостаси? Почему А.Е. Гайсинович, сделав менторское замечание в адрес В.Л. Рыжкова за его мнение о роли центральной теории, ни словом не обмолвился о куда более категоричной положительной оценке, данной С.И. Алиханяном? Нашел же А.Е. Гайсинович резкие слова в адрес В.Н. Сойфера, который также правильно, но в гораздо более умеренных выражениях оценил значение центральной теории гена.

В статье Д.К. Беляева и П.Ф. Рокицкого²¹ в отношении центральной теории повторяется версия Р.Б. Хесина и А.Е. Гайсиновича. Они пишут:

“Серебровский теоретически подошел к идее дробности гена. В дальнейшем появилась возможность и экспериментально проверить эту идею ... Сразу после открытия Меллера Серебровский приступил к его проверке” (С. 133).

В этом описании собственно все неверно. При постановке опытов по получению мутаций рентгеновскими лучами А.С. Серебровский никаких задач проверке гипотезы делимости гена не ставил. В этом легко убедиться, прочитав в книге “Классики советской генетики” статьи Серебровского, Дубинина и др. (1928) на эту тему. Разработка центральной теории гена возникла только после того, как Дубинин обнаружил появление мутаций *scute*² и *scute*³. Это было совсем не решение поставленной задачи, а обычное в исследовательской работе, случайное обнаружение особой категории мутирования и особенностей проявления аллелей в компаундах.

Анализ этих явлений в основном проходил не в подтверждение идеи теории присутствия. Вскоре он привел к отрицанию этой теории.

Характерная черта статьи Д.К. Беляева и П.Ф. Рокицкого – это лакировка прошлого. Под давлением фактов сам А.С. Серебровский фактически отказался от теории присутствия-отсутствия. Беляев и Рокицкий пишут:

“Он интерпретировал явления с геном *scute* в терминах присутствия-отсутствия”.

Это было лишь в самом начале работы по центральной теории гена. Однако в основных работах 1929 г. А.С. Серебровский уже не рассматривает мутации *scute* как выпадения. Он участвовал в работе по созданию плана внутреннего строения сложного гена. В книге 1948 г. также нет упоминаний о связи мутаций с выпадениями участков хромосом.

Уже давно установлена архаичность, фактическая и методологическая ошибочность теории Бэтсона, которую в свое время защищал А.С. Серебровский. Увлекаясь, он доходил до крайности, заявляя, например, что вся эволюция – это якобы есть количественное рассеивание исходно богатого генетического материала.

²¹ Беляев Д.К., Рокицкий П.Ф. О некоторых методологических проблемах в развитии советской генетики // Вопросы философии. 1977. 2.

Борьбой за теорию присутствия-отсутствия А.С. Серебровский внес в развитие нашей генетики одно из противоречий, имевших некоторые положительные и в основном отрицательные стороны. Вместо критического анализа этого исторического эпизода и четкой методологической оценки теории присутствия-отсутствия, как типично механистического и научно ошибочного принципа, Беляев и Рокицкий пишут, что эти

“взгляды Серебровского называли механистическими, а иногда даже идеалистическими и антидиалектическими, метафизическими” (с. 134).

К сожалению, это было именно так, защита теории присутствия-отсутствия со стороны А.С. Серебровского была его большой научной и методологической ошибкой. Это не умаляет роли А.С. Серебровского в целом, как критика ошибки Моргана в проблеме гена, не умаляет его роли как автора теории хромосомной наследственности.

Произвол в обращении с историческими документами со стороны Беляева и Рокицкого достигает апогея, когда они в отношении эффекта положения пишут: “Этот эффект был открыт в 1934–1935 гг. Б.Н. Сидоровым и Н.П. Дубининым”. Нет ни одной работы Сидорова и Дубинина, все работы по этому поводу напечатаны Дубининым и Сидоровым.

Явление, открытое Дубининым и Сидоровым, получило за рубежом название “эффект Дубинина”. Р. Гольдшмидт писал:

“Наиболее обсуждаемый случай эффекта положения представляет собой “эффект Дубинина” (Дубинин и Сидоров, 1934; Дубинин, 1936)”²².

Тенденциозность проходит по всем разделам статьи Беляева и Рокицкого. В главе “Ранние этапы развития советской генетики” преуменьшается роль Г.А. Левитского, чья книга “Материальные основы наследственности” имела мировоззренческое значение для генетиков того времени. В главе “Методологические подходы ведущих генетиков” не упоминаются методологические работы из отдела генетики Института экспериментальной биологии, которые, начиная с 1929 г., были заметным явлением в истории этого вопроса. Развитие связи между генетикой и селекцией выпало из методологического кругозора авторов. В главе “Материальные основы наследственности” нет указаний на работы по целенаправленному экспериментальному изменению кариотипа дрозофилы, которые исключительно высоко оценил Н.К. Кольцов, и т.д.

В предисловии от редакции к статье Беляева и Рокицкого написано, что журнал в связи с XIV Международным конгрессом по генетике в Москве, напечатает ряд статей, что

“обращаясь к истории советской генетики, редакция стремится дать объективное освещение событий и имен, получивших в литературе противоречивые, а порой неверные оценки. Актуальность исследований в этой области объясняется еще и тем, что в западной литературе многие достижения советской генетики до сих пор не известны, а то и намеренно замалчиваются, а ее история излагается односторонне и тенденциозно”²³.

²² Goldsmitd R. Theoretical Genetics, Univ. California press. Berkeley, Los Angeles. 1955. P. 136.

²³ Журнал “Вопросы философии”. 1977. № 2. С. 124.

Статья Беляева и Рокицкого, по-видимому, призвана исправить все эти недостатки. Увы, хотя эта статья и содержит полезную, правда, общеизвестную информацию, по ряду вопросов указанные недостатки свойственны ей в высшей степени. По ряду важнейших вопросов она дезинформирует читателя, вносит сумятицу в головы молодежи.

Можно представить, какой резонанс эта возня с именами, с замалчиванием одних и выпячиванием других, с критикой центральной теории гена вызовет у зарубежных ученых. В этом случае пересматриваются положения, вошедшие в учебники. Принцип делимости гена связывается с именами Серебровского и Дубинина или только с именем Дубинина. Так в книге болгарских ученых А. Хаджиолова и др., вышедшей в 1976 г., читаем:

“Исследования с *Drosophila melanogaster* показали возможность того, что ген не неделим (Н.П. Дубинин) и наметили пути для анализа его структуры”²⁴.

П.Ф. Рокицкий в 1970 г., занимая другую позицию, писал:

“После открытия ступенчатого аллеломорфизма Н.П. Дубининым и А.С. Серебровским в 1929–1930 гг., проблема структуры гена прошла сложную и длинную историю. В настоящее время сложная структура гена считается установленным фактом”²⁵.

В мировой литературе принят термин “эффект Дубинина”. Беляев и Рокицкий, не имея никаких оснований, выдвигают Б.Н. Сидорова как главного автора “эффекта Дубинина”.

Что будет достигнуто такими приемами? Только конфуз для их авторов и урон престижу нашей науки.

В статье нет упоминаний имен С.И. Жегалова – первого профессора генетики в Тимирязевке, С.Н. Давиденкова, создавшего ряд важнейших методологических разработок в генетике человека, А.А. Сапегина – крупнейшего генетика и селекционера, выступавшего и по методологическим вопросам генетики, Н.В. Цицина – зачинателя проблемы отдаленной гибридизации у пшениц, и ряда других выдающихся ученых. Значение Н.И. Вавилова в истории нашей генетики явно преуменьшено. Авторы полностью уклонились от вопроса о роли дискуссии в генетике, что выхолащивает вопрос о методологических подходах советских генетиков. Глава “Методологические подходы ведущих советских генетиков” сведена всего лишь к тому, что они признавали материализм. Вопросы диалектики всего лишь элементарно упоминаются.

Вопросы истории и методологии генетики требуют изучения. Этот труд может выполнить творческий коллектив, составленный из биологов и философов. Его основой должен быть документально обоснованный анализ хода развития советской науки.

²⁴ Хаджиолов А., Венков П., Карагьозов Л. Структура и функция на генетите. София. 1976. С. 10.

²⁵ Рокицкий П.Ф. Примечание на с. 103, в книге А.С. Серебровского “Генетический анализ”. М.: “Наука”, 1970.

ЗАДАЧИ ДЛЯ XXI ВЕКА¹

Наша страна вступила на путь революционной перестройки экономики, науки, всей социальной жизни. Во многом перестройке подлежат и исследования по генетике. В настоящее время генетика заняла центральное место среди естественных наук в решении как фундаментальных проблем естествознания – познания сущности жизни и ее эволюции на Земле, так и крупных практических вопросов, связанных с обеспечением благосостояния и здоровья человечества. Целью генетики является управление наследственностью и изменчивостью организмов. Генетика обосновала фундаментальное положение о том, что жизнь существует в виде систем, базирующихся на взаимодействии нуклеиновых кислот (ДНК, РНК), белков и более простых соединений. Она исследует механизмы, обеспечивающие воспроизведение живого, сохранение типологических и индивидуальных особенностей и появление наследуемых отклонений. Объектом генетических исследований является вся живая природа: вирусы, бактерии и цианобактерии (прокариоты), растения и животные (эукариоты), в том числе и человек.

Генетика оказала глубокое влияние на всю современную биологию. Учение о гене лежит в основе молекулярной биологии. Понимание общих принципов реализации генетических программ преобразило научные представления о механизмах, лежащих в основе индивидуального развития организмов. Экологическая генетика наполнила новым содержанием учение о приспособленности организмов. Развитие популяционной генетики оказало плодотворное влияние на теорию селекции и теорию эволюции.

Исследования по мутагенезу и генетической рекомбинации оказались эффективными для разработки методов управления наследственностью животных, растений и прокариот, для понимания молекулярной организации функционирования генов, механизмов канцерогенеза. Они привели к обнаружению мигрирующих генетических элементов. Интенсивно развиваются исследования по генетике человека, которые имеют исключительное значение для понимания роли биологической компоненты в определении уникальности каждого человека как индивидуума; генетическая программа людей определяет их наследственное здоровье, предрасположенность к заболеваниям, в том числе к сердечно-сосудистым, превращение протоонкогенов в онкогены, что приводит к появлению рака. Большие перспективы открываются перед новыми направлениями исследований – генетикой мозга и генетикой поведения. Генетика оценивает роль биологического фактора в демографических процессах, идущих в популяциях человека, создает основу для решения социальных вопросов, определяемых биологией человека, таких, как заболевания, связанные с недостатками в индивидуальном или групповом иммунитете, появление людей с физическими дефектами, с отрицательным социальным поведением, вызванным отклонениями в нормальной деятельности мозга.

¹ Дубинин Н.П. История и трагедия советской генетики. М.: Наука. 1992. С. 333–375.

Увеличение продуктивности земледелия во многом зависит от создания высокоурожайных сортов растений, устойчивых к засухе, болезням и вредителям, отзывчивых к интенсивной технологии, высокопродуктивных пород животных и штаммов микроорганизмов. Решающее значение для успешного выполнения этих задач имеют генетические методы селекции и их объединение с методами новой биотехнологии, само появление которой во многом обязано развитию генетики. Общая генетика дает подходы к сохранению и упрочению генофондов культурных растений, домашних животных, а также диких видов; к процессам акклиматизации и интродукции диких форм.

В поле зрения генетики находятся и отрицательные явления, сопутствующие развитию научно-технического прогресса, например загрязнение окружающей среды мутагенными факторами. Данные радиационной и экологической генетики позволяют оценить влияние загрязнения среды химическими мутагенами, а также локального или глобального повышения уровня радиационного фона на наследственную программу человека и всех биологических видов, населяющих Землю, показывают катастрофические биологические последствия, к которым приведет развязывание ядерной войны. Решение ООН о запрещении ядерных взрывов в атмосфере было основано на аргументах радиационной генетики. Под влиянием мутагенов среды идет рост генетического груза, понижается наследственное здоровье людей. Возникает угроза для генофонда человечества. Все это ставит в качестве одной из центральных задач текущего времени обеспечение генетической безопасности человека.

Материалы генетики подтвердили и развили принципы диалектического материализма в его учении о жизни. Научные данные генетики развенчивают антимарксистские представления, связанные с социал-дарвинизмом, расизмом и евгеникой, входят важным компонентом в современную научную картину мира. Исследуя происхождение человека, механизмы эволюции, они имеют активную атеистическую направленность. Раскрытие материальных основ жизни позволило обсуждать на новом методологическом уровне такой кардинальный вопрос естествознания и диалектического материализма, как происхождение жизни. В отрыве от генетики невозможно развитие на современном этапе любой биологической дисциплины, особенно биохимии, физиологии, ботаники, зоологии, эволюционного учения, а также селекции, биотехнологии, медицины, биологии человека.

Входя составной частью в современную селекцию, биотехнологию, медицину, разрабатывая генетику человека, общая и молекулярная генетика вносят весомый вклад в экономику страны. В ближайшем будущем экономическое значение исследований по генетике будет все больше возрастать.

В современной генетике как в синтетической науке используются достижения различных наук. В последнее время большое значение приобретают физико-химические методы. Но по своему содержанию и в методологическом плане генетика отличается от физико-химической биологии, которая анализирует на молекулярном уровне процессы, протекающие в живом организме и сами по себе являющиеся по сравнению с жизнью низшей формой движения материи. Генетика исследует явление жизни на всех ее уровнях, изучает основные биологические процессы и основы организации живой ма-

терии, которые формируются под действием генетической программы клетки и организма. Вне этой программы нет жизни, индивидуального развития и эволюции.

Для решения больших задач, стоящих перед генетикой, необходимо перестроить организацию исследований и форму внедрения научных достижений в практику.

В первую очередь следует изменить подготовку кадров генетиков. В настоящее время ведущие академические учреждения испытывают недостаток действительно квалифицированных кадров генетиков. В большинстве отраслевых генетических, селекционных, медицинских учреждений и во многих вузах таких кадров еще меньше или они вообще отсутствуют. Поэтому исследовательская работа в них часто ведется кустарно, без знания и учета современных достижений и методов генетики.

Подобное положение сложилось в результате следующих причин. После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. преподавание биологии в вузах страны было извращено, а преподавание генетики, признанной лженаукой, до 1964 г. вообще не велось. Биологи, селекционеры и медики, получившие образование в вузах страны в период с 1948 по 1964 г., знаний по генетике и понимания того, что генетика служит фундаментом всего биологического образования, не имеют, однако до сих пор определяют политику подготовки специалистов в области биологии, сельского хозяйства и медицины.

Хотя во второй половине 60-х годов преподавание генетики в школах и вузах возобновилось, проблема кадров генетиков остается нерешенной по сей день. Из более 60 университетов страны только в 14 имеются кафедры генетики, причем зачастую они соединены с ботаникой, дарвинизмом и т.д. Специализация по генетике ведется в немногих университетах (Московском, Ленинградском, Новосибирском и нескольких других). В Ростовском и Минском университетах ликвидирована специальность "Генетика". В Горьковском и Ворошиловградском университетах кафедры генетики были переориентированы на другие специальности. В подавляющем большинстве университетов специальность "Генетика" не вводится. В сельскохозяйственных и медицинских вузах генетика преподается на еще более низком уровне или не преподается вообще. Объем курса генетики в сельскохозяйственных вузах снизился, экзамены отменены. Во многих вузах генетику преподают лица, не имеющие специального генетического образования или послеузовской подготовки.

Программы по генетике Минвуза СССР и других ведомств сильно устарели, на изучение генетики выделяется недостаточное количество часов, студенты в большинстве университетов не изучают важные разделы современной генетики (организацию и структуру генома, геновую инженерию, биотехнологию, популяционную генетику и т.д.), лекции не подкреплены соответствующими практикумами. Студенты не получают необходимых навыков работы с компьютерной техникой. Издается очень мало генетических и селекционных учебных пособий. Недостаточно популяризируются достижения генетики, чем, вероятно, можно объяснить низкий приток на кафедры генетики талантливой молодежи.

В развитых капиталистических странах подготовке кадров генетики уделяется большое внимание: увеличивается количество учебных часов, вне-

дряются интенсивные методы обучения, в том числе основанные на использовании ЭВМ, телевидения и других технических средств. Университеты являются центрами большой науки, поэтому студенты обучаются при наличии передовой материально-технической базы. Преподаватели имеют наивысший статус. Большинство генетиков – лауреатов Нобелевской премии – работают в университетах. Генетика является основой курса общей биологии в средней школе.

В ближайшие и более отдаленные годы нашей стране потребуется все возрастающее количество специалистов-генетиков. Развитие многих новых отраслей генетики и селекции, внедрение достижений генетики в народное хозяйство, медицину, микробиологическую промышленность, педагогику станут возможными только при наличии большого числа хорошо подготовленных специалистов-генетиков. Потребуется большое количество молодых генетиков для смены старого корпуса преподавателей генетиков и селекции в вузах и техникумах страны, для многочисленных генетико-селекционных учреждений (селекционных центров, промышленных предприятий биотехнологии, микробиологии, рыбоводства и других отраслей народного хозяйства). Для многочисленных медико-генетических учреждений и лабораторий страны требуется армия врачей, хорошо знающих генетику человека и медицинскую генетику. Для удовлетворения этих потребностей необходима коренная перестройка в системе подготовки генетических кадров.

Важно осуществить компьютеризацию исследований и преподавания. За рубежом (в США, во Франции и Германии, Японии и др.) внедрение компьютерных методов происходит очень быстро и эффективно. Академические центры, различные фонды и государственные службы ассигнуют крупные суммы на разработку банков данных, создание исследовательских и учебных центров, национальных компьютерных сетей и т.д. Огромные средства вкладываются в проекты полного секвенирования геномов различных биологических объектов и обработки получаемых результатов.

В СССР компьютеризация генетики происходит в рамках создания Всесоюзного банка структур биополимеров (научно-техническая программа ГЕНИНФОРМ) развитие компьютерных методов теоретических исследований осуществляется в Институте цитологии и генетики СО АН СССР (Новосибирск) и в других институтах. Масштабы этих работ требуют ускорения путем увеличения финансирования и создания нужных организационных форм.

В ближайшие 15 лет необходимо выполнить следующие программно-технические разработки: развивать и пополнять банки генетического, селекционного и других профилей; накапливать комплексную информацию по объектам чрезвычайной научной важности (человек, *E. coli*, дрозофила, дрожжи и др.); создать компьютерный сервис, резко увеличивающий производительность научного труда, включая автоматизированные рабочие места для углубленного использования компьютерных методов в обработке данных самим экспериментаторам; разработать комплексы и пакеты исследовательских программ теоретической работы по разным направлениям генетики, доступные исследователям-теоретикам; составить крупные всесоюзные научно-технические программы по основным направлениям работы; организовать в ведущих генетических институтах информационно-вычисли-

тельные комплексы, центры обработки информации, теоретические группы и лаборатории; оснастить все генетические институты и лаборатории вычислительной техникой и компьютерными центрами; создать комплексы программ автоматизированных систем по генетике и теории селекции для обучения студентов. Для освоения новой техники расчетов необходим новый учебник (или учебное пособие) “Биометрия и компьютеризация”. Следует также расширить подготовку специалистов-теоретиков в университетах страны и имеющуюся материальную базу исследований по генетике, принять меры по оснащению исследовательских учреждений приборами и реактивами.

Необходимо пристальное внимание обратить на преподавание основ генетики в средней школе, ибо генетика, как философия современной биологии, – основа всего биологического образования, без которого немислимо воспитание грамотных и разносторонне образованных людей, тем более, что генетико-экологические проблемы выходят на первое место во всех регионах и странах. В этом плане совершенно недопустимы действия Государственного комитета СССР по народному образованию, который в 1989 г. волевым порядком упразднил биологию в школе², заменив ее конгломератом различных наук под многообещающим, но малореальным наименованием “Естествознание”. Абсурдность такого деяния, о чем мы неоднократно писали³, перекликается с той трагедией, которая произошла в нашей генетике и биологии в 30–40-е гг. Повторения ее нельзя допустить.

Принципиальным вопросом перестройки является координация исследований и концентрация сил ученых по главным направлениям науки и практики. На протяжении последних двух десятилетий исследования по общей генетике проводились в основном экстенсивно, в отсутствие реальной государственной координации; институты работают по собственным, во многом субъективным программам. На начальном этапе, когда создавались Институт цитологии и генетики (1957 г.) и Институт общей генетики (1966 г.) была оправдана организация исследований по широким программам, охватывающим все направления генетики. В настоящее время, когда исследования проводятся в ряде научных центров и выросло новое поколение кадров, обстановка изменилась таким образом, что научная деятельность институтов, стремящихся охватить всю генетику, вряд ли оправдана. Это приводит к мелкотемью, дублированию работ, следованию зарубежным авторам. Это не позволяет институтам сосредоточить материальные фонды и кадры на главных направлениях науки.

Необходима перестройка системы исследований, направленная на увеличение их эффективности. Это можно осуществить, если вместо генетических институтов, охватывающих все направления, будут работать профилированные научные коллективы (в ранге институтов или лабораторий при Отделении общей биологии АН СССР) по одному, двум или нескольким на-

² Приказ № 751 от 22.09.89 г. Об утверждении государственного базисного учебного плана средней общеобразовательной школы // Биология в шк. 1990. № 1. С. 51–56.

³ Дубинин Н.П., Мягков Н.А. Какой мы видим школьную биологию // Нар. образование. 1989. № 5. С. 59–64.; Дубинин Н.П., Мягков Н.А. Общая биология: какой ей быть // Там же. 1989. № 11. С. 31–37.

правлениям генетики. Это позволит более эффективно использовать материальные и финансовые средства, создавать более мощные (в том числе временные) группы для решения актуальных вопросов, приглашать ведущих иностранных специалистов. Для повышения эффективности научных исследований по генетике полезно расширение прямых контактов между советскими и иностранными учеными путем участия как в совместных научных разработках, так и на международных съездах и конференциях; значительное увеличение числа совместных разработок, строгое выполнение общегосударственных организационных и финансовых мероприятий, направленных на увеличение производительности труда и на внедрение достижений генетики в народное хозяйство и медицину.

Сконцентрировать силы генетиков страны на новых направлениях науки и практики невозможно без создания тематических программ исследований и осуществления по каждой из них общегосударственной координации. Для этого по каждому направлению надо утвердить рабочую группу во главе с координатором, которая должна выработать тематическую программу на 10–15 лет. Только при наличии реального контроля за выполнением общегосударственных программ по генетике, осуществляемого отечественными учеными – координаторами направлений и экспертными советами, можно надеяться на перевод исследований по генетике на интенсивный путь.

Общая генетика включает проблему гена, мутагенез, феногенетику и др. Организация жизни следует иерархии систем, основными из них являются молекулярная, клеточная, тканевоорганная, организменная, популяционная, видовая и биосферная. Молекулярные структуры, определяющие наследственность, исследуются молекулярной генетикой, все остальные уровни жизни – общей генетикой. Н.И. Вавилов писал, что биологические явления, связанные с видообразованием, слишком сложны, чтобы свести их к простым физико-химическим процессам.

Молекулярная генетика отнюдь не идет на смену общей генетике. Она имеет свой предмет для исследования. Для науки и практики нужна генетика в целом.

Опираясь на теорию гена, разработанную общей генетикой, молекулярная генетика обосновала фундаментальное положение о том, что жизнь существует в виде систем, базирующихся на взаимодействии нуклеиновых кислот (ДНК, РНК), белков и более простых соединений. Молекулярная генетика дала начало путям формообразования организмов методом генетической инженерии. В целом в отрыве от генетики, как общей, так и молекулярной, невозможно развитие на современном уровне практики селекции, биотехнологии, ряда разделов медицины, биологии человека и всей биологии в целом.

Несмотря на определенные успехи во внедрении в практику достижений от фундаментальных разработок, следует признать, что советская генетика в ряде крупных вопросов все еще уступает тому положению, которое эта наука занимает в ведущих капиталистических странах (США, Великобритания, Япония, ФРГ и др.).

В чем причина такого положения?

В 1950–60 гг. в развитии мировой генетики произошел качественный скачок. Было установлено, что материальной основой гена являются нукле-

иновые кислоты – ДНК и РНК. Началась эпоха молекулярной биологии и молекулярной генетики.

В 1970-х гг. с открытием первой рекомбинантной молекулы ДНК был введен термин “биотехнология”. Весь фронт генетических исследований получил интенсивное, ускоренное развитие. Это было связано с тем, что крупные отрасли сельского хозяйства и медицины стали полем практического приложения результатов фундаментальных исследований по генетике. Такое положение послужило основой разработки новых методов исследований, оснащения лабораторий новыми приборами, чистыми реактивами, создавались банки клонов бактерий, клеточных линий, питомники линейных лабораторных животных, коллекции линий сельскохозяйственных растений и животных. Ученые соединяли методы общей генетики с физико-химическими. Генетика стала развиваться при наличии достаточного количества высоко квалифицированных кадров, резкого обогащения приборами и реактивами, на основе большой сети лабораторий, институтов, кафедр, селекционеров, исследований по медицинской генетике, по генетике человека.

В нашей стране современные условия и нужные кадры в достаточном количестве получили лишь несколько исследовательских центров. Это пока не коснулось всего фронта генетики и селекции. Имеются трудности внедрения генетических принципов, освоения ее методов в селекции, медицине.

Задачи, которые в этом отношении предстоит решить, представлены в прогнозе “Проблемы общей генетики”, разработанном комиссией по решению президиума АН СССР под моим председательством. В этом прогнозе предложено десять основных направлений, на которых надо сосредоточить внимание исследователей до 2000 г. Такими направлениями являются: 1 – мутагенез и рекомбиногенез; 2 – строение и функции генома; 3 – генетика онтогенеза; 4 – генетика человека; 5 – генетика растений; 6 – генетика животных; 7 – генетика микроорганизмов; 8 – радиационный мутагенез (глобальные проблемы); 9 – генетика адаптаций; 10 – генетика популяций. Основы этой программы изложены в редакционной статье журнала “Генетика”, в номере, посвященном 70- летию Великой Октябрьской Социалистической революции”

1. Мутагенез и рекомбиногенез⁴. Будут исследованы молекулярные и цитогенетические механизмы мутагенеза: механизм образования мутаций, индуцируемых алкилирующими агентами, другими химическими мутагенами, общие принципы мутагенного действия ультрафиолетовых и ионизирующих излучений; космические факторы мутаций; будет разрабатываться теория образования генных мутаций и структурных перестроек хромосом, изучаться роль репарации ДНК в клетке после повреждающего действия ионизирующей радиации, ультрафиолетовых лучей, химических мутагенов и канцерогенов, а также спонтанно возникающих повреждений. Решение проблем исправления молекулярных дефектов репарации ДНК и управления процессами репарации ДНК в клетке, в культуре и в организме в практическом отношении крайне важно для успешной профилактики и, возможно, более эффективной терапии лучевой болезни и последствий действия ради-

⁴ 70-летие Великой Октябрьской Социалистической революции // Генетика. 1987. Т. 23, № 10. С. 1717–1733.

ации (усиление репарации ДНК), для более действенной лучевой и химиотерапии рака (подавление репарации), для преодоления вредного действия мутагенных факторов внешней среды (антимутагенез), для успешной диагностики и лечения редких наследственных заболеваний с дефектами репарации ДНК (возможная “генная” терапия), для тестирования ДНК-повреждающих факторов внешней среды (“репарационные” тест-системы). Необходимо также проведение исследований по следующим разделам: природа реparable повреждений ДНК; энзимология репараций ДНК; клонирование и секвенирование репарационных генов и белков у микроорганизмов и млекопитающих; молекулярные механизмы репарации ДНК в клетках млекопитающих; выделение чувствительных к мутагенам линий млекопитающих; исследование роли репарации клетки в целом; коррекция дефектов репарации ДНК в клетках млекопитающих методами биотехнологии; регуляция индуцибельного SOS-ответа и адаптивного ответа в клетках микроорганизмов, растений и млекопитающих; регуляция конститутивной репарации ДНК в клетках млекопитающих; репарационный мутагенез и антимутагенез; репарация ДНК при наследственных болезнях и старении (болезни репарации).

Актуальны исследования по объему выхода мутаций на единицу дозы при влиянии малых доз мутагенов сравнительно с действием острых доз; выяснение закономерностей хода кривых доза-эффект при радиациях и химических воздействиях; выяснение факторов, модифицирующих мутагенез; потенциального, промутагенного характера первичных изменений ДНК, многоступенчатого характера превращения потенциальных изменений в мутации, проходящего при участии ферментативных систем; возможные экспериментальные вмешательства в ход мутационного процесса с целью ослабления или усиления его эффективности. Важны исследования по мутагенным эффектам, возникающим под влиянием мобильных генетических элементов, по проблеме нестабильности аллелей. Необходимо выяснить молекулярные механизмы мутагенеза в клетках растений в культуре ткани, ферментные системы, участвующие в этих процессах, формы метаболического контроля над процессами осуществления мутаций. Для этого нужны адекватные модели, в частности для изучения скорости образования мутаций у растений, размножаемых вегетативно или верхушечными меристемами, для получения мутантных растений из отдельных мутантных клеток. Необходимы исследования соматоклональной изменчивости.

2. Структура и функции генома. За рубежом выделена и изучена структура ряда важных генов человека, мутации в которых вызывают некоторые наследственные болезни; генов, определяющих некоторые критические периоды развития позвоночных, устойчивости к тепловому шоку и тяжелым металлам; генов суточного режима у насекомых; онкогенов, генов полипептидных гормонов; генов, контролирующих развитие нервной ткани.

У нас в стране необходимо провести анализ стадио- и тканеспецифической экспрессии генов в ходе индивидуального развития и выяснить механизм регуляции специфической экспрессии генов в онтогенезе высших организмов; сосредоточить внимание на изучении различных элементов генома; структурных генов и их регуляторных участков, центромерных и теломерных районов хромосом, ультраструктурной организации хромосом, соотно-

шения ДНК и структурных белков, синаптомембранных комплексов белков; установить генетические, молекулярные, ультраструктурные основы мейоза; исследовать геном простейших; разработать методы широкого использования ЭВМ в исследовании хромосом; создать клонотеки генов модельных и хозяйственно ценных видов растений и животных, коллекции молекулярно-генетических маркеров и генетические карты хромосом ряда организмов; исследовать функциональное значение в экспрессии генов мобильных элементов хромосом, интегративных плазмид, фагов и вирусов, проблему непостоянства генома.

Необходимо разработать эффективные методы преобразования генома путем мутагенеза и переноса функционально активного генетического материала между различными видами растений, животных и микроорганизмов, сконцентрировать усилия на создании интегративных и автономно реплицирующихся векторов и искусственных хромосом; развернуть исследования генетического контроля процессов репродукции клеток как в ряду клеточных поколений, так и поколений организмов (митоза и мейоза), исследовать механизмы генетической рекомбинации, мутагенеза и репарации.

Особое значение будет иметь секвенирование генома человека, картирование, определение первичной структуры, молекулярная дактилоскопия.

Потребуется расширить и интенсифицировать исследования молекулярной структурной организации генома хозяйственно ценных видов растений, животных и микроорганизмов, молекулярно-генетических основ функционирования нервной системы. Необходимо в короткие сроки осуществить идентификацию и выделение генов растений и животных и регуляторных последовательностей ДНК; разработать методы генетической трансформации растений и животных с целью разработки теории и методов создания организмов с заданными свойствами.

3. Генетика и индивидуальное развитие. Генетика индивидуального развития исследует факторы, определяющие все стадии нормального развития и роста организмов; гаметогенеза, эмбриогенеза, постнатального развития, а также его отклонения, включая предрасположенность к заболеваниям, тератогенез и онкогенез. При наличии успехов в этих областях наука все еще не знает законов целостности в индивидуальном развитии организмов.

Центральной проблемой современной генетики индивидуального развития является природа клеточной дифференцировки, идущей под контролем генной информации. Хотя генетика адаптационного процесса, иммуногенетика и генетика поведения выделились в самостоятельные дисциплины, их также следует отнести к генетике индивидуального развития, так как они связаны с формированием адаптивных фенотипов дифференцирующихся клеток. Действие внутренних и внешних факторов, регулирующих функции генов в процессе дифференцировки, осуществляются на протяжении всего жизненного цикла животных и человека. В эукариотических организмах регуляторные механизмы связаны с молекулярной организацией самого генома, с внутриклеточными регуляторными факторами, с внеклеточными воздействиями со стороны других клеток, экстрацеллюлярных матриксов и другими экзогенными воздействиями.

Для установления внеклеточной системы регуляции важно изучить структуры, физико-химические свойства, места синтеза, время появления в он-

тогенезе и характер распространения в развивающемся и взрослом организме программирующих клеточную дифференцировку белковых факторов.

По проблемам иммуногенетики необходимо изучить молекулярно-генетическую организацию главного компонента гистонесовместимости, контролирующего формирование иммунологических реакций на различные раздражители, развитие иммунной системы и морфогенез других органов и тканей в ходе индивидуального развития; организацию локусов иммуноглобулинов и механизмов соматического рекомбиногенеза как процесса создания адаптивного фенотипа дифференцирующихся клеток; использование гибридных клеток, содержащих некоторые хромосомы человека, а также через рекомбинантную ДНК получить “библиотеку” нуклеотидных последовательностей, что позволит построить генетические карты ДНК.

Перспективными направлениями в генетике поведения представляются следующие: изучение роли гормональных и нейромедиаторных систем в генетическом контроле поведения; изучение генетики сложных форм поведения животных; генетический анализ поведенческих признаков у приматов и человека; получение трансгенных животных, в геном которых введены гены, контролирующие нейродинамику; использование данных нейрогенетики и генетики поведения для конструирования ЭВМ по принципу самообучения, что стимулирует изучение формирования нейронных связей у различных объектов и генетической регуляции этого формирования.

Для проблем индивидуального развития большое значение имеют все явления клеточной наследственности, которая предполагает изучение генетики соматических клеток животных, растений, простейших. Необходимо исследовать процессы злокачественной трансформации клеток, процессы в клеточных популяциях, генетику соматических гибридов и соматоклональной изменчивости.

4. Генетика человека. Глубокое понимание биологических основ человека необходимо для проведения мероприятий, направленных на гармоничное его развитие, интенсификацию роли человеческого фактора в жизни общества, для выяснения биологических проблем народонаселения. Необходимо изучить генетику нормальных признаков и оценить уровень генетического груза в населении в виде появляющихся патологий. Особое значение имеет анализ генетических основ функционирования мозга, анализ адаптаций человека к экстремальным условиям, роль генетики в проблемах педагогики и спорта

Необходим анализ структуры и функций важнейших генов человека и их семейств, физиологической генетики, генетических механизмов адаптации человека, экологической генетики, молекулярно-генетических механизмов наследственных патологий, диагностики и лечение наследственных заболеваний, проблемы наследуемости; иммуногенетических различий; сцепления генов; карт хромосом; организация генов человека; дифференциального действия генов на разных этапах развития в тканях и органах; проблемы протоонкогенов и онкогенов; генетики роста, старения, дифференциальной жизнеспособности.

Большое место должны занять исследования по генетическому грузу, включая установление связи наследственных дефектов у человека с мутагенами среды; корреляция мутагенеза и канцерогенеза; изучение динамики ге-

нетического груза в зависимости от изменений в биосфере и от социальных процессов.

В области мутагенеза надо провести анализ методов прямого и косвенного определения темпа генных мутаций, структурных мутаций и мутаций числа хромосом; частоты спонтанных генных мутаций, суммарно и на ген за поколение; в этом отношении особое значение имеют доминантные мутации, поражающие эмбриональное развитие, начиная с бластомеров и до новорожденных, Необходимо разработать способы защиты генома человека от действия повреждающих факторов.

В области генетики популяций человека требуется изучить демографические процессы в населении в связи с происхождением населения данного региона, экологическими особенностями жизни, историческими процессами миграций; фенотипический полиморфизм как проявление сложных генетических процессов и влияния среды, обуславливающей разнообразие реакций человека на продукты питания, лекарства, производственные вредности, стрессы, действие мутагенов и канцерогенов среды; проблему адаптаций, геногеографию и геногеографические процессы; этническую генетику; генетику полиморфизма по качественным и количественным признакам; молекулярно-генетический полиморфизм; интеграцию полигенных систем в популяциях как основу межпопуляционных различий.

Большое значение имеют исследования по поведению человека, его генетическим основам и социальным предпосылкам; по генетике мозга, полиморфизму свойств нервной системы, нейрофизиологическим и нейроэкологическим механизмам, определяющим влияние различных генотипов, патологий функционирования мозга; по эволюционно-генетическим предпосылкам психики человека. Для исследований по генетике поведения человека важен также анализ моделей поведения разных видов животных, включая приматов.

Комплексные проблемы генетики человека находятся на стыке с психологией, педагогикой, медициной и профориентацией. Важны исследования роли генетики в системе комплексного исследования человека, для эволюционной теории, для оценки инженерно-генетических подходов к человеку, при прогнозировании биологического будущего человечества.

Необходимо принять ряд мер, направленных на ускорение развития исследований проблем генетики человека в СССР. За рубежом проблемам генетики человека придается большое значение. Институты генетики человека имеются во всех европейских странах; в США такие институты и центры имеются почти во всех штатах. Кроме того, исследования по генетике человека за рубежом проводятся во многих медико-генетических центрах.

5. Генетика и селекция растений. Важнейшей ее задачей является разработка принципов создания и эффективного отбора исходного материала с ценными для селекции ассоциациями генов, в том числе и такими, которые обеспечивают высокую жизнеспособность у гибридов первого поколения.

Традиционное создание необходимого материала для селекции осуществляется путем рекомбиногенеза, происходящего при внутри- и межвидовых скрещиваниях и путем естественного и искусственного мутагенеза. При проведении отбора в популяциях современными методами учитываются молекулярно-генетические маркеры, полиморфные семейства белков, структурные фрагменты ДНК, мобильные генетические элементы.

Для практики большое значение имеет анализ проблем “наследственность-среда”, изучаемых современной экологической генетикой. Известно, что высокоурожайные сорта, как правило, не реализуют свою потенциальную продуктивность в условиях производства. Считается, что более половины различий по урожайности пшеницы в мире определяется различиями неконтролируемых факторов в виде температурно-светового режима зон выращивания. Необходимы исследования норм реакции разных генотипов по всем стадиям онтогенеза и генетики индивидуального развития растений.

Для разработки действенных методов селекции растений необходимо разработать частную генетику отдельных признаков по каждой конкретной культуре с составлением карт хромосом для пшеницы, ржи, кукурузы, риса, ячменя, овса, томатов, гречихи, проса, свеклы, картофеля, гороха, люцерны и др. Необходимо создание изогенных линий основных культур. Без решения этих задач и целенаправленная внутривидовая селекция на основе отдаленных скрещиваний и с применением методов генетической инженерии, и разработка теории селекции не достигнут поставленных целей.

Необходимо разработать генетические основы продуктивности, акклиматизации и охраны генофондов дикорастущих видов; выяснить генетическую, цитогенетическую, молекулярно-генетическую основу морозо-, холодо-, жаро- и засухоустойчивости, солестойкости, устойчивости к паразитам и болезням, используя для этого приборные системы автоматического структурного анализа признаков растений и свойств адаптивности. Важное значение имеет генетика фотосинтетической продуктивности, азотфиксации.

Принципиальное значение для получения растений нового поколения имеет разработка вопросов клеточной и геномной инженерии. Необходимо разработать основы использования культур растительных клеток, тканей и органов, в том числе культур пыльников и семян для гомозиготизации селекционного материала, для получения соматоклональной изменчивости и соматических гибридов. Особое значение в этой области имеет разработка методов массовой регенерации растений из отдельных клеток.

Внедрение в селекционный процесс методов геномной инженерии позволит конструировать растения, способные фиксировать азот воздуха, устойчивые к засолению почвы и воды, к пониженным температурам, засухе, обладающие иммунитетом к болезням и вредителям, отличающиеся высокими технологическими качествами.

Для получения реальных результатов в этой области необходимо значительно усилить исследования по молекулярной генетике растений, клонированию генов, созданию геномных “библиотек”, генетических основ биологической азотфиксации, по генетике отдаленной гибридизации, генетике иммунитета, генетике и цитологии полиплоидии и анеуплоидии, по радиационному и химическому мутагенезу, по молекулярным основам рекомбинационного генеза.

6. Генетика и селекция животных. Необходимо развивать исследования по частной генетике крупного рогатого скота, свиней, овец, птицы и др., изучить эволюцию генофондов стад, пород, линий, зональных типов и редких популяций сельскохозяйственных животных в процессе их адаптации к разным экологическим условиям. Важнейшей задачей является изучение механизмов генетической обусловленности и варибельности при количествен-

ных признаках, к числу которых относится большинство хозяйственно ценных свойств разводимых животных. С учетом полимерии большой интерес представляет картирование генов путем гибридологического анализа, соматической гибридизации и клонирования фрагментов ДНК. Большое значение приобретают методы отбора и подбора при создании ценных генотипов; создание форм, устойчивых к ряду заболеваний и неблагоприятных факторов среды; метода гетерозиса; использование полиморфных групп крови, белков, рестрикционных фрагментов ДНК, биохимических, иммунологических и цитогенетических маркеров; тестирование по состоянию кариотипа; прогнозирование селекционного процесса на основе данных банков и ЭВМ; генетика поведения сельскохозяйственных животных в связи с индустриализацией животноводства; ветеринарная генетика; экологическая генетика; использование генетически маркированных линий; изучение формирования блоков генов, обеспечивающих адаптацию к заболеваниям и условиям среды; использование аллельных генов; создание банков генов сельскохозяйственных животных; иммуногенетика. Исследование этих вопросов создает полноценную теорию и практику селекции и племенного дела.

На очередь встают проблемы клеточной и генной инженерии, требующие разрешения вопроса о том, какие гены следует использовать для трансгеноза, каково их влияние при функционировании генома животного в целом. Метод трансплантации ранних эмбрионов крупного рогатого скота широко внедряется в практику. В стране функционирует 21 центр по трансплантации и получено более 1200 телят.

Методы генной инженерии открывают перспективу селекции животных на иммунитет к ряду заболеваний. Встраивание в геном животных гена интерферона может привести к созданию линий животных, более устойчивых к широкому спектру вирусных заболеваний, наносящих сейчас огромный ущерб животноводству.

Принципиально возможна пересадка генов, кодирующих синтез иммуноглобулинов, что также открывает возможности для создания животных, устойчивых к инфекциям.

Возможно также создание трансгенных животных, обладающих специфическим наследственным иммунитетом к определенному заболеванию. Уже сейчас клонирован ряд генов (инсулина, соматотропина человека и крупного рогатого скота, интерферона человека и ряда сельскохозяйственных животных и др.).

Широким полем деятельности для исследователей в области клеточной и генной инженерии является ветеринария, проблема борьбы с микроорганизмами – антагонистами сельскохозяйственных животных. Гибридная технология нашла практическое применение для создания новых диагностических, профилактических и лечебных препаратов. Методы генной инженерии используются для создания более дешевых и безопасных вакцин и т.д.

Анализ обстановки показывает, что эти работы могут быть эффективными только при интеграции сил исследователей фундаментального и прикладного профилей. Было бы целесообразным создание временных научных коллективов по данной проблеме с четкими задачами и сроками исполнения. Эти коллективы должны оснащаться новейшим оборудованием в первую очередь. Сейчас в стране ощущается острый дефицит исследова-

лей, способных внедрять методы клеточной и генной инженерии в животноводство. Поэтому наряду с созданием временных коллективов необходимо усилить подготовку научных работников зооинженерного и ветеринарного профилей в институтах АН СССР как через аспирантуру, так и путем стажировок. Особенно целесообразно начать подготовку аспирантов, при этом предусмотреть для каждого из них двух руководителей – одного специалиста в области молекулярной биологии, другого в области генетики и селекции животных, ветеринарии и т.д. Это позволит быстро ликвидировать дефицит кадров на важнейшем стыке фундаментальной и прикладной науки и поставить достижения современной генетики на службу животноводству.

Остро стоит вопрос охраны генофонда сельскохозяйственных и диких животных, содержащих ценные гены, которые перспективно использовать при интродукции и отдаленной гибридизации. Необходимо разработать научные рекомендации по охране генофондов редких и исчезающих видов, по их использованию; создать республиканские лаборатории по генофондам диких животных.

7. Генетика и селекция микроорганизмов. Исследования в этой области актуальны для решения современных задач молекулярной генетики и для выведения форм и штаммов сверхпродуцентов. Необходимы цитогенетические и молекулярно-биологические исследования структуры и функций генетического материала клеток микроорганизмов и путей их целенаправленного изменения.

Генетика микроорганизмов путем использования радиационного, химического и других видов мутагенеза дает большой выход в практику, в первую очередь для медицины, ветеринарии, растениеводства, животноводства, при создании штаммов, обеспечивающих освобождение среды от загрязнений.

Серьезное внимание должно быть уделено частной генетике микроорганизмов (дрожжей, грибов, актиномицетов и бацилл) как основе селекции промышленных штаммов – сверхпродуцентов аминокислот, антибиотиков, нуклеотидов, витаминов, производимых промышленностью биологического синтеза. Большое внимание будет уделено и выведению штаммов микроорганизмов, обеспечивающих промышленный выпуск эффективных средств борьбы с болезнями и вредителями растений и животных, медицинских препаратов. Получению стабильных высокопродуктивных штаммов будет способствовать дальнейшая разработка методов генной инженерии, гибридизации, полиплоидии и мутагенеза для преобразования микроорганизмов, имеющих промышленное значение.

Исследование генетической организации микроорганизмов имеет огромное значение в аспекте познания фундаментальных основ клеточной организации как основного проявления феномена жизни. Многие фундаментальные проявления жизнедеятельности на молекулярном уровне, например такие, как механизмы репликации ДНК, транскрипция, трансляция, механизмы рекомбинации и репарации ДНК и т.п., были получены главным образом на бактериальном объекте, таком, как *Escherichia coli*. К настоящему времени уже подвергнуто молекулярному клонированию большое число генов *E. coli* и *Bacillus subtilis*, а также большого числа других видов бактерий и высокоорганизованных форм. На этой основе появляется возможность

сравнения генов различного происхождения, выполняющих одинаковые функции и затем конструирование гибридных, или “химерных”, организмов, несущих гены различного происхождения.

8. Генетическая безопасность. Радиационные и химические мутагены среды: глобальные проблемы. В настоящее время и в обозримом будущем человечество будет жить в условиях глобального постепенного повышения фона радиации и постоянного риска (для отдельных групп и в целом) оказаться в остром контакте с радиационными веществами и проникающими излучениями. Это приводит к необходимости постоянного мониторинга генетических последствий влияния радиации. Исследования по радиационной генетике должны проводиться постоянно. Должна быть группа квалифицированных генетиков-профессионалов, готовых к решению возникающих острых проблем. Радиационная генетика является частью общей программы мутагенеза. Однако большая значимость проблемы позволяет выделить ее как отдельное направление; значение ее показала, в частности, трагедия Чернобыля.

Основными разделами этой проблемы являются: изучение радиационного мутагенеза, в первую очередь по генным мутациям, для популяций ряда объектов, а также для зародышевых клеток млекопитающих: роль модифицирующих эффектов химических соединений; индуцибельных и конститутивных систем репарации; антимуtagenез; эволюция популяций в условиях повышенного фона радиации; анализ мобильных элементов генома; изучение выхода генных и хромосомных мутаций в зависимости от дозы радиации при разных процессах репарации; методы экстраполяции данных от модельных тест-систем на человека, сравнительная радиационная генетика человека и приматов; оценка генетических последствий при региональных катастрофах с ядерным горючим и прогноз действия радиации в случае развязывания ядерной войны.

Громадное значение имеет загрязнение среды химическими мутагенами, которые выбрасываются в среду химической промышленностью, источниками энергии, сельским хозяйством, при использовании бытовой химии и т.д. Многочисленны нарушения в среде, окружающей человека, в виде загрязнения атмосферы, почвы, пищи, воды. Во многих пищевых продуктах обнаружены нитраты, тяжелые металлы, пестициды, этиленимины и т.д. Генетические последствия от мутагенов среды при дальнейшем росте частоты их появления в среде могут иметь громадные последствия для судьбы человечества, его генофонд может быть разрушен.

Необходимо создание государственной службы генетического мониторинга для оценки и регулирования объема генетического груза и появления канцерогенных последствий. Необходимо создание оптимального набора тест-систем для определения суммарного действия на ДНК мутагенов и канцерогенов; проблемы антимуtagenеза. Определения генетических последствий для сельскохозяйственных растений и животных и на природные экосистемы и отдельные виды от действия радиации и химических мутагенов, вводимых в среды.

9. Генетика адаптаций составляет основу дарвиновского учения о естественном и искусственном отборе. Исследования по приспособленности сортов и пород к эколого-географическим условиям диктуются необходимостью увеличения продуктивности сельскохозяйственного производства. Новые задачи в этом отношении ставят интенсивные методы растениеводства и индустриального животноводства. Все эти вопросы решаются методами и

принципами экологической генетики. В данном прогнозе изложены задачи экологической генетики растений.

Предполагается, что удовлетворение потребностей населения планеты в растительных продуктах питания будет происходить за счет повышения урожайности (70%) и в результате расширения посевных площадей (30%). Однако интенсификация сельскохозяйственного производства за счет дополнительных вложений невозможной энергии ограничивается как запасами самой энергии, так и загрязнением окружающей среды. Доказано, что вложение невозможной энергии для производства продуктов питания в настоящее время в среднем по планете составляет 5%. Подъем вложений до 80% обеспечит тот высокий уровень, который в настоящее время имеется в США. Это связано с различиями в общественных системах и природных территориях. В СССР всего 28% территорий находится в благоприятных для сельского хозяйства условиях, тогда как в США аналогичная земельная площадь составляет 80%. Следовательно, в наших условиях основная стратегия в интенсификации сельскохозяйственного производства – введение адаптивного, т.е. приспособленного к условиям региона, сельского хозяйства. Актуальное значение в этой связи приобретает организация рационального природопользования в конкретных экологических зонах, макро- и микро-экологических нишах, абиотическая и биотическая структура которых должна иметь приоритет при территориальном размещении объектов сельскохозяйственного производства. Совершенствование самих биологических объектов за счет селекции, технологий возделывания должно быть подчинено требованиям энергоемкости и природоохранности. При этом крупные резервы естественной энергии, заключенные в самих биологических системах, должны быть реализованы в биоценозах за счет оптимального сочетания экологической устойчивости и потенциальной продуктивности.

Адаптивный потенциал живых организмов, формирующийся в онтогенезе и филогенезе и реализующийся на организменном и популяционном уровнях, является предметом исследования экологической генетики. Экологическая генетика вскрыла фундаментальную роль генетической рекомбинации в эволюции высших организмов, наличие положительных и отрицательных обратных связей в системах саморегуляции процессов генетической изменчивости.

Ставя своей задачей разработку методов управления адаптивными реакциями в онтогенезе, с одной стороны, и управления формообразовательными процессами на основе рекомбиногенеза – с другой, экологическая генетика обеспечивает возможность широкого и быстрого внедрения достижений общей генетики в селекцию и сельскохозяйственную технологию, увеличения энергоемкости и природоохранности современного интенсивного сельскохозяйственного производства.

В рамках экологической генетики решаются следующие вопросы рекомбиногенеза: рекомбинация как фактор эволюции структуры генома (связь функциональной и рекомбинационной организации генома); эволюция рекомбинационной системы; рекомбинация и селективная элиминация на постмейотических этапах развития.

В основе онтогенетической адаптации растений лежит модификационная изменчивость физиологических, биохимических и морфоанатомических

приспособительных реакций, находящихся под генетическим контролем (как ядра, так и цитоплазмы). Применительно к культурным растениям экологическая генетика рассматривает два взаимосвязанных компонента онтогенетической адаптации – потенциальную продуктивность и экологическую устойчивость к основным абиотическим и биотическим факторам среды.

Развитие экологической генетики позволяет по-новому оценить целый ряд проблем селекции, обеспечивает возможность замены полуэмпирических, порой малообоснованных или даже ошибочных подходов стройной системой представлений и эффективных методов. Однако для их разработки необходимо проведение фундаментальных и прикладных исследований (в том числе силами ВАСХНИЛ, вузовской науки и т.д.) по следующим направлениям: создание идентифицированных генофондов основных сельскохозяйственных культур, включая полные генетические коллекции маркерных линий, анеуплоидов, диких и полукультурных форм, а также геноисточников устойчивости к основным экологическим стрессам; изучение уровня и спектра доступной изменчивости в потомстве гибридов в зависимости от пола, возраста, генотипа, условия прохождения мейоза и т.д.; повышение эффективности селекции при учете феноменологии рекомбинационного геногенеза данной культуры, а также разработка методов индуцированного рекомбинационного геногенеза (особенно при межвидовой гибридизации); исследования по селекции при искусственном отборе на биотипы, приспособленные к определенным локальным лимитирующим факторам среды, для увеличения реальной продуктивности за счет повышения устойчивости к абиотическим факторам и обеспечения эффективности борьбы с вредителями и болезнями, а также для использования экотипов при создании многолинейных и синтетических сортов; изучение способов увеличения эффективности искусственного отбора при учете действия естественного отбора, что связано с созданием рациональной основы для правильного выбора селекционного участка, оценки перспективных подходов, основанных на многомерных оценках, и сравнения фенотипов селекционируемой популяции с лучшими стандартами, “идеальными” моделями, лучшими экотипами и т.д.

Перспективно развитие экологической генетики для животноводства. Исследования на модельных объектах целесообразно развернуть в академических учреждениях и вузах, а на хозяйственных – в научно-исследовательских институтах агропромышленного комплекса, Академиях наук союзных республик в соответствующих регионах и сельскохозяйственных вузах страны.

Исключительно перспективным представляется использование идей и подходов экологической генетики для развития нормальной генетики человека; до сих пор в этой области основной проблемой является генетика патологий, а не нормы. Ситуация не изменится, если генетикой человека будут по-прежнему заниматься преимущественно медики. Центр тяжести проблем должен находиться в АН СССР с выделением в качестве одной из главных проблем экологической генетики человека.

При выборе объектов исследований по экологической генетике и общей генетике в целом в институтах АН СССР необходимо уделить большое внимание многоклеточным организмам, включая позвоночных и высшие растения.

С целью повышения эколого-генетического уровня селекционной работы необходимо усилить подготовку в области общей экологической генети-

ки в сельскохозяйственных вузах, сделав эти предметы основными в цикле общебиологических дисциплин. Целесообразно также чтение курса экологической генетики на биологических факультетах университетов.

10. Генетика популяций. Генетика популяций является теоретической основой для любых форм селекции и разведения животных, растений и микроорганизмов в сельском, лесном, рыбном хозяйстве, в микробиологической промышленности и имеет важное значение для медицинской и общей генетики эволюции. Генетика популяций играет решающую роль при определении стратегии сохранения многих редких и исчезающих видов, для биосферного генофонда в целом. В теоретическом отношении генетика популяций является основой развития современной эволюционной теории.

В этой области необходимо развивать следующие направления: изучение генетики популяций как элементарных единиц микроэволюции в условиях систем естественных видов, при промысле, искусственного воспроизводства, акклиматизации, давления мутаций и изоляции, при любом использовании флоры и фауны; природу полиморфизма; гено (фено)- географический анализ популяций животных, растений и человека; внутривидовую дифференцировку естественных популяций и стад важных в хозяйственном отношении животных; процессы молекулярной эволюции в популяциях на уровне последовательности ДНК; изучение механизмов физиологической изоляции при зарождении видов; генетику лесных пород, селекцию и воспроизводство основных лесобразующих видов; генетические процессы в популяциях, живущих в резервациях; генетику полигенных признаков животных и растений; проблемы “генетического груза” и т.п.

Большое значение имеет экологическая генетика на уровне популяций. Это направление изучает механизм адаптации популяций при их преобразованиях под действием естественного или искусственного отбора по многим признакам, в том числе по общей жизнеспособности, устойчивости к заболеваниям, колебаниям внешней среды экстремальным условиям. На этой основе зиждуются адаптивная селекция сортов растений, пород животных и изменения, происходящие в популяциях, находящихся на территориях, на которых осваиваются природные богатства.

Очень важны исследования последствий, наступающих в генофонде популяций под влиянием мутагенов среды. Химические соединения и источники радиации широко представлены в биосфере, и их количество все увеличивается в условиях научно-технической революции. Необходимо исследовать генетические последствия химического воздействия малых доз химических и физических мутагенов, которые изменяют генофонд популяций, изучить процесс адаптаций, дать генетическое обоснование хозяйственного освоения территорий санитарных зон вокруг очагов химического и радиационного загрязнения среды. Оценка динамики генетических процессов, идущих в популяциях, должна базироваться на разработке методов мониторинга с учетом процессов деградации, метаболизации и циркуляции мутагенов и их продуктов в природе и пищевых цепях организмов.

Для успеха практической генетики необходимо осознать всю значимость интеграции методов классической генетики – скрещиваний, мутаций, полиплонидии и отдаленной гибридизации, лежащих в основе большинства методов селекции, – с методами геномной и клеточной инженерии, имеющими большое

будущее. Понимание значимости всего комплекса методов общей генетики является залогом успеха селекции растений, животных и микроорганизмов.

Крупные задачи встают перед изучением механизмов видообразования у животных, растений и микроорганизмов. Активно исследуются молекулярно-генетические закономерности макроэволюции. Особые задачи решаются в проблеме происхождения генетики кода, что связано с решением задачи происхождения жизни на Земле.

В обозримом будущем человечество будет жить при постоянном риске оказаться в остром контакте с химическими соединениями и радиоактивными веществами, проникающими излучениями. В связи с этим возникает необходимость постоянного контроля за фоном радиации и химическими соединениями в окружающей среде и мерой их влияния на наследственность. Это касается генных мутаций, перестроек хромосом и злокачественных опухолей. Важной проблемой является выяснение эффекта малых доз при их влиянии на зародышевые клетки млекопитающих; особенностей эволюции популяций, обитающих в условиях повышенного фона радиации и химических загрязнений; действия систем репарации и антимуtagens, обеспечивающих защиту пораженной ДНК; прогноза того объема генетических последствий, которые возникнут в случае развязывания ядерной войны.

Перечень узловых задач генетики, которые необходимо решить в течение ближайшего десятилетия, показывает, как важно ее значение для практики и науки. Перестройка генетических и селекционных исследований и форм связи с практикой при демократизации исследований, развитии широкой критики и самокритики, поддержке всех свежих ростков в нашей науке должна идти по государственному координированному плану. В этом заключена основа нового этапа в развитии генетики и селекции. В течение этого времени мы подойдем и к решению крупнейших биологических проблем.

Одной из важнейших проблем настоящего времени является понимание необходимости сочетания методов общей генетики и биотехнологии. Методы биотехнологии, в том числе генная и клеточная инженерия, исключительно плодотворны. Они уже обеспечили отдельные прорывы формообразования организмов. Однако, если принять во внимание всю широту задач сельского хозяйства и медицины, то их великое значение реализуется в будущем. В настоящее время основой селекции служат методы, разработанные в исследованиях по общей генетике. Это – скрещивание, позволяющее использовать рекомбинацию, индивидуальный отбор, отбор в популяциях, использование мутаций, гетерозиса, полиплоидии и гетерополиплоидии, структурных мутаций хромосом, отдаленной гибридизации, частной генетики, методов экологической генетики и др.

Сорта зерновых, бобовых, овощных и плодовых культур, сорта картофеля, все разнообразие сельскохозяйственных животных – крупного рогатого скота, лошадей, овец, свиней, кур и др., лекарственные растения, хлопчатник, подсолнечник, сахарная свекла, декоративные животные и растения, селекционные культуры древесных пород – все это создано путем искусственного отбора среди мутаций и рекомбинаций.

Наряду с разработкой практических вопросов сельского хозяйства и медицины генетика как воздух необходима для всех биологических дисциплин.

Разбирая архив Николая Петровича, среди обширной переписки нам показались особенно интересными несколько писем, с которыми мы предлагаем познакомиться в этой главе.

Фрунзе

12 октября 1955 г.

Многоуважаемый Николай Петрович!

Простите, что, не зная Вас лично, я все же через Моссправку получила Ваш адрес и поэтому пишу Вам.

Очень Вас прошу сообщить мне, знали ли Вы и сотрудничали ли Вы с единственным моим братом Генрихом Генриховичем Фризен – бывшим старшим научным сотрудником Института экспериментальной биологии г. Москвы? Часть книг моего брата у меня сохранилась, среди них есть книги и журналы, авторами которых были Н.П. Дубинин и Г.Г. Фризен (мой брат), что и послужило поводом к тому, что я стала разыскивать Н.П. Дубинина – бывшего друга моего брата.

Брат мой был осужден в 1938 г. без права переписки и выслан в дальние лагеря, за что – мне неизвестно. В данное время я подала заявление в Прокуратуру СССР о пересмотре его дела, независимо от того, жив он или нет, так как с многих осужденных в 1937–1938 гг. уже в данное время судимость снята.

Если вы знали моего брата, Вам будет понятно, сколько горевала, скорбила я и по настоящее время скорблю о том, что такой одаренный человек должен был погибнуть в годы ежовщины.

Пусть были ошибки в вопросах генетики и биологии, но кто борется и ищет истину – все же, в конце концов, найдет ее.

Мне очень хочется узнать подробнее о научной деятельности моего брата до его ареста, узнать, действительно ли все, о чем он писал бесценно?

Если Вы лично не знали моего брата, то может кто либо из Ваших знакомых – научных работников, профессоров знали его, и они Вам расскажут о нем.

Простите меня Николай Петрович, что утруждаю Вас своей просьбой, но любовь к моему брату заставляет обратиться к Вам и надеяться, что Вы ответите на мое письмо.

С глубоким уважением

Анна Генриховна Фризен

Фрунзе

12 ноября 1955 г.

Письмо Ваше получила 10 ноября с.г., за которое очень и очень благодарю.

Я ведь не смогу словами передать то чувство, которое испытала, когда читала Ваше письмо. Столько пережито за эти годы, так одинока была в своем горе, так как матери я правду не могла сказать из-за плохого состояния ее здоровья...

Вот вы и поймете, насколько дороги для меня Ваши слова, что у моего брата не было научных ошибок, насколько дорого мне, что о нем помнят его товарищи-сослуживцы по его работе и, что я не одна горевала о том, что так рано он был вырван из жизни, чем и была прервана его научная работа.

Я всегда была уверена в том, что сознательно совершить преступление против своей Родины Генрих не мог, я даже этой мысли не допускала, но не раз спрашивала себя: “А может то, что его книги печатались за границей послужило поводом к его аресту, или какие-либо ошибки в его научной работе послужили причиной этому?”

В первом меня разубедили, когда в этом году летом была в Москве в Прокуратуре СССР, Военной Прокуратуре и КГБ, а во втором разубедили меня Вы своим письмом.

Остальные обвинения должны быть сняты с Генриха, так как его слова, сказанные одному чеху (который находился в 1938 г. вместе с ним в тюрьме в одной камере, а впоследствии вернулся из лагеря) после одного его допроса: “Пусть убьют, уничтожат, но признавать то, что я не делал – не могу” доказывают, что ему были предъявлены ложные обвинения.

Тяжело вспоминать о том, что людям так много пришлось пережить из-за врагов – действительных врагов нашей Родины, но знаю о том, что нельзя этого забывать никому с тем, чтобы этого никогда бы больше не повторилось.

В день получения Вашего письма получила и письмо из Главной Военной Прокуратуры СССР, в котором мне сообщили, что моя жалоба в Президиум Верховного Совета СССР и заявление в Прокуратуру СССР по делу Генриха – поступили к ним на рассмотрение и результат будет мне сообщен.

О, если бы только Генрих был жив – он бы смог оправдать себя! А если нет его в живых? Кто сможет опровергнуть предъявленные ему ложные обвинения? Я ведь не имею представления, как пересматриваются дела, а поэтому и очень волнуюсь.

Делюсь с Вами, как с родным человеком¹, так как из Вашего письма поняла, что Вы были другом его и остались им до сих пор.

Я всегда буду рада получить от Вас и от других товарищей Генриха хоть несколько строк о нем – о его жизни в коллективе и его работе, т. к. любовь человека к родному и к близкому человеку ведь не кончается и после его смерти.

Передайте всем, кто помнит Генриха, мой искренний товарищеский привет, мои наилучшие пожелания Вам и им в Вашей почетной и плодотворной работе.

С уважением и большой благодарностью к Вам

Анна Генриховна Фризен

Следующий материал связан с известным американским генетиком Ф. Добржанским. Покинув нашу страну в 1930-е годы, на протяжении всей своей жизни он мечтал приехать в Советский Союз, посетить Москву, Киев, Ленинград, Новосибирск. В 1968 г. во время XII Международного генетического конгресса, проходившего в Японии, беседуя с Николаем Петровичем, Ф. Добржанский обратился к нему с просьбой помочь устроить такую поездку. Много сил потратил Николай Петрович, чтобы эта поездка состоялась. После многочисленных согласований и достигнутых договоренностей он сообщает Ф. Добржанскому, что все в порядке и его ждут в Москве. Однако вскоре Николай Петрович получил письмо из Америки:

В 1969 г. прибыла телеграмма в Вашингтон с отказом принять меня в качестве одного из визитеров по обмену между Академиями. На этот раз без всякого объяснения причин! Не стоит и говорить, какой эмоциональный эффект это “крашеное яичко” произвело на меня...

Кажется, не остается ничего к этому прибавить, кроме разве благодарности Вам за то, что Вы пытались, хотя и безуспешно, достичь другого результата. Очевидно Трофим не у дел, но дела его живы!

Искренне Ваш

*Ф. Добржанский*²

В одном из последних писем их дружеской переписки читаем:

¹ Здесь и далее в письмах выделены ключевые слова, вынесенные в Оглавление.

² Личный архив Н.П. Дубинина

Дорогой Николай Петрович!

Вчера ночью вернулся из небольшой экспедиции и здесь нашел Ваше письмо от 22 октября, которое пришло в мое отсутствие. Как мне благодарить Вас за него? На старости лет нет ничего слаже, чем доброе слово от тех, кого всю сознательную жизнь уважал и любил – хотя бы большей частью только издалека! Вы конечно именно один из тех немногих, к которому приложимо это определение. И хорошо, что нам все же удалось увидеться и познакомиться лично, хотя бы только на короткое время. Ваши два визита были огромным удовольствием, и для меня и для покойной Наташи.

С благодарностью и дружеским приветом,

Ваш

Ф. Добржанский

Многие люди, зная Николая Петровича по его трудам и выступлениям, обращались к нему в письмах, и в дальнейшем с некоторыми из них завязывалась интересная плодотворная переписка.

Уральск

1973 г.

Многоуважаемый Николай Петрович, здравствуйте!

Вас может удивить письмо из Уральска, и тем более от незнакомого Вам охотоведа. Мне по должности положено знать все о пернатых нашего края. К сожалению, в Уральске ничего не найти из Ваших трудов по орнитологии.

К Вам, Николай Петрович, большая просьба. Если можно, пришлите что-нибудь из Ваших трудов по птицам Приуралья. Это мне необходимо не только по специальности. По решению Обкома поручено мне вести группу экскурсоводов в Бюро путешествий (150 тыс. слушателей в год. Для Уральска это внушительная цифра!). Приходится готовить методические разработки, проводить показательные экскурсии в природу, читать лекции. Путешествуя на Челкар и в г. Чапаев я всегда называю в числе исследовавших природу края и Ваше имя. И вот тут-то (ах как гордились бы) показать что-нибудь из Ваших описаний нашего края.

И еще. Из Вашей книги “Вечное движение” мне не удалось сделать Вашей фотографии. Не могли бы Вы, Николай Петрович, выслать мне свою фотографию размером побольше. Она пригодится для показа многочисленным слушателям экскурсий.

Как видите, мы зачислили Вас в число наших знаменитых земляков и я буду Вам благодарен, если окажете мне возможность обогатиться Вашими книгами и портретом.

Этим Вы пополните одну из страниц нашего края.

С уважением

И. Прокопенко³

³ Иван Иосифович Прокопенко – охотовед.

Н.П. ДУБИНИН
(К 70-летию со дня рождения)

Н. П. ДУБИНИН
(К 70-летию со дня рождения)

Я бы не хотел прожить другую жизнь. Мне нужна именно эта жизнь, в моей изумительной стране, жизнь в борьбе, в утверждении науки, которая помогает моей Родине строить новое, невиданное общество и идти во главе прогрессивных народов мира.

Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1975. С. 429

Николай Петрович Дубинин (1907) – выдающийся советский генетик, активный участник борьбы за научную биологию. Ему принадлежит ряд крупнейших открытий и глубоких обобщений в области изучения структуры генов и хромосом, которые управляют наследственностью организмов, структуры живой клетки. Большой вклад внес Дубинин в изучение проблем радиационной генетики, имеющей важное практическое значение. Свои исследования ученый проводил, наблюдая плодую мушку – дрозофилу. Он доказал экспериментально, что перенос гена из одной хромосомы в другую влияет на наследственные признаки. Маршруты генетических экспедиций Н.П. Дубинина пролегли по Средней Азии, Кавказу, Крыму, Воронежской области. В 1939 г. ученый пишет книгу об И.В. Мичурине, о методах и теоретических основах его работ, где показывает, как твердо шел Мичурин “к синтезу своего учения с новыми достижениями генетической науки”. Много сил и энергии Н.П. Дубинин отдал созданию и организации научных учреждений, занимающихся исследованиями в области генетики. В 1956 г. Н.П. Дубинин организует Лабораторию радиационной генетики. В 1957 г. он создает Институт цитологии и генетики под Новосибирском. Дубинин, внесший большой вклад в разработку фундаментальных проблем теоретической генетики, не менее успешно работает по применению генетики в селекции сельскохозяйственных культур и животных. Результаты исследований Н.П. Дубинин обобщил в своих книгах “Проблемы радиационной генетики” (1961), “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность” (1963), “Эволюция популяций и радиация” (1966), “Общая генетика” (1970) и других. Талантливый исследователь и общественный деятель Н.П. Дубинин борется за успешное развитие советской генетики, которая, по словам ученого, “стала тем острием клинка, с помощью которого новое естествознание проникает в неизвестное и находит пути для управления явлениями жизни”. В нашей стране и за ее пределами широко известны труды Н.П. Дубинина¹.

¹ Календарь знаменательных и памятных дат 1976. М., 1976. № 12. С. 12–17.

НАЕДИНЕ С СОВРЕМЕННОМ¹

Работал я в свое время над фильмом “Человек для человечества” и вознамерился пригласить на съемку не кого-нибудь, а академика Н.П. Дубинина. Он крупнейший современный генетик... В самые тяжелые и для Вавилова и для всей генетики времена не отступил... О Вавиллове и был наш фильм.

К затее пригласить Дубинина коллеги отнеслись более чем скептически: “Да что ты! Его время, наверное, по минутам коллегиально президиум академии расписывает. А тут еще – с камерой. Да с целой группой!” Признаться, и я тоже разделял эти опасения, однако решил попробовать.

С великими трудами добрался до него. Помню, стал сбивчиво объяснять, что снимается, мол, фильм о Вавиллове и хотелось бы... Он думал о чем-то своем и, казалось, не видел меня. Изредка и сухо ронял слова: “Вавилов”, “гомологические ряды”... Нет, в нем не было и тени высокомерия. Просто между нами напрочь отсутствовал контакт и у Дубинина не было повода его желать. Я даже его понимал. И, кажется, слышал, что он думает: “Вот вы о генетике... А что смыслите в ней хотя бы на элементарном уровне? Наверное, не больше, чем в марсианских каналах. И что буду вам говорить, когда для меня самого в генетике загадка на загадке?...”

Говорить неведомо кому о таинствах своей науки и, может быть, всеу поминать святое для него имя Вавилова (неизвестно, какой еще фильм получится) Дубинину явно не хотелось. Однако в заключение он неожиданно сказал: “Ладно, приду”. Видно, пожалел меня, уж очень я просил.

Его согласие меня не радовало: предстоящая съемка не сулила ничего хорошего. И началась она также холодно, как прежде разговор в кабинете: “Ну вот, вы просили, я пришел. Что вас интересует? У меня мало времени”.

Нет, так дело не пойдет, в отчаянии решил я. И начал говорить сам. Как я понимаю Вавилова... В чем вижу самую суть (самую суть!) его учения.. “Наверное, выглядит это слишком по-школьному, но ведь и школьник может (даже должен!) об этом что-то знать. Не ошибаюсь ли я, уважаемый Николай Петрович, в самом главном? Есть ли в моем понимании хоть что-то от подлинного Вавилова?”

Здесь, впрочем, придется сделать короткое отступление. Оно совершенно необходимо. В учении Вавилова есть три пункта, которые, как глыбы, выделяются на фоне всего им сделанного. Закон гомологических рядов. Теория мировых центров происхождения культурных растений. И чисто генетические идеи. Эти три пункта выделены в любой популярной книге о Вавиллове. Однако выделены чаще всего только тем, что рассмотрены более пристально и описаны более подробно. А ведь сфера его интересов была поистине беспредельна: он и неутомимый путешественник, он и крупнейший организатор науки (первый президент ВАСХНИЛ), он и талантливый литератор и дай бог упомнить, кто еще. Прочтешь один этот перечень и уже не

¹ Луньков Д.Д. Наедине с современником. Заметки режиссера документальных фильмов. М.: Искусство. 1978. С. 105–109.

знаешь, что в нем главное и что второстепенное. А ведь главное – было. Как раз те самые три пункта.

Размышляя над фильмом, я нарочно сосредоточился только на них. Все остальное решительно оставил в стороне. И вот, допустив такое ограничение, сразу же почувствовал, что главные вавилонские открытия представляют собой стройную и чрезвычайно увлекательную систему. Это захватывающая и порой неожиданно развивавшаяся эпопея, в которой есть свой сюжет. Это и законченная фигура, своеобразный треугольник. Триада открытий. И решил делать фильм именно о ней. И даже надпись дать после заглавного титра: “История великой триады Вавилова”. Но... в прочитанных мною книгах никакой “триады” нет. Можно ли так смело лезть в калашный ряд?

“А что, можно, – живо отреагировал Дубинин на мой взволнованный рассказ. – Это даже интересно. И, представьте, истине несколько не противоречит. Ну так пойдемте дальше. Что вас интересует? Впрочем мне ясно, что вас интересует. Так вот, эта триада...”

Он заметно оживился и постепенно вошел в разговор.

У меня на синхронной съемке всегда такое ощущение, что не только я снимаю пришедшего ко мне человека, но и он меня снимает тоже. Двойная идет съемка, встречная, так сказать. Он сидит напротив меня, и я оцениваю его. Но сам-то я точно в такой же ситуации: я сижу напротив него, и он оценивает меня. Для него это тоже встреча, а встречу венчает впечатление – принял человека, не принял, залюбовался им, возмутился. И тут мы абсолютно равны. Правда, за моей спиной работающая, чаще всего невидимая камера. У него камеры нет. Но так ли существенно это различие?

Бывает, закончилась съемка, а толку нет. Только метры потрачены. Знаешь, что будет мукой все это смотреть и слушать на монтажном столе. “Не потянул” человек, не оправдал надежд. И вот прощаешься с ним и глаза отводишь. Бормочешь фальшиво, чтобы и себя и его утешить: “Ничего, Иван Иваныч, все нормально. Измучил я вас, правда? Ну что ж, поезжайте отдохните”. И скорее в сторону – исчерпана встреча до дна. А бывает, и расставаться не хочется, встретишь где-нибудь своего героя снова – через улицу “здравствуйте” кричишь. Роднее родного человек.

Я много раз замечал, что и герои мои реагируют на съемку, то есть на разговор со мной, столь же по-разному. Один, как только отжужжит последний метр пленки, скорее за шапку и домой. Ничто не держит его, скучно ему, неинтересно. А другой – напротив. Осветители уже разошлись, ассистенты камеру разобрали, а он не спешит. Хочется ему поговорить – и рассказать, и расспросить. Житьем-бытьем поинтересуется, в гости начнет звать.

Академик Дубинин, судя по всему, съемкой был доволен. Предельно занятый, он все же остался после нее в павильоне, сооруженном в актовом зале Института общей генетики, долго и смешно рассказывал о разных генетических казусах. Потом фотографировался с группой. А в заключение принес из кабинета только что вышедшую новую свою книгу “Вечное движение” и, написав бисерным почерком на титульном листе “В память о прекрасной встрече у скрытой камеры”, подарил ее мне. И где была сухость и

официальность ученого светила, столь озадачившая меня при первой нашей встрече! ...

Помню одну поучительную для меня заминку, которая произошла во время монтажа картины “Человек для человечества”. Я уже писал, что в этой картине снимался академик Н.П. Дубинин. Споткнулся я как раз на одном из его синхронных. Дубинин говорил о том, что вавилонский закон гомологических рядов, найдя массу подтверждений во всех сферах живой природы, стал ныне всеобщим биологическим законом.

И высокий авторитет ученого, и подлинный литературный блеск, которым отличалась его речь, и, наконец, настоятельная потребность провести мысль о значении вавилонских открытий в наше время – все было за то, чтобы синхрон целиком поставить в фильм.

И в то же время какие-то смутные сомнения мешали сделать это. По привычным критериям синхрона, названным мною выше, этот кусок был просто хорош. Казалось бы, ставь, не раздумывая. Но ставить не хотелось. Запутавшись окончательно и не веря уже себе самому, я позвал коллег-режиссеров: “Посоветуйте, как быть”. Посмотрев, они сказали: “Все хорошо, ставь”. Но легче не стало. Я чувствовал, что синхрону чего-то не хватает. Чего же? И вдруг понял: не хватает ему изобразительности.

Это была просто информация, которая почти нигде не соприкасалась с состоянием излагавшего ее человека. Констатировались интересные факты – и все. Никакой потребности в экране не возникало. Зрелище отсутствовало. Правда, в одном месте взгляд невольно тянулся к экрану. Всего на десяток секунд... На несколько фраз...

Именно эти несколько фраз, предварив их коротким комментарием диктора, я решил оставить. Так и поступил.

Академик Дубинин говорил: “Как оказалось, вся живая природа – она гомологична. Вы изучаете молекулу ДНК и потом те же самые процессы можете искать в человеческом организме, который неизмеримо сложнее. Вот какие глубины гомологии оказались свойственны всему живому!”

Но дело, собственно, не в словах. Вернее, не только в них. Слова эти не лучше тех, что звучали рядом с ними и не вошли в фильм. Они такие же. Но вот Дубинин – другой. В это время он был прекрасен. Он жил. В его глазах светилось восхищение – и гениальностью Вавилова, и совершенством природы, которая так разумно и гармонично устроена. В складках лба скульптурно рисовалась интеллектуальная мощь. И казалось, что на вытянутой ладони он держит эту крошечную молекулу ДНК и видит ее сложнейший микромир. В этом кадре человек был объемлен и многозначен, в нем были тона и полтона. В нем была знакомая нам и всегда нас удивляющая живая жизнь. В нем была экранная пластика.

* * *

В январе 1987 г. в редакцию газеты “Сельская жизнь” обратилась З.В. Толетова. Она просила опубликовать ее письмо-поздравление, адресованное Н.П. Дубинину, или переслать поздравление ему лично. Редакция выполнила ее просьбу. Второе письмо З.В. Толетова написала после ответа Николая Петровича.

Прочитала в газете “Сельская жизнь” от 4.01.1987 г. статью В. Шайкина и В. Фофанова “К истокам жизни” и появилось необыкновенное желание поздравить Николая Петровича Дубинина с его юбилеем и от меня лично. В статье так глубоко и емко описана замечательная жизнь и творческая деятельность Великого ученого-генетика и необыкновенного человека. Читая эту статью и, зная о жизни и творчестве Николая Петровича по другим литературным произведениям, думаешь, как мог удержаться, сохраниться в этом сложном мире Николай Петрович как ученый – бывший воспитанник детского дома. Почему-то всегда думала о нем – это истинный ленинец!

Какая целенаправленность, принципиальность, непримиримость, честность, стойкость в борьбе с умышленными искажениями научной истины, хотя все это было не так просто.

В работе преподавателем агрономических предметов в сельскохозяйственном техникуме моими настольными книгами были: “Вечное движение”, “Нить жизни”, “Проблемы радиационной генетики” и другие.

Много выпусков учащихся прошли через мою душу как воспитателя и все они знали, что учиться жизни и творчеству необходимо у такого замечательного ученого и человека нашего современника Н.П. Дубинина. Слова из книги Н.П. Дубинина “Вечное движение”: “...На мою долю выпало счастье пройти с советской генетикой ее трудным, славным, восходящим путем. Пришлось защищать устои биологии, без которых эта наука не может служить нашему народу. В мир науки я вошел озаренный идеалами коммунизма. В этом мире я встретился с величайшими радостями, а порой почти с непереносимой горечью обид, с борьбой, которая требовала напряжения всех душевных сил, и с ее завершением, исполненным торжества правды и служения народу. Мир социализма идет к своей победе трудным путем, но там, где целью существования государства являются интересы народа, там правда всегда восторжествует. Будущие поколения с изумлением и восторгом будут читать летопись наших дней...” (М.: Политиздат. 1973. С. 9)

Слова эти, уверена, в этом, не остались бесследными в сердцах уже теперь работающих выпускников на производстве и в научных лабораториях. Мне очень хочется низко поклониться Николаю Петровичу и сказать, как хорошо, что на свете есть такие необыкновенные люди.

Ваша жизнь была для меня примером стойкости, трудолюбия, порядочности и очень помогала мне в моей скромной работе преподавателя и воспитателя при подготовке руководящих кадров среднего звена для сельскохозяйственного производства.

Пусть Ваше доброе имя живет в веках, а жизненный и творческий путь будет примером для каждого молодого человека нашей страны.

Преподаватель техникума

Толетова Зинаида Васильевна

10 марта 1987 г.

Здравствуйте многоуважаемый Николай Петрович! Получила Ваши слова благодарности за мое поздравление Вас с юбилеем.

Бесконечно благодарна Вам! Как это вы смогли найти время и вложить частичку Вашей души для меня в Вашем письме лично.

Кажется, что и держится наша земля благодаря таким людям как Вы, Николай Петрович!

Здоровья Вам, творческих сил, радостей и всего самого доброго на свете. Так бы хотелось, чтобы на склоне лет Вас все бы только радовало!

С уважением и низким поклоном Вам

Толетова Зинаида Васильевна

Куйбышев

10 сентября 1990 г.

Н.В. Жаров

Уважаемый Николай Петрович! Посылаю Вам копию статьи, посланной мной в редакцию районной газеты Сергиевского района “Сельская трибуна”. Напечатали ее или нет, пока не сообщили. Идея хорошая, и надеюсь, рано или поздно, она воплотится в жизнь.

СПАССКОЕ ИЛИ СПАССКОЕ-ДУБИНИНО

В трудном и приниженном положении, начиная с тридцатых годов, оказалась наша деревня. Бесцеремонно и без согласия проживающего в ней населения кроилась земля. По указанию сверху создавались колхозы и совхозы, по воле начальства они укрупнялись и разукрупнялись, а некоторые и вовсе ликвидировались, как неперспективные.

Многие села, особенно маленькие, стали терять свои имена. Их часто даже сейчас называют так же, как числятся они в районных сводках – по имени хозяйств, которые в них находятся.

Все это и многое другое подрывало уважение и любовь к своей деревне, родным местам – к своей малой родине, основе советского патриотизма. Людям стало безразлично где жить и они начали разъезжаться в разные стороны.

В наше время все должно измениться к лучшему. Уже сейчас о селе стали говорить и писать более уважительно. И есть за что. Ведь каждое из них имеет свою историю, а проживающие в них люди внесли и вносят свой вклад не только в создание материальных благ, но и в духовную культуру страны. Многие из них – не малый.

Особенно богат в этом отношении Сергиевский район. Возьмем, к примеру, село Спасское. Небольшое, а если разобраться, значительное. Рассматривая одновременно карты Орловской и Куйбышевской областей, обнаруживаешь: на каждой из них по два села с таким названием Спасское. Разница лишь в том, что одно Спасское на орловской карте называется Спасское-Лутовиново, а на нашей оба села по названию ничем на отличаются. Правильно ли это? Спасское-Лутовиново подарило нам замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. А Спасское Сергиевского района –

ученого с мировым именем – Николая Петровича Дубинина. Из Спасского происходят его родители, там же в детстве жил и он сам. Отсюда одиннадцатилетним мальчиком и начал он свой самостоятельный жизненный путь.

Став беспризорником, бежал в Самару, затем – в Москву, где на первомайской демонстрации девятнадцатого года сфотографировался с В.И. Лениным, возвратился в Самару и был помещен в детский дом. В голодный двадцать первый год вместе с детдомом эвакуировался в Жиздру Брянской области. А дальше – учеба, учеба, учеба...

И вот он – академик, директор Института общей генетики Академии наук СССР, Лауреат Ленинской премии. В Спасском немало Дубининых, а так же односельчан с другими фамилиями, которые своим трудом прославили родное село. Среди них Николай Петрович занимает наиболее видное место.

Хотелось бы пожелать в честь их всех, чтобы по примеру Орловской области к названию Спасское Сергиевского района было прибавлено Дубинино и это село именовалось Спасское-Дубинино. Этим оно стало бы отличаться и от Спасского Приволжского района.

Такое название села всегда напоминало бы людям о многом. Хлеборобам и животноводам колхоза “Червоный плугатырь” да и всем остальным, о вкладе их односельчанина в борьбе за восстановление научных основ селекции в растениеводстве и животноводстве от засилия “лысенковщины”.

Молодым людям о том, как даже в крайне тяжелых условиях общегосударственной разрухи, детской беспризорности, имея желание и постоянно тренируя волю, при поддержке государства, добрых и культурных людей, можно не только выжить, выучиться, но и стать крупным ученым.

Школьникам, изучающим генетику – науку о наследственности и изменчивости, с интересом и законной гордостью узнать о трудах, вложенных в развитие науки, их земляком старшего поколения, а для некоторых и родственником.

Но изменение названия села – дело непростое. Оно требует согласия во многих инстанциях. А главное, зависит от желания жителей и сельского Совета. Надеюсь, каждый спассовец это будет только приветствовать.

Н.В. Жаров²

² Жаров Николай Васильевич – зоотехник.

О “ВЕЧНОМ ДВИЖЕНИИ”

Из более тысячи статей и 48 монографий Николая Петровича Дубинина одна книга – “Вечное движение”, опубликованная в 1973 г. (первое издание) в мемуарной серии “О жизни и о себе”, занимает особое место.

Появление книги вызвало бурю откликов, всколыхнула научную общественность, да и не только ее. Свое мнение в письмах к автору книги – Ученому и Человеку – высказывали генетики, биологи, селекционеры, люди, причастные к науке и далекие от нее, ветераны ВОВ и молодежь, рабочие, инженеры, писатели...

Среди многочисленных отзывов на книгу, а их в архиве Николая Петровича сотни, имеется письмо М. Грандилевской-Дексбах¹, которая пишет:

⟨...⟩ Красной нитью, проходящее через все содержание книги изложение о Вашей непрестанной борьбе за утверждение генетической науки в нашей стране, Ваши мысли о красоте природы и человека, равно, как постоянное упоминание о многих лицах, мне не только весьма знакомых, но часто и очень близких – все это произвело на меня глубокое впечатление.

Позже она присылает еще одно письмо из Свердловска:

Обращаюсь опять к Вашей книге “Вечное движение”, скажу, что мы с мужем продолжаем удивляться тому титаническому труду, который Вы вложили в эту книгу, видимо, делая выдержки из огромного количества страниц Ваших ежедневных дневников.

Эту книгу Николай Петрович начал писать (и большую часть написал) в санатории “Нижняя Ореанда” в Крыму, куда он единственный раз в жизни поехал на отдых после болезни. В его чемодане были только ручка и бумага, никаких дневников Н.П. никогда в своей жизни не вел, все было написано по памяти, на одном дыхании. Затем, уже в Москве, цитаты уточнялись по источникам.

В одном из юбилейных поздравлений читаем:

Ваша книга “Вечное движение” показывает трудный путь становления и развития советской генетики, участником которого Вы являетесь от ее первых шагов до настоящего времени.

Бердышев, Бережко, Шкварников...

Из-за ограниченного объема настоящей книги в представленных отзывах допущены сокращения, сняты обращения, благодарности, повторы.

¹ Грандилевская-Дексбах М. – ученица С.С. Четверикова, лично знавшая всех людей, работавших на Гидрофизиологической станции около Звенигорода и упомянутых в книге Н.П. Дубинина.

Сегодня мы вновь возвращаемся к “Вечному движению” и надеемся, что горячие и разносторонние отклики на эту книгу заинтересуют молодое поколение и тех людей, которые еще не имели возможности прочитать ее.

Все материалы, представленные в этом разделе, находятся в личном архиве академика Н.П. Дубинина. Подписи, звания, специальности и прочие данные, приведенные в разделе, соответствуют времени написания архивных материалов.

В ряде газет и журналов того периода были опубликованы рецензии на книгу “Вечное движение” академика АН СССР П. Анохина, акад. АМН СССР О. Барояна, Р. Бајалски, профессоров Ю. Вельтищева и Ю. Князева, заслуженного деятеля науки БАСССР И. Заянчковского, проф. Л. Шабада, Е. Павлихина. Одной из них “Счастье научного творчества”² О. Барояна мы открываем эту главу.

⟨...⟩ Выход в свет этой книги, написанной видным советским ученым-генетиком академиком Николаем Петровичем Дубининым, – событие особого значения. Выпускаемая Издательством политической литературы серия “О времени и о себе” пополнилась поистине блестящим произведением. Через всю книгу красной нитью проходит рассказ о жизни нашего современника, в детстве – беспризорника, а ныне – всемирно известного ученого. Но главный герой повествования, конечно, наука, отечественная генетика.

В книге Н. Дубинина все – правда без прикрас. Бывали ошибки и заблуждения, необоснованные, порой даже демагогические заверения некоторых, мягко выражаясь, дельцов от науки, желавших одним взмахом изменить и сельское хозяйство, и животноводство, не останавливавшихся ни перед чем, добивавшихся незаслуженной славы. Все это правда. Однако, прочтя книгу, читатель вместе с автором остается оптимистом. Никакие уловки научных противников не страшат ученого, ибо они не в силах заставить его расстаться с юношеским увлечением, горячо любимой наукой о наследственности. Дубинин не уступает, не отступает, не переходит в оборону. Он вынужденно меняет профиль и направление своих исследований, становится орнитологом, ихтиологом, занимается даже полезитивным лесоразведением. Бесстрашно идет на любые трудности, на любую работу, храня в душе заветную мечту – подняться на достойную высоту советскую генетику.

Автору удалось с удивительной теплотой рассказать о вкладе, сделанном его замечательными учителями – Н. Вавиловым, Н. Кольцовым, с добродушной сдержанностью указать на заблуждения талантливого биолога А. Серебровского, запечатлеть для истории подлинных ученых-борцов, мужественно противостоящих доктринам и администраторам в науке. Сегодня можно только восхищаться, с какой верой в правоту своих взглядов сторонники научной генетики бросались в бой с домыслами противников. А ведь на стороне последних и искусственно созданные “авторитеты”, и вооруженные цитатами догматики от философии.

Напомним: ни один из этапов развития отечественной биологии вообще и генетики в особенности не был насыщен таким количеством дискуссий, как 30-е и 40-е годы. Их содержание и характер представлены в книге Дубинина со стенографической точностью. Автор с большим мастерством переносит читателя в атмосферу того времени, когда шаги ученых, ищущих истину, скрещивались с теми, кто привык к утверждению: “Все ясно!” Эти главы книги “Вечное движение” можно назвать поучительным рассказом о научных заблуждениях в генетике.

² Техника – молодежи. 1974. № 1. С. 52–53.

Заблуждение, принятое за истину, часто приводит к тому, что под влиянием различных обстоятельств истину начинают относить к заблуждениям. К сожалению, таких примеров в истории науки немало. Н. Дубинину удалось без резких упреков в адрес оппонентов показать не только достижения отечественной генетики, но и резкие повороты, которые пережила эта наука. А ее судьба в отдельные периоды была драматична.

Нет, Н. Дубинин не упрекает своих научных противников, не ищет осуждающих их красноречивых доводов. Просто он своими репликами дает понять, что в науке важна лишь истина. Но как бы она на первый взгляд ни была трудна, ей, одной ей должны быть принесены в жертву не только самые эффективные “заверения”, но и сомнительные построения.

Автор книги “Вечное движение” сдержанно рассказывает о своих личных переживаниях. И, только читая главу “Эта наука стоила борьбы”, понимаешь, что сражение за истину далось Дубинину нелегко.

“Деятельное участие в борьбе за нравственные устои науки, за правду, за истинную науку, за ее служение народу составляет величайшее счастье ученого”. Таково убеждение всей жизни видного советского генетика. Да, счастье, но какой ценой? Впрочем, автор не хочет на этом останавливаться, его волнует другое. Превыше всего – судьба отечественной науки – не отстать, выйти вперед.

Конечно, при скрупулезном анализе книги можно найти и недостатки, и отдельные длинноты. Можно с чем-то согласиться, а что-то оспаривать. Но не в том главное. Важно другое: откровенность большого ученого заставляет думать, размышлять о многом.

Его повествование поистине энциклопедично. В нем читатель найдет все – от Дарвина и Менделя до Есенина и собственных несколько наивных стихов автора. И это замечательно, что всемирно известный генетик предстает перед нами и как пытливый исследователь, и как романтик, с юношеских лет увлеченный научной мечтой. Он как-то по-своему, до самозабвения влюбляется во все, что дарит ему капризная судьба. Дубинин показал себя блестящим натуралистом, превосходно знающим мир зверей, птиц и рыб, сумел передать переживания охотника и рыбака, свою любовь к родной природе.

Особенно нужно отметить доходчивость и ясность научного и публицистического материала книги. Здесь уместно вспомнить высказывание академика С. Вавилова: “Если в прошлые времена только немногие – Галилей, Ломоносов, Эйлер, Мечников, Тимирязев – умели писать так, что они были понятными и глубоко интересными и для ученых-специалистов, и для широких кругов, то в наше время это должно стать обязательным для каждого советского ученого”. Отличная мысль, которую академик Н. Дубинин весомо подтверждает своим произведением.

“Вечное движение” – так названа и книга в целом, и ее заключительная глава, своего рода эпилог 40-летнего труда талантливого советского исследователя, философа-материалиста и патриота. “Трудные дороги большой борьбы, ослепительных радостей и тяжелых дней пересекали мою жизнь, – пишет автор. – Ничто не дается даром. Я ощущаю глубокое чувство благодарности своей судьбе. Я бы не хотел прожить другую жизнь... Жизнь в ее вечном животворном движении – это и есть истинное счастье.

Я счастлив, что работа нашего поколения ученых неотразимо слилась с жизнью народа в этом вечном движении. Их труд, таланты и жизни отданы науке первой страны, в которой идет строительство нового мира, где человека ожидает полный, счастливый, гармоничный расцвет его личности и его ни в чем в мире не сравнимого гения”.

Однако необходимо добавить еще несколько строк от себя. Для выдающегося ученого мало быть счастливым. Он хочет дать счастье еще и другим. Он указывает

путь к этому счастью: любовь к своему делу. Но любить можно по-разному. Любовь апатичная, бесцветная, вопрошающая похожа скорее на равнодушие. Ученым руководило совсем иное чувство. Не равнодушие, не созерцание, не констатация фактов, а пафос борьбы со всеми ее драматическими коллизиями и утратами. И если справедливо изречение: “выдержка – оборотная сторона стремительности”, то автор книги сумел выдержать, не отступить, чтобы потом повести наступление и одержать победу. И именно поэтому мы вместе с вами понимаем цену счастью, которое приносит научное творчество. Ведь в нем всегда побеждает правда, научная истина.

Вот главная мысль, определившая успех книги, которая, без всякого преувеличения, имеет огромное воспитательное значение.

Обсуждение научного и общественного значения книги проходило в республиканских отделениях Всесоюзного общества генетиков и селекционеров. В архиве имеются их отзывы и решения.

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу академика *Н.П. Дубинина* “Вечное движение”

11 февраля 1974 г.

История развития генетики в нашей стране полна ярких и порою драматических страниц. К 20–30 годам нашего столетия у нас сложилась сильная генетическая школа, представленная такими замечательными учеными, как Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский, С.С. Четвериков, Г.Д. Карпеченко и др., с исследованиями которых связано развитие новых направлений в генетике.

К этой плеяде относится и крупный советский генетик, академик Н.П. Дубинин, которому принадлежит разработка ряда принципиальных положений.

Мемуары академика Н.П. Дубинина “Вечное движение” представляют большой интерес. Они повествуют не только о жизненном пути ученого, о тех замечательных советских генетиках, с которыми ему довелось работать и встречаться, но и ярко отражают ту борьбу за генетику, которая велась в 1930–1940-х гг. с догматическим механистическим, научно-методологическим невыдержанным направлением в биологии, возглавляемым Т.Д. Лысенко и его группой, и в которой большую принципиальность проявил Н.П. Дубинин.

Именно непримиримость и последовательность таких ученых, как Н.П. Дубинин, обеспечило в конечном итоге победу научного направления в биологии и, в частности, в генетике.

Книга “Вечное движение” – это воспоминания о событиях, имевших большое значение для судеб биологии и генетики, для практики сельского хозяйства.

В своем повествовании автор порою субъективен, но это, на наш взгляд, простительно, так как перед нами не исторический труд, а мемуары человека, который пишет о самом дорогом в своей жизни и преподносит это эмоционально ярко и выразительно, что делает книгу увлекательной, доступной, особенно интересной и полезной для молодежи.

Президент АЗОГИС, академик АН Азерб. ССР *И.К. Абдуллаев*,
вице-президент АЗОГИС, член-корр. ВАСХНИЛ *А.А. Агабейли*,
члены президиума АЗОГИС: академик АН Азерб. ССР *А.М. Кулиев*,
член-корр. АН Азерб. ССР *М.А. Ализаде*, профессор, д.б.н. *И.М. Ахундаде*,
профессор, д.б.н. *М.А. Ахундов*.

ОТЗЫВ
на книгу академика *Н.П. Дубинина* “Вечное движение”

Опубликованная действительным членом Академии наук СССР Николаем Петровичем Дубининым в мемуарной серии “О жизни и о себе” книга “Вечное движение” представляет собой исключительное явление, поскольку в ней фактически впервые, живым и красивым русским языком изложены в преломлении через основные этапы жизнедеятельности крупнейшего генетика Советского Союза, (каким поистине является автор), основные этапы истории развития и борьбы за становление научной генетики в СССР.

Сразу же следует сказать, что вся книга пронизана диалектико-материалистическим пониманием генетических особенностей живого. Автор смело и принципиально критикует все и всяческие извращения любых “уклонистов и особенно “евгенические поползновения”...

Академику Н.П. Дубинину принадлежит честь выдвижения обоснования и расшифровки представлений о наличии социальной программы наследования в человеческом обществе, которую он изложил в ряде научных трудов и весьма популярно дал в этом своем по сути мемуарном произведении.

Будучи исключительно принципиальным и бескомпромиссным в отстаивании научных положений в генетике, автор, характеризуя по ходу описания своей жизнедеятельности многих встречавшихся ему на пути, ученых, как генетиков, так и не генетиков, всегда отдавал им должное, хотя при этом показывал и их слабые стороны. Надо обладать исключительно большой принципиальностью, мужеством и честностью, чтобы, характеризуя таких, например, весьма крупных генетиков, каким был Н.К. Кольцов, который к тому же являлся его первым учителем генетики, чтобы не только показать его величие, но и отметить его недостатки и, в частности, контрреволюционные заблуждения. В книге получили осуждения имевшие место в биологической науке субъективистские и волонтаристские заблуждения ряда ученых...

Как ученый и исследователь академик Дубинин также одновременно является сильнейшим популяризатором науки. Перу его принадлежит ряд монографических сочинений и популярных изложений весьма сложных вопросов современной генетики. Весьма показательным, что даже свои мемуары Николай Петрович Дубинин сумел превратить в материалы, которые являются популярным изложением истории генетики Советского Союза, ее этапов, ее диалектико-материалистических философских основ и перспектив развития.

Книга очень полезна для молодежи, которая не знает истории генетики Советского Союза, которая самостоятельно пока не может разобраться в шатаниях отдельных ее представителей...

К недостаткам книги можно отнести некоторый субъективизм автора. Но при этом нельзя забывать, что это ведь мемуары. В целом книга представляет исключительный интерес, и уже через полгода стала библиографической редкостью. Ее безусловно следует переиздать.

Книга проработана, отзыв обсужден на объединенном заседании сотрудников Отдела биофизики Кишиневского сельскохозяйственного института им. М.В. Фрунзе и лаборатории биофизики Отдела генетики Академии наук Молдавской ССР.

Зав. отделом биофизики КСХИ,

зав. Лабораторией биофизики АН МССР д.с-х. н. профессор *В.Н. Лысыков*, сотрудники Отдела и члены объединенного коллектива:

*О.В. Бляндур, А.И. Духовный, С.Н. Маслоброд, П.Л. Брик, Ю.С. Орлов,
В.Г. Бордюкевич, Е.Н. Краснобаев, Л.А. Кулакова, В.К. Акимов.*

Книга акад. Н.П. Дубинина “Вечное движение” вызвала исключительно большой интерес, как среди ученых, так и в самых широких кругах советских читателей. Выход в свет этой необычной книги – явление также необычное. Книга носит мемуарный характер, однако, в ней с большим публицистическим мастерством и почти в художественной форме описаны не только этапы личной жизни и деятельности автора, но и важнейшие события, связанные с развитием в нашей стране науки о наследственности живых организмов – генетики.

В начале 1930-х гг. на биологической арене у нас появилось особое течение, возглавляемое академиком Т.Д. Лысенко. Почти сразу же между этим течением и генетикой развернулись жаркие дискуссии, продолжавшиеся в научных кругах советских биологов и в широкой печати без малого 30 лет. Это была острая и полная драматизма борьба между двумя непримиримыми направлениями в биологии – прогрессивным и материалистическим по своей природе, которое представляла в то время молодая бурно развивавшаяся генетика, с одной стороны, и лысенковским, явившимся возрождением ламаркизма, с другой.

В книге Н.П. Дубинина “Вечное движение” описаны важнейшие переломные периоды этой борьбы, с исчерпывающей конкретностью определены позиции противоборствующих сторон, охарактеризованы главные действующие лица. При этом, естественно большое внимание уделено автором и много места отведено в книге его личному участию в этой борьбе, и следует подчеркнуть, в ней он продемонстрировал исключительную стойкость, последовательность и научную принципиальность, которые он пронес через все этапы этой длительной и сложной борьбы.

Кроме событий, связанных с борьбой названных направлений в советской биологической науке, особенно в 1930-е и 1940-е гг. в книге показаны крупнейшие достижения и вклад советских ученых, включая автора, в сокровищницу мировой генетической науки. Таковыми являются достижения в разработке теории гена, в области популяционной генетики, генетических основ эволюционной теории Дарвина, теории мутаций, цитологических и молекулярных основ явлений наследственности и др. В книге Дубинина убедительно показано, что истоки многих современных открытий в генетике следует искать в трудах советских генетиков 1920–1930 гг., когда советская генетика вышла на передовые позиции в мире. Эти разделы книги вызывают законное чувство гордости за советскую генетику, добившуюся больших научных успехов в труднейших условиях первых лет построения в нашей стране нового социалистического общества.

Интересно описана в книге история открытия эффекта положения гена (изменение действия гена, зависящее от перемены положения его в хромосоме), получившее известность в науке как “эффект Дубинина”.

В книге “Вечное движение” Н.П. Дубинин описывает процесс возрождения и нового этапа развития генетических исследований в СССР, начавшиеся в 1950-х годах.

Произведения, подобные книгам Н.П. Дубинина “Вечное движение”, Дж. Уотсона “Двойная спираль” и др., представляющим воспоминания ученых об известных отрезках пройденного ими сложного и трудного пути научного творчества, вызывают у читателей широкий спектр чувств и пожеланий. Возникли они и у нас, украинских генетиков и селекционеров. Некоторые из них хотелось бы высказать автору и издателям книги “Вечное движение” с пожеланием учесть их при переиздании книги.

Нам представляется не совсем правильным данная в книге характеристика выдающемуся советскому генетику Н.И. Вавилову, как занимавшему в описываемой книге борьбе за научную генетику только оборонительную позицию. Не воспринимаются также рассматриваемые в книге неудачи с планированием генетических ис-

следований, предпринятым на соответствующей конференции в 1932 г., как ошибки Н.И. Вавилова и А.С. Серебровского – организаторов и руководителей этой конференции. Отмечаемые недостатки явились результатом не столько ошибки тех или иных ученых, сколько отсутствия какого либо опыта в столь трудном деле, как планирование научных исследований. Не следует забывать, что конференция по планированию генетических исследований 1932 г. (Ленинград) была первой попыткой у нас планирования научных исследований в области генетики и селекции в масштабе страны, не имея прецедента подобного рода. Вавилов и Серебровский были движимы патриотическим желанием сделать полезный первый шаг в этом отношении на благо отечественной науки и с.-х. производству. Хотелось бы, чтобы во втором издании книги полнее была раскрыта роль и других наших ученых в развитии генетики в нашей стране, в том числе А.А. Сапегина, С.Г. и М.С. Навашиных и др. В частности, нельзя не дооценивать огромной заслуги А.А. Сапегина в этом деле, который был одним из пионеров распространения генетических знаний в Советском Союзе, первым на Украине начавший читать курс генетики в Одесском университете и много сделавший для организации селекционной работы на основе законов генетики. Его роль в борьбе с противниками генетики в 1930-е – 1940-е гг. тоже была значительной.

Некоторое сокращение (за счет многих деталей и подробностей) тех разделов, которые посвящены впечатлениям, вынесенным из экспедиций, экскурсий, отпускных поездок и проч., очевидно, сделало бы книгу “Вечное движение” еще более интересной и увлекательной.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть большое значение и своевременность выхода книги Н.П. Дубинина “Вечное движение” и желательность ее переиздания.

По поручению Украинского общества генетиков
и селекционеров президент УОГиС,
д.б.н. профессор

П.К. Шкварников

ВЫПИСКА

из протокола заседания расширенного Совета
Армянского общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова
от 25 января 1974 г.

Заслушав доклад доктора с.-х. наук, профессора М.А. Аракеяна о научном и общественном значении книги акад. Н.П. Дубинина “Вечное движение”, а также выступления акад. ВАСХНИЛ А.А. Рухкяна, доктора биол. наук, профессора А.А. Чилингаряна, канд. биол. наук В.А. Авакяна, канд. биол. наук А.С. Зурабяна, совет Армянского общества отмечает.

1. Издание книги акад. Н.П. Дубинина вызвало в стране большой научный и общественный интерес, что подтверждается чрезвычайно быстрой реализацией всего 100 тыс. тиража и все возрастающим спросом на эту книгу со стороны широкого круга читателей научных и общественных организаций. Такой большой интерес к этой книге объясняется тем, что впервые в советской специальной литературе со всей обстоятельностью и научной обоснованностью изложены отдельные переломные этапы развития генетики в нашей стране и, в этом смысле, эта книга пока что является единственным источником по научному и общественному осмысливанию фундаментальных достижений советской генетической науки.

Книга приобретает особое значение также потому, что сам автор, акад. Н.П. Дубинин, являясь выдающимся ученым в области биологической науки, в те-

чение более чем 50 лет проявлял кипучую деятельность на всех этапах развития генетики в Советском Союзе и своими открытиями и капитальными исследованиями прославил нашу советскую генетическую науку.

В этой книге автор с большим вдохновением говорит о выдающихся деятелях генетической науки в нашей стране – Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов, И.В. Мичурин, С.С. Четвериков, А.С. Серебровском и о многих других, с которыми приходилось работать самому Н.П. Дубинину.

2. Вместе с тем в этой книге дана научно вполне обоснованная критика отдельных ошибок и высказываний генетиков того времени и аналогичных эвгенических концепций, развиваемых за последнее время некоторыми советскими генетиками. В книге особо обсуждаются и приводятся научные доказательства о несостоятельности взглядов акад. Т.Д. Лысенко по многим вопросам биологии, и в частности о наследственности и изменчивости, создавшего в определенный период крайне тяжелые условия для развития генетической науки в нашей стране.

Помимо этого, книга академика Дубинина имеет особо важное методологическое значение для дальнейшего развития материалистического и диалектического понимания жизни, развития и наследования признаков в живой природе. В этом отношении особый интерес представляет изложение капитальных исследований в области современной генетики и, в частности, выдающихся достижений советских генетиков и селекционеров. Вместе с тем, философское осмысливание этих достижений с точки зрения материалистической биологии выдвигает перед генетической наукой необходимость борьбы против проникновения в нашу советскую биологическую науку буржуазных и антинаучных воззрений.

Отвергая ложное учение евгеники акад. Н.П. Дубинин со всей силой философского мышления и научной аргументации показал, что с появлением у Человека сознания во всей последующей эволюции все большую роль играет социальная программа наследования, которая передается последующим поколениями через воспитание...

3. На основании всестороннего обсуждения книги акад. Н.П. Дубинина “Вечное движение” совет Армянского общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова, отмечая большое научное и общественное значение этой книги выражает глубокое убеждение в том, что она открывает широкие горизонты для творческого развития генетической науки в будущем и приходит к единодушному заключению о своевременности опубликования этого подлинно научного труда, изложенного в доступной форме для широкого круга читателей.

Председатель Совета АрмОГиС им. Н.И. Вавилова, академик ВАСХНИЛ
А.А. Рухкян, секретарь совета И.А. Унанян

РЕШЕНИЕ

Объединенных Советов Республиканского общества генетиков и селекционеров, Научно-методического и учебного Совета по биологии Министерства высшего и среднего специального образования Грузинской ССР, Правления общества “Знания” г. Тбилиси
(принятое в связи с рассмотрением книги *Н.П. Дубинина* “Вечное движение”)

13.02.74 г.

В этой замечательной по содержанию, глубине и оригинальности книге просто, доступно и правдиво, на богатом литературно-художественном языке описан путь, пройденный автором, от беспризорника до академика АН СССР и члена многих зарубежных академий, лауреата Ленинской премии, достойного и заслуженного главы советской генетической школы...

Рассказывая о своем тревожном детстве и отрочестве, студенческих годах и учителях, автор с любовью замечает, как постепенно и скупрулезно пробуждался в нем интерес к науке о жизни, к ее тайнам, распознавания и возможного управления (регулирования) живой природы в вечном ее движении.

С большой признательностью и теплотой воссозданы автором эпизоды из научно-исследовательской и общественной деятельности Н.И. Вавилова одного из основоположников современной генетики и селекции, первого президента ВАСХНИЛ... Высоко оценена деятельность, проникновенно нарисованы портреты таких деятелей науки, как Н.К. Кольцов, С.С. Четвериков, А.С. Серебровский, А.Р. Жебрак, И.В. Курчатов и многих других достойных сынов советской науки.

Особо отрадно отметить, что в канун 250-летия нашей славной Академии наук СССР, как бы увертюрой прозвучал авторский текст в оценке многогранной деятельности и выдающейся роли, первых и последующих ее президентов: В.Л. Комарова, С.И. Вавилова, А.И. Несмеянова, М.В. Келдыша.

С глубоким знанием дела и с большим научным тактом рассказаны и проанализированы самые тяжелые эпизоды борьбы за фундаментальные устои современной биологии, за универсализацию системного и комплексного подхода к явлениям жизни, наследственности и изменчивости.

В книге дана объективная оценка и научная квалификация таким пагубным явлениям, как субъективизм и волюнтаризм, царившие в биологии на протяжении длительного времени. Большая часть книги посвящена именно этому вопросу. После директивных постановлений Коммунистической партии и Советского правительства о нормализации и упорядочении дел в биологической науке, Н.П. Дубинину было сначала поручено организовать Институт цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР, а позже организовать и возглавить коллектив Института общей генетики АН СССР в Москве. Н.П. Дубинин проявил себя способным организатором, новатором новых творческих направлений в науке. Отдельные главы, посвященные этой работе, написаны сдержанно, но убедительно.

Для грузинских биологов, генетиков и селекционеров особенно отрадно отметить тот факт, что в научном формировании Николая Петровича Дубинина в известной мере способствовала и наша республика.

Создание и выведение новых сортов и пород животных интенсивного типа в нашей республике в основном проводилось и проводится по сей день под идейным его руководством...

Книга Н.П. Дубинина "Вечное движение"... дает ответ нашей молодежи на многие волнующие ее вопросы, как живая летопись бесстрашного и кристаллически преданного науке человека в труде, в борении, в думах о дальнейших перспективах развития науки о жизни, решения важных ее проблем на благо мира, всеобщего прогресса и цивилизации настоящего и грядущих поколений.

В связи с вышеизложенным, объединенные советы приняли единогласное решение одобрить данную книгу, как дидактически полезную для молодых специалистов нашей Родины.

Президент Грузинского республиканского ОГиС, зав. кафедрой генетики ТГУ, заслуженный деятель науки ГССР, д.б.н. проф. *Г.М. Папалашвили*, председатель научно-методического и учебного совета по биологии Министерства высшего среднего и специального образования ГССР, декан биологического факультета ТГУ, д.б.н. *Б.А. Ломсадзе*, член Президиума правления общества "Знание" г. Тбилиси, лауреат Государственной премии СССР, проф. *А.Г. Намрошвили*.

ВЫПИСКА

Из протокола совместного заседания городского отделения
Общества генетиков и селекционеров г. Новосибирска
и философского семинара Биологического института СО АН СССР,
посвященного обсуждению книги академика *Н.П. Дубинина* “Вечное движение”

28.02.74 г.

Основной доклад о книге академика *Н.П. Дубинина* сделала кандидат биологических наук *Сухарева Н.Б.*, которая отметила, что эта книга поднимает очень важные вопросы, интересна и полезна для широкого круга читателей.

В обсуждении приняли участие: д.б.н. *Гулия В.В.*, д.б.н., профессор *Петров Д.Ф.*, к.б.н. *Лайкова Л.*, аспирант *Герашенко В.И.* Они отметили, что докладчик ясно и четко изложил содержание книги *Н.П. Дубинина*, в которой ярко освещено развитие генетики в Советском Союзе и дискуссии 1930–1940-х гг. о философских вопросах генетики и дарвинизма, показанные через призму личных восприятий автора, который был в центре событий. Книга “Вечное движение” очень полезна как для биологов различных специальностей, так и для широкого круга читателей.

Резолюция: Книга академика *Н.П. Дубинина* очень интересна и полезна для широкого круга читателей. В настоящее время ее тираж полностью разошелся и в связи с этим очень желательным является второе издание ее большим тиражом (200–500 тыс. экземпляров).

Резолюция принята единогласно.

Председатель заседания д.б.н., проф.

Д.Ф. Петров,

Секретарь заседания

Е.Г. Тараканова

ОТЗЫВ

на книгу академика *Н.П. Дубинина* “Вечное движение”

01.04.74 г.

В настоящей монографии выдающийся советский генетик академик *Н.П. Дубинин* раскрывает этапы развития науки о наследственности и изменчивости организмов в их исторической последовательности и главные направления и перспективы развития современной генетики. Выход в свет такой книги, написанной доступным для широкого круга читателей литературным языком, несомненно является большим событием и сыграет существенную роль в деле широкого привлечения молодых исследователей к работе в одной из интереснейших отраслей биологической науки.

Глубокое знание материала позволяет автору выбирать из необозримого моря фактов наиболее яркие, интересные и самые убедительные примеры. Четкость изложения, доступность и наглядность в сочетании с ясностью и высокой научностью являются главными достоинствами данной книги. Книга выгодно отличается и тем, что автор является непосредственным участником тех фундаментальных исследований, которые были начаты в конце 1920-х и 1930-е гг. в нашей стране. Личная судьба автора является как бы зеркальным отображением той сложной обстановки, сложившейся вокруг генетики в нашей стране в силу ряда субъективных причин. В этой связи трудно переоценить то огромное воспитательное значение книги для молодых ученых, в которой излагается с какой настойчивостью и внутренней убежденностью ее автор отстаивает основные методологические принципы генетики, подвергая суровой критике идеалистические, метафизические направления, как попытки фальсификации предмета генетики, возрождения евгеники и так далее.

Книга Н.П. Дубинина глубоко научна. В ней в очень доступной форме автор излагает основные положения классической генетики, на конкретных примерах определяет значение достижений генетической науки для народного хозяйства. Подлинно научно и четко определены задачи, стоящие перед современной генетикой и селекцией, перспективы дальнейшего развития этой важнейшей науки, которая на данном этапе развития естествознания прочно вышла на передовые рубежи. Генетика для биологии – это то же самое, что атомная теория для физика. Например, генетика человека связана не только со всеми аспектами изучения человеческого организма, но также и с культурными, политическими и социальными сторонами человеческой деятельности. Человек в своих интересах широко использует знания о генетике культурных растений, сельскохозяйственных животных, бактерий, вирусов и грибов.

Круг лиц, непосредственно занимающихся изучением законов наследственности и применением этих законов в медико-генетической практике, быстро растет. Поэтому можно не сомневаться в том, что книга Н.П. Дубинина найдет многочисленных читателей не только среди специалистов-генетиков, но и среди врачей-практиков.

Председатель актюбинского отделения Всесоюзного общества “Анатомов, гистологов и эмбриологов” д.м.н. доц. *Г. Овсянников*, председатель Актюбинского отделения республиканского общества “Микробиологов и эпидемиологов” д.м.н. проф. *А.Т. Стародубова*, зав. кафедры биологии с основами генетики Актюбинского государственного медицинского института к.б.н. доц. *А.Б. Бигалиев*.

31 января 1974 г. в Киеве была проведена читательская конференция по книге Н.П. Дубинина “Вечное движение”, организованная Украинским ОГИС, Украинским научно-исследовательским институтом земледелия МСХ УССР.

ТЕЛЕГРАММА

Москва В-133 ИОГен
Академику Дубинину

Чабанов, 25 января 1974 г.

Приглашаем на читательскую конференцию по книге “Вечное движение”. 31 января Институт земледелия = Председатель Киевского отделения ВОГИС профессор Лихварь³

На конференции присутствовало несколько сотен человек. В резолюции конференции отмечается:

Книга “Вечное движение”, написанная крупнейшим советским ученым, академиком Николаем Петровичем Дубининым, является выдающимся событием, ярко освещающим историю развития генетики. В книге в увлекательной форме на высоком идейном, научном, политическом и философском уровнях в блестящей художественной форме, объективно изложена пятидесятилетняя история генетики – науки, играющей важную роль в научно-техническом прогрессе и развитии нашего общества. Все это создает новое направление в научно-популярной литературе...

В книге “Вечное движение” развитие генетики показано на фоне истории советского общества. В книге во весь голос звучит патриотизм автора...

В “Вечном движении” ярко показаны переживания, успехи и ошибки генетиков, их трудная борьба за установление научной истины. Глубоко и правдиво с большим

³ Лихварь Даниил Федорович – доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

чувством описана в книге деятельность и охарактеризованы выдающиеся личные качества Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, А.С. Серебровского, А.Р. Жebraка, И.В. Курчатова и других замечательных деятелей советской науки... выдающаяся роль деятелей науки – президентов АН СССР В.Л. Комарова, С.И. Вавилова, А.Н. Несмеянова, М.В. Келдыша...

Конференция отмечает удачную композицию книги, что делает ее своеобразным и глубоким документом эпохи. Именно это вызывает заинтересованность биологов, генетиков, селекционеров, философов, историков, физиков, математиков и самых широких кругов советских читателей. Это связано с тем, что в книге научность, правдивость и объективность отражают историю советского общества и сочетаются с философией, социологическими, политическими и личными взглядами автора. Эти стремления насыщают книгу ощущением глубины мировоззрения современного советского человека, что с захватывающим интересом воспринимается читателем.

Очень удачно в этом плане художественное описание природы, увлечений автора охотой, рыбной ловлей, птицами, шахматами, поэзией. Предельной искренностью личного отношения к таким вечным вопросам, как гуманизм человека, природа красоты, музыки, живописи и др. насыщены страницы этой замечательной книги. Эти качества поднимают книгу до высот выдающегося литературного произведения. Оригинально найденная автором композиция книги создает условия для естественного непринужденного вхождения читателя в многообразный, многоцветный, глубокий духовный мир...

Автор отвергает биологизаторские подходы к человеку, он уверен, что красочный духовный мир нового человека создается преобразованием социальных условий жизни.

Велико не только научное, мировоззренческое и общехудожественное значение книги Н.П. Дубинина. Книга “Вечное движение” надолго сохранит свое значение и сыграет огромную воспитательную роль. Молодые участники конференции говорили о том незабываемом впечатлении, которое производит книга на молодежь. Она раскрывает смысл событий, прошедших в генетике, который до сих пор для многих людей остается неясным. Книга во многом обращена к молодежи и зовет ее к самым высшим идеалам, поставленным перед нашим обществом. “Вечное движение” на жизненном примере учит принципиальности, любви к природе, преподает уроки этики, гуманизма и патриотизма.

Селекционеры, выступавшие на конференции говорили о том, что значение книги для селекционеров нашей страны исключительно велико, так как селекция черпает свои идейные подходы в развитии генетики.

Конференция читателей считает настоятельно необходимым второе издание книги “Вечное движение”. Она полагает, что второе издание будет иметь не меньший, а, по-видимому, даже и больший успех, чем первое. Автор заверил конференцию, что он учтет все замечания и добрые пожелания, сделанные ему на конференции и в многочисленных письмах, полученных им с разных мест страны.

Все участники читательской конференции высказывают глубокую благодарность автору книги лауреату Ленинской премии, академику Н.П. Дубинину за участие в работе конференции.

Председатель Киевского УОГИС
Председатель Перв. Орг. Общ. “Знание”
Председатель МК УНИИЗ

Многие люди, приславшие отзывы, сами были участниками или свидетелями бурных событий, отраженных в книге, хорошо знали многих людей, о которых в ней говорится. Поэтому их оценка и мнение по поводу изложен-

ного весьма интересны. В то же время сами отзывы в значительной мере могут быть восприняты как воспоминания о Николае Петровиче, как оценка его многогранной деятельности.

Представленные в этом разделе материалы отражают обширную географию читательской аудитории, охваченную книгой. Она представляет более 55 городов бывшего Советского Союза, страны ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Болгарию, Индию, Японию, Румынию, Англию и др. страны.

Саратов

29.06.1983 г.

Уважаемый Николай Петрович!

Только в прошлом году мне удалось занять Вашу книгу “Вечное движение”. Прочитал ее и вновь, в этом году, на даче, перечитал. У меня возникло естественное желание поделиться с Вами своими впечатлениями о ней.

Я с Вами лично не знаком, но знаю Вас по Вашим печатным работам и той борьбе, которую Вы вели в трудные годы за сохранение и развитие генетики и биологии и вышли из этой борьбы победителем вместе со своими единомышленниками.

Слышал я о Вас и от В.Е. Альтшулера, в бытность его в Саратове. В то время я заведовал кафедрой селекции и семеноводства в Саратовском СХИ, откуда меня “принудили” уйти в 1948 г. До 1967 г. я работал с профессором Н.Г. Андреевым на кафедре кормопроизводства в Саратовском зоветинституте. Сейчас это ТСХА.

Какое мое впечатление о Вашей книге? Не сочтите за преувеличение или комплимент Вам, но чтение “Вечного движения” произвело на меня глубочайшее впечатление. Может быть потому, что моя работа в описанные Вами годы близко соприкасалась с тем кругом вопросов, которым посвящена Ваша книга. Причем освоенных при строгой научности и принципиальности, образно, увлекательно.

Я бы поставил Вашу книгу в один ряд с “Былое и думами” А.И. Герцена. Ваши размышления “О жизни и себе” перекликаются с жизнью Герцена в XIX в., с веком XX в Советской России. Глубоко образованный революционер, диалектик А.И. Герцен и материалист-диалектик Н.П. Дубинин, говорят и там и здесь “О жизни и о себе”.

Немного о содержании Вашей книги.

Ваше живое описание тревожного детства и отрочества и надежд Коли Дубинина глубоко потрясло меня. Вместе с Колей я плакал (я не стыжусь этих слез), когда он, прочитав “Мировые загадки” Э. Геккеля, потрясенный открывшейся ему картиной мироздания, ночью рыдал в саду интерната.

После первоначального ознакомления с Великой книгой “Происхождение видов” Ч. Дарвина, юноша решает стать биологом, хотя его богатые и разносторонние природные данные и одаренность, сулили ему успех и на другом поприще. Счастье молодого человека, попавшего в Московский университет и в том, что он имел таких выдающихся учителей, как А.С. Серебровский, С.С. Четвериков, Н.К. Кольцов.

Хорошая подкованность в вопросах философии, глубокое изучение труда В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”, помощь в этом его друзей – дало молодому ученому возможность, участвуя в развитии генетики, избегнуть ошибочек автогенеза, хорошо разобраться в кризисе растущей науки и занять принципиальную позицию в борьбе за ее развитие и очищение от ошибок, отстоять позиции генетики и дарвинизма в трудные 1930–1955 гг. Продолжать и сейчас занимать принципиальные позиции в борьбе внутри этой науки. Я имею в виду последнюю главу книги, которая вместе с предисловием “О главном герое этой книги” составляет “кредо научное” автора.

Кратки, выразительны и метки Ваши характеристики Учителей Ваших, сотрудников и ученых, с которыми Вам пришлось встречаться и работать, бороться за сохранение и развитие генетики. На меня, как живые, смотрят со страниц “Вечного движения” Н.К. Кольцов, с Вашей общей любовью к гению нашей литературы – А.С. Пушкину. Вы помните – “Ты, солнце святое, гори...!” Но это не помешало Вам отметить, наряду с его научными достижениями, ошибки в науке и политические ошибки.

Поразителен портрет Е.С. Мойсеенко, этой жрицы науки, наследовавшей прекрасные черты характера своего знаменитого прадеда. А.Р. Жебрак (я его знал) – этот рыцарь науки и бесстрашный борец за ее чистоту, Н.В. Цицин, истинный последователь И.В. Мичурина, с его негибимой волей и принципиальностью в науке, Н.И. Вавилов – лидер наших биологов, гений науки, по словам его учителя Н.Д. Прянишникова; сам Прянишников, говоривший открыто об “облысении науки”, выдающийся генетик С.С. Четвериков, завещавший Вам свою библиотеку. Все они, после знакомства с ними по Вашей книге стали ближе и зримее для меня.

Ваша борьба за генетику, за дарвинизм – на сессии ВАСХНИЛ в 1936 г., на совещании при журнале “Под знаменем марксизма” в 1939 г., где Вы выступили с речью, которая вошла без изменений через свыше трех десятков лет в Вашу книгу “Вечное движение”. Это ли не доказательство правильности Ваших позиций! Не случайно еще в молодости Вы избрали себе девиз: “Все это я просто должен был сделать!”

Вы, Николай Петрович, и певец природы нашей. Ваше описание Урала, охоты там и рыбной ловли, встречи лунной ночью с молодым волком, наслаждавшимся жизнью, не будучи замеченным Вами, рассуждения о чувстве прекрасного, о жизни и смерти, о победе жизни, при наличии смерти – дополняет Ваш образ ученого и чисто Человеческими (вспомнил М. Горького – Человек – это звучит гордо!), чертами без чего нет яркой полноценной жизни.

Говорят, что Вы бываете и трудным человеком при отстаивании своих взглядов и принципов. Это хорошо. В.И. Ленин где-то говорил (кажется в воспоминаниях М. Горького о нем), что нельзя иначе, люди могут рассосать тебя в таком случае!

И в заключении моего затянувшегося письма к Вам хочу затронуть вопрос о значении генетики для селекции и о соотношении их между собой. (...)

* * *

30.03.1984 г.

(...) Вы не только генетик. Вы прекрасно разбираетесь в вопросах ее приложения к селекции растений и животных, роли генетики для получения исходного материала селекции.

Я еще раз перечел, прежде чем писать Вам, последнюю главу “Вечного движения”, в которой Вы высказываете свои опасения о высокомерии ряда генетиков к селекции, непонимании ими того, что без селекции не могут быть созданы новые, выдающиеся сорта сельхоз растений и пород животных. А “кружение головы” у генетиков есть, третирование селекции имеет место. (...)

* * *

30.12.1986 г.

(...) Ваша непримиримая борьба в течение десятков лет за чистоту и сохранение генетики, как науки в нашей стране, снискали Вам широкую известность среди широких масс русского народа!

“Вечное движение” – долгие десятилетия будет служить настольной книгой для нашей молодежи, посвятившей себя генетике и селекции. (...)

Канд. с.-х. наук

Н.П. Бубнов

Уссурийск

16.02.1973 г.

⟨...⟩ С большим удовлетворением прочла Вашу книгу “Вечное движение” и, наконец, нашла в ней ответы на вопросы, которые были для меня очень долгое время неразрешимыми. Я закончила биофак в 1954 г., какая была тогда наша подготовка Вам очень понятно. Работаю в школе, веду общую биологию в 9 и 10 классах средней школы. Как только закончила читать Вашу книгу, решила провести по ней конференцию, участников набирается более 20 человек, видите, интерес к цитологии, молекулярной биологии и особенно генетике у нашей молодежи огромен, проводить ее будем в середине декабря. У нас есть одно затруднение, нигде не можем по городу найти второго экземпляра книги, а в нашей библиотеке книг по генетике очень и очень мало, т. к. школа молодая, недавно отпраздновали только пятилетие, поэтому и обращаюсь к Вам с просьбой. ⟨...⟩

Больше всего ждем от Вас Вашего живого слова. На ребят письма такие действуют потрясающе и делают даже крутой поворот в избрании профессии. Я, например, очень бываю довольна, если наши выпускники идут на биофак, значит труд не пропадает даром. ⟨...⟩

* * *

24.02.1974 г.

Многоуважаемый Николай Петрович!

Большое Вам спасибо за внимание и заботу о нас, за Ваши чудесные книги!!

Конференцию по книге “Вечное движение” мы провели еще в декабре месяце, привлекли еще дополнительную литературу по достижениям генетики. Ребята (10 классы) с глубоким интересом провели конференцию. Мне думается, что обе Ваши книги “Горизонты генетики” и “Вечное движение” станут настольными книгами учителей биологии, только нужен еще дополнительный тираж.

По нашему примеру (я рассказала о конференции по Вашей книге на очередном методическом объединении) конференции будут проводить и в других школах города, думаю и на биофаке в Пед. институте, ведь студенты особенно хорошо должны знать Вашу книгу “Вечное движение”. Моим учащимся трудно было готовить конференцию, так как все пришлось начинать первыми, да и теоретически в декабре они еще не очень были подготовлены к ней, мы только в январе-феврале закончили изучать основы генетики.

Для меня Ваши книги огромный пример целеустремленности, настойчивости, очень глубокой принципиальности, твердости, пример большой преданности любимому делу, я была искренне рада за Вас, что и в орнитологии Вы остались генетиком!

С глубоким уважением к Вам
учитель биологии средней школы № 29
г. Уссурийска Приморского края

Л.О. Ночвина

P.S. Поздравляя Николая Петровича с 80-летием и награждением его орденом Ленина Лина Оскаровна Ночвина написала: “Очень люблю генетику, в 1950–1960-е гг. читали ее “подпольно”, учились сами и учили своих учеников, давая материал, выходящий за рамки учебников и программ, многие из них трудятся в биологии и медицине, так что Ваш завет выполняли с душой. Земной Вам поклон!”

Москва

26.07.1973 г.

⟨...⟩ Начав перелистывать книгу, я с большим интересом погрузился в Ваше ясное и темпераментное повествование о столь памятном – и славном, и мрачном, горьком – ходе развития биологической науки в нашей стране в последние полвека. ⟨...⟩

Академик

А.Е. Браунштейн

Москва

27.07.1973 г.

⟨...⟩ Благодарю Вас за “Вечное движение”. Начал читать и делаю это с большим интересом: необычная эпоха, замечательные люди, события, о которых я знаю только отрывочно. Ваша книга не только автобиография, но и история.
⟨...⟩

Академик

А.А. Баев

Москва

31.07.1973 г.

⟨...⟩ Книгу “Вечное движение” я прочитал с огромным интересом. Хочу выразить Вам мое восхищение всем, что Вы сделали, и тем, как смогли Вы рассказать об этом в своей книге.

Я уверен, что книга станет прекрасным руководством для всех, кто идет в науку и стремится отдать ей свою жизнь. ⟨...⟩

Член-корреспондент АН СССР

И.Т. Фролов

Москва

2.08.1973 г.

⟨...⟩ Книга мне очень понравилась. Я просто потрясен. Об этой книге многие будут говорить, она не пройдет незамеченной и будет иметь большой общественный резонанс.

Все бледнеет, что писалось в нашей литературе раньше. Конечно, найдутся злопыхатели, которым что-то в ней и не понравится. На это вряд ли стоит обращать внимание. Всякий, кто прочтет ее, поймет, что она написана человеком патриотом своего Отечества. Все в ней уместно и правильно. ⟨...⟩

Доктор биологических наук, профессор

А.П. Пехов

Москва

7.08.1973 г.

⟨...⟩ Ваша книга “Вечное движение” и потрясла, и заставила задуматься, и доставила удовольствие, которое можно сравнить лишь с воздействием поэзии. От всей души благодарю Вас за мужественный, взволнованный и поэтический рассказ о Вашей науке и ее благородных творцах. Уверен, что Ваш жизненный подвиг будет всегда служить доброй славе Русской Науки.

С моей стороны слишком смело предлагать Вам написанное мною стихотворение, но так созвучно оно Вашей повести, что я решился показать Вам свой поэтический опус, заведомо зная о Вашей занятости.

СЛОВО УМУ

Мир сотворен работою ума,
Непостижимым сомоотверженьем.
Медаль за труд – латунная луна –
Свидетельница взлетов и свержений.

И самый ум не требует наград:
Он счастлив лишь печальною мечтою,
Что, может быть, опальный авангард
Когда-нибудь постигнется толпою.

Не счесть обид, доставленных уму.
Его труда не счесть монетой звонкой.
Но мир нам славен только потому,
Что нашу глупость не поймут потомки.

Провозгласив величие ума,
Я так хочу увидеть пред собою
Всех, кого чтит История сама,
Пред кем она трясет главой седою.

Научный сотрудник из Института ГЕОХИ

Б. Новосадов

Москва

15.08.1973 г.

⟨...⟩ Книга мне очень понравилась и, благодаря отличной логике изложения, помогла мне, в пределах моих знаний, конечно, постичь суть разыгравшейся в те годы биологической дискуссии. Запоминаются портреты отдельных ученых и современников, великолепны (по-аксаковски порой!) картины уральской природы. С большим интересом читаются также абзацы о всякой дикой живности нашей, о птицах в особенности.

Академик

Леонид Леонов

Югославия, Белград

19.08.1973 г.

⟨...⟩ В Москве, в проезде Художественного театра, напротив классического театра МХАТ, у букинистического магазина вот уже несколько дней одна книга продается, так сказать, “из-под прилавка”. На прилавках и полках ее нет, но всякий любопытный может увидеть, как она “вылетает” из развязанных пачек у продавщиц. Книга, однако, издана легально. Ее тираж – 100 000 экз....

Книга, о которой идет речь, – августовский бестселлер в Москве – называется “Вечное движение”, а ее автор – генетик академик Николай Петрович Дубинин. ⟨...⟩

Р. Бајалски

Калинин, Тверь

19.08.1973 г.

Дорогой Николай Петрович!

Еду сегодня в свой деревенский сад, заезжаю за другом – профессором. Не генетик, нет, – лингвист. “Не могу, – говорит, – на полдня, только на полдня дали книгу, купленную из-под прилавка”. Что-что, а тверские книжные подприлавки я знаю, как собственную квартиру, но о том, что оказалось в его руках, даже я не знал, эта книга до прилавков не дошла, ее еще на базе растащили. Это была Ваша книга, Николай Петрович, – “Вечное движение”. В саду мы читали ее вслух по очереди.

Спасибо Вам за честное служение науке!

Писатель

Петр Дудочкин

Москва

19.08.1973 г.

⟨...⟩ За полчаса, за которые я мог лишь перелистать книгу и прочитать несколько страниц, в частности, о дискуссии по вопросам евгеники (когда-то я читал, кажется, на страницах журнала “Под знаменем марксизма”, а потом и позже – критику

взглядов Кольцова, Серебровского и других), я мог высоко оценить Ваш труд. Впрочем, в моей оценке он не нуждается.

Профессор медицинского института

П.И. Шамарин

Новосибирск

26.08.1973 г.

Дорогой Николай Петрович!

Получил Вашу последнюю книгу. Книга сложная и однозначно оценить ее не могу. Многое из того, что Вы пишете, написано зря, а многое, что следовало написать по непонятным причинам опущено.

Во всяком случае, искренне благодарю Вас за внимание. Расхватали Вашу книгу у нас молниеносно!

Доктор биологических наук, профессор

Ваш Ю. Керкис

Владивосток

Дорогой Николай Петрович!

Мне в целом понравилась Ваша книга “Вечное движение”. Считаю, что Ваши воспоминания весьма интересны и полезны, хотя с рядом оценок согласиться и не могу. Пишу Вам об этом потому, что по доходящим до меня сведениям ряд товарищей пытается очернить книгу. Было бы полезно опубликовать на нее обстоятельную и объективную рецензию.

Доктор биологических наук, профессор

Н. Воронцов

Краснодар

27.08.1973 г.

(...) Вы мне доставили истинное удовольствие своей книгой “Вечное движение”. Прочел запоем. Снова пережил старые времена, когда с часу на час ожидал высылки на Север: саквояж с необходимыми вещами был на этот случай приготовлен... Много можно было бы написать хвалебных слов о Вашей книге. Но зачем они? Ведь Вы проявили себя не только как выдающийся, беспристрастный ученый, но и как талантливый публицист, писатель! Ей нет цены!

Доктор с.-х. наук, генетик, селекционер

М.Ф. Терновский

Москва

1.09.1973 г.

(...) Прочитал Вашу книгу с неослабевающим интересом. Хочу от души поздравить Вас с изданием такого важного и значительного труда, который войдет в литературу о развитии советской науки, о сложных, противоречивых, подчас драматических путях ее – как крупнейшее явление. Прежде всего мне хочется отметить глубокую принципиальность Вашей книги, смелость и мужество, которое проявлено Вами в оценке, как выдающегося вклада в развитие генетики таких крупных ученых, как Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский и других, так и их серьезных ошибок автогенетического характера и социологизации генетики, которое в той или иной мере было в их научной деятельности. Мне также понравилось, что Вы, с присущей подлинному ученому прямоотой, говорите в книге о так называемых реваншистах, об ошибках академика Б.Л. Астаурова, В.П. Эфроимсона и других...

Не могу пройти и мимо художественных достоинств Вашей книги, прекрасного стиля, поэтической вдохновенности, с какой она написана. Для каждого, прочитавшего книгу, Вы предстаете как образец ученого, борца за истину, влюбленного в свою науку, как прекрасного патриота нашей Родины, как активного и бо-

евого члена нашей великой партии, как человека с обаятельными личными качествами.

Академик

Митин

Донецк

2.09.1973 г.

⟨...⟩ Восхищен Вашей книгой “Вечное движение”, которая разошлась в течение двух дней и уже стала библиографической редкостью.

Читал я ее и мысленно предо мной представилась картина событий после 1948 г. В это время я был студентом Воронежского лесохозяйственного института.

С огромным интересом прочитал о многих замечательных советских ученых, с которыми Вам приходилось вместе работать.

В связи с этим позволю себе сообщить Вам, что чл.-корр. АН СССР, профессор Воронежского госуниверситета Борис Николаевич Козо-Полянский был самым убежденным сторонником Ваших взглядов. Я присутствовал на его публичной лекции в переполненном актовом зале Воронежского лесохозяйственного института, где он всецело поддерживал Вашу борьбу за генетику и высказывал самые резкие замечания в адрес Т.Д. Лысенко и его сторонников.

Эта глубокая по содержанию лекция оказала на меня и многих присутствующих огромное влияние, ибо она помогла правильнее оценить создавшуюся ситуацию в биологии и получить твердую уверенность в том, что правое дело несомненно восторжествует.

Доктор биологических наук,
профессор

С.Ф. Негруцкий

Калинин

3.09.1973 г.

⟨...⟩ Книга Ваша многое всколыхнула в моей душе... Не мне судить о научных достоинствах Вашей книги. Я только хочу сказать, что покорена Вашей человеческой стойкостью. Думается мне, что мужество это вообще самая главная и самая нужная черта человека. Особенно нужна она, наверно, в пожилые годы. Вся книга Ваша озарена светом человечности и веры в жизнь. Это сейчас очень нужно людям.

Режиссер Калининского театра драмы

С. Плисецкая

Москва

7.09.1973 г.

⟨...⟩ Я не генетик, а лесовод, но также вытерпел много неприятностей от лысенковцев, без основания опровергавших мою идею о редких и равномерных посадках леса в сухой степи, мотивируя это отсутствием внутривидовой борьбы. Ориентация на загрязнение посадок по методу Лысенко потерпела крах. Предложенный мною способ посадки леса в районах недостаточного увлажнения с редким шахматным размещением деревьев получил научное и практическое признание, мне присвоена степень доктора наук. Но сколько пришлось пережить. Поэтому мне понятна история Вашей неустанной борьбы с Лысенко и его оруженосцами по самым актуальным вопросам биологической науки.

Как бы ни трудно было, Вы отстаили свое, доказали свою правоту. Меня восхищает Ваша настойчивость, эрудиция и огромная работоспособность...

Есть книги, которые оставляют глубокий след в науке, необозримо расширяющие наши познания, зовущие к творческому дерзанию. Такой является Ваша книга.

Доктор экономических наук, лесовод

В. Векиегонов

Москва

9.09.1973 г.

От души благодарю Вас за чудесную книгу “Вечное движение”, чтение которой не только доставляет подлинное наслаждение, но и побуждает к размышлениям, притом надолго. Большое сердечное спасибо Вам от историков философии и общественной мысли за то, что Вы создали такую талантливую и поучительную книгу, а равно и за то, что Вы, в отличие от некоторых коллег наших, презрев несправедливости и невзгоды прошлого, доброжелательно и справедливо оцениваете исторический путь советской науки, советской философской и теоретической мысли с ее поисками, заблуждениями, с трудным ее восхождением...

Член-корреспондент АН СССР

М. Иовчук

Горки Ленинские

11.09.1973 г.

⟨...⟩ Сегодня дочитала книгу “Вечное движение”... Огромнейшее спасибо за такой чудесный труд, от которого получила большое наслаждение. Спасибо Вам за то, что Вы такой, какой есть. Спасибо, наш родной гений. Я знаю, что Вам не понравятся эти мои слова как когда-то не нравились они Д.И. Менделееву и тогда он говорил: “Гений, гений, какой там гений, всю жизнь трудился вот и стал гением”. Мы, простой народ, гордимся, что в нашей стране есть такие корифеи...

Биолог-химик

Т.Ф. Гончарова

Москва

16.09.1973 г.

⟨...⟩ Вчера 15 сентября 1973 г., находясь в командировке в Орловской области по вопросам уборки урожая закончил читать Вашу прекрасную книгу “Вечное движение”, а вечером под свежим впечатлением поспешил к телевизору на Вашу встречу с юнкорами и посмотрел на Вас и послушал живую речь, которая не имела расхождений с книгой.

⟨...⟩ О Вас, как и многие агрономы, знал только по материалам августовской сессии ВАСХНИЛ, теперь уже печальной сессии.

Читая внимательно Вашу книгу, а отдельные разделы два-три раза, много думал о Вашей негибкой воле, воле настоящего ученого и патриота. У меня от счастья Вашего глаза наполнились слезами, в том месте книги, когда в 1968 г. в Токио Вам рукоплескал весь огромный зал, отдавая дань уважения одному из главных генетиков мира и представителю страны Советов.

В трудный для Вас период Вы вели себя так же, как и Н.И. Вавилов по принципу “сгорим на костре, но от своих убеждений не откажемся”. ⟨...⟩

Г.Б. Бембинов

Горький

18.09.1973 г.

⟨...⟩ Мне кажется, мы – биологи младшего поколения – давно ждали такой книги, ибо всех нас интересует история нашей науки, ее становление в нашей стране, ее трудный и не прямой путь. ⟨...⟩

Ваше поколение – да и вообще страна, – слишком дорого заплатили за этот урок, чтобы мы могли позволить себе его забыть. И это замечательно, что именно Вы, пройдя нелегкий, но славный путь в науке и общественной жизни, взяли на себя труд обратиться к молодежи...

Не могу умолчать о прекрасных художественных достоинствах Вашей книги. Я назвал бы ее “Генетической поэмой”, если бы это определение вместило в себя все ее разнообразие. Вам удался редкостный сплав истории, философии и поэзии. ⟨...⟩

И еще один момент чрезвычайно близок мне в Вашей книге. Это – река Урал и прикаспийские степи с их пернатыми и четвероногими обитателями. Я сам – орнитолог, “прикаспиец”, работал в районе (...) и Устюрта, а в 1972–1973 годах проплыл со студентами на байдарках от Оренбурга до Гурьева. Ваши страницы оживили во мне прекрасные дни, проведенные на этой реке, и, хоть многое там сейчас не так, все равно не умерла еще красота Урала! (...)

Орнитолог, Ульяновский педагогический институт

В. Неручев

Эдинбург

19.09.1973 г.

Дорогой профессор Дубинин,

Я хочу поблагодарить Вас за Вашу последнюю книгу. К сожалению, я могу посмотреть только на фотографии, где я нашла некоторых известных и много неизвестных мне лиц хорошо известных ученых. Доктор Бил расскажет мне о чем Вы пишете и особенно о себе.

С лучшими пожеланиями

Ш. Ауэрбах (С. Auerbach)

Москва

21.09.1973 г.

(...) Мне, как неспециалисту, трудно судить о блестящих, на мой взгляд, литературных достоинствах книги. Но она, безусловно, содержит в себе великий заряд энергии, который передается читателю; глубокую веру в необходимость величайшей принципиальности в научной работе; доказательность непобедимости правды, могучую убежденность в силе нашей советской научной интеллигенции.

Уверен в том, что Ваша книга будет чрезвычайно полезна не только для молодежи, но и для среднего поколения научных работников, к числу которых я отношу и себя. Ваше личное мужество, самоотверженность в отстаивании Истины, верность идеалам будет служить примером для всех читателей этой книги. (...)

Сотрудник Центрального
экономико-математического института АН СССР

Б.Л. Геронимус

Киев

25.09.1973 г.

Дорогой Николай Петрович!

От души поздравляю Вас с выходом книги “Вечное движение”. Как своевременное и хорошо, что она издана теперь и, именно, в Политиздате! Наши украинские “радители” о науке уже начали было шумиху по отношению к генетике, базируясь на лишении Медведева прав гражданина нашей страны, во всех аспектах муспируя проблему генетики и представителей ее, а тут как раз Ваша книга и, как знак ее политической оценки – рецензия в “Правде”.

В момент продажи книги в Киеве я был в командировке, вернулся, форменным образом отнял ее у аспиранта, захлеб прочел и еще раз перечитал – какая прелесть!

Помимо всего, преклоняюсь перед Вами за способность воспринимать природу, видеть ее штрихи, недоступные взгляду большинства горожан! За Ваши рыбацкие подвиги, за Вашу эволюцию по отношению к охотничьим успехам. Все это мне понятно, близко и пережито в какой-то мере!

А что касается Вашей оценки всех событий, умения изложить их со спокойной мудростью, юмором, Ваш сарказм по отношению врагов, убийственный приговор их деяниям, умение привлечь для анализа события давно минувших лет, умение поднаться над всеми незаслуженными обидами и лишениями, умение остаться Челове-

ком. Перед этим нельзя не преклоняться. Не расцените это как подхалимаж, но о Вашей работе можно говорить лишь в превосходной степени!

А поэтические описания природы – только у Аксакова встречал я подобное! А любовь к ней, любовь, которой руководит не только восторженность, но и глубокое чувство патриотизма, а эрудиция, любовь к поэзии, искусству, глубочайшее знание философии.

Вы знаете, эта книга пересечет все границы и рубежи и, несомненно, будет служить укреплению авторитета нашей отечественной науки за рубежом, помешает недругам использовать прошлые ошибки.

В начале сентября в Киеве в командировке был директор Института селекции Шопронхорпача (ВНР) доктор Шмилляр и научный сотрудник этого института Ференц Фаркоши. В одной из встреч с ними я зачитал некоторые места из этой книги, потом отметил узловые в генетических событиях моменты и подарил им эту книгу. Какой восторженный отзыв получил я из Венгрии от Ференца (он знает русский язык).

Нет, Николай Петрович, очень здорово! Я уже не говорю о том, какое влияние она окажет на оценку “друзей” – деятелей, поднимающих возню около Вашего имени!

А сколько молодежи Вы привлечете к генетике!

Вы знаете, Николай Петрович, я благодарен судьбе, что мне пришлось какое-то время помогать Вашей работе, я всегда с радостью сделаю для Вас все возможное. Это опять не подхалимаж. Это преклонение.

Поздравляю Вас, Николай Петрович! Поздравляю всех Ваших друзей. Спасибо Вам от имени 100 000 читателей. Я ошибся, их будет несравненно больше. Ваша книга ходит по рукам, и та кучка деятелей, которым она не может понравиться, просто ничтожна и не заслуживает внимания. Спасибо Вам за книгу от тысяч зарубежных друзей, на языки которых, несомненно, будет переведена Ваша книга, и послужит укреплению авторитета нашей науки! Очень здорово! Всего Вам наилучшего, доброго здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов на радость всем нам. Всего-всего Вам самого хорошего!

Всегда Ваш
Кандидат биологических наук

В. Панин

Бийск, Алтайский край

30.09.1973 г.

⟨...⟩ Думаю, что Ваш гражданский и научный подвиг никогда не забудется честными русскими людьми и всем честным человечеством. ⟨...⟩

“Человек – говорил Алексей Максимович, – это звучит гордо”. Вашим именем будут вечно гордиться русские, а человечество поставит Вас рядом с Д. Бруно. Конечно, Вы – не мученик, а борец с самой большой буквы этого слова, наша партия – не церковь, философия марксизма-ленинизма – не религия и теология. И все-таки, Сталин, Хрущев и Лысенко вели разными методами борьбу с Вами и генетикой от имени коммунистической партии и философии марксизма-ленинизма. Это – факт. ⟨...⟩ После прочтения Вашей книги страх перед людьми в решении научных проблем пропал. Жить и дышать стало легче и свободнее.

Философ

М.Я. Бобров

Херсон

27.09.1973 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Пишу Вам письмо под впечатлением только что прочитанной книги “Вечное движение”. На меня произвело большое впечатление Ваше мужество в написании моментов личных невзгод – ни тени рисовки, ни капли слез – как не хватает этого

многим писателям! – но как достоверно выглядят события и факты. Чувствуешь, что автор писал сердцем и умом, не ища у читателя похвал. О генетике и генетиках сейчас пишут многие, но пишут путано и претенциозно, Вам удалось написать ясно, доступно, скромно. Живым видишь Н.И. Вавилова, а то ведь его многие вспоминатели преподносят этаким небожителем. Хорош и чист Ваш русский язык – большое спасибо за это! Ваша книга будет с интересом читаться всегда, потому что в ней, как в романе, борьба нового со старым, правды с ложью, потому что в ней о Пушкине, о “Былом и думам”, о любви к Родине, обо всем, чем живет и надеется советский читатель. Как врач я рад Вашей книге, я считаю ее и чуть своей...

* * *

31.12.1977 г.

⟨...⟩ Следя за журналами, я всегда ловлю себя на мысли, что ожидаю какого-нибудь продолжения “Вечного движения”, ведь вы обязаны рассказать о своей жизни подробнейшим образом, еще и еще раз. Обратите внимание, глубокоуважаемый Николай Петрович, пишет Н.М. Амосов, пишет Ф. Углов и др. Читатель ждет таких авторов, верит им, учится у них! Я уверен, что тысячи Ваших читателей меня понимают. Когда бывает тошно, а у врача это бывает чаще, чем у других, возьму Вашу книгу, открою, где случиться и читаю с упоением... Она еще не понята. “Большое видится на расстоянии” – писал Есенин. Вашу книгу потомки будут читать с интересом и изумлением. Это порождает правдивость и чистота Вашей книги, ее смелость, ее прямота. Еще раз, пользуясь случаем, благодарю Вас за написанную книгу, надеюсь прочесть еще. ⟨...⟩

Врач

Г.И. Зубрис

Мичуринск

08.10.1973 г.

⟨...⟩ Поздравляем Вас с выходом в свет замечательной книги “Вечное движение” и не можем не выразить восхищения мужеством, проявленным Вами в борьбе за истинную генетику. Вся Ваша жизнь – это подвиг во имя науки, которой Вы преданно служите.

После всего, что было, нам так и казалось, что должна же появиться книга, в которой документально было бы рассказано, как все начиналось и как продолжалось. И как замечательно, что такая книга написана именно Вами, так как вы были на самом крайнем рубеже жестокой и тяжелой борьбы за справедливость.

Ваши научные книги являются настольными для биологов, генетиков, селекционеров. ⟨...⟩ Ваших книг недоставало нам, когда мы учились и начинали свою трудовую деятельность. ⟨...⟩

Глубокоуважаемый Николай Петрович! Нам хочется еще раз сказать, что мужество, с которым Вы в течение долгих лет отстаивали истину, достойно восхищения и подражания, а Ваши книги являются учебными пособиями не только для молодых, но и таких как мы, получивших в свое время извращенное представление о биологических закономерностях природы.

Еще раз спасибо за Ваши книги.

Научные сотрудники ЦГЛ им. И.В. Мичурина

И.М. Филиппенко, Л.Т. Штин

Брно, Чехословакия

17.10.1973 г.

Уважаемый товарищ академик!

Очень благодарю за Вашу книгу “Вечное движение”. Будьте уверены, что эта книга для меня очень интересна и я считаю ее Вашим личным свидетельством расstroганного развития генетики в Вашей стране.

Для меня является новым все, что Вы пишете относительно закулисной стороны деятельности такой личности как Н.К. Кольцов. Ваша книга является свидетельством развития генетики в политических условиях строительства Вашей страны.

С сердечным приветом

Витеслав Орел

Moravské museum · Biologický ÚSTAV · BRNO · ČSSR

Москва

17.10.1973 г.

⟨...⟩ С чувством глубокого удовлетворения мы прочли Вашу книгу “Вечное движение”, которая, по существу, является первой советской работой, где так обстоятельно и с большим тактом показана история генетической науки в нашей стране.

Лично нам хочется от всей души поблагодарить Вас за теплые и точные слова, сказанные Вами об Антоне Романовиче. Как дети Антона Романовича, мы хорошо знаем и помним, что в трудные для нашей генетики годы Вы лично, с Вашим неиссякаемым жизнелюбием и уверенностью в правоте своего дела, оказывали огромную моральную поддержку нашему отцу, сберегли для него несколько лет жизни. ⟨...⟩

Э.А. и Б.А. Жебраки

Ленинград

24.10.1973 г.

⟨...⟩ К счастью на три дня я получил для прочтения Вашу книгу “Вечное движение”. Она оставила у меня неизгладимое впечатление.

Преклоняюсь перед Вашим научным авторитетом, самоотверженностью в борьбе за науку.

Искренне Ваш, один из старейших соратников незабвенного Николая Ивановича Вавилова, живой еще свидетель описанной Вами эпохи бурь и тяжелой борьбы.

Доктор биологических наук, генетик, селекционер

И.А. Веселовский

Украина

29.10.1973 г.

⟨...⟩ Только что с огромным интересом и величайшим эстетическим наслаждением прочел Вашу – в высшей степени – яркую, поучительную, замечательную книгу “Вечное движение”.

Большущее Вам спасибо за книгу, в которой воплощены Ваше мужество, Ваша правда, Ваша доброта, одним словом Ваша красота (в самом широком смысле этого слова!).

Месяца полтора тому я был соучастником Вашей встречи с молодежью, которая транслировалась Центральным телевидением по всей нашей необъятной стране Советов. ⟨...⟩ Это прекрасно! Такие телепередачи оставляют в нашем сознании неизгладимое впечатление на всю жизнь, ибо они будят в нас общественную активность и развивают творческое начало в человеке 70-х годов XX в. ⟨...⟩ Если такие телепередачи да дополняются такими книгами, как “Вечное движение”, “Жизнь – поиск” – Б.Ф. Данилова, “Павлышская средняя школа” – В.А. Сухомлинского – это равносильно взрыву самой мощной водородной бомбы или даже высадке человека на Марс ⟨...⟩

В “Комсомольской правде” за 25.10.1973 г. опубликована статья Э. Щербаненко “Студентка”, которая лучшим образом подтверждает Вашу непоколебимую уверенность в творческие дерзания молодого поколения, которое вдохновенно принимает эстафету – факел вечно горящего огня науки из рук своих отцов и дедов.

Да здравствует же Вечный огонь Творчества!

М.К. Мосенко, читатель

Воронеж

29.10.1973 г.

⟨...⟩ Прочитал я недавно вышедшую Вашу книгу “Вечное движение”. ⟨...⟩

Хочу сказать Вам, дорогой Николай Петрович, что Вы подарили миру блестящую, талантливейшую книгу. Она блестящий показ того, как формировалась, росла и мужала наша новая советская интеллигенция (в том числе интеллигенция высшего ранга) вместе со становлением, ростом и укреплением нашего нового советского государства. ⟨...⟩

Ведь очень многие события, о которых повествуется в книге и их участники, в свое время мне были известны. Даже о Ваших путешествиях по реке Белой я многое знал по рассказам Ваших друзей. Но главное, конечно, не в этом. Главное в том, что книга написана с редчайшим мастерством. Как выразилась Наталия Митрофановна⁴, – это жемчужина художника слова. Эпизоды из путешествий по р. Урал (рыбалка, описания ландшафтов, встреча с хищниками и многое, многое другое) описаны неподражаемо. Изящество стиля поразительным образом сочетается с раскрытием величественного прошлого нашей страны. В книге нет и грана субъективизма.

“Вечное движение” – бесценный дар нашему народу, молодежи, науке. ⟨...⟩

Доктор биологических наук, генетик, эволюционист

И.А. Руцкий

Челябинск

30.10.1973 г.

⟨...⟩ На днях в Челябинском книготорге мне удалось купить Вашу автобиографическую повесть, под интригующим названием “Вечное движение”, и прочёл ее от корки до корки.

Дело в том, что в среде биологов Ваша личность легендарна!

Еще будучи студентом 2-го курса ветеринарного института, в 1939 г. я отлично помню у нас изымали конспекты по генетике, учебник Рокицкого, как “опасные” произведения, был свидетелем как расформировывали кафедру генетики, вместо генетики ввели курс “Дарвинизма”.

Хорошо помню 1948 г., когда вместо практических дел по подъему животноводства и, вообще, сельского хозяйства, “постигали мичуринскую” опошленную Лысенко науку.

Ваша жизнь меня потрясла, с каким мужеством Вы стойко перенесли все страдания и унижения, но остались верными истиной науке, считая, что правое дело непобедимо! ⟨...⟩

Вашим подвигом всегда будут восхищаться грядущие поколения, как беспримерным образцом мужества и стойкости. ⟨...⟩

Ваша жизнь, как великого ученого, бесконечно дорога русскому и советскому народу. ⟨...⟩

Ветеринарный врач

И.И. Лапшин

Свердловск

01.11.1973 г.

⟨...⟩ С большим интересом, не отрываясь, я прочитал “Вечное движение” за несколько вечеров. Вновь пересмотрел отчет августовской сессии ВАСХНИЛ и много увидел в новом свете. Привлекает бескомпромиссное правдивое изображение людей и событий. Считаю совершенно правильным изображение событий глазами одного человека. Это не превратило книгу в историческую монографию, а сделало

⁴ Наталия Митрофановна – супруга И.А. Руцкого, преподаватель биологии.

ее художественным произведением. Жизнь Ваша действительно богата событиями и слилась с историей генетики в описываемый период. Один из ваших однокашников Александр Капитонович Ларионов – почвовед и любитель природы рассказывал мне этим летом на полевой практике, как Вам сшили пальто из одеял, когда Вы учились с ним в Москве. Этот эпизод символизирует трудное начало Вашего сложного вхождения в науку. Особенно ценно, что в Ваших воспоминаниях предстают как живые многие корифеи нашей науки и простые ее труженики. Правдиво отражена вся сложность борьбы за генетику.

Язык книги подкупает своей простотой и лаконичностью. До настоящего времени мне приходилось читать лишь Ваши научные сочинения и трансформация стиля изложения удивительна. (...)

Доктор биологических наук

Ю.И. Новоженев

Нижекамск ТАССР

2.11.1973 г.

(...) Эта книга не только поэтическое повествование о времени и о себе, не только биография Вашей любимой науки и в целом всей русской ученой мысли на большом этапе со всеми ее перипетиями, в потоке которой Вы влиты как борец, ученый, Человек могучей силы воли, с ясностью цели, могучей веры в свои силы и в разум человечества, бескорыстный, вечно молодой с пронизательно улыбающимся взглядом, скромный и безмерно трудолюбивый, подкупающий, зовущий, заставляющий верить и ценить все прекрасное, но эта книга есть учебник жизни для всех возрастов и особенно для тех, у которых есть время посвятить себя науке. Таких книг не так уж много и, если прочитать ее во время, то никто равнодушным остаться не может; непременно каждый найдет себе ясную дорогу не только в генетику, но и в любую другую избранную науку, потому что в книге дан ясный и понятный стержень, как идти по жизни, как идти в науку.

Конечно, в жизни много зависит от случая, почти у каждого человека есть достойный подражания случай, но использовать его, выбрать путь и не поколебаться, если повернет тебя стезя не в ту, лазурно-радужную степь, нужно найти уметь силы свернуть от манящих далей в желаемую сторону и потом, не опускать рук и утешение найти в труде, а на это нужно иметь какие-то наследственные качества или учиться во время.

И, наконец, как пройти остроугольную сферу человеческих взаимоотношений, не оцарапав себя, не обломав ни чей острый угол самолюбия, причиняющий душевную боль и вызывающий месть, т.е. как пройти мели и скалы злосчастной судьбы в океане клокочущей жизни на вверенном нам небольшом корабле нашей собственной жизни. И казалось бы, что все это не ново, но как это доходчиво звучит по новому в Вашей книге. Эта замечательная книга дает ответ на все вопросы; с ней как с компасом и картой можно отправляться в любое плавание.

Лично мне кажется еще порой, что меня Вы завели на Олимп Науки и дали возможность оглядеться, понять происходящие. Я увидел, как на всем окружающем пространстве идет своя кипучая жизнь. На отдельных участках склонов горы бессчетное количество карабкающихся к вершине, мешая задерживая друг друга, как спасающиеся в окне горящего дома. А там в низине, там мирная жизнь, жизнь не нуждающихся, жизнь смирившихся, успокоившихся, стареющих. И подсознанием вижу себя я там в низине, но не борцом – пасущимся ягнцем, изредка беспокойно поглядывающим в даль на скалисто-лесистые склоны Олимпа. Но картины различные, они меняются, как сама жизнь (...)

Произошло удивительное совпадение: я не дочитав до той главы, где Вы подводите итог сорокалетней жизни и говорите о запасе времени, я подвел аналогичный итог. Пришел к такому выводу, что если мне предстоит прожить еще тридцать лет

и я всю жизнь должен смотреть не удовлетворенным ягнецом на склоны Олимпа, где люди карабкаются всеми способами, не щадя своего живота. Я обязан бы броситься туда, авось не затрут, авось найдется и для меня таежная тропа к заветной цели (...)

Большим ограничением оказалось для меня то, что я не смог увидеть Ваше выступление по телевидению в сентябре сего года, которое я ожидал с нетерпением целую неделю. Казанская телестудия, будь она неладна, заменила эти часы своими передачами. Переживаю и за то, что попадет ли это письмо к Вам в руки, не отнимет ли у Вас более драгоценное время, не озадачит ли чем Вас. Очень хотелось бы в другом письме высказаться окончательно, получив на то Ваше согласие.

На том остаюсь глубоко уважающий Вас

Н.И. Щербаков

Новосибирск

4.11.1973 г.

(...) Ваша книга "Вечное движение" стала главной настольной книгой молодых биологов Новосибирска и Академгородка. (...)

Доктор биологических наук

А. Мосолов

Сквира, Киевской обл.

10.11.1973 г.

(...) Вчера к 5 часам утра окончил чтение Вашей книги "Вечное движение". (...) В первую очередь хочется отметить большую воспитательную роль книги, как для старых кадров биологов, так и для молодежи, которая ищет "делать жизнь с кого".

Для научной молодежи, для людей, работающих в селекции и генетике, значение книги тем более велико!

Мне лично книга помогла утвердиться в некоторых весьма ответственных для дальнейшей жизни убеждениях, пробудила дополнительные силы. Не каждому прозведению такое дано. Считаю, что не будет сангитментом перефразирование известных слов А.М. Горького по отношению к этой книге-другу: "Но в жизни смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, свету!".

Изложенная в книге Ваша гуманистическая, высоко принципиальная и высоко нравственная позиция по отношению к основным вопросам развития биологической науки, к кадрам прошлого, к преодолению идеологической опасности в евгенике, глубоко импонирует читателям, устраняет многие сомнения и колебания, проистекавшие частью от недостаточной информированности, частью от искажений и досужих домыслов, рожденных сложным периодом в истории биологии.

Чудесны Ваши описания природы! (...)

В эпиграф Вашей книги я бы поставил (взятые из нее же) слова: "Перед генетикой открылась замечательная дорога развития, по которой мы должны пойти с ясной головой, добрым сердцем и чистыми руками".

Спасибо вам, дорогой Николай Петрович, за эту книгу! Очень она своевременна! Она правдива и пряма, как жизнь Ваша и борьба! (...)

Кандидат биологических наук, генетик, селекционер

Ю.П. Гончаров

Москва

15.11.1973 г.

(...) С большим неотрывным интересом прочел я Вашу книгу "Вечное движение". Это замечательная, на редкость удачная книга. В ней и научно написанная ис-

тория развития генетики в нашей стране, (...) и биографии ряда выдающихся ученых, и жизнеописание автора, причем мемуарная часть представляет собой высокохудожественное произведение. Я восхищен Вашей книгой.

Некоторые разделы книги я читал с глубоким волнением. Это объясняется тем, что многих Ваших коллег, товарищей и друзей я хорошо знал – Н.К. Кольцова, А.С. Серебровского, М.М. и Б.М. Завадовских, А.Р. Жебрака и др. (...) Мне понравились Ваши характеристики наших общих знакомых. Хочу добавить один штришок к портрету А.С. Серебровского. В 1931 г. поручили Александру Сергеевичу по партийной линии (он был тогда кандидатом в члены партии) выступить с докладом, посвященном Международному женскому дню 8 Марта. У докладчика вначале все шло хорошо, а под конец он заявил: “А в общем женщина не будет по-настоящему свободна до тех пор, пока мы не научимся выводить детей в инкубаторах”. Это было после философской дискуссии 1930 г., когда Серебровскому крепко досталось за его евгенические увлечения, и он обещал воздерживаться от защиты этих своих взглядов. Один из аспирантов напомнил ему об этом. Тогда А.С. Серебровский в ответ ему сказал “Язык мой – враг мой”. (...)

В 1930 г. я работал в Наркомземе СССР в качестве заместителя начальника управления животноводства... хорошо знал всех выдающихся биологов тридцатых годов.

Мой повышенный интерес к “Вечному движению” объясняется еще и убежденностью, что автор этой превосходной книги совершил научный подвиг. Предлагаю, каким надо было обладать мужеством, чтобы ринуться в бой во время дискуссии (точнее проработок генетиков) в 1936–1939 гг. А Ваше поведение в период генетического безвременья? А возрождение советской генетики в 1960-х гг.! А “реконструкция” генетики, смелая смена направлений ее исследований в эпоху атома! А вывод нашей генетики на передовые позиции мировой науки! Это ли не подвиг?

Доктор сельскохозяйственных наук

И.Я. Врачев

Ноябрь 1973 г.

РЫЦАРЬ НА ОЛИМПЕ

Посвящается Лидии Георгиевне,
Николаю Петровичу Дубинину

Его душа всех душ безгневней,
И светит нам – как луч во мгле.
А он – тот самый рыцарь древний –
Борец за правду на земле.

Не дрогнул он в борьбе суровой,
Когда “Презенты” пали ниц.
Идет народ стезею новой,
Презирая падших лиц!

Правды вечное сиянье
Шарлатанством не затмить.
Тысячелетние страданья
В подлунном мире не забыть!

Страдал Христос и Дездемона.
Его “тот жребий” обошел:
Он с правдой – притчей Соломона
На Олимп сияющий взошел.

Богами принятый в объятия –
К вершине горной он припал,
И вечный светоч “Люди – братья”
Нам лучезарней засиял.

Подпись неразборчива

г. Махарадзе, Грузинская ССР, п/о Анасеули

20.11.1973 г.

Дорогой Николай Петрович!

Пишу под впечатлением только что прочитанной Вашей книги “Вечное движение”. Признаюсь, это первая Ваша книга, которую я читал, хотя о Вас знаю с 1935 г., когда я работал в Сухуми во Всесоюзном НИИ влажных субтропиков. Василий Кондратьевич Лапин, при горячем вдохновляющем интересе со стороны Н.И. Вавилова, частого гостя нашего института, начинал тогда изучать полиплоидию у цитрусовых и Вас ощущал, как главу этого направления.

Я теперь Вас буду читать и перечитывать, но не могу не послать этого горячего как бы привета или большого восклицания от восторга перед Вашей книгой и перед Вами, обаятельный, живой человек с великой простотой.

Прежде всего, в книге действительно генетика – главный герой. Вы умело раскрыли сущность ее и историю борьбы. Вы написали за свою жизнь так много и так многосторонне, что это почти невероятно, когда *vita nostra brevia*. К концу книги Вы раскрыли такие широкие горизонты, такой широченный охват линий наступления генетики, что она ощущается как основа науки о жизни растений, животных, микробов, человека.

Мне особенно запечатлелось Ваше ощущение природы нижнего Урала, Средней России, пустынь. Из таких обобщений можно черпать неиссякаемые силы для борьбы на арене жизни. Эти места с интересом бы читал М.М. Пришвин.

Простота и человечность Ваши чувствуются сильно. Завидная биография. Бурная, многогранная интересная жизнь. Даже сейчас, решив написать это письмо, я в “Последних известиях” по радио услышал Вашу фамилию! Вы в США и участвуете в советской делегации ученых в Комитете по охране чистоты среды от радиации и прочего отравления и загрязнения. Позвольте крепко и с уважением пожать руку, написавшую “Вечное движение”.

* * *

26.11.1973 г.

(...) Вы согрешили против истины, против истории советской генетики, изобразив Т.Д. Лысенко искренним, честно заблуждающимся человеком. Я Вас понимаю, что Вы проявили такт по отношению к поверженному противнику. Но читателю, особенно будущему, далекому, нисколько не интересны Ваши такты, тоны и фоны. Ему нужна истина, пусть даже суровая. Вы, надо думать, располагаете большим материалом о подделках (приписки, недописки, ложные “факты” и т.п.), практиковавшиеся Трофимом в своей политической борьбе, которая ему казалась борьбой мнений в науке. Да, эти малые вождыня (Лысенко в биологии, Н. Марр в

языкознании и др.), выдвинутые с помощью административно сильных лиц, выглядят как нечистые политики, а Вы его изобразили (Трофима) каким-то честным недоумком, но честным. Это неверно.

Агроботаник, ВНИИЧИСК

А. Камаринский

Сухуми

29.11.1973 г.

(...) Когда у меня в жизни бывают неудачи, всегда вдохновляют строки великого поэта Н. Бараташвили из Мерани – “Сказочный конь”.

Не пройдет же бесследно души обреченного взлет!
Путь проложенный мною, других уведет от невзгод.
Навстречу судьбе мой далекий неведомый брат
Будет мчаться бесстрашно, в пути не встречая преград.

Вами, пройденный путь, на мой взгляд, многих спасет от зла и вдохновит на подвиг. (...)

Д.б.н. генетик-селекционер

И.С. Капанадзе

Московская обл., п\о Катуар, Сухарево, школа

20.12.1973 г.

(...) Хороша книга! Хороша откровенностью, я бы сказал открытостью души. Ничего не скрыто, ничего не спрятано. Высказано все и хорошее, радостное и трудное, больное. Даже к Лысенко чувствуется сочувствие и сожаление, несмотря на то, сколько тяжелого и трудного привнес он в Вашу жизнь. Я очень благодарен Вам за эту книгу. Не каждый наберется храбрости написать так о себе: вот я и вот моя работа, вся жизнь...

Хороша книга и тем, что она не закончена, вечное движение продолжается. Да и как ему не продолжаться, когда каждый день приносит все новые и новые открытия, в том числе и в генетике. Но, хотя в этом смысле, книга и не закончена, но как хотите, а переиздать ее нужно. Нужно потому, что она панегирик жизни (а это видно было по тому интересу, который был проявлен молодежью на телевизионной передаче “Орленок” и смотревшими ее зрителями), потому, что она быстро разошлась и еще потому, что она очень популярна. В этом смысле она подходит к произведениям К.Арк. Тимирязева: “Жизнь растений” и “Наука и демократия”.

Не буду перечислять всех достоинств книги. Скажу только, что научный антагонизм с Лысенко изложен в ней наиболее обстоятельно, понятно и меня вполне удовлетворяют Ваши объяснения и “втолкования” ему. Ну, а уж если “не доходит”, как говорят, то, что же тут поделаешь. Уверен, что и следующее издание “Вечного движения” также быстро разойдется, как и первое. Во всяком случае, эта книга должна быть в каждой библиотеке, взрослой и детской, в школьной. Конечно, написать и, особенно, издать, напечатать не так просто. Я понимаю. Но попробовать надо. Надо хотя бы потому, что я, по-настоящему, должен ту книгу, которая у меня на руках “пустить в чтение”, а мне жалко с нею расставаться: ее надо не раз еще читать и читать. Полагаю, что так думаю не я один. Народ теперь грамотный пошел и он так и ищет любую щель, куда можно было пролезть своим любознательным взором. Вот этой щелью в генетику и является Ваша книга. Давайте расширять эту щель. Говорит это человек, в котором еще не замолкла учительская жилка.

Учитель

С.Л. Демидов

Воронеж

9.01.1974 г.

⟨...⟩ С большим удовольствием я и мои коллеги по работе прочли Вашу книгу “Вечное движение”, этот прекрасный трактат о генетике, как о “живом герое биографий, судеб людей, их борьбы за истину, и за то, чтобы сделать эту науку частью производительных сил нашего общества”.

В ней мы нашли очень много полезных советов, как научного, так и практического плана и для нашего нового Института лесной генетики и селекции.

Директор ЦНИИЛГиС, профессор

К.К. Калуцкий

Зам. директора по науке

Е.А. Пугач

Минводы

29.11.1973 г.

Уважаемый Николай Петрович!

7 ноября 1973 г. на параде в Москве о Вас говорили и я видел Вас... и меня это очень взволновало. Сам я железнодорожник, но пишу музыку. Разрешите Вам подарить песню “Сердце на ладони” и нашу литературную страницу. За вашу прекрасную жизнь.

* * *

15.01.1974 г.

⟨...⟩ Откровенно говоря, я не думал, что Вы ответите на мое письмо. Но Вы оказались на удивление отзывчивый, душевный и чуткий человек.

Недавно я купил книгу “Вечное движение”. Начал читать. И как Вы хорошо все описываете. Охоту, реку, небо и все, что видите. Книга очень интересная. Я сам железнодорожник. Работаю уже 38 лет и мои товарищи по работе с интересом смотрели книгу и Ваше письмо. Простите меня за смелость, но я еще решил подарить Вам свою песню “Когорта Отважных”. Эта песня о врачах, но Вы тоже к ним относитесь и посылаю Вам вырезку из газеты от 10.01. 1974 г. Я очень счастлив, что могу Вам подарить свою песню. ⟨...⟩

В.А. Нашивочников

Индия, Дели

25.12.1973 г.

⟨...⟩ Книга исключительно интересна, содержит массу информации и читается как роман. Можно Вас поздравить с таким литературным произведением. ⟨...⟩

Балрам Шарма (B. Sharma)

Ленинград

4.02.1974 г.

⟨...⟩ Получил дорогой подарок – Вашу книгу “Вечное движение” с автографом.

Долго и тщетно мы, сотрудники кафедры лесоводства и других кафедр Лесохозяйственного факультета Лесотехнической академии искали возможность приобрести эту книгу. В магазинах в продаже она была 2 часа. Сам я книгу все-таки прочел внимательно раньше – библиотечную.

По возрасту я немногим моложе Вас 1911 г. рождения; в 1932 г. видел Н.И. Вавилова, Карпинского, Меллера на заседании АН СССР в Ленинграде, в филармонии. Меллер делал тогда доклад о мутациях дрозофил. У В.Н. Сукачева я учился. На моих глазах протекала борьба в биологической науке, но тем дороже для ее свидетелей, что один из наиболее последовательных, принципиальных ученых с честью прошел все невзгоды, смог дождаться торжества правды и оставить хорошее наследство для новых поколений.

Книга “Вечное движение” безусловно, проложит глубокий след в сознание молодежи, будут воспитывать в ней научную строгость, стойкость в испытаниях.

Помимо исторической ценности в книге “Вечное движение” дается решение крупного философского вопроса – биологическое и социальное наследование. По-моему, оно находится в одном ряду с Вавиловским (С.И.) расширением понятия “Материя”, включающим в себя не только вещество, но и физические поля, свет и др. электромагнитные колебания.

Новые крупные вехи в философии после В.И. Ленина пока поставили ученые – естествоиспытатели: Эйнштейн, Бор, С.И. Вавилов, Н.П. Дубинин.

С.В. Белов

Москва

5.02.1974 г.

⟨...⟩ С большим интересом и удовольствием прочел Вашу книгу “Вечное движение”. Можно не соглашаться с Вами по отдельным моментам, но в целом Вас можно поздравить с отличным литературным произведением, которое будит у читателя много откликов, ответных чувств и раздумий.

С большим, повторяю, удовольствием прочел не только страницы чисто мемуарного толка (это было бы неудивительно – ведь речь идет о знакомых людях, о памятных событиях), но и раздумья о жизни и смерти, о природе и искусстве. Особенно приятно было читать о Пушкине, которого я люблю не только как поэта, но и как близкого и понятного, родного человека и в строках которого нахожу панацею от всех бед. ⟨...⟩

Академик

В.И. Гольданский

Саранск МАССР

8.02.1974 г.

⟨...⟩ Счастлив за Вас, как за Героя – Труженика. ⟨...⟩

Восхищаюсь Вашей 35-летней стойкостью, мужеством, гением ума Вашего и трудовой борьбой, в которой последовательно, с любовью изложен Вами огромный материал и по вопросам воспитания молодежи.

Таких рисуют на плакатах!

Навечно вписывают в строй!

Как приятно, что в Вас кипит, бурлит и клокочет, как в атомном реакторе, вечная тревога, труд и борьба – это были, есть и будут необходимые условия, в которых Вы находились и находитесь и к которым призываете народы планеты, с любовью, с миром, с дружбой и взаимопомощью решать все вопросы труда и жизни. ⟨...⟩

* * *

Из письма

ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР тов. КЕЛДЫШУ М.В.

⟨...⟩ Сердечно признаюсь Вам, что чтение книги совершило революционный переворот в моем сознании своим содержанием, сочностью, народной простотой и художественностью изложения.

Не зарастет к нему народная Тропа!

Религии рассеиваются как туман, царства и государства, империи и целые эпохи рушатся в пепел, но труды ученых остаются на вечные времена!

Я счастлив, что Н.П. Дубинин есть на свете.

Инвалид ВОВ, инженер-механик

Мамаев А.М.

Алма-Ата

12.03.1974 г.

⟨...⟩ Много воды утекло в Алмаатинке с тех пор, как оставили Вы город Тянь-Шаня..., а озеро Иссык и вовсе исчезло с лика земли, я по-прежнему здесь и с гордостью и радостью вспоминаю Вас и наши с Вами отчаянные путешествия по горам и ... тугиям за фазанами и сурками. ⟨...⟩

Не так давно встретил старого знакомого по работе и он сообщил мне, что получил из Москвы Вашу книгу “Вечное движение”, где в ней Вы тепло отзываетесь обо мне. Спасибо Вам! Мы знали Вас не только как ученого, которого знает весь мир, но мы так же знаем, что Вы – Человек! Достоинство это, к сожалению, утратили многие и многие. ⟨...⟩

П.С. Чабан

Удмуртия

17.03.1974 г.

Уважаемый Николай Петрович!

Еще где-то летом я купил книгу “Вечное движение”. Книгу я закрыл в тот день в 2 часа ночи, после того как всю прочел. Книга вызвала бурю воспоминаний, хотя разница в возрасте у нас с Вами 22 года. Дело в том, что отец мой в предвоенные и первые послевоенные годы преподавал генетику и основы дарвинизма. Особенно хорошо запомнился 1948 год, сессия ВАСХНИЛ.

После этой сессии отца освободили от обязанностей зав. кафедрой. Помню, как он всей семье дважды вслух прочитал выступление на сессии В.С. Немчинова, читали и другие выступления (я тогда учился в военном училище и был как раз в отпуске). Отец не был выдающимся ученым, он был всего лишь доцент в педагогическом институте и вел работы по улучшению сортов зерновых в колхозах Удмуртии, но и он подвергался резким нападкам за свои взгляды, а последние удары (конец 1958, начало 1959 г.) он уже не вынес и умер.

Тем более мне просто непонятно, как Вы смогли, будучи лидером генетики, сохранить веру, твердость убеждений и не сломиться под таким мощным давлением, если не сказать травлей...

В последние годы любимой моей книгой, которую берешь в руки вечером с удовольствием (а бывает так устанешь, что ничто не радует) были “Воспоминания и размышления” Г.К. Жукова. Теперь рядом с ней стоит Ваша книга. В этих двух книгах вся история нашей страны, есть над чем подумать и есть чему поучиться.

Спасибо за прекрасную книгу! С уважением (подпись неразборчива).

Москва

22.03.1974 г.

⟨...⟩ Пять месяцев, как медведь в берлоге, сидел в подмосковных лесах, расплачиваясь за удовольствие путешествовать – заканчивал книжку о поездке в США. Вернувшись, нашел гору всего, принесенного почтой и Вашу книгу.

Растроган до слез. Спасибо! Книгу-то Вашу я, правда, подстрелил во время всеобщей охоты за ней. И мог ли я думать, что буду обладателем столь дорогого для меня подарка. ⟨...⟩ Подарок поставил рядом с книгой маршала Г.К. Жукова (тоже даренной). Соседство это на полке не случайное. Вы и Жуков принадлежите к числу самородков, какими Россия всегда будут гордиться.

Позвольте теперь и мне отдариться. Посылаю Вам книжку моих странствий по нашей большой Земле. Кое-какие картинки Вам порадуют глаз, ибо есть у нас с Вами один общий друг – Природа.

“Комсомольская правда”

Василий Песков

София, Болгария

7.04.1974 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

На днях я прочитал “Вечное движение” и не могу не выразить Вам благодарность за то, что преподнесли нам, молодым такие верные и красивые строки! После прочтения книги многое становится ясным, а чувство доброй радости не отпускает тебя ни на минуту! Большое спасибо, глубокоуважаемый учитель!

Николай Петрович, если вы сочтете возможным выполните мою просьбу прислать мне Вашу фотографию! Хотелось бы поставить в кабинет – думаю, буду иметь ощущение Вашего постоянного присутствия и умной помощи в раздумьях и решениях! Поздравляю от всей души!

Ваш д-р

Иван Попов

Москва

23.06.1974 г.

⟨...⟩ Сегодня я закончил чтение Вашей книги “Вечное движение”. Она меня заинтересовала не только своей художественной стороной и аргументированностью. Она, во-первых, интересна как автобиографическая книга, во-вторых, с художественной, и, наконец, борьба истинно прогрессивных (научных) идей с карьеристами, подвизавшимися около сельскохозяйственной науки. Правильно сделало политическое издательство, выпустив этот Ваш труд.

Я весьма удивлен тому, что Вы, будучи ученым человеком, научились еще красиво, точно и наблюдательно писать о природе Урала, Башкирии, Камы, Вятки и т. д. Все эти места я проходил в годы Гражданской войны с белочехами, белогвардейцами, колчаковцами в 1918–1919 годах. И никогда эти места у меня из памяти не сотрутся. Они у меня глубоко запечатлены не только в сознании, но и в сердце и в нервах.

И.Ф. Риманов

Пушкин, Ленинградская обл.

3.09.1974 г.

⟨...⟩ Книга, мне кажется, должна быть настольной, особенно у молодых ученых и не только у людей, связанных с биологией. Причин для этого много. Главное – учит как нужно быть преданным делу, которому посвятил жизнь. Кроме того, для нас с женой (я – кандидат биологических наук, она – ветеринарных) книга имеет большое познавательное значение и раскрыла по-новому ряд неясных ранее вопросов о положении в биологической науке в определенный период времени.

Ю.С. Оследкин

Одесса

осень 1974 г.

Дорогой Николай Петрович!

Давно собирался написать Вам пару слов и поблагодарить за замечательную книгу, в которой раскрыто становление ученого, его системы взглядов, пути тернистого, зигзагообразного, с подводными рифами. Эта книга попала мне через полгода – как она пришла в Одессу – ходила по рукам.

С большим уважением.

Академик

Ф. Кириченко

Болгария, София

25.09.1974 г.

⟨...⟩ Поверьте мне, Ваша книга “Вечное движение” не только понравилась – это сказать – очень мало. Она прямо влилась в мою душу. Как тепло, с доброй душой, богатством чувств и мудростью написано все. Несколько раз я эту книгу прочитала и продолжаю читать и рассказывать о ней везде, куда бы я не пошла. Мне она очень близка и родная, потому что искренне рассказывает о Вашей судьбе и о генетике. Этой книгой Вы стали нам более знакомым, более родным учителем, братом и мужественным героем.

Вам было только 23 года, когда Вы сделали открытие, но это принесло Вам несчастье – Вы были освобождены от заведования лабораторией... потом другие обиды и несправедливости и обиды ... и все-таки вы пишете так мудро, так спокойно “что все это надо было пережить” ... Как Вы набрали эту выдержку, эту веру... Вы пишете, что много людей считались Вашими друзьями, а потом стали Вашими врагами... и все равно Вы пишете о них правду, даете верную оценку, не чувствуется к ним с Вашей стороны плохих чувств и ненависти...

Доктор биологических наук, профессор

О.А. Дряновска

Ярославль

28.09.1974 г.

⟨...⟩ Я прочитал Вашу книгу “Вечное движение” и был поражен и обрадован, что в наш век рационализма находится ученый, который добровольно отказывается от всего во имя утверждения своих идей, многие годы быть отверженным, не сломится духом, верить и бороться и дожидаться торжества своего мировоззрения.

Я по профессии врач и был студентом в то время, когда генетика была проклятой наукой.

Врач

Свиридов

Болгария, София

4.11.1974 г.

Дорогой Николай Петрович!

Пишет Вам болгарский ученик Александр Шемелеков. Простите, что пока еще я плохо владею русским языком и, наверно, не сумею выразиться, как надо, но неудержимо хочется мне написать Вам письмо после того, как я читал Ваше “Вечное движение”. Мой папа работает над переводом этой книги по поручению болгарского Партиздата и я очень рад, что это дало мне возможность познакомиться с Вашей жизнью и Вашим делом ученого. Я и раньше знал Вас как генетика мирового масштаба, а теперь знаю еще больше о Вас лично и так полюбил Вас, что уже принял перед собой обязательство: буду генетиком! Милый Николай Петрович, мне 15 лет, теперь поступаю в девятый класс. В школе мы генетику еще не изучали, но я давно знаю почти всю общую биологию и генетику сам изучаю с 12-ти лет, читаю с большим интересом все, что могу взять у тети, работающей биологом. И давно определил мой путь в жизни, не могу уже представить себе будущее без биологии, а Ваша книга окончательно утвердила мое решение закончить медицину и специализироваться по генетике человека. Генетика человека привлекает меня и потому, что я хочу бороться с наследственными болезнями. Хочу отдать все, что смогу для спасения человечества от страданий, которым подвержен мой папа – теперь он совсем не может ходить, его мучает болезнь Бехтерева, которая, оказывается, наследственная и пока неизлечима. Я так люблю отца и мне нравится генетика и поэтому буду трудиться всеми силами, чтобы овладеть этой наукой в достаточной мере, победить эту и другие коварные болезни. Знаю, что быть ученым не так легко, вижу это и по Вашему пу-

ти жизни, но надеюсь победить трудности. Вот уже три года я вооружаюсь биологическими знаниями и изучаю иностранные языки – русский, английский, французский, потому что, как и вы говорите в “Вечном движении”, ученый немислим без знания иностранных языков.

Дорогой Николай Петрович, я очень счастлив, что случайное поручение Партиздата отцу помогло мне прочитать Вашу книгу и узнать столько важных для меня подробностей о Вас и Вашей работе. Таким образом, я имею уже своего основного учителя, служащего личным примером в жизни и в науке. Ваше мужество, в результате которого Вы победили в страшной борьбе за генетику, Ваша жизнь героя, прошедшего путь от беспризорника до великого ученого – все это будет навсегда служить для меня незаменимым живым примером стойкости в труде и трудностях. Благодарю Вас, мой любимый учитель! И желаю вам крепкого здоровья и долгой жизни, чтобы продолжать работать в области нашей прекрасной науки.

Александр Шемелеков

Свердловск

5.11.1974 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Нет слов, чтобы выразить мою глубокую благодарность за Вашу книгу “Вечное движение”, которую я только что получила. Теперь мне не придется Вашу книгу выпрашивать у разных лиц на короткий срок и каждый раз жалеть с ней расставаться, зная, что не смогла осмыслить те или иные страницы. Хорошо, что у меня еще не плохая память; когда муж мне читает Вашу книгу, я запоминаю не только содержание отдельных страниц, но и их порядковый номер, а затем по мере надобности прошу его перечитать то или иное место. Такая надобность возникла у меня всего несколько дней тому назад, когда пересматривала статью А.А. Малиновского “Незавершенные идеи некоторых советских генетиков”. Идеи упоминаемых там двух авторов о гетерозисе, о доминирующих признаках, равно как и идеи С.С. Четверикова о расхождении признаков при дивергенции видов (“Природа”, № 2. 1970) сразу заставили мои мысли перенестись на то место Вашей книги, где вы пишете о Вашей беседе с С.С. (на лоне звенигородской природы) о доминантности признаков... Тогда С.С., быть может и неумышленно, отклонил Ваши мысли в этом направлении, но ведь у Вас было предвидение!?!

А как меня всегда восхищает предвидение Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, Ваше и многих других ученых-мыслителей, обычно базирующихся и на огромных проработанных материалах, в частности, на дрозофиле и бабочках...

Пожалуйста, Николай Петрович, извините, что я снова беспокою одними воспоминаниями. Еще раз спасибо за книгу “Вечное движение”. Извините за беспокойство.

Искренне уважающая Вас

М. Грандильевская-Дексбах

Белая Церковь, Киевской обл.

12.11.1974 г.

Здравствуйте, глубокоуважаемый Николай Петрович!

Пишет Вам аспирант Белоцерковского сельскохозяйственного института Михаил Кива. Совсем недавно прочитал Вашу книгу “Вечное движение” и считаю своим долгом высказать о ней свое замечание.

Сказать лишь одним словом – замечательная – недостаточно. После этого еще хочется много говорить о большой идейной и художественной содержательности прочитанной книги, о ее огромном воспитательном значении для многих молодых людей, только вступивших на путь самостоятельной жизни. Для всех без исключе-

ния юношей и девушек, специалистов разных областей, научных работников, даже не биологических направлений, она представляет собой тот образец пути, по которому нужно идти в жизни, указывает формы и методы достижения истины не только в науке, но и в любом деле. Книга пронизана идеей о торжестве справедливости, которая всегда восторжествует благодаря неустанному, каждодневному, кропотливому труду в деле, которому посвятил всю свою жизнь без остатка...

У меня не так часто бывает, чтобы я вторично возвращался к книге с таким рвением, с которым я возвратился к Вашему “Вечному движению”. Книга вошла в мою жизнь и стала настольной...

М.С. Кива

Москва

30.12.1974 г.

⟨...⟩ Мы хотим еще раз поблагодарить Вас за Вашу увлекательную книгу “Вечное движение”. Это не только автобиография нашего современника, который прошел сложный путь от скитаний мальчика-беспризорника к положению признанного мирового ученого, не только по популяризации крупных достижений генетики; главное, это – повесть о непримиримой борьбе за научную истину – борьбе, одержавшей победу, несмотря на все воздвигнутые препятствия и испытания. Художественно, тонко описано Ваше общение с природой на уральских реках и в горах Тянь-Шаня. Прекрасны заключительные главы: они звучат оптимистическим гимном научному знанию, которое в вечном движении, в непрерывной борьбе преобразует природу и самого человека.

Академик АН СССР

Н. Дружинин

⟨...⟩ Позвольте еще раз поблагодарить Вас за наслаждение, которое доставило мне “Вечное движение” – настоящая поэзия, ибо Вы создали образ⁵ жизни. Всей жизни. Современная “художественная” литература тем плоха, что у большинства писателей начисто отсутствует философско-поэтическое восприятие мира. ⟨...⟩

Вл. Коркин

Уральск

30.12.1974 г.

⟨...⟩ На таких вот трудах и надо крепко учить современную молодежь, чтобы они хорошо знали, как надо учиться, бороться за жизнь, быть полезным для народа и любимой Родины ⟨...⟩

Ю.А. Сорокин

Москва

28.05.1975 г.

⟨...⟩ Большое Вам спасибо за мужество, гражданственность, за титаническую борьбу, которую Вы вынесли, отстаивая истину в науке.

Я – юрист, жена – историк и литератор. Однако книгу прочитали с неослабевающим интересом.

Книга о весьма сложных проблемах науки, написана живым, хорошим русским языком, эмоционально, правдиво. Каждой строчке в книге веришь.

Нам представляется, что без духа времени, без господства культа личности и последующего волюнтаризма, подобных явлений в науке и социальной жизни не могло бы быть.

Ваша книга очень нужна народу, интеллигенции, особенно молодежи. Всяк, кто прочтет книгу, особенно молодежь, будет учиться стойкости и умению принципиально бороться и побеждать за правое дело не только в области науки.

Спасибо Вам за широту охвата действительности, красочные, поучительные отступления о природе, о жизни вообще, об известных ученых, за теплые слова о Пушкине, перед именем и гением которого преклоняется истинно русская душа.

Позвольте откровенно выразить свое мнение. Ваша книга настолько значима, важна, что останется она навечно в золотом фонде русской литературы тления убежит, а имя Ваше уже прославилось. (...)

Ваша книга подвела черту под целой эпохой борьбы за генетику и не только за генетику – за науку вообще, ибо подобного явления о том периоде в области науки ничего нет.

Г.И. Новосадов

Пермь

25.08.1975 г.

(...) На днях прочитал Вашу книгу “Вечное движение” и получил морально-духовно-физиологическо-философско-эстетическое удовлетворение.

Я не биолог и не генетик, но уверен, что эта книга окажет влияние на воспитание и формирование настоящих человеческих личностей, личностей с большой буквы!

Только русский человек мог преодолеть все невзгоды, взвалившиеся на Ваши плечи. Вынести все хлесткие удары судьбы стойко, мужественно, прямо, гордо и просто остаться твердым, скромным, простым и милым человеком!

Спасибо Вам за правду и яркий пример преданности Родине и своему народу! Большое русское спасибо!

Инженер-строитель промышленных и гражданских зданий

Г.А. Лобов

Чебоксары

5.10.1975 г.

(...) С большим удовольствием прочитал Ваше “Вечное движение” изд. 1975 г.

Это и история генетики, это – энциклопедия самой генетики, это и моральный кодекс для молодежи, это и гимн радости жизни, гимн свету; сам А.М. Горький так не описал огонь и костер, как описали Вы.

Хорошую службу людям сослужила Ваша книга, послужит еще и другим поколениям. Жизнь сполна отпустила Вам радости и горести. Да не знаю чего больше. Но в Вашей книге больше радости. (...)

Н.П. Воронов

Актюбинск

27.10.1975 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Николай Петрович. Ну, вначале представляюсь: меня зовут Лена, фамилия – Кленова. Я учусь в 10 классе. Никому никогда я еще не писала (только родственникам). Вы – первый, кому я пишу, поэтому волнуясь, даже рука дрожит немного. (...)

Недавно я прочла Вашу книгу “Вечное движение”. И вот там, в предисловии вы рассказываете про девочку, что она как будто бы пришла в Ваш кабинет и сказала, что очень хочет стать генетиком, и что она рисовала хромосомы. И знаете, я ей позавидовала немножко. Потому что она видела Вас лично, разговаривала с Вами...

⁵ Выделено автором письма.

Просто я хочу, чтобы Вы знали, что далеко в Актюбинске живет человек, который Вами восхищается...

Не знаю, как вы подумаете обо мне, хорошо или плохо, но повторяю, для меня Вы – Человек, Ученый с большой буквы.

И знаете, что в Вашем облике мне нравится? Глаза. Они очень добрые у Вас. Вы, наверное, сами очень добры.

Нет, прожить жизнь так, как Вы ее прожили – это подвиг. Я горжусь, что в нашей стране есть люди, подобные Вам. И вообще я с Вами согласна, что “жизнь в ее вечном животворном движении – это и есть истинное счастье”.

С глубоким уважением

Лена

Болгария, София

26.12.1975 г.

Уважаемый академик Дубинин!

Пишу Вам, чтобы выразить восхищение Вашей прекрасной книгой “Вечное движение”, которую прочитал в переводе на болгарский язык. Книга с самого начала не отпускала меня, не было желания заняться чем-то еще, пока до конца не дочитаю ее – стремился узнать, что будет дальше, восторжествует ли истина.

В такой борьбе, которую вы вели, не каждый может выстоять. Настоящее счастье для биологической науки в том, что Вы были столь умны и тверды, чтобы выдержать, не допустить, чтобы Вас сломали ни люди, ни обстоятельства. Ваша выдержка очень поучительна – она укрепляет веру в правду, в добро, в истину.

Ваша книга имеет огромную ценность и как литературное произведение. Вы не только большой ученый, но и большой писатель. Настоятельно прошу Вас сообщить в соответствующие ведомства о том, что один из граждан Болгарии, прочитавший и высоко оценивший Вашу книгу, выражает пожелание, чтобы по ней был снят фильм. Уверен, что это не только мое желание.

В книге есть Ваш портрет, который всегда мне напоминает о Вас, как о великом ученом, большом писателе и непреклонном борце за правду, за истину.

От всего сердца, товарищ академик, желаю Вам здоровья и радости в жизни.

К.Н. Рангелов

Свердловск

26.12.1975 г.

⟨...⟩ Книга поразила меня не только глубиной Ваших размышлений о генетике, о путях развития биологии. Это само собой. Но у Вас получился некий чудесный сплав: огромные события в науке тесно переплелись с личной жизнью автора, одно от другого – неотторжимо.

В мемуарах современников – крупных полководцев и руководителей промышленности – немало интереснейших наблюдений, ярких деталей. Но ... чего-то в них не хватает читателю. Мне кажется, вот этой самой интимной, доверительной интонации, пронзительной искренности, которой проникнута ваша книга. Мне кажется, “Вечное движение” станет любимой, настольной книгой для юношества, поможет многим молодым людям найти свою жизненную дорогу. ⟨...⟩

Ваш путь в науке – вечное движение!
Немало в мире Ваших почитателей.
Примите поздравленья с днем рождения
От одного из множества читателей.

Качество стихов невысокое, но зато от души!

Журналист, литератор

Ю.И. Мячин

Харьков

3.03.1976 г.

⟨...⟩ Мне, как читателю вашей книги, хотелось бы обратиться к вам с искренней благодарностью за эту книгу, потому что она сыграла свою роль в выборе моего жизненного пути ⟨...⟩

Студент 1 курса Харьковского мединститута

Александр Кайдалов

Сухуми

05.02.1976 г.

⟨...⟩ Впечатление от книги огромное, грандиозное. Но не могу согласиться с мыслью, высказанной Вами в самом начале книги (стр. 3): “Это не учебник...” Нет, Николай Петрович, пусть это не учебник по генетике, но это – учебник. Учебник, который учит, как поступать в самых трудных ситуациях, сплетаемых жизнью; учебник, который должен добросовестно изучить и понять (нет, почувствовать) каждый честный человек, а тем более имеющий отношение к науке. Такие книги должны “выпекать” идейно и морально формировать поколения.

Сколько переживаний предшествует фразе: “Судьба моего директорства в Новосибирске была решена”. Какой удар! Хотя дело ведь далеко не только в директорстве. Или как трудно было услышать, что устами Т.Д. Лысенко с Вами (учеными) говорит И. Сталин.

А сколько нужно было иметь сил, чтобы в 1948 г. заявить В.В. Хвостовой: “Что Вы, душенька, да подождите Вы, пройдут недолгие годы, у нас будет настоящий генетический институт... тучи пройдут и опять будет сиять солнце!” Поражен. Поражен и очарован. Очарован силой духа, силой веры в правду, научную правду. Верой в то, что несмотря ни на что, все-таки “тучи пройдут ⟨...⟩”

Физик

М.Я. Дарспани

Мурманск

09.02.1976 г.

Дорогой Николай Петрович!

Откровенно скажу Вам, я давно лично собирался написать Вам письмо и все время откладывал свое желание только лишь потому, что Вы и без меня так загружены своей большой важной для страны и государства работой. И все-таки решил. Вот и пишу эти строки, хотя мне это не так легко сделать, но выручает меня во всем Ваша замечательная книга “Вечное движение”, вся Ваша жизнь от беспризорника до крупного советского ученого, академика, лауреата Ленинской премии.

Я не ученый и не научный работник, сам еще будучи комсомольцем с 1928 г., парень из рабочей семьи и ради комсомола и нашей Ленинской партии прошел тоже ступеньки жизни... я – участник Великой Отечественной войны... в 1930-е гг. я был корреспондентом “Комсомольской правды” в далекой Якутии... работал в Якутском райкоме ВЛКСМ... В 1974 г. я перенес в Мурманске воспаление легких. Лечили, меня спасли..., но у меня обнаружили затемнение легкого... Все шло хорошо... и случилось непоправимое – закупорка кровеносных сосудов ног. Врачи делали все, чтобы спасти мне ноги, но болезнь была и оказалась сильнее. Врачи, спасая меня от смерти, все же спасли, хотя для меня это было и осталось непостижимым ударом. Мне ампутировали обе ноги выше колен... И вот как хотите, а верьте мне, в самые трудные дни и месяцы Ваша книга “Вечное движение”, вся Ваша жизнь была и осталась до сих пор вторым лекарством, Ваша книга придавала мне силы и учила меня стойкости. В ней был мой источник жизни. Большое сердечное Вам спасибо, дорогой Николай Петрович!

Пишу Вам это письмо, а нервы сдают и в глазах – слезы, но не обращайтесь на это внимание. Второй год я прикован к больничной койке, так идет время, а Ваша книга всегда со мной. Я уже стал здесь ярым пропагандистом. Даю ее читать только

тем, кто понимает науку, ее людей, а не тем, кто охаивает нашу советскую действительность... Я регулярно читаю "Правду", веду второй год больничный дневник... день за днем. В нем много хороших и добрых слов о Вас, Николай Петрович! И настанет время и день, когда он увидит свет. В это я верю.

Главный врач, коммунист, депутат райсовета А.А. Орлов и его зам. по лечебной части А.И. Шпарберг, заслуженный врач РСФСР, кавалер Ордена Ленина – заведующий нашим отделом А.С. Ермолаев и другие медики, которым я давал читать Вашу книгу в восторге от нее. И все мне говорят: "Вот это жизнь!" И мне очень даже приятно за Вас, дорогой Николай Петрович!

Мне уже давно за 60, но вот держусь еще. И хорошо помню слова Ваши из книги, которые записала Скловская-Кюри, "основное правило – не давать сломить себя ни людям, ни обстоятельствам". В этом я понимаю смысл жизни и борьбы.

* * *

01.11.1976 г.

⟨...⟩ Я все еще на Кольском полуострове, в больнице, после перенесенных четырех тяжелых операций, о чем Вы в курсе дела из присланной мною Вам газеты "Полярная звезда".

Большое Вам лично спасибо за Ваши теплые слова в трудные для меня часы, дни и годы. Эти слова я всегда помню.

Вашу книгу "Вечное движение" я по-прежнему читаю и перечитываю, она – мой помощник, друг и пример в тяжелое для меня время, как бороться с трудностями и выходить из них непобежденным.

* * *

21.12.1977 г.

⟨...⟩ После пребывания больше трех лет в больницах города Мурманска, я, наконец, на новом месте. ТУ-134 забросил меня в Москву, а затем на АНТ – в г. Курск. Осваиваюсь. Самочувствие хорошее. И здесь, как и в Мурманске, я снова активный пропагандист Вашей замечательной книги "Вечное движение".

Участник Великой Отечественной войны

Н.М. Осолоков

P.S. Н.М. Осолоков в статье, опубликованной в газете "Полярная правда" (1976. 18 мая), написал: "В это трудное время меня поддерживают своими письмами Герой Социалистического Труда известный гидростроитель А.Е. Бочкин, Герой Советского Союза М. Карданов, с которыми мне как журналисту приходилось раньше встречаться, а также академик лауреат Ленинской премии Н.П. Дубинин и многие другие. Эти письма, добрые и теплые, мне очень дороги, они придают силы, рождают хорошее настроение. Сердечное спасибо их авторам"! (*Примеч. составителя*)

Калуга

20.02.1976 г.

⟨...⟩ Прошло 2 года, как я прочла "Вечное движение", и с тех пор меня не оставляла мысль написать Вам. Много знает история героев: войны, революции, труда. Но, пожалуй, самый большой героизм – это героизм гражданский, в сталинскую эпоху. Если борьба с реакционным правительством всегда завоевывала сердца прогрессивно мыслящих людей, то борьба с извращениями в эпоху Сталина, приводила, большей частью, к изоляции и одиночеству. Человек, отстаивающий свои позиции, хоть правильные, но не соответствующие официальной установке ЦК, возглавляемого Сталиным, становился изгоем, объявлялся ретроградом и реакционером.

И вот, ученому, обладающему главной человеческой ценностью – продуктом тысячелетнего развития человеческой культуры – Сердцем Гражданина, наносится страшный и несправедливый удар. И от кого? От лица правительства первой в мире страны социализма! Реакционным объявляется дело, которому отдана жизнь. Есть ли трагедия горше? Ваш оптимизм, Ваша вера, несмотря ни на что поражают! Большим сердцем человека, огромным умом надо обладать для этого {...}

Разрешите выразить Вам свое глубокое уважение и низко поклониться до земли за Ваше беспримерное, гражданское мужество.

Кандидат медицинских наук, врач

З.К. Каракашлы

Румыния, Бухарест

12.01.1978 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

С увлечением прочел Вашу книгу “Вечное движение”, вышедшую у нас на румынском языке. Вижу, что между нами есть кое-что общее: Вы боролись за правильное мышление в генетике, а я начал борьбу за правильное мышление о природе живой материи.

Академик Румынской АН

Е. Маковский

Доминика

25.01.1978 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Шлю Вам самый сердечный привет из далекой Доминики. Книгу прочла дважды, но, бог мой, пришлось еще читать попутно три, так как моих знаний было недостаточно. Книга Ваша меня потрясла до глубины души, и я несказанно благодарна за такой ценный подарок.

М. Холмс

Казань

29.01.1978 г.

{...} Ваша фамилия мне знакома с августа 1948 г. по материалам августовской сессии ВАСХНИЛ... В июле 1959 г. в печати опять появилась Ваша фамилия. На этот раз Вас упомянул авантюрист в политике Н.С. Хрущев.

А с 1948 г. Вы и Лысенко в моем сознании ассоциировались как главы двух противоположных течений в биологической науке, легендарные личности.

Я не биолог и не генетик, я простой читатель, а Вы для меня – очень интересный человек с необычайной судьбой, оптимист высочайшего класса и неутомимый труженик науки.

Ваш спор с Т.Д. Лысенко и его сторонниками по вопросам биологии и, в частности генетики, я считаю спором века. Характерным в этом споре является то, что он завершился при жизни обоих противников в пользу наиболее стойкого, наиболее просвещенного и наиболее компетентного противника, умеющего оперировать данными истинной науки и строгой практики, твердо стоявшего на материалистических позициях.

Ваше “Вечное движение”, по-моему, явилось последним, решающим и окончательным ударом по авантюризму в науке Т.Д. Лысенко и его сторонников. Знаменательно, что она вышла из печати при жизни Лысенко. Уверен, что Лысенко ее прочитал. Не хочется сказать, что она убила его... Однако известно, что Лысенко Т.Д. умер 20 ноября 1976 г. на 79-м году жизни.

Читая Вашу книгу, я бесконечно поражаюсь Вашей выдержкой, стойкостью и твердостью духа. Немного найдется людей, которые могут выдержать такие удары

судьбы, царского гнева. Лишиться любимой работы, привычного образа жизни, друзей – и не терять присутствия духа, надежды на прекрасное будущее. Я восхищаюсь Вами, Николай Петрович!

Помню в 1948 г., после ознакомления с материалами августовской сессии ВАСХНИЛ в разговоре с одним знакомым – молодым агрономом – я спросил его: “Неужели учение Моргана, Менделя, Вейсмана и работа наших ученых биологов неверны и реакционны?” К моему удивлению он ответил: “Нет, мне не понятны положения этой сессии ВАСХНИЛ”.

О Вашей работе орнитологом, я знал еще в 1965 г. от него. Он говорил, что Вы в 1948 г. остались без работы, потом академик Сукачев на свой страх и риск принял Вас на работу и Вы несколько лет работали орнитологом, добились неплохих результатов на незнакомом Вам попроще и даже удивляли крупных ученых-орнитологов своей компетентностью в этой области... Пусть судьба пощадит Вас в дальнейшем. Я полюбил Вас, как говорится, за Ваши страдания.

М.С. Сафаргалеев

Москва

13.04.1978 г.

⟨...⟩ Только что закончил чтение Вашей книги “Вечное движение”. Сожалею, что прочел ее с некоторым запазданием и не знал многое перед встречей с Вами и во время поездки в США осенью 1977 года.

Читал ее и восхищался Вашей выдержкой, Вашей глубиной познания этой важной и загадочной для многих науки о жизни.

Примите мои самые теплые и горячие поздравления за все, что Вы дали человечеству своей огромной работой по вечному движению!!!

Минсельхоз СССР

Борис Рунов

Беркли, Калифорния, США

22.04.1978 г.

Дорогой академик Дубинин!

Я нашел книгу “Вечное движение” в библиотеке Калифорнийского университета и с наслаждением прочитал ее. Она обладает уникальными достоинствами.

Д.Т. Ишида (J.T. Ishida)

Туруханск, Красноярский край

25.09.1978 г.

⟨...⟩ Я с глубоким, неослабевающим интересом, с большой пользой для себя прочитал Вашу книгу “Вечное движение”. Я вчера закончил читать и все это время нахожусь под охватившим меня впечатлением от прочитанного.

В связи с этим не могу выразить своего восхищения Вашей глубокой верой в разум и могущество человека, в торжество справедливости и прекрасного, Вашей борьбой за все это; восхищен поэтичностью всей Вашей книги.

1-й секретарь Туруханского райкома КПСС

А.Е. Шадрин

Уфа

20.09.1979 г.

⟨...⟩ Я обязан Вас благодарить за Вашу книгу “Вечное движение”. До Вашей книги я читал о шарлатанстве в биологической науке – о Т.Д. Лысенко – только в журналах. Месяц тому назад случайно Ваша глубоко научная работа (1-е издание) попала мне под руку. С тех пор я не переставал повторно читать ее. Потому что

Вы исключительно правдиво, весьма объективно и заслуженно разоблачаете первого виновника в безвременной смерти нашего доброго учителя академика Николая Ивановича Вавилова.

Большое спасибо Вам, дорогой Николай Петрович, за Ваши труды – за восстановление школы Вавилова Н.И. – советской биологической науки в нашей стране. Желаю Вам отличного здоровья и долгих лет счастливой жизни на радость нам – агрономам.

Я по специальности агроном, окончил в 1929 г. Казанский с.-х. институт. Дайте, пожалуйста, Вашему сотруднику указание прислать мне Вашу книгу “Вечное движение”, второго издания с автографом. Я желаю иметь ее в своей библиотеке, рядом с сочинениями Н.И. Вавилова, как память о Вашем благородном жизненном пути.

Вы настоящий герой, восстановили хромосомную теорию, тучи прошли, и опять засияло солнце вавиловской школы. Ура <...>

Агроном

О.Г. Абдулбанеев

Москва

15.11.1979 г.

<...> Я рад, что мне довелось встретиться с Вами – “Вечное движение” помогло.

Редактор книги “Вечное движение”

Л. Торпов

Александрия, Кировоградская область

8.09.1973 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Выражаю Вам Глубочайшую благодарность за Вашу прекрасную книгу “Вечное движение”. Эта книга – итог Вашей мужественной и стойкой борьбы за чистоту генетики. <...> В 1940 г. был осужден “за пропаганду вредного направления в науке” и последний раз встретился с Н.И. Вавиловым в 1943 г. в Саратовской тюрьме. Будучи смертельно больным Николаю Иванович по памяти писал “Историю мирового земледелия”. Однако силы с каждым днем оставляли его и в конце 1943 г. не стало великого ученого нашей современности.

Пусть будет Ваша книга неувядаемым венком на безвестной могиле нашего учителя.

* * *

26.12.1980 г.

<...> Эта книга вошла в число моих любимых книг и всегда лежит под рукой, рядом с книгами Паустовского. На протяжении многих лет я следил за Вашей борьбой за генетику и восхищался Вашим мужеством и стойкостью.

В свои молодые годы я был участником геоботанической экспедиции на Памир и по Западной Сибири. В 1933–1934 гг. в ВИРе имел счастье видеть, слушать и говорить с незабвенным Н.И. Вавиловым. Более того, я знал многих сотрудников ВИРа, близких к Николаю Ивановичу, как, например, Г.Д. Карпеченко, Дончо Костова, Г.Г. Меллера и многих других. В Вашей книге я вновь встречаюсь с этими людьми.

Читая Вашу книгу я еще раз убеждаюсь, что Вы не только большой ученый, прошедший многотрудный путь борьбы за великую науку – генетику, но и большой художник, поклонник русской литературы, искусства, музыки, большой друг природы, не говоря уже о том, что замечательный рыбак, удаче которого можно позавидовать.

А я – рядовой учитель биологии, по-прежнему буду на своих уроках популяризировать славные русские имена ученых – Вавилова, Дубинина.

Учитель-биолог

П.А. Зимяхин

Иркутская область

1981 г.

⟨...⟩ Обращаюсь к Вам потому, что после чтения Вашей замечательной книги “Вечное движение” дал Вам имя – Рыцарь истинной науки. Это не комплемент, а заслуженное звание. Так Вас называют многие, читавшие эту книгу.

Математик

В.К. Дегтярев

Венгрия, Дебресен

29.12.1981 г.

Дорогой профессор Дубинин,

Ваша очень интересная и человечная книга “Вечное движение”, как Вы, вероятно, знаете, была опубликована в Венгрии. Хотя я лично не биолог, но для меня эта книга представляет большое значение с точки зрения истории науки и я рекомендую ее своим студентам.

Доктор

Бела Гунда

Воронеж

04.01.1987 г.

⟨...⟩ Хотелось бы прочитать продолжение Ваших раздумий и воспоминаний, начатых в “Вечном движении”.

Генетика, к слову, и научная организация труда оказались волей всяких “лысенковцев” перед шлагбаумами, поднять которые в области генетики удалось только благодаря Вашему мужеству, таланту и громадным усилиям.

Р.И. Дреземан

Чебоксары

14.06.1987 г.

⟨...⟩ Ваша книга поможет еще больше узнать о генетике и лично о Вас – человеке, ученом. Я часто детям ставила и ставлю Вас в пример.

Какой титанический труд нужно вложить в любимую работу для общего дела, для общества, Родины ⟨...⟩

Спасибо Вам за то, что Вы так много уделяете время – людям, живете для науки, за то, что Вы есть такой Человек на свете.

Учительница биологии средней школы № 45

П.А. Васильева

ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ
НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ДУБИНИНУ

История становится, чем старше – тем моложе!

И точно также человек!
Закон энштейновский, продумав строже,
“perpetuum tempore” открыл 20-й век!

Пусть физики пока еще ломают лбы
Над тем, как обогнать миры
Используя эффект сверхсветовой волны

История давно проникла в тайну этого секрета,
Она летит вперед стремительнее света!
А значит тот, кто в ногу с ней идет
Всегда моложе тех, кто смолоду отстанет!

Итак, пусть Ваша жизнь,
Летящая со скоростью сверхсветовой волны,
Что недоступно звездам и кометам,
Коль скоро Вы истории верны,
Дыханьем “Вечного движения” согрета!!!

Доктор философских наук

Н. Оконская

Сухуми

04.01.1992 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

В 1960-е гг. у нас с Вами было кратковременное знакомство в связи с Вашим приездом в Сухуми, в Институт экспериментальной патологии и терапии АМН СССР. Б.А. Лапин (директор института) вскоре уехал в заграникомандировку и поручил мне (заместителю директора по науке), и сотрудникам лаборатории генетики (Косиченко и др.) оказывать должное внимание высокому гостю – Вам.

Тогда нам было кое-что известно о тех трудностях, с которыми Вам приходилось сталкиваться при становлении генетики как науки в нашей стране, а также о роли Т.Д. Лысенко в создании этих трудностей. С большим сочувствием и уважением мы относились к Вам как к борцу за правое дело.

Я по специальности – физиолог. Общеизвестно, что вслед за биологией, и наша наука понесла тоже большие потери (по известным причинам). Многие крупные физиологи были тогда “ошельмованы”, отстранены от активной научной деятельности.

С тех пор прошло много времени, лет и событий (...)

Прошлой осенью (1991 г.) я получила возможность прочитать Вашу книгу “Вечное движение” (3-е изд.). Читала с большим интересом, удовольствием, старалась минимально отвлекаться на обычные домашние дела.

Вашей книгой я буквально потрясена! Ничего подобного среди мемуарной литературы мне никогда не приходилось читать.

Конечно, главным героем книги является не столько генетика, сколько сам академик Н.П. Дубинин, который так талантливо описал свою жизнь, посвященную развитию любимой науки, жизнь, наполненную трагическими событиями – взлетов и успехов – и периодами поражений! При всех трудностях Вы сохраняете завидную устойчивость и уверенность своей правоты, что и получало подтверждение в дальнейших событиях жизни!

Выражаясь языком физиологов, можно считать, что Ваша высшая нервная деятельность всегда находится на оптимальном высоком уровне активности. Она создает наиболее адекватные условия действий, обеспечивающих целесообразную организацию и развитие науки.

Желаю Вам преодолеть все трудности, в том числе и стоящие на пути развития генетики, а также радовать нас новыми изданиями “Вечного движения” (как эта книга нужна молодежи!!!).

С благодарностью и наилучшими пожеланиями

Н.И. Лагутина

Однако надо сказать, что были люди, которые возложили на себя право выступить и писать по поводу книги от имени генетиков:

(...) Когда он написал свою книжку “Вечное движение”, то она вызвала, конечно, протест и пародии, и она непопулярна и до сих пор. (...)

И.А. Рапопорт⁶

⁶ В кн.: Иосиф Абрамович Рапопорт – ученый, воин, гражданин. М.: Наука. 2001. С. 137.

⟨...⟩ В издательстве политической литературы вышла книга Н.П. Дубинина “Вечное движение”, которая, надо отметить, была встречена большинством генетиков, мягко говоря, с неодобрением.

*С.В. Аргутинская*⁷

⟨...⟩ Уже в старости он опубликовал мемуарную книгу “Вечное движение”, в которой постарался унижить своих бывших учителей и возвысить себя в глазах читателей.

*В.Н. Сойфер*⁸

Что же критикам не нравилось в книге? Не нравилась сама книга, не нравилось то, что автор смело, честно, открыто рассказывает о том, что происходило с ним и вокруг него, задевала правда об ошибках некоторых ученых, то, о чем впоследствии хотелось забыть. Поэтому они искали “зацепки”.

Злопыхатели возмущались тем, что Н.П. Дубинин посмел критиковать своих учителей, “охаивать” их, в частности, писать об евгенических ошибках Н.К. Кольцова и А.С. Серебровского, об участии Н.К. Кольцова в заговорческой деятельности белогвардейцев и т.п. Они заявляли, что это наносит удар по престижу лидеров генетики и, якобы, по генетике в целом.

Были высказаны обиды на материалы, которые представляют ряд генетиков, малодушно отказавшихся от своей науки и поддержавших Лысенко, в невыгодном свете. Нечего, мол, ворошить прошлое, коль эти люди сегодня признали свои ошибки. Но такова история с ее неопровержимыми фактами. Из нее нельзя вымарать ошибки, оставив лишь триумфы. Н.П. Дубинин писал о своей жизни и о жизни своей науки, какой она была.

В этой связи хочется привести письмо академика АН ГрузССР Л.Ш. Давиташвили.

Тбилиси

6.11.1974 г.

⟨...⟩ Как один из рядовых читателей Вашей замечательной книги “Вечное движение” я не собирался писать Вам о ней. Но до меня дошло несколько “негодующих”, злобствующих откликов на нее; знаю, что кое-кто из сановных деятелей науки, неглупых и честных людей писали Вам о ней довольно резкие письма. Поэтому я позволю себе до Вашего сведения мое мнение, разделяемое многими моими знакомыми. Это, в общем, очень хорошая книга, которой суждено сыграть крупную позитивную роль в развитии биологической мысли; книга героическая, ибо она вызвала скрежет зубовой у некоторых высокосановных пустышек в науке, крупных мастеров по оклеветанию честных ученых и по организации травли против них. Но прошу помнить слова Некрасова в несколько измененной редакции Ленина:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья!

⁷ *Аргутинская С.В.* – вдова акад. Д.К. Беляева в кн. Дмитрий Константинович Беляев. Книга воспоминаний. Новосибирск. Изд-во СО РАН. Филиал “Гео”, 2002. С. 49.

⁸ *Сойфер В.Н.* Власть и наука. Изд-во “ЧеРо” М., 2002. С. 337.

Действуйте в том же духе! В книге, на мой взгляд, имеются слабые стороны, но надо видеть ее основную суть: героическое произведение. <...>

Л.Ш. Давиташвили

По поводу злопыхателей известный генетик-эволюционист зав. кафедрой генетики ВГУ *проф. И.А. Руцкий* в своем письме Николаю Петровичу от 25.04.1974 г. написал:

<...> Слышал, что кое-кому не по нраву пришили некоторые детали Вашей последней книги. Но Вы, наверно, помните замечание на этот счет Т. Гексли: “У каждого кита есть своя вошь”.

Жизнь прожита, второй я не желаю,
Освободился я от всяческих оков.

Н.П. Дубинин

ГЛАВА 5

О Н.П. ДУБИНИНЕ – УСТАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Рига

13 августа 1965 г.

Уважаемый Коля!

3 августа 1965 г. по телевизору я услышал голос диктора, где было объявлено, что большая группа ученых во главе с академиком Николаем Петровичем Дубининым выезжает на ученый съезд в Чехословакию. Наш корреспондент просит академика Дубинина познакомить с отъезжающими учеными и рассказать о цели их поездки.

Я не поверил своим глазам¹ и лучше стал всматриваться в твое лицо и прислушиваться к твоей речи. Конечно, я узнать тебя не мог, только твой нос, овал лица и твоя речь мне напомнили двадцатые годы, и что первое мелькнуло в моем воспоминании.

Это г. Жиздра бывшей Калужской губернии, наш детский дом, разместившийся на окраине города в барском доме, где были дети беспризорные, собранные со всех дорог. Вспомнил о семи коровах нашей молочной фермы, которые являлись в то время основным источником питания, так как было все уничтожено, разруха, голод.

Вспомнил дежурство на ферме, где получали за работу одну кружку молока и ждали как что-то дорогое это дежурство.

Или дежурство в столовой, где попадает лишняя ложка толченки “картошки” и кусок хлеба и опять всматриваюсь в тебя, не верю. Передо мною стоит величавый мужественный ученый академик Дубинин.

Новая картина перед глазами. Кажется 1921 г., когда на улицах г. Жиздры были поставлены котлы, где варилась пища и жители города встречали людей из голодного Поволжья. Их было много. В детдом к нам я только помню были помещены худые истощенные трое, среди них Коля Дубинин и две девочки, одну помню звали Надя.

Новая картинка. Это когда ты декламировал на нашей захудалой сцене в детдоме “Сумасшедшего”² в белом халате:

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх,
Вы можете держать себя свободно, –
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно...

¹ Здесь и далее в письмах выделены ключевые слова, вынесенные в Оглавление.

² А. Апухтин. Сумасшедший // Стихотворения. М.: Советский писатель. 1938.

Но это все равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных я очень устаю.
Как вам моя понравилась столица?
Вы из далеких стран? А, впрочем, ваши лица
Напоминают мне знакомые черты;
Как будто я встречал, имен еще не зная,
Вас где-то там давно...

Вспоминаю также то, что дружба Ваша втроем, поведение и учеба всегда были примером для остальных нас.

Также вспоминаю картинку Вашего отъезда втроем из детдома в Москву.

Коля, всего не опишешь, но я восхищаюсь и преклоняюсь перед тобой, добившись такой вершины, что возможно только при нашем социалистическом строе. Ты не удивляйся, что я называю тебя Коля, потому что срок сорок с лишним лет все же не мал, но для меня ты остался Коля Дубинин.

С приветом

Иван Сарычев³

Реутово, Моск. обл.

25 августа 1937 г.

Привет, Николай Петрович!

В июле в газете “Большевицкий путь” был помещен развернутый материал о работе Института пушно-сырьевого хозяйства и в числе фотографий – фотография профессора Дубинина.

Фамилия мне очень знакомая. Я знала Колю Дубинина, воспитанника детского дома в г. Жиздре, где работала сама. Но фотоснимок не давал даже отдаленного представления: плоский, серый. Только сегодня я узнала, что на снимке были Вы. Мне рассказали кое-что о Вас. Трудно передать мою радость. Вы – молодой ученый. От души поздравляю, радуюсь. Желаю успехов в дальнейшей Вашей научной работе.

Кто я, знающая Вас? Я – “тетя Катя” Волкова. Так называли меня все в детдоме, так называли и Вы.

Я работаю в Реутове, уполномоченной по радиовещанию и радиофикации. Стаж мой на этой работе исчисляется тремя неделями. Буду рада когда-нибудь встретить Вас.

Уважающая Вас

Ек. Волкова⁴

Р.С. Нина Семеновна Вичковская, дочь Е.Н. Волковой, 15 сентября 1988 г. написала Н.П. Дубинину: “Приношу Вам свою глубокую благодарность за помощь, оказанную мне тогда, когда умерла моя мама Екатерина Никитична Волкова.” (*Примечание составителя*).

³ Сарычев Иван Александрович – воспитатель детского дома в г. Жиздре.

⁴ Волкова Екатерина Никитична – воспитательница детского дома в г. Жиздре, о которой с теплотой вспоминает Н.П. Дубинин в своей книге “Вечное движение”.

Жизнь прожить – не поле перейти!
Не знаю, до конца мне далеко ли...
Но, вспомнив прошлое на жизненном пути,
Я оглянусь на пройденное поле!

Уважаемый Николай Петрович!

Не удивляйтесь, получив письмо от незнакомого Вам человека. Пишу незнакомый, так как вряд ли Вы помните всех своих товарищей по школе II ступени имени Л.Н. Толстого, которую я окончила вместе с Вами в 1923 г.

Учились мы в разных классах, но частенько нас объединяли вместе, откуда я и знаю Вас. Ходили Вы в школу всегда с двумя девочками в беретах, фамилий и имен их я не помню – одна была высокой, другая – маленькая, вроде меня. В классах были собраны ученики гимназий, реальных и высшеначальных училищ, мальчики обижали девочек и как сейчас помню, Вы всегда рыцарски защищали их.

Окончив школу, все разлетелись: Вы – в Москву, в МГУ, я и несколько девчат по школе – в Саратов на медфак. Судьбу большинства не знаю. Но Ваш жизненный путь, необычный и обычный для нашего общества, знают многие и я в том числе. Всегда с радостью и какой-то гордостью – еще бы, учились в одной школе, – читаю Ваши статьи и научного и публицистического характера. В “Комсомольской правде” от 01.09 – прочитала Ваше: “Личностью быть”, увидела ваш портрет и сквозь Ваш современный облик старалась разглядеть черты юного Коли Дубинина!

Уехав на фронт в начале войны, я вернулась в Куйбышев на берега родной Волги. Много воды утекло – город вырос, похорошел, помолодел и стал ... чужим. Решила “оглянуться на пройденное поле” – обошла все старые памятные места, побывала в школах. Постояла около дома, где Вы жили со своими товарищами. Посетила старых друзей по школе, по ВУЗу. Вспомнили свою юность, молодые годы – как это все далеко, далеко, далеко, и вместе с тем близко и дорого и мило сердцу! Вспомнили и Вас, и нашла знаменитых красавиц – Катю Тимашук и Клавдию Постникову и многих других девчат и ребят, теперь уже бабушек и дедушек...

Желаю Вам всех благ в жизни!

В.И. Аркадьева

НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ
ДУБИНИНУ

Годы, как легкие птицы,
В даль все летят и летят,
Сердце не хочет смириться,
Сердце стремится назад.

Прожито жизни не мало,
Пройдено много дорог,
Только еще не пристало
Старость пускать на порог.

Пусть маяком тебе светит
Юности нашей пора,
На все вопросы ответит,
Сгонит тоску со двора.

Все пережитое в жизни
Строго оценит народ.
Радость – в служеньи Отчизне,
Радость – в движеньи вперед.

Пусть не коснутся невзгоды,
Не набежит грусти тень,
Пусть все грядущие годы
Будут как солнечный день.

28 декабря 1978 г.

В.М. Азарова⁵

Москва

27 декабря 1986 г.

Славнейший Николай Петрович!

Вы – мой когда-то давнишний побратим (смею Вас так навеличивать!), если не по писательскому ремеслу и его дьявольской кухни, то по совместному житью – бытию в студенческом общежитии на былом Смоленском бульваре, где мы с Вами горевали года два-три!...

Недавно я проходил мимо этого большого серого дома, – и у меня был большой соблазн подняться на пятый этаж и посмотреть ту комнату, где мы пятеро (сперва четыре!) “гаврика” живали-бывали. Я часто вспоминаю, был забавный случай: как-то летом, когда студенты разъехались на каникулы, мы с Вами на кухне морили клопов, которых развел наш сосед по койкам... Где те времена, и где остальные из нашей “пятерки”? Вы преуспели больше всех – эх, сколько вы нахватили ученых знатных всесветных степеней, за Вами не угнаться, да и я что-то скромненько сделал, хотя к почетным степеням не стремлюсь, не потому, что для меня, по-крыловски, “сей виноград зелен”, а просто я познал всю суетность человеческого тщеславия. Да и Вы это мудро постигли, – недаром же на юбилейном вашем билете, который я имел честь получить от Вас – за что большое Вам русское спасибо, не забыли все же меня, бухаюсь Вам за это в ноги, – скромненько приписано: “По желанию юбиляра официального чествования проводиться не будет”. Это так похоже на Вас, вполне в вашем ключе” ...

Так вот, дорогой мой юбиляр! Дожили мы с Вами, что называется по народному, и до тюки и до руки, что ни хлеба, ни муки, то есть до восьмидесятилетия со дня рождения и 60-летия научного подвига – уж кто-кто, а я-то от всей души и полноты сердца! Исполоть Вам, дорогой! Многая лета Вам на пользу Отечества нашего и на страх его всем врагам – “унутренним и унешним”, как говорят друзья с Днепра-реки, а также и личным... а у кого их не

⁵ Азарова Варвара Михайловна – училась с Николаем Петровичем в школе в г. Куйбышеве.

бывало? – Вам достаточно вспомнить, ни тем будь помянутого академика Лысенку, бог с ним да и со всеми!... Это тоже суета сует...

А знаете ли Вы, Николай Петрович, и о том я как-то мельком писал Вам, что Ваше славное имечко, точнее Вы сами, как прообраз, уже более полувека, да и с большущим же тоже гаком, “икаетесь” в моей прозе (а не в стихах!), которой, шутейно говоря, я угрожаю всему Миру и Человечеству, но пока это кукиш в кармане, и я сам не даю с ней ходу, коплю и квашу уже эстолько времени, – и это уж очень похоже на меня!..

Вы существуете у меня в двух повествованиях моих – “Пятеро” и “Любитель надгробных памятников или Кладбищенский следопыт”, – заглавие, которое многих смущает и даже отвращает, но почему-то дорого, были же “Мертвые души” и у самого Гоголя? Вы существуете у меня, как некий прообраз, и дал я этому прообразу довольно прозрачное имечко и фамилию, приближающиеся по созвучию к Вашему, – Николай Владимирович Тропинин, и, конечно же, в этом прообразе, как и водится у сочинителей, много домысла и вранья, но оттолкнулся-то я все же от Вашего светлого и дорогого мне облика, – и Вы не единственный и не главный герой этих повествований, – и все это в условных, гротескнутых тонах и с немалой закваской народной “сибиряцкой” просмешливости, к чему я, смею думать, имею некую природную склонность. Не знаю, что из этого получится – и получилось ли, и сумею ли довести до победного конца эти замыслы, но уже близко к тому – еще два-три удара резцом как по белому мрамору, – и оба повествования будут подвергнуты окончательному перепечатыванию на пишущей машинке, что я делаю собственноручно; первая – “Пятеро”, в сущности, уже отпечатана и лежит втуне... Дело за вторым, которым я сейчас занят и захвачен с головой, и так случилось, что когда я вновь упоминал в своем повествовании имечко генетика и философа Николая Владимировича Тропинина “с девчоночьим голоском”, пришлось как раз кстати и сообщение о Вашем юбилее, и к тому же с Вашим нынешним фотоликом... На ловца и зверь бежит!..

Когда-то я живал близко от Вас, на Юго-Западе столицы, на Молодежной улице, но уже как лет восемь перекочевал на Малую Грузинскую улицу, посередине между Белорусским вокзалом и Зоопарком...

Приходит в голову задумка – но не будет ли это назойливо, щепетильно, и нескромно и как бы самонапрашивание, – а не повидаться ли нам с Вами, по старой памяти, хотя бы и не надолго, – не перекинуться ли, не обмолвиться ли кое о чем, – и останавливала мысль: я нынче так выгляжу, совсем облысел и потерял зубы, которыми когда-то хвалился, сам себе противен и глаза бы на себя не глядели, тучнею, ряжка просит кирпича, но дух немощен, и теперь сам себе часто повторяю тютчевские слова:

Пройдет ли обморок духовный...

А “обморок” – язви его! – все не проходит... Верчусь-кручусь, как береста на огне, а толку чуть...

Если найдется сил и времени, и досуга и охоты, – откликнитесь или письмишком, или по телефону... Почерк у Вас такой, какого я еще ни у какого русского человека не встречал, и почти ничего не разбираю...

Живите, здравствуйте, держите “дух бодр”. За все спасибоныки!

А я всегда Ваш, все тот же крепко обмосковившийся “столбовой и кровный сибиряк” (это из моего же стародавнего стихотворения “Сибиряки”), иркутянин московской прописки, москвич сибирской закваски

*Михаил Скуратов*⁶

Я.Л. Глембоцкий

Глембоцкий Яков Лазаревич – доктор биологических наук, профессор,
Институт общей генетики АН СССР

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ – ДАЛЕКИХ, НО МИЛЫХ СЕРДЦУ⁷

Почти полвека прошло с той поры, как я познакомился с Николаем Петровичем, но впечатление от первой с ним встречи и теперь помню.

В начале 1928 г., приехав из Казахстана, где я тогда работал, в Москву, на традиционную встречу выпускников Московского зоотехнического института, за день до ее начала, я не преминул уже через два часа навестить наиболее близкие мне кафедры моей alma mater: генетики и овцеводства.

Кафедрой генетики заведовал Александр Сергеевич Серебровский. Услышав о выявленном мною, видимо, наследственном, летальном уродстве у овец, он заставил меня сейчас же написать о нем сообщение в издаваемую кафедрой стенную газету “Морганида”, а когда я выполнил это – сказал: “Ну, а теперь, Яша, я Вас познакомлю с моим новым молодым ассистентом – Дубининым. Талантливый юноша!” Знакомство состоялось в соседней комнате.

Николай Петрович, тогда еще студент МГУ, был так моложав, что на вид ему нельзя было дать больше 18 лет. Но, проговорив с ним минут 20, я перестал удивляться тому, что этот молоденький студент выполняет обязанности ассистента и активно участвует в проведении генетических исследований.

Прошло 5 лет. Николай Петрович работал в институте, возглавляемом Н.К. Кольцовым, и одновременно заведовал кафедрой генетики в Институте пушного звероводства (“Балашиха” Московской обл.). Я же был доцентом кафедры генетики факультета каракулеводства Московского зоотехнического института.

Это было время реорганизаций! Одна из них имела следствием передачу в 1933 г. факультета каракулеводства – Институту пушного звероводства, что привело меня в штат сотрудников кафедры, возглавляемой Николаем Петровичем.

4 года совместной с ним работы позволили мне должным образом оценить: его талантливость, увлеченность наукой, широту научных интересов.

⁶ Скуратов Михаил Маркелович – поэт, писатель.

⁷ Статья напечатана к 70-летию Н.П. Дубинина. Стенгазета ИОГен АН СССР. 1977.

Это, соответственно, влияло на сотрудников руководимой им кафедры. В полном и постоянном контакте с Николаем Петровичем ими был выполнен ряд опубликованных в печати работ, как по общей генетике, так и по генетике животных.

Вспоминаю одну, характерную для 1930-х гг., дискуссию о наследовании “благоприобретенных”, т. е. обусловленных факторами среды признаков. Она проходила в актовом зале Института пушного звероводства зимой 1936 г. Зал не мог вместить всех пришедших. Двери его открыли, и многие толпились в соседних коридорах, стремясь хоть оттуда слушать выступающих. Страсти бушевали! Каждое выступление вызывало бурные, зачастую противоречивые, реакции слушателей.

Наибольшее впечатление произвело выступление Николая Петровича, вскрывшее научную несостоятельность ламаркизма.

По окончании, далеко за полночь, этой дискуссии, собравшиеся, почти никто из которых не ушел, бурно приветствовали Николая Петровича. Автобусы уже не ходили. Москвичей доставили домой на грузовой машине. Усталых, но ликующих и восхищенных логичностью и глубиной выступления Николая Петровича!

ТЕЛЕГРАММА

Москва, Профсоюзная, 7, кор. 1
Институт общей генетики
Академику Дубинину

Самарканд
28.02.1979 г.

Дорогой Николай Петрович

Позвольте принести Вам сердечную благодарность за Ваше любезное поздравление с моим 70-летием и добрые пожелания. Как приятно услышать хорошие слова теперь от одного из первых учителей, заложивших в душу мне плодотворные зерна великой науки. Всегда помню Московский зоотехнический начала тридцатых: Ваш горячий творческий труд, не остывший сегодня. Желаю здоровья, счастья, радости.

Ваш ученик Кошевой

Москва

15 июня 1964 г.

Дорогой Коля! (я называю Вас так по старой дружбе).

Очень была рада, когда увидела Вашу фамилию в числе других по Отделению общей биологии, выдвинутых в действительные члены Академии наук СССР.

Знаю, как был бы рад Вася за Вас, если бы он мог это видеть. ... Многое вспомнилось, Коля, хорошее и очень дорогое. Прошло очень много лет, у меня семья, дети, но таких, как Вася, не забывают. Много, я повторю, вспомнилось...

Вы – совсем мальчик, пришли к Васе, но в мою маленькую комнату на Смоленском, где мы с ним жили, и он помогал Вам писать Вашу первую статью. Вы, может, и забыли, Коля, а я так хорошо помню этот день и свое удивление. Я даже сказала Васе: “Он ведь совсем мальчик!” А Вася сказал: “Да, очень талантливый мальчик”. А после “этот талантливый мальчик” приез-

жал к нам на дачу, и мы играли с ним в волейбол и бегали без конца, потому что мне было тогда 20 лет.

Как хорошо, что я с самого начала ценила каждый час, проведенный с моим Васей. А потом пошли страшные годы.

И Вы, Коля, были в числе тех немногих, которые не отвернулись, я хорошо это помню⁸.

Помню, как Вы посылали “в годы культа...” свои гранки Васе “в изолятор”, когда я ездила к нему на свидания, и на гранках делали большие надписи. Большие и нежные, хотя я говорила, что это может Вас очень скомпрометировать...

И я после, потихоньку от Вас, тщательно вырезала не только надписи, но и фамилию Дубинин и только после этого везла это ему.

Помню и то, как Вы единственный приезжали к нам в Уфу, когда Васенька был в ссылке там, а я была счастлива, что с ним, пусть в Уфе, в дыре вместо комнаты, но вместе...

Все, что связано с Васей светлое и хорошее, но такое больное и грустное, что не буду больше вспоминать и в хорошие для Вас дни портить настроение Вам. Я пишу ведь не для плохого. Время бежит...

Еще раз поздравляю Вас! Желаю долгих лет Вам! Полноценных, хороших и долгих. Будьте здоровы и будьте счастливы, Коля!

*Женя Брейтман (Слепкина)*⁹

Саратов

9 октября 1966 г.

Дорогой Николай Петрович!

От всей души поздравляю Вас с присуждением Вам премии имени В.И. Ленина, а также и с избранием Вас действительным членом Академии наук СССР.

Более чем заслуженное присуждение Вам премии имени В.И. Ленина, и избрание Вас академиком на мой взгляд, – является не только лишь Вашим громаднейшим праздником, но, в Вашем лице, – громаднейшим праздником и победой отечественной биологии и, в частности, генетики, с ее 3-м (на этот раз в СССР), и, надо полагать, последним “открытием” величайших заслуг Г. Менделя, чему отечественная подлинная наука, бесспорно, в весьма значительной степени обязана, в частности лично Вам, – как неутомимейшему и непреклоннейшему борцу за ее подлинное процветание и поступательное завоевывание новых высот.

Об этом Вашем многолетнем, строго объективном и страстном служении подлинной науке, я знаю и сужу:

1. По вашим прекрасным и безукоризненно строго научным выступлениям, которые я лично слышал: а) 11.1.1929 г. в г. Ленинграде, в форме Ва-

⁸ Подчеркнуто автором письма.

⁹ Брейтман Евгения Соломоновна – жена Слепкина Василия Николаевича, профессора биологии Казанского университета; в 1927 г. В.Н. Слепков работал в лаборатории А.С. Серебровского непосредственно с Н.П. Дубининым, который обучал его работе с дрозофилой (Примечание составителя).

шего доклада на Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, т. е. на съезде единомышленников подлинной науки; б) 26.12.1936 г. в Москве, – в форме Вашего выступления на IV сессии ВАСХНИЛ, в котором со строго научных позиций, плечом к плечу с Н.И. Вавиловым, Г.А. Левитским, Г.К. Мейстером, Г.Д. Карпеченко, вскоре уничтоженными за истину, и воедино со многими другими подлинными учеными и подлинными патриотами нашей Родины, с присущей Вам страстью, Вы ратовали против самого беззастенчивого шарлатанства и мракобесия в науке Т.Д. Лысенко, – “Распутина в биологии” (как говорил Н.И. Вавилов), “Облысения советской науки” (как говорил Д.Н. Прянишников); в) 2–4.10.1945 г. в Саратове, – в форме ряда Ваших блестящих и глубоких по научному содержанию лекций по узловым вопросам генетики, прочитанных Вами в Саратовском университете.

2. По неоднократно слышанным мною от моих учителей: Н.И. Вавилова, Г.К. Мейстера и Г.А. Левитского, а также от Ю.А. Филипченко, А.А. Сапегина, Г.Д. Карпеченко, Д. Костова, Н.Г. Мейстер и многих других, – самым блестящим отзывам о Вас, как ученом с бесспорно большим будущим.

В связи со всем только что сказанным, мысленно представляю себе, с каким бы жаром все выше перечисленные подлинные ученые, если бы они дожили до наших дней, поздравили бы Вас от всей души с более чем заслуженным присуждением Вам премии имени В.И. Ленина и избранием Вас академиком.

3. Наконец, по большому ряду Ваших научно-исследовательских работ, опубликованных как в различных журналах, так и в форме прекрасной книги “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”, а также по Вашим выступлениям в газетах и по радио.

Бесспорно, что Вам, более чем кому-либо известна и понятна вся глубина того несоизмеримо большого вреда, который был нанесен Т.Д. Лысенко подлинной науке, социалистическому с.-х. и должному образованию подрастающей смены.

Бесспорно и то, что в настоящее время Вам и именно Вам предстоит сделать очень многое по искоренению всего вреда, причиненного “учениями” Т.Д. Лысенко.

Мне думается, что несмотря на всю Вашу несомненную большую осведомленность о “деятельности” Т.Д. Лысенко и его многочисленнейших “сотратников”, все же Вы, очевидно, не представляете себе достаточно отчетливо то, что только что указанные “ученые” сделали в Саратове для перестройки здесь науки согласно их на нее “воззрениям”.

Поэтому, пользуясь случаем, хотя бы в общих чертах, ниже я позволяю себе остановиться на схематическом изложении ряда документально зафиксированных фактов имевшим место и имеющих место и по настоящий день в Саратове “деятельности” ревностных последователей Т.Д. Лысенко (...)

(Напечатано с сокращениями)¹⁰

Н.А. Тюмяков¹¹

¹⁰ *Примечание составителя.*

¹¹ Тюмяков Николай Ананьевич, кандидат биологических наук.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Сердечное спасибо за поздравление с моим семидесятилетием. Телеграмма напомнила мне Воронцово поле, узкую лесенку наверху, тесноватые лаборатории и дорогую сердцу когорту генетиков настоящих ученых и очень интересных и сердечных людей.

Спасибо за то, что вы доброжелательно принимали нас, аспирантов В.Ф. Натали, давали возможность на коллоквиумах, консультациях, в библиотеке прикоснуться к настоящей науке, почувствовать всю ее глубину, получить понятие о методах исследования.

Жизнь не дала возможности работать в области любимой науки ни мне, ни жене моей Градовцевой А.С. Генетику у нас отобрали, но, читая дарвинизм, я, по мере возможности, излагал материал с позиций истинной науки.

На всех научных конференциях, наследие, полученное в институте¹² на Воронцовом поле, помогало мне обезоруживать невежественных коллег с их “наивными” теориями. Характерно, что на эти споры всегда приходило много студентов и только в день юбилея я понял, что мои лекции по зоологии и дарвинизму не пропали даром – 80% молодых научных работников нашего института были студентами, слушали мои лекции и в день юбилея все они, преподнося мне адрес, благодарили, что дал возможность понять им правду генетики. Они говорили, что после научных конференций научные споры толкали их на самостоятельное изучение генетической литературы.

Работники агрономического факультета в поздравлении писали: “Мы помним Вас как принципиального ученого, твердо отстаивающего свою точку зрения в период не признания генетики”.

Но самое интересное, что “мичуринские” киты (из кафедры генетики и разведения) величавшие меня до последнего времени морганистом-менделистом, после зачтения Вашей телеграммы вдруг высказались, что я и моя жена классические генетики и у нас хорошая дубининская генетическая школа. Так Ваше приветствие принесло большую пользу генетической науке.

Декан факультета из Пединститута (“бывший” лысенковец), где работала моя жена, сказал: “Мы его приветствовать не будем”, но ее кафедра самостоятельно принесла горячее поздравление.

И знаете? – На днях меня даже показывали по Оренбургскому телевидению, где также отмечали принципиальность в науке.

Еще раз глубокое сердечное спасибо Вам от меня, моей жены и “генетической науки”.

Будьте здоровы. Берегите себя. Вы ведь очень нужны науке и людям.

С глубоким уважением,

*П. Лавров*¹³

¹² Речь идет об ИЭБ.

¹³ Лавров П.А., преподаватель Оренбургского сельхозинститута.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Петрович!

Мы всегда Вас носим в сердце и радуемся каждой “встрече” с Вами. Ваша беседа со школьниками в Орленке так содержательна и полна обаяния, что наши друзья-литераторы сразу позвонили нам: “Ваш Дубинин нас совершенно покори́л. Нам даже стало жаль, что мы не генетики”. Вы ведь еще сорок лет назад стали нашим, Николай Петрович! Как мы аспиранты-“педики” благодарны Владимиру Владимировичу¹⁴, что он помог “проникнуть” в институт на Воронцовом поле. Посещая незабываемые коллоквиумы, работая в библиотеке, общаясь с работниками института, мы познавали настоящую генетику. Мы следили за всеми Вашими работами и глубоко верили в Вас. С Владимиром Владимировичем мы часто по-хорошему спорили, он даже ревновал нас к Вам.

В тяжелый период лысенковской эпопеи мы не продали генетику. Безумно жаль, что обстоятельства не позволили нам в это время вести научную работу в области генетики, но в педагогической деятельности нам удалось давать студентам основы настоящей науки.

На склоне лет (мы ведь старше Вас) у нас осталось выполнение еще одной обязанности.

Поблагодарить Вас за прекрасную книгу “Вечное движение”. Есть генетики, которые не совсем поняли эту книгу. То ли здесь их большое самолюбие, то ли не способность широко генетически мыслить, но это, конечно, их ошибка. Книга совершенно необходима и вполне объективна¹⁵.

Мы медленно внимательно читали ее вдвоем, уносились в прошлое и мечтали о будущем генетики. И вот характерно – наши бывшие студенты, прочитав Вашу книгу, высоко оценивают ее в письмах к нам. Они же сожалели, что Вы не написали учебник по биологии. Ведь Вам бог дал талант необычайно просто, убедительно и красиво излагать сложные научные истины. Этим мы восторгались, когда еще в первые годы слушали Ваши выступления. Надеемся вновь “встретиться” с Вами, читая учебник. Вы обратили внимание, какими влюбленными глазами смотрели на Вас ребята? Какие у них были одухотворенные лица. А ведь беседы слушали ребята и учителя всей страны.

Спасибо Вам. Будьте здоровы.

*А. Градовцева*¹⁶

¹⁴ Сахаров Владимир Владимирович, генетик, доктор биологических наук.

¹⁵ Подчеркнуто автором письма.

¹⁶ Градовцевой А.С. и Лаврову П.А. в 1930–1940-е гг. лаборатория цитогенетики ИЭБ, руководимая Н.П. Дубининым, оказывала научную помощь.

ЧТО ОНИ СДЕЛАЛИ ДЛЯ СВОЕГО КЛАССА¹⁷

Что было движущим стимулом молодых ученых, достойных представителей класса-победителя, когда они брались за разрешение сложнейших медицинских проблем? Этот вопрос вставал перед многими участниками вечера-смотра молодых научных сил советской медицины, организованного Наркомздравом 2 ноября в Доме ученых.

Ответ на этот вопрос прозвучал в речах самих молодых ученых.

Этот вечер был демонстрацией не только изумительных побед пролетариата в деле овладения медицинской наукой и продвижения ее вперед огромными шагами, немыслимыми и невозможными в условиях капиталистического общества, но и демонстрацией научных работников, выдвинутых из среды рабочего класса и трудовой интеллигенции, примкнувшей к пролетариату.

– Разрешая ту или иную задачу, – говорит профессор Великанов, – контролируя себя на каждом шагу, я постоянно спрашивал себя: “Что я сделал для своего класса? Чем я укрепил санитарную мощь Красной армии?”

Вот эта неразрывная связь молодых ученых со своим классом, сознание своей роли в борьбе пролетариата за построение бесклассового общества, за построение радостного и светлого будущего и послужили основой огромных и изумительных побед молодых ученых-медиков.

* * *

Кто они, эти молодые соколята, вырвавшие у маститых буржуазных “стариков”-ученых научное первенство при разрешении многих проблем?

Их возраст и социальное происхождение лучше всего покажут их лицо.

Профессор-микробиолог И.В. Великанов (...)

Профессор-генетик Н.П. Дубинин – сын батрака, погибшего на чехословацком фронте, беспризорник, затем воспитанник детского дома. Ему сейчас 26 лет, имеет 50 научных работ (...). В 1933 г. профессор Дубинин получил Рокфеллеровскую премию.

Инспектор группы изобретательства при Наркомздраве М.А. Калмыков (...)

Заведующий специальной лабораторией Ленинградского травматического института Е.А. Селков (...)

А.А. Ющенко – заведующий отделением физиологии Всесоюзного института экспериментальной медицины (...)

Этих несколько имен, случайно взятых из многих десятков таких же, достаточно для показа лица тех, кто идет и уже пришел в первые ряды советской медицины. Их средний возраст 30 лет. Это те, кто в 1918–1921 гг. безусыми мальчишками шли на фронт. По возвращении с фронта с еще не зажившими ранами они садились за книгу, за тетрадь, причем многие из них имели за плечами всего лишь по два-три года учения в начальных школах.

¹⁷ Известия. 1933. 4 ноября. Печатается с сокращениями.

* * *

Что внесли они в нашу науку?

Самый страшный враг раненого на войне – “газовая гангрена”, известная более под названием “антонов огонь”. Болезнь эту вызывают особые микробы, во множестве находящиеся в земле. От “газовой гангрены” погибло на войне больше, чем от пуль и снарядов. В Европе к концу империалистической войны против “газовой гангрены” была найдена особая сыворотка, сводившая почти к нулю смертность от нее. Секрет производства этой сыворотки нам не был известен. Его открыл в 1929 г. проф. Великанов, и сейчас “сыворотка Великанова” получила широкую известность среди советских хирургов.

Профессор Дубинин – генетик, один из самых молодых среди этой плеяды молодых ученых, создал гипотетическую модель плана гена (основной единицы наследственности) и в своей области он не имеет впереди себя ни одного буржуазного ученого.

В этой небольшой заметке нет никакой возможности перечислить даже сотой доли тех работ, которые советская медицина получила от своего молодого научного отряда.

* * *

«Исследовательски мне приходится работать преимущественно в области теоретических проблем, которые, однако, являются одними из самых важных для создания общих основ действенной советской медицины. И конечно моя работа, как и работа подавляющего большинства исследователей нашего Союза, осмыслена и наполнена жарким дыханием наших великих дней и великих задач, стоящих перед нами... мы хотим заставить и заставляем природу служить этой великой цели».

Так закончил свою речь на вечере самый молодой из молодых – профессор Дубинин. И он выразил чувства и мысли всех молодых ученых Страны Советов.

Ленинград

17 декабря 1976 г.

Николай Петрович, дорогой учитель!

Вы, конечно, меня не помните, нас было много. Мне посчастливилось в 1932–1937 гг. быть студентом ВЗИПСХа, сдавать Вам экзамены по курсу генетики и биометрии. Но Вас я почитаю учителем не только по тому, что слушал Ваши лекции, а больше потому, что с этого времени Вы были для меня примером самоотверженного служения своему делу – науке.

Грозные события, постигшие Родину, отвлекли меня от любимого дела, заставив на долгие годы быть военным, но я всегда, на каком бы участке не находился, вспоминал Вас. Меня восхищала Ваша стойкость в справедливой борьбе за устои биологии. Вы воистину совершили подвиг, достойный всяческого подражания. Право же, мне всегда хотелось помочь Вам {...}

С глубоким уважением к Вам

Евгений Павлович Храмов

Тбилиси

10 февраля 1967 г.

Уважаемый Николай Петрович!

Конечно, Вы меня вряд ли помните. Я один из Ваших рядовых учеников, слушавших Ваши лекции по генетике еще в 1933–1934 гг., будучи студентом, как его тогда называли “Пушного института” в Балашихе.

Вы заведовали кафедрой генетики в нашем институте, занятия с нами вели доцент Гептнер М. и аспирант Демидова З.

Было это тому 33 года – целая человеческая жизнь, но помню, как сейчас, Ваши лекции в нетопленном помещении институтского клуба – иного просторного помещения в институте не было. Слушали их, мы студенты, с напряженным вниманием, как говорится, разинув рты.

Читая несколько раз о Вас и Ваших работах за последние годы и на правах старого, вернее даже старинного ученика, хочу Вас поздравить сразу и с Вашим юбилеем и с Вашими успехами и заслуженными наградами разного рода – они дороги также и для всех нас.

Благодарный Вам

Д.С. Цыганков¹⁸

Москва

9 сентября 1975 г.

Здравствуйтесь, глубокоуважаемый академик Николай Петрович!

Вам пишет бывший Ваш ученик, студент Московского зоотехнического института (1932–1936 гг.), ныне ветеран 62-й гвардейской армии, зв. отставной офицер 131-й гвардии С.Д. Сталинградского фронта.

К Вам большая просьба, нельзя ли с Вашей помощью достать Вашу замечательную книгу “Вечное движение”. Я искал эту книгу во всех магазинах г. Москвы, но безуспешно.

Мы, специалисты-зоотехники, с глубокой благодарностью и уважением вспоминаем Ваше имя как выдающегося генетика, известного миру, Ваши прекрасные лекции по генетике и т. д.

Я имею Ваши замечательные книги: “Радиационную генетику”, “Молекулярную генетику” и т.п.

С уважением и приветом.

Искренне Ваш

М. Селядинов

Киров

14 марта 1978 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Сегодня в газете опубликовано письмо академиков АН СССР американскому президенту Д. Картеру. Это письмо подписали и Вы. Большое Вам спасибо за то, что Вы так активно участвуете в борьбе за дело мира на Земле. Я думаю, что все советские люди с огромным удовлетворением прочтут Ваше обращение и будут признательны Вам за заботу о судьбах человечества.

Николай Петрович, я знаю Вас давно, учился у Вас в то время, когда Вы руководили кафедрой генетики Всесоюзного института пушно-сырьевого

¹⁸ Цыганков Донат Семенович, кандидат биологических наук, полковник в отставке. Печатается с сокращениями.

хозяйства в г. Балашихе. В то время Вы были самым молодым из всех ведущих кафедр этого института, чуть постарше нас студентов по возрасту. Мы студенты восхищались тем, что, несмотря на молодость, лектор никогда ни разу не заглядывал в какой-нибудь конспект или записки, хотя никаких пауз в лекциях не было.

У меня сохранился чудом один номер районной газеты от 18 июля 1937 г., где помещен Ваш портрет. Вырезку из этой газеты с вашим портретом я посылаю в этом письме. К сожалению, статьи вашей в номере газеты не было. Может быть, Вам приятно будет вспомнить те далекие годы.

Позднее, будучи в аспирантуре института я консультировался у Вас по вопросам экологической изоляции у диких животных...

С глубоким уважением

С.А. Ларин

Москва

20 августа 1978 г.

Дорогой Николай Петрович!

Произошла для меня приятная и радостная встреча с Вами на “голубом экране”.

В тайне души так хотелось и так ждала Вашего выступления, такого как вчера – о нуждах, задачах, возможностях и будущем сельского хозяйства.

Я понимала и раньше и теперь, что без работ Курчатова – не развивалась бы космонавтика.

Понимала и понимаю, что Ваши теоретические исследования – основа основ. Но я земной человек, и мне всю жизнь не хватало вчерашнего Вашего выступления.

Я птицевод, разведенец. Ваша “закваска” помогла мне во многом, и сегодня мне хочется похвастать: я автор двух пород. В 1956 г. утверждена порода Северокавказских бронзовых индеек, в 1975 г. – Северокавказских белых индеек.

Желаю Вам всего доброго, главное – здоровья. Всегда помню, отношусь с большим уважением. Просто как к человеку и при том совершенно исключительному.

Ваша

З. Демидова¹⁹

Ник. Кольцов

Заслуженный деятель науки

МОИ УЧЕНИКИ²⁰

Каждый из ученых моего возраста уже воспитал не одно поколение учеников – самостоятельных руководителей кафедр или ведущих научными учреждениями. Но, пока есть еще силы, хочется окружить себя новой молодежью, чтобы снова и снова следить за ее постепенным развитием.

¹⁹ Демидова З.А. – доцент кафедры Института пушного звероводства.

²⁰ “Известия”. 1935. 21 мая.

Вот Николай Петрович Дубинин. Ему только 28 лет, но он напечатал уже более 50 научных работ и статей. Он заведует ведущим генетическим отделом института, в котором работает более 20 научных сотрудников. Некоторые из них старше Н.П. Дубинина, но признают его авторитет и работают дружной научной семьей. В отделе ведется много коллективных работ: одни на равных товарищеских началах, в других Н.П. Дубинин играет роль старшего руководителя.

Научные исследования Н.П. Дубинина высоко оцениваются не только в Советском Союзе, но и за границей. Последний номер известного английского еженедельника “Nature” целиком посвящен подведению итогов в естествознании за последнюю четверть века. Здесь имя 28-летнего Дубинина упомянуто наряду с именами мировых ветеранов науки.

Два года назад Дубинину была предложена Рокфеллеровская стипендия для годичной командировки за границу. Он не поехал, и недавно в беседе с ним мы разбирали вопрос, много ли он от этого потерял. Конечно, молодому ученому очень интересно посмотреть, как поставлена исследовательская работа в других институтах, интересно “людей посмотреть и себя показать”. Но план научных работ, которые он хотел поставить в Америке, в институте знаменитого генетика Томаса Моргана, он и в московском Институте экспериментальной биологии выполнил до конца и даже перевыполнил, по крайней мере, на 100%. При этом в Америке он работал бы в одиночку, без помощников, а здесь он сам стоит во главе целого отдела и имеет несколько помощников-лаборантов.

Н.П. Дубинин рано лишился отца и воспитывался в детском доме. Отсюда попал в педагогический вуз, где выдвинулся благодаря своим способностям и интересу к науке и затем перешел в I Московский университет в мою лабораторию экспериментальной зоологии; я тогда еще был профессором. Уже его первая дипломная работа обратила на себя внимание.

А вот не менее интересная биография моего другого сотрудника – Георгия Гавриловича Тинякова {...}

Я мог бы назвать еще несколько своих молодых учеников, подающих большие надежды, – людей с интересными биографиями. Но я еще не удовлетворен, я хочу, чтобы моя научная семья и дальше разрасталась.... Мне бы очень хотелось, чтобы ко мне пришли такие же способные, преданные науке и полные энтузиазма товарищи, как те, о которых я говорил выше.

Москва

2 октября 1973 г.

Дорогой Николай Петрович!

2/X–1973 г. Вы по радио выступали в переключке пионерской линейки. Представьте себе, что Вас слушает бывшая студентка ВГУ, и как я была рада услышать, дорогой учитель, Ваш голос. В моей памяти воскресли все те годы и дни, когда Вы учили нас познавать живую природу в Воронежском государственном университете. Прошло много лет после Отечественной войны, многие студенты и преподаватели погибли за нашу Родину в войне, многие студенты – молодые женщины, оказались вдовами с детьми. И вот дети Ваших студентов не только выросли, но стали специалистами. Напомню о себе. По Вашей кафедре в ВГУ я окончила и получила специальность,

но работать по любимой специальности полностью мне не пришлось. Большею частью работала в те тяжелые годы на партийно-советской работе. Вырос мой сын – Дьяков Станислав Петрович. В данный момент он окончил аспирантуру и будет защищать диссертацию. В те годы я была одна с ребенком из всех студентов; Вы и профессор Руцкий принимали все меры помощи в моей учебе. Нет тех слов благодарности, чтобы передать их Вам.

Кончилась война, кончились годы тяжелые, годы восстановления народного хозяйства, молодое поколение, молодые ученые, они познают прошлые тяжелые годы. Но, когда прозвучал Ваш голос, я вспомнила весь пройденный путь с Вами и без Вас. Растут дети, растут города, техника, меняется вокруг природа, все это происходит на наших глазах. Дорогой мой учитель, если бы не Вы и не профессор Руцкий, я бы не окончила ВГУ, а следовательно, и не было бы у меня такого сына, который скоро будет кандидатом политико-экономических наук. Я считаю и Ваша доля есть. Спасибо Вам за большой кропотливый, терпеливый человеческий труд.

С нижайшим поклоном

Ваша бывшая студентка ВГУ

(1935–1940 гг.).

Наталья Никитична Голубцова

Ю. Золотарев

АТАКА ГЕНА²¹

У этого человека шестьдесят научных трудов. Признанное в европейских университетах имя. Рокфеллеровская премия. Профессорская кафедра по биологии. Научные открытия в области генетики. Степень доктора биологических наук. В Институте экспериментальной биологии он руководит самостоятельно научным отделом. Академик Кольцов любовно именуется его своим лучшим учеником.

Между тем, этот человек с лицом, еще не утратившим юношеской мягкости линий и с высоким лбом ученого, исчисляет весь свой жизненный путь всего лишь двадцатью девятью годами. Этого человека, вызвавшего своей работой о генах дискуссию в мировой науке, выпестовал, вырастил и “передал в науку” славный ленинский комсомол.

С чего начинается история этого молодого человека нашей страны?

С момента ли окончания университета? Со дня вступления в комсомол? Или с того момента, когда его, голодного и оборванного, привели в детский дом?

Нет, она начинается значительно раньше. Она начинается у волжских барж, у пакгаузов, у пристаней, усеянных арбузными корками и семечками, где беспризорничал 12-летний самарский оборвыш.

²¹ “Вечерняя Москва”. 1935. 15 февраля. Печатается с сокращениями.

Девятнадцатый год на Волге осиротил многих... Семья разорена. И маленького Колю Дубинина бросает навстречу холодным волжским ветрам. И его быть может закружило бы, понесло бы, как оторванный лист, по равнинам страны.

Но и в те суровые годы, между одним фронтом и другим, революция ни на минуту не могла забывать о детях. Мальчик впервые в самарском детдоме попадает в организованный советский мирок. Так, кончились его скитания. Но детский дом начинает колесить. Он эвакуируется и от Гайды и от Колчака. Он бежит от голода. Скрипучий и тархтящий “максимка” дотащил детвору в Брянск, в Жиздру. Здесь осели дети. Здесь осел Коля Дубинин. Здесь начинается его воспитание, его рост и здесь попадает к нему на глаза первая книжка о натурализме.

Но маленький Дубинин имел хороших помощников. Его путь от жиздринских лесов в аудиторию 2 МГУ лежит через комсомол и вместе с ним. И если в старом некрасовском стихотворении говорится:

...Кто-нибудь сvezет в Москву,
Будешь в университете –
Сон свершится наяву, –

то Колю Дубинина “сvezет в Москву” не “кто-нибудь”, не добрый прохожий, а комсомол, активным членом которого был Коля Дубинин. По путевке жиздринского райкома комсомола он пришел в сентябрьский день 1923 г. в здание на Моховой {...}

* * *

Мы застаем молодого профессора Дубинина в своем научном кабинете.

Сощуренный глаз припал к окуляру отливающего черным лаком микроскопа. В микроскопе на стеклянной пластинке – часть клеточки ананасной мушки. Он приглашает посмотреть на то, что до него считалось воображаемым, невидимым даже в самом сильном микроскопе, именно – на гены этой крохотной мушки.

На языке английских ученых непосредственные наблюдения над микроорганизмами именуется “атакой”. Атака гена – в этом главная работа нашего молодого ученого. Он атакует его с университетской скамьи. Он атакует его с кафедры. Он атакует в тиши лабораторий Института экспериментальной биологии. Он атакует его в своих бесчисленных молодых трудах по генетике.

Ген... Молодой советский ученый атаковал, настиг и пленил в линзах своего микроскопа этого таинственного незнакомца, который именуется единицей наследственности. Что же такое ген? Наш организм состоит из клеток. В каждой клетке – ядро. И каждое ядро состоит из большого числа хромосом. Каждую хромосому составляет группа генов. Ген – микроскопическая часть клеточного ядра. Ген – основа наследственности. Работа над геном – это работа над улучшением породы и жизнестойкости животного организма.

Фашизм принес с собой инквизиторскую, бесчеловечную “расовую теорию”, которая является вершиной фашистской “науки”. Пресловутая стерилизация – достойный памятник этой полицейско-варварской “науки”. Фашистская наука сеет ужас и омерзение среди всех культурных народов. В Стране Советов происходит небывалый расцвет подлинной науки. Больших успехов

добились и в изучении генетики, которая ставит своей целью путем активного вмешательства в деятельность гена обеспечить развитие новых цветущих и жизнестойких организмов. Естественным путем они складываются тысячелетиями. Когда-нибудь генетика ускорит эти процессы.

Уже сейчас по генам оплодотворенного яйца можно предугадать будущую половую особь. И в кабинете молодого нашего ученого зреют смелые мысли об увеличении групп генов в хромосоме, – и тогда мы будем иметь прекрасные животные и человеческие экземпляры, и мы будем идти к этому самым гуманным путем – путем воздействия на единицу наследственности, путем вмешательства в строение гена.

И вот профессор Дубинин показывает нам в трубке микроскопа гены дрожифилы – крохотной ананасной мушки. Осторожный поворот винта – и на дрожашей, колеблющейся частице стеклышка, словно на световом экране, возникает некая лента, состоящая из крохотных поперечных штрихов, которую грубо можно сравнить с крохотной пулеметной лентой. Черные, ярко выраженные штрихи – это гены, более светлые – это то, чем они связаны между собой...

Но товарищ Дубинин не ограничивается лабораторными изысканиями. Он оставит свой микроскоп, чтоб через полчаса отправиться в Институт пушного звероводства и там прочтет лекцию о том, как вывести нам самый лучший, самый богатый и рентабельный вид сибирского пушного зверька. Вопросы генетики и в животноводстве и в сельском хозяйстве имеют огромное значение. Сейчас в Кремле заседают передовики социалистического животноводства. Они ведут борьбу за лучшую овцу, за самую молочную корову, за самую доходную свинью. Им помогут наши Дубинины, вооруженные наукой о генах.

Два года назад в Колонном зале Дома союзов происходил слет молодых ученых. Комсомольцы и некомсомольцы из лабораторий, из научных кабинетов один за другим выступали на трибуне и рапортовали стране о том, что есть наследники и сподвижники у маститых ученых нашей родины, что знамя науки высоко реет в руках молодежи. И среди этих выступавших был бывший воспитанник детдома, ныне профессор Н. Дубинин (...)

Среди плеяды старых наших ученых загораются новые, молодые звезды советских талантов.

В газете “За пролетарские кадры”²² от 1 мая 1936 г. под рубрикой “МГУ дал нашей Родине выдающихся ученых” написано:

“В истории МГУ советский период – самый замечательный. В жизни университета никогда не было такого творческого размаха как сейчас. МГУ воспитал и дал нашей родине за последние годы блестящую плеяду молодых ученых, имена которых пользуются широкой известностью. К числу их следует отнести Дубинина, Понтрягина, Козлова, Горелика, Леонтович и многих других. Во всех областях науки работают питомцы университета. Сегодня мы рассказываем о трех наших знатных воспитанниках, следующих в своей работе славным традициям МГУ”.

Об одном из них – Н.П. Дубинине пишет Бажанов.

²² “За пролетарские кадры” / Орган комитета ВКП(б), ВЛКСМ Моск. гос. ун-та, дирекции, профкома и месткома им. Н.Н. Покровского.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ГЕНЕТИК

На крыльях маленькой мушки дрозофилы прилетела большая слава к этому молодому советскому ученому. Мушка оказалась незаменимым подопытным насекомым и ближайшей “сотрудницей” Николая Петровича Дубинина.

– На это “амплуа” дрозофила была приглашена в мою лабораторию, – рассказывает он. – Ей выпала почетная миссия в развитии генетики. В научных институтах всех стран предпочитают работать именно с ней. По праву заслуживает она такого же памятника, который Павлов воздвиг собаке в Колтушках.

Николай Петрович считает, что подобная оценка научных заслуг дрозофилы ни в какой мере не является преувеличением. – С помощью дрозофилы, – замечает он, – наука сотворит чудеса!

– Но слона из этой мухи генетика все-таки не сделает. Как вы думаете? Николай Петрович хохочет.

– Если биологи добьются решающих успехов в области генетики и научатся управлять мутационным процессом, то тогда и дрозофилу, пожалуй, можно будет превратить в слона, – шутит он.

Управлять мутационным процессом, изменять по своему произволу наследственные признаки животных путем властного вмешательства науки в природу – такова страстная мечта, волнующая молодого ученого, воспитанника МГУ.

В 1923 г. воспитанник детдома приехал в Москву как человек, вполне определивший свое призвание. В столицу он привез любовь к науке, одно одеяло и 10 рублей деньгами. Таков был его имущественный ценз.

Дубинин подал заявление о приеме во второй университет, указав, что хочет быть зачислен студентом на биологическое отделение педагогического факультета. Благополучно выдержаны испытания. Но в списке принятых он своей фамилии не прочел. Выяснилось, что кандидату в студенты исполнилось всего лишь 16 лет. По существующим правилам таким “желторотым птенцам” вручить студенческого билета нельзя, – сказали в приемной комиссии.

Но “юнец” не растерялся. Он обратился в комсомольскую ячейку. Там оказали моральную и материальную поддержку. Был решен вопрос о приеме. Так Дубинин стал студентом.

Через три года он переводится в МГУ. Способный юноша одержим нетерпением. Ему хочется сократить срок обучения. Будущий ученый “совершает прыжок” через курс, защищает выпускной проект на “отлично” и в 1928 г. получает диплом.

Его научная деятельность началась в Зоологическом институте МГУ. Под руководством профессора Серебровского, воспитывающего в своем ученике способность к научному дерзанию, Николай Петрович приступает к искусственному получению мутаций.

Вскоре первая творческая радость врывается в жизнь Дубинина. Мутация совершается в природе один раз на 10 тыс. хромосом. С помощью же

рентгеновских лучей процесс протекает значительно скорее, т.е. на 400 хромосом – один раз. Эта работа по своему принципиальному значению является аналогичной исследованиям американского генетика Меллера, но у последнего было достигнуто меньшее ускорение.

Следующий шаг – уже созревшего и утвердившегося на избранном пути ученого – вопрос о развитии и дальнейшей судьбе мутации в природе и ее роль в эволюции. Создается генетика автоматических процессов, которая дает возможность проследить развитие мутации от момента возникновения до момента, когда она приобретает значение для эволюции вида. Таким образом, намечен путь к разрешению одной из узловых проблем генетики.

Носители задатков хромосомы – это агрегаты наследственности. С особой ясностью продемонстрировал Дубинин власть науки над природой. Удастся изменить число хромосом у пресловутой дрозофилы. Вместо четырех пар у мухи образуется три. Мало того. Увенчалась успехом попытка увеличить количество хромосом до пяти пар.

Сейчас молодой доктор биологических наук – ему только двадцать девять лет – заведует крупнейшим в Европе генетическим отделом Института экспериментальной биологии в Москве.

* * *

9 апреля 1936 г. газета “Вечерняя Москва” под рубрикой “Их знает весь мир” публикует фотографии и рассказывает о людях – воспитанниках комсомола (см. фото на вклейках). Среди них генетик – Николай Дубинин. Вот, что писала о нем газета:

“Среди плеяды ученых-генетиков один из самых молодых создал гипотетическую модель плана гена (основная единица наследственности). В своей области он не имеет впереди себя ни одного буржуазного ученого.

Это – Николай Дубинин – сын балтийского моряка, погибшего на фронте гражданской войны, беспризорный, затем воспитанник детского дома, комсомолец. Он окончил Московский университет и сейчас заведует отделением Института экспериментальной биологии, руководя научными исследованиями 20 сотрудников.

Сейчас ему 29 лет. Он имеет более 70 научных работ. Имя молодого советского профессора упоминается наряду с именами мировых ветеранов науки. В 1933 г. он получил Рокфеллеровскую премию за свои труды”.

А. Крылова

О НАЗНАЧЕНИИ УЧЕНОГО²³

Профессор Дубинин провел нас в комнату. Это была прекрасная, очень прозрачная, как бы химически чистая комната. Может быть, шла эта чистота и прозрачность от синего в сумерках взлетевшего под потолок окна, огромного, как в мансарде; от сверкавших ламп, скатертей, ковров, подснеж-

²³ “Наши достижения”. 1936. № 4. С. 87–96.

ников и белой сирени, осенявших письменный стол. Может быть, от самого письменного стола – ближайшего соратника ученого, свидетеля его вдохновений и творческих торжеств, стола, отполированного, как родниковая галька, занимавшего в ширину всю комнату. Или, наконец, чистота и прозрачность эти шли, быть может от книг, белых и блестящих, заполнивших шкафы, полки, столы, стулья, пол. Казалось, что гигантская сила человеческого сознания, заключенная в них, приподнимает потолок, раздвигает комнату, принимает как Атлант, мир на свои плечи.

Тут были Хафез, до издания Академии известный под именем Гафиза, Ньютон, Маркс, Шекспир, Дарвин, Ленин, Гете, Демокрит, Сталин, Гомер, Ламарк, Бальзак, Бэкон, Мендель, Пушкин, Гюйгенс, Гегель, Толстой, Морган, Кант, Леопарди, Фихте, Горький, Вольтер, Геккель, Байрон, Салтыков, Паскаль, Лавров, Чэйз, Павлов.

Они присутствовали здесь все, всех дальше ушедшие на пути к вершинам познания, прозорливые, мужественные, всегда готовые выступить на помощь своему ученику и соратнику, вдохновить и воодушевить его. Пламенное дыхание науки чувствовалось здесь. Может быть, эта химическая чистота комнаты шла от нее?

Несколько лет назад хозяин этой комнаты Николай Дубинин был, как писала одна английская газета, интонируя кавычками этот экзотический для нее термин, “беспризорник” (“besprizornik”). Отец его – из-под Самары, такой же коренастый, лобастый, светлоглазый и упрямый – командовал в революцию крупной частью Красного флота. Когда отца убили, Николашу Дубинина забрали в детский дом. Это было простое ребячье детство, не омраченное вундеркиндством или мировыми проблемами. Николаша жил весело, озорно и бездумно.

Детский дом их перевезли в Жиздру. Здесь Дубинин стал от скуки артистом. Он читал апухтинского “Сумасшедшего”, завывая и извиваясь. В жгучей мелодраме “Чья вина” Николаша изображал героя, сходил с ума, к нему приезжала невеста и приемная мать, он любил их и умирал. Зрители трепетали.

Потом он вступил в комсомол, ему минуло пятнадцать, шел 1922 г. Необычайно разнообразное поле деятельности раскрылось перед ним. Он упивался тем, что находил исчерпывающее применение своим способностям. Он стоял с винтовкой на чоновских дежурствах. Декламировал Гастева и Верхарна в рабочем клубе. Писал агитплакаты. Ездил по деревням за хлебом. И выступал, выступал без конца. Скоро по уезду прослыл он первоклассным оратором. Он начал уже готовиться к выступлениям, рыться в книгах. Так наткнулся он на “Мировые загадки” Геккеля.

Бывают книги, определяющие собой жизнь. Геккель ошеломил его. Книга и сейчас хранится у него, неповторимая и бесценная. Вселенная возникла перед ним преображенной. Он узнал слишком много за один присест – и узнал, что все, узнанное им – ничтожно, по сравнению с тем, что знает человечество и что должно оно знать, чтобы разгадать жизнь и научиться управлять ею. Все было приведено в великолепное взаимодействие, связано одно с другим – но сколько неотысканных звеньев было в этой цепи, сколько аргументов висело в воздухе, сколько истин только подразумевалось! Безграничность перспектив, открывавшихся перед наукой об эволюции, поразила этого лобастого, озорного, полуграмотного паренька.

Может быть, именно в этой бесконечной сущности познания почуял он единственную себе по душе судьбу, занятие, которое могло бы заполнить его целиком, поглотить всю неумемную его энергию, так щедро растрачиваемую им и все не убывающую. А может он давно был отмечен призванием к науке, и книга эта сыграла лишь роль вехи, обозначившей переход количества в качество. Так или иначе, с этого дня с головой – как под воду – ушел он в книги. Уже стало ему казаться, что каждая минута, проведенная без чтения – потеряна неумолимо и навсегда. У него появилось смутное беспокойство, что кто-то прочтет, кто-то узнает больше его. Причем, страдало здесь не честолюбие. Просто, не признаваясь себе, он не любил праздничных слов, ему было нестерпимо стыдно говорить их даже про себя, как стыдно подростку объясняться впервые в любви, – он боялся, что кто-нибудь обгонит его в служении пролетариату и человечеству.

Еще тогда попался ему томик Фихте “О назначении ученого”. Пламенные мысли Фихте о том, что такое долг ученого и как нужно выполнять его, запали Николаю Дубинину в душу на всю жизнь. Очень часто мысленно повторял он знаменитую фихтеанскую декларацию, загораясь ею каждый раз: “Я – жрец истины, я служу ей, я обязался сделать для нее все – и дерзать и страдать... Если бы я ради нее подвергался преследованию и был ненавидим, если бы я умер у нее на службе, что особенное я совершил бы тогда, что сделал бы сверх того, что я просто должен был сделать?” Тогда-то и обрек он себя служению науке, задумав, по словам Фихте, стать одним из тех “мужей, избранница которых – истина, которые преданы ей до гроба, которые примут ее, если она будет отвергнута всем миром, которые открыто возьмут ее под защиту, если на нее будут клеветать и ее будут порочить, которые ради нее с радостью будут переносить хитро скрытую злобу сильных, пошлую улыбку суемудрия и сострадательное подергивание плечами малодушия”.

Именно тогда Колька Дубинин, отъявленнейший лентяй, гроза учителей, в полгода одолел всю школьную программу, бывшую для него ранее величиной неизвестной, и стал первым учеником. Он прошел все в школе, перечитал все в Жиздре, и ему стало скучно. Наука двигалась, люди выходили в первые ряды служения человечеству, а он был беспомощен соперничать с ними, ибо ничего не знал. Его не занимали дешевые, рубакинские суррогаты познания, собирания коллекций, накалывание жучков; уже тогда стремился он к решающим теоретическим обобщениям. Он хотел познавать, творить, а не компилировать.

Ему исполнилось шестнадцать лет. В таком возрасте в университет не принимали. Но ведь он хотел, чтобы его приняли. И он убедил уком снабдить его командировкой. На весь уезд она была единственной и то – в педвуз. С байковым одеялом, подаренным детдомом и составившим все имущество, Дубинин появился в Москве. Экзамен был выдержан блестяще, но возраст, возраст! Не принимают!

Дубинин идет в университетскую ячейку комсомола, он говорит о своей страсти к науке словами будничными и настоящими, и его понимают: ведь он комсомолец. Ячейка хлопчет за него, его зачисляют студентом.

На педфаке он обращает на себя всеобщее внимание острыми и эрудиционными докладами, работой в лаборатории. В нем уже предвидится крупный мыслитель, оригинальный ученый, и когда он, не удовлетворенный пе-

дагогическим уклоном, стремится перейти на физмат ГМГУ, его, – несмотря на то, что переводы были строжайше запрещены, – горячо поддерживает и добивается перевода комсомол обоих университетов столицы. Комсомол как бы поднимает его на своих плечах к вершинам знания.

С этого времени становится Дубинин счастлив – и постоянен в счастье. Он становится счастлив, ибо, как говорит Фихте, “счастлив удел того, кто предназначен в силу своего особого призвания делать то, что надо было бы уже делать ради своего общего призвания в качестве человека, – тратить свое время и свои силы ни на что другое, как только на то, для чего иначе надо было бы урывать время и силы с разумной бережливостью и иметь в качестве работы, дела, единственного повседневного труда своей жизни то, что для других было бы приятным отдыхом после работы”.

Он получает семирублевую стипендию, живет в шумном и бедном студенческом общежитии, допоздна засиживается в лаборатории, обстоятельней и остроумней всех выступает на семинарах и читает, читает без конца. К концу курса он становится уже заметной научной величиной.

Он ходил тогда в косоворотке, в спортивных туфлях на босу ногу, коренастый, лобастый, упорный, глаза – родниковые, нос – башмаком, – один из самых выдающихся наших генетиков.

В двадцать четыре года Дубинин становится профессором, в двадцать пять лет начинает заведовать генетическим отделом Института экспериментальной биологии, в двадцать шесть лет награждается Рокфеллеровской премией, в двадцать восемь лет получает высшую из научных степеней – звание доктора биологических наук (без защиты диссертации); и к двадцати девяти годам имеет более семидесяти научных оригинальных работ, выдвигающих и разрешающих проблемы генетики.

Генетика! Ровесница века! Кристаллизация ее в самостоятельную науку совпала с первым годом двадцатого столетия. В тот год Де-Фриз, Чермак и Корренс одновременно пришли к выводам Грегора Менделя, вскрывшего основы закономерности передачи признаков из поколения в поколение, вызвав их из забвения и утвердив ими новорожденную науку. Перед этим Бовери и другие проводят блистательный анализ клетки. В ядрах клеток ими обнаружены окрашивающиеся тельца, в силу этого своего свойства, получившие имя “хромосомы”, потом Г.Х. Морган в хромосоме нашел последнюю пока стадию органического вещества – ген, центр жизни, базис ее, ее атом. Это потрясающее открытие было совершено им при изучении крохотной плодовой мушки – дрозофилы – ставшей с этого времени главнейшим объектом экспериментирования генетиков мира. В 1910 г. Морган предложил гениальную гипотезу о том, что гены лежат внутри хромосом в определенном порядке. Таким образом, была открыта безграничная – тогда еще теоретическая возможность воздействия на ген, а, следовательно, возможности изменения наследственных признаков, возможность искусственных мутаций.

Генетика, как наука, приобрела влиятельнейшее практическое значение. В сельском хозяйстве она раскрыла безграничные горизонты улучшения пород животных и селекции растений, – полное управление природой согласно потребностям человечества. Наряду с этим великолепны ее заслуги перед диалектико-материалистическим мышлением: вскрывая базис жиз-

ни – ген, объявляя всю эволюцию органического мира базирующейся на эволюции гена, генетика революционизировала науку максимально на ныне доступной ступени познания, приближаясь к овладению бесконечной истиной.

Практическую возможность воздействия на ген человечество получило в 1927 г., при помощи открытия Меллера, доказавшего, что, подвергая ген действию икс-лучей, можно получить искусственные мутации генов, совершающихся в сто пятьдесят раз быстрее, нежели в природе. На этом этапе развития генетики в нее входит Николаша – Колька – Николай Петрович Дубинин.

Еще студентом, работая с проф. Серебровским, Дубинин развивал опыты Меллера и впервые в нашей стране совместно с Серебровским получил искусственные мутации генов.

Дубинин обратился к помощи все той же дрозофилы. Несколько десятков дрозофил, усыпленных эфиром, помещаются в желатиновую капсулу, подвергаемую действию рентгеновских лучей. Меллер держал дрозофил под этим воздействием сорок восемь минут и получил ускорение мутаций в сто пятьдесят раз. Дубинин продолжил рентгенизацию до четырех часов, – и количество мутаций достигло четырехсот. Колька Дубинин – “беспризорник” – в четыреста раз увеличивал скорость жизненного процесса, превращения форм жизни. Это была уже подлинная наука. Потом он разрабатывает “теорию ступенчатого аллеломорфизма”. Аллеломорфы это – гены, лежащие в одинаковых точках двух парных хромосом. Морган утверждал, что ген, подобно атому, неразложим. Оперирруя с геном “скют”, на обязанности которого лежит у дрозофилы укорачивание щетинок, Дубинин доказал, что ген нельзя приравнять к атому, что ген является сложной единицей. Работа эта получила широчайший отклик в мировой научной печати.

Затем Дубинин изучает значение генетики для эволюции организмов. Покинув лаборатории, он посвящает себя природе. Все та же дрозофила служит его новой темой. Он наблюдает за ней в естественных ее условиях, и результатом новых его устремлений является теория генетико-автоматических процессов, неоднократно проверенная экспериментально. Эта теория, созданная Дубининым вместе с Д. Ромашевым, создала основу для конкретизации теории эволюции диких организмов. Потом он дает анализ эффекта положения гена. Предполагалось, что гены собраны в определенные агрегаты – хромосомы, лежащие в линейном порядке. Сам Морган думал, что гены независимы друг от друга, наподобие нитки бус. При помощи рентгена можно хромосому перестраивать, заставляя ее обмениваться кусками. И вот, Дубинин опять, вместе с Сидоровым, показал на совершенно точном материале, что свойства гена определяются его положением: в одном агрегате у него одни свойства, при пересадке в другой он получает иные качества. Эти выводы получили название теории “дискретности и непрерывности наследственного вещества”.

До 1933 г., несмотря на все остроумнейшие манипуляции, проделываемые с генами, гены существовали лишь, как исчерпывающе-обоснованные представления; увидеть их было невозможно. В 1933 г. Пайнтер, путем изобретательнейших комбинаций, впервые увидел ген не как представление, а как существование. Прочтя первичное и кратчайшее сообщение о его побе-

де, Дубинин, уже работавший тогда в Институте экспериментальной биологии, немедленно принимается за разработку метода Пайнтера, вместе с бригадой “челюскинцев”, о которой расскажем мы ниже. Пользуясь этим сложнейшим методом, он открывает непосредственную атаку генов, этих микроскопических долей живого вещества.

Все эти работы носят аналитический, так сказать, предварительный для непосредственного управления жизнью характер. Прodelав их, Дубинин получил возможность перейти к синтетическим изысканиям, к вмешательству в строение генов; он смог определять их изменения, провоцировать их действия, т.е. создавать новые признаки и новые формы организмов, варьируя структуру генов.

Эта великолепная эпоха открылась в мировой науке работой Дубинина об изменении числа хромосом. Для каждого вида в органическом мире число хромосом постоянно: у той же дрозофилы их восемь штук или четыре пары. При эволюции вида одним из решающих признаков сохранности его является постоянство пар хромосом. Пользуясь тем, что изменение поведения генов проявляется во внешних признаках – ином, отличном от нормального, строении крыльев и лап, другой окраске глаз и т.п. – Дубинин ни разу за полтора года не взглянул под микроскоп, совершенно “вслепую” уменьшил у дрозофилы число пар хромосом на одну, выведя дрозофилу с тремя парами хромосом.

Руками человека, впервые в истории, было осуществлено преднамеренное превращение решающего признака вида, связанного с эволюцией. И то, что в природе создается тысячелетиями, Дубинин сотворил в восемнадцать месяцев, в полтора года.

Так осуществилось управление жизнью. Почему же так быстро и так совершенно воплотились его неукротимые дерзания?

Дубинин работал всегда со всей, свойственной ему страстью; со всем беззаветным задором, присущим молодости. В нем никогда не было ничего от жречества, кастовости ученых прошлого.

Наука была для него чем-то привнесенным извне. Он просто жил наукой, буквально жил ею. Поэтому он был совсем естественен, был самым собой, какие бы запутаннейшие проблемы он не разрешал, как бы радикально ни преображал он наши понятия о мире. Он работал так же как жил.

Вот как, например, шла разработка сложнейшего метода Пайнтера. Дубинин создал бригаду – он, Соколов, Тиняков, Сахаров. Одна из замечательнейших черт Дубинина, к которой мы вернемся ниже, – это необычайное умение организовывать, сплачивать людей. Техника метода Пайнтера в кратком сообщении дошедшем до СССР, разработана не была. Бригаде приходилось своим умом доходить до мельчайших перипетий его. Одной из основных манипуляций было давление слюнных желез из личинок. Поэтому бригада эта, работавшая в генетической лаборатории Института экспериментальной биологии, лучшей генетической лаборатории страны, по существу созданной Дубининым – самая дружная, самая веселая и оттого самая работоспособная из виденных нами, – была немедленно прозвана “давилщиками”. Два месяца ничего решительно не получалось из освоения этого метода. Часто бригада расходилась по домам, окончательно разругавшись.

Но ссоры эти относились к разряду тех цементирующих ссор, которые возможны только между истинными друзьями. Никто в бригаде не терял мужества, ибо все брали пример с Дубинина. Полгода эти четверо проводили в институте дни и ночи, убегая домой лишь затем, чтобы соснуть на несколько часов. Это подлинный научный героизм. Люди забыли обо всем на свете, кроме своей работы. Дубинин переживал очередные муки творчества, свойственные людям науки не менее, чем людям искусства. Он видел только разрозненные звенья процесса, нужно было их связать, творческим путем найти их взаимосвязь, их зависимость. Нужно было для каждого звена цепи найти тысячу вариантов и гипотез, чтобы среди них отыскать единственную, имя которой – истина.

В четвертом часу ночи выбираться из института было очень трудно. Ключи от двери имели только профессор Лебедев и академик Кольцов, жившие при институте. По очереди униженно шли будить. Лебедев выходил сердитый, в подштанниках, ругал полуночниками, отпирал. Часто академик Кольцов поднимался в генетическую лабораторию, радовался их радостям, и печалился вместе с ними, – наука не знает разницы в возрастах – и приносил свой ключ от выходной двери. Когда выбирались за дверь, нужно было преодолевать еще запертые ворота. Будить каждую ночь дворника Федора Федоровича было неудобно. Выломали железный прут и, по очереди, пролезали в отверстие. Часто при таком занятии профессора Дубинина останавливали прохожие или милиционеры. По выходным дням Тиняков, живший при институте, пробирался за истопником в здание, открывал окно в лаборатории и ждал. Остальные члены бригады, приходя, кричали с улицы:

– Есть на “Челюскине?”

– Есть на “Челюскине”, – отвечал Тиняков и бежал отворять дверь.

За это бригаду прозвали в лаборатории не только “давилщиками”, но и “челюскинцами”, а Дубинин сочинил несколько гимнов, описывающих “Эпопею давления”, которые приобрели необыкновенную популярность. А однажды весной, когда Тиняков, Соколов и Сахаров были уже в лаборатории и смотрели в микроскоп, – дверь была заперта, – они вдруг услышали, очень близко утвердительное:

– Есть на “Челюскине”!

На последней ступеньке лестницы, приставленной малярами к окну третьего этажа (шел ремонт), стоял запыхавшись доктор биологических наук (без защиты диссертации), получивший Рокфеллеровскую премию, известный в мировой генетике ученый Дубинин. Он только что пролез по лестнице мимо окна академика Кольцова (так в Жиздре лазил он по деревьям); тот посмотрел на него и только покачал головой.

Эта непринужденная, товарищеская атмосфера, господствующая в генетической лаборатории, не только не мешает ее работоспособности, она ведь по значению своих работ признана первой не только по СССР, но и по Европе, а, наоборот, очень способствует производительности и ценности ее исследований. И этот дух дружеской, веселой, товарищеской спайки создан ее руководителем Дубининым.

Ведь, когда у нас люди много и хорошо работают, они всегда веселы. Очень хорошо сказал об этом на стахановском совещании Бусыгин. А работают в лаборатории много и хорошо. Это тоже идет от Дубинина. Рабо-

способность его колоссальна. За лето 1935 г. при изучении популяции в природе он просмотрел под микроскопом 135 000 мух, оставляя микроскоп только, когда глаза отказывались ему служить.

Он обладает, как отмечают все работающие с ним, огромной силы ориентацией, блестящими ассоциативными способностями, способностью молниеносно разобраться в сумме, казалось бы, разрозненных, ничего не означающих для обычного взора, фактов, способностью привести их в систему, осветить и организовать внутренним пониманием. Его выступления отличаются прозрачностью мысли и ясностью изложения. Оратор он, по-прежнему, первоклассный.

Эрудиция его потрясающая. Но это эрудиция – разносторонне и равномерно развитого человека. Он знает все и интересуется всем. В летних экспедициях, когда темнеет, а керосина нет, он один устраивает для сотрудников литературные вечера, декламируя стихи и читая наизусть прозу всех времен и народов. Он страстно любит музыку. Он – безумный охотник и рыболов, блестящий конькобежец, лыжник, теннисист, шахматист. Говорят, что нет на свете человека, который бы с таким же увлечением играл в волейбол, сбивая с ног противника, перескакивая через забор, нападая не иначе, как только сделав пассовку.

Он принимает мир целиком, огромный, чудесный, благоухающий мир, созданный для него революцией. Не эта ли черта одна из главнейших в облике молодого человека нашего времени?

В посмертном письме к молодым ученым, академик И.П. Павлов писал: “...Третье – это страсть. Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то и их не хватило бы вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и ваших исканиях”.

Николай Дубинин наделен этой страстью.

Л.В. Полежаев

Полежаев Лев Владимирович – академик РАЕН, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН

ВОСПОМИНАНИЕ О НИКОЛАЕ ПЕТРОВИЧЕ ДУБИНИНЕ

С Николаем Петровичем Дубининым я познакомился в 1936 г. в Институте экспериментальной биологии Наркомздрава РСФСР, где директором был известный крупный ученый член-корреспондент АН СССР Н.К. Кольцов. Николай Петрович там заведовал лабораторией генетики, а я был старшим научным сотрудником лаборатории механики разведения проф. Д.П. Филатова. Николай Петрович был совсем молод – ему было 29 лет, и он был ровесником своих сотрудников. Н.К. Кольцов поддерживал и выделял его из всех своих сотрудников – ученых, предвидя его большую будущность. На большом столе в библиотеке института всегда были разложены

новые журналы и книги. На страницах русских и зарубежных журналов всегда можно было видеть статьи Николая Петровича. Он публиковал в год 4–6 статей, причем экспериментальных, а на проведение эксперимента, обработку и оформление таких статей уходило много времени, а он успевал все сделать.

В Институте было всего 100–110 сотрудников. Все друг друга хорошо знали, общаясь и по науке и по разным вопросам. В теплое время года после работы многие шли в большой сад при институте и там, на спортивной площадке играли в волейбол. У генетиков была своя команда, и душой ее был Николай Петрович. Он был живой, сильный, ловкий и прекрасно играл в волейбол. Ему была свойственна манера шутки, остроумия, юмора и веселья. Его команда часто выигрывала, и он поддразнивал проигравших, крича: “Мусорщики!” Иногда коварно спрашивал побежденных: “А что мы не на катанье играли? На ком мы теперь должны кататься?” Правда, до настоящего катанья дело не доходило. Часто он кому-нибудь из игроков кричал: “Мазло!”, “Лапша!”. Промазавшему талантливому красивому генетику-ихтиологу и пианисту В.С. Кирпичникову он кричал: “Ах ты, рыба бездарь!” Все смеялись, пожалуй, кроме одного – самого Кирпичникова, но тот тоже не очень сердился.

Коллектив сотрудников Николая Петровича был очень дружен и спаян. Все работали с увлечением, весело, летом в отпускное время Николай Петрович с группой своих сотрудников часто уезжал куда-нибудь далеко на охоту или на реку Белую, где путешественники ловили рыбу, купались, жгли костры и полностью отрывались от науки. Все они были очень порядочными людьми. В лаборатории Николая Петровича было весело, царил смех, возня, иногда борьба, полная непринужденность. Конечно, больше всего всех спаивала наука. Иногда кто-нибудь запевал: “Как же так, мировой и вдруг вниз головой, расскажите вы мне!” А Николай Петрович действительно был ученый с мировым именем. В 1946 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Все шло хорошо, но в генетике, а позднее во всей биологии наступили серьезные события. Акад. Трофим Денисович Лысенко объявил генетику, основанную на законах Менделя и Моргана, лженаукой. Возникла тяжелая полоса в генетике и в биологии. В 1938 г. Н.К. Кольцов был объявлен лжеученым группой других лиц. Академики Бах, Келлер, член-корр. АН СССР Коштоянц, партийные работники Нуждин, Дозорцева напечатали в “Правде” статью против Н.К. Кольцова и он был снят с поста директора Института, а в 1940 г. скончался. Его жена М.П. Садовникова-Кольцова покончила с собой. В 1948 г. состоялась всем известная сессия ВАСХНИЛ, на ней была разгромлена генетика. В Институте была уволена половина сотрудников. Лаборатории Н.П. Дубинина и М.С. Навашина были закрыты, лаборатории Б.Л. Астаурова и М.А. Пешкова были низведены в маленькие группы. Николай Петрович из генетиков был превращен в орнитолога и 6 лет занимался птицами, причем написал две монографии о птицах. Линия жизни Николая Петровича стала зигзагообразной: взлет и падение. То ему поручили стать директором-организатором Института цитологии и генетики в г. Новосибирске, затем его сняли с этого поста. Потом он стал заведующим Лаборатории радиационной генетики АН СССР, а позднее, в 1966 г. основал Институт общей генетики АН СССР и стал его директором на многие годы.

В 1966 г. был избран академиком. Он был лидером генетиков в нашей стране в течение многих лет, до самой смерти в 1998 г. Вся его жизнь была борьбой за генетику. Ему сильно досталось и пришлось многое пережить. Но он выстоял. Талант и сила духа победили. Кроме того, он был прекрасным полемистом, находчивым, быстрым в реакции. Он стал крупнейшим ученым-генетиком в нашей стране, автором более 1200 научных работ, десятков монографий, книг и руководств по генетике. Подготовил много крупных ученых, выпустил множество аспирантов, кандидатов и докторов наук. Невзгоды закалили его. Он вышел победителем из многочисленных схваток и сражений в науке и сохранил силу ума и человечность. Поддерживал важные начинания. Много пережив сам, Николай Петрович понимал трудности жизни других. Я лично очень благодарен ему за поддержку, когда после многолетней травли второй раз закрыли мою лабораторию и он взял меня в свой Институт и я получил возможность работать. Он помог также моей жене Ольге Петровне Полежаевой. Зная ее по работе в Институте Н.К. Кольцова, он дал ей свидетельскую справку для исправления канцелярской ошибки в ее трудовой книжке, что позволило правильно оформить ее пенсию.

Меня восхищали талант и огромная работоспособность Николая Петровича. И мне очень импонировали такие личные качества его как жизнелюбие, смелость, веселость, остроумие, юмор, склонность к шутке. Сохраняю о нем светлую память.

Моя жена Ольга Петровна Полежаева тоже знала и работала в ИЭБ у Николая Петровича. Она так вспоминает о нем: “Я счастлива, что знала Николая Петровича Дубинина почти 60 лет. Знала, как талантливого, выдающегося, яркого ученого, как непримиримого борца за свои убеждения, за правду в науке. Знала, как доброжелательного, отзывчивого к людям, простого и человеческого, веселого и остроумного”. Вечная Вам добрая память, Николай Петрович.

2000 г.

Брянск

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Извините, что пишет совершенно незнакомый Вам человек. Но я знаю Вас еще со студенческих лет и помню Ваше выступление на сессии ВАСХНИЛ в 1936 г. Тогда я восхищался Вашим мужеством, с каким Вы отстаивали принципиальные позиции генетики, хотя далеко не во всем был согласен с Вами. Больше того, в то время нам молодым людям больше нравилась позиция сторонников Лысенко, особенно своей новизной и оригинальностью. С тех пор прошло много лет, и жизнь внесла свои неумолимые коррективы не только в развитие биологической науки, но и в сознание ученых биологов. Эти коррективы, разумеется, коснулись и нас рядовых научных работников, в том числе и меня. Со временем я понял, особенно после сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., что в философском аспекте Лысенко далеко не марксист и не дарвинист и даже не мичуринец, каким он себя считал. Тем не менее, нужно отдать ему должное, как оригинально мыслящему ученому и талантливому экспериментатору. Драматизм его положения, по-видимому, связан с чрезмерным самомнением и злоупотреблением властью...

...Вот уже более 25 лет я веду исследования по трансплантации эмбриональных тканей злаковых растений (...). В 1972 г. я получил письмо из Японии от профессора Кензо Комей с просьбой прислать им статью с описанием наших исследований по вегетативной гибридизации. Я написал такую статью, но прежде чем выслать ее в чужую страну решил опубликовать в своей стране. Для этой цели я выслал ее в ВАСХНИЛ, где она проходила апробацию... и вернулась ко мне обратно с отрицательным отзывом. Другой экземпляр... был направлен в Японию. Там она была опубликована, а профессор Кензо прислал мне по этому поводу письмо с выражением большой благодарности...

Как видите, сложилась довольно несурзная ситуация (...). ВАСХНИЛ считает мои исследования неперспективными и не заслуживающими внимания для научной общественности. В то же время за границей результаты исследований публикуются весьма охотно и рассматриваются, как оригинальные.

Мне очень хотелось бы услышать Ваше мнение по этому вопросу. С этой целью я высылаю Вам статью (...). Если найдете время, прочтите ее пожалуйста и напишите Ваши замечания. (...)

Возможно, у Вас возникнет вопрос, почему обратился именно к Вам? Недавно я прочел Вашу книгу “Вечное движение”, она произвела на меня глубокое впечатление. При этом я убедился в том, что Ваши убеждения весьма последовательны и не поддаются конъюнктурным явлениям в науке. Я понял, что именно Вы тот ученый, который может дать объективную оценку моим исследованиям.

Л. Головцов²⁴

Л.И. Бокарева

Бокарева Л.И. – старший научный сотрудник,
кандидат биологических наук. Сухумская опытная станция ВИР

МИНУВШЕЕ Я ВНОВЬ ПЕРЕЖИВАЮ²⁵

Я поступила в ВГУ в 1937 г. на второй курс биофака, переведясь из Ленинградского сельскохозяйственного института по семейным обстоятельствам.

В ту пору на биофаке читали такие известные профессора как Б.Н. Козо-Полянский, К.К. Сент-Илер, С.Е. Пучковский, Н.П. Дубинин, А.М. Сигрианский, доценты К.К. Зажурило, И.А. Руцкий, В.И. Бухалова (...)

Не только теоретическая, но и практическая подготовка на кафедрах велась на достаточно высоком уровне.

При университете был организован ботанический сад, две биостанции по зоологии и два заповедника: один по зоологии и один по ботанике, где велась научно-исследовательская работа, и проходили практику студенты. Кроме того, университет поддерживал тесные связи с ботаническими садами

²⁴ Головцов Леонтий Аврамович – Брянская с.-х. опытная станция, отдел селекции. Печатается с сокращениями.

²⁵ “Воронежский университет”. 13 мая. 1968.

ми, государственными селекционными и опытными станциями Союза, где студенты ежегодно выполняли курсовые и дипломные работы.

Особенно запомнились лекции Б.М. Козо-Полянского, изумлявшие студентов широтой эрудиции, глубокими знаниями и высоким патриотизмом. К этим лекциям нам, студентам, приходилось заранее готовиться и много читать.

Кафедру генетики животных возглавлял профессор, ныне академик и лауреат Ленинской премии Н.П. Дубинин. Его приезды из Москвы для чтения лекций были настоящим праздником.

Увлекательные и блестящие лекции Николая Петровича сопровождаемые интереснейшими иллюстрациями и диапозитивами, привлекали в аудиторию не только студентов ВГУ, но и других ВУЗов. Лекции по истории биологии и дарвинизму читал доцент, а позднее, профессор И.А. Руцкий (...)

И.А. Руцкий

Руцкий Иосиф Адамович – доктор биологических наук,
профессор Воронежского университета

ВОСПОМИНАНИЕ О РАБОТЕ В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА АКАДЕМИИ НАУК СССР НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДУБИНИНА

В связи с постановлением ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. “О подготовке технических кадров”, перед университетом встали новые задачи. От подготовки педагогических кадров для средней школы, чем занимался главным образом Воронежский университет, надо было переходить к фронтальной подготовке кадров научных, способных развивать дальше фундаментальные науки и перестраивать народное хозяйство на научной основе. Это потребовало организации большого количества новых кафедр и привлечения на работу в университет известных в области науки крупных специалистов.

На биологическом факультете, начиная с 1931–1932 учебного года, вместо существовавших двух кафедр – ботаники и зоологии – начали организовываться кафедры более узкого профиля – зоологии позвоночных, энтомологии, гистологии и эмбриологии, низших растений, физиологии растений и т.д. В этот период в 1933 г. была организована кафедра генетики.

Для организации кафедры генетики и чтения курса генетики был приглашен, ученик проф. Н.К. Кольцова, доцент И.Е. Трофимов, а на ассистентскую должность – воспитанник Н.П. Дубинина – Е.Д. Постникова. Молодые и энергичные, они быстро наращивали материальную базу кафедры, а к 1937 г., когда вступил в строй новый биологический корпус, возникла реальная возможность и необходимость не только организации кафедры, но и подготовки в университете специалистов-генетиков. Вплотную встал вопрос о привлечении для руководства кафедрой профессора-генетика. Если на других кафедрах в подобных случаях приходилось долго пребывать в поис-

ках подходящей кандидатуры, то в данном случае вопрос был решен быстро и без особых затруднений. Как только мы узнали о согласии профессора Н.П. Дубинина возглавить кафедру, мы с большим удовлетворением приняли это известие и быстро оформили назначение. Дело в том, что Н.П. Дубинин к этому времени был хорошо известен научной общественности как молодой, быстро прогрессирующий и весьма популярный ученый. Кроме того, и доц. И.Е. Трофимов, и асс. Е.Д. Постникова, прибыв на работу в Воронежский университет, постоянно поддерживали связь с Москвой и лично с Н.П. Дубининым, пользовались его постоянными консультациями, много рассказывали о его работе и исключительных личных качествах ученого. С приходом Николая Петровича на кафедру в сентябре 1937 г. она быстро набрала силу и вскоре стала одной из ведущих кафедр биологического факультета. В новом биологическом корпусе ей было предоставлено большое, приспособленное для научной и педагогической работы помещение, позволявшее организовать все основные лаборатории и вспомогательные службы. Были организованы: лаборатория курсовых и дипломных работ студентов; лаборатория большого практикума; лаборатория малого практикума; исследовательская лаборатория преподавателей со справочной библиотекой – 700 томов; помещение для основного лабораторного объекта научной и учебной работы мушки-дрозофилы (свыше 50 чистых линий) и другие подсобные помещения. Кафедра получила большие валютные ассигнования для приобретения импортного оборудования, главным образом оптики и приборов для цитологических исследований.

В 1937 г. был проведен первый набор студентов (25 человек) для специализации по профилю генетики животных и открыта аспирантура при кафедре. Первыми аспирантами Н.П. Дубинина были Г.А. Стакан и Е.С. Пресс. Педагогическую и научную работу в университете Николай Петрович совмещал с работой в Академии наук в Москве, чередуя пребывание в Воронеже с работой в Академии.

Трудно передать то оживление, которое царило на кафедре при появлении Николая Петровича. Отчасти, быть может, потому, что генетика в нашей стране в этот период развивалась исключительно бурно. К ней было приковано внимание правительства, партии, научной и широкой общественности. На страницах периодической печати и научных форумах дискуссировались острые теоретические вопросы биологии. В области генетики и тесно связанной с ней селекции концентрировались наиболее даровитые и активные деятели отечественной науки – Н.И. Вавилов, И.В. Мичурин, М.Ф. Иванов, А.С. Серебровский и др.

Но главная причина заключалась, конечно, в личных качествах Н.П. Дубинина как ученого.

В это время ему едва исполнилось 30 лет, а он уже имел ученую степень доктора, звание профессора и пользовался большой популярностью среди генетиков и биологов вообще – явление весьма редкое в биологической науке. Мягкий по характеру, благожелательный и правдивый, он одним внешним поведением привлекал к себе всех его окружавших. Особенно выделялись его научный кругозор и умение рассматривать мелкие и, казалось, малозначимые факты сквозь призму широких обобщающих идей. Когда же заходила речь о повседневной будничной работе на кафедре, он в совершен-

стве владел технологией процесса и всегда умел подсказать, показать, научить. Он сам был неутомим в работе и заражал этим своих коллег. Когда приезжал Николай Петрович в Воронеж, кафедра буквально преображалась. Лекции читались и по расписанию и вне расписания. Шли непрерывные заседания кафедры и студенческого научного кружка, индивидуальные беседы со студентами, аспирантами и преподавателями. Николай Петрович очень экономил время. Ведь на кафедре одних студентов, специализирующихся по генетике, было свыше 50 человек.

Лекции он читал с большим мастерством, чему способствовали выразительность и образность речи, мягкий и приятный тембр голоса, высокая внешняя культура. Он никогда не пользовался кафедрой, а спокойно рассказывал по аудитории, иногда держал в левой руке раскрытую книгу, в которую почему-то на протяжении всей лекции не заглядывал.

Особенностью лекций Николая Петровича была свежесть сообщаемого материала. Читал он специальные главы по генетике и обычно сообщал все новинки по излагаемому вопросу. Он хорошо владел английским языком и вставлял иногда фразы по-английски из новой иностранной литературы, переводя их тут же на язык наш, русский. Это очень нравилось студентам и стимулировало их работу с иностранными источниками, которые были обязательны при написании курсовых и дипломных работ.

Исключительно интересно проходили научные заседания кафедры, на которых выступали как преподаватели и аспиранты, так и студенты. По каждому сделанному сообщению Николай Петрович выступал в конце заседания с развернутым анализом значения темы, научной ценности приводимого в докладе материала и перспективах дальнейшей разработки поднятого вопроса. Научную работу кафедры всегда увязывал с личной работой в Академии наук и с текущими событиями на генетическом фронте в стране, что придавало ей оттенок союзного значения. Как-то в одном из писем Николай Петрович именовал этот период работы в университете “чудесным временем” и оно действительно было таковым. Воронежский университет (бывший Юрьевский) к этому времени полностью развернул свои силы на новом месте, пополнился большим количеством талантливых научных кадров и новейшим импортным оборудованием. Он жил полнокровной жизнью Большой советской науки и этот общий подъем и повышенный тонус превосходно реализовался на кафедре генетики.

Аспиранты кафедры Г.А. Стакан и Е.С. Пресс успешно прошли аспирантуру и защитили кандидатские диссертации. Несколько раньше провела защиту Е.Д. Постникова, а в 1940 г. был осуществлен первый выпуск студентов, специализировавшихся по кафедре генетики в количестве 25 человек.

К тематике научно-исследовательской работы теоретического характера стали прибавляться прикладные темы – по селекции романовской овцы (Е.Д. Постникова), кролика и др. с.-х. животных (студенты-дипломанты).

Этот расцвет деятельности кафедры и университета был оборван вероломным нападением на нашу Родину немецко-фашистских захватчиков летом 1941 г.

В годы войны университет находился в эвакуации и связи с ним Николай Петрович не имел, а после войны некоторое время продолжал научно-исследовательскую работу по теме “Эволюция Воронежской популя-

ции *Drosophila melanogaster*. По этой теме в 1947 г. им был сделан обширный доклад на отчетной научной конференции университета, привлечший большое внимание участников. В нем было показано, как радикально и быстро может перестраиваться население дикой природы в связи с изменением окружающей среды. Огромные разрушения, происшедшие в городе в период войны, сопровождались резкими изменениями состава популяции дрозофилы. Она приближалась к популяции сельского типа. Николай Петрович в шутку говорил, что генетическая структура популяции дрозофилы может служить показателем уровня индустриализации.

На этом работа Николая Петровича в Воронежском университете была прекращена, так как условия работы в послевоенный период создались исключительно тяжелые, и ближайших перспектив к их улучшению не предвиделось. Кроме того, заведование кафедрой осуществлялось профессором Д.Ф. Петровым, защитившим докторскую диссертацию в годы войны.

Январь 1979 г.

Воронеж

01.01.1987 г.

Здравствуйтесь, многоуважаемый Николай Петрович!

Сердечно поздравляю Вас с Вашим восьмидесятилетием. Желая Вам долгих лет жизни и доброго здоровья.

Об этой знаменательной дате я узнал из отрывного календаря за 4 января 1987 г. и вспомнил те молодые годы – сорокалетней давности. Вы из Москвы приезжали читать лекции в ВГУ, и вот тогда-то я был некоторое время Вашим “учителем”. А дело было так: в Вашем присутствии меня вызвал ректор университета Н.П. Латышев (я тогда работал завгаражом) и сказал, чтобы я потренировал Вас ездить на автомобиле по городу, с тем, чтобы научившись ездить, сдать экзамены в ГАИ и получить удостоверение на право вождения автомобилем.

Помню “ученик” Вы были способный и потому успешно сдали экзамен и получили права. На этом наше знакомство закончилось, но в памяти оно осталось у меня на всю жизнь.

И вот теперь после этого численника с такой знаменательной датой, я вспомнил ту сорокалетнюю давность так, как будто бы это было вот недавно ... вчера.

За эти долгие годы я читал все, что попадалось мне на глаза о Вас ... Прощлым летом на выставке “старый автомобиль” я один из всех получил диплом “мастер-золотые руки”.

Вот и получается, что Вы – знаменитый генетик, а я тоже ... хороший автомобилист. Думаю, что Вы после этих слов улыбнетесь, а это Вам небесполезно.

Остаюсь с уважением к Вам

Иван Васильевич Антонов

Ульяновск,

14 марта 1955 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Пользуясь случаем, что мой муж А.А. Любичев²⁶, посылает Вам ответ на Ваше письмо к нему, хочу передать Вам мой сердечный привет.

Вы, возможно, меня и не помните, но я Вас очень хорошо помню, так как в Воронеже, в университете я стенографировала весь Ваш курс “История генетики”, за что в свое время получила от Вас благодарность. Поэтому я всегда с удовлетворением вспоминаю тот период времени, когда мне своим скромным трудом стенографистки удалось помочь Вам оставить след в виде стенограмм лекций, прочитанных Вами в Воронежском университете. Не знаю,годились ли они Вам для составления учебника в свое время.

За тот период времени, что мы с Вами виделись в Воронеже, прошло не мало лет и событий. И в моей судьбе произошло не мало изменений. Желаю Вам успеха на Вашем поприще.

Уважающая Вас

О. Орлицкая

Воронеж

30.06.1977 г.

Здравствуйте, уважаемый Николай Петрович!

Извините за то, что Вас беспокоит совершенно незнакомый, посторонний человек. Однако, для меня, как это не покажется Вам странным, я Вас хорошо знаю с детства, еще тогда, когда немногие знали Вас, да и я не знала и не могла понимать всей Вашей судьбы. Но я знала один эпизод из нее. Уже тогда Ваше имя было окружено в нашей семье сияющим ореолом Человека с большой буквы. У меня не было отца и, как все дети, я мечтала, каким бы он мог быть, и почему-то представляла Вас. Когда же я стала взрослой и узнала Вашу судьбу, я стала еще больше восхищаться Вами.

Иногда в жизни возникают исключительные ситуации. ... Вам, наверное, ничего не говорит моя фамилия – Власова. Но, может быть, Вы помните Воронеж и вашего сослуживца Власова Алексея Алексеевича, занимавшегося вопросами леса. Вряд ли Вы забыли войну, дни, когда фашисты входили в Воронеж. Алексей Алексеевич оставался там до последних дней, когда уже началась паника, и все срочно эвакуировались. У кого были автомашины, тем, конечно, было легче. Но, когда Алексей Алексеевич обратился к одному товарищу с просьбой подвезти его, то услышал брань. Вся машина была забита вещами, куда тут лишнего человека. Он никогда ничего не говорил об этом человеке, я не знаю, кто он был. Но о другом человеке он говорил всегда и везде – о человеке, который уже вез много людей, но остановился, выкинул последний свой чемодан и посадил товарища. Может быть, Вы уже забыли этот эпизод, для Вас это только “эпизод”, но я его помню с раннего детства. Ваш образ слился у меня тогда с образом богатырей из сказок. Можно ли по одному случаю судить в целом о человеке? Мне кажется, что по иному эпизоду можно. В нем, в одном эпизоде, как в капле росы, может отразиться весь мир человека, его характер. Бывают секунды, по которым судят о жизни. Мне ча-

²⁶ Любичев А.А. – доктор сельскохозяйственных наук, зав. кафедрой Ульяновского педагогического института.

сто приходилось обижаться на людей, видеть все в черном цвете, когда кажется, что слова “порядочность”, “добро”, “долг” – только слова, а в их основе лежат только мысли о своем “брюхе”. Вы понимаете, как ужасны такие минуты разочарования в людях, в идеалах. Но тогда я вспоминала тот случай в Воронеже и вновь зарождалась вера в то, что еще где-то есть настоящие люди...

Алексей Алексеевич Власов, которого Вы спасли, был моим дядей. Не знаю, какие в дальнейшем были между Вами отношения, какого Вы мнения о нем... Он не уставал рассказывать о вас своим родным.

Я не уверена, рассказывал ли он Вам о своей семье. А семья наша, мне кажется, была замечательной: обыкновенной и необыкновенной, по которой тяжело прошло время.

Л. Власова

Черкассы, Украина

28 марта 1978 г.

Многоуважаемый Николай Петрович!

Прослушав Ваше выступление по радио в отношении нейтронной бомбы и Ваше обращение-разъяснение к Президенту США Дж. Картеру²⁷ о последствиях ее применения, я восхищена Вашим активным вмешательством в этот актуальнейший вопрос для жизни всей планеты.

Ваш образ жизни и отношение к нашим общим делам, Ваши темпераментные действия на благо общества всегда были для нас, студентов, вдохновляющим примером. Я училась в Воронежском университете на биофаке (окончила в 1942 г.), специализируясь на кафедре биохимии и физиологии растений. Слушала Ваши лекции и зажигалась Вашей энергией, честностью и жизнерадостностью.

Искренне рада Вашим успехам в науке и желаю много лет жизни и созидательного труда на благо нашей Родины и всего человечества.

Я чувствую себя обязанной перед Вами за все хорошее, что Вы своим примером воспитали во мне. Я обязана в этом также А.М. Горькому, Роме-ну Роллану, Лиону Фейхтвангеру. Они воспитывали меня книгами, а Вы – живым примером.

Помню Вас кипучей натуры человеком, страстно увлекавшим нас, студентов, к светлым идеалам будущего в те тяжелые дни для нашей Родины.

С уважением к Вам

Мария Васильевна Мосенцева

29 апреля 1946 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Петрович!

Меня чрезвычайно обрадовало сообщение милой Евгении Дмитриевны²⁸ о том, что Вы возобновили свои лекции в стенах Воронежского университета. Я поздравляю с такой удачей и коллектив кафедры генетики ВГУ и счастливых студентов, которым удалось прослушать Ваши незабываемые

²⁷ “Вечерняя Москва”. 1978. 13 марта; “Правда”. 1978. 14 марта; “Комсомольская правда”. 1978. 14 марта Совм. с др.

²⁸ Евгения Дмитриевна Постникова.

лекции. Письмо Евгении Дмитриевны пробудило чудесные воспоминания о тех днях, когда мне посчастливилось быть в коллективе Вашей лаборатории и тоже иметь удовольствие питаться этим вечно свежим, вечно чудодейственным источником – лекциями и общением с Вами.

Приходится только глубоко сожалеть, что теперь я этого лишена.

Не менее меня взволновало сообщение о том, что предстоит организация цито-генетического института и выпуск генетического журнала. Такой поворот и интерес к теоретическим вопросам генетики в нашей послевоенной обстановке вполне понятен и все его с радостью приветствуют.

Остается только пожелать Вам успеха на этом поприще.

Глубокоуважающая Вас

Г. Стакан

Т.С. Ростовцева

Ростовцева Татьяна Степановна – кандидат сельскохозяйственных наук.
В 1958 – 1969 гг. работала в Институте цитологии и генетики СО АН СССР;
с 1969 г. – в Центральном ботаническом саду СО АН СССР

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОШЛЫХ ГОДАХ

В начале лета 1946 г. меня из Саратовского университета, где я выбрала специальность генетика, послали в Москву на практику в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, к заведующему лабораторией цитогенетики, доктору биологических наук Николаю Петровичу Дубинину.

Приехав в институт, я познакомилась с Николаем Петровичем. Он был небольшого роста с красивым лицом и обаятельной улыбкой. Особенно привлекали внимание его большие синие глаза как два глубоких озера. Моим вторым руководителем стал Георгий Гаврилович Тиняков. Он посадил меня за микроскоп, и я стала зарисовывать хромосомы дрозофилы.

Когда я кончила рисовать, подошел Николай Петрович, посмотрел в микроскоп, потом на мой рисунок и спросил: “Это Вы рисовали?” Я ответила утвердительно, и он очень одобрил мой рисунок.

Мне предложили на выбор для дипломной работы две темы. Одна по мутациям дрозофилы, другая, более трудоемкая, но интересная по изменению хромосом у популяций в районе г. Каганович, где находилась Каширская электростанция. Нужно было через день проходить по 24 км и собирать популяции мух в четырех пунктах. Я выбрала последнее.

Работа проходила на биостанции в Кропотове, в 12 км от Каширы. В сельской местности (деревня Новоселки, село Кременье) я ставила приманки и ловила мух, а вблизи электростанции (г. Каганович) я собирала мух в свинарниках. В отличие от сельской местности здесь наблюдалось большее количество хромосомных изменений, в связи с влиянием загрязненности от Каширской электростанции. Я собирала материал две осени (1946, 1947 гг.), сажала мух в пробирки и изучала под микроскопом железы их личинок.

В марте 1948 г. я приехала на месяц в институт писать дипломную работу, так как здесь в Кольцовском институте была богатая библиотека.

В большой лаборатории было тесно и шумно, и я с утра забиралась в кабинет Николая Петровича и там писала. Обычно в окно я видела, когда он

шел в институт, и старалась уйти из его кабинета до его прихода. Иногда я прозевывала его и он, приходя, говорил, что я ему не мешаю, так как было два стола и я оставалась работать за другим.

Ощущалось, что на Николая Петровича Лысенко и Презент вели охоту. Однажды они решили проверить его знания и отношение к философии. Прислали философа, и он уединился с Николаем Петровичем в его кабинете. Через некоторое время философ, выходя оттуда, сказал, что редко встречал такое отличное знание философии как у Николая Петровича.

С Презентом я была “знакомая” еще с 1943 г., когда на первом курсе биофака в ЛГУ он читал нам введение в биологию. Его лекции невозможно было записать. Это были бесконечные и беспорядочные нападки на “формальных” генетиков. Мы были со школьной скамьи и ничего не могли понять в его изречениях. В то время я написала:

Смотрю я бессмысленным взором
На лектора скучного ЛГУ,
В речах несусветного вздора –
Понять ничего не могу.

И вижу печальным укором
“Профессора” смотрят глаза,
Я ж думаю грубо и скоро:
Ведь ты же нам чушь рассказал!

Окончив писать дипломную работу и краткое сообщение в Доклады Академии наук, я попросилась в аспирантуру к Николаю Петровичу, и он согласился меня взять и сделал запрос в СГУ.

По окончании университета я начала готовиться к экзаменам в аспирантуру. Надо было сдавать философию. Не зная программы, я решила поехать в Москву.

Сообщение об августовской сессии ВАСХНИЛ застало меня в поезде. Приехав в Москву, я стала свидетелем разгрома лаборатории Николая Петровича. Сам он был в отпуске, путешествовал где-то на р. Урал или Белой. Его долго не могли найти. Наконец он приехал и вместе со своими сотрудниками стал ликвидировать свою закрытую лабораторию. Все остались без работы, их никуда не брали. Николая Петровича приютил Владимир Николаевич Сукачев, пригласив в комплексную экспедицию по полезащитному лесоразведению, и вскоре появились работы Николая Петровича Дубинина как орнитолога.

Я вернулась в Саратов и тоже была без работы. В январе меня взяли работать в Саратовский областной музей краеведения, в отдел природы. Через два года я по совету нашего бывшего декана Александра Дмитриевича Фурсаева пошла в с/х аспирантуру Института земледелия Юго-Востока СССР, которую окончила и защитилась.

В 1957 г. в Новосибирске было организовано отделение Академии наук и одним из 13 институтов решили создать Институт цитологии и генетики.

Михаил Алексеевич Лаврентьев пригласил Николая Петровича организовать и возглавить Институт цитологии и генетики. Я попросила Николая Петровича взять меня в этот институт, что он и сделал. Николай Петрович по крохам собирал разрозненных генетиков, и они все приехали работать в

Новосибирск. Были созданы лаборатории, дано общее направление развития генетики. Но недолго пришлось Николаю Петровичу руководить институтом. В Новосибирск приехал Н.С. Хрущев и по желанию Лысенко, потребовал убрать Николая Петровича, иначе закроют институт. Лаврентьев пытался сохранить Николая Петровича в качестве директора, но при повторном приезде Хрущев повторил свою угрозу.

Вскоре в газете за 2 июля 1959 г. появилось выступление Н.С. Хрущева, где он критиковал Н.П. Дубинина за его борьбу против Лысенко и сказал, что вряд ли он принесет пользу на посту директора.

Сотрудники боялись сообщить эту весть Николаю Петровичу, никто не решался это сделать. Тогда я взяла газету и пошла по Красному проспекту навстречу Николаю Петровичу. Он шел в институт, ничего не подозревая. Я остановила его и протянула ему газету. Он прочел и понял, что это конец. Вскоре он уехал в Москву, поручив Дмитрию Константиновичу Беляеву руководить институтом.

В Москве у Николая Петровича была лаборатория радиационной генетики, ютившаяся в аварийном доме в Ботсаду, который предоставил Цицин Николай Васильевич.

Институт цитологии и генетики СО АН СССР продолжал существовать и развиваться.

В 1964 г. началось развенчивание работ Т.Д. Лысенко. Президиум АН в январе 1965 г. создал комиссию по ознакомлению с работами, проводимыми на экспериментальной базе Института генетики под руководством Т.Д. Лысенко по животноводству, которая сделала выводы, что внедрение этих работ в практику принесет вред сельскому хозяйству.

Президиум АН признал неудовлетворительной работу Института генетики, которым с 1940 г. руководил Т.Д. Лысенко и вынес постановление о ликвидации этого института.

Новый институт получил название – Институт общей генетики и его директором стал Николай Петрович Дубинин.

2001 г.

* * *

ПОЗДРАВЛЕНИЯ УЧЕНОМУ МУЖУ
(УЖЕ НЕМОЛОДОМУ, НО ЕЩЕ НЕ СТАРОМУ!!)

Знаю, понравятся Вам пожелания
И поздравленья от чистой души,
Но не гоните Вы сердца признания,
Пламень священный в себе не туши.

Годы пройдут и останутся с Вами
Горы бумаги и горы статей,
Но никогда, Вы ведь знаете сами,
Не возвратится к Вам возраст страстей.

Ум независимый сердцу не верит,
Хочется больше постигнуть ему,

Но никогда не восполнить потерю,
Чувств и желаний противных уму.

Так не гоните вы тень вождения,
Не оставляйте мечты без внимания,
Все вдруг исчезнет оставив сомнения
И не оставив воспоминания!

3 мая 1964 г.

Т.Р.

Сумы

21 марта 1981 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

День знакомства с Вами останется одним из самых знаменательных и счастливых дней в моей жизни.

Ваше имя мне стало известно с первых дней учебы в Киевском университете. Это был 1948 г. После августовской сессии ВАСХНИЛ нам, первокурсникам, со всей обстоятельностью разъясняли содержание доклада "О положении в биологической науке". Была убедительно раскрыта несостоятельность классической генетики. Термин "ген" произносился порочно. В таком духе мы были воспитаны.

Спустя примерно десять лет, когда я уже работала преподавателем педагогического института, однажды прочитала в научном журнале Вашу статью, в которой, как помнится, говорилось о разработке метода подсчета генов. Эта статья произвела на меня сильнейшее впечатление. Мое воображение приятно поразила большая принципиальность ученого. В учебной литературе еще не было научной генетики. С того времени я всегда на лекциях по дарвинизму, подчеркивая в воспитательных целях принципиальность ученых-биологов прошлого, привожу пример ученого наших дней Н.П. Дубинина. После нашего знакомства к принципиальности выдающегося ученого прибавилось понимание Вас, как отзывчивого, внимательного и доброжелательного человека. Вы с уважением отнеслись к моим исследованиям по осмысливанию биологического образования в педагогическом институте, помогли в этом, тоже нужном деле.

Николай Петрович, я очень признательна Вам за рецензирование работы "Теоретические основы содержания общебиологической подготовки учителя-биолога в педвузе". Вторая рецензия дана Институтом содержания и методов обучения АПН СССР. Рецензия положительная, хорошая. Педагоги отмечают: "Тема работы чрезвычайно актуальна: давно назрела необходимость в разработке теоретического обоснования содержания общебиологической подготовки учителей биологии. Задача разработки концепции общебиологической подготовки учителя-биолога в педагогическом институте очень сложная и мало разработанная (...)"

В соответствии с рецензиями рукопись доработана и сдана в издательство.

Еще и еще раз благодарю Вас, дорогой Николай Петрович и преклоняюсь перед Вашим величием, оставайтесь всегда таким же принципиальным ученым и отзывчивым человеком.

С самым искренним и глубоким уважением

Н.И. Дегтярева²⁹

²⁹ Дегтярева Нина Ивановна – доцент кафедры ботаники Сумского пединститута.

А.В. Кауров

Кауров Алексей Васильевич – зоотехник, юрист, преподаватель советского права, участник ВОВ, участник Сталинградской битвы, освобождения Украины и защитник Курильских островов 1945–1953 гг.

СЛОВО О ДУБИНИНЕ

В начале было Слово, и слово у нашего преподавателя Василия Павловича Сальникова о новом для нас, студентов зоотехникума разделе – генетике. До этого мы слова “генетика” не слышали. Он с большим мастерством самым до предела доступным языком вкладывал нам азы об этой самой науке о наследственности и изменчивости организма. Казалось, что часы крали у нас время, а звонок был настойчив и неумолим.

Все, что мы изучали ранее по биологии и ботанике в школе мало походило на этот предмет. Мы слушали его, как замороженные, о том, какие структуры отвечают за то, что дети бывают похожи на родителей; от чего зависит рождение мальчика или девочки; почему у детей иногда появляются признаки, которых не было у родителей; какие пороки в организме родителей могут быть переданы детям; как влияют внешние условия на проявление тех или иных признаков. Материал оказался для нас очень сложным, но наш преподаватель – В.П. Сальников был особенно неумолим и – своих дел большой мастер – готовил нас к работе специалистами в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. На протяжении всего курса он знакомил нас со знаменитыми учеными земли русской. Он с любовью рассказывал нам биографии Ч. Дарвина, К. Тимирязева, Н.И. Вавилова и других. А в это время – конец 1930-х – начало 1940-х гг. на сцене науки генетики уже ярким пламенем светила звезда Николая Петровича Дубинина. На занятиях мы заметили, что он был равнодушен, прямо заметно влюблен в этого ученого. И на протяжении всего курса у нас на лекциях незримо “стоял и наблюдал за нами” сам Дубинин в озвучении Сальникова. Замечу, что В.П. Сальников был старшим в группе составителей программ по специальным дисциплинам в Министерстве совхозов РСФСР. Здесь он увидел и молодого Дубинина. Окончив техникум со званием младший зоотехник – селекционер, хотя селекцией мы занимались мало, работать нам не пришлось. Судьба готовила нам смертный бой, больничная койка или “прямо на небо”. Новое время – новые песни... “Вставай, Страна огромная, вставай на смертный бой!...”

И вот закончилась эта война. “Досталась нам лихая доля, немногие вернулись с поля”... Я стал профессиональным военным, надел офицерские погоны...

И я, самый рядовой слушатель Университета марксизма-ленинизма, располагавшегося в роскошном дворце австрийского императора Франца Иосифа (г. Вена) выступал, как специалист сельского хозяйства по материалам сессии ВАСХНИЛ, на которой выступил с докладом “О положении в биологической науке” Т.Д. Лысенко.

Не скрою, сам понимал туманно, даже менее чем мало, но меня обязали выступить, дав на подготовку один месяц. Но что я мог узнать на чужбине о таком непростом вопросе. Я был подготовлен на материалах самой сессии и некоторых других источниках. В зале стояла тишина, которая меня почему-то

пугала, вызывала непонятную дрожь в коленях. И все же доклад понравился офицерству, аплодировали и вдруг... провал... Ответы на вопросы... Кто-то из аудитории, а кроме наших, из Университета, были приглашены и ответственные работники командования, знал больше меня и задал вопрос: “А как Вы оцениваете заслуги перед биологической наукой Дубинина? Вы и его относите к великим ученым? ...Ведь это же чистейшей породы вейсманист-морганист...Он хуже – менделист! Вы считаете, что Дубинин не органист?”

Ну, подумал я, кажется, поплыву! “Держись, Алешка, держись: ты же знаешь”, говорила одна сторона, а другая – “ты ничего не сказал и в докладе о Дубинине, а только критиковал вейсманистов-морганистов”. Сразу понял, что попадаю под колпак. Но отступать некуда! Позади Москва, Лубянка, Колыма или кое-что похлеще!

Отвечаю: “Дубинин – гордость биологической науки! После трагического ухода из жизни Н.И. Вавилова (ну и дурак! зачем сказал “трагического”) Дубинин в самом расцвете сил сделал немало открытий в генетике и ему должна по праву принадлежать булава биологической науки вообще и генетики в частности. Что касается научных диспутов, то считаю, истина будет найдена”. Молчание... вскоре занавес закрыли, разошлись. Я вспоминаю это и сейчас с чувством содрогания. Как это могло обернуться для меня, сына репрессированного отца. По всей биологической науке тогда с разрушительной силой пронесся Тунгусский метеорит, если не больше.

Когда при встрече в конце 1970-х гг. с Дубининым, я рассказал в его рабочем кабинете об этом казусе, он не выдержал, вышел из-за своего стола и обнял меня с влажными глазами. Я был в экстазе, и мы какие-то секунды смотрели друг другу в глаза, как давным-давно близкие единомышленники. В разговоре я предложил Н.П. Дубинину выступить с работой на тему “Может ли иметь генетическое объяснение преступное поведение человека в обществе”, для чего можно пригласить светил из юридического мира. Он с одобрением принял мое предложение и сказал, что такая работа в содружестве с юристами будет. Я жаловался Николаю Петровичу о том, что мне, как преподавателю правового предмета весьма и весьма трудно убеждать своих слушателей, что такое негативное поведение, как пьянство, хулиганство, склонность к тяжким преступлениям передаются по наследству. И вот издательство “Политическая литература” в 1982 г. выпускает такую книгу, о которой мы говорили “Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения”. Он шлет мне теплые поздравления с праздниками 1 мая и Днем Победы и словами “– Рад, что книга Вам нужна. Ваш Дубинин”. Я храню ее, как самый дорогой мой талисман. Дубинин написал ее в соавторстве с выдающимися юристами И.И. Карпецом и В.Н. Кудрявцевым.

И вот смотрю почти со слезами на глазах на пожелтевший газетный листок “Социалистической индустрии” за 4 января 1987 г. Николаю Петровичу Дубинину 80 лет. Он сейчас в это время мой ровесник. Нам по восемьдесят пожаловала ее Величество Судьба. На меня смотрит умное, улыбающееся лицо. К нам обращен его добродушный человеческий взгляд. *Homo sapiens*... Человек, как разумное существо. Ему, Человеку, он отдал все свое дыхание, всю свою жизнь каплю за каплей... Ему, этому человеку, принадлежат качества – верность истине, верность себе. И вот читаем, что сегодня

о нем говорят: выдающийся генетик и биолог, ученый с мировым именем, многие его работы по праву считаются классическими и это реально и заслуженно. Только он мог доступно, полно и просто донести до аудитории очень сложные и противоречивые порой истины биологической науки и ее части – генетики. Это поистине талантливейший пропагандист своей науки.

Однако не всегда вклад Николая Петровича Дубинина в науку получал заслуженно высокую оценку и признательность. Были в его жизни тяжелые времена, годы отчуждения, дни отчаяния. И это, к сожалению, продолжает иметь место и поныне.

Так в журнале “Коммунист” за апрель 1987 г. в статье Созинова А.А., тогдашнего директора Института общей генетики им. Н.И. Вавилова “Современная генетика: проблемы и перспективы” и в его же статье “Генетика, возможности и перспективы” в газете “Сельская жизнь”, напечатанных по случаю Дня советской науки, ни одна буква не напоминает о Дубинине... В том же журнале уже его коллега Д. Беляев в статье “Генетика, общество, личность” не называет даже имени Дубинина. Это как же прикажете понимать? Или как в романе М. Горького “Жизнь Клима Самгина” – “Может быть мальчика – то и не было”...А ведь стоит только прочитать статью Дубинина “Наследование биологическое и социальное” в журнале “Коммунист” № 11! Работа выполнена большим знатоком политики и генетики, а язык, стиль удивительной прозрачности как мартовская капля. Мне хочется подобрать самое, на мой взгляд, существенное! Кажется, вот эта фраза ученого: “...Никаких генов для духовного содержания человека не существует, черты человеческой психики формируются с помощью общественно практической деятельности людей”.

Мне хочется, чтобы читатель услышал голос Николая Петровича, обращенный к своей научной смене... “Да, генетика стоила борьбы. Трудные дороги ослепительных радостей и тяжелых дней пересекали мою жизнь. Ничто не дается даром. Я ощущаю глубокое чувство благодарности своей судьбе. Я бы не хотел прожить другую жизнь. Я слышу, словно прибор, голоса поколения, идущего нам на смену”. Эти слова я взял из удивительного явления – книги Дубинина “Вечное движение”. Оно самое глубокое и чистое произведение бойца за Человека. Да это, кажется и завещание его гения. Он глубоко любил всеми фибрами души Пушкина, Грибоедова и Есенина. И я скажу во весь голос – Дубинин сделал все: он написал “Вечное движение”. Мы, знавшие Н.П. Дубинина и свято верившие в правоту и смелость его мысли в биологической науке вообще и генетике в особенности, сегодня отдаем свой голос в защиту человеческой особи от непрошенного вторжения малоизученного клонирования человека, грозящего бедой нашему святому и дорогому “*Homo sapiens*”.

Наш великий учитель и талантливейший пропагандист науки Н.П. Дубинин первым из ученых такого масштаба высоко вознес роль и значение Сталинградской битвы. За этот благородный подвиг мы, отстаившие Сталинград, своим решением постановили считать нашим однополчанином Николая Петровича Дубинина и его семейство. Это решение до сих пор и на века остается в силе, хотя не утверждено ни каким органом власти. Это особенно важно и приятно отметить сегодня, в канун 2 февраля 2003 г., когда мы будем отмечать 60-летие Сталинградского побоища, ставшего закатом немецко-фашистской армии.

Я вспоминаю о тебе, дорогой однопольчанин, Николай Петрович, словами твоего любимого Сергея Есенина: “как о цветке неповторимом...”

Белгород

1 февраля 2001 г.

Москва

Николай Петрович! Я Вас помню очень хорошо. Мы работали с Вами когда-то в Институте леса (пер. Садовских) у Владимира Николаевича Сукачева. Я печатала Вам и Марку Леонидовичу Бельговскому, с которым вы были тогда очень дружны, а после работали вместе с ним.

Вас я помню в то время, когда Вам было трудно и тяжело по работе. Но видела Вас я всегда с улыбкой на лице, уравновешенного, мягкого, выдержанного. Вот таким Вы мне запомнились, Николай Петрович. Сейчас я работаю в издательстве. Знаю людей, которые знают Вас хорошо (в частности Мартыновых – Марию Савельевну и ее мужа Владимира Алексеевича).

Я рада, что у Вас все хорошо, что Вы, пройдя через множество трудностей, заняли почетное место, работаете на благо человечества, воплощая свои мечты в жизнь.

Если будет у Вас желание, черкните пару строк в ответ. Я буду счастлива получить от Вас письмо, так как горжусь тем, что знала Вас, работала когда-то с Вами и, что Вы – Человек с большой буквы.

* * *

⟨...⟩ Разрешите мне, бывшей скромной машинистке Института леса присоединить свои сердечные пожелания в день Вашего 70-летия.

Не хочу омрачать Вашу память воспоминаниями о тех далеких годах, которые остались далеко позади. Но были там тогда люди, морально Вас поддерживающие. Вспоминаете ли Вы Пьявченко Н.И., Вихрова В.Е., Молчанова? Милого Марка Леонидовича Бельговского я особенно вспоминаю и чту его память... Образцова Б. В. и ряд людей, которые работали в то время рядом с Вами? У Вас было тогда много и доброжелателей. Если найдете желание и время черкните пару строк. Буду счастлива...

* * *

⟨...⟩ Была тронута Вашим вниманием и тем, что вспомнили о том, что есть на свете Виктория Викторовна, которая всегда с уважением относилась к Вам.

Есть у меня книга Ваша “Вечное движение” – я ее читаю и перечитываю. Если где-то в печати я читаю о Вас – то радуюсь так, как бы была рада за родного человека. Поймите меня правильно.

С уважением

Виктория Викторовна Аснович

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Уже около 15 лет прошло со времени моего посещения Института общей генетики, когда Вы беседовали со мной в перерыве заседания Ученого совета Вашего института.

Сейчас я уже много лет как на “заслуженном отдыхе”. Во время него я много работал по изучению некоторых государственных лесных полос.

Побывал и на Г.Л.-Полосе – “Гора Вишневая – Уральск – Каспийское море”, на которой в годы разгула “лысенковщины” Вы трудились...

В декабре 1987 года я, мобилизовав память, написал мемуарные записки о встречах с Лысенко и лысенковцами, которые унесли у меня много сил и немало нервов.

Сжатый вариант этих “записок” (что-то вроде газетной статьи) – в копии посылаю Вам, полагая, что кое-что будет Вам интересно.

Более полный текст передан мною дирекции института (ВНИИЛМ), в котором я проработал более полувека.

Мечтаю приобрести новый журнал “Семья” с Вашей статьей о “беспризорнике Дубинине”.

Ведь я в 1920–1922 гг. жил в среде сирот-беспризорников в “Первой Самарской школе Коммуне”.

* * *

Сердечно поздравляю Вас с большой наградой – Орденом Ленина. Среди потока поздравлений Вам может быть, приятно будет увидеть мое – человека, возможно, стоявшего рядом с “Колькой Дубининым” с удочкой на одной из Самарских пристаней, где в те далекие дни нашего детства так прекрасно клевала чехонь!

ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

от автора, самарца

САМАРА ЛЕТОМ (воспоминания детства)

Город душный, город знойный,
Пылью мне в лицо пахнул.
Торопливый, беспокойный,
Он в глаза мне заглянул.

Нити улицу прорезали,
Лик купеческой Самары,
И у Волги прерывали
Бег свой, – горе тротуары.

На причалах (в довершенье),
Соблазнительные грузы:
Вобла (просто объеденье!)
И медовые арбузы...

Я от Вас таить не буду,
Здесь в те дни мы “промышляли”,
И таинственно, как чудо,
Вдруг арбузы – уплывали...

Эта песенка – пропета,
Повторять ее не будем.
Я не сделался поэтом,
Жизнь отдав природе, людям.

И ушел к лесам и к полю,
Вдаль от серых перезвонов,
Ближе к солнцу, ближе к воле,
Прочь от прежней жизни звонов.

6 января 1988 г. *Е. Годнев*³⁰

Р.Г. Жордания

Жордания Реваз Гивич – профессор, лауреат Государственной премии Грузии, академик Нью-Йоркской академии наук

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА

Впервые имя Дубинина я услышал, будучи студентом – в 1953 г. в связи с печально известной “августовской сессией ВАСХНИЛ”, уничтожившей генетику в нашей стране. Тогда среди имен других генетиков, мужественно отстаивающих свою науку, прозвучало и имя Николая Петровича. Все учебники генетики были уничтожены, им устроили “ауто-да-фе”... Материалы докторской диссертации Д.Д. Меладзе, находящиеся в процессе окончания – выбросили в помойку, а его самого секретарь ЦК Компартии Грузии проработал на пленуме, объявив, что в то время, когда советский народ трудится во славу Родины, доцент Меладзе занимается изучением мух с черными глазами...

Генетику нам преподавал Г.М. Папалашвили, перешедший в “мичуринскую генетику”, но в душе оставшийся истинным генетиком. Из чувства противоречия, характерного для студентов всех поколений, я достал грузинский перевод “Теории гена” Т.Х. Моргана и на экзамене отвечал с истинно генетических позиций. Г.М. Папалашвили испугался, выставил всех студентов из аудитории и сказал мне, что нас обоих арестуют, если узнают о происшедшем, затем поставил мне “хорошо” и с потом на лице выставил из аудитории.

Позже мы узнали, что Николай Петрович был единственным из генетиков, не изменившим истинной науке! Позже он сам рассказал мне, что был вынужден обратиться с письмом в Президиум Академии наук, чтобы тот ходатайствовал перед Моссоветом, о предоставлении Н.П. Дубинину права на использование личной автомашины в качестве такси, чтобы добыть средст-

³⁰ Годнев Евгений Дмитриевич – кандидат сельскохозяйственных наук, лесовод, ветеран войны и труда; Всесоюзный научно-исследовательский институт лесного хозяйства.

ва для пропитания. Ходатайство ему выдано не было, но его вызвали в Академию наук и послали руководить орнитологической экспедицией на реку Урал, вместе с Т. Горопановой, которая в этой реке и утонула... но в результате этой экспедиции была написана прекрасная работа о птицах окрестностей реки Урал. У нас в Тбилиси эту работу достать было невозможно. Тогда-то я и написал Николаю Петровичу с просьбой посодействовать мне в деле приобретения этой нужной мне работы (я – орнитолог) и спустя некоторое время получил ее.

Будучи в командировке в Москве я узнал через адресное бюро адрес Николая Петровича и вскоре вступил под арку известного большого “дома академиков” на Большой Калужской. Дом этот был мне хорошо известен: там проживал учитель, а позже друг моего папы – Евгений Алексеевич Косминский, известный медиолог, автор учебников по истории средних веков для средней школы и ВУЗов. Будучи в Москве я часто заходил к Косминским, милая жена Евгения Алексеевича – Надежда Николаевна пополняла мою библиотеку редкими изданиями. Косминских уже не было в живых... И вот в этом доме вскоре я звонил в квартиру Н.П. Дубинина. Дверь мне открыл невысокий, коренастый человек с простым, открытым лицом – это был сам академик, который пригласил меня в квартиру. Мы поговорили с полчаса, он спрашивал меня о моих учителях – Дмитрие Дмитриевиче (Мито) Меладзе, Георгии Михайловиче Папалашвили. Очень хвалил Мито, который в свое время был его любимым аспирантом и подавал большие надежды. С удивлением я узнал, что Николай Петрович был беспризорником!.. Расспросив меня о моей работе, он стал называть меня “коллега”, так как по собственному признанию, после уральской экспедиции, в анкетах в графе “специальность” – писал: генетик, орнитолог. После этого два-три раза в год я переписывался с Николаем Петровичем и аккуратно обменивался с ним поздравительными открытками. Скупое, в две-три строчки, но этот крупнейший ученый находил время для того, чтобы поздравить меня с Новым годом и другими праздниками. Потом была опубликована книга “Вечное движение”, в которой он упоминает и грузинских генетиков. Раз Николай Петрович приехал в Тбилиси – на защиту какой-то диссертации и ему предложили прочитать лекцию о современной генетике. Помню переполненный актовый зал нашего Тбилисского университета и гробовую тишину во время доклада. После доклада все хотели подойти к Николаю Петровичу, поговорить с ним, я держался в сторонке: не хотел мешать другим, как вдруг он заметил меня и обратился через головы других коллег: “Здравствуйте Жордания! Что же Вы не здороваетесь с коллегой?..” Мне было очень приятно, что он обратил на меня внимание; немного позднее мы опять встретились в узком кругу и смогли перекинуться парой слов.

В 1974 г. был объявлен конкурс на вакансии академиков и член-корреспондентов ВАСХНИЛ. Г.М. Папалашвили командировал меня в Москву с просьбой обратиться к Дубинину за содействием. Я действительно пошел к Николаю Петровичу, который позвонил в ВАСХНИЛ и попросил посодействовать Г.М. Папалашвили (вакансия члена-корреспондента). После этого я пошел в ВАСХНИЛ и поговорил с какой-то весьма серьезной дамой, которая сказала, что осенью 1975 г. будет объявлена очередная вакансия и тогда Г.М. Папалашвили имеет все шансы попасть на желаемую вакансию, так

как за него ходатайствует сам Н.П. Дубинин! К сожалению, Г.М. Папалашвили в 1975 г. скончался.

Николай Петрович прислал мне свою книгу “Вечное движение” с дарственной надписью, вызвавшей законную зависть у наших генетиков. Будучи в Москве я всегда звонил ему и иногда заходил домой. Одним словом, он был мне близким человеком; этому обстоятельству способствовал следующий случай: раз, будучи у Николая Петровича, я заторопился уходить, а он поинтересовался, куда я так спешу? Я сказал, что 18 декабря – день рождения моей мамы и, что я хочу послать ей поздравительную телеграмму. Николай Петрович сказал, что и он рожден также как и моя мама в декабре (22 декабря) 1906 г.³¹ Потом подробно расспросил меня о родителях, оба они окончили МГУ, там и защитили кандидатские диссертации. В 1967 г., когда Николай Петрович был директором Института общей генетики, я попросил перевести к нему моего друга – Александра Александровича Прозорова. Николай Петрович подробно расспросил меня о Прозорове и вскоре он перешел в ИОГен.

Крупнейший ученый, добрый отзывчивый человек – академик Николай Петрович Дубинин ушел из жизни в преклонном возрасте, оставив о себе долгую добрую память.

Москва

3–4 января 1987 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Петрович!

Сердечно поздравляю Вас с 80-летием и с награждением Орденом Ленина!

Из Вашей многогранной деятельности я хочу сегодня вспомнить лишь о некоторых ее сторонах:

1. О Вашем выдающемся вкладе в развитие генетики популяций, развитии идей С.С. Четверикова, в осуществлении синтеза генетики с классическим дарвинизмом, приведшем к формированию синтетической теории эволюции.
2. О Вашей неутомимой деятельности в борьбе за генетику, за общую биологию против лысенковщины со всем ее мракобесием.
3. О Вашей выдающейся роли в восстановлении генетики в СССР после событий 1948–1953 гг. (создание “Ликбеза”, создание Лаборатории радиационной генетики ИБФ АН СССР, организации ИЦиГ СО АН СССР и многое другое). Вы мужественно выстояли в борьбе за истину, спасли науку от окончательного разгрома и обеспечили переход к ее возрождению и дальнейшему развитию биологии, генетики и селекции.
4. О Вашей неутомимой деятельности по пропаганде достижений современной генетики.
5. О том, что Вы успешно работали и как зоолог. Ваша 2-х томная монография по птицам бассейна реки Урал не только развивает славные традиции отечественной зоологии в изучении данной территории, идущие от Э.А. Эверсмана и Г.С. Карелина, но и служит образцом эволюционно-генетических исследований. Этой зоологической работе суждена долгая жизнь. В этой монографии в полной мере проявилась Ваша широкая общебиологическая культура.

³¹ Дата указана по старому летоисчислению.

С благодарностью вспоминаю о том, как Вы смело дали рукопись Вашей неизданной книги безвестному аспиранту – по этой книге я учился азам генетики популяций.

Я всегда помнил и буду помнить о том, как Вы привлекли меня в 1955 году к борьбе за научную истину в биологии.

Сердечно поздравляю Вас в день Вашего славного юбилея и шлю Вам самые сердечные пожелания.

*Н.Н. Воронцов*³²

И.Д. Аникеева

Аникеева Инна Дмитриевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории космической генетики Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН

В ЛАБОРАТОРИИ РАДИАЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ

В Лабораторию радиационной генетики Института биофизики АН СССР, которой руководил Николай Петрович Дубинин, я попала по счастливой случайности. Курсовые и дипломную работу я делала на базе Института леса АН СССР. Когда встал вопрос о распределении по окончании МГУ, моя руководительница Елена Григорьевна Минина посоветовала обратиться к Николаю Петровичу. Дело в том, что лаборатория была только создана и в ней была нужда в сотрудниках. Он встретил меня очень приветливо и определил в ботаническую группу, которой руководила Вера Вениаминовна Хвостова. Эта группа и группа Владимира Владимировича Сахарова размещались в одной комнате здания школьного типа, принадлежащего Институту морфологии животных (ИМЖ) им. А.Н. Северцова АН СССР. Было очень тесно, не хватало мебели, микроскопы и другое оборудование было взято из бюро проката АН СССР. Одно время нам пришлось работать даже в две смены. Но никто не жаловался на неудобства. Обстановка была очень дружелюбной. Старшие товарищи вообще пребывали в состоянии эйфории после стольких лет гонений после 1948 г. Вера Вениаминовна частенько говорила: “За что нам платят зарплату? Это мы должны платить за то, что нам дают работать”.

Раз в неделю проходили научные семинары, на которых в первое время делались обзорные доклады о достижениях в области генетики за последние годы, а потом и о результатах собственных работ. На семинары собиралось так много народу, что комната с трудом вмещала всех желающих. Приходили не только сотрудники нашей лаборатории, но и ИМЖ и многие посторонние. Душой и руководителем семинаров был Николай Петрович. Они были очень интересны и обстановка была демократичная. Следует сказать, что в лабораторию пришло много молодежи, которая не знала классической генетики. Ведь после 1948 г. генетика толковалась как образец мракобесия. Наши старшие товарищи приложили немало труда, чтобы мы стали образованными

³² Воронцов Николай Николаевич – председатель Секции зоологии Московского общества испытателей природы, профессор.

ми генетиками. С этой целью в Московском обществе испытателей природы читались лекции по генетике. Большая зоологическая аудитория Зоомузея МГУ всегда была переполнена. Для сотрудников же лаборатории и аспирантов был организован дрозофилиный практикум, который проводили Э.А. Абелева и Т.Я. Гроздова.

В это время мы учились не только генетике, но и на примере наших учителей преданности науке. Они частенько рассказывали нам о том, как увлеченно они, тогда молодые, работали в кольцовском институте, как вместе отдыхали. Эта дружба сохранилась у них на долгие годы. Не смогли ее разрушить и тяжелые испытания, когда все они оказались безработными.

Лаборатория радиационной генетики, можно сказать, была основоположницей Института цитологии и генетики СО АН СССР. На ее базе формировался костяк этого института. Сначала директором его был Николай Петрович, и он начал подбирать кадры для будущего института. Пока под Новосибирском строился Академгородок, сотрудники нового института в основном размещались и стажировались на базе лаборатории, даже тогда, когда директором стал Дмитрий Константинович Беляев.

Наша лаборатория много лет была разбросана по всей Москве. Небольшие группы сотрудников находились в семи различных местах и время от времени кочевали по Москве. Дрозофилиная группа во главе с Николаем Петровичем и М.Л. Бельговским работала в крохотном домике на территории бывшего карантинного питомника Главного ботанического сада АН СССР (ГБС) на ул. Вавилова.

К концу 1958 г. городское строительство подошло вплотную к этому участку. Домик должны были сломать, и лаборатории нужно было срочно куда-то переехать. Руку помощи протянул нам Николай Васильевич Цицин. Он предложил переселиться на территорию ГБС в оставшийся от довоенной выставки павильон физкультуры. Этот небольшой деревянный одноэтажный дом подлежал сносу и находился в весьма плачевном состоянии. Печи уже были частично разрушены.

Сразу после новогодних праздников все дрозофилисты и часть ботаников начали переезд. Приборы и кое-какую мебель перевезли сразу, люди только приходили дежурить по очереди. В это время стояли сильные морозы и поэтому, в первую очередь встал вопрос об отоплении. Здесь надо добрым словом вспомнить Егора Алексеевича Мазурова. Он был мастером на все руки и оказался нашим добрым гением в такой обстановке. Прежде всего, он восстановил печи, а потом мастерил все необходимое: столы, табуреты, полки и прочее.

Постепенно домик продолжал разрушаться. Вскоре один угол дома пришлось подпереть и снаружи и внутри бревнами. Таким образом, угловая комната обогатилась “колоннами”.

В конце 1959 г. Николая Васильевича Цицина посетил известный генетик директор шведского Института генетики А. Мюнтцинг. В беседе была затронута тема о советской генетике. Он поинтересовался: “Где сейчас Н.П. Дубинин и жив ли вообще?” Н.В. Цицин сказал, что лаборатория Н.П. Дубинина находится на территории ГБС. А. Мюнтцинг захотел посетить лабораторию и попросил проводить его туда. В это время в лаборатории должен был начаться семинар. А. Мюнтцинг попросил разрешения при-

существовать на нем. Семинар проходил на высоком научном уровне, очень активно. Обстановка была непринужденной, часто звучали шутки и выступающие не чурались острого слова. Все: и обстановка в лаборатории, и семинар произвели на А. Мюнтцинга неизгладимое впечатление. Вернувшись в Швецию, он в печати поделился своими впечатлениями о посещении лаборатории радиационной генетики Н.П. Дубинина и отметил, что исследования в лаборатории находятся на высоком уровне, и что наука делается не во дворцах, но такие жуткие условия, в которых работает Н.П. Дубинин трудно себе представить. После этого Николаю Петровичу запретили принимать в лаборатории иностранных ученых и предложили проводить встречи с ними на территории ИБФ АН СССР. От этого Николай Петрович отказался. Он сказал, что, беседуя с учеными, он должен знакомить их с программой и результатами работы и сотрудниками, ее выполняющими, что невозможно на чужой территории, и что он будет встречаться с иностранцами только тогда, когда у лаборатории будет приличное помещение. С тех пор до переезда на Профсоюзную улицу, всем иностранным ученым, желающим посетить лабораторию Николая Петровича говорили, что там ремонт.

Лаборатория была той точкой, в которой после разгрома генетики в 1948 г., она возродилась. Она стала центром обучения сотрудников очень многих биологических и медицинских учреждений методам цитогенетики и генетического анализа. Был возрожден музей основного генетического объекта – мушки дрозофилы. Линии собирались со всего света. Вскоре в музее появились линии с символом “Д”, пойманные Николаем Петровичем на даче в Домодедово. Этот музей до сих пор хранит Т.Я. Гроздова.

После запуска первого спутника Земли в лаборатории начались работы по исследованию влияния космического полета на живые организмы. На первых спускаемых аппаратах были различные живые организмы: от микробов до собак. Большинство сотрудников лаборатории принимало активное участие в обработке вернувшегося после полета материала.

Встал вопрос о длительных полетах человека в будущем. Для обеспечения жизнедеятельности космонавтов необходимо было создание экосистем на космических кораблях. Институт физиологии растений АН СССР предложил принять участие в селекции микроводорослей, которые в экосистемах должны были выполнять две функции: регенерацию воздуха и быть витаминной добавкой в пищевой рацион космонавтов. Первым претендентом на эту роль была одноклеточная зеленая водоросль хлорелла. Николай Петрович организовал в лаборатории группу генетики и селекции микроводорослей. В состав этой группы вошли: Р.А. Шавельзон, Р.А. Простякова, Н.А. Потехина, В.А. Шевченко и я. Стояла задача: создать высокопродуктивный штамм хлореллы, устойчивый к высокой температуре и высокой интенсивности света. Руководила этой работой дружная тройка: Николай Петрович, Н.Н. Соколов и Б.Н. Сидоров. Начали работу со сбора природного материала. Однако после возвращения Р.А. Шавельзон, а потом и В.А. Шевченко, из экспедиций и клонирования собранных водорослей встал вопрос об их определении. Нужен был специалист – альголог. Им стала Э.Н. Ваулина, которая очень органично влилась в нашу группу. Хлорелла была неисследованным генетическим объектом со своеобразным способом культивирования. Николай Петрович позаботился о приобретении совре-

менного оборудования для ее культивирования. Под его руководством были разработаны методы селекции и генетических исследований хлореллы. В результате этой работы были созданы: высокоактивный штамм хлореллы ЛАРГ-3 и модельный штамм для генетических исследований ЛАРГ-1.

При создании ИОГен Николай Петрович выдвинул ряд новых направлений исследований, одно из которых возглавила лаборатория космической генетики, созданная на базе нашей хлорельной группы.

2001 г.

Н.Д. Тарасенко

Тарасенко Николай Дмитриевич – профессор, главный научный сотрудник
Института цитологии и генетики СО РАН, комсорг
и научный сотрудник Института в самые трудные 1958–1965 гг.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ И ОПТИМИЗМ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДУБИНИНА

После разгрома классической генетики (менделизма-морганизма-вейсманизма) на печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. были лишены работы более 10 тыс. ученых и изъята из государственных библиотек вся генетическая литература. А до этого в годы репрессий в тридцатых годах около 5 тыс. биологов были репрессированы. Погром произошел в период моей учебы на первом курсе с/х техникума недалеко от Одессы. Оставшиеся на работе преподаватели в срочном порядке перестраивались, осваивали идеи мичуринской биологии. Окончив техникум в 1953 г., я в числе 5% выпускников-отличников был принят без экзаменов, но после собеседования, на первый курс Московской с/х академии им. Тимирязева – отделение селекции. В конце 1955 – начале 1956 гг., будучи студентом 3-го курса, в группе однокурсников я оказался на заседании МОИП, где выступали ученые, которые не приняли мичуринизм-лысенкоизм, а точнее сказать ламаркизм. Вот там я первый раз увидел Н.П. Дубинина. Поразили его оптимизм и доброжелательность к ламаркистам. Он и его единомышленники терпеливо объясняли идеи (законы) Менделя, хромосомную теорию наследственности Т.Х. Моргана и зародышевый путь Вейсмана. После августа 1948 г. МОИП оставался островком классической генетики, трибуной критики ламаркизма. МОИП издавал свой бюллетень и ни ЦК, ни Президиум ВАСХНИЛ, ни Министерство сельского хозяйства ничего не могли сделать, чтобы блокировать публикации против лысенковцев-لامаркистов. Ничего не мог сделать и Н.С. Хрущев, так как это было общество, которое печатало материалы на свои взносы. После этого “крещения” я регулярно посещал заседания МОИП, слушал лекции классических, как тогда говорили, формальных генетиков. Приглашали их и в ТСХА, особенно после XX съезда КПСС (1956 г.), где был развенчан культ личности Сталина. Началась хрущевская оттепель. Н.П. Дубинин и его единомышленники (В.В. Сахаров, В.В. Хвостова, А.А. Прокофьева-Бельговская, Б.Н. Сидоров, Н.Н. Соколов

и др.) очень часто выступали перед студентами ВУЗов Москвы и желающие разобраться в ситуации могли легко посещать эти лекции, где студенты-старшекурсники определяли свое отношение к классической генетике. К тому же многие профессора ТСХА (Н.А. Майсурьян, А.П. Горин, доц. М. Руквишников и др.) в своих лекциях сопоставляли законы генетики с “новыми” направлениями в биологии и чувствовались их симпатии к классическим генетикам, хотя официальная, государственная, наконец партийная позиция, была зафиксирована на XX съезде КПСС “развивать мичуринское направление в биологии”. Все остальные направления классической генетики оставались за пределами закона. К концу окончания ТСХА в 1958 г. я окончательно решил предложить свои услуги Н.П. Дубинину и поехать во вновь создаваемый Институт цитологии и генетики СО АН СССР (г. Новосибирск). Я учился хорошо, активно работал в комсомоле техникума и академии, был членом партбюро и парткома, и после окончания Тимирязевки получил приглашение на комсомольскую работу (должность 2-го секретаря Тимирязевского РК ВЛКСМ), а также мог поехать работать в Краснодар или под Москву (ВИЛАР) селекционером. Но моя душа уже “прикипела” к угнетенным сторонникам той самой формальной (классической) генетики и мы, группа из трех человек (И. Фирсов, И. Черный и я) поехали к Н.П. Дубинину. Не обошлось и без курьеза. Николай Петрович сказал, что мы будем приняты на должности старших лаборантов с окладом 830 руб. (после хрущевской реформы – 83 руб.), а я ему говорю: “Николай Петрович, старший лаборант, по-видимому, должен мыть посуду и полы? А нельзя ли нас сразу принять на должности научных сотрудников?” Он усмехнулся и говорит: “Ребята, в системе Академии наук принят такой порядок, что молодые специалисты начинают с должности старших лаборантов и, если вы за год-два покажете свои способности к научной работе, вас переведут на должности младших научных сотрудников. Все будет зависеть только от вас”. Спорить мы дальше не стали и написали заявления, которые легли в основу оформления государственного распределения. В начале июня 1958 г. приехала группа корреспондентов из газеты “Известия”, долго с нами говорили о нашей будущей работе, но вскоре снимок группы выпускников был напечатан, а вот наши тексты не были опубликованы, так как базировались на позициях классической генетики. Не прошли цензуру.

28 июля 1958 г. мы (я и Иван Черный) приехали в Новосибирск и тут нас ждал второй сюрприз. Сотрудники лаборатории полиплоидии (мы должны были работать в ней) и ее заведующий были в экспедициях, а исполняющий обязанности директора П.К. Шкварников сказал, что в этой лаборатории нет вакансий, так как лаборатория укомплектована согласно штатному расписанию, и, если мы все же будем настаивать на этой лаборатории, то придется ждать два-три месяца, пока закончится экспедиционный сезон и руководство вернется в институт. А вот, если мы согласимся, то в лаборатории экспериментального мутагенеза есть вакансии. Мы рвались подставить свои плечи генетике и согласились. Работа закипела. Наши экспериментальные поля были на месте современного второго здания теплофизики и жили мы недалеко в палатках, а зимой – в общежитии. Лаборатория радиационной генетики Н.П. Дубинина находилась в Москве в ИБФ и он дальновидно не стремился ускорить перевод ее в Новосибирск. Он довольно часто приезжал

в Новосибирск, организовывал научные семинары, проводил совещания или собрания и уезжал. Система постоянных семинаров вскоре дополнилась ставшими традиционными научными, отчетными сессиями, на которые приглашались ведущие ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов. На этих сессиях оттачивались научные направления лаборатории института.

Как только сотрудники возвращались из экспедиций, начинались занятия с молодежью по классической генетике, статистическим методам обработки полученных экспериментальных результатов. Бюро ВЛКСМ часто обсуждало вопросы, связанные с полным непониманием руководством страны, да и простым народом, классической генетики и даже, по моему предложению, было записано в решении, что каждый член ВЛКСМ должен читать не менее ста популярных лекций учителям, врачам, старшеклассникам, простым рабочим и крестьянам. Так сказать, нужно идти в народ, которому пока безразлично, что правительство продолжает громить очень важную, ключевую науку биологии, медицины и сельского хозяйства.

Мое активное чтение лекций по генетике для населения, научных, советских, партийных и писательских организаций и в Новосибирской ВПШ, где я читал цикл лекций под названием “Генетика и общество”, а также сотрудникам советских посольств и торгпредств в Западной Германии и Австрии, вылилось в издание двух книг “Вторжение в клетку” и “Что вы знаете о своей наследственности?”, которые издавались трижды в стране и переведены на другие языки, в том числе в Японии, Китае и др. Но вернемся к тем трудным временам.

В Новосибирске наш институт занимал шесть комнат рядом с Президиумом СО, а большинство сотрудников работали в экспедициях – под Харьковом, Краснодаром и Москвой. Осенью 1958 г. проходило комсомольское собрание, на котором Николай Петрович говорил о том, что молодежи необходимо учиться терпению сидеть за микроскопом, что нам, по его наблюдению, не хватает терпения и усидчивости. Я сказал, что необходимо помогать молодым специалистам быстрее адаптироваться к спартанским условиям жизни и работы в Сибири. На этом собрании я был избран комсоргом, а чуть позже и членом партбюро института. Необходимо отметить, что многие молодые специалисты из Москвы, Ленинграда и других городов вскоре покинули институт и Новосибирск из-за тяжелейших условий в первые годы. Тем не менее, работа кипела, но не везде. В одной из лабораторий института заведующий поручил сотрудникам рисовать контурные (немые) карты СССР. Один из молодых специалистов отказался рисовать (нужно было ежедневно рисовать по сто таких карт). Этот сотрудник – Сережа Сперанский, а мы с ним жили в одной квартире, был хорошо подготовлен, прекрасно воспитан и мы с ним по-настоящему подружились. И вдруг такое. Я пошел к замдиректора П.К. Шкварникову и рассказал, что это непорядок так использовать молодых специалистов и попросил его как-то разрядить обстановку. Но вскоре С. Сперанский ушел из института. Это была потеря. К сожалению Николая Петровича в это время в Новосибирске не было и некому было перевести Сергея в другую лабораторию.

Но жизнь продолжалась. Активность и авторитет института возрастали, и сопротивление лысенковцев-ламаркистов усиливалось, главным образом,

вокруг Хрущева. Они использовали его буйную, мало управляемую энергию против генетики и ее представителей. Не проходило ни одного партактива или пленума ЦК, где Н.С. Хрущев резко и оскорбительно не критиковал бы Н.П. Дубинина. И каждый раз после таких агрессивных атак на Николая Петровича группа ученых-генетиков шла в обком КПСС за разъяснениями, так как это парализовало работу коллектива. В обкоме отвечали, что указаний на снятие Н.П. Дубинина с должности директора не было. Продолжайте работать.

Осенью 1959 г. на партийное собрание приехал зав. отделом науки и вышших учебных заведений Новосибирского отдела КПСС А. Липский и во время своего выступления злобно и резко сказал, что “народу не нужны ваши мухи-дрозофилы с их генами и хромосомами, а нужно зерно и мясо, и чтобы результаты по этим позициям были весомы, зримы, грубы по В. Маяковскому”. После таких слов наступила гробовая тишина. А на собрание были приглашены беспартийные Н.П. Дубинин и Д.К. Беляев. Кроме того, у нас на учет партийной организации был поставлен зав. кафедрой философии проф. И.И. Матвеевков – человек умный и довольно быстро я нашел с ним общий язык. Я ему в его кабинете объяснил, что такое законы Г. Менделя, что открыли Т.Г. Морган и Вейсман, что такое ДНК и генетическая трансформация. Одним словом, что такое материальные основы наследственности. У меня с ним было полное понимание. После выступления Липского стояла тишина и на просьбу председателя собрания П.К. Шкварникова продолжать выступления я попросил дать мне слово и буквально сказал следующее: “Мне стыдно за выступление тов. Липского, как представителя обкома КПСС, на его месте я спросил бы, чем помочь институту, что нужно в первую очередь, а что может потерпеть в возрождении генетики в нашей стране. Тов. А. Липский грубо и резко отхлестал наших учителей, а их осталось в стране не так уж много. В годы сталинских репрессий пострадало около 5 тысяч биологов, которые стояли на позициях классической генетики”. И сел. Снова наступила тишина. И собрание пришлось закрыть, так как не оказалось желающих выступать. В коридорах меня поздравляли за смелость, жали руки, но я чувствовал себя неуютно, чувствовал своим эпидермисом, что нужно ждать худшего. И ждать долго не пришлось, буквально утром следующего дня позвонили из обкома КПСС и пригласили меня на беседу. Назвали номер кабинета и время. В 16.00 я был уже около указанного кабинета, на дверях которого красовалась фамилия А. Липский. Отступить было некуда и я постучал. А. Липский ласковым голосом пригласил меня присесть. Я хорошо запомнил эту встречу. Он сказал буквально следующее: “Обком КПСС очень озабочен нехваткой учителей во многих районах области, особенно в Кулунде и Барабе. У вас 64 комсомольца и все приехали из лучших ВУЗов страны. У вас хорошее образование, которое дал вам народ, но вы абсолютно не знаете реальной жизни. А чтобы работать, необходимо знать запросы народа и производства. Поэтому по решению обкома завтра утром вы проведете комсомольское собрание и единогласно примите решение о добровольном увольнении из института и работе в качестве учителей сроком на пять лет. Приобретете знания реальной жизни и тогда мы вас вернем в науку”. На это я ему ответил: “Мы забудем за пять лет все, чему нас учили и начинать в науке будет практически невозможно, а, во-вторых, все

мы получили государственное направление и должны отработать три года”. Он возразил мне, что здесь руководит обком КПСС и ему виднее, как использовать молодых специалистов. Если мы не примем предложение обкома, то тогда будем все уволены из института и положим партийные и комсомольские билеты на стол. На это я ему ответил, что собрание проводить я не буду, а, если придется положить партбилет, то я его сдам в Москве. Дело в том, что у меня был знаменательный партийный билет под номером 00000700. У В.И. Ленина № 1, у Н.С. Хрущева № 2, а у меня такой. Тимирязевский РК КПСС менял партийные билеты в г. Москве первым и мне достался такой номер. Липский понял мой юмор и сорвался. Он стукнул кулаком по столу и буквально крикнул: “Да мы не таких сопляков ломали, тут руководит обком КПСС и ему виднее, как использовать молодых специалистов”. Я понял, что дело плохо и пулей выскочил из кабинета. Пришел в институт, и к моему счастью и Н.П. Дубинин и его зам. Д.К. Беляев были в кабинете. Я зашел. На моем лице, видимо, было все написано, потому что Николай Петрович спросил: “Николай Дмитриевич, что случилось?” Я рассказал, и пока я кратко рассказывал, они переглядывались и по окончании моей исповеди попросили погулять 15–20 мин, а затем снова зайти. Через некоторое время из кабинета выглянул Д.К. Беляев и позвал меня. Николай Петрович сказал, что тут они просматривали список сотрудников, которые должны пойти в отпуск и в этом списке есть и моя фамилия. Поэтому с завтрашнего дня я должен пойти в отпуск, а, кроме того, есть горящие путевки в дом отдыха и утром завтра я могу получить одну из них. Что я и сделал, а своему заместителю по бюро комсомола я сказал, что получил телеграмму с Украины, там заболел отец. Д.К. Беляев сказал, чтобы я не появлялся в институте до конца отпуска. Так я и сделал, но, когда вернулся, узнал, что Липский в обкоме уже не работает и он переведен в Новосибирскую ВПШ. Поговаривали, что он схлопотал очередной выговор за неумение работать с людьми и его карьера, как партийного функционера, закончилась.

Но ситуация вокруг института все усложнялась, не было и месяца спокойной работы, чтобы не приезжали комиссии из Центра на предмет закрытия института. Обстановка в институте была тяжелая и я на заседании бюро ВЛКСМ предложил послать телеграмму Н.С. Хрущеву (он в это время был в Свердловске) и по плану должен был быть в Новосибирске через два дня. Члены комитета предложение поддержали и я пошел в партком (тогда еще не было Советского РК КПСС) – согласовать. Мы по простоте своей думали, что, пригласив Н.С. Хрущева в институт, и, рассказав ему о том, чем занимаются сотрудники, какие задачи решают, он поймет и обстановка разрядится. К сожалению, ни Н.П. Дубинина, ни Д.К. Беляева не было в это время. Партком находился в этом же здании, и я сказал Кляревскому о предложении нашего бюро. Он просто растерялся, попросил меня присесть и сказал: “Своим приглашением вы погубите институт, Н.С. Хрущев не поймет, так как у него даже нет среднего образования, зато есть интуиция и непомерные амбиции вождя”. Парторг спросил меня, что ему сделать, чтобы мы не посылали телеграмму Н.С. Хрущеву? Парторг убедил меня, и телеграмму мы не отправили.

Комиссии, проверявшие институт, возглавлялись, как правило, президентом ВАСХНИЛ или Министром с/х СССР, но в состав комиссий включа-

лись по просьбе Президиума АН и представители институтов АН СССР. И вот очередная комиссия прибыла и начались беседы с сотрудниками. Работала комиссия в кабинете М.А. Лаврентьева и возглавлял ее президент ВАСХНИЛ Ольшанский – соратник и единомышленник Т.Д. Лысенко. Неожиданно вызвали меня и спросили, как я оказался в этом институте, почему я предал Т.Д. Лысенко, ведь я заканчивал селекционное отделение ТСХА, где профильную кафедру генетики и цитологии возглавлял Т.Д. Лысенко? Я ответил, что получил приглашение Н.П. Дубинина и распределился в этот институт. Подписал мое распределение академик-секретарь АН СССР Топчиев. А сделал это потому, что у Т.Д. Лысенко по проблеме наследственности и изменчивости напечатана брошюра объемом 120 стр., а в мире по генетике и смежным с ней наукам ежемесячно печатаются десятки журналов, и я хочу все это освоить. На предложение вернуться в Москву в Горки Ленинские – оплот ламаркизма в то время на должность старшего научного сотрудника или даже заведующего лабораторией, я ответил отрицательно. Хотя предлагали квартиру и даже коттедж. А ведь в институте я был младшим научным сотрудником и жил в общежитии. Третьим моим предложением, высказанным комиссии, было то, что я получил государственное направление и хочу отработать три обязательных года. Меня отпустили, но предложили хорошенько подумать.

После отъезда комиссии меня вызвал Н.П. Дубинин и поблагодарил за мои ответы членам комиссии и, вообще, за мою твердую позицию. Оказалось, что среди членов комиссии был и академик А.Л. Курсанов (директор Института физиологии АН СССР) – человек грамотный и порядочный. Он и рассказал Н.П. Дубинину о моей беседе с членами комиссии. Андрей Львович Курсанов относился к классической генетике и генетикам очень хорошо, и ему понравились мои ответы. И вскоре (менее чем через год) мы снова встретились, уже в Институте физиологии, когда я, по рекомендации научного семинара и поддержке академика А.Н. Белозерского, привез ему рукопись нашей с С.П. Коваленко статьи по поводу передвижения ДНК по сосудам растений при повреждении меристематических зон. После опубликования тезисов этой работы (1960 г.), я получил приглашение НГУ (кафедра философии, зав. проф. Платонов) поступить в аспирантуру, и аналогичное предложение сделал мне и академик А.Л. Курсанов по этой же теме. Факты, которые мы с С.П. Коваленко получили, работая с изотопом фосфора (P^{32}), оказались очень важными, принципиальными, чтобы объяснить ту изменчивость, которая возникает при вегетативных прививках – “вегетативной гибридной”. Водораздел между мичуринской и классической генетикой пролегал через так называемую “вегетативную гибридную” и изменение природы растений при переделке озимых пшениц в яровые и наоборот. Т.Д. Лысенко, как фанатик “новой биологии”, во время своих лекций утверждал, что, если генетики объяснят эти два явления со своих позиций, он признает формальную, как тогда называли корпускулярную, генетику. Я эти его утверждения и “слово ученого” хорошо запомнил, и при поступлении в ИЦиГ начал вне плана заниматься вопросами миграции ДНК по сосудам растений при прививках на растениях. Единомышленником по этим вопросам стал С.П. Коваленко – выпускник НГУ, биохимик по специальности, ныне – профессор в Минске.

Но давление на институт не ослабевало и осенью 1960 г. Н.С. Хрущев возвращался из Китая, где Мао Дзе Дун настойчиво просил атомное оружие, чтобы раз и навсегда покончить с империализмом. Но Н.С. Хрущев, хотя и имел неполное низшее образование (он учился один год и три месяца на курсах рабфака при промышленной академии), но, тем не менее, ему хватило ума отказать Мао Дзе Дуну. После этой резкой размолвки с китайским лидером у Н.С. Хрущева совсем испортилось настроение, он неистовал и, как только приземлился его самолет в Улан-Уде, встречали его, как сейчас бы сказали, вся элита Сибири и Дальнего Востока, в том числе и наш председатель Сибирского отделения акад. М.А. Лаврентьев – в то время депутат Верховного Совета СССР, член КПСС, вице-президент АН СССР, человек высокий и по росту. Н.С. Хрущев подошел к Михаилу Алексеевичу и громко спросил у М.А. Лаврентьева: “Ты еще держишь мухолова Дубинина на посту директора института?” М.А. Лаврентьев после этого вопроса немедленно позвонил своему заместителю С.А. Христиановичу и попросил его быстро решить этот вопрос. Последний вызвал Н.П. Дубинина в свой кабинет и объяснил ситуацию. Николай Петрович написал заявление с просьбой освободить его с поста директора и рекомендовал назначить и.о. директора – кандидата наук Д.К. Беляева. Своим поступком он спас институт от закрытия, как А. Матросов, закрыл собой амбразуру критики и оскорблений. Об этом говорил Г.И. Марчук, когда приезжал на 40-ю годовщину СО. Новость быстро, как молния, пронеслась по комнатам института, и уже утром следующего дня (до приезда Н.С. Хрущева в Новосибирск) мы, группа молодежи провожали и прощались с Николаем Петровичем около дома, где он жил. Он обошел всех нас, попрощался за руку с каждым и опять же оптимистично и тепло сказал: “Продолжайте активно работать”.

По приезде в Новосибирск Н.С. Хрущев продолжал громить всех и вся. При посещении первого института – Института гидродинамики – он не стал выступать перед собравшимися (нас всех привезли из города в городок за 30 км), помахал своей шляпой и вошел в корпус. Там опять же резко и громко громил проект Академгородка, кричал на главного архитектора из Москвы – Орлова. На выставке работ институтов СО, нашу комнату с гибридами кукурузы, триплоидной сахарной свеклы и шкурками пушных зверей закрыли на замок. Хрущеву доложили, что Н.П. Дубинин освобожден с поста директора, а на заместителя директора Института цитологии и генетики, кандидата биологических наук, Беляева Д.К., специалиста по пушнине, было возложено временное исполнение обязанностей директора Института. А пушнина – это источник валюты для страны. Хрущев несколько успокоился и поехал выпивать и закусывать пельменями в деревянный домик, где проживал М.А. Лаврентьев. По приезде в Москву Н.С. Хрущев снова был подзаведен лысенковцами и продолжал давить на институт и все это продолжалось до октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.), когда его сняли с должности и отправили на пенсию и реабилитировали классическую генетику. Лысенковцы занимали высокие посты в ЦК, ВАСХНИЛе, Министерстве сельского хозяйства СССР и использовали свою активность на всю катушку, поставляя нужную для них информацию Н.С. Хрущеву, против генетики, используя его, как таран, в своих интересах.

Вскоре я приехал в Москву по научным делам и привез люстру Н.П. Дубинину из его новосибирской квартиры. Он тогда жил на Ленин-

ском проспекте и вечером мы ее доставили с В. Коршуновым (в то время сотрудником ИЦИГ, но вскоре он поступил в аспирантуру МГУ). Встретил Н.П. нас радушно и провокационно сказал: “Ну вот, теперь меня уже ничего не связывает с Новосибирском”. На что я ему ответил: “Организованный Вами институт активно работает и все Вас вспоминают и благодарят за приглашение трудиться по возрождению генетики в стране”. Ему явно мой ответ понравился, и он пригласил нас на кухню пить чай с клубничным вареньем.

Ежегодно я бывал в командировках. Все пути проходили через Москву. Я всегда находил время и встречался с Николаем Петровичем. После октябрьского Пленума ЦК КПСС Н.П. организовал новый Институт общей генетики АН СССР и всегда находился в институте. Он принимал меня на 20–30 мин., хотя отношения у него с Д.К. Беляевым ухудшились.

После возвращения из Австрии (1976 г.), где проходил международный симпозиум и я там делал доклад, моя заведующая лабораторией цитогенетики проф. В.В. Хвостова (это было буквально за несколько месяцев до ее кончины) позвала меня к себе в кабинет и сказала: “Коля, Вы снова были у Н.П. Дубинина? Ведь Вы же знаете, что Д.К. Беляеву сообщают о Ваших встречах, и он очень сердится”. Я ответил: “Да, я встречался с Николаем Петровичем. Уже много лет, как только я бываю в Москве, мы обязательно встречаемся и обсуждаем разные проблемы”. В.В. Хвостова сказала, что ее просил Дмитрий Константинович поговорить со мной на эту тему, на что я ответил: “Дорогой мой профессор, я работал с Николаем Петровичем в самые трудные годы деятельности института, у нас с ним сложились очень хорошие, доверительные отношения, я захожу всегда к нему, как к своему святому отцу. И хотя я не считаю Николая Петровича святым человеком, он также имеет право на ошибки и свои пристрастия, но я ценю наши отношения и они не направлены против кого-либо. Я не хочу отказаться от общения с ним. Я ему обязан его приглашением в ИЦИГ, где я вырос от старшего лаборанта до доктора наук”. Вера Вениаминовна ответила, что она меня предупредила, что я могу дорого заплатить за эти контакты. В.В. Хвостова прожила сложную жизнь и была хорошим психологом. Действительно, она, как в воду глядела. Я дорого заплатил, так как уже в 1977 г. Д.К. Беляев, как заместитель председателя СО АН СССР, “перевел” меня в Центральный сибирский ботанический сад СО АН СССР (ЦСБС), вроде даже на повышение, но не сдержал свое слово – помогать. Я был рекомендован на должность и.о. зам. директора и и.о. зав. лабораторией генетических основ интродукции и акклиматизации растений, а перед этим событием я от имени Президиума СО АН возглавлял комиссию, в результате которой яркий лamarкист-лысенковец проф. К.А. Соболевская – директор ЦСБС, член бюро обкома КПСС, член Советского комитета защиты мира была освобождена с поста директора, но продолжила возглавлять лабораторию. А ведь она сформировала антигенетический центр в Сибири и ее регулярно использовал ЦК и обком КПСС против генетики и генетиков. Дирижировал ее антигенетической деятельностью представитель ЦК КПСС в Сибирском отделении тов. Дикарев. Но об этом в другой раз, по другому поводу и в другом месте.

15 ноября 2000 г.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Окончив аспирантуру в Ботаническом институте АН СССР в Ленинграде и, поработав полтора года в Москве в Институте микробиологии АН СССР, я искала работу. Мне посоветовали обратиться в лабораторию Николая Петровича Дубинина, так как им нужен был сотрудник с моей специальностью – альголог. Я пришла в лабораторию, но Николая Петровича там в этот момент не было. Со мной разговаривал Николай Николаевич Соколов. Беседа была странной и мне не понравилась. Я решила искать другое место. Когда об этом узнал мой руководитель Максимилиан Максимилианович Голлербах, он сказал, что я приняла неверное решение, что Н.П. Дубинин – известный ученый и работать в его лаборатории будет очень интересно. С благословения своего руководителя я пришла к Николаю Петровичу. Он принял меня очень приветливо, подписал нужные бумажки, поговорил со мной о чем-то отвлеченном и похвалил мою шубу. Как я убедилась впоследствии, Николай Петрович всегда умел снять напряжение в разговоре легкой шуткой или обсуждением чего-то не относящегося к делу.

В начале января 1960 г. я пришла на работу в домик на территории Главного ботанического сада АН СССР. Домик деревянный, одноэтажный, штукатурка валилась на голову, стены и потолок на подпорках, печи нещадно дымили, сотрудники бывало угорали, приходилось самим разгружать дрова. Не у всех есть столы и микроскопы, но дух генетиков был крепок и генетика уже работала на страну. Здесь родились рекомендации по допустимым дозам радиации, принятые в ООН, начались генетические исследования в Космосе, зародились основы будущих лабораторий Института общей генетики.

Первый день моей работы в лаборатории запомнился на всю жизнь. В этот день были научный семинар и профсоюзное собрание, которые вел Николай Петрович. На собрании мы так хохотали, что я даже не запомнила, что там обсуждалось. А на семинаре Юрий Сергеевич Бочаров, делая доклад о своих исследованиях с мышами, сказал такую фразу: “Мне посчастливилось встретиться с этой яйцеклеткой...” Представляете! Посчастливилось! Такова была увлеченность исследователей.

В лаборатории царила атмосфера доброжелательности, равенства всех сотрудников, огромного увлечения наукой, заинтересованности исследованиями друг друга и легкого остроумия. Душой всего этого были Николай Петрович и его ближайшие сотрудники: Николай Николаевич Соколов, Борис Николаевич Сидоров, Владимир Владимирович Сахаров, Вера Вениаминовна Хвостова, Яков Лазаревич Глембоцкий, Милица Альфредовна Арсеньева – “Киты”, как мы их тогда называли. Им было уже за пятьдесят лет, остальным сотрудникам лаборатории в основном около двадцати пяти.

Средний возраст в генетике тогда отсутствовал. Он выпал в результате событий 1948 г., отбросивших эту науку, по крайней мере, на тридцать лет назад. Благодаря этим же событиям “формальная” генетика, как ее тогда называли, в учебных заведениях не преподавалась. Головы студентов забивали лысенковскими бреднями, далекими от настоящей науки. Поэтому на работу приходили молодые люди, не знающие предмета, которым собирались заниматься всю жизнь, надо было учиться. По просьбе молодежи Николай Петрович организовал “Детский семинар” и дрозофилиный практикум. На семинаре молодые сотрудники делали обзорные доклады по основным проблемам генетики. Старшие на этих семинарах не присутствовали. Младшим давалась возможность быть самостоятельными, а чтобы не заврались, в качестве молчаливого наблюдателя присутствовал Б.Н. Сидоров, который вступал в разговор только при возникновении путаницы или ложных утверждений.

Жили дружно и весело. Работали сутками, во время ночных дежурств слушали ботсадовских соловьев, а новогодние капустники, организуемые Н.Н. Орловой, славились далеко за пределами лаборатории своим весельем и остроумием. Подготовка к Новому году шла весь декабрь. Это был любимый лабораторный праздник. Николай Петрович говорил: “За декабрь зарплату заведующего надо платить Нине Николаевне. Она командует лабораторией”. Н.Н. Орлова знакомила Николая Петровича со схемой новогоднего праздника, свои тексты и комментарии по ходу действия он придумывал сам. Н.П. был очень веселым и остроумным человеком. На наших праздниках он был заводилой, радовался как ребенок и заражал всех своим весельем.

Несколько эпизодов из жизни лаборатории.

К нам приبلудился бездомный и беспородный пес. Назвали его Шарик. Когда сотрудники собирались в самой большой комнате на семинары, Шарик приходил и ложился у ног Николая Петровича, который очень любил собак и, они платили ему тем же. Открывая семинар, Николай Петрович говорил: “Шарик на месте, можно начинать”.

Были сложности с питанием. Столовой по близости не было. Большинство сотрудников питалось в “Колхозе”, председателем которого был Владимир Владимирович Сахаров. Все члены “Колхоза” готовили по очереди еду на всех. Это было одно блюдо (манная каша или котлеты с немудреным гарниром, или какой-либо простой суп) и чай. Николай Петрович не был членом “Колхоза”. Его поила чаем Т.Я. Гроздова. Как-то она заболела, и колхозники забеспокоились: Вдруг Николай Петрович голодный. Дежурная предложила ему манной каши, а он засмутился: “Мне как-то неудобно. Может у вас мало”. Она: “Что вы, у нас много каши осталось. Все равно Шарик отдадим”. Николай Петрович рассмеялся: “Ну, если Шарик тоже хватит, то давайте”.

В лаборатории в 1960 г. начались исследования по космической генетике. Было две темы: генетические исследования в генетическом полете, в которой принимали участие почти все сотрудники лаборатории, и генетика и селекция хлореллы, которой занималась группа, созданная в 1960 г. В эту группу входили: Инна Дмитриевна Аникеева, Наталья Александровна Потехина, Рахиль Анатольевна Шавельзон, Владимир Андреевич Шевченко и я.

Хлорелла была генетикам совершенно неизвестна. Мы были совсем неопытными, поэтому большую роль в наших исследованиях играли руководители: Н.П. Дубинин, Б.Н. Сидоров и Н.Н. Соколов. Эта дружная тройца регулярно собиралась в маленькой комнате Николая Николаевича и Бориса Николаевича на большом старинном черном диване, а наша тройца: Инна Дмитриевна, Владимир Андреевич и я располагалась напротив, на стульях. Внимательно обсуждались проведенные нами опыты, их результаты и планы дальнейших действий. Это было для нас очень важной научной школой. После полета первых кораблей – спутников Земли, где экспонировались биологические объекты из лаборатории: мухи-дрозофилы, сухие семена растений, дрожжи, актиномицеты и хлорелла, весной 1960 г. Николай Петрович провел в лаборатории первый семинар, посвященный генетическим исследованиям в космических полетах. Работы лаборатории внесли свой вклад в принятие решения о возможности полета человека в Космос.

Бесконечные комиссии, наконец, добились своего: дом в аварийном состоянии, подлежит сносу. Мы переехали в “Красную школу” на Ломоносовском проспекте и затем на улицу Баумана, опять в старинный, времен Петра I, дом.

В 1966 г. на базе лаборатории был создан Институт общей генетики АН СССР и Николай Петрович стал его директором. Опять переезд. И мы вернулись на “круги своя”. На территории бывшего дендрологического питомника, где начиналась лаборатория Николая Петровича, было построено два стандартных школьных здания. Одно из них занял ИОГен. Николай Петрович поручил некоторым сотрудникам подготовить обоснования новых лабораторий и планы их работы. В это время у меня с Николаем Петровичем состоялся следующий разговор:

– Эмма Николаевна, срочно пишите обоснование лаборатории космической генетики.

– Николай Петрович, я не хочу быть в этой лаборатории. Я хочу работать у Вас, в лаборатории мутагенеза. У меня есть идея!

– У Вас есть идея? Тогда Вам надо дать институт!

Мы посмеялись, и я пошла писать обоснование лаборатории. А в августе 1966 г., когда я была в отпуске, на Ученом совете нового института меня избрали заведующей лабораторией космической генетики.

В то время, когда мы были в лаборатории радиационной генетики, “Киты” очень много рассказывали нам об их жизни и работе до 1948 г. и о Николае Петровиче. Они любили его, гордились им, посвящали ему стихи. Это было для нас примером большой человеческой дружбы. Тем тяжелее и непонятнее для нас оказался их разрыв с Николаем Петровичем после организации института.

В 1968 г. перед отчетом Николая Петровича на Президиуме АН СССР об итогах работы института за два года, Мстислав Всеволодович Келдыш, Президент АН СССР, собрал генетиков, чтобы, как он выразился, поговорить без протокола, обсудить доклад Николая Петровича и положение в институте. Присутствовали все заведующие лабораториями, секретарь партийной организации института, директор ГБС Николай Васильевич Цицин, Михаил Ефимович Лобашев из Ленинградского университета, Александра

Алексеевна Прокофьева-Бельговская из Института молекулярной биологии. Николай Петрович сделал доклад, который сопровождался графиками и таблицами. Были представлены печатные работы, вышедшие из стен института за два года. Обсуждение доклада свелось к мелочному выяснению характера и качеств Николая Петровича и его аспирантов. “Киты” считали, что аспирантов было слишком много, поэтому не все защищались сразу по окончании срока аспирантуры. М.В. Келдыш спросил о проценте защищающихся в срок и сказал, что у них в институте такой процент (около 40%) считается вполне благополучным. Б.Н. Сидоров был основным критическим выступающим. Впоследствии этот же текст он зачитал на официальном отчете Н.П. Дубинина на Президиуме АН СССР, который состоялся через несколько дней после предварительного обсуждения. На посторонних присутствующих он произвел ужасающее впечатление своей мелочностью и склочностью. М.Е. Лобашев выяснял, почему Николай Петрович в какой-то статье ссылается только на себя и свою жену (там была ссылка на Т.А. Торопанову) и почему он совсем забыл своего учителя С.С. Четверикова. В ответ на это Николай Петрович показал только что вышедшую книгу, с посвящением Сергею Сергеевичу Четверикову – своему учителю. А.А. Прокофьева-Бельговская, после обсуждения поведения аспирантов Николая Петровича, сказала: “Поймите, Николай Петрович, мы Вас любим, поэтому мы Вам все это говорим!” На что М.В. Келдыш заметил: “Такой любовью и утопить недолго”. А Н.В. Цицин сидел мрачный и сосал валидол. Николай Петрович, видимо, ожидал делового обсуждения своего отчета и был несколько ошарашен случившимся, и не защищался. Он только сказал: “Если все обстоит так, то меня надо снимать”. Закljučая все происшедшее, М.В. Келдыш сказал: “Вы же все ходили ко мне перед организацией института и умоляли назначить директором Николая Петровича, уверяя, что он единственный человек, достойный этой должности. И вот теперь вы против него. По-видимому, это как у нас в технике: есть такие котлы, которые стабильны при внешнем давлении, а как только это давление снято – котел взрывается. Так и вы генетики. Пока вас давили со всех сторон, вы дружно сплотились вокруг Николая Петровича, а как только с созданием института давление было снято, вы взорвались”. Это было очень тяжелое обсуждение и, когда мы возбужденные вышли из зала еще продолжая что-то выяснять, я спросила Александру Алексеевну: “Как же Вы так могли?” Она ответила: “А Вы что тут делаете? Кто Вас пустил? Это наше дело и никого это не касается”.

После этого раскол в стане “Китов” завершился. Из старых соратников Николая Петровича в институте остался только Яков Лазаревич Глембоцкий. В результате этого раскола, несмотря на то, что “Киты” ушли в другой институт вместе со своими лабораториями, работа в этих направлениях постепенно заглохла. ИОГен устоял и развивался. Возникали новые научные направления, а с ними новые лаборатории. Число сотрудников стремительно росло. Росли и партийная, профсоюзная и комсомольская организации, деятельность которых в старой лаборатории радиационной генетики практически не ощущалась, так как они находились далеко за пределами лаборатории в головном ИБФ. Прибавилось много организационной работы. Появилось много формальности во взаимоотношениях. И пропала милая, добрая,

почти семейная обстановка, существовавшая в лаборатории. Однако Николай Петрович оставался таким же простым и доступным, как и во времена лаборатории. Со всеми своими делами: научными и не только, важными и мелочами мы ходили в кабинет Николая Петровича запросто. Только спросив у Эммы Ивановны Максименко, его секретаря, там ли он. Входишь, он поднимает голову от своих бумаг, выслушивает, обсуждает и решает вопрос и, не успеваешь ты отойти от стола, он продолжает писать с того же слова, на котором его прервали. Николай Петрович был необыкновенно работоспособен. Он мог работать в кабинете и дома, писать в машине и на совещаниях. Он очень дорожил временем, старался избегать совещаний, которые ничего или мало решали в судьбе института или в проблемах генетики, поэтому посылал на них вместо себя сотрудников, причастных к вопросам, на них обсуждаемым. Так мне приходилось участвовать в работе комиссии по космической тематике: в Президиуме АН СССР, в Институте космических исследований и на секции по биологическим исследованиям в Космосе, на сессиях международной организации КОСПАР. И я старалась, как и все наши сотрудники, не подвести Николая Петровича и как можно лучше справиться с порученным делом. Еще одну особенность Николая Петровича надо отметить. Он не любил ходить по начальству. На том обсуждении в Президиуме, на замечание Николая Петровича о том, что институт получает мало денег, мало оборудования Мстислав Всеволодович сказал: “Ходили бы Вы ко мне чаще, и все бы у Вас было”.

В институте с самого его основания работали научный и философский семинары. Руководителем, часто докладчиком и душой философского семинара был Николай Петрович. На эти семинары собирались сотрудники не только нашего, но и других институтов. Особенно большой интерес вызывало обсуждение вопросов социального и биологического в человеке, разрабатываемых Николаем Петровичем. На семинарах разгорались жаркие споры, сталкивались различные мнения. Научные семинары под руководством Николая Петровича проходили очень интересно. Он обладал изумительной способностью видеть важное и интересное зерно в любой проведенной кем-либо экспериментальной работе, выявить его и зажечь интересом к этой теме присутствующих. Иногда сидишь на семинаре, слушаешь доклад исполнителя, и такое все неинтересное, скучное, тоскливое. Но вот делает заключение Николай Петрович. Все преобразуется. Все оказывается таким исключительно интересным, что в пору бросить все и заняться этой интересной проблемой.

Николай Петрович Дубинин был выдающимся ученым и человеком нашего времени. И я горда, что мне посчастливилось работать под его руководством.

2001 г.

Н.П. ДУБИНИН В МОЕЙ ЖИЗНИ

В 1962 г. сразу по окончании Крымского медицинского института я поступил в аспирантуру Института медицинской радиологии АМН СССР (ИМР). Время было такое, когда страна нуждалась в науке и ученых. Образ ученого был романтизирован. Вероятно, выполняя социальный заказ, советский кинематограф создал фильм “Девять дней одного года”, в котором очаровательный А. Баталов красиво умирает ради науки, получив чрезмерную дозу облучения. Вся страна, и особенно мы – молодежь, были увлечены этим фильмом. Стать ученым, войти в храм науки и беззаветно служить ей – это стало мечтой многих.

В г. Обнинске, где уже работала первая в стране атомная электростанция, создавался Институт медицинской радиологии АМН СССР, для которого нужно было готовить научные кадры. Из АМН СССР в наш институт пришла заявка на двух кандидатов в аспирантуру этого института. Ученый совет института по рекомендации научного студенческого общества и кафедры госпитальной терапии выбрал меня одним из кандидатов. Так я был направлен в распоряжение АМН по распределению. Из предложенного десятка специальностей для обучения в аспирантуре я выбрал генетику.

Мои школьные годы совпали со временем расцвета лысенкоизма и гонений на генетику. Но все это было где-то там, далеко. Я жил в провинции и в нашей семье царил дух сомнения в истинности проповеди Лысенко. Мама окончила 2-й Московский медицинский институт в 1936 г., т.е. еще до эры разгула лысенкоизма. Медицина, вообще, меньше пострадала из-за гонений на генетиков, чем биология, агрономические науки и университетская система. Этот дух сомнений передался и мне.

На первом курсе института, изучая биологию по учебнику Маховко (ярой лысенковистки), я в тетради по биологии привел переписанное из этого учебника определение наследственности, а затем на двух страницах написал свои возражения против этого определения, опираясь на его не диалектичность. Конечно, это было вызвано не моими знаниями проблемы, которых не было, а просто максимализмом юности, или, проще сказать, нахальством. Это возмутило мою преподавательницу биологии, написавшую в свое оправдание в моей тетради: “Направлен на беседу с заведующим кафедры биологии”. Но Оскар Яковлевич, как о том поговаривали, в свое время пострадал от лысенкоистов и был сослан из центра в периферийный ВУЗ. Поэтому он не топал ногами и не кричал на меня. Он повел доверительную беседу о том, что не стоит всегда говорить вслух, а тем более писать, то, что расходится с официальной доктриной, даже если в этом и есть здравый смысл. Это был 1955–1956 гг., когда Трофим Денисович был еще в фаворе у Никиты Сергеевича, хотя времена уже были не те, что в 1948–1949 гг.

На пятом курсе я попал в библиотеку санатория “Нижняя Ореанда”. Роюсь в запасниках библиотеки, я неожиданно наткнулся на книгу Нила и

Шелла “Генетика человека”. Какие ветры занесли ее в санаторскую библиотеку, я не знаю. Но я жадно прочел ее и, каюсь, заменил ее каким-то легким чтивом соответствующей цены. Это была первая серьезная книга по генетике, да еще по генетике человека, которая была особенно близка мне.

Завершив государственные экзамены в институте, даже не успев на выпускной вечер, я уехал в Москву сдавать вступительные экзамены в аспирантуру. Сдавал радиобиологию и генетику. Признаться, и о той и о другой у меня были весьма смутные представления, но как-то сдал. Вероятно, экзаменаторы понимали, с кем имеют дело и были не особенно требовательны. Я был принят в аспирантуру ИМП АМН СССР, но в силу того, что этот институт пока существовал лишь номинально, для прохождения аспирантуры я был прикомандирован к лаборатории радиационной генетики ИБФ АН СССР. Возглавлял эту лабораторию член-корреспондент АН СССР Н.П. Дубинин.

В то время лаборатория размещалась на пятом (верхнем) этаже здания, которое сейчас принадлежит ИБР РАН. Большой зал, где сейчас библиотека, был разгорожен какими-то перегородками. Там работали разные группы. Маленькую комнатку занимал кабинет Н.П. Дубинина. Когда я вошел, Николай Петрович сидел за столом, лицом к входящему. Ворот голубой рубахи расстегнут, поверх нее надет белый халат. Поражали внимательные голубые глаза, в которых отражалась мудрость земли и веков. Я сразу вспомнил “Пана” Врубеля. Вот только в руке у Николая Петровича была ручка, а не свирель.

Николай Петрович широко улыбнулся, вышел из-за стола, пожал руку, спросил: откуда я. Поинтересовался, не хочу ли я заниматься культурой клеток. Я ответил, что, как врач, хотел бы заниматься человеком.

– Ну, что ж, – сказал он. – Тогда будете работать в группе Милицы Альфредовны.

На этом наш первый разговор был окончен. Потом знатоки жизни лаборатории мне говорили:

– Чудак! Он предлагал тебе работать в своей группе, а ты отказался.

Но в ту пору я был очень далек от понимания сути интриг, существующих в науке вообще и в лаборатории радиационной генетики, в частности. Я был уверен, что наука – святой храм, а ученые – беззаветные служители истине. Одна женщина дала мне в ту пору прозвище “наивняк”, правда, несколько по иному поводу. Теперь то я знаю, что не только в науке, но и в храме не обходится без интриг.

Так я начал работать в группе М.А. Арсеньевой, и прямых обстоятельных разговоров с Николаем Петровичем у меня не было. Но я постоянно находился в атмосфере руководимой им лаборатории. А она была исключительно продуктивной. Регулярно проходили научные коллоквиумы, на которых обсуждались разнообразные актуальные проблемы генетики. Вел эти коллоквиумы всегда Николай Петрович, и проходили они в деловой и доброжелательной обстановке. Именно эти коллоквиумы сформировали меня, как генетика, но и вообще как исследователя, научили правильно мыслить и делать выводы из собственных экспериментов и прочитанной литературы.

Моим непосредственным научным руководителем считалась Милица Альфредовна, о чем я не жалею. У Милицы Альфредовны было замечательное качество – она не мешала мне заниматься тем, чем я хотел. Может, не очень помогала, но уж точно не мешала. Я делал, что хотел и как хотел. Именно это сформировало мою самостоятельность и дало мне уверенность в своих силах.

Я решил заниматься изучением хромосомного аппарата в лейкоцитах больных лейкозами. С этой целью я решил связаться с И.А. Касирским, знакомство с которым заслуживает рассказа, так как в этом случае мне косвенно помог Н.П. Дубинин.

ИМР еще только строился в Обнинске, а в Москве в здании Президиума АМН на улице Солянке в правом крыле первого этажа была выделена одна комната, в которой сидел ученый секретарь института. Однажды, будучи на Солянке, я завел разговор с ученым секретарем о возможности встречи с И.А. Касирским с тем, чтобы брать в его клинике кровь больных лейкозами.

– Какой вы наивный и самоуверенный молодой человек! – ответил мне многоопытный и умудренный жизнью в академической среде ученый секретарь.

– Кто вы такой? Аспирант первого года обучения. А И.А. Касирский – академик АМН СССР, член ее Президиума!

Хотя я могу предложить вам вот что, – сказал немного подумав. – Я передам вашу просьбу нашему директору. Он тоже член Президиума АМН. Как-нибудь, на заседании Президиума он поговорит с И.А. Касирским о возможности вашей работы в его клинике.

Мне оставалось только поблагодарить его за такое предложение. Но про себя я думал: “Больше не о чем директору думать, как о просьбе одного из многочисленных аспирантов”. Даже в том, что ученый секретарь скажет об этом директору я сомневался. Разговаривая мы вышли из комнаты и шли по коридору. Завернули за угол. Вдруг ученый секретарь сказал:

– Давайте я рискну! – и побежал к раздевалке, где академик Касирский снимал плащ и шляпу.

– Здравствуйте, Иосиф Абрамович! Вот у нас есть аспирант, который работает у Дубинина. Он хотел бы брать кровь у Ваших больных. Не разрешите ли представить его Вам?

И.А. Касирский широко улыбнулся, приветливо пожал мне руку, пригласил проводить его в Пироговский зал. Поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, я сбивчиво объяснил ему свои намерения. Мы вошли в зал и Иосиф Абрамович громко и несколько театрально сказал:

– Я глубоко уважаю Дубинина! Что они все твердят: “наследование благоприобретенных признаков; наследование благоприобретенных признаков!” Нам евреям уже несколько тысячелетий из поколения в поколение обрезают крайнюю плоть, а мы рождаемся с нею! Приходите, Геннадий Григорьевич, в любое время в мою клинику и берите любой нужный Вам материал. Я даю Вам полный карт-бланш!

Это была помощь имени Дубинина, а несколько позже Николай Петрович помог мне уже персонально.

Лаборатория к этому времени уже располагалась в особнячке на Бауманской улице. В полуподвальной части здания был построен бокс и нача-

лись работы по культивированию лейкоцитов периферической крови. Руководил всеми этими работами новый сотрудник лаборатории, взятый Николаем Петровичем специально для развития этой тематики. Я был очень заинтересован в этих работах и с самого начала участвовал в них и прикладывал все силы к овладению новой тогда в нашей стране методикой. Вероятно, кандидат медицинских наук, руководивший этими работами, почувствовал во мне соперника и стал распространять в лаборатории мнение о том, что “у него не оттуда руки растут и он никогда не получит цитогенетических препаратов”. Мнение это достаточно успешно распространялось среди сотрудников лаборатории, в том числе и его руководящего состава. Я же не мог его опровергнуть, так как очень дефицитного в то время, но необходимого для культивирования лейкоцитов препарата – фитогемагглютинаина (ФГА) я не имел. Назревала очень тяжелая для меня ситуация, выхода из которой я не видел. И вдруг в нее вмешался Николай Петрович. Он поступил очень мудро. Не вдаваясь в споры о том, откуда у меня растут руки, он распорядился выдать мне в долг флакон ФГА. Я начал самостоятельно получать препараты хромосом здоровых людей и больных лейкозами. Этим одним из ключевых успехов во всей моей дальнейшей научной деятельности я обязан Н.П. Дубинину.

Ко времени окончания моего аспирантского срока в ИМР в Обнинске стал формироваться отдел генетики, возглавил который приехавший с Урала Н.В. Тимофеев-Ресовский. Ученый секретарь института повел со мной разговор о том, что Н.В. Тимофеев-Ресовский не очень то любит Н.П. Дубинина и, соответственно, не жаждет получить в сотрудники лиц, прошедших аспирантуру в его лаборатории. В этой связи он посоветовал подыскать мне какое-нибудь другое место работы.

– Институт, – говорил он, – не будет возражать против такого перехода.

Я побывал в Обнинске. Встретился с Николаем Владимировичем. Он внимательно выслушал меня. Подарил оттиск зарубежной работы из своей большой библиотеки оттисков. Эта работа имела некоторое отношение к теме моей диссертации. Через некоторое время я выступил по теме своей диссертации на научном семинаре, назначенном Николаем Владимировичем. Казалось бы, все шло хорошо. Но некий червь сомнения точил. Соответственно, я делился своими сомнениями с молодыми сотрудниками лаборатории радиационной генетики. Кто-то из них посоветовал мне сходить к Н.М. Эмануэлю, возглавлявшему отдел в Институте химической физики АН СССР (ИХФ). Я сходил и за пять дней до окончания срока моей аспирантуры был избран ученым советом ИХФ на должность младшего научного сотрудника.

Вновь, на этот раз косвенно, Н.П. Дубинин стал причиной моего оставления в Москве и перехода в систему Академии наук.

К этому времени в генетической науке Советского Союза произошли большие перемены. Сразу после низвержения с партийного Олимпа Н.С. Хрущева был низвергнут с Олимпа биологического Т.Д. Лысенко. Было принято решение об организации Института общей генетики во главе с Н.П. Дубининым, которого избрали действительным членом АН СССР. Начались бурные противоречивые события, связанные с формированием нового института и его первыми шагами. Но все это было уже без меня.

В них были вовлечены многие из хорошо знакомых мне людей, но я спокойно наблюдал за всем этим из “своего прекрасного далека” – ИХФ.

Оказалось, что Николай Петрович помнит обо мне. Как-то мне позвонили из заочного Педагогического института и сказали, что у них организуется курс генетики для студентов биологического факультета. По их словам, они обратились к Н.П. Дубинину с просьбой порекомендовать человека, который мог бы организовать и прочесть такой курс. Он назвал меня. Не знаю, чем руководствовался Николай Петрович. Я никогда не спрашивал его об этом. Но курс генетики, который я в течение трех лет читал студентам, дал мне многое. Прежде всего, он позволил мне систематизировать собственные знания генетики. Кроме того, институт издал “Курс лекций по генетике” отдельной книжицей, по которой несколько лет учили генетику студенты педагогических институтов, пока не появились специальные учебники. А обязан я рекомендацией Н.П. Дубинину.

Через несколько лет Николай Петрович представил одну из моих статей для публикации в “Докладах АН СССР”. Прошло много лет, когда я пришел к нему, чтобы подарить ему написанную мною совместно с С.К. Абиловым книгу “Антропогенные мутагены и природные антимуагены”. Н.П. Дубинин был одним из первых в мире и первым в нашей стране ученым, занявшимся проблемой мутагенов. Еще в лаборатории радиационной генетики он поручил заниматься этой проблемой В.К. Щербакову. Они выполнили ряд интересных работ в этой области. Поэтому я считал своим долгом подарить ему свою работу по антимуагенам. Перед этой встречей мы не виделись добрый десяток лет. В жизни Николая Петровича произошло немало событий, перед его глазами промелькнуло множество новых людей. Да и я порядком изменился внешне. Вполне можно было допустить, что академик забыл или не узнает меня. Поэтому, войдя в его кабинет, я назвал себя. Николай Петрович запрокинул голову и начал смеяться. Его смех был на удивление звонким и молодым. Смысл его смеха заключался в том, что я считаю его дряхлым стариком, забывающим людей, с которыми он встречался. Вдоволь насмеявшись, Николай Петрович с благодарностью принял принесенную мной книгу, поговорил со мной о проблемах антимуагенеза и подарил две своих книги. Вернее, одну свою, а вторую, изданную в Болгарии, и посвященную ему с большим его портретом на обложке.

Прошло еще несколько лет. И я увидел Николая Петровича уже в гробу в зале заседаний Ученого совета Института общей генетики. Но даже в этом состоянии он сумел подтолкнуть меня на написание большой статьи о нем в газету “Известия”, в которой я прежде никогда не публиковался.

Николай Петрович Дубинин внес неоценимый вклад в формирование меня как ученого и как личности. Убежден, что я был одним из многих.

2001 г.

Пехов Александр Петрович – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ботаники в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы

ВСПОМИНАЯ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДУБИНИНА

Вспоминаю далекий 1963 г., когда я впервые увидел Николая Петровича Дубинина в Совете по космическим проблемам, куда я пришел показать так называемые биоэлементы, сконструированные в моей лаборатории в Институте экспериментальной биологии АМН СССР, где я тогда работал. Эти биоэлементы, предназначенные для исследования в космосе, представляли собой металлические камеры объемом 5 см³, наполненные питательной средой, содержащей апатогенные споровые бактерии. Ожидалось, что в случае размножения бактерий в космосе, они должны образовывать газ. Давя на стенки биоэлементов, количество газа будет показывать то, что бактерии размножаются в космосе. Другими словами, факторы космического полета должны обеспечивать сохранение и размножение бактерий в космосе.

Взглянув на биоэлементы и выслушав мой рассказ, Н.П. Дубинин предложил включить эти биоэлементы в программу исследований на очередном космическом спутнике, что и было сделано. Это были первые эксперименты с микроорганизмами в космосе. Уже тогда я был поражен знаниями Николая Петровича о биологии микроорганизмов вообще и, в частности, о споровых микроорганизмах. Затем, когда я некоторое время работал в ИОГен, я вновь убедился в разносторонних взглядах Николая Петровича. Я имею в виду плазмидную проблематику. Обсуждая проблемы плазмид, которые стали задачей исследований моей лаборатории тогда, я снова убедился, как свободно ориентировался Николай Петрович в этой новой тогда области молекулярной генетики.

В то время я начал работать над монографией о плазидах. Как-то зашел разговор с Николаем Петровичем о названии этой монографии. После недолгого раздумия он предложил ее назвать “Основы плазмидологии”. Монография вышла под таким названием, а сам термин “плазмидология” вошел в научную литературу. Следовательно, книга принадлежала мне, но, по существу, ее название принадлежало Н.П. Дубинину.

Меня всегда поражал выбор Н.П. Дубининым исключительно актуальной научной тематики. С именем Н.П. Дубинина еще в 20-е гг. прошлого века произошел переворот в знаниях о структуре генов. Показав ступенчатый аллелизм у дрозофилы, им на основе этих результатов были сформулированы представления о сложном строении генов. Было открыто, что линейный порядок характерен не только для расположения генов на хромосомах, но и для организации генетического материала внутри генов. Последующие исследования тонкого строения генов, выполненные за рубежом Г. Понтекорво и С. Бензером, лишь добавили то, что было сделано Н.П. Дубининым.

Другой пример касается теории эволюции. Когда в 1926 г. С.С. Четвериков показал роль мутаций в эволюционном процессе, Н.П. Дубинин с

Д.Д. Ромашевым установили, что, когда популяции малы, в них происходят генетико-автоматические процессы, или дрейф генов. В результате этого процесса изменяются частоты встречаемости генов, устраняются гетерозиготы и появляются гомозиготы. Дрейф мутантного гена вызывает вымирание организмов. Следовательно, структурно популяции зависят не только от проявлений новых мутаций, но и от изменения частоты встречаемости данного гена. Это открытие связало эволюционную теорию с генетикой.

В последние годы Николай Петрович внес крупный вклад в проблемы мутагенеза, радиационного мутагенеза, космической биологии, генетики человека.

С именем Н.П. Дубинина связано восстановление генетики в нашей стране, создание новых научных коллективов.

Н.П. Дубинин – наша гордость на национальном уровне. Вспоминается такой эпизод. Когда в 1970 г. я работал в Англии в университете в г. Глазго, однажды среди профессуры этого университета зашел разговор о выдающихся генетиках в мире. Было названо 10 человек, и среди них был назван Николай Петрович Дубинин.

Я думаю, что такие люди, как Николай Петрович не уходят из жизни навсегда, ибо гиганты оставляют за собой выдающийся след. Можно сказать, что для таких людей, как Николай Петрович, их земная жизнь исчезает, но отзвуки этой жизни не умолкают навсегда. Вновь и вновь они напоминают живущим поколениям с особой силой о заслугах наших великих предшественников.

2001 г.

А.П. Акифьев

Акифьев Алексей Павлович – доктор биологических наук, профессор,
Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН

О НИКОЛАЕ ПЕТРОВИЧЕ ДУБИНИНЕ

Чем больше промежуток всемогущего времени, разлучившего нас с Николаем Петровичем Дубининым, тем более значительной становится личность этого выдающегося ученого и человека сложной, неординарной судьбы. Мне выпало счастье работать с ним многие годы, рабочие и человеческие контакты между нами продолжались до кончины Николая Петровича. Поздравляя его с днем 85-летия, я позволил себе сказать: “Николай Петрович, Ваши долги перед наукой еще не выполнены, мы еще многого ждем от Вас”. В последующие годы Николай Петрович написал еще две прекрасные монографии, одну историческую о необычайной судьбе отечественной генетики в XX в., другую – на злобу дня – о нерешенных проблемах современной генетики. Кроме того, в 1994 г. он дал поразительное по глубине анализа некоторых известных и неизвестных фактов из истории генетики интервью ученым Института истории естествознания и техники РАН.

Я впервые узнал о генетике Н.П. Дубинине еще в школе в 1955 г. Можно себе представить в каком контексте: “наш якобы самый выдающийся

морганист” или “мухолюб-человеконенавистник”. Но молодым, а тем более еще совсем молодым людям не свойственно все брать на веру. В следующем 1956 г. прошел XX съезд КПСС, я уже был десятиклассником, и это событие стало потрясением для моего поколения.

Когда я учился на первом курсе 2-го Московского медицинского института в июне 1957 г., мой близкий товарищ принес мне весьма популярный тогда журнал “Техника – молодежи”, в котором была напечатана статья Н.П. Дубинина об открытии роли ДНК в наследственности и изменчивости, создании модели Уотсона-Крика и показано, почему это событие стало закономерным этапом в развитии классической генетики (совсем не той, какой нас учили в школе). Впечатление от прочитанного было таково, что на всю жизнь я сохранил два чувства: глубокую не сравнимую ни с чем любовь к генетике и чувство восхищения автором статьи.

Мое знакомство с Николаем Петровичем состоялось в июле 1963 г. по инициативе Н.Н. Воронцова, тогда заведующего кафедрой биологии медико-биологического факультета, только что организованного героическими усилиями ректора 2-го Мединститута Марии Гавриловны Сироткиной. Это необыкновенно одаренная женщина смотрела вперед и прекрасно понимала, что лысенковские теории ничего никогда врачам не дадут и надо делать какие-то реальные шаги в сторону классической генетики. Поэтому она буквально “прочитала” то, что у меня в мыслях было давно: я мечтал о том, чтобы моим научным руководителем был Н.П. Дубинин (тогда я учился в аспирантуре). И вот я на Бауманской улице, жара, гремят трамваи, симпатичный старинный домик, на нем доска, сообщающая посетителям, что они вступают на таинственный остров, где работают сотрудники полуразрушенной науки: “Лаборатория радиационной генетики Института биологической физики АН СССР”. Эта лаборатория была создана в 1956 г. и возглавлялась член-корреспондентом Академии Н.П. Дубининым. До сих пор не могу забыть эти волнующие минуты. Сердце мое билось с невероятной частотой, от жары и смущения с меня градом лил пот, носовой платок моментально промок. Но уже через несколько минут я успокоился, и вот почему. Я посмотрел в глаза Николаю Петровичу и ощутил ту необыкновенную доброту и приветливость, которые они излучали. Николай Петрович согласился быть моим руководителем и совершенно неожиданно спросил: “Ну, а чем Вы хотите заниматься?” И хотя в голове у меня был, как мне казалось, довольно четкий план диссертации, но в тот момент я растерялся и стал что-то довольно сбивчиво рассказывать. Николай Петрович попросил меня всю мою программу написать для него на 1–2 страничках. Через неделю я принес ему эту, по существу, аннотацию диссертации, он быстро, я бы даже сказал мгновенно, прочитал ее, одобрил и сказал, улыбаясь: “Вот теперь руководитель знает, что хочет делать его аспирант!” Я впервые оценил способность к тонкому юмору, которая была присуща моему руководителю³³. В этой связи не могу не вспомнить один эпизод, связанный с оценкой Николаем Петровичем

³³ В 1993 г. я попросил Николая Петровича отметить тридцатилетие нашего знакомства. Он пригласил меня прийти к нему в рабочий кабинет в Институте общей генетики. К нам присоединилась его супруга Лидия Георгиевна. Мы выпили по бокалу шампанского, и два часа неспешной беседы учителя и уже немолодого ученика прошли как одно мгновение.

факта награждения его Ленинской премией. Это было 22 апреля 1966 г. Мы, сотрудники его лаборатории уже в Институте общей генетики АН СССР пришли рано утром поздравить нашего руководителя с этой давно заслуженной им наградой. Когда были произнесены теплые слова поздравления, Николай Петрович, слегка улыбнувшись, ответил следующее: “А вы заметили, что сама формулировка заслуживает Ленинской премии?” Она была такая: “За цикл работ по развитию хромосомной теории наследственности и теории мутаций”. За полушутливыми словами Н.П. Дубинина стояло тридцатилетие тяжелой бескомпромиссной борьбы за истинную науку.

С кем бы из наших генетиков старшего поколения мне не приходилось говорить, все они неизменно, не взирая на порой сложный характер личных отношений, подчеркивали свое признание роли Н.П. Дубинина как лидера отечественной генетики. Однажды А.А. Прокофьева-Бельговская сказала: “Если честно признаться, то все мы за это время (после разгрома генетики в 1948 году. – А.А.) отстали, на уровне остался только Николай Петрович”. Это действительно было заметно, особенно нам – молодым начинающим научным работникам. Приведу только один факт. В 1963 г. вышла в свет книга Н.П. Дубинина “Молекулярная генетика и действие излучений на наследственность”. Других публикаций, сравнимых по охвату стремительно нараставшего фактического материала и глубиной его анализа, тогда в литературе не было.

Если говорить о чертах Н.П. Дубинина как ученого, я бы в первую очередь отметил его исключительную творческую смелость. Это довольно редкое качество даже для ученых, за исключением наиболее выдающихся, отчетливо проявилось уже в первой блестящей работе по анализу гена *scute* у дрозофилы. Данные, полученные 21-летним ученым, свидетельствовали о сложной структуре гена, что не предполагалось созданной тогда Т.Х. Морганом хромосомной теорией наследственности. Совершенно противоречили эти результаты и гипотезе А.С. Серебровского о хромосоме как “колбасе”, в которой в виде жировых вкраплений прячутся гены. И Николай Петрович создает совершенно новую концепцию структурно-функциональной организации гена, названную им центральной теорией. Эта работа до сих пор поражает специалистов точностью, продуманностью экспериментов, глубиной анализа. Недавно один из ведущих современных российских генетиков И.Ф. Жимулев рассказал мне, что в процессе подготовки лекционного курса, который он ведет в Новосибирском университете, он перечитал эту первую статью Н.П. Дубинина. “Других работ такого уровня тогда у нас не было”, – заметил Игорь Федорович. Но мировая генетическая общественность первоначально не поняла идеи Н.П. Дубинина – признание пришло спустя годы. А уже в конце 1970-х годов, когда ряд зарубежных авторов проанализировали структуру гена *scute* методами молекулярной генетики, то они полностью подтвердили то, что открыл Н.П. Дубинин в 1928–1930 гг. (Carramolino, Campusano, Chysen, Dambly-Chaudière и др.)

Мне представляется, что творческая смелость Николая Петровича проистекала от его необыкновенной прозорливости, умения сказать то, о чем многие другие еще и не думали. Приведу еще пример, помимо истории с геном *scute*. Как пророчески звучат, сказанные в 1933 г. слова Н.П. Дубинина: “Метод биохимического анализа, как я его готов назвать, метод прямой ата-

ки на ген, будет, несомненно, играть выдающуюся роль. Ошибочно принимать его за частный случай феногенетического метода, он в состоянии будет вскрыть многие закономерности в генотипе, не имеющие прямого отношения к феногенезу". Это как раз то, чем занимаются молекулярные генетики в последние тридцать лет. Сюда, в частности, входят и интригующие весь биологический мир проблемы избыточности в геноме эукариот, псевдогенов, интронов.

И, наконец, знаменитый разговор с его сотрудницей (бывшей аспиранткой) В.В. Хвостовой. Мне посчастливилось узнать о нем со слов самой Веры Вениаминовны при следующих обстоятельствах. В январе 1967 г. в Институте общей генетики мы чествовали Николая Петровича в связи с его 60-летием. На торжественном Ученом совете было очень много народа, в том числе и В.В. Хвостова, к этому времени переехавшая на постоянную работу в Новосибирск. После заседания мы пригласили нескольких гостей, в том числе и Веру Вениаминовну попить чаю в комнатах, где располагалась тогда группа В.А. Тарасова. И В.В. Хвостова, вспоминая трудное далекое уже теперь время после сессии ВАСХНИЛ 1948 г., завершившейся разгромом генетики, закрытием лаборатории Н.П. Дубинина, а в общем наступлением власти тьмы в биологии, рассказала о своем разговоре с Николаем Петровичем. Она полагала, что мрачные времена наступили надолго, если не навсегда, и уж во всяком случае, у них не будет своего института, о котором они совсем недавно мечтали. Николай Петрович категорически не согласился с ней, сказав, что торжество зла и несправедливости временное, оно пройдет и у нас будет Институт. При этом сидевший рядом с В.В. Хвостовой, Николай Петрович с улыбкой заметил: "Вот видите, Вера Вениаминовна, теперь у нас Институт и у Вас Институт". Имелся в виду Институт общей генетики, которому не было еще и года, и Институт цитологии и генетики в Новосибирске, к тому времени существовавший уже около 10 лет. Остается добавить, что оба института были созданы Н.П. Дубининым.

Трудоспособность Николая Петровича, его трудолюбие поражали. Они сочетались с необыкновенной самодисциплиной. Если не было каких-то привходящих причин (заседаний в Академии наук, выступлений и т.п.), то Николай Петрович всегда приходил на работу за 15–30 минут до официального начала рабочего дня и уходил не раньше 4–5 часов. Помню, как он собирался в 1970 г. в санаторий "Узкое". Лидия Георгиевна, увидев, какой огромный чемодан книг и оттисков статей он берет с собой, "боролась" буквально за каждую книгу. По-моему, успех ей в этом деле не очень сопутствовал. Когда Николай Петрович вернулся, в ответ на мой вопрос, как отдохнуло, он сказал: "Работалось очень хорошо, я писал по 12–13 часов в день". Вскоре вышел его учебник "Общая генетика" (1-е издание, потом были еще два). И это не эпизод в жизни Н.П. Дубинина, он работал так всегда. Отсюда и поразительная продуктивность его творчества: 48 книг, более 1000 статей.

И еще одна черта Н.П. Дубинина. Он был настоящим патриотом, искренне болевшим за Россию, и никогда этого не стеснялся. Это было понятно не всем и не всегда. Помню свой разговор с Николаем Петровичем в 1991 г., через 10 дней после путча ГКЧП. Я высказал ему свою наболевшую мысль о том, что истинная глубина российского кризиса заключается в де-

формации национального генофонда вследствие террора коммунистов и двух кровопролитных войн. Николай Петрович все же выразил надежду, что генофонд россиян настолько богат, что он неизбежно даст о себе знать, и будущее России он видит не в столь уж мрачных тонах. Похоже, что Н.П. Дубинин был прав, первые проблески надежды появились.

В этой беседе была затронута еще одна тема. Я прямо спросил, почему его не арестовали в 1948 г. Он ответил, что этого он не знает, но вот в 1936 г. за ним следили, подозревая, что он был руководителем антикоммунистического кружка в Московском университете. “Знаете, – добавил Н.П. Дубинин, – я ведь не цитировал Сталина в своих философских работах”.

А работ этих, к слову сказать, было много. Николай Петрович всегда был увлечен философией. Любимым детищем его был методологический семинар Института общей генетики, в котором участвовали многие крупные ученые. Назову лишь одного – Ивана Тимофеевича Фролова, первого из крупных философов СССР, открыто ставшего на сторону классической генетики, а впоследствии создавшего Институт человека при Российской Академии наук. На семинаре приветствовались альтернативные точки зрения, поощрялись проблемные выступления молодых ученых, например, С.И. Городецкого, в самом начале 1970-х гг. увлеченно рассказывавшего о перспективах генной инженерии, о которой знали тогда по существу немногие. Николай Петрович тяжело переживал гибель первого космонавта Ю.А. Гагарина. “Такого человека должны были беречь”, – сказал он тогда.

У некоторых коллег Н.П. Дубинина в 1968 г. возник вопрос, почему Н.П. Дубинин, будучи уже директором Института общей генетики, академиком АН СССР, лауреатом Ленинской премии неожиданно вступил в КПСС. Признаюсь, в самый первый момент и я не мог этого понять. По прошествии лет мне стало ясно, что это был сознательный жертвенный поступок. Жертва была положена на алтарь едва начавшей возрождаться в легальных формах научной генетики. Дело в том, что абсолютное большинство ученых-генетиков того времени не были членами партии. Это Б.Л. Астауров, И.А. Рапопорт, вышедший из партии в 1948 г., Д.К. Беляев – директор Института цитологии и генетики в Новосибирске, заместитель Н.П. Дубинина в первый год существования Института общей генетики Б.Н. Сидоров, заведующие лабораториями старые друзья Николая Петровича Н.Н. Соколов, Я.Л. Глембоцкий, В.В. Сахаров, М.А. Арсеньева и многие другие. В то время почти не было членов КПСС и среди наиболее одаренных молодых генетиков. Это в отделе науки на Старой площади наверняка расценивалось как существование своего рода “пятой колонны” в советской биологии. Вступление в КПСС признанного лидера генетики академика Н.П. Дубинина фактически было ударом по сталинистски настроенным недавним покровителям Лысенко.

В начале 1970-х гг. кому-то понадобилось создать мнение о том, что Н.П. Дубинин отрешивается от своих учителей. Я тогда прямо спросил у Николая Петровича: “Что за человек был Кольцов?” Не задумываясь, Николай Петрович ответил: “Кольцов был замечательный ученый и очень хороший человек”. После этих слов я и мои сотрудники, которым я рассказал об этих словах Н.П. Дубинина, относились ко всем разговорам о противостоянии Кольцов–Дубинин весьма скептически.

В 1967 г. из Института общей генетики решили уйти “старики”: Б.Н. Сидоров, Н.Н. Соколов, М.А. Арсеньева, позже к ним присоединился В.В. Сахаров. Николай Петрович тяжело переживал эти события. Помню, как он горячо приветствовал на Ученом совете программный доклад В.В. Сахарова о предстоящей работе по полиплоидии, какие буквально “лабораторные хоромы” подготовил для группы Н.Н. Соколова в осваиваемом тогда здании ИОГен на Профсоюзной улице, 7. Был даже такой эпизод. Николай Петрович попросил меня, как своего заместителя по лаборатории мутагенеза, пойти и поговорить со “стариками”, чтобы они не оставляли Институт, созданию которого было отдано так много лет и так много сил. “Старики” меня приняли, но, увы, это был диалог глухих. Я не знал тогда, что они вместе с Б.Л. Астауровым решали и решили этот вопрос через всесильный отдел науки ЦК КПСС, что означало лишь то, что обратного пути у них не было.

Николай Петрович очень много времени отдавал Институту общей генетики (раньше лаборатории радиационной генетики) и институту в Новосибирске. Сотрудники, люди его окружавшие, это чувствовали, и платили ему по мере возможностей своей работой. В действительности, что интересовало Николая Петровича в первую очередь? Новые результаты. Люди из его лаборатории и руководители других подразделений всегда спешили ему сообщить о тех новых данных (не всегда даже проверенных), которые они получили. Я и сам неоднократно рассказывал своему руководителю о совсем еще “серых” экспериментах. Но Николай Петрович умел слушать и обладал, как я сейчас понимаю, поразительным терпением по отношению к собеседнику.

Праздниками науки были семинары лаборатории радиационной генетики, а позже лаборатории мутагенеза ИОГен, которые вел Н.П. Дубинин. Как никто другой, Николай Петрович мог мгновенно схватить самую суть обсуждавшегося вопроса, какой бы степени новизны и сложности она ни была. Более того, он мог в предельно доступной форме объяснить это всем присутствующим. Помню семинар, бывший в ноябре 1966 г., тогда разгорелась полемика между Н.Н. Орловой и В.К. Щербаковым по поводу механизмов спонтанного мутагенеза в семенах высших растений. Многим казалось, что Николай Петрович примет точку зрения В.К. Щербакова. Однако свое заключение он начал со слов: “Следует признать, что более права Нина Николаевна Орлова”. И дальше он настолько четко это обосновал, что, думаю, и самой Нине Орловой стало многое более понятным. Не могу не упомянуть и еще об одном семинаре, заставившем меня в корне пересмотреть план моей кандидатской диссертации и надолго определившем один из моих основных научных интересов. Зимой 1964 г. Николай Петрович впервые доложил результаты своей работы с Е.Г. Сапрыкиной, посвященной длительному мутагенному последствию в клетках человека, растущих в культуре ткани, под влиянием алкилирующего вещества тиоТЭФ. Лишь в последние 4–5 лет проблему последствия поняли на Западе, она получила название “нестабильности генома” (но не той, которая вызывается мобильными генетическими элементами). Не плохо бы авторам, работающим в этой увлекательной области теории мутации, обратиться к книге Н.П. Дубинина “Потенциальные изменения и мутации. Молекулярная цитогенетика”, вышедшей в свет еще в 1978 г. В ключе идей этой книги был сделан так восхитивший

всех доклад Н.П. Дубинина на Международном генетическом конгрессе в Токио в 1968 г.

Хотелось бы привести некоторые высказывания Н.П. Дубинина о людях, имена которых до сих пор у биологов на слуху, неважно с каким знаком – плюс или минус.

Н.В. Тимофеев-Ресовский был в Институте общей генетики в первые годы его существования. Он долго беседовал с Николаем Петровичем в его кабинете, а затем они вдвоем продолжили разговор в коридоре второго этажа. Разумеется, никто из нас не знал содержание беседы этих двух ученых. Со мной Н.П. Дубинин поделился своим мнением о Н.В. Тимофееве-Ресовском вскоре после публикации повести Д. Гранина “Зубр”. Он был удивлен, почему Гранин не передал многое из того, что ему Николай Петрович рассказал: “Я, конечно, сказал ему, что Тимофеев очень хороший ученый³⁴, но я не понимаю, как он мог оставаться в начале войны в Германии. Ведь в течение первого месяца, когда немецкие танки шли по Белоруссии, как нож по маслу, он мог выехать и необязательно в СССР, а в Англию или в США”. Увы, ответа на этот вопрос нет и сейчас.

И о совсем другом человеке, который лично принес Н.П. Дубинину много зла. Речь идет о Т.Д. Лысенко. Он пришел как-то в ИОГен летом 1970 г. Это было время отпусков и большинства ведущих ученых института в это время не было в Москве. Тем не менее, не желая, видимо, не без оснований, беседовать с Лысенко с глазу на глаз, Николай Петрович пригласил к себе в кабинет проф. Я.Л. Глембоцкого, секретаря парторганизации и еще двух-трех сотрудников института.

Лысенко показывал результаты своих опытов, не приводя необходимых методических подробностей, контроля и статистической обработки. “Все это, – как позже рассказывал Н.П. Дубинин, – производило довольно жалкое впечатление”. Мне даже показалось тогда, что Николай Петрович был разочарован, убедившись (вероятно, не в первый раз) насколько слаб в науке был его, некогда грозный, противник. Но Лысенко, как известно, был силен как раз не научными достижениями, а незаурядными способностями к мистификации подлинной науки и умением ловко втираться в доверие руководителям огромной страны.

Чтобы лучше понять личность Н.П. Дубинина, мало знать его научные и даже автобиографические книги. В них сказано очень много, но не все. Правда, любой читавший автобиографические книги Н.П. Дубинина быстро поймет, что автор их прекрасно знает русскую и мировую культуру.

Но в них, в этих книгах нет многих эпизодов, которые известны людям, работавшим и знавшим Николая Петровича долгие годы. Например, в одну из своих первых поездок за границу, он смотрел (кажется, немецкий) фильм “Доктор Живаго” – роман этот у нас тогда был запрещен – впечатление было таково, что он плакал.

Не забуду, с каким восторгом он прочитал “Мастера и Маргариту” М.А. Булгакова, находя очень точные аналогии персонажей команды Воланда с некоторыми общими знакомыми.

³⁴ Известно, что Н.П. Дубинин ходатайствовал перед Высшей аттестационной комиссией о присвоении ученой степени доктора биологических наук (без защиты диссертации) Н.В. Тимофееву-Ресовскому.

Николай Петрович обладал способностью к очень быстрому чтению, так два толстых тома исторических хроник Д.А. Волкогонова “В.И. Ленин” он прочитал буквально за четыре дня. Н.П. с восхищением отзывался о исполнении выдающимся басом Александром Пироговым роли царя Бориса, вспоминал с исключительной теплотой великую певицу Н.А. Обухову, которая до войны неоднократно приезжала в Кольцовский институт (постоянный аккомпаниатор Надежды Андреевны М.И. Сахаров был двоюродным братом В.В. Сахарова – одного из ведущих сотрудников генетического отдела института).

Одним из живых связующих звеньев между Н.П. Дубининым и прошлой классической русской культурой была Екатерина Сергеевна Мойсеенко, многолетний референт Николая Петровича, умная, трудолюбивая, восторженно относившаяся к ученым женщина, генетические корни которой происходили из старинного дворянского рода, к которому принадлежал знаменитый поэт-партизан герой Отечественной войны 1812 года Д. Давыдов. Н.П. Дубинин относился к Е.С. Мойсеенко с трогательной заботой, хотя она и причиняла ему некоторые хлопоты. Екатерина Сергеевна жила вместе с сестрой в комнатах коммунальной квартиры в старом районе Москвы, и у них было постоянно не менее 6 кошек. Две, к тому времени (1960-е гг.) уже старые женщины, конечно, не могли обеспечивать полный порядок в помещении с такими, обладавшими порой вздорными характерами обитателями. Отсюда постоянные жалобы соседей, суды, переезды и другие хлопоты. Николай Петрович всегда защищал Е.С. Мойсеенко и ее сестру, помню мы (сначала В.Д. Латкин-Турков, а потом и я) по просьбе Николая Петровича писали многочисленные письма в разные инстанции, в которых ходатайствовали за этих неординарных женщин. Екатерина Сергеевна писала стихи, но немногие знают, что стихи писал и Николай Петрович, причем его поэтическое наследие достаточно велико. Вот одно из них, написанное на закате жизни.

Посиди со мною, Волга,
Этой ночью на песках.
Жить осталось так недолго,
Ворон дышит на плечах.

Жизнь прошла не очень складно –
В сновиденьях и мечтах.
Посидим же, Волга, рядом,
На прилуненных песках.

1981 г. “На прилуненных песках”³⁵

Поневолу вспоминаются слова выдающегося русского поэта “серебряного века” и, вероятно, одной из самых умных женщин того времени Зинаиды Николаевны Гиппиус о том, что ей неинтересны люди, которые не могут поддержать разговор о смерти. Как мне кажется Н.П. Дубинин не боялся смерти как биологического явления, он был готов к ней. Но как всякий мыслящий широкими общечеловеческими категориями, он переживал предстоящую потерю мира, той жизни, которая принесла ему много страданий, но и много радостей.

³⁵ Муза в храме науки. Сб. стихотворений. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Сов. Россия. 1988. С. 395.

В этой жизни Н.П. Дубинин пережил три крупных удара, достаточных для того, чтобы сломить многих людей. Пожалуй, самый гнусный из них случился в 1981 г., когда его сняли с поста директора Института общей генетики. Ему вновь пришлось пережить измены и обиды со стороны многих людей, которым он доверял. Директором назначили малокомпетентного человека, не члена Академии, А.А. Созинова, что само по себе было оскорбительно для основателя института академика Н.П. Дубинина. После трех лет директорства Созинова Николай Петрович вообще был вынужден уйти в другой непрофильный институт, где он работал некоторое время. В это же время усилиями А.А. Созинова было совершено одно из самых несправедливых по отношению к Н.П. Дубинину деяний: Институту общей генетики АН СССР было присвоено имя Н.И. Вавилова. Николай Иванович Вавилов – замечательный ученый и организатор науки, яркий человек, невинно пострадавший в годы культа личности. Но тем более нет нужды в том, чтобы его имя носил Институт, созданный и выпестованный другим выдающимся ученым – Н.П. Дубининым. В 1990 г. новый директор С.В. Шестаков вернул Н.П. Дубинина в его институт. Позвонив Николаю Петровичу по этому поводу, я сказал: “Поздравляю мой родной Институт общей генетики с тем, что его основатель вновь стал его ведущим ученым”.

Последние годы жизни Н.П. прошли в обстановке глубокого уважения, я бы даже сказал, почтения со стороны руководства Института, старых и молодых его сотрудников к патриарху отечественной генетики – Николаю Петровичу Дубинину, что нашло свое наиболее яркое воплощение в праздновании его 90-летнего юбилея. Во многих странах сейчас трудятся ученики Н.П. Дубинина. Сердца их навсегда сохраняют чувство благодарности своему учителю, память о том счастливом времени, когда они вместе с ним работали на благо самой интересной из современных наук – науки о наследственности и изменчивости.

* * *

МОЕМУ ДРУГУ Н.П. ДУ...

Стократ прославленный ученый,
Гроза Трофима, – Н.П. Ду...,
В боях с Глембоцким закаленный,
На пятьдесят шестом году,
Попал в ужасную беду!

Не рассчитавши своих сил,
Он в шахматы сыграть решил
С самим Панпушкиным. И вот
Теперь судьбу свою клянет.

Разбит, растерян, потрясен
На доску глядя думал он:

“Куда! Куда! Я подевал
Моих коней, слонов и пушки?!
Меня как липку ободрал
Непобедимый А. Панпушкин!”

“Пропали пешки справа, слева,
Теперь ходить я буду чем?
Моя надежда – королева
Взята Панпушкиным в гарем!”

На уцелевшую туру
С тоской мучительной взирает,
Окинув мысленно игру,
Он бодро, грозно восклицает.

“Пускай погибну я! Но прежде,
В ослепительной надежде,
С одной оставшейся турой
Пойду в последний смертный бой!”

“Ходить я буду наугад,
И может быть Панпушкин (гад)!
Подставит короля под мат!”

Вы скажете – все это враки!
Может быть. Но вот вопрос?
Почему лишь на две драки
Осталось у него волос????!

Но ты крепись, мой друг. Желаем
Тебе прожить за сотню лет!
Подняв бокалы восклицаем!
“Здоровью – да! Болезням – нет!”

4 января 1963 г. *А. Панпушкин*

Т.А. Лежава

Лежава Теймураз Александрович – профессор, заведующий кафедрой генетики
Тбилисского государственного университета

ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ГЕНЕТИКОВ МИРА

В 1963–1965 гг. я проходил курс обучения в аспирантуре в Москве, под руководством Александры Алексеевны Прокофьевой-Бельговской. В ту пору среди аспирантов генетического профиля большой популярностью пользовались еженедельные научные семинары, проводимые в Институте общей генетики под руководством Николая Петровича Дубинина. Заключительное слово семинара, произносимое Николаем Петровичем, всегда поражало меня глубиной анализа, и часто, содержание его обобщений являлось основой для новых исследований.

По прошествии многих лет я хочу оговориться по поводу моей работы, опубликованной в “Цитологии” в 1966 г., в которой были описаны вариации

соединения спутничных нитей акроцентрических хромосом. Обнаруженные мной варианты связывания спутничных нитей, соединяющих две хроматиды, как я полагал, возможно, являлись фактором, стимулирующим нерасхождение акроцентрических хроматид в мейозе, на основе чего возникали трисомии по 13-й и 21-й хромосомам, частота которых среди наследственных патологий очень высока. Эта идея о подобном механизме нерасхождения была высказана на семинаре Николаем Петровичем Дубининым, я только выявил, обработал и классифицировал фактический материал.

Многопрофильная научная деятельность Николая Петровича Дубинина, нашедшая свое отражение в многочисленных научных трудах, положивших начало новым фундаментальным научным направлениям, а также в учебниках, монографиях дает мне право, как педагогу и ученому считать академика Н.П. Дубинина одним из ведущих генетиков мира и гордостью науки, и личное, хотя и не близкое знакомство с ним весьма ценно для меня.

В.Г. Шахбазов

Шахбазов Валерий Гайевич – заслуженный профессор
Харьковского национального университета имени В.Н. Коразина

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ Н.П. ДУБИНИНЕ

Генетическое образование биологов моего поколения было нарушено разгромом этой науки в послевоенные годы, который совершили Лысенко, Презент и их сторонники под покровительством Сталина.

Однако, обучаясь на биологическом факультете Харьковского университета, я доставал в библиотеке среди книг, предназначенных для уничтожения, сочинения Менделя, Моргана, Бэтсона и др., из которых я смог составить себе представление об основах классической генетики и критическое отношение к учению Лысенко. В этом меня поддерживал и мой руководитель – заведующий кафедрой экспериментальной экологии профессор Н.И. Калабухов. Мне импонировала также принципиальная позиция, которую занимал в генетической дискуссии Н.П. Дубинин. Позднее я познакомился с его научным вкладом в развитие генетики, с углубленным анализом структуры гена. В 1954 г., когда я после защиты кандидатской диссертации был приглашен в Харьковский университет на должность доцента для чтения курса общей генетики, я использовал при подготовке курса работы Н.П. Дубинина и особенно его книгу “Проблемы радиационной генетики”, Госатомиздат, 1961 г.

В то время я установил научные контакты с проф. Б.Л. Астауровым в Москве и проф. М.Е. Лобашевым в Ленинграде. А в Харькове, несмотря на многие начальственные окрики и предупреждения, я читал курс классической генетики, что в то время было связано с немалым риском.

И только после 1965 г. положение изменилось. В числе других “недобитых морганистов” я был избран в первый состав Центрального совета ВОГиС им. Н.И. Вавилова, и там смог лично познакомиться с Николаем Петровичем. Потом я часто встречался с ним на заседаниях Совета и на различных семинарах и совещаниях по генетике, которые в те годы часто проводились в

Москве и других городах страны. Все встречи и разговоры с Николаем Петровичем оставляли у меня добрые воспоминания. Он был всегда приветлив и доступен. Однако я знал о том, что и среди “настоящих генетиков” нет мира и согласия. Натянутые отношения между Б.Л. Астауровым и Н.П. Дубининым меня очень огорчали. Я с глубоким уважением относился к Б.Л. Астаурову и Н.П. Дубинину и не понимал причины их разногласий. Я считал, что во имя возрождения генетики нужно забыть любые раздоры. Правда, в одном вопросе я тоже не был согласен с Николаем Петровичем: это важный вопрос о понимании роли социальных и генетических факторов в формировании личности. По этому вопросу я разделял позицию Б.Л. Астаурова и, особенно, Д.К. Беляева.

Во время одного из посещений Москвы, Института общей генетики я завел разговор об этом с Николаем Петровичем. Из разговора я понял, что Николай Петрович сделал определенную уступку политической конъюнктуре³⁶. Но я находил его позиции и другое объяснение: генотип изменить невозможно, но все внимание нужно направить на улучшение социального наследования, которое без сомнения играет важнейшую роль и для нас особенно актуально. И все же, даже во имя этой благородной цели, я не думаю, что стоило отступить от истины, которая, конечно, такому генетику, как Николай Петрович, была ясна.

Хотелось бы отметить важную роль книги Николая Петровича “Теоретические основы и методы работы И.В. Мичурина” (1966). В этой книге было убедительно показано, что Мичурин не имел отношения к тому разгрому генетики, который был организован в 1940–1960-е гг.

Ярко вспоминается мне общение с Николаем Петровичем в дни XII Международного конгресса генетиков в Токио, 1968 г. К этому времени я уже защитил докторскую диссертацию, и к моему докладу в Токио проявили интерес и Н.П. Дубинин и Теодосий Добржанский, с которым мы тогда долго беседовали. А меня всегда восхищала не только обширная эрудиция Николая Петровича, но и его исключительная работоспособность. Приезжая в Москву, я всегда заходил в ИОГен и навещал Николая Петровича, а он всегда сидел в своем большом кабинете и всегда писал. Но для разговора со мной он откладывал рукопись и живо интересовался тем, как развивается генетическая наука на Украине, у нас в Харькове, в университете. С дружелюбным вниманием и пониманием он принимал многие мои новые статьи и, нередко давал полезные советы и представлял статьи для публикации в ДАН СССР. Также дружелюбно и внимательно относился Николай Петрович к другим генетикам, приезжавшим к нему из разных республик СССР, и это имело очень важное значение для развития науки огромной страны. Важнейшую роль в этом отношении сыграли также многочисленные книги академика Н.П. Дубинина.

Мне для преподавания курса общей генетики особенно полезна была книга “Общая генетика”, которая выдержала несколько изданий (1973–1989), а для понимания новой истории генетики: “Страницы истории” (1990) и воспоминания – “Вечное движение” (1973, 1989).

³⁶ В одном из писем проф. В.Г. Шахбазов попросил, чтобы его воспоминание было напечатано без купюр, что мы и сделали. Хотелось бы отметить, что все, кто хорошо знал Н.П., в качестве наиболее характерных черт его научной и научно-политической жизни подчеркивали свойственные ему принципиальность, объективность и последовательность поступков и взглядов. Поэтому так тяжело и жизнь его сложилась (*Примечание составителя*).

И в заключение необходимо отметить, что за свою долгую, сложную, но яркую и плодотворную жизнь, Н.П. Дубинин сделал очень многое для развития и восстановления этой науки в СССР после ее разгрома. О Николае Петровиче у меня остались самые добрые воспоминания, я всегда рассказываю о нем студентам и рекомендую читать, изучать его труды.

13 января 2000 г.

ДУМЫ РЫБАКА

На берегу уральских волн,
Где Азия теснит Европу ныне,
Сидел крамольных мыслей полн
Рыбак прославленный Н.П. Дубинин.

Сомнений нет, – теория Лысенко погорела,
Другие наступили времена,
Осталось от нее лишь голое “живое тело”
И больше ... ни хрена.

Я ж памятник воздвиг себе нерукотворный,
К нему генетики тропа не зарастет века,
Вознесся он главою непокорной
Превыше жирного парного молока.

Слух обо мне по всей земле великой,
Из края в край, из года в год пойдет
И даже, ныне полудикий,
Мичуринец меня любовно назовет.

И пусть меня ругать не устают
Ольшанский, Глуценко, Лысенко.
Они бедняги не поймут,
Что бьют напрасно лбом о стенку.

Давно ищу я способ верный
Врагам отмщенье учинить,
Чтоб знали, как бывает скверно
Иногда на свете жить.

Я не способен к мести черной,
Наветы не могу шептать
И на Трофима, ночью темной,
Не буду жалобы писать.

Но как отмстить, теперь я знаю!
(Будут все удивлены)
Ерша колючего поймаю,
Трофиму запущу в штаны!

Когда колючий ерш взиграет
В академических штанах,
Маманю Кузькину узнает,
ДНК появится в глазах!

Так он сидел и любовался
Мечтою дерзкою своей,
А ветерок играть пытался
Остатками лихих кудрей.

Пылал восток, как щечки юной девы.
Ночное облако пронзил луч солнца золотой,
Камыш шептал волшебные напевы,
Туман струился над голубой волной.

Пред ним река широко расплескала воды,
И одинокий ерш в ней век свой доживал,
Сопливый пасынок природы
Десятого червя у рыбака склевал.

А он сидит, чего-то ожидает,
И ерш уж больше не клюет,
Комар грызет, мошка одолевает,
То в нос, то в ухо заползет.

Эй, рыбак, оставь крамолу!
Не нужно и ерша ловить,
От забот поникнешь долу,
Не будут девушки любить!

Ты вспомни прежние забавы
Гусей, сазанов, осетров,
Берег левый, берег правый,
Хмельные песни у костров!

Хай живе тот ерш поганый,
Плыви в знакомые яры,
Там, где плещутся сазаны,
Сомы, белуги, осетры.

Там на нехоженных песочках,
Следы приземистых гусей,
Палатка там стоит в кусточках,
Там ждут тебя уж много дней.

Подруга там тебя утешит,
Ухой сазаньей угостит,
Кудри вымоет, расплешит,
И поцелуем наградит.

Там ни Лысенко, ни Ольшанский,
Тебя не будут донимать,
Там будет ветерок Бухарский
Сны золотые навевать.

Кто знает, может быть не так
Рассуждал на берегу,
Наш прославленный рыбак.
Утверждать я не могу.

Быть может, мы потом узнаем,
Что он думал, а пока,
С днем рожденья поздравляем
Дорогого рыбака!

Пусть будут счастьем и трудами
Все дни твои полным полны!
Живи на радость нам и мамы,
На радость любящей жены!

4 января 1964 г. *А. Панпушкин*

У. Алекперов

Урхан К. Алекперов – академик Национальной академии наук
Азербайджанской Республики, директор Института генетики

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Жизнь представляет каждому человеку возможность встречи с великой личностью. Часто для того, чтобы осознать величие этой личности требуется время. В очень редких случаях это величие ощущается буквально с первой встречи. К таким людям относился и академик Николай Петрович Дубинин. Я счастлив, что могу назвать себя его учеником. Он был не просто моим научным руководителем. Это был человек, оказавший огромное влияние на мое формирование. Нахождение рядом с ним было больше, чем получение научного руководства над выполнением диссертации. Поэтому, когда мне предложили написать для готовящейся книги свои воспоминания о Николае Петровиче, я был чрезвычайно рад. Прежде всего, потому, что получил возможность разделить некоторые воспоминания о нем, впервые публично высказать то, что раньше обсуждал только наедине с собой. Эти воспоминания построены на отдельных встречах и эпизодах, которые, на мой взгляд, в наибольшей степени повлияли на формирование моего восприятия образа Николая Петровича.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

То, что науке, особенно новой и значимой, не всегда везет, известно всем. Однако генетике не повезло особенно, так как отрицание этой науки произошло в стране с тоталитарным режимом со всеми характерными для этого общества и времени особенностями. Идеологизация этой науки, составляющей основу не только многих естественных, но и значительного числа общественных наук, привело к тому, что, в особенности после августовской 1948 г. сессии ВАСХНИЛ, генетика в такой стране, как бывшая СССР, была разгромлена со всеми вытекающими из этого последствиями как для этой отрасли науки, так и людей, ею занимающихся. Этот процесс, начавшийся в Москве, резонировал по всей стране, в том числе и в Азербайджане. Лишь в 1960-х гг. появилась возможность восстанавливать нормальную подготовку кадров в области генетики, и в ВУЗах стали преподавать основы генетики. В это время я был студентом биологического факультета Азербайджанского государственного университета в Баку, и мы были одними из первых студентов, которые вновь стали изучать, порой самостоятельно, основы генетики как науки. После окончания обучения в 1965 г. для меня не было вопроса, чем заняться. Генетика была выбрана в качестве будущей сферы деятельности. Однако десятилетия, в течение которых эта наука практически была под запретом, не могли не сказаться на состоянии кадров в этой области. Необходимо было готовить специалистов в этой области и ехать для этого в ведущие научные центры бывшего СССР.

При выборе подобных альтернатив для меня всегда существовал один критерий – личность. Поэтому, когда возник вопрос, куда мне ехать продолжать учиться, для меня это означало к кому ехать учиться. Колебаний не было – к Николаю Петровичу Дубинину, образ которого среди нас студентов олицетворял не только современную науку, но и был окружен особой романтикой. Таким образом, осенью 1965 г. мне впервые посчастливилось встретиться с Николаем Петровичем.

ЛАБОРАТОРИЯ НА БАУМАНСКОЙ

Встреча произошла в помещении лаборатории акад. Н.П. Дубинина, которая находилась в Москве на ул. Бауманской. Тогда эта была лаборатория радиационной генетики Института биофизики Академии наук СССР. Это было небольшое помещение, в котором каждый уголок, включая подвальные помещения и коридоры, использовались для исследовательских целей. Кабинет Николая Петровича представлял собой небольшую узкую комнату, сплошь заваленную книгами, журналами, большей частью иностранными. Рукописи лежали тут же. Николай Петрович оказался таким, каким мы его знали по портретам. Однако было то, что по портретам не ощущалось. Это были удивительно чистые голубые глаза. Этому портреты не могли передать. Другое, что произвело неизгладимое впечатление уже при первой встрече – это величие этого человека. Только великий человек мог быть так прост и демократичен, продемонстрировать исключительное внимание, такт и доброжелательность к абсолютно незнакомому человеку, вчерашне-

му студенту, пришедшему, можно сказать, с улицы. Наша первая встреча превратилась в предварительное собеседование, в ходе которого он спрашивал меня о самых разных вещах – научных и ненаучных. Форма этого предварительного знакомства и собеседования была столь естественной и демократичной, что я не сразу понял, что я прохожу предварительное тестирование. Похоже, что результаты этого собеседования его лично удовлетворили, и я был допущен к конкурсу. Конкурс был не простой – 11 человек на место. Речь шла в полном смысле о месте, рабочем месте в лаборатории, где можно было бы работать. Желаящих из Москвы и других городов страны пройти подготовку в лаборатории акад. Н.П. Дубинина было очень много, что и определяло столь высокий конкурс. Этот конкурс я выдержал и место получил.

Рабочее место представляло собой половину лабораторного стола в подвальном помещении, на котором я мог проводить свои исследования. Некоторые же приборы и оборудование использовали в сменном режиме. Поэтому для меня, как и многих других аспирантов Николая Петровича, работа начиналась в семь часов утра и кончалась, когда заканчивался эксперимент или приходила следующая смена. Иногда, когда такие циклы продолжались сутками, силы заканчивались раньше. Однако энтузиазма это не уменьшало, и работа шла очень интенсивно.

СПАСИБО ЗА ИНТЕРЕСНОЕ СООБЩЕНИЕ

У Николая Петровича был совершенно уникальный стиль руководства аспирантами и исследованиями, проводимыми его учениками. Первое время это меня очень озадачивало, так как было необходимо самостоятельно планировать общее направление исследований, конкретные эксперименты и интерпретировать их. В этом нам, молодым аспирантам, могли оказывать помощь более опытные сотрудники лаборатории. Помощь их была бесценна. Для меня таким наставником в лаборатории оказался чрезвычайно талантливый ученый Виталий Константинович Щербаков, который, к сожалению, рано ушел из жизни. Однако для аспирантов самостоятельность поощрялась больше всего. Рабочие встречи с Николаем Петровичем обычно происходили на этапе обсуждения плана экспериментов или интерпретации его результатов. “Спасибо за интересное сообщение” обычно говорил он и этим ограничивался. Лишь в редких случаях он мог высказать свое видение. Оно, обычно, было не навязчивым и формулировалось в виде вопроса: “А не кажется ли Вам, что подобная постановка экспериментов или интерпретация результатов также может иметь место?”. Но, вновь хочу отметить, что это происходило чрезвычайно редко. Большой частью аспиранту, молодому исследователю представлялась возможность самому принимать решения. Эта была школа самостоятельности, и я до сих пор продолжаю ценить ее, поскольку именно этот подход способствует формированию оригинальных научных направлений и школ. Сейчас, когда мне приходится выступать в качестве руководителя и приглашенного докладчика на крупных международных научных форумах, работать в составе международных экспертных групп, читать лекции в качестве приглашенного профессора в различных странах мира, я с благодарностью осознаю, что школа самостоятельности и оригинальности, которую мы все проходили у Николая Петровича, имела исключительное значение.

АНТИМУТАГЕНЕЗ И НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕНЕТИКЕ

При определении направления и темы исследований, которые я должен был проводить, было решено, что я буду заниматься проблемами, связанными с защитой генома от действия средовых мутагенов и канцерогенов. Выбор этого направления был для меня предопределен заранее. У меня были для этого личные мотивы. У члена моей семьи было тяжелое генетическое заболевание. В роду эта болезнь не прослеживалась, и врачи считали, что произошла мутация. Поэтому, я считал, что среди проблем генетики, связанных с окружающей средой, исследования по выявлению генотоксикантов и изучение особенностей их действия являются недостаточными. Приведение окружающей среды в кондицию полной генетической безопасности требовало времени. Можно было предполагать, что подобная идеальная с точки зрения генетической безопасности среда в глобальном масштабе когда-либо будет создана. Но это будет потом, в будущем. Люди же живут сегодня, подвергаясь риску заболеть, жить меньше, чем предусмотрено природой. Даже если человек благополучно избежал этого лично, тем не менее, он испытывает огромное моральное давление, наблюдая за страданиями тех, кому повезло меньше. Поэтому, когда я высказал свое желание заняться проблемами антимуутагенеза и антиканцерогенеза, то это направление моих предстоящих исследований нашло всестороннюю поддержку у Николая Петровича.

Феномен антимуутагенеза был описан впервые в 1952 г. Следующая работа в этом направлении была опубликована в 1957 г. К середине же 1960-х гг., когда я стал заниматься этой проблемой, было опубликовано всего несколько работ. Это же направление разрабатывали еще несколько аспирантов Николая Петровича. Он смог увидеть и оценить потенциальные возможности этого тогда нового научного направления. Конец XX в. подтвердил гениальность его провидения. Антимуутагенез превратился в актуальное научное направление по изучению механизмов регуляции процесса наследственной изменчивости и управлению процессами мутагенеза, канцерогенеза и старения. В 1970-х гг. обсуждение результатов исследований в этой области проводилось только в рамках отдельных докладов или секций на международных научных форумах. Впоследствии, в обстановке все возрастающей актуальности этого направления, стали проводиться с периодичностью в два года международные конференции по механизмам антимуутагенеза и антиканцерогенеза. Была организована международная группа экспертов для подготовки докладов о состоянии и перспективах развития антимуутагенеза и антиканцерогенеза, в состав которой вошли такие известные ученые как Б. Эймс и Л. Воттенберг из США, Т. Када из Японии, К. Рамел из Швеции. Я был счастлив, что был приглашен в качестве пятого члена этой группы экспертов и имел возможность в течение многих лет общаться с этими выдающимися личностями. Я и сейчас очень горд тем обстоятельством, что пройденная у Николая Петровича школа позволила мне стать членом этой группы экспертов.

НОВЫЙ ИНСТИТУТ

Развитию генетики в стране стали уделять все большее внимание. Среди мер, направленных на это, было открытие нового института. Это был Институт общей генетики Академии наук СССР, который был создан на базе лаборатории радиационной генетики Института биофизики. С переездом Института биофизики в Пущино здание на ул. Профсоюзной в Москве было отведено под новый Институт. Однако то, что этой базы будет недостаточно для последующего развития института, было для академика Н.П. Дубинина ясным еще тогда, в конце 1960-х гг. На ул. Губкина начало строиться новое здание, которое затем стало основным корпусом Института общей генетики. В этом здании институт расположен и сейчас.

В новом корпусе на Профсоюзной условия для работы значительно улучшились. Необходимость в сменном использовании приборов и оборудования отпала, но режим работы от этого не изменился. Аспиранты и молодые научные сотрудники, многие из которых сейчас являются признанными в мире учеными, продолжали работать в том же режиме – с утра до поздней ночи. Обсуждения проходили в условиях полной демократии. Это было важным элементом формирования научной школы и инициирования развития новых направлений.

Проблемам экологической генетики акад. Н.П. Дубинин придавал особое значение. По его инициативе при ГКНТ бывшего СССР был организован специальный Межведомственный совет по генетическим аспектам загрязнения окружающей среды, который координировал работу не только академических, но и многих отраслевых институтов и высших учебных заведений. Регулярные заседания этого совета, в особенности выездные, способствовали консолидации усилий, направленных на охрану генофонда и его защиту в экстремальных условиях.

СЕМИНАР И ЧАСТУШКИ

Политика Института общей генетики по формированию кадрового потенциала была разносторонней, и научные семинары играли в этом исключительную роль. Программа семинара объявлялась заранее, указывались базовые литературные источники по каждому предстоящему докладу. Кроме того, традиции института позволяли встретиться с докладчиком до семинара и получить, при необходимости, дополнительную консультацию по предстоящему обсуждению. На семинаре выступали как сотрудники Института, так и приглашенные докладчики, в том числе из других стран. Научный семинар представлял нам, молодым аспирантам и сотрудникам Института, возможность получить самую новую информацию, быть участниками и свидетелями дискуссий по конкретной проблеме.

Николай Петрович руководил семинаром очень умело, сочетая обсуждение сугубо специальных аспектов рассматриваемой темы с ее глобальным значением. Что касается чувства юмора и его проявлений, то это имело место постоянно. Например, на одном из заседаний семинара Николай Петрович рассказывал о результатах своей командировки в Венгрию. В конце вы-

ступления он остановился на вопросах орнитологии. Дело в том, что в период гонений на генетику Николай Петрович занимался исследованием птиц искусственных лесных насаждений на юге России и опубликовал значительное количество работ по орнитологии. Николай Петрович сообщил, что в Венгрии его знают и как орнитолога и ему рассказали о последних достижениях в области изучения пения птиц. Оказывается, что если воспроизводить магнитофонные записи пения птиц на маленьких скоростях, то это пение напоминает народную музыку. В зале всегда находился человек с курьезным вопросом. На сей раз вопрос был таков: “А песни какого народа они напоминают?”. Николай Петрович ответил незамедлительно: “Русские частушки”.

А ЕСЛИ У МЕНЯ ЕГО НЕТ?

Восстановлению генетики в бывшем СССР руководящие органы страны в 1960-х гг. стали уделять значительное внимание. Были подготовлены и изданы ряд постановлений, направленных на развитие генетической науки и укрепление ее материальной базы. Страной руководила коммунистическая партия и ее Центральный Комитет. Это касалось даже таких вопросов, как развитие естественных наук. Поэтому представителей науки приглашали в партийные органы для обсуждения различных вопросов, больше для того, чтобы дать какие-то директивы. Я был свидетелем одного разговора Николая Петровича по телефону. Он выслушал своего собеседника и потом задал вопрос: “А если у меня его нет?”. Вопрос, очевидно, был очень неожиданным и на том конце провода сохранялось длительное молчание. Николай Петрович положил трубку и объяснил мне ситуацию: его пригласили к одному из руководителей Центрального Комитета КПСС и сказали, что он может пройти, предъявив свой партийный билет. Его у академика Н.П. Дубинина в то время не было. Он всегда был далек от политики.

О ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ СОКОВ

Международный авторитет Николая Петровича Дубинина был высок во все времена. Он был членом академий и научных обществ различных стран мира. Осознавая, что развитие науки, особенно в ситуации, в которой в стране оказалась генетика, может осуществляться только на основе глобального научного сотрудничества, Николай Петрович стремился развивать сотрудничество со многими странами мира. Наряду с координацией исследований между различными республиками бывшего Советского Союза, реализовывались конкретные научные проекты со странами Восточной и Северной Европы, странами Азии. Сотрудничество с научными центрами США занимало особое место. В 1973 г. было подписано соглашение о научном сотрудничестве с этой страной и в программе совместных работ значительное место было отведено вопросам генетических последствий влияния экстремальных факторов, в том числе загрязнителей, на генетический аппарат и возможность антимутагенной защиты генома от действия средовых мутагенов и канцерогенов. Последнее направление предопределило тот факт, что я

стал активным участником этого сотрудничества в качестве национального координатора и члена рабочей группы. В этом ранге мне посчастливилось неоднократно быть в США вместе с Николаем Петровичем. Заседания рабочей группы, на которых председательствовал Н.П., всегда проходили очень оживленно и носили конструктивный характер. Будучи руководителем программы, он не ограничивал инициативы координаторов и членов рабочих групп, создавая исключительно благоприятные условия для работы за рубежом. Что касается образа жизни, то даже во время пребывания в США мало, что менялось в его расписании: после окончания рабочих заседаний вечерами он продолжал работать в гостинице, если в это время не было официальных приемов. Прилетал и улетал он из США с одним неизменным портфелем, большей частью забитым бумагами. Вместе с тем, он всячески стремился, чтобы я и другие члены делегации максимально использовали командировку для того, чтобы ознакомиться со страной. Для отправляющегося в свободное время погулять члена делегации у него была одна рекомендация: “Только не увлекайтесь соками”. Смысл этой шутки я понял позднее. Оказывается, несколько лет назад некий сотрудник одного из институтов Академии наук решил остаться, будучи в командировке, за рубежом, оставив своим коллегам в гостинице записку о том, что он пошел пить соки. Так появилась шутка о том, что и соки могут быть опасными.

Поездки в США с Николаем Петровичем были чрезвычайно интересными. Сейчас, когда я в качестве приглашенного эксперта и докладчика бываю в США минимум раз в год, я с большой благодарностью вспоминаю свои первые поездки, проведенные под руководством академика Н.П. Дубинина.

Николай Петрович был человеком, о котором можно писать бесконечно. Уверен, что если такая возможность мне представится еще раз, я вспомню совершенно иные эпизоды и опишу другие аспекты. Одно останется неизменным – память о великом ученом и исключительном человеке. Такие люди всегда живут в памяти человечества.

Баку, 30 июля 2000 г.

ЖЕРТВЫ НАУКИ

В края далекие, чужие,
Для освежения мозгов,
Наш Николас, как и другие,
Сел на Ту и был таков.

Ума набрался, возвратился
Из стран чужих в родимый дом.
О Боже! Как он изменился!
Жена узнала, но с трудом.

Трофим узнал и огорчился,
Когда свирепый менделист
Из дальних странствий возвратился
И коршуном над ним навис.

Двадцать лет Трофим спокойно
В науке чудеса творил
Вел себя сугубо непристойно,
Его Всесильный бережно хранил.

Теперь шумят газеты и журналы,
Встревожены и город и село
Не потому ли, что Всесильного не стало,
Того, кому до старости везло.

Не потому газеты стонут,
Журналы в барабаны бьют.
То мичуринцев хоронят,
В бараний рог Трофима гнут.

Буря мглою небо кроет,
Мысли страшные крутя,
То, как зверь, Трофим завоет,
То захнычет, как дитя.

То в агро-био... обветшала
Он листьями зашуршит,
И по привычке запоздалой
В дверь Всесильного стучит.

Но странно! Жалобам не внемлют.
Не трогает Трофимов стон,
Менделисты же не дремлют
Прут и прут со всех сторон.

Тогда поколебалась вера.
Трофим пардона запросил.
На престарелого премьера
Пол вины своей свалил.

Так для Трофима и премьера
Всевластные минули дни.
И для научного премьера
Самоизредились они.

А Николас не унывает,
Смотрит весело вперед,
Знает ДНК родная
Никогда не подведет.

Так пожелаем Николасу
Много, много светлых дней,
Пусть расцветает час от часу
И радуется своим друзьям!!

4 января 1965 г.

А. Панпушкин

НЕРАЗОРУЖИВШИЕСЯ³⁷

⟨...⟩ Однажды, приехав в Москву на конференцию, где-то в кулуарах, в чужом разговоре Рудольф Иосифович³⁸ услышал фамилию – Дубинин. Фамилия была известной. Салганик помнил громокипящие статьи и речи, в которых противники генетики склоняли ее во всех ведомых русскому языку падежах, вплоть до звательного, ныне не употребляемого, склоняли с обязательным приложением длинного шипучего эпитета “менделист-вейсманист-морганист”, а равно и других “упорствующий”, “погрязший”, “неразоружившийся”. Но Рудольфу Иосифовичу было известно, что кроме эпитетов Дубинину принадлежали еще и важнейшие работы по теоретическим проблемам генетики, именно по тем вопросам, которые то и дело принимались мучить его, как только он начинал разбирать свои опыты с клеточными ядрами.

Поэтому, прислушавшись к разговору, в котором фамилия была произнесена, Салганик выяснил, что “погрязший” в генетике Дубинин – в Москве и снова очень интересно работает ⟨...⟩ Отступив раз от правил хорошего поведения тем, что вслушался в чужую беседу, Рудольф Иосифович решил отступить и второй: спросил, не могут ли коллеги, беседовавшие о Дубинине, поведать ему, где эта лаборатория расположена. Коллеги поведали, и Рудольф Иосифович тот час же отправился на тогдашнюю московскую окраину, теперь, через девять лет она считается уже почти “центром”. Отыскал неказистый –хоть он и принадлежал атомному ведомству домик. И, представ перед член-корреспондентом Академии наук Николаем Петровичем Дубининым, сказал:

– Мне нужно с вами посоветоваться.

При следующих посещениях столицы Рудольф Иосифович, конечно, снова приходил в этот домик, где всегда пахло “дрозофилиной кухней” – варевом из агар-агара, изюма и дрожжей, которым потчуют плодовых мушек, чудных крошечных тварей, раскрывших науке одну за другой тайны мутаций и рекомбинаций генов. Он рассказывал Дубинину о том, что творится у него в опытах с ядрами зобной железы, и Николай Петрович обсуждал с ним эксперименты уже сделанные, и беды генетики, еще не завершившиеся. Вокруг названных предметов и шли их беседы.

О вирусах Салганик не произносил ни слова. Не решался.

И вот однажды вечером, когда Рудольф Иосифович сидел у себя дома в киевской квартире и думал невеселые думы, что для работ с нуклеазами при таких темпах понадобятся, наверно, десятилетия, как вдруг ... (еще Чехов заметил: “в рассказах часто встречается это “вдруг”...) Итак, вдруг зазвонил телефон, и в трубке послышался голос Николая Петровича Дубинина.

Голос был далеким: “неразоружившийся” генетик звонил из Москвы. Он просил Салганика немедленно приехать по крайне важному делу.

Взяв на завтра отпуск за свой счет, Рудольф Иосифович сел в скорый поезд и, спустя еще половину суток, появился в пропахшем варевом домике.

Николай Петрович спросил его для начала о работах и замыслах.

³⁷ Б. Володин. На пути к невероятному. М.: Знание, 1967. С. 231–233.

³⁸ Салганик Рудольф Иосифович – академик РАН, сотрудник ИЦиГ СО АН СССР.

И Рудольф Иосифович отважился рассказать о своих делах с нуклеазами. – Это очень интересно! – воскликнул Дубинин. – Это должно получиться. Все это теоретически верно. Это то, что нам нужно!

Он помолчал, улыбнулся и произнес совсем другим тоном:

– Так вот, Рудольф Иосифович, Вас пригласил не просто Дубинин, а директор-организатор Института цитологии и генетики. Титул я назвал не для того, чтобы вы ощутили трепет перед административной личностью. Не согласитесь ли вы принять в этом институте заведование лабораторией нуклеиновых кислот? Института еще нет. Здания института тоже нет. И города под Новосибирском, в котором этот институт будет, тоже нет. Но все будет: город, здание, институт, много институтов рядом. Контакты. Теснейшие контакты, комплексные работы вместе с химиками, физиками, математиками. Новейшее оборудование. Такая работа, к какой мы сами стремимся. Будет закладываться не просто город. Будет закладываться наука, которая начнет отсчет своих дел с сегодняшнего ее дня. Согласны? Переезд – летом пятьдесят восьмого. Имейте в виду: будет трудно. Кое у кого наш институт сделается бельмом в глазу. А отбиваться куда сложнее, чем создавать институт... Самое важное – с первых дней поставить – параллельно с теоретическими работами дальнего прицела – работы, которые дадут практический результат в самое близкое время. У противников главный козырь так называемая “бесплодность генетики”. Что они скажут, когда через два-три года мы выдадим цветную норку, полиплоидную сахарную свеклу и ваши противовирусные препараты? Ведь все это – подлинные плоды генетики!

Автор считает обязательным сделать здесь такое примечание:

Монолог Дубинина не был ни застенографирован, ни записан на пленку. Поэтому, может быть, в изложении его речь приобрела строй, несвойственный Николаю Петровичу. Может быть, слова были другие. Наверняка пропущены и наверняка упрощены некоторые мысли.

Но в общих чертах то, что было сказано Дубининым тогда, в конце 1957 г., совпадает с написанным здесь спустя годы.

А самое главное в том, что все, о чем Дубинин тогда говорил, осуществлено.

Впрочем, не надо приписывать Николаю Петровичу особого пророческого дара.

Он ученый, он не пифия.

А.-К. Эргашев

Эргашев Абду-Кадыр – доктор биологических наук, профессор,
ректор Самаркандского сельскохозяйственного института

ОДИН ИЗ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ АСПИРАНТОВ

Мне выпало большое счастье – в течение тридцати лет я работал под научным руководством выдающегося ученого-биолога XX в. акад. Николая Петровича Дубинина. За это время я прошел путь от стажера – исследователя до

докторанта и в 1990 г. защитил докторскую диссертацию. Я был далеко не единственным среди немосковских учеников Николая Петровича. Он работал с молодыми учеными как из республик бывшего Советского Союза – Грузии, Армении, Азербайджана, Украины, Литвы, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Молдавии, Туркмении, Таджикистана, а также и из “дальнего зарубежья” – Болгарии, Германии, Кубы, Венгрии, Монголии, Египта, Вьетнама (...). Могу сказать, что Николай Петрович Дубинин был кумиром целого поколения молодых генетиков. Мы буквально поражались феноменальной работоспособности нашего учителя, его умению мгновенно и всегда точно оценивать результаты экспериментов, которые мы всегда стремились рассказать ему первому. Как много интересных, содержательных бесед о науке, жизни, об истории генетики было у меня с Николаем Петровичем во время поездок в Санкт-Петербург, Киев, Алма-Ату, Душанбе, Ташкент, Самарканд, Бухару и другие города, где мы участвовали в работе научных конференций, съездов, симпозиумов. Не забуду блестящий доклад акад. Н.П. Дубинина на XIV Международном генетическом конгрессе в Москве в 1978 г. Он выделялся необыкновенной широтой и глубиной анализа новейших проблем науки о наследственности; в то же время пафос доклада был устремлен на вопросы генетики человека, роли генетики в решении глобальных задач человечества.

Николай Петрович Дубинин всегда достойно представлял генетические исследования не только своей лаборатории и руководимого им Института общей генетики АН СССР, но и всей нашей многонациональной страны.

Сейчас спустя 33 года я вспоминаю одну из бесед с моим участием так ясно, как будто это было вчера.

В конце 1969 г. срок моей двухгодичной стажировки в Институте общей генетики заканчивался и акад. Дубинин Н.П. пригласил меня в свой кабинет, который был тогда в старом здании института на Профсоюзной ул., 7.

Николай Петрович с интересом расспросил меня о проделанной работе и планах на будущее. Почему-то сразу я не смог ответить толком на его вопросы, от волнения у меня пересохло в горле и это мешало мне говорить. Но, вопреки моему ожиданию он не сердился, не повысил голоса, напротив, как-то по-отечески терпеливо посмотрел на меня и улыбаясь сказал: “Кадыр, сотрудники лаборатории о Вас неплохо отзываются и рекомендуют вас принять в аспирантуру нашего института. А вы, оказывается, даже не можете говорить по-русски. Ну, что с вами делать? Может быть, Вы расскажете немного о себе, о Ваших родителях, где учились, какой вуз закончили? Чем Вы хотели бы заниматься в дальнейшем?”

Я начал скорее даже не говорить, а бормотать потихоньку по-русски, что я приехал из Узбекистана, мои родители простые труженики в колхозе и слава Аллаху, они здравствуют. Учился я в очень далекой сельской школе. Может быть, Вы слышали, что есть у нас такой город Самарканд? Он очень древний, даже намного старше Москвы. Вот там я и закончил Университет. Когда я был студентом кафедры физиологии растений и микробиологии, мне в руки попала Ваша книжка “Два полюса жизни”. После прочтения ее у меня возникло много вопросов, на которые я не смог найти ответов в учебниках по физиологии (признаюсь честно, что на некоторые сложные вопросы жизни не могу найти ответов и по сей день). Тогда я со своими вопросами начал обращаться к преподавателям кафедры генетики. По совету и с ре-

комендацией зав. кафедрой генетики замечательного педагога проф. Павла Кузьмича Солдатова, я приехал на стажировку к Вам в Москву”. Так я продолжал говорить дальше о том, что меня очень интересуют проблемы действия физических и химических факторов окружающей среды (особенно агрохимикатов: дефолиантов, гербицидов и т.д.) на наследственность живых организмов и человека. Может быть, за этот период я не смог достаточно хорошо овладеть русским языком, но экспериментальными методами генетики хочу овладеть здесь в Москве. Как сказал Дж. Боккаччо: “Ученость, благородство и святость не передаются по наследству. И тот, кто стремится к этим достойным целям и неустанно будет трудиться, тот и непременно их достигнет”.

Мне показалось, что Николай Петрович был поражен: “Что... что вы говорите? Кто так сказал?” Тогда от волнения, видимо, я покраснел до черноты и опустив голову, произнес “Джованни Боккаччо – один из известных итальянских литераторов, патриарх и вдохновитель европейского ренессанса, автор знаменитого “Декамерона”.

Когда я поднял голову, то увидел перед собой человека, так искренне улыбающегося и излучающего радость и счастье. Конечно, в то время я не понимал причину этого, но облик Николая Петровича запомнил именно таким на всю жизнь: человека с добрыми и красивыми глазами, радостно улыбающимся лицом. Мой учитель встал, медленно обошел вокруг большого стола, протянул мне руку и сказал: “Дорогой, Кадыр, я согласен с моими сотрудниками. Вы можете подавать документы в аспирантуру в мою лабораторию”. Так я и сделал тогда, поступил в аспирантуру в лабораторию мутагенеза. Спустя более 20 лет я вновь приехал в лабораторию Николая Петровича, но уже в докторантуру. Как ни труден был мой путь в науке и в жизни, я никогда не жалею об этом. Более того, эти годы, проведенные в лаборатории Николая Петровича в Москве, я считаю самым хорошим периодом в моей жизни. Ибо тогда я впервые понял, что такое радость поиска истины, ее познания, радость общения с умными, простыми и честными людьми, посвятившими всю свою жизнь науке.

У нас в Самарканде много памятников древней старины, но среди них есть один уникальный, каких больше нет нигде в мире. Это мавзолей Амира Темура – создателя огромной империи, в состав которой входило двадцать семь стран. Он был великим правителем, талантливым полководцем и несмотря на все это – завещал, чтобы его “Великого Императора Темура похоронили у ног своего Учителя Мир Саид Барака”. Этот яркий пример с глубоким и поучительным смыслом, еще раз напоминает нам всем, что надо чаще задумываться о необходимости сохранения преемственности знаний между учителями и учениками, между разными поколениями человеческого общества. Очень часто со своими студентами и профессорско-преподавательским составом Самаркандского сельскохозяйственного института я посещаю этот музей и, беседуя с ними о науке, об учителях всегда и с удовольствием вспоминаю имя Николая Петровича Дубинина.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ БАРЬЕР³⁹

Жизнь этого ученого – пример гражданского мужества. Тридцать лет назад, когда ему не было и тридцати, Николай Петрович Дубинин провел ряд блестящих исследований по классической генетике. Его узнал весь мир. О нем говорили: “Генетик № 1”. И в этом не было преувеличения, потому что его труды даже спустя четверть века оказались непревзойденными.

Затем наступило трудное время для советской биологии. Генетику стали называть “буржуазной наукой”. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Дубинин вынужден был уехать на Урал, где занимался изучением птиц. Яркий талант ученого и здесь проявился в полной мере: он написал две книги, которые привели в восхищение специалистов своей оригинальностью (...). Но ни на один день Николай Петрович не прекращал работ по генетике (...).

Сейчас член-корреспондент Академии наук СССР Н.П. Дубинин руководит лабораторией радиационной генетики Института биофизики АН СССР, где и родилась новая отрасль биологии – космическая генетика...

Встретившись с ученым в лаборатории, я спросил его:

– Вы слышали о гипотезе Василия Феофиловича Купревича?

– Да.

– Как Вы относитесь к ней? Что вы думаете о возможности жизни в космосе

– Предложение академика В.Ф. Купревича очень любопытное, – говорит Николай Петрович Дубинин. – Очень хотелось бы достать для нашей лаборатории “споры жизни”, которые путешествуют по космическому пространству. И в первую очередь для того, чтобы посмотреть, какая это жизнь, т.е. построена она на основе ДНК и белка или нет? Если да, то тогда нам придется коренным образом пересмотреть свои взгляды на возможность жизни во Вселенной. В этом случае мы убедимся, что появление жизни, аналогичной нашей земной, уникальнейшее явление в Галактике. Я думаю, с этим выводом согласится большинство ученых.

Если же жизнь в космосе строится не на основе ДНК и белка, а это тоже вероятно, то встреча с представителями такого животного и растительного мира будет чрезвычайно интересна для науки. Мы сможем наконец прояснить многие непонятные вопросы о возникновении и развитии жизни, в том числе и на Земле... (...)

Полеты в космос только начались, – продолжает Николай Петрович Дубинин, – мы еще ни с кем не встретились за пределами Земли. И наша первостепеннейшая задача сегодня – создание на борту космических кораблей таких условий, которые позволили бы людям совершать длительные полеты не только вокруг Земли, но и к другим планетам... К нам, генетикам, ко-

³⁹ В кн.: Человек. Земля. Вселенная. Советские ученые рассказывают: “Что дает нам освоение космоса”. Изд-во “Московский рабочий”. 1965. С. 213–217.

смос предъявил множество требований, которые мы должны выполнить, прежде чем разрешить человеку покинуть нашу планету. Я не оговорился, именно “разрешить”, так как только генетики могут твердо сказать: не окажется ли космос каких-либо вредных воздействий на организм человека (...)

Во время космического полета на обитателей корабля действуют различные физические факторы – ускорение, вибрация, невесомость, космическая радиация. Что именно с генетической точки зрения наиболее опасно?

В нашей лаборатории впервые в мире был не теоретически, а практически получен ответ на этот вопрос. Работы по космической генетике проводились в условиях орбитальных полетов на мышах, хлорелле, дрозофиле. У мышей исследовалось влияние физических факторов космического полета на костный мозг. Оказалось, что весь комплекс – и ускорения, и вибрации, и невесомость, и радиация – сказывается как на животных, так и на растительных организмах. Однако для того чтобы определить степень воздействия каждого из этих факторов, мы провели многочисленные эксперименты на Земле. В Дубне мы облучали наших подопытных на протонном ускорителе и проводили исследования на вибростендах, в самолетах шли испытания при невесомости. В результате, как и предполагалось, основное, чего следует опасаться, это космическая радиация. Именно она может наиболее вредно сказаться как на человеке, так и на растительных организмах.

– *Чем же опасна радиация?* Мне кажется, что большинство читателей хотя бы немного знакомо с этой проблемой, особенно если речь идет о больших дозах облучения. Однако я хочу подчеркнуть, что даже очень малые дозы могут вызвать изменения. Приведу пример. Однажды один из сотрудников нашей лаборатории попал в автомобильную катастрофу. В больнице ему сделали рентгеновское просвечивание. Очевидно, во время этого несколько клеток, а может быть, даже одна, повредились, точнее: в структуре хромосом что-то изменилось. Их стало около 5 процентов. Возник фон, который может стать своеобразной почвой для различных заболеваний, в том числе и раковых. Изменения в клетках уже могут проявиться и у потомков, то есть они способны наследоваться (...)

Я привел этот пример для того, чтобы подчеркнуть, что человека в космосе нужно тщательно изолировать от радиации, защитить его. А это не такая простая проблема, особенно если космический корабль летит к Марсу. Более трех лет потребуется на такое путешествие. Радиация в космосе является постоянным фактором. Она опасна. Особенно во время вспышек на Солнце, когда ее фон резко увеличивается.

Бесспорно, во время таких полетов человека нужно защищать от радиации специальными экранами – скафандром и другими средствами защиты. Кроме того, будет использоваться и химическая защита.

Человеческий организм – это гигантское скопление клеток или как мы, генетики, говорим: организм представляет собой популяцию, то есть группу клеток. Если популяцию клеток подвергать облучению, то изменений непосредственно в организме мы можем и не заметить. Однако при размножении клеток в организме они проявятся почти наверняка, притом они окажут вредное воздействие. Именно поэтому задача новой отрасли науки – генетики соматических тканей, непосредственно примыкающей к космической генетике, неизмеримо усложнилась.

В нашей лаборатории в этом направлении работы интенсивно развиваются. Уже созданы некоторые химические препараты, которые будучи введенными внутрь организма, защищают его от влияния радиации – они служат своеобразным “химическим экраном”, который помогает физическим средствам защиты бороться с космической радиацией {...}

В корабле, летящем к Марсу, будут находиться и специальные растения, запасы пищи, воды и т.д., то есть на корабле должна появиться экономическая система, которая обеспечит нормальную жизнедеятельность экипажа.

Новая задача. Генетики должны обеспечить защиту всего живого, что есть на корабле, притом уже без физических средств, так как вес корабля ограничен.

Возьмем, к примеру, хлореллу. Популяция хлореллы – это несколько миллиардов особей. Какие генетические законы властвуют над ними? Что касается размножения организмов, то такие законы нам известны, они открыты Менделем. А в отношении популяции клеток таких законов пока нет. Они только создаются, в том числе и сотрудниками нашей лаборатории.

В популяции хлореллы под действием радиации возникают мутации. Радиационная генетика должна оценить эффект этих изменений и разработать метод защиты.

Наиболее простой способ понижать действие радиации – это добавлять в раствор хлореллы специальные химические препараты. Некоторые из них уже созданы в нашей стране. Однако такой защиты явно недостаточно. Необходимо создать штаммы хлореллы, устойчивые к радиации. Над этим и работают сотрудники лаборатории радиационной генетики. Мы добились определенных успехов. Можно с уверенностью сказать, что штаммы хлореллы, не боящиеся радиации, будут готовы к тому времени, когда с Земли отправятся к другим мирам межпланетные корабли.

Нам уже сегодня ясно, что мутантная хлорелла, устойчивая к радиации, при поддержке химических средств будет давать кислород и окажется незаменимым космическим блюдом для человека. Что же касается других растений, которые должны снабжать экипаж корабля разнообразной пищей, то их еще необходимо искать и создавать. Хотя почти все семена хорошо переносят облучение, этого сказать о самом растении нельзя. Поэтому одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед генетиками, связанными с космическими исследованиями, – это – отбор и оценка существующих растений с точки зрения радиоустойчивости. После того, как мы найдем таких представителей растительного мира, нужно создать новые формы для экологической системы космического корабля. Такие поиски сейчас интенсивно идут во всем мире. Я уверен, что и эта труднейшая задача, поставленная временем перед генетикой, будет успешно решена.

Генетика – фундамент современной биологии, – говорит Н.П. Дубинин, – с ее помощью человек научится управлять жизнью, создавать новые, необходимые ему формы растений, животных и микроорганизмов. Он проникнет в новый, пока мало изученный мир и обогатит разум серией блестящих открытий.

ФОРМУЛА ЖИЗНИ⁴⁰

Академику Н.П. Дубинину – 60 лет

В трудной журналистской профессии есть одна особенность, которая делает эту профессию неповторимой. Скитаясь по стране в поисках новостей, нам приходится встречаться с людьми очень разными, всегда интересными. Каждая из этих встреч дорога для журналиста, потому что герои материалов становятся частью его жизни.

Мне несколько раз посчастливилось писать об академике Николае Петровиче Дубинине. О его жизни, о его работах. Еще в те не очень далекие времена, когда Николай Петрович не был ни академиком, ни лауреатом Ленинской премии, ни директором крупнейшего академического института. Впервые я встретился с ним в крошечной лаборатории на Бауманской улице Москвы, где Дубинин вместе со своими учениками продолжал исследования, начало которым было положено много десятилетий назад и которые уже тогда принесли молодому Дубинину всемирную славу. Это было открытие и изучение тончайших взаимоотношений внутри клетки – “крошечной крепости”. Не многим ученым удалось проникнуть за ее стены, а Дубинин не только преодолел их, но и увидел в этой “крепости” столько нового, что признательные исследователи, которым он сообщил о своих наблюдениях через научные журналы, уже тогда, в начале 1930-х гг., причислили его к элите биологии, к тем маститым ученым, о которых можно сказать: наука существует благодаря их открытиям.

Но не сенсационные открытия по общей, космической и радиационной генетике, сделанные Николаем Петровичем, поразили меня при первой встрече. Нет, не они. А сам Дубинин, человек большой души. И, наверное, человечность, эрудиция, принципиальность в союзе с любовью к генетике и привлекают к нему молодых ученых, для которых он стал учителем. Не у каждого большого ученого есть ученики, свои научные школы, потому что не всякому суждено открывать людям свое сердце, щедро одаривать их своими знаниями. Можно делиться своими идеями, но этого мало, чтобы создать научную школу. Нужно отдавать всего себя, и только тогда вокруг тебя будет так много молодых друзей.

На самой заре жизни Николай Дубинин выбрал генетику. Но если бы он стал физиком или химиком, то и там он был бы таким же большим ученым – большой талант обязательно проявит себя! Но он стал генетиком. И, посвятив себя биологии, Николай Петрович пронес свою любовь и преданность через все испытания, которых немало выпало на его долю.

Сегодня Николаю Петровичу Дубинину шестьдесят лет. Десятки друзей и сотни незнакомых людей пришлют юбиляру поздравления. И на официальных бланках институтов, и в телеграммах, и просто по телефону. Я знаю,

⁴⁰ Губарев В.С. Формула жизни. Академику Н.П. Дубинину – 60 лет // “Комсомольская правда”. 1967. 4 января.

этот поток будет приятен академику. Каждому из нас радостно, что о тебе помнят, что тебя любят. Мы присоединяемся к этим поздравлениям и надеемся, что успехи советской генетики, которые неразрывно связаны с именем академика Дубинина, будут и дальше множиться на благо человеку.

Новосибирск

декабрь, 1967 г.

Дорогой Николай Петрович!

⟨...⟩ Я до сих пор не могу успокоиться, что лишились мы Вас у себя. С Вами у нас было бы намного интересней!

Мне нравится Ваш размах, Ваш захват, Ваша глубина. И каждодневное горение, и та принципиальность, стойкая принципиальность, которая делает Вас живым мостом из прошлого в будущее генетической науки.

Кстати о нас и о мостах. . .

. . . Среди порослей жизни мы не цветы.
Мы в прошлое мира живые мосты,
Счастливы, сумевшие возраст нажить,
Ткачи, протянувшие вечности нить.

Как говорят, возраст надо ценить. Желая Вам большой дороги к нужному всем!

Ваш

Г. Поспелов⁴¹

С. Винокурова

ЦЕНА НАСЛЕДСТВЕННОСТИ⁴²

Два открытия советского ученого
академика Николая Дубинина

Люди справедливо рассчитывают, что современная наука найдет способ реализовать давние мечты человечества – раздвинуть границы жизни. Не до бесконечности – мы трезвы и рациональны в притязаниях. Пожалуй, самое важное достижение современной медицины в том, что люди вырастают и достигают старости. Медицина будущего призвана обеспечить человеку активное долголетие. Мы перестанем думать о смерти, хотя она все же придет.

Уже сегодня реаниматологам удается вернуть к жизни тех, кто стал жертвой несчастного случая или катастрофы, и, пережив свою смерть, эти люди продолжают работать. Хирурги осуществляют блистательные операции по пересадке органов. Их могуществом, наперекор нерешенной пока проб-

⁴¹ Поспелов Геннадий Львович – профессор, геолог из Новосибирского академгородка.

⁴² Винокурова С. Цена наследственности: Два открытия советского ученого акад. Николая Дубинина // Наука и техника. 1969. № 5. С. 1–8.

леме несовместимости, Филипп Блайберг – человек, имя которого облетело мир, девятнадцать месяцев носил в своей груди сердце донора.

Медицина выступает во всеоружии по отношению ко многим недугам человека. Однако как ни совершенны ее методы и средства, они способны восстановить нарушенное и чаще бессильны предупредить болезнь, особенно если ее истоки – в недрах наследственного аппарата клетки, в генах.

Старение бросает вызов научной фантазии самим фактом своего существования. Десятки лет назад, когда миллионы людей гибли от инфекций, когда человек жил 40–50 лет, изменения отдельных клеток нашего тела, вызывающие рак, занимали скромное место в ряду причин смертности. Теперь рубеж пятидесятилетия перешагивают многие. Атеросклероз и рак стали лидерами недугов. И нет гарантии, что, когда ученые справятся с этими бедами, на смену им не придут другие – болезни более позднего возраста, о которых известно пока до скудного мало.

Но не только будущее, уже настоящее делает насущной задачей дня управление наследственным аппаратом клетки. Порожденные естественным фоном радиации, колебаниями температуры, химическими веществами и еще многими причинами, наследственные изменения в клетках – мутации, те самые, благодаря которым в природе рождаются новые виды растений и животных, у человека сохраняются. Не затрагивая его внешний облик, они накапливаются в клетках, подтачивают его изнутри (некоторые ученые в самом этом факте видят причину старения). Эстафета искаженных генов передается из поколения в поколение, а вместе с ней – наследственные болезни. Сейчас их насчитывается у человека около полутора тысяч, и многие из них порождены нарушением кода информации в клетке.

Итак – мутации, наследственные изменения. Сотни лабораторий мира изучают их природу и характер. Исписаны толстые фолианты, поставлены тысячи экспериментов. Создана, наконец, теория мутагенеза, во многом объясняющая природу непознанных процессов. И все же теоретических знаний явно недостаточно, чтобы можно было радикально вмешиваться в наследственность человека, контролировать, не допускать вредные изменения в генах.

Медицина еще далека от полного понимания причин возникновения рака. И здесь, видимо, камень преткновения – в недостатке теоретических знаний, представлений о тех молекулярно-биологических изменениях, которые рождают клетку – феномен, вдруг начинающую беспорядочно, хаотично расти и бешено размножаться.

Последние работы известного советского ученого-генетика академика Николая Дубинина пролили свет на некоторые непонятные до сих пор процессы изменения наследственности, позволили по-новому взглянуть на поведение мутаций.

ПЕРЕДАЕТСЯ ЛИ РАК ПО НАСЛЕДСТВУ?

Вряд ли есть в наши дни ученый-биолог, генетик, молекулярщик, который не пытался бы найти мучительно волнующую человека разгадку происхождения рака. Естественно, среди многих направлений, над которыми работает Институт общей генетики Академии наук СССР во главе с академиком Дубининым, есть и такое.

В человеческом организме, как и во всем живом, мутации возникают постоянно, и вызвать их могут разные причины – в принципе любое нарушение обмена веществ. Но возможны и такие изменения, которые в будущем приведут к злокачественному перерождению клеток.

Рассуждая так, академик Николай Дубинин предложил генетическую концепцию происхождения рака, которую он теперь успешно развивает вместе со своими учениками. Собственно, она не вступает в противоречие ни с одной из существующих – ни с вирусной, сторонники которой видят причину беды в вездесущих вирусах, ни с канцерогенной, приверженцы которой усматривают корень зла в различных химических соединениях, выхлопных газах и других канцерогенных веществах.

И то, и другое, считает академик Дубинин, – возбудители болезни; если же говорить о предпосылках, механизме, то они – в нарушении наследственного аппарата клетки.

Означает ли это, что рак передается по наследству? Отнюдь нет. Но вот предрасположенность... В экспериментах у 80 процентов мышей, заведомо предрасположенных к раку, через месяц после рождения спонтанно возникали злокачественные опухоли. С другой стороны, есть виды мышей, которым вообще не удастся привить рак.

Ну, а то, что клетки тканей, быстро обновляющиеся, – крови, печени, легких – больше подвержены изменениям, и в том числе раковым, – разве не говорил этот факт в пользу генетической гипотезы, разве не наводил он на мысль, что “собака зарыта” в наследственных изменениях клетки? Есть и еще один аргумент: разным видам опухолей соответствуют вполне определенные изменения хромосом – наследственного аппарата клетки. При лейкозе крови, например, отсутствует кусок 21-й хромосомы (всего их у человека 23 пары) в клетках костного мозга, а, следовательно, в рождающихся там клетках крови.

Примерно лет тридцать назад, еще на заре фундаментальных открытий в генетике, было обнаружено: мутации можно вызвать искусственно – с помощью радиации или химии. С тех пор биологи получили в руки скальпель, позволивший им производить операции с наследственной информацией в клетке. Благодаря подобным манипуляциям были получены новые сорта растений, превосходящие по урожайности своих прародителей и сородичей.

Но то же ионизирующее излучение, ту же химию используют онкологи в войне со злокачественными опухолями. Напрашивался вопрос: воздействуют ли и каким путем на аппарат наследственности те дозы облучения и препараты, которые способны задержать рост, размножение, а иногда и просто убить раковые клетки?

В лаборатории академика Дубинина начались исследования всего лучшего, что накопила онкологическая практика в области противоопухолевых препаратов. Но – с генетических позиций. И тут выяснилось, что все они обладают мутагенными свойствами: неизменно вызывают изменения в хромосомах раковых клеток. Так было, пока опыты проводили в пробирке, пока командный пункт клетки – ДНК разрушали в чистом виде. А потом...

НАЧАЛИСЬ НЕОЖИДАННОСТИ

Оказалось, что в живой клетке, в отличие от модели, изменение хромосом – отнюдь не обязательный финал. И что еще удивительно: способность к проявлению мутаций после бомбардировки лучами или обработки препаратами возрастает, напоминая цепную реакцию: изменения захватывают все новые хромосомы. Если через два часа, например, после повреждения ДНК выход мутаций составлял десять процентов, то после десяти часов он достигал пятидесяти. Это помогло во многих случаях предсказать кривую мутационного процесса, химическими веществами регулировать выход мутаций. Определился и класс наиболее активных препаратов.

С их помощью у раковых клеток человека в культуре ткани вызвали лавинообразное нарастание мутаций, которое, обрывая цепь передачи наследственной информации, губило их. При склонности злокачественных клеток к молниеносному размножению “эффект путаницы”, которую вносили мутагены, оказался особенно высок. Так была обоснована широкая группа противораковых соединений.

Это совсем не означает, что создано новое лекарство от рака. Большинство препаратов, разрушая ДНК злокачественных клеток, одновременно губит здоровые. И впереди – поиск веществ, способных действовать избирательно – только на раковые клетки. Важно здесь другое – наметился путь целенаправленных поисков. Доказано существование потенциальных мутаций (до сих пор полагали, что они совершаются молниеносно, прямо в момент воздействия). Это принципиально новое открытие подтвердили опыты на клетках растений, животных, человека.

В живой клетке, в отличие от модели, необходимы особые условия, чтобы произошла мутация. Между действием мутагена и наследственными изменениями лежит целая цепь событий. Клетка в предчувствии беды по мере сил и возможностей защищает себя. В стремлении спастись она может, например, изменить проницаемость мембран. Окончательно же судьбу “быть или не быть” изменениям решают хромосомы. Они способны надолго оттянуть момент возникновения мутаций – на недели и даже месяцы.

Как им удастся это? Вопрос стоит на повестке дня. И это – не просто дань любознательности, пытливому уму. Задержать вредные мутации – задача теоретически вполне посильная, показывают исследования академика Дубинина. И завладеть секретом могущества хромосом – значит реально решить ее, научиться использовать механизм клетки для осознательной разумной охраны ее наследственности.

Потенциальные мутации оказались буквально “золотой жилой”: они подсказали направление поисков. Одно открытие повлекло за собой другое. Но это был просто каскад удач. Тридцать лет жизни отдал Николай Дубинин исследованию природы мутаций, и, пожалуй, удачи, оплатившие многолетние поиски, были здесь просто неизбежны.

В каждой клетке человека заложено 46 хромосом – по две каждого из 23 сортов. Появление лишней или недостающая означают дефект в развитии. Недаром придумала природа “ритуальный танец”, которым сопровождается деление клетки. Это своего рода гарантия строгого порядка и ответственности.

Медленно, под звуки неслышной музыки, выстраиваются хромосомы. Проходит немного времени, когда кажется, будто исполнители замерли, и вот уже в паре с каждой – ее точная копия, двойник. Теперь их в клетке 92. Невидимый взмах дирижерской палочки – хромосомы расходятся к полюсам. Вскоре их затянет ядерная оболочка, и глубокая борозда разделит клетку на дочерние половинки, из которых каждая – точное подобие материнской.

Однако не всегда все происходит так гладко. Иногда после деления клетки оказывается, что в одной из ее потомков – лишняя, в другой – недостающая хромосомы. Или в спокойной неделящейся клетке они вдруг ломаются, рвутся. Почему это происходит, до последнего времени было неясно. Непонятным оставалось и другое.

Тысячи экспериментов, поставленных в разных лабораториях мира, возвели в истину тот факт, что при любом воздействии, будь то бомбардировка лучами или химия, из двух нитей ДНК страдает лишь одна. По логике следовало ожидать, что при делении клетки, когда обе нити расходятся в дочерние и по ним достраиваются целые молекулы, получить травму в наследие должна лишь одна – та, что строилась по “больной” нити. Другая же останется невредимой. На самом деле в процессе мутагенеза изменения появляются на всех четырех нитях – в обеих дочерних клетках, обе они получают “полную мутацию”.

Разгадать этот парадокс, объяснить, как передается изменение с одной нити на другую, долгое время не удавалось. В поисках истины рождались гипотезы. Странники одной из них – “летального удара”, полагали, что изменениям с самого начала подвергаются обе нити, но для одной из них повреждение оказывается смертельным – потому и появляются потомки лишь одного сорта. Другие считали, что изменения возникают в обеих нитях, независимо друг от друга, но случайно они могут совпасть.

Однако ни одна из гипотез не была безусловно законченной, ни одна не соединяла воедино двух событий – полные мутации в ДНК и разрыв хромосом. Сделать это удалось академику Дубинину.

Открытие потенциальных мутаций сфокусировало внимание ученого на процессах, предшествующих изменениям наследственности. Любое воздействие – любой мутаген повреждает лишь одну нить ДНК. Но при этом может нарушиться общая конфигурация молекулы, и тогда изменение “засечет” репарирующий фермент (эти ферменты – своего рода самооборона клетки – были открыты совсем недавно). Если фермент “поймает” повреждение, вырежет больной участок, все придет в норму. Но никто и ничто не гарантировано от ошибок.

Фермент тоже ошибается. Бывает, что вместо пораженного участка он вырезает противостоящий ему на другой нити – здоровый. Нарушение конфигурации молекулы сохраняется. Оно снова узнается при повторном

прохождении фермента – и тут уж вырезается сам “больной” участок. Происходит разрыв хромосом.

Возможен и такой вариант: брешь начинает застраиваться до вторичного “похода” фермента. Поскольку матрицей, образцом, по которому пойдет застройка, будет служить “больной” участок (здоровый вырезан), ошибка усугубится – брешь на здоровой нити заполнится неверно. В результате все дочерние клетки окажутся с искажениями. Так нашел объяснение парадокс, долгое время представлявшийся неразрешимым.

* * *

На первый взгляд может показаться, что все рассказанное – лишь весомый итог теоретических поисков. Но так бывало уже не раз – казалось, самые отдаленные теоретические догадки оборачивались неожиданно прорывами в практику. Во всяком случае, контуры молекулярной терапии, возможности предупреждения болезней еще в клетке вырисовываются все отчетливее. И, по-видимому, это дело не такого уж далекого будущего.

Л. Кокин

КАЧЕЛИ НИКОЛАЯ ДУБИНИНА⁴³

I. Бежали два приятеля из детского дома, в тамбурах, теплушках-“телятниках” добрались от Самары до самой Москвы и 1 мая 1919 г. пришли на Красную площадь.

В тот день на площадь собирались колонны молодых рабочих и школьников. С песнями поднимаясь по проезду Исторического музея, колонны выстраивались вдоль кремлевской стены. Впереди двигались запряженные лошадьми праздничные колесницы с застывшими на них подростками в костюмах: кузнец с молотом, ткачиха, крестьянин. Разбрасывая во все стороны газеты и брошюры, тархтел по брусчатке “рог книжного изобилия” – автомобиль “Центропечати”.

Над колоннами реяли знамена, флаги, лозунги: свободная весна рабочего-подростка несет ему жизнь и истинное счастье.

1 мая, весна приветствует юных рабочих всего мира – строителей царства труда.

Начинаются митинги.

С трибуны на трибуну под крики “ура”, в сопровождении красных конных “гусар” переходит Ленин.

Но, увлеченные праздничным зрелищем, маленькие беспризорники не слышат речей Ильича, его слов о детях, и, стало быть, о них, самарцах, тоже.

Указывая на детей, Ленин говорил, что они, участвующие теперь в празднике освобождения труда, в полной мере воспользуются плодами понесенных революционерами трудов и жертв...

⁴³ Прометей. 1969. № 7. С. 108–125.

“До сих пор, как в сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества – не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети!”

Не знали приятели-самарцы еще и о таком событии того дня: что один из них, Коля Дубинин, оказался вместе с Лениным заснятым на киноплёнку. Снимали издали, из окон ГУМа, никто этого не заметил. Дубинин услышал об этом сорок пять лет спустя, когда к нему в лабораторию радиационной генетики пришел незнакомый человек и сказал:

– Вопрос мой может показаться странным, но, пожалуйста, вспомните, прошу вас: где вы были 1 мая 1919 г.?

– Представьте себе, что помню, – улыбнулся Дубинин. – В Москве был. На Красной площади.

И тогда человек положил на стол фотоснимок: Ленин в открытом автомобиле повернул голову к двум улыбающимся мальчишкам, и все кругом улыбаются – сам Ленин, люди в военной форме, знаменосцы на втором плане и вихрастый, с живым лицом мальчуган.

– Не вы ли это рядом с Лениным? – спросил человек и с сомнением поглядел на голый череп ученого.

Как мог Дубинин сказать? Похоже, что он, а быть может, и нет.

За более определенным ответом пришлось обратиться к криминалистам. И те установили безоговорочно: на снимке рядом с Лениным действительно он, будущий академик, а тогда беспризорник Дубинин.

В Москве он в тот раз задержался недолго. Его подобрал на улице у асфальтового котла помощник Дзержинского, управделами ВЧК В.Н. Чайванов. Пришлось рассказать, как приехал в Москву и что попал в детский дом вдвоем с братом, когда отца убили, а у матери осталось на руках пятеро. И что отец в революцию был командиром на Красном флоте. Чайванов отправил мальчишку обратно в Самару. Оттуда в голодное время детей перевозили в уездный городок Калужской губернии Жиздры...

Шестнадцати лет Дубинин второй раз приехал в Москву. Но теперь он приехал не просто так, поболтаться, а изучать наследственность...

Но на первом же экзамене у профессора генетики Четверикова студент Дубинин провалился с треском.

Почему-то он живет в общежитии медфака на Смоленском бульваре, их пять человек в комнате: четыре будущих доктора и Дубинин. Четыре будущих доктора в меру любят медицину, в меру поют песни, в меру обсуждают достоинства знакомых девушек. Дубинин допоздна засиживается в лаборатории или за полночь засиживается над книгами. Его не отвлекают ни песни, ни рассказы. У него детдомовская закалка. Там, посередине комнаты, где они жили восьмером, стоял стол на четверых. Письменные задания выполнялись за этим столом в две смены; устные зубрили, сидя на койках. Теперь детдомовские навыки выручают его. Соседи-медики, убедившись в бесплодности всех попыток приобщить Колю Дубинина к своему шумному товариществу, махнули на него рукой: одержимый! А ему приходится быть таким. Ведь фактически он до Жиздры почти не учился, за два года, что пробыл в тамошнем детском доме, “одолел” все науки.

На втором курсе Дубинин начинает заниматься в большом практикуме профессора Кольцова; это уже отличие, ибо попасть туда можно, лишь вы-

держав отборочный конкурс. На третьем – начинает работать в лаборатории профессора Четверикова. Вскоре паренек в косоворотке и резиновых туфлях на босу ногу повторяет под руководством профессора Серебровского опыты американского ученого Меллера по рентгеновскому облучению мух.

Основоположники генетики видели в мутациях – в изменениях наследственных признаков – неожиданные самопроизвольные взрывы. Ученые нового поколения настойчиво стали доискиваться причин “взрывов”. Когда американский генетик Г.Дж. Меллер (впоследствии удостоенный Нобелевской премии) подверг плодовым мушек дрозофил действию рентгеновских лучей, он обнаружил, что изменчивость ускорила в полторы сотни раз. Сообщение Меллера на V Международном генетическом конгрессе (Берлин, 1927 г.) вызвало сенсацию и послужило началом новой эры в генетике. Открытие Меллера указывало, например, что можно искусственно воздействовать на ген – по тогдашним понятиям, неделимый атом наследственности. Это открывало небывалые перспективы в преобразовании природы. До тех пор, пока селекционеры пользовались в своих опытах только тем исходным материалом, который предоставляла в их распоряжение природа, на выведение сортов нередко уходила целая жизнь. Искусственные мутации обещали резко повысить частоту нужной для селекции изменчивости.

Именно в это время пришел в генетику Дубинин.

II. Как всегда, важное открытие вызвало не только восторг, радость, удивление, но и вполне понятное желание ученых повторить, воспроизвести, проверить полученные первооткрывателем результаты. “Давайте, Коля, и мы попробуем облучить мушек”, – вскоре после сообщения Меллера на Берлинском конгрессе предложил студенту Дубинину профессор Серебровский. Так идея искусственного получения мутаций с помощью рентгена вернулась к месту своего рождения.

(...) Московский генетик Ромашов облучал рентгеном мух дрозофил. Это было в 1920 г. Институт экспериментальной биологии насчитывал в ту пору, помимо директора профессора Кольцова, трех научных сотрудников. Вынужденный работать с подмосковными дикими видами мух, Ромашов на этом “нечистом” материале не сумел выявить каких-либо последствий облучения. Опыты не удались. По словам профессора Кольцова, американский генетик Меллер тогда еще и не думал о рентгеномутациях. И вполне вероятно, что мысль об этом пришла Меллеру, упорно искавшему в то время способы искусственного получения мутаций, именно в Москве, куда приехал он летом 1922 г. на празднование столетия Грегора Менделя с ценнейшим подарком учителя своего, Томаса Гента Моргана, русским коллегам: он привез столь необходимые им для работы чистые линии мух. Из нескольких этих пробирок ведут начало мушинные расы, с помощью которых советские генетики добились в 1920-е гг. выдающихся результатов. Не случайно статьи того времени начинаются с признательностей Моргану и Меллеру за их дар. Но если идея рентгеномутаций действительно возникла у Меллера в результате посещения красной России, благодарность должна быть взаимной!

Не было еще известно, каким образом проводил работу американский генетик, но профессор Серебровский, человек порывистый, увлекающийся,

не стал дожидаться, пока американский ученый опубликует методику, а вместе со студентом разработал свою. Заключив горсть мушек в желатиновую капсулу и усыпив их эфиром, поместили капсулу под обычный медицинский рентгеновский аппарат. Проведя со своими мушками два часа в рентгеновском кабинете, паренек в косоворотке получил интереснейший материал на добрый год работы. Он не только убедился в правоте Меллера, он пошел дальше американца: в опытах Дубинина мутационный процесс ускорился в четыреста раз.

Студенческая работа предвещала появление первоклассного экспериментатора. Но она не заканчивается на этом. В тесной лаборатории профессора Серебровского на Смоленском бульваре, через два дома от студенческого общежития, которое он уже покинул, вчерашний студент Дубинин продолжает и – главное! – обдумывает свои опыты.

В результате полученных им мутаций изменяются щетинки на теле мух; изменяются по-разному: по длине, по числу, – но все это, на его взгляд, вызвано изменениями одного и того же гена “скют”. А если изменения одного гена влекут за собой различные изменения признаков, не следует ли отсюда – приходило ему в голову, – что ген имеет сложное устройство и, следовательно ... делим? Чтобы произнести это даже про себя, требовалась изрядная смелость. Но сказав “а”, ученому трудно удержаться от “б”. 22-летний генетик высказывает свои соображения на Всесоюзном съезде по генетике и селекции (Ленинград, январь 1929 г.). Как бы там ни было, гипотеза вчерашнего студента уже не предвещает, а само появление крупного ученого. Он рискует отстаивать еретическую мысль, которая, как это подтвердится впоследствии, по своему значению для генетики сравнима с открытием делимости атома в физике.

Основываясь на своем предположении, Дубинин строит план гена. Вместе с товарищами придирчиво его проверяет – впятером или вшестером, во главе с профессором Серебровским. Локоть к локтю усевшись за стол в одной из половин разгороженной надвое комнаты-лаборатории и положив перед собой бумажки с описанием различных вариантов гена “скют”, они соревнуются в решении задачки: как расположить бумажки в линию, чтобы получить план гена?

К 1930 г. “центровая теория гена” сформулирована Дубининым, но это вовсе не означает ее признания в ученном мире. Напротив, даже внутри лаборатории возникают споры по поводу дубининской “скютологии” – со вчерашними соратниками и единомышленниками, которые участвовали в работе, но затем разуверились в ней и выдвигают все новые возражения. “Эта теория, – осторожно писал через несколько лет профессор Кольцов, – опубликованная также по-английски и по-немецки в зарубежных журналах, создала определенное имя Дубинину и проверялась крупнейшими современными генетиками, некоторые из которых посвятили ей специальные критические статьи...”

Одним из главных критиков резко выступал присутствовавший на съезде в Ленинграде немецкий ученый Рихард Гольдшмидт, величина мировая, друг молодости профессора Кольцова. Дискуссия с Гольдшмидтом длится несколько лет, в нее вовлекаются с обеих сторон все новые приверженцы, она становится событием в генетике того времени.

В 1932 г. Гольдшмидт признает правоту своего оппонента. Однако еще и через тридцать лет крупнейший американский генетик М. Демерек говорил на Международном генетическом конгрессе в Гааге (1963 г.), что десять лет назад считалось ересью описывать ген иначе, чем элементарной единицей, которая не делится на меньшие части. Даже пять лет назад господствовала эта точка зрения, особенно среди дрозофилистов... и лишь в середине 1950-х гг. были получены беспорные доказательства в опытах с микроорганизмами (одним из авторов был сам Демерек). “Хотя, – продолжал Демерек, – эта концепция принята только недавно, она развивалась уже давно”. И далее ученый напомнил о работах Дубинина и Серебровского более чем тридцатилетней давности...

С точки зрения современной науки, которая при помощи изощреннейших экспериментов, привлекая принципы кибернетики, разобрала письменна, какими природа записывает наследственную информацию, расшифровала биохимический код в ДНК хромосом, гипотетическая модель гена, предложенная Дубининым за тридцать с лишним лет до этого, выглядит поразительным провидением. “Способность усматривать в массе фактов нечто существенное и находить возможную основу взаимосвязи этих фактов – качество очень редкое”, – пишет известный биолог К. Вилли. Дубинину еще не раз предстоит проявить эту свою способность.

III. Как всякий московский генетик, Дубинин не раз бывал и выступал на коллоквиумах в Институте экспериментальной биологии (в просторечии – кольцовском). Сюда, на Воронцово поле, съезжалась по вторникам “вся генетическая Москва”. Здесь был признанный центр советской теоретической генетики, ее парламент и верховный суд. Профессору Николаю Петровичу Дубинину едва исполнилось двадцать пять лет, когда директор института профессор Николай Константинович Кольцов предложил ему возглавить этот центр.

Дубинин познакомился с Кольцовым так же в точности, как за много лет до этого познакомился с ним Александр Сергеевич Серебровский и еще многие-много поколения студентов-биологов, – на лекциях, на практикуме. Кто хотя бы раз видел и слышал Кольцова, едва ли мог его позабыть.

⟨...⟩ К генетикам Кольцов относился с особым вниманием, считая их областью ключевым разделом биологии. Организатор первых генетических работ в Советской России, Кольцов выдвинул ряд гипотез, предвосхитивших важные идеи современной молекулярной генетики. Вот к какому учителю переходит профессор Дубинин от противоречивого, страстного, склонного к крайностям Серебровского.

В лаборатории 25-летнего профессора кольцовский дух творчества естественно перемежается с веселым самоотречением молодости. Кольцову приходится даже сдерживать своих молодых коллег. Тем более что квартира его в здании института расположена как раз под генетической лабораторией, и он невольный свидетель их ночных бдений. Он созывает экстренное собрание, обращается с просьбой после одиннадцати вечера не задерживаться в институте без его личного разрешения. В самом деле, выбраться из института в четвертом часу ночи было довольно трудно. Ключи от двери, кроме Кольцова имел только профессор Лебедев, тоже живший при институте. По очереди униженно отправлились будить. Лебедев выходил сердитый, в

подштанниках, ругал полуночниками. Отпирал... Однажды в три часа ночи, когда обнаружилось, что двери заперты, они с ужасом вспомнили, что ни Кольцовых, ни Лебедевых нет дома; профессора переехали на дачу. Стучали, стучали... Институтское здание – бывший купеческий особняк – стояло в глубине зеленого двора, и даже через окно невозможно было дозваться глуховатого дворника. Кто-то придумал крутить зажженной лампой в окне, пока поздний прохожий не заметил сигнала бедствия и не добудился дворника. С дворником вообще были сложности, даже когда удавалось выбраться из института. Ведь оставался еще высокий забор и запертые ворота. А дворнику не объяснишь, как важна и нужна генетикам методика Пайнтера, впервые воочию увидевшего гены в гигантских хромосомах слюнных желез дрозофилы. Но тут у молодых ученых объявился неожиданный союзник. В то время, когда им необходимо было выбраться со двора на улицу, во встречном направлении не менее важно было преодолеть забор дочке дворника. Ее ухажеры оказались предприимчивее генетиков: разогнули железные прутья, решив тем самым проблему входа-выхода раз навсегда.

Работали с утра до ночи. Но между дневной и вечерней “сменой” устраивался перерыв. Под конец рабочего дня Дубинин выскакивал из своего кабинета в зал и кричал: “Без пятнадцати нашего!” Ровно в четыре все выходили на волейбольную площадку. Мяч летал над сеткой наперегонки с остротами. “С точным научным прицелом – в аут!” – подавали слева. Справа парировали: “ничего не поделаешь – эффект положения!”

В то время Дубинин вместе с Борисом Николаевичем Сидоровым показывает новое явление: функции гена не просто навечно “запечатаны” в нем, но зависят от того, какое место он занимает в хромосоме. “Эффект положения” открыт все на той же плодовой мушке. Ген переносили из одной хромосомы в другую, и он по-разному влиял на наследственные признаки.

Чтобы в этом убедиться, Дубинин за одно лето просмотрел под микроскопом больше ста тысяч мух...

Не жалея времени, не считая затраченного труда, он копил, копил, копил факты. Молодой Дубинин просто не представляет себе иного стиля научной работы. Только на почве богатой, щедро удобренной достоверными фактами, может взрасти плодоносящая гипотеза, может сверкнуть озарение!

...Покидавшись мячом часа два, возвращались в лабораторию – до глубокой ночи. Но бывало: пожалуют поиграть в волейбол гости из академического Института генетики, где работал в те годы знаменитый американец Меллер, член-корреспондент Академии наук СССР. И в таком случае битва дрозофилистов бушует дотемна...

По выходным дням Тиняков, живший при институте, пробирался следом за истопником в здание, открывал окно в лаборатории, ждал. Его товарищи, приходя, кричали с улицы:

– Есть на “Челюскине?”

– Есть на “Челюскине”! – отвечал Тиняков и бежал отворять.

За это бригаду Дубинина прозвали “челюскинцами”, а сам он сочинил несколько гимнов своей бригады...

Однажды в лаборатории услышали “Есть на Челюскине?” совсем рядом. На пожарной лестнице у окна третьего этажа стоял незадолго перед тем

удостоенный Рокфеллеровской премии профессор, о котором газеты того времени писали: “В своей области науки он не имеет впереди себя ни одного буржуазного ученого. Его имя упоминается наряду с именами мировых ветеранов науки”.

Один из таких ветеранов, профессор Кольцов, рассказывал об этом случае, заливаясь смехом: сижу утром в выходной день у окна в кресле, читаю. Вдруг за окном какая-то тень, у меня мысль мелькнула: не вор ли? Смотрю, нет, не вор, а знаменитый ученый Дубинин...

Близость директора имела, таким образом, свои неудобства, но, помимо того, давала известные преимущества. В тех случаях, когда консультация проф. Кольцова оказывалась насущно необходимой, его можно было вызвать в генетическую лабораторию условным стуком ногой по полу. И он, не откладывая, поднимался, поскольку по пустякам его не тревожили.

Да пустяками и не занимались генетики в институте Кольцова: их волновала идея, которую проф. Кольцов поставил в план института еще при его основании.

Искусственное видообразование! Об этом со времен Дарвина мечтали биологи, чтобы получить экспериментальное подтверждение теории происхождения видов. Шутка сказать: создать, синтезировать вид, неизвестный в природе! В 1934 г. физики открыли искусственную радиоактивность, выделив при этом не встречавшиеся в природе изотопы химических элементов. Как бы соревноваться с физиками, московский биолог Дубинин в том же году получил “изотоп” дрозофилы, мушку с уменьшенным против нормального числом хромосом. Прделано это было чрезвычайно эффективно – не “залезая” руками в клетку, не заглядывая в микроскоп, а лишь на основе предварительно рассчитанной сложной серии скрещиваний. Вслед за тем товарищи Дубинина–Сидоров, Соколов и Трофимов – путем сознательной перестройки получают невиданную в природе кольцевую хромосому, а Кожевников выводит новую расу дрозофил, названную им *Drosophila artificialis* – дрозофила искусственная.

Когда Ник Ник Соколов первый раз увидел в микроскоп кольцевую хромосому, он позвал Ник Пета Дубинина. Ник Пет посмотрел, воскликнул “ах!”, и, раскинув руки, повалился со стула, демонстрируя тем самым, что от такого открытия можно упасть в обморок. Профессора тут же схватили за руки, за ноги и под визг и гам дружно понесли в кабинет. Кто аллилуйю поет, кто что, и в этот момент открывается дверь и входит Кольцов. Почти никто его не заметил. Постояв с минуту возле двери, Кольцов повернулся и на цыпочках вышел... Но едва Дубинину рассказали об этом, как он тут же побежал и привел Николая Константиновича, чтобы порадоваться вместе со всеми. Нет выше радости, чем доставить радость учителю!..

Они были молоды, полны жизни, озорны, дружны, и это, как ничто другое, помогало в работе. Когда взволнованный какой-либо новостью Дубинин быстро проходил по залу, на ходу приглашая: “Сэры, сэры, пошли обсуждать!” – все без промедления собирались к нему в комнату, и в числе первых занимал свое законное место на диване прижившийся в институте пес, представлявший собою генетическую загадку и названный Бригадиром, поскольку раз существовала дубининская бригада, понятное дело, требовался бригадир...

Без чувства юмора трудно было сработаться с Дубининым. К счастью, в их среде было мало людей, лишенных этого чувства, страдающих врожденным изъязном. В противном случае частенько возникали бы осложнения – при желании можно было найти достаточно поводов для обид.

Очередной вторник, или, как говорили в то время, второй день шестидневки, когда собирается генетический коллоквиум, пришелся на 1 апреля. ...С реферативными докладами по опубликованным в иностранных журналах статьям выступили проф. Н.П. Дубинин и Б.Н. Сидоров.

Сообщение Дубинина было сенсационным: за границу исследователями имярек удалось получить в эксперименте учетверенную хромосому. Тут же через эпидиаскоп продемонстрированы были иллюстрации к статье – крестообразные фигуры из четырех сросшихся хромосом. Известие оживленно обсуждалось, посыпались догадки, объяснения, прогнозы... Пожалуй, еще интереснее оказался второй доклад. Суховатый Сидоров, известный как тонкий экспериментатор и за нрав свой именуемый за глаза Отшельником, как всегда, спокойно и немногословно сообщил, будто речь шла не о выдающемся открытии, что исследователь имярек, разделив хромосому на ряд участков, доказал, что каждый из них существует как самостоятельная хромосома. Разумеется, это вызвало не менее оживленную дискуссию, хотя было тяжким ударом для одной из коллег, безуспешно добивавшейся подобного результата. Снова было выдвинуто немало смелых гипотез и с ходу пересмотрено многое в теории... Словом, когда Дубинин, вместо того, чтобы по обыкновению на правах председателя подытожить затянувшееся обсуждение, – а он славился умением прояснять самые запутанные проблемы, – когда он вместо заключительной речи коротко поздравил собравшихся с первым апреля, после мгновенной, как шок, паузы за шутку приняли поздравление... “Жертва” Сидорова была настолько потрясена, что пожаловалась Кольцову. Тот хохотал от души.

Примерно в то же время, когда удалось установить “эффект положения гена”, Дубинин выходит из лаборатории “на природу”. Все та же дрозофила служит ему – теперь он наблюдает за ней в естественных условиях. Как распространяется мутация от возникновения до момента, когда она приобретает значение для эволюции вида?

По Средней России и Кавказу, по Средней Азии и Крыму пролегли маршруты генетических экспедиций. Тучи дрозофил вьются в садах, на овощных складах, на консервных и винных заводах. Вооруженные нехитрой ловушкой-“дудой”, ученые дяди и тети ловят мух – сотни и тысячи, – чтобы здесь же, на месте, в походных условиях обследовать их с помощью успешно освоенной “челюскинцами” методики Пайнтера. В микроскоп чудесно видны изменения в хромосомах-гигантах.

Ловля мух... Бестревожное, казалось бы, и не слишком серьезное занятие, словно нарочно предназначенное для насмешек. И все-таки искателей истины подстерегает опасность. На винном заводе в Фергане Дубинин спустился за мухами в огромный чан из-под вина. Трудно сказать, сколько времени прошло, пока товарищ его Ник Ник Соколов хватился, что Дубинина долго нет. Он бросился к чану и увидел распростертого на дне Ник Пета: надыхавшись парами, тот потерял сознание. Не хватись его Соколов, это могло печально кончиться... Ну, а что до насмешек – “челюскинцы” в карман за

словом не лезли, принимали шуточные бои. Не сдались и тогда, когда шутки сделались плохи...

Мутация как инструмент эволюции... Сама постановка вопроса еще не так давно казалась невозможной. Вот уж поистине: наука – цепь заблуждений. Сначала бессмертная и неизменная “зародышевая плазма” Августа Вейсмана, эта нить, связующая чреду поколений (извечный вопрос, что было раньше: курица или яйцо, – по Вейсману, решался однозначно: вначале было яйцо!..), оказалась подверженной беспричинным взрывам-мутациям Гуго де Фриза, и генетиков начала века не без оснований обвиняли в антидарвинизме. Среди естествоиспытателей разгорелась дискуссия, является ли эволюция результатом дарвиновского естественного отбора или дефризовых мутаций, ибо Дарвин имел в виду накопление путем естественного отбора многочисленных мелких изменений, тогда как де Фриз – резкие беспричинные скачки... Но позднее, вызвав мутации внешним воздействием, Г.Дж. Меллер приоткрыл завесу над их причинами, а параллельно с этим С.С. Четвериков установил, что многочисленные мелкие мутации широко распространены в природных расах дрозофил, образуя как бы резервный фонд изменчивости для вида, из которого природа черпает – по Дарвину, с помощью естественного отбора! – наиболее приспособленные к условиям жизни формы. Показать, как это происходит, вскрыть потайной механизм дарвиновской эволюции видов – вот что выпало на долю Дубинина и его товарищей, в первую очередь Д.Д. Ромашова.

“В книге эволюции прочитано только заглавие”, – писал в то время Дубинин. Чтобы приняться за “текст” книги, необходимо понаблюдать мириады мух, и генетики это делают. Но как извлечь “корень” из бесчисленных наблюдений?.. На “SOS” утопающих в своем “материале” исследователей откликается друг Ромашова, молодой профессор математики Колмогоров. Совместной работой по генетико-автоматическим процессам ученые вписывают свою страницу в “книгу эволюции”. Для Дубинина с этой работы начинается длинная цепь исследований. Они займут еще столько же лет, сколько прожито до их начала... Спустя три десятилетия в фундаментальном своем труде “Эволюция популяций и радиация” он подытожит их, наполняя в известной мере генетическим содержанием эволюционное учение Дарвина.

IV. За десять лет научной деятельности – три, если не четыре, важнейших открытия. И все-таки круг интересов Дубинина не замкнут накоротко генетикой или даже биологией – что, впрочем, естественно в среде воспитанников Кольцова – друга Горького, Павлова, Семашко.

“В летних экспедициях, когда темнеет, а керосина нет, он один устраивает литературные вечера, декламирует стихи и читает наизусть прозу всех времен и народов”. Заядлый охотник и рыболов, конькобежец, лыжник, теннисист, шахматист, “он принимает мир целиком, огромный, чудесный, благоухающий мир, созданный для него революцией”. Это из очерка о Дубинине в “Наших достижениях” – вышедшем под редакцией Горького журнале, в котором профессор Кольцов принимал участие, – очерка мажорного и даже более того – по-женски, взхлеб восторженного. Отчего же впадают в него трагические ноты?

“Он (Дубинин) обрек себя служению науке, – пишет автор очерка А. Крылова, – задумав стать одним из тех, по словам Фихте, “мужей, которые преданы ей до гроба, которые примут ее, если она будет отвергнута всем миром, которые открыто возьмут ее под защиту, если на нее будут клеветать и ее будут порочить, которые ради нее с радостью будут переносить хитро скрытую злобу сильных, пошлую улыбку суемудрия и сострадательное подергивание плечами малодушия”.

Это пишется о жизнерадостном, полной мерой счастливом Дубинине, но секрет все-таки не в интуиции автора и не в пронизательности героя очерка, хотя цитируется одна из любимых его книг – лекции Иоганна Готлиба Фихте “О назначении ученого”, читанные в 1794 г. в Иенском университете; там есть и такие слова: “Я – жрец истины, я служу ей, я обязался сделать для нее все – и дерзать и страдать... Если бы я ради нее подвергался преследованию и был ненавидим, если бы я умер у нее на службе, что особенное я совершил бы тогда, что сделал бы сверх того, что я просто должен был сделать?”

Именно в то время проблема наследственности выходит за профессиональные рамки, становится общественной проблемой. Уже в 1936 г. сессия Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) широкообсуждает вопросы наследственности – после того, как на страницах журнала “Яровизация” было объявлено о новой концепции, а хромосомную теорию заклеямили реакционной и идеалистической.

Как редактор “Наших достижений”, Алексей Максимович Горький, конечно, читал очерк о профессоре генетики Дубинине и в истории беспризорника, столь стремительно поднявшегося к высотам культуры, увидел, должно быть, нечто большее, чем частную биографию одного человека. В ту пору Горького увлекла идея юбилейного многотомного издания к двадцатилетию Октября, которое подвело бы, по его замыслу, “художественный итог” замечательному двадцатилетию. Один из томов предполагалось посвятить знатым людям страны социализма – металлургам и колхозникам, летчикам и инженерам. Алексей Максимович предложил молодому писателю Каверину написать для “Двух пятилеток” (так называлось задуманное издание) художественную биографию молодого профессора Дубинина. Писатель согласился и вскоре по его поручению из созданного при редакции кабинета мемуаров к Дубинину пришел один из “беседчиков”, записавший рассказ героя будущей книги о себе.

Рассказ получился интересным, но писатель не осуществил своего намерения. Не состоялось и все задуманное Горьким издание. После смерти Алексея Максимовича работа над “Двумя пятилетками” прекратилась. Каверин же принял тогда за “Двух капитанов”, и хранившаяся у него запись беседы с Дубининым сослужила ему службу – он воспользовался в романе кое-какими деталями из биографии ученого. Пригодились и стихи дубининского сочинения, записанные тогда же. Понятно, их автор не думал, что шутейные его куплеты выйдут за пределы товарищеского кружка; когда бы не эта запись, так бы оно и случилось. Но писатель, несколько переиначив и переадресовав, вставил их в детскую “Сказку о Митьке и Маше, о Веселом трубочисте и мастере золотые руки”, в которой говорится об очень серьезных и порою страшных вещах.

Только один Веселый трубочист распевает в мрачном Кащеевом царстве задорную песенку:

Пять рыцарей веселых,
Бесстрашных пять сердец,
Мы шею Кощею
Намылим наконец.

Веселый трубочист не подозревает, конечно, что слова его песенки принадлежат биологу Дубинину и что прежде него, сказочного трубочиста, распевали ее на известный мотив, считая гимном своей бригады, генетики-“челюскинцы”

Пять рыцарей веселых,
Бесстрашных пять сердец,
Мы шею Кощею
Намылим наконец.

Разумеется, это и происходит в конце детской сказки. Обещание Веселого трубочиста сбывается. Но понадобится еще много лет, чтобы сбылось обещание “челюскинцев” из института Кольцова – ведь они, распевая свой гимн, под Кошеем подразумевали другое, нежели в сказке лицо, хотя тоже вполне определенное и, к сожалению, хорошо биологам знакомое.

V. “На крыльях маленькой мушки дрозофилы прилетела большая слава к молодому советскому ученому. Мушка оказалась незаменимым подопытным насекомым и ближайшей “сотрудницей” Николая Петровича Дубинина...

Дрозофила воцарилась в генетических лабораториях во втором десятилетии нашего века – в ту пору сама наука генетика была еще как бы в состоянии отрока, нащупывающего свою стезю, – и абсолютная мушиная монархия продержалась по меньшей мере лет тридцать.

Собственно, рождение генетики как науки произошло дважды. В 1900 г. три исследователя-ботаника Г. де Фриз (в Голландии), Э. Чермак (в Австрии) и К. Корренс (в Германии) одновременно и независимо установили основной генетический закон о “расщеплении” наследственных признаков, об их несмешиваемости в потомстве. Интересен, хотя не уникален, факт “одновременности” открытия несколькими учеными. Самое же поразительное заключалось в том, что “тройственное” открытие оказалось вовсе и не открытием, а всего лишь повторением. Открытие было сделано на тридцать с лишним лет раньше любителем-опытником, как сказали бы теперь монахом, из города Брно, который в свободное от сношений с небом и от уроков в школе время (преподавал он естествознание) любил повозиться на монастырском огороде, причем делал это отнюдь не из потребности в продовольствии, а для изучения природы. На протяжении восьми лет отец генетики Грегор Мендель кропотливо выращивал и изучал растения гороха (доведя число исследованных растений до десяти тысяч), что позволило ему установить закономерности наследования “родительских” признаков при скрещивании различных сортов, а затем опубликовать полученные данные в провинциальном, никем не читаемом журнале. Современники (в их числе Чарльз Дарвин) не заметили скромной публикации, а ее автор умер в без-

вестности, подтвердив еще раз истину, согласно которой оказаться дальнорским в науке столь же грустно, как быть близоруким...

Тридцатилетний промежуток между двумя рожденьями законов наследственности не прошел бесследно для генетической науки, находившейся еще в зародыше. В этот скрытый, “инкубационный” период возникают идеи августа Вейсмана – о существовании наследственного вещества, Гуго де Фриза – о мутациях... Однако лишь после “воскрешения” законов Менделя бытовавшие как бы сами по себе идеи разных ученых стекаются в лоно новой науки генетики, а вскоре американский биолог Т.Г. Морган привлекает к изучению наследственности методы цитологии – науки о живой клетке. Благодаря микроскопу происходит буквально прозрение генетики. Морган не просто разрабатывает теорию, согласно которой “носителем” родительских признаков являются окрашиваемые тельца в ядре клетки – хромосомы, но и пытается раскрыть их внутреннее строение. Согласно его взгляду хромосомы представляют собой как бы цепочку, каждое звено которой есть не что иное, как единица, атом наследственности, получивший наименование гена. Объектом исследований Моргана – исследований, в результате которых фундамент генетики оказался окончательно достроенным, – была дрозофила.

Как поется в современной песенке:

Муха по свету летала
И в пробирочку попала...

Дрозофила привлекла исследователей удобными для наблюдения хромосомами. Не менее важно, что мухи очень быстро плодятся, каждые десять-двенадцать дней появляется новое поколение, двадцать пять-тридцать поколений в год, на которых можно быстро выявить наследственные изменения. Подобные опыты со слоном заняли бы столетия. (По-видимому, иными словами, превращение мухи в слона не всегда целесообразно.) Только вирусы и бактерии, введенные в генетический “оборот” в середине 1940-х гг., с их неизмеримо более высокими скоростями размножения, сумели потеснить позиции дрозофилы в генетике, хотя далеко еще не вытеснили ее. Вся хромосомная теория, вся теория мутаций – изменений в генах, а также связи между мутациями и хромосомами – все это было выделено и проанализировано с помощью дрозофилы. За сорок лет на дрозофиле изучили 600 мутаций.

Однако плодовая мушка оказалась превращенной в слона значительно раньше, чем мог предположить доктор биологических наук Дубинин...

...Всякий раз после очередного разноса в лаборатории становилось неприглядно тихо. У людей – особенно молодых – опускались руки. “Неужели не можете достойно ответить?” – упрекали они “старичков”. Дубинин собирал сотрудников: “Что за панические настроения? Надо работать, спокойно работать!”

Говорить это было много легче, чем делать. И все-таки они делали интересные работы – и “старички” и молодежь. Начал исследования по полиплоидии – выведению плодовых форм растений с увеличенным против обычного числом хромосом – В.В. Сахаров. Молодой Иосиф Раппопорт, получив мутации генов путем химического воздействия, совершил открытие мирового значения. В 1946 г. Академия наук СССР избрала Дубинина своим членом-корреспондентом, отметив тем самым успехи представляемого им направления.

...Незадолго до войны Дубинин наблюдает в Воронеже и его окрестностях за тем, как плодовые мушки приспосабливаются к различной обстановке – к условиям сельской местности и к более мягким городским условиям. Оказывается, вид распадается как бы на две расы, причем удается установить связь изменений в организме с изменениями хромосом. Из этих опытов следует, что под влиянием созданной человеком среды появилась новая раса насекомых.

В конце войны Дубинин, активно продолжавший работу по эволюционной генетике, рассматривая ее как экспериментальное развитие дарвинизма, снова приезжает в Воронеж, чтобы выяснить, как изменилась мушинная раса в суровых условиях полуразрушенного города.

Он приходит к выводу, что изменившаяся среда изменила самих насекомых.

Это исследование Дубинина в докладе на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. академик Т.Д. Лысенко представил как пример полнейшего отрыва от жизни “якобы наиболее выдающегося из наших морганистов”. Если бы противников генетики хоть в какой-то мере интересовала научная истина, то вместо того, чтобы приписывать “инакомыслящим” взгляды Вейсмана о неизменности гена, которых они, разумеется, не разделяли (проф. Кольцов высказывался решительно против этого еще в 1915 г.), они должны были бы приветствовать эту работу Дубинина: ведь в ней – пусть по-иному объясняемое – доказывалось влияние среды на наследственность!

В самом деле, отрицать зависимость организма от среды – значило бы отрицать эволюцию. В 40-е гг. XX в. расхождения между представителями двух направлений в биологии заключались совсем в другом.

Всякий признак когда-то приобретает. Вопрос в том, как это происходит. А отсюда возникает другой – уже практический – вопрос: как управлять процессом приобретения признаков или как проводить селекционную работу? “Наследственность не в состоянии непосредственно реагировать на изменения окружающей среды, – утверждали генетики, – механизм воздействия гораздо сложнее”. За это их называли “антимичуринцами”.

Между тем еще в 1939 г. Дубинин написал книгу об Иване Владимировиче Мичурине, о методах и теоретических основах его работ. И отнюдь не вина автора, что в течение многих лет эта книга, как, впрочем, и другая его книга – по эволюционной генетике, существовала лишь в виде рукописи и до 1966 года была мало кому известна.

Внимательно, шаг за шагом прослеживая эволюцию во взглядах естествоиспытателя за долгие шестьдесят лет селекционной деятельности, автор показывает, что Мичурин “твердо шел к синтезу своего учения с новыми достижениями генетической науки”. Незадолго до своей смерти в 1935 г., Иван Владимирович писал профессору Кольцову: “...Ваше желание тесней связаться с моими работами целиком отвечает моим желаниям, и я, по мере моих сил и знаний, постараюсь эту связь поддерживать...”

VI. Член-корреспондент Дубинин стал работать в Институте леса у академика Сукачева. Зимой он появился в Зоологическом музее Московского университета и, по странному совпадению, рядом с аудиторией, где студентом слушал Кольцова, опять поступил в обучение – на сей раз к му-

зейным препараторам. Вместе с несколькими сотрудниками он готовится к экспедиции в долину реки Урал, чтобы в тамошних лесополосах изучать ...птиц.

Он любил те охотничьи заповедные места – степное раздолье, волю, сторожкий лет уток на заре... Но теперь он собирается не на отдых, на работу. Постепенно увлекаясь новым для себя делом, изучает орнитологические фолианты. Вместе с сотрудниками-“соучениками” покупает в складчину у Елисеева белых куропаток – надо научиться разделывать птичьи тушки, а мясо... его отдают учителям-препараторам на обед. Потом для “экзамена” понадобилась птичка помельче, Дубинин вышел во двор и одним выстрелом сбил с ветки воробья. У него верный глаз.

Семь сезонов провел со своим отрядом Дубинин в лесных полосах на трассе гора Вишневая – Каспийское море, исходил уральскую пойму от степного Оренбуржья до пустынь под Гурьевым. Где-то тщетно ждали поклонов, а он, разбив лагерь на берегу реки, слушал птичьи голоса, наблюдал птичьи повадки, открывал для себя новый, неизученный мир.

“...Я жрец истины... если бы я умер у нее на службе, что особенное совершил бы я тогда...” – теперь он вправе повторить эти слова, относя их к себе и своим товарищам...

Он имеет право повторить эти гордые слова, но не в силах этого сделать. Он органически не способен к унынию, а от проповедей его всю жизнь разбирает смех. Какой он “жрец”?!

По весне, на утренней зорьке, ему хорошо сидеть “на гнезде” – не дыша следить за ловкой работой пичуг в полевой бинокль, ставя “точки” секундомером. У него даже появились свои любимцы – чудесные, маленькие, как колибри, ремезы. Трогательную птичью парочку в экспедиционном отряде прозвали Ромео и Джульеттой, даже собрались было сочинить детскую книжку про них – как вьют они гнездышко, похожее на пуховую варежку (“палец” служил им входом), как заботится о своей Джульетте маленький Ромео, пока Джульетта высидивает птенцов, о самих этих птенчиках-ромео-чиках размером с горошину.

Хорошо было жить на природе, не стараясь “подмять” ее, а лишь наблюдая. Наука требовала жертв – тогда приходилось заряжать ружье. Дубинин стреляет без промаха, но старается этим не злоупотреблять. Чтобы выяснить для науки птичье меню, предлагает такую методику: вытащив из гнезда птенцов, перевязывать им зобики и сажать обратно... Когда зобик набухал от заглотанной пищи – снова лезли на дерево, извлекали букашек, иногда еще живых, и распускали узел. Расти, птенец!

Еще и так проводили перепись птичьего населения: втроем шли цепочкой по лесу метрах в тридцати друг от друга и слушали голоса. Кто шел слева – слушал левую сторону леса, кто шел справа – слушал правую. В середине шагал Дубинин и для контроля прослушивал весь лес.

Он и сам был, как птица, жестоко, с подрезанными крыльями, отпущенная на волю, но, неисправимый жизнелюб, он снова готов был распевать, как Веселый трубочист в детской сказке:

Пять рыцарей отважных,
Веселых пять сердец...

В отряде их было семь, а не пять, но не в этом дело... Он гнал от себя непрошенные воспоминания – все прошлое было далеко-далеко отсюда, от мест, где июньская мошка была куда ужаснее августовской дискуссии. Здесь, в подлинной жизни, все это казалось суетой сует.

Но в далеком-далеке от генетики, занятый вовсе не знакомым поначалу делом, он остается самим собой как ученый – серьезным исследователем. Предлагает даже собственный метод географического картирования фауны, позволивший, по мнению специалистов, по-новому подойти к некоторым проблемам зоологии. По сию пору Дубинина приглашают на орнитологические конференции.

Да, он стал тогда вполне приличным орнитологом, написал даже две книги о птицах... Но зимой, по окончании полевого сезона, с превеликим трудом раздобывал в библиотеках иностранные научные журналы, внимательно следил за всеми работами по генетике. И на это надо было иметь мужество – читать об успехах коллег, не имея возможности сказать свое слово.

А генетика не топталась на месте, она становилась одной из самых “успевающих” наук. Каждый год приносил новые победы. Достаточно упомянуть о такой: было ясно доказано, что основой наследственности, материальным носителем генетической информации являются нуклеиновые кислоты ДНК – их структуру удалось расшифровать. Разумеется, Дубинин мог бы поставить микроскоп у себя дома, раздобыть – хотя это было не просто – “чистые линии” мух... и что-то делать, как кустарь-одиночка. Но затворничество вовсе не по натуре ему. А помимо всего, это просто бессмысленно – и потому, что эпоха кустарных открытий минула, и потому, что он не смог бы никому сообщить о своей работе, – а через месяц или через год ее независимо от него сделал бы кто-то другой. В наши дни идеи носятся в воздухе. Оставалось одно – читать, чтобы не отстать от времени, читать и думать, этого ему никто не мог запретить. И он думал. И читал – с болью и с надеждой, пряча боль за обычной своей озорной жизнерадостностью и без усилия выказывая надежду.

VII. В декабре 1943 г. на стадионе в Чикаго заработал первый атомный котел, разожженный Энрико Ферми. 16 июля 1945 г. в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, был произведен ядерный взрыв. Через двадцать дней в Хиросиме состоялось трагическое знакомство человечества с последними достижениями новейшей физики. Все это имело непосредственное отношение к судьбе Николая Дубинина – еще более непосредственное, чем к судьбе каждого из нас.

Пуск реактора на стадионе в Чикаго означал, что на смену веку электричества пришел ядерный век – хотя люди осознали это позже, после Хиросимы, водородных бомб, пуска первых атомных электростанций. Расщепление атомного ядра не оставило без влияния ни техники, ни медицины, ни политики, ни человеческой психологии.

Дубинин вернулся к “своим мухам” через восемь лет после разлуки – чтобы организовать лабораторию радиационной генетики. Она была вызвана к жизни насущными нуждами ядерного века.

Прочем, мух-то и не было. Ведь для экспериментов нужны “чистые ли-

нии”, выведение коих требует долгого времени... Существовавшие же раньше линии мух пропали.

Пришлось добывать мух всеми возможными путями. Получали бандероли – драгоценные коробочки с пробирками от зарубежных коллег. Писатель Олег Писаржевский вспоминал о ночном звонке, которым поднял его известный физик академик Арцимович. Академик звонил с аэродрома – просил помочь спешно найти адресатов драгоценной посылки с живым содержанием: он привез шкатулку с Международного конгресса по термоядерной энергии для генетика Дубинина и не знал, чем кормить обитателей этой шкатулки... Несколько линий вывели из диких мушек, пойманных Дубининым на даче в Домодедове. Теперь эти линии – Д-32 (Домодедово-32), Д-18 и другие – известны многим генетическим лабораториям.

Трудно было не только с мухами. Не было генетиков, за исключением нескольких старых товарищей, “выуженных” из различных “прибежищ”. Не было помещения. Начиналась эпоха, увековеченная Вергилием лабораторного масштаба:

...Сначала вовсе по домам,
Потом в худом сарае, –
Но и сарай казался нам
В те дни заветным раем...

...Истосковавшиеся по любимой работе люди с таким жаром взялись за дело, что их молодые, неопытные помощники вскоре оказались во власти всеобщего энтузиазма.

Человек и радиация!

Первоклассные исследовательские институты в различных странах работали над этой “проблемой века”. Ядерные взрывы повсеместно повысили природный уровень радиации. Нейтроны, жесткие гамма-лучи, которые раньше наблюдались лишь в ничтожных количествах в тиши лаборатории, после каждого ядерного взрыва ливни обрушивались на огромные пространства. Радиоактивные осадки выпадали у полюсов и на экваторе. Радиоактивные вещества – стронций, цезий, углерод – жадно поглощались растениями и вместе с пищей попадали в организм животных и человека, постепенно накапливаясь в тканях. Однако по сравнению с облучением, которому подверглись жители Хиросимы, облучение от этих причин казалось ничтожным. Какими последствиями оно угрожало человечеству? Представляло ли это опасность, и если представляло, то какова величина опасности? Для ответа на этот вопрос X сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1955 г. решила создать Научный комитет по атомной радиации. Дети всех народов и классов нуждались в защите в одинаковой мере. Физики, медики, радиобиологи, гигиенисты, генетики – ученые многих стран объединили усилия, чтобы установить, какую действительную опасность несет повышение радиоактивного фона планеты из-за дальнейших испытаний ядерного оружия.

Генетики сумели найти с физиками и химиками общий язык задолго до Чикаго и Хиросимы. Начиная с Меллера работы по радиационной генетике выполнялись на понятном физикам “наречии”. А работы В.В. Сахарова, И.А. Рапопорта – сотрудников Кольцовского института экспериментальной биологии, – Шарлоты Ауэрбах (Англия), впервые получивших мутации от

воздействия на хромосомы химическими веществами, имели ярко выраженный химический “акцент”.

Те же биологи, которые упрямо твердили, что биологические закономерности нельзя свести к законам физики и химии, и по этой причине всячески противились проникновению в биологию физических и химических методов исследования – оказались совершенно неподготовленными к встрече с ядерным веком. Они оказались обезоружены перед его проблемами. Лишь благодаря генетике человечество вошло в атомный век с пониманием опасностей, грозящих не только ему самому, но и далекому его потомству.

...Доктор биологических наук Милица Альфредовна Арсеньева, сотрудница лаборатории радиационной генетики, давнишний, еще с аспирантских времен, товарищ Дубинина – в конце 1920-х гг. они вместе начинали у проф. Серебровского на Смоленском бульваре – весной 1961 г. в составе советской делегации приехала в Женеву на сессию Научного комитета ООН.

Она приехала в Женеву не с пустыми руками. Были добыты убедительные доказательства того, что безвредного повышения радиационного фона Земли попросту не существует. Малейшее усиление радиации вызывает новый поток наследственных повреждений.

Малейшее усиление, малая доза... Где граница между малейшим и малым, между малым и средним?.. Нужны были какие-то осязаемые цифры – количественная мера радиоактивной опасности. Научный комитет на своей предыдущей сессии принял рекомендацию Национальной академии наук США считать такой мерой (дозой облучения, при которой естественная частота мутаций удвоится) приблизительно 30 рад.

Американские ученые получили такие результаты в опытах с мышами. Оставалось, однако, неясным, можно ли эти данные распространить на человека. Вместе с доктором биологических наук Г.Г. Тиняковым – тем самым, который за четверть века до того входил в команду “челюскинцев”, – М.А. Арсеньева сравнила по радиочувствительности мышей с обезьянами – как с наиболее близкими человеку животными. Эти данные послужили основой для расчетов Н.П. Дубинина, с которыми Арсеньева приехала в Женеву.

Но в толстом ее портфеле, помимо этих расчетов с “косвенными” аргументами припасены были козыри – результаты прямых опытов, подтвердивших теоретические расчеты. Объектом исследований служили ткани “самого” человека – культивированные в искусственной питательной среде. Облучали живые клетки, чтобы наиболее прямым из возможных экспериментальных путей проверить теоретические расчеты Дубинина. И расчеты подтвердились с блеском. Доза, которая удваивала природную частоту мутаций у человека, оказывалась намного меньше, чем было общепризнано до сих пор: не 30, а всего лишь 10 рад!

Вот с этим-то багажом в портфеле и пришла Арсеньева на заседание в Женевский Дворец наций как полпред советской науки.

Ученые обсуждали “исчерпывающий доклад”, который Научный комитет должен был представить от их имени Генеральной Ассамблее ООН. Проект доклада, составленный секретариатом, лежал перед каждым участником заседания.

– Раздел “Мутационное действие излучений”. Пункт “Концепция удваивающей дозы”, – объявлял председатель, известный индийский генетик Гопал-Энгар.

– Какие есть замечания? – спрашивал секретарь.

Присутствующие просматривали текст и по очереди предлагали поправки.

Когда Арсеньева выступила с замечаниями по поводу удваивающей дозы – их было немало, обсуждавшийся проект составляли люди, почти незнакомые с последними советскими работами по генетике, – заговорил доктор Рассел, крупный американский ученый. Именно его работы составляли основу прежних решений.

– В чрезвычайно интересных данных, которые нам сообщили, – сказал он, – речь идет не о генных мутациях, а всего лишь о хромосомных перестройках.

Это было справедливое соображение, работы самого Рассела на мышах отличались большой тщательностью и размахом, тогда как работы Дубинина и его сотрудников – в силу известных объективных причин – проводились в масштабах куда более скромных и на более “грубом” уровне – уровне хромосом. Если бы ООН была обеспокоена защитой мышей, результаты Рассела были бы неоспоримы. Но при всех минусах у работ Дубинина был главный плюс: они устанавливали зависимость между животными разных видов. Если результаты Рассела были великолепны по технике эксперимента, то дубининские превосходили по их “стратегическому” замыслу.

В стенах, привычных к дипломатическим словопрениям, разгорелся спор искателей истины, не слишком разбиравшихся в светских тонкостях. Как известно, научная истина не определяется большинством голосов. На оппонентов можно было воздействовать лишь фактами...

– Есть работы Дубинина, Хвостовой, Мансуровой по дрозофиле, – доказывала Арсеньева. – Между генными мутациями и хромосомными aberrациями существует корреляция.

– Дрозофила не человек!

– А обезьяна?

Совместные поиски истины, несмотря на явно эмоциональную окраску, которую они порой принимали, в конце концов привели ученых к согласию.

Это кажется поистине чудом – испытывая постоянную нехватку в приборах и оборудовании, при отсутствии элементарных удобств, Дубинин и его сотрудники сумели сказать свое веское слово в решении “проблемы века”. Значение этого слова таково, что оно было во всеуслышание объявлено с трибуны Организации Объединенных Наций.

VIII. Попытки, которые послужили основой для доклада в ООН, проводились в Новосибирске. Здесь должна была начаться новая глава в биографии Дубинина.

Нетрудно понять, почему акад. Лаврентьев пригласил его в Новосибирск. Перекрестное научное “опыление” – вот в чем заключалась идея, вот в чем главным образом проявилось новаторство создателей Сибирского научного центра, поскольку, по общему мнению, крупнейшими открытиями чреваты сегодня именно стыки наук. Образующиеся на стыках науки-”гибриды” обладают поразительной жизнестойкостью, богатством идей.

Новый Институт генетики и цитологии замышлялся с дубининским жаром и сибирским размахом. Создать плацдарм для биологии будущего, разрабатывать важнейшие принципиальные проблемы – вот как ставилась задача, разрабатывать их в содружестве с институтами физики, химии, математики, с сельскохозяйственными учреждениями Сибири.

В начале мая 1958 г. Дубинин во главе “десанта” генетиков прилетел в Новосибирск и отправил разведчиков по селам вокруг будущего Академгородка – искать подходящие для опытов со свеклой теплицы. Для начала сибирского плацдарма Дубинин выбрал работу по полиплоидии. К тому времени генетики овладели рядом практических способов управления наследственностью. Полиплоидия была одним из них...

Дубинина не раз обвиняли в небрежении к запросам практики. Сначала обвиняли преждевременно, затем обвиняли несправедливо: Дубинин не чурался практических задач, но по-прежнему считал, что решать их следует на твердой почве теоретических и экспериментальных исследований – это освободит селекционеров от необходимости брести на ощупь. В первой своей сибирской работе ученый доказывал свою правоту делом: методика оказалась настолько надежной, что работу смело поручили группе молодых людей. До тех пор знакомых со свеклой в основном по винегретам в студенческих столовках.

...После долгих блужданий по окрестностям строящегося Академгородка возглавляемые Вадимом Паниным “разведчики” нашли, наконец, заброшенную теплицу в Нижней Ельцовке. От нее уцелел лишь каркас, ни стекла, ни отопления не было. Принялись за ремонт. Сами стеклили, доставали материалы. Доски для ящиков купили на деньги, предназначенные для отделки дубом кабинета Лаврентьева. “Институт” помещался в одном коридоре с Лаврентьевым, на Северной, 20. А экспериментальная база – в Ельцовке, в частной избе, снятой поблизости от теплицы. Там в четыре руки Женя Панина с Люсей Чугаевой, пользуясь привезенными из Москвы микроскопами, начали эксперименты. Там и спали – на раскладушках, в спальнях мешках.

Терпение и аккуратность – вот что требовалось, как всегда, от селекционеров. И еще раз терпение. Подержать обычные семена проросшей свеклы в растворе колхицина, отмыть, посадить в горшочки. Когда высунутся первые листики, приготовить препарат и разглядеть под микроскопом полиплоидные, с увеличенным числом хромосом клетки. Растения с такими клетками высадить в грунт, собрать и отобрать семена... И так далее и так далее.

По ночам случались еще заморозки – Сибирь! – и тогда в теплице до утра жгли солому. Потом обнаружилось, что свекла болеет – оттого, что почва заражена. И чтобы уничтожить инфекцию, почву варили в ведрах, как кашу... Пятилетняя Женина Света, пока мать возилась со свеклой, играла в теплице в песочек; а когда дома взрослые искали свои полиплоиды, время от времени заглядывала к ним в микроскопы. Света Панина отличилась на лекции Дубинина в Академгородке – его первой лекции по генетике, собравшей многолюдную аудиторию во главе с Лаврентьевым. Света Панина прервала лектора страшным ревом. Но когда на нее зашикали, Дубинин успокоил присутствовавших. “Этот ребенок видел хромосомы”, – сказал он.

Новосибирск 1958 г. ...Самый воздух рождающегося Академгородка пропитан смелостью, фантазией, интеллектом, словом, чем-то таким, от чего на еретиков-генетиков повеяло их собственной молодостью. Из разных

мест съезжаются к Дубинину председатель колхоза Шкварников, специалист по пушному зверю Беляев, зоотехник из Таджикистана Керкис, ленинградец Лутков... Пока строится новое здание будущего института, лаборатории генетиков “распаханы” по другим институтам, по закуткам и коридорам. Но работа уже началась. Планы огромные! За занавеской в коридоре “технологички” изучают функции ДНК. Где-то в другом углу окунают в раствор колхицина семена свеклы. Бурлят семинары. По теории. По генетике растений, животных и вирусов. По генетике рака. По радиационной генетике... Молодежь с упоением впитывает новые для себя генетические идеи.

...Но институт не успел еще развернуться, как его начали обследовать различные комиссии, пытаясь поставить под сомнение намеченные директором научные планы. Несмотря на поддержку академика Лаврентьева и всего руководства Сибирского отделения Академии наук, отстоять Дубинина не удалось... В этой трудной игре генетики решаются на жертву. Дубинину пришлось уволиться “по собственному желанию” – чтобы такой ценой сохранить основанный им институт.

И хотя это уже последняя туча рассеянной бури, еще пять лет пройдет, прежде чем наступит пора подвести итог многолетней битве за правду в науке.

В эти пять долгих лет Дубинин скажет свое слово в проблеме радиационной опасности. Обобщит, осмыслит в своих книгах проблемы радиационной генетики, этого рожденного веком раздела науки. Сияющий от счастья – несмотря на все, что выпало на его долю, он остался куда способнее к радости, чем к горю, – вскоре после полета Гагарина выступит на “космическом” семинаре в своей московской лаборатории радиационной генетики (ЛаРГ). Он вернулся сюда, “сосланный” из Сибири. А “космический” семинар сохранила для истории лабораторная кинолетопись, что ведется студией “ЛаРГ-фильм”.

⟨...⟩ Счастливые лица в тесной, до отказа набитой комнатухе – все в том же “заветном рае”. Первый человек в космосе! Бытовые неурядицы не могут испортить праздничного настроения. И те, кто собрался в тесной комнатке на “космический” семинар генетиков, имеют к великому событию непосредственное отношение.

Задолго до того, как корабль с человеком на борту впервые вышел на космическую орбиту, маршрут был всесторонне обследован с помощью искусственных спутников Земли. В этой разведке наряду с другими широко использовались биологические методы. Первыми “разведчиками” космоса были не только знаменитые Лайка, Белка и Стрелка, но еще и мыши, мухи, микробы, культуры тканей человека (лоскуты кожи, взятые у добровольцев), семена растений, штаммы хлореллы. “Микрокосмонавты” послужили своего рода биологическими индикаторами, регистрировавшими вредные воздействия, которые могут угрожать человеку в космосе; они помогли ученым понять, как сказываются на живом организме различные факторы полета, и предусмотреть необходимые меры для биологической защиты человека в космическом путешествии.

С помощью летающих лабораторий, словно саперы с помощью миноискателей, генетики прощупали будущие орбиты кораблей “Восток” и установили, что они безопасны для человека. Космические лучи, пронизывающие мировое пространство, на этих орбитах не способны вызвать наследственных повреждений. Это был ощутимый вклад ученых-генети-

ков в полет Гагарина. На своем “космическом” семинаре им было что праздновать!

Но служба “Генетика – космосу” вскоре обогатилась обратной связью: “Космос – генетике”. В изданном Академией наук СССР сборнике “Космические исследования”, во втором выпуске первого тома, можно найти посвященную этим вопросам научную статью группы авторов. Имя одного из них известно далеко за пределами круга специалистов. Это П.Р. Попович. Космонавт-4 в опыте с микроспорами традесканции (есть такое растение), проведенном П.Р. Поповичем на тридцать седьмом витке космического полета, через пятьдесят шесть часов после старта, был обнаружен новый вид хромосомных перестроек...

Космонавт-5 В.Ф. Быковский несколько усложнил опыт Космонавта-4. Он “зафиксировал” традесканции трижды во время полета: сразу после выхода на орбиту, непосредственно перед спуском и после посадки. Таким образом, оказалось возможным отделить действие вибрации и ускорений при подъеме и спуске корабля от влияния невесомости и космической радиации.

Не остался в стороне от генетических экспериментов и Андриян Николаев. Он проделал единственный в своем роде опыт с плодовой мушкой дрозофилой. В прозрачном плексигласовом ящичке, разделенном надвое, помещались отдельно самцы и самки дрозофилы. После длительного пребывания в невесомости экспериментатор-космонавт, соединив отсеки, подпустил самцов к самкам. Ученые получили уникальную возможность исследовать влияние длительной невесомости не вообще на организм насекомого, а непосредственно на процессы оплодотворения. При этом исследовать на классическом объекте генетических экспериментов – плодовой мушке дрозофиле.

“(...) Мне были даны судьбой хорошие родители, хорошие учителя, хорошие коллеги, хорошие ученики, хорошие друзья, великие возможности, неизменное везение и отличное здоровье”, – вот каким “комплексом” причин объяснял свои научные достижения знаменитый Дж.Дж. Томсон, “отец” электрона и один из зачинателей современной физики.

У Николая Дубинина были хорошие родители, учителя, лучше которых не найти – Четвериков, Кольцов, Серебровский, хорошие коллеги и друзья, везение, здоровье. И все-таки судьба раскачивала его, как на гигантских качелях: то одаривала головокружительными взлетами, то заставляла расплачиваться жестокими падениями... Окажись область его исканий где-то на окраине человеческого знания, быть может, у него не хватило бы твердости духа. Дубинина укрепляла вера – не только в правоту своих взглядов, но также в исключительную важность избранного направления. Чувство долга поддерживало его. И его старые товарищи, старые верные друзья (...)

И когда на торжествах в старинном городе Брно, в Августинском монастыре, настоятель которого возился сто лет назад с горохом на монастырском огороде, Дубинину – как и коллеге его по кольцовскому институту Б.Л. Астаурову – в числе выдающихся генетиков мира вручали почетную медаль “Грегор Мендель”, Дубинин не мог не вспомнить стихов времен своей молодости – “биологического” переложения пушкинской “Полтавы”:

Сии птенцы гнезда Кольцова
В прменах жребия земного
Не сломлены – закалены
Монаха Менделя сыны...

“Грегор Мендель простер руки над будущим всей биологии!” – заявил на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном столетию великого открытия законов наследственности, Николай Петрович Дубинин.

А вскоре в Свердловском зале Кремля лауреат Ленинской премии Дубинин приколол к лацкану пиджака медаль с изображением человека, которого видел живым здесь на Красной площади, почти полвека назад, 1 мая 1919 г.

Т.А.Джохадзе

Джохадзе Тинатин Акакиевна – доцент кафедры генетики
Тбилисского государственного университета, кандидат биологических наук

В АСПИРАНТУРЕ У НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА

Я впервые встретила с Николаем Петровичем Дубининым в начале 1970-х гг., будучи целевым аспирантом Института общей генетики и Тбилисского госуниверситета. У Николая Петровича были давнишние связи с представителями старой плеяды грузинских генетиков. Его отношение к грузинской школе генетики отразилось и на том внимании, которое он уделял аспирантам и стажерам из Грузии, места для которых регулярно выделялись в руководимом им институте.

После вступительных экзаменов меня определили в лабораторию мутагенеза. Николай Петрович был моим руководителем. Как известно, он был одним из основателей нового направления в мутагенезе – изучение генетических аспектов загрязнения окружающей среды. В качестве диссертационной темы Николай Петрович предложил мне изучение влияния солей тяжелых металлов, загрязнителей среды, на структурные мутации хромосом. С проблемой мутагенеза окружающей среды были связаны научные тематики и некоторых других аспирантов. Это было время, когда исследования по мутагенезу среды только начинались и были немногочисленны. Несмотря на свою необыкновенную занятость, Николай Петрович не забывал регулярно снабжать своих аспирантов подборкой новейших работ в этих направлениях. Также регулярно обсуждались результаты аспирантских работ. Поражала быстрота, с которой Николай Петрович разбирался в представленных для обсуждения данных, выделял в них главное и определял наиболее перспективные направления будущих исследований.

Особенно ярко запомнились руководимые Николаем Петровичем еженедельные лабораторные семинары. Семинары всегда были многолюдны и проходили при активном участии присутствующих. Любая проблема, любой вопрос, представленный на семинаре, подвергался самому подробному ана-

лизу. И каждый раз меня поражало то, что после самых детальных обсуждений на все лады, после того, как вроде бы сказано все по данному поводу, Николай Петрович, выступая с обобщением представленных суждений, умел высказать совершенно новое, истинно главное, чему стоило уделить внимание по данному вопросу. Именно благодаря этим выступлениям Николая Петровича иогеновские семинары стали для меня великой школой генетики. Уверена, что я не оригинальна в этом суждении, тоже могла подтвердить вся аспирантская братия института.

А.С. Шаназарова

Шаназарова Айгюль Согомбаевна – кандидат биологических наук,
доцент Киргизского государственного университета

В ПАМЯТЬ О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

Хорошо помню ноябрь 1972 г., когда я поступила в целевую аспирантуру Института общей генетики. Пришла к ученому секретарю Чумак Марии Григорьевне, и она сказала, что мой руководитель – Николай Петрович Дубинин, академик. Я очень разволновалась. В это время Николай Петрович был в Индии и должен был вернуться в конце ноября. По возвращении его из Индии, я пришла к нему в кабинет. Меня очень приветливо и сердечно встретил невысокий человек с удивительно мягким голосом и необыкновенно синими красивыми глазами. Он пожал мне руку и сказал, что приемная комиссия дала хорошие отзывы обо мне. Николай Петрович дал тему диссертации “Волновая кинетика мутагенеза и фаза клеточного цикла”. В начале я работала в группе К.П. Гариной, но эксперимент не шел, а прошло уже 1,5 года аспирантуры, и в мае 1974 г. меня перевели в группу Лидии Георгиевны Дубининой, и я чаще стала видаться с Николаем Петровичем. Полетели дни и месяцы напряженной работы днем и ночью, проращивание семян, фиксация материала, приготовление и анализ препаратов. Помню, я тайком от Лидии Георгиевны улетела в Ригу на субботу и воскресенье на встречу с родственницей и в понедельник опоздала на работу. Лидия Георгиевна меня строго отчитала и сказала: “После 2 ноября 1975 г. (срок окончания аспирантуры) вы можете ехать куда угодно”. Часто приходилось ночевать в лаборатории. Видя меня, Николай Петрович участливо спрашивал: “Ну, Айгюль, вы еще живы?” Я искренне благодарна Николаю Петровичу и Лидии Георгиевне за их внимание, помощь и поддержку в течение всех лет учебы в аспирантуре. В конкурсе научных работ молодых ученых Института общей генетики я заняла первое место. До сих пор жалею, что не имею снимков моей защиты. На моей защите Николай Петрович сказал, что пройдет несколько лет и Айгюль станет форпостом науки в Киргизии. Однако я не оправдала его надежды и чего достигла – это доцентства в Национальном университете. Многие коллеги мне говорили, ты имеешь такого шефа с мировым именем, надо продолжать научную работу и защищать докторскую диссертацию. После защиты я выбежала из конференц-зала с красивым букетом роз в дирекцию, чтобы поблагодарить Николая Петровича

и он сказал: “Это была самая красивая защита!” Он был всегда вежлив и галантен. Мне, восточному человеку и еще молодому, было очень неловко и странно, что всемирно известный ученый открывает дверь и пропускает вперед аспирантку. У нас, в Средней Азии, старшего человека и тем более именитого, обязательно нужно пропустить вперед, уступить место. Николай Петрович всегда был скромен. Когда я обратилась к нему за разрешением пересдать кандидатский минимум по генетике с “четверки” на “пятерку” (я поступила в аспирантуру со сданными минимумами), он ответил: «На “пятерку” генетику не знаю даже я». В 1980 г. в июне месяце во Фрунзе состоялась выездная сессия АН СССР и Николай Петрович был в составе делегации. Я пришла в Институт биохимии, куда должен был приехать с минуты на минуту Николай Петрович с букетом гвоздик. Увидев Николая Петровича, я подошла к нему и преподнесла цветы. Но он сказал: “Ну что вы! Это вам!” Все это очень не понравилось нашим чиновникам. На общем собрании АН КиргССР Николай Петрович назвал мою фамилию и отметил, что я – его ученица, владею современными методами исследований и рекомендует меня на должность заведующего открывающейся лаборатории генетики. Но наши чиновники “успешно” спустили на тормозах эту идею. По возвращении с озера Иссык-Куль Николай Петрович жаловался на чрезмерное чиновничество со стороны руководителей нашей Академии. Это говорило о его высокой интеллигентности, скромности и порядочности. Я храню три книги Николая Петровича с автографами и пожеланиями: “Вечное движение”, “Потенциальные изменения и ДНК”, “Общая генетика” как святую реликвию, как память о лучших годах моей жизни.

В 1986 г. я была на стажировке в МГУ и Лидия Георгиевна пригласила меня на свой день рождения. За столом были родственники. Лидия Георгиевна представила меня: “Это любимая аспирантка Николая Петровича”. Не знаю, насколько объективны эти слова, но такие факты, как работа всей группы на мою диссертацию, постоянный контроль и требовательность Лидии Георгиевны, ускоренный выход моих статей, досрочное представление диссертации к защите, дают основание думать об особом расположении ко мне Николая Петровича.

Я благодарна судьбе, что в моей жизни был такой великий человек, который дал мне путевку в жизнь!

Годы учебы в аспирантуре, редкая возможность иметь такого руководителя как Николай Петрович – это поистине счастье, данное человеку свыше!

Я всегда буду любить и помнить этого человека.

ИСКУССТВО В ТВОРЧЕСТВЕ АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА⁴⁴

Угасло яркое звездное сияние общепризнанного в мировой генетике великого ученого-генетика, совести и гордости русской генетики – академика Николая Петровича Дубинина. Жемчужинами своих достижений, как предвестник неоклассической и молекулярной генетики, он озарил путь развития мировой генетики, став борцом за истину в науке. Двадцатый век – век Дубинина, который всю свою жизнь отдал любимой науке. Своей прометеевской силой и силой очарования, скромностью и богатством русской души как человек, ученый, педагог, общественный деятель и борец за счастье людей в своей стране и во всем мире, для современников Дубинин жив и сегодня, а для будущих поколений он бессмертен. Его ученики и друзья имели редкое счастье жить и работать в атмосфере, осененной его творческим вдохновением и глубокой мудростью, его нравственной чистотой и стремлением к прекрасному, страстной любовью к природе и людям. Высокая и разносторонняя образованность, умение думать, говорить и писать с богатым воображением и художественным слогом объясняют огромный интерес к его книгам, статьям, докладам, лекциям и т.д.

Вопреки трудностям и обидам, которые вытерпел Дубинин от некоторых своих современников, он сумел сохранить беспредельную и непоколебимую веру в торжество генетики, как науки, жизненно важной для развития общества. Вот причина того, что величие его гениальной личности столь крепко вросло в сознание генетиков. И сегодня интерес к жемчужинам творчества Дубинина возрастает. Каждое поколение дает свои оценки, и всегда будет оставаться что-то новое, что скажут о нем будущие поколения.

Титанические личности, такие как Леонардо да Винчи, А.С. Пушкин, В. Гете, Гео Милев и другие, жемчужинами своих шедевров в науке и творчестве обогатили человечество. Великое счастье испытываешь и увлеченно читая художественные рассказы Дубинина о науке, природе, о его личных переживаниях, завораживает пьянящая музыка его стихов. Наиболее ярко художественное мастерство проявляется в книге “Вечное движение”, опубликованной тремя изданиями (1973, 1975, 1989 гг.). В 1974 г. в Киеве проходило обсуждение первого издания книги, но, к сожалению, у меня нет информации о тех рецензиях.

Талант научного мышления, мировосприятия и эмоционального самовыражения ставят Дубинина в ряд с Леонардо, Гете и другими столь же великими личностями.

Дубинин проявил яркое стремление к истине не только в научном поиске. Своими художественными рассказами о любимой науке Николай Петро-

⁴⁴ Пер. с болгарского И.Н. Овчинниковой.

вич стремится убедить, увлечь молодежь к истине, к стремлению развивать эту науку, так как с ней связано развитие человечества – развитие сельского хозяйства, медицины, борьба против загрязнения окружающей среды, изучение Космоса, проникновение в тайны Человека. Книга “Вечное движение” – это увлекательное научно-художественное произведение о науке, о наследственности и изменчивости организмов.

Автор еще в предисловии подчеркивает, что главный герой книги – генетика, но это не учебник или рассказ о ее законах, это биография науки как живого героя, с борьбой за истину, за превращение ее в производительную силу общества. Волнующие и увлекательные рассказы главного героя одновременно переплетаются с невероятно яркой жизнью и переживаниями автора. И таким образом он сам становится вторым главным героем книги. “Вечное движение” – это талантливая художественная галерея, картины которой рассказывают о различных периодах развития главного героя, о жизни второго ее героя, который всем сердцем проник в жизнь любимой науки и отразил ее чувствительную душу.

Художественные названия глав, проникновенно описанные портреты ученых и друзей, живописное отражение картин природы, мудрые рассуждения о науке и искусстве раскрывают неповторимые и яркие прозрения, символы жизни и смерти, добра и зла, света и мрака, мастерство творческой личности, благословенной души природы...

Острый наблюдательный взгляд и глубокая чувственная душа автора, выраженные посредством его талантливого пера, оставляют магические следы у читателя, которые его облагораживают и дают ответы на неразгаданные вопросы... О природе Дубинин пишет: “Природа всегда составляла для меня тот громадный, таинственный и вечный мир, к которому был неотрывно обращен духовный строй всего моего существа... это великая жизнь природы, раскрывалась вокруг меня и во мне во всей глубине своей неизъяснимой тайны, в огнях, звуках, свете и в вечном движении...”. Дубинин не дает объяснения этой невероятно сильной органичной связи с природой и непрестанному его стремлению в летние месяцы отправляться на природу...

Эмоциональное напряжение, оптимизм и вдохновение ощущаются на протяжении всей книги, мы открываем для себя разностороннюю эрудицию автора, который открывает нам не только достижения в области генетики, но и физики, философии, мы погружаемся в мир классической и современной русской и мировой литературы, живописи, музыки, драматургии, театра. Кажется невероятным, что этот уникальный ученый, с нелегкой жизнью переживая столько трудностей и оставаясь лидером генетики после ее разгрома с достоинством, мужеством и великим терпением ведет науку к победе и возрождению и в то же самое время успевает охватить огромные богатства мировой культуры и внести в нее свой вклад. (...)

Утонченная психика Дубинина не ограничивается слиянием с природой для воссоздания ее величия, но ставит ряд уникальных вопросов и проблем, которые носят универсальный характер и звучат с общечеловеческим пафосом. (...) Дубинин пишет о том, что в природе все красиво, и, что каждый творчески работающий человек творит эту красоту и в искусстве и в науке, а задача ученого – обогатить жизнь на земле своими успехами, а не сеять смерть. Он учит, что добро и зло не записаны в наших генах, а создаются в

ребенке, пробуждая его сознание. Природа познания бескрайна, как вечное движение в совершенствовании человека.

Дубинин должен был быть больше, чем лауреат Нобелевской премии, но жил в трагичную эпоху и потому оценка его, как одного из самых крупных ученых 20-го века, которую давали и продолжают давать ему во всем мире, обращаясь к сокровищнице его неоценимого творчества, стремится к самой вершине общественной признательности и любви к бессмертному ученому, художнику, сердцеведу. {...}

София. 9 мая 2000 г.

* * *

ДОРОГОМУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ПОСВЯЩАЮ!

Я тихо соберу цветы, такие
милые, простые,
Чтобы сложить у Ваших ног.
Пусть Ваши мысли и дела
святые
Возвышатся над миром как
счастья пролог.
Я подойду к Вам и скажу:
“Спасибо, дорогой борец,
за счастье с сотнями потерь”, –
Но в этом слове Вы увидите
земной поклон
От всех людей, кто мирно
трудится теперь

2 ноября 1974 г.

Г. Демчук⁴⁵

Б. Волков, В. Келер

В ВЕЧНОМ ДВИЖЕНИИ⁴⁶ (Диалог о биологии)

Т.В. Загуменная: Сегодня, когда речь заходит о биологии, только и слышишь: в последние десятилетия эта наука превратилась в одну из самых прогрессивных и расцветающих, физику даже обгоняет...

⁴⁵ Демчук Галина – председатель совета Ленинской комнаты-музея Маяковской школы-интерната Луцкого района Вольнской области, учащаяся 10-го класса.

⁴⁶ “Учительская газета”. 1975. 29 ноября. Этот “Диалог” был признан лучшим материалом в редакции и вывешен там на почетную доску. {...} (из письма В. Келера Н.П. Дубинину от 4 декабря 1975 г.) (Примечание составителя).

Н.П. Дубинин: Может быть, это звучит трафаретно, но достижения и перспективы современной биологии действительно таковы, что человечество все шире воспринимает теперь мысль о смене “лидерства” в естествознании. Биология выходит на передний край естественных наук, где до последней поры царила физика. Глубина и масштабность биологических исследований изменили естественно-научное, философское понимание явлений жизни, необычайно расширили связь биологии с практикой.

Т.В. Загуменная: Все, конечно, именно так и обстоит. Но школьники, особенно те, которые бредят физикой, слов на веру не принимают...

Н.П. Дубинин: И правильно поступают. Надо сделать так, чтобы они уже в школе хорошо представляли себе, что в центре этих событий, о которых мы ведем разговор, стоят молекулярная биология, общая и молекулярная генетика.

Т.В. Загуменная: Генетикой пока интересуются немногие. Существуют большие трудности в преподавании этой сравнительно новой науки.

Н.П. Дубинин: Проблема интереса – проблема мастерства учителя. Мне как-то пришлось в редакции “Пионерской правды” беседовать с учениками московских школ о генетике. А потом ко мне в Институт общей генетики явилась тринадцатилетняя девочка Таня Куриц. Она сказала, что учится на “отлично” и мечтает стать генетиком. Мы привели Таню в лабораторию, она устроилась на высоком стуле и долго рисовала увиденные под микроскопом хромосомы. Очевидно, Тане повезло: у нее уже тогда (а было это лет десять назад) оказался учитель-мастер.

Т.В. Загуменная: Кроме мастерства, учителю нужны еще и современные знания.

Н.П. Дубинин: Это безусловно. Надо обращать внимание учителей-биологов, постоянно обращать, без устали, на то, что переход анализа жизненных явлений на новый молекулярный уровень связан с использованием в качестве объектов, наряду с человеком, животными и растениями, таких “удобных” форм, как бактерии, фаги, вирусы. Они-то и проложили дорогу для внедрения новейших методов физики, химии, математики, кибернетики и других точных наук.

Т.В. Загуменная: Следовательно, современный этап развития генетики можно считать синтетическим. Ведь именно на этом этапе открылись фантастические перспективы в познании глубин организации и функции жизни. Переломным моментом здесь, видимо, послужило открытие в 1953 г. структурной и функциональной природы молекул ДНК, тех, которые служат в клетке хранителем старой и источником новой наследственной информации.

Н.П. Дубинин: Все это четко должны представлять себе школьники, особенно те, которые, как вы сказали, “бредят” физикой. Создалась единая платформа сотрудничества генетиков, физиков и химиков в исследовании закономерностей наследственности. Очевидно, что преемственность поколений и непрерывность жизни обусловлены молекулами ДНК, а не белков, как считали раньше. Под влиянием нуклеиновых кислот в каждой клетке формируются специфические белки – ферменты. Они и обуславливают характерные для соответствующих организмов черты обмена веществ.

И вот что удалось выяснить: ген – это не неделимая корпускула (так думали на этапе классической генетики), а сложная система, являющаяся частью еще более сложной системы – генотипа (совокупности всех наследственных факторов организма). Индийский ученый Г. Корана и его группа произвели химический синтез гена для дрожжевой аланиновой транспортной РНК (т-РНК). Полученный ген присоединили к инфицированной ДНК фага и вместе с ней ввели в бактерию кишечной палочки (*E. coli*).

Т.В. Загуменная: Мне приходилось слышать и о другом выдающемся открытии в биологии последних лет – о разработке условий для искусственного самоувождения ДНК в бесклеточной системе. Как можно себе это представить?

Н.П. Дубинин: У вирусов и бактерий молекулы ДНК существуют в форме замкнутого кольца. В таком виде они и служат матрицей для фермента ДНК – полимеразы. Замыкание в кольцо молекул ДНК производит другой фермент ДНК-лигазы. Он способен восстанавливать разрывы в цепях ДНК. Оба этих фермента у вирусов могут синтезировать ДНК в пробирке. С помощью такой системы, применяя в качестве матрицы молекулу ДНК фага, была синтезирована активная инфекционная ДНК фага. Дальнейшие исследования позволят проникнуть в глубинные механизмы репликации (отпечатывания) ДНК и хромосом, а вслед за тем и вмешаться в сами эти процессы.

Т.В. Загуменная: Значит, ферментология генетических процессов помогла решить вопрос о ферментативном синтезе гена. Первым шагом в биосинтезе белков стал, если я не ошибаюсь, синтез на матрице гена (транскрибирование особой молекулы информационной рибонуклеиновой кислоты (и-РНК). Школьники знают, что такие молекулы представляют собою как бы негативные копии генов. Они уходят в цитоплазму и там в особых структурах – рибосомах, программируют синтез специфических белков.

Н.П. Дубинин: Совершенно верно. Оказалось даже возможным выделить молекулы информационной РНК определенных генов в пробирку. В этих условиях работа особого фермента – обратной транскриптазы – приводит к синтезу определенного гена. Такой ферментативный синтез генов глобина кролика, человека и других организмов был выполнен в США в 1972 г. Через год ген глобина кролика ферментативно синтезировали в Институте общей генетики АН СССР совместно с работниками АН УССР и ген глобина утки в Институте молекулярной биологии АН СССР.

Сегодня выглядят перспективными и результаты работ с плазмидами. Эти молекулы ДНК, существующие в цитоплазме помимо хромосом. Их можно разрезать особыми ферментами – рестриктазами и в места разрезов вставлять тот или иной генетический материал.

Т.В. Загуменная: Мне кажется, что одним из важных и перспективных в биологии сегодняшнего дня вопросов является сущность дифференцированного программированного управления процессами развития особи от оплодотворенной яйцеклетки до взрослого организма. Здесь так еще много загадочного.

Н.П. Дубинин: Загадочного много, хотя и удалось узнать такую, например, удивительную вещь: клетки тела на протяжении всего индивидуального развития сохраняют полный объем генетической информации. Однажды экспериментаторы пересадили ядра из клеток кишечника головастика в те

яйцеклетки, из которых предварительно были удалены ядра. И что же получилось? Нормальные лягушки! Выведены целые нормальные растения из отдельных соматических клеток листа, стебля, корня. В частности, растение моркови из одной клетки корня. Факты говорят сами за себя: в дифференцированной клетке сохраняется полная генетическая информация, а прекращение функционирования отдельных генов на определенных стадиях онтогенеза является обратным. Очевидна важность и перспективность установления механизма процесса онтогенеза. Как это полезно в селекции растений и животных!

Т.В. Загуменная: Нас, учителей-биологов, особенно интересует такое новое направление современной биологии, как генетическая инженерия. Фантастические задачи стоят перед этим направлением – моделировать желательные для практики и науки формы генетических программ и последующее их воплощение в живых организмах! Генетическая инженерия вскружит голову не одному будущему, а может быть, и сегодняшнему школьнику. Интересный материал для факультативных занятий {...}

Н.П. Дубинин: Генетическая инженерия создает качественно новые возможности для управления жизнью, далеко превосходящие то, что давали до сих пор обычные методы генетической селекции.

Возникла генетическая инженерия на базе теории гена и интенсивного развития физико-химических методов в приложении молекулярной биологии. Методы генетической инженерии приложимы к организму в целом, к тканям, клеткам, хромосомам, генам, молекулам, ДНК {...}

Разработаны, например, методы гибридизации соматических клеток, при которых соматические клетки сливаются, объединяя тем самым генетическую информацию двух клеток. Получен клеточный гибрид “человек – мышь”. Он содержит 43 пары хромосом; из них 23 пары – от человека, 20 – от мыши. При размножении данного гибрида клеток судьба этих хромосом оказывается различной: человеческие хромосомы постепенно элиминируют. Последний факт позволяет проследить исчезновение или сохранение определенных биохимических свойств гибридной клетки и тем самым установить связь отдельных генов человека с соответствующими хромосомами.

Т.В. Загуменная: Я читала об интенсивной разработке методов искусственного оплодотворения яйцеклетки млекопитающих в пробирке и о выращивании в этих условиях эмбрионов. Стало быть, мы сумеем получить в будущем формы животных и растений с ценными хозяйственными признаками?

Н.П. Дубинин: Сомнений здесь никаких нет. А вы знаете, насколько перспективен в генетической инженерии метод трансгенеза с внесением отдельных генов в клетки организма? Для медицинской генетики, которая ведет борьбу со всякого рода наследственными заболеваниями, это особенно ценно. Открываются перспективы в замене дефектных генов человека нормальными. Вспомните, что 4 процента новорожденных в каждом поколении – носители тяжелых наследственных недугов.

Т.В. Загуменная: Николай Петрович, вы участвовали в научном симпозиуме, который проходил летом в Пермском педагогическом институте. Там обсуждался дифференцированный подход к психофизиологии человека и соответствующие генетические проблемы. Думается, что на стыке психоло-

гии, физиологии, генетики и медицины будут получены в ближайшее время интереснейшие данные.

Н.П. Дубинин: Сегодня как никогда актуальна проблема соотношения социального и биологического в развитии человека. Грандиозная по своим масштабам проблема! Она действительно требует объединения сил генетиков, педагогов, философов, социологов, психологов, физиологов и медиков. Предстоят исследования, связанные с выяснением роли духовной и материальной культуры для формирования личности, ее психофизиологических особенностей. Перед нами вплотную встала задача изучить природные задатки детей. Все направлено к тому, чтобы достичь эффективного индивидуального обучения, профориентации и других оптимальных подходов к формированию личности. И решить это возможно только на стыке разных наук.

В Институте общей генетики действует методологический семинар. В нынешнем и в будущем годах он посвящен проблеме социального и биологического. Скоро в издательстве “Наука” должна выйти монография на эту тему, написанная мною совместно с Ю.Г. Шевченко. А в марте 1976 г. в Москве будет проведена Всесоюзная конференция, на которой с сообщениями выступят генетики, социологи, психологи, педагоги, физиологи, кибернетики.

Т.В. Загуменная: Мы, учителя, стремимся особый упор в преподавании делать на роль биологии в практике народного хозяйства. Ведь в этом же проявляется лидирующая роль биологической науки. Известно, что уже сегодня достижения генетики заметно увеличивают продуктивность сельскохозяйственных культур. Незаменима она, как вы только что отметили, и в профилактике тяжелых наследственных заболеваний человека.

Н.П. Дубинин: Важно подчеркнуть вот что: сегодня все большее признание в мире получает радиационная и химическая селекция растений, животных и микроорганизмов. Она базируется на искусственном получении мутаций. Взять, к примеру, “пшеничную революцию” в Индии – селекционеры этой страны добились удвоения урожайности пшеницы. В нашей стране 70 процентов посевной площади под сахарную свеклу занято триплоидными формами этой культуры, содержащими вместо обычных двойных наборов хромосом – тройной. Такие формы сахарной свеклы дают сахара на 20 процентов больше. Аналогичные формы получены в лесоводстве, садоводстве, овощеводстве и других отраслях производства.

Т.В. Загуменная: Интересные факты для работы учителя. Десятая пятилетка, в которую мы вступаем, будет отличаться еще большей интенсификацией сельского хозяйства и микробиологической промышленности. Без развития методов генетической селекции здесь не обойтись.

Н.П. Дубинин: Не забывайте и генетическую инженерию, о которой мы говорили. Бактерии после введения в них нужных генов будут синтезировать инсулин, витамины и другие вещества. Высшие растения после введения в них генов азотфиксации станут в достаточном количестве усваивать азот атмосферы, что изменит все проблемы агрохимии...

Т.В. Загуменная: Николай Петрович, позвольте вернуться к нашим педагогическим проблемам. Мне кажется, настало время подумать по-настоящему, в какой мере школьное биологическое образование отвечает новому

положению биологии как науки, ее связям с народным хозяйством, ее ролью для формирования мировоззрения. Решается ли в настоящее время задача привлечения в биологию способной молодежи? Что делать, чтобы больше было таких учеников как Таня Куриц?

Н.П. Дубинин: Чтобы обеспечить биологии в школе подобающее ей место, мало только дать нужные сведения. Задача в том, чтобы научить школьника мыслить категориями и логикой современной биологии. В противном случае он утонет в массе информации, заложенной в существующих школьных учебниках, и вместо любви к предмету получит к нему полное отвращение.

Т.В. Загуменная: Я думаю, что школе нужен единый курс биологии, построенный на основных законах этой науки. То, что основные разделы предмета излагаются сейчас до того, как ученики усвоят химию, физику и математику, оставляет школьную биологию на уровне начала XX в. Чтобы молодые люди могли вникнуть в сущность этой современной науки, курс общей биологии должен венчать среднее образование, опираться на солидное знание физики и химии. Другими словами, курс биологии должен читаться в одном из старших классов.

Н.П. Дубинин: Школьное биологическое образование нуждается в серьезных изменениях. Предмет растянут на 5 лет (с 5-го по 10-й класс). Учебники насыщены фактологическим материалом. Изолированно представлены материалы по растениям, животным и человеку. Поэтому школьники не понимают биологии, не осознают ее современного движения, ее грандиозных задач и всей красоты этой замечательной науки.

Т.В. Загуменная: Значит, ведущее место в школьном курсе биологии должны занять вопросы молекулярной биологии, молекулярной генетики, общей генетики, биохимии, биофизики, цитологии, экологии и эволюционного учения.

Н.П. Дубинин: Следует также глубже показывать значение биологии для практики народного хозяйства, ее роль в выработке диалектико-материалистического мировоззрения. И наряду с этим представить нашу науку в развитии, излагать не только прочно установленные закономерности, но и современные теории, гипотезы с их обсуждением – раскрытием положительных и отрицательных сторон. При таком изложении учебного материала школьники как бы включаются в научные дискуссии, что несомненно вызовет у них интерес к изучаемому материалу.

Т.В. Загуменная: Вы говорили, что заключительный курс общей биологии занимает серьезное место в образовании подрастающего поколения. Именно этот учебный предмет призван отразить общебиологические закономерности. Он должен знакомить юношей и девушек с современными достижениями, проблемами фундаментальных биологических наук и формировать на их основе диалектико-материалистическое мировоззрение. Как вы оцениваете в связи с этим содержание и форму изложения учебника “Общая биология” для 9–10-х классов?

Н.П. Дубинин: Каждый учебник – это система знаний определенных основ наук. И он должен обладать соответствующей структурой, содержанием и объемом. Последние три фактора так взаимосвязаны, что изменение одного из них несомненно влечет за собой изменение и двух других.

Анализируя существующий учебник общей биологии под этим углом зрения, можно видеть, что структура его материала (а следовательно, и содержание и объем) плохо выполняет основную функцию учебной книги. Это касается таких важных методологических вопросов, как возникновение и развитие жизни на Земле: микро- и макроэволюция; происхождение и эволюция человека. Все эти вопросы излагаются в действующем курсе вначале, а значит без соответствующей базы знаний по молекулярной биологии, молекулярной генетике, цитологии, цитогенетике, общей генетике.

Такое изложение материала не только не соответствует современному уровню науки, но и в значительной мере тормозит усвоение. Причина – изолированность (разобщенность) отдельных разделов между собой и невозможность раскрыть механизмы изучаемых процессов. Вот и приходится школьникам зубрить учебный материал 9-го класса, поскольку они не могут осмыслить его: не хватает базы знаний молекулярно-цитологического, организменного и популяционного уровней.

Т.В. Загуменная: Хотя этот учебник был переработан, старая его структура сохранилась. В самом начале 9-го класса учебник вводит понятия “генотип”, “фенотип”, “мутация”, “генофонд”, “комбинативная изменчивость”, “модификационная изменчивость” и другие. Однако смысл этих понятий дается в конце книги, при изложении цитологии, генетики, индивидуального развития и размножения, которые изучаются в 10-м классе. В 8-м классе, как и в 5–7-м классах, даются неглубокие знания. На их основе раскрывать современные генетические понятия о процессах эволюции, происхождения человека и возникновения жизни невозможно.

Хотелось бы, чтобы в учебнике с большей силой раскрывались связи с задачами практики. В нем четко должна быть показана сущность современных генетических методов в селекции и результаты их применения в сельскохозяйственном производстве, о чем мы с вами говорили. То же самое и о роли генетики в медицине.

Н.П. Дубинин: Усиление этой стороны содержания должно оказывать большее впечатление на школьников, помогать им осознать то большое значение, которое имеет генетика для народного хозяйства, для успехов медицины.

Т.В. Загуменная: Было бы полезно, чтобы учебник показывал читателю-школьнику, над чем в настоящее время работают ученые, какие перспективы и проблемы стоят перед биологическими науками, особенно перед генетикой. Без этого наука предстает перед учениками в виде чего-то застывшего, где все уже известно, все открыто.

Н.П. Дубинин: Усиление этой стороны содержания должно оказывать большее впечатление на школьников, помогать им осознать то большое значение, которое имеет генетика для народного хозяйства, для успехов медицины.

Т.В. Загуменная: Было бы полезно, чтобы учебник показывал читателю-школьнику, над чем в настоящее время работают ученые, какие перспективы и проблемы стоят перед биологическими науками, особенно перед генетикой. Без этого наука предстает перед учениками в виде чего-то застывшего, где все уже известно, все открыто.

Н.П. Дубинин: Совершенно верно. Интерес к поисковой деятельности, стремление к исследованию и решению научных и практических задач должны возбуждать школа, учитель, учебник. {...}

Т.В. Загуменная: К сожалению, в переработанном виде учебник стал еще более сложным для школьника. Я говорю о таком серьезном его недостатке, на который обратили внимание и вы, – о разобщенности, отсутствии тесной логической связи между отдельными разделами. В настоящем учебнике каждый предыдущий учебный материал служит базой для усвоения, осмысливания последующего. Недостаточная логическая связь между отдельными разделами общей биологии приводит к восприятию учениками каждого из них как совершенно нового, не имеющего отношения к уже изученному. Это неизбежно ведет к формализму получаемых знаний.

Н.П. Дубинин: Вы все это четко себе представляете. Но я думаю, что необходимость хорошего учебника не исчерпывает всех наших проблем. Нас должно беспокоить и чисто словесное преподавание общей биологии и других биологических дисциплин. Настала пора вводить в практику обучения наглядность, и, прежде всего, – натуральную. Никакая изобразительность не заменит природы. Увлечение изобразительной наглядностью приводит к неверному восприятию биологического материала. Абитуриенты на вступительных экзаменах по биологии в вуз отвечают, что гидра имеет размеры 15–20 см, амеба – 10–15 см...

Эффективность биологического образования во многом зависит от самостоятельных наблюдений и опытов, в ходе которых учащиеся осознают достоверность закономерностей биологии. Нужно улучшить и материально-техническую базу преподавания биологии.

Т.В. Загуменная: Думаю, Николай Петрович, что большую роль в приобщении школьников к нашей науке сыграют факультативные занятия по генетике. Факультативные курсы открывают широкие возможности перед учителем, как в плане изучения теоретических вопросов, так и в организации наблюдений и опытов учеников. Правильная постановка преподавания факультативного курса по генетике поможет более эффективно усваивать биологию вообще. И здесь большую помощь можете оказать вы, ученые.

Н.П. Дубинин: Полностью с вами согласен. Ученые, как я полагаю, должны издать для учителей новое пособие по общей биологии. В этом пособии значительно большее место должно уделяться основам молекулярной биологии и генетики. Учителям следует дать также хорошие знания популяционно-видового, биоценотического и биосферного уровней, обратив при этом особое внимание на природоохранительное просвещение.

Т.В. Загуменная: И еще один вопрос, Николай Петрович, который я, признаться, нарочно приберегла под конец. Вы, вероятно, не помните, но как-то во время торжественного праздника мы встретились на Красной площади: вы и я с группой своих учеников из 447-й московской школы. Мы к вам подошли и приветствовали вас. А мне сразу вспомнилось, что много лет назад Вы, будучи двенадцатилетним мальчиком-беспризорником, встретились здесь с В.И. Лениным.

Об этом тепло вспоминается в Вашей большой автобиографической книге “Вечное движение”, выпущенной Политиздатом в 1973 г. Вы сами на-

зываете эту книгу книгой о жизни и о себе. Я принесла ее с собой. Мне очень хотелось бы попросить Вас подписать ее на память. И скажите, пожалуйста, почему вы дали книге такое название “Вечное движение?”

Н.П. Дубинин: В сентябре 1971 г. я был в Париже, где проходил IV Международный конгресс по генетике человека. В своей речи я призывал раскрывать неисчерпаемые генетические возможности человечества, которые обеспечивают его вечное движение, совершающееся через преобразование общественных отношений. Именно тогда, видимо, и родилась идея написать книгу о своей жизни.

Т.В. Загуменная: В вашей жизни было немало трудностей.

Н.П. Дубинин: Да, но трудности переплетались с ослепительными радостями. Ничто не дается даром. Но я благодарен своей судьбе. Мне нужна именно эта жизнь. Жизнь в борьбе, в утверждении науки. В борьбе, которая помогает нам строить новое, невиданное общество. Жизнь в ее вечном движении – это и есть истинное счастье.

Р.С. Николай Петрович через некоторое время после публикации материала получил письмо:

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

С огромным удовольствием прочитала в “Учительской газете” обмен мнением по поводу преподавания генетики в школе. Этот вопрос волнует и нас. На вступительных экзаменах они проявляют слабые знания общей биологии. В этом виноваты и педагоги школы и мы научные работники высшей школы. Поэтому Ваше выступление было очень своевременным и ценным.

С наилучшими пожеланиями

М.Х. Шигаева

* * *

Вы в мир пришли в разгар зимы!

Пурга, морозы, снежный иней.

Закалка с детства Вам дана

С фамильей прочною Дубинин!

Свой путь начав от Ильича

Вы также энергичны ныне!

И для врагов как свист бича

Звучит фамилия Дубинин!

В генетику велик Ваш вклад

Спасли ее, как Русь спас Минин.

Здоровья Вам на много лет!

Наш дорогой Н.П. Дубинин!

4 января 1975 г.

Ник. Иванов

ПРЕДАННОСТЬ ДЕЛУ, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ⁴⁷

Сегодня исполняется 70 лет крупнейшему советскому ученому, первооткрывателю многих тайн генетики лауреату Ленинской премии академику Николаю Петровичу Дубинину.

– Я бы не хотел прожить другую жизнь – так сказал о себе в автобиографической книге “Вечное движение” академик Дубинин, человек удивительной судьбы... Человек, в зрелые годы ставший свидетелем триумфа генетики – науки, которой он отдал всю свою жизнь и в развитии которой добился выдающихся успехов. {...}

Его мечты сбылись, как и мечты многих его сверстников, но путь в науке не был таким гладким, как об этом думалось. И даже в самые трудные для генетики годы Николай Петрович Дубинин боролся за истину, не идя ни на какие компромиссы, не поступаясь высокой честью ученого.

Мы сидим с директором Института общей генетики АН СССР в его рабочем кабинете, разительно непохожем на привычные административные помещения. Длинный стол завален стопками книг и рукописей. {...}

– Вы прошли большой, славный и трудный путь в науке. Что, на ваш взгляд, главное вам удалось в жизни сделать?

– Трудно в цепи многих событий выделить что-либо одно. Каждое, пусть не очень громкое открытие в науке, – ступенька на пути к ее вершинам... Но все-таки главным для меня, я считаю то, что мне удалось организовать Институт цитологии и генетики в Сибирском отделении Академии наук, а впоследствии – институт⁴⁸, где мы сейчас беседуем. Ведь объединение многих ученых для решения каких-либо актуальных вопросов науки – это залог успеха. В наше время одиночки не делают открытий.

– Жизнь пестра, полна самых разнообразных событий. Какие эпизоды вашей жизни вам особенно запомнились?

– Безусловно, замечательные встречи с Николаем Ивановичем Вавиловым – удивительным человеком, столь много сделавшим для развития советской генетики. Впервые я увидел его после того, как окончил университет, – в 1929 г. Тогда проходил I Всесоюзный съезд генетиков. В то время Вавилову было 42 года, но он уже стал общепризнанным руководителем генетики у нас в стране. Мы много раз встречались с ним – и в радостной и в трудной обстановке, и Вавилов всегда оставался необыкновенным человеком с истинно русским характером доброты, размаха и величия.

Знаменательный след оставили в памяти и годы работы в институте, который возглавлял еще один замечательный генетик – Н.К. Кольцов.

– Какими, на ваш взгляд, качествами должен обладать человек, решивший посвятить себя науке?

⁴⁷ “Труд. 1977. 4 января.

⁴⁸ Беседа велась в рабочем кабинете Н.П. Дубинина в ИОГен.

– Преданностью делу, которому служишь, трудолюбием, правдивостью и пониманием места, занимаемого в науке. И, разумеется, обладать интуицией и фантазией, без которых путь к творчеству заказан (...)

– Каков распорядок вашего рабочего дня?

– Начинается он обычно в девять утра, кончается около семи. Два дня в неделю я обязательно работаю в лаборатории. Но это не означает, что в своем кабинете я занимаюсь только административными делами. Мне помогает умение в течение нескольких минут переключаться с одного рода занятий на другое. Здесь, в этом кабинете, я написал не одну книгу.

– А что вы делаете в свободное время?

– Его, к сожалению, остается мало: дома я тоже работаю. Читаю книги из “библиотеки всемирной литературы”, советскую прозу. Сейчас увлекся “Вечным зовом” Иванова. Перечитываю прозу Пушкина. Иногда с семьей ходим в театр – очень люблю вахтанговцев.

– А как проводите свой отпуск?

– Еду на машине с семьей и приятелем на берег реки (я сам вожу свою “Волгу”). Живем в палатке и занимаемся рыбалкой – это моя давняя страсть. Последнее время мы так отдыхаем на берегу Волги (...)

Время беседы истекло, мы прощаемся с Николаем Петровичем Дубининым. И академик сразу погружается в свои нелегкие заботы. Дел много – и научных, и административных. И все надо успеть. Нет, даром свою автобиографическую книгу Николай Петрович назвал “Вечное движение”.

ЮБИЛЯРУ

В морозный, зимний день, на славу!

Тебя, наш друг, от сердца славим:

И то, что ты большой ученый,

И кругозор твой просвещенный,

Твои научные творения

И честность сердца пред наукой.

И свет лучей души горенья,

Ее волненье, на грани с мукой,

И бездну “Вечного движения”.

Но остается без сомнения,

Ты славен будешь и вовек,

Дубинин Колька – человек,

С заглавной буквы Человек,

Годов двадцатых поколенья!

Так, дай же руку нам пожать,

От сердца счастья пожелать

И в жизни только – так держать!!

03.01.1977 г.

Генетики

Киевского госуниверситета

Дорогой Николай Петрович!

Хочу поздравить Вас, во-первых, с Новым годом, а во-вторых, с Вашим семидесятилетием. Желаю Вам здоровья и бодрости, и сил, это, конечно, затертые слова, и Вы будете получать не одну сотню писем и телеграмм примерно с теми же словами и оборотами, но отсюда мне, может быть, виднее, чем из Москвы, сколько Вы вынесли и сколько сделали для советской генетики. Я здесь был в Брукхэвенской лаборатории, был и в других институтах, кроме Рокфеллеровского, и везде в разговорах русская, советская генетика – в большом историческом смысле – ассоциировалась с двумя именами: Вавилова и Дубинина. Других не называли. Оба мы знаем, что иной раз говорит знакомая нам с Вами публика из наших же соотечественников; но еще ни один крупный человек не обходился без завистников и клеветников (...)

Ваш

А. Прозоров⁴⁹

P.S. Парадоксально, что А.А. Прозоров, которого Н.П. Дубинин принял в свой Институт, предоставил заведование лабораторией и к которому очень хорошо относился, оказался в числе клеветников, о которых идет разговор в разделе 10 (гл. 1).

НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ
ДУБИНИНУ

Очень рад я, что затея
Сорвалась у Тимофея!
Погорел он, сын Дениса,
Хоть и был хитрее лиса!

* * *

Он был могучим крепышом
И радость жизни пил ковшом,
Не перед кем не гнул колен
И перед ним раскрылся ген!

Москва, 1977 г.

Л. Сычев⁵⁰

⁴⁹ Прозоров Александр Александрович – доктор биологических наук, профессор ИОГен им. Н.И. Вавилова РАН.

⁵⁰ Сычев Л. – ведущий инженер научно-исследовательского радиотехнического института.

ГЕРОИ “НАШЕЙ БИОГРАФИИ”⁵²

В канун праздника вышли в эфир последние серии “Нашей биографии”. Завершилась большая работа Центрального телевидения, на протяжении года привлекавшая к экранам телезрителей всех возрастов и профессий. А тем, кто непосредственно связан с созданием фильмов, этот год дал возможность общения с множеством замечательных людей, биографии которых и есть биография страны. (...)

Во время работы над “Годом 1919-м” на устах у нас были фамилии: Дубинин, Васильев, Янышева (...). Хотелось возможно полнее ощутить Время, уловить то, что позже мы стали называть “образом года”... После съемок в студию были приглашены те, кто отвечал на наши вопросы, и два человека необыкновенной судьбы – Н. Дубинин и В. Васильев (...).

Н. Дубинин – ныне всемирно известный генетик, академик – в 1919 г. был мальчишкой-беспризорником, случайно попал в кадр кинохроники вместе в В.И. Лениным во время первомайского парада на Красной площади. Он-то, бывший беспризорник, некогда мечтавший о куске хлеба, и повел разговор о четверти фунта – пайке 1919 г. и о своей науке – генетике, призванной открыть пути к прокормлению всего человечества. Между прочим, академика Дубинина снимали и для 50-серийной “Летописи полувека” десять лет назад. Там он не произносил ни слова, его показали за микроскопом в лаборатории... Теперь же он не только сам рассказывал о годе, но и размышлял о проблемах сегодняшних.

У академика Дубинина прекрасный контакт с молодежной аудиторией... Мы встречались или говорили по телефону с людьми, которые по всем “анкетным данным” также могли представить в фильме главные события года.

Но... мы делали не иллюстрацию к учебнику истории, нам нужны были не только факты. Мы хотели взволновать молодую аудиторию, чтобы она начала сопереживать так же, как это бывает при встрече с искусством. И потому, кроме анкетных данных, мы учитывали другие: душевную открытость и душевную молодость, нелюбовь к заученным формулировкам и способность заново пережить событие в момент рассказа о нем. И непременно – контактность, коммуникабельность. Как бы ни был знаменит человек, одной этой знаменитости в разговоре с молодыми недостаточно. (...)

* * *

Николай Петрович, Вы писали
Как Вы плыли берегом реки,
А над Вами в небе пролетали
Пестрым облачком со свистом кулики.

⁵¹ Кузнецов Георгий Владимирович – журналист, сценарист, репортер.

⁵² “Журналист”. 1977. № 11. С. 41–42.

С легким шелестом снижались у излучины
Просветляли душу на года
И сомненья больше Вас не мучили
Вы оставили охоту навсегда.

И всерьез загруженные работой
Книг написанных растет гора
Вы живете главной заботой
Чтоб природа чистая была

А любовь к охоте пусть останется
Хоть в воспоминаньях иногда
Радостью лицо румянится
Взглядом провожая кулика.

В зимний день от снега весь серебряный
В дни трудов, когда заботы велики,
Эта птица пусть всегда останется
Символом охотничьей весны.

Коллектив лаборатории
феногенетики ИОГен

В.Н. Лысиков

Лысиков Валерий Николаевич – доктор биологических наук, профессор,
Институт экологической генетики Молдавской АН

С ГЕНЕТИКАМИ МОЛДАВИИ

Николай Петрович Дубинин всегда был исключительно внимателен и доброжелателен ко всем генетикам Молдовы. Он неоднократно приезжал по приглашению наших коллег для участия во Всесоюзных конференциях, съездах генетиков Молдовы и других мероприятиях. При этом он не ограничивался выступлениями и лекциями, которые его всегда приглашали прочесть в разных учреждениях и охотно посещал экспериментальные участки, поля и лаборатории институтов нашей республики, как в Кишиневе, так и в Тирасполе. Нам особенно запомнилось его посещение экспериментальных полей лаборатории биофизики отдела генетики Академии наук МССР. Его очень заинтересовала работа по получению радиационных мутантов кукурузы. При этом он не ограничился общим просмотром полей, а остановился и долго обсуждал стоя непосредственно среди мутантных растений нашу необычную, как тогда говорили, радиационную макромутацию кукурузы типа Кориграс-2. Впоследствии эта мутация была признана гетерохронной мутацией. Ее характерной особенностью было то, что она резко меняла структуру как генеративных, так и вегетативных органов растений, что проявлялось и в последующих поколениях. Поскольку к этому времени многие даже известные специалисты по кукурузе, видевшие ее, не могли прийти к единств-

венному объяснению различных ее проявлений – генетической нестабильности, наличия генетического мозаицизма с уклонением ряда форм к признакам, предполагаемым дикими предками кукурузы и т.д. Николай Петрович предположил, что в данном случае имеет место ген мутатор, затрагивающий митоз. И, как оказалось, был близок к правильному объяснению, т.к. проведенный генанализ потомков радиационной мутации Кориграс-2 показал, что под действием радиации произошла активация транспозонных элементов (Dt, Ac, En, Ng, Moh и др.), известных мутаторных систем кукурузы в результате чего ген *Cg 2* стал своеобразным мутатором или “биологическим мутагеном”. В последствие американские генетики кукурузы признали эту мутацию новым самостоятельным геном кукурузы и внесли его в каталоги генов и генетические карты кукурузы. Николай Петрович после посещения полевого участка в течение нескольких часов просматривал цитологические препараты Борил Генхеома и большое количество (около 2000 микрофотографий хромосом данной мутации). Нам было очень приятно, что такой крупный ученый уделил нашей мутации значительно больше внимания, чем многие другие, в том числе и крупные специалисты по кукурузе (например ак. Кулешов, проф. Петров и др.).

Нельзя не сказать, что Николай Петрович не уделял внимания нашим молодым исследователям, часть из которых именно благодаря вниманию и поддержке его стали сами теперь крупными специалистами и даже докторами наук. Так, например, только благодаря поддержке Николая Петровича Дубинина защитила докторскую диссертацию Ольга Васильевна Бляндур, Николай Евлампиевич Попа и многие другие.

Всегда, когда я иногда даже только проездом бывал в Москве, несмотря на исключительную занятость, академик Н.П. Дубинин находил возможность выкроить время и побеседовать со мной. После его бесед, советов и рекомендаций всегда как бы вырастали крылья, и хотелось по-новому взглянуть на свою проделанную работу и сделать ее еще интереснее и лучше. Именно им была подсказана нам идея, что надо провести детальный генанализ потомков радиационной мутации Кориграс, которая и позволила сформулировать представление об этой форме.

Меня всегда поражала исключительная работоспособность Николая Петровича и его целеустремленность в решении поставленных задач.

Вспоминая, как после плотного рабочего дня, на совещании или даже после поездки на экспериментальные поля, я как-то уже поздно вечером заглянул к нему в гостиницу и был поражен тем, что он сидел перед разложенными на столе бумагами и писал очередную свою рукопись. Мне даже стало стыдно и неудобно за свое посещение, оторвавшее его от работы. Как мне рассказывали, у него было правило: где бы он не находился – в командировке или дома – обязательно ежедневно работать над рукописями. Многие у нас удивлялись его упорству и трудоспособности. Именно этим объяснялось то, что им написано столь большое количество книг, учебников и специальных статей. Мне всегда хотелось, хотя бы в небольшой мере, но подражать ему, хотя это не всегда удавалось.

Запомнился мне еще один случай. В нашем академическом издательстве готовили к публикации большую книгу Н.П. Дубинина – учебник по “Общей генетике”. Мне принесли из издательства более двух десятков замечаний по

тексту. Я вычитал рукопись и пришел к выводу, что по некоторым вопросам мне нужно решение автора. Я подготовил ему письмо, вложил замечания и свои предложения и затруднения. Письмо передали с ехавшим в Москву коллегой, и каково же было мое удивление, когда я буквально через пару дней получил подробную расшифровку. Я не ожидал такого быстрого ответа и столь подробной и точной редакции, и это позволило значительно ускорить выход книги в свет.

Николай Петрович для нас всегда был большим учителем, человеком, которому было достойно подражать, с кем хотелось всегда советоваться и от кого всегда можно было ожидать помощи.

26 февраля 2001 г.

* * *

Дорогой Николай Петрович!

Сердечно поздравляем Вас в день славного юбилея. Желаем крепкого здоровья, большого личного счастья и долгих лет плодотворной творческой работы на благо нашей советской генетики.

И позвольте от Месткома Вам пожелать:

Чтоб было много новых мыслей,
Чтоб каждый орган был здоров
И ... чтоб богатым был улов.

Но кое-кто ворчит в ответ:
“Конечно, он не зря генетик,
И, верно, знает он секретик,
Как молодым прожить сто лет!”

А, может быть, они и правы?
И в Вас, без ведома Месткома,
Давным давно живет, как дома,
Та нестаренья хромосома,
Что сами же открыли Вы.

Так пусть она и впредь живет
Та хромосома нестаренья,
Ума, упорства, вдохновенья.
А мы на много лет вперед
Вам пожелаем новых планов,

Трудов упорных, неустанных.
Здоровья, бодрости и сил,
Чтоб ощущали силу руки
И чтоб открытия в науке
Вам каждый месяц приносил.

Местный комитет
профорганизации ИОГен

АКАДЕМИК Н.П. ДУБИНИН ГЛАЗАМИ ВОРОНЕЖЦЕВ

Для молодого поколения кафедры генетики, селекции и теории эволюции биологического факультета Воронежского государственного университета академик Николай Петрович Дубинин – человек-легенда. Наша молодежь знает, что Н.П. Дубинин основатель этой кафедры. Об этом говорят молодежи старшие коллеги и это отражено на стенде, выпущенном кафедрой к 80-летию Воронежского университета. Преподаватели рассказывают студентам о работах Н.П. Дубинина в лекциях (в связи с открытием им явления ступенчатого аллелизма, эффекта положения гена, разработкой теории радиационной и экологической генетики и др. вопросами). Студенты пользуются учебниками по “Генетике” Н.П. Дубинина при подготовке к экзаменам, часто отдавая им предпочтение из-за исключительной четкости и ясности изложения Н.П. Дубининым сложного материала. К сожалению, уже нет в живых тех, кто знал Н.П. Дубинина по его работе в Воронежском университете, но старшее поколение преподавателей помнит его яркие выступления на генетическом конгрессе в Москве в 1977 г. и на многих других форумах. Мне бы хотелось поделиться своими воспоминаниями о личных встречах с Н.П. Дубининым. Впервые это произошло в 1977 г., когда я работала в Центральном НИИ лесной генетики и селекции в г. Воронеже. Мой коллега – старший научный сотрудник ЦНИИЛГиС В.В. Иевлев нашел на территории Воронежского государственного заповедника 100-летнее дерево дуба черешчатого, резко отличающееся гигантским ростом и великолепным фенотипом от окружающих одновозрастных деревьев насаждения, посмотрел у него устьица и по совокупности морфологических и анатомических особенностей дерева предположил, что это дерево – полиплоид. Мною и научным сотрудником Л.С. Мурой был выполнен тщательный анализ митоза в клетках меристемы листьев и мейоза при микроспорогенезе у этого дерева и было установлено, что оно является триплоидом, а точнее миксоплоидом с преобладающим числом триплоидных клеток ($2n = 3x = 36$). Это подтверждало закономерность проявления гетерозисного эффекта на триплоидном уровне и это была научная сенсация. Дело в том, что ранее триплоиды у дуба были обнаружены только среди близнецовых семян Джонсоном (1946), а затем Бурдой в 1972 г. О дальнейшей судьбе таких семян ничего не сообщалось, поэтому можно предположить, что они скорее всего погибли. Шведы провели тотальное изучение своих дубрав на предмет поиска гетерозисных триплоидов, но так и не нашли их. И среди ученых утвердилось мнение, что у дуба полиплоиды не выживают. А тут такое, можно сказать, открытие! Когда я приехала в Институт общей генетики, Н.П. Дубинин, тогда директор института, был в отпуске, но пришел на работу, чтобы обсудить некоторые вопросы со своими сотрудниками. Естественно, этот день был у него не приемный. Но мне все-таки очень хотелось с ним встретиться-

ся, рассказать о нашей находке и попросить его рекомендацию для опубликования статьи о триплоидном дубе в журнале “Доклады Академии наук СССР”. Пока я сидела в приемной и ждала когда Николай Петрович освободится, я с увлечением рассказывала собравшимся там сотрудникам о нашей работе. И когда Николай Петрович вышел и, извинившись, сказал, что приема не будет, его сотрудники стали просить выслушать меня. Но, как мне показалось, магическое впечатление на него произвели слова, что я из Воронежа. С этим городом у него, по-видимому, были связаны очень хорошие воспоминания и отказать в приеме ученому из Воронежа он не мог. Н.П. Дубинин высоко оценил нашу работу. Статья вскоре вышла в ДАНе и нашла широкий отклик, особенно у зарубежных ученых. В 1979 г. Н.П. Дубинин также безоговорочно рекомендовал в ДАН нашу статью об обнаружении кольцевой и добавочной хромосомы у сосны из Челябинской области. Наверное, Николай Петрович все же знал (в отличие от нас) об аварии в Кыштыме и о Южно-Уральском радиоактивном следе, но все же решился рекомендовать нашу статью к публикации, после чего к нам последовал целый шквал заявок на оттиски статьи из-за рубежа. Но мы объяснили очевидный радиационный след у семян сосны исследованного лесничества выходом на поверхность на Южном Урале гранитно-гнейсовых пород, характеризующихся повышенным уровнем естественной радиоактивности. И третья наша статья, рекомендованная Н.П. Дубининым в ДАН в 1989 г., была посвящена результатам наших исследований семенного потомства деревьев дуба черешчатого, произрастающих в 30 км зоне Чернобыльской АЭС. Тема последствий Чернобыльской аварии, как трагедии века для всех живых организмов, и в частности, для древесных растений, как важнейших компонентов биосферы, принявших на себя первый удар извергнувшихся из разрушенного четвертого реактора радионуклидов, не смогла оставить равнодушным такого ученого, как Николай Петрович. Проявление ядрышка на всех стадиях методического цикла у семян дуба, выращенных из семян урожая 1986 года, формирование которых проходило от стадии гаметогенеза до полного завершения эмбриогенеза в условиях повышенного радиационного фона могло служить компенсаторным механизмом, обеспечивающим клетку необходимым количеством белка в условиях ингибирования действия многих уникальных генов радиацией. Как же еще можно было объяснить тот факт, что ядрышко – активный пуф хромосом, место локализации рибосомных генов, ответственных за синтез всей рибосомной РНК клетки, присутствовала на всех стадиях митоза? Во всех учебниках до этого постулировалось, да и сами мы неоднократно наблюдали, что ядрышко исчезает в клетке в профазе митоза и восстанавливается в телофазе. Н.П. Дубинин одобрил наши выводы и рекомендовал нашу статью к печати в ДАН. Для нас это была высшая оценка. Больше, к сожалению, мне не пришлось свидеться с Н.П. Дубининым. С большим сожалением я узнала по радио о его кончине. Уход из жизни Н.П. Дубинина – это большая потеря и для отечественной науки и для мировой науки в целом. Однако остались его ученики, его богатое научное наследие, его учебники, помогающие студентам постичь тайны одной из самых сложных и интересных наук – генетики. И осталась добрая память о Н.П. Дубинине, как о человеке и выдающемся ученом в сердцах тех, кому посчастливилось с ним общаться.

2001 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ НИКОЛАЕ ПЕТРОВИЧЕ ДУБИНИНЕ

Летом 1978 г. академик Николай Петрович Дубинин впервые посетил мою мастерскую в Софии, и я имел счастье общаться с ним. Я знал его по книге “Вечное движение” и от некоторых моих друзей. Но эта встреча превзошла мое представление о нем. Мы обсуждали самые разные вопросы – науку, искусство. В течение всей встречи он держался естественно и скромно, но с острым чувством юмора. Перед великим ученым я чувствовал себя стесненно и взволнованно, но постепенно мы сблизились, и я почувствовал в нем друга, словно мы были знакомы с ним многие годы. Меня глубоко захватило его озаренное и чистое лицо, его смеющиеся синие глаза и невероятно быстрый ум. Меня охватило вдохновение и желание нарисовать его. Я пригласил его позировать. После долгих уговоров он согласился. Два дня Николай Петрович выдержал терпеливо и молчаливо сидя на стуле. Время от времени он “отпускал” остроты и говорил: “Я на эшафоте” и заразительно смеялся. Портрет был готов, и мы расстались добрыми друзьями. Через некоторое время я получил письмо от Николая Петровича. Среди прочего он написал: “Для меня было огромным удовольствием и откровением наблюдать за вашей работой. Когда Вы наносили краски на полотно, такая глубокая человеческая красота отражалась в Вас, что я с трудом сдерживал чувство восхищения, которое меня охватывало”.

Будучи глубоко взволнован письмом, я тогда еще раз почувствовал богатую душевность этого скромного и великого человека. Позже я еще много раз встречался с Николаем Петровичем Дубининым. Должен сказать, что он стал для меня близким и дорогим человеком, одним из самых добрых моих друзей, кого я глубоко уважаю и люблю.

НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ДУБИНИНУ

Трудно поверить и трудно принять,
Что Вам исполнилось семьдесят пять,
Молоды, полны задора и силы,
И не сочтите за лесть, но красивы!

Это – абсурд, это – нонсенс Природы!
Взять и родиться в такую погоду –
Холодно, вьюги, слезятся глаза,
Право, Вам больше подходит Весна!

⁵³ Михайлов Петр Иванович – заслуженный художник Болгарии.

Ярко, и солнце восходит все выше,
Птицы Генетику славят на крыше.
Символ грядущей счастливой Весны
Вам преподносим от Сердца все мы!

*Ф.А. Ата-Мурадова*⁵⁴

совместно с коллективом
04 января 1982 г. лабораторий

“ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ!

Правление Всесоюзного общества “Знание” поздравляет Вас с 75-летием со дня рождения. Ваша разносторонняя деятельность в науке, пропаганде знаний – замечательный пример образцового выполнения общественного долга, служения Родине, советскому народу. Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, творческих успехов в развитии биологической науки”.

Басов

В.Н. Кудрявцев

Кудрявцев Владимир Николаевич – академик РАН

ГЕНЕТИК СРЕДИ ЮРИСТОВ

В 70-е гг. XX в. развернулась (или точнее, возобновилась) дискуссия между юристами-криминологами на тему о том, является ли преступность природным, биологическим явлением, или же имеет социальное происхождение. Как известно, этот спор ведет свое начало еще со времен итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо (1835–1909). В своей книге “Преступный человек” он утверждал о существовании “прирожденных преступников”, которых можно, якобы, распознать на основании антропологических, физиологических и психологических признаков.

Тогда, в конце XIX в., теория Ломброзо, проверявшаяся многими учеными, была признана несостоятельной. Но спустя почти сотню лет близкие к этому взгляды возродились в России. Так, в 1975 г. в Саратове профессор И.С. Ной издал монографию “Методологические проблемы советской криминологии”, где заявил, что при социализме преступность вызывается уже не социальными, а биологическими причинами: некоторые люди якобы рождаются с такой программой поведения, которая делает их преступниками или героями независимо от внешней среды.

Биологизация причин преступности при социализме была отнюдь не нейтральной с идеологической точки зрения. Ведь это происходило в то время, когда развернулась борьба с так называемыми “диссидентами”, критиковавшими советский строй, а ученые-криминологи стали открыто писать не о “пережитках прошлого в сознании людей”, а о таких реальных причинах

⁵⁴ Ата-Мурадова Фатима Атовна – профессор, заведующая лабораторией системогенеза ИОГен АН СССР.

преступности, как низкий уровень жизни, отсутствие заботы о молодежи, разложение чиновничьего аппарата и т.д. Точка зрения И.С. Ноя и немногих его сторонников, пытавшихся “лакировать” действительность, никем из демократически настроенных обществоведов, конечно, не поддерживалась; большинство ученых-юристов тех лет также активно выступили против возрождения ломброзианства. Времена идеологического пресмыкательства шли уже к своему бесславному концу.

Тем не менее, в этом споре важна была позиция не только и не столько юристов и других обществоведов, сколько представителей естественных наук. Ведь сторонники “естественного” происхождения преступности ссылались, – правда, туманно и голословно, на успехи биологии и, особенно, генетики, якобы установившей прямые доказательства того, что преступность передается по наследству (вспомним теорию “лишней хромосомы”, многочисленные исследования близнецов и т.д.). И на этой стадии довольно ожесточенных споров открыто и смело вступил в дискуссию академик Н.П. Дубинин, авторитет которого был, я думаю, непререкаем не только среди генетиков-специалистов.

Сначала в журнальных статьях (1978–1980), а затем и в монографии, написанной вместе с юристами⁵⁵, он ясно и убедительно показал беспочвенность перенесения биологических объяснений на социальную сферу. Общий вывод книги: “не в природе человека следует искать причины преступлений, а в совокупности тех условий его жизни, воспитания, взаимодействия с другими людьми, особенностей его личности, которые, в конечном счете, определяют его поведение” (с. 340–341), был поддержан широкой научной общественностью и сыграл важную позитивную роль в преодолении идеологического застоя.

Н.П. Дубинин оказался для нас, юристов, мощной опорой в научном споре. Это был чрезвычайно активный, глубокомыслящий, доброжелательный человек. Хотя не все генетики тогда разделяли его взгляды, Николая Петровича это отнюдь не смущало. Он говорил то, что думал, а мысль его была отточенной, ясной, не вызывавшей сомнений. Сотрудничество естествоиспытателя с обществоведами в данном случае оказало большую услугу нашей науке, раскрепостило ее, проложило путь к истине. Хотелось бы, чтобы такое сотрудничество не оказалось редким примером; всем нам нужна тесная связь ученых и взаимопроникновение наук.

31 мая 2000 г.

Николай Петрович! С днем рождения!

С юбилеем семьдесят пять!

Рубеж достойный уваженья

Об этом годы говорят.

Боролся ты в науке смело

И никогда не отступал.

Везде ты знаешь свое дело.

Всегда умом своим блистал.

⁵⁵ См.: Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М.: Госполитиздат. 1 изд. – 1982, 2 изд. – 1989. Книга переведена также на болгар., польск. и франц. яз.

Путь жизни долгий, славный, нужный
Отчет во всем ты отдаешь.
И список твой хорош послужный
В себе ты правды жизнь несешь.

А жизнь – идет, как скорый поезд,
Но тебе всего лишь 75.
Как прежде жить, работать стоит
И никогда не унывать.

Здоровья крепкого и счастья
Вам в этот день желаем мы.
И пусть минуют все ненастья
И будет солнце, а не тень,

Николай Петрович! С днем рожденья!
Я все, что нужно, пожелал.
Любовь Вам наша, без сомненья.
За Вас поднимем мы бокал.

(Без подписи)

С. Гродзенский

АКАДЕМИК ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРА⁵⁶

На встречу с Николаем Петровичем Дубининым я захватил из редакции “64” шахматный компьютер SC-2⁵⁷. Николай Петрович с интересом ознакомился с ним, а затем состоялся необычный матч. Время действия – 31 мая

⁵⁶ “Шахматное обозрение”. 1984. № 16. С. 3.

⁵⁷ О микрокомпьютере SC-2 производства Эрфуртского завода в ГДР рассказывается в “64-ШО”, № 3. 1984.

1984 г. Место действия – квартира академика Н.П. Дубинина. SC-2 по заданной степени программы выдавал свои ходы в течение нескольких секунд. Николай Петрович принял предложенный темп, и поединок велся в обычном темпе блицпартии, так что я едва успевал записывать ходы.

Н.П. ДУБИНИН–SC-2

Испанская партия

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. C:c6 dc 5. 0–0 Cd6 6. Kc3.

За преимущество в дебюте можно бороться только путем немедленного **6. d4**. Впрочем, это продолжение, наверняка, предусмотрено в программе, заложенной в SC-2, а после хода в партии компьютер впервые “задумался” – верный признак, что последний ход оказался для него незнакомым.

6... Ce6 7. d4 Cc4 8. Le1 Фf6 (теперь белые захватывают инициативу)

9. Cg5 Фе6 10. de C: e5 11. K:e5 Ф:e5 12. Ch4 Kf6 13. Фf3 0–0 14. C:f6 gf 15. Фg4+Kph8 16. Le3 Ce6 17. Фh4 Фg5 18. Фg3 Lfc8?! Сохранение материала для компьютера превыше всего. Последний ход – явная потеря темпа.

19. f4 Ф:g3 20. Л:g3 Ld8 21. f5 Cc4? Ошибка, характеризующая глубину, вернее, поверхностность анализа компьютера. Очередные ходы академик сделал с явным удовольствием.

22. b3 Cb5 23. a4 b6 24. ab, и вскоре белые выиграли.

Впрочем, традиционное для шахматного комментатора “вскоре” в данном случае относится к астрономическому времени. Компьютер всегда играет до мата, и в приводимой партии был сделан не один десяток ходов прежде чем замигала красная лампочка индикатора, извещающая о том, что SC-2 признал свое поражение.

Во второй партии компьютеру были предоставлены белые фигуры SC-2–Н.П. ДУБИНИН

Ферзевый гамбит

1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 Kf6 4. Cg5 dc 5. C:f6 Ф:f6 6. e4 Kc6 7. Kf3 Cb4 8. C:c4 0–0 9. 0–0 C:c3 10. bc a6 11. e5 Фе7 12. d5 (несколько неточных ходов SC-2, и инициатива уже у черных) **12... ed 13. Ф:d5 Ce6 14. Фd3 Lad8 15. Фе4.**

В этот момент, единственный раз в ходе “матча”, Николай Петрович на несколько секунд задумался, проверяя последствия выигрыша пешки, и компьютер через десяток секунд издал характерный сигнал – напоминание, что он ждет ответного хода. “Нетерпеливая машина”, – засмеялся Николай Петрович сыграв **15... C:c4**, и партия продолжалась в темпе блиц: **16. Ф:c4 K:e5 17. K:e5 Ф:e5 18. Lae1 Фа5 19. Фе4 c6 20. Лb1 Ld7 21. Lfd1 Л:d1 + 22. Л:d1 Ф:c3 23. Фd4 Ф:d4 24. Л:d4 Le8 25. h4 Kpf8 26. a4 Le1 + 27. Kph2 Кре7**, и черные выиграли.

Игра с компьютером явно пришлась по душе акад. Н.П. Дубинину. Он интересовался техническими характеристиками устройства, осведомился, когда такой аппарат поступит в продажу.

В данном случае SC-2 не проявил своих лучших качеств, но, думается, его создатели могут гордиться, что партнером их детища был один из крупнейших ученых современности.

МАТЧ ГЛАЗАМИ УЧЕНОГО⁵⁸

Проходящий в Москве матч на первенство мира вызывает большой интерес у людей самых разных профессий, и в Концертном зале имени П.И. Чайковского в эти дни можно встретить деятелей искусства, видных ученых, известных спортсменов. Среди них – и выдающийся генетик, лауреат Ленинской премии академик Н.П. Дубинин. На вопрос, каковы его первые впечатления о матче, он ответил так:

– Прежде всего оригинально решение ФИДЕ назначить сразу двух главных судей, исполняющих свои обязанности по очереди... А, знаете, что-то в этом есть. Может быть, и в игровых видах спорта поступать также?! Скажем, в футболе...

Если говорить серьезно, то уже старт матча оказался интригующим. В первой партии превосходно играл Гарри Каспаров. А затем высочайший класс продемонстрировал Анатолий Карпов. Какая узенькая тропинка к ничьей оставалась у чемпиона мира при откладывании второй партии, но он прошел по ней твердо, ни разу не оступившись. Да и шансы на победу у Карпова в четвертой встрече стали для всех очевидными лишь после того, как он умело провел доигрывание.

– Николай Петрович, шахматы – одно из Ваших увлечений?

– Да, но и самое устойчивое. О других моих увлечениях, например, театром и футболом, остались одни воспоминания.

– Доводилось ли Вам сражаться за шахматной доской с коллегами?

– Долгие годы моими постоянными партнерами были биологи – доктора наук Александр Иванович Панин и Яков Лазаревич Глембоцкий. Когда же мы собирались втроем, я давал им, так сказать, микросеанс одновременной игры. Пожалуй, наиболее сильным партнером был профессор Дмитрий Федорович Петров – опытный кандидат в мастера и мастер по шахматной композиции.

– И последний вопрос: каков Ваш прогноз об исходе матча между Карповым и Каспаровым?

– Рискую показаться банальным, скажу, что оба участника достойны шахматной короны. А кому она достанется, предсказать не берусь. Еще предыдущее единоборство между ними показало, что и Карпову и Каспарову бойцовских качеств не занимать.

⁵⁸ С. Гродзенский "Сов. спорт". 1985. 28 сентября.

ВЕРНОСТЬ ИСТИНЕ, ВЕРНОСТЬ СЕБЕ⁵⁹

Академику Н.П. Дубинину 80 лет

“Деятельное участие в борьбе за нравственные устои науки, за ее служение народу составляет величайшее счастье ученого. Часто спрашивают: нравственна ли сама наука, или она лишена какой-либо окраски добра и зла? Может, будучи незрячей, как Фемида, она одинаково служит и плохому и хорошему? Я не могу с этим согласиться. Наука – это дитя разума, итог развития производительных сил и, одновременно, зерно будущего. Конечно, в последнем счете добро и зло в науке определяют социальные условия, в которых творит ученый. Но она не существует, не может существовать отдельно от духовного мира человека”.

Н.П. Дубинин

Сегодня о нем говорят: выдающийся генетик и биолог, ученый с мировым именем ... Многие его работы по праву считаются классическими...

Не всегда вклад Николая Петровича в науку получал столь высокую оценку. Были в его жизни тяжелые времена, годы отчуждения, дни отчаяния, но вот что не мучило его никогда, так это неверие в свое дело. В дело, которому он не изменял ни при каких обстоятельствах.

... Мы сидим за длинным столом, заваленным книгами и рукописями. На краю, в высокой вазе, букет хризантем. В окно бьет по-зимнему яркое солнце. За окном – ослепительная белизна только что выпавшего снега. На мой вопрос – какой период его жизни был наиболее богат событиями – Николай Петрович отвечает не задумываясь.

– Тот, когда я не был генетиком. Вынужденно не был. Этот отрезок времени вместил больше всего событий, пережитых мной.

Он подчеркнул слово “пережить...”. Время, о котором говорит Дубинин, внешне было наиболее спокойным в его жизни. Оно вошло в его биографию единственной строкой: экспедиция “гора Вишневая – Каспийское море”. А это долгие шесть лет с 1949 по 1955 г., когда он снова и снова прокручивал “хронику” пережитого, бередил боль, острой занозой засевшую в сердце. Когда лишь невероятным усилием воли отгонял от себя гнетущую мысль о том, что отлучен от любимого дела. Спасала многолетняя привычка работать до усталости, спасало неиссякаемое, почти детское любопытство к бесконечно разнообразному миру природы.

Вот как он напишет об этом позднее:

“Я уходил в ночь разлуки с генетикой, в условия работы и жизни совсем иные, чем те, в которых жил до сих пор. Эти годы были полны глубокого смысла слияния с природой и особого нравственного значения. Ее великая жизнь раскрывалась вокруг меня и во мне во всей глубине своей неизъяснимой тайны, в огнях, звуках, свете и в вечном движении. Много ночей в тишине или под шорохи ветра, в бликах луны, мерцающей сквозь деревья, я пролежал, глядя в черную, сверкающую бездну неба”.

⁵⁹ “Соц. индустрия”. 1987. 4 января. К 80-летию Н.П. Дубинина.

В такие часы чаще всего всплывало в памяти 25 августа 1948 г. Дубинин вместе со своим другом А. Паниным возвращался из поездки по реке Белой. Ожидая отхода поезда Горький – Москва, Николай Петрович остановился перед газетным щитом. Стал читать передовую статью “Известий” и обмер. Она была посвящена разгрому “антинародного” учения в биологии – классической генетики. Той самой генетики, которой Дубинин посвятил свою жизнь. Разгром произошел на печально известной сессии ВАСХНИЛ.

Кусая губы так, что выступила кровь, он прочитал статью до конца. А когда вернулся к поезду, где оставил Панина, был уже другим человеком...

– Словно вырвал кто-то из моего сердца стержень жизни, – вспоминает тот вечер Дубинин, – и горе стянуло лицо и горло. В августе 1948 г. мне был 41 год. Хороший возраст, чтобы бросить на человека всю тяжесть невзгод. У него есть опыт, он полон сил и знает титаническую силу терпения, труда, выдержки и надежды.

Вскоре после этого события Дубинин и его сотрудники вынуждены были покинуть стены Института экспериментальной биологии на Воронцовом поле, д. 6. Здесь шестнадцать лет тому назад началась его самостоятельная работа – молодой ученый возглавлял отдел генетики. Здесь, как он сам считает, прошли его самые лучшие, светлые годы. Изгнанный генетик ушел отсюда не сломленным, с неистребимой уверенностью в своей правоте, ясным пониманием того, что будущее принадлежит утверждению истины.

О предстоящей сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Дубинин не знал, поскольку подготовка к ней шла тайно, осторожно. Многие видные генетики и биологи того времени так же не знали о надвигающейся опасности. Как корил тогда себя Николай Петрович, что не предвидел организационного демарша сторонников “мичуринского” учения во главе с Т. Лысенко. Если б знал, он пробился бы сюда, на эту сессию, и со свойственной ему горячностью, которая никогда не мешала ему рассуждать логически, кинулся бы в драку.

В первые месяцы экспедиции ночные мысли одолевали с особой силой. Тогда он окончательно понял, почему Лысенко взял верх. Вексель на абсолютную истину был даден ему Сталинским “браво”, когда “последователь Мичурина” публично обещал обеспечить стране небывалые до того урожаи. Но Дубинин понимал: уверенность “мичуринца” в своей непогрешимости держалась еще и на доверии народа к “демократичному ученому”, сулившему сельскохозяйственное благоденствие, близкое чудо, доступное всем. Эта спекуляция особенно претила Дубинину, человеку чрезвычайно добросовестному, умеющему прогнозировать реальные последствия научных открытий, соразмерять возможности их практического воплощения.

... И вот после шести безработных месяцев Дубинина “приютила” экспедиция “гора Вишневая – Каспийское море”. Он всегда любил птиц, но раньше и предполагать не мог, что будет с ними “на ты”. Теперь генетик невольно стал орнитологом, очертя голову бросившись в изучение этой абсолютно новой для него науки. И привязался к ней.

“Обычно очень торжествен сорокопут-жулан. На острых ветках куста, в котором скрыто его гнездо, наколоты его запасы – жуки, зеленые кузнечики, а иногда мышата или птенчики мелких птичек. Над прибрежным лесом распластав крылья, летит громадная белая птица, когда она поворачивается, то видно, что у нее темный верх. Это хищная скопа, которая камнем падает в воду и взлетает с крупной рыбой в когтях”.

Хищные птицы порой возвращали его к мыслям о противниках из другого лагеря. С Лысенко Дубинин впервые познакомился в 1932 г. в Одессе, где выступал на республиканской методологической конференции с докладом “Об основных проблемах генетики”. Лысенко, тогда еще молодой агроном, выступил в прениях. Он не признавал теории гена, говорил, что ген – это фальшь. Дубинин глядел на него и думал о странном сочетании приходящей к этому агроному славы новатора с беспомощностью его в столь важных вопросах теории. Предполагал ли тогда двадцатипятилетний руководитель отдела генетики, что эта встреча – начало длительной борьбы, когда на чашу весов будет брошена его судьба и еще судьбы многих людей?

– Опасность чувствовал, – говорит Николай Петрович, – но ее размеров действительно не знал.

Первая большая схватка произошла уже через четыре года, после той встречи, в 1936 г. на четвертой сессии ВАСХНИЛ. Тут лидерам генетики Н. Вавилову и А. Серебровскому под атаками набравшего силу Лысенко пришлось занять оборонительную позицию. Выступил и Дубинин. Не нужно играть в прятки, сказал он. Если в области теоретической генетики восторжествует теория, душой которой, по заявлению академика Трофима Денисовича Лысенко, является Исая Израилевич Презент, то в этом случае современная генетика будет уничтожена полностью...

Первый гром – так называет сейчас Дубинин эту дискуссию. Сколько их еще будет – громких раскатов! Но позиция определена раз и навсегда. Что помогло ученому столь своевременно и твердо определить для себя путь, с которого он потом не свернул ни разу?

В залитом солнцем кабинете восьмидесятилетний Дубинин спокойно смотрит собеседнику в глаза. Он заслужил это своей жизнью – смотреть прямо, не отводя глаз...

Отлучение от генетики на долгие шесть лет – одна из тех жертв, что были ему уготованы.

“Урал плывет мягкий и теплый на ощупь, черный, если смотришь на него с зыбкой кромки ночных песков. Тени сов ломают свой полет не слышно и остро. Флинн бухает, его заунывные вопли “фу-бу”, “фу-бу” несутся вдоль по черным пескам, обгоняя медленно дышащие воды реки. Воздух свежий, чистый, холодный, неповторимый воздух уральской ночи пьянит кровь и мысли идут острые, яркие”.

Бескомпромиссность всегда обходилась Дубинину дорого. Так было и в этот раз. В 1939 г. его кандидатура была выдвинута для избрания в члены-корреспонденты АН СССР. Но он не был избран в состав Академии. Зато ее действительным членом на этих же выборах стал Т. Лысенко. Именно тогда Дубинину со всей очевидностью стало ясно, что мало занимать бескомпромиссную линию обороны. Пора вносить в борьбу общественно-научный атакующий стиль. Лысенко выигрывает потому, что постоянно наступает, поэтому только прямой атакой на его ошибки можно дать ему необходимый отпор.

Такая тактика и была применена на второй крупной дискуссии по генетике в конце 1939 г., которая проходила под руководством редколлегии журнала “Под знаменем марксизма”. Многие участники этой дискуссии поддерживали Лысенко, который уже был президентом ВАСХНИЛ и явно претен-

довал на роль руководителя всей биологической науки страны. Ученый В. Милованов даже заявил тогда, что “с Лысенко – весь советский народ”. В такой обстановке критиковать научный авантюризм нареченного лидера было нелегко, но тем не менее удар по его основным философским претензиям был нанесен основательный: смело и аргументированно выступали Н. Вавилов, А. Серебровский, А. Жебрак, С. Алиханян, Н. Дубинин. Были раскритикованы также философские потуги И. Презента, которого Лысенко не раз называл душой своих теоретических построений.

... Казалось бы, после войны ничто не грозило генетике – раны от дискуссий затянуло время. Общим порывом было – работать, работать, возрождать, строить. Н.П. Дубинин на первых же послевоенных выборах в АН СССР был снова рекомендован в члены-корреспонденты. Лысенко выступил с категорическим протестом, где назвал его “вожаком антимичуринской группы генетиков”. Утверждал, что Дубинин “представляет в нашей генетической науке идеологию консервативных и даже реакционно настроенных в идеологическом отношении зарубежных биологов”. Несмотря на этот чудовищный выпад избрание состоялось.

Сразу после избрания Николай Петрович несколько раз встречался с президентом АН СССР С. Вавиловым, ратуя за создание Института цитологии и генетики, где бы можно было вплотную заняться исследованием проблем наследственности с широким привлечением методов математики, физики и химии. И вот решение о создании нового института принято, возглавить его предложили Н.П. Дубинину. Открыть институт на Воронцовом поле, дом шесть, предполагалось в 1948 г. Сессия ВАСХНИЛ, состоявшаяся в это же время смешала все планы, разрушила немало надежд...

“Костер, то пылающий ярко, то чуть тлеющий, задумчивый, в красных мерцающих углях, сопровождал нас все эти годы. Днем, когда на нем готовили пищу, его пламя казалось белым. Вечерами он начинал цвести алыми длинными лепестками своих языков. Ночью же красная мощь отодвигала круг темноты, за которым тьма ночи была совсем непроглядной”.

Тьму ночи отодвигал костер. Отодвигали ее и надежды.

– В 1953–1954 гг. началась решительная борьба за возрождение генетики, – рассказывает Дубинин. – Это была задача государственной важности. Без этого вся биология, ее практика, проблемы обороны страны от биологического оружия не будут решены. Я обратился в АН СССР, предлагая срочно приступить к разработке вопросов теоретической и экспериментальной генетики, организовать для этого лабораторию. Мы вступили в ядерную эру. В атмосфере испытывалось атомное оружие. Все острее вставал вопрос о влиянии радиации и химии на наследственность. Медлить мы не имели права.

Лаборатория была учреждена только в середине 1956 г. Ею стал заведовать Н. Дубинин. Решение, подписанное А. Несмеяновым, стало решающим в возрождении генетики. С этого момента началось ее восхождение к тем высотам, где она станет ключевой наукой всего современного учения о жизни. Правда, порогов и перекатов впереди было еще немало.

Лаборатория радиационной генетики быстро окрепла и вскоре превратилась по сути дела, в небольшой институт. Отсюда вышли многие известные ученые. Спустя некоторое время Комитет по радиации, опираясь на

данные, полученные Дубининым и его сподвижниками, решительно высказался против испытания ядерного оружия в атмосфере. Генеральная Ассамблея ООН утвердит решение Комитета. Лаборатория стала также непременным участником медико-биологической программы космических исследований. Эти работы дали начало новой науке – космической генетике.

– В это время я ощутил особую уверенность в себе, – вспоминает Николай Петрович. – Она базировалась на самых добросовестных исследованиях, которые получали признание. У меня появилось много учеников – молодежь валом валила в перспективную многообещающую науку.

И вот Дубинину уже поручено создать и возглавить в Новосибирске Институт цитологии и генетики. Он создает это учреждение, собирает там большие силы ученых, разбросанных в разных концах страны, разворачивает крупные фундаментальные исследования. Оценка его деятельности в этот период – орден Ленина.

Утром второго июля 1959 г. Дубинин шел на работу в институт. Увидел свою сотрудницу Т. Ростовцеву. Хотел было ее поприветствовать, как обычно, но, взглянув внимательнее, ужаснулся – на ней не было лица.

– Что случилось?

Она молча подала газету. В газете было выступление Н.С. Хрущева. Дубинин тут же уперся глазами в свою фамилию. Противник мичуринской теории... Его работы принесли очень мало пользы науке и практике... Если он чем-либо и известен, так это своими статьями и выступлениями против теоретических положений и практических рекомендаций академика Лысенко...

– Так была решена судьба моего директорства в Новосибирске. Не правда ли, моя жизнь похожа на качели?

И опять он потянулся к природе, к ее врачующей силе.

“Встань на опушке русского леса и посмотри. Тишина, и вдруг на березки, которые когда-то выбежали на край поля и встали в изумлении перед синью небес, набегает ветер. Он обнажает их белые тела. Их ветви подняты к небу в восходящем потоке. Но вот затихает шелест листьев. Зеленые ветви клонятся, замирая в дремоте”.

– В книге Фихте “О назначении ученого” я нашел такие слова: “Я – жрец истины, я служу ей, я обязан сделать для нее все – и дерзать, и страдать. Если бы я ради нее подвергался преследованию и был ненавидим, если бы я умер у нее на службе, что особенное я совершил бы тогда, что сделал бы сверх того, что я просто должен был сделать?”

По молодости лет мне понравилась фраза “я – жрец науки”. Затем долгие годы моим девизом была уже другая мысль – “я обязан сделать для нее все”. И вот теперь, когда прошли долгие годы труда и борьбы, я говорю: “все это я просто должен был сделать”.

Будет возрождение, будет слава. Будет период жизни, который Дубинин назовет солнцестоянием. Он создаст и долго будет возглавлять еще одно научное учреждение – Институт общей генетики.

В 1968 г. Дубинин выступил на XII Международном генетическом конгрессе в Токио. Мировая генетика после тридцатилетнего периода встретила с представителями СССР и отдала должное их успехам. И вот уже Н. Дубинин – член многих иностранных академий наук. Перечисление его титулов заняло бы здесь немало места.

Сегодня опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Н.П. Дубинина орденом Ленина.

“Да, генетика стоила борьбы. Трудные дороги ослепительных радостей и тяжелых дней пересекали мою жизнь. Ничто не дается даром. Я ощущаю глубокое чувство благодарности своей судьбе. Я бы не хотел прожить другую жизнь. Я слышу, словно прибой, голоса поколения, идущего нам на смену”.

* * *

УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ! С НОВОГОДЬЕМ ВАС!

Мы хотим, чтоб ушли безвозвратно невзгоды,
Чтоб навеки осталось при Вас
Все, что было хорошего в прошлые годы.
Чтоб дела Ваши были с мечтою в ладу,
Чтобы сердце желаний больших не забыло!

Л. Винникова⁶⁰

Р. Михайлов

РОВЕСНИК ГЕНЕТИКИ⁶¹ (Беседа с академиком Н. Дубининым)

В книге “Вечное движение”, вышедшей полтора десятилетия назад, академик Н. Дубинин, вспоминая о своей юности и выборе жизненного пути, написал: “Я не знал тогда, что существует целая наука, изучающая наследственность, и, что она с 1907 г., т.е. с года моего рождения носит имя генетики”.

При недавнем разговоре с ним Николай Петрович попросил исправить небольшую неточность:

– Я проверил по первоисточникам. Термин “генетика” – от латинского “генезис” (происхождение) – предложил английский исследователь У. Бэтсон в 1906 г. ...

Разница небольшая. Тем более что день рождения у Н.П. Дубинина – 4 января. По сути, ровесник генетики. Науки, которой он отдал всю жизнь и судьбу. Его непосредственные учителя – Н.К. Кольцов, С.С. Четвериков, А.С. Серебровский, генетики с мировым именем, прочно занявшие в истории этой науки места основоположников ее. На видном месте в ней и труды самого Н. Дубинина.

Жизнь и судьба... Не случайно эти слова встали рядом. Известны трудности в истории советской генетики.

⁶⁰ Винникова Л. – ученица школы № 52, по поручению совета Музея истории ВЧК. Барнаул.

⁶¹ “Правда”. 1987. 4 января.

– В двадцатых годах началась эпоха блестящего развития ее, – рассказывает ученый. – Идеи и эксперименты наших ученых постоянно опережали работы зарубежных биологов. Выдающимися по значению были вышедшие в 1946 г. труд академика И.И. Шмальгаузена, в 1947 г. книга академика АМН СССР С.Н. Давиденкова по генетике человека. Печально “знаменитая” августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г., на которой генетическая наука была объявлена “ложным, метафизическим учением”, произошла на новом ее взлете, на пике движения вперед. Ведь всего через пять лет Дж. Уотсон и Ф. Крик создали модель пространственной структуры ДНК – двойную спираль, – позволившую объяснить многие ее свойства и биологические функции. Создали, в частности, и на базе тех теоретических посылок, что высказывались в трудах наших ученых...

Н. Дубинин был в числе тех ученых, кто последовательно отстаивал подлинно научные позиции. Он ушел от лабораторных исследований, стал “прикладным” орнитологом. В те годы закладывались государственные защитные лесные полосы. Ученый начал работать на трассе тех, что должны были протянуться по берегам Урала – через степь до берегов Каспия. От птиц, защищающих от насекомых-вредителей, зависело здоровье будущих лесов. Попутно же Н. Дубинин рассчитывал использовать материалы наблюдений для познания некоторых вопросов генетики популяций.

К жизни биолога-полевика Николаю Петровичу не нужно было привыкать – он заядлый рыболов, и в отпускные месяцы немало путешествовал по рекам. Но предстояло освоить методы полевых наблюдений, научиться узнавать любую из птиц по внешности и по голосам. Как удалось справиться с этим в не юношеском уже возрасте и в короткое время?

– Еще в студенческие годы я приучил себя к постоянной и напряженной работе. Она стала потребностью, привычкой, нормой жизни. Изучение книг по орнитологии, неустанное – от зари до зари – наблюдения за птицами в природе помогли в короткое время освоить новую научную специальность.

Без этой привычки к труду академик Н. Дубинин не стал бы академиком. Сын кронштадтского матроса, погибшего в 1918 г., беспризорник в годы Гражданской войны, детдомовец. В отрочестве жизнь не вела его “за руку” мимо трудностей. Он учился, потому, что страстно хотел учиться.

К воспоминанию о пятидесятых годах и о том, как генетик Н. Дубинин стал орнитологом, пришлось обратиться не потому лишь, что из песни слова не выкинешь. Исторические экскурсы поучительны. В беседе с академиком мы единодушно посетовали на то, что у сегодняшних студентов много школярских привычек: учить от сих и до сих, не выходить за пределы лекций и учебников, подающих предмет в неизбежно кратком и упрощенном изложении, да еще плюс к тому, заранее выбрав направление деятельности, рационально отбрасывать якобы “лишние” дисциплины. Николай Петрович рассказывал о том, как в свои студенческие годы увлекся философией, штудировал Канта и Фихте, после которых взялся за “Материализм и эмпириокритицизм” В.И. Ленина, где только и нашел ответы на трудные вопросы, волновавшие его. Диалектический материализм стал для него не заученной истиной, но трудно добытым мировоззрением. И это, кстати, помогло не сдаваться, не скатываться к приспособленчеству в те трудные годы, когда он опять-таки благодаря тому, что в студенческие годы широко и жадно пости-

гал все курсы, читавшиеся тогда на биологическом отделении физико-математического факультета МГУ, вынужден был заниматься орнитологией.

Но ход жизни возвращал к необходимости развития генетических исследований. На их злободневность прямо указывал, например, начавшийся век атома. В 1956 г. Н. Дубинин стал заведовать вновь созданной в Институте биологической физики АН СССР лабораторией радиационной генетики. Год спустя было принято постановление об организации Сибирского отделения АН СССР и в его составе Института цитологии и генетики, директором которого стал Н. Дубинин. В 1966 г. он возглавил выросший в Москве на базе лаборатории радиационной генетики Институт общей генетики АН СССР. Генетические исследования развернулись в полную силу, и не только в названных научных учреждениях. Сегодняшние достижения наших ученых вернули потерянный было мировой уровень советской генетики.

История учит. Тому, например, как необходимы в науке соответствующая ей корректность, уважение к фактам, терпимость к мнениям. Нагонять упущенные годы трудно, давний, однако же многолетний перерыв в исследованиях дает знать о себе и сегодня: работы советских генетиков – на уровне мировых достижений, но не всегда впереди.

– События 1948 г. прервали преемственность развития идей в школах великих ученых, сложившихся в пору предвоенного развития советской генетики, – размышляет Н. Дубинин. – До сих пор сказывается и наша недостаточная материальная обеспеченность – приборами для исследований, тонкими химическими реактивами. А это тоже в определенной степени связано с прошедшими годами. Наконец, если сравнить, например, с США, отстаем мы и по числу ученых, работающих над фундаментальными проблемами нашей науки.

Николай Петрович делится соображениями о перспективах развития исследований. По основным направлениям создаются группы, формально объединяющие ученых из разных научных учреждений. Однако по существу в этих группах нет реальной тематической координации. Исследователи находятся в известной степени в противоречивом положении, ибо отвечают за тематику и ход работ, как перед руководством своего института, так и перед координаторами. Для успешного продвижения вперед, для ярких достижений нужна не формальная координация, нужны лидеры, способные создать новые научные школы.

Впрочем, может быть, в этих размышлениях ученого проступает яркое впечатление о своих учителях – признанных ныне классиках советской генетики...

Сегодня Николаю Петровичу Дубинину исполняется восемьдесят лет. Академики не выходят на пенсию. Давняя привычка к труду не покидает его. На рабочем столе лежат – из итогов минувшего года – вышедшие в свет в издательстве “Штиинца” в Кишиневе учебник “Генетика”, в “Науке” в Москве – третье, обновленное издание книги “Общая генетика” и там же книга “Новое в современной генетике”. Всего же за долгую жизнь лауреатом Ленинской премии Н. Дубининым написано сорок монографий, более тысячи научных статей.

– Тысяча пятнадцать – улыбаясь уточняет ученый.

Счет будет продолжен. Под руководством академика Н.П. Дубинина работает коллектив, ведущий исследование по экспериментальному мутагенезу. Десятилетия назад он возглавил лабораторию радиационной генетики. Проблемы, поставленные веком атома, волнуют нас и сегодня. Но идет еще и век химии, производства которой загрязняют биосферу. Опасность очаговых загрязнений, катастроф, подобных недавно происшедшей на химических предприятиях в швейцарском городе Базеле и вызвавшей отравление воды в Рейне, очевидна. Но есть глобальные загрязнения, рассеивание в биосфере чужеродных ей веществ в малых концентрациях. Безобидны ли они? Как действуют на наследственную основу живых существ? Вопрос отнюдь не праздный.

Академик привык к труду. Работа – это норма жизни. И возраст здесь не помеха...

* * *

Наша жизнь, сколько всякого в ней...

И невзгоды и радости рядом.
К Вам сегодня пришел юбилей
Осторожным охотничьим шагом.

Лучший день – он еще впереди.
Ах, как много надежд ожиданья!
Юбилей – Ваше солнцестояние,
Передышка на славном пути.

Есть на свете немало дорог,
Только их выбирай по желанью.
Раз ступив на заветный порог,
Оставались Вы верны призванью.

Вы нам дороги всем бесконечно,
И мы рады сказать Вам сейчас:
Честь и слава в движении вечном
Устоявшему в бурях не раз!

Долог путь совершенья идей.
Ум и совесть победу рождали.
Блеск таланта для счастья людей
И любимой страны Вы отдали.

Настежь сердце науке и впредь!
Искрам мыслей сверкая взлетать!
Не болеть, здороветь, молодеть!
Улыбаться, смеяться, мечтать!

Без подписи

ГЕНЕТИКА БЕЗ ЧУДЕС⁶²

Непростым был путь к признанию этой области современной науки. Требовались настойчивость и твердость, подлинная научная смелость, чтобы доказать жизненную силу, невероятные возможности генетики. Среди тех, кто пробивал путь к ее сегодняшним вершинам, – Николай Петрович Дубинин. Много блестящих работ на его счету. Много важнейших исследований провел под руководством Н.П. Дубинина Институт общей генетики имени Н.И. Вавилова АН СССР. И сегодня в возглавляемой им лаборатории поистине творят чудеса...

– Конечно, давно уже никто из ученых ни достижения селекции, ни возможности генной инженерии чудесами не считает, – говорит Николай Петрович. – Более того, исследования наши ведутся ныне на прочной математической основе, и без компьютеризации генетика теперь уже двигаться вперед не может. Все сложнее эксперименты, все глубже проникаем мы в тайны живой клетки, и не перестаешь удивляться силе познания. Что может сегодня генетика? Животноводство и повышение урожайности растений, очистка сточных вод и получение ценнейших медицинских препаратов, профилактика опасных болезней – да разве ж перечислишь все направления поиска.

Наследственные изменения, влияние на здоровье будущих поколений... Когда заходит разговор на эти темы, Николай Петрович взволнованно поясняет непоправимый вред, наносимый неразумным отношением к охране окружающей среды. И особо выделяет проблему проблем – использование научных достижений в мирных целях.

– Многое может генная инженерия, но ведь вопрос в том, на что будут направлены ее достижения. Увы, нам известны и возможные последствия биологической войны. Бактериологическое оружие способно уничтожить миллионы людей, и его создание, совершенствование грозит бедой человечеству. Понимая это, мы стоим за мирное использование богатых возможностей генной инженерии, за тот путь, который настойчиво предлагает планете наша страна, – к миру, разоружению.

Надо отметить, что деятели генетической науки – и Н.П. Дубинин в том числе – были и остаются среди наиболее активных участников международного движения ученых за мир. И это не случайно – им особенно ясен непоправимый ущерб, который может быть нанесен роду человеческому, если не будет остановлена гонка вооружений.

... Утро в лаборатории. Обычное, рабочее. Идут эксперименты в области генетики мозга, мутагенеза. Николай Петрович обсуждает с коллегами результаты, только что полученные с помощью новой электрофорезной аппаратуры. Наблюдая за дискуссией, ловишь себя на мысли о том, как молод и энергичен, как предан делу этот человек. И никак не верится, что сегодня академику Н.П. Дубинину исполняется 80 лет. Что вошел он в число кори-

⁶² “Московская правда”. 1987. 4 января.

феев генетической науки. Что многие десятилетия трудится он в неизменно высоком напряженном темпе.

Но именно так и есть. Со всех концов света стекались в эти дни поздравления ученому с “круглой” датой. Даже по адресам отправителей можно догадаться, сколь широк круг тех, кто применяет у себя достижения генетики, – тут не только научные коллективы, но и Киевский трест “Зеленстрой”, и опытные сельскохозяйственные станции, и клиники... А сколько зарубежных адресов! Да это и понятно, если учесть количество международных исследовательских программ, семинаров, симпозиумов, в которых участвовал Николай Петрович, что является он иностранным членом Академий Польши, Великобритании, США, других стран.

Присоединяясь к этим поздравлениям, мы желаем лауреату Ленинской премии академику Н.П. Дубинину еще многих лет успешного научного поиска, новых открытий ради жизни, прогресса удивительной, давно перешагнувшей границы “чудес” генетической науки.

* * *

Указ Президиума Верховного Совета СССР
О награждении академика Дубинина Н.П. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии биологической науки, подготовке научных кадров и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить академика ДУБИНИНА Николая Петровича орденом Ленина

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

А. Громько

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Т. Ментешашвили

Москва. Кремль, 31 декабря 1986 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Примите поздравления с 80-летием со дня рождения и благодарность за Ваш выдающийся вклад в генетику, за Ваш Подвиг в защиту генетики и нейрогенетики!

Академик
4 января 1987 г.

Л.О. Бадалян

ОДА НА ДЕНЬ 4 ЯНВАРЯ
1987 ГОДА

Восемь десятков и одна
Промчалось долгих зим,
И каждым летом много туч
Сгущалось над ним.

Но вынес все наш богатырь
И создал два дворца,
И в них обоих – храм наук
Возвел он до конца

Нас пивовары – хитрецы пытались побороть,
Но уж во все летит концы:
Ан нет: наоборот.

Ушли Лысенко и Презент,
Пусть не приходят вновь.
Пусть будет долго длиться век
Российских мудрецов!

Без подписи

АДРЕС БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ

Уважаемый академик, НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ДУБИНИН!

Участники торжественного собрания, посвященного Вашему 80-летнему юбилею, организованному Союзом научных работников Болгарии, Болгарской академией наук и Домом советской науки и культуры, третьего февраля 1987 г., от всего сердца приветствуют Вас и желают Вам крепкого здоровья и долголетия, творческих успехов в Вашей любимой науке – генетике. Мы горячо поздравляем Вас и с награждением высоким орденом Ленина – выражением заслуженной оценки и благодарности Советского правительства за всю Вашу деятельность.

Известны Ваши заслуги в области развития советской и мировой генетики, в деле утверждения ее достижений.

Болгарские биологи выражают Вам свою бесконечную благодарность, потому что сегодня они развиваются в значительной степени под благотворным влиянием Ваших научных достижений.

Ваши посещения нашей страны всегда встречались с большой радостью и интересом. Они давали новые идеи и направления в работе болгарских биологов.

Ряд наших ученых учились у Вас, и считают себя Вашими учениками.

Дорогой наш учитель, Николай Петрович!
Для всех нас Вы всегда были и будете вдохновляющим символом подвига, гражданской смелости и неукротимого стремления к истине в науке.

София.

От участников собрания.

В.Я. Савенков

Савенков Владимир Яковлевич – доктор технических наук
заслуженный деятель науки и техники Украины,
академик Международной академии биоэнерготехнологии,
Лауреат премии Совета Министров СССР и им. акад. К.Ф. Стародубова
Международной инженерной академии

ВСТРЕЧИ С НИКОЛАЕМ ПЕТРОВИЧЕМ ДУБИНИНЫМ

Мои встречи с Николаем Петровичем были посвящены обсуждению проблемы возникновения жизни на Земле. Этой проблемой я увлекся, увидев ошибочный подход в ее решении таких видных ученых, как А.И. Опарин и другие.

В процессе беседы с Николаем Петровичем, он указывал, что без решения вопроса механизма возникновения молекул наследственности, и их комплексов с белками невозможно решить проблему происхождения жизни. Эту мысль он неоднократно излагал и в своих публикациях. Я трижды встречался с Николаем Петровичем и всегда восхищался его уникальным природным даром видеть единственно верное решение сложного вопроса. Его гениальность, энергичность и доброта подымали во мне дух и силы при решении поставленных перед собой вопросов. Жаль, что природа очень скупа на появление таких людей, которые полностью отдают себя науке и обществу. Моя книга “Новые представления о возникновении жизни на Земле” была опубликована в 1991 г. и с дарственной надписью подарена Николаю Петровичу.

2002 г.

ИЗ ПОЗДРАВЛЕНИЙ В СВЯЗИ С 90-летием СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Ленинский проспект

Москва
05.01.1998 г.

Дорогой Николай Петрович!

От всей души поздравляю Вас с 90-летием.

Невозможно представить российскую науку без имени академика Дубинина. Вы – ученый с мировым именем, один из основоположников отечественной школы генетики. Даже простой перечень открытий, совершенных Вами в науке, потребует значительного времени. Они находят практическое применение в сельском хозяйстве и медицине, в оборонной промышленности и космических исследованиях. Огромную важность имеют ваши работы, посвященные проблемам охраны окружающей среды и рационального использования биологических ресурсов. Считаю особо ценными Ваши прогнозы генетических последствий загрязнения биосферы. Какой бы научной проблемой Вы не занимались, никогда из поля Вашего зрения не уходили человек и человечество. Вы всегда предупреждаете об опасностях, которые угрожают человеческому роду, ищете пути к цивилизованной благополучной жизни людей на нашей планете.

Спасибо Вам, Николай Петрович за титанический труд на благо России, здоровья Вам и долголетия.

Б. Ельцин

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Москва, Губкина, 3
Институт общей генетики имени Н.И. Вавилова РАН
Академику Дубинину

Москва
08.01.1997 г.

Уважаемый Николай Петрович!

По поручению коллегии Российского космического агентства сердечно поздравляю Вас в день девяностолетия. С чувством большого удовлетворения отмечаем, что многие годы трудовой деятельности Вы посвятили работе в специальной отрасли промышленности, стояли у истоков космической биологии и продолжаете вносить большой личный вклад в создание образцов ракетно-космической техники. Желаем Вам, уважаемый Николай Петрович доброго здоровья, личного счастья и дальнейшей плодотворной деятельности на благо России.

По поручению коллегии Генеральный директор РКА

Коптев

ТЕЛЕГРАММА

Москва, Ленинский проспект
Академику Дубинину

Москва
31.12.1996 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович,

Отделение общей биологии Российской Академии наук сердечно поздравляет Вас с 90-летием со дня рождения. Мировая научная общественность ценит Вас как выдающегося биолога генетика, непримиримого борца за научную истину. Желаем Вам, дорогой Николай Петрович, здоровья, долгих лет жизни, дальнейших творческих успехов.

Академик-секретарь Отделения общей биологии РАН
академик

Соколов

Академику Российской Академии наук
Н.П. Дубинину

Киев
31.12.1996 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Петрович!

От имени всех украинских ученых и от себя лично горячо и сердечно поздравляю Вас со славным юбилеем!

Шлю пожелания крепкого здоровья, больших жизненных сил и творческого вдохновения, дальнейшей плодотворной деятельности на благо науки и общественного прогресса!

От всей души желаю, чтобы еще долгие годы Ваши достижения и Ваше имя были символом авторитета российской науки!

Искренне Ваш
Президент НАН Украины

Б.Е. Патон

Москва

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

По случаю Вашего славного юбилея от всего сердца желаю Вам доброго здоровья, успехов в науке и много счастливых лет жизни!

Вы гордость и слава нашей русской науки!

Вы внесли огромный вклад в развитие генетики.

Вы вкладываете свой великий труд в науку, определяющую будущее человечества!

Пусть сопутствует Вам на этом пути звезда познания жизни!

М. Бочаров⁶³

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Примите от коллектива Института генетики АН Молдавии самые искренние поздравления с Вашим славным юбилеем. Мы преклоняемся перед Вашим подвигом служения генетике, фундаментальными трудами, которые

⁶³ Бочаров М. – доктор технических наук, профессор кафедры управления.

вошли в сокровищницу мировой науки, перед Вашей добротой, широтой души, умением и желанием поддержать все ценное, интересное. Мы высоко ценим и помним Ваш вклад в создание нашего института, в развитие генетики и селекции в Молдавии.

Живите долго и счастливо, дорогой Николай Петрович, на радость нам и благо любимой нами науки – генетики!

Сегодня к Вам из Кишинева,
В Ваш знаменитый юбилей,
Летит приветственное слово
Учеников, коллег, друзей.

Судьба нам подарила счастье –
Жить рядом с классиком живым,
Иметь хоть малое причастье
К его открытиям большим.

И возвращается сторицей
Ваш труд души, ума и рук,
Не зря генетика – царица
Биологических наук.

Какие славные итоги!
Вы стали знаменем эпохи.
И как великий человек
Собой заполнили весь век.

Враг суеты и празднословия,
Спасали истину не раз,
Мы Вам желаем в этот час
Добра, удачи и здоровья!

От имени коллектива Института генетики АН Молдавии
директор член-корреспондент АН Молдовы

А. Жакотэ

И ЭТО ВСЕ О НЕМ

⟨...⟩ Мы высоко ценим Ваши замечательные достоинства, требовательность к себе, чуткость и внимательное отношение к своим помощникам, готовность оказывать всестороннюю помощь молодежи, избравшей нелегкий путь науки. Вас окружают ваши ученики и соратники – это обеспечивает ту преемственность научных идей, которая столь необходима для прогресса научного познания ⟨...⟩

Директор Главного ботанического сада академик

Н. Цицин

⟨...⟩ Ваш выдающийся творческий вклад в развитие мировой отечественной генетики невозможно переоценить. Ваше мужество, принципиальность, стойкость как истинного рыцаря науки всегда будут примером для многих поколений ученых.

От имени коллектива Главного ботанического сада
и Совета ботанических садов

Л.Н. Андреев

Примите сердечные пожелания от одного из многих, чья судьба в нашей замечательной науке была Вами определена в тепер уже весьма далеком 58-м году.

Спасибо Вам за уроки интеллектуального мужества и последовательности в постижении истины жизни, – остающейся столь пленительной и столь недосыгаемой для каждого нового поколения.

Всегда и искренне

В. Евсиков

⟨...⟩ С высоты моего возраста это еще не старость и я надеюсь, что ваш светлый ум и энергия еще во многом украсят нашу науку.

Ваш

Курсанов

⟨...⟩ Восхищен творческой неутомимостью, стойкостью ⟨...⟩

Ваш

Татаринов

⟨...⟩ Лично для меня вы всегда были одним из мужей-воителей, которыми и держится Земля Русская ⟨...⟩

А. Потемкин

⟨...⟩ Какой славный юбилей! Как много вы сделали для русской науки, для Родины, для людей!

Какое счастье обладать огромной эрудицией и творить в любимой области науки! Ведь это есть познание бесконечного. А Вы этим обладаете!

* * *

Разрешите поздравить Вас и пожелать, чтобы талант, данный Вам, наподобие драгоценного камня, извлеченного из недр земли, из года в год приобретал все новые грани. И чтобы эти грани, отражая мир и всю красоту земную, блистали на пользу и радость человечеству, всем людям и нашей Родине.

* * *

Вы, как ученый, сердце нашей страны. Трудом наших ученых, как и наших воинов, наш народ победил фашизм, принеся совершенно неисчислимы жертвы. И Ваш труд тоже жертва, которую Вы приносите для процветания нашей страны. Сердце сжимается при воспоминании всего пережитого.

Всегда Вам благодарная за Ирину Николаевну Свешникову

Валентина Николаевна Свешникова

⟨...⟩ Неисчерпаемость Вашего творческого потенциала, научной интуиции, восхищающая работоспособность, преданность науке – единственный пример для всех отечественных биологов. ⟨...⟩

Один из Ваших учеников

С. Городецкий

⟨...⟩ Гордимся тем, что мы Ваши современники, что нам выпало счастье не только знать Ваши труды, но и встречаться с Вами, слушать Вас. Вы – славный сын Отечества, известны своими открытиями ученым всего мира, внеся огромный вклад в развитие генетики, вы прославили советскую науку и страна вправе гордиться Вами. Мы, Ваши ученики, высоко ценим Вашу принципиальность, человечность, выдержку, умение бороться и побеждать, побеждать и еще раз побеждать все рутинное, косное, чуждое настоящей советской науке.

От коллектива ВНИИРГЖ академик ВАСХНИЛ

Н.Г. Дмитриев

⟨...⟩ Вся жизнь – это борьба, работа в науке тоже борьба с косностью, рутинерством, карьеризмом. ⟨...⟩

С. Миронов

Преподаватель

Ровеньки, Ворошиловградская обл.

⟨...⟩ Великий мученик науки (и устоявший!! победивший, доказавший свою правоту во имя науки!) ⟨...⟩

Н.П. Рыбалко

⟨...⟩ Ваши достижения в области генетики, огромная эрудиция, неутомимый поиск, кипучая энергия, талант организатора – великолепный пример для генетиков младшего поколения. ⟨...⟩

Орловские генетики

Дорогой Николай Петрович! Поздравляю Вас с днем рождения! Желаю крепкого сибирского здоровья, долгих лет жизни, успехов в развитии материалистической биологической науки.

Академик

Ремесло

⟨...⟩ Хлебобобы Украины в день Вашего юбилея благодарят вас высокими урожаями на колхозных полях за Ваши идеи. Желаем Вам крепкого неувядающего здоровья, успехов в творческой работе. ⟨...⟩

Котко

Таллин

3 января 1982 г.

⟨...⟩ Всю большую часть своей жизни, я посвятила работе в школе, преподаванию биологии в 5–10-х классах. И всегда Ваши биологические и философские научные взгляды и идеи были мне, как учителю, наиболее близки и понятны, и именно с этих позиций весь учебный материал я старалась преподнести своим ученикам ⟨...⟩

З.Н. Царева

Дорогой Николай Петрович!

Примите привет и в память далеких и прошлых встреч и в знак уважения к Вам – настоящему, большому ученому.

Никто, кроме “Гайсиновича”, не может сомневаться в том, что Вы – хранитель лучших традиций генетиков и первый из генетиков современности.

Дружески жму руку Ваш

Б. Токин

Желаю на долгие годы оставаться таким, каким вы есть сейчас: на зависть энергичным, жизнерадостным, бодрым. Желаю навсегда сохранить Вам удивительный дар природы: редкостный смех и улыбку. Будьте счастливы.

С большим уважением

Л.А.П.

⟨...⟩ Я, Николай Петрович, счастлива, что живу в наше время. Должен (по законам природы) кто-то сеять добро на Земле ⟨...⟩

* * *

⟨...⟩ Сколько есть в жизни нашей – добра и счастья все, все – справедливостью дано Вам за все дела Ваши ⟨...⟩

* * *

⟨...⟩ Вам, отдавшему все лучшее людям, стране, науке. Пусть все те, которые по чувству зависти и своего ничтожества обижали Вас, получают самое жестокое наказание. Вся жизнь Ваша – яркая неугасаемая звезда. Всегда помню вас, восторгаюсь Вами, люблю Вас. Вы очень нужны стране нашей.

А.Л. Белова

⟨...⟩ Наука и Родина будут довольны, если вы будете жить, дышать, даже не написав и строчки. Вы делом выстрадали это доверие, своим подвигом и благородством, талантом ученого и Человека

А.В. Кауров

Участник ВОВ

Дорогой Николай Петрович!

Я часто вспоминаю Вас, с удовольствием вспоминаю встречи с Вами, которые, к сожалению, были редкими. Вспоминаю и благодарю судьбу, что она позволила познакомиться с Вами ⟨...⟩

* * *

⟨...⟩ Вы, Николай Петрович, для отечественных биологов, ученых других специальностей являетесь примером, ярким примером честного, беззаветного служения науке, Родине, что на всех этапах их развития было и есть очень важно. Вы очень нужны науке, особенно генетике, сегодня и, не сомневаюсь, будете нужны завтра. Так что, дорогой Николай Петрович, мы молим Небо, чтобы оно еще надолго даровало Вам здоровье ⟨...⟩

⟨...⟩ Я бесконечно благодарен судьбе, что она позволяла и позволяет мне общаться с Вами, исследователем, прославившем отечественную биологию и генетику, человеком, являющимся образцом стойкости и мужества в борьбе за истину в науке ⟨...⟩

В. Антипов

Краснодар

⟨...⟩ Вы для нас навсегда были и остаетесь примером беззаветной преданности генетике и неповторимого подвига в науке ⟨...⟩

Кубанский отдел ВОГИС им. Вавилова

А.М. Бурдун

⟨...⟩ Несколько дней тому назад смотрели Николая Петровича в фильме “Наша биография” и восхищались и восхищались его такой простой и в то же время остроумной беседой с молодежью.

Лебедевы

⟨...⟩ В настоящее время я читаю курс дарвинизма и генетики и широко использую многие Ваши труды. Ваша творческая активность служит вдохновляющим примером для исследователей, преподавателей и студентов ⟨...⟩

Ю.И. Новоженев

⟨...⟩ Ваши жизнь и творчество пример беззаветного служения науке и советской Родине, пример для подражания молодым ученым ⟨...⟩

Профессор *Искаков*, профессор *Жданов*

⟨...⟩ Мы биологи сегодняшнего поколения, воспитаны примером Вашей жизни, Вашими трудами ⟨...⟩

Директор Института экологии Уральского центра,
член-корреспондент АН СССР

Большаков

⟨...⟩ Счастлив поздравить борца советской генетической науки. Горжусь совместной работой над фильмом “От клетки к живому организму ⟨...⟩

Режиссер

Каростин

⟨...⟩ Счастливы всенародным признанием огромного вклада Николая Петровича в мировую науку, гордимся быть Вашими современниками ⟨...⟩

Петр и Лилиана Проскурины

⟨...⟩ Преклоняемся перед Вашим талантом большого ученого, наставника и воспитателя ⟨...⟩

Коллектив ученых Рязанского сельхозинститута

⟨...⟩ Безмерно рад твоему успеху ⟨...⟩

Академик

Кириченко

⟨...⟩ Ваш путь в науке и социальной жизни нашей страны, пример беззаветного служения своей Родине, народу ⟨...⟩

Член-корреспондент АН СССР

Л.М. Суценья

⟨...⟩ Белорусские генетики сердечно поздравляют Вас выдающегося советского генетика, гордость нашей страны, со славным юбилеем, ценим Ваш крупный вклад в развитие и становление советской науки ⟨...⟩

Академик

Хотылева

⟨...⟩ Наше поколение ученых, гордясь Вами, счастливо уже тем, что старается быть похожим на Вас.

Ваш

Мелконян

⟨...⟩ Для генетиков Украины Вы всегда являлись одной из ярчайших фигур, идейным лидером возрождения нашей науки после мрачных лет лысенковщины, благодарен судьбе за возможность быть знакомым с Вами и считать себя Вашим учеником ⟨...⟩

Академик НАН Украины

В.В. Моргун

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Ваши достижения в области генетики, огромная эрудиция, неутомимый поиск, кипучая энергия, талант организатора великолепный пример для генетиков младшего поколения.

От имени всех генетиков Сибири поздравляю с 90-летием и желаю успехов и здоровья как Выдающемуся мировому генетику и Патриарху Российской науки о наследственности!

Спешу сообщить Вам, что проблема получения апомиксиса у кукурузы (о которой Вы писали сорок лет назад) близка к разрешению. Работа выполняется на гибридах кукурузы с трипсакум, полученных Д.Ф. Петровым ⟨...⟩

Доктор биологических наук

В.А. Соколов

⟨...⟩ Счастлив, что имею удовольствие Вас знать – гениального ученого, гражданина, бойца, ни разу не изменившего принципам Великого”.

Лева Пирузян

⟨...⟩ Вы – ум, честь и совесть нашей науки, желаю успехов в горячо любимой Вами генетике ⟨...⟩

Милохин

(...) Вся Ваша жизнь – подвиг, который никогда не будет забыт. И пусть нить этой, лично Вашей, жизни не рвется как можно дольше. Пусть ждут Вас впереди новые открытия, победы, радости. Счастья Вам, Николай Петрович! Счастья и процветания созданному Вами Институту общей генетики!

Директор СЗНИИСХ⁶⁴ “Белогорка”
Зам. Директора по селекции
Старший научный сотрудник

М.В. Иванов
В.А. Лебедева
Н.М. Гаджиев

(...) Вы очень много сделали по развитию генетики в нашей стране, по пропаганде генетических знаний и по подготовке генетических кадров. Думаю, что Ваше 80-летие (если не ошибаюсь, в 1987 году) заслуживает того, чтобы оно было отмечено самой высшей наградой Родины. Знаю, что у Вас есть завистники и недоброжелатели, но ведь должна в конце концов победить Правда, истина.

С уважением

Ваш

С.И. Машкин⁶⁵

Новосибирск

Дорогой Николай Петрович!

Сочту за честь сообщить Вам о том, что по ряду зон Западной Сибири и особенно Восточной успешно прошло испытание “Сибирской кормовой” ржи. И теперь пришло районирование. Ваша роль в этом самая главная. Неплохо идет испытание озимых пшениц. Генетика, которую вы отстаивали, и здесь оказалась вездесущей. В связи с большими вложениями в с/хозяйство нужен был новый подход, который мы претворяем в жизнь с помощью опять же генетики. Как и мои единомышленники помню обо всем. А некоторые забыли.

С приветом

В. Шепелев

Глубокоуважаемого Николая Петровича Дубинина сердечно поздравляю с юбилеем! Хочу пожелать Вам так же стойко, как и всегда Вы это делаете, защищать Вашу прекрасную концепцию социальной сущности природы человека!

Ваш

Р. Будагов

Мичуринск

Глубокоуважаемый Николай Петрович, будучи в сентябре этого года в Англии мне пришлось использовать Ваше доброе имя...

А дело было так: в Институте овощного хозяйства заведующий отделом агротехники начал разговор вот с чего.

⁶⁴ Северо-западный научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

⁶⁵ Машкин Сергей Иванович – доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой биолого-почвенного факультета ВГУ.

“Я в своих исследованиях получил результаты прямо противоположные тому, что утверждает Ваш Лысенко”. Я выдержал паузу и ответил буквально следующее: “К Вашему сведению мы приехали из той страны, где проживал не только Лысенко. Наша страна дала миру таких биологов, как: К.А. Тимирязев, Н.И. Вавилов, Н.П. Дубинин, которые внесли достойный вклад в мировую биологическую науку. А, что касается нас, (нас было двое), то мы не сторонники Лысенко”. Господин, беседовавший с нами, был сконфужен основательно.

Директор Всесоюзного
научно-исследовательского института
садоводства им. И.В. Мичурина,
кандидат сельскохозяйственных наук

Виталий Афанасьевич Грязев

В юбилейном поздравлении сотрудники Лаборатории лесоразведения АН СССР написали Николаю Петровичу: “О жизни человека Вашего масштаба и ее значении для развития не только отечественной, но и мировой науки, судить и говорить истории”.

Л.Г. Дубинина

Дубинина Лидия Георгиевна – кандидат биологических наук,
Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН,
жена Николая Петровича Дубинина

ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ НА ОДНОМ ДЫХАНИИ

Ты ж, мой друг, – прекраснейшая в мире,
Ты – богиня счастья и любви,
И пока пылающее сердце не остынет,
В нем царить навеки будешь ты.

“Навеки ты”¹

В моей жизни Николай Петрович сыграл огромную роль, которую оценить просто невозможно. В 1956 г. после окончания школы я поступила на работу в Лабораторию радиационной генетики Института биологической физики АН СССР, возглавлял ее тогда Николай Петрович Дубинин. Непосредственно я стала работать лаборантом в группе А.А. Прокофьевой-Бельговской. Имя Н.П. Дубинина тогда еще мало, что значило для меня. Вскоре я прочитала книгу “О положении в биологической науке”, Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и журнал “Вестник АН СССР” за 1948 г. и узнала, кто же такой Дубинин, у которого работаю. Я пришла в лабораторию с начала ее организации.

ЛаРГ в то время начала проводить исследования на обезьянах как объекте, наиболее близком к человеку. Часть исследований проводили в Китайской Народной Республике, часть – совместно с Институтом экспериментальной патологии и терапии в Сухуми. В этом институте работал, ныне академик РАМН, Николай Павлович Бочков, именно с ним были установлены контакты и начата совместная работа. Вскоре мы, это был 1960 г., – Н.П. Дубинин, Я.Л. Глембоцкий, А.А. Прокофьева-Бельговская, Н.Н. Орлова, В.В. Терских, Л.Г. Дубинина (тогда Венкина) и еще ряд сотрудников из другого института поехали в командировку в Сухуми и начали проводить исследования на культуре клеток обезьян по изучению радиогенетической чувствительности хромосом, влиянию малых доз радиации и другим проблемам.

В Сухуми мы поехали поездом. После многих часов утомительного пути поезд повернул влево и неожиданно нашему взору предстала морская гладь. Впервые в жизни я увидела море, глаз не могла оторвать от открывшейся панорамы – безумно красивое, сверкающее море. Много раз в своей жизни, позднее, мне приходилось видеть красивые реки, океаны, проливы, моря, но то Черное море, впервые увиденное мною, до сих пор свежо в памяти. Там, в Сухуми, мы много работали, играли в свободное время в настольный теннис, совершали прогулки, любуясь южными красотами.

После завершения нашей работы Н.П. Бочков и его жена Диана Николаевна у себя дома устроили великолепный прощальный вечер, на который

¹ Все стихотворения, приведенные в моем воспоминании, написаны Н.П. Дубининым и публикуются впервые. Личный архив Н.П. Дубинина.

всех нас пригласили. Помню, что было чудесно, мы пили хорошее вино, пели, танцевали, и после этого уже в Москве в здании школьного типа на Боровском шоссе, где тогда находилась наша лаборатория, на моем рабочем столе очень часто стали появляться свежие красивые розы, что стало вызывать у А.А. Прокофьевой-Бельговской массу вопросов, в частности “Лидия, откуда у тебя такие роскошные цветы?” Позднее Николай Петрович напишет:

И красные розы и белые
Каждую встречей цвели,
Твои поцелуи несмелые
Любовь к облакам привели.

И счастье нездешнее всходит,
Нездешняя песня звучит,
Такая любовь не уходит
Она, словно роза, горит.

25 июля 1961 г.

Тот прощальный вечер у Бочковых оказался судьбоносным в моей жизни и судьбе Николая Петровича.

После командировки в Сухуми А.А. Прокофьева-Бельговская решила перейти на работу в Институт молекулярной биологии. Были долгие и продолжительные беседы со мной, поскольку я отказывалась уходить с ней. Не скрою, что и розы были причиной, но об этом я узнала значительно позже, ознакомившись с рядом материалов.

У Николая Петровича есть такое стихотворение:

Мне говорят, что из Сухуми,
Вернулась ты совсем другой,
Что в девочке прелестной и простой,
Задумчивая гордость вдруг проснулась.

Что ты живешь, закрытая мечтой,
Всем непонятной, странной и далекой,
Как будто дар бесценный дорогой
Хранишь ты в сердце ставшим, так глубоким.

Мне говорят, а я молчу, ликуя,
От счастья, даже сердце капельку болит,
О осень! Посмотри! Ее люблю я!
Ведь это же меня она в душе хранит.

14 сентября 1961 г.

“Мне говорят”

Но, как оказалось, обратил на меня внимание Николай Петрович еще раньше, когда наша группа располагалась территориально в Институте антибиотиков. Он однажды приезжал к нам и очень часто рассказывал мне потом о впечатлении, которое я на него тогда произвела.

Летом в августе-сентябре 1961 г. мы разъехались. Я с друзьями поехала отдыхать в солнечную Молдавию, а Николай Петрович – на Урал. Ежедневно я стала получать от него письма и стихи. Вот некоторые из них.

Если не любишь родная,
Сердце не бойся разбить,
Уж никого никогда я
Больше не буду любить.

Жизнь, если хочешь, разбей мне
Выплесни сердце в реку.
Я никогда, дорогая,
Больше любить не смогу.

Если же любишь, то небо
Счастьем придет, как весна,
Звездами, тайной и хлебом
Будет любовь нам всегда.

21 августа 1961 г. “Если ты любишь”

О вы, свидетели немые
Моей любви, моей тоски
И ночь, и воды голубые
Яры, и небо и пески.

И все хранили вы молчанье,
Когда я милой пел стихи,
Сходило в мир очарованье,
Молчало эхо у реки.

“Ах, любим мы” – пески шептали,
Лес говорил: “И я влюблен”,
Цитаты брали, и стихами
Закат стоцветный опален.

Всех на прощанье обниму,
Слезу смахну поостроже,
Твое оставлю имя им,
Оно всех царств дороже.

30 августа 1961 г. “Твое имя”.

Не отдам я тебя никогда
Крепкий узел свяжу из любви
В нем обнимутся наши сердца
И со мною навек будешь ты.

Сад безмерный любви посажу,
Ему душу свою я отдам
И навеки тебя позову,
Чтоб как солнце сияла ты там.

Положу к твоим милым ногам
Этот мир и все счастье любви,
Если хочешь, и жизнь я отдам,
Ты об этом мне ясно скажи.

Не отдам я тебя никогда
Крепкий узел свяжу из любви
В нем обнимутся наши сердца
И со мною навек будешь ты.

5 сентября 1961 "Никогда"
(последнее утро на Урале)

Ушел последний мой рассвет бессонный,
Разлука дивная прошла,
Сегодня, в день, судьбой определенный,
Любимая, увижу я тебя.

Твой милый образ был со мной всегда,
Я им люблюсь, как зарею,
Смотрю в твои неизъяснимые глаза
И гордых губ касаюсь рукою.

Божественный резец твое лицо лепил
И душу нежную и светлую, как пламя,
Коснулся сердца и любовь вложил,
Как небо, без конца, без края.

Люблю тебя так нежно и так сильно
И небо на коленях я молю,
Чтоб у тебя на все хватило силы,
Чтоб в этот день сказала ты – люблю.

11 сентября 1961 г. "Сегодня"

А.А. Прокофьева-Бельговская перешла в другой институт, забрав с собой все реактивы и необходимую для работы посуду, а я осталась работать с Николаем Петровичем и проработала с ним до конца его жизни. В середине ноября 1961 г. он уезжал в Сухуми в командировку вместе с М.А. Арсеньевой и Я.Л. Глембоцким, где должен был выступить с докладом для молодых ученых Сухуми о достижениях экспериментальной генетики. Каждый день я получала от него письма.

"Вы мой щит, мой дом, моя мечта... Любовь нельзя оставлять без присмотра, ее нужно растить, как розы...

О молниях, они разрывали мое сердце. Оно перед тобой открыто, ты так легко можешь поразить его, оно трепещет как громадная рана любви. Хочешь – разбей его или сделай божественно счастливым. Я люблю Вас так сильно, что душа моя потеряла быть способной к компромиссам. Она хочет бесконечного, совершенного, бережного, полного счастья. Счастья как солнца, как вздох синей птицы" (13.XI. 1961).

“Все мои мысли, чувства, счастье мое и моя мука, – все приковано к Вам. К нежному дивному лицу, к облаку очарования, которым Вы вся смотрите на меня... Чем туже натягиваются вечные струны, что связывают наши сердца, тем ярче пылает огонь единственной любви... Пройдут десять томительных дней и вновь забьется в моих руках горячее сердце живой синей птицы, моей дивной, прелестной, единственной, вечной жены! Пусть идет поезд все дальше и дальше. Я все равно с тобой и я вернусь, чтобы упасть к Вашим ногам и протянуть к тебе сердце, наполненное только тобой”. (14.11.1961)

Каждый день шла наша переписка. И вот случилось так, что однажды Николай Петрович не получил мое письмо. И он пишет:

“Вопреки безумной, абсолютной занятости три раза ходил на почту. Утром к открытию, днем и вечером к закрытию почты. Письма нет!

Страшное чувство разрывает душу, никто не узнает меня. Все эти дни счастье кипело во мне родником. Сегодня же я тяжело болен ураганной, безумной тоской.

И природа живет как я, ветер, ветер клонит деревья, море ударяет прибоем в тоске и проклятьи. С тяжестью страшного горя пошел навстречу с молодыми учеными Сухуми.

Черное отчаяние, схватившее меня за горло, сделало мою речь безумной, бестрепетной и блестящей. Когда кончил говорить о молекулярных основах получения направленных мутаций, зал, аплодируя, встал и возникла овация.

Вспышка погасла, и я вновь остался один со своим смертным отчаянием”.

(18.XI.1961)

Сейчас, вновь перечитывая это письмо, думаю, что же могло произойти, почему Николай Петрович не получил во время письмо, и я заставила его так страдать. Хоть сейчас посылай.

“Дружочек мой (...), а сейчас вечер. Я держу в руках и вновь и вновь перечитываю милое Ваше, умное, полное любви и блеска Вашего характера – письмо (...)” (1961)

“(...) Разве Вы знали, что боги создали Вас, как песнь о великой любви. И Вы дыханьем своим, жизнью, сердцем, душой будете, как песнь, и все уйдет, все расплавит любовь, лишь золото останется в сердце, золото любви, которое ничего не боится.

Ржавчина не коснется его, – и так каждый миг, минуту, час, день, неделю, месяц, год и всю жизнь!

Такой вот и будет жизнь наша и в ней не будет ничего несерьезного, наносного, лишнего, чужого. Только золото сердец, только глубокая сверкающая гладь и бури чувств. Будет так, потому что любовь так же жестока, как и прекрасна. А Вы как песнь великой любви, любовь ваша прекрасна!”

Куда бы ни уезжал Николай Петрович, он каждый раз писал.

“(...) Пройдут дни разлуки. Я вернусь, чтобы никогда не расставаться и каждое мгновение нашей жизни будет гореть в светильнике великой любви.” (15.XI.1961)

“(...) Разлука нестерпима. Уеду обратно, к дивной моей, бесценной, единственной, прелестной, обожаемой, юной, божественной жене так быстро, как смогу.

Здесь, в этом большом номере, так остро болит моя разлука с Вами. Ездить всюду только с тобой! Быть всегда только с тобой! Есть ли у Вас эта нестерпимая жажда быть вместе, всегда, всюду, навек?” (15.XI. 1961)

29 декабря 1961 г. мы расписались, а спустя несколько лет, 29 ноября 1974 г. Николай Петрович напишет:

“Милая, золотая, необыкновенная, любимая красавица – (...) поздравляю с 29-м, подумать только – 13 лет! Вечно твой... (...)”.

Но это была только треть нашего совместного пути по жизни. И в течение всех 37 лет, что дал нам Бог прожить вместе, в этот день мы обязательно поднимали бокалы шампанского за Диану Николаевну и Николая Павловича Бочковых и, когда в 1964 г., Николай Петрович вновь оказался в Сухуми, он написал мне:

“(...) Наш с Вами Сухуми, здесь душа нашей любви оставила частицу своего благоухания.”

В своих воспоминаниях я буду называть мужа Николаем Петровичем, хотя дома я его никогда так не называла, и он меня также никогда не называл по имени. Если, в исключительно редких случаях, я вдруг дома услышу “Лида”, это означало, что произошло что-то не то, или я его задерживаю. Я дома даже отвыкла от своего настоящего имени и не воспринимала его. У нас были другие ласковые имена, которые нам придумывала племянница Ирина, которая с 5-летнего возраста обитала у нас и часто разъезжала с нами, но они пусть останутся нашей маленькой тайной.

У нас была большая разница в возрасте, муж относился ко мне необычайно трепетно, с обожанием

“До свидания, золотая моя, голубенькие глазки, алый цветочек мой, алая роза, родник сверкающей, дивной, вечно пьянящей любви” – писал он.

Что же касается меня, то вся моя жизнь была в нем.

Случалось, что, услышав несправедливость в его адрес, я приходила с работы в возбужденном состоянии, “кипела” от услышанного. Он умел сказать таких два–три успокаивающих слова, что я вскоре и думать переставала об услышанном, действительно, а так ли это важно, и все улетучивалось, как дым. Вскоре я поняла, что главное – это выдержка и терпение, которыми он сполна обладал и которым учил меня.

Между нами всегда царило взаимопонимание, взаимное доверие, мы во всем уступали друг другу, заботились друг о друге и очень страдали, когда были в разлуке.

Мой милый друг, ты так далеко
Под стук колес и в синей темноте
Моей любви ты смотришь одиноко
И чувство грозное растет в твоей душе.

А озеро, все в бликах и тенях
И клева нет, и я тебе пишу.
Свободна будь, как солнце на ветвях,
Прелестный друг, я все тебе прощу.

12 сентября 1965 г., Урал

Шли годы. Со временем я защитила диссертацию. Занималась вопросами радиационного и химического мутагенеза. Совместно с Николаем Петровичем и под его непосредственным руководством мы выполнили много интересных работ в этой области. Мне нравилась моя работа. Я была счастли-

ва, что мне довелось непосредственно работать и общаться с очень крупным ученым и интересным человеком. Цитогенетические исследования мы проводили на растительных объектах, эмбриональных фибробластах человека, лейкоцитах крови человека. Были опубликованы две книги: “Структурные мутации в опытах с *Crepis capillaris*” и “Лейкоциты крови человека – тест-система для оценки мутагенов среды”. Совместно с д.б.н. А.Б. Бигалиевым была опубликована брошюра “Тест-система оценки мутагенной активности загрязнителей среды в культуре лейкоцитов крови человека”. Николай Петрович поручил и доверил мне, совместно с Э.Л. Иофа, сотрудницей нашей лаборатории, принять участие в международном сотрудничестве по изучению и подсчету aberrаций в лейкоцитах крови человека, облученными разными дозами ионизирующей радиации. Результаты этой работы были высоко оценены и удостоены медалями ВДНХ. Николай Петрович докладывал об их результатах на Президиуме АН, на международных симпозиумах. Некоторые из этих работ опубликованы в Избранных трудах Николая Петровича.

Однажды я спросила Николая Петровича, почему у него нет биобиблиографического справочника из серии “Материалы к биобиблиографии ученых СССР”. Когда выяснилось, что по упущению референтов у него абсолютно ничего нет в этом плане, то одной из своих основных задач, которую я поставила себе сама, было – подготовить и издать такой справочник. Это оказалось сложной работой. Пришлось начинать все с нуля, несколько лет я этим занималась параллельно с основной своей плановой работой и в 1989 г. вышло первое издание этого справочника под названием “Николай Петрович Дубинин”, а в 2004 г. второе, дополнительное издание.

Главным для Николая Петровича всегда было дело, и поэтому людей он ценил за преданность делу, он смотрел далеко вперед, умел выдержать паузу, никогда не суетился, стоял у истоков многих направлений в науке, сам инициировал новые направления. Он всегда честно и добросовестно относился к делу, никогда не боялся взять ответственность на себя, всегда был на переднем плане борьбы за науку.

Я часто ездила с мужем за рубеж на конгрессы, или в составе делегаций, или в качестве жены и всегда с гордостью отмечала, что куда бы мы ни приехали, всегда прием был на самом высоком уровне. Все встречи, беседы, выступления, интервью проходили с большим интересом и при больших аудиториях. После официальной части иностранцы обязательно старались показать что-либо интересное – музеи, выставки, или различные достопримечательности. Часто устраивались в нашу честь приемы, приглашали к себе домой.

Там, за границей, когда было свободное время, мы любили совершать пешие прогулки. И на нас всегда отрицательное впечатление производило часто встречающееся там слово private. Подходишь к лесу, или выходишь на побережье океана и видишь таблицу с надписью “частное владение”. Вот и мы теперь дожили до private. Когда Николай Петрович один ездил за рубеж, то максимум выдерживал 7–10 дней и рвался домой.

Надо сказать, что он был настоящим патриотом своего института, своей страны, безумно любил свою Родину, леса, поля, озера, реки, воздух, о чем можно прочитать в его автобиографической книге “Вечное движение”. У него есть стихотворение на эту тему, написанное в Женеве:

Лебедь – попрошайка
над бирюзой воды
В рамочке – витрина
женевской красоты.
Ухоженные розы,
подстриженный газон,
Улыбистые рожи,
и лебедь, как гарсон.
Люблю, люблю Россию,
она как смерч вольна,
Плывут под небом синим
и Волга и тайга.

Женева, 1978 г.

“Люблю, люблю Россию”

Первый мой выезд за рубеж был в 1968 г. в Японию в Токио на XII Международный генетический конгресс, в рамках которого проходил космический симпозиум, где я выступала с докладом. Я выезжала вместе с большой группой, а Николай Петрович улетел раньше в составе советской делегации. Наш теплоход “Туркмения” пришвартовался в порту, мы еще долго стояли на верхней палубе, а внизу была большая толпа японцев, встречавших теплоход с черными головами и в белых рубашках. И каково было мое удивление, когда я увидела среди них Николая Петровича, единственного с белой головой, который специально приехал в порт встретить меня. Я везла ему много подарков из Москвы, которые, к сожалению, были все изъяты таможенниками.

В другой раз, когда мы летели в Испанию на самолете местной авиакомпании из одного города в другой, подошла стюардесса, предлагавшая различные напитки. “Что желаете?” –спросила она вежливо. Мы ответили переглянувшись: “Шампанское”. Она стала извиняться и исчезла куда-то. Оказалось, что у нее было все, кроме шампанского, а нам, русским, подавай только его. Спустя некоторое время она все же принесла бутылочку шампанского. Через несколько дней, возвращаясь в Мадрид, мы встретили на борту ту же стюардессу. Увидев и узнав нас, она сразу же предупредила, что очень извиняется, но шампанского у них нет. Мы от души посмеялись. Позднее Николай Петрович напишет:

Ты помнишь, как в небе испанском
С тобою мы пили шампанское?
Теперь подо мной Гималаи
Летит самолет и все лает.

Мы вместе с ним так одиноки,
Луна повернулась к нам боком
На крыльях беззвездье и мрак
Надел самолет черный фрак.

Но солнце в Москве, впереди,
Там солнцем одетая – ты.

Дели – Москва, 19 ноября 1972 г.

Во время одной из своих поездок в Болгарию проф. Олга Александровна Дряновска познакомила Николая Петровича с удивительным человеком, профессором, заслуженным художником Болгарии Петром Ивановичем Михайловым. Их знакомство состоялось в мастерской художника. П.И. Михайлов показал свои замечательные картины и решил написать портрет Н.П. Он обещал его подарить после закрытия своей крупной выставки. Но судьба распорядилась так, что вскоре художник умер. Есть сведения, что сестра распродала его работы, среди которых был и портрет Н.П. Дубинина. В 1987 г. Союз научных работников Болгарии проводил чествование Николая Петровича в связи с его 80-летием. В зале во время торжественного заседания висел этот портрет, однако, его судьба в настоящий момент неизвестна. Во время позирования художнику Николай Петрович написал стихотворение, которое посвятил П.И. Михайлову.

Художник рисует портрет,
Приближаясь к холсту и отходит.
Он опять говорит себе “Нет!”
Жизнь сочтется из красок, уходит.

Пред несбыточным падает ниц,
Что-то зреет в неведомой мгле,
Из его раскаленных глазниц,
Льется лава, сгорает на мне.

Он находит! Находит меня!
Вырвав душу, кладет на кресте
И рука языками огня
Распинает ее на холсте.

София, 1980 г.

“Распинает ее на кресте”

Петр Иванович Михайлов приезжал к нам в гости в Москву. Его большой мечтой и страстным желанием было посетить Грузию, посмотреть красоту этого края, познакомиться с ее гостеприимным народом. Николай Петрович устроил ему такую поездку, и он, вернувшись, с упоением и восторгом рассказывал о ней, продумывал сюжеты своих будущих картин. Один из грузинских пейзажей художник оставил Николаю Петровичу в память об этих чудесных днях.

Было много забавных историй в жизни у Николая Петровича. Так однажды, он собрался на какое-то сверхважное заседание в ЦК. Дело было зимой. Я настояла, чтобы он, хотя бы на это заседание, одел новую шапку, которую к зимнему сезону мы пошили в академическом ателье, а там в то время шили шапки в основном одним фасоном и из одного меха. Гардеробщица в ЦК повесила его пальто на вешалку, а шапку положила на стойку, там их было много. После заседания, взяв пальто, он совсем позабыл, где лежит его шапка и, пройдя вдоль этой стойки стал подряд примерять штук десять совершенно одинаковых шапок. Гардеробщица обратила на это внимание, не выдержала и грозно спросила: “Что Вы, гражданин, выбираете шапки?” Она записала, кто он, почему примеряет все подряд, взяла телефон. Когда

Николай Петрович пришел домой, то я сразу обратила внимание, что шапка, как будто бы не его, чужая, но ничего не сказала, решила оставить вопрос до утра. Примерно через два часа последовал звонок: “Николай Петрович, Вы унесли на своей голове чужую шапку”. Обмен состоялся, но и эта шапка оказалось чужой. Но случалось и обратное. Когда я уже написала про этот эпизод мною в архиве было обнаружено письмо 1952 г. такого содержания: “Многоуважаемый Николай Петрович! Очень и очень прошу Вас извинить меня за то, что причинил Вам неприятность, унеся Вашу шапку на своей голове. С. Никитин”

Любимым хобби Николая Петровича была рыбалка. К ней он готовился серьезно. Самое главное, уже с января-февраля месяца чуть ли не ежедневно, он начинал меня “обрабатывать”, подготавливая морально, что скоро уже поедем, готовься, так как каждый год я говорила ему одно и то же: больше не поеду, пора ездить на курорты. Надо же когда-то хоть один раз поехать. Для рыбалки он запасался самым необходимым еще зимой, любил заходить в магазины “Рыболов-спортсмен”, изучая, что там появилось новенького, но особое внимание он уделял разведению червей. На даче была компостная куча, в которой он их разводил, затем, за день до поездки на Волгу или на Урал, выкапывал, мы все ему помогали, набивал посылочный ящик мхом и поселял туда червей. В таком состоянии они прибывали на место и в течение месяца очень хорошо сохранялись. Так что наживочного материала у него всегда было достаточно, он обеспечивал себя полностью, а у нас, следовательно, рыбы было с избытком. Николая Петровича увлекала ловля на спиннинг крупной рыбы, особенно сазана, потому, что тогда происходит серьезная борьба — сильная поклевка, катушка ревет, синяки на животе от упора удочки. Рыбная ловля для него была наукой и искусством, которыми он в совершенстве владел.

Однажды, находясь в командировке в Сухуми, Алексей Петрович Косиченко, муж Лидии Павловны Косиченко, сотрудницы ИЭПиТ, пригласил Николая Петровича на рыбалку в море. Ему было очень интересно посмотреть, что же это такое — морская рыбалка. Позднее он мне написал:

“В поездке нашей было столько комедии и столько жары африканской, что перо не Гоголя и Зоценко нужны для описания ее. Так как крупная рыба “не подошла”, стали ловить ставриду (мелочь, ну из консервных банок, когда ее туда кладут целиком). Потом Алексей Петрович — “начерта нам ставрида, поехали за крупной!”. Поехали дальше в море. Крупной так и не оказалось. Одни были только приключения. В результате — так как солнце палило нещадно, то обжег лицо, руки до локтей. Вернулся в 12 часов ночи, сил нет и лег спать. Вчера клялся, что в море больше с А.П. — ни ногой. А сегодня что-то шевелится в бедном обгорелом сердце, сквозь комедию ошибок проступает очарование моря, летит перед глазами грива воды то из стекла, то вспененная бегом, когда склонившись на носу лодки, я смотрел в близкое, прямо в глаза бегущее море... Музыка воспоминаний начинает заглушать комедию усталости, ошибок и глупой ловли. В душе поднимаются волны призыва! Море зовет! Его зов сливается с музыкой моей любви к тебе и что-то бесконечно дорогое, горячее проступает в сердце.

Кажется, я поеду в море и в следующее воскресенье...” (01.06.1964)

Николай Петрович был очень спокойным и уравновешенным в жизни человеком, но, если ему случалось вспылить, то быстро отходил. Был однажды

такой забавный случай. Отдыхали мы в низовьях Волги, на волжских раскатах, друзья нам привозили туда удивительные арбузы, выращенные на багаре без всяких пестицидов, вкуса необыкновенного, сахаристые. Я подобных арбузов в Москве никогда не ела. И вот как-то мы поссорились после завтрака в связи с тем, что я запретила Н.П. ехать на рыбалку днем, так как стояла страшная жара, обычно Николай Петрович отправлялся на утреннюю и вечернюю зорьку, тут же решил еще и днем порыбачить. Я возражала, сказав, что только через мой труп, ничто другое не могло возыметь действия. Во время разговора мы ели арбуз, а куски у нас были очень большие – сочные, красные. И вот, рассердившись на меня, с палубы нашего плавучего домика он с силой выбрасывает за борт свой кусок и уходит читать роман. Не прошло и часа, Николай Петрович возвращается, как лиса подходит ко мне и говорит: “Слушай, какой же я был дурак, до сих пор жалко тот кусок арбуза”. Мы расхохотались, и инцидент был исчерпан. Позже мы часто вспоминали о том арбузе. Так что, если и возникали размолвки, то они были кратковременными. После этого мы кругами ходили и посматривали друг на друга, но если взгляды наши встречались, мы начинали улыбаться и с чувством смеяться, повторяя, какие же мы дураки. На этом все заканчивалось. Ведь когда любишь, уважаешь, ценишь, тогда никакого непонимания не может быть.

Были в нашей жизни, правда очень редко, такие моменты, когда я ничего не могла сделать, я была совершенно бессильна перед его натиском, тогда я, к сожалению, отступала и могла плыть только по течению, и я плыла. Пришло долгожданное лето 1979 г. Через два дня отъезд в отпуск. В это время Николай Петрович был тяжело болен – мучили гипертонические кризы, сосуды совсем разыгрались. В начале он лежал месяц в больнице, потом дома, открытый больничный лист, самочувствие неважное. В квартире вся прихожая заставлена коробками, рюкзаками, байдарками и всем, необходимым для поездки. Накануне отъезда пришла лечащий врач, оглядела все, заинтересовалась: “Что это? Как надо понимать?” Больной заявляет: “Поезд завтра уходит, уезжаем”. Врач в ужасе, говорит о безумстве, о том, что этого делать нельзя. А я уже месяц, как пребываю в шоке, каждый день, проводя безрезультатные, бессмысленные беседы о нашей безумной поездке, говорила, что все нужно отменить. Слышу только одно: “Вперед, ничего не будет, еще в поезде два дня, отлежусь, все пройдет. Если ты не поедешь, то я уеду один. Нельзя же людей подводить”. Николай Петрович имел в виду людей, которые, взяв отпуска, должны были поехать с нами. Никакие мои разговоры о том, что люди все поймут, не возымели действие. Как в кошмарном сне я сейчас пишу и вспоминаю с ужасом об этом, и мы уехали в отпуск на Урал. К большому счастью больной поправился, а врачу, как мы узнали от нее по приезду, было плохо. Она сказала, что вся больница в этот сезон “стояла на ушах”, но все, обошлось. А “доброжелатели” уже сообщили за рубеж, что Дубинин с инфарктом.

Николай Петрович очень любил собак, они всегда жили у нас на даче. Однажды акад. В.В. Парин подарил Николаю Петровичу английского сеттера. Он у нас вырос и превратился в красивого умного пса каштанового цвета. Мы его звали Браун. Однажды взяли собаку с собой на Урал на рыбалку. Он нас хорошо охранял, и когда мы вернулись из отпуска, поехали на дачу. Неожиданно, узнав, что мы приехали, к нам нагрянули гости. Пока шли радостные при-

ветствия и мы занимались гостями, наш Браун проскочил в калитку, выбежал на дорогу и был сбит грузовиком, мчавшимся на большой скорости. Вскоре пришел сосед и сообщил, что нашу собаку сбила машина. Когда мы с Николаем Петровичем вышли на дорогу, то увидели грузовик и стоявшего рядом с собакой водителя, который на такой же скорости мог бы и исчезнуть. Он сказал, что поздно заметил собаку. Она выбежала неожиданно, и он уже ничего не мог сделать. Водитель очень сожалел. Мужчины стояли рядом с собакой со слезами на глазах, но помочь ей уже ничем не могли. Николай Петрович принес Брауна на дачу, и мы похоронили нашего красавца.

С другой нашей собакой – овчаркой Чаной, чуть было не произошел трагический случай. Обычно, когда Николай Петрович выходил в сад, собака ни на шаг не отпускала его, верно служила. И вот однажды, дело было весной, когда земля уже оттаяла и была мягкой, он случайно наступил ей на лапу, которая сразу же погрузилась в грязь. Позднее Николай Петрович говорил, что не сильно. Дальнейшие события разворачивались молниеносно, и, когда я подошла, то увидела, что Н.П. прижат спиной к веранде стоящей на задних лапах злой разъяренной собакой с горящими глазами, которая чуть выше его головы. Она его не отпускает, а он руками держит ее за пасть. Я страшно испугалась. На меня собака не реагирует. Не знаю, что и делать. Позвала Анну Герасимовну – мать Николая Петровича, которая всегда кормила собаку и ухаживала за ней. Она с другого крыльца, оценив ситуацию, стала звать собаку. Чана не знала, что делать, то ли бежать к хозяйке на кормежку, тогда упустишь друга, превратившегося в злейшего врага, но все-таки через какое-то время на очередной зов хозяйки она побежала к ней, отпустив Николая Петровича, а он в это время успел зайти на веранду. Собака рванулась к своей жертве, но уже не успела догнать и осталась за верандой. Так что трагедия могла бы разыграться страшная.

В молодости Николай Петрович увлекался волейболом и теннисом. В наше с ним время мы занимались настольным теннисом и на даче всегда был готов стол для игры. Когда приезжали знакомые, то начинались соревнования.

Страсти разгорались, играли очень азартно.

Мы любили ездить в лес, на природу, куда-нибудь подальше за грибами, которые я затем солила и мариновала. Однажды у нас с машиной произошел забавный случай. Ехали мы на хорошей скорости, Николай Петрович за рулем. Он увлекался машиной. Мотор работал прекрасно и вдруг резко заглох. Надо сказать, что механиками мы были очень плохими. Вскоре оказались рядом двое помощников, которые, расспросив, что и как, стали внимательно копаться под капотом, сказав, что вроде бы все нормально. Затем один из них говорит: “А бензин-то есть?”. “Да – говорим – хорошо залили перед поездкой”. Но он оказался очень дотошным и попросил показать канистру, из которой заливали. Показали, он все обнюхал и говорит другому: “Васек, во дают! (далее пошли одни нецензурные слова). Тут люди стали уже на воде ездить! А ты говоришь, что бензин дорожает!”. Трудно себе представить, как мы смеялись. Весь институтский стресс с Николая Петровича был снят. Оказалось, что Хаким Истамов, который пользовался машиной перед нашей поездкой, случайно бензиновую канистру залил водой, а канистру для воды – бензином и предупредил Николая Петровича, что перепутал канистры, но прошло какое-то время, Николай Петрович об этом забыл, и мы поехали, влив в бак воду.

Уже позднее я получила водительские права и села за руль. Не могу сказать, боялся ли Николай Петрович ездить со мной, но я была любительницей больших скоростей. Сидя рядом со мной в машине, он никогда не делал никаких замечаний, только иногда, слегка вытягивая руку вперед, жестикулируя, как бы говорил: “Держись правее или левее, не гони”, но всегда говорил: “Ты у меня хороший шоференок!”

Мы любили ходить в кинотеатр “Прогресс” на Ломоносовском проспекте, который находился рядышком с нашим домом, особенно, когда показывали хорошие фильмы. Но однажды случилось так, что билеты во время не смогли купить, неожиданно возникло желание сходить в кино. Остался один вариант – купить билеты, предъявив книжечку лауреата Ленинской премии. Я предложила Николаю Петровичу пойти, сразу купить билет и посмотреть фильм. Ответ был один “Сходи за билетами с книжечкой сама”. Он никогда в жизни не воспользовался такой привилегией. Мне стало стыдно, и этот вариант отпал навсегда.

Мы ходили в театры, на выставки. Иногда компанию нам составляли Галина Георгиевна и Александр Александрович Жученко, приезжавшие в Москву из Кишинева. Но главным для Николая Петровича на протяжении всей его жизни были книги.

Еще одно, но уже весьма необычное, увлечение Николая Петровича – починка забора на даче. Этим делом он занимался всегда, когда приезжал на дачу в субботу и воскресенье. Сначала меня это очень удивляло, я не могла понять, зачем заниматься такой, как мне казалось, ерундой. А он мог часами стоять и заниматься этим делом, зимой в валенках, и рядом с ним обязательно находилась собака. Оказывается, это любимое занятие было вызвано тем, что в момент работы, находясь на воздухе, в тишине, в уединении, он продумывал многие научные вопросы – как-то написание статей, предстоящие доклады, выступления. После этого он приезжал в понедельник в институт и садился писать. И все всегда было срочно: “я обязан это сделать, материалы ждут”.

Одно время мы увлекались разведением роз: сажали, ухаживали, так как этот изысканный королевский цветок требует особого ухода. Это было приятное занятие. Он вообще любил цветы, но роза – это было нечто особенное!

В своей жизни Николай Петрович достиг всего сам. Ему никто не помогал ничего пробовать, “мохнатой” руки у него никогда не было. Всего, чего он добился в жизни, Н.П. достиг благодаря своему упорному, кропотливому, ежедневному труду. Николай Петрович был страстным во всем и, прежде всего, в науке. Он был фантастически работоспособным человеком и его творческая активность с возрастом не убывала. Н.П. самоотверженно работал, никаких стенографисток у него не было, очень дорожил своим временем, никогда не занимая его бесконечными перекурами.

Я сгибаюсь под тяжестью знания,
Все дано в этой жизни одной.
И опять я даю обещания,
Что пойду только горной тропой.

Но когда ветер милый и шалый
То вспорхнет, то вдали шелестит,
Слышу шум я, весенний и алый,
Жизнь, ты можешь мне это простить?

Канада, 15.10.1970 г.

“Жизнь, ты можешь мне это простить”

Николай Петрович всегда старался поддержать все новое в науке, с ним можно было вести дискуссии, он всегда умел внимательно выслушивать, убедить, но никогда не подавлял. При анализе и обсуждении материала всегда поражала его всеобъемлющая эрудиция, способность из груды самых разнообразных фактов извлекать главное, основное. При этом собеседник не чувствовал какой-либо дистанции, превосходства или нажима со стороны Николая Петровича. Он всегда умело и тактично строил беседу, направляя мысль собеседника. Н.П. радовался успехам и поддерживал все ценное, исходящее от его сотрудников и учеников. Ему совершенно не было свойственно самовозвеличивание или самолюбование. Благодаря этим качествам к Н.П. ехали со всех республик бывшего Советского Союза за советом, помощью, поддержкой. Он был совершенно безотказным и необыкновенно скромным человеком. Бывало так, что уплотненный рабочий день продолжался после работы уже в домашних условиях.

Николай Петрович был очень домашним человеком, любил свой дом, уют, спокойствие. Это было для него самое светлое, где его всегда с радостью ждут. Он не курил, был непритворным в еде, хотя, конечно же, любил полакомиться чем-нибудь вкусеньким. Так как я тоже работала и вместе с ним ежедневно ездила на работу, то бывало, что-то не успевала сделать по дому. Но я всегда была уверена в том, что Николай Петрович доделает и все будет в порядке. Он никогда без меня не садился кушать, всегда дожидался, когда бы я не возвратилась. Он очень любил сладости, особенно шоколад. Обожал пироги с капустой, мясом, рыбой, с грибами. Запах пирогов совершенно сводил его с ума. Я часто с вечера замешивала тесто, делала начинки, а рано утром вставала, ставила пироги в духовку, после чего снова ложилась. Конечно, я уже не спала, только делала вид, ожидая момента его пробуждения и реакцию, как он начинал водить носом от запаха пирогов уже дошедшего до спальни. А с утра у него уже было хорошее настроение. Это было ему очень приятно.

Часто Николай Петрович говорил мне, что сегодня к нам собираются придти Яша с Сашей. Саша – это Александр Иванович Панин, Яша – Яков Лазаревич Глембоцкий. Это были друзья Николая Петровича, заядлые шахматисты. Когда они приходили к нам, то пироги уж обязательно были на столе, запах, как они говорили, уже чувствовался на первом этаже. Они любили к нам приходить и засиживались до позднего вечера, затем мы шли их провожать. На годовщину нашей свадьбы они посвятили нам такие строки:

Плывите лебеди, плывите,
Пока луч солнца не погас,
Любовь и дружбу берегите,
Порою вспоминайте нас.

У меня была безграничная радость от ежедневного общения с Николаем Петровичем. У нас никогда не было никаких секретов, и он всегда делился своими радостями и невзгодами. Это был замечательный, спокойный, сильный духом, а главное – мужественный и надежный человек.

В своей автобиографической книге “Вечное движение” Николай Петрович написал про А.С. Пушкина, что ненависть, зависть и злоба сопровождали великого поэта. Это в полной мере может быть отнесено и к самому Николаю Петровичу. Мы прожили долгую совместную жизнь, поэтому я с полным правом могу это засвидетельствовать. Николай Петрович был слишком талантлив, слишком умен, слишком самостоятелен, слишком независим, никогда ни перед кем не пресмыкался и никогда “не плел паутину”. Он бесстрашно мог броситься на защиту честного и порядочного человека, но ничто не могло его заставить встать на защиту лжи, корысти, бесчестия. Был один случай в институте со старшим научным сотрудником, которого вдруг стал защищать райком партии, пытаясь спасти от строгого выговора. Николай Петрович сказал, что заминать дело не будет, так как имеется решение ОБХСС о совершенном преступлении. Такое неподчинение не нравилось руководящим партийным инстанциям.

Не знаю, затрудняюсь сказать, какая травля Николая Петровича (именно это слово здесь уместно) была сильнее: тогда в 1948 г., когда решалась судьба биологии, генетики, по какому пути пойдет ее развитие – об этом я могу судить по рассказам и воспоминаниям Николая Петровича о том периоде и по опубликованным материалам – или значительно позднее, когда некоторые генетики, получив посты, звания или, так и не достигнув ничего в науке, но, руководя ею, вели себя недостойным образом. Они, казалось, и занимались лишь тем, что дискредитировали Николая Петровича, где можно проголосовать против него, дать отрицательный отзыв на его работу, пригласить на заседание ВОГИС по значительным вопросам, заранее зная, что он не сможет приехать, занимались, по их собственному выражению, “изоляцией института”. Так Р.Б. Хесин, выступая на одном заседании, сказал, что надо сделать так, чтобы Институт представлял осажденную крепость. А.А. Прокофьева-Бельговская как-то заявила, что они изолируют ИОГен, и он превратится из головного ведущего института в посредственный. В качестве их первого замысла было снятие Н.П. Дубинина с поста Председателя научного совета по генетике и селекции.

Ложь и бесконечная клевета, содержащиеся в письмах, направлялись в ЦК, Президиум АН, райком, горком, поэтому в институт следовали комиссии для проверки партийных, профсоюзных дел, научной деятельности. Организовывалась подача коллективных писем за подписями как “обиженных” людей, так и анонимных. Мероприятия, которые велись против Николая Петровича, тщательно готовились, планировались, осуществлялись непосредственно руководящими генетиками, которые собирались в московском ВОГИС, или действовали через академиков, занимающих руководящие ответственные посты в Академии.

Много сил и времени приходилось тратить Николаю Петровичу, чтобы давать ответы на кляузные письма. Один из таких его ответов – на письмо З.С. Никоро, сотрудницы ИЦиГ, направленное ею в ЦК, приводится в данной книге в главе “Избранные письма”. Как говорил сам Николай Петрович, более подлого произведения трудно себе представить. Этот документи-

рованный ответ, который он отправил в ЦК и Президиум АН, как он сам считал, явился ответом всем клеветникам в целом.

Некоторые руководящие генетики показывали свою личную неприязнь к Николаю Петровичу и за рубежом. Так, академик Д.К. Беляев в начале 1983 г., находился в заграничной командировке в Болгарии по приглашению Сельскохозяйственной академии, где выступал с докладом. В одном из своих писем болгарский генетик, присутствовавший на его выступлении, написал Н.П. Дубинину:

Неожиданно для слушателей во время доклада академик Беляев начал Вас разоблачать в аморальности как ученого и называл Вас разными обидными словами. Все это не было связано с докладом и было непонятно, зачем все это он делает. Тяжелое впечатление произвел академик Беляев на болгарских ученых. После собрания они обсуждали этот вопрос и осудили поступок Беляева. А то, что говорил академик Беляев – сплошная ложь. Все это могут подтвердить ученые, которые слушали доклад Беляева.

В то же самое время бывшая аспирантка, а позже сотрудница Николая Петровича В.В. Хвостова, много лет с ним проработавшая, в своем письме написала: “И верьте, пожалуйста, что в Новосибирском институте нет к Вам плохого отношения, не за что! Д.К. (Беляев – *примеч. автора*) человек прямой и искренний и никогда камня за пазухой не держит”.

В воспоминаниях о Н.П. считаю своим долгом, хотя мне и неприятно вспоминать об этом, написать о некоторых важных фактах, для многих людей неизвестных. Компанию травли против Николая Петровича, которую проводили ответственные руководящие генетики, осуществляли по всем фронтам.

Например, я думаю, что позорным явлением для Московского отделения ВОГИС является факт, когда ведущий генетик страны, академик, директор головного института выдвигается на предстоящий генетический конгресс (Москва, XIV-й) или на съезд ВОГИС делегатом от Украины и Молдавии. Следует сказать, что украинские и молдавские генетики и селекционеры всегда были готовы сделать так, чтобы Николай Петрович участвовал в генетических форумах. Между ними и Н.П. был тесный деловой контакт. Они часто приглашали его на многие республиканские мероприятия и прекрасно видели и знали всю мышиную возню московских генетиков.

Известный генетик, проф. Петр Климентьевич Шкварников, бывший заместитель Николая Петровича в ИЦиГ СО АН СССР, живущий в Киеве, написал ему в 1971 г.:

Слышал о проделках интриганов из Московского отделения ВОГИС в отношении Вас.

Это неслыханное до предела обнаженное хулиганство, приобретающее уже политическую окраску. Данный пример – хорошая иллюстрация к тезису о партийности в науке и к тому, что происходит, когда этот принцип попирается.

В середине декабря 1975 г., состоялось заседание инициативной группы при Генеральном секретаре конгресса Д.К. Беляеве по выработке программы XIV международного конгресса. Было приглашено 25 человек, среди них: Л.В. Крушинский, Б.Н. Сидоров, С.Г. Инге-Вечтомов, С.В. Шестаков, Л.И. Корочкин, А.А. Прокофьева-Бельговская и др. Все эти ученые выступили

пили против доклада Николая Петровича “Ключевые направления генетики в современную эпоху” на пленарном заседании.

В 1977 г. накануне генетического конгресса состоялись перевыборы ВОГИС. В результате закулисных манипуляций руководства ВОГИС при тайном голосовании с преимуществом в один голос Николай Петрович был выведен из состава Президиума ВОГИС.

Я очень хорошо помню, какая компания была развернута в ВОГИС, чтобы не допустить Николая Петровича в руководящий состав предстоящего конгресса, и как делили между собой портфели – Т.В. Турбин, Д.К. Беляев, Н.П. Бочков и др., о чем академики Ю.А. Овчинников и Н.В. Цицин рассказывали Николаю Петровичу. Ю.А. Овчинников просил Николая Петровича согласиться быть вице-президентом конгресса – поста, специально введенного для него. Николай Петрович отказался. Только после длительных переговоров и уговоров, на заседании Секции химико-биологических наук выступил вице-президент АН академ. Овчинников, который заявил, что Н.П. Дубинин должен быть в руководстве конгресса.

Делалось все, чтобы Николай Петрович не стал главным редактором журнала “Генетика”. Были созданы такие условия в редакции, что он, будучи членом редколлегии, не мог опубликовать здесь ряд материалов в ответ на критическую статью в свой адрес, опубликованную в этом же журнале. Все было заблокировано. Боялись прочитать его документированную правду. Я не знаю ни одной публикации в журнале “Генетика”, в которой ведущие и занимающие посты генетики поздравили бы Николая Петровича с каким-либо его награждением, избранием, успехом. Я специально с этой целью просмотрела журнал за многие годы и особенно раздел “Персоналии”. Создается впечатление, что редакция журнала делала и делает все, чтобы имя Дубинина было изъято из истории.

В МГУ на кафедре генетики делалось все, чтобы не допустить Николая Петровича к чтению лекций, не дать возможность выступать перед студентами, не допустить его учебник “Генетика”. Сотрудники кафедры давали резко отрицательные отзывы на книги Н.П., уходя от объективных замечаний. В итоге сложившейся конфронтации на одном из заседаний по мутагенам окружающей среды, точнее, уже на банкете, Николай Петрович заявил Асланяну, что с кафедрой генетики Московского университета он никаких дел иметь в дальнейшем не хочет.

Нужно было обладать феноменальной выдержкой, иметь хорошее здоровье, чтобы все это выдержать, быть выше закулисных игр, заказчик которых и силы, подключенные к этому, ему всегда были известны.

Думаю, единственное, что Николаю Петровичу помогало снимать стрессы – это то, что у него был крепкий надежный тыл дома, масса людей в нашей необъятной стране – Советском Союзе, которые звонили, писали письма, приезжали к нему, консультировались, откликались и писали отзывы на труды, приглашали его на бесконечные выступления, посещения и пр.

Несколько слов в своих воспоминаниях хочется сказать о старых “друзьях” Николая Петровича – Б.Н. Сидорове, Н.Н. Соколове, В.В. Сахарове, которые работали с ним в его лаборатории еще в 1930–1940-е гг. в Институте экспериментальной биологии, а позднее в ЛаРГ и ИОГен, но потом покину-

ли Институт. Были люди, которые просто использовали этих ученых для достижения своих целей. Они встали на путь интриг. Под давлением извне “друзья” стали требовать от Николая Петровича устроить в Институт и предоставить лаборатории ряду лиц. Однако Николай Петрович не удовлетворил эти просьбы, поскольку профиль научных работ этих людей был далек от тематики института. Кроме того, “друзья” настаивали на увольнении из института отдельных, подающих большие надежды сотрудников, которые их не устраивали, они якобы не могут находиться и работать в одном Институте. И вот этот бесконечный шантаж “если не уберешь, то мы уйдем”, кончился тем, что между “старыми друзьями” пропало взаимопонимание. Они перешли в ИБР к Б.Л. Астаурову.

Спустя некоторое время, в октябре 1974 г., к Николаю Петровичу пришел Юрий Сергеевич Демин, один из ведущих научных сотрудников, ушедших со “стариками”, проситься обратно на работу. По его словам, их группу в новом институте ликвидируют, и он просит Николая Петровича принять его обратно, вместе с базой – Кропотовской станцией. Николай Петрович ответил, что мы хлопотать не будем, если хотите – сами действуйте, добивайтесь. Тогда Ю.С. Демин стал просить, чтобы Николай Петрович взял хотя бы его и еще одного сотрудника. Прощаясь, Ю.С. Демин сказал, что часто думал о том, как они уходили из ИОГен, теперь он и другие товарищи ясно видят, что все прогнозы и предсказания Николая Петровича о судьбе генетиков в ИБРе полностью оправдались.

Да, Николай Петрович переживал уход старых друзей, но я до сих пор задаю себе вопрос: а были ли они настоящими друзьями? Анализируя их письма, высказывания, выступления и действия, я пришла к выводу: нет, вряд ли они были настоящими друзьями.

Тяжелым испытанием для Николая Петровича стала компания, организованная его давнишними недругами, активно поддержанная тогдашним Президентом АН А.П. Александровым и, к сожалению, нашедшая ряд сторонников среди сотрудников ИОГен, по его снятию с поста директора института. Вопреки научной справедливости и истории борьбы советской генетики за право жить и развиваться, путем принятия административного волюнтаристского решения директором института в 1981 г. был назначен А.А. Созинов. Не имея ни учебного, ни диссертационного базисного образования по биологии и, тем более по генетике, А.А. Созинов, бывший сотрудник Т.Д. Лысенко, стал директором головного генетического центра нашей страны.

Будучи уже директором ИОГен, А.А. Созинов “осуществлял внутри институтские репрессии, без основания увольнял людей с работы, пускал в ход ложь и диктат, административный произвол”². Николай Петрович против его воли был переведен в Институт эволюционной морфологии и экологии животных, но изгнать лабораторию с площадей того самого института, который им был организован, создан и выстроен и, где он продолжал продуктивно работать, А.А. Созинову и А.П. Александрову не удалось.

Продержался А.А. Созинов в кресле директора совсем недолго. Вскоре академик А.П. Александров покинул свой пост, новым Президентом АН был

² Дубинин Н.П. “Вечное движение”. М., Политиздат. 1989. С. 238.

избран Г.И. Марчук. По ИОГен была назначена комиссия Президиума АН и А.А. Созинов был снят с поста директора. Новый директор, Сергей Васильевич Шестаков, вернул Николая Петровича и его лабораторию в ИОГен.

Снятие с поста директора Института общей генетики – это горькая страница в жизни Николая Петровича и грязная страница в жизни и работе института. Мне очень трудно вспоминать об этом времени. Находясь все время рядом с ним, я, как никто другой, видела, чувствовала и понимала всю боль, горечь и трагедию, сжимавшие душу и сердце этого сильного и мужественного человека. Столь много выстрадав, добившись и в одночасье утратив созданное – как жестоко обошлась с ним судьба! Лишь преданность и любовь к своей работе, ум и воля, соединенные воедино, не позволили обстоятельствам сломить его. До последней минуты он шел вперед, отстаивая свои научные и гражданские позиции. Многие друзья и близкие сотрудники в этот период повели себя недостойным образом. Тяжело переживал Николай Петрович эти времена:

Вверх идут тернистые ступени,
Это путь не в пропасть, в небеса!
Я не встану на колени,
Будешь ты со мной одна!

Жизнь моя, в огнях стозвонных,
Будет горе или счастье,
Медь гудит в ударных звонах,
Цепь одета на запястья.

Жизнь моя – поток кровавый
В черной буре, в круговертьях
Подымаю кубок алый
Разобью его о сердце.

18 июня 1981 г. “Тебе”

* * *

Гроб вносят, крышку положив,
Вы молоток и гвозди уберите,
Ведь я еще чертовски жив,
А вы глазами мертвыми глядите.

Злой ветер сбросил все мантильи,
Душа людей обнажена,
Какие черные усилья!
Какой осадок вплоть до дна!

Я жив, бурун идет по морю,
Душа пылает на ветру,
Уходит в пену это горе,
Заря сияет по утру.

Ноябрь 1981 г. “Заря сияет”

Все вышесказанное мною пусть останется на совести ныне живущих и здравствующих и на совести в иной мир ушедших людей, которые были причастны к этим делам. Я рассматриваю это как месть людшек талантливому человеку. Они, лишенные этого дара, не хотели, не могли смириться и отдать должное Большому человеку. Была зависть, порождавшая ненависть. И они всеми силами травили Николая Петровича.

Наша молодежь должна знать о большой жизни ученого, который посвятил ее науке, учиться как нужно самоотверженно работать, любить свою Родину и науку.

Самыми лучшими памятниками Николаю Петровичу стали два созданных им и ныне действующих генетических центра нашей страны – Институт цитологии и генетики в Новосибирске в 1957 г. и Институт общей генетики в Москве в 1966 г. Осталось его богатое научное наследие, осталось его “Вечное движение”, его удивительные письма, стихи.

Если раньше Николай Петрович не делал акцент на теме смерти, то в стихотворениях, написанных им в 1980–1981 гг., этот мотив стал появляться все чаще. Одно из них написано после посещения Киргизии в составе делегации, возглавляемой акад. Ю.А. Овчинниковым:

На выжженной Земле,
Восточные надгробья, письмена,
Ах, ласточка, скажи мне по весне
Когда ко мне придет Она!

На русской, на земле другой,
Лежать я буду в вечном братстве,
Зачем же за руки с тобой
Я шел рекой земного счастья?

1980 г. “Киргизское кладбище”

* * *

По вечерам, когда темнеют окна
И зацветают звезды в вышине,
Ко мне из мглы приходит кто-то,
Он обнимает плечи мне.

Он говорит так непонятно,
Он шепчет странные слова,
Зовет куда-то, все невнятно,
Как в тучах бледная луна.

1981 г. “Странные слова”

Николай Петрович никогда не жаловался на здоровье, выдержка у него была колоссальная, сверхтерпеливый человек, даже, когда ему было особенно тяжело.

Усталые последние года,
Они грозят бедой,
Осенняя холодная вода,
И сердце полное тобой.
О как хочу я отстрадать,
Чтобы не видеть звезд,
И тихо голову сложить
На старенький погост.

1981 г.

“Усталые последние года”

Он только однажды мне сказал: “Я слабею”. Это было за месяц до его смерти. А дня за два совершенно неожиданно для меня, сидя на диване, сказал: “Я тебя прошу, выходи замуж. Не жди, когда кончится траур”. Я вышла в дружную комнату, слезы потекли ручьем. Я поняла, что это конец, в который не хотела верить. Это была его последняя просьба, и последний, единственный наказ в жизни, который я не смогла выполнить. И через два дня Николай Петрович умирал на моих руках, уже ничего не говоря мне, очень тихо, я держала его голову и мир для него перестал существовать в 16 часов 55 минут 26 марта 1998 г.

Не знаю я, не ведаю, не понимаю,
Ни этих слез, ни светлых облаков,
Жизнь прожита, второй я не желаю,
Освободился я от всяческих оков.

Как светлый дым прошедшее я вспоминаю
В спокойной гордости любви,
И память сохраняя, не желаю
Второй раз новый путь пройти.

Прекрасна жизнь, душа моя спокойна,
Божественный мой труд и зорь восход
Мне не забыть, грудь дышит ровно,
Куда ведет последний мой уход.

1979 г.

Вашингтон – Москва

* * *

Осенние березы молчаливы
Стоят в косынках дождевых,
Качаясь, вспоминают дни иные
И нас, когда-то молодых.

Жизнь отшумела, словно ливень,
Цветы последние цветут,
На небесах, когда-то синих,
Лишь тучи черные плывут.

1983 г. “Стоят в косынках дождевых”

Николай Петрович похоронен на Троекуровском кладбище Москвы. Моя совместная тридцатисемилетняя жизнь с Николаем Петровичем Дубининым, прожитая на одном дыхании, с этим удивительным и замечательным человеком, жизнь, прожитая в большой любви, полном взаимопонимании, доверии, согласии, закончилась. Осталась щемящая боль, незабываемая память о нем, остались его удивительные письма, стихи, подаренные мне. Я благодарна судьбе и счастлива, что на своем жизненном пути встретила такого большого, доброго и изумительного человека с пламенным сердцем и сверкающей душой, что он у меня был и остался в моей душе навсегда. Я понимаю, что ничто не длится вечно, даже такая его любовь ко мне. Забыть Николая Петровича нельзя. Он заслужил память о себе всей своей жизнью.

Н.П. был подобно заряженному электрону, несущему Вечное начало новых знамений в науке и открытий, вечно неутомимый и бодрящий дух собратий своих и соратников.

Николай Петрович попрощался со всем, что ему в жизни было так дорого:

Прощайте воды голубые,
Клик лебедей и гомон птиц,
Раскаты, солнцем залитые
И дальний блеск ночных зарниц.

Ресницы желтые реки,
Мир камышей и тайн,
В вечернем пламени зари
Чернеющий баклан.

Прощайте воды голубые,
Вернусь ли вновь я к вам?
Горят огни уже другие
Дорогой к новым берегам.

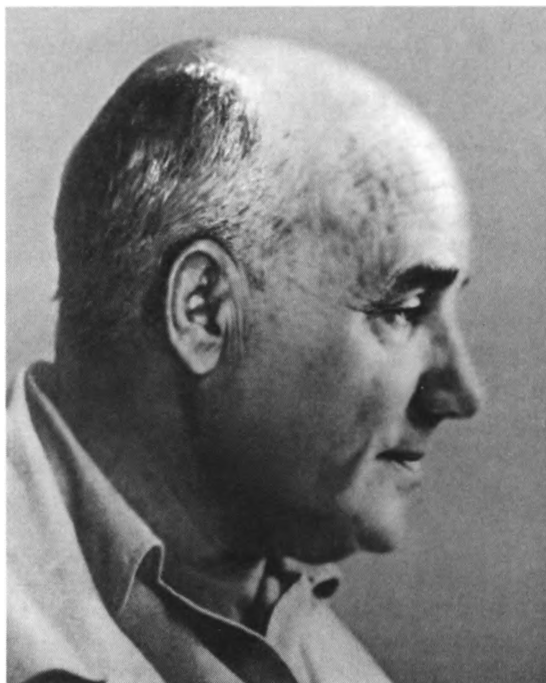
1983 г.

* * *

Прощайте милые леса,
Пруды под синим льдом.
В снегах апрельская вода,
Синичный перезвон.

Горят золотые купола,
Простерта синева,
А в мире – это ты да я
Гори ж, гори, звезда моя!

ГЛАВА 6
В ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДУБИНИНА
(1907–1998)

26 марта умер Николай Петрович Дубинин.

Удивительна судьба этого человека, прожившего долгую жизнь вместе с наукой, которой занимался. Когда он, будучи 20-летним юношей, начинал свои исследования, в генетике лишь делались первые попытки определить, что же такое ген, а ушел из жизни тогда, когда о генах знают почти все: их выделяют и клонируют, пересаживают из одного организма в другой, растения и животные клонируют из одной клетки, начинают борьбу со старением. И вклад Н.П. Дубинина в столь быстрый прогресс генетики велик и неоспорим {...}¹

¹ Шумный В.К., Жимулев И.Ф. Информационный вестник ВОГиС. 1998. № 3. С. 1–3.

СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

В связи с кончиной академика Николая Петровича Дубинина в адрес Института общей генетики, Отделения общей биологии и на домашний адрес были получены сотни соболезнований от государственных учреждений, научных коллективов и частных лиц нашей страны и зарубежных стран. Мы выражаем всем искреннюю признательность и считаем своим долгом привести здесь хотя бы некоторые из них:

Отделение общей биологии РАН	Институт генетики АН Молдавии
Президиум Сибирского отделения РАН	Институт генетики Академии наук Азербайджана
Президиум Дальневосточного отделения РАН	Институт физиологии растений им. К.А. Ти- миряева
Президиум Академии наук Молдовы	Институт биологии и развития имени Коль- цова РАН
Институт цитологии и генетики СО РАН	Институт лесоведения РАН
Ботанический институт им. В.Л. Комарова	Зоологический институт РАН
Институт биологии гена РАН	Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова
Институт молекулярной биологии имени В.А. Энгельгардта РАН	Институт общей и экспериментальной био- логии СО РАН (Улан-Удэ)
Палеонтологический институт РАН	Научный совет подпрограммы "Геном чело- века"
Институт биохимии им. А.Н. Баха	Ботанический сад – институт. Уфимский научный центр РАН
Институт биофизики клетки РАН	Санкт-Петербургский научный центр
Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН	Уральский научный центр РАН (Уфа)
Петербургский институт ядерной физики им. Б.П. Константинова. Отделение моле- кулярной и радиационной биофизики	Вильнюсский университет
Институт систематики и экологии животных СО РАН	Институт леса (Гомель, Беларусь)
Институт экологии волжского бассейна РАН (Тольятти)	Оренбургский научно-координационный Совет УрО РАН
Институт экологии и генетики микроор- ганизмов Уральского отделения РАН	Самаркандский госуниверситет имени Али- шера Навои
Институт цитологии РАН	Горнотаежная станция (Уссурйск)
Институт почвоведения и фотосинтеза РАН	Казахский университет
Институт биологии. Коми научный центр. Уральский научный центр РАН. Уральс- кое отделение	Центральный сибирский ботанический сад СО РАН (Кировск)
Биолого-почвенный институт ДВО РАН	Поляно-Альпийский ботанический сад- институт
Институт биологии внутренних вод РАН	Ботсад АМУРНЦ ДВО РАН (Благовес- щенск)
Мурманский морской биологический инсти- тут. Кольский научный центр РАН	Отделение биологических, медицинских и геологических наук Литовской Академии наук
Институт экологии горных территорий I. Кабардино-Балкарский научный центр РАН	Кафедра генетики и селекции СПб ГУ и др.
Институт водных и экологических проблем СО РАН	

ТЕЛЕГРАММА

Директору Института общей генетики РАН
Академику Алтухову Ю.П.

Москва
31.03.1998 г.

Глубокоуважаемый Юрий Петрович!

Примите мои глубокие и самые искренние соболезнования в связи с кончиной академика Николая Петровича Дубинина.

Мировая наука понесла невосполнимую утрату. Светлый, неповторимый образ великого русского ученого и гражданина России навсегда сохранится в памяти современников и потомков.

Вечным памятником ему будет немеркнувший научный и гражданский подвиг, который он совершил.

Председатель Подкомитета по науке
Государственной Думы РФ

В.С. Шевелуха

29.03.1998 г.

Коллектив Института цитологии и генетики СО РАН выражает глубокое соболезнование Институту общей генетики РАН, родным, близким, друзьям и коллегам в связи с кончиной выдающегося генетика, академика Николая Петровича Дубинина.

Николай Петрович Дубинин своими исследованиями внес фундаментальный вклад в развитие генетики. Он являлся стойким борцом за научную истину, выдающимся организатором биологической науки. Коллектив Института цитологии и генетики знает его как первого директора нашего института, принадлежавшего к славной плеяде ученых – патриотов нашего Отечества, на плечи которых легла огромная тяжесть и ответственность за возрождение генетики в нашей стране.

Светлая память о Николае Петровиче Дубинине навсегда сохранится в наших сердцах.

От коллектива института
Зам. директора
Ученый секретарь института

Н.А. Колчанов
А.В. Осадчук

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Ленинский пр-т, 32 А Отделение общей биологии РАН

Екатеринбург
30.03.1998 г.

Биологическая и генетическая общественность Урала скорбит, получив известие о кончине крупнейшего отечественного генетика Николая Петровича Дубинина. Академик Дубинин являлся долгие годы важнейшей фигурой советской и мировой биологии. Его вклад в генетику трудно переоценить. Память о нем навсегда сохранится в российской науке.

Председатель Уральского отделения ВОГиС
директор Ботанического сада УРО РАН
член-корреспондент РАН
директор Института экологии растений и животных академик

Мамаев
Большаков

ТЕЛЕГРАММА

Москва
Губкина, 3, Институт общей генетики РАН
Академику Ю.П. Алтухову

Уфа
30.03.1998 г.

Вместе с Вами мы глубоко скорбим о невосполнимой утрате, о кончине Николая Петровича Дубинина – величайшего ученого, стоявшего у истоков многих современных направлений генетики, отдавшего все силы за само наше право заниматься генетикой, уникального человека, являвшегося связующим звеном всех эпох славной советской и российской генетики.

От имени сотрудников директор Отдела биохимии
и цитохимии *профессор В.А. Вахитов*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАММА

Москва, Губкина, 3
Институт общей генетики РАН
Академику Алтухову Ю.П.

Минск
30.03.1998 г.

Глубоко скорбим о кончине Николая Петровича Дубинина, выдающегося ученого, обогатившего науку трудами мирового уровня, мужественного борца за чистоту биологической науки.

Светлую память об академике Дубинине навсегда сохранят наши сердца.

Директор Института генетики
и цитологии НАН Белоруссии *академик Картель*

Президент Белорусского Общества генетиков
и селекционеров *Хотылева*

ФАКСИМИЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Кому: Академику Ю.П. Алтухову
Директору Института общей генетики РАН Москва
От: Академика У.К. Алекперова
Институт генетики Академия наук Азербайджана

31 марта 1998 г.

Дорогие друзья!

С чувством глубокой скорби восприняли весть о кончине Академика Николая Петровича Дубинина – Великого Ученого и Гражданина, внесшего неограниченный вклад в развитие генетической науки и использование ее достижений на благо человечества. Исключительный талант Великого Ученого, его последовательность, принципиальность, обаяние, простота и доступность явились не только основой его личных исключительных достижений в науке, но и сыграли решающую роль в возрождении генетической науки в нашей стране, развитии ее в мире, привлечении в науку молодежи. Развитие генетической науки в Азербайджане, как и во многих других странах, неразрывно связано с именем академика Николая Петровича Дубинина.

Коллектив Института генетики и селекции АН Азербайджана, Республиканское Общество Генетиков и Селекционеров глубоко скорбят по поводу безвременной утраты и выражают глубокие соболезнования коллективу института, семье и близким. Прошу принять также мои личные соболезнования по поводу утраты дорогого и незабвенного Учителя.

Академик

Урхан Алекперов

ТЕЛЕГРАММА

Институт общей генетики

Киев 27.03.1998 г.

Глубоко скорбим в связи с уходом из земной жизни всемирно известного генетика Николая Петровича Дубинина.

Вся жизнь организатора Института общей генетики Н.П. Дубинина – это образец ученого, который посвятил всю свою жизнь, отдал все свои силы и знания во имя прогресса человечества.

Светлая память о человеке и ученом с большой буквы Николае Петровиче Дубинине навсегда сохранится в наших сердцах.

Директор Института физиологии растений и генетики
Академик НАН Украины

В.В. Моргун

ТЕЛЕГРАММА

Москва

Москва

Губкина, 3, Институт общей генетики РАН

30.03.1998 г.

Сотрудники Главного ботанического сада РАН, члены Совета ботанических садов глубоко скорбят в связи с кончиной выдающегося ученого-генетика академика Николая Петровича Дубинина. Имя академика Дубинина навсегда вошло в историю мировой науки, как прекрасного исследователя, организатора науки, бескомпромиссного борца с лысенкоизмом за чистоту отечественной биологии.

Директор ГБС

Андреев

ТЕЛЕГРАММА

Москва

Вильнюс

Отделение общей биологии РАН

31.03.1998 г.

С глубоким прискорбием узнали о кончине выдающегося генетика Николая Петровича Дубинина. Научная общественность Литвы чтит его как ученого мирового уровня и мужественного человека, гражданская отвага которого вселяла надежду в самые мрачные времена нашей еще недавней общей истории.

Ряд литовских генетиков – прямые ученики Николая Петровича, он внес большой вклад в подготовку научных кадров нашей страны. Мы будем хра-

нить почтительную память о нем, как о великом ученом и человеке. Просим передать наше искреннее соболезнование родным и близким Николая Петровича, его многочисленным ученикам и сотрудникам.

Председатель Отделения биологических, медицинских
и геологических наук Литовской академии наук *В.Л. Контримавичус*

ТЕЛЕГРАММА

Москва, Губкина, 3
Институт общей генетики

Ташкент
27.03.1998 г.

Президиум академии наук республики Узбекистан и коллектив Института генетики глубоко скорбит по поводу кончины выдающегося ученого генетика нашего времени Николая Петровича Дубинина.

Его яркая плодотворная творческая жизнь всегда служила науке. Для нас всех, кто его знал, кто с ним работал и учился в его фундаментальной школе генетиков, он останется навсегда в наших сердцах.

*Академик Мусаев, академик Абдуллаев,
чл.-корр. АН РУз Абдукаримов,
профессор Эргашев, доктор Джатаев*

30.03.1998 г.

Примите искреннее соболезнование в связи с кончиной выдающегося русского ученого, одного из основателей отечественной школы генетики, основоположника эволюционной и радиационной генетики академика Николая Петровича Дубинина.

Коллектив Института биофизики клетки РАН разделяет горечь нашей общей утраты.

От имени коллектива
Директор института
д.б.н., проф.

Е.Е. Фесенко

Молдова, Кишинев

30.03.1998 г.

Глубокоуважаемая Лидия Георгиевна!

Разрешите мне выразить Вам глубокое соболезнование в связи с кончиной Вашего супруга Николая Петровича Дубинина.

Он был и останется навсегда величайшим примером великого труженика, ученого и учителя всех генетиков и не только России. Пусть память о нем будет для Вас и нас, считавших всегда себя его учениками – путеводной звездой к будущим открытиям и свершениям.

Искренне Ваш

В.Н. Лысиков

Mrs. L. Georgievna Dubinina
Leninsky Prospect, Russia
Dear Mrs. Dubinina

Washington, May 26, 1998
National Academy of Sciences

I am writing to extend the sympathy of the Academy membership on the death of your husband. Dr. Dubinin was highly regarded by all those whose lives he touched and, although we find solace in the rich legacy of his achievements, his loss is keenly felt by his associates and friends throughout the scientific community.

With my sincere sympathy and warmest personal regards,

Yours sincerely
President

Bruce Alberts

Вашингтон, 26 мая 1998 г.
Национальная академия наук

Дорогая госпожа Дубинина!

Я пишу, чтобы выразить сочувствие членов Академии в связи со смертью Вашего мужа. Доктор Дубинин пользовался большим уважением всех тех, с кем соприкасался в жизни. И хотя мы находим утешение в богатом наследии его достижений, потеря его остро чувствуется коллегами и друзьями всего научного сообщества.

С искренними симпатиями и самыми теплыми пожеланиями

Искренне Ваш
Президент

Брюс Албертс

К 95-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА

К 95-летию Николая Петровича было подготовлено четырехтомное издание Избранных трудов этого выдающегося ученого-генетика XX в., 70 лет посвятившего служению науке.

В первом томе содержатся введение, биография Н.П. Дубинина, в которой отражена его научная, научно-организационная и общественная деятельность; раскрываются теоретические основы узловых проблем генетики, теории гена и эффекта положения; представлены теоретические и экспериментальные исследования по эволюционной генетике и генетике популяций.

Второй том посвящен проблемам радиационного и химического мутагенеза. В нем представлены наиболее важные работы Н.П. Дубинина по общим вопросам радиационной генетики, влиянию ионизирующих излучений на наследственность человека, а также фундаментальные статьи по медицинской генетике. Приведены новаторские исследования Н.П. Дубинина по химическому мутагенезу, на основе которых им было сформулировано представление об этапности становления мутаций и концепция предмутационных потенциальных изменений хромосом как основа формирования генных и хромосомных мутаций.

Третий том посвящен основополагающим работам в области экологической генетики: мутагенным факторам преимущественно антропогенного происхождения – химическим и радиационным и их роли в загрязнении окружающей среды. Публикуются также статьи по проблемам антимутагенеза, которому Н.П. Дубинин всегда придавал большое значение в защите генетического аппарата животных и растений, в особенности в предотвращении наследственных болезней человека.

Читатель может также познакомиться с пионерными работами Н.П. Дубинина в области космической генетики. Особую ценность представляют взгляды ученого относительно методологии генетики в селекции сельскохозяйственных растений и животных, в том числе с использованием новейших методов молекулярной генетики.

Четвертый том освещает трагические события советской генетики, связанные с господством лысенковской псевдонауки, опиравшейся на поддержку И.В. Сталина. Это воистину уникальное явление в науке XX в., когда в одной огромной стране – СССР – наступил период средневековых представлений о наследственности, изменчивости и видообразовании с вытекающими из них невежественными практическими рекомендациями.

В центре внимания Н.П. Дубинина в течение многих лет находились философские проблемы генетики человека, в первую очередь соотношение биологической и социальной компоненты при формировании личности человека. Этим вопросам посвящены вошедшие в 4-й том наиболее яркие выступления Н.П. Дубинина.

МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

10–13 июня 2002 г. в Институте общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН прошла Международная конференция “*Генетические последствия чрезвычайных радиационных ситуаций*”, в рамках которой было проведено мемориальное заседание, посвященное 95-летию со дня рождения академика Н.П. Дубинина.

На этом заседании в качестве председателя и сопредседателя были избраны ученики Николая Петровича – д.б.н. проф. В.А. Шевченко и вице-президент Научного фонда экологической генетики имени Н.П. Дубинина д.б.н. проф. Х.И. Истамов.

С вступительным словом выступил проф. В.А. Шевченко. Ученики Н.П. Дубинина, а ныне профессора, представили доклады по различным областям генетической науки. Д.б.н. проф. А.П. Акифьев сделал доклад на тему: “Развитие проблемы нестабильности генома в работах Н.П. Дубинина и его учеников”, д.б.н. проф. В.А. Тарасов – “Развитие теории радиационного мутагенеза в 60–70-е гг. XX столетия”. С докладом “Научно-организационная деятельность Н.П. Дубинина в период возрождения генетики в нашей стране” выступила к.б.н. Л.Г. Дубинина.

Друзья, соратники, коллеги делились воспоминаниями о Николае Петровиче. В их числе: вице-президент РАСХН акад. А.А. Жученко; писатель, журналист В.С. Губарев; к.б.н. И.И. Сусков, акад. АН Республики Таджикистан П.Д. Усманов; д.б.н. Г.С. Нечитайло и др.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-КАБИНЕТ
АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА

В рамках мемориального заседания состоялось открытие Мемориального музея-кабинета академика Н.П. Дубинина, расположенного в рабочем кабинете ученого в Институте общей генетики, в котором он проработал многие годы (Москва, ул. Губкина, д. 3, ком. 406).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ имени Н.И. ВАВИЛОВА

ПРИКАЗ № 13-В

18 апреля 2002 г.

г. Москва
“Об увековечении памяти
академика Н.П. Дубинина”

Для увековечения памяти выдающегося отечественного ученого-биолога, организатора и директора Института общей генетики имени Н.И. Вавилова АН СССР академика Николая Петровича Дубинина и изучения его наследия

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Организовать в составе Института Мемориальный музей-кабинет академика Н.П. Дубинина.
2. Размещение Мемориального музея-кабинета академика Н.П. Дубинина определить в комнате № 406 главного корпуса.
3. Руководство Мемориальным музеем-кабинетом академика Н.П. Дубинина возложить на ведущего научного сотрудника группы мутагенеза при Дирекции кандидата биологических наук Лидию Георгиевну Дубинину.
4. Руководителю указанного выше музея-кабинета ведущему научному сотруднику Л.Г. Дубининой разработать Положение о Мемориальном музее-кабинете академика Н.П. Дубинина.

Директор Института
академик

Ю.П. Алтухов

В музее-кабинете действует постоянная экспозиция. В ней представлены материалы, рассказывающие о жизни и деятельности основателя Института общей генетики академика Н.П. Дубинина, представлены его личные вещи. Через призму жизни Николая Петровича отражена история всей отечественной генетики, ее различные направления, ее черные дни и замечательные победы. Интерьер и обстановка музея в точности соответствуют тому периоду, когда здесь творил свою любимую науку Николай Петрович.

Об одном экспонате хочется сказать особенно. Это – бюст Николая Петровича работы скульптора Евгения Борисовича Даревского. Скульптор проявил инициативу и изрядную настойчивость буквально заставив Николая Петровича позировать ему в своей мастерской. Бюст был подарен Н.П. Дубинину к 70-летнему юбилею со дня рождения в 1977 г. на чествовании, ко-

торое проходило в конференц-зале института. И с того момента в течение 25 лет бюст простоял в архивной комнате ученого под сукном. Но уже сразу нашлись “доброжелатели” в институте, обвинившие Николая Петровича в нескромном поведении и самовозвеличивании (“вот до чего дошел наш директор – при жизни себе установил памятник”), о чем “просигнализировали” в партийные органы. Это доставило Николаю Петровичу немало неприятностей.

Лишь спустя четыре года после его смерти бюст занял свое достойное место среди экспонатов в рабочем кабинете, ставшем музеем. Мы искренне благодарны скульптору Е.Б. Даревскому, к сожалению, не дожившему до этого дня, за бесценный подарок.

Среди дорогих сердцу экспонатов и другие образы ученого, запечатленные художниками в разные годы его жизни. В их числе репродукция портрета, выполненного маслом болгарским художником П.И. Михайловым, рисунок А. Балагура, чеканка грузинского мастера Очаури, изумительный портрет, сделанный из семян молдавским художником и вытканый в виде ковра портрет, подаренный учениками и др. Памятью о Николае Петровиче остался большой архив фотографий и кинодокументов.

О. Дряновска

СОВЕСТЬ И ГОРДОСТЬ РОССИЙСКОЙ ГЕНЕТИКИ¹

К 95-летию со дня рождения Н.П. Дубинина

В 1998 г. прервалась нить жизни патриарха мировой генетики академика Николая Петровича Дубинина. 70 лет он посвятил беззаветному служению генетике. До последнего вздоха он продолжал строить перспективы ее развития. Угасло яркое звездное сияние, но его свет продолжает гореть в бисере последователей. Его гениальные открытия делают его одним из крупнейших ученых XX в. в области эволюционной генетики, цитогенетики, космической генетики, генетики человека, медицинской генетики и др.

Еще будучи студентом Московского университета в 30-е годы XX в. он делал открытия и развивал целые направления, опережая американских и европейских своих коллег-исследователей, тем самым поднимая авторитет русской генетики. Посредством своих открытий он критиковал ограниченность менделизма, опровергая теорию Моргана о неизменности гена и автотенетическую теорию мутаций, став предвестником неоклассической генетики. Открытия Дубинина сформировали базу молекулярной генетики. С именем Дубинина связано возрождение и прогресс генетики в России после многолетнего гнета Лысенко. За особенные заслуги перед генетикой в 1966 г. Дубинин был избран действительным членом АН СССР и удостоен звания лауреата Ленинской премии, а в 1990 г. ему было присуждено звание

¹ Нова Зора. 2002. 22 января (Независимый национальный еженедельник. Болгария). Перевод с болгарского *И.Н. Овчинниковой*.

Героя Социалистического Труда. Н.П. Дубинин был избран членом многих зарубежных академий и обществ.

На протяжении многих лет болгарская генетика развивается под благотворным влиянием научных достижений Н.П. Дубинина и его сотрудников. Проводятся совместные научные разработки, форумы, другие мероприятия. Целая группа болгарских генетиков является учениками Н.П. Дубинина. Он многократно посещал нашу страну и оказывал неоценимую научную помощь.

Наша научная общественность знает Н.П. Дубинина как пламенного оратора и популяризатора генетики. За эти качества он нашел у нас много друзей.

Для нас Дубинин является вдохновляющим примером подвига, гражданской смелости и неукротимого стремления к истине. Мы преклоняемся перед ним, как ученым, уважаем его как отца, любим его, как брата и друга. Мы благодарны ему за то, что он жил, что с прометеевской силой своего очарования он приносил счастье. В сегодняшний трудный период духовной разрухи Дубинин еще более необходим. Именно поэтому мы считаем своим долгом сохранить его имя от забвения.

Дубинин с полным правом мог быть избран Нобелевским лауреатом, но то была трагичная эпоха.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА Н.П. ДУБИНИНА

Николай Петрович Дубинин родился 4 января 1907 г. в г. Кронштадте.

- 1919–1921 гг. Учился в детском доме (Самара).
- 1921–1923 гг. Учился в Жиздринской школе II ступени им. Л.Н. Толстого (Брянская область, Жиздринский детский дом).
- 1921 г. Вступил в ряды ВЛКСМ.
- 1923–1925 гг. Студент педагогического факультета 2-го Московского университета.
- 1925–1928 гг. Студент физико-математического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
- 1927–1929 гг. Ассистент Московского зоотехнического института.
- 1928 г. Окончил биологическое отделение физико-математического факультета МГУ.
- 1929 г. Участвовал в работе Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству (Ленинград); выступил с докладом “Случай множественного аллеломорфизма у *Drosophila melanogaster* в связи с теорией присутствия-отсутствия”.
- 1929–1931 гг. Доцент, заведующий основанной им кафедры генетики и разведения Московского института свиноводства.
- 1929–1932 гг. Старший научный сотрудник Биологического института им. К.А. Тимирязева (Москва).
- 1930–1933 гг. Заведующий отделом генетики и селекции Московской центральной шелководной станции (пос. Иноземцево и Пятигорской научно-исследовательской станции шелководства РСФСР).
- 1932–1934 гг. Заведующий лабораторией генетики и селекции кролиководческой станции (Москва, ст. Удельная).
- 1932–1938 гг. Заведующий кафедрой разведения и генетики Всесоюзного института пушно-сырьевого хозяйства (г. Балашиха, Московская обл.)
- 1932–1948 гг. Заведующий отделом генетики Института экспериментальной биологии Наркомздрава РСФСР (с 1938 г. – Институт цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук СССР. Лаборатория цитогенетики).
- 1935 г. Присуждена ученая степень доктора биологических наук без защиты диссертации.
- Утвержден в ученом звании профессора по специальности “Генетика”.

- 1936 г.** Участвовал в работе IV сессии ВАСХНИЛ; выступил с речью в обоснование хромосомной теории наследственности.
- 1937–1948 гг.** Организатор и заведующий кафедрой генетики Воронежского государственного университета.
- 1938–1948 гг.** Член экспертной комиссии по биологии Высшей аттестационной комиссии (ВАК).
- 1944 г.** Награжден медалью “За оборону Москвы”.
- 1945 г.** Награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”
- Награжден почетной грамотой Президиума АН СССР в связи с 220-летием Академии наук СССР.
- 1946 г.** Избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.
- 1947 г.** Избран действительным членом Всесоюзного общества “Знание”.
- 1948 г.** Упразднена лаборатория цитогенетики, “как стоящая на антинаучных позициях и доказавшая в течение ряда лет свою бесплодность”¹.
- Награжден юбилейной медалью “В память 800-летия Москвы”.
- 1949–1955 гг.** Старший научный сотрудник Института леса АН СССР в составе Комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения АН СССР.
- Начальник зоологического отряда по созданию государственной защитной полосы “гора Вишневая – Каспийское море”.
- 1955 г.** Избран действительным членом МОИП.
- 1955–1956 гг.** Старший научный сотрудник Института биологической физики АН СССР (Москва).
- 1956–1960 гг.** Организатор секции “Генетика” при Московском обществе испытателей природы (МОИП), ее председатель, член Президиума МОИП.
- Член экспертной комиссии по присуждению золотых медалей и премий Отделения биологических наук АН СССР.
- 1956–1966 гг.** Организатор лаборатории радиационной генетики Института биофизической физики АН СССР и ее заведующий.
- 1956–1975 гг.** Член пленума ВАК СССР.
- 1956–1990 гг.** Член Редакционно-издательского совета АН СССР.
- 1957–1959 гг.** Председатель Координационной комиссии по борьбе с гнусом на территории Сибири Сибирского отделения АН СССР (СО АН СССР).
- 1957–1960 гг.** Директор-организатор, директор Института цитологии и генетики СО АН СССР (Новосибирск).
- 1957–1990 гг.** Председатель секции генетики Национального комитета советских биологов.
- 1958 г.** Избран членом Германской академии естествоиспытателей “Леопольдина” (ГДР).
- На II Международную конференцию по мирному использованию атом-

¹ Постановление Президиума АН СССР от 26 августа 1948 года // Вестн. АН СССР. 1948. № 9. С. 23.

ной энергии в Женеве представил доклад “Механизм действия радиации на наследственность и проблема радиочувствительности”.

1958–1960 гг. Председатель объединенного ученого совета по биологическим наукам СО АН СССР.

- Член Президиума СО АН СССР.
- Член редколлегии журнала “Известия Сибирского отделения Академии наук СССР”.

1958–1963 гг. Член Постоянного Международного комитета генетических конгрессов (генетическая секция Международного союза биологических наук).

1958–1966 гг. Член редколлегии журнала “Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический”.

1959 г. Германской академией естествоиспытателей “Леопольдина” награжден медалью имени Ч. Дарвина за заслуги в развитии эволюционной теории и генетики.

1961 г. Президиумом АН СССР вручена памятная медаль в ознаменование первого в мире выхода человека в космическое пространство, осуществленного во время полета корабля – спутника “Восход-2”.

1962–1990 гг. Член бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме “Радиобиология”, председатель секции “Радиационная генетика”.

- Член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме “Молекулярная биология”.

1964–1976 гг. Член редколлегии международного журнала “Mutation Research” (Amsterdam).

1965 г. Награжден серебряной медалью Чехословацкой академии наук “За заслуги перед наукой и человечеством”.

- Чехословацкой академией наук награжден серебряной медалью имени Г. Менделя.
- Избран иностранным членом Югославской академии наук и искусств.
- Избран почетным членом Общества генетиков Великобритании.
- Избран членом Научного комитета по действию атомной радиации на живые организмы при Организации Объединенных Наций (ООН). Командирован на сессию комитета в Швейцарию; выступил с докладом “Влияние малых доз радиации на наследственный аппарат”; работал по составлению документа “Оценка существующей опасности” для Генеральной Ассамблеи ООН.
- Присуждена степень почетного доктора наук Университета им. Я. Пуркине.
- Командирован в Чехословакию на Международный Менделевский мемориальный и научный симпозиум; выступил с докладами “Общая теория мутаций” и “Цепной процесс в химическом и радиационном мутагенезе”.

1965–1966 гг. Член оргкомитета по подготовке к III Международному конгрессу по радиационным исследованиям (Италия).

1965–1968 гг. Председатель Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР.

- 1965–1990 гг.** Председатель секции “Радиационная генетика” Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР.
- 1965–1998 гг.** Член редколлегии журнала “Генетика”.
- Член экспертной комиссии по присуждению премии им. Н.И. Вавилова.
- 1965–1995 гг.** Ответственный редактор ежегодника “Успехи современной генетики”.
- 1966 г.** Избран действительным членом Академии наук СССР.
- Присуждена Ленинская премия за цикл работ по развитию хромосомной теории наследственности и теории мутаций².
 - Командирован в Италию на III Международный конгресс по радиационным исследованиям; выступил с докладом “О некоторых главных проблемах радиационной генетики”. Руководил симпозиумом “Радиационный мутагенез”.
- 1966–1981 гг.** Директор-организатор, директор Института общей генетики АН СССР (Москва).
- 1966–1986 гг.** Заведующий лабораторией мутагенеза Института общей генетики АН СССР.
- 1967 г.** Награжден орденом Ленина за создание Новосибирского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР и достигнутые успехи в развитии науки³.
- Награжден медалью “В память 50-летия Советской власти в СССР 1917–1967 гг.”.
 - Избран иностранным членом Американской академии искусств и наук в Бостоне.
 - Избран членом Научно-технического совета Главного управления микробиологической промышленности при Совете Министров СССР.
 - Участвовал в работе Всесоюзной конференции организаций-учредителей Агентства печати “Новости” (АПН). Избран членом учредительного совета АПН.
 - Командирован в Венгрию по приглашению Венгерской академии наук для ознакомления с работами по генетике, цитологии и селекции; на общем собрании биологического отделения академии выступил с докладом “Алкилирующие соединения и структурная изменчивость хромосом”.
 - Командирован в Румынию на II Национальный съезд биологов; выступил с докладом “Естественные мутации хромосом в диплоидных и тетраплоидных клетках”.
 - Командирован в США по приглашению Американского генетического общества для ознакомления с генетическими центрами; участвовал в работе годовичного съезда Американского генетического общества в Стэнфордском университете (Калифорния, Пало Альто).
- 1967–1990 гг.** Член Научного совета по общей и медицинской генетике Академии медицинских наук СССР.

² “Правда”. 1966. 22 апреля.

³ Ведомости Верхов. Совета СССР. 1967. Приложение к № 18. С. 25.

- 1967–1998 г.** Член редколлегии международного журнала “Caryologia” (Torino tec.).
- 1968 г.** Командирован в Японию на XII Международный генетический конгресс; на пленарном заседании выступил с докладом “Классификация потенциальных изменений”; на секции “Структура гена” выступил с докладом “Проблема потенциальных изменений в хромосомах”; на международном симпозиуме по генетическим эффектам факторов космического полета выступил с докладом “Задачи космической генетики”. Избран председателем этого симпозиума.
- 1968–1971 гг.** Член редколлегии “Ежегодника Большой медицинской энциклопедии”.
- 1969 г.** Вступил в Коммунистическую партию Советского Союза.
- Награжден Большой золотой медалью ВДНХ СССР за успехи в народном хозяйстве.
 - Награжден медалью имени Л. Пастера Института Пастера (Франция).
 - Избран иностранным членом Национальной академии наук США.
 - Командирован на Кубу на I конгресс по генетике Института животноводства Кубы; выступил с докладом “Проблемы генетики животных”. На общем собрании Академии наук Кубы выступил с докладом “Задачи и достижения генетики”.
 - Командирован в качестве эксперта ЮНЕСКО в Индию для чтения лекций и выработки предложений по развитию научно-исследовательской работы в области генетики в университетах и исследовательских центрах Индии.
 - Командирован в качестве эксперта ЮНЕСКО во Францию в Центральную квартиру ЮНЕСКО для выработки предложений по улучшению преподавания генетики и исследовательской работы.
 - Командирован в Великобританию по приглашению Общества генетиков Великобритании на заседание, посвященное 50-летию этого общества; выступил с речью.
- 1969–1972 гг.** Депутат Черемушкинского районного Совета депутатов трудящихся г. Москвы 12 и 13 созывов.
- 1969–1990 гг.** Член Научного совета по философским вопросам современного естествознания и Центрального совета философских (методологических) семинаров АН СССР.
- 1970 г.** Награжден юбилейной медалью “За доблестный труд”. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина”.
- 1970–1990 гг.** Член редколлегии журнала “Успехи современной биологии”.
- 1971 г.** Командирован во Францию во главе советской делегации на IV Международный конгресс по генетике человека; на пленарном заседании выступил с докладом “Генетика и будущее человечества”.
- По приглашению ЮНЕСКО командирован во Францию для участия в цикле лекций “Учения о расах и новейшие достижения генетики”; выступил с лекцией “Расы и современная генетика”.

- Участвовал во II Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина; выступил с докладом “Проблемы генетики и марксистско-ленинская философия”.
- Участвовал в работе Учредительного съезда Философского общества СССР; выступил с докладом “Философские вопросы и биологизация социальных явлений в проблеме человека”.

1971–1996 гг. Член бюро Отделения общей биологии АН СССР.

- Член главной редакции “Детской энциклопедии”.
- Член правления Философского общества СССР.

1972 г. Награжден настольной юбилейной медалью “50 лет СССР”.

- Командирован в Болгарию по приглашению Болгарской академии наук и Совета научных работников Болгарии; выступил с докладами в ряде научных центров и на пленарном заседании I Национального съезда по медицинской генетике и биологии.
- Командирован в ГДР по приглашению Академии наук ГДР; на симпозиуме “Социальные и моральные вопросы молекулярной биологии” выступил с докладом “Социальное и биологическое и проблеме человека”.
- Командирован в Испанию на XV сессию Комитета по космическим исследованиям (КОСПАР); выступил с докладами “Влияние факторов космического полета на наследственность высших растений и грибов” и “Влияние факторов космического полета на дрожифилу”.
- Командирован в Индию во главе советской делегации на I индо-советский симпозиум “Генные пуллы, центры возникновения культурных растений и последние достижения в теории мутаций”; выступил с докладами “Новое направление в современной теории мутаций” и “Некоторые вопросы в проблеме современной генетики”.

1972–1986 гг. Председатель Совета методологических семинаров Черемушкинского РК КПСС.

1972–1997 гг. Член редколлегии международного журнала “International Journal of Environmental Studies”. (Exeter).

- Член смешанной советско-американской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды.

1973 г. Член московского городского совета методологических семинаров дома политического просвещения МК и МГК КПСС.

- Избран сопредседателем 5-й рабочей группы КОСПАР по проблемам космической биологии.

1974 г. Председатель I советско-американского симпозиума “Генетические влияния загрязнения окружающей среды на человека” (Москва); выступил с докладом “Мутагены окружающей среды – новое положение теории мутаций в приложении к человеку и к органическому миру в целом”.

- Избран иностранным членом Польской академии наук.

1974–1990 гг. Член редколлегии большой медицинской энциклопедии.

1974–1992 гг. Председатель Секции генетических аспектов проблемы “Человек и биосфера”, член бюро Междудементственного научно-техниче-

ского совета по комплексным проблемам охраны окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов при Государственном комитете СССР по науке и технике (ГКНТ).

- Член междудеятельственного научно-технического совета по проблемам молекулярной биологии и молекулярной генетики при ГКНТ и Президиуме АН СССР.

1975 г. Награжден орденом Октябрьской Революции за заслуги в развитии советской науки и в связи с 250-летием Академии наук СССР⁴.

- Награжден настольной юбилейной медалью “250 лет Академии наук СССР”.
- Награжден юбилейной медалью “Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.
- Командирован в Болгарию на XVII сессию КОСПАР; выступил с докладом “Особенности цитогенетического эффекта космической радиации и невесомости”. На научном симпозиуме по гравитационной биологии выступил с докладом “Роль гравитации в эволюции”.
- Избран членом консультативного совета Международной секции Научного совета АН СССР по проблемам биосферы при Президиуме АН СССР.
- Избран председателем секции “Радиационная биология”.
- Командирован в США во главе советской делегации на II советско-американский симпозиум по мутагенам окружающей среды.

1976 г. Командирован в Мексику во главе советской делегации на IV Международный конгресс по генетике человека; выступил с докладами “Генетический мониторинг популяций человека и среда” и “Соотношение наследственности и среды в опытах с близнецами”.

- На XIX сессию КОСПАР в США представил доклады “Биологические исследования на орбитальной станции “Салют-4” и “Биологические исследования на “Союзе-19”.

1976–1978 гг. Член оргкомитета XIV Международного генетического конгресса (Москва).

1976–1980 гг. Член Черемушкинского районного комитета КПСС (Москва).

1976–1981 гг. Председатель специализированных советов по присуждению ученых степеней по специальности “генетика” Института общей генетики АН СССР.

1976–1992 гг. Председатель государственной экзаменационной комиссии по кафедре радиационной физики Московского инженерно-физического института.

1977 г. Награжден Почетной грамотой Всемирного Совета Мира за активную деятельность в движении сторонников мира.

- Участвовал в работе III съезда ВОГИС им. Н.И. Вавилова (Ленинград).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР академиков, членов-корреспондентов, работников научных учреждений и организаций Академии наук СССР, 17 сент. 1975 г. М., 1975. С. 24.

На пленарном заседании выступил с докладом “Генетика и социальные проблемы”.

- Участвовал в работе III съезда Молдавского общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова (Кишинев). На пленарном заседании выступил с докладом “Основные проблемы современной генетики”.
- Командирован в Англию на II Международную конференцию по мутациям среды; выступил с докладом “Генетический мониторинг: общие подходы”.

1977–1997 гг. Член Международной комиссии по защите наследственности человека от влияния мутагенов и канцерогенов окружающей среды (ИСПРЕМС).

- Председатель рабочей группы по проекту международной программы ЮНЕСКО “Человек и биосфера” (МАБ).

1978 г. Участвовал в работе XIV Международного генетического конгресса (Москва); на пленарном заседании выступил с докладом “Генетика и благосостояние человечества”. Избран вице-президентом конгресса.

- Участвовал в работе советско-американского симпозиума “Критерии необходимых и достаточных тест-систем для идентификации потенциальных мутагенных и канцерогенных факторов в окружающей среде” (Баку); выступил с докладами “Новые подходы к изучению генетических процессов в населении людей, индуцированных мутагенами среды” и “Мониторинг генетических процессов в природных популяциях, подвергающихся воздействию мутагенов”.
- Командирован в Болгарию на IX сессию Международной летней варненской школы марксистско-ленинской философии по теме “Место и роль философии и наук в современном мире”; на пленарном заседании выступил с докладом “Современная биология и философия”; в биологическом отделении Академии наук Болгарии (София) выступил с докладом “Достижения генетики и научно-технический прогресс”.
- Командирован в ФРГ на XVI Всемирный философский конгресс; на пленарном заседании выступил с докладом “Философские проблемы современной биологии”.
- Командирован в Нидерланды на симпозиум ЮНЕСКО “Генетика и этические ценности”; выступил с докладом “Социальная сущность человека и генетика”. Избран вице-президентом симпозиума.

1978–1998 гг. Член редколлегии серии “Проблемы космической биологии”.

1979 г. ЦК ВЛКСМ награжден юбилейным знаком “60 лет ВЛКСМ” и вручена Почетная грамота за заслуги перед комсомолом и в связи с 60-летием ВЛКСМ.

- Командирован в Монголию во главе советской делегации для организации лаборатории генетики в Институте общей и экспериментальной биологии Монгольской академии наук. На общем собрании Монгольской академии наук выступил с докладом “Современная генетика: успехи, задачи и перспективы”.

- Награжден памятной медалью Монгольской академии наук.
 - Командирован в США во главе советской делегации по проекту “Биологические и генетические эффекты загрязнителей”. В Национальном институте здоровья (Триангл Парк) выступил с докладом “Экспериментальное обоснование мониторинга по генным мутациям у человека”.
 - Член оргкомитета IX конгресса Европейской научной ассоциации по селекции растений.
 - Командирован в Италию во главе советской делегации по приглашению Национального совета по научным исследованиям. В Неаполитанском и Туринском университетах выступил с докладами “Загрязнение среды и наследственность человека” и “Биосфера и генетические основы рационального использования животного и растительного мира”.
- 1980 г.** Избран председателем Секции космической биологии и членом бюро Научного совета АН СССР “Космическая биология и физиология.
- Командирован в Болгарию на Международную встречу-беседу “Роль культуры в развитии человека и общества”; выступил с докладом “Культура и социальная сущность человека” и с лекциями.
 - Командирован в Швейцарию для выработки проекта Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по генетическому мониторингу; выступил с лекциями “Генетика и ее значение” и “Генетика в современном обществе”.
 - Командирован в Канаду на Международный симпозиум по химическому мутагенезу и по оценке генетического риска в популяциях человека; выступил с лекциями.
- 1980–1990 гг.** Член бюро Научного совета по комплексной проблеме “Философские и социальные проблемы науки и техники” АН СССР.
- 1981 г.** Участвовал в работе III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания; выступил с докладом “Диалектика скачков в истории жизни”.
- 1981–1997 гг.** Член редколлегии журнала “Человек, эволюция, космос”.
- Член биологической секции Научного совета по проблемам биосферы АН СССР.
- 1986 г.** Участвовал в работе смешанной советско-американской комиссии по опасности биологического оружия (Москва).
- 1986–1990 гг.** Заведующий лабораторией генетики Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР.
- 1987 г.** Награжден орденом Ленина за большие заслуги в развитии биологической науки, подготовке научных кадров и в связи с 80-летием со дня рождения⁵.
- Делегат учредительной конференции Советского детского фонда им. В.И. Ленина.

⁵ Ведомости Верхов. Совета СССР. 1987. Т 1. С. 21.

- 1988 г.** Командирован в США как сопредседатель советско-американской комиссии, руководитель проекта “Биологические и генетические эффекты загрязнения окружающей среды”.
- 1990 г.** Присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали “Серп и молот” за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров⁶.
- 1991–1998 гг.** Заведующий группой мутагенеза при дирекции в Институте общей генетики РАН, советник РАН.

Николай Петрович Дубинин скончался 26 марта 1998 г. в г. Москве, похоронен на Троекуровском кладбище.

⁶ Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик от 16 октября 1990 г.

ПРИЗНАНИЕ Н.П. ДУБИНИНА НА РОДИНЕ

- Медаль “За оборону Москвы”, 1944 г.
- Медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, 1945 г.
- Член-корреспондент Академии наук СССР, 1946 г.
- Действительный член Всесоюзного общества “Знание”, 1947 г.
- Юбилейная медаль “В память 800-летия Москвы”, 1948 г.
- Памятная медаль в ознаменование первого в мире выхода человека в космическое пространство, осуществленного во время полета корабля-спутника “Восход-2”, 1961 г.
- Действительный член Академии наук СССР, 1966 г.
- Присуждение Ленинской премии за цикл работ по развитию хромосомной теории наследственности и теории мутаций, 1966 г.
- Орден Ленина за создание Новосибирского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР и достигнутые успехи в развитии науки, 1967 г.
- Медаль “В память 50-летия Советской власти в СССР 1917–1967 гг.”, 1967 г.
- Участие в работе Всесоюзной конференции организаций-учредителей агентства печати “Новости” (АПН), избран членом учредительного совета АПН, 1967 г.
- Юбилейная медаль “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина”, 1970 г.
- Участие в работе Учредительного съезда философского общества СССР, член Правления Философского общества России, 1971–1996 гг.
- Настольная юбилейная медаль “50 лет СССР”, 1972 г.
- Орден Октябрьской революции за заслуги в развитии советской науки и в связи с 250-летием Академии наук СССР, 1975 г.
- Настольная юбилейная медаль “250 лет Академии наук СССР”, 1975 г.
- Юбилейная медаль “Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, 1975 г.
- Почетная грамота Всемирного Совета Мира за активную деятельность в движении сторонников мира, 1977 г.
- Юбилейный знак “60 лет ВЛКСМ” и Почетная грамота за заслуги перед комсомолом и в связи с 60-летием ВЛКСМ, 1979 г.

Орден Ленина за большие заслуги в развитии биологической науки, подготовке научных кадров, и в связи с 80-летием со дня рождения, 1987 г.

Делегат учредительной конференции Советского детского фонда им. В.И. Ленина, 1987 г.

Присвоение звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали “Серп и молот” за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров, 1990 г.

RECOGNITION OF N.P. DUBININ IN HIS COUNTRY

- Medal “For Defence of Moscow”, 1944.
- Medal “For Distinguished Labour in the Great Patriotic War of 1941–1945”, 1945.
- Corresponding member of the USSR Academy of Sciences, 1946.
- Member of the All-Union “Znaniye” Society, 1947.
- Jubilee medal “In Commemoration of the 800th Anniversary of Moscow”, 1948.
- Memorial medal in commemoration of the first in the world human extravehicular activity during the Voskhod-2 spacecraft flight, 1961.
- Full member of the USSR Academy of Sciences, 1966.
- Lenin Prize for a series of works on the development of the chromosomal theory of heredity and the theory of mutations, 1966.
- Order of Lenin for the establishment of the Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and achievements in the development of science, 1967.
- Medal “In Commemoration of the 50th Anniversary of the Soviet Power in the USSR, 1917–1967”, 1967.
- Participation in the work of the All-Union conference of the organizations-founders of the USSR News Press Agency, a member of the constituent council of NPA, 1967.
- Jubilee medal “For Distinguished Labour. In Commemoration of the 100th Anniversary of V.I. Lenin”, 1970
- Participation in the work of the constituent congress of the USSR Philosophical Society, a member of the board of the Philosophical Society of Russia, 1971–1996.
- Table jubilee medal “50 Years of the USSR”, 1972.
- Order of October Revolution for services in the development of soviet science and in connection with the 250th anniversary of the USSR Academy of Sciences, 1975.
- Table jubilee medal “250 Years of the USSR Academy of Sciences”, 1975.
- Jubilee medal “Thirty Years Since the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945”, 1975.
- Diploma of the World Peace Council for activities in the movement of the defenders of peace, 1977.
- Jubilee badge “60 Years of VLKSM” and a diploma for services to Komsomol and in connection with the 60th anniversary of VLKSM, 1979.

Order of Lenin for great services in the development of biological science, training of scientific specialists and in connection with the 80-th anniversary, 1987.

Delegate to the constituent conference of the V.I. Lenin Soviet Children's Foundation, 1987

Title of Hero of Socialist Labour with presentation of the Order of Lenin and a gold medal "Hammer and Sickle" for a special contribution to the preservation and development of genetics and selection, to the training of highly-qualified scientific specialists, 1990.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ Н.П. ДУБИНИНА

- Член Германской академии естествоиспытателей “Леопольдина” (ГДР), 1958 г.
- Член Постоянного Международного комитета генетических конгрессов (генетическая секция Международного союза биологических наук), 1958–1963 гг.
- Медаль имени Ч. Дарвина за заслуги в развитии эволюционной теории и генетики, 1959 г., награжден Германской академией естествоиспытателей “Леопольдина”.
- Член редколлегии международного журнала “Mutation Research” (Amsterdam), 1964–1976 гг.
- Серебряная медаль Чехословацкой академии наук “За заслуги перед наукой и человечеством”, 1965 г.
- Серебряная медаль имени Г. Менделя, Чехословацкая академия наук, 1965 г.
- Бюст Г. Менделя, 1965 г.
- Почетный член Общества генетиков Великобритании, 1965 г.
- Иностраннный член Югославской академии наук и искусств, 1965.
- Член Научного комитета по действию атомной радиации на живые организмы при Организации Объединенных наций (ООН), 1965 г.
- Присуждена степень почетного доктора наук Университета им. Я. Пуркине, 1965 г.
- Член оргкомитета по подготовке III Международного конгресса по радиационным исследованиям (Италия), 1965–1966 гг.
- Иностраннный член Американской академии искусств и наук в Бостоне, 1967 г.
- Член редколлегии международного журнала “Caryologia”, 1967–1998 гг.
- Председатель международного симпозиума по генетическим эффектам факторов космического полета, Япония, 1968 г.
- Медаль имени Л. Пастера Института Пастера (Франция), 1969 г.
- Иностраннный член Национальной академии наук США, 1969 г.
- Эксперт ЮНЕСКО в Индии, Франции, 1969 г.
- Член редколлегии международного журнала “International Journal of Environmental Studies” (Exeter), 1972–1997 гг.
- Член смешанной советско-американской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, 1972–1997 гг.
- Сопредседатель 5-й рабочей группы КОСПАР по проблемам космической биологии, 1973 г.

- Председатель I советско-американского симпозиума, 1974 г.
- Иностраный член Польской академии наук, 1974 г.
- Член консультативного совета Международной секции Научного совета АН СССР по проблемам биосферы при Президиуме АН СССР, 1975 г.
- Член оргкомитета XIV Международного генетического конгресса, 1976–1978 гг.
- Член Международной комиссии по защите наследственности человека от влияния мутагенов и канцерогенов окружающей среды (ICPEMC), 1977–1997 гг.
- Председатель рабочей группы по проекту международной программы ЮНЕСКО “Человек и биосфера”, 1977–1997 гг.
- Вице-президент XIV Международного генетического конгресса, 1978 г.
- Вице-президент симпозиума ЮНЕСКО “Генетика и этические ценности”, 1978 г.
- Памятная медаль Монгольской академии наук, 1979 г.
- Член оргкомитета IX конгресса Европейской научной ассоциации по селекции растений, 1979 г.
- Участие в работе смешанной советско-американской комиссии по опасности биохимического оружия, 1986 г.
- Сопредседатель советско-американской комиссии, руководитель проекта “Биологические и генетические эффекты загрязнителей окружающей среды”, 1988 г.

INTERNATIONAL RECOGNITION OF N.P. DUBININ

- Member of the German "Leopoldina" Academy, 1958
- Member of the standing international committee of genetic congresses (genetic section of the International union of biological sciences), 1958–1963
- Ch. Darwin medal for services in the development of the evolutionary theory and genetics from the German "Leopoldina" Academy, 1962
- Member of the editorial board of the international journal "Mutation Research" (Amsterdam), 1964–1976
- Silver medal of the Czechoslovakian Academy of Sciences "For Services to Science and Mankind", 1965
- G.Mendel silver medal of the Czechoslovakian Academy of Sciences, 1965
- Bust of G. Mendel, 1965
- Honorary member of the Great Britain Genetic Society, 1965
- Foreign member of the Yugoslavian Academy of Sciences and Art, 1965
- Member of the U.N. scientific committee on the effects of atomic radiation on living organisms, 1965
- Honorary doctor of sciences of the Ya. Purkine University, Czechoslovakia, 1965
- Ya. Purkine medal, Czechoslovakia, 1965
- Member of the organizing committee of the III International Congress on Radiation Research (Italy), 1965–1966
- Foreign member of the American Academy of Arts and Sciences in Boston, 1967
- Member of the editorial board of the international journal "Caryologia", 1967–1988
- Chairman of the International Symposium on Genetics Effects of Space Flight Factors, Japan, 1968
- Pasteur medal of the Pasteur Institute, France, 1969
- Foreign member of the National Academy of Sciences of the U.S.A., 1969
- Expert of UNESCO in India, France, 1969
- Member of the editorial board of the international journal "International Journal of Environmental Studies" (Exeter), 1972–1997
- Member of the Soviet-American commission for cooperation in the field of environmental protection, 1972–1997
- Co-chairman of the 5th COSPAR workshop on the problems of space biology, 1973
- Chairman of the 1st Soviet-American symposium, 1974
- Foreign member of the Polish Academy of Sciences, 1974
- Member of the advisory council of the international section of the USSR AS Scientific Council on the problems of biosphere under the Presidium of the USSR Academy of Sciences, 1975

Member of the organizing committee of the XIV International Genetic Congress, 1976–1978

Member of the international commission for protection against environmental mutagens and carcinogens (ICPEMC), 1977-1997

Chairman of the working group within the project of the UNESCO international program “Man and Biosphere”, 1977–1997

Vice-president of the XIV International Genetic Congress, 1978

Vice-president of the UNESCO symposium on “Genetics and Ethic Values”, 1978

Memorial medal of the Mongolian Academy of Sciences, 1979

Member of the organizing committee of the IX Congress of the European Scientific Association on Plant Breeding, 1979

Participation in the work of the Soviet-American commission on the danger of biological weapons, 1986

Co-chairman of the Soviet-American commission, manager of the project “Biological and genetic effects of environmental pollutants”, 1988

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ Н.П. ДУБИНИНА
НА ЗАСЕДАНИЯХ ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОЛЛОКВИУМА
ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ
В ПЕРИОД С 1932 ПО 1948 г.¹

- Ответ на статью Г.Г. Фризен “Цепные мутации” (24-е заседание. 1932, 3 февраля)
Методологический кризис в современной генетике (28-е заседание. 1932, 10 марта)
Основные проблемы генетики (30-е заседание. 1932, Апрель)
Итоги Всеукраинской конференции по методологии, генетике и селекции (33-е заседание. 1932, 14 июня)
- Проблема длительных модификаций, плазменной и фенной наследственности (Г.Г. Фризен, Н.П. Дубинин) (42-е заседание. 1932, 2 октября)
- Генетическое строение вида и его эволюция. Ч.1. Генетико-автоматические процессы и проблема экогенотипов (Н.П. Дубинин, Д.Д. Ромашов) (44-е заседание. 1932, 14 октября)
- Центровая теория гена *achaete-scute-Hairywing* (Б.Н. Сидоров, Н.П. Дубинин) (53-е заседание, 1932. 14 декабря)
- Реферат работы: P.Ch. Keller “Pointed” and the constitution of X-chromosome in *Drosophila obscura* (60-е заседание. 1933, 26 января)
- Памяти В.В. Костылева (выступление на 73-м заседании ГК. 1933, 14 апреля)
Зависимость действия гена от его положения в системе (Н.П. Дубинин, Б.Н. Сидоров) (80-е заседание. 1933, 2 июня)
- Экспериментальный анализ экогенотипов *Drosophila melanogaster* (83-е заседание. 1933, 20 июня)
- Реферат работы Добржанского и Боше “Анализ двух интерстерильных рас *Drosophila* (85-е заседание. 1933, 2 июля)
- Новый фенотипический эффект Y-хромосомы у *Drosophila melanogaster* (Н.П. Дубинин, М.А. Гептнер) (95-е заседание. 1933, 26 ноября)
- Итоги и перспективы работ генетической лаборатории Института в свете современных проблем генетики (100-е заседание совместно с коллоквиумом Механики развития. 1933, 21 декабря)
- Роль генного материала половых хромосом для генетического строения популяций (111-е заседание. 1934, 20 февраля)
- Слово памяти В.В. Костылева (годовщина со дня смерти) (117-е заседание. 1934, 8 апреля)
- Экспериментальное уменьшение числа хромосом у *Drosophila* (124-е заседание. 1934, 2 июня)
- Реферат обзора: Ист. Е.М. “Отношение ядра и плазмы” (136-е заседание. 1934, 2 ноября)
- Проблемы конъюгации хромосом (Н.П. Дубинин, Н.Н. Соколов, Г.Г. Тиняков, В.В. Сахаров) (138-е заседание. 1934, 20 ноября)
- “Position effect gene hairy” (Н.П. Дубинин, Б.Н. Сидоров) (150-е заседание. 1935, 8 февраля)

¹ По материалам из личного архива Н.П. Дубинина.

- Цитологическое изучение эффекта положения (Н.П. Дубинин, Н.Н. Соколов, Г.Г. Тиняков) (150-е заседание. 1935, 8 февраля)
- Механизм образования хромосомных реорганизаций (Н.П. Дубинин, В.В. Хвостова) (164-е заседание. 1935, 20 июня)
- Обзор работ журнала "Genetics" № 1 за 1935 (169-ое заседание. 1936, 9 января)
- Реферат работы: Дж. Шульц "Роль генов в развитии" (Amer. Nature. N 1, 1935) (172-е заседание. 1936, 27 января)
- Реферат 4-х работ Иста по генетике табака (ж. "Genetics", № 3, 1935) (178-е заседание. 1935, 27 февраля)
- Реферат работы Дж. Шульца (182-е заседание. 1936, 21 марта)
- Проблемы теории популяций (183-е заседание. 1936, 26 марта)
- Систематический полиморфизм у дрозофил. Ч. 1 (Н.П. Дубинин, Д.Д. Ромашов, М.А. Гептнер, З.А. Демидова) (183-е заседание. 1936, 26 марта)
- Генетический анализ динамики популяций. Ч. 2 (Н.П. Дубинин, М.А. Гептнер, З.А. Демидова, Л.И. Дьячкова) (183-е заседание. 1936, 26 марта)
- Реферат работы: Н.Ж. Muller. A viable two-gene deficiency (J. Hered. № 11, P. 469. 1935) (186-е заседание. 1936, 9 апреля)
- Распределение хромосомных aberrаций в популяциях Diptera (187-е заседание. 1936, 14 апреля)
- Реферат: Г.Г. Меллер. Проблема эффекта положения (доклад на международном съезде физиологов) (190-е заседание. 1936, 21 апреля)
- Речь, посвященная памяти Дж. Беллинга (J. Belling) (193-е заседание. 1936, 9 мая)
- Реферат работы: W.E. Castle, W.H. Gates, S.C. Reed. Studies of a size cross in mice (193-е заседание. 1936, 9 мая)
- Новый тип эффекта положения генов (200-е заседание. 1936, 20 июня)
- Экспериментальное изменение числа пар хромосом у *Drosophila melanogaster* (200-е заседание. 1936, 20 июня)
- Обзор работ А. Стертеванта и Ф. Добржанского (203-е заседание. 1936, 15 ноября)
- Обзор статей Т.Д. Лысенко: "Селекция и теория стадийного развития растений"; "Яровизация растений" (207-е заседание. 1936, 11 декабря)
- Дискуссионные статьи (207-е заседание. 1936, 11 декабря)
- Проблемы гетерозиса (208-е заседание. 1937, 5 января)
- Анализ работы Стертеванта и Добржанского. Наблюдения над видом *D. affinis* и др. (212-е заседание. 1937, 23 января). А.Н. Sturtevant, Th. Dobzhansky. Observation on the species related to *Drosophila affinis*, with description of seven new forms.
- Реферат: Циркль (С. Zirkle). История вопроса о наследовании благоприобретенных признаков и гипотеза пангенезиса (213-е заседание. 1937, 29 января)
- Реферат: S. Varon. A defense of basic plant patents (216-е заседание. 1937, 17 февраля)
- Реферат работы: Shamerland. Bud mutation in horticultural crops (218-е заседание. 1937, 23 февраля)
- Реферат: Т.Д. Лысенко переделка природы растений (219-е заседание. 1937, 5 марта)
- Реферат работы: А.Н. Sturtevant, Th. Dobzhansky. Inversions in the third chromosome of wild races of *Drosophila pseudoobscura*, and their use in the study of the history of the species (219-е заседание. 1937, 5 марта)
- Методы работы И.В. Мичурина (237-е заседание. 1937, 5 июня)
- Реферат работы: Painter J.S., Griffen A.B. "The structure and the development of the salivary gland chromosomes of Simulium" (246-е заседание. 1937, 23 ноября)
- Внутривидовая хромосомная изменчивость (Н.П. Дубинин, Н.Н. Соколов, Г.Г. Тиняков) (250-е заседание и 50-го эволюционного коллоквиума. 1937, 29 декабря)
- Реферат работ Хадорна и др. по генетике и физиологии окукливания у *Drosophila* (251-е заседание. 1938, 8 января)

- Реферат книги: *P. Гольдшмидт (R.Goldschmidt)* “Физиологическая наследственность” [выступления на 264-м (11 апреля), 266-м (23 апреля), 267-м (11 мая), 268-м (23 мая), 271-м (5 июня), 274-м (17 июня), 275-м (23 июня) заседаниях. 1938]
- Реферирование журнала “Яровизация” № 1/2 за 1938 г. (272-е заседание. 1938, 11 июня)
- Рефераты работ: *Н.К. Шиманский*. “Переделка озимой пшеницы”, “Кооператорка” в яровую.” *Л.С. Литвинов, Л.М. Бубнова*. “К вопросу о переделке сельскохозяйственных растений”, напечатанным в ж. “Яровизация” № 4–5 (19–20), 1938, (283-е заседание. 1938, 17 декабря)
- Реферат работы: *M.M. Rhoades*. Effect of the Dt gene on the mutability of the a1 allele in Maize (289-е заседание. 1939, 29 января)
- О природе менделизма (291-е заседание цитогенетического² коллоквиума с заседанием эволюционной бригады. 1939, 7 февраля)
- Слово памяти Кальвина Бриджеса (292-е заседание. 1939, 8 февраля)
- Рефераты работ *D.G. Catshead* (295-е заседание ЦГК. 1939, 28 февраля)
- Реферат и критика работы: *Гербст (Herbst)*. “Гены, как реализаторы и природа перспективной потенции” (*Вoux. Arch.* 138, Н. 3/4, 1938). (Б.В. Кедровский, Н.П. Дубинин, Г.В. Лопашов) (выступление на 296-м объединенном заседании коллоквиума отдела механики развития, отдела цитологии и ЦГК. 1939, 8 марта)
- Реферат работы Р.Л. Берг “Некоторые данные к вопросу об эволюции наследственного вещества. Различия природных и лабораторных линий *Drosophila melanogaster*” (299-е заседание. 1939, 5 июня)
- Обсуждение выступления Н.П. Дубинина на активе Академии наук, состоявшемся 17 ноября 1939 г. (311-е заседание ЦГК)
- Реферат работы *J.B.S. Haldane*. The theory of the evolution of dominance (314-е заседание ЦГК. 1939, 25 декабря)
- Принципы и методы работы И.В. Мичурина (доклад на объединенном заседании Дарвиновского семинара (96-м) и 317-м заседании ЦГК. 1940, 8 января)
- Реферат по работе: *Th. Dobzhansky, D. Sokolov*. Structure and variation of the chromosomes in *Drosophila azteca* (доклад на 318-м заседании ЦГК. 1940, 17 января)
- Хромосомные aberrации, летальные мутации и доза X-лучей (Н.П. Дубинин, В.В. Хвостова, В.В. Мансурова) (332-е заседание ЦГК. 1940, 21 ноября)
- Реферат книги: *P. Гольдшмидт*. “Материальные основы эволюции” (выступления на 335-м (2 декабря), 339-м (19 декабря) заседаниях ЦГК. 1940; 343-м (13 января), 345-м (23 января), 348-м (6 февраля) заседаниях ЦГК. 1941)
- Реферат работы: *D. Raffel, H.J. Muller*. “Position effect and gene divisibility considered in connection with three strikingly similar scute mutations” (*Genetics*. V. 25. N 6, 1940) (356-е заседание ЦГК. 1941, 13 марта)
- Реферат книги: *Дарлингтон*. “Эволюция генетических систем” (выступления на 366-м (24 ноября), 367-м (1 декабря), 368-м (8 декабря), 369-м (15 декабря), 370-м (29 декабря) заседаниях ЦГК. 1943. C.D. Darlington. The evolution of genetic systems (Cambridge. At the university press. 1939)
- Реферат работы: *К. Дарлингтон, Л. Ла Кур (C.D. Darlington, L. La Cour)* “Голодание по нуклеиновой кислоте у *Trillium*” (374-е заседание ЦГК. 1944, 28 января)
- О леталях в естественных популяциях (383-е заседание ЦГК. 1944, 23 мая)
- Генетика биохимии окраски цвета (к проблеме действия генов на развитие) (387-е заседание ЦГК. 1945, 7 февраля)

² В 1939 г. ИЭБ был переименован в Институт цитологии и генетики (ИЦГЭ); Отдел генетики ИЭБ – в Лабораторию цитогенетики ИЦГЭ; коллоквиум из генетического – в цитогенетический (ЦГК).

- Структурная изменчивость хромосом в популяции города и сельской местности. Сезонный цикл и концентрация инверсий в популяциях (Н.П. Дубинин, Г.Г. Тиняков) (395-е заседание ЦГК. 1945, 13 ноября)
- Естественный отбор в экспериментах с популяционными инверсиями. Цикл плодовитости в популяциях и отбор (Н.П. Дубинин, Г.Г. Тиняков) (397-е заседание ЦГК. 1945, 27 ноября)
- Структурная эволюция ядра и естественный отбор (Н.П. Дубинин, Г.Г. Тиняков) (доклад на 400-м заседании ЦГК. 1945, 28 декабря. Обсуждение доклада на 401-м заседании ЦГК. 1946, 8 января)
- Физиология гена (407-е заседание ЦГК. 1946, 12 февраля)
- Цитология нейроспоры (обзор литературы) (420-е заседание ЦГК. 1946, 4 июня)
- Проблемы мутационного процесса в природных популяциях (427-е заседание ЦГК. 1946, 8 октября)
- Экспериментальное исследование интеграции наследственных систем в популяциях. (450-е заседание ЦГК. 1947, 20 мая)
- Формы и факторы эволюции (453-е заседание ЦГК. 1947, 18 ноября)

НЕКОТОРЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н.П. ДУБИНИНА В ПЕРИОД С 1954 ПО 1966 г.

- О положении в генетической науке (на Общем собрании ОБН АН СССР. Москва, 1954)
- О задачах развития генетики в СССР (на заседании Бюро ОБН АН СССР. Москва, 1954, декабрь)
- Проблемы радиационной генетики (на Бюро ОБН АН СССР, на общенаучном семинаре ИБФ АН СССР. Москва, 1955, апрель)
- Современные проблемы генетики (на биологическом факультете КГУ. Киев, 1956, февраль)
- Проблемы современной генетики (на объединенном заседании секций МОИП. Москва, 1956, май)
- Физические и химические основы наследственности (на философском семинаре биологических институтов. Москва, 1956)
- Генетика, ее проблемы и задачи (в Союзе советских писателей. Москва, 1956, июнь)
- Современное состояние проблемы наследственности (на объединенном заседании биологических секций МОИП. Москва, 1956, декабрь)
- О новых задачах биологии (в Центральном Доме литераторов. Москва, 1957, январь)
- Методы радиационной генетики в проблеме селекции растений (на Всесоюзном совещании по отдаленной гибридизации растений и животных. Москва, 1957, февраль)
- Проблемы биологии (в Центральном доме литераторов. Москва, 1957, июнь)
- О работе Лаборатории радиационной генетики (на заседании семинара ЛаРГ ИБФ АН СССР, посвященном 40-летней годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Москва, 1957, октябрь)
- Радиогенетический эффект видимого света (на этом же заседании)
- Отчет о работе ЛаРГ ИБФ АН СССР (на Бюро ОБН АН СССР. Москва, 1956, декабрь)
- Перспективный план работы по радиационной генетике (на Первом Координационном совещании по проблеме “Биологического действия ядерных излучений и радиационной генетики”. Москва, 1957)
- Ионизирующие излучения и наследственность (на Первом Всесоюзном совещании по проблеме “Биохимические и физико-химические основы биологического действия радиации”. Москва)
- Первичный механизм действия ионизации на наследственность (для молодых специалистов по биофизике, цитологии и генетике в ЛГУ. Ленинград. 1958, ноябрь)
- О материальных основах наследственности и жизни (в редакции газеты “Комсомольская правда”. Москва. 1959, май)
- Современные задачи радиационной цитогенетики (на симпозиуме “Методы цитогенетических исследований в радиобиологии”. Москва, 1964)
- Эволюционная генетика (на курсах повышения квалификации преподавателей университетов по генетике и дарвинизму. Москва, 1964, март)

- Генетика популяций (Там же. Москва, 1964, апрель)
- Некоторые методологические проблемы генетики (в абонементе “Философские проблемы биологии” на 1965–1966 учебный год. Всесоюзное общество “Знание”. Москва, 1965, февраль)
- Актуальные проблемы развития биологической науки (на совещании редакции ж. “Техника-молодежи”. Москва, 1965, апрель)
- Г. Мендель – основатель генетики (на торжественном заседании в Доме ученых, посвященном 100-летию юбилею открытий Иоганна Грегора Менделя. Москва, 1965, июнь)
- Информация о симпозиумах, посвященных памяти Г. Менделя (Брно-Прага, 1965г.) (на Бюро ООБ АН СССР. Москва, 1965, октябрь)
- Задачи работы Научного совета в связи с современными проблемами генетики и селекции (на Пленуме Научного совета по проблемам генетики и селекции. Москва, 1965, ноябрь)
- Состояние и задачи работ по радиационной генетике (там же)
- Пути изменения наследственности (на Всесоюзном семинаре по генетике животных для преподавателей зоотехнических и ветеринарных факультетов сельскохозяйственных вузов. Москва. 1965, декабрь)
- Современные проблемы генетики (на Совещании по состоянию и перспективам развития генетики и генетических основ селекции. Киев, 1966, февраль)
- Современные проблемы радиационной генетики (на сессии Общего собрания Отделения биохимии, биофизики и физиологии АН УССР. Киев, 1966, февраль)
- Итоги и перспективы развития генетики (на I (Учредительном) съезде Всесоюзного общества генетиков и селекционеров. Москва, 1966, май)
- Современное состояние и задачи радиационной генетики (на Всесоюзном Координационном совещании по проблемам Радиационной генетики. Москва, 1966, декабрь)
- Механизм возникновения перестроек хромосом в связи с проблемой пострadiационного восстановления (там же)

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОТОКОЛ № 2 заседания Ученого совета Сибирского отделения Академии наук СССР

г. Москва

10 октября 1957 г.

Присутствовали: академики М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович, С.Л. Соболев, Н.Н. Боголюбов, чл.-корр. АН СССР Н.П. Дубинин, В.И. Попков, доктора хим. наук А.В. Николаев, А.А. Ковальский, доктора физ.-мат. наук А.М. Будкер, Д.Ю. Панов, профессор Т.Ф. Горбачев, Н.А. Дикарев (ЦК КПСС), Беляев (Восточно-Сибирский филиал), Шабанов (Министерство высшего образования).

Председатель

академик М.А. Лаврентьев

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Об организации Новосибирского государственного университета.

Докл. проф. Д.Ю. Панов

Новосибирский государственный университет предполагается организовать на тех же основах, что и Московский физико-технический институт (использование базовых институтов для обучения по специальности, маленькие учебные группы, индивидуализированное обучение с максимальным развитием самостоятельности учащихся). Контингент Университета – около 1000–1200 человек. На 1-м курсе предполагается иметь 13 учебных групп по 15–18 человек. Срок обучения – 5,5 лет. Для размещения университета предполагается использовать готовый проект здания на 60 000 кв.м учебного корпуса Томского строительного института. При подготовке постановления Правительства и приказа Министра высшего образования следует предусмотреть распространение на новый университет всех постановлений и распоряжений Правительства и Министерства по Московскому физико-техническому институту.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Считать необходимым, чтобы Новосибирский госуниверситет имел следующие факультеты и специальности:

1. Физический факультет со специальностями
2. Химический факультет со специальностями.....
3. Математический факультет со специальностями
4. Механический факультет со специальностями.....
5. Геолого-геофизический факультет со специальностями.....
6. Медико-биологический факультет со специальностями.....
- Экспериментальная и теоретическая медицина

- Медико-генетическая
- Цитология.....
- Генетика.....

2. Считать необходимым следующее количество групп на 1 курсе по факультетам:

1. Физический факультет – 5 групп
2. Химический факультет – 3 группы
3. Математический факультет – 2 группы
4. Механический факультет – 3 группы
5. Геолого-геофизический факультет – 2 группы
6. Медико-биологический факультет – 5 групп, а всего 20 групп по 15–20 человек.....

3. Считать необходимым установить срок обучения в университете в 5,5 лет, учитывая, что последние 1,5 года студенты должны вести самостоятельную научную работу в базовых институтах.

4. Согласиться с проектом постановления Правительства, разработанным Министерством высшего образования СССР (приложение № 1), но считать необходимым внести в него дополнения, указанные в приложении № 2³.

Председатель

академик М.А. Лаврентьев⁴

³ Приложения не приводятся.

⁴ Научный архив СО РАН, ф.10, оп. 3, д. 1, л. 25–29. Машинопись. Копия.

СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ⁵ ИНСТИТУТА ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ АН СССР

1. НАУЧНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

1. Лаборатория мутагенеза.

Изучение природы мутаций на молекулярном, геномном, хромосомном и клеточном уровнях, разработка методов управления мутационным процессом с использованием радиации, химических и других мутагенов в свете задач сельского хозяйства, медицины и проблем эволюции (организуется в 1966 году).

2. Лаборатория молекулярной генетики бактерий и фагов.

Разработка общих проблем молекулярной генетики, механизмов рекомбинаций при генетической трансформации у фагов на молекулярном уровне, кинетика рекомбинационного процесса относительно различных участков хромосомы фага, несущей разные гены. Направленная трансформация у фагов путем изоляции отдельных генов (организуется в 1966 году).

3. Лаборатория молекулярной генетики высших организмов.

Изучение молекулярной структуры хромосом и процессы их ауторепродукции. Исследования методом радиоавтографии и цитогенетическим методом структурно измененных хромосом в ряду клеточных поколений (организуется в 1966 году).

4. Лаборатория цитогенетики.

Изучение механизмов передачи наследственной информации при разных типах митоза и мейоза (организуется в 1966 году).

5. Лаборатория кариологии.

Исследование общих проблем кариологии, структурной организации и закономерностей функционирования хромосом растений, микроорганизмов животных и человека (организуется в 1967 году).

6. Лаборатория космической генетики.

Изучение генетических эффектов при действии различных факторов орбитальных, межпланетных полетов (излучения, перегрузки, вибрация, невесомость). Разработка генетико-селекционных методов создания компонентов экологической системы и их защиты от действия факторов полета (организуется в 1966 г.).

7. Лаборатория полиплоидии.

Разработка методов получения экспериментальных полиплоидов, анализ их генетики и цитологии на практически важных объектах (организуется в 1966 году).

8. Лаборатория радиационной генетики млекопитающих.

Изучение действия радиации на зародышевые клетки млекопитающих, изучение путей их защиты от поражающего эффекта радиации и возможность репарации генетических повреждений. Отдаленные последствия радиации (организуется в 1966 году).

⁵ Утверждены постановлением Президиума АН СССР № 285 от 25 марта 1966 года.

9. Лаборатория методов мутационной селекции растений.

Разработка методов мутационной селекции и проблем специфичности действия мутагенных факторов на виды и сорта сельскохозяйственных растений (организуется в 1967 году).

10. Лаборатория биохимической генетики.

Изучение молекулярных и клеточных механизмов функционирования генов вирусов и бактерий, а также процессов регуляции биосинтетической активности нормальных и зараженных клеток (организуется в 1967 году).

11. Лаборатория генетических методов селекции растений.

Исследование генетических закономерностей при внутривидовой гибридизации и наследовании количественных признаков. Генетические основы явления гетерозиса. Разработка методов получения гаплоидных форм и их селекционного использования. Цитоплазматическая мужская стерильность и ее использование в селекции на гетерозис (организуется в 1967 году).

12. Лаборатория генетических методов селекции животных.

Определение генетических основ при селекции сельскохозяйственных животных различных пород и породных групп. Проблема подбора пар для скрещивания (организуется в 1966 году).

13. Лаборатория иммуногенетики животных.

Изучение возможных физиологических корреляций между определенными группами крови у животных и их хозяйственно-полезными признаками в целях увеличения эффективности селекции и гетерозиса (организуется в 1966 году).

14. Лаборатория эволюционной генетики.

Изучение проблем генетики популяций в свете давлений мутаций, изоляции и принципов действия естественного и искусственного отбора. Эволюция структуры и функций гена, закономерности и факторов естественного мутационного процесса, роль мутаций хромосом, полиплоидии, анеуплоидии, апомиксиса и форм вегетативного размножения в эволюции отдельных групп организмов (организуется в 1966 году).

15. Лаборатория генетических методов селекции микроорганизмов.

Разработка проблемы мутаций, рекомбинаций и отбора в популяциях микроорганизмов. Радиационный и химический мутагенез (организуется в 1966 году).

16. Лаборатория математической генетики.

Выяснение математическими методами ряда связей и закономерностей на генетическом материале. Математическое моделирование ряда генетических процессов (организуется в 1967 году).

17. Лаборатория антропогенетики.

Разработка демографической и биохимической генетики человека, а также установление роли наследственности и среды в развитии особи (организуется в 1967 году).

18. Лаборатория физиологии и экологии вирусов.

Репродукция растительных вирусов. Взаимосвязь вирусной инфекции с метаболизмом растительной ткани; электронная микроскопия фитопатогенных вирусов (организуется в 1966 году).

2. НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

1. Кабинет облучения, изотопов, автордиографии и дозиметрии (организуется в 1966 г.)

2. Кабинет электронной оптики (электронная и телевизионная микроскопия, люминесцентная микроскопия и цитофотометрия (организуется в 1967 году)

3. Виварий (организуется в 1966 году)

4. Мастерские (организуются в 1966 году)

5. Кабинет спецработ (организуется в 1966 году)

6. Кабинет злокачественного роста (организуется в 1966 году)

МЕРОПРИЯТИЯ

по размещению Института общей генетики АН СССР

1. Институту биологической физики АН СССР (Г.М. Франк):

а) передать к 15 апреля 1966 г. здание по Профсоюзной улице, 7, корпус 1 общей площадью 3150 м² на баланс Института общей генетики АН СССР и к 20 апреля 1966 г. освободить помещения на 2-м и 4-м этажах здания;

б) в соответствии с планом переезда Института биологической физики АН СССР в Пущино к 1 января 1967 г. полностью освободить здание по Профсоюзной ул., д. 7, корпус 1.

2. Институту генетики АН СССР (К.В. Косиков) передать к 15 апреля 1966 г.:

а) на баланс Института общей генетики АН СССР земельный участок по ул. Губкина, д. 3, со всеми сооружениями и постройками (главный корпус – 300 м²; виварий – 778 м²; теплицы – 1800 м² и подсобные помещения – 1000 м²);

б) Институту биологической физики АН СССР для размещения его московского филиала помещения по Ленинскому проспекту, д. 33 площадью 416 м² (комнаты № 14, 16, 100, 100а, 101, 102, 103, 104, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 182, 183, 186, 188) и часть вивария, закрепленного за Институтом генетики.

3. Институту общей генетики АН СССР к 1 января 1967 г. передать Институту биологической физики АН СССР лабораторные помещения площадью 243 м² в главном корпусе по ул. Губкина, д.3 (комнаты № 1–11, 11а, 13) для размещения московского филиала Института биологической физики АН СССР.

4. Закрепить за Лабораторией генетики вирусов Института общей генетики АН СССР две комнаты (№ 12 и 14) в главном корпусе по ул. Губкина, 3 площадью 76 м²

И.о. главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР

Г.Д. Афанасьев

КРАТКАЯ СПРАВКА⁶

О мерах, предпринимаемых Институту общей генетики АН СССР по организации экспериментального хозяйства

Постановлением Президиума АН СССР от 8 февраля 1966 г. № 60 было принято решение об организации в составе Отделения общей биологии Института общей генетики АН СССР с 15 апреля 1966 года (П. 3).

В результате вышеуказанного постановления Президиума АН СССР № 60 в постановлении Президиума АН от 25 марта 1966 г. № 285 пункт 14 записано: “Поручить Институту общей генетики АН СССР в месячный срок подготовить и представить на рассмотрение Президиума АН СССР предложения об организации экспериментальной базы Института, отвечающей запросам института”.

⁶ Из письма Н.П. Дубинина, направленного в ЦК КПСС на имя Л.И. Брежнева и М.В. Зимянина.

Институт подыскал хозяйство, коим оказался совхоз “Юрьевский” (бывшее учебное хозяйство ВИЗ СХО). Хозяйство имело площадь 350 га и молочную ферму черно-пестрого скота.

Директор Института общей генетики АН СССР академик Н.П. Дубинин обратился с соответствующим письмом в Отделение общей биологии АН СССР на имя академика Б.Е. Быховского. Бюро Отделения на своем заседании от 13 октября 1966 г. протокол № 16 постановило:

“Согласиться с предложением Института общей генетики об организации экспериментальной базы в совхозе “Юрьевский”, в настоящее время находящемся в ведении Главного управления Вузов МСХ СССР”.

Поскольку в это время создалась угроза передачи хозяйства “Юрьевский” совхозу “Кузнецовский”, директор Института общей генетики академик Н.П. Дубинин обратился со специальным письмом на имя Министра сельского хозяйства СССР тов. В.В. Мацкевича с просьбой задержать передачу этого хозяйства совхозу “Кузнецовский” (письмо от 30 ноября 1966 г. № 511-190).

Однако все принятые меры Институтом и Отделением общей биологии АН СССР не дали желаемых результатов и хозяйство совхоз “Юрьевский” было передано не Институту, а совхозу “Кузнецовский”.

Получив отказ, Институт не успокоился, и по указанию его директора академика Н.П. Дубинина ведущие ученые, занимающиеся разработкой генетических основ селекции растений и животных с участием зам. директора и секретарем парторганизации объездили “буквально” половину Московской области, но все безрезультатно, или нам предлагали совершенно непригодные хозяйства, а если находили пригодное и руководители хозяйства соглашались сотрудничать с Институтом, нам отказывали высшие инстанции, например, совхоз “Ямской”.

Президиум АН СССР, заслушав доклад директора Института общей генетики АН СССР академика Н.П. Дубинина “О деятельности Института”, в своем решении от 25.04.1969 г. № 440 записал: “Считать необходимым организовать для Института общей генетики АН СССР экспериментальную базу на территории хозяйства “Снегири” Главного ботанического сада АН СССР. Предусмотреть в этом хозяйстве выделение для опытов Института общей генетики до 40 га земли, а также строительство на этом участке, за счет госбюджета лабораторных помещений в количестве 30–40 комнат, жилья для персонала базы, вивария, теплиц, птичника, сараев и других вспомогательных сооружений”. Однако и этому постановлению не суждено было осуществиться. Истринская санэпидемстанция запретила строительство помещений, предусмотренных вышеуказанным Постановлением Президиума АН СССР, и так крайне необходимых для Института.

В связи с отказом, сотрудниками Института было вновь осмотрено ряд хозяйств Московской области, в том числе экспериментальное хозяйство “Ватутинки” Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных растений Министерства медицинской промышленности СССР в Ленинском районе Московской области.

Министр медицинской промышленности П.В. Гусенков 7 июня 1971 г. уведомил Президиум АН СССР академика М.В. Келдыша “О согласии передать землю хозяйства “Ватутинки” Институту.

В ответ на обращение Главного ученого секретаря академика Я.В. Пейве директор ВИЛАР в своем письме от 30 августа 1971 г. дал свое согласие на передачу хозяйства “Ватутинки” Институту общей генетики. Институт провел всю необходимую подготовительную работу по приему земельного участка и получил согласие Санэпидстанции Ленинского района М.О. на строительство экспериментальной базы в “Ватутинках”, но в феврале 1972 г. вмешался Ленинский РК КПСС и Институту было отказано в приеме земельного участка “Ватутинки”. Это тем более странно, что переговоры по этому вопросу были начаты именно с Ленинского РК КПСС.

В 1972 г. Институт часть экспериментальных посевов проводил в совхозе “Городище” Ступинского района Московской области; в 1973 г. в совхозе “Победа” Инстринского района М.О., но Институт уже предупрежден, что совхоз, заключенный с нами договор расторгнет и мы вновь остаемся без земли.

Вся эта большая, но, к сожалению, безуспешная работа, вынудила Институт напомнить Президиуму, что его решение о выделении для Института 40 га земли на территории хозяйства “Снегери” Главного Ботанического сада АН СССР осталось невыполненным (письмо директора Института общей генетики АН СССР академика Н.П. Дубинина на имя И.о. Главного ученого секретаря Президиума АН СССР член-корр. Г.К.Скрябина от 02.08.1974 г.). Причем Институт был готов развернуть работу по мутагенной селекции растений, отказавшись от проведения строительства. Однако и это не принесло желаемых результатов.

В итоге Институт по-прежнему остается без собственной экспериментальной базы.

Обоснование необходимости экспериментального хозяйства для Института с подробным изложением размеров земельных площадей, количества построек было направлено Вице-президенту АН СССР академику Ю.А. Овчинникову 25 февраля 1974 г.

В январе 1978 г. состоялась встреча Н.П. Дубинина с президентом А.П. Александровым. Президент сказал, что базу отдали и ничем помочь он больше не может.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ак. (акад.)	академик
д.б.н.	доктор биологических наук
д.т.н.	доктор технических наук
д.с.-х.н.	доктор сельскохозяйственных наук
доц.	доцент
зав.	заведующий
зав. каф.	заведующий кафедрой
зав. лаб.	заведующий лабораторией
зам.	заместитель
и.о.	исполняющий обязанности
к.б.н.	кандидат биологических наук
м.н.с.	младший научный сотрудник
проф.	профессор
ст.н.с.	старший научный сотрудник
чл.-корр.	член-корреспондент
АМН	Академик медицинских наук
АН	Академия наук
АПН	Агентство Печати Новости
АРАН	Архив Российской Академии наук
БСЭ	Большая советская энциклопедия
ВАК	Высшая аттестационная комиссия
ВАСХНИЛ	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук
ВГУ	Воронежский государственный университет
ВЗИПСХ	Всесоюзный заочный институт пушно-сырьевого хозяйства
ВИЛАР	Всесоюзный институт лекарственных растений
ВИНИТИ	Всесоюзный институт научной и технической информации
ВИР	Всесоюзный институт растениеводства
ВЛКСМ	Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВНИИЛХ	Всесоюзный научно-исследовательский институт лесного хозяйства
ВОВ	Великая Отечественная война
ВОГИС	Всесоюзное общество генетиков и селекционеров
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВОСР	Великая Октябрьская Социалистическая Революция
ВОКС	Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВПШ	Высшая партийная школа

ВС	Верховный совет
ВУРС	Восточно-уральский радиоактивный след
ГБС	Государственный ботанический сад
ГГУ	Горьковский государственный университет
ГИНЗ	Государственный институт народного здравоохранения
ГК	Генетический коллоквиум
ГКНТ	Государственный комитет по науке и технике
ГОСКОМ-ГИДРОМЕТ	Государственный комитет по гидрометеорологии
ЗСФАН	Западно-Сибирский филиал Академии наук
ИБР	Институт биологии развития
ИБФ	Институт биологической физики
ИМЖ	Институт морфологии животных
ИМП	Институт медицинской радиологии
ИОГен	Институт общей генетики
ИОиЭБ	Институт общей и экспериментальной биологии
ИХФ	Институт химической физики
ИЦГЭ	Институт цитологии, гистологии и эмбриологии
ИЦиГ	Институт цитологии и генетики
ИЭБ	Институт экспериментальной биологии
ИЭПиТ	Институт экспериментальной патологии и терапии, Сухуми
АМН СССР	
КГУ	Киевский государственный университет
КЕПС	Комиссия по изучению естественных производительных сил России
КОСПАР	Международный комитет по исследованию космического пространства
ЛаРГ	Лаборатория радиационной генетики
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
МАБ	Международная межправительственная программа ЮНЕСКО "Человек и биосфера"
МГУ	Московский государственный университет
МЗИ	Московский зоотехнический институт
МК	Местный комитет
МНТС	Межведомственный научно-технический совет
МОИГКЖ	Международное общество по изучению групп крови животных и белкового полиморфизма у животных
МОИП	Московское общество испытателей природы
МПМИ	Московский пушно-меховой институт
МСХ	Министерство сельского хозяйства
НГУ	Новосибирский государственный университет
НКДАР ООН	Научный комитет по действию атомной радиации на живые организмы ООН
Наркомздрав	Народный комиссариат здравоохранения
Наркомзем	Народный комиссариат земледелия
ОБН	Отделение биологических наук

ОНИС	Опытная научно-исследовательская станция химкомбината “Маяк”
ООб	Отделение общей биологии
ООН	Организация Объединенных наций
ПСХИ	Пензенский сельскохозяйственный институт
РАМН	Российская академия медицинских наук
РАН	Российская академия наук
СГУ	Саратовский государственный университет
СНГ	Содружество независимых государств
СО	Сибирское отделение
ТСХА	Тимирязевская сельскохозяйственная академия
ЦГК	Цитогенетический коллоквиум
ЦНИИЛГиС	Центральный научно-исследовательский институт лесной генетики и селекции
ЦСБС	Центральный сибирский ботанический сад
ЮНЕП	Программа ООН по окружающей среде
ИКПЕМК (ICPEMC)	Международная комиссия по защите наследственности человека от влияния мутагенов и канцерогенов окружающей среды (International Commission for Protection against Environmental mutagens and carcinogens)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдукаримов 679
Абдулбанеев О.Г. 468
Абдуллаев 679
Абдуллаев И.К. 223, 428
Абелева Э.А. 165, 522
Абилев С.К. 542
Абоджиев И. 273
Абрахамсон С. (Abrahamson S.) 263
Авакян А.А. 52, 71, 92, 95, 100, 127, 132, 148
Авакян В.А. 222, 431
Авакян И.Г. 222
Агабейли А.А. 428
Агол И.И. 32, 92, 361, 362, 364, 374, 391, 392
Азарова В.М. 476
Азатян Р.А. 222
Айнгор 263
Акимов В.К. 429
Акифьев А.П. 342, 544, 681
Албертс Б. (Alberts B.) 680
Алекперов У.К. 256, 277, 558, 677, ☐
Александров А.П. 7, 9, 164, 217, 282, 284, 285, 287, 288, 291–293, 297–299, 302, 304, 324, 326–331, 333–335, 340, 669, 717
Александров В.Я. 138, 156
Александров Г.Ф. 114, 127
Алексеенок А.Я. ☐
Алиев Г.А. 257, ☐
Алиев Д.Ф. ☐
Али-заде М.А. 428
Алиханян С.И. 36, 40, 52, 97, 103, 104, 109, 110, 142, 147, 148, 164, 170, 173, 203, 205, 265, 283, 284, 352–354, 364, 374, 392, 632, ☐
Алова Г. 12
Алпатов В.В. 200, 232, 368
Алтухов Ю.П. 245, 246, 278, 292, 293, 296, 298, 300–302, 306, 313, 314, 322, 341, 676, 677, ☐, ☐
Алфелди Л. 279
Алферов Ж.И. 336
Альтшулер В.Е. 16, 70, 80, 249, 361, 365, 437
Амосов Н.М. 447
Андреев Л.Н. 379, 645, 678
Аникеева И.Д. 165, 208, 522, 534
Аничков Н.Н. 129, 142
Анохин П.К. 137, 246, 370, 426, ☐, ☐
Антипов В.В. 264, 648
Антонов И.В. 507
Анучин Н.П. 136
Апухтин А. 473
Аракелян М.А. 431
Арбатов Г.А. 291
Аргутинская С.В. 471
Арзыева Н.А. 292
Аркадьева В.И. 475
Арсеньева (Гептнер) М.А. 15, 20, 80, 84, 86, 165, 167, 173, 203, 230, 249, 261, 262–284, 314, 350, 486, 533, 539, 540, 548, 549, 595, 596, 655, ☐
Артоболевский И.И. 246
Арутюнянц В.Д. 302
Арцимович Л.А. 594
Арцыбашев Д.Д. 34
Асеева Т.В. 52
Асланян М.М. 248
Аснович В.В. 517
Астауров Б.Л. 43, 83, 156, 164, 170–173, 186, 203, 205, 228, 229, 264, 265, 283, 284, 315, 321, 325, 326, 348, 351–355, 373, 385, 442, 501, 548, 549, 554, 555, 599, 669, ☐
Ата-Мурадова Ф.А. 292, 302, 314, 624
Ауэрбах Ш. (Auerbach Ch.) 445, 594
Афанасьев В.Г. 327
Афанасьев Г.Д. 715
Ахунд-заде И.М. 428, ☐
Ахундов М.А. 428, ☐
Ахундова Д. ☐

- Бабаджанян Г.А. 95
 Бабаян С.А. 52
 Бабков В.В. 343, 344, 348
 Багдасаров К. 252
 Баев А.А. 291, 295, 297, 380, 440
 Бажанов 491
 Бак З.М. (Васц З.М.) 262
 Бакулина Э.Д. 165
 Балагур А. 638
 Балевский А. 273
 Балкашина Е.И. 84, 348
 Баранов П.А. 81, 155, 158, 161–163, 348
 Бараташвили Н. 454
 Бардин И.П. 166
 Барон М.А. 129
 Бароян О.В. 12, 371, 426
 Бархаш Б.П. 52
 Басов Н.Г. 291, 624
 Баталов А. 538
 Батикян Г.Г. ☐
 Бах А.Н. 35, 55, 501
 Бахитова Л.М. ☐
 Баялски Р. (Бајалски Р.) 237, 426, 441
 Беккум Д. (van Vekum D.W.) 262
 Бельенкий Н.Г. 52, 92, 95, 110
 Белецкий З.Я. 95
 Беллинг Дж. (Belling J.) 706
 Белов С.В. 456
 Белова А.Л. 647
 Белозерский А.Н. 156, 164, 202, 203, 530, ☐
 Бельговский М.Л. 84, 86, 165, 359, 517, 523, ☐
 Беляев 711
 Беляев Д.К. 145, 177, 178, 180, 181, 183, 185–187, 198–201, 203, 222, 232, 265, 283, 289, 291, 299, 310, 321–326, 329, 333, 343, 351, 355, 357, 368, 369, 374, 375, 392, 393, 395, 512, 516, 523, 528, 529, 531, 532, 548, 555, 667, 668, ☐, ☐
 Беляев Н.К. 348
 Беляева В.Н. 72, 80, 84, 86, 162
 Бембинов Г.Б. 444
 Бендер М.А. (Bender M.A.) 263, 267
 Бенедиктов И.А. 91, 116, 121
 Бензер С. (Benzer S.) 385, 388, 543
 Бенклиев С.Н. 72
 Берг Л.С. 35, 61
 Берг Р.Л. 69, 80, 178, 295, 707
 Бережко С.Т. 223, 373, 425
 Берендяева З.И. 304
 Бердышев Г.Д. 5, 223, 330, 425
 Бернардинер Б.М. 76
 Берченко Б.Э. 131
 Бессмертная С.Я. 84
 Бессонова А.А. 137
 Бестужев-Лада И. ☐
 Бибергаль А.В. 169
 Бигалиев А.Б. 435, ☐
 Билык Г.И. 228
 Бияшев Г.З. ☐, ☐
 Блайберг Г.Ф. 575
 Блохина И.Н. 137
 Бляндур О.В. 429, 619
 Бобер А.Ф. 255
 Бобров М.Я. 446
 Богданов Е.А. 40
 Боголюбов Н.Н. 178, 711
 Богомолец А.А. 192
 Бокарева Л.И. 503
 Бокаччо Дж. 569
 Большаков В.Н. 375, 648
 Бор 456
 Бордюкевич В.Г. 429
 Бормотов В.Е. 373
 Борн Х.Дж. 346
 Бородин И.В. 178, 182
 Борстел 267
 Ботвинник М. 626, ☐
 Бочаров М. 643
 Бочаров Ю.С. 165, 533, ☐
 Бочкин А.Е. 465
 Бочков Н.П. 245, 278, 325, 374, 375, 652, 668
 Бочкова Д.Н. 652
 Боше 715
 Бошьян Г.М. 134
 Браунштейн А.Е. 439
 Брежнев Л.И. 12, 301, 311, 326, 327, 333, 360, 715
 Брейтман (Слепкина) Е.С. 480
 Бреславец Л.П. 84, 156, 165
 Бреслер С.Е. 205
 Бриджес К. (Bridges C.B.) 707
 Брик П.Л. 429
 Бруевич Н.Г. 127
 Бруно Д. 446
 Брюс А. (Bruce A.) 384
 Бубнов Н.П. 438
 Бубнова Л.М. 707
 Будагов Р. 650

- Будкер А.М. 178, 711
 Бузати-Траверсо А.А. (Buzzati-Traverso А.) 270, 280
 Булаева К.Б. 251
 Булгаков М.А. 550
 Бур М. 273
 Буева Л.П. 220
 Бурденко Н.Н. 35
 Бурдун А.М. 648
 Бусыгин 499
 Буторина А.К. 621
 Бухалова В.И. 503
 Бухарин Н.И. 32
 Бушинский В.П. 95, 127
 Быков В.Т. **Ф**
 Быков К.М. 137, 138
 Быковский В.Ф. 599
 Быховский Б.Е. 202-205, 211, 264, 716
 Бэтсон В. (Bateson W.) 30, 39, 554, 634
Вавилов Н.И. 20–22, 24, 30–36, 39, 50–54, 92, 177, 334, 340, 374, 375, 385, 395, 419, 421, 426, 428, 430, 432, 433, 436, 438, 442, 444, 447, 455, 468, 481, 505, 514, 515, 552, 614, 631, 632
Вавилов С.И. 16, 65, 79, 92, 122, 127, 134, 146, 154, 260, 427, 433, 436, 456
 Валева С.А. 165, 275
 Валуцкене М. **Ф**
 Варунцяц И.С. 92
 Василенко И.Ф. 95
 Васильев В. 617
 Васильев И.М. 83, 127, 377
 Васильева П.А. 469
 Ваулина Э.Н. 208, 267, 272, 302, 314, 524, 533, **Ф, Ф, Ф**
 Вахитов В.А. 677
 Вейсман А. (Weismann А.) 130, 131, 140, 149, 467, 525, 528
 Векшегонов В.Я. 239, 443
 Великанов И.В. 484
 Вельтищев Ю.Е. 426
 Венкина Т.Г. 14
 Венков П. 395
 Вернадский В.И. 380
 Веселовский И.А. 448
 Ветшттейн 30
 Вилли К. 583
 Вильямс В.Р. 76
 Винникова Л. 634
 Виноградов А.П. 164
 Виноградова Д. **Ф**
 Вихров В.Е. 517
 Винокурова С. 574
 Вичковская Н.С. 474
 Владимиров Н. 336
 Власенко Н.М. 180, 182, 185
 Власов А.А. 508, 509
 Власова Л. 509
 Власюк П.А. 92, 142
 Водков А.П. 95
 Волков Б. 605
 Волкова Е.Н. 474
 Волкова И.В. **Ф**
 Волкогонов Д.А. 551
 Воллман Э. (Wollman E.) 269
 Володин Б. 566
 Волотов Е.Н. 72, 80, 83, 86
 Вольнкин Ю. 243
 Воронов Н.П. 462
 Воронцов Н.Н. 152, 175, 201, 298, 442, 522, 545
 Воттенберг Л. 561
 Врачев И.Я. 175, 452
 Врочинский К.К. 255
 Высокос Г.П. 95
 Вышинский П.Е. 115
 Гагарин Ю.А. 164, 548, 598, 599
 Гаджиев Н.М. 650
 Газенко О.Г. 164, 243, 380, **Ф**
 Гайсинович А.Е. 144, 289, 363, 364 374, 375, 386–390, 392, 393
 Галазий Г.И. 184
 Гальтон 40
 Гарднер Э. (Gardner E.J.) 365, 388
 Гарина К.П. 275, 302, 314, 601
 Гаркавый П.Ф. 330, **Ф**
 Геккель Э. 437
 Гексли Дж.С. (Huxley) 58, 82, 83
 Гексли Т. 472
 Гельфанд И.М. 380
 Генкель П.А. 163, 196
 Георгиев Г.П. 296, 313, 321, 325
 Геращенко В.И. 434
 Гербильский Н. 129
 Гербинг Р. 245
 Гербст К. (Herbst K.) 45, 707
 Геронимус Б.Л. 445
 Герцен А.И. 437
 Гершензон С.М. 52, 69, 142, 143, 283, 313, 347, 348
 Гете В. 603

- Гиляров М.С. 145, 146, 164, 283, 291, 295,
 297, 310–313, 321, 324, 326, 331, 334
 Гинецинский А.Г. 148
 Гиппиус З.Н. 551
 Глазко В.И. 244
 Глазко Ю. ☐
 Гласс 267
 Глембоцкая Е. 67
 Глембоцкий Я.Л. 38, 52, 86, 165, 173,
 203, 205, 212, 230, 234, 250, 263, 292,
 302, 314, 478, 533, 536, 548, 550, 552,
 628, 652, 655, 665, ☐, ☐
 Глушков В.М. 246
 Глущенко И.Е. 52, 71, 95, 106, 114, 120,
 132, 141, 155, 160, 162
 Говоров Л.И. 52, 92
 Годнев Е.Д. 519
 Голлербах М.М. 533
 Головцов Л.А. 503
 Головченко В.И. 255
 Голодрыга П.Я. 330
 Голуб Е.И. 209
 Голубцова Н.Н. 489
 Голубовский М.Д. 283
 Гольданский В.И. 339, 456
 Гольдат С.Ю. 72, 80, 84
 Гольдфарб Д.М. 205, 267, 269, 291, 310,
 316–316, 324, ☐, ☐
 Гольдшмидт Р. (Goldschmidt R.B.) 356,
 386–388, 394, 582–583, 707
 Гончаров В.С. 76
 Гончаров Ю.П. 451
 Гончарова Р.И. 336
 Гончарова Т.Ф. 444
 Гопал-Энгар А. 268, 596
 Горбачев М.С. 298, 336, 375
 Горбачев Т.Ф. 178, 711, ☐
 Горбунов Н.П. 34
 Гордон Дж. (Gordon J.W.) 106
 Горелик Я.П. 75, 491
 Горин А.П. 526
 Горленко М.В. 247
 Горн А. 264
 Городецкий А.А. 169
 Городецкий С.И. 292, 302, 313, 314, 548,
 646
 Горький А.М. 438, 462, 509, 588
 Горячев Ф.С. 197
 Гоусатян К.С. 222
 Гохарь-Хармандян Г.И. 80
 Градовцева А.С. 482, 483
 Граевский Э.Я. 162
 Грандильевская-Дексбах М.Л. 425, 460
 Гранин Д.А. 346, 550
 Гранник Г. ☐
 Гращенко Н.И. 35, 124, 134
 Гребенкин А.П. 257
 Гребень Л.К. 24, 40, 52, 92, 95
 Грибоедов 516
 Гриднев Н.А. 201
 Грицын О. ☐
 Гришко Н.Н. 52, 70, 142, 194
 Гродзенский С. 626
 Гроздова Т.Я. 162, 523, 524, 534, ☐
 Громыко А. 639
 Грязев В.А. 651
 Грязнов И.Н. 382
 Гуармини (Guarmini) 280
 Губарев В.С. 12, 250, 570, 573, 681
 Гулия В.В. 434
 Гуляев Г.В. 241, 275, 285
 Гунда Б. (Gunda B.) 469
 Гундаев А.И. 285, 286
 Гусев М.М. 242
 Густафссон А. (Gustafsson A.) 261
 Гутт Ф. 264
 Давиденков С.Н. 52, 395, 635
 Давиташвили Л.Ш. 471
 Давыдов Д. 551
 Давыдовский И.В. 129
 Данилов Б.Ф. 448
 Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 37, 46, 47, 53, 88,
 94, 246, 437, 494, 589
 Даревский Е.Б. 682, 683, ☐
 Дарлингтон К. (Darlington C.D.) 75, 83,
 100, 707
 Дарспани М.Я. 464
 Дворкин Г.А. 304, 313, 369
 Дворянкин Ф.А. 95
 Де Серес Ф. (De Serres F.J.) ☐, ☐
 Девис К. (Devis) 383
 Дегтярев В.К. 469
 Дегтярева Н.И. 513
 Делоне Л.Н. 52
 Делоне Н.Л. ☐
 Демерек М. (Demerec M.) 260, 583
 Демидов 92
 Демидов С.Л. 454
 Демидов С.Ф. 92, 95, 96
 Демидова З.А. 80, 486, 487, 706
 Демин Ю.С. 353, 669
 Демченко М. ☐
 Демчук Г. 605

- Державин 157
 Детлаф Т.А. 359
 Де Фриз Г. (de Vries H.) 30, 496, 589, 590
 Джатаев 679
 Джорджикия 66
 Джохадзе Т.А. 600
 Дикарев Н.А. 178, 711
 Дмитриев 132
 Дмитриев В.С. 95, 136, 137, 161
 Дмитриев Н.Г. 646
 Добрецов Н.Л. 343
 Добржанский Ф. (Dobzhansky Th. G.) 76,
 78, 97, 106, 119, 134, 249, 266, 281, 365,
 384, 416, 417, 555, 705, 706
 Догель В.А. 129
 Дозорцева Р.Л. 35, 127, 501
 Долгушин Д.А. 92, 95
 Дреземан Р.И. 469
 Дружинин Н. 461
 Дрянновска О.А. 459, 603, 683, ☐
 Дубинин Н.П. 4, 7–21, 26–32, 38–67,
 87–88, 92, 94, 97, 99, 101, 103, 106, 116,
 117, 119–121, 125–127, 130, 148, 149,
 152–158, 162–166, 168, 169, 180–185,
 193, 197–208, 210, 212, 214–221, 227,
 229–234, 236–238, 240, 245–247,
 249–253, 259, 261–285, 287–289, 291,
 293–296, 299–302, 304, 305, 310,
 312–314, 318, 319–320, 323–324,
 325–331, 333–336, 340–345, 347–357,
 360–371, 373, 375–377, 379–383,
 385–392, 395, 396, 400, 415, 418,
 419–423, 425, 426, 428–437, 452, 456,
 463, 469–471, 473–475, 478, 480, 484,
 488, 490–500, 503–505, 512, 514–516,
 519, 526, 528–533, 535, 536, 538–556,
 558–560, 562, 563, 567, 568, 570, 572,
 573–577, 579–586, 588–597, 600–601,
 603–614, 616–619, 621–623, 625–640,
 642, 643, 650–652, 660, 667,
 674–683, 685, 695, 697, 699, 701,
 705–717, ☐
 Дубинин П.Ф. ☐
 Дубинина А.Г. 663, ☐
 Дубинина Л.Г. 4, 13, 165, 263, 272, 276,
 326, 601, 652, 680–682, ☐, ☐, ☐, ☐, ☐
 Дудочкин П.П. 441
 Дуженко М.Н. (Бахмутская) 339
 Дусеева Н.Д. 80, 86
 Духовный А.И. 429
 Дьяков С.П. 489
 Дьячкова Л.И. 706
 Евминов В.Н. 255
 Евсиков В.И. 645
 Ельцин Б.Н. 642
 Елютин В.П. 275, ☐
 Емельянов В.С. 287
 Енин 39
 Енкен В.Б. 178
 Ермаков Г.Е. 24
 Есенин С. 5, 427, 516, 517
 Ефимов Б. 141
 Жаворонков М.Н. ☐
 Жакоб Ф. (Jacob F.) 269
 Жадин В.И. 150, 184
 Жакотэ А. 5, 644
 Жаров Н.В. 423, 424
 Жебрак А.Р. 44, 52, 53, 75–77, 79, 80,
 83, 97, 99, 100, 105, 106, 116, 119,
 121, 125, 130, 134, 147–149, 156,
 170, 186, 205, 433, 436, 438, 448, 452,
 632
 Жебрак Б.А. 448
 Жебрак Э.А. 448
 Жегалов С.И. 375, 395
 Железнов П.И. 238
 Жданов 648
 Жданов А.А. 88, 89
 Жданов В.М. ☐
 Жданов Ю.А. 88–91, 108–110
 Живков Т. 274, 308
 Живкова Л. 274
 Жимулев И.Ф. 155, 341, 546, 674
 Жинкин Л.Н. 63
 Жордания Р.Г. 519
 Жуков А.Б. 184, 201
 Жуков Г.К. 324, 326, 457
 Жуков-Вережников Н.Н. 129, 205
 Жуковский П.М. 81, 103, 105, 109, 142,
 148, 205, 355, 360
 Жученко А.А. 4, 8, 14, 221, 319, 375–381,
 664, 681, ☐
 Жученко Г.Г. 664
 Завадовский Б.М. . 23, 30, 36, 52, 88, 97,
 148, 175, 452
 Завадовский М.М. 24, 35, 36, 52, 148,
 175, 235, 452
 Загуменная Т.В. 605–613
 Зажурило К.К. 503
 Зайцев Ф.А. 64
 Зайчиков В.Н. ☐
 Залесский Г.Д. 180, 181

- Засухина Г.Д. 250, 300, 301, 303, 304,
 313, 314, 318, 330, 331
 Захаров-Гезехус И.А. 340–343, 348
 Захарченко В.Д. 174, 207, ☐
 Заянчковский И.Ф. 371, 426
 Зезюлинский В.М. 162
 Зильбер Л.А. 129
 Зимянин М.В. 296, 298, 715
 Зимяхин П.А. 468
 Золотарев Ю.А. 489
 Золотухин В. ☐
 Зорин Ф.М. 95
 Зосимович В.П. 188, 189, 200, 232, 367,
 373
 Зубрис Г.И. 253, 447
 Зуев Д.Д. 258, 336
 Зурабян А.С. 431
- И.Ф.** 76
 Иванов А.В. 380
 Иванов В.И. 341
 Иванов М.В. 650
 Иванов М.Ф. 40, 505
 Иванов Н. 613
 Иванов-Смоленский А.Г. 138
 Иевлев В.В. 621
 Израэль Ю.А. 245, 275
 Ильин Д. 346
 Имшенецкий А.А. 129, 139, 148
 Инге-Вечтомов С.Г. 336, 341, 667
 Иноземцев Н.Н. 287
 Иовчук М.Т. 444, ☐
 Иогансен В. (Johannsen W.L.) 30
 Иофа Э.Л. 658
 Ирвинг Д. 346
 Исаев А.С. 379, 380
 Исаев С.И. 95
 Исаченко Б.Л. 127, 148
 Искаков Б.И. 648
 Ист 706
 Истамов Х.И. 681
 Ишида Д.Т. (Ishida J.T.) 467
- Каверин В. 588
 Када Т. (Kada T.) 561
 Казаков А.И. 291, 299, 300
 Кайдалов А. 464
 Калабухов Н.И. 554
 Калина Г.П. 137
 Калинин М.И. 33
 Калинина Л.М. ☐
 Калинина Т.Е. 348, 372
- Калмыков М.А. 484
 Калмыкова Л.Г. 302
 Калущий К.К. 455
 Каманин Н. ☐
 Камаринский А. 454
 Камнева Н. ☐
 Камшилов М.М. 69, 80, 116, 181, 187
 Канцелесон Э. 129
 Капанадзе И.С. 454
 Капица П.Л. 246
 Карагьозов Л. 395
 Каракашлы З.К. 466
 Карелин Г.С. 521
 Карлсон Е. (Carlson E.A.) 387
 Каростин 648
 Карпец И.И. 242, 251, 345, 515, 625
 Карпеченко Г.Д. 31, 52–54, 83, 92, 157,
 374, 385, 428, 468, 481
 Карпинский 455
 Карпов 115
 Карпов А. 628
 Карташева З.П. 366, 367
 Картель Н.А. 677
 Картер Дж. 486, 509
 Касирский И.А. 540
 Каспаров Г. 628
 Кастро Ф. 267, ☐
 Кауров А.В. 246, 514, 647
 Кафтанов С.В. 116, 118, 133
 Кедров Б.М. 115, 140–142
 Кедровский Б.В. 707
 Келдыш М.В. 211, 214–216, 235, 264,
 325, 326, 350, 380, 433, 436, 536, 537,
 716, ☐
 Келер В. 605
 Келлер А.А. 35, 55, 501
 Келлер Б.А. 36, 52
 Кензо Комей 503
 Керкис Ю.Я. 36, 49, 52, 177, 178, 180, 181,
 183, 187, 198–200, 222, 263, 442, 598
 Кершнер Д.М. 86
 Кива М.С. 460, 461
 Кивер В. 242
 Кикнадзе И. И. 178, 222
 Кикоин И.К. 164
 Кимбалл Р. (Kimball R.F.) 267
 Кимура 266
 Кириллин В.А. 215
 Кириллов Ю.В. 279
 Кириченко Ф.Г. 458, 649, ☐
 Кирпичников В.С. 38, 47, 52, 53, 72, 84,
 86, 501

- Кирсанов Б.А. 83
 Кисловский Д.А. 23, 95, 96
 Кленова Л. 462, 463
 Клечковский В.М. 169
 Кляревский 529
 Кнорре А. 129
 Кнузянц И.Л. 164, 200, 232, 252, 283
 Князев Ю. 426
 Кобзарь Г.В. 192
 Ковалев 60
 Ковалев Р.В. 180, 185
 Ковалевский В.О. 93
 Коваленко С.П. 530
 Коваленок В. 306
 Ковальский А.А. 178, 711
 Кодани 356
 Кожевников Б.Ф. 72, 84, 85, 585
 Козлов 491
 Козлов В. 263
 Козо-Полянский Б.М. 62, 76, 443, 503, 504
 Кокин Л. 12, 579
 Колбановский В. 54
 Колесник Н.И. 330
 Колмогоров А.Н. 52, 57, 61, 246, 380, 587
 Колосс 180, 187
 Колчанов Н.А. 676
 Коль А.К. 34
 Кольман Э. 39, 52
 Кольцов Н.К. 10, 17, 18, 20, 24, 31, 35, 55, 83, 92, 104, 105, 120, 146, 148, 175, 179, 219, 235, 342, 346, 348, 352, 380, 385, 386, 392, 394, 426, 428, 429, 432, 433, 436, 437, 438, 442, 450, 452, 471, 478, 487, 489, 500, 504, 548, 582, 583, 585, 587, 591, 599, 614, 634
 Комаров В.Л. 56, 433, 436
 Константинов Б.П. ☐
 Константинов П.Н. 23, 24, 134
 Константинов Ф.В. 115, ☐
 Контримавичус В.Л. 376, 679
 Конюхов Б.В. 297, 300, 301, 303, 304, 311, 313, 318, 323, 330, 331
 Копачевская Е.Г. 228
 Коптев 632, 642
 Корневская Е.И. 276, ☐
 Коржинский 30
 Коркин Вл. 461
 Корнейчук А.Е. 159
 Королев С.П. 246, 380
 Коротич В.А. 376
 Корочкин Л.И. 345, 667
 Корренс К. (Correns C.) 496, 589
 Коршунов В. 532
 Коригова А.И. 330
 Косиков К.В. 155, 162, 164, 203, 205, 292, 302, 314, 715
 Косиченко А.П. 661
 Косиченко Л.П. 470, 661
 Косминская Н.Н. 520
 Косминский Е.А. 520
 Костерин А. 12, 484
 Костов Д. 33, 468, 481
 Кострюкова К.Ю. 52, 95
 Костылев В.В. 83, 705
 Костюк П.Г. 380
 Костяков А.Н. 95
 Котельников В.А. 329, 375
 Котко И.К. 255, 646
 Кошевой 479
 Коштоянц Х. С. 35, 121, 501
 Краевой С.Я. 205, 292, 302, 313, 314, 373
 Красиков З.Д. 182
 Краснобаев Е.Н. 429
 Кривиский А.С. 129
 Кривonos П. ☐
 Крик Ф. (Crick F.H.) 153, 635
 Крушинский Л.В. 80, 667
 Крылов А.В. 129
 Крылова А. 493, 588
 Крюков В.Г. 139
 Крюкова Л.И. ☐
 Кудрявцев В.Н. 220, 243, 251, 345, 515, 624, 625
 Кузин А.М. 163, 169
 Кузнецов Г.В. 617
 Кулаков Ф.Д. 298
 Кулакова Л.А. 429
 Кулиев А.М. 428
 Купревич В.Ф. 570
 Курдюмова А.Г. 86, 168
 Куренцов А.И. 183
 Куриц Т. 610
 Курсанов А. Л. 129, 139, 146, 162, 203, 530, 645, ☐
 Курчатov И.В. 246, 380, 433, 436, 487
 Кушнер Х.Ф. 52, 155, 162, 164, 205, 314
 Кэстль В. 205
 Л.А.П. 647
 Ла Кур Л. (La Cour L.) 707
 Лаверов Н.П. 336

- Лаврентьев М.А. 171, 176, 178, 179, 187, 192, 197, 200, 201, 246, 367, 512, 530, 531, 597, 598, 711, 712
- Лавров П.А. 482
- Лагутина Н.И. 470
- Лайкова Л. 434
- Лакомова 245
- Ламарк Ж.Б. (Lamarck J.-В.) 46, 145, 494
- Лапин Б.А. 470
- Лапин В.К. 453
- Лапин П.И. 296, 313
- Лапкин Ю. 165
- Лаптев И.Д. 75, 76, 79, 92
- Лапшин И.И. 449
- Ларин С.А. 487
- Ларионов А.К. 450
- Латкин-Турков В.Д. 165, 551
- Латышев Н.П. 60, 76, 507
- Лебедева В.А. 650
- Лебедева Л.И. 263
- Лебединский А.В. 138
- Левит С.Г. 32, 92, 363, 364, 374, 392
- Левитский Г.А. 41, 52, 54, 58, 92, 374, 394, 481
- Лежава Т.А. 553
- Лежен Дж. (Lejeune J.) 263
- Лекявичюс Р.К. 278, ☉, ☉
- Ленин В.И. 34, 52, 93, 235, 437, 438, 494, 612, 617, 635
- Ленская Г.Н. 137
- Леонов И.М. 180, 181, 183, 192
- Леонов Л. 441
- Леутин 64
- Леонтьева В.М. ☉
- Леонтьева Е. 12, 629
- Лепешинская О.Б. 128, 129, 131, 139, 167
- Леонтович 491
- Либерштейн И.И. 377
- Липский А. 528
- Лисицын П.И. 23, 24, 92
- Литвинов Л.С. 707
- Лихварь Д.Ф. 435
- Лобанов П.П. 9, 92, 95, 103, 109, 132
- Лобашев М.Е. 63, 80, 83, 144, 154, 173, 203, 205, 206, 357, 363, 535, 536, 554
- Лобов Г.А. 462
- Логунов А.А. 291
- Ломброзо Ч. 624
- Ломсадзе Б.А. 433
- Лопашов Г.В. 302, 314, 707
- Лотси 30
- Лугинин Ал. 383
- Лукашенко Н.П. 4, 14, 292, 302
- Лукин Е.И. 47
- Лукьяненко П.П. 95, 203
- Луначарский А.В. 219
- Луньков Д. 419
- Лусс А.И. 48
- Лутков А.Н. 158, 177, 182, 187–189, 366–368, 373, 598
- Лучник Н.В. 173
- Лысенко Т.Д. 9, 21, 23–36, 39, 41–48, 50–52, 54, 65, 71, 74, 75, 77, 78, 84, 88–89, 91–93, 95, 99, 108, 110, 112, 115, 117, 122, 127, 129, 130, 131, 137, 143–146, 147, 148, 150, 155, 158, 160, 191, 195, 205, 225, 227, 237, 254, 342, 347, 359, 374, 446, 453, 464, 467, 470, 471, 481, 501, 511, 512, 514, 518, 530, 550, 554, 558, 630, 631, 633, 640, ☉
- Лысиков В.Н. 246, 429, 430, 432, 679, 706
- Любищев А.А. 508
- Люннинг К.Г. (Luning K.G.) 263
- Мазуров Е.А. 523
- Майский И.Н. 139
- Майсурьян Н.А. 526
- Макаров И.М. 336, 361
- Макаров П.В. 129, 150, 151
- Маковский Е. 466
- Максименко Э.И. 537, ☉
- Максимов Н.А. 127
- Малашенко А.М. 273
- Малиновский А.А. 52, 61, 72, 83, 84, 86, 117, 167, 205, 365, 366, 368, 373, 460
- Малкин В.К. 258
- Мальцев Т.С. ☉
- Мамаев А.М. 456
- Мамаев С.А. 676
- Мамедов К.М. ☉
- Маневич Э. 84
- Мансурова В.В. 72, 79, 165, 596
- Мануйлова Н.А. 166, 359
- Мао Дзе Дун 531
- Марр Н. 453
- Мартынов Б.П. 286
- Мартынов В.А. 517
- Мартынов М.С. 517
- Мартынова Р.П. 178
- Марчук Г.И. 247, 326, 327, 336, 380, 531, 670
- Маслоброд С.Н. 429

- Матвеевков И.И. 528
 Матросов А. 531
 Матюшин Г.Н. 242
 Мацкевич В.В. 716
 Мачабели А.И. 64
 Машкин С.И. 336, 650
 Машковцев А.А. 145
 Машуров А.М. 243, 280, 292, 300-302, 304, 314, 315
 Мдивани В. ☐
 Медведев Ж.А. 129, 287, 289, 295, 374
 Мезина С.И. 251
 Мейсель М.Н. 163, 164
 Мейстер Г.К. 24, 31, 32, 481
 Мейстер Н.Г. 481
 Меладзе Д.Д. 66, 133, 519
 Мелконян 649
 Меллер Г.Г. (Muller H.J.) 18, 19, 21-23, 32, 33, 71, 232, 262, 383, 384, 386, 388, 455, 468, 493, 581, 587, 594, 706, 707
 Мельниченко А. 87
 Менделеев Д.И. 142, 444
 Мендель Г. (Mendel G.) 27, 30, 33, 120, 149, 207, 263, 467, 480, 496, 499, 501, 554, 572, 581, 589, 710, ☐
 Ментешашвили Т. 639
 Месяц В.К. 285, 320
 Мечников И.И. 93, 116, 144, 427
 Мешалкин Е.Н. 180, 187
 Микаэлов М. ☐
 Милев Г. 603
 Миллионщиков М.Д. 203, ☐
 Милованов В.К. 36, 52, 53, 632
 Милохин А.А. 649
 Миндлин С.З. 165
 Минина Е.Г. 522
 Минкевич И.А. 95
 Мирек В.Ф. 368
 Мирзабеков А. Д. 241
 Миронов С. 646
 Мирюта Ю.П. 177, 178, 180, 181, 187, 200, 330, 372
 Митин М.Б. 36, 42, 49, 50, 53, 54, 95, 99, 114, 141, 443, ☐
 Митрофанов В.Г. 376
 Михайлов В. 129
 Михайлов П.И. 623, 660, 683
 Михайлов Р. 634
 Михалевич А.В. 95
 Мичурин И.В. 33, 40, 41, 49, 70, 74, 76, 84, 88, 93, 113, 116, 131, 143, 145, 150, 192, 196, 375, 418, 432, 438, 505, 555, 591, 706, 707
 Мишустин Е.Н. 163, 295, 311, 313, 330, 380
 Мойсеенко Е.С. 84, 165, 235, 359, 438, 551
 Мокеев А.Е. 330
 Молотов В.М. 132
 Молчанов А.А. 158, 164
 Моно Ж. (Monod J.) 269
 Морган Т.Х. (Morgan T.H.) 30, 32, 52, 120, 130, 131, 386, 388, 389, 467, 488, 496, 501, 519, 525, 528, 554, 581, 590
 Моргун В.В. 244, 376, 649, 678
 Мороз О. 380, 381
 Морозов В.К. 52
 Морозова Т.М. 178
 Мосенко М.К. 448
 Мосенцева М.В. 509
 Мосин И.С. 302
 Мосолов А. 451
 Мостовщиков А. 614
 Мотос К. (Mothes K.) 178, 179
 Мудрагей И.П. ☐
 Муладжанов Ш. 638
 Мура Л.С. 621
 Мурадов К.М. 222
 Муралов А.И. 21, 31, 32
 Мурзукова Е.Б. 341
 Муромцев С.Н. 92, 95, 129, 137
 Мусаев Д.А. 223, 679
 Мюнтцинг А. (Muntzing A.) 523
 Мягков Н.А. 400
 Мячин Ю.И. 463

 Навалихина Н.К. 330
 Навашин М.С. 69, 83, 97, 129, 156, 431, 501
 Навашин С.Г. 83, 431
 Надсон Г.А. 232, 385, 386
 Назаров В.И. 341
 Насонов Д.Н. 52, 63, 129, 131, 156
 Натали В.Ф. 80, 363, 365, 386, 482
 Натрошвили А.Г. 433
 Наумов Н.П. 152
 Нашивочников В.А. 455
 Невзгодина Л.165
 Невядомский М.М. 129
 Негруцкий С.Ф. 443
 Нейфах А.А. 283, 368, 373
 Некрасов А.Д. 82
 Некрасов Н.А. 382

- Немцева Л.С. 275
 Немчинов В.С. 106, 107, 134, 237, 457
 Неручев В. 445
 Несмеянов А.Н. 154, 162, 163, 165, 239, 260, 433, 436, 632
 Нестеров Д. ☐
 Неунылов Б.А. 296, 313, 379
 Нефедов И. 255
 Нечитайло Г.С. 681, ☐
 Никитин М.Д. 302, 314
 Никитин С. 661
 Николаев А.В. 178, 711
 Никонов 337
 Никонов А.А. 380
 Никоро З.С. 11, 178, 284, 349, 360, 365, 366, 368–373, 666
 Нил Дж. (Neel J.V.) 281, 290, 306
 Ничипорович А.А. 127
 Новиков 272
 Новиков В.К. 145
 Новинский Н.И. 115
 Новоженев Ю.И. 219, 450, 648
 Новосадов Б. 441
 Новосадов Г.И. 462
 Ной И.С. 624
 Ночвина Л.О. 439
 Нуждин Н.И. 35, 71, 95, 98, 101, 127, 128, 132, 155, 160, 162, 163, 197, 501
 Ньюкомб Х.Б. (Newcombe H.) 263

 Образцов Б.В. 517
 Обухова Н.А. 551
 Овсянников А.И. 180, 182, 192
 Овсянников Г. 435
 Овчинников Ю.А. 217, 247, 284, 293, 297, 299, 302, 311, 312, 326, 351, 353, 354, 360, 668, 671, ☐, ☐
 Овчинникова И.Н. 4, 14, 274, 603, 683, ☐
 Оконская Н. 470
 Оленов Ю.М. 52, 61, 64, 203
 Ольшанский М.А. 24, 51, 92, 95, 132, 143, 227, 530, 558
 Опарин А.И. 117, 127, 129, 132, 146, 149, 153–156, 158–162
 Орбели Л.А. 59, 82, 92, 117, 118, 120, 123, 127, 137, 138, 147, 163
 Орел В. (Orel V.) 448
 Орехович В.Н. 139
 Орлицкая О. 508
 Орлов 531
 Орлов А.А. 465
 Орлов Ю.С. 429

 Орлова Н.Н. 165, 533, 549, 652
 Осадчук А.В. 676
 Осипов Ю.С. 343
 Осколков Н.М. 465
 Оследкин Ю.С. 458
 Островский Н. ☐
 Оуэн 281
 Офферман К. (Offerman K.A.) 33, 83

 Паван С. (Pavan) 263
 Павленко В.В. ☐
 Павлихин Е. 371, 426
 Павлов И.П. 105, 137, 145, 246, 500
 Павлов Ю. ☐
 Павловский Е.Н. 57, 127, 129, 146, 148, 163
 Пайнтер Т. (Painter T.) 19, 497, 498, 584
 Паладин А.В. 146
 Паллас П.-С. 152
 Панин А.И. (Панпушкин - псевдоним) 74, 86, 168, 176, 189, 191, 214, 353, 558, 565, 628, 630, 665, ☐
 Панин В.А. 188, 250, 366–368, 373, 446, 597
 Панина Е.Б. 366, 367, 373, 597
 Панина К.А. 80, 359
 Панина С. 597
 Панов Д.Ю. 178, 711
 Панфилова Н. 341
 Паншин И.Б. 72, 84, 344, 345
 Папалашвили Г.М. 133, 369, 373, 374, 433, 519, 520, ☐
 Парамонов К.А. 134
 Парин В.В. 662, ☐
 Пастер Л. 128
 Патон Б.Е. 336, 380, 643
 Пашин Ю.В. 251, 278, 283, 302, 314
 Пейве Я.В. 211, 313, 716, ☐
 Пекелис 207
 Пельше А.Я. 327
 Перельдин Н.Ш. 145
 Перов С.С. 25, 29, 95
 Песков В.М. 326, 457
 Петров Д.Ф. 62, 77, 80, 86, 87, 169, 178, 180, 183, 187, 251, 434, 507, 628
 Петров Р.В. 336, 341
 Петров С.Г. 95
 Пехов А.П. 256, 278, 292, 297, 302, 305, 314, 364, 440, 543, ☐
 Пешков М.А. 164, 187, 501
 Пирогов А. 551

- Пирсон 40
 Пирузян Л.А. 649
 Писаржевский О.Н. 594
 Платонова Р.Н. 165
 Плесецкий П.Ф. 95
 Плисецкая С. 443
 Плохинский Н.А. 177, 180, 182
 Погосян Э. 80
 Покровская Г.Л. 165
 Покровский А. 272
 Полежаев Л.В. 60, 292, 302, 500
 Полежаева О.П. 502
 Положенцев П.А. 207
 Польшин В.М. 352
 Полюнов Б.Б. 127
 Поляков И.М. 52, 88, 102, 103, 109, 111, 142, 148, ☐
 Полянский Ю.И. 52, 63, 129, 133, 164, 321, 325, 326
 Померанцева М.Д. 314
 Понтекорво Г. (Pontecorvo G.) 543
 Понтрягин 491
 Попа Н.Е. 619
 Попков В.И. 178, 711
 Попов И.С. 458
 Попова-Васина Е.Т. 249, 302, ☐
 Попова Т.Г. 180, 182
 Попович П.Р. 599
 Порошенко Г.Г. 538
 Поспелов Г.Л. 253, 574
 Постникова Е.Д. 62, 80, 87, 504–506, 509
 Постникова К. 475
 Поташникова Б.И. 52
 Потемкин А.В. 645
 Потехина Н.А. 165, 524, 534
 Презент И.И. 21, 22, 24–26, 28, 30–32, 34, 41, 42, 45, 52, 53, 75, 79, 92, 95, 103, 106, 107, 114, 127, 132, 133, 511, 632, 640
 Пренан М. 134
 Пресс Е.С. 80, 504, 506
 Пришвин М.М. 453
 Проворов В. 346
 Прозоров А.А. 300, 301, 303, 304, 313, 314, 318, 323, 330, 331, 521, 616
 Прокопенко И.И. 417
 Прокофьева-Бельговская А.А. 80, 156, 164, 165, 170, 187, 205, 261, 283, 326, 359, 525, 536, 546, 553, 652, 666, 667
 Промптов А.Н. 18, 81, 83
 Проскурин П.Л. 648
 Проскурина Л. 648
 Простякова Р.А. 524
 Прохоров А.М. 216
 Прянишников Д.Н. 57, 438, 481
 Пугач Е.А. 455
 Пуме Н.Д. 207
 Пухальский А.В. 95
 Пучковский С.Е. 503
 Пушкин А.С. 438, 516, 603, 615, 666
 Пьявченко Н.И. 517

 Раевский 346
 Разумовский В.П. 33
 Райт С. (Wright S.) 30, 61, 281, 365
 Рамел К. 561
 Раменский Е.В. 344
 Рангелов К.Н. 463
 Рапопорт И.А. 69, 72, 83–86, 103, 116, 148, 173, 174, 203, 230, 321, 322–326, 334, 352–354, 470, 548, 590, 594, ☐
 Рассел В.Л. (Russell W.L.) 263, 596
 Ратнер В.А. 364, 365
 Раушенбах Ю.О. 178
 Раффел Д. 33
 Резерфорд 246
 Реймерс Ф.Э. 183, 184
 Ремесло В.Н. 646, ☐
 Рили Р. (Riley R.) 269
 Риманов И.Ф. 458
 Рихтер А.А. 57
 Рогов В.Я. 76
 Рожков И.С. ☐
 Розанова М.А. 52, 85
 Рокицкий П.Ф. 212, 246, 249, 313, 357, 374, 375, 389, 393, 395
 Ролл Д. (Rall D.) ☐
 Роллан Р. 509
 Романов И.Д. 178, 181, 183, 187
 Ромашов Д.Д. 17, 19, 58, 61, 72, 83, 85, 165, 167, 174, 230, 348, 355, 365, 366, 498, 544, 587, 705, 706
 Роничевская Г. 222
 Ростовцева Т.С. 510, 513, 633
 Рубин Б.А. 95
 Руднев Н.П. 298
 Рудь Г.Я. 256
 Руковишников М. 526
 Рунов Б. 467
 Рухкян А.А. 431, 432, ☐
 Руцкий И.А. 61, 72, 472, 489, 503, 504
 Рыбалко Н.П. 646

- Рыжиков К.М. 313
 Рыжков В.Л. 139, 156, 163, 164, 205, 313,
 387, 388, 393, ☐
 Рычков П.И. 152
 Рычков Ю.Г. 292, 314
- Сабинин Д.А. 88, 133
 Савельева М. 517
 Савенков В.Я. 339, 641
 Савиных В. 306
 Савич В.П. 146
 Савченко Н.И. 223, 295
 Сагоян А.П. ☐
 Садовникова-Кольцова М.П. 501
 Саканян Е.С. 343, 344, 348
 Сакс А.И. 192
 Сакс К. (Sax K.) 75, 100, 525
 Салганик Р.И. 177, 178, 182, 187, 566, ☐
 Сальваторе Г. (Salvatore G.) 280
 Сальников В.П. 514
 Сапегин А.А. 10, 17, 18, 20, 35, 375, 395,
 431, 481, ☐
 Сапрыкина Е.Г. 549
 Сартаев А. ☐
 Сарычев И.А. 474
 Саскинд Р. (Suskind R.R.) ☐
 Сафаргалеев М.С. 467
 Сахаров В.В. 17, 48, 72, 80, 81, 83, 85, 86,
 156, 163, 165, 167, 170, 173, 174, 230,
 284, 321, 350, 483, 498, 522, 533, 534,
 548, 549, 590, 594, 668, 705, ☐, ☐
 Сахаров М.И. 551
 Сваминатан М.С. (Swaminathan M.S.)
 262, 268, 275
 Светлов П.Г. 129, 131, 133
 Свешникова В.Н. 645
 Свешникова И.Н. 83
 Свириденко П.А. 142
 Свиридов 459
 Севастьянов В.И. ☐
 Северин С.Е. 129
 Северцов А.Н. 116
 Седова Н.В. 14
 Седых Ю.В. 217, 298
 Селков Е.А. 484
 Селядинов М. 486
 Семенов Н.Н. 203, 211, 246, 264
 Семенов Ю. 239
 Семенова И.В. 257
 Сент-Илер К.К. 503
 Серебровский А.С. 15–17, 20–25, 30–32,
 51, 52, 78, 92, 98, 104, 117, 120, 148,
 175, 230, 348, 349, 352, 360–365,
 385–393, 426, 428, 431–433, 436, 437,
 442, 452, 471, 480, 492, 497, 505, 546,
 581, 583, 599, 631–634, ☐
 Сеченов И.М. 93, 116
 Сешакхар Б.Р. 275, ☐
 Сибирев А.А. 303
 Сигрианский А.М. 503
 Сидоров Б.Н. 58, 72, 80, 84–86, 164, 165,
 173, 174, 284, 314, 321, 344, 350–357,
 359, 363, 364, 392, 394, 524, 525,
 533–536, 548, 549, 584, 586, 667, 668,
 705, ☐, ☐
 Симинел В.Д. 247
 Симкин С.М. 115
 Симон М.О. 180, 181, 183, 186
 Симонов И.Н. 95
 Симпсон П. 75
 Сироткина М.Г. 545
 Сисамян Н.М. 95, 126, 129, 132, 139, 146,
 163
 Скворцов Н.А. 116, 123
 Складовская-Кюри М. (Skłodowska-
 Curie M.) 335
 Скрыбин Г.К. 247, 283, 299, 717
 Скрыбин К.И. 16, 57
 Скуратов М.М. 478
 Скуфьин К.В. 76
 Слепков А.Н. 32
 Слепков В.Н. 32, 364, 480
 Слесарев С.И. 203
 Слюсаренко А.Г. 296
 Смагулов А.С. 241
 Собелс Ф.Х. (Sobels F.H.) 262, 263
 Соболев В.С. 341, 342
 Соболев С.Л. 178, 711
 Соболевская К.А. 180, 181, 183–185,
 187, 532
 Созинов А.А. 131, 144, 283, 314,
 333–335, 340, 516, 552, 669, 670
 Сойфер В.Н. 333, 341, 343, 347, 348, 369,
 370, 471
 Соколов Б.П. 194
 Соколов В.А. 649
 Соколов В.Е. 164, 247, 295, 297, 305, 312,
 313, 341, 380, 643, 649
 Соколов Н.Н. 58, 70, 72, 80, 83, 85, 86,
 165, 173, 174, 284, 314, 321, 350, 351,
 359, 498, 524, 525, 533, 535, 549, 585,
 586, 668, 705, 706, ☐, ☐, ☐
 Солдатов П.К. 569
 Сомсонов А. ☐

- Сорокин Ю.А. 461
 Сорокина О.Н. 165
 Сороко Э. 254
 Сочава В.Б. 180, 181, 185, 186
 Спасский А.А. 163
 Сперанский А.Д. 129
 Сперанский С. 527
 Стакан Г.А. 80, 222, 504, 506, 510
 Сталин И.В. 9, 22, 35, 88, 89, 91–93, 95,
 96, 108, 129, 131, 132, 135, 153, 446,
 464, 465, 548, 554, 681
 Станис В. 256
 Стародубова А.Т. 435
 Старповой Г.П. 192
 Степанов Р.С. 203
 Стертевант А. (Sturtevant A.) 106, 281,
 356, 357, 388, 706, ☐
 Стивенсен А. (Stivenson A.) 263
 Столетов В.Н. 52, 71, 95, 100, 132, 134,
 148, ☐
 Стрельчук С.И. 223, 330
 Стрелюченко И.Ф. 137
 Строганов С.У. 180, 182
 Струнников В.А. 296, 313, 345
 Студитский А.Н. 127, 129, 132, 139, 141,
 160
 Сукачев В.Н. 118, 136, 147, 149, 158, 162,
 164, 170, 197, 249, 312, 455, 467, 511,
 517, 591
 Сурков А. 75, 79
 Сусков И.И. 220, 245, 246, 277, 302, 681
 Суслов М.А. 7
 Сухарева Н.Б. 434
 Сухов К.С. 205, 292, 302, 314
 Сухомлинский В.А. 448
 Сушня Л.М. 649
 Сычев Л. 616

 Тамм И.Е. 164
 Тараканова Е.Г. 434
 Таранюк М.И. 367, 368, 373
 Тарасенко Н.Д. 198, 199, 525
 Тарасов В.А. 300, 301, 304, 313, 318, 323,
 547, 681
 Таскаев А.М. 248
 Татаринцов Л.П. 247, 295, 297, 313, 330,
 380, 645
 Тахтаджан А.М. 155, 380
 Твардовский А.Т. 75, 79
 Тейлор Дж. Н. (Taylor J.N.) 262
 Терновский М.Ф. 207, 257, 368, 442
 Терентьева А.И. 257

 Тетерев Ф.К. 95
 Терехов Б.А. 251
 Терских В.В. 652
 Тимаков В.Д. 129, 139, 203
 Тимашук К. 475
 Тимирязев К.А. 37-39, 47, 76, 88, 93, 116,
 134, 427, 454
 Тимофеев-Ресовский Н.В. 76, 78, 97, 106,
 119, 169, 344-348, 541, 550
 Тимофеева-Ресовская (Фидлер) Е.А.
 346
 Тиняков Г.Г. 58, 61, 72, 80, 83, 85, 86,
 165, 174, 488, 498, 499, 510, 595, 705,
 706, 708, ☐
 Тинякова А.П. 67
 Титов П.И. 52
 Тихомолов И.А. 291, 299–301, 310
 Тодд 289
 Токин Б.П. 131, 647
 Толетова З.В. 421, 422
 Толмачев А.И. 184
 Топчиев А.В. 139, 140, 153, 162, 166, 530
 Торопанова Т.А. 86, 249, 520, 536
 Торопов Л. 468
 Трапезников С.П. ☐
 Трахкенец Э. ☐
 Третьяков Д.К. 142
 Трофимов И.Е. 72, 80, 84, 85, 504, 505,
 585
 Трофимук А.А. ☐
 Тумерман Л.А. 164
 Турбин Н.В. 95, 134, 248, 373, 668
 Тургенев И.С. 423
 Турпаев Т.М. 313, 325
 Тюмяков Н.А. 481
 Тюрин И.В. 163, 164
 Тягны-Рядно М.Г. 76
 Тяжельников Е.М. 298

 Углов Ф. 447
 Ульянов М.А. . 239
 Унанян И.А. 432
 Уотерс М. ☐
 Уотсон Дж. (Watson J.D.) 153, 635
 Усманов П.Д. 681
 Утехин А.Г. 197
 Ушакова Е.И. 92, 95

 Фаркоши Ф. 446
 Федоров Е.К. 275, ☐
 Федоров Н.Я. 80

- Федосеев П.Н. Ф
 Фейгинсон Н.И. 95, 134
 Фейхтвангер Л. 509
 Ферми Э. 593
 Ферри Л.В. 80, 84
 Филатов Д.П. 500
 Филиппенко И.М. 447
 Филиппов А.С. 52
 Филиппов В.Д. 277, 302, Ф
 Филиппов Г.С. 232, 386
 Филиппов Д.И. 52
 Филипченко С.А. 52
 Филипченко Ю.А. 92, 104, 120, 148, 154, 352, 481
 Фирсов И. 526
 Фихте И.Г. 495, 496, 588, 633
 Фиш Г. 75
 Фишер Р. (Fischer R.A.) 30, 61, 365
 Флеров Н.Х. 76
 Фобс Д. 271
 Фокин А.В. 257, 285, 295, 303–305, 313, 328–332
 Фонштейн Л.М. Ф
 Формозов А.Н. 88
 Фофанов В. 422
 Франк Г.М. 172, 202, 715
 Фризен А.Г. 415
 Фризен Г.Г. 17, 72, 80, 81, 83–85, 174, 230, 415, 705
 Фролов И.Т. 374, 440, 548, Ф
 Фуров Т. 191
 Фурсаев А.Д. 511
- Хагедорн А.Л. (Hagedorn A.L.) 366
 Хагедорн А. (Hagedorn A.C.) 366
 Хадорн 706
 Хаджинов М.И. 158, 203
 Хаджиолов А. 395
 Халецкая Ф.И. 139
 Харланд 32
 Хачатуров С.П. 52
 Хвостова (Янкелевич) В.В. 58, 70, 72, 80, 83–86, 156, 164, 165, 170, 173, 174, 178, 199, 250, 321, 351, 359, 464, 522, 525, 532, 533, 547, 596, 667, 706, 707, Ф
 Хельквист Г.А. Ф
 Хесин-Лурье Р.Б. 172, 284, 313, 352–354, 388, 666
 Хижняк В.А. 44, 157
 Хильчевская Р.И. 278, 283, 292, 293, 313, 314, 323, Ф
 Хлопин Н.Г. 131
- Хлопинин Н. 129
 Холдейн 32
 Холлендер А.С. (Hollaender A.) 262, 263
 Холмс М. 466
 Холодный Т. 50
 Хорана А. 383
 Хорошилов И.И. 95
 Хотылева Л.В. 375, 649, 677
 Хохлов А.С. 313
 Храмов Е.П. 485
 Храпунов С.Н. 244
 Хрипкина А.Г. 220
 Христианович С.А. 178, 198, 199, 531, 711, Ф
 Христоролюбова Н.Б. 178
 Хрущев Н.С. 7, 158–159, 191–193, 198, 202, 225, 261, 319, 446, 512, 525, 528, 529, 531, 541, 633
 Хрущов Г.К. 35, 60, 86, 122, 129, 132, 139, 148, 155, 160
 Хрущов Н.Г. 247
- Царева З.Н. 646
 Царегородцев Г.И. 220
 Цеденбал Ю. 279, 308, Ф
 Циммер К.Г. 346
 Циркль С. (Zizkle C.) 706
 Цицин Н.В. 23, 35, 57, 70, 78, 79, 157, 173, 203, 264, 295, 313, 375, 395, 438, 512, 523, 535, 536, 644, 668, Ф, Ф
 Цыганков Д.С. 486
 Цыпкин Г.А. 203
- Чабан П.С. 457
 Чайванов В.Н. 580
 Чайковский П.И. 628
 Чайлахян М.Х. 380
 Чаплин Б.Н. 371
 Чекменев Е.М. 95
 Ченоснова Л.В. 341
 Чепалыга А.Л. 242
 Чепурин В.П. 220
 Черезанова Л.В. 296
 Черемисинов Н.А. 76
 Черепанов А.И. 180, 182, 183–187
 Чермак Э. (Tschermak E.) 496, 589
 Черненко А.К. 187
 Чернов 285
 Чернопяттов К.Н. 215, 216
 Чернояров М.В. 52
 Черный И. 526
 Чесноков Д.И. 114

- Четвериков Н.С. 348, 349
 Четвериков С.С. 16, 17, 56, 82, 83, 115, 133, 156, 174, 177, 348, 349, 372, 380, 382, 383, 385, 425, 428, 432, 433, 436–438, 460, 521, 536, 543, 581, 599, 634, ☐
 Чижиков О.Н. 136
 Чилингарян А.А. 431, ☐
 Чистяков П.П. 235
 Чопикашвили Л.П. ☐
 Чугаева Л. 597
 Чумак М.Г. 292, 601, ☐
 Шабад Л.М. 129, 426
 Шабанов 178, 711
 Шавельзон Р.А. 524, 534
 Шагдарсурэн О. 279
 Шадрок 64
 Шадрин А.Е. 467
 Шайкин В. 422
 Шамарин П.И. 442
 Шаназарова А.С. 601
 Шапиро Н.И. 80, 116, 117, 148, 162, 163, 363, 364, 392
 Шарма Б. (Sharma B.) 455
 Шаров А. 117
 Шаскольский Д.В. 83
 Шаумян В.А. 95
 Шахбазов В.Г. 554, 555, ☐
 Шеварнадзе Э.А. 288
 Шевелуха В.С. 174, 676
 Шевченко В.А. 245, 263, 300, 301, 303–305, 311, 313, 318, 323, 330, 331, 352, 354, 524, 534, 681, ☐
 Шевченко Ю.Г. 251, 609
 Шевяков Л.Д. 127
 Шемелеков А. 459, 460
 Шемякин М.М. 202, 203, 211
 Шепелев В.М. 174, 222, 650
 Шепотьев Ф.Л. 330
 Шереметьев А.Ф. 382
 Шестаков С.В. 248, 335, 341, 552, 667, 670
 Шехтман М. 208
 Шехурдин А.П. 23, 65, 92
 Шибаев А.И. 327
 Шигаева М.Х. 613
 Шиманович И.Д. 34
 Шиманский Н.К. 707
 Шипов В.В. 238
 Ширендыб Б. 224, 279
 Ширяев В.М. 52
 Шкварников П.К. 52, 177, 178, 180, 181, 183, 187, 200, 223, 275, 330, 425, 431, 527, 528, 598, 667
 Школьник В.С. 224
 Шлыков Г.Н. 24, 35, 52, 53
 Шмальгаузен И.И. 47, 57, 71, 88, 92, 94, 101, 116, 119, 125, 127, 130, 133, 147, 153, 147–149, 153, 203, 635
 Шпарберг А.И. 465
 Штейнберг В.А. 220
 Штерн 356
 Штин Л.Т. 447
 Штуббе Г. (Stubbe H.) 229, 264
 Шульц Дж. (Schultz) 388, 706
 Шумилова Л.В. 182
 Шумный В.К. 341, 343, 376
 Шунденко С.Н. 35
 Шуппе Н.Г. 304, 316, 324, 330
 Щербаков В.К. 165, 203, 351, 542, 549, 560
 Щербаков Н.И. 451
 Щербаков С.Г. 298
 Щербаков П.Ф. 639
 Щербаненко Э. 448
 Щербиновская Т.Н. 312
 Щипачева Э.Н. 366, 367
 Эверсман Э.А. 152, 521
 Эймс Б. (Ames B.N.) 561
 Эйнштейн 456
 Эйхвельд И.Г. 95, 115
 Элинг У.Х. (Ehling U.H.) 278
 Эмануэль Н.М. 541
 Энгельгардт В.А. 146, 162–164, 171, 228, 229
 Энгельс Ф. 43, 47, 283, 284, 326
 Эргашев А.-К. 251, 567, 679
 Эренберг Л. (Erenberg L.) 262
 Эрнст Л.К. 4, 14, 267, ☐, ☐
 Эфроимсон В.П. 80, 205, 283, 352, 442
 Юдин А.Ф. 52
 Юдин В.М. 95
 Юдин П.Ф. 52
 Юдинцев С.Д. 97
 Ющенко А.А. 484
 Яблоков А.В. 252, 379
 Яковлев П.Н. 52, 95
 Якушкин И.В. 95

Яншин А.Л. 247, 380, 381
Яшовский И.В. 255

Barron S. 706
Brookes W.K. 366

Campusano S. 546
Carramolino L. 546
Castle W.E. 706
Catsheside D.G. 707
Chysen A. 546

Dambly-Chaudiere C. 546

Gates W.H. 706

Griffen A.B. 706

Haldane J.B.S. 707

Keller P. Ch. 705

Painter J.S. 706

Raffel D. 707
Reed S.C. 706
Rhoades M.M. 707

Shamerland 706
Sokolov D. 707

Wright S. 366

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
От составителей	10

ГЛАВА 1

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДУБИНИНА

1. В Институте экспериментальной биологии до сессии ВАСХНИЛ 1948 г. ...	15
2. 1948 год. Диктат	88
3. Мрачные годы советской биологии. 1948–1953 годы	133
4. Организация Лаборатории радиационной генетики – начало возрождения генетики.....	152
5. Сибирский период. Н.П. Дубинин – основатель и первый директор Института цитологии и генетики СО АН СССР	176
6. Н.П. Дубинин – основатель и первый директор Института общей генетики АН СССР.....	202
7. Ленинская премия	227
8. О трудах Н.П. Дубинина, его многогранная научная школа	240
9. Международная деятельность академика Н.П. Дубинина	259
10. Снятие академика Н.П. Дубинина с поста директора Института общей генетики АН СССР	282
11. Присуждение звания Героя Социалистического Труда.....	336
12. О некоторых фактах, искажающих историю отечественной генетики	340

ГЛАВА 2

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Президенту Академии наук СССР М.В. Келдышу	350
В Президиум АН СССР академику Ю.А. Овчинникову	351
Протокол заседания редколлегии ежегодника “Успехи современной генетики”	353
Главному редактору журнала “Генетика” академику П.М. Жуковскому	355
В редакцию журнала “Генетика”	356
Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу	360
В ЦК КПСС.....	374

В ЦК КПСС Горбачеву М.С.	375
Технология непорядочности	377

ГЛАВА 3

МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

<i>А.Ф. Шереметьев, И.Н. Грязнов.</i> Четвериковские чтения открыты	382
<i>Н.П. Дубинин.</i> Генетика и будущее человечества	383
<i>Н.П. Дубинин.</i> Проблемы истории генетики в СССР	385
<i>Н.П. Дубинин.</i> Задачи для XXI века	396
<i>А.Г. Фризен.</i> “Делюсь с Вами, как с родным человеком...”	415
<i>Ф. Добржанский.</i> “...нам все же удалось увидеться...”	416
<i>И. Прокопенко.</i> “...пришлите что-нибудь ... по птицам...”	417
<i>Н.П. Дубинин</i> (К 70-летию со дня рождения)	418
<i>Д. Луньков.</i> Наедине с современником	419
<i>З.В. Толетова.</i> “Пусть Ваше доброе имя живет в веках...”	422
<i>Н.В. Жаров.</i> Спасское или Спасское-Дубинино	423

ГЛАВА 4

О “ВЕЧНОМ ДВИЖЕНИИ”

ГЛАВА 5

О Н.П. ДУБИНИНЕ – УСТАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

<i>И.А. Сарычев.</i> “Я не поверил своим глазам...”	473
<i>Е.Н. Волкова.</i> “Фамилия мне очень знакома”	474
<i>В.И. Аркадьева.</i> “Я оглянусь на пройденное поле”	475
<i>В.М. Азарова.</i> “Годы, как легкие птицы...”	475
<i>М.М. Скуратов.</i> “Вы – мой когда-то давнишний побратим”	476
<i>Я.Л. Глембоцкий.</i> Из воспоминаний – далеких, но милых сердцу	478
<i>Кошевой.</i> Телеграмма	479
<i>Е.С. Брейтман.</i> “Многое вспомнилось...”	479
<i>Н.А. Тюмяков.</i> “...Именно Вам предстоит сделать очень многое”	480
<i>П.А. Лавров.</i> “Спасибо за то, что... давали возможность...”	482
<i>А. Градовцева.</i> “Мы всегда Вас носим в сердце...”	483
<i>А. Костерин.</i> Что они сделали для своего класса	484
<i>Е.П. Храмов.</i> “...Вас я почитаю учителем...”	485
<i>Д.С. Цыганков.</i> “Я один из Ваших рядовых учеников...”	486
<i>М. Селядинов.</i> “Мы... вспоминаем Ваше имя...”	486
<i>С.А. Ларин.</i> “Я знаю Вас давно...”	486
<i>З.А. Демидова.</i> “...Отношусь с большим уважением...”	487
<i>Ник. Кольцов.</i> Мои ученики	487
<i>Н.Н. Голубцова.</i> “...Вас слушает бывшая студентка...”	488

<i>Ю. Золотарев. Атака гена</i>	489
<i>Бажанов. Замечательный генетик</i>	492
<i>“Их знает весь мир”. Генетик Николай Дубинин</i>	493
<i>А. Крылова. О назначении ученого</i>	493
<i>Л.В. Полежаев. Воспоминание о Николае Петровиче Дубинине</i>	500
<i>Л.А. Головцов. “Помню Ваше выступление на сессии ВАСХНИЛ в 1936 г.”</i>	502
<i>Л.И. Бокарева. Минувшее я вновь переживаю</i>	503
<i>И.А. Руцкий. Воспоминание о работе в Воронежском университете действительного члена Академии наук СССР Николая Петровича Дубинина</i>	504
<i>И.В. Антонов. “Вспомнил те молодые годы ...”</i>	507
<i>О. Орлицкая. “...я стенографировала весь Ваш курс “История генетики”</i>	508
<i>Л. Власова. “Я знала один эпизод...”</i>	508
<i>М.В. Мосенцева. “Я чувствую себя обязанной перед Вами...”</i>	509
<i>Г. Стакан. “...мне посчастливилось...”</i>	509
<i>Т.С. Ростовцева. Воспоминание о прошлых годах</i>	510
<i>“Знаю, понравятся Вам пожелания...”</i>	512
<i>Н.И. Дегтярева. “...Преклоняюсь перед Вашим величием...”</i>	513
<i>А.В. Кауров. Слово о Дубинине</i>	514
<i>В.В. Аснович. “...горжусь тем, что знала Вас...”</i>	517
<i>Е.Д. Годнев. Самара летом</i>	518
<i>Р.Г. Жордания. Памяти академика Н.П. Дубинина</i>	519
<i>Н.Н. Воронцов. “Я всегда помнил и буду помнить...”</i>	521
<i>И.Д. Анিকেева. В Лаборатории радиационной генетики</i>	522
<i>Н.Д. Тарасенко. Доброжелательность и оптимизм Николая Петровича Дубинина</i>	525
<i>Э.Н. Ваулина. Незабываемые воспоминания</i>	533
<i>Г.Г. Порошенко. Н.П. Дубинин в моей жизни</i>	538
<i>А.П. Пехов. Вспоминая Николая Петровича Дубинина</i>	543
<i>А.П. Акифьев. О Николае Петровиче Дубинине</i>	544
<i>“Моему другу Н.П. Ду...”</i>	552
<i>Т.А. Лежава. Один из ведущих генетиков мира</i>	553
<i>В.Г. Шахбазов. Воспоминания об академике П.Н. Дубинине</i>	554
<i>“Думы рыбака”</i>	556
<i>У. Алекперов. Памяти Учителя</i>	558
<i>“Жертвы науки”</i>	564
<i>Б. Володин. Неразоружившиеся</i>	566
<i>А.-К. Эргашев. Один из многонациональной семьи аспирантов</i>	567
<i>В. Губарев. Генетический барьер</i>	570
<i>В. Губарев. Формула жизни. Академику Н.П. Дубинину – 60 лет</i>	573
<i>Г.Л. Поспелов. “Мне нравится Ваш размах...”</i>	574
<i>С. Винокурова. Цена наследственности</i>	574

<i>Л. Кокин. Качели Николая Дубинина</i>	579
<i>Т.А. Джохадзе. В аспирантуре у Николая Петровича</i>	600
<i>А.С. Шаназарова. В память о моем учителе</i>	601
<i>О.А. Дряновска. Искусство в творчестве академика Н.П. Дубинина</i>	603
<i>Г. Демчук. “Я тихо соберу цветы...”</i>	605
<i>Б. Волков, В. Келер. В вечном движении</i>	605
<i>Ник. Иванов. “Вы в мир пришли в разгар зимы...”</i>	613
<i>А. Мостовщиков. Преданность делу, которому служишь</i>	614
<i>“В морозный, зимний день...”</i>	615
<i>А.А. Прозоров. “...отсюда мне... виднее...”</i>	616
<i>Л. Сычев. “Очень рад я, что затея...”</i>	616
<i>Г.В. Кузнецов. Герои “Нашей биографии”</i>	617
<i>“Николай Петрович, Вы писали...”</i>	617
<i>В.Н. Лысков. С генетиками Молдавии</i>	618
<i>“И позвольте от Месткома Вам пожелать...”</i>	620
<i>А.К. Буторина. Академик Н.П. Дубинин глазами воронежцев</i>	621
<i>П.И. Михайлов. Воспоминания об академике Николае Петровиче Дубинине</i> ...	623
<i>“Трудно поверить и трудно принять...”</i>	623
<i>Басов. Телеграмма</i>	624
<i>В.Н. Кудрявцев. Генетик среди юристов</i>	624
<i>“Николай Петрович! С днем рождения!”</i>	625
<i>“Вы ни Ботвинник, ни Смыслов...”</i>	626
<i>С. Гродзенский. Академик против компьютера</i>	626
<i>С. Гродзенский. Матч глазами ученого</i>	628
<i>Е. Леонтьева. Верность истине, верность себе</i>	629
<i>Л. Винникова. “Мы хотим, чтоб ушли безвозвратно невзгоды...”</i>	634
<i>Р. Михайлов. Ровесник генетики</i>	634
<i>“Наша жизнь, сколько всякого в ней...”</i>	637
<i>Ш. Муладжанов. Генетика без чудес</i>	638
<i>“Восемь десятков и одна...”</i>	640
<i>Адрес болгарских ученых</i>	640
<i>В.Я. Савенков. Встречи с Николаем Петровичем Дубининым</i>	641
<i>Из поздравлений в связи с 90-летием со дня рождения</i>	642
<i>“Сегодня к Вам из Кишинева...”</i>	644
<i>И это все о нем</i>	644
<i>Л.Г. Дубинина. Жизнь, прожитая на одном дыхании</i>	652

ГЛАВА 6

В ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ

<i>В.К. Шумный, И.Ф. Жимулев.</i> Памяти Николая Петровича Дубинина	674
Соблезнования	675
К 95-летию со дня рождения академика Н.П. Дубинина	680
Мемориальное заседание.....	681
Мемориальный музей – кабинет академика Н.П. Дубинина.....	682
<i>О. Дряновска.</i> Совесть и гордость российской генетики	683
Основные даты жизни и деятельности академика Н.П. Дубинина	685
Признание Н.П. Дубинина на Родине.....	695
Международное признание Н.П. Дубинина.....	699

ПРИЛОЖЕНИЯ

Доклады и выступления Н.П. Дубинина на заседаниях генетического коллоквиума Института экспериментальной биологии в период с 1932 по 1948 г.	705
Некоторые выступления Н.П. Дубинина в период с 1954 по 1966 г.	709
Об организации Новосибирского государственного университета	711
Структура и основные направления научных исследований структурных подразделений Института общей генетики АН СССР.....	713
Мероприятия по размещению Института общей генетики АН СССР	715
О мерах, предпринимаемых Институтом общей генетики АН СССР по организации экспериментального хозяйства	715
Список сокращений	718
Именной указатель.....	721

TABLE OF CONTENTS

Preface	7
From the Authors	10

CHAPTER 1

ABOUT THE LIFE AND ACTIVITY OF ACADEMICIAN NIKOLAI PETROVICH DUBININ

1. In the Institute of Experimental Biology before the VASHNIL session in 1948	15
2. The year 1948. Dictate	88
3. Dark years of Soviet biology. 1948–1953	133
4. Organization of the Laboratory of Radiation Genetics – the beginning of the revival of genetics	152
5. The Siberian period. N.P. Dubinin – the founder and the first director of the Institute of Cytology and Genetics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences	176
6. N.P. Dubinin – the founder and the first director of the Institute of General Genetics of the USSR Academy of Sciences	202
7. Lenin Prize	227
8. About the works of N.P. Dubinin, his many-sided scientific school	240
9. International activities of N.P. Dubinin	259
10. Dismissal of academician N. P. Dubinin of the post of director of the Institute of General Genetics of the USSR Academy of Sciences	282
11. Awarding the title of a Hero of Socialist Labour	336
12. About some facts distorting the history of home genetics	340

CHAPTER 2

SELECTED LETTERS

To President of the USSR Academy of Sciences M.V. Keldysh	350
To the Presidium of the USSR AS, academician Yu.A. Ovchinnikov	351
The protocol of a sitting of the editorial board of the annual “Advances in Modern Genetics”	353
To the editor-in-chief of the journal “Genetika” academician P.M. Zhukovsky	355
To the editorial board of the journal “Genetika”	356
To Secretary General of the CPSU CC L.I. Brezhnev	360

To the CPSU CC	374
To the CPSU CC Gorbachev M.S.	375
The technology of dishonourableness	377

CHAPTER 3

MATERIALS. ARTICLES

<i>A.F. Sheremetyev, I.N. Gryaznov.</i> The Chetverikov's lectures are opened	382
<i>N.P. Dubinin.</i> Genetics and the future of the mankind	383
<i>N.P. Dubinin.</i> Problems in the history of genetics in the USSR	385
<i>N.P. Dubinin.</i> Tasks for the XXI-th century	396
<i>A.G. Frizen.</i> "I am sharing with you as with a close man..."	415
<i>F. Dobrzhansky.</i> "...We did manage to see each other..."	416
<i>I. Prokopenko.</i> "...Send something ...about birds..."	417
A leaflet of the calendar	418
<i>D. Lunkov.</i> In private with a contemporary	419
<i>Z.V. Toletova.</i> "Let your good name live for ever"	422
<i>N.V. Zharov.</i> Spasskoye or Spasskoye-Dubinino	423

CHAPTER 4

ON "PERPETUAL MOTION"

CHAPTER 5

ABOUT N.P. DUBININ BY WORDS OF CONTEMPORARIES

<i>I.A. Sarychev.</i> "I did not believe my eyes..."	473
<i>E.N. Volkova.</i> "The surname is well familiar to me..."	474
<i>V.I. Arkadyeva.</i> "A shall turn back to look at the crossed field..."	475
<i>V.M. Azarova.</i> "Years as light birds..."	475
<i>M.M. Skuratov.</i> "You – my once old sworn brother..."	476
<i>Ya.L. Glembotsky.</i> From reminiscences - distant but dear to the heart	478
<i>Koshevoy.</i> Telegram	479
<i>E.S. Breitman.</i> "Much came to my memory..."	479
<i>N.A. Tuymaykov.</i> "...it is you who has much in store to do"	480
<i>P.A. Lavrov.</i> "Thank you for giving the possibility ..."	482
<i>A. Gradovtseva.</i> "You are always in our heart..."	483
<i>A. Kosterin.</i> What they did for their class	484
<i>E.P. Khramov.</i> "I honour you as my teacher..."	485
<i>D.S. Tsygankov.</i> "I am one of your ordinary disciples..."	486
<i>M. Selyadinov.</i> "We ... recall your name..."	486
<i>S.A. Larin.</i> "I have known you for a long time..."	486
<i>Z.A. Demidova.</i> "I have a high respect..."	487
<i>N. Koltsov.</i> My disciples	487

<i>N.N. Golubtsova.</i> "...A former student is listening to you..."	488
<i>Yu. Zolotarev.</i> An attack of the gene	489
<i>Bazhanov.</i> An outstanding geneticist	492
<i>"The whole world knows them".</i> A geneticist Nikolai Dubinin	493
<i>A. Krylova.</i> About the destination of a scientist	493
<i>L.V. Polezhaev.</i> Reminiscences about Nikolai Petrovich Dubinin	500
<i>L.A. Golovtsov.</i> "I remember your speech at the session of VASHNIL in 1936"	502
<i>L.I. Bokareva.</i> "I am experiencing the past again..."	503
<i>I.A. Rutsky.</i> Reminiscences about the work of a full member of the USSR Academy of Sciences Nikolai Petrovich Dubinin in the University of Voronezh	504
<i>I.V. Antonov.</i> "I remembered those young years ..."	507
<i>O. Orlitskaya.</i> "...I took down in shorthand your whole course "The history of genetics"	508
<i>L. Vlasova.</i> "I knew one episode..."	508
<i>M.V. Mosentseva.</i> "I feel obliged to you..."	509
<i>G. Stakan.</i> "I had the luck..."	509
<i>T.S. Rostovtseva.</i> Reminiscences about the past years	510
<i>"I know you will like my wishes..."</i>	512
<i>N.I. Degtyareva.</i> "I am bowing down before your grandeur..."	513
<i>A.V. Kaurov.</i> The word about Dubinin	514
<i>V.V. Asnovich.</i> "I am proud of having known you..."	517
<i>E.D. Godnev.</i> Samara in summer	518
<i>R.G. Zhordaniya.</i> In memory of academician N.P. Dubinin	519
<i>N.N. Vorontsov.</i> "I always remembered and will remember..."	521
<i>I.D. Anikeyeva.</i> In the Laboratory of Radiation Genetics	522
<i>N.D. Tarasenko.</i> Benevolence and optimism of Nikolai Petrovich Dubinin	525
<i>E.N. Vaulina.</i> The unforgettable remembrances	533
<i>G.G. Poroshenko.</i> The place of N.P. Dubinin in my life	538
<i>A.P. Pehov.</i> Remembering N.P. Dubinin	543
<i>A.P. Akifiev.</i> About Nikolai Petrovich Dubinin	544
<i>"To my friend N.P. Du..."</i>	552
<i>T.A. Lezhava.</i> One of the leading geneticists of the world	553
<i>V.G. Shakhbazov.</i> The remembrances of academician N.P. Dubinin	554
<i>"Thoughts of a fisherman"</i>	556
<i>U. Alekperov.</i> To the memory of the teacher	558
<i>"Victims of science"</i>	564
<i>B. Volodin.</i> Those who did not disarm	566
<i>A.K. Ergashev.</i> One of the multinational family of graduate students	567
<i>V. Gubarev.</i> The genetical barrier	570

V. Gubarev. Formula of life	573
G.L. Pospelov. "I admire your swing..."	574
S. Vinokurova. The price of heredity	574
L. Kokin. The swing of Nikolai Dubinin	579
T.A. Dzhokhadze. The teacher in memories of a graduate student from Georgia	600
A.C. Shanazarova. In memory of the teacher	601
O. Dryanovska. The place of the art in the creative world of academician N.P. Dubinin	603
G. Demchuk. "I'll quietly pick up the flowers..."	605
B. Volkov, B. Keler. In perpetual motion	605
N. Ivanov. "You came into this world in the peak of winter..."	613
A. Mostovschikov. Devotion to the business you serve	614
"On a frosty winter day..."	615
A.A. Prozorov. "...I can better see ... from here..."	616
L. Sychev. "I am very glad that the idea of this action..."	616
"Nikolai Petrovich, you wrote..."	617
G. Kuznetsov. The heroes of "Our biography"	617
V.N. Lysikov. With the geneticists of Moldova	618
"On behalf of Mestkom let me wish you..."	620
A.K. Butorina. Academician N.P. Dubinin in the eyes of the citizens of Voronezh	621
P.I. Mikhailov. Remembrances of Academician N.P. Dubinin	623
"It is hard to believe and hard to accept..."	623
Basov. Telegram.....	624
V.N. Kudryavtsev. A geneticist among lawyers	624
"Happy Birthday! Nikolai Petrovich!"	625
"You are neither Botvinnik, nor Smislov..."	626
S. Grodzensky. Academician against computer	626
S. Grodzensky. A scientist's view of a game	628
E. Leontyeva. Faithfulness to the truth, faithfulness to oneself	629
L. Vinnikova. We want all troubles to go away..."	634
R. Mikhailov. Of the same age as genetics	634
"Our life ... how many different things in it..."	637
Sh. Muladzhanov. Genetics without miracles	638
"Eight tens and one..."	640
The address of the Bulgarian scientists on the 80-th birthday	640
V.Ya. Savenkov. Meetings with Nikolai Petrovich Dubinin	641
From congratulations on the 90 th birthday	642
"Today to you from Kishinev"	644
And all this about him...	644
L.G. Dubinina. The life lived as one breath	652

CHAPTER 6

IN MEMORY OF A SCIENTIST

<i>V.K. Shumny, I.F. Zhimulev. To the memory of Nikolai Petrovich Dubinin</i>	674
Condolences	675
Arrangements for the 95 th birthday of academician Dubinin	680
Academician N.P. Dubinin's memorial museum	682
<i>O. Dryanovska. The conscience and pride of Soviet genetics</i>	683
Notable dates in the life and activity of academician N.P. Dubinin	685
Recognition N.P. Dubinin in his country	695
International recognition of N.P. Dubinin	699

SUPPLEMENTS

Reports and speeches of N.P. Dubinin at the meetings of the genetic colloquium of the Institute of Experimental Biology in the period from 1932 to 1948	705
Some speeches of N.P. Dubinin in the period from 1954 to 1966	709
About the organization of the Novosibirsk State University	711
The structure and main areas of research performed by the structural units of the Institute of General Genetics of the USSR AS	713
Measures on the siting of the Institute of General Genetics of the USSR AS	715
On the measures undertaken by the Institute of General Genetics for the organization of the experimental facilities	715
Abbreviations	718
Names index	721

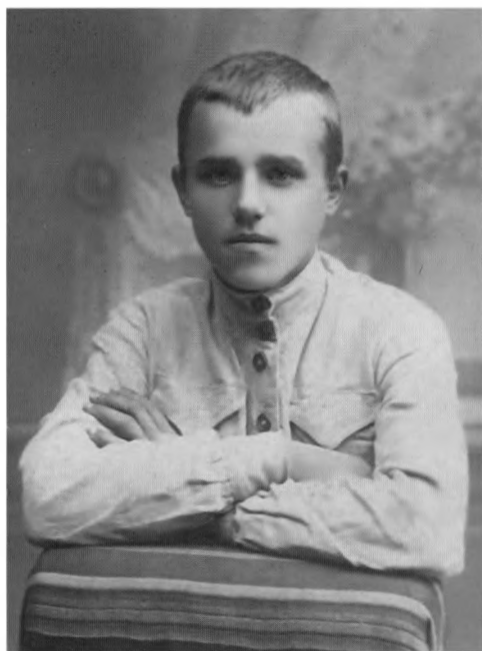
Отец Н.П. Дубинина –
Петр Федорович Дубинин
(1873–1918), минер
русского флота, за отвагу
в русско-японской войне
награжден Георгиевским
крестом, расстрелян в 1918 г.
1913 год

Мать Н.П. Дубинина –
Анна Герасимовна Дубинина
(ур. Журавлева)
(1885–1977). 1913 год

Воспитанники детского дома в Жиздре. Коля Дубинин стоит во втором ряду, крайний слева.
Сзади, в центре, воспитатель Иван Брынцев. 1922 год

Школьные годы

Н. Дубинин – студент МГУ, ассистент
Московского зоотехнического института.
1927 год

Группа студентов Московского государственного университета.
В центре один из учителей Н. Дубинина – С.С. Четвериков, справа от него, в третьем ряду, Н. Дубинин

В лаборатории
А.С. Серебровского
в Московском зоотехническом
институте. Слева направо:
А.С. Серебровский,
Н.П. Дубинин, Е.Т. Васина-
Попова

Н.П. Дубинин,
1930-е годы

В Институте экспериментальной биологии, 1930-е годы. “Челюскинская бригада” по изучению гигантских хромосом у дрозофилы, слева направо: В.В. Сахаров, Г.Г. Тиняков, Н.П. Дубинин, Н.Н. Соколов

Н.П. Дубинин за просмотром экспериментального материала. 1930-е годы

Алло? Да, да... Встретимся на корте.
В ИЭБ. 1930-е годы

Участники Республиканской методологической конференции по генетике в Одессе (май, 1932 г.). В первом ряду сидят слева направо: четвертый Н.П. Дубинин, пятый А.А. Сапегин, шестой В.Л. Рыжков, восьмой Т.Д. Лысенко, девятый И.М. Поляков.

ПИСАТЕЛЬ
НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

ПАРАШЮТИСТКА
НИНА КАМНЕВА

ГЕНЕТИК
НИКОЛАЙ ДУБИНИН¹

ГРОССМЕЙСТЕР
МИХАИЛ БОТВИННИК

ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НИКОЛАЙ КАМАНИН

ЗВЕНЬЕВАЯ
МАРИЯ ДЕМЧЕНКО

МАШИНИСТ
ПЕТР КРИВОНОС

ТКАЧИХА
ДУСЯ ВИНОГРАДОВА

Воспитанники комсомола 1930-х гг.
Из рубрики "Их знает весь мир" газеты "Вечерняя Москва". 9 апреля 1936 г.

¹ Что писала газета о генетике Н.П. Дубинине см. с. 477.

Н.П. Дубинин. 1940-е годы

ЛЕКТОРИЙ

Саратовского
Государственного Университета
им. Н. Г. Чернышевского

Саратов. Университетская, 42, корпус III—Научная Библиотека

2, 3 и 4 ОКТЯБРЯ

СОСТОЯТСЯ ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА

Н. П. ДУБИНИНА

Зав. лабораторией цитогенетики Академии Наук СССР

2 октября: **ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕТИКИ**

3 октября: **ТЕОРИЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ В ТРУДАХ И. В. МИЧУРИНА**

4 октября: **ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ В СВЕТЕ ГЕНЕТИКИ**

Лекции состоятся в 1 корпусе Университета

в 5 час. дня

ВХОД СВОБОДНЫЙ.

**В комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения
после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Урал, 1948–1954 годы. Н.П. Дубинин**

**Н.П. Дубинин и лаборант Т.Я. Гроздова в экспедиции.
Урал. 1950-е годы**

Н.П. Дубинин
с экспериментальным материалом.
Урал. 1950-е годы

Н.П. Дубинин – заядлый рыбак.
Урал. 1950-е годы

Первое помещение Лаборатории радиационной генетики Института биофизики АН СССР, располагавшееся на ул. Вавилова в Москве и полученное Н.П. Дубининым в 1956 году

Н.П. Дубинин с сотрудниками лаборатории.
Слева направо: Л.Г. Дубинина, Б.Н. Сидоров, Я.Л. Глембоцкий, Н.Н. Соколов, М.А. Арсеньева,
В.В. Сахаров и др.

**Н.П. Дубинин, М.Л. Бельговский,
В.В. Хвостова, Ю.С. Бочаров,
Н.Л. Делоне около помещения
Лаборатории радиационной
генетики. 1950–1960-е годы**

**Я.Л. Глембоцкий, Н.П. Дубинин
в Сухуми. 1962 год**

Торжественный ужин

на ученом совете Сибирского филиала АН СССР по биологическим проблемам

22 мая 1958 г.

22 мая 1958 г.

И	Фаминин И. С.	Военная и мирная
н/н		патенты
1	Миротина П. П.	Заб. лабор. и-та Ветеринарии
2	Ильинский П. К.	Заб. инж. и-та Ленинского
3	Терсинаков А. И.	Директор Ташк. ЗСФАН
4	Ковалев Р. В.	Фунд. зав. и-та Ветеринарии
5	Петров Д. Ф.	Инт. инж. и-та Ветеринарии
6	Плохинский И. Ф.	Зав. лабор. ЦИУТ
7	Владелец Н. М.	Зав. кар. биол. Новосибир.
8	Белзев Д. И.	Мед. ин-та
9	Овсянников А. И.	Зав. отд. микр. биол. Ленинск
10	Кушнина Л. В.	Новосиб. ин-та Ветеринарии
11	Мочалов М. Т.	Зав. инж. и-та Ветеринарии
12	Борисов И. В.	Зав. инж. и-та Ветеринарии
13	Лежков И. М.	Секретарь Института
14	Сотав В. Д.	Директор Новосибирского СХИ
15	Соболевская Р. А.	Уч. корр. АН СССР
16	Силкин М. О.	Мир. инж. Сиб. Зап. Сиб.
17	Залеский Д.	Директор Сиб. ин-та микробиологии
18	Стрелов В.	Директор Новосибирского Института
19	Журавлев	Инж. биол. и-та ЗСФАН СССР
20		Инж. Числов и Ленинск
		СО АН СССР, Новосибирск

С.А. Христианович,
академик,
директор Института
прикладной
механики

А.А. Трофимук,
академик,
директор Института
геологии
и геофизики

И.С. Рожков, доктор
геолого-
минералогических
наук, председатель
Президиума
Якутского филиала

В.Т. Быков, доктор
химических наук,
председатель
Президиума
Дальневосточного
филиала

Т.Ф. Горбачев,
член-корреспондент
АН СССР,
председатель
Президиума
Западно-Сибирского
филиала

Н.П. Дубинин,
член-корреспондент
АН СССР,
директор Института
цитологии
и генетики

Г.А. Хельквист,
член-корреспондент
АН СССР, директор
Сахалинского
комплексного
научно-
исследовательского
института

Руководители филиалов и научных учреждений Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск. 1958 г.

Меневе 8. IX. 58

HOTEL METROPOLE

GENEVE (Suisse)

TEL. (022) 54 73 00

Александр Петрович

Дядя Александр

Сестрички - у вас в Париже и в Лондоне
и в Нью-Йорке. Как вы себя чувствуете?
Вам нравится ли жить в Париже?

Ваша жена и дети в Париже?
Ваша работа в Париже?

Ваша работа в Париже?
Ваша работа в Париже?

А. Фикс (Брюссель)

Хантлей Эванс

Роберт Тейлор

Херберт Тейлор

M.S. Swaminathan (Chennai, India)

New Delhi, India

А.К. Густависа (АКЕ ГУСТАВИСА)

Б. Форд / А.К. Густависа

Dear Mr. Dubinin! I enjoy really to
tell you that in the last year we
have really been able to control by
imitation traits of practical

importance. Always yours
The Swaminathan
М.С. Свамианатан
не совсем так, а мы пишем
Вашим генетикам. Спасибо за ваше письмо.

It is exciting to be living at a time and in
an age when we are beginning to know how
genes duplicate and how chromosomes are actually
synthesized. With you we have to participate
in the discussions on these new developments...
... I have admired your work a great deal and
hope some day that we may meet. There is
wishing for this rebirth of your leadership!!
advancement of genetics with your leadership!

It was a most exciting experience to hear
the presentation of your paper. It shall look
forward to an opportunity in the near future
to meet and learn from you. M.S. Swaminathan

With the hope my sincere compliments and good
wishes go to you and your family.
I hope to see you in the near future.
M.S. Swaminathan
Always yours
M.S. Swaminathan

Приветствие Н.П. Дубинину от ведущих генетиков мира - участников 2-й Международной конференции по мирному использованию атомной энергии. Женевы, 1958 год

слева направо: второй – Д.К. Беляев, Р.И. Салганик, Н.П. Дубинин – директор Института цитологии и генетики,
Н.Н. Соколов, Б.Н. Сидоров, Н.А. Плохинский. Новосибирск, 1958 год

Н.П. Дубинин, 1960-е годы,
Сухуми

Н.П. Дубинин в Сухумском
обезьяньем питомнике
при проведении работ
по радиационной генетике
обезьян 1962 год

**В Институте общей генетики (ИОГен).
Н.П. Дубинин за рабочим столом в кабинете. 1970-е годы**

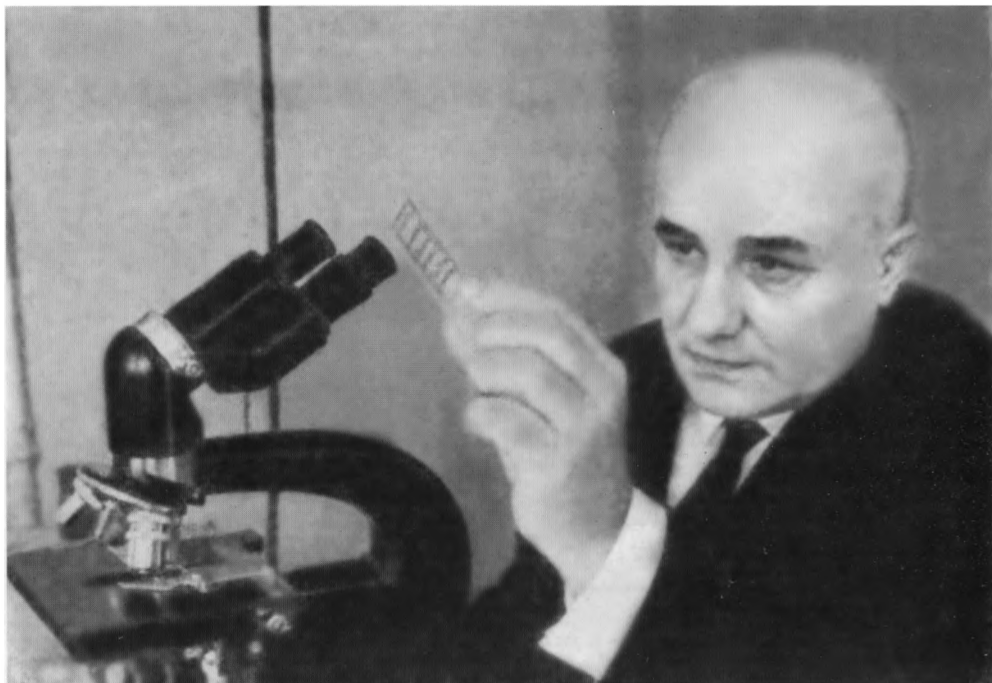
Ученый секретарь ИОГен М.Г. Чумак и Н.П. Дубинин

Заместитель директора ИОГен Ю.П. Алтухов и Н.П. Дубинин

Референт Э.И. Максименко, Н.П. Дубинин, сзади – генетик из Грузии В. Мдивани

Н.П. Дубинин в лаборатории,
просмотр препаратов

Н.П. Дубинин, аспирант
из Вьетнама Нгуен Хыу Донг
и лаборант И.В. Волкова

Н.П. Дубинин в Президиуме
Международного симпозиума
в честь 100-летия
открытия Г. Менделем
законов наследственности
(третий слева).
Чехословакия, 1965 год

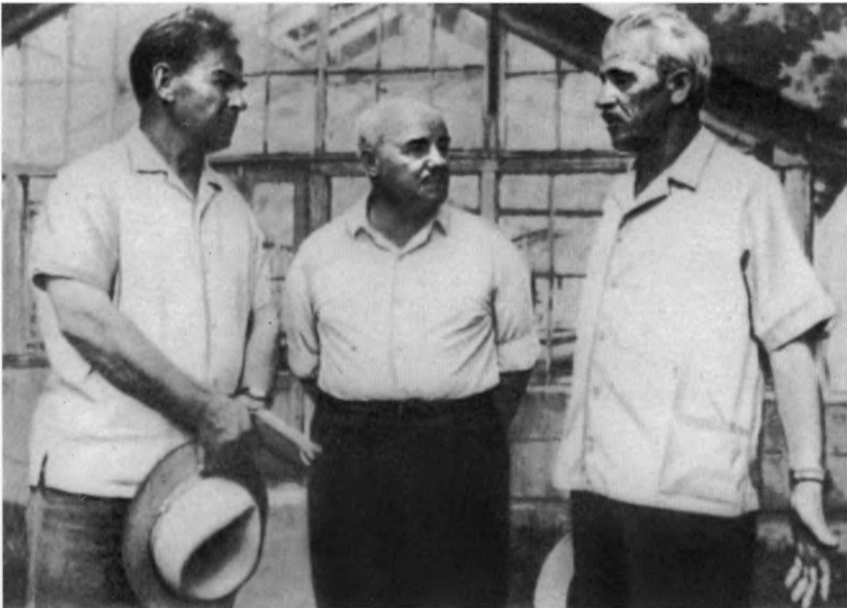
У памятника Г. Менделю.
Чехословакия, г. Брно, 1965 год

После вручения Ленинской премии.
Н.П. Дубинин, слева его жена Л.Г. Дубинина, сзади Э.Н. Ваулина.
Кремль, 1966 год

Знакомство с генетическими лабораториями США по приглашению Общества генетиков. Слева направо: Каспари (США), С.И. Алиханян, Д.К. Беляев, Н.П. Дубинин, Б.Л. Астауров (сидит). США, Стэнфордский университет, 1967 год

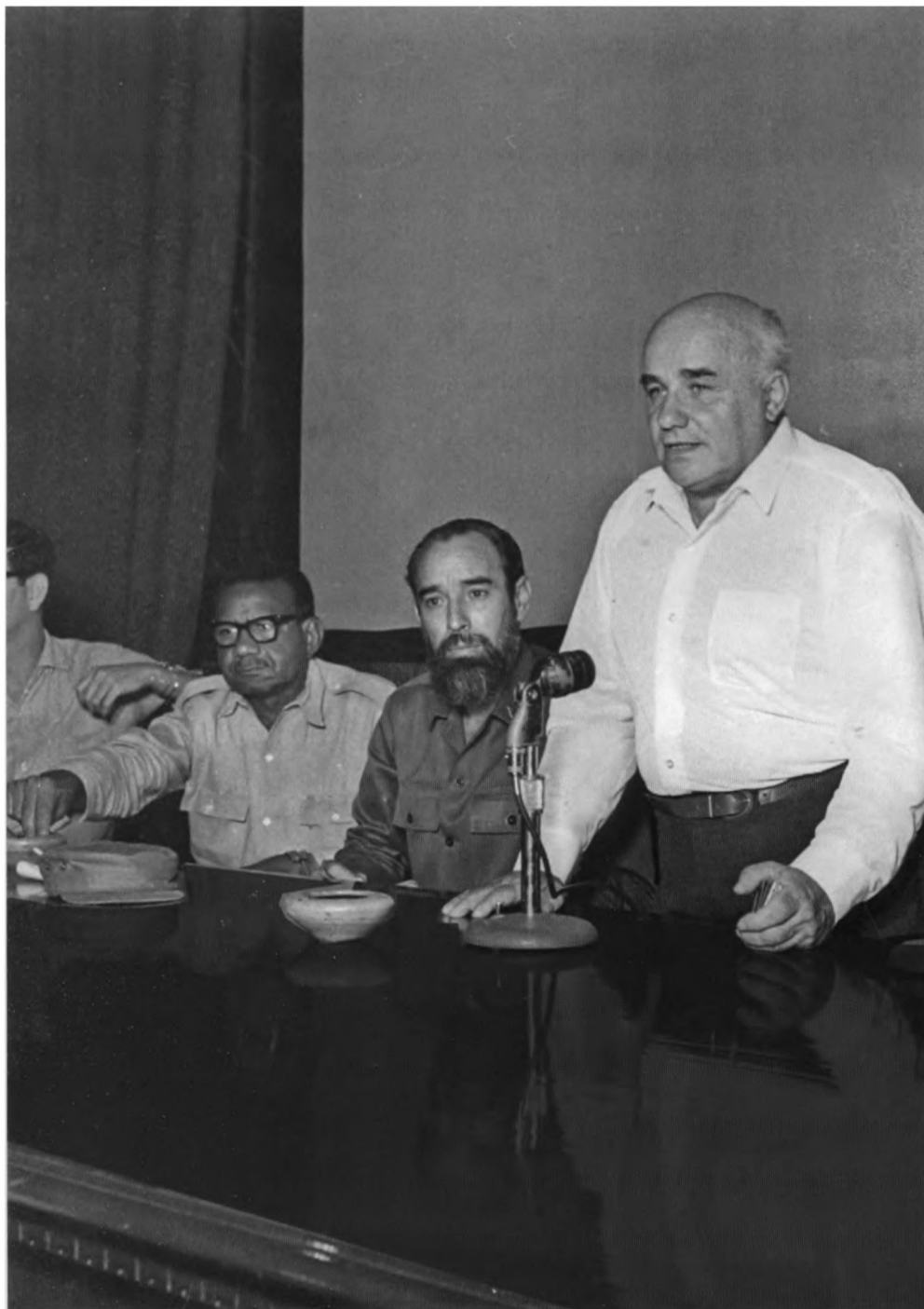
После осмотра теплиц в Одесском селекционно-генетическом институте. Справа налево: П.Ф. Гаркавий, председатель Научного совета по генетике и селекции Н.П. Дубинин, Ф.Г. Кириченко. Июль, 1967 год

На XII Международном конгрессе по генетике. Группа советских ученых после заседания симпозиума по космической генетике. Слева направо: В.Г. Шахбазов (Харьков), третий – М. Микаэлов (Баку), Э.Н. Ваулина, Н.П. Дубинин, И.М. Ахунд-заде (Баку), Г.З. Бияшев (Алма-Ата), А. Ахунд-заде (Баку), Л.Г. Дубинина. Япония, Токио. 1968 год

I конгресс по генетике Института животноводства Кубы. На животноводческой ферме национального центра по генетике Фидель Кастро показывает Н.П. Дубинину (справа третий), Л.К. Эрнсту (справа четвертый) и другим журнал записей племенных животных. Куба, 1969 г.

Н.П. Дубинин выступает на общем собрании Национальной Академии наук Кубы.
В центре – президент Академии Кубы Нуньес Хименес. 1969 год

**Н.П. Дубинин с великолепными букетами, которыми приветствовали в Индии.
1969 год**

**Николай Петрович и Лидия Георгиевна Дубинины по дороге из Агры в Дели.
Индия, 1969 год**

Выступление Н.П. Дубинина на заседании, посвященном открытию первых Четвериковских чтений в Горьковском государственном университете. 1969 год

В президиуме международного симпозиума по молекулярной генетике в Институте общей генетики АН СССР (1–5 июня 1970 г.). Слева направо: И.А. Рапопорт, Д.М. Гольдфарб, академик А.Н. Белозерский, академик Н.П. Дубинин, академики АМН СССР: Л.О. Бадалян, В.М. Жданов

Н.П. Дубинин среди делегатов II съезда Молдавского общества генетиков и селекционеров.
Кишинев, 1971 год

На Учредительном съезде Философского общества СССР выступает председатель Оргкомитета вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев.
Слева направо: президент Философского общества, академик Ф.В. Константинов; ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС М.Т. Иовчук; Президент Академии педагогических наук СССР В.Н. Столетов; заведующий отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников; член Президиума АН СССР, академик М.Н. Жаворонков; вице-президент Философского общества, академик М.Б. Митин, вице-президент АН СССР, академик М.Д. Миллионщиков; министр высшего и среднего образования В.П. Елютин; академик Н.П. Дубинин; последний – академик П.К. Анохин. Москва, декабрь 1971 года

На заседании методологического семинара в Институте общей генетики.
 Докладывает руководитель семинара Н.П. Дубинин. Слева направо: член-корреспондент
 ВАСХНИЛ, директор Института животноводства Л.К. Эрнст, профессор Д.М. Гольдфарб,
 главный редактор журнала "Вопросы философии" И.Т. Фролов,
 академик П.К. Анохин и др. 1972 год

В Президиуме Первого индо-советского симпозиума по генетике.
 Второй справа – Президент индийской Национальной академии наук Б.Р. Сешакхар,
 третий – Н.П. Дубинин. Дели. Ноябрь 1972 года

Советская делегация на встрече советско-американской комиссии по эффектам загрязнения среды.
Вашингтон, 1973 год

Н.П. Дубинин в США.
1973 год

Н.П. Дубинин, Р. Саскинд
(второй слева). США,
Цинцинати, 1973 год

Советско-американское сотрудничество в области охраны окружающей среды.
Слева направо: Д. Ролл, сопредседатель проекта с американской стороны, Е.И. Корневская,
Л.Г. Дубинина, сопредседатель проекта с советской стороны – Н.П. Дубинин, Ф. де Серрес;
второй ряд – американские ученые. США, 1973 год

Слева направо: председатель секции генетических аспектов проблемы "Человек и биосфера"
Н.П. Дубинин, ученый секретарь секции Р.И. Хильчевская, У.К. Алекперов (Баку),
Р.К. Лекавичюс (Вильнюс) с американскими коллегами. США, 1970-е годы

Объединенная научная сессия АН СССР и ВАСХНИЛ, посвященная вопросам борьбы с засухой и обеспечения дальнейшего роста сельскохозяйственного производства (Москва, 31 января – 3 февраля 1973 г.). Слева направо: академики АН СССР Ю.А. Овчинников, Н.В. Цицин, А.Л. Курсанов, Н.П. Дубинин, Е.К. Федоров и почетный академик ВАСХНИЛ Т.С. Мальцев. 1973 год

А.И. Панин
(псевдоним А. Панпушкин),
профессор,
автор стихотворных посвящений
Н.П. Дубинину

Н. П. Дубинин

Целиком последствием от загрязнения
среды мутагенами.

Среди агентов загрязнения
среды окружающей человека и среды
его обитания биологический фактор
и его так называемые мутагены
дрогими веществами, радиацией
вещества и другие агенты среды окружающей
человека и окружающую среду.
ДНК содержится в ядрах клеток. ^{в ядре}
~~материнская ДНК и отцовская ДНК~~
материнская ДНК ^{от матери} передается с материнской
цитоплазмой, отцовская ДНК ^{от отца} передается с отцовской
спермой. (Нуклеиновые кислоты и белки
в ядре) ^{в ядре} мутации мутации
молекулы ДНК в ядре к рождению
дети в ядрах мутации
дефектов. Если нуклеиновые
молекулы ДНК ^{ядра} ~~ядра~~ ^(сохраняют)
клетки тела человека ^{ядро}
возникает рак, укорачивается продолжительность
жизни и другие дефекты. Мутации
вещества в среде мутагенов

Читательская конференция по обсуждению книги Н.П. Дубинина "Вечное движение".
Киев, 1974 год

За автографом.

Выступление Н.П. Дубинина
на читательской конференции.
Киев, 1974 год

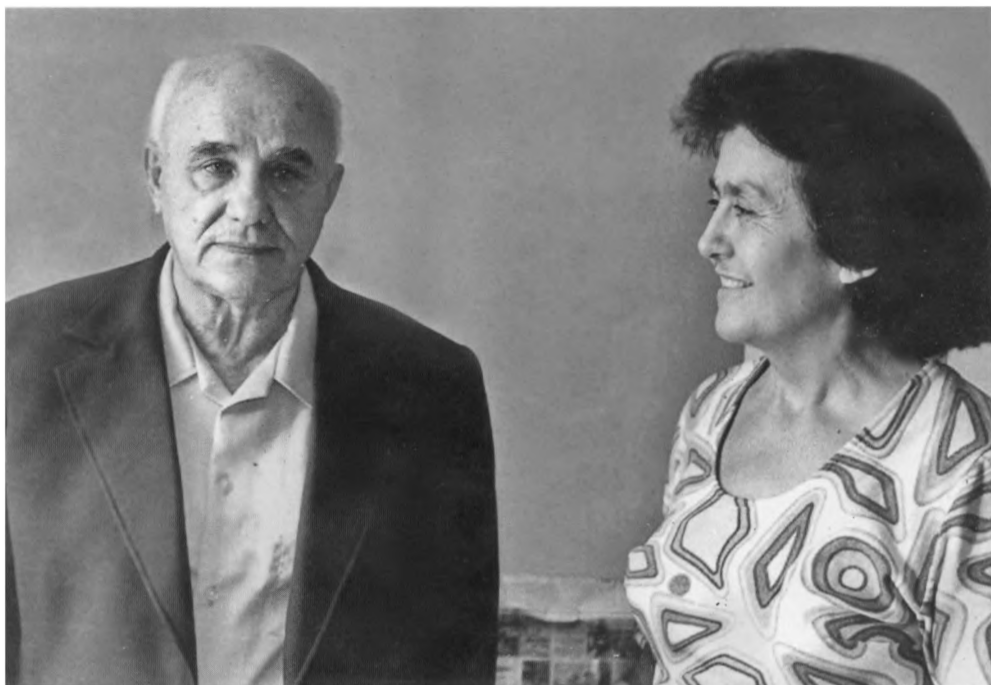
Н.П. Дубинин с коллегами.
Г.М. Папалашвили (Грузия)

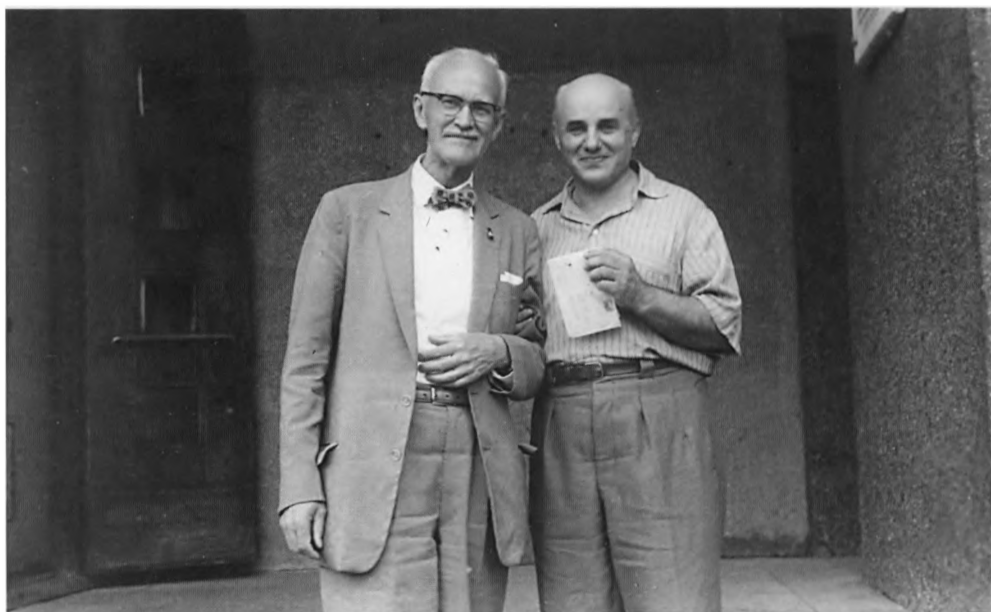
С академиком Абдуллаевым,
директором Института
биологии развития растений.
(Узбекистан)

С армянскими генетиками во время съезда генетиков Армении у Вечного огня.
Справа налево: А.А. Рухкян (президент Армянского общества генетиков и селекционеров),
Н.П. Дубинин, Г.Г. Батикян, А.А. Чилингарян. Октябрь, 1969 год

С болгарским профессором О.А. Дряновска.
Болгария, София, 1972 год

Встреча Н.П. Дубинина с А. Стертевантом, одним из основателей
хромосомной теории наследственности. США, Вудсхол, 1967 год

**Группа ученых и сотрудников Академии наук СССР и академий наук союзных республик
в г. Фрунзе, 31 мая 1975 г. В центре – академик Ю.А. Овчинников,
второй справа Н.П. Дубинин**

В Президиуме Академии наук СССР на встрече с представителями Демократической Республики Вьетнам. Слева направо: академик Я.В. Пейве, Президент Академии наук СССР М.В. Келдыш, Н.П. Дубинин, А.П. Сагоян, представители ДРВ, академик Б.П. Константинов

Н.П. Дубинин на заседании правления Агентства печати "Новости". За столом – академик В.В. Парин, стоит – заместитель председателя правления АПН В.Н. Зайчиков. Москва, 1970 год

III советско-американский симпозиум, посвященный проблемам мутагенов среды.
Слева направо:
Ф. де Серрес (США),
Н.П. Дубинин, Г.А. Алиев
(Душанбе). Душанбе,
6-8 апреля 1976 года

Н.П. Дубинин, М. Уотерс (США),
В.Д. Филиппов. США, 1976 год

У советско-американский симпозиум по мутагенам среды.
Слева направо: Ю.П. Алтухов, Р. Паингер (США), Н.П. Дубинин. Баку, 1978 год

Выступление главного редактора журнала "Техника – молодежи"
В.Д. Захарченко на юбилее Н.П. Дубинина. 1977 год

Н.П. Дубинин и академик О.Г. Газенко. 1977 год

Профессор А.П. Пехов
вручает Н.П. Дубинину
поздравительный адрес.
1977 год

Выступление Н.П. Дубинина
на своем юбилее. 1977 год

На 60-летнем юбилее полковника И.П. Мудрагея,
председателя Совета по детским домам. 19 октября 1974 года. Сидят: крайний слева
Н.П. Дубинин, третий – И.П. Мудрагей

Открытие в Вильнюсе дней науки Черемушкинского района Москвы, посвященных
60-летию Октября. Делегация ученых, возглавляемая директором Института общей
генетики Академии наук СССР: В. Золотухин, Г. Гранник, А. Сомсонов, Э. Трахтенгерц,
О. Грицын, И. Бестужев-Лада, М. Валуцкене. 1977 год

Н.П. Дубинин на заводе “Эльфа”. Вильнюс, 1977 год

Выступление Н.П. Дубинина на девятой сессии “Место и роль философии и наук в современном мире”. Болгария, Варна, 5–10 июня 1978 года

На XIV Международном генетическом конгрессе. Справа налево: академик Н.В. Ремесло, академик Н.П. Дубинин, академик Н.В. Цицин с делегатами конгресса

Н.П. Дубинин с иностранными коллегами на XIV Международном генетическом конгрессе. Москва, 1978 год

Н.П. Дубинин на встрече с космонавтами. Второй слева – Ю. Глазков, четвертый – В.И. Севастьянов.
Москва, 1970-е – 1980-е годы

Н.П. Дубинин на праздничном “Голубом огоньке”.
Справа В.М. Леонтьева, 1977 год

В Институте генетики Молдавской академии наук.
Слева – президент Молд. АН, директор Института академик А.А. Жученко, Н.П. Дубинин
и иностранные коллеги

Выступление Н.П. Дубинина с научным докладом перед студентами и аспирантами сельскохозяйственного факультета
Университета дружбы народов. Москва, 1979 год

**Н.П. Дубинин на приеме у Первого секретаря ЦК Монгольской НРП,
Председателя Президиума Великого Хурала Ю. Цеденбала. Улан-Батор, 1979 год**

**Открытие лаборатории генетики в Институте общей и экспериментальной биологии
Монгольской академии наук. Улан-Батор, 1979 год**

Выездное заседание секции генетических аспектов проблемы "Человек и биосфера".
Свердловск, октябрь, 1977 год

Члены секции "Человек и биосфера" – в центре: Н.П. Дубинин, вокруг него слева направо: Л.В. Чопикашвили, В.А. Шевченко, А.Я. Алексеенко, Р.К. Лекавичюс; справа, первый ряд: академик Г.Э. Бияшев. Среди участников секции: Л.М. Фонштейн, В.В. Павленко, А. Сартаев, Л.И. Крюкова, Л.М. Калинин, Э.Н. Ваулина, Ю. Павлов, К.М. Мамедов, Л.М. Бахитова и др. г. Орджоникидзе, Куртагинское ущелье, июнь 1986 года

Н.П. Дубинин в домашней обстановке. 1970-е годы

С племянницей Ириной Овчинниковой и ее сыном Денисом. 1997 год

Кремль, присвоение звания Героя Социалистического Труда. 1990 год

Н.П. Дубинин принимает поздравления от учеников в связи с 90-летием со дня рождения. Последний раз в своем институте. Справа налево: А. Бигалиев, Г. Нечитайло, Д. Ахундова (крайняя)

Николай Петрович и Лидия Георгиевна Дубинины дома в день рождения. 4 января 1997 года

Бюст Н.П. Дубинина работы скульптора Е.Б. Даревского, установленный в Мемориальном музее-кабинете академика в Институте общей генетики к 95-летию со дня его рождения. 2002 год

Мемориальная доска на здании Института цитологии и генетики СО РАН, установлена в 2004 году

Ради этого стоило жить...

Научное издание

**НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ДУБИНИН
И XX ВЕК**

Современники
о жизни и деятельности.
Письма. Материалы.
Воспоминания

Составители:
Дубинина Лидия Георгиевна,
Овчинникова Ирина Николаевна

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института общей генетики
им. Н.И. Вавилова
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Н.М. Александрова*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Т.А. Печко,*
М.Д. Шерстенникова

Подписано к печати 15.12.2005
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 66,1. Усл.кр.-отт.67,1. Уч.-изд.л.61,0
Тираж 500 экз. Тип. зак. 2389

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН**

Магазины “Книга-почтой”

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru E-mail:
akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

**Магазины “Академкнига” с указанием
буквнистических отделов и “Книга-почтой”**

- 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 3433) 50-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”);
(код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90 akademkniga@krasmail.ru
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; <http://akadkniga.nm.ru> (Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96 (Бук. отдел)
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.);
737-0333, 737-0377 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4;
924-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51;
(код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3833) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект; 4 (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”);
(код 3472) 24-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
akademknigam@mail.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*

ISBN 5-02-033701-3

9 785020 337015

«Ваше эпохальное величие
было бы немыслимо
без простого мужества
и обыкновенной честности:
как немного надо, чтобы победить
даже в таких столь многотрудных
баталиях.»

П.П. Дудочкин, писатель.
Тверь (Калинин)

Медаль

**«За заслуги перед наукой и человечеством»,
присужденная Н.П. Дубинину
Чехословацкой академией наук. 1965 г.
(лицевая и оборотная стороны)**

ISBN 5-02-033701-3

9 785020 337015